МВД России
Санкт-Петербургский университет

Кафедра экономической безопасности
Кафедра финансового учета и контроля

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Материалы
всероссийской научно-практической конференции
3 апреля 2026 года

Санкт-Петербург
2026

План-график 2026, п. 129
План НД 2026, п. 14.раздел III

УДК 338.023
ББК 65.9
Э40

Э40 **Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения** [Электронный ресурс]: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 3 апреля 2026 г. / сост.: В. О. Соболева, П. Э. Хазинурова, М. А. Головинский; — Электрон. дан. (13,1 Мб). — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026. — 1 электрон. опт. диск. — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600 16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-00277-156-1
EDN: PIFXDN

В сборник включены тезисы докладов и выступлений участников всероссийской научно-практической конференции «Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения», организованной кафедрой экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России 3 апреля 2026 года.

В ходе работы конференции обсуждались вопросы национальной безопасности в условиях экономических санкций, экономической безопасности хозяйствующих субъектов, экономической безопасности домашних хозяйств и личности, а также роль органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 338.023
ББК 65.9

Редакционная коллегия:
Литвиненко Александр Николаевич,
доктор экономических наук, профессор;
Шкварок Владимир Михайлович,
кандидат экономических наук, доцент;
Дончевская Людмила Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент;
Гиоев Георгий Вартанович,
доктор экономических наук, доцент;
Логинова Наталья Анатольевна,
доктор экономических наук, доцент
Соболева Владислава Олеговна

ISBN 978-5-00277-156-1

© Санкт-Петербургский университет МВД России, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Алпатов Г. Е.
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПЕРЕХОДА НА НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 24

Аслонов С. М.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН..... 31

Ахмедов Т. Ч.
МАРКЕТПЛЕЙСЫ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 36

Балог М. М.
ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ОРГАНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ..... 44

Батурина Е. В.
МОНИТОРИНГ ДЕТЕНЕВИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ В ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ..... 51

Бозоян С. Р.
СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 58

Борина Л. В.
СУДЕБНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА..... 65

Булгакова М. А.; Козина У. Ю.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА 69

Бушуев И. В.
ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН ОТ ФИНАНСОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА: БАЛАНС ПРОФИЛАКТИКИ И СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ 75

Быков В. Н.
ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ВТОРИЧНОГО ЭФФЕКТА КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 79

Важенина И. В.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ТЕОРИИ БАРРИ БУЗАНА 88

Василенкова Н. В.
РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ 92

Васютина Т. Л.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА 100

Выборный А. Н.; Цветкова Р. О.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ МОНИТОРИНГА
КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В СПОРТИВНОЙ СФЕРЕ 106

Гаврилова Т. В.
КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
КАК ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ:
ПРАВОВАЯ ПРОФИЛАКТИКА И ПРАКТИКА ВЫЯВЛЕНИЯ 111

Гармышева А. А.
ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СИСТЕМЕ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ
В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЕДИНОГО НАЛОГОВОГО СЧЁТА 117

Гетман И. Б.; Панов С. Л.
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В РОССИИ:
АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ 123

Гиоев Г. В.; Казаков А. В.
ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ОБЪЕКТАХ МВД РОССИИ 128

Глущенко А. В.; Кучерова Е. П.
МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА
ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ПОДХОДЫ И МОНИТОРИНГ 138

Головинский М. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ
КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ АНАЛИЗА ОНЛАЙН-БИЗНЕСА 145

Гулямов С. С.; Махмудов А. Ш. угли
МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ
И АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПУТЁМ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ ОРОШЕНИЯ 151

Грачев А. В.
ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СУБЪЕКТАМИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ НЕЗАКОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОНТРАГЕНТОВ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 159

Деда Д. В.
К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА ИГРОВОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 163

Дедюхина Н. В.
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 170

Джойс Э. А.
ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕНСИОННОГО КРИЗИСА 175

Дмитриев Д. В.
СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СТРУКТУР ЭНЕРГЕТИКИ 181

Довгань Е. А.
КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ДОКАЗЫВАНИЯ, МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 188

Дончевская Л. В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫСВОБОЖДЕНИЯ, РЕАЛИЗАЦИИ И СПИСАНИЯ ИМУЩЕСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 193

Дончевская Л. В.; Фролова О. В.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА 200

Дроздов И. С.
ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНДИКАТОР РИСКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 206

Елкин С. Е.; Зотова М. В.
ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ 214

Ельчанинова О. В.
ЦИФРОВЫЕ ДОГОВОРЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ ЛИЧНОСТИ: РИСКИ МОНЕТИЗАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ И ГЕОЛОКАЦИОННЫХ ДАННЫХ 218

Злоказова Ю. В.
ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК ФАКТОР РИСКА ИНВЕСТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ 224

Зотова М. В.
КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ 232

Иванов А. В.
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 237

Кирилюк М. А.
SWOT-АНАЛИЗ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 244

Клусова Е. С.
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТИПОЛОГИИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПО СТЕПЕНИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ 249

Коблова Ю. А.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 255

Корников Р. И.
ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 261

Коротова И. М.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РФ: ОЦЕНКА МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ..... 268

Котляров И. Д.
ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РЕСУРСОВ ПРОТИВНИКА В ИНТЕРЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 273

Кузин Н. Н.; Шубников Ю. Б.
ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ..... 277

Кузнецова Е. И.
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОВ МОНИТОРИНГА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ..... 284

Кукина Т. Е.
ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ И УСТОЙЧИВОСТЬ
В ЭПОХУ САНКЦИЙ 288

Курбанов А. Х.; Серов П. А.
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРОГРАММЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ОБОРОННО-
ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 294

Лантух Э. В.; Гаврилова О. В.
К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ «ЧЕРНОГО ЯЩИКА»,
КАК ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 302

Литичевский Б. В.; Миронова Е. А.
К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РФ
С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ 307

Литвиненко А. Н.
АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ВЫЗОВОВ И МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПЕРМАНЕНТНЫМ САНКЦИЯМ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ 312

Лобанов А. А.
ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О МАЛОМ И СРЕДНЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ В СССР
И РОССИИ: ОТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ
К СИСТЕМНОЙ БОРЬБЕ С ТЕНЕВЫМ СЕКТОРОМ 319

Лобанова М. Е.
СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ 326

Логинова Н. А.
АНАЛИЗ РЫНОЧНОЙ КОНЪЮНКТУРЫ ОНЛАЙН-БИЗНЕСА
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 333

Лозина Ю. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ 343

Лопатин С. А.; Бокарев М. А.
УПРАВЛЕНИЕ ВОДОПОТРЕБЛЕНИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ 349

Лукина О. Н.
ПРОБЛЕМЫ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ
ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ ГОСКОНТРАКТОВ,
КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 361

Лунёв Р. С.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД
В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИКИ ОТ КРИМИНАЛЬНЫХ УГРОЗ 365

Маковская П. Н.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОБЛЕМЫ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ 372

Максуров А. А.
ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 378

Малахаева Ю. А.
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОЦЕНКА ВКЛАДА
В РЕАЛИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ 384

Мамкин А. Н.; Павлович В. О.
МЕТОД КОРРЕКТИРУЮЩИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ЭКОНОМИКО-
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 389

Пак В. А.
К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ
БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 396

Николаенко Д. Н.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО
СРЕДСТВАМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА 403

Озерова Ю. С.
ИГРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК УГРОЗА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 411

Опальский А. П.; Осипенко И. М.
УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ
ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ РИСКОВ 416

Орлова Д. А.
НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ТОВАРОВ И КОНТРАФАКТ
КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА:
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ 424

Очередько В. П.
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА ЭВОЛЮЦИЮ ЦЕННОСТНО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 430

Павлович В. О.
НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИКИ
ОПЕРАТИВНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
В ТОМ ЧИСЛЕ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ 438

Пеньковой В. В.; Королева Л. А.
ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ
КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 448

Плотников В. А.; Холдоенко А. М.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: УГРОЗЫ
И РИСКИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ..... 456

Поляков Д. А.
МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ
VALUE FOR MONEY И LIFE CYCLE COSTING 463

Радыгин Е. В.
ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ..... 469

Рахлина Л. В.
РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА..... 477

Редкоус В. М.
О МЕРАХ ПО ВНЕДРЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПРОЗРАЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕНОЙ»
ЭКОНОМИКЕ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)..... 485

Родичева М. В.
О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИЗНАНИЯ РИСКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ,
ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ 491

Романченко Н. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
С 2011 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ 496

Россошик С. Л.
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
БЮДЖЕТНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ:
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ПРЕВЕНЦИЯ, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ..... 504

Рябокон О. В.
ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕЗАКОННОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ФОРМЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ 511

Самойлова Л. К.
ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
КАК МАТЕРИАЛЬНЫЙ БАЗИС ПРОЦЕССОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ АКТОРОВ 515

Сардак Д. Б.
СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫПЛАТЫ И ПОСОБИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ:
ПРАВОВЫЕ РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ
И СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ 524

Сидоренко А. С.
ОТ УЯЗВИМОСТИ К УСТОЙЧИВОСТИ:
ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ
ЧЕРЕЗ ЦИФРОВУЮ ГРАМОТНОСТЬ 530

Сикорская Л. В.
СОДЕРЖАНИЕ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ 537

Смирнова Л. Я.
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 542

Соболева В. О.; Деркач В. А.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ
И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО
В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 550

Совач Д. В.
ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО
КАК ПРЕДМЕТ И СПОСОБ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА 557

Солодова С. В.
СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ МЕР
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ 562

Солодовник В. В.
ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И ЭТАПЫ ПОСТРОЕНИЯ
СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 569

Спиридонов И. А.
КЛАССИФИКАЦИИ НОРМ И НОРМАТИВОВ
В СИСТЕМЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 574

Стрелкова Т. Г.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:
РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 580

Сударушкина Е. М.
РАСХОДЫ БЮДЖЕТА НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И КРИМИНОГЕННАЯ ДИНАМИКА В РОССИИ:
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ 587

Сутягин М. С.
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ОТ ИЗМЕНЕНИЙ НА РОССИЙСКОМ СТРАХОВОМ РЫНКЕ 592

Терентьев В. Н.
КОНЦЕПЦИЯ КОНТРОЛЯ СО СТОРОНЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ЗА ПРОЦЕССОМ ЛЕГАЛИЗАЦИИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ 598

Тимонин И. Е.
МЕТОДЫ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОРТФЕЛЯ ЗАКАЗОВ 605

Толкачева О. П.
МЕХАНИЗМЫ МИНИМИЗАЦИИ
УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ
АДМИНИСТРИРОВАНИИ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД 610

Фалинский И. Ю.
ПОДШИПНИКОВАЯ ОТРАСЛЬ
КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ
ПРЕДПРИЯТИЙ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ 616

Фирова И. П.; Редькина Т. М.
УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ —
АКТУАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ 623

Хазинуров М. Э.
ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ
В ОБЛАСТИ КРИПТОВАЛЮТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 628

Хазинурова П. Э.
РИСКИ В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 637

Феофилова Т. Ю.
МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ОТРАСЛЕЙ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ РФ 642

Халитов О. Ф.
ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 649

Чертков А. С.
БЕЗОПАСНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 658

Шаронов А. Н.; Лопатин С. А.
АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ПРИЦЕПНЫХ КУХОНЬ 666

Шкварок В. М.
ЗАЩИТА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 674

Шохин В. К.
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНДИКАТИВНЫХ СИСТЕМ
В АНАЛИЗЕ ОТМЫВАНИЯ (ЛЕГАЛИЗАЦИИ) ДОХОДОВ 681

Шлюев Н. А.
ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РИСКИ АРКТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ:
РОЛЬ ГЧП И УСТОЙЧИВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 686

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Авилова Д. А.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ЛИЦ ПЕНСИОННОГО И ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА 691

Александрова У. Ю.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ
ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 700

Алексеев А. А.
К ВОПРОСУ
О ПРАКТИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 706

Алексеев А. А.
ФИСКАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 710

Андреев А. А.
ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ 715

Андреев А. А.; Самохина Ю. Е.
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
КАК ВЫЗОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 722

Арустамян А. С.
МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ 729

Архиповский И. Е.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 736

Баев А. М.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 742

Басюбина А. А.
ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ УГРОЗ 748

Белкова Д. Р.; Рудникович М. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ 2022 – 2026 ГГ.
И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ 754

Бердников К. А.
ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 760

Бережных М. А.
ИННОВАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ИНФРАСТРУКТУРА КАЧЕСТВА
В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ РОССИИ 766

Большакова В. С.
ФИНАНСОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 772

Борисова О. Ф.
ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО РУБЛЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРОВЫХ ВАЛЮТ 776

Бостонбаева А. У.
РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ 782

Бочарова А. С.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 786

Вакурова А. Н.; Орлов С. А.
ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ 792

Валуйкина В. А.
РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С КОЛЕБАНИЯМИ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК,
И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ
ОРГАНИЗАЦИИ 799

Варламова А. С.
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
РИСКИ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ НОУ-ХАУ 807

Вдовченко В. И.; Тозик Л. М.
РОЛЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА 813

Векшин Я. В.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК
ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ И САНКЦИЙ 819

Воронин Д. А.
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ 825

Вырасткова В. В.
СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 831

Гарипов Н. Н.
ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 837

Генералов А. А.
ПРОКРАСТИНАЦИЯ
КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ
КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДЫ БОРЬБЫ 844

Глушков К. Е.; Попов Д. А.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ
И СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭКОНОМИКИ 851

Горбачева А. В.
МОШЕННИЧЕСТВО
КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 857

Горбунова П. Р.
ПРОБЛЕМЫ ЛАТЕНТНОСТИ КОРРУПЦИИ
И МЕТОДЫ ЕЁ ВЫЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 861

Горина А. Д.
САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ 867

Грачев А. М.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ 873

Григорьян В. С.
ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ 879

Гурулева К. В.; Яковлева Д. В.
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ИНДИКАТОРОВ 887

Давыдов Н. В.; Вишняк Я. В.
РОЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ
В ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ 893

Демченко И. А.
МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ПРАВОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 898

Джандаров Х. Х.
РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 906

Джойс Г. Р.; Джойс Р. Р.
ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЙДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 910

Дулинец А. К.
ЛОЖНАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ
КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 918

Екимов М. А.
АДМИНИСТРИРОВАНИЕ НДС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ 925

Елямик М. Ю.
МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ ... 929

Жданова Д. Д.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ
КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 935

Жидков Д. И.
БИОМЕТРИЯ КАК ФАКТОР УЯЗВИМОСТИ:
ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ
В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ 941

Жихарев Б. А.; Крупа Э. А.
О ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ, ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ
В ТРАНСГРАНИЧНОМ ВЫВОДЕ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ,
ПОЛУЧЕННЫХ ПУТЕМ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА 949

Заикин Д. А.
НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ
КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 955

Захарова А. С.
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
СЕРВИСОВ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ 962

Захарова М. Е.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ ЭВОЛЮЦИИ УГРОЗ
И ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА 969

Зорин П. С.
АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЗАКРЕДИТОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ 975

Зябкин Д. А.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ 982

Иванов И. Ю.
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ
НА РАЗВИТИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 985

Иванова В. А.
СБАЛАНСИРОВАННАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА, КАК ФАКТОР
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 993

Кайдалов И. А.
МИГРАЦИЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИИ 998

Калайтан Н. И.
ФРОД КАК ФАКТОР УВЕЛИЧЕНИЯ ЗАТРАТ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ 1005

Камаев М. Ф.
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ 1011

Качуро А. С.; Поночевная М. Д.
ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
КРИПТОВАЛЮТЫ И ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ 1015

Кипрушкина П. С.
РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ УГРОЗАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В СФЕРЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ 1023

Кобозов В. О.
СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ 1029

Коваленко Б. Л.
ВЛИЯНИЕ РЫНКА КРИПТОВАЛЮТ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ 1035

Колесова А. И.
РОЛЬ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 1042

Кондрашов С. А.
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ РФ И ИХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ 1048

Кондрова Д. С.
ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА 1054

Константинов К. А.
УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖБАНКОВСКИХ КОММУНИКАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ 1061

Кравченко Е. К.
ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ТУРИСТСКОГО БИЗНЕСА В НОВЫХ РЕГИОНАХ 1067

Крайнов К. С.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЧЁРНОГО МОРЯ) 1073

Криволапова Е. Д.
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 1081

Крон П. А.
ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА:
ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ МАСШТАБОВ 1087

Кузнецов Р. Н.
ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1095

Кузнецова А. Д.
РОЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 1103

Курбанова А. И.
ИНФЛЯЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ЧТО РОССИИ СТОИТ ПЕРЕНЯТЬ ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА
И КАКОВА РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ 1108

Кухаркин Н. Д.
НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ 1114

Кухтинова К. Д.
КРИТЕРИИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТРАХОВЩИКОВ
КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1119

Кучмай К. Д.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1124

Кушнаренко А. В.
СИНХРОНИЗАЦИЯ СИСТЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДОЛГОСРОЧНЫХ
ГИБРИДНЫХ УГРОЗ 1129

Лапшин А. А.
ОСОБЕННОСТИ РАСЧЕТА ПОТРЕБНОСТЕЙ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ
В БЮДЖЕТНЫХ АССИГНОВАНИЯХ НА ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ
КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА 1137

Ласточкина А. В.
ПРАВОВЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РИСКИ
ТЕХНОЛОГИЙ УМНЫХ ГОРОДОВ И ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1144

Лебедева А. Е.
СТАБИЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА
ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ДЕФИЦИТЕ ТЕХНОЛОГИЙ И ФИНАНСОВ 1150

Лехтметс К. С.
НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРИ ПЕРЕУСТУПКЕ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ: АКТУАЛЬНАЯ СХЕМА
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ 1157

Лубенкова П. А.
ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ
ПРЕДПРИЯТИЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
НА ОСНОВЕ СИНТЕЗА УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1162

Мамитько С. А.
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ,
ОКАЗЫВАЮЩЕЕ НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1170

Маринина А. С.
КОНТРОЛЬ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА
ЗА ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИЗ БЮДЖЕТА
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 1175

Маркина О. В.
РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СХЕМАМ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТОКЕНОВ 1182

Мелешко Е. С.; Патапейка И. Д.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ:
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ 1189

Мерзлякова Д. С.
СУДЕБНАЯ БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1194

Миназова А. Р.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВАЛЮТЫ
КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 1200

Михайлин В. А.
ЦИФРОВЫЕ САНКЦИИ
КАК НОВЫЙ ТИП ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ 1206

Мотрук К. К.
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТРИАДА НАЦИОНАЛЬНОГО
СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ..... 1209

Муравейская В. М.
ТЕНЕВОЙ СЕКТОР КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И РОЛЬ ОВД В ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИИ 1215

Муратова М. А.
МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ
ИСКАЖЕНИЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 1221

Неплюева Т. Э.
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА 1225

Овчинникова В. А.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ
ПЛАТЕЖЕЙ, ВЫЗОВЫ ДЛЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ
И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ..... 1232

Озинковский И. Д.
ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В СИСТЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРОЦЕССАМИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ 1239

Омелькина А. Н.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ВЛИЯНИЯ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ
СОВЕРШАЕМЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ 1247

Петрова К. А.
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ МВД РОССИИ 1253

Плясунова Е. В.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ..... 1259

Поляков Д. А.
МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ
VALUE FOR MONEY И LIFE CYCLE COSTING 1265

Попадьина В. А.
МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ
КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1271

Попова И. О.
ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ:
НОВЫЙ ЛАНДШАФТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ 1275

Пушилина А. К.
ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 1279

Романюк Т. А.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ 1287

Рыжова Е. Е.
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ,
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ И УЧЕТА БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ
В ОРГАНАХ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ МВД РОССИИ 1294

Сазанов В. М.
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ВОЛАТИЛЬНОСТИ
И ЦЕНОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 1298

Самохина Ю. Е.
ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ
НА НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ 1303

Смирнова М. А.
ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1310

Соколов С. Д.
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1318

Соколянская В. А.
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА 1325

Спасова Я. Д.
ЭЛАСТИЧНОСТЬ СПРОСА КАК ИНДИКАТОР УГРОЗ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1331

Тимофеев М. А.
РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ 1337

Топорина Ю. А.
ФИКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВУЮЩИЕ СУБЪЕКТЫ
(«ФИРМЫ-ОДНОДНЕВКИ» И «ФИРМЫ-ПРОВОДНИКИ»)
В СИСТЕМЕ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1344

Ушакова А. А.
АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 1352

Файзуллин А. И.
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДРОППЕРОВ,
КАК ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159 УК РФ, НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..... 1358

Фаустов И. Р.
ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ
НА ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 1363

Филатова Е. А.
АНАЛИЗ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1368

Халяпина Д. В.
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК..... 1375

Цабадзе А. Д.
ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ
ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ..... 1380

Чекалова В. В.
АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ,
КАСАЮЩИХСЯ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА
И ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНОВОЙ НАГРУЗКИ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИМ СОСТАВОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ..... 1385

Черевко В. Е.
УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ РОССИИ:
УГРОЗЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ..... 1391

Черявко Е. Д.
КРИПТОВАЛЮТНЫЕ ТРАНЗАКЦИИ В ДАРКНЕТЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБХОДА
СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 1396

Чеснокова А. А.
ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОРРУПЦИИ
В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ 1402

Чеченов А. Р.
ИНФЛЯЦИЯ И ПРОЦЕНТНАЯ ПОЛИТИКА
КАК ФАКТОРЫ РИСКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМ —
ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМ ГОДАХ 1408

Чигрецкая А. А.
МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 1412

Швецов С. Д.
ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ СТАВКИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ НАЛОГОВОМУ РЕЖИМУ
«НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ 1417

Яхутль Л. А.
ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА:
ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ЗАЩИТЫ 1424

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

EDN: MNNKYM

Алпатов Геннадий Евгеньевич
профессор кафедры экономической теории и экономической политики
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
alpatov07@rambler.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПЕРЕХОДА НА НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассмотрены характерные особенности масштабирования моделей искусственного интеллекта и возникшие угрозы, исходящие от самих моделей и их использования. Опираясь на метод исторических аналогий, показано, что массовое внедрение этих моделей должно привести не к массовой безработице, а к перераспределению в сектор услуг. Отмены капитализма не ожидается.
Ключевые слова: искусственный интеллект, экономическая безопасность, рынок труда, сферы занятости, инвестиции в искусственный интеллект.

Модели искусственного интеллекта (ИИ) первоначально создавались исходя из потребности электронного перевода, как языковые модели. В их обучении принимали участие все пользователи, исправляя неудачные переводы на свои языки в корректирующей строке. Сейчас большая языковая модель компании Open AI под названием Chat GPT-4o, выпущенная в 2024 г., на вводе принимает комбинацию текста, изображения и голоса и взаимодействует на 50 языках с помощью искусственного собеседника.

Основным трендом масштабирования стартапов ИИ является, по мнению генерального директора компании Anthropic Д. Амодеи,

«планомерное и неуклонное развитие когнитивных способностей ИИ практически во всех когнитивных навыках» [1]. Одновременно обнаружились и недостатки. Модели ИИ охватывают весь интернет и поэтому при обучении впитывают в себя культурные предпочтения пользователей интернета. Программисты попросту не знают, как осуществляется процесс обучения модели и не могут на него впрямую влиять, что создает возможность использования самими моделями опасных для человечества предпочтений через управление в физическом мире подчиненными моделям роботами.

Уже сейчас кроме моделей чатов для общения и советов, существуют агенты ИИ, заменяющие труд «белых воротничков» и человекоподобные роботы. В 2025 г. сразу 4 технологические компании из США включились в создание роботов. Это Tesla, Amazon, Nvidia и Atoms. Как отмечает газета Washington Post «Создание и обслуживание армий роботов будет стоить дорого, но, в отличие от людей, эти устройства не потребуют зарплаты. Поэтому технологические компании и их инвесторы видят в этом золотую жилу. Физический искусственный интеллект — это самый крупный потенциальный рынок в истории человечества» [2].

Для феномена ИИ мы будем использовать удачное для анализа деление киберугроз. Оно было предложено А. Н. Литвиненко и Л. А. Гузиковой [3]. Угрозы и обеспечение безопасности включают три компонента: физический, информационный и социальный. Соответственно в стране должны быть центры обработки и хранения данных. На их основе создаются программистами и обучаются национальные модели ИИ-чаты, ИИ-агенты, агенты агентов ИИ, совершенствуются социальные средства контроля и государственное законодательство в отношении открытости для контроля.

1. Физический компонент

Для России наибольшую опасность представляет отставание в становлении новой отрасли ИИ.

Таблица 1. Инвестиции в искусственный интеллект, млрд долл. [4]

Страна	2024	2023	2022	2021	2020
США	87,5	51,7	52,8	82,3	53,7
Китай	6,4	5,4	8,0	13,3	5,9
Великобритания	4,1	4,6	4,5	8,7	4,1
Германия	1,6	2,5	3,2	1,75	0,66
Франция	1,4	0,9	1,1	2,0	0,96
Россия	0,001	0,006	0,0	0,21	0,05

Из таблицы 1 видно, что в тройку лидеров по расходам в ИИ входят США, Китай и Великобритания. Пик расходов пришелся на 2021 г. Например, в России они выросли с 52 млн долл. в 2020 до 211 в 2021, или в 4 раза. Введение санкций на физическую составляющую ИИ затем привело к сокращению инвестиций. В ведущих странах Европы инвестиции в ИИ сократились в 2024 (кроме Франции) по отношению к 2023 году. Однако общая тенденция сохраняется, и огромные суммы тратятся на физическую, информационную и социальную составляющие ИИ. В рассматриваемом нами случае угрозы от ИИ могут исходить от отсутствия на территории страны емких центров обработки и хранения данных. Физическое отсутствие этих датацентров ограничивает внедрение информационной составляющей ИИ, т.е. обученных ИИ чатов и ИИ агентов. Например, в России недоступно создание собственных обучаемых моделей, таких, как американские Claude, GPT-4. Приходится обучать бесплатные модели с открытым кодом, связанные с зарубежными датацентрами.

В полупроводниковой индустрии существует специализация. «Американские компании (AMD, Nvidia, Qualcomm) занимаются дизайном чипов, тайваньские — контрактным производством, нидерландская ASML и японская Tokyo Electron — оборудованием, британская Arm — программным обеспечением. В технологиях искусственного интеллекта преимущественно используются чипы, сделанные TSMC» [5]. Их недоступность для России создает угрозу существенного отставания в становлении новой креативной отрасли экономики. Пока ни Китаю, ни России не удается разработать похожее оборудование для производства чипов с аналогичными характеристиками.

Таблица 1 показывает объемы средств, но не их источники, а это для нас ключевой момент для понимания причины недофинансирования физического компонента ИИ в России. В США — это частный капитал IT компаний с огромными бюджетами. Участие федерального правительства США в форме субсидии в 52,7 млрд долл. по Закону о чипах и науке 2022 г. [6] не меняет общий вывод. Частных крупных компаний по производству микросхем у нас нет, что указывает на недостроенность капитализма, на его более раннюю стадию в России, где крупным частным бизнесом являются сырьевые компании. Здесь оправдано ограниченное вмешательство государства для инвестиций в разработку оборудования, критически важного для национальной безопасности, осуществляемое с помощью мегапроектов.

2. Информационный компонент

Угрозы ИИ могут исходить от действий самих моделей и от их преступного использования.

Опасность, исходящая от самопроизвольного развития моделей ИИ:

— Разработчики моделей ИИ не знают, как он создает решения и могут поэтому контролировать ИИ только частично.

— Автономные роботы как оружие, управляемое моделями ИИ.

— На решения ИИ влияют не лучшие образцы идеологических и культурных установок, содержащиеся на просторах интернета.

Опасность использования ИИ против общества:

— Опасность использования ИИ для захвата и удержания политической власти.

— Использования автономных роботов для терроризма.

— Всеобщий контроль поведения населения, исчезновение понятия «Частная жизнь».

Способность ИИ формировать видео образы создает опасность дипфейков. Инструментов авторизации образов недостаточно для защиты. Уже сейчас необходим закон о защите внешности и голоса, аналогичный обсуждаемому сейчас в конгрессе США закону о борьбе с фейками. Закон сделает незаконными неавторизованные копии, созданные ИИ. «Защита внешнего облика человека — это необходимая эволюция правовых норм в XXI веке» [7].

3. Социальный компонент

Опасность ИИ для капиталистической экономики. ИИ — причина неустойчивости занятости населения и социальных конфликтов на почве массовой безработицы.

Существуют два дискуссионных вопроса. Первый, что делать с высвобождаемым населением в результате вытеснения наемных работников роботами и агентами ИИ? По мнению С. Д. Бодрунова, «труд вместе с ростом свободного времени переходит в творческую деятельность, не связанную с трудом (в экономическом или, если угодно, политэкономическом понятии) [8]. Дарио Амадеи считает, что «Нам просто нужно разорвать связь между созданием экономической ценности и самооценкой, и поиском смысла (своего существования)» [1].

Второй вопрос — что будет с капитализмом? Ткаченко Е. А. и Ларионов Е. Е., как и многие другие, прогнозируют «последующий переход к «экономике знаний», где труд перераспределяется в креативные и научные сферы» [9]. Красникова Е. В. воспринимает

NBIC-технологии как «предстающие материальной основой смены способа производства, общественной формации, как таковой» [10]. NBIC-технологии — это нано-, био-, информационные и социальные направления. Первые два направления никак не мешают капитализму и дальше существовать. Информационные отрасли и попытки социальной инженерии вызывают опасение за судьбу населения вследствие бесконтрольного использования ИИ. Мы считаем, что если в России власть не будет в руках новых «социальных инженеров», капиталистическая система хозяйства, дающая простор частной инициативе, будет существовать вплоть до исчерпания ресурсов земли в результате жизнедеятельности людей.

Чтобы определить реакцию занятости на возможное освобождение рабочей силы во всех отраслях вследствие внедрения ИИ, нам нужно подобрать некоторый аналог массовой потери рабочих мест из недавней истории. Он должен отличаться глобальностью в отношении сфер народного хозяйства, т.е. не быть узкоотраслевым. ИИ заменяет труд во всех отраслях, где требуется принятие решений человеком, будь то рабочий, инженер, управляющий, чиновник или человек из сферы искусства.

Согласно принципу исторического подобия, основанному на библейском «Что было, то и будет», аналогом может служить мировой или региональный кризис экономики, ведущий к рецессии в промышленности. Кризис 2008 – 2009 гг. подойдет как аналог для сравнения.

Таблица 2. Доля занятых в промышленности США и России от общего числа занятых, % [11]

	2000	2007	2010	2024	2025
США	22,67	22,02	19,49	19,04	18,91
РФ	29,3	28,85	27,53	25,97	25,83

Из таблицы 2 видно, что, абстрагируясь от различия причин, занятость в промышленности сокращается в США с 22,7 до 19 %. В РФ аналогично с 29 до 26 %. В промышленности США занятость в XXI в снижалась медленно, а именно: с 22,67 до 22,02 % в 2007. Спад 2008 – 2009 гг. привел к падению занятости в промышленности до 19,49 % от общего числа 160 млн занятых, но восстановления затем не произошло и занятость так и оставалась на этом уровне, то поднимаясь, то снижаясь. Наконец в 2025 г. наблюдается своеобразный рекорд снижения до 18,91 % и переток занятости в сферу услуг.

Еще более рельефно тенденция сокращения занятости в промышленности проявилась в РФ в обозначенный выше период для сравнения 1991 – 1998 гг. Системный кризис в России был наиболее тяжелым. Он был обусловлен падением промышленного производства вследствие в т.ч. неимоверных трудностей возврата к капиталистической формации. До сих пор рыночные и политические институты не прошли исторически пройденные развитыми странами этапы капиталистической формации, но острая фаза становления была пройдена к 1998 г. Поэтому у нас есть возможность сопоставить этот период с перспективой внедрения ИИ как в экономику России, так и в работу аппарата государственного управления, т.е. в базис и надстройку.

Таблица 3. Доля занятых в промышленности и сфере услуг от общего числа занятых в России, % [11,12]

	2025	**2024**	**2000**	**1999**	**1998**	**1997**	**1996**	**1991**
Услуги	69,02	68,8	56,49	56,22	59,39	58,03	52,35	45,89
Промышленность	25,83	25,97	29,3	29,06	29,17	30,06	32,67	48,09

Данные таблицы 3 подтверждают тенденцию кризиса 2008 – 09 гг. Происходит переток из промышленности в сферу услуг. Сфере услуг выросла по численности занятых с 46 % в 1991 году до 69 % в 2025.

Таким образом, можно прогнозировать, что широкое внедрение ИИ также лишь расширит сферу услуг и не вызовет массовую безработицу. Но есть условия. Этот переток возможен, если государство будет поддерживать творческие силы народа, способствовать созданию крупного бизнеса в сфере ИИ и совершенствовать законодательство в отношение злоупотреблений ИИ.

Список литературы:

1. Дарио Амодеи. Подростковый возраст технологий. Противодействие мощному искусственному интеллекту и преодоление связанных с ним рисков. Январь 2026 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.darioamodei.com/essay/the-adolescence-of-technology (дата обращения: 15.03.2026).

2. У Маска есть план, как сделать человеческий труд ненужным. К нему присоединяются миллиардеры [Электронный ресурс] // URL: https://www.washingtonpost.com/technology/2026/03/27/musk-optimus-robot-physical-ai/ (дата обращения: 28.03.2026).

3. Литвиненко А. И., Гузикова Л. А. Проблемы и противоречия системы противодействия кибермошенничеству в условиях цифровизации экономики. // Экономическое возрождение России. 2026. № 1(87). С.162. DOI: 10/3/37930/1990-9780-2026-1-87-153-175.

4. Инвестиции в Искусственный Интеллект / Россия / Исходящие раскрытые инвестиции. // Emerging tehnology observatory/ [Электронный ресурс] // URL: https://statbase.ru/datasets/science-and-education/investment-activity-in-artificial-ntelligence/ (дата обращения: 22.03.2026).

5. Силиконовый остров [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6552310 (дата обращения: 25.03.2026).

6. HR4346 — Chips and Science Act 117th Congress (2021 – 2022) [Электронный ресурс] // URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text (дата обращения: 25.03.2026).

7. Миллер Л. В эпоху искусственного интеллекта ваша цифровая личность нуждается в защите [Электронный ресурс] // URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2026/03/27/deepfake-youtube-likeness-rights/ (дата обращения: 28.03.2026).

8. Бодрунов С. Д. Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества // Экономическое возрождение России. 2025. № 2(84). DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-5-20.

9. Ткаченко Е. А., Ларионов Е. Е. Технологии шестого уклада и будущее труда // Экономическое возрождение России.2026. № 1 (87). DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-65-81.

10. Красникова Е. В. Исчерпание потенциала индустриально-капиталистического развития как исходной предпосылки формирования креативной экономики // Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика / Сборник материалов X Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2025) / т. 1. — М.: ИНИР им. Витте, 2025. С. 240 – 247.

11. ILOSTAT [Электронный ресурс] // URL: https://statbase.ru/data/usa-employment-in-industry-share/ (дата обращения: 25.01.2026).

12. ILOSTAT [Электронный ресурс] // URL: https://statbase.ru/data/usa-employment-in-services-share/ (дата обращения: 25.01.2026).

© Алпатов Г. Е., 2026

EDN: MNNKYM

Аслонов Сулаймон Махкамович
старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана
кандидат экономических наук, доцент
sulaymon-aslonov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. В статье рассматривается основные направления обеспечения экономической безопасности в Республике Таджикистан, как увеличение объёма и темпов расширения производства в экономике, создание благоприятной среды для привлечения иностранных инвестиций и предпринимательской деятельности, обеспечение продовольственной безопасности.
Ключевые слова: послание, Маджлиси Оли, налоги, правительство, безопасность, экономика.

В целях преодоления неблагоприятной ситуации с экономическими рисками Правительство Республики Таджикистан приняло стратегию развития преимуществ, защиты национальных интересов страны и снижения риска экономической безопасности в своей экономической политике. Это прежде всего отражается в мерах по развитию производства во всех секторах экономики, обеспечении предотвращения девальвации национальной валюты, дефицита государственного бюджета, максимально возможном обеспечении занятости населения и его социальной защиты.

Учитывая несовершенство налоговой системы, Правительство Республики Таджикистан приняло меры в области совершенствования налоговой системы, внеся фундаментальные изменения в Налоговый кодекс Республики Таджикистан.

Основные направления обеспечения экономической безопасности в текущих условиях:

1. Увеличение объёма и темпов расширения производства в экономике, прежде всего за счёт использования существующих мощностей в промышленности страны.

Отечественная промышленность является огромной движущей силой и ключевым потенциалом экономического развития страны. Республика Таджикистан приняла быструю индустриализацию в качестве четвертой стратегической цели страны, закладывающей прочный фундамент для обеспечения экономической стабильности, создания новых рабочих мест, повышения экспортного потенциала и конкурентоспособности страны. Учитывая важность промышленного сектора в решении экономических и социальных проблем, Основатель мира и национального единства — Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, Его Превосходительство Эмомали Рахмон, объявил 2022 – 2026 годы годами промышленного развития. В этой связи Правительство страны принимает эффективные меры. В частности, принята и реализуется Стратегия развития промышленности Республики Таджикистан на период до 2030 года и различные отраслевые программы на ее основе. Программы и стратегии направлены на создание новых предприятий и цехов, создание новых рабочих мест, увеличение объемов и качества отечественной продукции, обеспечение ее конкурентоспособности, и заложили основу для перехода экономики страны от производителя сырья к производителю готовой продукции. В частности, Программа ускоренной индустриализации страны на 2020 – 2025 годы направлена на скорейший переход экономики республики на инновационное развитие, повышение ее конкурентоспособности, благосостояния населения и ускоренное развитие экономических секторов, а также на значительный вклад в ее реализацию отечественных и зарубежных инвесторов. Значительные достижения по трем текущим стратегическим целям заложили необходимую основу для реализации политики ускоренной индустриализации страны.

В Послании Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан отмечалось, что «В рамках стратегической цели быстрой индустриализации за последние пять лет (2020 – 2024) объем общего промышленного производства страны увеличился с 27 миллиардов до 53 миллиардов сомони, что почти вдвое больше.

За этот период в стране было создано более 2040 промышленных предприятий и 74 тысячи рабочих мест.

Только в 2024 году было построено 740 новых заводов и производственных предприятий, и в общей сложности в этом секторе было создано почти 20 тысяч рабочих мест.

Среднегодовой темп роста сектора за этот период был обеспечен на уровне 15 процентов, что, с учетом существующих возможностей и мощностей, все еще недостаточно для достижения цели быстрой индустриализации страны».

2. Предотвращение угрозы бедности на основе реализации мер, предусмотренных в документе «Стратегия сокращения бедности» в Послании Президента Республики Таджикистан. В докладе Маджлиси Оли Республики Таджикистан отмечалось, что «за последние пять лет официальная заработная плата сотрудников бюджетных секторов была повышена в четыре раза (в 2020, 2022, 2023, 2024 годах) и в сумме на 100%.

За этот период, то есть за последние пять лет, темпы инфляции или роста потребительских цен составили всего 29 %.

То есть за этот период значительно увеличились заработная плата, пенсии и стипендии по сравнению с темпами инфляции, что непосредственно способствовало сокращению бедности и улучшению условий жизни населения страны».

3. Определение долгосрочных и среднесрочных целей развития страны, решение первоочередных вопросов и мобилизация средств и сил для их достижения в приоритетном порядке. В условиях ограниченных ресурсов большое значение приобретают финансовые возможности, механизмы и способы рационального использования этих ресурсов. Разделение экономических приоритетов необходимо, поскольку только понимая важность расстановки приоритетов, можно достичь целей государственной экономической политики: какие задачи следует решать в первую очередь, а какие — во вторую или третью — пока такой приоритет не будет определен, цель или задача не могут быть конкретизированы;

4. Создание благоприятной среды для привлечения иностранных инвестиций и предпринимательской деятельности. Использование внутренних источников инвестиций и развитие предпринимательства требуют устранения искусственных препятствий в этом отношении. Речь идёт о трудностях прохождения государственной регистрации, получения разрешений (лицензий), выделения земли, проблемах бесконечной официальной документации и т.д., что сейчас представляет собой

систему разрешений, которые раньше выдавались на ограниченный срок (1, 3, 5 лет), а сегодня являются бессрочными. Необходимо найти собственный экономический механизм для использования внутренних финансовых ресурсов. В результате реализации конкретных мер денежные доходы населения выросли с 48 миллиардов сомони в 2019 году до 147 миллиардов сомони в 2024 году.

Также важным источником внутренних инвестиций являются средства, полученные из-за рубежа трудовыми мигрантами (более 3 миллиардов долларов США), и механизм их использования следует разработать как можно скорее. Принятие и реализация нового Закона Республики Таджикистан «Об амнистии граждан и юридических лиц Республики Таджикистан в связи с легализацией определенных фондов», разработанного Правительством Республики Таджикистан 25.02.2010 году, открывает новые возможности для дальнейшего развития частного предпринимательства (перевод авторов) [1].

5. Обеспечение продовольственной безопасности является одним из главных направлений экономической безопасности страны. Если обратиться к истории перехода к независимости, то можно отметить, что Республика Таджикистан в основном снабжалась продовольствием за счет других республик. Основной задачей аграрного сектора считалось лишь производство хлопка, а производство продуктов питания не заслуживало особого внимания с точки зрения эффективности (основанной на профсоюзном разделении труда). Именно из-за этого фактора, а также последствий гражданской войны, в Республике Таджикистан в 1992 – 1994 годах возникла голодная ситуация. Мудрые меры главы государства по выделению 75 тысяч гектаров земли для поддержки сельского населения в сельскохозяйственных угодьях, а также либерализация цен на муку и зерновые продукты спасли страну от угрозы вышеупомянутой опасности. В результате мер, принятых правительством страны, и добросовестного труда фермеров, уровень обеспечения населения основными продуктами питания повысился, и к 2023 году производство зерна увеличится в 6 раз по сравнению с 1991 годом, в том числе пшеницы в 5,6 раза, риса в 6,7 раза, картофеля в 10,8 раза, овощей в 9 раз, бобовых в 17,5 раза, фруктов в 10 раз и винограда в 2 раза.

Низкая урожайность земли, ручной труд, нехватка сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений и низкий уровень сельскохозяйственных технологий являются причинами зависимости страны от импорта продовольствия.

В настоящее время импорт охватывает не только зерно, но и все основные виды продуктов питания, включая мясо, птицу, мучные изделия, яйца и даже овощи, такие как яблоки, виноград, арбузы и дыни. Обеспечение продовольственной безопасности является одним из экономических приоритетов страны [2].

Список литературы:

1. Аслонов С. М., Ташева М. Ф. — Бехатарии иқтисодӣ / Китоби дарсӣ. Зери таҳрири д.и.и., профессор Кандиёрова Д. О. — Душанбе: 2025 с. 340 саҳ.

2. Джалолов, А. А. Экономическая безопасность в продовольственном контексте Республики Таджикистан / А. А. Джалолов, С. М. Аслонов // Государственное управление. — 2025. — № 1(72). — С. 82 – 87. — EDN OVWKFI.

© Аслонов С. М., 2026

EDN: MOJDHI

Ахмедов Тимур Чингизович
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
ttt_tima@mail.ru

МАРКЕТПЛЕЙСЫ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется влияние маркетплейсов на экономическую безопасность современной России. Показано, что цифровые торговые платформы могут рассматриваться как объект экономической безопасности, как фактор её обеспечения и одновременно как источник новых экономических угроз. Обосновывается необходимость развития государственного регулирования платформенной экономики.
Ключевые слова: маркетплейсы, платформенная экономика, электронная торговля, экономическая безопасность, угрозы, инструменты, государственное регулирование.

Маркетплейсы, которые на первых этапах своего развития выступали исключительно каналами продаж, в последние годы превратились в полноценный инфраструктурный элемент, включающий практически весь цикл торговли, занятости и логистики. В контексте экономической безопасности это создает противоречие, которое заключается, с одной стороны в повышении адаптивности экономики к шокам, а с другой, создании новых рисков практически для всех субъектов — домашних хозяйств, предприятий и народного хозяйства в целом. Такой двойной эффект плохо описывается бинарной логикой о пользе или вреде для экономики, а потому требует рассматривать маркетплейсы как элемент системы, где выигрыши одной подсистемы нередко оплачиваются ростом рисков в другой.

Ввиду этого актуальной становится задача определения возможного проявления маркетплейсов как различных элементов системы экономической безопасности страны.

Подтверждением актуальности является и кратный рост объемов рынка. При этом, кратный рост не связан с низкой базой. Объемы торговли на маркетплейсах последние годы и так составляли триллионы рублей, но рост при этом все равно измеряется десятками процентов. Так, по данным исследовательского агентства Data Insight, объём розничной Интернет-торговли в 2023 году достиг 7,8 трлн руб., а число заказов составило 5,03 млрд. При этом прирост в стоимостном выражении составил 44 %, а по количеству заказов — 78 %. В 2024 году, по сведениям того же агентства, рынок продолжил стабильный и значительный рост, увеличившись до 11,2 трлн руб. (на 39 %), а количество заказов — до 6,8 млрд [1]. Такие данные, конечно, говорят не только о росте самого рынка, но и о росте возможных рисков в данной сфере, перераспределении доходов и ответственности между участниками рынка.

Переходя к определению места маркетплейсов в системе экономической безопасности отметим, что их можно рассматривать как самостоятельный объект экономической безопасности, поскольку они аккумулируют значительные финансовые потоки, управляют логистической инфраструктурой и обрабатывают огромные массивы данных о транзакциях и потребителях, вследствие чего их устойчивость и правила функционирования начинают влиять на состояние целых сегментов экономики. В исследованиях платформенной экономики отмечается, что такие платформы становятся крупными участниками экономических отношений и способны изменять механизмы распределения стоимости и взаимодействия между бизнесом, государством и обществом, что делает их значимым объектом регулирования и анализа в системе экономической безопасности [2].

Можно рассмотреть маркетплейсы и с точки зрения инструментов обеспечения экономической безопасности.

Так, создаются позитивные эффекты для ряда субъектов. Для домашних хозяйств — за счет снижения асимметрии рынка, повышения прозрачности (с определенными оговорками), возможности оперативного выбора товаров, быстрой доставки, снижении временных издержек, возможности оперативного сравнения большого числа предложений.

Предприятия выигрывают, прежде всего за счет снижения входных барьеров для своего бизнеса, сокращения издержек на привлечение

покупателей, возможности быстрого масштабирования бизнеса на значительное число регионов России и даже других стран.

Кроме того, снижаются барьеры и в получении финансовых услуг. Поскольку маркетплейсы сегодня стали полноценными субъектами платформенной экономики, то они предлагают не только услуги привлечения заказчиков, но и логистики, и, что важно финансовых услуг. Так, имеется возможность не только обеспечения поступления платежей (без регистрации кассы, заключения договора эквайринга и прочего), но и кредитования (как продавцов, так и покупателей) [3], страхования, и использования более сложных финансовых инструментов.

Поскольку маркетплейсы выступают посредниками, то это обеспечивает и безопасность как продавцов, так и покупателей, у обоих субъектов растет доверие к данным операциям за счет их надежности и снижения рисков обмана [4].

Государство получает дополнительный фактор роста экономики, возможность развития малого и среднего предпринимательства, формирования среднего класса, приток налогов за счет увеличения оборачиваемости.

Имеется определенная тенденция и обеления экономики, ведь субъекты теневой экономики для получения преимуществ, которые дают маркетплейсы вынуждены официально регистрировать свою предпринимательскую деятельность. В данном случае, конечно, мы говорим не про криминальную экономику, а, скорее про тех субъектов, которые ранее могли функционировать на локальном региональном рынке (подсобные хозяйства, местные торговые точки, рынки и прочие способы офлайн-продаж), а теперь сталкиваются с конкуренцией от множества продавцов на маркетплейсах, к которым ввиду удобства переходят потенциальные покупатели. И если ранее имелась возможность либо скрывать часть доходов, либо вовсе вести свою деятельность в тени, то сейчас подобная конкуренция подталкивает часть (конечно не всех) предпринимателей выйти из тени, чтобы иметь возможность получать заказы наравне с другими предпринимателями.

То есть можно заключить, что маркетплейсы не являются сами по себе инструментом обеспечения экономической безопасности, но обладают механизмами, которые дают такие инструменты всем субъектам народного хозяйства.

Однако те же факторы, которые обеспечивают быстрый рост экономик, формируют и новые угрозы.

Первая из них, актуальная в сегодняшнем новостном фоне — фискальная и трудовая трансформация занятости. Сегодня маркетплейсы работают по схеме «платформа — самозанятые», которая позволяет маркетплейсам быстро масштабировать инфраструктуру доставки и пунктов выдачи заказов. Возникает стимул переводить деятельность, по своему содержанию близкую к трудовым отношениям, в режим налога на профессиональный доход.

Проблема при этом заключается не в самом институте самозанятости. Режим налога на профессиональный доход создавался как механизм легализации доходов и упрощённого входа в предпринимательскую деятельность. Однако в условиях платформенной экономики он может использоваться для переноса занятости из сектора, где формируются страховые взносы и полноценные трудовые гарантии, в сектор с более мягким налоговым режимом, хотя по своей сути этим прикрываются традиционные трудовые отношения. То есть цель введения режима не достигается, а, наоборот, позволяет маркетплейсам снижать свои издержки в ущерб одновременно и бюджету, и личной экономической безопасности работников.

То есть риск в данном случае заключается не в исчезновении налогов как таковых, а о риске замещения НДФЛ и страховых взносов режимом, который изначально устроен иначе и предназначен для иных целей.

Вторая угроза связана с усилением зависимости продавцов от платформ и перераспределением создаваемой ими выручки. По оценкам, опубликованным в 2026 году, комиссии маркетплейсов за период с начала 2023 по конец 2025 года выросли на 58 – 63 %, а стоимость логистических услуг — на 33 – 89 %. Одновременно, собственно комиссии площадок уже составляют 25 – 40 % выручки продавца [5]. Также отметим, что этим издержки продавцов (в пользу маркетплейсов) не ограничиваются. С учётом логистики, хранения и рекламы (без которой практически невозможно реализовывать товары), штрафов, комиссии за возвраты заказов, совокупная нагрузка достигает 50 – 70 % выручки.

Дополнительный риск связан с усиливающейся концентрацией оборота. В 2025 году, по данным банка «Точка», количество активных селлеров на маркетплейсах впервые снизилось, тогда как медианная выручка продолжила расти [6]. Это указывает на смещение рынка в пользу более крупных и устойчивых участников, способных выдерживать рост издержек и постоянно инвестировать в продвижение. То есть повышение конкуренции, о котором говорилось ранее, нивелируется тенденциями монополизации рынка электронной коммерции.

Третья угроза связана с вытеснением традиционной офлайн--торговли. Зачастую товары на маркетплейсах стоят дешевле чем в магазинах. Но это объясняется уже не сниженными издержками продавцов, а особым механизмом ценообразования. Полностью в рамках настоящей статьи его описать не представляется возможным, но отметим два его принципа. Во-первых, маркетплейсы предоставляют так называемый «соинвест», когда продавец получает полную стоимость товара (без учета скидки), а для покупателя он стоит реально дешевле. Однако такая «благотворительность» обманчива, ибо маркетплейс компенсирует такие потери завышенными комиссиями, описанными выше. То есть скидка фактически все равно ложится на плечи продавца.

Вторая часть механизма связана с индивидуальными условиями для продавцов. Маркетплейсы предоставляют описанную выше скидку продавцам на специальных условиях, которые заключаются часто в необходимом объеме оборота, что вынуждает продавцов снижать стоимость товаров, иногда близко к себестоимости. А без предоставления такой скидки товар продавца становится неконкурентоспособен.

Описанный механизм ценообразования вызывает комплекс проблем: с одной стороны, офлайн-торговля не способна конкурировать с ценами маркетплейсов [7] (особенно это заметно в некоторых сферах, например, книжной торговле); а, с другой, приводит к тотальной зависимости продавцов от тех самых индивидуальных условий. Без них продавец не сможет продавать свой товар, а с ними теряет практически всю прибыль.

Имеются и иные угрозы, такие, которые не будем раскрывать подробно, такие как киберриски [8], контрафакт и недобросовестная конкуренция [9], нарушение интеллектуальных прав [10] и прочее.

Перечень позитивных и негативных тенденций, перечисленный выше далек от исчерпывающего. Мы не ставим целью систематизировать их все, хотя это тоже может быть важной научной задачей для принятия управленческих решений на уровне государства. Однако это дает понимание комплексного и неоднозначного влияния маркетплейсов на экономику страны и экономическую безопасность отдельных субъектов. А потому одной из приоритетных задач на сегодня видится повышение правового регулирования данных вопросов.

При этом сегодня в данном вопросе есть не только пробелы, но и перекосы.

В частности, вызывает дискуссии политика в отношении продавцов из других стран, например, Китая. Так, для продавцов из Китая комиссия

маркетплейсов кратно ниже, их товары не облагаются НДС, не подлежат обязательной сертификации, не требуется маркировка «честного знака», а при входе на платформу им начисляются значительные бонусы [11]. Естественно, при описанных выше комиссиях для отечественных участников, такой подход вызывает вопросы. Очевидно, что это связано с желанием маркетплейсов привлечь новых и крупных участников рынка, а для страны в целом налаживаем международную интеграцию. Но также ясно, что это прямо противоречит политике протекционизма.

В последние годы предпринимаются попытки сформировать нормативную основу для деятельности цифровых платформ. Так, принят Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О платформенной экономике в Российской Федерации» [12], направленный на установление базовых правил функционирования цифровых платформ и взаимодействия между операторами платформ, продавцами и потребителями.

Однако приходится признать, что правовое регулирование данной сферы пока находится на начальном этапе и заметно отстаёт от темпов развития самого рынка. Платформенная торговля за короткий период превратилась в один из крупнейших сегментов внутренней торговли, тогда как нормативная база только начинает формироваться и пока не охватывает многие возникающие экономические и правовые вопросы.

В этой связи в числе первоочередных направлений государственного регулирования можно выделить несколько ключевых задач. К ним относятся формирование прозрачных и недискриминационных правил доступа продавцов к платформенной инфраструктуре; определение справедливых принципов комиссионной политики и распределения издержек между платформой и продавцами; обеспечение равных конкурентных условий для российских и иностранных продавцов; совершенствование механизмов налогового контроля и регулирования занятости в платформенной экономике; а также установление более чёткой ответственности маркетплейсов за оборот контрафактной продукции, нарушение прав интеллектуальной собственности и соблюдение требований обязательной маркировки товаров.

Таким образом, маркетплейсы в системе экономической безопасности современной России могут рассматриваться одновременно как объект экономической безопасности, как фактор её обеспечения и как источник новых экономических угроз. Их влияние на экономику носит неоднозначный характер, не может быть разделено исключительно на позитивное или негативное, а потому требует научной

систематизации. Проведение такого анализа представляется первоочередной задачей, которая должна предшествовать дальнейшему развитию механизмов государственного регулирования платформенной экономики.

Список литературы:

1. Маркетплейсы 2024: тренды, стратегии, точки роста [Электронный ресурс] // URL: https://datainsight.ru/DI_FedorVirin_SellersnMarketplaces_2024 (дата обращения: 07.03.2026).

2. Кумпилова Б. А. Платформенная экономика: новые вызовы и возможности // Modern Economy Success. — 2025. — № 5. — С. 385 – 391.

3. Рындина С. В., Имяреков С. М., Кашичкин Н. А. Оказание маркетплейсами финансовых услуг: перспективы и риски // Экономика и окружающая среда. 2024. № 3. С. 82 – 90.

4. Усенко, Р. С. Маркетплейсы: оценка современного состояния и тренды развития / Р. С. Усенко // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: Труды XXIV Международной научно-практической конференции, Симферополь — Гурзуф, 16 – 18 октября 2025 года. — Симферополь: Издательский дом КФУ им. В. И. Вернадского, 2025. — С. 410 – 411. — EDN SSWCLP.

5. Продавцы теряют товарный вид: комиссии маркетплейсов растут [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442685 (дата обращения: 07.03.2026).

6. Селлеры уходят с маркетплейсов: почему снижается число продавцов [Электронный ресурс] // URL: https://allo.tochka.com/news/sellery-snizhenie (дата обращения: 07.03.2026).

7. Крашенинникова М. А., Цибулина А. Н. Деятельность крупнейших операторов электронных торговых площадок в России и Китае: теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 3. С. 481 – 494 [Электронный ресурс] // URL: https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-3-481-494.

8. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023.

9. Легко подделались [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6109582 (дата обращения: 07.03.2026).

10. Малюшев А. В., Синельникова В. Г. Ответственность маркетплейсов за нарушения интеллектуальных прав // Legal Bulletin. 2023. № 1. С. 87 – 96.

11. В Минпромторге потребовали от маркетплейсов ввести единую комиссию для всех продавцов [Электронный ресурс] // URL: https://www.forbes.ru/biznes/554349-v-minpromtorge-potrebovali-ot-marketplejsov-vvesti-edinuu-komissiu-dla-vseh-prodavcov (дата обращения: 07.03.2026).

12. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (Не вступил в силу. Начало действия документа — 01.10.2026) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2025, № 31, ст. 4643.

© *Ахмедов Т. Ч., 2026*

EDN: MWTZKF

Балог Михаил Михайлович
заведующий кафедрой экономики, финансов и финансового права
Институт права, экономики и управления
Псковского государственного университета
Псков, Россия
кандидат экономических наук, доцент
balog@pskgu.ru

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ОРГАНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Проанализированы содержащиеся в научной литературе теоретические подходы к формированию органов обеспечения экономической безопасности региона. Обоснованы отсутствие консенсуса исследователей в данной предметной области, информационно-аналитический характер деятельности создаваемых органов и стремление к их интеграции в действующую систему социально-экономического развития региона, отсутствие внимания к потенциалу использования цифровых технологий в обеспечении работы рассматриваемых органов.
Ключевые слова: экономическая безопасность, экономика региона, органы обеспечения экономической безопасности, мониторинг, цифровизация.

Создание и функционирование органов обеспечения экономической безопасности региона сопряжено с рядом сложностей. В частности, эффективность их работы может быть снижена из-за плохой согласованности между участниками стратегического уровня планирования и исполнителями на уровне конкретных мероприятий [1]. Другой проблемой является управленческий разрыв между ключевыми мезо-экономическими агентами, т.к. инновационно-инвестиционные решения принимаются непосредственно хозяйствующими субъектами, а органы

власти могут реализовывать только координационную и консультационную функции [2]. Роль государства в регулировании экономических процессов в целом ограничивается использованием мотивационных механизмов и косвенных экономических инструментов [3]. Тем не менее отмечается, что качественное усиление и ослабление государственного влияния в экономике имеет циклический характер и активизируется под влиянием серьезных финансово-экономических кризисов [4]. Также отметим, что быстрая смена технологий и трансформация бизнес-моделей требуют своевременной адаптации и реагирования на эти процессы управленческих структур, которые при этом могут отставать в своих решениях от динамично меняющейся экономической реальности из-за инертности мышления и низкой культуры инноваций в госуправлении, а также из-за длительных производственных циклов и быстрого устаревания ранее внедренных инноваций в организациях. Кроме того, при вовлечении в работу по обеспечению экономической безопасности региона специалистов из разных сфер деятельности возникает потребность в минимизации внешних и внутренних трансакционных издержек, величина которых возрастает прямо пропорционально количеству участников.

На федеральном уровне обоснование субъектов экономической безопасности содержится в Стратегии обеспечения экономической безопасности РФ до 2030 года. К ним отнесены органы государственной власти федерального и регионального уровней, органы местного самоуправления, Банк России, субъекты естественных монополий, госкорпорации, компании с преобладающим участием государства и институты гражданского общества. Мониторинг и оценка экономической безопасности отнесены в документе к компетенции Минэкономразвития России. Прочие субъекты занимаются обеспечением реализации Стратегии в пределах своих полномочий [5]. При этом отмечается, что в целом неопределённый статус Стратегии, которая прямо не отражается ни в ФЗ «О безопасности» 390-ФЗ, ни в ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» 172-ФЗ, ограничивает потенциал её использования в стратегическом планировании [6].

Подходы в научной литературе к формированию органов обеспечения экономической безопасности на уровне региона отличаются разным уровнем детализации, взглядами на непосредственную структуру данных органов, а также особенностями их интеграции в систему обеспечения социально-экономического развития региона. Данный плюрализм

мнений является отражением многообразия точек зрения на определение базового понятия в данной предметной области — экономической безопасности [7].

Первый из рассматриваемых подходов ограничивается перечислением субъектов экономической безопасности территории, среди которых федеральные и региональные органы законодательной и исполнительной власти, их совещательные и консультативные органы, органы местного самоуправления, субъекты финансово-кредитной сферы, промышленные ассоциации и прочие общественные объединения, уполномоченный по правам бизнеса, руководители хозяйствующих субъектов региона [8, 9, 10]. В данном подходе отсутствует обоснование структуры, связей и функционала указанных субъектов.

Второй подход основан на использовании возможностей института ответственных исполнителей государственных программ для проведения оценки экономической безопасности региона. Отмечено, что это потребует либо централизованной адаптации действующих методик оценки эффективности госпрограмм под задачи экономической безопасности, либо соответствующего расширения спектра функций и компетенций ответственных исполнителей госпрограмм [11]. При этом, данный вариант ограничивает обеспечение экономической безопасности исключительно её измерением.

Третий подход предполагает создание специального структурного подразделения — Департамента экономической безопасности с включением его в структуру правительства субъекта федерации и непосредственным подчинением заместителю высшего должностного лица региона [12] или региональному министру экономики [11]. Реализация подхода требует формирования устойчивых прямых и обратных связей с федеральными органами исполнительной власти, подразделениями исполнительных органов власти субъекта федерации, хозяйствующими субъектами и населением региона. Департамент выполняет информационно-аналитическую функцию обеспечения экономической безопасности, которая детализирована в перечне его обязанностей и полномочий (оценка и мониторинг, планирование и прогнозирование, подзаконное регулирование, а также координационная, экспертная, контрольная, программная и прочая деятельность) [12]. Данный подход подробно проработан с точки зрения целей, задач, принципов, этапов, инструментов и функционала Департамента, однако его внутренняя структура представляет собой «чёрный ящик».

Четвертый подход обеспечения экономической безопасности региона основан на разделении полномочий между ответственными исполнителями госпрограмм (осуществляют подробный отраслевой анализ социально-экономической ситуации в регионе) и соответствующим подразделением органа исполнительной власти региона (обеспечивает систему показателей и критерии их оценки, обобщает информацию от ответственных исполнителей госпрограмм и формирует общую оценку экономической безопасности территории) [11]. Подобное разделение полномочий сокращает вероятность преднамеренной подтасовки измерителей для получения желаемого результата оценки.

Пятый подход возможен для реализации в случае наличия в регионе Совета безопасности. Отметим, что данный орган не является региональными органом исполнительной власти по обеспечению безопасности, а выполняет роль коллегиального консультативно-совещательного органа. Примерами субъектов федерации, где функционируют Советы безопасности являются Республика Адыгея, Томская область, г. Севастополь (учреждены при высших должностных лицах субъектов РФ), Белгородская, Свердловская и Челябинская области, Чукотский автономный округ, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Татарстан, Удмуртская и Чеченская Республики (являются органами субъектов РФ) [13]. Соответственно, специальное подразделение по обеспечению экономической безопасности предлагается создать при Совете безопасности региона для осуществления координации органов власти, информационно-аналитического сопровождения (определения показателей и их пороговых значений, мониторинга, выявления угроз), проведения экспертиз, подзаконного регулирования, планирования и программирования. Кроме того, данное подразделение предлагается дополнить постоянно действующей межведомственной комиссией по экономической безопасности [14]. При этом возможность реализации данного подхода напрямую зависит от наличия Совета безопасности в регионе.

Шестой подход предполагает создание при главе субъекта РФ Совета экономической безопасности, а также формирование рабочего органа Совета. Обоснованным представляется предложение о вовлечении в работу по обеспечению экономической безопасности министерств региона в соответствии с их функциями. В рамках данного подхода разработана структура обеспечения экономической безопасности применительно к приграничному региону, состоящая из стратегического уровня

(комиссия при Правительстве РФ по повышению устойчивости экономики в период санкций и координационный совет при Правительстве РФ по обеспечению потребностей вооруженных сил приграничных регионов), тактического уровня (Совет экономической безопасности, региональные органы исполнительной власти) и оперативного уровня (органы местного самоуправления, предприятия и организации региона, региональные структуры по обеспечению обороны и безопасности) [1]. Отметим, что приграничная специфика регионов определяет высокую степень централизации и повышенное внимание к оборонному аспекту при обеспечении экономической безопасности.

Седьмой подход — ответственный исполнитель обеспечения экономической безопасности субъекта федерации в лице профильного регионального министерства формирует цели и задачи, реализуемые при поддержке научного и экспертного сообщества стратегическим и тактическим отделами обеспечения экономической безопасности. Стратегический отдел занимается отслеживанием мировых трендов научно-технического прогресса и определяет перспективы региона в этих процессах. Тактический отдел осуществляет мониторинг, оценку и прогнозирование угроз экономической безопасности территории. Далее на основании результатов, представленных стратегическим и тактическим отделами, ответственный исполнитель принимает решение о применении надлежащих мер по обеспечению экономической безопасности, эффективность которых в дальнейшем оценивают упомянутые отделы [2]. Безусловно перспективным представляется предложенный здесь учёт возможностей и угроз, которые формируются в ходе научно-технологического прогресса на макроэкономическом и глобальном уровнях.

По результатам анализа представленных подходов к формированию органов обеспечения экономической безопасности региона в условиях цифровизации можно сделать следующие выводы:

1) наличие значительного количества теоретических подходов к обоснованию органов обеспечения экономической безопасности говорит о активной проработке данного вопроса в научной литературе, а также об отсутствии условного консенсуса по нему;

2) доминирующим в литературе является представление о необходимости создания новых управленческих структур по обеспечению экономической безопасности с их интеграцией в действующую систему социально-экономического развития региона;

3) функционал создаваемых органов обеспечения экономической безопасности региона в целом ограничивается информационно-аналитическим обеспечением соответствующих процессов. Реализация конкретных мер в данной области ложится на традиционные для этого институты — органы законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней;

4) только один из представленных подходов предполагает учитывать в процессе мониторинга экономической безопасности факторы и угрозы научно-технологического характера, формирующиеся во внешней по отношению к региону среде. При этом ни один из подходов не содержит обоснования организации процесса обеспечения экономической безопасности региона в формате системного использования цифровых технологии.

Список литературы:

1. Толкунов, В. А. Организационно-экономический механизм обеспечения экономической безопасности приграничных регионов / В. А. Толкунов // Экономические системы. — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 96 – 106. — DOI 10.29030/2309-2076-2022-15-4-96-106. — EDN XZDFHG.

2. Карпов, В. В. Организационное моделирование и меры обеспечения экономической безопасности на примере старопромышленных регионов / В. В. Карпов, А. А. Кораблева, А. Г. Бреусова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 16, № 9. — С. 1546 – 1558. — EDN BUOGIQ.

3. Бабкин, А. В. Стратегические направления совершенствования управления экономической безопасностью региона / А. В. Бабкин, В. И. Трысячный // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2009. — № 4(81). — С. 201 – 205. — EDN KXWXQZ.

4. Пшеничников, В. В. О причинах мирового финансового кризиса и его последствиях для российской экономики / В. В. Пшеничников, А. В. Бабкин, Е. Е. Бичева // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2009. — № 4(81). — С. 9 – 17. — EDN KXWXBZ.

5. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: https://docs.cntd.ru/document/420398070 (дата обращения: 07.03.2026).

6. Бухвальд, Е. М. Система понятий экономической безопасности: региональный уровень / Е. М. Бухвальд // Экономическая

безопасность. — 2020. — Т. 3, № 1. — С. 63 – 78. — DOI 10.18334/ecsec.3.1.110122.

7. Бабкин, А. В. О соотношении понятий «экономическая безопасность» и «экономический потенциал» / А. В. Бабкин // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2013. — № 4(175). — С. 121 – 127. — EDN RAUKNJ.

8. Тернавщенко, К. О. Организационно-методические аспекты построения механизма обеспечения экономической безопасности региона и субъектов региональной экономики / К. О. Тернавщенко, Н. Л. Малашенко, А. В. Гапоненко // Фундаментальные исследования. — 2021. — № 5. — С. 104 – 110. — DOI 10.17513/fr.43046.

9. Кучина, Е. В. Оценка и механизм обеспечения экономической безопасности региона / Е. В. Кучина, Н. А. Улякина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2021. — Т. 15, № 3. — С. 86 – 97. — DOI 10.14529/em210309. — EDN NGGKAG.

10. Деркач, В. А. Государственно-частное партнёрство в структуре механизма обеспечения экономической безопасности региона / В. А. Деркач // Естественно-гуманитарные исследования. — 2024. — № 5(55). — С. 102 – 106. — EDN LKBLYW.

11. Государственные программы как инструмент оценки и обеспечения экономической безопасности региона (на примере Омской области) / В. В. Карпов, А. А. Кораблева, К. К. Логинов, А. Г. Бреусова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2015. — № 4(32). — С. 240 – 253. — DOI 10.17223/19988648/32/17.

12. Феофилова, Т. Ю. Модель управления экономической безопасностью региона / Т. Ю. Феофилова // Интернет-журнал Науковедение. — 2014. — № 6(25). DOI: 10.15862/126EVN614.

13. Богмацера, Э. В. Юридическая природа советов безопасности субъектов Российской Федерации и основные направления их деятельности / Э. В. Богмацера, А. А. Ерыгин // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2017. — № 3. — С. 11 – 18.

14. Абдулаева, З. З. Организационно-экономический механизм обеспечения экономической безопасности региона (на примере Республики Дагестан) / З. З. Абдулаева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — Т. 7, № 34(127). — С. 42 – 50. — EDN OCRJMF.2.

© Балог М. М., 2026

EDN: ONLTDA

Батурина Евгения Владимировна
докторант
Московский ордена Почета университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
кандидат экономических наук
ibm600x@mail.ru

МОНИТОРИНГ ДЕТЕНЕВИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ В ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье обзорно представлены результаты и обобщены концептуальные положения развития национальной системы мониторинга и оценки состояния экономической безопасности России, отличающиеся риск-ориентированным и эконометрическим подходом к методологии исследования денежных потоков.
Ключевые слова: деструктивные социально-экономические отношения, нелегальная экономическая выгода, экономическая экспертиза, теневизация, угроза.

На сегодня в России вопросы системного мониторинга и оценки экономической безопасности страны приобретают стратегическое значение в условиях трансформации глобальной экономической архитектуры, санкционного давления и технологической конфронтации, что подчеркивает необходимость рассмотрения теоретико-методологических подходов к организации мониторинга и оценки отдельных показателей экономической безопасности на федеральном уровне [1]. В соответствии с Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [2], экономическая безопасность России определяется как состояние защищенности экономики, обеспечивающее, помимо прочего, предотвращение угроз,

способных нанести ущерб национальной экономике. Стратегия устанавливает базовые компоненты экономической безопасности, одним из которых является защита от дестабилизирующих факторов. При этом на уровне государства подход к экономической безопасности наиболее проработан в нормативном плане, в отличие от уровня региона или предприятия. Государственная стратегия формирует методологическую основу, в рамках которой должны развиваться подходы на других уровнях управления. При этом мониторинг и оценка должны осуществляться в целях: контроля за достижением целей и задач, определенных в Стратегии; выявления вызовов, угроз и рисков; оперативного информирования Президента и Правительства РФ; формирования адекватных мер государственной политики. Основные задачи включают: сбор, обобщение и анализ информации о состоянии экономической безопасности; выявление негативных тенденций и потенциальных рисков. В результате должна сформироваться научно обоснованная и институционально закрепленная система мониторинга и оценки экономической безопасности для интеграции единых понятий, показателей и методов оценки в процесс стратегического планирования, соответствующая требованиям системности, достоверности, оперативности и объективности. Методика оценки должна обеспечивать количественную измеримость состояния экономической безопасности, позволяя переходить от политических деклараций к управленческим решениям.

В настоящее время вопросы трансляции методологии мониторинга и оценки, несмотря на достаточную проработанность на государственном уровне, в отношении вертикальной интеграции обусловливают необходимость их дальнейшего научного исследования с целью обеспечения единства подходов на всех управления.

Настоящее исследование соответствует описанной выше проблематике и актуализирует научную проблему теневизации российской экономики, в том числе связанную с криминальной деятельностью (коррупцией, мошенничеством, отмыванием доходов, полученных преступным путем). Сохранение значительной доли теневой экономики относится к основным вызовам и угрозам экономической безопасности страны. В силу этого, соблюдение национальных интересов России в экономической сфере должно быть, во-первых, неразрывно связано с удовлетворением объективно значимых экономических потребностей личности, общества и государства в их защищенности от вызовов и угроз, дестабилизирующих российскую экономику. Во-вторых — обусловлено

реализацией экономической безопасности как стратегического национального приоритета. Для оценки состояния экономической безопасности России должна формироваться система управления рисками. Следовательно, решение основных задач развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики путем совершенствования деятельности контрольно-надзорных органов, должно разрабатываться на основе теоретико-методологического подхода, в рамках которого должны исследоваться возможности нанесения материального ущерба объективно социально-значимым экономическим потребностям. Статистические данные о состоянии теневой экономики должны отражать результаты деятельности органов государственной власти, в компетенцию которых входит противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности. В условиях же развития цифровых технологий должны быть реализованы возможности определения характера влияния деятельности уполномоченных органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на искомый показатель теневизации.

В процессе исследования разработана модель детеневизации экономики и обоснованно доказана, что существующая регламентация теневой экономики не соответствует современным потребностям обеспечения экономической безопасности страны. Обоснована возможность моделирования угрозы теневизации экономики на основе понятийно-категориального уточнения параметризации деструктивных социально-экономических отношений через классификацию форм нелегальной экономической выгоды. Путем анализа теневой экономики сделан вывод, что методы ее изучения необходимо развивать путем модификации методологии экономической экспертизы фактов финансово-хозяйственной деятельности. Акцентируя внимание на специфике получения нелегальной экономической выгоды, определены основные элементы методики ее мониторинга и оценки через показатели детеневизации денежных потоков.

Предложена трактовка понимания сущности теневизации экономики путем определения данного понятия через необходимые и достаточные условия для экономической квалификации фактов детеневизации.

Таким образом, результат проведенного исследования в контексте решения научной проблемы по совершенствованию мониторинга и оценки угрозы теневизации экономики и повышения обоснованности информационного обеспечения государственных мер по ее детеневизации заключается в следующем:

1. Расширение понятийно-категориального аппарата теории экономической безопасности и формирование теории моделирования теневого денежного потока. Разработанные понятия раскрыты через нелегальную экономическую выгоду, определяемую по фактам детеневизации деструктивных социально-экономических отношений. Доказано, что нейтрализация теневой экономики как угрозы экономической безопасности через обеспечение защиты национальных интересов России в экономической сфере и реализацию экономической безопасности как стратегического национального приоритета возможна на основе уточнения понятийно-категориального аппарата теории экономической безопасности и введения понятий: «модель детеневизации экономики», «факт детеневизации», «параметр оценки детеневизации экономики», что позволяет углубить научное представление о теневизации экономики и минимизировать уровень информационной асимметрии в обеспечения государственных мер по детеневизации, уточнить предметную область информационного моделирования, учесть специфику микроэкономических процессов извлечения нелегальной экономической выгоды, а также систематизировать и конкретизировать параметры исходных данных для последующего мониторинга. Доказана возможность структурно-логического моделирования теневого денежного потока, инициируемого деструктивными социально-экономическими отношениями, за счет расширения научного представления о денежном потоке и понятийно-категориального уточнения терминологии, в части понятий: «теневой (детеневизированный) денежный поток», «детеневизация денежного потока», отличающихся от традиционного рассмотрения движения денежных средств формированием предпосылок для его моделирования, исходя из сформулированных принципов.

2. Представление методологии риск-ориентированного и эконометрического исследования теневых денежных потоков. Определены типовые схемы взаимодействия субъектов, участвующих в формировании, движении и обезличивании теневого денежного потока, отличающиеся показателями нелегальной экономической выгоды, рассчитанными как по фактам совершения конкретных экономических преступлений, так и по их совокупности; раскрыты методики определения величины нелегальной экономической выгоды, отличающиеся конкретизацией процесса приравнивания искомой величины к параметрам оценки детеневизации экономики. Разработан экономико-математический инструментарий эконометрического исследования теневого денежного потока через

алгоритм отслеживания микропоказателей теневого денежного потока в виде предложенной блок-схемы, применение которого позволяет минимизировать погрешности в расчетах и снизить субъективность оценки, что в отличие от существующих методов оценки детеневизации экономики предполагает возможность перепроверки исходных и расчетных данных, их корректировку и параметризацию. Проведен компаративный анализ методологических подходов к оценке масштабов теневой экономики и разработан научный подход к риск-ориентированному исследованию фактов детеневизации деструктивных социально-экономических отношений в контексте противодействия извлечению нелегальной экономической выгоды на основе интеграции методик экономической экспертизы, а также экономико-правовых особенностей документального исследования фактов хозяйственной жизни экономических субъектов, что позволяет формализовать и модифицировать методологические принципы оценки масштаба детеневизации экономики за счет включения в их структурно-логическую схему методик решения типологизированных экспертных задач. Предложены методики риск-ориентированного исследования теневых денежных потоков как модифицированной части методологии экономической экспертизы верифицированных фактов детеневизации деструктивных социально-экономических отношений, заключающиеся в ретроспективном анализе идентификационных признаков декомпозиции установленной общей структуры поступлений и списаний на денежные потоки, которые характеризуют интересующие факты хозяйственной жизни, и иные денежные активы исследуемого лица; в систематизации декомпозиции в части теневого денежного потока по каждому факту поступлений и списаний в совокупности с иным движением денежных средств на счете исследуемого лица и временными периодами формирования и изменения интересующих фактов детеневизации, что позволяет обосновать структуризацию фактов детеневизации денежных потоков через микроэкономические показатели деятельности экономических субъектов при решении экспертных задач. При применении авторского алгоритма предлагается построение эконометрической модели, где зависимая переменная (результативный признак) отождествлена с нелегальной экономической выгодой, инициируемая переменная (признак-фактор) отождествлена с минимальным микропоказателем интересующего поступления в списаниях со счета исследуемого субъекта деструктивных социально-экономических отношений. Разработана методика эконометрического анализа теневых денежных потоков для

определения эффективности государственных мер по детеневизации деструктивных социально-экономических отношений путем решения следующих задач: а) применить российский и зарубежный опыт, раскрывающий научные подходы к оценке эффективности механизма обеспечения экономической безопасности через понимание сущности теневой экономики; б) структурировать сферы детеневизации с позиции факторного влияния на них результатов деятельности органов власти, в полномочия которых входит реализация государственной политики обеспечения защиты национальных интересов в экономике; в) оценить детеневизацию экономики как одного из критериев формирования благоприятной экономической среды. Определены основные методические элементы анализа, в результате применения которых обосновывается сравнение прогнозных значений детеневизации денежных потоков и результатов их мониторинга, характеризующее динамику эффективности государственных мер обеспечения детеневизации экономики.

3. Разработка научно-методологического обеспечения комплекса управленческих решений по мониторингу детеневизации денежных потоков. Описана информационно-аналитическая система (ИАС) мониторинга детеневизации денежных потоков, включающая классификацию количественно-качественных параметров и микропоказателей, которые должны формироваться как исходные данные для мониторинга идентифицированных и верифицированных фактах детеневизации банковских операций: наименование, ИНН, отрасль (область), основные виды деятельности участников теневой схемы (плательщиков, получателей), реквизиты их банковских счетов, денежные микропоказатели. Разработаны методические рекомендации по внедрению и администрированию предлагаемой информационно-аналитической системы как элемента механизма обеспечения экономической безопасности страны.

В случае реализации авторской концепции развития национальной системы мониторинга и оценки состояния экономической безопасности России через изучение теневизации экономики как фактора риска, в перспективе научных исследований необходимо детализировать характер влияния теневого предпринимательства на конкретные показатели оценки.

Список литературы:

1. Богатырев, А. В. Мониторинг и оценка экономической безопасности: методические подходы / А. В. Богатырев, О. Ю. Бубнова // Вестник Нижегородского института управления. 2025. № 4(78). С. 3 – 8.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 15.05.2017.

© *Батурина Е. В., 2026*

EDN: NOFPGS

Бозоян Самвел Размикович
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академия ФСИН России
Рязань, Россия
okbiho.ik1@81.fsin.gov.ru

СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия системы менеджмента качества и способы его реализации при управлении в современной организации. Рассмотрены идеи внедрения системы менеджмента качества в управление организацией. Проанализирована структуры улучшения процессов и достижение стабильного высокого качества продукции или услуг, а также способы внедрения инновационных элементов управления.
Ключевые слова: менеджмент качества, инновации, управление, контроль, инновационная активность.

Идея внедрения системы менеджмента качества (далее — СМК) в управление организацией заключается в создании комплексной структуры, направленной на постоянное улучшение процессов и достижение стабильного высокого качества продукции или услуг. Такая система основывается на международных стандартах (например, ISO 9001) и способствует эффективному распределению ответственности, стандартизации процедур, а также повышению удовлетворенности клиентов.

Ключевые аспекты внедрения СМК [1]:

1. Анализ текущих процессов. Необходимо выявить критические точки управления, понять, где возникают ошибки и потери.

2. Разработка документации. Описываются все процессы, разрабатываются стандарты, инструкции, регламенты деятельности.

3. Обучение персонала. Вводится обучение сотрудников принципам качества, новым стандартам и процедурам.

4. Внедрение системы контроля и аудита. Регулярно осуществляются проверки и мониторинг для выявления несоответствий и зоны роста.

5. Непрерывное совершенствование. Система нацелена на постоянный анализ, сбор обратной связи и оптимизацию процессов.

К преимуществам внедрения СМК можно отнести повышение доверия клиентов и партнёров, снижение издержек за счёт уменьшения брака и потерь, повышение прозрачности управления и распределения ответственности и др. Внедрение системы менеджмента качества способствует формированию корпоративной культуры, ориентированной на качество и развитие, а также обеспечивает долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность организации.

СМК — это совокупность организационной структуры, процедур, процессов и ресурсов, необходимых для руководства и управления организацией с целью обеспечения стабильного качества продукции и услуг [2]. Основные элементы структуры СМК:

— политика и цели в области качества (чётко сформулированы, транслируются руководством организации, задают общее направление работы);

— организационная структура (распределение ответственности, полномочий и коммуникаций в вопросах обеспечения качества);

— документация системы качества (включает политики, процедуры, инструкции, руководства, стандарты и регламенты);

— процессы и процедуры управления (планирование, обеспечение, контроль, анализ и улучшение процессов для поддержания и повышения качества продукции и услуг);

— контроль и измерения (регулярное проведение внутреннего аудита, мониторинга процессов, анализа несоответствий, использования корректирующих и предупреждающих действий);

— обеспечение ресурсами (я наличие необходимых человеческих, материальных, финансовых, технических и информационных ресурсов);

— обучение и повышение квалификации персонала (систематическое обучение сотрудников, развитие профессиональных навыков и формирование культуры качества);

— мониторинг, анализ и улучшение (совершенствование процессов, системы в целом, на основе обратной связи, анализа данных и внедрения улучшений).

Менеджмент качества — это система методов и принципов управления, направленная на координацию деятельности организации по достижению и поддержанию требуемого уровня качества продукции и услуг для удовлетворения потребностей потребителей [3]. В таблице представлены подходы к определению рассматриваемого понятия.

Таблица 1. Подходы к определению менеджмента качества

Подход	Определение	Ключевые аспекты
Классическое определение (по ISO 9000) [5]	координированная деятельность по руководству и управлению организацией применительно к качеству	ориентация на качество; участие высшего руководства; стратегический и системный подход
По Демингу [3]	постоянное совершенствование всех процессов организации с целью повышения удовлетворённости потребителя	процессный подход; непрерывное улучшение; ориентация на клиента
Отечественный подход [6]	часть общей системы управления организацией, охватывающая вопросы политики качества, постановки целей, распределения ответственности, контроля и анализа	взаимосвязь с общей стратегией организации; учет специфики организации; интеграция в общую систему управления

Менеджмент качества в организациях регулируется не только внутренними стандартами (например, стандартами серии ISO 9000), но и требует соблюдения ряда законодательных норм и требований, установленных государством. Законодательные требования зависят от сферы деятельности, вида продукции, местоположения предприятия и регулирующих органов. Ниже выделены основные направления требований.

Таблица 2. Требования к системе менеджмента качества [4, 7]

Уровень требований	Содержание требований
Законодательный уровень	соответствие выпускаемой продукции (услуг) национальным стандартам: технические регламенты, ГОСТы, СанПиНы, правила сертификации; соблюдение федеральных законов и нормативно-правовых актов; сертификация определённых видов продукции, работ и услуг; маркировка и прослеживаемость продукции
Отраслевые требования	соблюдение технических регламентов Таможенного союза для пищевой промышленности; соответствие СНИПам и ГОСТам в строительстве; стандартизация по GxP (GMP, GDP, GSP), регистрация медицинских изделий и лекарственных средств в медицине

Уровень требований	Содержание требований
Локальный уровень (организация)	внедрение и поддержание процедур внутреннего контроля качества; аудиты производственных (технологических) процессов, документирование контроля; соблюдение требований охраны труда, экологической и промышленной безопасности; документированность процессов; соблюдение прав потребителей
Международные требования и стандарты	соблюдение международных стандартов ISO при выходе на зарубежные рынки; экспортеры обязаны следовать законодательству и стандартам стран-партнеров

Ответственность за нарушения включает в себя административные штрафы, приостановку деятельности организации, уголовную ответственность за особо тяжкие нарушения (например, фальсификация продукции).

Менеджмент качества немыслим без соблюдения всех соответствующих законодательных требований. Для успешной работы организации важно постоянно отслеживать актуальные законодательные изменения, внедрять требования в процессы и документировать выполнение норм.

Внедрение инновационных элементов управления — это важнейший инструмент устойчивого развития и успеха современной организации на конкурентном рынке. К инновационным элементам управления относят внедрение новых управленческих технологий, методов, программных решений, организационных структур и подходов к принятию решений с целью повышения эффективности, гибкости и конкурентоспособности.

Основные цели и задачи внедрения инновационных элементов управления [2]:

— повышение эффективности деятельности (оптимизация бизнес-процессов и ресурсов, снижение издержек за счёт автоматизации и современных управленческих решений);

— увеличение конкурентоспособности (быстрое реагирование на изменения рыночной среды, использование новых инструментов маркетинга, аналитики и работы с клиентами);

— повышение адаптивности организации (гибкая организационная структура, способность к быстрому внедрению изменений и инноваций);

— укрепление корпоративной и инновационной культуры (формирование среды, стимулирующей творческое мышление и инициативу сотрудников, мотивация персонала к профессиональному развитию и освоению новых технологий);

— улучшение качества продукции и услуг (использование новых стандартов и методов контроля качества, более эффективное удовлетворение запросов потребителей);

— расширение рынка и внедрение новых продуктов (адаптация бизнес-моделей под современные тенденции, выход на новые рынки, запуск инновационных товаров и услуг);

— обеспечение устойчивого развития (рациональное использование ресурсов, экологическая устойчивость, внедрение цифровых технологий для повышения прозрачности и управляемости);

— снижение операционных и управленческих рисков (применение систем прогнозирования и анализа, автоматизация рутины, повышение надежности принятия решений).

Внедрение инновационных элементов управления позволяет организации добиваться устойчивого роста, сохранять актуальность в стремительно меняющейся среде и формировать условия для долгосрочного успеха.

Внедрение СМК в процессы инновационного управления современной организации обеспечивает значимый вклад в развитие, устойчивость и конкурентоспособность компании. Оценим основные положительные результаты, которых может достичь организация:

1. Рост инновационной активности:

— четкие процедуры управления качеством стимулируют внедрение новых идей и технологий;

— повышается способность компании быстро разрабатывать, тестировать и внедрять инновационные решения.

2. Повышение эффективности инновационных процессов:

— минимизируются ошибки и потери за счет стандартизации и контроля качества на всех этапах инновационного цикла;

— сокращаются сроки разработки и вывода новых продуктов или услуг на рынок.

3. Снижение рисков при реализации инноваций:

— выстраиваются механизмы идентификации и управления рисками на основе стандартов качества;

— снижается вероятность появления брака, несоответствий, сбоев в инновационных проектах.

4. Укрепление доверия со стороны клиентов и партнеров:

— сертификация СМК по международным стандартам (например, ISO 9001) способствует росту репутации и легкости выхода на новые рынки;

— повышается лояльность клиентов за счет высокого уровня качества инновационных продуктов и услуг.

5. Оптимизация использования ресурсов:

— четкая организация процессов и процедур позволяет более рационально использовать человеческие, материальные и интеллектуальные ресурсы.

— снижается уровень издержек при разработке и внедрении инноваций.

6. Рост мотивации и вовлеченности персонала:

— СМК предполагает вовлечение сотрудников в процессы улучшения качества и инноваций.

— формируется культура постоянного развития и совершенствования.

7. Непрерывное улучшение деятельности:

— СМК поддерживает процессы обратной связи, анализа и совершенствования, что стимулирует постоянный рост инновационного потенциала организации.

8. Прозрачность и управляемость инновационных процессов:

— документирование и стандартизация деятельности позволяют повысить прозрачность инновационных проектов, упростить контроль и отчетность.

Список литературы:

1. Логинова, Е. В. Система менеджмента качества и его взаимосвязь со стратегическим управлением (пути улучшения системы менеджмента качества) // Студенческая молодежь в научно-исследовательском поиске: III Межвузовская студенческая конференция (с международным участием), Волгоград, 20 – 22 апреля 2011 года / Московский гуманитарно-экономический институт Волгоградский филиал. — Волгоград: Московский гуманитарно-экономический институт Волгоградский филиал, 2011. — С. 83 – 85. — EDN UALKIP.

2. Мусабирова, Л. А. Цифровизация системы менеджмента качества в области проведения анализа системы менеджмента качества со стороны руководства // Государственное управление и менеджмент: Сборник научных трудов по результатам Всероссийской научно-практической

конференции. В 3-х томах, Нижний Новгород, 15 декабря 2023 года. — Нижний Новгород: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. — С. 116 – 118. — EDN SBEURI.

3. Дюпина, Л. Ф. От системы менеджмента качества к системе качества менеджмента // Механизмы обеспечения устойчивого развития российской экономики: Международная научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и студентов, Москва, 24 апреля 2013 года. — Москва: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего профессионального образования «Институт экономики и антикризисного управления», 2013. — С. 88 – 92. — EDN QZCWHW.

4. Самофалов, Д. А. Особенности совершенствования системы менеджмента качества на предприятиях нефтегазовой отрасли // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: Сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции. В 5-ти томах, Курск, 25 июня 2020 года. Vol. 2. — Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2020. — С. 196 – 200. — EDN FVQUMW.

5. Безъязычный, В. Ф. Система качества жизни и система менеджмента качества организации, ориентированная на человека // Вестник РГАТА имени П. А. Соловьева. — 2009. — № 1(15). — С. 175 – 181. — EDN KZLDHN.

6. Современные тенденции развития менеджмента и государственного управления: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Орел, 05 декабря 2024 года. — Орел: Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024. — 220 с. — ISBN 978-5-93179-827-1. — EDN NZIYFW.

7. Кардапольцев, К. В. Организационный регламент внедрения системы менеджмента качества в коммерческих организациях // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2015. — № 11(50). — С. 124 – 130. — EDN VHGRML.

© Бозоян С. Р., 2026

EDN: NOHFKG

Борина Любовь Вадимовна
заместитель начальника кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
borinalv@mail.ru

СУДЕБНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается значение судебной экономической экспертизы в обеспечении экономической безопасности государства. Описываются основные направления деятельности и возможные пути развития в условиях цифровизации.
Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, цифровизация, экономическая безопасность, методология, экономические преступления.

Экономическая безопасность государства является одним из приоритетных направлений развития современной России. В условиях глобализации и цифровизации экономики особую значимость приобретает институт судебной экономической экспертизы как инструмент выявления экономических правонарушений.

Судебная экономическая экспертиза представляет собой комплексное исследование финансово-экономических операций и их отражения в бухгалтерском учете и отчетности. В соответствии с «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», утвержденным Приказом МВД России № 511 от 29.06.2005 [1] к судебной экономической экспертизе можно отнести следующие виды:

1. Налоговая экспертиза.

2. Бухгалтерская экспертиза.

3. Финансово-кредитная экспертиза

4. Финансово-аналитическая экспертиза.

Следует отметить, что в экспертно-криминалистическом центре ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области судебные экономические экспертизы осуществляет 13 отдел экономических и строительных экспертиз, который проводит бухгалтерские экспертизы, финансово-кредитные экспертизы, финансово-аналитические, строительно-технические и товароведческие экспертизы. В настоящее время допуск на проведение налоговых экспертиз у сотрудников 13 отдела ЭКЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области отсутствует с 2020 года, в связи с созданием Судебно-экспертного центра Следственного Комитета РФ.

Для осуществления судебных экономических экспертиз применяются различные методы, как общие, так и специальные. К наиболее распространенным методам можно отнести:

— методы документальной проверки (проверка первичных документов, анализ регистров учета);

— методы расчетно-аналитического анализа (экономический анализ, статистические расчеты);

— специальные методы (восстановление учета, определение рыночных цен);

— комплексные методики исследования.

При проведении судебной экономической экспертизы эксперт самостоятельно выбирает методы, которые будут использоваться для проведения конкретной экспертизы. Часто эксперт самостоятельно разрабатывает методику, в которой использует специальные и общие методы.

Судебная экономическая экспертиза играет важную роль в обеспечении экономической безопасности. Так, заключение является доказательством это позволяет обеспечить доказательную базу в судебных разбирательствах. Эксперт устанавливает размер материального ущерба.

Судебная экономическая экспертиза обеспечивает предупреждение экономических преступлений с помощью различных механизмов, которые связанны с анализом финансово-хозяйственной деятельности, выявлением рисков и повышением прозрачности экономических процессов. Использование ресурсов судебной экономической экспертизы позволяет не только раскрывать уже совершённые нарушения, но и создавать условия для их предотвращения в будущем [2].

Рассмотрим некоторые механизмы предупреждения экономических преступлений:

1. При проведении экспертизы проводится тщательный анализ документации. Эксперт, в том числе проверяет бухгалтерскую, финансовую и налоговую документацию на предмет искажения информации различными способами, внесения изменений с помощью подложных записей, определяют расхождения между фактическими операциями и отчётностью. С помощью этого появляется возможность своевременно определить признаки уклонения от налоговых обязательств, факты хищений, мошеннические схемы и другие противоправные действия [3].

2. Оценка финансового положения предприятий. С помощью финансово-аналитической экспертизы можно установить уровень ликвидности, кредитоспособности и прибыльности организации. Данный вид судебной экономической экспертизы позволяет выявить признаки преднамеренного или фиктивного банкротства. Следует отметить, что за последние годы такая превентивная мера оказалась реальной. Так, за период с 2019 по 2023 год, осужденных по статье 197 УК РФ «Фиктивное банкротство» нет [4].

3. Отслеживание использования денежных средств. Данное направление особенно актуально при работе с бюджетными средствами, так как они привлечены за счет налогов граждан и предприятий и должны расходоваться прозрачно и эффективно. Чаще всего в таких случаях проводится бухгалтерская экспертиза, которая включает в себя комплексный анализ документации, проверку соответствия выполненных работ или поставленных товаров, условиям контрактов. Это способствует предотвращению нецелевого использования денежных средств, их хищения или коррупционных схем, так называемых «откатов».

4. Прогнозирование и криминологический анализ. Одной из задач, в рамках судебной экспертизы решается несколько задач, одной из них является предотвращение и предупреждение экономических преступлений. С помощью проводимого анализа можно прогнозировать проявление экономических преступлений.

Развитие цифровых технологий влияет на судебную экономическую экспертизу, так как возникают новые виды экономических преступлений (фишинговые схемы, мошенничество с электронными платежами, отмывание через криптовалюты), что требует от экспертов освоения специализированных цифровых инструментов расследования и углублённого изучения кибербезопасности.

Также, следует отметить, что распространяется использование электронных доказательств (переписка в мессенджерах, логи IP-адресов, скриншоты транзакций), что ставит вопрос их юридической значимости: экспертиза должна учитывать требования к фиксации и верификации цифровых данных для их признания в суде.

Стандартизация цифровых форматов отчётности упрощает автоматизированный сбор и анализ данных, снижая вероятность ошибок и манипуляций на этапе формирования первичных документов.

Таким образом, цифровизация финансово-хозяйственной деятельности (электронный документооборот, онлайн-бухгалтерия, цифровые платёжные системы) расширяет предмет судебной экономической экспертизы: теперь она включает анализ цифровых следов, логов транзакций, метаданных электронных документов и данных из цифровых систем (1С, SAP и т.д.).

Судебная экономическая экспертиза является неотъемлемым элементом системы обеспечения экономической безопасности государства. Её развитие в условиях цифровой экономики требует постоянного совершенствования методологической базы, повышения квалификации специалистов и внедрения современных технологий.

Список литературы:

1. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

2. Хусаинов, М. К. Меры по минимизации экономических преступлений посредством методов судебных экономических экспертиз / М. К. Хусаинов, Н. В. Лащинская, Н. А. Савостеева // Российский экономический интернет-журнал. — 2022. — № 3.

3. Руд, А. А. Основные формы использования специальных экономических знаний при расследовании преступлений / А. А. Руд // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 2-2(41). — С. 174 – 177.

4. Борина, Л. В. Информатизация в системе противодействия экономическим преступлениям / Л. В. Борина // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 4, № 12(165). — С. 88 – 93.

© Борина Л. В., 2026

EDN: NQBWKQ

Булгакова Марина Александровна
профессор кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения
Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления МВД России
Москва, Россия
доктор экономических наук, доцент
mbulgackova@yandex.ru

Козина Ульяна Юрьевна
адьюнкт
Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления МВД России
Москва, Россия
mbulgackova@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. в статье представлен краткий анализ текущего состояния экономической безопасности топливно-энергетического комплекса, основанный на статистических данных ГИАЦ МВД России и сложившейся конъюнктуры на мировом рынке энергоресурсов, а также приведены примеры нарушений противоправной деятельности, выявленных сотрудниками органов внутренних дел. Даны предложения для повышения эффективности обеспечения экономической безопасности топливно-энергетического комплекса и нивелирования возникающих угроз.
Ключевые слова: экономическая безопасность, органы внутренних дел, топливно-энергетический комплекс.

Топливно-энергетический комплекс (далее — ТЭК) в Российской Федерации традиционно является одним из важнейших направлений

особого внимания руководства государства, что обусловлено формированием доходной части бюджета государства и сохранением влияния на мировом рынке энергоресурсов. Мировое потребление традиционной энергии возрастает, и по различным прогнозам через четверть века увеличится в два раза.

Отметим, что в 2025 году в России добыто нефти свыше 510 млн т. и угля — 440 млн т., что незначительно (менее 1 %) меньше данных за 2024 год. Вместе с тем, за Российской Федерацией сохраняется около 10 % мировой добычи нефти.

Учитывая сложившуюся на международных рынках конъюнктуру, российская нефть поставляется в дружественные страны, 80 % поставок при этом направляется в Азию, то есть продолжается тенденция по смещению точек экономического роста на Восток. По данным ОПЕК спрос на 1 млн барр/ сутки в течение 2025 года возрастал до 104,6 млн, в 2026 году рост продолжится и составил 1,38 млн барр/ сутки, а к 2027 году возрастет до 1,34 млн барр/сутки, спрос в странах Организации экономического сотрудничества и развития вырастет до 46,19 млн барр/сутки.

Среди рисков, которые отметил министр энергетики А. Новак, подводя итоги работы комплекса в 2025 году, названы сохранение дефицита инвестиций в нефтяную отрасль (разведку и добычу), а также санкционное давление, приводящие к ограничению круга импортером российской нефти. Кроме того, искусственное воздействие на изменение геополитической обстановки в Венесуэлле и Иране создает объективную необходимость в корректировке ряда положений Энергостратегии-2050, согласно которой приоритетными направлениями определены обеспечение внутреннего рынка энергоресурсами и реализация экспортного потенциала.

Несмотря на вводимые санкции и зелёную повестку в 2025 году Европа нарастила потребление газа, также наблюдается увеличение объёмов потребления на промышленных объектах Ближнего Востока и Африки. Доля поставок газа в дружественные страны приблизилась к 70 %, в том числе СПГ около 25 %.

В Российской Федерации потребление газа в 2025 году составило свыше 522 млрд $м^3$, что в полтора раза больше, чем в Европе и в три раза по сравнению со всей Юго-Восточной Азией. Экспорт российского угля направлен в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, и, несмотря на различные «переходы» на возобновляемые источники энергии, мировое потребление угля достигло рекордных 8,85 млрд т.

Кроме того, введено три атомных энергоблока (Россия, Индия, Китай), а в рамках проекта импортозамещения 21 вид СПГ-оборудования замещен на технику отечественных производителей.

Органы внутренних дел Российской Федерации осуществляют функции по декриминализации топливно-энергетического комплекса в соответствии с Доктриной энергетической безопасности [1], поручениями Президента РФ В. Путина [2], поручениями Правительства РФ [3]. В рамках методического обеспечения данного вида деятельности организована разработка аналитического обзора и методических рекомендаций.

В 2025 году сотрудниками подразделений по борьбе с экономическим преступлениями и противодействию коррупции МВД России выявлено 950 преступлений, связанных с топливно-энергетическим комплексом, в которых установлен крупный или особо крупный размер ущерба — 516 преступлений, 525 — преступления коррупционной направленности.

Кроме того, на основе собранных материалов возбуждено 150 уголовных дел по преступлениям, связанным с добычей, переработкой, производством и распределением газообразного топлива; 386 — в сфере производства, передачи и распределения электроэнергии; 1 — в области добычи, обогащения и агломерации каменного и бурого угля; 87 — по фактам добычи, переработки и реализации нефти и нефтепродуктов.

Следует отметить, что сотрудники органов внутренних дел осуществляют комплекс мероприятий, ориентированных на пресечение, выявление, раскрытие и расследование преступлений в области добычи, переработки газа, производства и распределения газообразного топлива, а также в сфере электроэнергетики. В частности, продолжается расследование уголовного дела в отношении должностных лиц «Энергогазинжиниринг» по факту хищения денежных средств, выделенных в рамках национального проекта «Экология» для газификации г. Читы. В результате проведенных мероприятий выявлены факты превышения должностных полномочий и халатности, совершенные должностными лицами Министерства жилищно-коммунального хозяйства, энергетики, цифровизации и связи Забайкальского края и Правительства Забайкальского края, в следствие чего было похищено более 240,8 млн рублей бюджетных средств.

Известно, что преступления в ТЭК, как правило, связаны с крупными хищениями бюджетных средств, в связи с чем одним из приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности остается

возмещение причиненного ущерба в бюджет государства. Так, в 2025 году возбуждено уголовное дело в отношении руководителей АО «КрымТЭЦ», которые мошенническим путем совершили хищение государственного имущества Республики Крым на сумму более 1 млрд рублей. В ходе расследования указанного уголовного дела, выявлены дополнительные эпизоды, а именно хищение денежных средств предприятия на сумму более 85 млн рублей. Для обеспечения последующего возмещения причиненного материального ущерба, наложен арест на денежные средства и иное имущество предприятия на общую сумму, превышающую 1,45 млрд рублей, в том числе на акции АО «КрымТЭЦ».

Кроме того, сотрудниками органов внутренних дел продолжают выявляться преступления, связанные с бездоговорным потреблением электроэнергии (так называемые «майнинговые фермы»). Так, в Свердловской области пресечена деятельность группы лиц, осуществляющих безучетное потребление электрической энергии, произведенное с помощью незаконного подключения электронного оборудования для дальнейшего содержания криптовалютных платформ. Размер ущерба оценивается свыше 100 млн рублей.

Таким образом, современный топливно-энергетический комплекс характеризуется значительным количеством разнообразных угроз, обусловленных как экзогенными факторами, так и эндогенными процессами в самой системе [4].

На основании изложенного, полагаем, что для эффективной работы органов внутренних дел Российской Федерации в сфере ТЭК, требуется принятие действенных мер, среди которых:

1. Выявление коррупционных проявлений и злоупотребления полномочиями со стороны организаций, обеспечивающих ресурсоснабжение и надзорных структур, связанных с ТЭК, а также преступлений, связанных с присвоением и растратой бюджетных средств, направленных на развитие программ газификации регионов, а также в рамках национальных проектов.

2. Реализация мер по предотвращению, обнаружению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с несанкционированным использованием электроэнергии, включая обеспечение работы «майнинговых ферм», а также осуществление действий по уменьшению дебиторской задолженности за поставленную электроэнергию и минимизации потерь при ее передаче конечным потребителям. Установление точного размера ущерба, причиненного в результате преступной деятельности,

и принятие мер к его полному возмещению, в том числе путем наложения ареста и изъятия имущества и активов.

3. Профессиональная подготовка специалистов: проведение занятий по программам повышения квалификации для сотрудников органов внутренних дел, направленных на освоение актуальных подходов к расследованию преступлений в сфере ТЭК.

4. Усиление взаимодействия между ведомствами с целью координации действий при расследовании уголовных дел, а также оперативного обмена информацией.

5. Организация информационно-просветительской работы среди граждан о последствиях преступлений в сфере ТЭК с целью формирования устойчивого негативного отношения и стимулирования активной гражданской позиции по данному вопросу [5].

Комплексный подход к указанным в настоящей статье стратегическим направлениям позволит обеспечить долгосрочную экономическую стабильность и эффективность работы ТЭК в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности» // СПС Гарант.ру.

2. Поручение Президента Российской Федерации от 22 мая 2016 г. № мк 2130 // СПС Гарант.ру.

3. Поручение Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2013 г. № АХ-П9-20пр; от 20 декабря 2012 г. № ДМ-П9-7811 // СПС Гарант.ру.

4. Булгакова, М. А. Организационно-экономические механизмы обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности лесопромышленного комплекса Северо-западного региона России: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономическая безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Булгакова Марина Александровна. — Москва, 2013.

5. Козина, У. Ю. Проблемные вопросы, возникающие в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при расследовании преступлений в сфере экологии [Электронный ресурс] / У. Ю. Козина // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XIII Международной научно-практической конференции (Могилев, 17 апреля 2025 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: К. Д. Сазон (отв. ред.) [и др.]. — Могилев: Могилев. институт МВД, 2025.

© Булгакова М. А., Козина У. Ю., 2026

EDN: NWBVAI

Бушуев Игорь Венальевич
начальник кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России
Волгодонск, Россия
Bushuev.igor.2017@mail.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН ОТ ФИНАНСОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА: БАЛАНС ПРОФИЛАКТИКИ И СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Аннотация. В статье исследуются современные правовые механизмы защиты граждан от финансового мошенничества, анализируется соотношение превентивных мер государственного воздействия и необходимости соблюдения конституционных прав личности. Обосновывается необходимость баланса публичных и частных интересов.
Ключевые слова: финансовое мошенничество, защита прав граждан, конституционные гарантии, цифровая безопасность, банковское регулирование, профилактика преступности, персональные данные.

Современный этап развития цифровой экономики характеризуется стремительным ростом безналичных расчетов, дистанционного банковского обслуживания и использования электронных финансовых инструментов. И как очевидное, следует отметить, что данные процессы сопровождаются увеличением числа преступлений в сфере финансового мошенничества, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий. По данным Банка России, объем операций без добровольного согласия клиентов ежегодно исчисляется миллиардами рублей, что свидетельствует о системном характере угрозы [1]. Поэтому в условиях цифровизации общественных отношений государство вынуждено формировать комплекс правовых механизмов защиты

граждан, обеспечивающих как эффективную профилактику преступлений, так и соблюдение конституционных прав и свобод личности.

Конституция Российской Федерации закрепляет приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие и обязанность государства обеспечивать их защиту [2]. Одновременно государство реализует функцию по обеспечению безопасности личности, общества и государства, включая защиту имущественных интересов граждан, возникает объективная необходимость поиска баланса между публичными интересами по предупреждению преступности и частными интересами, связанными с неприкосновенностью частной жизни, банковской тайной и защитой персональных данных.

Правовые механизмы противодействия финансовому мошенничеству носят комплексный характер и включают нормы уголовного, административного, гражданского, банковского и информационного права. Уголовно-правовую основу же составляет статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за мошенничество, а также специальные составы, связанные с использованием электронных средств платежа и информационных технологий [3]. Необходимо особенно отметить тот факт, что ужесточение санкций и расширение квалифицирующих признаков направлено на повышение превентивного эффекта уголовного закона.

Значительную роль так же играет и Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» [4], устанавливающий обязанности кредитных организаций по обеспечению безопасности операций и защите информации о клиентах. Дополнительные требования закреплены в Федеральном законе «О национальной платежной системе» [5], который обязывает операторов по переводу денежных средств применять меры по выявлению и предотвращению операций без согласия клиента. Отметим, что Банк России как мегарегулятор финансового рынка издает обязательные для исполнения нормативные акты, направленные на усиление внутреннего контроля и мониторинга подозрительных операций [1]. В то же время расширение инструментов контроля неизбежно затрагивает сферу конституционных прав. В частности, меры по мониторингу транзакций и обработке персональных данных должны соответствовать положениям Федерального закона «О персональных данных» [6], обеспечивающего правовой режим конфиденциальной информации, поскольку нарушение принципов законности, минимизации и соразмерности обработки данных способно привести

к ущемлению права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного статьей 23 Конституции Российской Федерации [2].

Особое значение в данном контексте приобретает внедрение механизмов возврата похищенных средств и распределения рисков между банком и клиентом. Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к усилению ответственности кредитных организаций за недостаточную защиту дистанционных сервисов [7]. При этом Верховный Суд Российской Федерации указывает на необходимость учета принципа добросовестности сторон и оценки поведения потерпевшего при совершении операции [8]. Данный подход отражает стремление обеспечить справедливое распределение ответственности без чрезмерного ограничения автономии воли клиента.

Дополнительным направлением профилактики выступают меры информационно-просветительского характера. Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации здесь подчеркивает важность формирования у граждан навыков безопасного поведения в цифровой среде [9]. Профилактика мошенничества же посредством обучения и информирования соответствует принципу минимального вмешательства государства, поскольку позволяет снизить уровень виктимности без расширения репрессивных инструментов.

В условиях трансграничного характера киберпреступности возрастает значение международного сотрудничества, поскольку Российская Федерация участвует в реализации положений Конвенции о киберпреступности, направленных на гармонизацию уголовно-правовых норм и процедур взаимодействия компетентных органов [10]. Однако применение международных стандартов в свою очередь требует учета национальных конституционных гарантий и соблюдения принципа суверенитета.

Таким образом, мы видим, что баланс профилактики и соблюдения конституционных прав достигается посредством сочетания нормативного регулирования, судебного контроля, надзорной деятельности Банка России и развития финансовой грамотности населения. Где принцип соразмерности должен выступать ключевым ориентиром при разработке новых механизмов противодействия мошенничеству. Недопустимо и создание таких моделей регулирования, которые под предлогом борьбы с преступностью приводят к неоправданному расширению контроля над частной жизнью граждан. Иными словами, правовые механизмы защиты граждан от финансового мошенничества в Российской Федерации формируют многоуровневую систему, ориентированную на предупреждение преступлений и восстановление нарушенных прав, эффективность которой зависит от соблюдения

баланса публичных и частных интересов, реализации принципов законности, соразмерности и уважения к конституционным гарантиям. Перспективы же развития законодательства связаны с дальнейшей цифровизацией финансовых услуг, что требует постоянного совершенствования правового регулирования при сохранении фундаментальных прав и свобод человека.

Список литературы:

1. Банк России. Обзор операций без добровольного согласия клиентов [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 18.02.2026).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.02.2026).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действ.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.02.2026).

4. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.02.2026).

5. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.02.2026).

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.02.2026).

7. Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг. Верховный Суд РФ [Электронный ресурс] // URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 18.02.2026).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» [Электронный ресурс] // URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 18.02.2026).

9. Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 – 2023 годы [Электронный ресурс] // URL: http://government.ru (дата обращения: 18.02.2026).

10. Конвенция о киберпреступности (Будапешт, 23.11.2001) [Электронный ресурс] // URL: https://rm.coe.int (дата обращения: 18.02.2026).

© Бушуев И. В., 2026

EDN: KTLTCZ

Быков Виталий Николаевич
заместитель заведующего кафедрой государственного
и муниципального управления и менеджмента
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
vnbykov1958@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ВТОРИЧНОГО ЭФФЕКТА КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В настоящем исследовании актуализированы методологические аспекты коррупционного генеза в контексте экономической безопасности субъектов Российской Федерации с учетом эмпирических данных 2024 – 2025 годов. Автором представлена методика вторичного эффекта коррупции, позволяющая верифицировать степень деструктивного воздействия на региональные экономические системы. Осуществлен анализ трансформационных механизмов, посредством которых первичные коррупционные деликты транслируются во вторичные экономические дисфункции. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, материалы региональных антикоррупционных рейтингов, а также результаты социологических опросов населения, проведенных в 2024 – 2025 годах.
Ключевые слова: экономическая безопасность, региональная экономика, коррупционные риски, вторичный эффект, оценочная методика, антикоррупционная стратегия, индекс восприятия коррупции.

В современных экономических реалиях гарантирование экономической безопасности на региональном уровне имплицирует необходимость применения аналитического инструментария для идентификации

потенциальных угроз, среди которых доминирующую позицию занимают коррупционные практики. Актуальность проблематики подтверждается данными Transparency International, согласно которым в 2025 году Россия сохранила свои позиции с индексом в 22 балла, оставаясь в нижней части мирового рейтинга.

Данная аксиоматика обусловлена тем, что коррупция трансформируется из единичного правонарушения в комплексный деструктор, способный дестабилизировать устойчивость всей региональной экономической архитектуры. В условиях проведения специальной военной операции коррупция стала восприниматься как одна из ключевых угроз, затрагивающих не только экономическое состояние, но и обороноспособность государства [7]. Согласно данным Портала государственной гражданской службы, с 2022 по 2025 годы с государственной службы в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений было уволено 2 074 человека, а в первом квартале 2025 года выявлено на 25 % больше коррупционных преступлений, чем за аналогичный период 2024 года [1].

Стратегическая значимость контрмер противодействия коррупции обусловлена их потенциалом к нивелированию базовых механизмов функционирования региональной экономики. В указанном контексте критически важной становится разработка методологического инструментария, позволяющего не только фиксировать прямые коррупционные манифестации, но и осуществлять оценку их опосредованного (вторичного) влияния на параметры экономической безопасности региона.

Особую научную и прикладную значимость приобретает конструирование методологических инструментов оценки не только прямых, но и вторичных эффектов коррупции на региональные экономические системы. Под категорией вторичного эффекта коррупции будем понимать агрегированную совокупность негативных экономических последствий, генерируемых первичными коррупционными проявлениями и оказывающих деструктивное воздействие на различные сферы региональной экономики.

Эмпирические данные 2024 – 2025 годов демонстрируют существенную межрегиональную дифференциацию коррупционных проявлений. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, наибольшее количество коррупционных преступлений на 10 тысяч жителей в 2024 – 2025 годах зафиксировано в Республике Бурятия (8,26), Республике Алтай (7,26) и Республике Адыгея (5,15). Наименьшие

показатели демонстрируют Чеченская Республика (0,17), Запорожская область (0,31), Ярославская (0,88) и Ивановская (0,89) области [2].

Важным индикатором эффективности антикоррупционной политики выступает количество лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Лидерами по данному показателю являются Москва (86 субъектов), Красноярский и Краснодарский края. Низкий уровень коррупции отмечен в Республике Чечня, Еврейской автономной и Магаданской областях [1].

Особого внимания заслуживает двойственный характер общественных установок в отношении коррупции. При декларативном осуждении коррупции в общественных опросах, тестах и интервью сохраняется высокая толерантность к практикам [3]. Данный факт показывает институциональный разрыв между законодательными установками и неформальными практиками, где взятка становится инструментом преодоления бюрократических барьеров. Анализ опросов общественного мнения показал, что наиболее коррупционными остаются должности в правоохранительных органах, особенно ГИБДД, и судах.

При оценке вторичного эффекта методология строилась на следующих принципах:

1. Системность анализа коррупционных рисков. Подобный подход позволяет верифицировать не только прямые, но и латентные связи между различными коррупционными проявлениями. Благодаря системному анализу становится возможным обнаружение скрытых механизмов трансляции коррупции и её влияния на экономическую безопасность региона в интегральном выражении.

2. Учёт региональной специфики и дифференциации. Указанный принцип отражает императив адаптации методологии оценки под уникальные характеристики конкретного региона. Каждый субъект федерации обладает специфическими социально-экономическими параметрами, влияющими на генезис и распространение коррупционных практик.

Исследование Центра политической информации (2025) демонстрирует существенные различия в структуре коррупционных проявлений по федеральным округам. Так, в Центральном федеральном округе лидерами антикоррупционной активности выступают Воронежская, Липецкая и Брянская области, при этом в Белгородской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях количество зарегистрированных коррупционных преступлений в 2024 – 2025 годах осталось на нулевой отметке [7].

3. Комплексная оценка прямых и косвенных последствий. Принцип предполагает всестороннее исследование как непосредственных результатов коррупционных действий, так и их отдалённых экономически значимых последствий.

4. Принцип количественной измеримости показателей обеспечивает возможность верификации всех оцениваемых параметров в конкретных числовых значениях. Можно привести данные по Ростовской области, где в январе-ноябре 2025 г. средний размер взятки составил 709 тыс. руб., что в три раза превышает показатель 2024 года (216 тыс. руб.). При этом общее количество коррупционных преступлений увеличилось на 15% — с 460 до 529 случаев [4].

5. Возможность мониторинга динамики изменений. Принцип предусматривает перманентное отслеживание показателей коррупционных рисков во временном континууме.

Примером реализации данного принципа выступает опыт Ямало-Ненецкого автономного округа, где внедрение системы электронных закупок позволило исключить личные контакты между заказчиками и поставщиками. Проверки УФАС в 2024 – 2025 годах не выявили нарушений в 85 проведенных процедурах, а внедренная система экспертизы начальных цен контрактов сэкономила бюджету более 250 миллионов рублей [2].

В рамках предложенной методики выделяются три направления оценки вторичного эффекта.

1. Инвестиционный блок. Снижение инвестиционной привлекательности региона. Данный фактор проявляется в существенной девальвации имиджа региона как надёжного партнёра для потенциальных инвесторов. Коррупционные схемы создают атмосферу непредсказуемости и недобросовестной конкуренции, что детерминирует отток добросовестных инвесторов. В результате регион утрачивает возможность привлекать внешние капиталовложения и развивать свою экономику. Искажение механизмов распределения инвестиционных ресурсов. Наличие коррупционных практик формирует нерыночное распределение инвестиций в пользу субъектов, готовых осуществлять неформальные платежи заинтересованным должностным лицам, что приводит к неэффективному использованию денежных средств и снижению экономической отдачи от инвестиционных вложений. С точки зрения предпринимателей происходит рост издержек ведения бизнеса. Они несут дополнительные транзакционные издержки на взаимодействие с должностными лицами,

что увеличивает себестоимость продукции и услуг, снижая конкурентоспособность бизнеса и ограничивая его развитие. Для потребителя они отражаются в повышении конечной стоимости продукции, Отток капитала. Наличие коррупции перенаправляет инвесторов в более надежные страны для размещения своих средств. Компании начинают выводить активы, регистрировать бизнес за рубежом или в других регионах страны, где риски коррупции минимизированы. Инвестиционные возможности замедляются, как и экономический рост региона.

2. Социально-экономический блок. Снижение эффективности бюджетных расходов. Коррупционные схемы приводят к нецелевым тратам государственных средств, когда финансирование направляется не на решение социально значимых задач, а на обеспечение частных интересов. В результате бюджетные ресурсы расходуются неэффективно, а важные государственные проекты остаются недофинансированными.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, размер причиненного материального ущерба по уголовным делам коррупционной направленности, оконченным производством в январе 2025 года по Саратовской области, составил 3,1 млн рублей, при этом благодаря активной координирующей роли прокуроров удалось обеспечить возмещение материального ущерба на сумму 5,3 млн рублей [9]. В Ростовской области за 2024 год общий ущерб от экономических преступлений составил 3,7 млрд рублей, арестовано имущества на 3,5 млрд рублей [4].

Искажение рыночных механизмов. Коррупция нарушает принципы честной конкуренции, создавая неравные условия для участников рынка. Компании, вовлечённые в коррупционные схемы, получают необоснованные преимущества, что приводит к монополизации отдельных секторов экономики. В итоге страдает вся рыночная система, снижается эффективность экономики в целом. Рост теневой экономики. Коррупционные практики способствуют развитию неформального сектора экономики, где сделки совершаются вне правового поля. Это приводит к значительным потерям налоговых поступлений и усложняет контроль над экономическими процессами. Легальный бизнес терпит убытки, растет недоверие к государственным институтам.

Фиксируется формальный подход к предоставлению государственных услуг населению, когда их качество зависит от благосклонности конкретного лица, которому дали взятку, снижает качество государственных услуг, не удовлетворяет реальные потребности граждан.

3. Институциональный блок. Авторы среди отрицательных последствий коррупции выделяют снижение качества оказываемых государственных услуг, негативное влияние на экономику, поскольку недоверие к государственным институтам рождает серые схемы, влечет убытки для бизнеса [11].

Коррупция отражается на системе управления. Бюрократические барьеры толкают заинтересованных лиц решать вопросы через личные связи, давать взятки чиновникам. А должностные лица, в свою очередь, за счет установленного взаимодействия внутри государственной системы, обогащаясь, подрывают авторитет к органам государственной власти, снижают эффективность работы госаппарата. Непрозрачность отчетности органов государственной власти, публикация отчетов в сокращенном формате, наличие большого количество статистических данных, таблиц непонятны общественности и вызывают недоверие [12].

Предприниматели, недобровольные участники коррупционных схем, выживают в имеющейся конкурентной среде, с помощью взяток получая контракты и подписывая договоры с органами государственной власти. Добросовестность и доверие граждан, бизнеса к принимаемым управленческим решениям, непредсказуемым действиям властей влекут ухудшение делового климата.

Для количественной оценки вторичного эффекта коррупции предложено пять индикаторов.

1. Коэффициент искажения бюджетных потоков — отражает степень отклонения фактического распределения государственных средств от запланированного, показывая масштаб нецелевого использования финансов и неконтролируемых утечек бюджетных ресурсов. Позитивным примером снижения данного коэффициента выступает внедрение системы экспертизы начальных цен контрактов в Ямало-Ненецком автономном округе, что позволило сэкономить бюджету более 250 млн рублей [2].

2. Индекс эффективности государственных закупок — демонстрирует качество и прозрачность процедур тендеров, выявляя наличие картельных сговоров, завышения цен и других манипуляций при распределении государственных контрактов. По данным рейтинга прозрачности госзакупок, лидерами по данному показателю являются Тамбовская область, Чувашская Республика, Липецкая и Нижегородская области, Ханты-Мансийский автономный округ [1]. В Ямало-Ненецком автономном округе использование предиктивной аналитики и рейтингования

поставщиков позволило в 3,5 раза сократить нарушения при определении начальной цены, а доля контрактов с надежными поставщиками выросла на 17% [2].

3. Показатель деформации конкурентной среды — характеризует уровень нарушения принципов честной конкуренции на рынке, фиксируя случаи монополизации, создания искусственных барьеров для новых игроков и неравных условий ведения бизнеса.

4. Коэффициент теневизации экономики — измеряет масштаб неформального сектора, показывая долю скрытой экономической деятельности, неучтённых доходов и операций, проводимых вне правового поля.

5. Индекс инвестиционного риска — оценивает совокупную привлекательность региона для инвесторов, учитывая коррупционные угрозы, нестабильность бизнес-среды и вероятность потери капиталовложений. Исследование взаимосвязи между кадровыми изменениями в руководящем составе правоохранительных органов и показателями выявляемости преступлений коррупционной направленности демонстрирует наличие устойчивой корреляции.

Например, в июле 2023 года в 6 субъектах РФ были утверждены новые главы прокуратур, и вскоре в 5 из 6 регионов произошли аресты заместителей губернаторов или заместителей глав административных центров [1].

Практическая значимость разработанной методики заключается в формировании комплексного инструмента противодействия региональным коррупционным проявлениям. Методика позволяет выявлять латентные коррупционные практики путем применения системного аналитического подхода, обнаруживать минимальные отклонения от нормальных экономических показателей, отслеживать динамику, применять меры оперативного реагирования, распространять эффективные методы в регионах.

В качестве примера приведем опыт Ямало-Ненецкого автономного округа, в котором введенные для инвалидов электронные сертификаты позволили исключить нецелевое использование денежных средств [2].

Формирование целевых программ противодействия коррупции становится более обоснованным. Методика помогает определить приоритетные направления антикоррупционной работы, выделить уязвимые сектора экономики и разработать комплекс мер, учитывающий специфику конкретного региона. В Свердловской области утвержден План мероприятий по противодействию коррупции на 2025 – 2028 годы,

включающий перечень целевых показателей реализации, что позволяет осуществлять системный мониторинг эффективности антикоррупционной политики [5].

Внедрение методики способствует повышению прозрачности управленческих решений, улучшению качества управления и укреплению экономической безопасности региона. Практическая реализация инструментария позволяет не только выявлять существующие проблемы, но и создавать условия для их предотвращения в будущем, формируя систему противодействия коррупционным проявлениям [10].

В качестве вывода можно констатировать, что предложенная методика оценки вторичного эффекта коррупции позволяет выявлять скрытые угрозы экономической безопасности региона и оценивать масштаб деструктивного влияния коррупции с использованием актуальных эмпирических данных 2024 – 2025 годов. На основе предложенной методики возможно сформировать обоснованную программу противодействия коррупционным проявлениям с обеспечением мониторинга эффективности реализуемых мер.

Список литературы:

1. Рейтинг состояния коррупции и антикоррупционной активности в субъектах Российской Федерации в условиях СВО / Центр политической информации. Москва, 2025.

2. Меры по борьбе с коррупцией обсудили на Ямале [Электронный ресурс] // URL: https://sever-press.ru/news/obschestvo/mery-po-borbe-s-korruptsiej-obsudili-na-jamale/.

3. Ардельянова Я. А. Восприятие и установки населения России в отношении коррупции // Вестник Института социологии ФНИСЦ РАН. 2025. № 4.

4. Средний размер взятки в Ростовской области вырос в три раза в 2025 году [Электронный ресурс] // URL:https://kprf-don.ru/index.php/news/facts/12687-2025-15.html.

5. Об утверждении Плана мероприятий Аппарата Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области по противодействию коррупции на 2025 – 2028 годы. Распоряжение Аппарата Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области от 12.11.2024 № 37-РА.

6. On the issue of preventing personnel corruption risks in the organization // Вестник университета. 2024. № 6. С. 5 – 15.

7. В каких регионах ЦФО активнее борются с коррупцией [Электронный ресурс] // URL: https://news.rambler.ru/community/55953149-v-kakih-regionah-tsfo-aktivnee-boryutsya-s-korruptsiey/.

8. Состоялось заседание Объединенного общественного совета при региональном Минфине, Комитете государственного и финансового контроля Мурманской области и Комитете по конкурентной политике Мурманской области [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov-murman.ru/news/544194/.

9. Преступления коррупционной направленности, зарегистрированные на территории Саратовской области, за январь 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/mass-media/news/archive/e5676360/.

10. Быков, В. Н. Методика оценки вторичного эффекта коррупции в регионе / В. Н. Быков // Журнал правовых и экономических исследований. — 2023. — № 1. — С. 13 – 18.

11. Никитенко, М. Г. Коррупция на государственной гражданской службе: сущность и правовые аспекты / М. Г. Никитенко, А. В. Стебнева // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. — 2023. — № 3(113). — С. 139 – 142. — DOI 10.38161/2618-9526-2023-3-139-142. — EDN KWGEYI.

12. Ефремова, Е. И. Роль органов государственного финансовогоконтроля в борьбе с коррупцией / Е. И. Ефремова, С. Н. Саргсян // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — Т. 8, № 4(145). — С. 20 – 27. — DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.08.003. — EDN YBTCOA. 13.

© Быков В. Н., 2026

EDN: MHYUBE

Важенина Ирина Викторовна
профессор кафедры управления органами внутренних дел
Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления МВД России
Москва, Россия
кандидат юридических наук, доцент
irina-mew@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТЕОРИИ БАРРИ БУЗАНА

Аннотация. Статья посвящена анализу экономического сектора безопасности через призму Копенгагенской школы. Рассматривается переход от традиционного понимания безопасности к многовекторной модели, роль речевых актов в экономике и основные линии критики данного подхода.
Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, секьюритизация, санкции, угроза.

В классической теории международных отношений безопасность долгое время ассоциировалась исключительно с военной мощью. Однако Барри Бузан, один из основателей Копенгагенской школы исследований безопасности, в своей работе «Люди, государства и страх» [1] радикально расширил этот горизонт. Он доказал, что экономика — это не просто «тыл» для армии, а самостоятельный и сложный сектор национальной безопасности. Бузан Б. в своем труде пересмотрел парадигму безопасности, выделив пять ключевых секторов. Экономический сектор занимает в этой системе центральное место, выступая связующим звеном между военной мощью и социальной стабильностью. По Бузану Б., экономическая безопасность — это не просто наличие денег, а обеспечение доступа к ресурсам, финансам и рынкам, необходимым для поддержания государственного суверенитета и приемлемого уровня благосостояния. Другими словами — это способность государства поддерживать независимую базу для своего военного и политического выживания.

Бузан рассматривает экономическую безопасность через двойственную природу государства в капиталистическом мире. С одной стороны, государство нуждается в открытом рынке для развития, с другой — рынок порождает зависимости, которые могут стать рычагами давления. К основным аспектам этой взаимосвязи он относит:

— способность экономики обеспечивать военный сектор и поддерживать критическую инфраструктуру, (без сильной экономики государственная машина теряет «энергию» для защиты в других секторах);

— уязвимость и взаимозависимость систем в условиях глобализации, (если государство зависит от поставок стратегического сырья или технологий из-за рубежа, его суверенитет оказывается под угрозой);

— использование торговых преференций, кредитов и инвестиций как инструментов мягкой силы для установления контроля над другими субъектами.

Одной из новаций Бузана Б. и его коллег (О. Вейвера и др.), которая активно применяется в настоящее время, является концепция секьюритизации [2]. Это процесс, при котором обычные экономические явления переводятся в разряд вопросов «жизни и смерти». В экономике этот процесс запускается через «речевой акт» — объявление экономической ситуации (например, зависимости от импорта газа или технологий) экзистенциальной угрозой.

Когда цена на газ или контроль над портами объявляется вопросом национальной безопасности, правительство получает право на чрезвычайные меры: введение санкций и эмбарго; прямое государственное субсидирование отраслей (протекционизм); ограничение иностранных инвестиций в «стратегические» сектора.

Современное противостояние между США и КНР в сфере полупроводников демонстрирует модель Бузана Б. в действии.

Экономическая безопасность, по Бузану, неразрывно связана с либеральным парадоксом, суть которого заключается в следующем: глобализация снижает риск прямых военных столкновений (из-за высокой цены разрыва связей), но одновременно создает новые уязвимости. Свободная торговля делает страны богаче и связывает их интересы, что теоретически должно предотвращать войны, однако эта же связь создает новые формы незащищенности: финансовые кризисы в одной части света мгновенно обрушивают экономики на другом конце планеты. В результате возникает «экономическая дилемма безопасности»: попытка одной страны обеспечить полную экономическую автаркию

(независимость) воспринимается соседями как подготовка к агрессии или протекционистская атака [3].

Бузан Б. предупреждает, что чрезмерная секьюритизация экономики позволяет элитам оправдывать коррупцию или неэффективность, объявляя любые рыночные риски «враждебными происками». Избыточная секьюритизация ведет к неомеркантилизму, снижая общую эффективность мировой экономики.

Несмотря на популярность, подход Бузана Б. неоднократно подвергался жесткой критике. Реалисты утверждали, что включение экономики в повестку безопасности отвлекает от реальных военных угроз. Так, Стивен Уолт предупреждал: «если мы назовем экономическую проблему «угрозой безопасности», велик риск, что государство попытается решить её методами безопасности (принуждением или силой), что контрпродуктивно для экономики. Военные ведомства должны готовиться к войне. Если заставить их заниматься экономическим процветанием, они не справятся ни с тем, ни с другим» [4].

В качестве оппонента Бузана выступал и Марк Леви (профессор Принстонского университета), сформулировав знаменитый тезис: «If everything is security, then nothing is security» («Если всё является безопасностью, то ничто не является безопасностью») [5]. Леви критиковал коллег, которые пытались включить в понятие «национальная безопасность» вообще всё: бедность, болезни, социальную несправедливость. Он утверждал, «если мы называем «проблемой безопасности» любой социальный или природный риск, само слово «безопасность» теряет аналитический смысл» [5]. Это мешает политикам расставлять приоритеты. Инструменты, которыми решаются вопросы безопасности (армия, разведка), неэффективны для решения вопросов экологии или экономики. Леви занял позицию «методологического реалиста». Признав правоту Уолта, что нельзя называть всё безопасностью, он отметил: «но мы совершим ошибку, если будем игнорировать экономику и экологию, потому что они влияют на вероятность войны». Марк Леви предложил различать: безопасность как цель (отсутствие войны) и экономику/экологию как факторы, которые к этой войне ведут. Плохая экономика сама по себе — не вопрос безопасности (это вопрос благосостояния). Но если экономический крах в соседней ядерной державе ведет к гражданской войне и потере контроля над ракетами — вот это уже прямая угроза безопасности в понимании реалистов.

Сегодня идеи Бузана, как говорится, находятся в тренде. Борьба за лидерство в сфере ИИ и микрочипов как за основу будущей обороноспособности, переход к «зеленой» энергетике как способ избавиться от зависимости поставщиков ископаемого топлива, отключение от системы SWIFT и заморозка резервов, другие меры, принимаемые западными странами, показывают, что финансовая система стала полем боя.

Концепция Барри Бузана остается наиболее адекватным инструментом для анализа современного мира, где «финансовые бомбы» и «технологическая блокада» стали столь же эффективны, как и обычное вооружение. Однако баланс между необходимой защитой и опасной гипер-секьюритизацией остается главным вызовом для современных государств.

Список литературы:

1. Buzan, B. People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. ECPR Press, March 1st, 2008 г. 318 p.

2. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner, 1998. 239 p.

3. Buzan, B., Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003. 564 p.

4. Walt, S. M. The Renaissance of Security Studies // International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35, № 2. (Jun., 1991), pp. 211 – 239.

5. Levy, M. A. Is the Environment a National Security Issue? // International Security. 1995. Vol. 20, № 2, pp. 35 – 62.

© Важенина И. В., 2026

EDN: MJEFSE

Василенкова Надежда Владиславовна
доцент кафедры экономики и управления предприятием
Астраханский государственный технический университет
Астрахань, Россия
кандидат экономических наук, доцент
Nadine0610@mail.ru

РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу промышленного суверенитета как фундаментального элемента национальной безопасности современной России. В условиях глобальной геополитической перестройки и санкционного давления способность страны к самостоятельному технологическому развитию и производству критически важной продукции становится ключевым фактором стратегической устойчивости. В работе исследуется взаимосвязь оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и системы национальной безопасности, выявлены основные направления этого взаимодействия: оборонно-промышленный комплекс как драйвер технологического развития гражданских отраслей, мобилизационная подготовка экономики, обеспечение кадрового и научно-технического суверенитета, а также защита критической информационной инфраструктуры. Центральное место в статье занимает анализ мер государственной поддержки, направленных на укрепление промышленного суверенитета. В статье делает вывод о формировании промышленного суверенитета России на основе реализуемого государством комплекса мер, который носит системный характер и направлен на создание замкнутых технологических циклов, что должно обеспечить основу для стратегической автономии и долгосрочной национальной безопасности.

Ключевые слова: промышленность, технологическая независимость, государственная поддержка, импортозамещение, государственная промышленная политика, санкционное давление, приоритетные отрасли, оборонно-промышленный комплекс.

Актуальность темы промышленного суверенитета для России в 2020-х годах приобрела критический характер. Глобальные процессы, усугубленные санкционным давлением после 2014 и особенно 2022 года, обнажили уязвимость национальной экономики и оборонного комплекса от разрывов в международных цепочках создания добавленной стоимости, зависимости от иностранного оборудования, программного обеспечения и критических компонентов, а угрозы носят комплексный характер: во-первых, зависимость от импорта высокотехнологичной электронной компонентной базы, станков с ЧПУ, специальных материалов ставит под вопрос возможность бесперебойного производства современных систем вооружения; остановка производств из-за отсутствия запчастей или сырья, отток иностранных компаний и технологий ведет к спаду ВВП, росту безработицы и инфляции; ограничения на передачу технологий, отключение от зарубежных программных продуктов и сервисов создают риск технологического отставания и потери цифрового суверенитета; деградация промышленности ведет к деиндустриализации регионов, снижению качества жизни и, как следствие, к социальной напряженности.

Таким образом, промышленный суверенитет перестает быть вопросом лишь экономической эффективности, превращаясь в императив выживания и развития суверенного государства в условиях конфронтации с коллективным Западом.

Под промышленным суверенитетом понимается «автономность в области производства, технических разработок управления; самообеспеченность страны в области ресурсов, оборудования, производственных цепочек; независимость в области кадров, технологий и экономики» [1]. Промышленный суверенитет выступает способностью государства самостоятельно, без критической внешней зависимости, обеспечивать развитие, производство и воспроизводство в отраслях, определяющих его технологическую, экономическую и оборонную состоятельность. Это эволюция концепции импортозамещения, которая теперь подразумевает не просто замену иностранных товаров отечественными, а создание полных, замкнутых производственно-технологических циклов на основе собственных научных разработок и компетенций.

К приоритетным отраслям, определяющим, в том числе, промышленный суверенитет России, относятся [2]: тяжелое, энергетическое, транспортное, сельскохозяйственное машиностроение, машиностроение специализированных производств; автомобильная, судостроительная, авиационная и ракетно-космическая промышленность; атомная промышленность, включая атомную энергетику; станкоинструментальная промышленность; химический, металлургический и лесопромышленный комплекс; производство двигателей, электротехнического оборудования, оборудования для электродвижения и систем генерации электрической энергии на борту; комплекс электронной и радиоэлектронной промышленности, включая производство микросистемной техники и электронной компонентной базы, электронное приборостроение; производство высокотехнологичной продукции и создание новых видов инновационной продукции, в том числе производство новых видов материалов (композиты, редкие и редкоземельные металлы, полимеры, а также продукция органического синтеза) и оборудования (робототехника, цифровое производство, аддитивные технологии, инженерное программное обеспечение); фармацевтическая и медицинская промышленность (производство медицинской техники и оборудования); производство техники для городского хозяйства; производство техники импортозамещающего назначения и техники, заменяющей труд низкой квалификации и престижности; промышленность строительных материалов; производство и эксплуатация воздушных, наземных и водных беспилотных транспортных средств.

Принцип, согласно которому экономическое развитие и национальная безопасность являются взаимозависимыми и взаимоподдерживающими сферами, закреплён в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3]. В документе прямо указано, что цели национальной безопасности достигаются, в том числе, через «ускорение технологического развития, повышение устойчивости национальной экономики» (п. 32). Обеспечение «технологического суверенитета» и «безопасности критической информационной инфраструктуры» названы стратегическими целями национальной безопасности (п. 50, 84). Таким образом, промышленность становится не просто экономическим, но и обезопашивающим активом.

Несмотря на то, что приоритетными являются многие отрасли (IT, энергетика, биофарма, сельское хозяйство и др.), именно оборонно-промышленный комплекс (ОПК) исторически и структурно выступает

ключевым элементом связи промышленности и безопасности и является драйвером технологических прорывов для гражданских секторов («спилл-овер» или двойные технологии) и потребителем продукции базовых отраслей (металлургия, химия, радиоэлектроника). Кроме того, ОПК выступает главным бенефициаром и катализатором достижения промышленного суверенитета. Возможность производить всю номенклатуру вооружений, от патронов до гиперзвуковых комплексов, целиком на внутренней производственной базе — основа военного паритета. Примером успеха является реализация программы импортозамещения в ОПК после 2014 года, которая позволила смягчить последствия санкций 2022 года.

Представляется возможным, на основании нормативно-правовой базы Российской Федерации, выявить основные направления взаимодействия оборонно-промышленного комплекса с системой национальной безопасности страны.

Одним из направлений взаимодействия является достижение технологического суверенитета и импортозамещение, так как в условиях санкционного давления обеспечение национальной безопасности напрямую зависит от способности отечественной промышленности производить критически важную продукцию: от микроэлектроники и станков до программного обеспечения и лекарств. ОПК, как наиболее защищённый и регулируемый сектор, часто выступает заказчиком и первопроходцем для таких решений, которые затем тиражируются в гражданской экономике [4,5].

Второе направления взаимодействия связаны с мобилизационной подготовкой экономики. Предприятия приоритетных отраслей (оборонные, энергетические, транспортные, связи) обязаны иметь мобилизационные задания, поддерживать возможность перехода на специальные режимы работы в период угрозы или начала конфликта, что обеспечивает устойчивость государства в кризисных ситуациях [6].

Следующим направлением в рамках взаимодействия ОПК и национальной безопасности является кадровое и научно-техническое обеспечение. Безопасность зависит от поколения новых технологий, подготовка инженеров и учёных, работающих над прорывными проектами (в области AI, робототехники, новых материалов, квантовых технологий), ведётся в тесной связке с госкорпорациями (Ростех, Росатом, Роскосмос) и предприятиями ОПК, эти кадры усиливают как оборонный, так и гражданский промышленный потенциал [7].

Еще одним направлением выступает обеспечение кибербезопасности и безопасности критической информационной инфраструктуры (КИИ). Все приоритетные отрасли (энергетика, транспорт, здравоохранение, финансы, ОПК) обладают объектами КИИ. Их защита от кибератак — вопрос национальной безопасности. Это создаёт спрос на отечественные IT-решения и средства защиты информации, стимулируя соответствующую промышленность [8]. Создание отечественных аналогов в области IT-инфраструктуры (серверы, процессоры, ОС, СУБД), телекоммуникационного оборудования (5G) и промышленного программного обеспечения является залогом сохранения контроля над национальными данными и критической инфраструктурой.

Безопасность невозможна без базовых ресурсов: энергоносителей и продовольствия. Развитие отечественного агропромышленного комплекса и топливно-энергетического комплекса (ТЭК), их защищённость от внешних шоков является фундаментом устойчивости государства. Промышленность ТЭК, в свою очередь, зависит от машиностроения (буровое оборудование, турбины) [9] и т.д., а независимость в производстве сельхозтехники, минеральных удобрений, семян и средств защиты растений является основой для устойчивого агропромышленного комплекса, что было убедительно доказано в последние годы [10].

Таким образом, суверенная промышленность обеспечивает устойчивость экономики к внешним шокам, сохранение рабочих мест, наполнение бюджета и развитие смежных отраслей, а также снижает риски, связанные с колебаниями мировых цен и политическими решениями иностранных государств.

Государство реализует комплекс мер для укрепления промышленного суверенитета. Государственная политика Российской Федерации по укреплению промышленного суверенитета как основы национальной безопасности представляет собой комплекс законодательных, финансовых и институциональных мер, реализация осуществляется в условиях структурной перестройки экономики и санкционного давления.

В рамках финансовой и институциональной поддержки промышленного суверенитета государство реализует государственные программы такие как: «Цифровая экономика Российской Федерации» [11], «Экономическое развитие и инновационная экономика» [12], льготное финансирование через Фонд развития промышленности [13] и промышленные кластеры [14].

Для стимулирования спроса на отечественную продукцию функционируют: Закон о промышленной политике [15], механизмы госзаказа [16,17], специальные инвестиционные контракты (СПИК 2.0)[18], обязательная квота на закупку российской продукции для госнужд.

Таким образом, промышленный суверенитет является системообразующим столпом национальной безопасности России в XXI веке и обеспечивает основу для устойчивого развития, военной мощи и социального благополучия в условиях нарастающей геополитической нестабильности и технологической конкуренции. Достижение промышленного суверенитета требует не просто изолированного производства всего спектра товаров, а формирования собственной точки технологического роста, основанной на фундаментальной науке, инновациях и высококвалифицированных кадрах.

Список литературы:

1. Василенкова, Н. В. Понятие и определение промышленного суверенитета / Н. В. Василенкова // Экономика и предпринимательство. — 2025. — № 10(183). — С. 128 – 134. — DOI 10.34925/EIP.2025.183.10.019. — EDN NMXPEO.

2. Распоряжение Правительства РФ от 10.08.2021 № 2208-р (ред. от 01.09.2025) «Об утверждении Меморандума о финансовой политике государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392984/87e0b0727bd0983893abcc8741fa566ecadf72ca/.

3. Указ Президента № 400 от 02.07.2021 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046.

4. Указ Президента № 166 от 30.03.2022 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47688 (дата обращения: 05.02.2026).

5. Постановление Правительства от 16 мая 2016 года № 425-8. Государственная программа «Развитие оборонно-промышленного комплекса» [Электронный ресурс] // URL: http://government.ru/docs/23173/ (дата обращения: 05.02.2026).

6. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»от 26.02.1997 г. № 31-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12259/ (дата обращения: 04.02.2026).

7. Национальный проект «Кадры» [Электронный ресурс] // URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/kadry/ (дата обращения: 05.02.2026).

8. Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501334 (дата обращения: 04.02.2026).

9. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р. Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года [Электронный ресурс] // URL: http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

10. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106 (дата обращения: 05.02.2026).

11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. «Об утверждении государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

12. Постановление Правительства от 15 апреля 2014 года № 316 «Об утверждении государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс] // URL: http://government.ru/docs/all/91503/ (дата обращения: 05.02.2026).

13. Фонд развития промышленности [Электронный ресурс] // URL: https://frprf.ru/ (дата обращения: 05.02.2026).

14. Василенкова, Н. В. Процесс кластеризации в условиях цифровой экономики / Н. В. Василенкова // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Москва, 24 января 2023 года. — Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. — С. 309 – 313. — EDN BIRPNB.

15. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 05.02.2026).

16. Логинов Е. Л., Романова Ю. А. Трансформация организационных механизмов управления предприятиями с реструктуризацией

технолого-кооперационных и производственных цепочек, адаптированных к будущим войнам и вооруженным конфликтам // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4. С. 218 – 226. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-4-218-226. EDN: BDZTFT.

17. Рубцова Л. Н., Чернявская Ю. А. Антикризисные меры в экономике России в условиях санкционных ограничений в финансовом и реальном секторах экономики // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. 2025. № 3(15). С. 4 – 15. DOI:10.24412/2782-4845-2025-15-4-15.

18. Специальный инвестиционный контракт (СПИК 2.0) [Электронный ресурс] // URL: https://gisp.gov.ru/nmp/measure/10511015 (дата обращения: 05.02.2026).

© *Василенкова Н. В., 2026*

EDN: MCCZNL

Васютина Татьяна Львовна
начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат технических наук, доцент
mvdinf7444822@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В статье проанализировано влияние глобализационных процессов на экономический суверенитет государства. Научная новизна исследования заключается в обосновании концепции «адаптивного суверенитета», предполагающей баланс между интеграцией в мирохозяйственные связи и развитием автономных технологических платформ для минимизации рисков внешнего санкционного и рыночного давления.
Ключевые слова: экономическая безопасность, национальный суверенитет, глобализация, санкции, цифровизация, импортозамещение, технологическая независимость.

Современный этап развития мирового хозяйства характеризуется фундаментальной трансформацией сложившихся ранее моделей международного взаимодействия. Процессы глобализации, которые на протяжении последних десятилетий рассматривались преимущественно как драйвер экономического роста и повышения эффективности за счет международного разделения труда, сегодня демонстрируют свою дуалистическую природу. С одной стороны, интеграция финансовых рынков, цифровизация торговли и трансграничное движение капитала способствуют технологическому обмену. С другой стороны, чрезмерная открытость национальных экономик в условиях нарастающей геополитической

турбулентности создает беспрецедентные угрозы для национального суверенитета [1]. В этой связи актуализируется проблематика обеспечения экономической безопасности как основы устойчивого развития государства.

Экономическая безопасность традиционно определяется как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства и условия для реализации стратегических национальных приоритетов [2]. Однако в эпоху глобализации само понятие суверенитета претерпевает изменения. Классическое понимание суверенитета как полной независимости в принятии решений вступает в противоречие с реалиями взаимозависимого мира. Возникает парадокс: чем глубже страна интегрирована в глобальные цепочки добавленной стоимости, тем выше ее уязвимость перед внешними шоками, будь то финансовые кризисы, пандемии или политически мотивированные санкционные ограничения [4].

Ключевым вызовом для национального суверенитета в экономической сфере становится утрата контроля над критически важными элементами воспроизводственного цикла. В первую очередь это касается технологической зависимости. Длительное время в экономической теории доминировал подход, согласно которому нерационально развивать собственные технологии, если их можно приобрести на мировом рынке дешевле. Эта логика привела к деиндустриализации ряда секторов и утрате компетенций в стратегически важных отраслях [3]. В условиях, когда технологии становятся инструментом геополитического давления, такая зависимость превращается в прямую угрозу национальной безопасности. Ограничение доступа к программному обеспечению, микроэлектронике и промышленному оборудованию способно парализовать работу целых секторов экономики, от банковской сферы до оборонно-промышленного комплекса.

Вторым значимым аспектом является финансовая безопасность. Глобальная финансовая система, основанная на доминировании ограниченного числа резервных валют, создает риски для стран, проводящих независимую внешнюю политику. Возможность блокировки активов, отключения от международных платежных систем и ограничения доступа к рынкам капитала используется как инструмент принуждения [8]. Это ставит перед государством задачу формирования суверенной финансовой инфраструктуры, способной функционировать

автономно. Речь идет не только о создании национальных платежных систем, но и о переходе на расчеты в национальных валютах с торговыми партнерами, что требует существенной перестройки внешнеэкономических связей.

Трансформация деятельности транснациональных корпораций также несет в себе вызовы для экономического суверенитета. Крупные технологические гиганты, обладая капитализацией, превышающей ВВП многих стран, зачастую действуют вне юрисдикции национальных правительств. Они концентрируют в своих руках колоссальные объемы данных, контроль над которыми становится фактором не только экономической, но и информационной безопасности [5]. Способность государства регулировать деятельность цифровых платформ, обеспечивать налогообложение их доходов и защиту персональных данных граждан становится одним из маркеров реального суверенитета в XXI веке.

Особое внимание следует уделить проблеме деформации структуры национальной экономики под воздействием глобальной конъюнктуры. Ориентация на экспорт сырьевых ресурсов в ущерб развитию обрабатывающей промышленности закрепляет за страной статус периферийного звена мировой экономики [1]. Такая модель делает бюджетную систему зависимой от волатильности мировых цен на энергоносители и сырье, что снижает возможности государства по выполнению социальных обязательств и инвестированию в развитие. Обеспечение экономической безопасности в данном контексте требует структурной перестройки, направленной на диверсификацию производства и повышение доли продукции с высокой добавленной стоимостью.

В условиях обострения геоэкономической конкуренции происходит переосмысление роли протекционизма. Если ранее протекционистские меры осуждались международными институтами как препятствие для свободной торговли, то сегодня элементы «разумного протекционизма» становятся нормой для ведущих экономик мира [6]. Это выражается в поддержке национальных производителей, субсидировании НИОКР, введении экологических и технических барьеров для импорта. Для России и других стран, стремящихся укрепить свой суверенитет, важным становится поиск баланса между защитой внутреннего рынка и сохранением конкурентной среды, необходимой для стимулирования инноваций.

Политика импортозамещения, реализуемая в ответ на внешние ограничения, не должна сводиться к простому копированию зарубежных аналогов. Стратегической целью является достижение технологического

лидерства в ключевых направлениях, определяющих уклад будущего [7]. Это требует концентрации ресурсов на развитии фундаментальной и прикладной науки, модернизации системы образования и создании условий для удержания человеческого капитала. «Утечка мозгов» остается одной из наиболее острых угроз экономической безопасности, поскольку именно интеллектуальный потенциал является главным фактором конкурентоспособности в современной экономике.

Институциональный аспект обеспечения экономической безопасности предполагает создание эффективной системы государственного управления, способной оперативно реагировать на внешние и внутренние вызовы. Важную роль играет борьба с коррупцией и теневой экономикой, которые размывают экономический потенциал государства и снижают доверие общества к власти. Прозрачность экономических процессов, предсказуемость налоговой и правовой среды являются необходимыми условиями для привлечения внутренних инвестиций, которые должны заместить выпадающие потоки иностранного капитала.

Следует также отметить, что экономическая безопасность неразрывно связана с социальной стабильностью. Рост неравенства, характерный для глобального капитализма, создает почву для социальных конфликтов. Обеспечение достойного уровня жизни населения, снижение безработицы и развитие социальной инфраструктуры являются не просто гуманитарными задачами, а императивами национальной безопасности [2]. Экономика, не работающая в интересах большинства граждан, не может быть устойчивой в долгосрочной перспективе.

В теоретическом плане необходимо переосмысление критериев и индикаторов экономической безопасности. Традиционные макроэкономические показатели, такие как темпы роста ВВП или уровень инфляции, не всегда корректно отражают реальное состояние защищенности экономики. Требуется внедрение комплексных методик оценки, учитывающих уровень технологической независимости, состояние критической инфраструктуры, качество человеческого капитала и экологические риски [4].

Анализ современной геополитической ситуации показывает, что мир движется в сторону фрагментации на макрорегиональные блоки. В этой конфигурации экономический суверенитет обеспечивается не изоляцией, а способностью формировать собственные интеграционные объединения и технологические альянсы. Для России таким вектором является развитие Евразийского экономического союза и укрепление партнерства со странами, не поддерживающими санкционную

политику [6]. Создание независимых от Запада логистических коридоров, систем страхования и стандартизации позволяет диверсифицировать внешнеэкономические риски.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности в эпоху глобализации требует перехода от пассивной адаптации к внешним условиям к проактивной стратегии развития. Эта стратегия должна базироваться на концепции «адаптивного суверенитета», сочетающей открытость к взаимовыгодному сотрудничеству с жесткой защитой национальных интересов в критически важных сферах. Ключевыми приоритетами становятся достижение технологического суверенитета, укрепление финансовой независимости и развитие человеческого потенциала [7]. Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, бизнеса и научного сообщества, позволит противостоять современным вызовам и обеспечить устойчивое развитие страны в условиях глобальной неопределенности. Экономический суверенитет перестает быть абстрактной политической декларацией и становится конкретным управленческим императивом, определяющим выживаемость государства в конкурентной борьбе XXI века. Успех в этом направлении зависит от способности системы государственного управления эффективно мобилизовать ресурсы и выстраивать долгосрочные стратегии, выходящие за рамки электоральных циклов.

Список литературы:

1. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса / С. Ю. Глазьев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2020. — № 2. — С. 11 – 22.

2. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. — 6-е изд. — Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2020. — 815 с.

3. Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. — Москва: ИНИР; Санкт-Петербург: ИНИР, 2021. — 224 с.

4. Караваева И. В. Экономическая безопасность России в новой реальности / И. В. Караваева, М. Ю. Лев // Экономическая безопасность. — 2022. — Т. 5. — № 3. — С. 785 – 806.

5. Пороховский А. А. Экономическая безопасность и национальный суверенитет в условиях цифровизации / А. А. Пороховский // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2021. — № 4. — С. 3 – 21.

6. Афонцев С. А. Санкции и экономический суверенитет: опыт России / С. А. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. — 2023. — Т. 67. — № 5. — С. 5 – 16.

7. Паньшин И. В. Проблемы обеспечения технологического суверенитета в условиях санкционного давления / И. В. Паньшин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2023. — Т. 19. — № 2. — С. 244 – 263.

8. Ершов М. В. Мировая экономика: перспективы и барьеры для роста / М. В. Ершов // Вопросы экономики. — 2021. — № 12. — С. 5 – 23.

© *Васютина Т. Л., 2026*

EDN: MFZVDQ

Выборный Андрей Николаевич
президент
Общероссийская Федерация служебного единоборства России
Член Высшего Совета и Заслуженный наставник РСБИ
Москва, Россия
кандидат экономических наук
Andrei-vib@yandex.ru

Цветкова Регина Олеговна
магистрант
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия
reginatsvet@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ МОНИТОРИНГА КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В СПОРТИВНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Спортивная сфера привлекает к себе большое внимание общественности и выступает важной составляющей социально-культурной деятельности гражданина и общества. Повышается значимость в привлечении внимания к коррупционной составляющей в этой сфере. Необходимо особое внимание к механизмам выявления коррупционной составляющей в сфере спорта, борьбе с деструктивным влиянием коррупционной составляющей.
Ключевые слова: спортивная сфера, коррупционные риски, мониторинг.

28 мая 2025 года в Кремле состоялось заседание Совета по развитию физической культуры и спорта на тему «О развитии адаптивной физической культуры и адаптивного спорта». В ходе мероприятия, глава Российской Федерации Владимир Владимирович Путин акцентировал

внимание на необходимости развития адаптивной физической культуры и спорта, подчеркнув высокую значимость, ведь в России проживает 11 млн инвалидов и их число возрастает в связи с проведением специальной военной операции в Украине, начавшейся в 2022 году.

Юридический статус признания деятельности «спортом» даёт возможность получения государственного финансирования; участия в официальных соревнованиях (чемпионаты России, международные турниры); поддержки спортивных школ и включение в программы развития. Если вид активности не включён во Всероссийский реестр видов спорта, он не имеет статуса «спорта» и не подпадает под регулирование ФЗ-329 [1].

Для спортивной сферы характерны мощные финансовые потоки, которые привлекательны и легальным инвесторам, и преступному миру. Высокая коррупциоёмкость этой сферы требует более активной позиции государства по противодействию коррупции [5, с. 148], не перекладывая решение по урегулированию проблем на федерации спорта [4, с. 191].

Растущая коммерциализация спорта несёт в себе определённые риски [6, с. 116], что требует пристального внимания и регулирования отношений, исключающих возможность появления даже зачатков коррупции в этой сфере.

Мониторинг и контроль коррупционных рисков должен осуществляться по всей многоуровневой системе: ведомственный контроль (Минспорта России, региональные управления); общественный контроль (НКО, СМИ); независимый аудит (специализированные организации).

Для мониторинга коррупционных рисков необходимо осуществить разработку и внедрение цифровых технологий: создать единую информационную систему «Антикоррупционный мониторинг ФКиС», состоящую из модулей «Анализ госзакупок»; «Контроль за декларированием доходов»; «Выявление конфликтов интересов».

На примере Москвы, опыт которой можно считать позитивным, предлагается применить её наработки в других регионах РФ, где на текущий момент не налажена или не налажена должным образом реализация государственной политики в сфере профилактики противодействия коррупции в ведомствах и подведомственных учреждениях, а также распространить этот опыт на другие уровни системы физкультуры и спорта.

Для качественного анализа госзакупок необходимо на базе, например, внедряемой программы ГИС «Посейдон» или создать альтернативную автоматизированную систему оповещения, например, взяв за основу уже разработанный екатеринбургским СКБ Контур Модуль

Фокус Комплаенс и Контур.Фокус для 1С, позволяющий проводить проверку контрагентов на благонадёжность, риски по ФЗ-115 [2] и санкции. Такая система должна включить в себя внедрение алгоритмов выявления подозрительных операций, таких как анализ отклонений в закупочных ценах; контроль сроков выполнения контрактов; мониторинг аффилированности участников; процедуру быстрого реагирования, для этого потребуется создать мобильные рабочие группы для осуществления проверки сигналов; разработать упрощённый порядок отзыва лицензий при выявлении нарушений; но самое главное создать атмосферу прозрачности принятия решений, для этого требуется обязательная публикация результатов проведённых проверок и внедрение открытого реестра дисциплинарных взысканий.

Для осуществления качественной оценки эффективности необходимо разработать систему показателей, включающую в себя количество выявленных нарушений; объём возвращённых в бюджет денежных средств; динамику коррупционных рисков.

Считаем необходимым проведение ведомственного контроля в формате единых комплексных проверок ОИВ, с включением проверки работ, проводимых в рамках противодействия коррупции. На текущий момент такие проверки, как финансовый контроль, трудовой контроль и закупки осуществляются по отдельности отдельными блоками финансовым, кадровым, отделом закупок, в разные периоды времени или могут не осуществляться вовсе. Для достижения большего эффекта от проводимых проверок, необходимо объединить их в единую комплексную проверку, проводимую одномоментно всеми блоками сразу под единым контрольным звеном.

Также необходимо обновление Памятки «Противодействие коррупции в спорте» [3], разработанной совместно Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Минспортом России. Это было отмечено во время проведения собрания 25 ноября 2025 года, прошедшего в Минспорте России с приглашением представителя Генеральной прокуратуры и представителей подведомственных организаций.

Ценным ресурсом при формировании механизмов мониторинга и контроля противодействия коррупции может стать общество. В ходе проведённого нами анкетирования 38,1 % респондентов дали ответ, что понимают куда нужно обращаться, если столкнутся с коррупцией в спорте и 66,7 % будут готовы сообщить о фактах коррупции в спорте, если столкнутся с ней.

Гражданское общество, юридические лица и простые граждане должны быть вовлечены в борьбу с коррупцией в сфере физической культуры и спорта, необходимо внедрить в механизм мониторинга и контроля более детальную отработку поступающих сигналов с обращениями от граждан, вовлечённых в спортивную сферу.

Для качественной разработки методики профилактики коррупции при проведении спортивных мероприятий важно осуществить максимальную стандартизацию антикоррупционных процедур, при этом не упустив отраслевые особенности.

Типовая антикоррупционная программа мероприятия должна включать в себя анализ рисков для конкретного мероприятия; назначение ответственного за антикоррупционный контроль; план профилактических действий.

Контроль финансовых потоков должен включать в себя разделение финансовых полномочий; обязательный аудит расходов; лимиты наличных расчётов.

Управление конфликтами интересов должно включать в себя механизмы выявления и урегулирования конфликта интересов: декларирование связей участников; ротацию ответственных лиц; правила взаимодействия со спонсорами.

Практическими инструментами профилактики коррупции в сфере ФКиС могут стать:

1. Антикоррупционный чек-лист организатора (перечень обязательных контрольных точек; проверка поставщиков; контроль билетных программ; мониторинг судейства);

2. Система «трёх линий защиты» (внутренний контроль организаторов; независимый наблюдательный совет; общественный мониторинг);

3. Образовательные программы обучения для организаторов мероприятий, волонтёров и спортивных судей.

Необходимо учесть отраслевые особенности профилактики: специальные меры для массовых мероприятий — прозрачный отбор волонтёров; контроль мерчандайзинга; аудит инфраструктурных решений; для профессиональных соревнований — мониторинг ставок; контроль медицинского обеспечения; проверка допинг-проб; для детско-юношеских мероприятий — запрет коммерческого отбора; прозрачность отбора участников; контроль использования грантов.

Предложенные механизмы мониторинга призваны выявить коррупционные риски на ранних стадиях, а профилактические методики

учитывают особенности различных спортивных событий. Для реализации этих рекомендаций требуется разработка нормативных актов, создание цифровой инфраструктуры, обучение персонала и сотрудничество с общественными организациями.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. — Москва, 2025. — 4 апреля.

2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС КонсультантПлюс. — Москва, 2001. — 7 августа.

3. Памятка «Противодействие коррупции в спорте» // Разработка Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства спорта Российской Федерации. — Москва, 2024.

4. Иванов А. С. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса как преступление коррупционной направленности / А. С. Иванов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 2 (28). — С. 188 – 194.

5. Качалова О. В. Стратегия противодействия манипулированию спортивными соревнованиями / О. В. Качалова // Вестник Брянского государственного университета. — 2020. — № 1 (43). — С. 148 – 152.

6. Трунцевский, Ю. В. Противодействие коррупции и поддержание честности в спорте (сравнительно-правовой аспект) / Ю. В. Трунцевский // Труды Ордена Трудового Красного Знамени Академии управления МВД России. — 2020. — № 2 (54). — С. 115 – 122.

© Выборный А. Н., Цветкова Р. О., 2026

EDN: LXKEIW

Гаврилова Татьяна Валерьевна
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России
Волгодонск, Россия
gavrilova.tatjyana.77@gmail.com.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ КАК ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ: ПРАВОВАЯ ПРОФИЛАКТИКА И ПРАКТИКА ВЫЯВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется конфликт интересов как фактор экономических потерь публичного и корпоративного сектора. Рассматриваются правовые механизмы профилактики и практики выявления конфликта интересов в Российской Федерации, их влияние на снижение коррупционных рисков и повышение эффективности управления.
Ключевые слова: конфликт интересов, экономические потери, коррупция, правовая профилактика, антикоррупционная политика, комплаенс, государственное управление.

Конфликт интересов в современной правовой и экономической системе рассматривается не только как этическая проблема, но и как значимый источник экономических потерь для государства, бизнеса и общества в целом, поскольку его наличие способно искажать управленческие решения, снижать эффективность распределения ресурсов, подрывать доверие к институтам власти и корпоративного управления. В связи с чем в условиях цифровизации экономики и усложнения управленческих процессов вопросы выявления и предупреждения конфликта интересов приобретают особую актуальность. Формирование сложных сетей взаимодействия между публичным и частным секторами, расширение механизмов государственно-частного партнёрства, развитие контрактной системы в сфере закупок усиливают риски возникновения

ситуаций, при которых личная заинтересованность должностных лиц вступает в противоречие с публичными интересами. В этой связи конфликт интересов следует рассматривать как системное явление, затрагивающее основы экономической безопасности и устойчивого развития.

Экономическая природа конфликта интересов проявляется в том, что он влияет на качество распределения ограниченных ресурсов, поскольку решения, принимаемые в условиях скрытой личной заинтересованности, зачастую приводят к выбору менее эффективных поставщиков, завышению стоимости контрактов, созданию искусственных барьеров для конкуренции, в результате формируется не только прямой ущерб бюджету или хозяйствующему субъекту, но и долгосрочные институциональные издержки, выражающиеся в снижении доверия инвесторов и партнеров. Поэтому, конфликт интересов выступает одним из факторов институциональной деформации рынка, он нарушает принципы равенства участников экономических отношений и справедливой конкуренции и тесно связан с феноменом коррупции, однако не тождествен ему. Если коррупция предполагает уже совершённое противоправное деяние, то конфликт интересов может существовать как потенциальная угроза, создающая предпосылки для злоупотреблений. Следовательно, правовое регулирование данной сферы ориентировано преимущественно на предупреждение, а не только на пресечение правонарушений. Профилактическая направленность обусловлена тем, что экономические потери, вызванные непрозрачностью и аффилированностью управленческих решений, зачастую трудно поддаются количественной оценке, но оказывают существенное влияние на макроэкономические показатели.

Российское законодательство закрепляет понятие конфликта интересов прежде всего в сфере государственной службы и противодействия коррупции. В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» конфликт интересов определяется как ситуация, при которой личная заинтересованность влияет или может повлиять на объективное исполнение должностных обязанностей [1]. Очевидно, что подобный подход отражает признание системного характера проблемы и ее потенциальных экономических последствий. Вместе с тем нормативное закрепление данного института является лишь отправной точкой: практическая реализация механизмов выявления и урегулирования конфликта интересов требует комплексного взаимодействия правовых, организационных и технологических

инструментов, направленных на минимизацию экономических рисков и повышение прозрачности управленческих процессов.

Экономические потери, вызванные конфликтом интересов, проявляются в прямых и косвенных формах, к которым относятся, к примеру, неэффективные государственные закупки, заключение невыгодных контрактов, злоупотребление служебным положением в целях получения выгоды аффилированными лицами. Практика контрольных органов свидетельствует о том, что нарушения, связанные с аффилированностью участников закупочных процедур, приводят к завышению начальной (максимальной) цены контракта, ограничению конкуренции и формированию устойчивых картельных схем. В результате бюджетные средства расходуются нерационально, а экономический эффект от реализации государственных программ существенно снижается. Косвенные потери больше выражаются в снижении инвестиционной привлекательности, росте транзакционных издержек и падении доверия к институтам публичной власти [2, с. 55 – 56]. Исследования показывают, что страны с высоким уровнем коррупционных рисков демонстрируют более низкие темпы экономического роста и слабую конкурентоспособность [3]. То есть, конфликт интересов влияет не только на отдельные управленческие решения, но и на макроэкономические показатели, формируя долгосрочные негативные тенденции. Нередко он выступает латентной формой коррупционного поведения и в отличие от прямого получения взятки, может проявляться в принятии решений в пользу организаций, с которыми должностное лицо связано имущественными или родственными отношениями. Подобные решения зачастую формально соответствуют установленным процедурам, однако, по существу, нарушают принципы объективности и беспристрастности. А отсутствие своевременного выявления подобных ситуаций приводит к системным потерям бюджета и снижению эффективности государственных программ [4]. Более того, закрепление практики «своих» поставщиков или подрядчиков формирует замкнутые экономические группы, ограничивающие доступ на рынок новых участников, что препятствует инновационному развитию и добросовестной конкуренции.

Отметим, что в российской правовой системе сформирован комплекс мер по предупреждению конфликта интересов. Помимо Федерального закона № 273-ФЗ, значимую роль играет Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», устанавливающий обязанность служащих

уведомлять работодателя о возникновении личной заинтересованности [5]. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 определяет Национальный план противодействия коррупции, в котором особое внимание уделяется совершенствованию механизмов декларирования доходов и контроля за расходами [6]. В совокупности данные нормативные акты формируют институциональную основу профилактики конфликта интересов, ориентированную на предупреждение его возникновения и минимизацию негативных последствий.

Правовая профилактика конфликта интересов включает в себя нормативное закрепление обязанностей по раскрытию информации, создание комиссий по соблюдению требований к служебному поведению, внедрение антикоррупционных стандартов и проведение служебных проверок. Существенным инструментом здесь выступает институт декларирования доходов, расходов и обязательств имущественного характера, позволяющий выявлять несоответствие уровня жизни официальным доходам [7]. Важное значение имеет также регулирование вопросов участия должностных лиц в управлении коммерческими организациями, ограничения на владение иностранными финансовыми инструментами и требования к предотвращению аффилированности. Такие меры направлены на устранение предпосылок для возникновения личной заинтересованности, способной повлиять на объективность принимаемых решений.

В корпоративной сфере аналогичные функции выполняют системы комплаенс-контроля, международные стандарты, в том числе рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), подчеркивают необходимость прозрачности управленческих процедур и предотвращения конфликта интересов в компаниях с государственным участием [8]. Внедрение комплаенс-программ способствует снижению репутационных рисков и финансовых потерь, связанных с санкциями и судебными разбирательствами, а наличие эффективной системы внутреннего контроля повышает инвестиционную привлекательность компании, поскольку свидетельствует о соблюдении принципов добросовестности и прозрачности корпоративного управления.

Практика выявления конфликта интересов в Российской Федерации свидетельствует о последовательном расширении и усложнении инструментов контроля. Органы прокуратуры и контрольно-счетные органы активно применяют механизмы финансового мониторинга, а также возможности межведомственного информационного обмена [9].

Существенно возрастает значение ведомственного контроля, внутреннего аудита и специализированных антикоррупционных подразделений в системе органов государственной власти и государственных корпораций. Судебная практика подтверждает, что нарушение требований по предотвращению и урегулированию конфликта интересов влечет дисциплинарную, административную и уголовную ответственность [10]. При этом суды все чаще оценивают не только факт наступления вредных последствий, но и саму потенциальную возможность влияния личной заинтересованности на объективность и беспристрастность принимаемых решений.

Особая роль в современных условиях отводится цифровизации контрольной деятельности. Применение автоматизированных систем анализа данных позволяет выявлять признаки аффилированности участников закупочных процедур, сопоставлять сведения о доходах и расходах должностных лиц, а также анализировать взаимосвязи между субъектами хозяйственной деятельности. Развитие технологий больших данных и интегрированных межведомственных информационных платформ создает условия для более оперативного обнаружения конфликтов интересов на ранних этапах их формирования, что способствует снижению уровня латентности правонарушений и минимизации связанных с ними экономических потерь. Вместе с тем эффективность правовой профилактики во многом определяется уровнем правовой культуры и степенью организационной прозрачности. Формальное выполнение установленных процедур без содержательной оценки рисков не обеспечивает достижения поставленных целей. В этой связи требуется согласованное функционирование правовых механизмов, систем внутреннего контроля и корпоративной этики, а также формирование у должностных лиц устойчивой ориентации на приоритет публичных интересов над личными. Лишь при реализации комплексного подхода возможно существенно сократить экономические издержки, обусловленные конфликтом интересов, и укрепить стабильность правовой и экономической системы.

Таким образом, конфликт интересов следует рассматривать как существенный фактор экономических потерь, оказывающий влияние на устойчивость государственного управления и динамику развития предпринимательской среды. Эффективная правовая профилактика и практика выявления подобных ситуаций предполагают системное сочетание нормативного регулирования, институциональных механизмов контроля и современных цифровых инструментов. Дальнейшее совершенствование

законодательства, а также развитие комплаенс-культуры в публичном и корпоративном секторах способны значительно снизить экономические риски и укрепить доверие к государственным и деловым институтам.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 19.02.2026).

2. Кабанов П. А. Конфликт интересов на государственной службе: монография. М.: Норма, 2022.

3. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023 [Электронный ресурс] // URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2023 (дата обращения: 19.02.2026).

4. Астанин В. В. Противодействие коррупции в Российской Федерации: учебное пособие. М.: Юрайт, 2023.

5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 19.02.2026).

6. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47002 (дата обращения: 19.02.2026).

7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Практика противодействия коррупции [Электронный ресурс] // URL: https://genproc.gov.ru/anticor/ (дата обращения: 19.02.2026).

8. OECD. Managing Conflict of Interest in the Public Service [Электронный ресурс] // URL: https://www.oecd.org/gov/ethics/ (дата обращения: 19.02.2026).

9. Счетная палата Российской Федерации. Отчеты о результатах контрольных мероприятий [Электронный ресурс] // URL: https://ach.gov.ru/ (дата обращения: 19.02.2026).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс] // URL: http://www.vsrf.ru/documents/own/8355/ (дата обращения: 19.02.2026).

© Гаврилова Т. В., 2026

EDN: LYWRAC

Гармышева Александра Александровна
преподаватель кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
me@garmysheva.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЕДИНОГО НАЛОГОВОГО СЧЁТА

Аннотация. В статье исследуется трансформация налогового контроля в условиях цифровизации экономики. Анализируется влияние технологий искусственного интеллекта и единого налогового счёта на результативность выявления налоговых правонарушений. Обосновывается переход к превентивной модели контроля и формирование интеллектуальной модели налогового администрирования. Предложены направления совершенствования правового регулирования.
Ключевые слова: налоговый контроль, искусственный интеллект, единый налоговый счёт, цифровизация, налоговые правонарушения, финансовые потоки.

Введение

Уклонение от уплаты налогов рассматривается как объект финансового мониторинга и предикатное преступление, тесно связанное с процессами легализации преступных доходов [1], что обуславливает необходимость комплексного подхода к его выявлению и пресечению. В условиях развития цифровой экономики проблема противодействия налоговым правонарушениям приобретает особую актуальность, что требует совершенствования механизмов налогового контроля.

Современная система налогового администрирования в Российской Федерации находится в процессе перехода к цифровой модели, основанной на использовании технологий обработки данных и автоматизации процессов. Внедрение единого налогового счёта и развитие цифровой инфраструктуры способствовали переходу к превентивному контролю, при котором особую роль играют технологии искусственного интеллекта, позволяющие анализировать финансовые потоки, выявлять риски и прогнозировать нарушения. Целью исследования является анализ трансформации налогового контроля и определение роли искусственного интеллекта в повышении его эффективности. Научная новизна заключается в обосновании формирования новой модели налогового контроля, основанной на непрерывном анализе данных и превентивном выявлении рисков.

Основная часть

Традиционная модель налогового контроля основывалась на проведении камеральных и выездных налоговых проверок, а также анализе цепочек контрагентов. Данный подход носил реактивный характер и был ориентирован на выявление нарушений после их совершения.

Современная практика демонстрирует риск-ориентированную модель. Так, по итогам 2025 года проведено 5 409 выездных налоговых проверок, при этом их результативность достигла 97,5 %. Для сравнения, в 2015 году их количество составило 30 662, а в 2011 — 67 351 (см. таблицу 1) [2]. Наблюдается снижение количества проверок более чем на 90 % при одновременном сохранении их результативности. В 2025 году доля налоговых поступлений, обеспеченных по результатам аналитической работы без проведения налоговых проверок, достигла 57 %, что указывает на преобладание добровольных доплат в структуре поступлений и подтверждает эффективность внедрения цифровых инструментов и риск-ориентированного подхода в налоговом администрировании.

Таблица 1. Динамика показателей налогового контроля

Показатель	2011	2015	2020	2025
Количество выездных налоговых проверок	67 351	30 662	6 164	5 409
Результативность выездных налоговых проверок	98,80%	98,90%	95,30%	97,50%
Количество камеральных проверок	36 355 622	31 932 225	61 542 147	55 368 743
Результативность камеральных налоговых проверок	5,80%	6,10%	3,90%	4,10%

Источник: составлено автором по данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации.

Указанные результаты свидетельствуют о повышении результативности налогового администрирования и снижении затрат на осуществление контрольной деятельности налоговых органов. Применение аналитических инструментов и цифровых решений способствует сокращению теневого сектора экономики и увеличению налоговых поступлений, что напрямую влияет на обеспечение экономической безопасности государства [3]. Достижение таких результатов во многом обусловлено внедрением элементов искусственного интеллекта, позволяющих осуществлять предварительную обработку информации, повышать точность отбора объектов контроля и минимизировать необходимость проведения трудоёмких выездных проверок. Одновременно наблюдается снижение административной нагрузки на налогоплательщиков за счёт сокращения количества контрольных мероприятий и перехода к превентивной модели налогового контроля.

В этих условиях использование технологий искусственного интеллекта становится одним из ключевых факторов повышения эффективности контрольной деятельности налоговых органов. Применение таких технологий позволяет перейти от анализа отдельных операций к анализу финансового поведения налогоплательщика. Искусственный интеллект применяется для выявления аномалий, анализа транзакций, формирования риск-профилей и прогнозирования налоговых нарушений, обеспечивая возможность не только выявления уже совершённых правонарушений, но и их предупреждения на основе прогнозной аналитики [4].

Цифровая трансформация налогового администрирования приводит к изменению его парадигмы, выражающемуся в переходе от традиционной контрольной модели к системе, основанной на автоматизации процессов, использовании аналитических инструментов и сервисном взаимодействии с налогоплательщиками [5]. Таким образом, формируется новая интеллектуальная модель налогового контроля, основанная на непрерывной обработке данных, прогнозировании поведения налогоплательщиков и превентивном выявлении рисков, ключевые элементы которой представлены на рисунке 1.

На практике применяются следующие инструменты:

— автоматизированная система контроля НДС, позволяющая выявлять разрывы в цепочках контрагентов;

— предпроверочный анализ, в рамках которого налогоплательщику направляются уведомления о выявленных рисках;

— анализ данных онлайн-касс и банковских операций;

— риск-ориентированные модели отбора налогоплательщиков;

— использование данных единого налогового счёта для комплексного анализа финансовых потоков;

— системы прослеживаемости товаров, обеспечивающие контроль движения продукции и выявление несоответствий в цепочках поставок;

— скоринговые модели оценки налоговых рисков и технологии обработки больших данных;

— интеллектуальные цифровые сервисы, включая чат-боты и системы анализа судебной практики.

Рисунок 1. Интеллектуальная модель налогового контроля, ориентированная на добровольное исполнение налоговых обязательств

Важнейшим элементом цифровой трансформации является единый налоговый счёт, обеспечивающий централизацию данных и прозрачность расчётов, а также позволяющий осуществлять комплексный анализ финансовых потоков налогоплательщика, что формирует технологическую основу для внедрения и развития систем искусственного интеллекта в налоговом контроле.

Представляется, что в современных условиях формируется принципиально новая парадигма налогового контроля, которую можно определить как интеллектуальную модель налогового администрирования, основанную на непрерывном анализе данных, прогнозировании поведения налогоплательщиков и минимизации прямого контрольного воздействия.

Несмотря на очевидные преимущества, применение технологий искусственного интеллекта в налоговом контроле сопровождается рядом существенных проблем. Прежде всего, сохраняется риск ошибок алгоритмов, обусловленный как ограниченностью обучающих выборок, так и возможными искажениями данных, используемых при обучении моделей. Это может приводить к некорректной классификации налогоплательщиков и необоснованному отнесению их к группе повышенного риска.

Не менее значимой является проблема непрозрачности принимаемых решений (так называемый эффект «чёрного ящика»), при котором логика работы алгоритма и основания принятия решений остаются недоступными для понимания как со стороны налогоплательщиков, так и со стороны контролирующих органов. В условиях налоговых правоотношений это может затруднять реализацию права на защиту и обжалование решений.

Кроме того, в настоящее время недостаточно урегулированы вопросы правового статуса решений, принимаемых с использованием искусственного интеллекта, включая их допустимость в качестве доказательств, а также пределы использования автоматизированных систем при принятии юридически значимых решений. Существенное значение имеет и зависимость эффективности алгоритмов от качества, полноты и структурированности исходных данных, что повышает требования к формированию и обработке информационных массивов.

В целях совершенствования системы налогового контроля и минимизации указанных рисков представляется целесообразным:

— закрепить на нормативном уровне требования к прозрачности и объяснимости алгоритмов, используемых налоговыми органами;

— внедрить процедуры независимого аудита и верификации решений, принимаемых с использованием технологий искусственного интеллекта;

— разработать процессуальные механизмы оспаривания автоматизированных решений, обеспечивающие реализацию прав налогоплательщиков;

— установить единые стандарты качества и достоверности данных, применяемых для обучения и функционирования алгоритмов;

— определить пределы использования искусственного интеллекта при принятии решений, затрагивающих права и обязанности налогоплательщиков, с сохранением ключевой роли человека в окончательной оценке результатов анализа.

Реализация указанных мер позволит обеспечить баланс между эффективностью налогового контроля и защитой прав

налогоплательщиков, а также повысить доверие к цифровым инструментам налогового администрирования.

Заключение

Современная система налогового администрирования в Российской Федерации находится в процессе перехода к цифровой модели контроля, основанной на использовании технологий искусственного интеллекта, что позволяет повысить результативность при одновременном снижении количества проверок и затрат на их проведение. Применение искусственного интеллекта обеспечивает переход к превентивной модели, ориентированной на прогнозирование налоговых правонарушений и анализ финансового поведения налогоплательщиков, при этом единый налоговый счёт формирует технологическую основу для комплексного анализа данных.

Таким образом, формируется новая интеллектуальная модель налогового контроля, основанная на непрерывном анализе данных и прогнозировании рисков, дальнейшее развитие которой должно обеспечивать баланс между эффективностью контрольной деятельности и защитой прав налогоплательщиков. Данная модель свидетельствует о смещении налогового контроля в цифровую среду, где ключевую роль играют автоматизированные аналитические системы и алгоритмы искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Королева Л. П. Уклонение от уплаты налогов и отмывание денег: взаимосвязь и особенности противодействия // Вестник евразийской науки. 2025. № 3S.

2. Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс] // URL: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. Шаухина А. М. Цифровизация налогового контроля в современных условиях // РППЭ. 2024. № 1 (159).

4. Гармышева А. А. Применение методов искусственного интеллекта в противодействии уклонению от уплаты налогов / А. А. Гармышева // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: Материалы II всероссийского конгресса, Санкт-Петербург, 11 июня 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. — С. 242 – 248.

5. Баишев М. А. Внедрение цифровых технологий в систему налогового администрирования в современной российской экономике // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № S3.

© Гармышева А. А., 2026

EDN: LSDVDL

Гетман Илья Борисович
доцент кафедры экономической теории
и финансового права
Омская академия МВД России
Омск, Россия
кандидат юридических наук
getmanx@mail.ru

Панов Сергей Леонидович
ветеран МВД России
Омск, Россия
кандидат юридических наук
spanov1960@mail.ru

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ

Аннотация. В 2024 году в Российской Федерации произошло более 132 тыс. дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, из которых каждое девятое — со смертельным исходом. В статье авторами анализируются детерминанты дорожно-транспортных происшествий с целью выработки мер по снижению аварийности на дорогах страны.
Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, детерминанты, материальный ущерб, экономическая безопасность.

Дорожно-транспортное происшествие — событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб.

По данным отечественной статистики за 2024 год на дорогах произошло 132 тыс. дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП). Общее число пострадавших достигло 144.311, погибло 14.403 человека.

Чаще всего происходили столкновения (58,3 тыс. происшествий), наезды на пешеходов (34,3 тыс.) и съезды с дорог (13,7 тыс.) [6].

Намеренное или случайное нарушения правил дорожного движения как со стороны водителей, так и со стороны пешеходов — одна из основных детерминант дорожно-транспортных происшествий в стране [7, с. 134]. Основные нарушения правил дорожного движения связаны с превышением скорости, выездом на встречную полосу или проездом на запрещающий сигнал светофора, несоблюдением требований дорожных знаков, резким изменением траектории движения, несоблюдением дистанции, несоблюдением правил взаимодействия с пешеходами и рядом других.

Одна из причин ДТП на дороге — неисправности автомобиля. Неисправности автотранспортного средства могут привести к достаточно серьезным последствиям. В числе самых опасных неисправностей можно выделить: неэффективная работа тормозов, поломки рулевого управления; неисправность осветительных приборов, повреждения шин и ряд других. Нередко ситуация усугубляется тем, что сегодня из-за роста цен и падения покупательской способности россияне не спешат менять машины, а ездят на них «до последнего», не уделяя должного внимания техническому состоянию автомобиля. Также в попытках сэкономить водители не спешат менять резину по сезону.

Причиной определенного числа ДТП является вождение в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического). Наркотические средства и алкоголь негативным образом действует на сознание (самочувствие) водителя автотранспорта — проявляется сонливость, ухудшается внимание, замедляется реакция, нарушается координация, теряется четкость движения, повышается самонадеянность. В результате водителю требуется больше времени для оценки дорожной обстановки, принятия решения и выполнения необходимых управляющих действий. От управления автомобилем лицом, севшим за руль после потребления алкоголя (психоактивных веществ), страдают и другие участники дорожного движения — пешеходы. Вождение в нетрезвом виде может привести к серьёзным последствиям, включая ДТП со смертельным исходом [8, с. 9].

Плохое состояние дорожного покрытия (в первую очередь вне населенных пунктов) является одной из причин ДТП в стране. На некоторых участках дорог могут наблюдаться дефекты покрытия, такие как: колея, ямы, выбоины и трещины. Так, дефекты дорожного покрытия могут привести к выезду автомобиля на полосу встречного движения. К данному

блоку причин можно отнести также неисправность светофора, неправильное расположение дорожных знаков, игнорирование правил нанесения дорожной разметки. Дороги вне населённых пунктов могут быть опасными из-за сочетания факторов, связанных с состоянием дорожного покрытия, погодными условиями, плохим освещением и человеческим фактором (например, расслабленностью водителей) [2, с. 276].

Причиной ряда ДТП становятся неблагоприятные погодные условия. Проливной дождь, метель, туман, гололедица, слякоть — такие погодные явления не только снижают обзор водителя, но и становятся причиной изменения поведения автомашины (снижение дальности видимости, искажение восприятия дорожной обстановки, увеличение тормозного пути, заносы, плохая сцепка колес с автодорогой и др.) и совершения ДТП.

К одной из причин ДТП следует отнести — использование водителями автотранспортных средств во время движения телефона и различных электронных гаджетов (просмотр социальных сетей, отправка текстовых и видео сообщений) снижает их внимательность, приводит к замедлению реакции на непредвиденные ситуации на дороге.

Наличие на отечественном потребительском рынке поддельных и некачественных автозапчастей — одна из причин ДТП. Подделываются в основном те автомобильные запасные части (детали топливной системы, коленвалы, тормозные колодки, детали подвески, электрооборудование и др.), которые быстро изнашиваются и выходят из строя, а, следовательно, пользуется постоянным спросом у покупателей. Поддельные запчасти для автомобилей зачастую служат основной причиной той или иной неисправности. Установка некачественной автозапчасти в последствие может стать причиной дорожно-транспортного происшествия и причинения вреда участникам дорожного движения [5, с. 558].

В качестве одной из причин дорожно-транспортных происшествий следует выделить низкое качество обучения будущих водителей в автошколах. К сожалению, некоторые автошколы и центры подготовки водителей не стремятся обеспечить высокое качество обучения, многие подходят к организации образовательного процесса довольно формально, что сказывается на уровне подготовки новых участников дорожного движения. Цель таких автошкол — получить с обучающегося лица как можно больше денег и натаскать его по типичным заданиям на автодроме, научить ездить по экзаменационному маршруту и выполнять простые задания. Нередко обучающие на водителя граждане

фактически не учат правила дорожного движения, а просто решают и зазубривают типовые экзаменационные вопросы [4, с. 163].

Определенное количество ДТП совершено по вине пешеходов. К основным нарушениям пешеходами правил поведения на дорогах следует отнести: переход проезжей части в неустановленном для этого месте, движение в темное время суток по краю дороги, неожиданный выход на проезжую часть из-за предметов, ограничивающих обзор водителю, переход дороги на запрещающий сигнал светофора, отсутствие световозвращающих элементов на одежде.

Значительное число ДТП происходит в так называемый «период сезонного роста аварийности» с июля по октябрь каждого года. К детерминантам ДТП в указанный период времени следует отнести [3]:

а) активизация потребности определенного числа граждан в передвижении по стране автотранспортом в период школьных (студенческих) каникул и трудовых отпусков;

б) из-за определенных ограничений в воздушном сообщении между регионами страны, автоводителям приходится продлевать большие расстояние, нередко пренебрегая необходимым отдыхом и соблюдением основных правил безопасности (скоростной режим, рискованные маневры и т.д.);

в) регулярные выезды на «природный» отдых, где недобросовестные водители могут позволить себе потреблять спиртные напитки, а затем управлять транспортным средством в нетрезвом виде;

г) увеличение в данный период времени на автодорогах граждан на велосипедах, лиц, управляющих электросамокатами, мопедами, мотоциклами, часть из которых пренебрегает правилами дорожного движения;

д) высокие температуры (нередко выше 30 градусов) в летний период времени негативно влияют на качество асфальтного покрытия, поэтому сцепление колес автомобиля с дорогой ухудшается, а это приводит к повышенной аварийности. Кроме того, из-за жары возникает сильная утомляемость и замедление реакции у водителей, управляющих транспортными средствами.

Всплеск аварийности в конце недели можно объяснить совокупностью следующих факторов: ростом количества грузовых автомашин на дорогах, накопившейся усталостью, снижением концентрации у водителей, а также их стремлением скорее добраться до места жительства.

К условиям, способствующим ДТП можно отнести: темное время суток; самоуверенность водителей; увеличение интенсивности

движения; неопытность автомобилистов или езда после длительного перерыва; наличие у водителей проблем со здоровьем; непредсказуемое поведение участников движения; сложный рельеф местности; некачественная работа коммунальных служб; непродуманная автомобильная инфраструктура; увеличения интереса у населения к автотуризму; замедленное внедрение современных систем безопасности и ряд других.

Анализ детерминант (причин и условий) дорожно-транспортных происшествий необходим с целью разработки мер (правовые, организационные, технические, пропагандистские), направленных на предупреждение причин аварий и снижение тяжести их последствий.

Список литературы:

1. Анашкин А. В. «Пьянство за рулем» — детерминант дорожно-транспортных происшествий (региональный аспект) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11-7. С. 8 – 11.

2. Бунькина И. А. Моделирование элементов влияния технического состояния дорожного покрытия на ДТП // Научное обозрение. 2016. № 12. С. 276 – 280.

3. Елизаров Д. ГИБДД назвали самый аварийно-опасный день для водителей // Электронный журнал Авто.ру. 2021. 18 ноября.

4. Поповцев Ф. Ю. Методика оценки качества вождения автомобиля выпускниками автошкол // В сборнике: Магистратура — автотранспортной отрасли. Материалы V Всероссийской межвузовской конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 163 – 168.

5. Пшеничных А. В. Особенности противодействия правонарушениям в сфере незаконного изготовления и сбыта поддельных и контрафактных автозапчастей // В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики. Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий. Хабаровск. 2020. Выпуск 5 С. 557 – 562.

6. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // URL: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 25.01.26).

7. Сейтумеров М. Д., Бекиров Р. Н. Анализ основных причин ДТП на дорогах // Bonum Initium. 2020. № 11(19). С. 133 – 140.

© Гетман И.Б, Панов С. Л., 2026

EDN: GXCBFJ

Гиоев Георгий Вартанович
профессор кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
gioev_g@mail.ru

Казаков Александр Васильевич
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Северо-Западный Институт Управления
РАНХ и ГС при Президенте РФ
кандидат исторических наук, доцент
woltiger@mail.ru

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы пожарной безопасности на объектах МВД России с учетом их специфики: режимности, наличием сведений ограниченного доступа, а также интенсивных потоков посетителей в дежурных частях. Сформулированы предложения по внедрению цикла PDCA для профилактики пожаров: квартальные целевые аудиты, корректирующие мероприятия со сроками и ответственными.
Ключевые слова: пожарная безопасность; оценка рисков; цикл PDCA; пожарная автоматика; уровень PSIM.

Пожарная безопасность в системе МВД России понимается как состояние защищенности людей, материальных ценностей и служебных процессов от воздействия опасных факторов пожара, а также как комплекс управленческих, организационных и культурных практик, направленных на предупреждение возгораний и минимизацию ущерба.

В контексте ведомства она имеет двойную природу: обеспечивает сохранность ресурсов и непрерывность выполнения публичных функций по охране правопорядка, расследованию преступлений и административному производству. Специфика объектов МВД определяется режимностью, наличием сведений ограниченного доступа, оружия и боеприпасов, изоляторов временного содержания, а также интенсивным потокам посетителей в дежурных частях.

На объектах МВД технические и организационные меры образуют комплекс, направленный на раннее обнаружение, локализацию и безопасную эвакуацию. Нормативные требования определяют состав систем, порядок их взаимодействия и обязанности персонала, а практические решения закрепляют эти положения в регламентах эксплуатации и обучении сотрудников.

Статистическая картина пожаров и сопутствующих происшествий на объектах МВД за последние пять лет выявляет устойчивые, хотя и разнонаправленные тенденции. Число зарегистрированных возгораний демонстрирует нисходящую динамику, что связывают с модернизацией систем и повышением дисциплины персонала. Одновременно растет доля инцидентов, связанных с отказами электрооборудования и перегрузкой сетей, особенно в зданиях с интенсивным использованием вычислительной техники и средств связи. Существенную часть рисков составляют помещения с высокой пожарной нагрузкой: архивы, серверные, склады вещевого имущества, гаражи и ремонтные боксы. По времени суток заметна концентрация событий в поздние вечерние и ночные часы, когда интервалы обнаружения и реагирования объективно удлиняются.

Структура причин распределяется между техническими и организационно-бытовыми факторами. На первом месте устойчиво фигурируют короткие замыкания, нарушение правил эксплуатации удлинителей и временных линий, а также перегрев источников бесперебойного питания. На втором — человеческий фактор: применение нагревательных приборов вне регламента, использование открытого огня при работах, курение в неустановленных местах. В холодный сезон показатели возрастают из-за дополнительной нагрузки на отопительное оборудование и включения переносных обогревателей. В крупных городах наблюдается больший удельный вес происшествий в серверных и дежурных частях, в территориальных подразделениях — в складских и гаражных зонах. К примеру, типичная цепочка событий включает подплавление изоляции в распределительной коробке, тление в кабель-канале, позднее

срабатывание датчика из-за загрязненной оптики и распространение дыма по вентиляции.

Последствия для деятельности подразделений выражаются не только в прямом ущербе имуществу. Значимы простои дежурных частей и центров связи, временное ограничение доступа в здания, а также риски утраты документов и вещественных доказательств. Медицинские последствия для сотрудников ограничены единичными случаями легкого отравления продуктами горения, что коррелирует с регулярными тренировками эвакуации и внедрением систем оповещения. Материальный ущерб распределен неравномерно: небольшое число инцидентов в помещениях с концентрированной ценностью создает основную долю потерь, что, по сути, соответствует правилу Парето. Существенную роль в снижении тяжести последствий играет раннее обнаружение: адресно-аналоговые извещатели и автоматическое отключение питающих линий сокращают фазу развития очага и облегчает локализацию до прибытия подразделений МЧС.

Качество учета также влияет на интерпретацию статистики. Регистрация инцидентов без возгорания, но с задымлением или срабатыванием защиты, становится полнее, а число ложных срабатываний постепенно снижается благодаря настройке чувствительности и регламенту обслуживания. Это ведет к более точной оценке предпосылок пожара и выявлению узких мест — загрязнение датчиков, захламление эвакуационных путей, нарушение графиков ППР.

Пожарная опасность на объектах МВД формируется не только техническим состоянием зданий, но прежде всего управленческими и организационными решениями. Ключевые причины возгораний на таких объектах связаны с человеческим фактором: нарушением режимов курения, бесконтрольным использованием переносных нагревателей, оставлением электроприборов включенными после смены. Однако корень проблемы глубже — в недостаточной культуре безопасности и разрыве ответственности между подразделениями.

Системные сбои проявляются уже на стадии планирования. Оценка рисков носит формальный характер, методики не адаптированы к специфике дежурных частей, изоляторов и архивов. Планы эвакуации обновляются нерегулярно, а изменения в планировке или использовании помещений не сопровождаются анализом пожарной нагрузки. К примеру, временные складские зоны для вещественных доказательств создаются без учета ограничений по количеству и совместимости материалов.

Организационные факторы усиливаются кадровыми и режимными особенностями. Сменный график и высокая текучесть персонала приводят к фрагментарному обучению: вводный инструктаж есть, но повторные занятия сокращаются, когда не хватает времени. Сотрудники гражданских подрядных организаций допускаются к работам без достаточной координации с ответственными за пожарную безопасность, из-за чего не согласуются временные режимы, перекрываются пути эвакуации, нарушаются правила хранения инструментов.

Документооборот масштабен, но не превращается в практику. Журналы проверок заполняются, тогда как выявленные несоответствия устраняются медленно, потому что финансирование распределяется по сметам, где профилактика конкурирует с первоочередными оперативными потребностями. Закупки разобщены: разные подразделения приобретают несовместимые элементы систем оповещения и контроля доступа, что создает пробелы на стыках. На этапе приемки работ доминирует соответствие формальным требованиям, а интеграционное тестирование в реальной эксплуатации отсутствует.

Эксплуатационные ограничения добавляют рисков. Хранение изымаемых жидкостей и горючих материалов требует отдельного режима, но помещения часто перегружены, и временные решения становятся постоянными. Усиленные меры охраны — запираемые двери, решетки, пропускной контроль — замедляют эвакуацию, если не предусмотрены компенсирующие процедуры и тренировки. В ночные часы численность дежурных минимальна, а значит, начальная стадия пожара может остаться незамеченной дольше критического интервала.

Оценка применяемых в системе МВД технических и организационных мер выявляет неоднородность уровня защищенности разных типов объектов: административные здания, дежурные части, изоляторы, склады вооружения, архивы и сервера характеризуются различной пожарной нагрузкой и режимом эксплуатации. Нормативные требования в целом имплементированы, однако практическая реализация нередко отстает по качеству исполнения и актуальности решений.

По технической составляющей большинство объектов оснащено автоматической пожарной сигнализацией и системами оповещения и управления эвакуацией, но сохраняются проблемы адресности, избыточной чувствительности и неправильного размещения извещателей над источниками пара и пыли. На объектах с высокими рисками ИТ-простоев газовое пожаротушение внедрено фрагментарно; в серверных нередко

применяются порошковые огнетушители, что увеличивает ущерб оборудованию. В зданиях советской постройки ограничена возможность установки спринклеров и противодымной вентиляции, что снижает эффективность локализации пожара. К примеру, в архивных помещениях встречаются деревянные стеллажи без локальной автоматики и с недостаточным водоснабжением пожарных кранов.

Интеграция противопожарных систем с видеонаблюдением и контролем доступа развита неравномерно. Сигналы часто консолидируются на пульте дежурного, но алгоритмы приоритезации и автоматической разблокировки эвакуационных выходов настроены не везде. Отмечается дефицит резервирования электропитания первой категории для насосов и систем дымоудаления; периодические испытания выполняются, однако протоколы иногда содержат формальные отметки без инструментальных замеров. Внешняя канализация сигналов в пожарную охрану реализуется через разные каналы связи, что создает риск задержки при отказе одного из них. Аутсорсинговое обслуживание часто строится по принципу вызова по факту отказа, без складского запаса критических датчиков и модулей управления; из-за этого время восстановления превышает сутки, что противоречит целевым показателям непрерывности для дежурных подразделений. Плановая замена извещателей по сроку службы часто заметно запаздывает.

Организационные мероприятия включают инструктажи, тренировки и допуски к огневым работам, но периодичность и сценарность учений зачастую шаблонны. Ночной персонал не всегда отрабатывает эвакуацию с учетом режимных зон и временной блокировки сейфов. Следовательно, временные окна фактической готовности отличаются от отчетных показателей. В коридорах встречаются складские остатки, уменьшающие ширину путей эвакуации; навигация и маркировка обновляются нерегулярно.

Документация по пожарной безопасности ведется, но изменения планировочных решений и состава арендаторов отражаются с запаздыванием. Расчетный подход к оценке пожарного риска применяется редко, из-за чего перестраховочные меры повышают стоимость без эквивалентного прироста безопасности. Система внутренних аудитов существует, однако KPI ориентированы на отсутствие нарушений, а не на снижение времени обнаружения и эвакуации.

Комплекс организационных мер должен устранять ключевые пробелы управления, связи и дисциплины, выявленные при оценке рисков на объектах МВД. Предлагается закрепить на уровне приказа

персональную ответственность руководителя объекта и его заместителя за систему пожарной безопасности, включая ежегодное целеполагание, матрицу ролей и полномочий, а также план бюджетирования профилактических работ. В каждой службе назначается координатор по пожарной безопасности, который ведет журнал несоответствий и еженедельные чек-листы.

Необходимо внедрить цикл PDCA для профилактики: квартальные целевые аудиты, корректирующие мероприятия со сроками и ответственными, последующее подтверждение их закрытия. Эффективность контроля повышает перекрестное инспектирование подразделений, когда проверки проводит соседняя служба, не связанная с проверяемой. К примеру, отдел тылового обеспечения проверяет дежурные части по вопросам хранения горючих материалов и состояния эвакуационных выходов.

Организовать регламент работ с повышенной пожарной опасностью: наряд-допуск, анализ рисков перед началом, непрерывное наблюдение, постконтроль через 60 минут после завершения, регистрация в электронном журнале. Подрядчики допускаются только после инструктажа и подтверждения наличия средств первичного тушения.

Учебно-тренировочный блок включает многоуровневые тренировки: ежемесячные пяти минутки на разводе наряда, квартальные практические эвакуации по различным сценариям, ежегодная совместная тренировка с подразделениями МЧС. Сценарии должны учитывать особенности режимных зон, ночные смены и ограничение доступа посетителей. Для закрепления навыков применяются карты действий на постах, размещенные у входов и средств сигнализации.

Документооборот следует перевести в цифровой формат: мобильные чек-листы, QR-маркировка огнетушителей с автоматическим контролем срока обслуживания, аналитика по отказам и ложным срабатываниям. Доступ к данным дифференцируется, исключая разглашение сведений ограниченного доступа.

Важно формализовать управление материалами: лимит хранения горючих веществ, ежедневный вынос отходов, запрет складирования в коридорах, ежесменная проверка путей эвакуации. Вводится учет причин инцидентов и предпосылок, с разбором по методике корневых причин и публикацией раз в квартал кратких бюллетеней безопасности.

Система мотивации должна опираться на понятные показатели: доля закрытых несоответствий в срок, результаты тренировок, состояние путей эвакуации. Вводятся поощрения для подразделений, стабильно

демонстрирующих высокий уровень готовности, и адресные планы развития для отстающих. Жалобы и сообщения о нарушениях принимаются анонимно через внутренний канал доверия. Ежегодно руководство пересматривает регламенты с учетом инцидентов и новых технических решений, совместно с профильными подразделениями.

Коммуникации в ЧС регламентируются схемой оповещения и резервными каналами. Назначается руководитель ликвидации пожара на объекте, его заместитель и состав звена из числа работников, прошедших обучение.

Повышение надежности противопожарной защиты на объектах МВД России требует перехода от разрозненных средств к интегрированным решениям, основанным на раннем обнаружении, интеллектуальной обработке данных и адаптивном управлении. Первоочередной эффект дает внедрение многокритериальных и аспирационных систем обнаружения дыма, способных фиксировать субмикронные частицы на ранней стадии тления. Такие извещатели устойчивы к помехам, применимы в архивах, оружейных комнатах и серверных, где критична скорость реакции и недопустимы ложные срабатывания.

Дополнительно результативны видеонаблюдение с аналитикой дыма и пламени на основе машинного обучения, термографические камеры для контроля перегрева электрощитов, а также датчики дугового пробоя в распределительных щитах. В совокупности это снижает время обнаружения до секунд, а число ложных тревог уменьшается за счет корреляции показаний разных каналов и адаптивных порогов.

В части тушения перспективны установки тонкораспыленной воды для помещений с электрооборудованием и газовые составы на основе инертных газов для хранилищ материальных ценностей. Аэрозольные генераторы уместны в локальных объемах, где важно сдержать фронт возгорания до прибытия подразделений. Роботизированные лафетные стволы и мобильные платформы полезны на складах ГСМ и в боксовых помещениях автопарка, обеспечивая удаленное наведение струи и защиту персонала.

Эвакуация выигрывает от динамической навигации: адресные оповещатели, световые линии на полу, интеллектуальная речевая связь, которая меняет сценарии в зависимости от очага, задымленности и наличия людей. Алгоритмы управления приточно-вытяжной вентиляцией формируют безопасные зоны и препятствуют распространению продуктов горения.

Системная эффективность достигается интеграцией пожарной автоматики с комплексами безопасности уровня PSIM и диспетчерскими SCADA: единая шина данных, кросс-проверка событий, автоматическое закрытие противопожарных преград, блокировка доступа к опасным зонам. Перспективно применение цифровых двойников здания для моделирования развития пожара и верификации планов эвакуации. Предиктивная аналитика по данным датчиков и журналам обслуживания позволяет планировать ремонт извещателей и клапанов до отказа, снижая совокупную стоимость владения.

В разветвленных и исторических зданиях целесообразны беспроводные сегменты с резервированием канала и контролем качества сигнала; при этом используются защищенные протоколы и мониторинг помех. Важны локальные источники питания с автоматической проверкой емкости и возможностью дистанционного тестирования без вывода объекта из режима.

Для режимных объектов критичны кибербезопасность и импортонезависимость: сегментация сети, белые списки устройств, защитные шлюзы, ведение неизменяемых журналов. Любые технологии должны вписываться в действующие нормы, иметь подтвержденную совместимость и документированную процедуру ввода в эксплуатацию.

К примеру, в архивном хранилище территориального органа внедрение аспирационных извещателей с пороговой адаптацией, тонкораспыленной воды и динамического оповещения позволяет сократить время реагирования до 20 – 30 секунд и локализовать тление без остановки соседних служб.

Таким образом, текущие меры обеспечивают базовый уровень защиты, но ограничены износом инфраструктуры, неполной интеграцией систем и формализмом организационных процедур. Прицельная модернизация должна учитывать категориальность помещений, непрерывность работы дежурных служб и реальные сценарии. Перспективы дальнейшей работы связаны с уточнением методик количественной оценки риска для объектов различного профиля МВД, апробацией цифровых инструментов моделирования эвакуации и затратным анализом жизненного цикла систем защиты, что позволит принимать более обоснованные управленческие решения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. — Москва: Издательство «Юридическая литература», 1993. — 48 с.

2. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности». — Москва: Издательство «Юридическая литература», 1994. — 32 с.

3. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности». — Москва: Издательство «Юридическая литература», 2008. — 40 с.

4. ГОСТ Р 7.0.100-2018. Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность. Общие требования. — Москва: Стандартинформ, 2018. — 90 с.

5. ГОСТ 12.1.004-91. Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность. Общие требования. — Москва: Стандартинформ, 1991. — 60 с.

6. ГОСТ 12.1.033-81. Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность. Термины и определения. — Москва: Стандартинформ, 1981. — 40 с.

7. Иванов, И. И. Пожарная безопасность на объектах МВД России // Вестник пожарной безопасности. — 2019. — Т. 12, № 3. — С. 45 – 50.

8. Петров, А. В. Особенности организации пожарной безопасности в органах внутренних дел // Безопасность жизнедеятельности. — 2020. — Т. 15, № 2. — С. 30 – 35.

9. Сидоров, В. Н. Анализ эффективности мер по обеспечению пожарной безопасности в МВД России // Пожарная безопасность. — 2021. — Т. 18, № 1. — С. 20 – 25.

10. Смирнов, Д. П. Проблемы обеспечения пожарной безопасности на объектах МВД России // Научный вестник. — 2023. — Т. 20, № 5. — С. 50 – 55.

11. Пожарная безопасность на объектах МВД России: нормативно-правовые акты и требования [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.gov.ru/ru/activity/structure/pozharnaya-bezopasnost.

12. Пожарная безопасность на объектах МВД России: организационные аспекты [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.gov.ru/ru/activity/structure/pozharnaya-bezopasnost/organizatsiya.

13. Пожарная безопасность на объектах МВД России: технические требования [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.gov.ru/ru/activity/structure/pozharnaya-bezopasnost/tekhnicheskie-trebovaniya.

14. Пожарная безопасность на объектах МВД России: обучение и аттестация персонала [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.gov.ru/ru/activity/structure/pozharnaya-bezopasnost/obuchenie.

15. Пожарная безопасность на объектах МВД России: статистика и анализ [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.gov.ru/ru/activity/structure/pozharnaya-bezopasnost/statistika.

© Гиоев Г. В., Казаков А. В., 2026

EDN: HIVALG

Глущенко Александра Васильевна
профессор кафедры экономики и менеджмента
Волгоградский государственный технический университет
Волгоград, Россия
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации
доктор экономических наук, профессор
aleksa-gl@yandex.ru

Кучерова Екатерина Петровна
доцент кафедры философии
Волгоградская академия МВД России
Волгоград, Россия
кандидат экономических наук, доцент
Ku4erova034@yandex.ru

МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОДХОДЫ И МОНИТОРИНГ

Аннотация. Проведенный анализ научной литературы позволил выделить три группы исследований в зависимости от уровня экономической системы, для которой разрабатываются индикаторы. Этот подход создает основу для разработки единой и многоуровневой системы мониторинга, обеспечивающей сопоставимость и согласованность показателей от национального до корпоративного уровня.
Ключевые слова: экономическая безопасность, индикаторы, система показателей, мониторинг.

Эффективное управление процессом обеспечения экономической безопасности на всех уровнях — от национального до уровня отдельного предприятия — невозможно без надежного и оперативного

диагностического инструментария. Таким инструментом выступают системы индикаторов, позволяющие количественно оценить состояние экономической безопасности, выявить уязвимости и своевременно принять управленческие решения. Однако в научной среде до сих пор отсутствует единая методология их формирования, выбора и мониторинга. Многочисленные исследования предлагают разнородные, зачастую не согласованные между собой подходы, что создает проблему для построения целостной, многоуровневой системы оценки. Целью данной статьи является проведение комплексного анализа современных научных подходов к формированию систем индикаторов экономической безопасности, их мониторингу и практическому применению.

Проведенный анализ научной литературы позволил выделить три группы исследований в зависимости от уровня экономической системы, для которой разрабатываются индикаторы.

Первая группа — индикаторы экономической безопасности на макро- и мезоуровне (государство, регион, муниципалитет). Данная группа источников характеризуется наибольшим разнообразием подходов, что связано с комплексностью объектов исследования. Так, Анохов А. В. [1] акцентирует внимание на муниципальном уровне, предлагая адаптированную систему индикаторов, учитывающую локальную специфику, такие как уровень занятости, структура бюджета и устойчивость инфраструктуры. Схожую направленность имеет работа Кохана А. Н. [2], где проводится сравнительный анализ социально-экономических индикаторов для нескольких регионов Северо-Западного федерального округа. Важный вклад в методологию мониторинга вносят Назарова Е. А. [3] и Митяков С. Н. [4], которые разрабатывают концепцию оперативного мониторинга на основе «быстрых» индикаторов с ежемесячной периодичностью обновления. Их подход предполагает нормализацию данных и использование модели «светофора» с выделением зеленой, желтой и красной зон риска, что позволяет наглядно оценивать кризисные явления. Исследование Лозовой И. А. и Гагулькина В. В. [5] предлагает развернутую систему из 35 индикаторов, сгруппированных по трем сферам: экономико-производственной, финансово-бюджетной и социально-демографической, с установленными пороговыми значениями. Особого внимания заслуживает работа Захаровой Ж. А. и др. [6], в которой актуализируется проблема учета цифровых рисков, предлагается включить в оценку индикаторы цифрового разрыва и киберпреступности, что отражает вызовы современности. На макроуровне Чемоданова Ю. В. и др. [7] рассматривают

инфляционные процессы как ключевой индикатор, вводя в научный оборот понятие «шринкфляции», а Кричевец Е. А. и Коптев И. В. [8] анализируют общие проблемы формирования системы индикаторов для государства.

Вторая группа — индикаторы экономической безопасности на микроуровне (предприятие, организация). Исследования, посвященные микроуровню, делают акцент на практической применимости и адаптации системы показателей под специфику конкретного хозяйствующего субъекта. Позняков В. В. и др. [9] проводят глубокий теоретический анализ, предлагая классификацию показателей по различным признакам: по уровням управления, временному признаку и в разрезе сбалансированной системы показателей. Они подчеркивают, что индикаторный подход является эффективным инструментом контроля в менеджменте. Носакина А. А. и Царева Е. Б. [10] концентрируются на конкретных методиках расчета и пороговых значениях, позволяющих диагностировать нормальное, предкризисное или кризисное состояние предприятия. Капустина Н. В. [11] в своей работе увязывает индикаторы с данными бухгалтерской отчетности, предлагая рассчитывать их на основе бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах, что делает подход универсальным для большинства компаний. Прикладной характер носят исследования, рассматривающие отдельные сектора экономики. Волохович А. [12] предлагает методику оценки для сельскохозяйственных организаций, а Жуков А. А. [13] на примере ПАО «НК Роснефть» анализирует риск-индикаторы в закупочной деятельности, доказывая необходимость разработки отраслевых и корпоративных стандартов. Коршунов В. Л. [14] исследует специфику малого бизнеса в условиях цифровизации, отмечая смещение рисков в цифровую сферу и отсутствие единого мнения при выборе индикаторов.

Третья группа — исследования, фокусирующиеся на методологии мониторинга и прогнозирования. Третья группа источников объединяет работы, в которых основное внимание уделяется не столько составу индикаторов, сколько процедурам их анализа и использования. Магомедова М. М. и Рабаданов Р. М. [15] рассматривают прогнозирование как ключевой фактор обеспечения экономической безопасности региона, разрабатывая рекомендации по совершенствованию механизма планирования с применением методов управления рисками. Зоидов Х. К. и Миронов В. Р. [16] детально исследуют проблемы формирования системы индикаторов для банковской системы, подчеркивая

ее связь со всеми секторами экономики и необходимость учета внешних рисков.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд общих тенденций. Во-первых, для всех уровней управления ключевым элементом является установление пороговых значений индикаторов, выход за которые сигнализирует о возникновении угроз. Во-вторых, наблюдается стремление к комплексности и группировке индикаторов по блокам (производственная, финансовая, социальная, внешнеэкономическая сферы). В-третьих, актуальным трендом является разработка методов оперативного мониторинга на основе часто обновляемых данных и построения интегральных индексов. Вместе с тем, сохраняется и ряд проблем, главной из которых является отсутствие единой унифицированной системы, что затрудняет сопоставление данных между регионами и отраслями. Многие методики дублируют друг друга, а пороговые значения часто устанавливаются эмпирически. Кроме того, традиционные системы индикаторов не всегда успевают адаптироваться к новым вызовам, таким как цифровизация, санкционное давление и возникновение новых форм экономических рисков (например, шринкфляция). В этой связи разрабатываемая многоуровневая система индикаторов должна быть иерархичной и взаимосвязанной. Индикаторы микроуровня (предприятия) агрегируются и находят отражение в показателях мезоуровня (муниципалитеты, регионы), которые, в свою очередь, формируют картину на макроуровне (государство). Например, уровень диверсификации экономики региона складывается из диверсификации деятельности отдельных предприятий, а устойчивость муниципального бюджета напрямую зависит от финансовых результатов ключевых налогоплательщиков.

Сравнительный анализ подходов к разработке индикаторов экономической безопасности представлен в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов к разработке индикаторов экономической безопасности

Уровень	Автор(ы)	Ключевой акцент / Предлагаемая система
Муниципальный	Анохов А.В. [1]	Адаптированная система с учетом локальной специфики (занятость, бюджет, инфраструктура)

Уровень	Автор(ы)	Ключевой акцент / Предлагаемая система
Региональный	Кохан А.Н. [2]	Сравнительный анализ социально-экономических индикаторов регионов СЗФО
	Лозовая И.А., Гагулькин В. В. [5]	Система из 35 индикаторов по трем сферам с пороговыми значениями
	Захарова Ж.А. и др. [6]	Включение индикаторов цифрового развития (цифровое расслоение, киберпреступность)
Государственный	Чемоданова Ю.В. и др. [7]	Инфляция как ключевой индикатор, анализ шринкфляции
	Кричевец Е.А., Коптев И. В. [8]	Анализ проблем формирования системы индикаторов
Оперативный мониторинг (все уровни)	Назарова Е.А. [3]	Многоуровневая система «быстрых» индикаторов и пошаговая процедура мониторинга
	Митяков С.Н., Назарова Е. А. [4]	Система из 12 индикаторов по 4 проекциям, анализ в условиях кризисов
Предприятие (микроуровень)	Позняков В.В. и др. [9]	Классификация показателей деятельности компаний, индикаторный подход как инструмент контроля
	Носакина А.А., Царева Е. Б. [10]	Конкретные индикаторы с методикой расчета и пороговыми значениями для диагностики состояния
	Капустина Н.В. [11]	Индикаторы на основе бухгалтерской отчетности
Отраслевой и корпоративный	Волохович А. [12]	Методика для сельхозорганизаций в контексте продовольственной безопасности
	Коршунов В.Л. [14]	Система показателей для малого бизнеса с учетом цифровизации
	Жуков А.А. [13]	Ключевые риск-индикаторы на примере закупочной деятельности ПАО «НК Роснефть»
Банковская система	Зоидов Х.К., Миронов В. Р. [16]	Формирование системы индикаторов для мониторинга экономической безопасности банковской системы
Прогнозирование	Магомедова М.М., Рабаданов Р. М. [15]	Прогнозирование как фактор обеспечения экономической безопасности региона

Проведенный анализ литературы демонстрирует значительное количество методик, систем и подходов для всех уровней управления, структурированность инструментария оперативного мониторинга и построения интегральных индексов, ведутся исследования по учету новых рисков, таких

как цифровизация и нетипичные инфляционные процессы. Однако остается недостаточно изученным ряд вопросов. Во-первых, это проблема методологической унификации, которая позволила бы создать согласованную многоуровневую систему для всей страны. Во-вторых, требуют дальнейшей проработки механизмы агрегации данных с нижних уровней на верхние. В-третьих, необходима постоянная актуализация перечня индикаторов и их пороговых значений в условиях быстро меняющейся внешней среды.

Таким образом, для построения эффективной многоуровневой системы индикаторов экономической безопасности необходима разработка единых методических рекомендаций для каждого уровня, создание цифровых платформ для сбора и анализа данных в режиме реального времени, а также углубленное изучение кросс-уровневых взаимосвязей между индикаторами для построения целостной системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. Анохов А. В. Разработка индикаторов экономической безопасности для муниципальных образований: подходы и практическое применение // Цифровое моделирование экономики. 2025. Т. 2. № 1. С. 8 – 16.

2. Кохан А. Н. Исследование социально-экономических индикаторов экономической безопасности регионов // Финансовая экономика. 2024. № 3. С. 46 – 50.

3. Назарова Е. А. Многоуровневая система быстрых индикаторов и процедура проведения оперативного мониторинга экономической безопасности // Финансовые рынки и банки. 2024. № 6. С. 303 – 309.

4. Митяков С. Н., Назарова Е. А. Эмпирический анализ краткосрочных индикаторов экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 3. С. 849 – 864.

5. Лозовая И. А., Гагулькин В. В. Методологические подходы к диагностике и ключевые индикаторы экономической безопасности региона // Вопросы экономики и права. 2023. № 185. С. 91 – 96.

6. Захарова Ж. А., Захаров П. Н., Шевкопляс С. М. Индикаторы цифрового развития в оценке экономической безопасности региона // Развитие и безопасность. 2024. № 2 (22). С. 33 – 46.

7. Чемоданова Ю. В., Воропинова Д. А., Бодрикова О. А., Лудушкина Е. Н. Инфляционные процессы как индикатор экономической безопасности государства // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 6 (50). С. 504 – 507.

8. Кричевец Е. А., Коптев И. В. Проблемы формирования системы индикаторов финансово-экономической безопасности государства // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2023. № 5. С. 507 – 511.

9. Позняков В. В., Капустина Н. В., Аничкина О. А., Кандаков И. В., Болотников П. А. Современные особенности разработки системы индикаторов экономической безопасности предприятия // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 1.

10. Носакина А. А., Царева Е. Б. Индикаторы экономической безопасности предприятия // Вектор научной мысли. 2024. № 12 (17). С. 363 – 365.

11. Капустина Н. В. Анализ аспектов обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности и ее индикаторы // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 4.

12. Волохович А. Методические подходы к оценке экономической безопасности сельскохозяйственных организаций в рамках системы индикаторов национальной продовольственной безопасности // Аграрная экономика. 2025. № 2 (357). С. 54 – 75.

13. Жуков А. А. Анализ ключевых риск-индикаторов для обеспечения экономической безопасности организации // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 1.

14. Коршунов В. Л. Ключевые индикаторы экономической безопасности субъектов малого бизнеса в условиях цифровизации // Учет и контроль. 2025. № 5. С. 78 – 88.

15. Магомедова М. М., Рабаданов Р. М. Об особенностях моделирования и прогнозирования индикаторов экономической безопасности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12 (158). С. 290 – 294.

16. Зоидов Х. К., Миронов В. Р. Пороговые значения, зоны риска и формирование системы индикаторов в задачах мониторинга экономической безопасности банковской системы России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 5 (163). С. 302 – 316.

© Глущенко А. В., Кучерова Е. П., 2026

EDN: HLQATM

Головинский Максим Андреевич
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
maksim.golovinskiy@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ АНАЛИЗА ОНЛАЙН-БИЗНЕСА

Аннотация. В статье рассматривается трансформация экономической экспертизы в условиях смены технологических укладов. Обосновано, что данный подход может служить ориентиром для анализа онлайн-бизнеса. Выделены изменения объектов, данных и методов экспертного исследования в цифровой хозяйственной среде.
Ключевые слова: экономическая экспертиза, технологические уклады, онлайн-бизнес, цифровизация, экономическая безопасность.

Развитие современной экономики сопровождается не только расширением форм взаимодействия хозяйствующий субъектов, но и изменением характера данных, на основе которых возможно исследование экономически значимых операций. В условиях развития онлайн-бизнеса один и тот же факт хозяйственной деятельности отражается одновременно в бухгалтерских документах, налоговой отчетности, банковских информационных системах, документах логистических компаниях, базах данных цифровых платформ и иных цифровых следах. Это усложняет интерпретацию операций и повышает требования к методическому обеспечению экономической экспертизы.

Онлайн-бизнес целесообразно рассматривать не как однородную форму цифрового предпринимательства, а как это предпринимательскую

деятельность в Интернете, которая основана на продаже товаров, работ, услуг, SaaS-решений (модель предоставления программного обеспечения, при которой пользователи получают доступ к софту онлайн) [3]. Подобная логика систематизации понятийного аппарата позволяет точнее определить, какие элементы цифровой хозяйственной среды становятся объектом экономического анализа и экспертной интерпретации.

При анализе таких изменений недостаточно ограничиваться констатацией роста объема данных или развитием новых цифровых инструментов. Более продуктивным представляется рассмотрение трансформации экономической экспертизы в контексте смены технологических укладов, представляющих собой совокупность сопряжённых производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно [2]. В этой связи технологические уклады могут рассматриваться как аналитическая рамка, позволяющая сопоставить изменение хозяйственной среды с трансформацией объектов, методов и задач экономической экспертизы [1].

В качестве визуальной основы такой периодизации целесообразно использовать схему смены технологических укладов, позволяющую показать, что развитие экспертного инструментария связано не только с усложнением хозяйственных связей, но и с изменением доступной структуры данных, характера экономических рисков и способов фиксации операций.

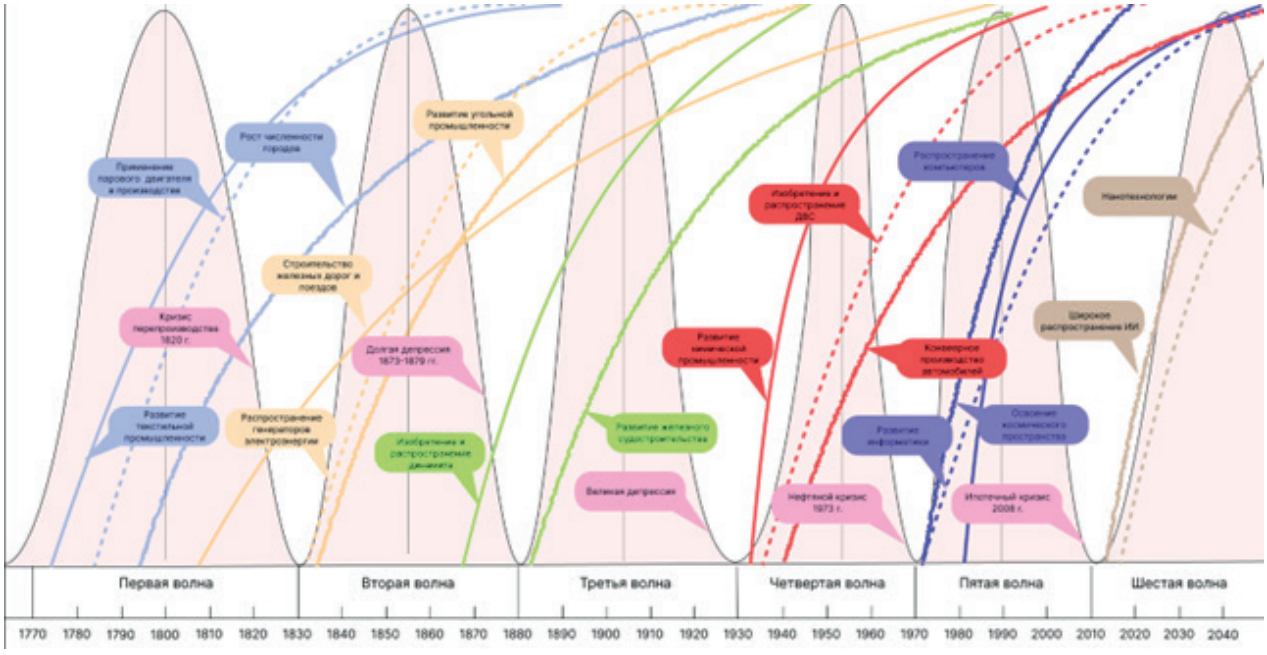

Рисунок 1. Технологические уклады как рамка периодизации изменений в объектах и методах экономической экспертизы

Представленная схема демонстрирует изменения экспертной деятельности. По мере смены технологических укладов изменялись масштабы хозяйственного оборота, глубина разделения труда, роль финансовых институтов, степень формализации учетных процедур и, в конечном счете, требования к аналитическим возможностям экономической экспертизы. Это означает, что развитие экспертизы следует рассматривать в тесной связи с изменением технологической и институциональной среды.

На ранних этапах хозяйственного развития, соответствующих первым технологическим укладам, экономические отношения отличались сравнительно невысокой сложностью, ограниченным объемом обмена и слабой формализацией документального учета. В этих условиях еще не существовало устойчивой институциональной базы для экономической экспертизы в ее современном понимании, поскольку круг исследуемых объектов был сравнительно узким, а объем информации, подлежащей системному анализу, оставался ограниченным. Однако уже на этой стадии формировались предпосылки для последующего развития контрольных и учетных процедур.

По мере индустриализации, укрупнения хозяйствующих субъектов, развития банковской системы и усложнения расчетов потребность в формализованном контроле возрастала. Это создало основу для институционализации экономической экспертизы как специализированного направления исследования, ориентированного на проверку достоверности учетной информации, выявление убытков, анализ отклонений в использовании ресурсов и исследование нарушений финансовой дисциплины. Иными словами, развитие более сложной экономической системы закономерно сопровождалось переходом от локальных документальных проверок к более самостоятельному аналитическому исследованию хозяйственной деятельности.

Особое значение для рассматриваемой темы имеет пятый технологический уклад, связанный с распространением информационно-коммуникационных технологий, цифровизацией документооборота и ускорением финансовых потоков. На данном этапе хозяйственная среда становится существенно более динамичной, а количество источников информации, подлежащих анализу, резко возрастает. Для экономической экспертизы это означает переход от преимущественно ретроспективного анализа отдельных документов к сопоставлению данных из нескольких взаимосвязанных контуров. Именно в этот период особенно отчетливо проявляется ограниченность подходов, ориентированных

на исследование изолированного массива документов без учета более широких связей между хозяйственными операциями.

Шестой технологический уклад усиливает указанные тенденции и придает им качественно новый характер. Распространение цифровых платформ, технологий больших данных, искусственного интеллекта, блокчейна и цифровых активов приводит к тому, что хозяйственная деятельность становится не только более динамичной, но и более распределенной по различным системам фиксации данных. В онлайн-бизнесе экономически значимые действия могут быть не скрыты полностью, а разнесены по нескольким контурам информации, каждый из которых в отдельности не дает достаточного основания для вывода. В результате предмет экспертного анализа расширяется и включает не только бухгалтерские, расчетные и договорные документы, но и цифровые транзакционные следы, платформенные сведения, логистические данные, а также признаки аномального поведения в последовательности операций.

В этих условиях трансформация экономической экспертизы проявляется в нескольких взаимосвязанных направлениях. Во-первых, меняется объект исследования: от преимущественно документально оформленных хозяйственных операций к документальным и цифровым следам в совокупности. Во-вторых, меняется методическая база: возрастает значение межконтурного сопоставления данных, выявления аномалий, анализа цифровых транзакций и оценки экономического содержания операций. В-третьих, меняются цели экспертного анализа: наряду с подтверждением уже выявленных нарушений все большее значение приобретает выявление признаков риска, указывающих на возможность экономически значимых несоответствий.

Для анализа онлайн-бизнеса это имеет принципиальное значение. Онлайн-среда характеризуется высокой скоростью операций, дистанционным характером взаимодействия, использованием цифровых платформ, трансграничностью расчетов и возможностью сочетания легальных и противоправных элементов в рамках одной хозяйственной цепочки. При таких условиях эксперт не может ограничиваться исследованием отдельного документа или отдельного финансового показателя. Необходима проверка согласованности нескольких контуров данных: бухгалтерского, налогового, платежного, товарного и цифрового платформенного. Только такое сопоставление позволяет отделить обычные операционные отклонения от экономически значимых несоответствий, способных указывать на фиктивные операции, искусственное искажение

финансового результата, подмену существа сделки либо иные формы противоправной активности.

Интерпретация предложенной модели применительно к онлайн-бизнесу показывает, что основная сложность современной экономической экспертизы связана не только с объемом данных, но и с необходимостью согласования разнотипных источников информации. Например, экономически значимое несоответствие может проявляться одновременно как расхождение в учетном отражении, аномалия в платежном поведении и несогласованность с цифровыми следами платформенной активности. Если анализ строится только на одном контуре данных, возрастает риск частичной или ошибочной интерпретации операции. Следовательно, концептуальная модель может использоваться как рамка для определения набора данных, подлежащих первоочередному сопоставлению.

Экономическая значимость такого подхода проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, повышается достоверность интерпретации хозяйственных операций за счет проверки выводов на нескольких контурах данных. Во-вторых, снижается вероятность ошибочной оценки рисков, что особенно важно в условиях ограниченных ресурсов контроля. В-третьих, улучшается приоритизация контрольных мероприятий, поскольку модель позволяет связывать тип технологической среды и профиль рисков с наиболее информативными источниками данных. В-четвертых, сокращаются издержки повторного сбора информации, если состав объектов исследования определяется исходя из логики модели, а не только из формального перечня документов.

В контексте экономической безопасности предложенная концептуальная модель может рассматриваться как инструмент повышения качества аналитического обеспечения решений. Под экономической безопасностью в настоящей статье понимается состояние защищенности хозяйственной деятельности от потерь и дестабилизирующих последствий, вызванных искажением данных, фиктивными операциями и иными практиками, затрудняющими контроль и принятие обоснованных управленческих решений. Соответственно, развитие экономической экспертизы в цифровой среде имеет значение не только для исследования отдельных эпизодов, но и для формирования более надежной системы выявления и интерпретации рисков.

Таким образом, смена технологических укладов может быть использована как теоретическая рамка для систематизации изменений в экономической экспертизе. Предложенная концептуальная модель

позволяет описать трансформацию экспертной деятельности через взаимосвязь технологической среды, профиля рисков, контуров данных, аналитического инструментария и режима анализа. Научная значимость модели состоит в упорядочении представлений о закономерностях трансформации экономической экспертизы в цифровой хозяйственной среде. Практическая значимость состоит в возможности применения модели при разработке методических подходов к анализу онлайн-бизнеса, повышении качества риск-аналитики и укреплении экономической безопасности в условиях цифровизации.

Список литературы:

1. Головинский, М. А. Трансформация процедуры экономической экспертизы при исследовании криминальной деятельности в бизнес-среде / М. А. Головинский // Экономическая безопасность. — 2024. — Т. 7, № 12. — С. 3171 – 3182. — DOI 10.18334/ecsec.7.12.122430. — EDN ZQXHRA.

2. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев. — Москва: Экономика, 2002. — 765 с. — ISBN 5-282-02181-1. — EDN QTGOAJ.

3. Логинова, Н. А. Исследование понятийного аппарата онлайн-бизнеса / Н. А. Логинова // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 5(205). — С. 106 – 112. — DOI 10.24158/tipor.2025.5.13. — EDN DOFECS.

© Головинский М. А., 2026

EDN: IRETSG

Гулямов Саидсарор Саидахмедович
старший преподаватель кафедры агроэкономики
Институт повышения квалификации кадров и статистических исследований
Ташкент, Республика Узбекистан
кандидат экономических наук
s_gulomov@tdau.uz

Махмудов Аббос Шерали угли
старший преподаватель кафедры цифровых технологий
Институт повышения квалификации кадров и статистических исследований
Ташкент, Республика Узбекистан
abbos2097@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ И АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПУТЁМ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ ОРОШЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются механизмы обеспечения безопасности водных ресурсов посредством внедрения цифровых систем орошения в сельском хозяйстве. На основе экономико-математической модели обосновано влияние эффективности водопользования, мониторинга в режиме реального времени и оптимизации на базе технологий искусственного интеллекта на агроэкономическую безопасность. Результаты исследования показывают, что цифровые технологии являются важным фактором укрепления водной и экономической безопасности.
Ключевые слова: цифровое орошение, безопасность водных ресурсов, агроэкономическая безопасность, Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект, эффективность водопользования, экономическая безопасность.

Введение

Глобальный дефицит водных ресурсов в XXI веке становится одной из наиболее актуальных проблем безопасности. Согласно

Докладу Организации Объединённых Наций о развитии мировых водных ресурсов, в настоящее время более 2 миллиардов человек проживают в условиях водного дефицита, а около 3,6 миллиарда человек сталкиваются с нехваткой воды как минимум один месяц в году. По прогнозам, к 2050 году данный показатель может достигнуть 5 миллиардов человек.

Сельское хозяйство потребляет около 70 процентов мировых водных ресурсов. В отдельных развивающихся странах этот показатель достигает 80 – 90 процентов. В связи с этим эффективность ирригационных систем напрямую связана с обеспечением безопасности водных ресурсов и, соответственно, экономической безопасности [5].

Процессы изменения климата усиливают нагрузку на водные ресурсы. Рост частоты засух, неравномерное распределение осадков, а также усиление противоречий, связанных с трансграничными водными ресурсами, формируют новые формы национальной безопасности. Дефицит воды оказывает непосредственное влияние на продовольственную безопасность, устойчивость производства, динамику цен и макроэкономические показатели.

В современных условиях одним из наиболее эффективных направлений обеспечения безопасности водных ресурсов является цифровизация управления водными ресурсами. В статье особо подчёркивается необходимость внедрения мониторинга в режиме реального времени, формирования баз данных, применения прогнозных моделей и модернизации систем управления водными ресурсами.

С этой точки зрения цифровые системы орошения выступают важным инструментом повышения эффективности водопользования, сокращения потерь воды, стабилизации урожайности и укрепления агроэкономической безопасности.

Целью данного исследования является научное обоснование механизмов обеспечения безопасности водных ресурсов посредством внедрения цифровых систем орошения, а также оценка их влияния на экономическую безопасность.

Теоретические основы безопасности водных ресурсов

Безопасность водных ресурсов представляет собой уровень обеспечения достаточного, устойчивого и управляемого водоснабжения для нужд сельского хозяйства, промышленности и населения. В сельском хозяйстве эффективность использования воды является одним из ключевых показателей обеспечения водной безопасности [6].

Эффективность водопользования определяется следующим образом (1):

$$\mathbf{WUE = Y/W \quad (1)}$$

где:

WUE (Water Use Efficiency) — эффективность использования воды (ц/м^3);

Y — урожайность (ц/га);

W — объём воды, затраченный на единицу площади (м^3/га).

Повышение данного показателя означает увеличение объёма продукции, получаемой на единицу использованной воды. Рост значения WUE обеспечивает возможность производства большего объёма продукции при существующих водных ресурсах, что способствует укреплению безопасности водных ресурсов.

Индекс безопасности водных ресурсов в обобщённом виде может быть представлен следующим образом (2):

$$\mathbf{SWI = f\,(WUE, Av, St) \quad (2)}$$

где:

SWI — индекс безопасности водных ресурсов;

Av — коэффициент устойчивости доступного объёма водных ресурсов;

St — надёжность системы распределения воды.

Данная функциональная зависимость показывает, что по мере роста эффективности водопользования повышается общий уровень безопасности водных ресурсов.

Технологический механизм цифровых систем орошения

С целью оценки влияния цифровых систем орошения на эффективность использования водных ресурсов была разработана экспериментальная модель. В процессе моделирования были выбраны два условных участка с одинаковыми агроклиматическими условиями, идентичными видами сельскохозяйственных культур и одинаковыми агротехническими мероприятиями. Первый участок рассматривался как контрольная группа с традиционным режимом орошения, тогда как второй участок моделировался как экспериментальная группа с внедрённой цифровой системой орошения (датчики влажности почвы, метеорологический мониторинг, передача данных в режиме реального времени и оптимизация графика полива на основе технологий искусственного интеллекта) [5].

Для корректной оценки технологической эффективности требуется нормализация показателей, измеряемых в различных единицах. Каждый показатель приводится к интервалу значений от 0 до 1. Точность датчиков **SM** (в процентах) нормализуется относительно максимального уровня точности:

$$\mathbf{SM^* = SM/SMmax}$$

Задержка мониторинга **RT** (в секундах) характеризуется обратной зависимостью, поскольку снижение времени задержки повышает эффективность, поэтому показатель нормализуется следующим образом:

$$\mathbf{RT^* = RTmin/RT}$$

Точность алгоритма **AI** (в процентах) также нормализуется относительно максимального значения:

$$\mathbf{AI^* = AI/AImax}$$

Индекс технологической эффективности определяется следующим образом (3):

$$\mathbf{DI = w1 \cdot SM^* + w2 \cdot RT^* + w3 \cdot AI^*} \quad \mathbf{(3)}$$

где:

w1, **w2**, **w3** — весовые коэффициенты, сумма которых равна 1. Данный индекс является безразмерным показателем и отражает общий уровень эффективности цифровой системы [4].

Модель влияния цифрового орошения на безопасность водных ресурсов

После внедрения цифровых технологий наблюдается снижение расхода воды и рост урожайности. Данное обстоятельство оказывает непосредственное влияние на индекс безопасности водных ресурсов. Интегрированная модель может быть представлена следующим образом (4):

$$\mathbf{SWI = k \cdot WUE^{\alpha} \cdot DI^{\beta} \cdot MP^{\gamma}} \quad \mathbf{(4)}$$

где:

k — коэффициент устойчивости системы;

MP — индекс точности прогнозирования;

α, β, γ — параметры эластичности.

Если $\alpha>0$ и $\beta>0$, то повышение эффективности водопользования и уровня цифровых технологий приводит к росту безопасности водных ресурсов.

Рисунок 1. Механизм функционирования цифровой системы орошения

С целью оценки эффективности цифровой системы орошения был проведён сравнительный расчёт на двух условных экспериментальных участках с одинаковыми агроклиматическими условиями. На первом участке применялся традиционный метод орошения, тогда как на втором участке была внедрена система управления поливом на основе датчиков влажности почвы и технологий искусственного интеллекта [3].

В условиях традиционного орошения урожайность составила 50 ц/га, а расход воды в течение вегетационного периода — 8000 м^3/га. При этом эффективность использования воды равнялась:

$$\mathbf{WUE_1 = 50 / 8000 = 0{,}00625\ ц/\ м^3}$$

На участке с внедрённой цифровой системой орошения урожайность увеличилась до 56 ц/га, а расход воды сократился до 6000 м^3/га. В результате:

$$\mathbf{WUE_2 = 56 / 6000 = 0{,}00933\ ц/\ м^3}$$

Таким образом, прирост эффективности водопользования составил:

$$\mathbf{\Delta WUE=((0{,}00933-0{,}00625)/0{,}00625)\times 100\%=49{,}3\%}$$

Результаты экспериментальной модели показывают, что цифровые системы орошения обладают значительным потенциалом укрепления безопасности водных ресурсов за счёт сокращения водопотребления и устойчивого повышения урожайности.

Таблица 1. Сравнительные показатели традиционных и цифровых систем орошения

Показатель	Традиционное орошение	Цифровое орошение	Изменение (%)
Расход воды (м³/га)	8000	6000	– 25%
Урожайность (ц/га)	50	56	+12%
Энергетические затраты (%)	100	82	– 18%
Уровень потерь воды (%)	30 – 35	10 – 15	– 60%
Точность мониторинга (%)	50 – 60	90 – 95	+60%

Данный подход в условиях дефицита водных ресурсов оказывает положительное влияние на экономическую безопасность за счёт снижения производственных затрат, повышения эффективности использования ресурсов и обеспечения устойчивости сельскохозяйственного производства.

Функциональная взаимосвязь между водной и экономической безопасностью

Экономическая безопасность определяется устойчивостью сельскохозяйственного производства, эффективностью затрат и непрерывностью продовольственного обеспечения. Агроэкономическая безопасность может быть представлена следующим образом (5):

$$\mathbf{ESI} = \theta \cdot \mathbf{SWI} + \lambda \cdot \mathbf{Prod} - \mu \cdot \mathbf{Cost} \quad (5)$$

где:

ESI — индекс экономической безопасности;

Prod — объём производства;

Cost — производственные затраты;

θ, λ, μ — коэффициенты влияния.

Цифровые системы орошения за счёт сокращения водопотребления уменьшают энергетические и ресурсные затраты, повышают урожайность и обеспечивают стабильность производства. В результате происходит рост индекса экономической безопасности.

Стратегическое значение цифровизации водного хозяйства в Узбекистане

Узбекистан является одной из стран Центральной Азии с высоким уровнем водного дефицита. Сельское хозяйство потребляет около 85 – 90 процентов водных ресурсов страны. Неэффективное использование водных ресурсов оказывает непосредственное влияние на продовольственную безопасность, экспортный потенциал и общую экономическую стабильность [2].

Изменение климата, сокращение трансграничных водных потоков и устаревшие методы традиционного орошения превращают безопасность водных ресурсов в вопрос национальной экономической безопасности.

Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020 – 2030 годы, утверждённая Указом Президента Республики Узбекистан от 10 июля 2020 года № PF-6024, определяет модернизацию системы управления водными ресурсами и широкое внедрение цифровых технологий как стратегическое направление [1].

В данном документе в качестве приоритетных задач выделяются:

— цифровизация системы учёта воды;

— внедрение систем «Smart Water» на крупных объектах водного хозяйства;

— расширение использования водосберегающих технологий;

— увеличение площадей для капельного орошения.

Кроме того, в соответствии с решением от 13 октября 2025 года была внедрена информационная платформа «Учёт воды», обеспечивающая электронный мониторинг водопотребления в режиме реального времени. Интеграция орошаемых земель и водных лимитов с платформой «Цифровое сельское хозяйство» гарантирует точность и прозрачность управления водными ресурсами.

Эти меры способствуют повышению эффективности использования водных ресурсов, обеспечению устойчивости сельскохозяйственного производства и укреплению продовольственной безопасности.

Заключение

Результаты исследования показывают, что внедрение цифровых систем орошения в сельском хозяйстве значительно повышает эффективность использования водных ресурсов. Рост эффективности водопользования укрепляет безопасность водных ресурсов и, таким образом, обеспечивает агроэкономическую устойчивость. Положительная функциональная взаимосвязь между индексом водной безопасности и индексом экономической безопасности научно подтверждает стратегическое значение цифровой трансформации.

Цифровые технологии орошения выступают важным инструментом обеспечения национальной экономической безопасности в условиях дефицита водных ресурсов.

Список литературы:

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 10 июля 2020 года № PF-6024 «Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020 – 2030 годы».

2. «Эффективное использование водных ресурсов и цифровые системы орошения» // Материалы международной конференции, Ташкент, 2021.

3. FAO. (2016). The State of Food and Agriculture: Climate Change, Agriculture and Food Security. Rome.

4. Махмудов, С., Турсунóв, А. (2019). Возможности применения цифровых технологий в сельском хозяйстве. Ташкент: Издательство Ташкентского государственного экономического университета.

5. World Bank. (2020). Agriculture and Water Resource Management in Central Asia. Washington, D.C.

6. IWRM (Integrated Water Resource Management). (2017). Framework and Implementation in Central Asia. United Nations Environment Programme (UNEP).

© Гулямов С. С., Махмудов А. Ш., 2026

EDN: HSCQZC

Грачев Александр Владимирович
начальник кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
grachevalexunder@rambler.ru

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СУБЪЕКТАМИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ НЕЗАКОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОНТРАГЕНТОВ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Отражено обоснование причин использования субъектами теневой экономики незаконных инструментов воздействия на контрагентов при обеспечении собственной экономической безопасности. Среди таких причин выделены: ограниченность в возможностях использования отдельных легальных инструментов воздействия на контрагентов; меньшие по сравнению с субъектами легального сектора экономики издержки за выявление использования субъектами теневой экономики нелегальных инструментов воздействия; нелегальность целей воздействия субъектами теневой экономики на контрагентов; имеющийся опыт использования нелегальных инструментов воздействия на контрангентов.

Ключевые слова: теневая экономка, контрагенты, воздействие, инструменты, причины, экономическая безопасность.

Обеспечение экономической безопасности — цель, которую преследуют хозяйствующие субъекты не только на макро- и микро- уровнях, но и вне зависимости от нахождения в легальном и теневом секторе.

В более ранних работах были определены и проанализированы:

— угрозы экономической безопасности, свойственные для субъектов теневой экономики [1, 2];

— инструменты латентизации экономической деятельности как факторы обеспечения экономической безопасности субъектов теневой экономики [3];

— используемые субъектами теневой экономики приемы сокрытия правонарушений от правоохранительного контроля в рамках обеспечения своей экономической безопасности [4].

Субъекты теневой экономики не существуют изолировано, а участвуют во взаимодействии с другими экономическими субъектами. Такое взаимодействие выступает фактором экономической безопасности субъектов теневой экономики, так как контрагенты могут выступать как источниками угроз для субъектов теневой экономики, так и фактором безопасного и прибыльного ведения теневого бизнеса.

Если рассматривать все инструменты обеспечения экономической безопасности, используемые субъектами теневой экономики, то следует обратить внимание на то, что в отношениях с контрагентами субъекты теневой экономики с большей вероятностью (по сравнению с субъектами легального (транспарентного) сектора) могут применять незаконные способы воздействия. Это обусловлено следующими причинами:

Во-первых, субъекты теневой экономики в следствие своего нелегального статуса ограничены в возможностях использования отдельных легальных инструментов воздействия на контрагентов (например, они в меньшей степени могут себе позволить обращаться в полицию или в суды).

Невозможность получить желаемое легально приводит либо к отказу от достижения результата, либо к поиску вариантов его достижения другими, незаконными средствами. Учитывая, что зачастую ценность результата взаимодействия с контрагентами для субъектов теневой экономики находится на максимальном уровне (например, такими результатами могут быть: неразглашение информации о субъекте теневой экономики правоохранительным органам; неприменение санкций по отношению к субъекту теневой экономики), вариант выбора незаконных способов воздействия выглядит предпочтительнее по сравнению с вариантом отказа от достижения результата.

Во-вторых, нахождение субъектов теневой экономики в нелегальном секторе приводит к тому, что увеличение размера применяемой в их адрес потенциальной санкции за использование незаконных

способов воздействия на контрагентов происходит не так существенно, как если бы они находились в легальном транспарентном секторе.

Логическое обоснование данного вывода следующее: к примеру, пусть установленными в экономической системе правилами определено, что за незаконное воздействие на контрагента субъекту грозит условный ущерб «-1000 у.е.», а за теневую деятельность — «-500 у.е.». При ведении деятельности легально ущерб субъекту находится на нулевом уровне, так как санкции в данном случае отсутствуют. Таким образом применение незаконного способа воздействия при условии его выявления приводит к увеличению потенциального ущерба легальному субъекту на 1000 у.е., а субъекту теневой экономики на 500 у.е. Если в данном условном примере допустить, что использование незаконного воздействия на контрагента со стороны субъекта теневой экономики направлено либо на непосредственное получение дохода от теневой деятельности, либо на минимизацию рисков выявления его теневой деятельности и применения в его отношении санкций, то экономическая выгодность применения незаконных способов воздействия субъектов теневой экономики на контрагентов становится еще более заметной в сравнении с легальными субъектами.

В-третьих, цели воздействия субъектов теневой экономики на своих контрагентов сами по себе несвойственны для субъектов легального сектора экономики. Значительная часть этих целей носят незаконный характер, а, следовательно, и средства их достижения во взаимоотношениях с контрагентами также попадают в нелегальное поле.

Субъекты легального сектора экономики не преследуют нелегальных целей, у них нет потребности склонять контрагентов к необращению в правоохранительные органы и т.п., а, следовательно, и необходимые для этого незаконные инструменты воздействия на контрагентов им не нужно использовать.

В-четвертых, субъект теневой экономики в сравнении с легальным субъектом обладает большим опытом использования незаконных практик. Этот опыт может выражаться, как в непосредственном использовании в прошлом незаконных способов воздействия на контрагентов, так и в наличии у субъекта теневой экономики необходимой для применения незаконных способов воздействия инфраструктуры (например: наличие контрагентов-субъектов, способных реализовать незаконное воздействие; наличие материально-технических, финансовых, информационных ресурсов, необходимых для применения незаконных способов воздействия).

Таким образом, причинными факторами, способствующими использованию субъектами теневой экономики незаконных инструментов воздействия на контрагентов при обеспечении собственной экономической безопасности, являются:

— ограниченность в возможностях использования отдельных легальных инструментов воздействия на контрагентов;

— меньшие по сравнению с субъектами легального сектора экономики издержки за выявление использования субъектами теневой экономики нелегальных инструментов воздействия;

— нелегальность целей воздействия субъектами теневой экономики на контрагентов;

— имеющийся опыт использования нелегальных инструментов воздействия на контрагентов.

Список литературы:

1. Грачев А. В. Инструменты субъектов теневой экономики по обеспечению экономической безопасности посредством латентизации своей деятельности / А. В. Грачев // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. — 2024. — № 4(62). — С. 33 – 40. — DOI 10.6060/ivecofin.2024624.699.

2. Грачев А. В. Анализ угроз экономической безопасности субъектов теневой экономики / А. В. Грачев, Л. В. Сикорская // На страже экономики. — 2022. — № 3(22). — С. 9 – 15.

3. Грачев А. В. Угрозы экономической безопасности субъектов теневой экономики // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 апреля 2022 года / Сост. Н. В. Мячин. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. — С. 28 – 35.

4. Грачев А. В. Анализ используемых субъектами теневой экономики приемов сокрытия правонарушений от правоохранительного контроля в рамках обеспечения своей экономической безопасности / А. В. Грачев // Вестник Московского университета МВД России. — 2025. — № 1. — С. 37 – 43. — DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-37-43.

© Грачев А. В., 2026

EDN: IALKFJ

Деда Дмитрий Владимирович
аспирант
Московский финансово-юридический
университет МФЮА
Москва, Россия
dimon4ik@gmail.com

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА ИГРОВОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Исследование вопросов государственно-правового регулирования рынка игровой продукции требует четкого определения концептуальных направлений его осуществления, использования междисциплинарного подхода, что вызвано переплетением публичных и частных интересов, необходимостью обеспечения прав и свобод человека и гражданина в области свободы слова, обеспечения личной безопасности, экономической безопасности граждан, защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.
Ключевые слова: государственное управление; правовое регулирование; государственно-правовое регулирование; экономика; игровая продукция; рынок игровой продукции.

Рассмотрение рынка игровой продукции — очень интересная и недостаточно разработанная в научном плане проблема. В ней переплетены и публично-правовые, и частно-правовые интересы, и вопросы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, и безопасности личности, ее здоровья. Все это требует проведения междисциплинарных исследований.

В настоящее время, по данным экспертов, глобальный рынок игровой продукции оценивался в 31,7 млрд долларов США в 2025 году.

Ожидается, что рынок вырастет с 36,8 млрд долларов США в 2026 году до 197,6 млрд долларов США к 2035 году, с темпом роста 20,5 % в год в прогнозируемый период согласно последнему отчету, опубликованному компанией Global Market Insights Inc [1]. В основе рынка игровой продукции лежат компьютерные игры.

Существуют различные точки зрения в отношении определения понятия компьютерной игры. Действующее российское законодательство не регулирует данный вопрос. Ни в подзаконных нормативных актах, ни даже в документах в области стандартизации данное понятие не определено. В доктрине также нет единого подхода к понимаю того, что представляет собой компьютерная игра. Наиболее обоснованной представляется позиция, что компьютерная игра с точки зрения законодательно определенных дефиниций является одним из проявлений мультимедийного продукта (пункт 1 статьи 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — «ГК РФ»)) [2].

Поскольку компьютерная игра представляет собой вид мультимедийного продукта, она представляет собой выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем [3].

Современные компьютерные игры имеют огромное количество уровней и задач, которые предлагаются во время игрового процесса, детально проработанный сценарий, игру актеров озвучивания, а также актеров, которые отыгрывают роль персонажей.

Еще не так давно персонажи создавались при помощи силиконовых фигур. Сегодня же мы видим на экранах по сути «виртуальных людей», полностью созданных посредством цифровых технологий или же при помощи людей (актеров), которые становятся «материалом» для создания персонажей. В конце 2018 года компания Disney выпустила первый тизер-трейлер римейка «Короля Льва, герои которого нарисованы на компьютере. Однако перезапуск культовой картины называют игровым кино (то есть таким, в котором играют актеры), а не анимационным. И это, несомненно, умаляет заслуги аниматоров, работающих над проектом. «Виртуальные люди» уже используются и в компьютерных играх, т.е. везде, где можно увидеть сочетание игры актеров и работу аниматоров.

Исследователями отмечается, что компьютерные игры оказывают как положительное, так и негативное влияние на лиц, в них играющих. В частности, компьютерные игры могут помочь: во-первых, в развитии внимания и концентрации, выработке навыков быстрой реакции на изменяющиеся ситуации; во-вторых, в развитии зрительно-моторной координации и рефлексов, помогающих увереннее действовать в реальных ситуациях; в-третьих, стимулировать обучение и расширить знания, так как они требуют от игроков привлечения новых навыков и повышения умственной деятельности; в-четвертых, позволяют игрокам взаимодействовать друг с другом, что позволяет улучшить социальные навыки и стимулировать командную работу; в-пятых, видеоигры требуют развития критического мышления, чтобы достичь прогресса в игре; в-шестых, могут сделать людей более конкурентоспособными, и т.д.

В негативном аспекте оценивается то, что проведение большого количества времени в компьютерных играх может лишить игрока социального взаимодействия и изолировать от общества. Компьютерные игры могут содержать неподходящий контент; быть дорогостоящими, а стоимость покупки новых игр и компьютерных систем со временем может увеличиваться; компьютерные игры могут вызвать определенные физические и психические проблемы, изменения в поведении, связанные со снижением уверенности, проявлениями агрессивности и т.п., привести к потере концентрации, появлению зависимости, и др. Анализ ряда компьютерных игр показывает, что в них наблюдаются проявления киберрасизма и других форм кибертравли, что представляет собой серьезную проблему в индустрии компьютерных игр. Киберрасизм создает проблемы для правового регулирования. Это вызвано, с одной стороны, отсутствием единого подхода к определению проявлений расизма, а, с другой стороны, Интернет и киберпространство создают условия для развития новых способов проявления расизма и иной информации, которая с точки зрения российского законодательства до настоящего времени не может быть квалифицирована как причиняющая вред их здоровью и развитию детей.

Положения действующих законов и подзаконных актов Российской Федерации в части регулирования распространения игрового контента среди граждан недостаточно для решения задач в обеспечении безопасности компьютерных игр для здоровья детей, и выявления рисков совершения общественно опасных деяний.

В настоящее время российским законодательством информационная продукция классифицируется в зависимости от возраста адресата

и содержания («степени опасности»). С точки зрения действующего законодательства ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). Возрастная классификация устанавливается производителем самостоятельно, а экспертиза проводится в отношении не всей информационной продукции, и в ряде случаев не является обязательной.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» содержит перечень информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей. Ряд аспектов затрагиваемой проблемы регламентирован Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Действует Постановление Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 1019 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ содержит ст. 6.17, предусматривающую административную ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

Актуальность темы исследования обосновывается тем, что до настоящего до настоящего времени ни в доктрине, ни в законодательстве, ни в судебной практике не сформировалось общего подхода к тому, как должна соотносятся между собой свобода мысли и слова и необходимость защиты детей от информации, способной нанести вред здоровью и развитию детей [4, с. 289 – 292].

Интересен зарубежный опыт. Наиболее остро вышеназванный вопрос разрешался в судебной практике США [5], в рамках которой обсуждался дискуссионный вопрос относительно того, можно ли ограничивать свободу слова (термин использовался в широком смысле как свобода выражения мысли) и информации, которую преподносится посредством видеоигры. Суды США скептически относятся к заинтересованности государства в «физическом и психологическом благополучии детей». Данная категория является чрезмерно абстрактной, а соответствие или несоответствие данной категории сложнодоказуемо. Таким образом, необходимо выработать такие критерии, которые будут доказуемы и понятны как для отдельных граждан, так и для разработчиков компьютерных игр, судов и законодателя.

За многие годы в судебной практике разных государств сформировались только общие понятия и критерии — решение того или иного дела во многом зависит от усмотрения конкретного судьи (судей). В действующем российском гражданском законодательстве содержится немало пробелов в части регулирования ограничений в отношении информации, способной причинить вред здоровью и развитию детей. Можно также отметить отсутствие критериев определения тех пределов, которые допускают возможность распространения той или иной информации.

Поэтому, по мнению автора, в данной области необходимо исследовать достаточно большой пласт вопросов, связанных с: определением исчерпывающего перечня категорий участников правоотношений, возникающих в связи с применением Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также иных, связанных с ним правовых актов, затрагивающих использование компьютерных игр; анализом практики применения названных нормативных правовых актов органами государственной власти федерального уровня, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и организациями, государственными корпорациями фондами, иными организациями; оценкой полноты и достаточности правовых средств, используемых для регулирования возникающих отношений, выявления коллизий, пробелов правового регулирования, регуляторных и иных барьеров, сохранившихся (не устраненных) или вновь возникших в результате принятия и применения нормативного правового акта или документа, наличия непринятых нормативных правовых актов или документов, необходимость принятия (издания) которых предусмотрена иными, как правило, вышестоящими нормативными правовыми актами; созданием в результате принятия и применения нормативных правовых актов условий и стимулов для внедрения и использования передовых технологических решений, развития предпринимательской деятельности, продвижения на рынки передовых технологий, товаров и услуг разработчиков компьютерных игр, замены устаревших технологий, модернизации механизмов правовой охраны и управления результатами интеллектуальной деятельности, создаваемыми участниками исследуемых правоотношений; возможным нарушением и несоблюдением в результате принятия и применения нормативного правового акта, а также правоприменения гарантированных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; возможным

несоблюдением пределов компетенции органов государственной власти, иных органов и организаций при принятии нормативных правовых актов, иных документов, а также при правоприменении; возможным искажением смысла и содержания положений нормативного правового акта при его применении; возможным несоответствием нормативного правового акта или документа международным обязательствам Российской Федерации; возможным наличием в нормативном правовом акте или документе коррупциогенных факторов; возможным наличием в правовом акте ошибок юридико-технического характера; степенью проработанности понятийного аппарата; возможностью достижения баланса частных интересов разработчиков компьютерных игр и общественных интересов, связанных с защитой детей от информации, способной причинить им вред; определением достаточности имеющихся в действующем законодательстве ограничений в отношении информации, способной причинить вред здоровью и развитию детей; определением необходимости введения новых ограничений или исключения имеющихся ограничений; возможностью выработки многопрофильного подхода, который позволит создать действенный механизм воздействия на разработчиков компьютерных игр с целью стимулировать их обеспечивать разработку таких компьютерных игр, которые бы отвечали требованиям законодательства без ущерба для увлекательного сюжета компьютерных игр, и др.

Решение этих вопросов сделает государственно-правовое регулирование рынка игровой продукции более сбалансированным и эффективным, учитывающим многочисленные интересы и потребности участников возникающих общественных отношений, в том числе в области детей от негативного влияния информации, о чем справедливо говорит В. М. Редкоус [6, с. 240 – 245], а также иные ученые [7], [8], [9].

Список литературы:

1. Рынок игровых товаров Размер и доля 2026 – 2035 [Электронный ресурс] // URL: https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/gaming-merchandise-market (дата обращения: 20.03.2026).

2. Котенко Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук / МГЮА им. О. Е. Кутафина. М., 2012. 26 с.

3. Гринь Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект, 2015. 128 с.

4. Редкоус, В. М. К вопросу о правовом регулировании защиты детей от негативного влияния информации (опыт государств — участников СНГ) / В. М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 7. — С. 289 – 292.

5. Video Software Dealers Association v Schwarzenegger (2009) 556 F 3d 950, 958 at fn.11.

6. Редкоус, В. М. Опыт правового регулирования защиты детей от негативного влияния информации в государствах — участниках СНГ / В. М. Редкоус // Административная деятельность органов внутренних дел в современных условиях: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 24 апреля 2025 года. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 240 – 245.

7. Обзор IV Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности: вопросы науки и образования» (РАНХиГС, Москва, 27 – 28 мая 2025 года) / К. В. Алексеев, И. Б. Борисов, А. М. Воронов [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4(56). С. 178 – 196.

8. Административно-правовые средства обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации / Д. Ф. Вяткин, А. А. Гришковец, Е. Л. Васянина [и др.]. — Москва: ООО «Русайнс», 2025. — 304 с.

9. Правовое регулирование финансового рынка России / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина, С. В. Запольский [и др.]. — Москва: Институт государства и права РАН, 2023. — 219 с.

© Деда Д. В., 2026

EDN: IBCBAN

Дедюхина Наталья Вильгельмовна
профессор кафедры учёта и бизнес-анализа
Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
deduhina@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Определена значимость процесса трансфера научного знания в прикладную деятельность человека для достижения технологического лидерства как системообразующей национальной цели РФ. Показано, что освоение навыков информационно-аналитической деятельности обучающихся в образовательных практиках вуза становится одним из главных факторов реализации государственной технологической политики.
Ключевые слова: технологическое лидерство, знаниеёмкие активы, научный обзор, информационно-аналитическая деятельность.

Технологическое лидерство — одна из системообразующих национальных целей России, определённых Президентом РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2026 года [1]. Для её достижения отечественная экономика развивает новые индустрии в прорывных областях: от квантовых технологий до трёхмерной печати, от высокоскоростных магистралей до беспилотных поездов, от электрохимии до регенеративной

медицины. При этом залогом технологического лидерства страны становится процесс трансфера научного знания в прикладную деятельность человека и решения, обеспечивающие развитие реального сектора экономики. Фундаментальной основой в реализации такой работы становится потенциал высших учебных заведений с необходимыми ресурсами и компетенциями научно-педагогических работников и обучающихся.

На стратегической сессии под руководством Председателя Правительства РФ о развитии российской науки [2] было отмечено, что для достижения технологического лидерства перед страной стоит задача к 2030 году увеличить затраты на исследования и разработки не менее чем до 2 % валового внутреннего продукта. При этом основой новой модели развития науки становятся национальные проекты, а результатом их реализации — конкретные знаниеёмкие активы и современные технологии, позволяющие сформировать в России новые отраслевые рынки. Эффективный трансфер научного знания в новые технологии обеспечивается, в том числе, за счет взаимодействия науки и образовательного кластера, включая сотрудничество между исследовательскими центрами, передовыми инженерными школами, университетами, государственными институтами развития, индустриальными партнёрами.

Одним из факторов успешного превращения знаний в новые технологии выступает компетентностно-ориентированная модель подготовки выпускников вуза, умения и навыки которых, по сути, становятся знаниеёмким активом, предопределяющим ценность человеческого капитала на рынке труда. Для такой подготовки обучающихся на пути к технологическому лидерству важной задачей становится популяризация научного знания и персоналий учёных в образовательных практиках университетов [3]. Решение обозначенной задачи становится возможным при освоении обучающимися навыков информационно-аналитической деятельности, в том числе при подготовке научных обзоров о достижениях учёных в изучаемой области знаний и профессиональной деятельности. Не случайно в ФГОС ВО по многим направлениям подготовки выпускников бакалавриата при реализации образовательных программ (ОПОП ВО) в качестве первоочередной «надпрофессиональной» компетенции в категории (группе) универсальных компетенций «Системное и критическое мышление» предусмотрена УК-1 «способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач». Это затрагивает, в том числе, направления подготовки 15.03.01 Машиностроение,

15.03.06 Мехатроника и робототехника, 08.03.01 Строительство, 38.03.01 Экономика, 38.03.02 Менеджмент и другие.

По направлению подготовки 22.04.01 Материаловедение и технологии материалов (уровень магистратуры) ФГОС ВО в составе требований к результатам освоения программы предусматривает наличие у выпускников аналогичной компетенции ОПК-4 «способен находить и перерабатывать информацию, требуемую для принятия решений для научных исследований и в практической технической деятельности» в категории (группе) общепрофессиональных компетенций «Профессиональное совершенствование».

Наш научно-педагогический опыт показывает, что обучающиеся и начинающие исследователи, как правило, испытывают трудности при подготовке литературных обзоров в предметных областях знаний вследствие дефицита навыков методической и аналитической работы с массивом непосредственно текстовых источников информации и электронных ресурсов. Анализ содержания выборочных образовательных программ бакалавриата и магистратуры университетов-участников исследовательского трека программы государственной поддержки «Приоритет-2030» показал, что освоение навыков информационного обзора предусмотрено в образовательных программах высших учебных заведений, чаще всего, фрагментарно без отдельной методической проработки: либо как элемент выпускной квалификационной работы, либо как этап курсового проекта.

Самостоятельные дисциплины, обеспечивающие освоение навыков аналитико-синтетической переработки информации для подготовки обучающимися научных обзоров предусмотрены лишь в немногочисленных программах по направлению подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность.

История становления отечественной теории и практики аналитико-синтетической переработки информации связана с двумя ведущими научными центрами: московским (Всероссийский институт научной и технической информации Академии наук СССР) и ленинградским (ЛГИК им. Н. К. Крупской), основным вкладом которого является разработка теоретических и методических основ трансформации знаний в процессе анализа документов, развитие методов реферирования и аннотирования, теории вторичных документов.

Современные отечественные авторы отмечают, что сложившиеся подходы к организации обзорно-аналитической деятельности исследователей в условиях цифровизации информационного пространства требуют переосмысления. В условиях стремительного роста объемов

научных данных первостепенными становятся вопросы углублённой аналитической оценки знаниевой ценности публикаций, повышения точности поиска и минимизации «информационного шума». Подготовка аналитического обзора информации, с которой должен работать обучающийся в рамках самостоятельной работы, предусмотренной учебным планом ОПОП ВО, требует от автора не только владения требуемой методикой и технологией с ориентацией на целевую аудиторию, обладания соответствующими компетенциями — от простого анализа и синтеза данных, но и умения управлять последовательными этапами проекта реализации, включая этапы накопления и систематизации информации.

Автор [4] справедливо обращает внимание на то, что переработка и актуализация профессиональных стандартов требует расширения перечня универсальных «надпрофессиональных» компетенций, определяемых аналитико-информационной деятельностью специалиста. Исследователь [5] определяет развитие аналитических навыков в цифровой среде как основу профессиональной зрелости выпускника вуза и его вовлечённости в исследовательские процессы.

Наш практический опыт доказывает, что обучающиеся различных уровней подготовки — бакалавры и магистранты, инициативно изучавшие курс методической подготовки научных обзоров, свободно владели навыками поиска научной литературы, наукометрического анализа и кластеризации информации, работы с библиографическими менеджерами. При проведении контрольного анкетирования они отмечали благоприятное влияние навыков подготовки научных обзоров на высокие оценки по текущей и промежуточной аттестациям по различным дисциплинам и существенное повышение самооценки. Отметим, что сегодня новые этические вызовы и риски в научно-практических исследованиях создают инструменты искусственного интеллекта, используя которые студент должен обладать устойчивыми навыками критического чтения, результативного сопоставления текстов первоисточников и структурирования выводов.

Можно утверждать, что в современной научно-педагогической деятельности всё более востребованным становится новый тренд, предусматривающий переход от процессуальной модели обзорно-аналитической деятельности к компетентностной модели её реализации [6, 7]. В этой связи, по нашему мнению, при разработке и актуализации учебных планов ОПОП ВО различных уровней подготовки обучающихся целесообразно предусмотреть курс (возможно, факультативный) или отдельные модули в составе других дисциплин, обеспечивающие

освоение методических основ и технологий подготовки научных обзоров информационных ресурсов.

Формирование аналитической культуры, исследовательских навыков студентов в образовательных практиках высших учебных заведений становится необходимым условием подготовки выпускников, способных стать лидерами в профессиональной среде и ответить на технологические вызовы времени созданием новых инженерных индустрий.

Список литературы:

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 25.01.2026).

2. Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о развитии российской науки. 24 июня 2025 [Электронный ресурс] // URL: http://government.ru/news/55433/ (дата обращения: 25.01.2026).

3. Малышева, А. В., Развитие поисково-аналитических компетенций магистрантов при подготовке научных обзоров / А. В. Малышева, А. Е. Рыхторова, П. Ю. Блинов, А. Е. Гуськов // Научные и технические библиотеки. — 2024. — № 10. — С. 34 – 58.

4. Мишин, И. Н. Критическая оценка формирования перечня компетенций в ФГОС ВО 3++ / И. Н. Мишин // Высшее образование в России. — 2018. — № 4. — С. 66 – 75.

5. Барышев, Р. А. Формирование модели цифровых компетенций сотрудников университетских библиотек / Р. А. Барышев // Научные и технические библиотеки. — 2021. — № 9. — С. 129 – 149.

6. Пуляева, В. Н. Компетентностный подход в оценке выпускников образовательной организации высшего образования / В. Н. Пуляева // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 2. — С. 255 – 260.

7. Степашкина, Е. А., Суходоев, А. К., Гужеля, Д. Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов / Е. А. Степашкина, А. К. Сухоедов, Д. Ю. Гужеля // Современная аналитика образования. — 2022. — Т. 2, № 62. — С. 1 – 32.

© Дедюхина Н. В., 2026

EDN: JKUJDP

Джойс Элла Александровна
доцент кафедры экономической теории и финансового права
Омская академия МВД России
Омск, Россия
кандидат педагогических наук, доцент
ella_smk@mail.ru

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕНСИОННОГО КРИЗИСА

Аннотация. Статья предлагает новый взгляд на кризис пенсионной системы, рассматривая его не как финансовую проблему, а как комплексную угрозу экономической безопасности России. Интерес представляет проведенный анализ конвергенции трёх ключевых факторов: хронического демографического старения, каталитического эффекта геополитического конфликта 2022 года и ограничений традиционной миграционной модели. Доказывается, что их совокупное воздействие переводит проблему из социально-бюджетной плоскости в стратегическую, подрывая основу человеческого капитала и долгосрочную экономическую устойчивость государства.
Ключевые слова: пенсионная система, демографическое старение, человеческий капитал, трудовая миграция, мобилизация, пенсионные реформы, социальная политика.

Пенсионная система представляет собой один из ключевых институтов социального государства, обеспечивающий не только материальную безопасность пожилых граждан, но и общественную стабильность в целом [1]. В современной России данный институт переживает глубокий кризис, признаки которого выходят за рамки обычных финансовых трудностей. Нынешняя ситуация является результатом наложения долгосрочных внутренних демографических трендов и краткосрочных внешних геополитических потрясений, создавших эффект «совершенного

шторма» для системы социального обеспечения. Традиционный для распределительных систем вызов, связанный с увеличением демографической нагрузки, в российских условиях приобрел гипертрофированные формы. Низкая рождаемость, уходящая корнями в демографический провал 1990-х годов, в сочетании с постепенным ростом продолжительности жизни формирует устойчивую тенденцию к сокращению доли экономически активного населения. Однако этот фундаментальный вызов был катастрофически усилен событиями 2022 года. Масштабная мобилизация и добровольная эмиграция, затронувшие прежде всего мужчин наиболее продуктивных возрастов, привели к внезапному и глубокому сокращению базы плательщиков страховых взносов. Параллельно исторически сложившаяся модель компенсации дефицита рабочей силы за счет миграции из стран Центральной Азии столкнулась с новыми ограничениями, вызванными экономическими санкциями и геополитической напряженностью. В совокупности эти факторы создают беспрецедентное давление на финансовую устойчивость пенсионной системы, превращая ее текущие проблемы в стратегическую угрозу долгосрочному социально-экономическому развитию страны [2]. В связи с этим, следует не просто перечислить проблемы, а выявить системные взаимосвязи между демографией, геополитикой и экономикой, которые формируют контуры кризиса, а также на основе сравнительного анализа предложить контур реформ, адекватный масштабу и специфике выявленных вызовов.

На сегодняшний день структурной основой кризиса является демографическое старение. Демографическая ситуация в России является классическим примером перехода ко второму демографическому дивиденду, когда рост продолжительности жизни при отсутствии компенсирующего роста рождаемости ведет к стремительному старению населения. Этот переход имеет глубокие исторические корни. Катастрофические потери XX века, включая Вторую мировую войну, создали долгосрочные диспропорции в возрастно-половой структуре. Демографический кризис 1990-х годов, выраженный в резком падении рождаемости и скачке смертности («русский крест»), заложил основу для сегодняшнего сужения когорты лиц трудоспособного возраста. Даже пронаталистские меры 2000-х годов, такие как программа материнского капитала, обеспечили лишь временный и ограниченный всплеск рождаемости, не изменив общей траектории.

Современные показатели наглядно иллюстрируют глубину проблемы. Доля населения в возрасте 65 лет и старше устойчиво приближается к 15 %, а прогнозы указывают на возможный рост до 25 % к середине

века. При этом ожидаемая продолжительность жизни, хотя и выросла по сравнению с постсоветским минимумом, остается существенно ниже средних показателей развитых стран. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, рост продолжительности жизни увеличивает период получения пенсионных выплат, нагружая систему, с другой — его недостаточный уровень ограничивает возможности для такого политически чувствительного решения, как значительное повышение пенсионного возраста. Таким образом, демографическая структура создает жесткие рамки для функционирования распределительной пенсионной системы, закладывая фундамент ее хронического дефицита, который становится критическим под воздействием дополнительных шоков.

Геополитический конфликт является катализатор кризиса (удар по человеческому капиталу). Если демографическое старение было «медленной» угрозой, то военный конфликт на Украине стал «быстрым» катализатором, обнажившим хрупкость системы. Его воздействие на пенсионную систему носит опосредованный, но крайне разрушительный характер, реализуясь через канал человеческого капитала и рынка труда. Можно выделить два основных вектора этого воздействия.

Во-первых, прямая мобилизация и добровольный призыв вывели с рынка труда, по разным оценкам, от 860 тысяч до 1 миллиона человек преимущественно мужчин трудоспособного возраста. Это не просто количественное сокращение. Мобилизованные представляют собой когорту, находящуюся в пике экономической и репродуктивной активности. Их изъятие привело к немедленному сокращению объема страховых взносов в Пенсионный фонд и создало долгосрочные демографические последствия, которые проявятся в будущем.

Во-вторых, спровоцированная конфликтом волна эмиграции привела к оттоку, по меньшей мере, 1 – 1.5 миллиона человек, среди которых непропорционально высокую долю составили высококвалифицированные специалисты из сферы IT, инженерии, науки и медицины [3]. Этот процесс представляет собой классическую «утечку мозгов» в экстремальных условиях, нанося двойной удар. С одной стороны, экономика теряет наиболее производительных работников, чьи взносы были бы максимальными. С другой стороны, подрывается инновационный потенциал и способность к долгосрочному росту, который является конечной основой для финансирования любой социальной системы.

Экономические последствия проявляются в рекордной для постсоветского периода нехватке рабочей силы, что фиксируют исследования

Центрального банка. Дефицит кадров ведет к инфляции заработной платы, повышая издержки бизнеса, и одновременно создает структурные перекосы в ключевых отраслях — от промышленности и логистики до здравоохранения. Таким образом, конфликт не просто сократил численность плательщиков взносов, но и ослабил экономическую основу, которая должна генерировать ресурсы для пенсионной системы.

Еще одним важным фактором, влияющим на кризис, является иммиграция. На протяжении последних десятилетий иммиграция служила для России важным амортизатором демографического спада, компенсируя естественную убыль населения. Страна стала одним из крупнейших в мире реципиентов трудовых мигрантов, главным образом из стран Центральной Азии. Их вклад в пенсионную систему осуществляется как прямо — через уплату страховых взносов при легальной занятости, так и косвенно — через поддержание экономической активности в секторах, критически зависимых от ручного труда (строительство, ЖКХ, сельское хозяйство).

Однако в новых условиях эта модель сталкивается с растущими противоречиями. С одной стороны, отток квалифицированных отечественных кадров теоретически повышает зависимость экономики от низкоквалифицированной миграции. С другой стороны, геополитическая изоляция и экономические сложности делают Россию менее привлекательным направлением для мигрантов, а девальвация рубля снижает ценность денежных переводов. Более того, сохраняются фундаментальные системные проблемы: высокий уровень неформальной занятности среди мигрантов, правовые и административные барьеры для легализации, слабая языковая и социальная интеграция. Эти проблемы ограничивают как налоговые отчисления мигрантов, так и их долгосрочный демографический вклад. Следовательно, рассчитывать на иммиграцию как на автоматическое решение проблем пенсионной системы в текущем контексте является серьезной стратегической ошибкой. Требуется целенаправленная политика по интеграции и легализации, превращению мигрантов в полноправных участников системы социального страхования.

Анализ международного опыта стран, столкнувшихся со схожими демографическими вызовами (Австралия, Германия, Нидерланды, Сингапур), позволяет выделить несколько ключевых принципов, применимых к российской ситуации. Центральный вывод заключается в том, что распределительная система, основанная исключительно на солидарности поколений, в условиях глубокого демографического дисбаланса

обречена на хронический дефицит. Необходим переход к смешанной, многоуровневой модели, сочетающей солидарный, накопительный и добровольный компоненты. Стоит акцентировать внимание на усиление роли накопительного элемента и софинансирования. Модель обязательных пенсионных взносов работодателей, как в Австралии (Superannuation), может создать стабильный дополнительный приток средств, снижая нагрузку на государственный бюджет. При этом критически важным является обеспечение надежного и прозрачного управления этими активами, чего не удалось добиться в рамках предыдущих попыток внедрения накопительной системы в России. Сопоставимые взносы государства за определенные категории граждан (молодые специалисты, работники дефицитных специальностей) могли бы стать стимулом для легализации трудовых отношений.

Имеет особое значение стимулирование более длительной трудовой жизни. Поэтапное повышение эффективного пенсионного возраста, сопровождаемое мерами по борьбе с возрастной дискриминацией на рынке труда и развитием программ переобучения для старших возрастных групп, — неизбежная мера. Опыт Германии показывает, что этот процесс должен быть предсказуемым, растянутым во времени и сочетаться с гибкими вариантами частичной занятости для пожилых работников. Можно предложить и повышение эффективности и адресности системы. То есть, часть высвобождаемых ресурсов должна быть направлена не на общее повышение пенсий, а на усиление адресной поддержки наиболее нуждающихся пенсионеров, что повысит общую социальную отдачу системы.

Кроме того, имеет значение стратегическое управление миграцией. Политика в сфере миграции должна быть переориентирована с пассивного притока низкоквалифицированной рабочей силы на целевое привлечение и интеграцию квалифицированных кадров. Это требует упрощения процедур легализации, признания иностранных дипломов, создания программ языковой и культурной адаптации. Только легальный и интегрированный мигрант становится устойчивым источником пенсионных взносов.

Итак, пенсионный кризис в России представляет собой не временную финансовую трудность, а симптом глубоких структурных дисбалансов в демографии и экономике. Старение населения создало долгосрочную уязвимость, которая была доведена до критической точки геополитическим конфликтом, нанесшим прямой удар по человеческому

капиталу и экономическому потенциалу страны. Традиционный компенсационный механизм в виде массовой трудовой миграции в текущих условиях не может автоматически решить проблему, требуя качественной перестройки миграционной политики.

В этих условиях паллиативные меры по латанию бюджетных дыр Пенсионного фонда за счет общих трансфертов лишь откладывают неизбежную системную перестройку. У России сохраняется узкое окно возможностей для реформ. Путь к устойчивости лежит не в выборе одной «волшебной» меры, а в комплексной трансформации системы по нескольким направлениям одновременно: внедрение элементов накопительности и софинансирования для диверсификации источников, повышение эффективного пенсионного возраста в увязке с политикой активного долголетия, и, наконец, превращение миграции из источника дешевой рабочей силы в инструмент восполнения человеческого капитала. Социально-политическая сложность таких реформ огромна, однако цена бездействия — углубление экономической стагнации и рост социального неравенства — будет неизмеримо выше. Будущее пенсионной системы, а в широком смысле — и социального контракта в России, зависит от способности власти и общества к непопулярным, но необходимым системным решениям, принятым на основе трезвого учета новых демографических и геополитических реалий.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 29.01.2026).

2. Джойс Э. А., Симаков А. А. Современные миграционные процессы в Российской Федерации и их влияние на экономическую безопасность Монография //Омск, 2023. С. 110.

3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 29.01.2026).

© Джойс Э. А., 2026

EDN: JNBBLN

Дмитриев Дмитрий Владимирович
аспирант факультета экономики и менеджмента
Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
Санкт-Петербург, Россия
collcill@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СТРУКТУР ЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация. Представлено обоснование авторского подхода к определению категории «экономическая безопасность» применительно к корпоративным структурам энергетического комплекса Российской Федерации. Отмечена востребованность такого подхода в научно-практических исследованиях для дифференциации методологических направлений развития экономической науки и практики в условиях новых вызовов, угроз и ресурсных ограничений.
Ключевые слова: экономическая безопасность, субъекты управления, приоритизация угроз.

Традиционно в отечественной научной мысли категория «экономическая безопасность» развивалась преимущественно в контексте национальной безопасности. Классические подходы связывают экономическую безопасность с устойчивостью развития, независимостью и способностью экономики к воспроизводству в условиях внешних и внутренних угроз. Так, Л. И. Абалкин трактовал экономическую безопасность через призму защищённости национальной экономики и её способности к устойчивому развитию при воздействии факторов риска [1]. В работах В. К. Сенчагова экономическая безопасность

рассматривается как состояние защищённости жизненно важных интересов общества и государства в экономической сфере, достигаемое посредством системы мер и механизмов мониторинга угроз [2]. В рамках концептуальных построений С. Ю. Глазьева подчёркивается связь экономической безопасности с конкурентоспособностью, технологической самостоятельностью и способностью экономической системы обеспечивать развитие при изменении внешней конъюнктуры [3]. Несмотря на различия акцентов, общим методологическим ядром перечисленных подходов является понимание безопасности как способности системы сохранять целевую траекторию развития, а не только как отсутствия текущих потерь. Нормативно-правовой контур экономической безопасности на государственном уровне задают: Федеральный закон «О безопасности» № 390-ФЗ [4], Указ Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» № 208 [5], а также федеральное законодательство о стратегическом планировании [6]. Указанные документы фиксируют принципиальную позицию: экономическая безопасность относится к приоритетам управления и требует постоянного мониторинга и предупреждения потенциальных рисков и угроз.

Переход от макроуровня к уровню хозяйствующего субъекта предполагает адаптацию категориального аппарата к решению профессиональных задач с позиции управления вызовами и угрозами на микроуровне, и такая адаптация будет определяться, прежде всего, отраслевой спецификой. На корпоративном уровне объектом оценки экономической безопасности становится не национальная экономика, а корпоративная система (отдельная компания, группа компаний, холдинг, вертикально интегрированная структура), функционирующая одновременно в условиях конкурентного рыночного сегмента и государственного регулирования. Соответственно, экономическая безопасность корпорации логично соотносится с достижением стратегических целей, непрерывностью технологических процессов, сохранением экономического потенциала и долгосрочной устойчивости финансово-экономической модели развития. Такая постановка вопроса позволяет избежать методической ошибки ограничения критериев оценки экономической безопасности до расчета финансовых индикаторов: энергетическая корпорация может демонстрировать приемлемые финансовые метрики в краткосрочном периоде при одновременном накоплении технологических и организационных уязвимостей (износ оборудования, дефицит ремонтов, зависимость

от критических поставщиков, снижение киберустойчивости управленческих контуров), что в среднесрочной перспективе трансформируется в существенный экономический ущерб.

С учётом вышеизложенного экономическую безопасность корпоративных структур энергетического комплекса целесообразно интерпретировать как сложную управленческую категорию, интегрирующую финансовые, инвестиционные, производственно-технологические, цепочечные, регуляторные и информационно-цифровые аспекты поддержания устойчивости, дифференцированные на группы по соответствующих критериям. При этом выбор критериев оценки экономической безопасности оправдан в двух взаимосвязанных плоскостях: во-первых, как достигнутого результата (например, состояния объекта исследования) и, во-вторых, как процесса (например, процесса управления угрозами).

Экономическая безопасность как состояние корпоративной структуры энергетики должна отражать соответствие ключевых технико-экономических показателей параметрам, обеспечивающим устойчивое развитие. Среди таких показателей — коэффициенты достаточности ресурсов для выполнения обязательств, отсутствие критических разрывов по финансированию текущей деятельности и инвестиционных проектов, управляемость износом и надежностью активов, устойчивость цепочек поставок и эффективность договорной политики, соблюдение регуляторных требований, сохранность ключевых данных и непрерывность обеспечения безопасности критических информационных систем.

Экономическая безопасность как непрерывный процесс управления угрозами корпоративной структуры энергетики означает наличие институционального механизма предупреждения и нейтрализации угроз: регламентов и процедур раннего выявления факторов риска, методик оценки и приоритизации угроз, инструментов выбора мер реагирования, системы мониторинга индикаторов и пороговых значений, а также механизмов контроля эффективности принятых решений. При таком подходе экономическая безопасность перестаёт быть статичным «фактом защищённости» и превращается в управляемую способность корпоративной системы развиваться в условиях неопределенности в долгосрочной перспективе.

В целях научно-практических исследований считаем целесообразным определять экономическую безопасность корпоративной структуры энергетического комплекса как интегральную оценку условий для устойчивого развития с позиции управляемой защищённости корпоративной системы, функционирующей для достижения стратегических целей.

Предложенное определение позволяет дифференцировать методологические акценты по следующим направлениям развития экономической науки и практики: обеспечение сбалансированности целей и ограничений (обеспечение безопасности не должно приводить к утрате возможности развития); соблюдение принципа превентивности (опора на упреждающую идентификацию угроз и слабых сигналов); определение границ допустимого уровня риска (безопасность не равна «нулевому риску»).

Корректное методологическое описание экономической безопасности требует уточнения объектно-субъектной структуры управления. Объектом экономической безопасности корпоративной структуры энергетики выступают все элементы корпоративной системы, от устойчивости которых зависит долговременное благополучие компании. Состав и содержание элементов управления экономической безопасностью корпоративной структуры энергетического комплекса РФ представлены в таблице 1.

Таблица 1. Элементы управления экономической безопасностью корпоративной структуры энергетического комплекса РФ

Элементы управления	Состав и содержание
Материальные и нематериальные активы	Генерирующее и сетевое оборудование, инфраструктура, лицензии, программное обеспечение, данные
Финансовые ресурсы и обязательства	Структура капитала, долговые инструменты, ковенанты, процентные и валютные риски, ликвидность
Инвестиционный портфель и обязательные программы	CAPEX, программы ремонтов и модернизации, экологические проекты
Ключевые бизнес-процессы и критические операции	Эксплуатация, диспетчеризация, закупки, сбыт, расчёты с потребителями, технологическое присоединение
Цепочки поставок и контрагентская база	Критически важные поставщики оборудования и ИТ-компонентов; подрядчики сервисного обслуживания
Управленческая инфраструктура	Система бухгалтерского и управленческого учета, бюджетирования, внутреннего контроля и отчетности; ключевые ИТ-системы

Предметом экономической безопасности являются отношения, механизмы и управленческие решения, направленные на предупреждение и нейтрализацию тех угроз и уязвимостей, которые могут негативно повлиять на устойчивость корпоративной структуры при достижении позитивных целей стратегического развития.

Субъектами управления экономической безопасностью выступают органы корпоративного управления и функциональные блоки

компании, наделенные соответствующими обязанностями по контролю рисков. В их число входят: совет директоров и его комитеты (в том числе по аудиту и рискам), исполнительные органы, финансово-экономический блок, подразделения риск-менеджмента, внутреннего контроля и внутреннего аудита, служб корпоративной и информационной безопасности, а также владельцы бизнес-процессов и активов. В части организационного распределения полномочий и ответственности следует учитывать положения Кодекса корпоративного управления, рекомендованного Банком России, где подчёркивается особая роль совета директоров в формировании системы управления рисками и внутреннего контроля [7].

Экономическая безопасность как интегральная категория пересекается с рядом близких понятий, однако не тождественна им. Финансовая устойчивость отражает способность компании поддерживать платежеспособность, выполнять обязательства и сохранять приемлемую структуру капитала. Она является необходимым, но недостаточным условием обеспечения экономической безопасности. Для энергетики типична ситуация, когда краткосрочная финансовая устойчивость может поддерживаться за счёт сокращения инвестиций и ремонтных программ, что формирует среднесрочный технологический и операционный риск и снижает общий уровень безопасности.

Надёжность в энергетике преимущественно означает технологический результат — безаварийность, устойчивость режимов, непрерывность энергоснабжения и соблюдение нормативных требований к надежности. Надёжность следует рассматривать как производственно-технологический контур экономической безопасности: снижение надежности практически неизбежно приводит к экономическим потерям (простои, недоотпуск продукции, штрафы, рост затрат на аварийные ремонты, репутационные потери). Таким образом, надежность и экономическая безопасность тесно связаны, но не идентичны: надежность концентрируется на технических аспектах непрерывности функционирования, тогда как экономическая безопасность не ограничивается ими.

Резильентность описывает способность системы выдерживать шоки, адаптироваться и восстанавливаться. Для энергетических компаний резильентность проявляется в наличии резервов, сценарных планов, альтернативных маршрутов поставок, планов обеспечения непрерывности бизнеса и восстановления критических информационных систем. Резильентность усиливает экономическую безопасность, но не заменяет

её: безопасность задаёт критерии приемлемости состояния и рамки управления рисками, а резильентность — способность возвращаться в устойчивое состояние после нарушения.

Риск-устойчивость отражает способность организации принимать определённый уровень риска в рамках установленных лимитов без перехода в кризисную траекторию. Методически риск-устойчивость связана с категорией риск-аппетита, лимитами, пороговыми значениями индикаторов и процедурами эскалации. В качестве ориентиров для построения риск-ориентированных процедур на корпоративном уровне применимы международные рамочные документы по риск-менеджменту и внутреннему контролю, включая стандарт ISO 31000:2018 и концепцию COSO ERM 2017 г. [8, 9]. Важно, однако, что экономическая безопасность шире классического риск-менеджмента, поскольку включает оценку стратегической достижимости и устойчивости ключевых контуров (инвестиционного, технологического, цепочечного, информационного), не сводимых только к вероятностно-статистическим оценкам.

Итак, экономическую безопасность можно трактовать как интегратор перечисленных категорий: финансовая устойчивость задаёт измеримое «ядро», надёжность и резильентность уточняют технологико-организационные домены устойчивости, а риск-устойчивость формирует управленческую рамку допустимых границ и решений. При этом экономическая безопасность корпоративной структуры энергетического комплекса занимает положение сквозного интегратора, обеспечивающего баланс целей развития и ограничений устойчивости экономических субъектов стратегически значимых сетевых сопряженных производств.

Список литературы:

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4 – 13.

2. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Лаборатория знаний, 2020. — 541 с.

3. Глазьев С. Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. 1997. № 1. С. 3 – 19.

4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102143768 (дата обращения: 03.03.2026).

5. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 03.03.2026).

6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102354386 (дата обращения: 03.03.2026).

7. Банк России. Кодекс корпоративного управления (введен письмом Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463) [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/59420/inf_apr_1014.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

8. ISO 31000:2018. Risk management — Guidelines. Geneva: International Organization for Standardization, 2018. 16 p. [Электронный ресурс] // URL: https://www.iso.org/standard/65694.html (дата обращения: 03.03.2026).

9. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. Enterprise Risk Management-Integrating with Strategy and Performance. 2017 [Электронный ресурс] // URL: https://www.coso.org/guidance-erm (дата обращения: 03.03.2026).

© Дмитриев Д. В., 2026

EDN: JDHFSI

Довгань Евгений Александрович
начальник кафедры специальных дисциплин
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института МВД России
Волгодонск, Россия
dovghan_72@mail.ru

КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ДОКАЗЫВАНИЯ, МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации кибермошенничества в отношении граждан, особенности доказывания по данной категории дел и вопросы межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и финансовых организаций. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.
Ключевые слова: кибермошенничество, цифровые технологии, уголовная ответственность, доказывание, межведомственное взаимодействие, информационная безопасность, защита прав граждан.

Цифровизация общественных отношений, активное развитие дистанционных финансовых сервисов и широкое распространение информационно-телекоммуникационных технологий обусловили существенный рост преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет» и средств связи. Особое место среди них занимает кибермошенничество в отношении граждан, посягающее на имущественные интересы физических лиц и подрывающее доверие к цифровой среде. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, значительная доля зарегистрированных преступлений в сфере информационных технологий

связана именно с мошенничеством, предусмотренным статьями 159, 159.3, 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Правовое регулирование ответственности за мошенничество закреплено в статье 159 УК РФ, а также в специальных составах, предусматривающих ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа и в сфере компьютерной информации [2]. Вместе с тем стремительное развитие способов совершения преступлений, трансграничный характер цифровой среды и использование анонимных инструментов создают серьезные трудности квалификации и доказывания, возрастает значение межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, банков, операторов связи и иных субъектов, участвующих в предупреждении и раскрытии киберпреступлений [3].

Кибермошенничество в отношении граждан представляет собой разновидность мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», средств мобильной связи, программных продуктов и иных цифровых инструментов. Объективная сторона преступлений этой направленности выражается в хищении чужого имущества или приобретении права на него путем обмана либо злоупотребления доверием с применением цифровых технологий [2]. Одной из ключевых проблем является разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 159, 159.3 и 159.6 УК РФ, поскольку в правоприменительной практике нередко возникают сложности при определении, относится ли деяние к мошенничеству с использованием электронных средств платежа либо к мошенничеству в сфере компьютерной информации. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 в свою очередь разъяснил некоторые вопросы квалификации мошенничества, указав на необходимость учета способа совершения преступления и характера используемых средств [4]. В тоже время нельзя обойти вниманием тот факт, что динамика цифровых технологий приводит к появлению новых схем, которые не всегда однозначно вписываются в существующие правовые конструкции. Не всегда можно точно определить момент окончания преступления и определение размера причиненного ущерба, поскольку в условиях дистанционного взаимодействия потерпевший и преступник могут находиться в разных субъектах Российской Федерации или даже в разных государствах, что осложняет определение места совершения преступления и подследственности [5]. В ряде же случаев преступления совершаются

организованными группами с распределением ролей, использованием подставных лиц и «дропов», что в свою очередь требует квалификации по совокупности преступлений и применения норм о соучастии. Вот почему проблематика доказывания по делам о кибермошенничестве обусловлена особенностями цифровых следов. В качестве доказательств используются электронные документы, данные лог-файлов, сведения о транзакциях, записи телефонных переговоров, информация с серверов и мобильных устройств. Отметим, что в соответствии со статьей 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию [6], однако, специфика электронных доказательств требует соблюдения особых правил их изъятия, фиксации и хранения, чтобы обеспечить их допустимость и достоверность.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает правовые основы обращения информации и обязанности операторов по обеспечению ее сохранности [7], в то время как на практике получение данных от операторов связи и интернет-провайдеров может затягиваться, особенно если серверы находятся за пределами Российской Федерации. Вот почему трансграничный характер киберпреступности обусловливает необходимость международного сотрудничества, в том числе в рамках Конвенции о киберпреступности 2001 г. [8].

Существенную роль в доказывании играет и взаимодействие следственных органов с Банком России и кредитными организациями. Федеральный закон «О национальной платежной системе» предусматривает обязанность операторов по переводу денежных средств обеспечивать безопасность операций и взаимодействовать с правоохранительными органами [9], в последние годы особенно реализуются механизмы оперативной блокировки подозрительных транзакций и возврата похищенных средств, эффективность которых во многом зависит от скорости реагирования и полноты обмена информацией.

Отдельного внимания в рамках нашего исследования заслуживает проблема защиты прав потерпевших, поскольку кибермошенничество нередко сопровождается психологическим воздействием на граждан, использованием методов социальной инженерии, подменой номеров телефонов и имитацией деятельности государственных органов или банков. В этой связи Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 определил приоритетные направления развития цифровой

экономики и обеспечения информационной безопасности [10], поскольку профилактика кибермошенничества должна включать не только уголовно-правовые меры, но и комплекс организационных, технических и просветительских мероприятий. Межведомственное взаимодействие выступает здесь ключевым фактором повышения эффективности противодействия кибермошенничеству, поскольку в соответствии с положениями Федерального закона «О полиции» органы внутренних дел обязаны принимать меры по предупреждению и пресечению преступлений, взаимодействуя с иными государственными органами и организациями [11]. Практика же показывает, что успешное раскрытие преступлений данной категории возможно только при налаженном обмене информацией между следственными подразделениями, подразделениями по борьбе с киберпреступностью, финансовыми организациями и операторами связи, и, что, несмотря на предпринимаемые меры, сохраняются проблемы нормативного характера. Действующее уголовное законодательство не всегда учитывает специфику цифровых платформ, криптовалют и анонимных сервисов, отсутствие четкого определения понятий «кибермошенничество» и «цифровые активы» в УК РФ порождает неоднозначность толкования. В этой связи в научной литературе обосновывается необходимость совершенствования уголовно-правовых норм с учетом цифровой трансформации экономики [3, 5], представляется целесообразным рассмотреть возможность унификации составов мошенничества, совершаемого с использованием цифровых технологий, а также уточнения критериев разграничения смежных составов, а так же развитие процессуальных механизмов быстрого получения электронных доказательств, внедрение специализированных подразделений цифровой криминалистики и совершенствование международного сотрудничества.

В итоге мы видим, что кибермошенничество в отношении граждан является одной из наиболее динамично развивающихся форм преступности в условиях цифровизации общества и анализ правовых проблем квалификации и доказывания свидетельствует о необходимости адаптации уголовного и уголовно-процессуального законодательства к современным технологическим реалиям. Повышение эффективности межведомственного взаимодействия, совершенствование механизмов обмена информацией и укрепление международного сотрудничества здесь выступают важнейшими условиями защиты имущественных прав граждан и обеспечения доверия к цифровой среде.

Список литературы:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности в Российской Федерации за 2023 год: официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 18.02.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

3. Кудрявцев В. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. М.: Норма, 2022.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] // URL: http://www.supcourt.ru (дата обращения: 18.02.2026).

5. Бастрыкин А. И. Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий // Российский следователь. 2023. № 5.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

8. Конвенция о киберпреступности (Будапешт, 23.11.2001) [Электронный ресурс] // URL: https://rm.coe.int (дата обращения: 18.02.2026).

9. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

10. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 18.02.2026).

11. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

© Довгань Е. А., 2026

EDN: JWMOEV

Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
luda_d65@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫСВОБОЖДЕНИЯ, РЕАЛИЗАЦИИ И СПИСАНИЯ ИМУЩЕСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены существующий порядок высвобождения, реализации и списания имущества, закрепленного за территориальными органами МВД России на региональном уровне, а также процедура списания имущества в органах внутренних дел. Сформулированы причины и возможные пути решения проблем, которые возникают при списании имущества.
Ключевые слова: оперативное управление; недвижимое имущество; списание; электронный документооборот; квалификация сотрудников.

В соответствие с законодательством Российской Федерации за ГУ (У) МВД России как территориальными органами МВД России на региональном уровне в целях обеспечения их деятельности закрепляются в установленном порядке на праве оперативного управления здания (строения, сооружения), помещения, оборудование, техника, инвентарь и другое имущество, а земельные участки предоставляются в постоянное (бессрочное) пользование.

Право оперативного управления имуществом — это ограниченное вещевое право, которое представляет учреждению в рамках владения имуществом распоряжаться им в пределах, которые установлены законодательством Российской Федерации.

УМВД России распоряжаются имуществом по поручению государства, они действует от его имени в решении ряда не только имущественных вопросов, но и вопросов по работе с населением.

ГУ (У) МВД России владеют следующим имуществом: недвижимое имущество (офисная техника, офисные строения, социальные объекты, оборудование, мебель, строения хозяйственного назначения, гараж и т.д.); движимое имущество; права на интеллектуальную собственность.

На балансе управлений имеется жилищный фонд для работников управления и подразделений области, который закреплен на праве оперативного управления.

К таким объектам относятся: научные и образовательные организации; санаторно-курортные учреждения; медицинские и санитарные части; иные организации административного, социально-бытового и хозяйственного назначения.

Имущественные операции в ГУ (У) МВД России находятся в ведение подразделений, на которые возложены властные полномочия Федеральным законом «О полиции», а также подразделений органов внутренних дел, выполняющих функции тылового (материально-технического) обеспечения.

Имущество, которым владеют ГУ (У) МВД России, передаются им для целевого использования государственными органами исполнительной власти, а именно, МВД Российской Федерации.

Имущество передается в оперативное управление в одностороннем порядке на основании актов передачи имущества. ГУ (У) МВД России на основании актов передачи имущества не могут распоряжаться особо ценным имуществом, объектами недвижимости в отличие от вещевого имущества, которым ГУ (У) МВД России распоряжаются самостоятельно.

В ходе эксплуатации постепенно происходит утрата имуществом своих первоначальных свойств и характеристик или износ имущества, что, в свою очередь, является одним из законных оснований для списания и выведения имущества с баланса ГУ (У) МВД России.

При списании имущества ГУ (У) МВД России придерживаются порядка, который закреплен в законодательстве РФ, а также в ведомственных нормативно-правовых актах.

Процедура списания имущества в органах внутренних дел проводится в следующем порядке:

— проведение инвентаризации имущества;

— создание и работа комиссии по списанию имущества, подготовки документации для списания;

— принятие решения о списании имущества;

— согласование принятия решения о списании имущества с вышестоящими органами.

При распоряжении, списании, реализации и высвобождении имущества возникает ряд проблем, которые требуют изучения и решения по существу:

1. Запрет на принятие самостоятельных решений о реализации объектов имущества, содержание которых экономически нецелесообразно, либо которые не участвуют в деятельности подразделений УМВД.

Решение данной проблемы лежит через осуществление следующих мер:

— получение разрешения на распоряжение имуществом в территориальном органе управления;

— снятие списываемого объекта с баланса ГУ (У) МВД России и Росимущества;

— установление продажной цены объекта.

2. Запрет на принятие самостоятельных решений о списании ряда имущества, среди которого незанятые в деятельности строения и здания, объекты движимого имущества.

Данная проблема касается всех учреждений, которые распоряжаются имуществом на праве оперативного управления.

Причина данной проблемы заключена в существующих ограничениях на уровне законодательства РФ.

Её решение возможно путем передачи части полномочий по списанию без согласования недвижимого имущества, не занятого в деятельности, что позволит сократить расходы на содержание этого имущества, получить материальную выгоду в ходе его реализации.

3. Длительный срок согласования документации документов для списания имущества.

Причины появления данной проблемы:

— процессы миграции документов между несколькими инстанциями МВД России;

— большой объем документов для согласования, поступающих в министерство от ГУ (У) МВД России, что негативно сказывается на организационных и деловых сроках их рассмотрения.

Для решения данной проблемы необходимо рассмотреть возможность отправки документов не почтовой службой, а курьерской, либо с помощью электронной почты с использованием электронной подписи.

Такое решение позволит сократить срок доставки документов, что, в свою очередь, решить проблему с сокращением времени согласования списания имущества.

На перспективу следует рассмотреть вопрос о списании имущества в режиме реального времени с помощью беспроводных технологий с внедрением соответствующей технологической цепочки.

4. Возврат документов, поданных на согласование, из-за ошибок в оформлении и заполнении.

Причиной возникновения данной проблемы является недостаточный контроль комиссией по списанию имущества за оформлением документации. В большинстве случаев на комиссию по списанию имущества возложены обязанности и в других сферах деятельности ГУ (У) МВД России; большой перечень заполняемых документов для списания имущества, подготовка которых полностью ложится на отдел делопроизводства; низкий уровень автоматизации процесса заполнения документации, многие документы заполняются вручную без перепроверки данных (табл. 1).

Таблица 1. Причины и возможные пути решения проблемы возврата документов на согласование списания из-за допущенных ошибок в их оформлении

Причина	Пути решения
1. Перезагруженность комиссии по списанию имущества обязанностями в других сферах деятельности.	1. Освобождение членов комиссии по списанию имущества на время инвентаризации и списания имущества от выполнения других обязанностей.
2. Большой перечень заполняемых документов, подготовка которого полностью ложится на отдел делопроизводства.	2. Поэтапное заполнения документации между отделами делопроизводства, правовым и финансовым отделами.
3. Низкий уровень автоматизации процесса.	3. Использование современной организационной техники, программного обеспечения и технологий делопроизводства.

5. Отсутствие ведения электронного документооборота по списанию имущества.

На протяжении последних лет все органы государственной власти, включая МВД России, активно внедряют различные системы электронного

документооборота. Однако в ряде подразделений до сих пор отсутствует система учета имущества в электронном виде, следовательно, нет возможности создания общей базы документов в электронном виде по работе с имуществом.

Причины:

— недостаточное финансирование определенных структурных подразделений и организаций МВД России;

— приверженность консервативным способам ведения документооборота (табл. 2).

Таблица 2. Причины и возможные пути решения проблемы отсутствия электронного документооборота по списанию имущества

Причина	Пути решения
1. Недостаточное финансирование	- истребование средств, необходимых для внедрения сервиса электронного делопроизводства по работе с имуществом
2. Приверженность консервативным способам ведения документооборота.	- обучение сотрудников работе с электронными документами в делопроизводстве; - покупка (разработка) и внедрение специализированной программы «1С: Предприятие 8. Инвентаризация и управление имуществом» или её аналога применительно к системе МВД России

Внедрение повсеместного электронного документооборота по списанию имущества позволит:

— создать общую базу документов между различными подразделениями и организациями МВД;

— сократить время, затрачиваемое на заполнение документации за счет автоматизации процесса;

— избежать ошибок при переносе информации с одного носителя на другой;

— разработать алгоритм списания имущества на удаленной основе.

6. Низкий уровень специалистов, проводящих экспертизу оценивания целесообразности использования недвижимого имущества, оборудования, офисной техники и т.д.

Данная проблема негативно сказывается на правильности и точности результатов по итогам инвентаризации имущества с целью выявления имущества, непригодного для дальнейшего использования.

Причина — отсутствие сотрудников с необходимым уровнем знаний по причине низкооплачиваемой работы и невозможности карьерного роста в органах внутренних дел.

Для решения данной проблемы необходимо:

— пересмотреть на уровне Министерства внутренних дел на предмет повышения заработной платы специалистов, проводящих экспертизы имущества;

— направить на повышение квалификации сотрудников, занимающихся проведением экспертизы.

В рамках списания имущества ГУ (У) МВД России также выполняет операции по реализации и утилизации списанного имущества.

Таким образом, можно выделить ряд проблем, которые возникают при списании имущества:

1. Запрет на принятие самостоятельных решений о реализации.

2. Запрет на принятие самостоятельных решений о списании имущества, среди которого незанятые в деятельности строения и здания, объекты движимого имущества.

3. Длительный срок рассмотрения документов для согласования списания имущества.

4. Возврат документов, поданных на согласование из-за ошибок в оформлении и заполнении.

5. Отсутствие ведения электронного документооборота по списанию имущества.

6. Низкий уровень специалистов, проводящих экспертизу оценивания целесообразности использования недвижимого имущества, оборудования, офисной техники и т.д.

Основными причинами появления данных проблем является недостаточное финансирование органов внутренних дел, низкий уровень квалификации сотрудников, ответственных за списание имущества, приверженность консервативным способам ведения документооборота.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

2. Бюджетный кодекс РФ. Утвержден ФЗ № 145 от 31 июля 1998 (с дополнениями и изменениями) [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

3. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № ФЗ-3 «О полиции» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

4. Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 2002 г. № 1205 «О высвобождении и реализации движимого имущества, находящегося в оперативном управлении некоторых органов, учреждений и предприятий» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

5. Постановление Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 834 «Об особенностях списания федерального имущества» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

6. Приказ Министерства финансов РФ от 1 декабря 2010 г. № 157н «Об утверждении единого плана счетов бухгалтерского учета для органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных академий наук, государственных (муниципальных) учреждений и инструкции по его применению» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

7. Приказ Министерства финансов РФ от 6 декабря 2010 г. № 162н «Об утверждении Плана счетов бюджетного учета и Инструкции по его применению» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

8. Приказ Минэкономразвития России, Минфина России от 10.03.2011 г. № 96/30н «Об утверждении Порядка представления федеральными государственными унитарными предприятиями, федеральными казенными предприятиями и федеральными государственными учреждениями документов для согласования решения о списании федерального имущества, закрепленного за ними на праве хозяйственного ведения или оперативного управления» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

9. Приказ МВД России от 09.11.2021 г. № 861 «Об утверждении Порядка согласования решения о списании федерального недвижимого имущества (включая объекты незавершенного строительства), закрепленного на праве оперативного управления или хозяйственного ведения за территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации …» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

10. Приказ МВД России от 26 июля 2012 г. № 725 «Об утверждении Порядка выдачи, учета и списания вещевого имущества в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

11. Приказ МВД России от 28 июля 2017 г. № 543 «Об утверждении положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/.

© Дончевская Л. В., 2026

EDN: BWEDPA

Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
luda_d65@mail.ru

Фролова Ольга Викторовна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук, доцент
ovik_frolova@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния цифрового неравенства на экономическую безопасность государства. В статье рассматриваются основные формы проявления цифрового разрыва — между регионами, социальными группами и отраслями экономики. Раскрывается отрицательное влияние диспропорций на экономическое развитие (ограничение производительности туда, сдерживание инноваций и усиление социального расслоения).
Ключевые слова: цифровое неравенство, экономическая безопасность, цифровая дифференциация, цифровая трансформация, системные риски, конкурентоспособность, экономический рост.

Актуальность проблемы цифрового неравенства в контексте экономической безопасности обусловлена непосредственным влиянием на устойчивость и конкурентоспособность национальной экономики. В условиях цифровой трансформации доступ к современным

технологиям становится базовым условием для развития бизнеса, образования, государственных услуг и рынка труда. Если часть регионов, отраслей или социальных групп остаётся вне цифрового пространства, это создаёт следующие серьёзные экономические последствия:

— без доступа к цифровым инструментам снижается общая производительность труда, что тормозит рост ВВП.

— без цифровых навыков усиливается социальное расслоение, что ведёт к исключению из новых секторов экономики и снижению доходов.

— падает инновационный потенциал, что мешает формированию единой инновационной среды: одни регионы развивают стартапы и высокотехнологичные производства, другие — отстают.

— возрастает зависимость от внешних технологий, что приводит к отраслевой уязвимости перед внешними шоками (санкции, сбои поставок оборудования).

— без интернета и цифровых навыков ограничивается доступ к государственным услугам и финансам, что замедляет предпринимательскую активность (сложно получить онлайн-сервисы, кредиты, налоговые льготы).

— снижается конкурентоспособность на мировом рынке, что усиливает технологическую зависимость и усугубляет структурные диспропорции национального хозяйства.

Таким образом, цифровое неравенство — не просто техническая проблема, а системный риск для экономической безопасности. Его преодоление требует скоординированных мер: расширения инфраструктуры, повышения цифровой грамотности, целевых программ поддержки отстающих регионов и отраслей. Без этого невозможно обеспечить устойчивый рост и технологическую независимость государства.

Под цифровым неравенством понимается дифференциация социальных групп по уровням доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), цифровым навыкам, грамотности и качеству их использования [1, 2]. Первый уровень доступа к ИТК охватывает материально-технические аспекты: наличие инфраструктуры широкополосного интернета, доступность цифровых устройств (ПК, смартфонов), ценовую доступность услуг связи. На этом этапе неравенство проявляется географически (городская и сельская местность) и социально (разрыв между высоко- и низкодоходными группами). Без преодоления барьеров доступа последующие уровни становятся недостижимыми: человек, не имеющий подключения или устройства, автоматически

исключается из цифрового пространства. Второй уровень — навыки, он предполагает владение компетенциями для эффективного использования технологий: от базовых (включение устройства, навигация в браузере) до продвинутых (работа с профессиональным ПО, защита данных, критическая оценка онлайн-контента). Здесь неравенство возникает даже при наличии доступа: например, пожилые люди или жители отдалённых районов могут обладать смартфоном, но не уметь применять его для решения повседневных задач (запись к врачу, онлайн-платежи). Третий уровень — использование, он отражает способность трансформировать доступ и навыки в социально-экономические преимущества. На этой стадии различия проявляются в целях и результатах применения ИКТ: одни используют интернет преимущественно для развлечений, другие — для профессионального развития, удалённой работы, получения госуслуг или ведения бизнеса. Ключевой маркер неравенства здесь — не сам факт подключения, а его продуктивность: например, молодёжь из неблагополучных районов может иметь доступ к сети, но не использовать её для образования из-за отсутствия мотивации или ролевых моделей. Рассмотренные уровни образуют иерархическую цепочку: без доступа невозможны навыки, без навыков — эффективное использование, что объясняет, почему меры по расширению инфраструктуры (первый уровень) не устраняют неравенство полностью: для системного решения требуются параллельные усилия по обучению (второй уровень) и созданию условий для продуктивной цифровой активности (третий уровень).

Таким образом, цифровая дифференциация формирует системные риски национальной экономики на микро-, мезо- и макроуровнях, оказывая многоплановое воздействие на экономическую безопасность государства. На микроуровне ограничение доступа к цифровым технологиям у отдельных домохозяйств снижает их конкурентоспособность на рынке труда, сужает возможности для профессиональной переподготовки и удалённой занятости, что в совокупности ведёт к снижению доходов населения и воспроизводит неравенство в доступе к качественным социальным благам. Работники, обладающие цифровыми компетенциями, получают премиальную надбавку к зарплате в размере 24 – 29 %, тогда как лица без соответствующих навыков сталкиваются с вытеснением с рынка труда [3]. На мезоуровне диспропорции в цифровой инфраструктуре между регионами и отраслями тормозят внедрение инноваций, препятствуют развитию электронного бизнеса и цифровой логистики, создавая «узкие места» в цепочках поставок и снижая

производительность предприятий. Анализ эмпирических данных свидетельствует, что сектора с высокой долей интеллектуального труда и стандартизированными бизнес-процессами (финансовые услуги, телекоммуникации, ИТ) демонстрируют ускоренную интеграцию цифровых технологий, тогда как отрасли с материально-вещественной основой (промышленность, сельское хозяйство, строительство) сталкиваются с существенными барьерами: высокой капиталоёмкостью модернизации, дефицитом квалифицированных кадров и регуляторными ограничениями [4]. Слабоцифровизованные секторы (энергетика, транспорт, ЖКХ) демонстрируют повышенную уязвимость к кибератакам: по статистике ENISA, в 2025 г. 63 % инцидентов в критической инфраструктуре пришлось на организации с устаревшими ИТ-системами [5]. Наблюдается также устойчивый отток квалифицированных кадров из отстающих регионов — за последние пять лет миграция ИТ-специалистов из периферийных территорий в крупные агломерации выросла на 41 %, что усугубляет дисбаланс человеческого капитала [6]. На макроуровне совокупный эффект проявляется в замедлении темпов экономического роста, сокращении налоговой базы, усилении зависимости от импортных технологий и снижении глобальной конкурентоспособности страны. Кроме того, цифровое неравенство усугубляет социальное расслоение, провоцируя рост протестных настроений и подрывая доверие к институтам власти, что создаёт дополнительные угрозы социально-политической стабильности. В долгосрочной перспективе это ведёт к формированию «ловушки отставания»: страны с высоким уровнем цифрового неравенства теряют возможность участвовать в формировании стандартов цифровой экономики, что закрепляет их периферийный статус в глобальной системе разделения труда.

Преодоление цифрового неравенства требует системной реализации комплекса взаимосвязанных мер, приоритетными из которых выступают развитие универсальной цифровой инфраструктуры и целенаправленное формирование человеческого капитала. Ключевое значение имеет развёртывание широкополосного интернета и спутниковой связи, обеспечивающее равный доступ к цифровым сервисам вне зависимости от географического положения, к 2030 г. предусмотрено расширение покрытия сетей связи до 97 % территории Российской Федерации, включая труднодоступные регионы посредством низкоорбитальных спутниковых группировок [7]. Параллельно необходимо масштабировать программы переподготовки для уязвимых групп населения (пенсионеров,

жителей сельской местности, лиц с низким уровнем цифровой грамотности), ориентированные на освоение базовых цифровых компетенций и востребованных ИТ-специальностей. Такие инициативы, реализуемые в том числе через платформу «Цифровые профессии», позволяют снизить барьеры входа на рынок труда и повысить адаптивность рабочей силы к технологическим изменениям [8].

Не менее значимым направлением является стимулирование цифровых инноваций в отстающих регионах посредством целевых механизмов поддержки: налоговых льгот, грантовых программ и инфраструктурных субсидий. Например, региональные фонды развития предоставляют гранты до 15 млн руб. на проекты в сфере цифровых технологий, а льготное кредитование покрывает до 90 % затрат на внедрение инновационных решений [9].

В условиях нарастающей цифровизации экономики цифровое неравенство трансформируется в один из ключевых факторов риска для национальной экономической безопасности, поскольку системно ограничивает потенциал устойчивого развития. Неравномерный доступ к цифровым технологиям провоцирует фрагментацию экономического пространства: отставание отдельных регионов и отраслей снижает совокупную производительность, сужает инновационную базу и усиливает структурные диспропорции. Это создаёт предпосылки для роста социальной напряжённости, оттока квалифицированных кадров и повышения уязвимости критической инфраструктуры, не интегрированной в современные цифровые экосистемы. Кроме того, зависимость от импортных технологических решений в условиях санкционных ограничений усугубляет риски технологической зависимости и потери цифрового суверенитета. В этой связи обеспечение экономической безопасности требует реализации комплексной политики, направленной на нивелирование цифрового разрыва: развитие универсальной инфраструктуры, формирование цифровых компетенций у населения, стимулирование локальных инноваций и межведомственную координацию. Только системный подход, сочетающий инфраструктурные, образовательные и регуляторные меры, способен минимизировать угрозы, порождаемые цифровым неравенством, и обеспечить сбалансированную цифровизацию экономики как основу долгосрочной конкурентоспособности и устойчивости.

Список литературы:

1. Ван Дейк Я. Теория цифрового неравенства // Социологический журнал. — 2012. — № 3. — С. 24 – 47.

2. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Цифровое неравенство в эпоху цифровизации: подходы к анализу проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. — 2021. — № 4. — С. 109 – 125.

3. Навыки для цифрового будущего: надбавки к заработной плате и динамика рынка труда = Skills for a Digital Future: Wage Premiums and Labour Market Dynamics [Электронный ресурс] // URL: https://www.worldbank.org/ (дата обращения: 03.02.2026).

4. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / под ред. Е. Г. Поповой. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2023. — 348 с.

5. Доклад о защите критической инфраструктуры 2025 = Critical Infrastructure Protection Report 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://www.enisa.europa.eu/ (дата обращения: 03.02.2026).

6. Мобильность человеческого капитала в условиях цифрового перехода = Human Capital Mobility in the Digital Transition [Электронный ресурс] // URL: https://unctad.org/ (дата обращения: 03.02.2026).

7. Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/72296050/ (дата обращения: 03.02.2026).

8. Программа «Цифровые профессии» [Электронный ресурс] // URL: https://digitalprofessions.gov.ru/ (дата обращения: 29.01.2026).

9. Методические рекомендации по предоставлению грантов на поддержку цифровых проектов в субъектах РФ [Электронный ресурс] // URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/ (дата обращения: 29.01.2026).

© Дончевская Л. В., Фролова О. В., 2026

EDN: CEHSLG

Дроздов Илья Сергеевич
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
i.s.drozdov28.07@yandex.ru

ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНДИКАТОР РИСКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается целесообразность включения показателей финансового состояния организаций в отраслях производства и переработки продовольствия в систему индикаторов продовольственной безопасности. Показано, что финансовые коэффициенты позволяют выявлять риски недостаточности питания раньше, чем они проявляются в объемах производства и фактического потребления.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, экономическая безопасность, агропромышленный комплекс, методы оценки, финансовое состояние, финансовые коэффициенты.

Продовольственная безопасность является одним из составных элементов национальной безопасности, при этом вопрос о соотношении продовольственной и экономической безопасности остается не до конца решенным. Продовольственную безопасность определяют как составной элемент экономической безопасности [1] или как категорию, находящуюся на стыке экономической и социальной безопасности [2]. Несмотря на отсутствие единой позиции, бесспорным является взаимосвязь экономической и продовольственной безопасности.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации экономическая безопасность определяется как состояние защищенности

национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов. Данное определение подчеркивает, что речь идет не только о достигнутых результатах, но и об устойчивости условий их воспроизводства [3]. Определение продовольственной безопасности также включает в себя дефиницию «состояние» применительно к социально-экономическому развитию, что также подчеркивает важность условий ее достижения [4].

Вместе с тем между Стратегией экономической безопасности и действующей Доктриной продовольственной безопасности имеется важное методологическое различие. Стратегия экономической безопасности построена вокруг широкого круга вызовов и угроз, а также показателей, характеризующих не только результаты, но и условия их достижения, например доля инвестиций в основной капитал, энергоемкость ВВП, степень износа основных фондов. Нормативные документы в области продовольственной безопасности напротив, концентрируется главным образом на результирующих показателях, таких как продовольственная независимость и экономическая доступность продовольствия, объемы валового сбора сельскохозяйственных культур и производства продукции животноводства.

Отрасли экономики, напрямую связанные с производством, переработкой, доведением до потребителей продуктов питания находятся преимущественно в частной собственности. Так, за 2024 г. при средневзвешенной по валюте баланса доле частных организаций по всем видам экономической деятельности, составляющей 67 %, этот же показатель для организаций, занимающихся растениеводством и животноводством, составляет 96 %, рыболовством и рыбоводством 97 %, переработкой продуктов питания 80 %, торговлей продуктами питания 98 % [5]. С учетом этого представляется обоснованным включение в систему оценки продовольственной безопасности показателей, характеризующих финансовое состояние отраслей, формирующих предложение продовольствия, поскольку достаточность данного предложения зависит от способности соответствующих отраслей функционировать в средне- и долгосрочном периоде.

В связи с этим финансовое состояние отраслей производства, переработки и доведения до потребителя продовольствия может рассматриваться как опережающий индикатор риска в области продовольственной

безопасности. В отличие от фактического потребления, которое фиксирует уже сложившийся результат, финансовые коэффициенты позволяют выявлять риски заранее — до того, как они проявятся в сокращении выпуска, росте цен или ухудшении экономической доступности пищи. Для агропродовольственной сферы это особенно важно, поскольку многие ее сегменты характеризуются сезонностью, длинным инвестиционным циклом, зависимостью от заемного капитала и высокой чувствительностью к колебаниям затрат. Подобный подход согласуется с работами, в которых финансовое состояние сельскохозяйственных организаций рассматривается как обобщающий результат их хозяйственной деятельности и как условие устойчивого развития аграрного сектора [6,7].

Для целей такой оценки целесообразно использовать показатели, которые, во-первых, рассчитываются по официальной бухгалтерской отчетности, во-вторых, доступны в агрегированном виде по ОКВЭД, и, в-третьих, позволяют сопоставлять производство, переработку и доведение до потребителя. В качестве агрегированной оценки представляется возможным использовать модели прогнозирования вероятности банкротства. Поскольку при использовании данных за разные периоды число исследуемых организаций будет меняться, вследствие появления новых и закрытия (в том числе по причинам банкротства) старых, данные модели должны давать значения, находящиеся преимущественно в пределах нормативных, поскольку отрасль в целом продолжает свое функционирование. Результаты оценки вероятности банкротства по видам экономической деятельности представлены в таблице 1 [8].

Таблица 1. Оценки вероятности банкротства по видам экономической деятельности

Вид экономической деятельности	2021	2022	2023	2024	Нормативное значение
Модель Альтмана					
Растениеводство и животноводство	1,46	1,36	1,47	1,51	Z<1,23 — высокая вероятность банкротства; 1,23<Z<2,89 — ситуация неопределенная; Z>2,89 — низкая вероятность банкротства;
Рыболовство и рыбоводство	2,07	1,42	1,19	0,99	
Производство пищевых продуктов	2,14	2,35	2,41	2,26	

Вид экономической деятельности	2021	2022	2023	2024	Нормативное значение
Модель Таффлера					
Растениеводство и животноводство	0,46	0,36	0,37	0,37	Z>0.3 — риск низкий; 1,23<Z<2,89 — ситуация неопределенная; Z<0.2 — риск высокий;
Рыболовство и рыбоводство	0,91	0,52	0,41	0,28	
Производство пищевых продуктов	0,57	0,72	0,56	0,51	
Модель Лиса					
Растениеводство и животноводство	0,031	0,028	0,030	0,028	Z<0,037 — высокая вероятность банкротства; Z>0,037 — низкая вероятность банкротства;
Рыболовство и рыбоводство	0,046	0,031	0,030	0,027	
Производство пищевых продуктов	0,024	0,032	0,037	0,028	
Модель Сайфуллина					
Растениеводство и животноводство	1,08	0,85	0,92	0,92	Z<1 — высокая вероятность банкротства; Z>1 — низкая вероятность банкротства;
Рыболовство и рыбоводство	0,45	0,13	-0,37	-0,44	
Производство пищевых продуктов	0,42	0,69	0,74	0,78	
Модель Давыдовой-Беликова					
Растениеводство и животноводство	2,55	2,94	3,08	2,72	Z<0 — вероятность банкротства 90 – 100%; 0<Z<0,18 — вероятность банкротства 60 – 80%; 0.18<Z<0,32 — вероятность банкротства 35 – 50%; 0.32<Z<0,42 — вероятность банкротства 15 – 20%; Z>0,42 — вероятность банкротства ⩽10%
Рыболовство и рыбоводство	3,18	2,61	2,62	2,61	
Производство пищевых продуктов	1,79	2,21	2,62	1,85	

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что различные модели оценки вероятности банкротства дают сильно отличающиеся результаты, так модель Лиса прогнозирует высокую вероятность банкротства по всем отраслям, в то время как модель Давыдовой-Беликова напротив прогнозирует низкую вероятность банкротства. Данная несогласованность результатов позволяет сделать вывод о том, что необходимо рассматривать полученные значения

в отрыве от нормативных показателей, проводя сопоставление в динамике и между видами экономической деятельности. Так, мы можем увидеть ухудшение финансового состояния в 2022 году и ее последующее восстановление. Также можно сделать вывод о том, что финансовое состояние организаций, занимающихся рыболовством и рыбоводством значительно лучше, чем по остальным рассмотренным видам экономической деятельности.

Вместе с тем целесообразно проанализировать частные показатели финансового состояния, к числу которых показателей относятся: доля убыточных организаций, рентабельность активов, рентабельность проданных товаров, продукции, работ и услуг, рентабельность продаж, коэффициент автономии и коэффициент текущей ликвидности. Первые четыре показателя характеризуют эффективность деятельности, коэффициент автономии отражает зависимость от заемного капитала, коэффициент ликвидности характеризует способность поддерживать текущую платежеспособность.

Объектом такого анализа должны выступать не только укрупненные разделы ОКВЭД, но и узкие виды деятельности, непосредственно связанные с формированием продовольственного предложения: выращивание зерновых культур, овощей, картофеля, плодовых деревьев; производство сырого молока; разведение скота и птицы; рыболовство и рыбоводство; переработка мяса, молока, овощей и фруктов; производство мукомольно-крупяной продукции, масел и жиров. На данном уровне становится видна структурная неоднородность продовольственной системы: одни сегменты обеспечивают достаточное производство, но демонстрируют ухудшение финансового состояния; другие, напротив, сохраняют финансовую стабильность, но не производят достаточно продукции для удовлетворения норм потребления.

В целом по виду деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» в 2024 г. фиксируется относительно устойчивое финансовое состояние. Доля убыточных организаций составила 18,41 %, что ниже среднего уровня по обследуемым видам экономической деятельности (25,55 %). Рентабельность активов достигла 7,88 % против 6,08 % в среднем по экономике, рентабельность продаж — 18,15 % против 11,23 %, рентабельность к себестоимости — 22,17 % против 12,65 %. Коэффициент автономии составил 0,54 (при нормативном значении 0,5), а коэффициент ликвидности — 2,23 (при нормативном значении 2),

то есть оба ключевых норматива в агрегированном виде соблюдаются. Следовательно, на уровне укрупненного аграрного блока финансовое состояние является стабильным, однако внутри него формируется выраженная межотраслевая дифференциация.

Анализ сопоставления данных о производстве и фактическом потреблении продовольствия с показателями финансового состояния соответствующих видов экономической деятельности показывает, что финансовое состояние отраслей производства и переработки выступает важным условием обеспечения продовольственной безопасности именно в аспекте достаточности питания. При этом связь между текущими объемами потребления и финансовым состоянием отрасли носит неоднородный характер: по одним товарным группам дефицит потребления уже сочетается с финансовой напряжённостью по соответствующим видам экономической деятельности, по другим достаточность производства и потребления сохраняется, но финансовые показатели указывают на потенциальные риски ее ухудшения.

Наиболее выраженные отклонения фактического потребления от рациональных норм наблюдаются по плодам и ягодам, овощам и молоку. По плодово-ягодной продукции фактическое потребление составляет около 65 % рациональной нормы, а производство на душу населения — около 34 % нормы. При этом финансовое состояние соответствующего ОКВЭД в целом нельзя признать кризисным: доля убыточных организаций составляет 18,75 %, коэффициент автономии — 0,58, коэффициент ликвидности — 2,82. Следовательно, в данном случае проблема недостаточности питания связана прежде всего не с финансовой нестабильностью, а с ограниченностью масштабов производства и недостаточной отдачей на активы, рентабельность которых в 2024 г. составила лишь 3,52 %.

По овощной группе фактическое потребление достигает около 75,7 % рациональной нормы, а производство на душу населения — 67,9 %. Здесь финансовые ограничения выражены заметнее: по виду деятельности «Выращивание овощей» коэффициент автономии составляет 0,36, то есть находится ниже нормативного значения, а в овощеводстве защищенного грунта доля убыточных организаций достигает 42,86 % при рентабельности активов лишь 0,77 %. Это позволяет сделать вывод о том, что недостаточность потребления овощей связана не только с объемом выпуска, но и со слабой финансовой устойчивостью части производителей.

По молоку фактическое потребление составляет около 78,6 % рациональной нормы, а производство на душу населения — 72,4 %. При

этом сырьевое звено выглядит относительно устойчивым: в производстве сырого молока коэффициент автономии достигает 0,58, коэффициент ликвидности — 2,83, доля убыточных организаций — 12,62 %. Однако в переработке молочной продукции коэффициент ликвидности снижается до 1,81, а рентабельность продаж составляет лишь 6,36 %. Следовательно, ограничителем достаточности питания здесь выступает не только сельскохозяйственное производство, но и финансовое состояние перерабатывающего звена.

Иная ситуация наблюдается по мясу, где фактическое потребление и производство на душу населения соответствуют рациональным нормам. Это в целом соответствует более устойчивому финансовому состоянию животноводства, где доля убыточных организаций в 2024 г. составила 16,08 %, рентабельность активов — 8,87 %, коэффициент автономии — 0,53, коэффициент ликвидности — 2,07. Вместе с тем внутри мясного блока сохраняется уязвимый сегмент — разведение мясного и прочего крупного рогатого скота, где доля убыточных организаций достигает 58,82 %, коэффициент автономии составляет 0,14, а коэффициент ликвидности — 1,09. Следовательно, применительно к мясу финансовое состояние выступает не столько индикатором текущего дефицита, сколько индикатором внутренней структурной неравномерности и потенциального риска ослабления предложения в долгосрочном периоде.

По зерновым ситуация иная. Объем производства на душу населения существенно превышает рациональную норму потребления хлебных продуктов, а фактическое потребление соответствует рациональной норме. Однако внутри зернового сегмента также присутствуют скрытые финансовые риски. По виду деятельности «Выращивание зерновых культур» в 2024 г. сохраняются приемлемые значения коэффициента автономии (0,59), коэффициента ликвидности (2,36) и рентабельности продаж (20,79 %), тогда как по выращиванию пшеницы доля убыточных организаций достигает 30,0 %, рентабельность активов становится отрицательной (– 9,64 %), коэффициент автономии снижается до 0,18, а коэффициент ликвидности — до 0,78. Это означает, что по зерновым финансовое состояние выступает не индикатором текущего дефицита, а индикатором риска будущего ослабления производственной базы.

Таким образом, финансовое состояние должно рассматриваться как индикатор риска продовольственной безопасности. Его аналитическая ценность состоит в том, что оно позволяет дополнить традиционные показатели характеристикой способности продовольственной системы

к устойчивому воспроизводству. Чем ниже автономия, ликвидность и рентабельность, чем выше доля убыточных организаций в критически значимых сегментах, тем выше вероятность того, что уже существующий дефицит по рациональным нормам сохранится или усилится. При мониторинге продовольственной безопасности целесообразно рассматривать как результативные показатели, так и индикаторы, отражающие финансовое состояние отраслей производства и переработки по соответствующим видам экономической деятельности. Их совместное применение позволяет разграничить временное ухудшение ситуации от системной уязвимости.

Список литературы:

1. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. М.: Дело, 2005. С. 72.

2. Шатравка А. С. Совершенствование системы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Шатравка Алексей Сергеевич. М.: 2011. С. 13.

3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017, № 20, ст. 2902.

4. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 4 ст. 345.

5. Количество организаций по данным государственной регистрации [Электронный ресурс] // URL: https://www.fedstat.ru/organizations/?expandId=1629778#fpsr1629778 (дата обращения: 27.02.2026).

6. Водясов П. В. Финансовое состояние и устойчивость развития сельскохозяйственных организаций Алтайского края / П. В. Водясов, А. В. Миненко // АПК: экономика, управление. — 2022. — № 5. — С. 57 – 62. — DOI 10.33305/225-57. — EDN GYXQEV.

7. Ибрагимова, Р. М. Теоретические проблемы интегральной оценки финансового состояния сельскохозяйственных организаций / Р. М. Ибрагимова // АПК: экономика, управление. — 2022. — № 6. — С. 107 – 111. — DOI 10.33305/226-107. — EDN MHJDOU.

8. Финансовое состояние организаций [Электронный ресурс] // URL: https://www.fedstat.ru/organizations/?expandId=1293288#fpsr1293288 (дата обращения: 27.02.2026).

© Дроздов И. С., 2026

EDN: CETIGS

Елкин Станислав Евгеньевич
доцент кафедры безопасности
Северо-западный институт управления РАНХиГС
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
elkin-se@ranepa.ru

Зотова Мария Владимировна
старший преподаватель
кафедры информационных технологий и математики
Институт управления и информационных технологий
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
Санкт-Петербург, Россия
zotova-mariya@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы воздействия искусственного интеллекта на мировую экономику и национальную экономическую безопасность. Выявлены преимущества ИИ в оптимизации процессов и прогнозировании, а также вызванные ими проблемы: снижение прозрачности финансовых операций, повышение операционных рисков. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к регулированию и минимизации рисков для обеспечения устойчивого экономического роста.
Ключевые слова: искусственный интеллект, глобальная экономика, экономическая безопасность, международная торговля, экономические вызовы.

Актуальность исследования определяется соотношением перспектив от внедрения искусственного интеллекта и многочисленных,

связанных с ним, вызовов, среди которых киберугрозы, цифровое неравенство и необходимость разработки международных стандартов регулирования.

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) все чаще фигурируют в «…обсуждении процесса трансформации глобальной экономики, становясь драйвером изменений в международной торговле, финансовых рынках и производственных процессах» [1,2]. Динамика развития мирового рынка ИИ (см. рис. 1) подтверждает стремительный рост внедрения технологий в различные сферы экономики.

Методология исследования базируется на общенаучных методах анализа, сравнения и прогнозирования [3,4,5]. Особое внимание уделено «…изучению статистических данных и аналитических отчетов международных организаций, таких как Международный валютный фонд (МВФ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирная торговая организация (ВТО) и Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС)» [6]. В качестве источников информации использованы аналитические доклады, научные статьи отечественных и зарубежных ученых и статистические материалы, которые в совокупности позволили не только выявить ключевые тенденции в развитии технологий ИИ, но и определить основные угрозы и перспективы для глобальной экономики.

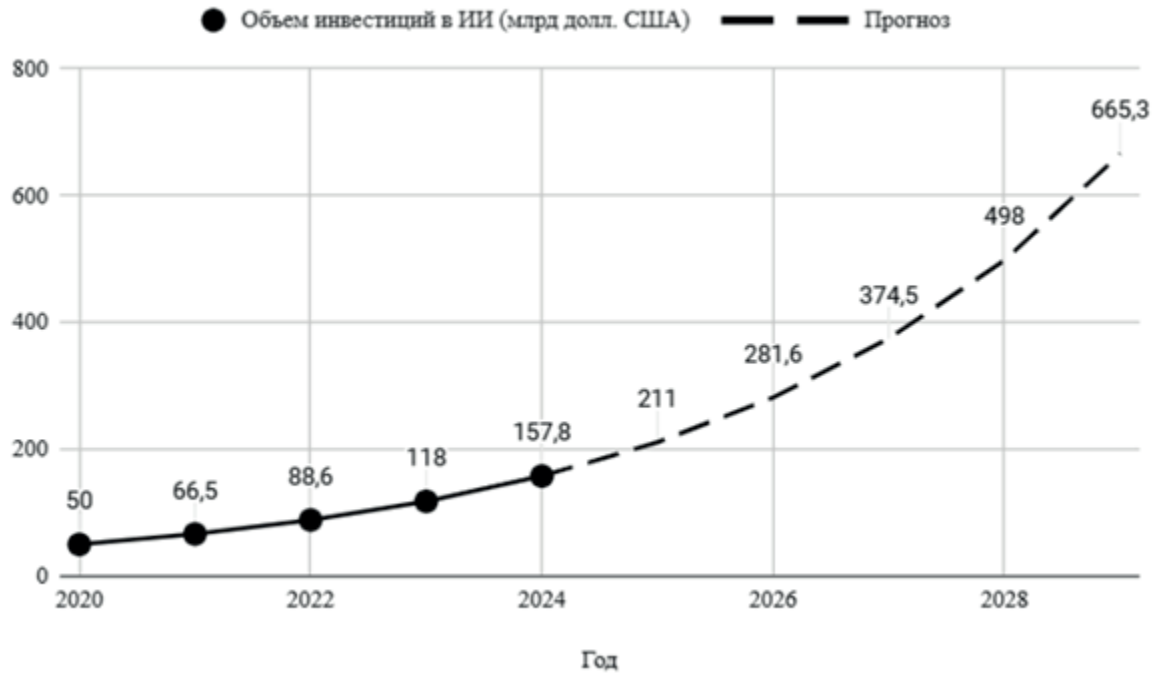

Рисунок 1. Динамика развития рынка ИИ с прогнозом, 2020 – 2029 гг. [2]

На фоне этих глобальных изменений перед Россией стоит задача не только интеграции в мировую экономику, но и выстраивания собственной стратегии в области высокотехнологичных отраслей. По мнению ряда исследователей, «Одним из ключевых направлений использования ИИ является автоматизация процессов в международной торговле, что приводит к существенному улучшению логистики и цепочек поставок. В частности, умные системы управления цепочками поставок, основанные на алгоритмах ИИ, позволяют ускорить процессы доставки, повысить точность прогнозирования и снизить операционные издержки» [1].

Анализ актуальных тенденций развития искусственного интеллекта (ИИ) и их влияния на экономическую безопасность Российской Федерации показал, что «…интеграция ИИ в экономические процессы приводит не только к повышению эффективности, но и к возникновению новых вызовов и рисков» [8].

Фактическое масштабное применение технологий автоматизации на основе алгоритмов искусственного интеллекта определяет и необходимость разработки требований к оценке последствий и регулированию. Особое значение приобретает управление экономическими процессами. Цифровая трансформация обусловливает необходимость формулирования принципиально новых требований к управлению. Именно эта сложность регулирования и связана с темпами развития технологий на базе систем искусственного интеллекта. Отмечается существенный рост количества и многообразия применяемых ИИ-технологий для различных секторов экономики.

В качестве выводов по результатам исследования можно сформулировать ряд требований по разработке механизмов глобального управления и регулирования ИИ. Прежде всего, эти рекомендации направлены на обеспечение прозрачности и управляемости процессов. Именно мониторинг на основе гибких механизмов управления предоставит возможности автоматизации финансовых операций и позволит адаптировать современные методы анализа для контроля над алгоритмами, использующими технологии искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Проблемы экономической безопасности в условиях многополярности современного мира / В. А. Агрелова, О. Г. Аркадьева, М. И. Бажанова [и др.]. — Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2025. — 316 с.

2. Темпы внедрения искусственного интеллекта в экономике: глобальные тренды / Международный банк реконструкции и развития [Электронный ресурс] // URL: https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2024/10/22/global-financial-stability-report-october-2024 (дата обращения: 12.01.2026).

3. Исрар, Т. Б. Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века / Т. Б. Исрар // Наука и реальность. — 2023. — № 4(16). — С. 96 – 101.

4. Gonzales, J. T. Implications of AI innovation on economic growth: a panel data study // Economic Structures. — 2023. — 12, 13.

5. Qin, Y., Xu, Z., Wang, X. et al. Artificial Intelligence and Economic Development: An Evolutionary Investigation and Systematic Review // J Knowl Econ 15. — 2024 — P. 1736 – 1770.

6. Trabelsi, M.A., The impact of artificial intelligence on economic development // Journal of Electronic Business & Digital Economics. — 2024. — Vol. 3 № 2. — P. 142 – 155.

7. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов / Е. А. Маслова, Н. А. Самойловская, Е. Д. Сорокова, А. Д. Чеков // Сравнительная политика. — 2022. — Т. 13, № 4. — С. 65 – 84.

8. Хачатурова, Э. Э. Влияние искусственного интеллекта на развитие мировой и российской экономики / Э. Э. Хачатурова, А. С. Бондаренко, А. А. Гуцаев // Вестник Академии знаний. — 2024. — № 3(62). — С. 487 – 492.

© Елкин С. Е., Зотова М. В., 2026

EDN: BIXRHR

Ельчанинова Ольга Владимировна
доцент кафедры гражданского и коммерческого права
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук
o.elchaninova@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ДОГОВОРЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ ЛИЧНОСТИ: РИСКИ МОНЕТИЗАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ И ГЕОЛОКАЦИОННЫХ ДАННЫХ

Аннотация. В статье исследуется влияние практики сбора персональных данных (включая банковские реквизиты и геолокацию) при заключении цифровых договоров присоединения на экономическую безопасность личности. Обосновывается, что трансформация договорных отношений создает не только удобство, но и новые каналы реализации экономических угроз. Проведен анализ механизмов коммерциализации данных и их использования в мошеннических схемах. Предложена авторская классификация угроз по виду экономического ущерба (прямой, косвенный, отложенный) и комплекс мер по их минимизации, включающий технологические, регуляторные и поведенческие аспекты.
Ключевые слова: экономическая безопасность личности, цифровой договор присоединения, персональные данные, геолокация, прямой экономический ущерб, ценовая дискриминация, утечки данных.

Цифровизация экономики привела к фундаментальным изменениям в структуре гражданско-правовых отношений. Доминирующей формой взаимодействия между потребителем и поставщиком услуг становятся договоры, заключаемые в электронной форме посредством акцепта публичной оферты (click-wrap-соглашения). Условием вступления

в такие правоотношения является предоставление обширного массива личной информации: от паспортных данных и банковских реквизитов до геолокации и биометрических параметров.

Если ранее угрозы экономической безопасности личности связывались преимущественно с макроэкономическими факторами (безработица, инфляция) или совершением преступлений, затрагивающих жизнь и здоровье граждан (разбой, грабеж), то сегодня на первый план выходят риски, связанные с утечкой и неправомерным использованием цифрового профиля человека. Данная статья ставит целью анализ экономических угроз, возникающих в процессе сбора и последующей коммерциализации данных пользователей.

Сегодня цифровой договор — это преимущественно договор присоединения. В современном виде он является не просто соглашением о передаче товара или услуги, а комплексным инструментом легитимизации сбора данных. Пользователь, нажимая «Согласен», де-факто подписывает акт передачи контрагенту экономически значимых активов — своей информации. Проблема заключается в асимметрии этого обмена: потребитель часто не осознает реальной стоимости предоставляемых данных, в то время как компания получает возможность их неограниченной монетизации.

В 2025 году Роскомнадзор зафиксировал 118 случаев компрометации баз данных с более чем 52 млн записей, преимущественно в коммерческом секторе. Значительная часть данных была размещена в сети «Интернет» бесплатно с целью нанесения ущерба компаниям и их клиентам. Однако сами по себе утечки баз данных — это лишь следствие системного процесса, отправной точкой которого является акцепт пользователем цифрового договора присоединения. Именно в момент нажатия кнопки «Согласен» лицо добровольно (или вынужденно) открывает доступ к своим данным, которые впоследствии становятся объектом коммерциализации или мошеннических атак. Таким образом, экономические угрозы возникают не спонтанно, а являются закономерным результатом трансформации договорных отношений в цифровую эпоху.

Исходя из анализа современной правоприменительной практики, статистики инцидентов и условий типовых click-wrap-соглашений, можно выделить три группы угроз экономической безопасности личности, дифференцированных по характеру наносимого ущерба. Принципиально важно, что возникновение каждой из этих групп напрямую связано с объемом и типом данных, которые пользователь «делегирует» контрагенту при заключении договора:

1. Угрозы прямого экономического ущерба. Данная группа связана с непосредственным хищением денежных средств. Сюда относится использование похищенных банковских реквизитов и данных платежных карт для несанкционированного списания средств. По данным Банка России размер похищенных злоумышленниками средств в 2025 году вырос на 6,4%, до 29,3 млрд рублей. Количество мошеннических операций с использованием платежных карт по-прежнему было самым высоким среди остальных типов операций и составило 980,46 тыс. операций [1]. В контексте цифровых договоров присоединения эта угроза реализуется следующим образом: сначала пользователь легитимно передает реквизиты в рамках акцепта оферты (например, для оформления подписки или покупки), после чего при утечке базы данных этого сервиса реквизиты попадают в руки злоумышленников. Вместе с тем, в контексте цифровых договоров особую опасность представляет сбор биометрических данных (голос, лицо). Согласие на их обработку, данное «одним кликом» в том же договоре присоединения, создает риск создания дипфейков.

2. Угрозы косвенного экономического ущерба (носят манипулятивный и дискриминационный характер). Экономически значимой угрозой является использование геолокационных и поведенческих данных для ценовой дискриминации. Принципиальное отличие данной группы угроз от прямого хищения заключается в юридической легитимности механизма изъятия выгоды. Если при прямом ущербе злоумышленники действуют вне правового поля, то ценовая дискриминация реализуется самим контрагентом в полном соответствии с условиями подписанного пользователем договора присоединения. Соглашаясь на сбор геолокации и истории поведения (например, в приложении такси, сервисе доставки или авиакомпании), пользователь формально разрешает анализ своей ситуации: срочности заказа, локации (бизнес-район или спальный), частоты поездок и предполагаемого уровня дохода. Таким образом, это позволяет контрагенту классифицировать аудиторию и устанавливать индивидуальную цену, направленную на извлечение максимальной прибыли именно с данного пользователя в конкретный момент. С развитием Интернета и соцсетей все больше информации не только остается, но и накапливается о каждом из нас, формируя информационную историю о человеке. Так, по оценке сервиса Statista, в 2020 году интернет «весил» 59 зеттабайт, а уже в 2025 году его объем составил свыше 200 зеттабайт [2]. Из информационной истории можно считать все

официальные данные о человеке (ФИО, дата и место рождения, семейное положение, образование, место работы), почтовый адрес и e-mail, его деловую активность и активность в соцсетях, круг общения и интересов, платежеспособность. Такие сведения позволяют рассчитать доходы потенциального клиента [3]. Экономический ущерб здесь выражается в переплатах и навязывании ненужных услуг, которые потребитель не в состоянии выявить из-за непрозрачности алгоритмов и отсутствия полной информации о рыночной цене.

3. Угрозы отложенного (латентного) экономического ущерба. Эта группа угроз связана с накоплением и хранением данных. Каждый заключенный пользователем цифровой договор — с банком, сервисом такси, службой доставки еды — добавляет фрагмент информации в его цифровой профиль. Сведения о геолокации сами по себе могут не нести немедленной угрозы, однако их компиляция с другими базами данных (например, с фитнес-приложением, раскрывающим маршруты и состояние здоровья) создает серьезную основу для будущего шантажа или целевых мошеннических атак. Де-юре геолокация не всегда является специальной категорией данных, но де-факто она раскрывает образ жизни, привычки, перемещения, что в сочетании с информацией о доходах формирует идеальный тип личности, наиболее подверженный манипуляциям. Примером может служить использование данных о том, что человек находится вне дома (геолокация в аэропорту), для звонков его пожилым родственникам от имени «службы безопасности банка» с убедительной легендой.

Обеспечение экономической безопасности личности в разрезе исследуемой проблематики требует принятия комплекса мер:

1. По мнению автора необходимо внедрить систему токенизации платежных данных при заключении любых онлайн-договоров. Получение одноразового цифрового токена повысит безопасность осуществляемого платежа.

2. Необходимо принять законодательный запрет на непрозрачную «ценовую дискриминацию» и «динамическое ценообразование», основанное исключительно на анализе поведенческих данных и геолокации, если это не обусловлено публичной офертой, требовать раскрытия таких алгоритмов. Условия предъявления геолокации или биометрии должно быть экономически и функционально обоснованы.

3. Повышение экономической грамотности населения, смещение фокуса с абстрактной «приватности» на конкретную экономическую

оценку. При предоставлении геолокации или биометрии пользователь должен осознавать, что он передает контрагенту рыночный актив, который может быть монетизирован. Это должно стимулировать более ответственный подход к «галочке в чекбоксе» и требованию раскрытия реальной экономической выгоды компании от обработки данных пользователя.

Проведенный анализ демонстрирует, что уже сегодня цифровые договоры присоединения создают значительные риски для экономической безопасности личности, легитимизируя сбор и последующую коммерциализацию персональных и геолокационных данных. Выявленные угрозы прямого, косвенного и отложенного ущерба требуют принятия комплекса защитных мер.

Однако важно понимать, что описанные риски представляют собой лишь текущий этап развития проблемы. Дальнейшая автоматизация договорных отношений, в частности внедрение смарт-контрактов, способна перевести латентные угрозы в разряд автоматически реализуемых. Как справедливо отмечают М. А. Бажина и Е. П. Щекочихина [4], трансформация юридического документа в программный код делает условия сделки непрозрачными для массового пользователя, не обладающего специальными компетенциями. В результате возникает риск закладки таких алгоритмов, которые автоматически монетизируют данные пользователя (например, геолокацию) непосредственно в условия сделки. Поскольку исполнение условий не требует участия сторон, человек лишается возможности не только оспорить этот процесс, но и отследить его. Таким образом, смарт-контракты могут стать следующим этапом развития «асимметричного обмена», при котором уязвимость личности закладывается на уровень программного кода. Эта перспектива требует уже сегодня включить вопросы регулирования смарт-контрактов в научную и законотворческую плоскость.

Список литературы:

1. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 27.02.2026).

2. Как Big Data меняет нашу жизнь прямо сейчас и почему за этим рынком нужно следить [Электронный ресурс] // URL: https://rubda.ru/market_news/kak-big-data-menyaet-nashu-zhizn-pryamo-sejchas-i-pochemu-za-etim-rynkom-stoit-sledit/ (дата обращения: 02.03.2026).

3. Петров А. А. Информационно-цифровой след: коммерческие и социальные аспекты в цифровую эпоху // Торговая политика. Trade policy / 2020. № 2/22. ISSN 2499-9415. С. 62 – 85.

4. Бажина М. А., Щекочихина Е. П. Правовые предпосылки применения смарт-контрактов // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. 2024. Т. 11429. № 2. С. 94 – 101.

© Ельчанинова О. В., 2026

EDN: COFPIC

Злоказова Юлия Валерьевна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
yuliazlokazova@yandex.ru

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК ФАКТОР РИСКА ИНВЕСТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ взаимосвязи между уровнем финансовой грамотности населения Российской Федерации и рисками, сопряжёнными с инвестированием в современные цифровые активы, включая криптовалюты. В работе исследуются характеристики цифровых активов, отличающие их от традиционных объектов вложений, анализируются ключевые факторы, способствующие убыткам со стороны инвесторов, а также формулируются предложения по совершенствованию системы финансового просвещения и регулирования рынка цифровых активов.
Ключевые слова: финансовая грамотность, цифровые активы, инвестиции, риски, криптовалюты, защита инвесторов.

Стремительное развитие цифровых технологий в XXI веке привело к формированию нового класса финансовых инструментов — цифровых активов. К их числу относятся криптовалюты (Bitcoin, Ethereum и др.), security-токены, utility-токены, а также невзаимозаменяемые токены (NFT), представляющие собой цифровые сертификаты прав собственности. Данные активы привлекательны для инвесторов, поскольку обладают значительным потенциалом роста стоимости и возможностью получения сверхдоходов в короткие сроки.

Вместе с тем инвестирование в цифровые активы сопряжено с комплексом специфических рисков, которые многократно усиливаются в условиях недостаточной финансовой грамотности потенциальных вкладчиков. Так, по данным социологических исследований, каждый четвертый россиянин плохо разбирается в финансах, тогда как треть граждан не справляется даже с элементарными вопросами относительно денежных средств [1], что создаёт предпосылки массовых финансовых потерь среди частных инвесторов, особенно в сегменте высокорисковых цифровых инструментов.

Анализ финансовой грамотности населения позволяет детализировать проблему недостатка знаний и опыта их использования применительно к цифровым финансовым инструментам. Так, согласно результатам исследования Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) за 2024 год, индекс финансовой грамотности россиян составил 12,7 балла из 21 возможных, что свидетельствует о существенном дефиците базовых финансовых знаний у значительной части населения [2]. Детальный анализ компонентов индекса, рассчитанного НАФИ, указывает на то, что лишь 34 % респондентов способны корректно оценивать риски финансовых продуктов, 38 % могут отличить надёжные инвестиционные предложения от мошеннических схем, а пониманием принципов работы сложных финансовых инструментов обладают лишь 25 % опрошенных лиц [2]. Примечательно, что среди молодёжи эти показатели несколько отличаются. Следуя результатам исследования Переходько Р. А., Королевой Л. П., молодые люди высоко оценивают свои знания о цифровых активах и уверенно чувствуют себя в криптовалютной сфере. В то же время лишь 21,2 % респондентов демонстрируют абсолютную уверенность в распознавании мошеннических схем в этой сфере [3]. Аналогичного мнения придерживаются Хоменко Е. Б., Лагунова Ю. М., утверждая, что далеко не всегда молодые россияне могут адекватно оценить риски инвестирования в криптовалюты, а принимают инвестиционные решения на основе рекомендаций популярных блогеров, социальных сетей и своего ближайшего окружения [4]. Также исследователи обращают внимание на противоречивую тенденцию — молодёжь, несмотря на высокую цифровую грамотность, демонстрирует низкий уровень финансовой осведомлённости в сфере цифровых активов. Это проявляется в высокой активности использования цифровых финансовых сервисов при недостаточном понимании связанных с ними рисков, а также в доминировании стремления к быстрому обогащению через инвестиции в криптовалюты над рациональной оценкой рисков.

По мнению С. С. Галазова, низкий уровень финансовой грамотности особенно опасен на рынке криптовалют, где инвесторы сталкиваются не только с финансовыми, но и с технологическими рисками [5]. Дифференцируя необходимый уровень знаний, он описывает три уровня финансовой грамотности, присущих участникам криптовалютного рынка: базовый (понимание принципов работы денег, инфляции, рисков), продвинутый (знание механизмов ценообразования, волатильности, диверсификации) и специализированный (понимание технологии блокчейн, смарт-контрактов). По оценке автора, подавляющее большинство российских инвесторов находятся на базовом уровне, что делает их крайне уязвимыми перед лицом рыночных колебаний и мошеннических схем.

Исследования Э. Р. Кашаповой демонстрируют, как классические схемы финансовых пирамид адаптируются к новым реалиям, за счёт использования NFT и других цифровых технологий, создавая соответствующие угрозы для финансово неграмотных участников криптовалютного рынка [6].

Обобщая результаты исследований, можно заключить, что недостаток знаний цифровых финансовых инструментов и опыта их использования в условиях постоянно совершенствующего цифрового рынка создает серьезный риск экономической безопасности неквалифицированных участников. Агрессивное привлечение населения к криптовалютным операциям наряду с сохраняющейся анонимностью криптоиндустрии, обусловливает предпосылки криминализации этого рынка.

Характеризуя специфику цифровых активов как объекта инвестирования, следует выделить ряд характеристик, которые принципиально отличают их от традиционных финансовых инструментов и усиливают риски для недостаточно подготовленных инвесторов. Прежде всего, следует отметить исключительно высокую волатильность цен на эти активы. Например, 2024 год стал для биткоина периодом рекордного роста, за который его стоимость возросла с 44 000 до 106 000 долларов, показав общий рост за год порядка 135 % годовых [7]. При этом, в настоящее время курс биткоина активно снижается, составляя 68000 долларов. Подобные колебания способны привести к существенным убыткам для всех инвесторов, в особенности для вкладчиков, не владеющих навыками риск-менеджмента. С. С. Галазов акцентирует внимание на том, что волатильность криптовалют во многом обусловлена отсутствием фундаментальной оценки стоимости, высокой долей спекулятивных

инвестиций, влиянием новостей и социальных медиа на ценообразование, а также недостаточной ликвидностью отдельных альткоинов [5].

Второй важной особенностью рынка цифровых активов является недостаточный уровень его нормативного регулирования рынка как в России, так и на международном уровне. Так, при определении законодателем сущности цифровых финансовых активов и цифровой валюты, механизмы налогообложения и трансграничных платежей в России всё ещё находятся в стадии экспериментальных правовых режимов [8]. Ситуация осложняется отсутствием единого стандарта классификации цифровых активов (как товара, валюты или ценной бумаги), что создает правовой вакуум в ходе международных сделок. Иными словами, отсутствие регламентации цифрового рынка создаёт благоприятные условия для деятельности мошенников и манипуляторов, что особенно опасно для неопытных вкладчиков.

Третья характерная черта цифровых активов как объектов инвестирования связана с технологической сложностью указанных потенциальных вложений. Понимание принципов работы блокчейна, смарт-контрактов, криптографических кошельков и децентрализованных финансов требует специальных знаний, которые отсутствуют у большинства частных инвесторов. Для большей части из них критическим барьером является отсутствие специальных компетенций, что в условиях необратимости транзакций и отсутствия централизованных институтов поддержки кратно увеличивает риски безвозвратной потери капитала [9]. Недостаточная цифровая грамотность участников рынка приводит и к неверной оценке программных уязвимостей смарт-контрактов и специфических рыночных рисков [10]. Можно заключить, что разрыв между технологической сложностью активов и уровнем финансовой подготовки инвесторов остается ключевым дестабилизирующим фактором в условиях фрагментарного правового регулирования отрасли.

Наконец, психологические факторы играют существенную роль в принятии инвестиционных решений. Такие когнитивные искажения, как страх упустить выгоду и стадное поведение, подталкивают неопытных инвесторов к необдуманным вложениям в активы с завышенной оценкой, что многократно увеличивает вероятность финансовых потерь [10].

Обобщая, отметим, что цифровые активы отличаются от традиционных финансовых инструментов экстремальной волатильностью, слабой правовой базой, технологической сложностью и подверженностью

психологическим манипуляциям. Сочетание этих факторов, в условиях недостаточной компетенции инвесторов, создает критические риски потери вложений.

Недостаток финансовых знаний у населения порождает целый спектр рисков, которые проявляются на различных этапах инвестиционного процесса. К числу актуальных проблем является высокая вероятность инвестирования в мошеннические проекты, маскирующиеся под перспективные криптовалютные стартапы [11].

По данным Банка России, в период 2023 – 2025 годов криптовалютная тематика стала доминирующей легендой для финансовых пирамид, при этом их количество и технологическая сложность постоянно росли. В 2023 году было выявлено 2944 пирамиды (рост в 1,5 раза к 2022-му), из которых почти в каждой второй прием средств или выплата «дохода» осуществлялись в криптовалюте. Спецификой года стала массовая геймификация: мошенники активно использовали модель Play-to-Earn (экономические игры), маскируя классическую схему Понци под инвестиции в игровые криптоактивы [12]. В 2024 году экспансия усилилась — число выявленных пирамид превысило 5500, а доля проектов, принимающих взносы исключительно в криптовалюте, подскочила до рекордных 77 – 86 %. Особенностью этого периода стало использование короткоживущих хайп-проектов в Telegram и социальных сетях, которые создавались на базе готовых шаблонов и закрывались через несколько недель [13]. К 2025 году регулятор зафиксировал более 7000 нелегальных субъектов, среди которых доля пирамид оставалась высокой (около 3600), а акцент сместился на гибридные схемы: к терминологии блокчейна добавились обещания доходности от искусственного интеллекта. В 2025 году ЦБ начал массово блокировать связанные с ними активы, выявив более 4500 криптокошельков, задействованных в цепочках вывода средств [14].

В своих исследованиях Кашапова Э. Р. подробно анализирует эволюцию финансовых мошеннических схем в условиях развития цифровых технологий [6]. Автор выделяет ключевые механизмы привлечения средств, используемые в NFT-пирамидах: создание иллюзии уникальности, эксплуатацию ажиотажа вокруг технологий, манипуляции через интернет-сообщества и фальсификацию ликвидности. По данным исследования, в среднем подобные мошеннические проекты привлекают денежные средства в течение шести-девяти месяцев, после чего организаторы прекращают поддержку платформы, а инвесторы теряют вложенные средства.

Не менее серьёзным риском для потенциальных инвесторов является неадекватная оценка собственной толерантности к вероятности потерь. Так, многие частные инвесторы вкладывают сбережения в высокорисковые цифровые активы, не имея финансовой подушки безопасности и не учитывая возможность полной потери капитала. Это особенно опасно в условиях экономической нестабильности, когда такие потери могут иметь катастрофические последствия для семейного бюджета.

Отсутствие навыков использования инструментов защиты также вносит свой вклад в рост рисков. Большинство частных инвесторов пренебрегают такими базовыми мерами безопасности, как двухфакторная аутентификация, аппаратные кошельки, регулярное резервное копирование ключей доступа, использование VPN-сервисов и другие.

Эмоциональные решения, принимаемые под влиянием рыночной паники или эйфории, также приводят к типичным ошибкам: паническим продажам при падении цен или, напротив, покупке активов на пике их стоимости из-за страха упустить прибыль. Подобные действия нивелируют потенциальную доходность и увеличивают вероятность убытков. Более того, ряд инвесторов придерживается спекулятивных стратегий, а не инвестиционных, что также способствует повышению рисков потери финансовых средств.

Эмпирические данные убедительно подтверждают связь между уровнем финансовой грамотности и рисками инвестирования в цифровые активы. По результатам опроса Центрального банка РФ, большинство россиян, инвестирующих в криптовалюты, не понимают механизмов формирования их цены, что делает их особенно уязвимыми перед манипуляциями и информационными атаками [15].

Статистические данные за 2025 год свидетельствуют, что 10 % владельцев криптовалют понесли частичные или полные потери средств из-за кибератак, мошенничества или ошибок при совершении транзакций. Средний размер убытка частных инвесторов в проекты с признаками финансовых пирамид составил 50000 – 100000 руб., что является существенной суммой для большинства домохозяйств [15].

Подводя итоги, отметим, что основные риски для частных инвесторов в цифровые активы обусловлены сочетанием мошеннических схем, использующих передовые технологии криптовалютного рынка и низкого уровня финансовой грамотности. При этом ключевыми факторами, способствующими убыткам со стороны инвесторов, являются отсутствие базовых знаний в финансовой и технической сферах рынка, неумение осуществлять риск-менеджмент при проведении соответствующих

операций, а также решения, обусловленные эмоциональными, а не рациональными соображениями. В этой связи минимизация рисков инвестирования в цифровые активы требует реализации комплексной стратегии, охватывающей образовательные, регуляторные и информационные аспекты, с особым вниманием к молодёжной аудитории. В сфере образования первоочередной задачей является внедрение основ финансовой грамотности в систему общего и профессионального образования.

Проведённый анализ убедительно демонстрирует, что низкий уровень финансовой грамотности населения России, особенно молодёжи, является существенным фактором риска при инвестировании в цифровые активы. Недостаток знаний и навыков приводит к массовым финансовым потерям, росту числа мошеннических схем и снижению доверия к инновационным финансовым инструментам. Можно заключить, что инвестирование в цифровые активы в условиях недостаточного уровня финансовой грамотности населения создает потенциальную угрозу экономической безопасности решившихся на эти действия участников рынка.

Список литературы:

1. Каждый четвертый россиянин полагает, что отлично разбирается в финансах [Электронный ресурс] // URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kazhdyi-chetvertyi-rossiianin-polagaet-chto-otlichno-razbiraetsia-v-finansakh (дата обращения: 01.03.2026).

2. НАФИ. Исследование индекса финансовой грамотности (2024) [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/ratings/indeks-finansovoy-gramotnosti-rossiyan/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. Пешеходько, Р. А. Восприятие рисков криптовалют и запрос на их регулирование в молодежной среде / Р. А. Пешеходько, Л. П. Королева // Управление финансовыми рисками. — 2026. — Т. 22, № 2. — DOI 10.18334/ufr.22.2.124906. — EDN MGTFYJ.

4. Хоменко Е. Б., Лагунова Ю. М. Финансовая грамотность молодёжи в цифровой среде: новые угрозы и возможности // Сборник статей международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы экономики и финансов» (14 октября 2021 г.) — 2021. С. 215 – 218.

5. Галазов С. С. Финансовая грамотность как инструмент защиты инвесторов на рынке криптовалют // Финансовые исследования. — 2022. — № 4 (77). — С. 7 – 14.

6. Кашапова Э. Р. Финансовые пирамиды с использованием NFT-технологий // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2022. — № 4 (47). — С. 12 – 19.

7. Биткоин (BTC) курс: график, рыночная капитализация и последние новости [Электронный ресурс] // URL: www.coingecko.com (дата обращения: 01.03.2026).

8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ: (принят Государственной Думой 22 июля 2020 года) [Электронный ресурс] // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.03.2026).

9. Кузнецов, В.А. О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях [Текст] / В. А. Кузнецов, А. В. Якубов // Деньги и кредит. — 2016. — № 3. — С. 20 – 29.

10. Генкин, А. С. Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра / А. С. Генкин, А. А. Михеев. — Москва: Альпина Паблишер, 2018. — 281 с.

11. Злоказова, Ю. В. Рациональное поведение в условиях цифровой финансовой среды: профилактика рисков мошенничества через когнитивные ограничения / Ю. В. Злоказова // Экономическая политика и национальная безопасность. — 2026. — № 1(3). — С. 43 – 52.

12. Противодействие нелегальной нелегальной деятельности на финансовом рынке в 2023 году: аналитический доклад [Электронный ресурс] // URL: www.cbr.ru (дата обращения: 04.03.2026).

13. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке в 2024 году: аналитический доклад [Электронный ресурс] // URL: www.cbr.ru (дата обращения: 04.03.2026).

14. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке: статистический обзор [Электронный ресурс] // URL: www.cbr.ru (дата обращения: 04.03.2026).

15. Банк России. Отчёт о финансовой грамотности населения (2025) [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/#:~: text=*%20%E2%97%8F%D0%97%D0%B0%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%8C%20%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%8C%20*%20%E2%97%8F%D0%9D%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BB%D0%B8%20*%20%E2%97%8F%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BB%D0%B8 (дата обращения: 03.03.2026).

© Злоказова Ю. В., 2026

EDN: CSFEQF

Зотова Мария Владимировна
старший преподаватель
кафедры информационных технологий и математики
Институт управления и информационных технологий
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
Санкт-Петербург, России
zotova-mariya@yandex.ru

КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье содержится обзор наиболее эффективных подходов к организации системы кадровой безопасности, позволяющих сформировать стратегию стабильного развития. Для достижения поставленных целей критически важно выстроить эффективную систему кадровой безопасности. Это создаст надежный фундамент для преодоления рисков и противодействия негативным факторам, обеспечивая тем самым устойчивое функционирование компании в долгосрочной перспективе.
Ключевые слова: экономическая безопасность, экономические вызовы, кадровая безопасность, риски, стабильное развитие, стратегия.

Экономическая безопасность организации во многом зависит от ее кадровой составляющей, поскольку все бизнес-процессы реализуются через человеческий фактор. В научной литературе, в частности в работах Ю. С. Сахно и Д. Е. Денискиной, кадровая безопасность трактуется как «…комплекс мероприятий по идентификации и нейтрализации угроз, исходящих от действий и поведения работников компании» [1, с. 388]. Парадоксально, но многие предприятия, уделяя пристальное внимание защите от внешних угроз, часто упускают из виду опасности, связанные с собственным персоналом, который может представлять серьезную угрозу безопасности организации.

В своих работах Титенок В. А. рассматривает важнейший аспект экономической безопасности — защиту от угроз, связанных с человеческим фактором. Автор утверждает, что «…любая организация строится на деятельности сотрудников, являющихся ключевым звеном всех бизнес-процессов. Именно поэтому кадровая безопасность выступает критически важным элементом защиты предприятия, предотвращающим такие риски, как утечка секретных данных, некачественное выполнение обязанностей и корпоративный шпионаж со стороны персонала» [2, с. 463].

Поважный С. В. определяет кадровую безопасность как «…комплексную систему управления персоналом, включающую различные организационные инструменты и подходы. Эта система направлена на формирование эффективной команды профессионалов, способной гибко адаптироваться к динамичным рыночным условиям. В рамках данной концепции особое внимание уделяется наращиванию профессионального потенциала сотрудников и созданию сплоченного трудового коллектива, действующего в соответствии со стратегическими целями компании. При этом механизм обеспечения кадровой безопасности базируется на взаимосвязанных методологических принципах и организационных формах, обеспечивающих устойчивое развитие человеческих ресурсов организации» [3, с. 67].

Таким образом, исследователи предлагают различные трактовки термина «кадровая безопасность». В рамках данной работы мы опираемся на авторскую формулировку этого понятия. Под ним подразумевается комплекс мер по минимизации и ликвидации рисков, возникающих в сфере управления персоналом, включая защиту интеллектуальных активов и регулирование трудовых взаимоотношений, что в итоге обеспечивает экономическую стабильность организации.

Кадровая безопасность компании подвергается различным рискам как изнутри, так и со стороны внешней среды. Внутренние угрозы: кража конфиденциальных данных, утечка информации, коррупция. Внешние угрозы: шпионаж, кибератаки, конкуренция на рынке труда. Рассмотрим каждый вид угрозы более подробно.

Утечка секретной информации через персонал с допуском к важным сведениям представляет серьезную угрозу. Сотрудники могут использовать служебное положение для незаконного получения выгоды, передавая засекреченные материалы сторонним организациям. Последствия таких действий губительны: помимо прямого нарушения законов о защите персональных данных, компания рискует потерять

доверие клиентов и партнеров, что неизбежно отразится на её имидже и положении на рынке.

Серьезный удар по репутации бизнеса и потеря доверия партнеров часто являются следствием разглашения секретных данных компании. Причины утечек могут крыться как в халатности персонала, так и в несовершенстве внутренних процедур работы с информацией. В результате компания рискует лишиться своих конкурентных позиций на рынке и понести существенные имиджевые потери.

Негативное влияние на репутацию и финансовое положение компании оказывают коррупционные схемы внутри структуры. Когда сотрудники используют служебное положение для личной выгоды и манипулируют важными решениями, это серьезно подрывает кадровую безопасность предприятия. Риски от внутренней коррупции затрагивают все уровни организации, превращаясь в системную угрозу для ее стабильного функционирования.

Мингалеева Д. И. пришла к выводу, что «…важно проводить регулярный мониторинг конкурентной среды для получения достоверных данных о положении других игроков в отрасли» [4, с. 85]. «Формирование привлекательного имиджа работодателя в глазах сотрудников способствует стабильности кадрового состава. Снижение частоты увольнений достигается путем создания комфортной рабочей атмосферы. Высокая преданность персонала компании является ключевым фактором её устойчивого развития» [5, с. 413].

Для обеспечения кадровой безопасности, по мнению автора, нужно использовать три основополагающих элемента, которые выделяют исследователи И. Ю. Загоруйко и Ж. В. Эстерлейн: «…первостепенное значение имеет создание комфортной рабочей атмосферы для вновь принятых работников — это формирование лояльности. Не менее важным аспектом является процесс рекрутинга, который включает несколько последовательных шагов. Начинается все с поиска кандидатов, затем проводится тщательная оценка их благонадежности, и завершается процесс оформлением необходимой документации. Именно на этапе оценки кандидатов критически важно определить степень их надежности и предсказать потенциальные риски. Третьим ключевым фактором выступает контроль, который вместе с наймом и лояльностью образует целостную систему кадровой защиты предприятия» [6, с. 910].

Данные меры нацелены не на ограничения персонала. Основная их направленность — ликвидация потенциальных опасностей. Именно

за это отвечает служба безопасности. При соблюдении всех трех факторов можно снизить риск наступления неблагоприятных последствий.

Загребина А. А., Котанджян А. В., Головкова Е. А. предлагают использовать процесс аудита персонала и стандартизацию, обучение сотрудником правилам безопасности и профилактике утечки информации, технологии и инструменты для защиты персональных данных сотрудников [7, с. 17].

«Процесс аудита персонала и стандартизации процессов управления персоналом обязательно должен проводиться регулярно в организации для поддержания высокого уровня работы сотрудников и достижения стратегических целей компании» [8].

Таким образом, предприятия, которые внедряют эффективные кадровые стратегии, включая подбор, развитие и удержание квалифицированных сотрудников, улучшают свое положение на рынке и повышают производительность. Таким образом, внимание к кадровой безопасности способствует не только стабилизации текущих производственных процессов, но и поддержанию долгосрочного успеха фирмы.

Список литературы:

1. Сахно Ю. С. Кадровая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности бизнеса // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности: Материалы Третьего Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, Тюмень, 20 – 21 апреля 2022 года / Отв. редактор Д. Л. Скипин. — Тюмень: ТюмГУ — Press, 2022. — С. 388 – 392.

2. Титенок В. А. Кадровая политика как фактор обеспечения экономической безопасности в условиях развития цифровой экономики // Национальные экосистемы: сборник научных трудов по итогам проведения I – III Международных научно-практических конференций, Курган, 25 ноября 2022 года. — Курган: Курганский государственный университет, 2023. — С. 463 – 468.

3. Поважный С. В. Повышение компетенции кадров — основа выполнения региональных программ // Экономист. — 2019. — № 12. — С. 67 – 69.

4. Беликова Д. Д. Кадровая безопасность, как часть экономической безопасности предприятия // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты: Материалы Пятой международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Горловка, 20 марта 2020 года / Отв. редакторы Е. П. Мельникова, Е. Ю. Руднева,

О. Л. Дариенко. Том Часть 2. — Горловка: Донецкий национальный технический университет, 2020. — С. 81 – 85.

5. Мингалеева Д. И. Кадровая безопасность как фактор обеспечения экономической безопасности организации // Экономика и социум. — 2023. — № 3-1(106). — С. 413 – 418.

6. Загоруйко И. Ю. Кадровая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности предприятия // Экономика и предпринимательство. — 2021. — № 11(136). — С. 910 – 912.

7. Загребина А. А. Кадровая безопасность в системе экономической безопасности // Вектор экономики. — 2024. — № 5(95). — С. 17 – 22.

8. Елкин, С. Е. К вопросу о философском содержании экономической методологии / С. Е. Елкин // Современные проблемы науки и образования. — 2011. — № 6. — С. 198.

9. Елкин, С. Е. Устойчивость человеческого развития как основа инновационной системы управления изменениями организации / С. Е. Елкин, С. Е. Метелев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2014. — № 2(16). — С. 75 – 83.

10. Идченко, Н. В. Эффективные методы оценки интеллектуального капитала / Н. В. Идченко, С. Е. Елкин // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 3. — С. 321.

© Зотова М. В., 2026

EDN: CTRKTM

Иванов Артем Витальевич
доцент кафедры экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московский ордена Почета университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
кандидат экономических наук
ivanof91@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Цифровая трансформация в последние годы стала не просто технологическим трендом, а системным фактором, определяющим конкурентоспособность национальных экономик, устойчивость отраслей и эффективность государственного управления. Массовое внедрение больших данных, облачных сервисов, искусственного интеллекта, интернета вещей, платформенных бизнес-моделей и электронных финансовых сервисов приводит к перераспределению ресурсов, изменению структуры рынков и появлению новых форм экономических отношений.
Ключевые слова: цифровая экономика, кибератаки, кибербезопасность, риски экономической безопасности, финансовые риски.

Развитие цифровой экономики сопровождается все более интенсивным внедрением технологий, автоматизацией бизнес-процессов и ростом объемов обрабатываемых данных [1]. Вопросы экономической безопасности приобретают новое содержание: классические угрозы, такие как кризисы, инфляция, внешнеторговые ограничения, сохраняются, но дополняются цифрово-обусловленными рисками — кибератаками, зависимостью от технологических поставщиков, утечками данных, уязвимостью критической инфраструктуры и платформенной монополизацией.

Связующим звеном в современном цифровой экономике при формировании инфраструктурных процессов являются интернет, облачные IT технологии, реализуемые посредством специализированного программного обеспечения [2]. Ключевым ресурсом становится информация, данные и способность превращать её в управленческие решения, продукты и сервисы. Стоимость создаётся не только в материальном производстве, но и в цифровых экосистемах: через алгоритмы, сети пользователей, доступ к данным, интерфейсы и стандарты. Это ведёт к тому, что:

— конкурентные преимущества всё чаще связаны с технологическими компетенциями и доступом к данным;

— ускоряется инновационный цикл (продукты и бизнес-модели обновляются быстрее);

— возрастает роль нематериальных активов, включая программное обеспечение, модели машинного обучения, базы данных и цифровые платформы.

Следовательно, обеспечение устойчивости и защищённости этих активов становится элементом экономической безопасности наравне с защитой финансовой системы или промышленного потенциала.

Экономика и государство опираются на цифровые каналы управления и предоставления услуг: платежи, логистика, связь, электронная коммерция, госуслуги, корпоративные системы управления. Любой масштабный сбой — технологический, кибернетический или организационный, способен вызвать каскадные эффекты:

— остановку операций компаний и цепочек поставок;

— финансовые потери и падение доверия к институтам;

— рост транзакционных издержек (проверки, комплаенс, резервирование);

— социальные последствия (снижение доступности услуг, рост напряженности).

Отсюда актуальность разработки механизмов устойчивости: резервирование, стандарты киберустойчивости, управление рисками в цепочках поставок цифровых решений, институциональная координация реагирования.

Цифровые платформы и экосистемы создают эффекты масштаба и сети, приводящие к высокой концентрации рынков. Это повышает эффективность (снижение издержек, удобство для потребителей), но одновременно формирует риски:

— рыночная власть крупных платформ (ценовая и неценовая дискриминация, ограничение доступа к аудитории);

— зависимость бизнеса от правил платформ и алгоритмических изменений;

— перераспределение добавленной стоимости в пользу владельцев цифровой инфраструктуры и данных.

Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью найти баланс между стимулированием цифровых инноваций и предотвращением угроз для конкуренции и устойчивого развития.

Для многих стран цифровая трансформация происходит на фоне геополитических ограничений, санкционных рисков и конкуренции технологических блоков. Возникают вопросы:

— доступности критически важных компонентов (ПО, микропроцессоры, облачные платформы, средства защиты информации);

— контролируемости и предсказуемости поставок и обновлений;

— сохранности данных при использовании трансграничных сервисов.

Это делает экономическую безопасность тесно связанной с технологическим суверенитетом, политикой импортонезависимости в критических сегментах и развитием собственных компетенций.

Инновации часто развиваются быстрее, чем формируются правовые нормы, стандарты и институты правоприменения. В результате появляется «регуляторный разрыв»:

— сложность контроля трансграничных потоков данных;

— размывание традиционных границ отраслевого регулирования (финансы, связь, торговля, медиа конвергируют).

Актуальность исследования усиливается потребностью в институциональных механизмах, которые одновременно обеспечивают безопасность и не блокируют инновации.

Проблематика экономической безопасности в цифровой экономике заключается в том, что цифровая среда одновременно повышает эффективность и резко расширяет поле уязвимостей, а сами угрозы становятся быстрее, масштабируемее и сложнее для контроля. Главный момент здесь — смещение центра риска от преимущественно материальных факторов к цифровым и гибридным: кибератаки, вымогательское шифрование, саботаж ИТ-систем, подмена и искажение данных способны напрямую останавливать бизнес-процессы, нарушать цепочки поставок и провоцировать финансовые потери, причём ущерб может

распространяться каскадно на смежные отрасли. Кибератаки могут оказать значительное влияние на репутацию и доверие к бизнесу. Эти атаки могут привести к потере конфиденциальной информации, сбоям в работе и нанести ущерб имиджу бренда. Клиенты, инвесторы и партнеры могут потерять доверие к компании, если им станет известно о кибератаке. Это может привести к упадку бизнеса, а также к юридическим и финансовым последствиям [3].

Не менее важно является то, что превращение данных в стратегический экономический ресурс и одновременно в источник уязвимости: возникает конфликт между стремлением компаний собирать и монетизировать данные, обязанностью государства защищать национальные интересы и правами граждан на приватность; при этом критичны вопросы контроля над данными, их качества и доверия к ним, потому что ошибки или манипуляции в данных ведут к неверным управленческим решениям (в кредитовании, страховании, логистике, госуправлении) и подрывают устойчивость.

Следующий ключевой момент — технологическая зависимость и зависимость от поставщиков: цифровая трансформация опирается на сложные цепочки поставок программного и аппаратного обеспечения, облаков, средств разработки и киберзащиты, поэтому ограничения доступа к обновлениям, лицензиям и компонентам, а также «эффект запирания» у вендора становятся прямыми рисками экономической устойчивости. Важный пласт проблем связан с платформизацией и концентрацией рынков: крупные цифровые платформы фактически задают «правила игры» (доступ к аудитории, ранжирование, комиссии, модерация), что усиливает риск монополизации, зависимости бизнеса от непрозрачных алгоритмов и перераспределения добавленной стоимости в пользу владельцев инфраструктуры.

Отдельно выделяется финансовый контур: цифровые платежи и финтех повышают удобство, но усиливают операционные и мошеннические риски, такие как фишинг, социальная инженерия, а также делают сбои в ИТ-инфраструктуре финансовых организаций потенциально системными. Наконец, институциональная сложность управления этими угрозами: ответственность размывается между государством, бизнесом и операторами платформ, регулирование часто фрагментировано по ведомствам и отраслям, а стимулы инвестировать в безопасность недостаточны, потому что безопасность дорого стоит, её эффект «невидим» до инцидента, а последствия часто носят общественный характер;

поэтому в цифровой экономике экономическая безопасность всё больше зависит не только от технологий защиты, но и от согласованных стандартов, надзора, обмена информацией об инцидентах и координации государства и частного сектора.

Угрозы и риски экономической безопасности в цифровой экономике во многом связаны с тем, что цифровая инфраструктура, данные и программные платформы превращаются в ключевые факторы производства: любая атака или сбой в ИТ-среде быстро конвертируется в простой, финансовые потери и нарушения цепочек поставок. К числу наиболее прямых угроз относятся кибератаки, прежде всего вредоносное ПО и шифровальщики, которые проникают через фишинг, уязвимости или удалённый доступ, блокируют данные и нередко сопровождаются «двойным вымогательством», когда злоумышленники дополнительно угрожают публикацией похищенной информации. Экономические последствия таких инцидентов включают остановку операций и производства, срыв контрактов, расходы на восстановление и возможные санкции за утечки.

Схожий эффект дают атаки на доступность, например DDoS, которые выводят из строя онлайн-банкинг, маркетплейсы и сервисы госуслуг, снижая доверие пользователей и создавая каскадные сбои в смежных процессах. Особенно опасны компрометации цепочки поставок: атака осуществляется не на компанию-цель напрямую, а через поставщика программного обеспечения, обновления, подрядчика или сторонние компоненты в CI/CD, из-за чего вредоносный код может масштабно распространяться на множество организаций одновременно и оставаться незаметным длительное время. Значимую долю ущерба дают и внутренние нарушители — сотрудники или подрядчики, которые злоупотребляют легитимным доступом, осуществляют саботаж или продают данные; такие инциденты сложнее обнаруживать, потому что действия выполняются «правильными» учётными записями. Частым входом для атак остаётся компрометация учётных записей и удалённого доступа через фишинг, повторное использование паролей, кражу токенов или уязвимости VPN/RDP, что позволяет злоумышленникам быстро захватывать критические системы и вмешиваться в финансовые операции.

Финансовые риски цифровой экономики включают массовое кибермошенничество и социальную инженерию, где используются фишинг, подмена SIM, поддельные приложения и, всё чаще, голосовые дипфейки для имитации руководителей или сотрудников банков.

Это ведёт к потерям населения и бизнеса, росту затрат финансовых организаций на антифрод и снижению доверия к безналичным платежам. Компрометация платёжной инфраструктуры, API-интеграций и криптографических ключей создаёт риск прямых хищений, подмены реквизитов, откатов транзакций и жёстких санкций со стороны регуляторов. Усиливается и системный риск, когда зависимость экономики от нескольких крупных банков, процессинговых центров, маркетплейсов и облаков делает сбои и атаки в этих точках угрозой уже не отдельной компании, а устойчивости рынка в целом.

К технологическим угрозам относится зависимость от зарубежных технологий, лицензий и обновлений: прекращение поддержки, недоступность патчей и блокировки облачных сервисов могут вынудить к срочным миграциям и увеличить стоимость владения, снижая устойчивость компаний и целых отраслей. Близкий риск — vendor lock-in, когда из-за проприетарных форматов данных и специфических API смена поставщика становится дорогой и медленной, что уменьшает переговорную силу и повышает стратегическую уязвимость. Сюда же относятся риски цепочек поставок оборудования и компонентов: дефицит, логистические ограничения и санкционные барьеры тормозят проекты цифровизации и удорожают модернизацию.

Киберпреступность сегодня представляет собой серьезную угрозу, с которой необходимо бороться. Компании по всему миру постепенно осознают этот факт и принимают различные меры безопасности, чтобы избежать и защититься от киберугроз [4]. Важны правовые и регуляторные риски: несоответствие требованиям по защите данных и кибербезопасности ведёт к штрафам, ограничениям на обработку данных и приостановке сервисов, а конфликт норм разных стран по локализации и трансграничной передаче данных вынуждает усложнять архитектуру и повышает расходы на комплаенс. Дополнительные сложности создаёт доказательность цифровых следов и юридическое оформление электронных документов в трансграничных спорах: атрибуция атак и форензика часто затруднены, что снижает предсказуемость защиты прав и взыскания ущерба.

Информационные и репутационные угрозы в целом способны провоцировать панические сценарии и подрыв доверия к институтам и цифровым сервисам, что тормозит внедрение технологий и снижает экономическую эффективность. В совокупности специфика цифровой экономики в том, что угрозы легче масштабируются, развиваются

быстрее, становятся системными из-за концентрации инфраструктуры и платформ и всё чаще переходят из сферы ИТ в реальный сектор, проявляясь в простоях, сбоях поставок и реальных экономических потерях.

Список литературы:

1. Пономаренко И. И. Роль кибербезопасности в обеспечении экономической стабильности // Парадигма. 2025. № 10-2. С. 152 – 161.

2. Антропов К. Ю., Ахмадеев Р. Г., Косов М. Е. Кибербезопасность и сохранение цифрового суверенитета экономики // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 268 – 273.

3. Струнин Д. А. Кибератаки и их влияние на цифровую экономику / Д. А. Струнин // Молодой ученый. 2023. № 5 (452). С. 15 – 16.

4. Васильев А. Экономика кибербезопасности в мире / А. Васильев [Электронный ресурс] // URL: https://itech.cifra.science/archive/1-1-2024-january/10.18454/itech.2024.1.1 (дата обращения: 02.03.2026). DOI: 10.18454/itech.2024.1.1.

© *Иванов А. В., 2026*

EDN: AYPUZH

Кирилюк Мария Александровна
начальник отделения по раскрытию преступлений,
совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий отдела уголовного розыска
Управление МВД России по г. Великий Новгород
Великий Новгород, Россия
kirilyukma@yandex.ru

SWOT-АНАЛИЗ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Научная новизна публикации заключается в применении инструментария ситуационного и SWOT-анализа для комплексной оценки хищений денежных средств с использованием ИКТ как системной угрозы экономической безопасности. Данная проблема рассмотрена через призму взаимосвязи сильных и слабых сторон системы противодействия с внешними возможностями и угрозами криминальной среды.
Ключевые слова: экономическая безопасность, хищение денежных средств, SWOT-анализ.

Глобальная цифровизация экономики и социальной сферы, поддерживаемая стратегиями и национальными проектами, помимо позитивных эффектов привнесла новую масштабную угрозу, а именно, хищение денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По данным МВД России, доля таких преступлений в общей структуре преступности достигла 44,17 % в 2025 году, при этом материальный ущерб за последние пять лет вырос в 5,4 раза. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, социально-экономические диспропорции и низкий уровень финансовой грамотности населения создают благоприятную почву для роста киберпреступности [1]. В целях разработки эффективных управленческих решений

в сфере обеспечения экономической безопасности необходим комплексный анализ данного явления.

В рамках настоящего исследования применяется метод SWOT-анализа, позволяющий структурировать внутренние характеристики системы противодействия, отразив сильные и слабые стороны, а также внешние факторы криминальной среды с учётом возможностей и угроз. Результаты проведенного анализа систематизированы в таблице 1.

Таблица 1. Матрица SWOT-анализа хищений денежных средств с использованием ИКТ

Внутренние факторы		**Внешние факторы**	
Сильные стороны системы противодействия:	**Слабые стороны системы противодействия:**	**Возможности для усиления противодействия:**	**Угрозы со стороны криминальной среды:**
1. Формирование комплексной нормативно-правовой базы (ФЗ № 115, № 161, № 187, закон № 369-ФЗ). 2. Создание специализированных институтов (ФинЦЕРТ, УБК МВД России). 3. Внедрение технологических систем защиты и контроля (СБП, маркировка, АСК НДС-3). 4. Наличие разветвленной сети субъектов противодействия (Банк России, Росфинмониторинг, правоохранительные органы).	1. Межведомственные барьеры и недостаточная координация в реальном времени. 2. Низкий уровень финансовой и цифровой грамотности ключевых групп населения. 3. Дефицит квалифицированных кадров в правоохранительных органах для расследования ИКТ-преступлений. 4. Правовая и техническая сложность быстрого возмещения ущерба потерпевшим. 5. Региональная диспропорция в техническом оснащении и эффективности противодействия.	1. Рост финансовой грамотности и осведомленности населения благодаря кампаниям в СМИ и образовательным программам. 2. Развитие и внедрение прорывных технологий ИБ (биометрия, поведенческий анализ, AI для мониторинга операций). 3. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью. 4. Консолидация усилий бизнеса и государства через механизмы ГЧП и отраслевые стандарты безопасности.	1. Высокая адаптивность и инновационность преступных схем (социальная инженерия, фишинг, SIP-телефония). 2. Использование криминалом анонимных технологий (криптовалюты, VPN, мессенджеры). 3. Транснациональный характер преступных групп, осложняющий расследование. 4. Наличие устойчивого теневого рынка услуг для поддержки мошеннических операций. 5. Санкционное давление, ограничивающее доступ к передовым технологиям защиты и затрудняющее международное сотрудничество.

Анализ внутренних факторов. Сильные стороны сформированного в России контура противодействия очевидны. К таковым относятся развитая нормативная база и уникальная институциональная архитектура, сочетающая регулятивные (Банк России), контрольные (Росфинмониторинг) и правоохранительные функции, а также технологическая модернизация, такая как внедрение Системы быстрых платежей с элементами контроля, также играет позитивную роль. Однако слабые

стороны существенно нивелируют эти преимущества. Корреляционный анализ, проведенный на основе данных за 2012 – 2025 гг., выявил прямую связь роста хищений с увеличением числа банковских карт (r=0,98) и проникновением сотовой связи (r=0,92), что указывает на экстенсивный характер цифровизации без адекватного роста грамотности пользователей [2]. Разделение зон ответственности и отсутствие оперативности во взаимодействии между банками, операторами связи и правоохранительными органами создают «пробелы», которые активно используются злоумышленниками.

Анализ внешних факторов. Преступная среда в сфере информационных технологий отличается высокой устойчивостью и адаптивностью, что представляет собой главную внешнюю угрозу. Новые технологии незамедлительно осваиваются мошенниками для различного рода махинаций, мигрирующих от взлома личных кабинетов в коммерческих банках к манипуляции поведением человека через социальную инженерию, доля которой в структуре способов хищений денежных средств продолжает расти по настоящее время. Вместе с тем образуются устойчивые криминальные подсистемы с чётким разделением ролей, что доводит конспиративность и эффективность мошенничества до максимума. Транснациональное объединение подобных групп требует активизации межгосударственного сотрудничества, однако, как отмечают исследователи, существующие правовые механизмы сталкиваются с рядом проблем имплементации и политической обусловленности взаимодействия [3]. Однако существуют и ряд возможностей для укрепления противодействия. К таковым относится потенциал повсеместного развития и внедрения технологий, в частности, внедрение биометрической аутентификации во все цифровые системы и алгоритмы анализа поведения пользователей и транзакций на основе искусственного интеллекта.

Взаимосвязь факторов и стратегические выводы. Комбинация сильных сторон и возможностей формирует стратегию наступательного развития. Например, использование сильной нормативной базы для стимулирования внедрения банками AI-решений для мониторинга позволит перехватывать инициативу. Стратегия минимизации слабых сторон за счет возможностей предполагает ликвидацию кадрового дефицита через создание специализированных образовательных программ с участием технологических компаний. Технологические системы контроля должны быть направлены на противодействие анонимным инструментам преступников. Наиболее уязвим сектор, где слабости системы усиливают

внешние угрозы. Низкая грамотность населения делает его крайне уязвимым к социальной инженерии, а межведомственные барьеры не позволяют эффективно противостоять транснациональным группам.

Заключение. Проведенный SWOT-анализ позволил выявить системные дисбалансы в противодействии хищениям денежных средств с использованием ИКТ. Ключевой проблемой является опережающая адаптивность криминальной среды по сравнению с реактивным характером мер защиты, основанных преимущественно на реагировании на уже известные схемы. Современные исследования подтверждают, что эффективная стратегия противодействия должна учитывать комплекс внутренних и внешних факторов, включая развитие правовой системы, технологической инфраструктуры и международное сотрудничество [4]. Для перелома тенденции необходима реализация упреждающей стратегии, основанной на синергии четырех направлений:

— опережающая технологическая модернизация наиболее уязвимой финансовой инфраструктуры;

— радикальное повышение финансовой и цифровой гигиены населения через персонализированные образовательные кампании;

— преодоление межведомственных и межгосударственных барьеров в обмене информацией и координации действий в режиме реального времени;

— ужесточение контроля над инструментами анонимизации и создание экономических санкций для участников теневого рынка услуг (дропов, обнальщиков).

Только комплексный проактивный подход позволит трансформировать текущие угрозы в область управляемых рисков, обеспечив защиту экономических интересов личности, бизнеса и государства.

Список литературы:

1. Дрындак А. А. Исследование финансовой грамотности населения в контексте социально-экономического развития РФ // Вестник Донецкого университета. Серия 03: Экономика и право. 2025. № 3. С. 45 – 53.

2. Кирилюк М. А., Литвиненко А. Н. Методические подходы к исследованию дистанционных хищений денежных средств в российской федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (73). С. 35 – 41.

3. Петров С. И., Сидорова Е. В. Актуальные проблемы реализации положений Конвенции ООН против киберпреступности // Мировой судья. 2026. № 2. С. 2 – 5.

4. Тимофеев А. В. Факторы, определяющие результативность стратегии борьбы с преступлениями, совершаемыми с применением цифровых технологий // Современное право. 2026. № 2. С. 117 – 120.

© *Кирилюк М. А., 2026*

EDN: AYZOMO

Клусова Екатерина Сергеевна
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московский ордена Почета университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
katenkaefanova@yandex.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТИПОЛОГИИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПО СТЕПЕНИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. Исследование выявляет три устойчивых кластера регионов Центрального федерального округа по профилю качества организации внутреннего финансового контроля в субъекте. Результаты обосновывают переход от формальных плановых заданий к дифференцированным стратегиям управления кадровыми и организационными ресурсами в зависимости от кластерной специфики групп.
Ключевые слова: внутренний финансовый контроль, кластерный анализ, региональная типология.

Современная система государственного управления в Российской Федерации сталкивается с вызовом обеспечения прозрачности и результативности использования бюджетных средств в условиях территориальной неоднородности регионов. Внутренний финансовый контроль, как ключевой инструмент минимизации коррупционных и экономических нарушений, требует перехода от стандартизированных подходов к дифференцированным стратегиям, учитывающим специфику субъектов нашей страны. Анализ практик контрольной деятельности в Центральном федеральном округе (далее ЦФО) выявляет дисбаланс, заключающийся в том, что одни

регионы демонстрируют высокую интенсивность выявления нарушений при сравнительно низком ущербе, например, Брянская или Тверская области, тогда как другие, например Владимирская или Ивановская области, фиксируют рекордные объемы ущерба даже при меньшем количестве проверок. Такая асимметрия, усиленная различиями в плотности госслужащих, доле преступлений экономической направленности и эффективности правоприменительных механизмов, создает риски как недостаточного контроля в проблемных зонах, так и избыточной нагрузки на институты надзора в регионах с устойчивой экономической ситуацией.

Целью настоящего исследования является выделение устойчивых кластеров субъектов ЦФО через синтез количественных метрик контрольной деятельности и социально-экономических индикаторов. Такой подход позволит перейти от формальных оценок к типологии регионов, что, в свою очередь, послужит основой для калибровки контрольных мероприятий, перераспределения кадровых и аналитических ресурсов, а также прогнозирования зон повышенного внимания.

Информационную базу исследования составили официальные статистические данные за 2020 – 2024 гг., предоставленные Счетной палатой РФ, МВД России и Росстатом. Для анализа отобраны 16 субъектов ЦФО (за исключение г. Москвы и Московской области), и такой выбор обусловлен лидирующими позициями округа по ряду рассматриваемых показателей на общенациональном уровне [1, 2, 3].

Для анализа неоднородности регионов выбран кластерный анализ — метод, позволяющий выявить скрытые паттерны в многомерных данных без априорных гипотез о распределении признаков. В отличие от регрессионных моделей, фокусирующихся на причинно-следственных связях, кластеризация обеспечивает синтетическое представление о сходстве объектов в пространстве выбранных индикаторов.

В качестве признаков кластеризации использованы десять метрик, характеризующих масштабы и результативность организации внутреннего финансового контроля в рассматриваемых регионах, а также общую социально-экономическую обстановку (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Признаки кластеризации регионов ЦФО

Для обеспечения статистической устойчивости кластеризации был проведен детальный анализ парных корреляций между рассматриваемыми признаками.

Результаты выявили несколько критических взаимосвязей, требующих корректировки исходного набора данных. Наиболее выраженная корреляция зафиксирована между признаками x_3 и x_5 с коэффициентом 0,96. Такая сильная связь обусловлена тем, что оба показателя отражают масштаб финансовых нарушений, а именно, первый характеризует общий ущерб по региону, а второй — его интенсивность относительно количества проверок. Аналогичная зависимость наблюдается между признаками x_1 и x_4 с коэффициентом 0,766, что объясняется логической взаимосвязью объема контрольной деятельности и выявляемых отклонений. Также отмечена корреляция признаков x_4 и x_6 на уровне 0,698, подчеркивающая взаимозависимость этапов контрольного процесса.

Однако ключевым решением стало исключение признака x_5. Оно согласуется с методологией исследования, направленной на выявление типов регионов через комбинацию объемных (например, общий ущерб) и интенсивных (например, нарушения на проверку) показателей. Это позволяет избежать акцента на одном аспекте и обеспечивает комплексную оценку, например, выделяя регионы с высоким ущербом при низкой активности проверок или с высокой интенсивностью нарушений при умеренном ущербе.

Для обеспечения корректного сравнения признаков, измеренных в различных единицах, был применен метод стандартизации через z-оценки. Без нормализации признаки с большими числовыми значениями будут доминировать в расчетах, искажая кластерную структуру и снижая интерпретируемость результатов.

Далее уже для идентификации однородных групп субъектов ЦФО был применен алгоритм кластеризации k-means с оптимизацией количества кластеров по методу локтя. Анализ зависимости суммарной дисперсии внутри кластеров от параметра k выявил критическую точку излома равную 3, что подтверждает обоснованность разделения регионов на три типа.

Для визуализации и интерпретации структуры кластеров использован метод главных компонент (PCA), сокративший девятимерное пространство исходных данных до двух ключевых компонент, которые объясняют 65 % общей вариативности.

Компонент PC1 объединяет информацию о масштабе и глубине выявленных нарушений, отражая системные риски через корреляцию показателей объектов контроля и объема ущерба. Вторая компонента фокусирует внимание на оперативности реакции контроля, то есть способности применять правовые инструменты для последующего пресечения нарушений (см. рисунок 2).

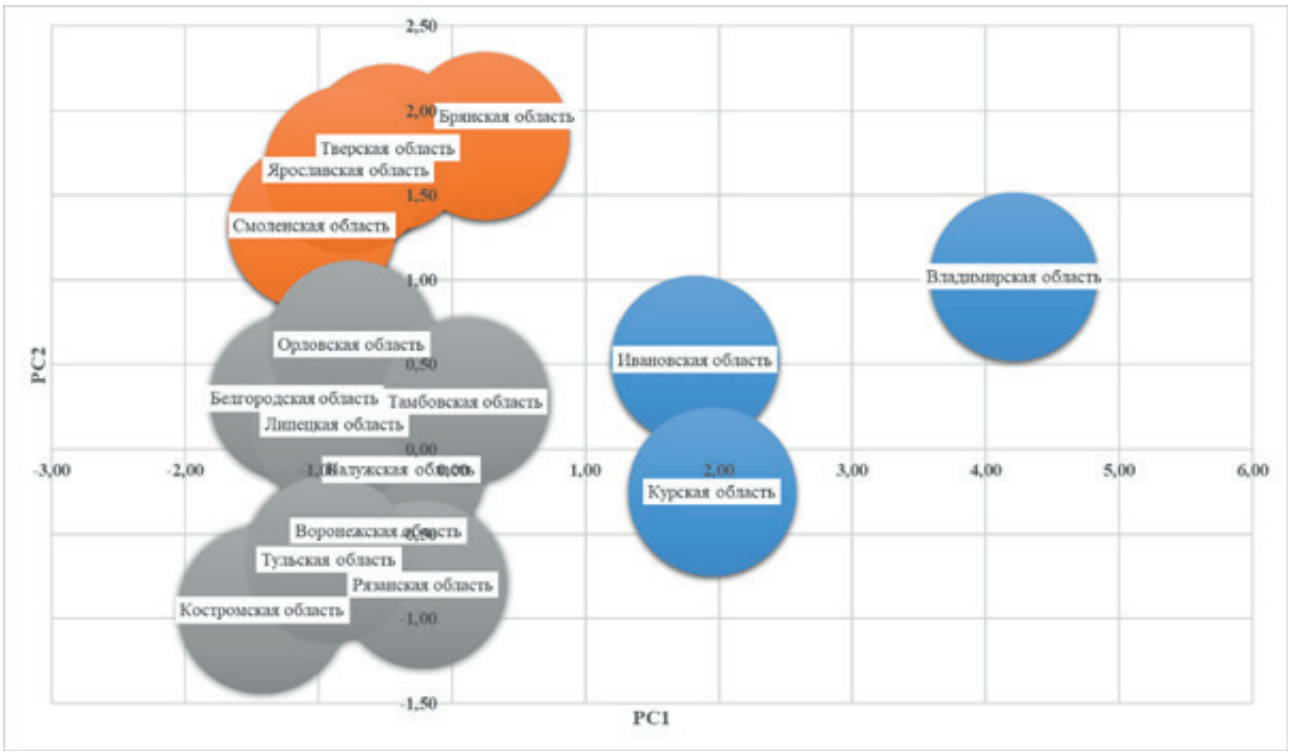

Рисунок 2. Визуализация кластеризации субъектов ЦФО по 9-и признакам

Диаграмма четко выделяет три кластера регионов:

— Первый кластер (Владимирская, Курская и Владимирская области) формируют зону высокого риска с экстремальными значениями PC1 при минимальным значениях PC2. Владимирская область выделяется рекордным выявленным ущербом в сфере государственного управления,

но при этом демонстрирует критический разрыв между выявлением нарушений и их устранением. Данный кластер отражает дисбаланс, заключающийся в том, что высокая активность проверок не трансформируется в оперативное реагирование.

— Второй кластер (Брянская, Тверская, Ярославская и Смоленская области) образует кластер эффективности, в котором лидирующие позиции по PC2 (активности реализации контрольных решений) сочетаются с умеренными значениями первого компонента. Данный факт подтверждает тезис о том, что успешная работа в сфере внутреннего финансового контроля возможна только при интеграции контрольных процедур с правовыми механизмами ответственности.

— Третий кластер (Орловская, Белгородская, Тамбовская, Липецкая, Калужская, Воронежская, Тульская, Костромская и Рязанская области) представляют зону условной стабильности организации контрольного процесса.

Представленный кластерный анализ регионов ЦФО демонстрирует, что плановый характер осуществления внутреннего финансового контроля уступает место дифференцированным стратегиям, основанным на глубоком понимании специфики каждого типа субъектов.

Для регионов первого кластера критически важна не просто проверка, а профилактика рисков контрольной среды через методическую поддержку и целевое перераспределение кадровых ресурсов в сфере государственного управления. Области из второго кластера, демонстрирующие эталонную реализацию контрольных решений, должны стать основой для обновления федеральных стандартов, особенно в части усиления административных мер ответственности. И оставшиеся регионы требуют не стандартного подхода, заключающегося в том, что в субъектах с высокой плотностью государственных служащих необходимо усиление профилактических механизмов контроля, а в остальных — оптимизация ресурсов с сохранением стабильности.

Еще раз подчеркнем, что переход от жестких плановых заданий к гибким стратегиям контроля, учитывающих специфику экономики конкретного субъекта страны, создаст основу для трансформации внутреннего финансового контроля из инструмента надзора за формальной правильностью расходования бюджетных средств в механизм преодоления финансовых рисков. Такой подход позволит преодолевать методические тупики, при которых количественные показатели контрольной деятельности маскируют реальные результаты.

Список литературы:

1. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://ach.gov.ru/.

2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/.

3. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/.

© *Клусова Е. С., 2026*

EDN: FJZJBK

Коблова Юлия Александровна
доцент кафедры отраслевого управления
и экономической безопасности
Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю. А.
Саратов, Россия
кандидат экономических наук, доцент
gaydar_2025@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрена экономическая преступность как социально-экономический феномен, раскрыто ее влияние на экономическую безопасность государства и обоснован дестабилизирующий характер, проведен расчет и анализ уровня экономической преступности в РФ.

Ключевые слова: экономика, национальная экономическая безопасность, экономические преступления, угроза.

Национальная экономическая безопасность предполагает достижение состояния защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, обеспечение экономического суверенитета страны, единства ее экономического пространства, наличие условий для реализации стратегических национальных приоритетов РФ [1]. Содержание и состояние национальной экономической безопасности можно оценить с позиции угроз, их наличия, отсутствия, остроты. В Стратегии национальной безопасности РФ угроза определяется как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам [2]. Источники угроз содержатся в социальной, политической,

естественно-природной, технико-технологической и других сферах жизнедеятельности человека. Они также могут возникать как во внешней, так и во внутренней среде. Среди внутренних угроз одной наиболее значимой для любого государства выступает экономическая преступность.

Совершаемые в государстве преступления экономической направленности, их количество и структура, оказывают прямое влияние на состояние национальной экономической безопасности. Это подтверждается тем, что в системе ее показателей-индикаторов отдельно выделяется и подлежит оценке и анализу уровень преступности в сфере экономики.

Как социально-экономическое явление экономическая преступность является объектом пристального внимания мыслителей, ученых и исследователей. Изначально она отождествлялась с преступностью имущественной — была синонимом кражи, грабежа, разбоя, порчи — и относилась к беднейшим слоям населения, у которых был очевидный мотив для подобных деяний.

В дальнейшем сфера понимания экономической преступности расширялась. Так, в 1940-е гг. появилось понятие «беловоротничковая преступность», констатирующее тот факт, что экономические преступления также совершают высокопоставленные лица, которые, используя свое положение, злоупотребляют доверием коллег, партнеров, государства и извлекают материальные выгоды для себя.

В настоящее время широко известно понятие «корпоративная преступность», характеризующее незаконную деятельность корпораций, осуществляемую в своих интересах или интересах отдельных лиц — реализация коррупционных схем, уклонение от уплаты налогов, мошенничество и др.

Преступления в сфере экономической деятельности — это незаконные посягательства на экономические интересы, в ходе которых должностными или иными лицами умышленно нарушается законодательно установленный порядок осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности [3].

Экономическая преступность характеризуется рядом признаков (см. рисунок 1).

Признаки экономической преступности	Совершение в процессе профессиональной деятельности
	Корыстный характер
	Ущерб, наносимый экономике
	Наличие субъектов преступления
	Прямая связь с договорами и обязательствами
	Незаконное распределение и перераспределение материальнх благ
	Скрытый и антиобщественный характер

Рисунок 1. Признаки экономической преступности

Содержание экономических преступлений может быть разным в зависимости от того, как, кем, в какой сфере экономики они совершаются. Так, в VIII разделе УК РФ [3] выделяются:

1) Преступления против собственности.

2) Преступления в сфере экономической деятельности.

3) Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Кроме того, отдельно выделяются преступления в сфере компьютерной информации, против военной службы, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью, а также тяжкие насильственные преступления, совершаемые во взаимосвязи с преступлениями против собственности.

Уровень, масштабы, динамика экономической преступности зависит от действия множества факторов. Очевидно, что распространению этого явления способствует низкий уровень доходов, бедность населения, значительная дифференциация общества по материальному положению, масштаб теневого сектора, нестабильная социально-политическая обстановка, недействующее законодательство, неэффективный контроль и др. В свою очередь, сдерживают распространение экономической преступности относительное равенство возможностей, работающие социальные лифты, эффективное законодательство и работа правоохранительных органов и др.

В таблице 1 представлены последствия экономической преступности, оказывающие негативное влияние на национальную экономическую безопасность.

Таблица 1. Влияние экономической преступности на национальную экономическую безопасность

Направления влияния	Последствия экономической преступности
Экономические	Рост теневого сектора экономики
	Замедление объемов производства
	Снижение инвестиционной активности, в том числе иностранных инвестиций
	Сокращение налоговой базы
	Сокращение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней
	Увеличение налоговой нагрузки на легальный сектор экономики
	Рост издержек, стимулирование инфляции
	Отток капитала за границу
	Нарушение принципов добросовестной конкуренции
	Ухудшение предпринимательского климата
Социальные	Усиление дифференциации населения по имуществу и доходам
	Формирование организованной преступности
	Криминализация общества
Политические	Неэффективность проводимой политики и преобразований
	Подрыв целостности и устойчивости государства
	Снижение доверия граждан к власти
	Опасность изменения политического строя насильственным путем
	Негативное международное восприятие страны

В настоящее время экономическая преступность носит глобальный характер. Даже самые развитые и благополучные в экономическом отношении страны не могут полностью искоренить это явление. Наиболее распространенными экономическими преступлениями в мире являются мошеннические действия клиентов, взяточничество и коррупция, незаконное присвоение активов, манипулирование данными бухгалтерского учета, легализация преступных доходов, а также киберпреступность.

Состояние экономической преступности в России отчетливо иллюстрирует динамика зарегистрированных преступлений. В последнее десятилетие их число колеблется в диапазоне от 105 до 117 тыс., выраженная положительная или отрицательная динамика отсутствует (см. рисунок 2).

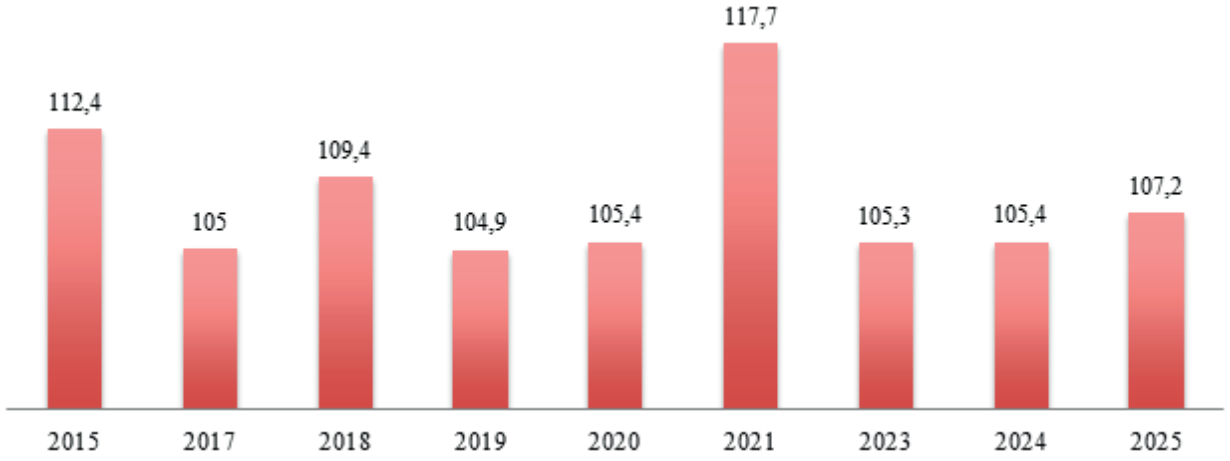

Рисунок 2. Динамика зарегистрированных преступлений экономической направленности, тыс. [4, 5]

По данным МВД РФ [6], в структуре всех преступлений, совершенных в 2025 году, большая доля пришлась на мошенничество (23,2 %) и кражи (25,6 %). Доля взяточничества составила 1,5 %, грабеж, разбой — 1 %, присвоение или растрата — 0,5 %. Данные свидетельствуют о высокой значимости экономических преступлений в общей структуре преступности в России. При этом преступления в сфере экономической деятельности составляют 27 %, преступления против собственности — 37,6 %, против государственной власти 27,2 %, против интересов службы в коммерческих организациях — 3,1 % [5].

Одним из индикаторов национальной экономической безопасности является уровень преступности, определяемый по формуле (1).

$$Icr = (P \times 100\,000)/N \quad (1),$$

где **Icr** — уровень преступности;

P — количество преступлений, совершенных в стране за год;

N — численность населения.

Целевое значение данного показателя в сфере экономики составляет 50 случаев на 100 000 чел. населения, при этом пороговое значение — 200.

На основе показателей преступности в РФ [5], а также данных об общей численности населения был рассчитан показатель уровня экономической преступности (см. рисунок 3).

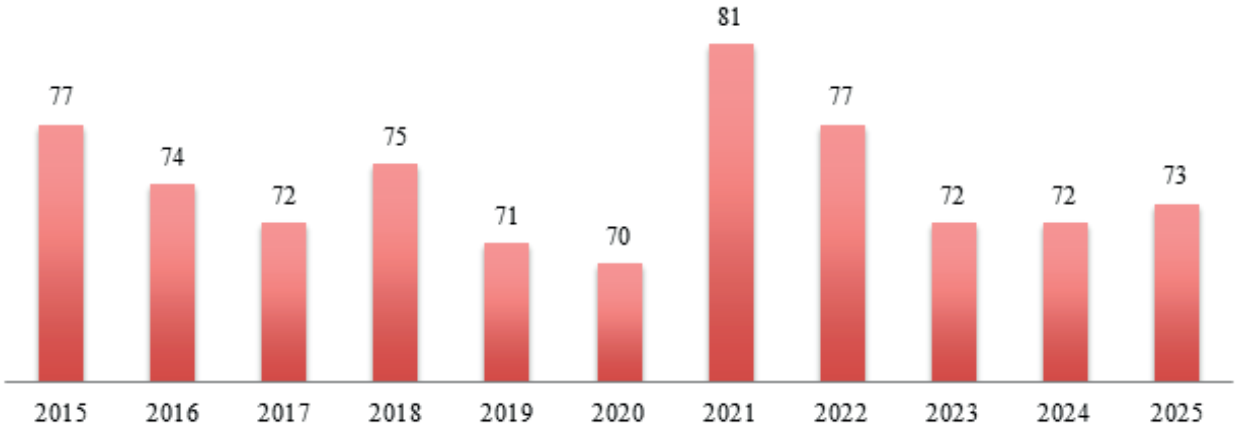

Рисунок 3. Динамика уровня экономической преступности в РФ

Анализ данных показывает, что этот показатель находится в пределах допустимых значений, однако целевое значение до сих пор не достигнуто, что требует принятия дополнительных мер со стороны государства.

Таким образом, экономическая преступность негативно влияет на важнейшие национальные интересы и параметры в области экономики — экономический рост, уровень жизни, инфляцию, инвестиционную активность, теневую экономику и другие, а следовательно, представляет угрозу национальной экономической безопасности.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru.

2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1.

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

4. Показатели преступности России. Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 10.02.2026).

5. Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-декабрь 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 10.02.2026).

© Коблова Ю. А., 2026

EDN: FUZJGH

Корников Руслан Иванович
магистрант
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
ryslan2107@mail.ru

Научный руководитель:
Тарловская Ирина Николаевна
доцент кафедры экономического развития и менеджмента
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
кандидат экономических наук
tarlovskaya.ira@mail.ru

ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье исследуется реализация органами внутренних дел Республики Беларусь мер, направленных на защиту экономических интересов государства. Научная новизна заключается в комплексном анализе правоприменительной практики специализированных подразделений, направленных на борьбу с экономическими преступлениями в условиях современных экономических угроз. Автором систематизированы направления деятельности органов внутренних дел, выявлены существующие проблемы в их раскрытии и предложены пути совершенствования механизмов противодействия экономическим правонарушениям с учетом последних изменений законодательства.

Ключевые слова: органы внутренних дел, экономическая безопасность, защита экономических интересов, противодействие экономическим преступлениям, национальная безопасность Республики Беларусь, правоприменительная практика.

Экономическая безопасность — это основа независимости суверенного государства. В Республике Беларусь ей уделяют особое внимание, что объясняется применением жестких международных санкций в отношении субъектов хозяйствования. [1]. В таких условиях защита финансовых ресурсов, государственной собственности и интересов организаций выходит на первый план.

Именно органы внутренних дел занимают ключевые позиции по обеспечению экономической безопасности государства. В статье 2 Закона «Об органах внутренних дел» сказано, что одна из главных задач органов внутренних дел — защита интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; собственности от преступных и иных противоправных посягательств [2]. В новой редакции Концепции национальной безопасности, принятой в 2024 году, экономической безопасности посвящен целый раздел [3].

Работа органов внутренних дел в сфере противодействия экономическим преступлениям строится на основании следующих нормативных документов:

— Конституции Республики Беларусь — основного закона, который гарантирует защиту собственности [1];

— Закона «Об органах внутренних делах» — в статье 2 указаны задачи, а в статье 24 — права сотрудников [2];

— Уголовного кодекса, который содержит статьи про хищения, взятки, незаконное предпринимательство [4];

— Кодекс об административных правонарушениях включает разделы, применяемые для наложения административных наказаний, исключая уголовную ответственность для виновных лиц [5];

— Концепция национальной безопасности определяет угрозы и способы защиты [3].

Экономическую безопасность в системе органов МВД обеспечивает Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями (ГУБЭП) и его подразделения на местах [6]. Представители этих структур выявляют злоупотребления и устанавливают нарушения законодательства в области финансово-хозяйственной деятельности организаций.

Основные направления работы ГУБЭП МВД и его подразделений на местах следующие:

1. Борьба с хищениями государственной собственности

Это самое частое преступление в экономике. По статистике, почти четверть всех выявленных экономических преступлений — это присвоение либо растраты [6], что подтверждается следующими примерами.

В г. Житковичи работники оперативных служб задержали директора, главного бухгалтера и экономиста организации, которые применяли схему необоснованного начисления надбавок к заработной плате. За период более одного года ущерб организации составил больше 200 тысяч белорусских рублей. Приговор по этой статье предполагает до 12 лет тюремного заключения [6].

В Лепельском районе директор предприятия вступил в сговор с главным бухгалтером и четырьмя работниками, которые являлись их сообщниками. Они заключали фиктивные договоры с предпринимателями на выполнение работ. Деньги были перечислены, но работы не были выполнены. В результате совершения преступления общий ущерб превысил 250 тысяч белорусских рублей [7].

2. Противодействие коррупции

Коррупция — это умышленное злоупотребление должностным лицом своими служебными полномочиями для получения личной выгоды вопреки законным интересам общества и государства.

В Витебской области сотрудники УБЭП раскрыли схему системной коррупции на фабриках легкой промышленности. Владелец частной структуры заключал контракты на поставку швейного оборудования. За благоприятное решение вопроса он передал руководителям фабрик больше 70 тысяч белорусских рублей в виде взяток [6].

3. Контроль за целевым использованием бюджетных средств.

Государство тратит достаточно финансовых ресурсов на выполнение различных программ, развитие инвестиционных проектов.

Сотрудники правоохранительных органов постоянно анализируют направления использования бюджетных средств. Особое внимание уделяется закупкам из одного источника. Сейчас такого рода закупки составляют почти 63 %. Они больше всего подвержены коррупционным преступлениям [6].

Так, в Гомельской области выявили трех руководителей торговой компании, которые зарегистрировали за границей фирму на подставных лиц, выиграли тендер с участием государственного предприятия и получили предоплату. Но вместо современного оборудования поставили оборудование ненадлежащего качества. Ущерб государству от этой сделки составил более 5 миллионов белорусских рублей [8].

4. Защита потребительского рынка

Она включает в себя борьбу с производством нелегального алкоголя, выпуском фальшивых денег, наличием контрафактов. Эта работа направлена на оздоровление экономики нашей страны, потому что нелегальные товары — это неуплаченные налоги и убытки, понесенные добросовестными производителями.

В 2024 году сотрудники БЭП выявили 171 правонарушение, которые были связаны с нелегальным ввозом алкогольной продукции. Было изъято около 100 тысяч литров. Так, только в Копыльском районе был задержан водитель грузовика, перевозивший почти 10 тысяч литров непищевой спиртосодержащей продукции [6].

5. Борьба с экономическими преступлениями на таможне

Через таможенную границу Республики Беларусь пытаются провозить товары без уплаты пошлин, занижают их стоимость, используют подставных лиц.

Так, Витебская таможня возбудила уголовное дело против гражданина Республики Беларуси, который действовал по следующей схеме. Весной 2024 года было ввезено 9 дорогих электромобилей (POLESTONE и ZEEKR) общей стоимостью 1,5 миллиона белорусских рублей, которые впоследствии были проданы в Россию. После заявления о том, что автомобили бракованные их вернули обратно и получили уплаченные ранее таможенные платежи в сумме 440 тысяч рублей. Позже ввезли эти же машины, но уже по заниженной цене. Экономия на платежах составила больше 148 тысяч белорусских рублей [9].

6. Контроль за деятельностью организаций в области агропромышленного комплекса

Сельское хозяйство — важнейшая отрасль экономики, обеспечивающая продовольственную безопасность государства. Вместе с тем, злоупотребления не обошли стороной и ее.

Так, в Пуховичском районе начальник производственного участка допустил порчу больше 730 тонн кормов. Ущерб составил почти 50 тысяч белорусских рублей. По результатам проверки на виновное лицо было заведено уголовное дело [6].

Основные проблемы и трудности, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов — это повышение уровня и увеличение способов сокрытия правонарушений в экономической сфере. Преступления тщательно продумываются, применяются сложные схемы с использованием современных компьютерных технологий. Как сказал

начальник ГУБЭП, «экономические преступления имеют высокую степень латентности», что объясняется сложностью их обнаружения. [6].

Проблемой также является многообразие и сложность экономических процессов. Поэтому сотрудники органов внутренних дел постоянно проходят обучение, участвуют в семинарах, работают над выпуском журнала «Вестник ГУБЭП МВД», где раскрываются обновленные схемы преступлений и методы борьбы с ними [6].

Представители министерства внутренних дел должны сотрудничать и взаимодействовать с налоговыми и таможенными органами, Департаментом финансовых расследований комитета государственного контроля и другими структурами. И это сотрудничество приносит плодотворные плоды. [10].

Для того, чтобы борьба была более эффективной сотрудникам подразделений по борьбе с экономическими преступлениями необходимо совершенствовать и обогащать свои знания.

Во-первых, постоянно проводить обучение сотрудников посредством регулярного проведения учебно-методические сборов, семинаров, приглашения специалистов из различных отраслей. Все лучшие результаты исследований анализа совершения преступлений публикуют в ведомственном журнале [6].

Во-вторых, использовать современные компьютерные технологии. Сотрудники активно работают с информационными ресурсами МВД, обмениваются данными с соответствующими организациями, что способствует скорейшему выявлению сомнительных сделок [6].

В-третьих, усилить контроль за теми операциями, где риск возникновения преступлений выше. Например, за неконкурентными закупками, операции по которым, не всегда являются прозрачными. украсть [6].

Таким образом из вышесказанного следует, что органы внутренних дел — это важный и продуктивные орган в системе защиты экономической безопасности Республики Беларусь, обладающий широкими полномочиями, в соответствии с законодательством.

Поэтому, необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, постоянное профессиональное обучение сотрудников, внедрение современных компьютерных технологий. Но уже сейчас очевидно, что органы внутренних дел достойно справляются с поставленными перед ними задачами по защите экономических интересов нашего государства.

Список литературы:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. — Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. — 80 с.

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 19 мая 2022 г. № 171-З [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263 (дата обращения: 18.02.2026).

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З. — Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. — 328 с.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 6 января 2021 г. № 91-З: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г. — Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. — 496 с.

5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 18.02.2026).

6. Муха, Д. В. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в современных условиях: монография / Д. В. Муха, Т. С. Веретинская, А. М. Анищенко [и др.]; под науч. ред. Т. С. Веретинской; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики. — Минск: Беларуская навука, 2024. — 331 с. — (Белорусская экономическая школа). — ISBN 978-985-08-3124-8.

7. Минько, Н. С. Теоретико-методологические основы совершенствования правового обеспечения экономической безопасности / Н. С. Минько, Е. Н. Гладкая, Т. А. Горупа [и др.]; под ред. Н. С. Минько. — Минск: Беларуская навука, 2023. — 262 с. — ISBN 978-985-08-3023-4.

8. Калинкович, В. Ю. Экономическая безопасность государства и направления деятельности органов внутренних дел по ее обеспечению / В. Ю. Калинкович. — // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. — 2021. — № 2 (42). — С. 45 – 51.

9. Богуш, Г. И. Административно-правовые основы деятельности милиции по охране экономических интересов государства / Г. И. Богуш, А. Л. Савенок. — Минск: РИВШ, 2020. — 198 с. — ISBN 978-985-586-456-2.

10. Шиенок, В. П. Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере экономической безопасности / В. П. Шиенок. — // Право.by. — 2022. — № 3. — С. 72 – 78.

© Корников Р. И., 2026

EDN: FVBAAC

Коротова Ирина Михайловна
преподаватель кафедры специальной подготовки
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
Орел, Россия
kiminok@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РФ: ОЦЕНКА МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлен всесторонний анализ действующей системы противодействия коррупции в Российской Федерации, проводится оценка эффективности механизмов их практической реализации. В ходе анализа выявлены ключевые системные проблемы, сдерживающие результативность антикоррупционных мер, сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, государственное управление, конфликт интересов, антикоррупционное законодательство, цифровизация, правопорядок.

Коррупция как социально-правовое явление представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности любого современного государства, и Российская Федерация не является исключением. Она подрывает доверие граждан к институтам власти, деформирует механизмы рыночной конкуренции, снижает инвестиционную привлекательность экономики и приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств. В условиях современных геополитических и экономических вызовов эффективность государственного управления становится критически важным фактором устойчивости государства, что

делает тему борьбы с коррупцией не просто актуальной, а витальной для сохранения суверенитета и обеспечения поступательного развития страны. Несмотря на активное формирование антикоррупционного законодательства на протяжении последних полутора десятилетий, правоприменительная практика свидетельствует о том, что принимаемые меры не всегда достигают поставленных целей, а коррупционные схемы мимикрируют и адаптируются к новым регуляторным условиям. Целью данной работы является анализ текущих пробелов в антикоррупционной стратегии России и выработка предложений по их устранению с использованием системного и институционального подходов.

Основой антикоррупционной политики в России является Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который заложил фундамент для формирования соответствующей нормативной базы. Вслед за ним были приняты Национальные планы противодействия коррупции, утверждаемые Президентом РФ на несколько лет вперед, которые конкретизируют задачи для органов власти всех уровней. Важным шагом стало введение обязанности для государственных и муниципальных служащих декларировать свои доходы, расходы и имущество, а также имущество членов своих семей [1, с. 311].

Одной из центральных проблем современной российской антикоррупционной политики является высокий уровень формализма. Органы государственной власти и местного самоуправления ежегодно отчитываются о тысячах проведенных мероприятий, однако качественный анализ этих отчетов показывает, что многие из них носят декларативный или просветительский характер и не затрагивают глубинных причин коррупционного поведения. Созданные во всех ведомствах комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов зачастую работают неэффективно. Причиной этому служит корпоративная солидарность и отсутствие в составе комиссий подлинно независимых экспертов, способных объективно оценить ситуацию. В результате очевидные случаи конфликта интересов, когда должностное лицо принимает решения в пользу аффилированных структур или родственников, могут оставаться без должной правовой оценки до момента вмешательства надзорных органов, таких как прокуратура [2, с. 180].

Другой значимой проблемой остается сфера государственных закупок. Несмотря на цифровизацию процессов и переход на электронные

торговые площадки, коррупционные механизмы эволюционировали. Вместо прямых «откатов», которые легко отследить, используются более сложные схемы: формирование технического задания под конкретного поставщика, использование картельных сговоров между участниками торгов для поддержания высокой цены, а также дробление крупных лотов на мелкие закупки для ухода от конкурентных процедур. Система контроля в данной сфере часто реагирует постфактум, когда бюджетные средства уже освоены, а работы выполнены с ненадлежащим качеством. Кроме того, существующая система наказаний не всегда обеспечивает принцип неотвратимости ответственности [3, с. 111]. Нередки случаи, когда за серьезные коррупционные преступления назначаются условные сроки или штрафы, которые несоизмеримы с размером нанесенного ущерба, что нивелирует профилактическую функцию уголовного права.

Отдельного внимания заслуживает проблема «бытовой» коррупции, которая, хотя и уступает по объемам «элитарной» коррупции, оказывает разрушительное воздействие на правосознание граждан. Взяточничество в сферах здравоохранения, образования и жилищно-коммунального хозяйства формирует у населения устойчивое представление о том, что любой вопрос можно решить в обход закона. Это создает атмосферу терпимости к коррупции (толерантности), преодолеть которую исключительно репрессивными методами невозможно [4, с. 168]. Социологические опросы показывают, что значительная часть общества, осуждая коррупцию на словах, на практике готова прибегнуть к неформальным платежам для ускорения бюрократических процедур или получения более качественных услуг. Таким образом, коррупция становится частью социального контракта, где неэффективность государственных институтов компенсируется возможностью их «смазывания» [5, с. 63].

Еще одним серьезным пробелом является отсутствие законодательного регулирования лоббистской деятельности. Во многих развитых правопорядках лоббизм является легальным институтом, позволяющим группам интересов цивилизованно продвигать свои инициативы в органах власти. В России же, из-за отсутствия профильного закона, любой контакт бизнеса и власти находится в «серой зоне» [6, с. 12]. Это приводит к тому, что законное представительство интересов часто подменяется теневыми договоренностями, что фактически стимулирует коррупционное поведение. Отсутствие четких правил взаимодействия между государством и бизнесом создает почву для злоупотреблений, когда решения принимаются кулуарно, без необходимого общественного обсуждения и экспертной оценки.

Для преодоления вышеописанных проблем необходим переход от количественных показателей борьбы с коррупцией к качественным изменениям институциональной среды. Первым и важнейшим направлением должно стать углубление цифровизации государственного управления с использованием технологий распределенного реестра (блокчейн) и искусственного интеллекта. Автоматизация процессов принятия решений позволяет исключить человеческий фактор — главное звено любой коррупционной цепи. В частности, внедрение «умных контрактов» в сфере государственных закупок может обеспечить автоматическое исполнение обязательств и проведение платежей только при подтверждении выполнения работ, что исключит возможность манипуляций с актами приемки [7, с. 42]. Кроме того, создание единых цифровых профилей должностных лиц с использованием алгоритмов больших данных позволит в автоматическом режиме выявлять несоответствия между официальными доходами и фактическими расходами, анализируя не только декларации, но и косвенные признаки обогащения.

Вторым направлением должно стать совершенствование законодательства в части контроля за расходами. Существующий механизм изъятия имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы (гражданская конфискация), необходимо применять более широко и решительно. При этом бремя доказывания законности происхождения активов должно полноценно лежать на чиновнике. Важно также расширить круг лиц, подпадающих под мониторинг, включив в него не только супругов и несовершеннолетних детей, но и совершеннолетних родственников, а также третьих лиц, если есть основания полагать, что они являются номинальными владельцами активов должностного лица. Это потребует внесения изменений в гражданское и банковское законодательство, однако без перекрытия каналов легализации преступных доходов борьба с коррупцией останется малоэффективной [8, с. 290].

Борьба с коррупцией в Российской Федерации находится на этапе, когда экстенсивное развитие законодательной базы исчерпало свой потенциал, и требуется качественный скачок в правоприменении и институциональном строительстве. Анализ показал, что основные проблемы лежат не столько в плоскости отсутствия законов, сколько в их формальном исполнении, наличии латентных правовых, экономических и социальных механизмов, позволяющих обходить установленные запреты. Решение задачи минимизации коррупции требует отказа от кампанейщины в пользу планомерной, системной работы по устранению причин и условий, порождающих это явление.

Список литературы:

1. Лунич, Б. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России / Б. А. Лунич // Вестник науки. — 2025. — Т. 4, № 9(90). — С. 311 – 325.

2. Махарадзе, Н. С. Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией: опыт и перспективы / Н. С. Махарадзе, А. В. Сидельникова //Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. — С. 178 – 181.

3. Мазурин, С. Ф. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в современной России / С. Ф. Мазурин, К. А. Стоноженко // Санкт-Петербург: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, 2025. — С. 109 – 116.

4. Полякова, А. В. Реализация принципа состязательности сторон в деятельности следователя и защитника в досудебном производстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Полякова Анна Викторовна, 2024. — 244 с.

5. Ахияруллин, И. Р. Правовые и организационные формы борьбы с коррупцией в системе государственной службы / И. Р. Ахияруллин // Интернаука. — 2025. — № 19-5(383). — С. 63 – 65.

6. Дробышевский, С. А. О коррупции и борьбе с ней / С. А. Дробышевский, Т. В. Протопопова // Юридическое образование и наука. — 2025. — № 10. — С. 10 – 16.

7. Колесникова, Е. А. Электронное правительство как способ борьбы с коррупцией / Е. А. Колесникова // Самара: Самарский государственный экономический университет, 2025. — С. 41 – 44.

8. Анисимова, А. М. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России / А. М. Анисимова, Я. А. Невенченый // Юридическая наука. — 2025. — № 1. — С. 286 – 293.

© Коротова И. М., 2026

EDN: FWVTIP

Котляров Иван Дмитриевич
доцент Высшей школы сервиса и торговли
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
ivan.kotliarov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РЕСУРСОВ ПРОТИВНИКА В ИНТЕРЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье описаны факторы, обуславливающие привлечение ресурсов противника в интересах национальной военной организации государства. Показаны направления трансформации моделей привлечения ресурсов противника в условиях глобализации, перехода к цифровому технологическому укладу и гибридного характера военного противостояния.
Ключевые слова: материально-техническое обеспечение, ресурсы противника, военная организация государства.

Полученные от противника ресурсы могут быть важным инструментом повышения качества материально-технического обеспечения (МТО) военной организации государства (ВОГ) [1]. Особенно наглядно это проявляется в ситуации наличия у противника технологий, обеспечивающих ему значимое военное преимущество [2]. По этой причине большой интерес представляет теоретический анализ существующих подходов к получению доступа к ресурсам противника и их дальнейшего использования в интересах собственных вооруженных сил.

Цель данного исследования заключается в систематизации факторов, обуславливающих использование ресурсов противника в интересах

национальной ВОГ (и национального военно-экономического потенциала в целом). Ресурсы понимаются нами в широком смысле слова (мы относим к ним не только материальные средства, но и услуги, технологии и т.д.). Под противником мы понимаем как другую сторону вооруженного конфликта, так и государства, не ведущие боевых действий, но являющиеся участниками гибридного противостояния.

По нашему мнению, использование ресурсов противника связано с тремя ключевыми группами факторов:

— заинтересованность военного потребителя (т.е. национальной ВОГ и ее элементов) в получении доступа к ресурсам противника;

— наличие возможности получения такого доступа;

— заинтересованность противника в предоставлении ресурсов. Данная группа факторов не всегда имеет место на практике, однако ее существование может значительно облегчить доступ военного потребителя к необходимым ему ресурсам.

Состав этих групп факторов представлен в табл. 1.

Таблица 1. Ключевые факторы, обуславливающие привлечение ресурсов противника в интересах национальной военной организации государства

Группы факторов	Факторы	Примеры
Заинтересованность военного потребителя в доступе к ресурсам противника	Необходимость расширения собственной ресурсной базы для ведения вооруженного конфликта	Ввод в строй трофейной техники
	Сохранение исторически сложившейся взаимосвязи экономик после начала конфликта	Продолжение закупок Европой российской нефти (через посредников) несмотря на санкционное давление против Российской Федерации после 2022 г.
	Монопольный контроль противника над ключевыми ресурсами и технологиями	- Закупка США у России ракетных двигателей РД-180 после 2014 г.; - Использование Россией доступа к системе спутниковой связи Starlink для обеспечения взаимодействия подразделений в зоне СВО и нанесения ударов по украинским военным объектам
	Необходимость экономического обеспечения военных мероприятий на территории противника	Привлечение Украиной российских транспортных операторов для доставки беспилотных летательных аппаратов к месту нанесения ударов по аэродромам базирования российской стратегической авиации в ходе операции «Паутина»

Группы факторов	Факторы	Примеры
Возможности получения доступа к ресурсам противника	Высокий уровень информационной, транспортной и финансовой связности мировой экономики	Возможность совершения денежных переводов в пользу противника (в т.ч. при помощи криптовалют)
	Гибридный характер современных вооруженных конфликтов, позволяющий вести экономическую деятельность на территории противника	Привлечение Украиной российских транспортных операторов в ходе операции «Паутина»
	Наличие контакта с противником в зоне боевых действий	Захват трофеев
Готовность противника предоставлять свои ресурсы	Стремление представителей противника получить выгоду от продажи ресурсов	- Поставки ресурсов предприятиями противника (как правило, через посредников); - Кража и продажа противнику военной техники (угон Максимом Кузьминым вертолета Ми-8 на Украину в августе 2023 г.)
	Желание представителей противника оказать поддержку другой стороне конфликта из-за согласия с ее целями и ценностями	Пожертвования граждан и бизнеса противнику в пользу вооруженных сил противоположной стороны

Анализ табл. 1 позволяет говорить о том, что в современных условиях использование ресурсов противника обладает значительной спецификой:

1. Наряду с традиционным разовым захватом ресурсов (в виде трофеев) распространение получила систематическая торговля между противоборствующими сторонами (чаще всего ведущаяся через посредников) [3, 4];

2. Противник может не только предоставлять материальные средства, но и на длительной основе оказывать услуги (при всей условности этого термина в данной ситуации) противоположной стороне конфликта. Наглядным примером может быть использование американской системы спутниковой связи Starlink в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации;

3. Военный потребитель может получать ресурсы от противника не только путем их силового захвата (как это было характерно для трофеев), но и при помощи их приобретения на коммерческой основе (здесь также можно упомянуть доступ к системе Starlink);

4. В отдельных ситуациях доступ к ресурсам противника не просто становится способом увеличить ресурсные возможности национальной ВОГ, но может иметь ключевое значение для ее боеспособности.

Как следствие, мы можем говорить как о возможности более тесных отношениях с противником (что позволяет расширять состав ресурсов, привлекаемых в интересах национальной ВОГ, и моделей их привлечения),

так и о росте зависимости от ресурсов противника, что создает риски для устойчивости МТО национальной ВОГ и требует разработки инструментов минимизации рисков, связанных с использованием этих ресурсов.

Наш обзор позволяет сформулировать следующие выводы:

— в условиях глобализации, цифрового технологического уклада и перехода к гибридным войнам происходит расширение возможностей использования ресурсов противника и рост их значимости для национальной военной организации и национального военно-экономического потенциала;

— органам военного управления необходимо принимать меры по получению доступа к ключевым ресурсам противника и по обеспечению устойчивости этого доступа;

— в ряде случаев представители противника могут быть заинтересованы в предоставлении своих ресурсов другой стороны конфликта. Органам военного управления необходимо выявлять таких представителей противника, а также принимать меры по увеличению их количества.

Список литературы:

1. Буренок, В. М. Военные трофеи — в бой! / В. М. Буренок // Защита и безопасность. — 2023. — № 1(104). — С. 30 – 31. — EDN QSEIQX.

2. Волова А. «Это очень серьезно подняло наш уровень». Военкор раскрыл, как российские бойцы используют Starlink в зоне СВО [Электронный ресурс] // URL: https://lenta.ru/news/2024/11/12/eto-ochen-seriezno-podnyalo-nash-uroven-voenkor-raskryl-kak-rossiyskie-boytsy-ispolzuyut-starlink-v-zone-svo/ (дата обращения: 21.02.2026).

3. Курбанов, А. Х. Особенности функционирования международных оборонно-промышленных цепочек поставок / А. Х. Курбанов, И. А. Шахян // Экономический вектор. — 2021. — № 1(24). — С. 35 – 41. — DOI 10.36807/2411-7269-2021-1-24-35-41. — EDN SKLUVN.

4. Назарова, Э. А. Параллельный импорт как стратегический инструмент в преодолении санкционного давления и обеспечение экономической стабильности Российской Федерации / Э. А. Назарова, О. И. Николаева, Ж. А. Никифорова // Труды XVI Евразийского научного форума: Сборник статей, Санкт-Петербург, 12 – 13 декабря 2024 года. — Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2025. — С. 237 – 252. — EDN MXYXUG.

© Котляров И. Д., 2026

EDN: GJUZYP

Кузин Николай Николаевич
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат технических наук, доцент
nn.kuzin@mail.ru

Шубников Юрий Борисович
заведующий кафедрой гражданского права
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
доктор юридических наук, профессор
shubnikovub@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся проблем договора поставки, которые предусматривает гражданское законодательство и выражает их решение в виде норм и правил, сосредоточенных в кодифицированных документах для регулирования экономических отношений. Авторами акцентировано внимание на спорах о возможности содержания в договоре иных прав поставщика, например по доставке товара. Отмечено, что одним из важных моментов гражданско-правового регулирования договора поставки является решение вопроса о его форме с соблюдением к ней всех требований. Сделаны соответствующие выводы и высказаны ограничения о том, что право на отказ от договора может быть предоставлено только той стороне, которая не ведёт (не осуществляет) предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование; гражданское законодательство; споры; требования; исковое заявление; действия договора для обязательства; гарантийные обязательства сторон.

На современном торговом рынке ключевое значение имеет договор поставки товаров, который выделяют, как отдельную разновидность договора купли-продажи. Однако, стоит отметить, что поставка товаров имеет свою специфику и важные особенности, отличающие данный вид договоров от купли-продажи [1]. Договор поставки определяет такие ключевые аспекты, как сроки и условия поставки, качество и количество товара, цену, а также порядок расчетов между сторонами [2]. Он также может содержать положения о гарантиях, штрафах за нарушение условий и ответственности сторон. В части, касающейся прав и обязанностей, их дополнительное деление на основные не предусматривает деления на второстепенные в связи с чётко выстроенной позицией законодателя в отношении свободы договора. Однако, обязательными условиями о передаче товара покупателю можно считать условия с возможностью передачи товара третьему лицу, именуемому получателем. Причём сам процесс передачи должен осуществляться по критериям качества в порядке поставки, то есть надлежащим образом и с учётом всех требований договора поставки. Данные обязанности поставщика, выраженные, в том числе и в обязательствах, должны соответствовать их правильному восприятию другой стороной, которая формирует свои основные обязанности соответствующие оплате за товар в порядке, установленном договором и качественной приёмке по инструкции (П-6, П-7) или без таковой, но закреплённой в существенных условиях договора.

Учитывая наличие у поставщика права требования оплаты и принятия товара покупателем, в случае передачи его надлежащим образом мы не видим прямых указаний из тех положений ГК РФ, в которых бы эти права были регламентированы и названы, однако корреспондирующие обязанности покупателю подтверждают исполнение уплаты за полученный товар и его приёмку.

Споры о возможности содержания в договоре иных прав поставщика, например по доставке товара, являются уместными, но даже если они там не содержатся, а содержатся в правовом акте, то вид транспорта, например, выбирает сам поставщик, а не покупатель, хотя иное может вытекать из обычаев делового оборота. Так, если в этих контрактах указано, что груз должен быть поставлен до конкретного срока, это означает, что его нужно только передать в распоряжение покупателя в пункте отправления, а не доставлять, как часто считается, к пункту назначения, в согласованное время. После этого покупатель несет риск случайной гибели или повреждения товара на всем пути транспортировки со всеми

вышеуказанными последствиями. Путаница в этих двух понятиях — «поставка» и «доставка» — одна из самых распространенных ошибок в международной коммерческой практике, которая переходит, в частности, и в договоры с провайдерами логистических услуг [3].

Судебная практика подтверждает предоставление права поставщику о привлечении покупателя к ответственности по закону или такая ответственность предусматривается договором, со взысканиями неустоек и отказе от исполнения договора. В данном контексте невыборка товаров по определению через уведомление об их готовности ведёт к применению права поставщика отказаться от исполнения такого договора.

Требования же покупателя, относящиеся к его основным правам, также являются корреспондирующими и имеют одну главную позицию — это требование надлежащей передачи товара. Хотя и иные требования, которые являются актуальными, для каждого частного случая поставки также могут содержаться в договоре или в законе. Всё, что связано с указаниями поставщику по отгрузке товаров получателям, применении техники, грузоподъёмных машин и механизмов по отгрузочным разнарядкам так же имеет место для отражения в договоре поставки [4]. И как следствие, просрочка товара — признак неустойки, которую покупатель вправе взыскать с поставщика. Неприменимость сроков по исправлению качества товара в период поставки также относится к прерогативе покупателя, который вправе отказаться в одностороннем порядке от исполнения договора.

Особое место занимают случаи, когда подпись ответственного лица на накладной сфальсифицирована, но товар передан в полном объёме и в надлежащем качестве, и в срок, то есть все условия договора поставки выполнены. На этот случай существует две позиции судов, первая из которых гласит о непризнании такой накладной доказательством передачи товара [5], а вторая признаёт её доказательством передачи товара, если печать покупателя настоящая, а подписи сфальсифицированы [6].

Как уже известно, все гражданско-правовые договоры заключаются в общем порядке, и в этом смысле договор поставки не является исключением, но требует согласованности существенных условий, предусмотренных специальными (требуемыми) формами для того, чтобы он считался заключённым на полных основаниях и пропагация которого может иметь рамочный смысл в системе договоров для долгосрочного сотрудничества. Рамочность договора поставки предполагает наличие

особенностей, которые необходимо урегулировать при переговорах, предшествующих заключению договора. Отказ стороны от переговоров для снятия разногласий или составления протокола разногласий даёт основание для уведомления другой стороны об отказе заключения такого договора. Тридцатидневный срок со дня получения предложения о переговорах по согласованию используются сторонами для решения вопроса о реальном заключении договора поставки. Однако, нужно иметь в виду, что если в этот срок сторона не уведомляется о согласовании, то убытки подлежат возмещению в виду уклонения от согласования разногласий.

Одним из важных моментов гражданско-правового регулирования договора поставки является решение вопроса о его форме с соблюдением к ней всех требований. Данная форма простая письменная, но в некоторых случаях требующая нотариального удостоверения, что вполне соответствует нормам гражданского права [7]. Выходом из данной ситуации, для сторон, является составление договора поставки как единого документа с двусторонним подписанием, например счёт-договор, который не требует выставления счета, ибо платёжные банковские реквизиты необходимые для платежа и исполнения сделки в нём имеются.

Данный договор может быть признан незаключённым без согласования предмета договора поставки. По нашему мнению, срок поставки и цена так же должны относиться к существенным условиям в виду того, что основная масса судебных споров производится по цене товара и времени поставки (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Однако, такой подход регулятором не поддерживается, равно как и не поддерживается обязательность выделения в отдельный раздел договора прав и обязанностей сторон, что означает невозможность описания этих условий в тех тематических разделах договора поставки, которые будут уместными для подробных изложений действий сторон по реализации своих прав и обязанностей с дополнительными условиями (§ 1 и 3 гл. 30 ГК РФ).

За двухсотлетнюю историю договора поставки его разделы пересматривались множество раз, но в гражданско-правовом регулировании они получили элементарность по роду и виду и представляются как различные предметные основы. Этими предметными основами являются: предмет договора, качество товара и сроки поставки, тара и упаковка, порядок поставки, условия о товаре и порядок приёмки, момент перехода права собственности и срок действия договора, расторжение и изменение договора.

Выбор составления договора купли-продажи или договора поставки зависит от рода товара и от того, в чём он поставляется и в какие сроки конкретно. Многооборотная тара — это, скорее всего, предвестник договора поставки, а отдельные партии товара, реализующиеся быстро во времени, это всё-таки свойства близкие договору купли-продажи. Если говорить о заключении договора поставки в многооборотной таре, то его структура будет определяться видением сторон и тем как стороны определяют условия, которые необходимо включать в этом случае, по той форме, которую они предполагают сами. Отражение характеристик упаковки и возвратной тары, так же предполагают действия стороны по её возврату и срокам возврата в порядке свойственном для многооборотной тары поставщику.

О предмете поставки выражено много мнений [8], однако типичные расхождения, как по точности, так и по качеству поставки нами уже были рассмотрены через призму государственных нужд и предпринимательства как те существенные условия, которые требуется согласовывать сторонами с учётом структуры рисков рентабельности и фондоотдачи для поставщика и покупателя, во избежание признания договора незаключённым.

Аналогичность предмета договора поставки предмету договора купли-продажи содержит пользовательский принцип. В данном случае речь идёт о согласованном договоре, причём согласованном не только по основным (существенным условиям), но и по цене, которая к существенным условиям не относится, однако порождает множество споров, а это значит, что определение наименования и количества товара означает полное согласование договора (договор считается согласованным) [9].

В большинстве учебных работ по договору поставки [10] достаточно подробно рассматриваются, действия или порядок по передаче товара, который, по смыслу гражданского законодательства, сводится к выбору сторонами способов поставки, его маршрутов и транспорта, отгрузке получателю или передаче покупателю. Приведенные нормы указывают только на два способа поставки, в зависимости от предпочитаемого транспорта, на условиях, кто будет исполнять эту функцию. Если доставка, то поставщик, если самовывоз (выборка), то покупатель, что может привести к сепарации цены на определенном этапе исполнения договора, когда ценовые позиции по доставке значились за поставщиком, но по каким-то причинам покупателю самому пришлось вывозить свой товар из места нахождения поставщика.

Сделаем краткие выводы. По нашему мнению, способы поставки в значительной степени оказывают влияние на момент исполнения обязанностей поставщиком по передаче товара покупателю. Способы поставки также являются показателями перехода рисков по утрате (непредвиденной гибели) товаров в процессе транспортировки или их повреждению в опасных условиях перемещения, перегрузки и т.д. В обратном случае, когда порядок не предусмотрен договором поставки, передача товара осуществляется по замыслу поставщика, который должен сам выбрать транспорт и маршрут, и доставить товар покупателю, в том числе силами специально нанятой транспортной компании.

Список литературы:

1. Аванесян Б. В. Договор поставки / Б. В. Аванесян, Д. В. Степанов // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-8. С. 12 – 15.

2. Амосов А. А. Общая характеристика видов договоров, заключаемых в торговом обороте / А. А. Амосов, Т. Ю. Наумова, А. Н. Кононов // Russian Studies in Law and Politics. 2023. Т. 7, № 3. С. 48 – 71.

3. Белов В. А. Понятие и виды торговых договоров. Курс лекций: учебное пособие для вузов / В. А. Белов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 502 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-00970-5. [Электронный ресурс] // URL: https://urait.ru/bcode/537669 (дата обращения: 07.03.2026).

4. Блинкова Е. В. Договор поставки товаров для государственных нужд / Е. В. Блинкова, Б. Е. Кошелюк. Москва: Проспект, 2017. 136 с. [Электронный ресурс] // URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=468668 (дата обращения: 07.03.2026). ISBN 978-5-392-21884-4.

5. Верховец Е. С. Особенности договора поставки и его правовое регулирование в России / Е. С. Верховец // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 9(78). С. 112 – 128.

6. Договоры коммерческого права. Договор продажи товаров: учебное пособие для вузов / В. А. Белов [и др.]; ответственный редактор В. А. Белов. [Электронный ресурс] // URL: https://urait.ru/bcode/543719 (дата обращения: 07.03.2026).

7. Манкиева А. В. Гражданско-правовой договор: основания для расторжения или внесения изменений / А. В. Манкиева // Вестник экспертного совета. 2022. № 2(29). С. 97 – 105.

8. Поваров Ю. С. Соглашение сторон как основание (способ) изменения или расторжения договора / Ю. С. Поваров // Ученые записки

Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, № 2. С. 527 – 536.

9. Полянова Т. Н. Некоторые логистические аспекты термина «поставка» в международной коммерческой практике / Т. Н. Полянова // Страховое дело. 2022. № 1(346). С. 34 – 42.

10. Управление государственной и муниципальной закупочной деятельностью: учебник для вузов/ Г. М. Кадырова, С. Г. Еремин, А. И. Галкин; под редакцией С. Е. Прокофьева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 392с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-15790-1 [Электронный ресурс] // URL: https://urait.ru/bcode/541906 (дата обращения: 07.03.2026).

© Кузин Н. Н., Шубников Ю. Б., 2026

EDN: FRJTCS

Кузнецова Елена Ивановна
профессор кафедры экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
доктор экономических наук, профессор
elenkuz90@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОВ МОНИТОРИНГА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье представлена необходимость изменения подхода к мониторингу экономической безопасности в условиях цифровизации как непрерывному циклу, а также идея многоуровневой системы показателей, где традиционные индикаторы дополняются цифровыми. Предлагается целесообразность мониторинга как интеграции двух уровней: мониторинга НТП и мониторинга условий цифровизации.
Ключевые слова: экономическая безопасность, мониторинг, индикаторы, пороговые значения, цифровизация.

Структура факторов обеспечения экономической безопасности в условиях цифровизации значительно изменяется. Наряду с традиционными угрозами (темпы роста ВВП, инфляция, занятость) усиливаются цифровые и технологические: зависимость от критических ИКТ-цепочек, киберриски, дефицит кадров цифровой экономики, асимметрия доступа к данным и вычислениям. Роль самих процессов цифровизации, как системообразующих факторов долгосрочной устойчивости, также возрастает. Цифровизация, как критически важный процесс, определяющий будущее экономического развития страны, требует системного подхода, направленного на предупреждение возникающих в этой связи угроз.

В этих условиях ключевым обеспечивающим инструментом становится мониторинг экономической безопасности как непрерывный процесс раннего предупреждения и поддержки принятия решений, включающий наблюдение за индикаторами условий цифровизации и параметров научно-технического прогресса (НТП) с целью достижения долгосрочной конкурентоспособности и устойчивости [1, С. 190].

В работах авторов по данному направлению сформирован научный задел, включающий: концептуализацию мониторинга экономической безопасности как непрерывного цикла: сбор данных, расчет индикаторов, оценку рисков, контроль эффекта развития многоуровневой системы показателей, дополняющей традиционные метрики цифровыми индикаторами (зрелость данных, устойчивость ИТ-ландшафта, зависимость от внешних цифровых сервисов, уровень киберустойчивости, качество цифровых процессов).

Так, например, в научных работах С. Н. Митякова и Е. С. Митякова определена системная оценка состояния экономической безопасности через набор ключевых показателей, (пороговых значений (индикативные границы)), сопоставимость во времени и последующая их ориентация на принятие управленческих решений с учетом современных цифровых инструментов анализа данных и интеллектуальной аналитикой, что «представляет взаимосвязь между проекциями мониторинга, рисками экономической безопасности и целями государственной политики в этой области» [2, С. 198].

Представляется, что система мониторинга в условиях цифровизации должна не только фиксировать угрозы, но и отражать позитивные эффекты как элементы укрепления устойчивости, к которым можно отнести: развитие отдельных направлений НТП и технологических компетенций, позволяющее поддерживать технологическую независимость; развитие условий цифровизации (макроуровень); процессы поддержания киберустойчивости.

В этой связи мониторинг обеспечения экономической безопасности России на современном этапе целесообразно строить как интеграцию двух взаимосвязанных уровней: мониторинга НТП (как основы технологической устойчивости) и мониторинга условий цифровизации (как среды, в которой цифровая трансформация дает эффект и не порождает неприемлемых рисков).

Развитие методов мониторинга должно включать отечественную научную традицию экономической безопасности на основе выбранных индикаторов (пороговые значения, риск-ориентированное управление

и системная оценка устойчивости социально-экономических систем), а также современные направления цифровой экономики, управления рисками и data-driven управления, включая «включая инвестиционную активность, технологическую независимость, кибербезопасность и доступность широкополосного интернета» [3, С. 102].

Блок НТП, как фундамент экономической безопасности (достижения и потенциал) должен включать индикаторы, отражающие способность генерировать и внедрять технологии, к ним можно отнести следующие:

1) доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП;

2) структура затрат на ИР: фундаментальные, прикладные;

3) численность исследователей и инженеров на 10 000 занятых, кадровая динамика;

4) результативность: патенты (в том числе в приоритетных технологических областях), публикационная активность, технологические лицензии;

5) доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в ВВП и экспорте;

6) производительность труда и технологическая модернизация отраслей (как итоговый эффект НТП);

7) обновление основных фондов в технологически критичных секторах;

8) доля отечественных технологий в критических производственных контурах (как индикатор технологической независимости).

Блок индикаторов условий цифровизации — индикаторы, описывающие «среду», в которой цифровизация возможна и безопасна:

1) проникновение широкополосного интернета, качество связи и доступность по территории;

2) доля домохозяйств и организаций с устойчивым доступом к интернету;

3) мощности дата-центров, доступность облачной инфраструктуры, энергообеспеченность цифровой инфраструктуры.

Важным представляется наблюдение за кибератаками через частоту и масштаб киберинцидентов на национальном уровне (госуслуги, финсектор), уровень защищенности персональных и промышленных данных (косвенно через инцидентность, зрелость регулирования, выполнение стандартов), уровень доверия к цифровым сервисам (опросные индикаторы) [4, С. 105].

Следует учитывать необходимость перехода от периодического отчетного мониторинга к гибридному режиму near real-time для части показателей, где скорость реакции определяет масштаб ущерба.

Мониторинг экономической безопасности в условиях цифровизации должен быть непрерывным, многоуровневым и ориентированным на раннее предупреждение, объединяя традиционные индикаторы устойчивости с цифровыми показателями и интеллектуальной аналитикой.

Исследование показывает, что такой подход способен выявлять «узкие места» цифровизации, обеспечить сигнализацию цифровых угроз экономической безопасности, на этой основе обеспечить обоснование приоритетов научно-технологической политики и мер поддержки отечественных цифровых решений для повышения управляемости цифровой и технологической направленности.

Список литературы:

1. Балашов А. А. Теоретические подходы к сущности мониторинга экономической безопасности в условиях цифровизации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 3-1. С. 187 – 195.

2. Митяков С. Н. Система индикаторов для оценки влияния сферы информационных технологий на экономическую безопасность России / С. Н. Митяков, Е. С. Митяков, П. А. Харитонов // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8, № 1. С. 195 – 212.

3. Овешникова Л. В. Исследование показателей экономической безопасности в условиях цифровизации экономики Российской Федерации / Л. В. Овешникова, Е. В. Сибирская // Регион: системы, экономика, управление. 2025. № 3(70). С. 102 – 112.

4. Стоянов И. В. Экономическая безопасность государства в условиях цифровизации // Наукосфера. 2025. № 5-1. С. 362 – 369.

© Кузнецова Е. И. 2026

EDN: CZEWRV

Кукина Татьяна Евгеньевна
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградская академия МВД России
Волгоград, Россия,
кандидат юридических наук, доцент
tkukina2012@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ И УСТОЙЧИВОСТЬ В ЭПОХУ САНКЦИЙ

Аннотация. Исследование посвящено комплексному анализу изменений в системе национальной безопасности под воздействием экономических санкций. Рассматриваются теоретические, правовые и институциональные основы безопасности, а также механизмы санкционного давления и их последствия для макроэкономики, финансов, промышленности, технологического суверенитета, социальной сферы и государственного управления. Особое внимание уделяется вопросам формирования экономического суверенитета, адаптации институтов, диверсификации внешнеэкономических связей и модернизации отечественного производства. Результаты исследования показывают, что санкции, несмотря на риски, могут стимулировать структурные преобразования, способствующие укреплению долгосрочной устойчивости государства при условии эффективной государственной политики.
Ключевые слова: национальная безопасность, экономические санкции, экономический суверенитет, стратегическое планирование, финансовая устойчивость, институциональная трансформация, импортозамещение, государственное регулирование, социальная стабильность.

В последние десятилетия система международных отношений переживает период глубоких трансформаций. Процессы глобализации,

ускоренного технологического развития и изменения структуры мировой экономики привели к формированию новых механизмов взаимодействия государств. В этих условиях существенно изменяются и способы реализации национальных интересов на международной арене. Если в течение большей части XX века основным инструментом обеспечения национальной безопасности выступала военная мощь государства, то в XXI веке всё более значимую роль начинают играть экономические механизмы воздействия. Экономические ресурсы, технологические возможности и финансовая инфраструктура постепенно становятся важнейшими элементами стратегического влияния государств. В этой связи в современной международной практике всё более широко используются экономические санкции. Они представляют собой систему ограничительных мер, направленных на изменение экономического и политического поведения государства-адресата. Как отмечает С. Ю. Глазьев, санкционная политика в условиях современной мировой экономики превращается в инструмент геоэкономического давления, позволяющий воздействовать на развитие национальных экономик без применения военной силы [2, с. 18]. Расширение практики применения санкций приводит к существенным изменениям в понимании национальной безопасности. Традиционные представления о безопасности, основанные преимущественно на военной составляющей, постепенно уступают место более комплексному подходу, учитывающему экономические, технологические и социальные аспекты развития государства. По мнению Л. И. Абалкина, национальная безопасность представляет собой многоуровневую систему, в которой экономическая составляющая играет фундаментальную роль, поскольку именно экономика формирует материальную основу существования государства и общества [1, с. 47].

Проблематика национальной безопасности на протяжении длительного времени занимает важное место в научных исследованиях. Однако содержание данного понятия существенно изменялось в зависимости от исторического этапа развития международных отношений. В классической политической теории безопасность государства рассматривалась прежде всего как способность противостоять внешней военной угрозе. Основное внимание уделялось вопросам обороноспособности, военного потенциала и стратегического баланса сил между государствами. Ситуация начала постепенно меняться во второй половине XX века, когда в научной литературе стали активно обсуждаться вопросы экономической устойчивости государств. Экономические кризисы,

энергетические шоки и структурные изменения мировой экономики показали, что устойчивость государства во многом зависит от состояния его экономической системы. В этой связи в научный оборот постепенно вошло понятие экономической безопасности государства. По мнению В. К. Сенчагова, экономическая безопасность представляет собой состояние экономики, при котором обеспечивается защита национальных экономических интересов и создаются условия для устойчивого социально-экономического развития страны [9, с. 83].

Современная концепция национальной безопасности включает широкий круг взаимосвязанных элементов. Среди них можно выделить следующие направления: экономическую безопасность, финансовую безопасность, энергетическую безопасность, продовольственную безопасность, технологическую безопасность, информационную безопасность, социальную безопасность. Каждый из указанных элементов является частью единой системы. Нарушение устойчивости в одной сфере может привести к дестабилизации всей системы национальной безопасности. Как отмечает Г. Б. Клейнер, современная экономика представляет собой сложную институциональную систему, устойчивость которой определяется взаимодействием различных экономических и социальных институтов [5, с. 25]. В современной научной литературе экономическая безопасность рассматривается как ключевой элемент национальной безопасности. Это объясняется тем, что именно экономика формирует ресурсную базу функционирования государства. Экономическая система обеспечивает: производство материальных благ, функционирование социальной инфраструктуры, развитие науки и технологий, поддержание оборонного потенциала государства. По мнению А. Л. Кудрина, устойчивость национальной экономики является важнейшим условием долгосрочного развития государства и обеспечения его конкурентоспособности на мировой арене [6, с. 42]. Экономическая безопасность предполагает способность государства обеспечивать устойчивый экономический рост, стабильность финансовой системы и высокий уровень благосостояния населения даже в условиях внешних ограничений. Следует отметить, что современная экономика характеризуется высокой степенью взаимозависимости. Глобальные производственные цепочки, международные финансовые рынки и транснациональные корпорации формируют сложную систему экономических связей. С одной стороны, подобная взаимосвязанность способствует ускорению экономического развития. С другой стороны, она делает национальные экономики более уязвимыми

к внешним экономическим шокам. Как отмечает В. Мау, современная мировая экономика представляет собой систему, в которой внешние экономические факторы способны оказывать значительное влияние на внутренние процессы развития государства [7, с. 16]. В этой связи особое значение приобретает развитие внутренних источников экономического роста. К числу таких источников можно отнести: развитие промышленного производства, стимулирование инновационной деятельности, повышение эффективности государственного управления, развитие национальной финансовой инфраструктуры. По мнению В. М. Полтеровича, институциональное развитие играет ключевую роль в обеспечении устойчивости экономической системы государства [8, с. 32].

Методологическую основу настоящего исследования составляют методы системного анализа, сравнительно-правового анализа и институционального подхода. Использование системного подхода позволяет рассматривать национальную безопасность как сложную многоуровневую систему, включающую экономические, социальные и институциональные элементы. Сравнительно-правовой анализ позволяет исследовать особенности формирования механизмов экономической безопасности в различных государствах. Институциональный подход позволяет рассматривать экономическую безопасность через призму функционирования государственных институтов и экономических механизмов регулирования.

В условиях трансформации мировой экономической системы всё более заметную роль начинают играть экономические механизмы воздействия между государствами. Если ранее международное противостояние преимущественно носило военный характер, то в XXI веке основным инструментом политического давления всё чаще становятся экономические ограничения. Экономические санкции представляют собой совокупность мер ограничительного характера, применяемых государствами или международными организациями в отношении других стран с целью изменения их политического или экономического поведения. Данные меры могут включать ограничения на торговлю, инвестиции, финансовые операции, технологическое сотрудничество, а также запрет на взаимодействие с отдельными компаниями или физическими лицами. Как отмечает российский экономист С. Ю. Глазьев, санкции в современной мировой экономике выступают не только средством политического давления, но и инструментом геоэкономической конкуренции, направленной на перераспределение рынков и ресурсов

в глобальной экономической системе. Следует отметить, что применение санкций имеет длительную историю. Современная практика применения санкций характеризуется значительным разнообразием ограничительных мер. В научной литературе выделяют несколько основных видов экономических санкций. Прежде всего, можно выделить торговые санкции. Они предполагают введение ограничений на экспорт и импорт определённых товаров и услуг. Такие меры могут быть направлены как на отдельные отрасли экономики, так и на экономику государства в целом. Вторым распространённым видом санкций являются финансовые ограничения. Они могут включать запрет на проведение банковских операций, ограничение доступа к международным финансовым рынкам, блокировку активов государственных или частных компаний. По мнению В. Ю. Катасонова, финансовые санкции являются одним из наиболее эффективных инструментов экономического давления, поскольку современная мировая экономика в значительной степени зависит от функционирования международной финансовой системы [4, с. 52].

Особое место в структуре санкционных механизмов занимают технологические ограничения. Они предусматривают запрет на поставку высокотехнологичной продукции, оборудования и программного обеспечения. Подобные меры способны существенно замедлить развитие промышленного и научно-технического потенциала государства. В последние годы широкое распространение получили персональные санкции, направленные против отдельных политических деятелей, предпринимателей или компаний.

Таким образом, формирование экономического суверенитета государства становится основным моментом формирования национальной безопасности и устойчивого развития в условиях современной экономики России.

Список литературы:

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России. — М.: Экономика, 2007.

2. Глазьев С. Ю. Экономика будущего. — М.: Книжный мир, 2016.

3. Делягин М. Г. Мировой кризис и перспективы развития. — М.: Инфра-М, 2019.

4. Катасонов В. Ю. Санкции и экономический суверенитет. — М.: Алгоритм, 2020.

5. Клейнер Г. Б. Институциональная экономика. — М.: ИНФРА-М, 2013.

6. Кудрин А. Л. Экономическая политика государства в условиях глобальных вызовов. — М.: Финансы и статистика, 2018.

7. Мау В. А. Экономическая политика России: институциональные факторы развития. — М.: Дело, 2017.

8. Полтерович В. М. Институциональные реформы и экономическое развитие. — М.: Экономика, 2018.

9. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: теория и практика. — М.: Дело, 2012.

© Кукина Т. Е. 2026

EDN: DMRAEB

Курбанов Артур Хусаинович
профессор кафедры
Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
kurbanov-83@yandex.ru

Серов Павел Анатольевич
преподаватель
Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева
Санкт-Петербург, Россия
kurbanov-83@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОГРАММЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье показана необходимость создания условий для получения предприятиями оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации устойчивого дохода от выпуска ими импортозамещенной продукции. Для решения этой задачи предлагается создать межгосударственную экосистему военно-технического сотрудничества.
Ключевые слова: экономическая безопасность, оборонно-промышленный комплекс, импортозамещение, оборонная экосистема, экосистема военно-технического сотрудничества.

Одной из ключевых проблем реализации стратегии импортозамещения в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) Российской

Федерации является противоречие между необходимостью контроля над ключевыми технологиями и производственными мощностями, используемыми для выпуска вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), и сравнительно малым объемом внутреннего спроса на соответствующую продукцию (что препятствует получению эффекта экономии на масштабе производства) [3, 10, 13, 20, 22]. Это противоречие, в свою очередь, становится причиной сложности согласования критериев военной и экономической эффективности в ОПК, поскольку военная техника, выпущенная на контролируемых производственных мощностях и на основе национальных технологий, будет существенно дороже аналогичной продукции, произведенной с использованием иностранных комплектующих (даже с учетом сложности их получения в условиях санкционных ограничений [19]), т.е. опирающейся на преимущества международного разделения труда и массового производства [11]. Это ограничивает возможности военного заказчика (Вооруженных Сил Российской Федерации) по закупке импортозамещенной оборонной продукции и ухудшает перспективы окупаемости инвестиций [1]. Из-за этого потенциальные инвесторы могут избегать вложений в создание импортозамещающих производств, что отрицательно сказывается на национальной безопасности.

Традиционно в качестве инструмента решения проблемы низкой заинтересованности инвесторов в реализации проектов, имеющих критическое значение для национальной безопасности Российской Федерации, являются те или иные формы государственной поддержки (вплоть до самостоятельной организации государством соответствующих производств) [9, 15, 16, 17]. Однако наличие такой поддержки, позволяя привлечь инвесторов на начальном этапе реализации стратегии импортозамещения, в дальнейшем может создать риск отсутствия заинтересованности предприятий ОПК в повышении эффективности своей производственной деятельности. Имея гарантированные субсидии (или иные формы поддержки) со стороны государства, которые обеспечивают им приемлемый уровень рентабельности, руководство таких предприятий может избегать реализации мероприятий в области инновационного развития, потому что они могут не привести к желаемому результату, но при этом повлекут за собой значительные затраты и создадут угрозы потери государственной поддержки.

Это означает, что стратегия импортозамещения в оборонно-промышленном комплексе должна основываться на принципе обеспечения

экономической безопасности предприятий ОПК [21], но при этой в ней должны предусматриваться два подхода к реализации этого принципа:

1. Защита от инвестиционных рисков. Эта защита, как было сказано выше, имеет ключевое значение на начальных этапах организации импортозамещающих производств. Кроме того, она важна при изменении геополитической ситуации, когда требования к уровню независимости национальной промышленности снижаются, что ведет к отказу от части проектов по импортозамещению, характеризующихся слишком низким уровнем экономической эффективности (и по этой причине требующих слишком большой государственной поддержки). Отказ от таких проектов предполагает компенсацию затрат их инвесторам за счет средств государства;

2. Обеспечение рентабельности хозяйственной деятельности. Этот подход означает, что предприятия, реализующие проекты в сфере импортозамещения, постепенно (по мере наращивания выпуска продукции, повышения ее качества и роста собственных компетенций, что в совокупности позволяет снизить издержки и увеличить цену за счет большего соответствия выпускаемых ВВСТ и комплектующих запросам клиентов) переходят к получению прибыли за счет продаж собственной продукции на рыночных условиях и перестают нуждаться в государственной поддержке (или, по крайней мере, потребность в такой поддержке существенно снижается). Этот подход был успешно реализован в ряде стран т.н. «второго эшелона», создавших свой национальный ОПК [5].

В современной российской литературе основное внимание уделяется разработке инструментов защиты от инвестиционных рисков, что соответствует начальным стадиям реализации импортозамещения в ОПК Российской Федерации [6, 12]. Однако, по нашему мнению, важно также сформулировать рекомендации по обеспечению рентабельности российских оборонных производств.

Цель данного исследования заключается в идентификации перспективных направлений обеспечения экономической безопасности предприятий оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации, участвующих в реализации стратегии импортозамещения, путем создания условий для получения ими устойчивого денежного потока от своей производственной деятельности.

Основным инструментом обеспечения рентабельности предприятий ОПК в современных условиях является расширение спроса на их продукцию. Это означает, что российским производителям

необходимо искать новые рынки сбыта. Однако в условиях перехода к новому цифровому технологическому укладу эта рекомендация имеет комплексный характер и не ограничивается простым выстраиванием отношений с новыми потребителями (или расширением сотрудничества с уже существующими покупателями). Сотрудничество с новыми потребителями может носит разовый конъюнктурный характер (как это имело место с закупкой Турцией российских систем ПВО С-400), что не создает условий для долгосрочных инвестиций в производство, тогда как ряд текущих покупателей стремится за счет российских технологий и компетенций обеспечить развитие национальных ОПК (в первую очередь речь идет об Индии и Китае [7, 8, 18], которые в российском политическом дискурсе рассматриваются в качестве союзников Российской Федерации, однако на самом деле при сотрудничестве с нашей страной очень жестко отстаивают собственные политические, военные и экономические интересы, нередко в ущерб долгосрочной стратегии России [14]).

Очевидно, что такие модели не могут сформировать основу для инвестиций в развитие импортозамещающих производств в российском ОПК. В силу этого требуются новые подходы, соответствующие текущей экономической и технологической ситуации.

Цифровой технологический уклад предполагает конкуренцию на уровне экосистем (в случае ОПК речь идет об оборонных экосистемах). Таким образом, необходимо создать условия для интеграции государств, заинтересованных в доступе к российским системам вооружения, в российскую оборонную экосистему, основанную на единых стандартах. Такой подход позволит получить ряд преимуществ:

1. Объединение ресурсов различных государств для совместного решения задач обеспечения национальной безопасности путем организации автономных (т.е. в минимальной степени зависящих от поставок высокотехнологичных компонентов от коллективного Запада) производственных цепочек в ОПК. Фактически речь идет о своеобразном коллективном импортозамещении, локомотивом которого может служить российский оборонно-промышленный комплекс в силу своего масштаба, уникальных компетенций и опыта выпуска новой продукции с учетом требований специальной военной операции (СВО). Эта рекомендация фактически представляет собой реализацию модели многополярного мира в сфере выпуска оборонной продукции, при которой создается межгосударственный кластер технологий и производственных мощностей [4]. Отметим, что у России в прошлом уже был опыт формирования

аналогичного кластера (речь идет о Совете экономической взаимопомощи, в котором была значимая оборонно-промышленная составляющая [2]).

2. Подчеркнем, что Китай, несмотря на свою социалистическую ориентацию, не был членом Совета экономической взаимопомощи, что было отражением глубоких разногласий между ним и СССР. Однако и в наше время, как мы полагаем, членство Китая в перспективной оборонно-промышленной экосистеме Российской Федерации вряд ли желательно (и возможно), поскольку он выступает в качестве самостоятельного полюса будущего многополярного мира. Более перспективным видится сотрудничество с отдельными постсоветскими государствами (прежде всего, с Белоруссией), Корейской Народно-Демократической Республикой и, возможно, с Ираном (если он выдержит начатую против него в феврале 2026 г. агрессию США и Израиля) и Мьянмой.

3. Создание устойчивого спроса на продукцию российского ОПК со стороны участников оборонной экосистемы.

4. Возможность использования в интересах оборонно-промышленного комплекса преимуществ международного разделения труда (поскольку, как указывают специалисты, реализовать автаркическую модель импортозамещения в ситуации высокого уровня специализации современных производств невозможно [10]).

5. Обеспечение зависимости участников оборонной экосистемы от поставок продукции российского ОПК. Поскольку используемая ВВСТ будет функционировать по единым стандартам (которые, по очевидным причинам, не будут совместимыми со стандартами операторов других оборонных экосистем), участники российской оборонной экосистемы не смогут переключиться на альтернативных поставщиков из-за невозможности интегрировать их продукцию в свои вооруженные силы. Это будет способствовать дальнейшему укреплению военно-технического сотрудничества в рамках экосистемы и создаст условия для устойчивого развития российского ОПК.

6. Межгосударственный (т.е. децентрализованный) характер оборонной экосистемы в случае ее успешной реализации будет привлекать в ее состав новых участников, поскольку данная модель сотрудничества будет восприниматься как связанная с меньшими рисками для национальной безопасности, чем зависимость от одного поставщика (в т.ч. и благодаря разделению труда). Это также позволит увеличить спрос на ВВСТ российского производства.

Однако очевидно, что задача разработки стратегии формирования такой межгосударственной оборонной экосистемы по своему масштабу не соответствует ресурсам и компетенциям предприятий российского ОПК. Она должна решаться в рамках стратегии развития международных экономических отношений Российской Федерации.

Наши выводы:

— для обеспечения экономической безопасности предприятий российского оборонно-промышленного комплекса в условиях реализации стратегии импортозамещения необходимо не только предоставлять им защиту от инвестиционных рисков, но и создавать для них условия, при которых они могут получать устойчивый доход от производства импортозамещенной продукции, не опираясь на поддержку государства;

— источником получения устойчивого дохода служит расширение рынков сбыта продукции, которое позволяет не только увеличивать выручку за счет дополнительных продаж, но и снижать издержки благодаря эффекту экономии на масштабе производства;

— в условиях цифрового технологического уклада расширение рынков сбыта должно реализовывать не в форме поиска новых покупателей российской оборонной продукции, а путем создания устойчивой межгосударственной экосистемы военно-технического сотрудничества, направленной на коллективное импортозамещение, локомотивом которого будет российский оборонно-промышленный комплекс.

Список литературы:

1. Батьковский А. М., Ефимова Н. С., Нестеров О. В. Оценка основных рисков инновационного развития предприятий оборонно-промышленного комплекса. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2025. — 208 с.

2. Бодрова Е. В., Калинов В. В. Развитие экономического и научно-технического сотрудничества СССР со странами-членами СЭВ на рубеже 1960 – 1970-х гг. // История и современное мировоззрение. — 2025. — Т. 7. — № 3. — С. 96 – 102.

3. Брыкин А. В., Шамхалов Ф. И. Реализация политики импортозамещения в высокотехнологичных отраслях оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса. — 2020. — № 4. — С. 17 – 27.

4. Булыга А. М., Коновалов В. Б., Назметдинов И. М., Курбанов А. Х. Организация инновационной деятельности в интересах системы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской

Федерации на основе экосистемного подхода // Актуальные проблемы военно-научных исследований. — 2024. — № 2. — С. 11 – 22.

5. Вернигора А. А., Крамник И. А. Уроки из второго эшелона // Россия в глобальной политике. — 2023. — Т. 21. — № 3. — С. 160 – 173.

6. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. — 2014. — № 11 (109). — С. 38 – 47.

7. Волынчук А. Б. Особенности военно-технического сотрудничества России и Индии: динамика, риски и перспективы партнерства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2024. — Т. 26. — № 3. — С. 94 – 115.

8. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З. Россия — Индия: военно-техническое сотрудничество — весомый компонент стратегического партнерства // Наука. Общество. Оборона. — 2016. — № 3. — С. 1.

9. Евдокимова Е. А., Фомин А. Ю., Юматов М. С. Роль государства в формировании источников финансирования инновационной деятельности промышленных предприятий // Вестник университета. — 2022. — № 8. — С. 44 – 50.

10. Капогузов Е. А., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю. Российские дискурсы о технологическом суверенитете (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. — 2024. — № 12. — С. 24 – 37.

11. Капустина И. В., Григорьева К. А. Импорт автокомпонентов как фактор лабильности рынка автомобилестроения // Beneficium. — 2022. — № 3(44). — С. 49 – 56.

12. Колдин Ф. А., Силаков А. В., Генералова А. В., Тхориков Б. А. Анализ стратегии импортозамещения в рамках развития российского автопрома // Компетентность. — 2024. — № 7. — С. 55 – 61.

13. Корчак В. Ю., Девин К. Л., Юрин А. Д. Концептуальный подход к обеспечению технологической независимости организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса // Вестник Академии военных наук. — 2025. — № 3(92). — С. 85 – 91.

14. Котляров И. Д. Антироссийские санкции и союзники России // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости: сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете, Донецк, 12 сентября 2023 года. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. — С. 81 – 85.

15. Курбанов А. Х., Князьнеделин Р. А., Курбанов Т. Х., Наружный В. Е., Плотников В. А. Импортозамещение в оборонно-промышленном комплексе. Теоретические и прикладные аспекты. М.: Русайнс, 2020. — 166 с.

16. Курбанов А. Х., Наружный В. Е. Перспективы реализации программы импортозамещения в интересах оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях // Проблемы современной экономики. — 2015. — № 3. — С. 72 – 77.

17. Курбанов А. Х., Наружный В. Е. Импортозамещение в технологическом обеспечении производства продукции военного назначения: теоретические и прикладные аспекты // Вооружение и экономика. — 2017. — № 2. — С. 69 – 77.

18. Ли В. Н. Взаимодействие России и Китая в военно-технической области: особенности и тенденции // Конфликтология / Nota Bene. — 2025. — № 1. — С. 65 – 74.

19. Назарова Э. А., Николаева О. И., Никифорова Ж. А. Параллельный импорт как стратегический инструмент в преодолении санкционного давления и обеспечение экономической стабильности Российской Федерации Труды XVI Евразийского научного форума: Сборник статей, Санкт-Петербург, 12 – 13 декабря 2024 года. — Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2025. — С. 237 – 252.

20. Назметдинов И. М., Смуров А. М., Целыковских А. А. Проблемы ведения инновационной деятельности в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения. — 2024. — № 1. — С. 80 – 87.

21. Пятовский С. Е., Ефимова Н. С., Суркова Е. В. Управление высокотехнологичными предприятиями в условиях импортозамещения // СТИН. — 2024. — № 6. — С. 55 – 58.

22. Чистов И. В., Гонтарь А. А. Технологическая независимость: ключевые аспекты формирования национального суверенитета // Проблемы рыночной экономики. — 2025. — № 1. — С. 71 – 77.

© Курбанов А. Х., Серов П. А., 2026

EDN: DNWTEH

Лантух Эдуард Владимирович
начальник кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук, доцент
Lantuh71@mail.ru

Гаврилова Ольга Вячеславовна
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук
filikolga@gmail.com

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ «ЧЕРНОГО ЯЩИКА», КАК ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. рассмотрена проблема применения Искусственного интеллекта в расследовании экономических преступлений — феномен «Черного ящика». Показано, что практическая реализация понятных систем Искусственного интеллекта для расследования экономических преступлений требует создания специализированных взаимосвязанных элементов, а также необходимости разработки методических рекомендаций, которые помогут на минимальном уровне разъяснить, необходимые для различных способов решения. Создание экспертных советов, включающих специалистов по машинному обучению, юристов, представителей правоохранительных органов, для оценки и подтверждение соответствия систем Искусственного интеллекта поможет обеспечить

баланс между технической эффективностью и правовыми требованиями при выявлении и расследовании экономических преступлений.
Ключевые слова: «Черный ящик», финансовые операции, правоохранительные органы, экономические преступления, расследование, машинное обучение.

Последнее десятилетие характеризуется стремительной цифровизацией экономических отношений и трансформацией, в связи с этим преступности в современном обществе. Согласно статистическим данным МВД России, более 70 % экономических преступлений в 2025 г. было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, при этом наблюдается устойчивая тенденция роста, как количества таких преступлений, так и причиняемого ими ущерба.

Одной из наиболее серьезных проблем применения Искусственного интеллекта в расследовании экономических преступлений является феномен, так называемого, «Черного ящика», когда Система принимает решения на основе сложных внутренних процессов, которые невозможно или крайне затруднительно объяснить человеку. Это особенно характерно для функционирования глубоких нейронных сетей, где решение формируется через процесс взаимодействия миллионов различных параметров [1].

Система может с высокой точностью определять мошеннические транзакции или выявлять подозрительные связи между субъектами проводимой финансовой операции, но при этом не способна объяснить, на основании каких именно признаков было принято то или иное решение.

В правоохранительной деятельности такая непрозрачность действий создает множество проблем, которые связаны с невозможностью проверки корректности решения, принятого экспертами, затруднении в ходе процесса представления доказательств в суде, а также с возможными рисками предъявления обвинения в дискриминации и предвзятости, которые могут быть скрыты в процедурах, проведенных действий.

Проблема объяснимости того или иного действия или факта особенно остро стоит в контексте уголовного процесса, где действует принцип состязательности сторон и с правом обвиняемого на защиту. Если обвинение основывается на выводах ИИ-системы, сторона защиты имеет право оспорить эти выводы, понять логику их получения, проверить исходные данные и методы анализа, полученные с помощью применения цифровых технологий.

Однако если Система работает как «Черный ящик», эффективная защита становится невозможной. Органам суда также необходимо понимание того, каким образом была получена та или иная информация, чтобы оценить ее допустимость и достоверность.

Существуют различные подходы к решению проблемы объяснимости решений, полученных с помощью Искусственного Интеллекта. Использование «in herentlyinterpre table» моделей, таких как логистическая регрессия или «деревья решений», обеспечивает естественное объяснение за счет простоты их структуры. В логистической регрессии коэффициенты напрямую показывают влияние каждого признака на результат, в «деревьях решений» путь от «корня» до «листа» представляет собой понятную последовательность условий. Однако такие модели часто уступают по точности сложным нейронным сетям, что создает дилемму между объяснимостью и эффективностью доказательсв.

Методы «post-hocexplanation» позволяют объяснять решения уже обученных сложных моделей. «LIME» создает локальную интерпретируемую модель рядом с конкретным примером, показывая, какие признаки были наиболее важны для данного конкретного решения.

SHAP-значения, основанные на теории игр, измеряют вклад каждого признака в отклонение предсказания от среднего значения [2].

«Attention mechani sms» в нейронных сетях позволяют визуализировать, на какие части входных данных модель обращает наибольшее внимание при принятии решения. Например, при анализе текста переписки можно увидеть, какие именно слова или фразы Система сочла наиболее подозрительными. При анализе временных рядов транзакций можно визуализировать, какие периоды активности были наиболее значимы для классификации счета как подозрительного.

Разработка специализированных архитектур нейронных сетей, обладающих встроенной интерпретируемостью, представляет собой перспективное направление исследований в данной области. «Neural additive models» сочетают выразительность нейронных сетей с аддитивной структурой, позволяющей понять вклад каждого признака.

«Attention-based models» в области NLP позволяют не только обрабатывать текст эффективно, но и показывать, какие части текста были наиболее походящими для принятия решения. Разработка гибридных систем, где критические решения принимаются понятными компонентами, а нейронные сети используются для предварительной обработки данных и извлечения признаков, позволяет балансировать между точностью и объяснимостью.

Практическая реализация понятных систем Искусственного интеллекта для расследования экономических преступлений требует создания специализированных взаимосвязанных элементов, которые представят объяснения в понятной форме для сотрудников правоохранительных органов, не являющихся специалистами в машинном обучении — подмножестве искусственного Интеллекта, которое позволяет компьютерным системам автоматически учится на данных, выявлять закономерности и принимать решения без явного программирования под каждую задачу. Наглядное представление факторов риска в виде диаграмм, показывающих относительную важность различных характеристик транзакции операции или субъекта, ее производящего, позволяет быстро понять и оценить основания для возникших подозрений.

Создание текстовых объяснений на понятном языке, например «Транзакция классифицирована как подозрительная, поскольку: сумма в три раза превышает средний размер операций данного счета за последние шесть месяцев; получатель находится в юрисдикции с высоким риском отмывания денег; операция проведена в необычное время; назначение платежа содержит расплывчатую формулировку без конкретизации названия товаров или услуг» [4].

Стандартизация требований к пониманию систем Искусственного интеллекта, используемых в правоохранительной деятельности, является необходимым условием для их широкого внедрения.

Убеждены, в необходимости разработки методических рекомендаций, которые помогут на минимальном уровне разъяснить, необходимые для различных способов решения: для первоначальной проверки транзакций может быть достаточно указания на основные факторы риска проводимой операции, для инициирования расследования требуется более детальное обоснование подозрений, для представления доказательств в ходе судебного разбирательства необходима полная прозрачность методов анализа с возможностью независимости их проверки.

Вне всякого сомнения, создание экспертных советов, включающих специалистов по машинному обучению, юристов, представителей правоохранительных органов, для оценки и подтверждение соответствия систем Искусственного интеллекта поможет обеспечить баланс между технической эффективностью и правовыми требованиями при выявлении и расследовании экономических преступлений [3].

Обучение сотрудников правоохранительных органов основам машинного обучения и принципам работы систем Искусственного

интеллекта жизненно необходимо для эффективного и грамотного использования этих технологий.

Сотрудники следственных подразделений органов внутренних дел должны четко понимать возможности и ограничения применения различных методов, уметь правильно понимать объяснения, предоставляемые системами, критически оценивать их результаты, не принимая их безоговорочно.

Формирование междисциплинарных команд, включающих как следователей, так и специалистов по анализу данных, обеспечит эффективное взаимодействие между технической и правовой сторонами расследования.

Развитие культуры ответственного использования Искусственного интеллекта, где технологии рассматриваются как вспомогательные инструменты, поддерживающие, но не заменяющие аргументированные и профессионально выверенные выводы сотрудника правоохранительных органов, помогут избежать чрезмерной зависимости от автоматизированных систем и связанных с этим рисков [3].

Список литературы:

1. Бердникова А. А. Основы алгоритмизации и программирования: учебное пособие / А. А. Бердникова, С. Л. Иванов, А. С. Лямин, А. Д. Рейн. М.: Юрайт, 2024. 256 с.

2. Гаврилин Ю. В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации: учебное пособие / Ю. В. Гаврилин, С. И. Головин, И. Г. Черепанова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 239 с.

3. Рашка С. Python и машинное обучение: машинное и глубокое обучение с использованием Python, scikit-learn и TensorFlow 2 / С. Рашка, В. Мирджалили; пер. с англ. А. В. Логунова. 3-е изд. СПб.: Диалектика, 2020. 848 с.

4. Яковлев А. Н. Цифровая криминалистика: учебник / А. Н. Яковлев, М. В. Субботина, Т. Н. Москалькова. М.: Проспект, 2020. 272 с.

© Лантух Э. В., Гаврилова О.В, 2026

EDN: ESRVHV

Литичевский Борис Владимирович
следователь
СУ УМВД России по Петроградскому району г. СПб
Санкт-Петербург, Россия
iti-boris2009@yandex.ru

Миронова Елена Александровна
начальник отдела делопроизводства и режима
УМВД России по Василеостровскому району г. СПб
Санкт-Петербург, Россия
mironovahellen@mail.ru

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РФ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу феномена экономических преступлений, включая его сущностные характеристики и динамику. В работе также исследуются стратегии противодействия данным преступлениям, применяемые правоохранительными органами, и особенности распределения их компетенций. По итогам проведенного анализа авторы обосновывают необходимость разработки предложений по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации, которые представлены в заключительной части статьи.

Ключевые слова: экономические преступления, борьба с экономическими преступлениями, МВД РФ, ФСБ РФ, СК РФ, ФТС РФ, ГУЭБ и ПК, ГУУР.

Экономическая сфера занимает одно из центральных мест в жизни человеческого общества. Согласно философскому учению марксизма, экономика представляет собой фундамент общества, тогда как все остальные аспекты являются лишь надстройкой. Эти взгляды, безусловно,

вызывают дискуссии, однако именно экономика способствует развитию общества, формируя материально-техническую основу для удовлетворения потребностей людей и обеспечивая научно-технический прогресс. По этой причине экономические преступления представляют собой серьезную угрозу для страны, поскольку они подрывают государственную безопасность как через разрушение экономической системы, так и через укрепление криминальных группировок. Обеспечивая себя необходимыми финансовыми ресурсами, эти структуры могут установить связь с властными институтами, трансформируясь в мафию, и в конечном итоге занять руководящие позиции в государстве. В данной статье проводится анализ существующей ситуации и предлагаются изменения в законодательстве, направленные на повышение эффективности подготовки сотрудников МВД России.

Экономическая сфера общества представляет собой сферу общества, в рамках которой происходит создание и использование материальных товаров, а также складываются производственные отношения [1, с. 147].

Экономические преступления представляют собой общественно опасные действия, направленные на нарушение финансово-экономических отношений, регламентируемых специальными правовыми нормами. Последствия таких правонарушений могут быть весьма серьезными и затрагивать интересы отдельных граждан, групп лиц, организаций и даже государства в целом [2, с. 240].

Современная юридическая наука выделяет ряд правонарушений, совершаемых в различных сферах экономики. К ним относятся незаконные действия в кредитной отрасли, коррупционные преступления, правонарушения, возникающие в процессе банкротства, а также преступления, связанные с использованием доверительных отношений в корыстных целях (мошенничество). Помимо прочего, следует отметить ряд противоправных деяний, охватывающих таможенную сферу, несоблюдение правил ведения хозяйственной деятельности, посягательства на интеллектуальную собственность, преступления в области финансовых операций и обращения ценных бумаг, вмешательство в хозяйственную деятельность, нарушения валютного законодательства, а также уклонение от фискальных обязательств.

Борьба с экономическими преступлениями осуществляется на основе Уголовного Кодекса РФ. Экономическим преступлениям была посвящена 22 глава УК РФ, то есть 169 – 200.7 ст. УК РФ, а также 201 ст. УК РФ — злоупотребление полномочиями, а также ст. УК РФ 201.1,

200.2, 204 — коммерческий подкуп, 285 — злоупотребление должностными полномочиями, 286 — превышение должностных полномочий. Статистика показывает рост экономических преступлений, так в 2020 г., по данным Прокуратуры РФ, зарегистрировано 105480 экономических преступлений, а в 2021 г. — 117707.

Так, если в 2020 г., по данным МВД РФ, было зарегистрировано 105 500 экономических преступлений, то в 2021 г. — 117 707 [4]. В 2022 г. произошло сокращение экономических преступлений на 5,3 % по сравнению с 2021 г., было зафиксировано 111 400 экономических преступлений, в 2023 г. их зафиксировано в количестве 105 300 преступлений, тем самым вновь количество экономических преступлений уменьшилось [4]. Однако в 2024 г. вновь имел место рост числа экономических преступлений на 0,2 %, всего зафиксировано 105 400 [4]. В 2025 году в России зарегистрированы 107 180 преступлений экономической направленности, что на 1,7 % больше по сравнению с предыдущим годом.

Борьбу с экономическими преступлениями ведут такие правоохранительные органы как Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Следственный комитет РФ и Прокуратура РФ. Важно отметить, что внутри МВД РФ и ФСБ РФ имеются не только следствие, дознание, но и оперативные подразделения. В связи с этим ими осуществляются оперативно-розыскная деятельность, а также предварительное расследование. Следственный Комитет РФ осуществляет только предварительное следствие. Прокуратура Российской Федерации выполняет функции надзора за соблюдением законности в деятельности правоохранительных органов, координирует их работу и представляет государственное обвинение в судебных процессах. В борьбе с экономическими правонарушениями также задействованы Федеральная таможенная служба Российской Федерации, располагающая собственными органами дознания и оперативными подразделениями, Федеральная налоговая служба Российской Федерации, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками Российской Федерации, а также Центральный банк Российской Федерации, являющийся ключевым регулятором в банковском секторе.

Исходя из норм уголовно-процессуального законодательства России, стоит сказать, что по статьям 169, 170.1, 171.2, 172.1, 172.3, 173.3, 185 – 185.6, ч. 3 и 4 194 частям 3 и 4, 198 – 199.4, 200.4, 200.5, 200.6, 200.7, 201, 201.1 – 201.3, 204, 285, 286 УК РФ предварительное

расследование ведет Следственный Комитет РФ. Следователями ФСБ РФ ведется расследование по ст. 189, ч. 2 ст. 200.1 УК РФ. Следственным департаментом МВД РФ ведется расследование по статьям 159 ч. 2 – 7, 159.1 ч. 2 – 4, 159.2 ч. 2 – 4, 159.3 ч. 2 – 4, 159.5 ч. 2 – 4, 159.6 ч. 2 – 4, 171 ч. 2, 171.1 ч. 1.1, 2, 4 и 6, 171.3, 172, 172.2, 172.4 ч. 2 и 3, 173.1, 173.2, 173.3, 174, 174.1, 175 частью 3, 176, 178, 179, 180 частями 2 и 3, 181 ч. 2, 183, 184, 186, 187, 191, 191.1 ч. 3, 192, 193 ч. 2, 193.1 ч. 2 и 3, 195 – 197, 200.1 ч. 2, 200.3 ч. 2 УК РФ.

Органы дознания в структуре МВД РФ осуществляют дознание по статьям 170, 170.2, 171 ч. 1, 171.1 ч. 1, 3 и 5, 171.4, 171.5, 172.4 части 1, 175 ч. 1 и 2, 177, 180 ч. 1, 181 ч. 1, 191.1 ч. 1 и 2, 193 ч. 1, 193.1 ч. 1, 194 ч. 1 и 2, 200.1 ч. 1, 200.3 ч. 1 УК РФ. Дознаватели, которые служат в ФСБ РФ, осуществляют дознание по ст. 200.1 УК РФ. Дознаватели ФТС РФ ведут дознание по статьям 193 ч. 1, 193.1 ч. 1, 194 ч. 1 и 2, 200.1 ч. 1 УК РФ.

Как уже отмечалось, оперативно-розыскную деятельность по противодействию экономическим преступлениям осуществляют МВД РФ, ФСБ РФ и ФТС РФ. Правовую основу этой деятельности составляет Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Функциональное распределение следующее: ФСБ РФ отвечает за контрразведывательное обеспечение экономики и борьбу с коррупцией, ФТС РФ — за экономические преступления в сфере таможни. МВД РФ же несет на себе основную нагрузку в части борьбы с экономическими преступлениями, чем занимается Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции [3, с. 272]. Следует отметить, что Главное управление уголовного розыска МВД РФ также осуществляет деятельность по противодействию экономическим преступлениям. К таковым, в частности, относятся мошенничества, совершаемые путем введения в заблуждение посредством устных убеждений. Злоумышленники, представляясь сотрудниками Центрального банка РФ или Росфинмониторинга, склоняют граждан к передаче денежных средств, после чего курьеры забирают их у потерпевших.

Чтобы расследование экономических преступлений стало более результативным, мы считаем необходимым установить официальные механизмы сотрудничества между МВД РФ и профильными экономическими структурами, в частности с Министерством финансов, ФНС, ФТС, Росфинмониторингом и Центральным банком. Предлагается,

чтобы сотрудники этих ведомств могли быть командированы в следственно-оперативные группы в качестве экспертов. Для этого требуется внести поправки в УПК РФ, а именно в часть 2 статьи 163, добавив норму о праве руководителя следственного органа (или по ходатайству руководителя СОГ) привлекать специалистов Минфина, ФТС, Росфинмониторинга и ЦБ РФ для расследования экономических преступлений. Также в часть 4 статьи 163 УПК РФ следует добавить пункт 8, который бы давал руководителю СОГ право ходатайствовать о таком привлечении.

Таким образом, учитывая повышенную опасность экономических преступлений для государства, была создана разветвленная система правоохранительных органов, чьи полномочия разграничены Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Деятельность оперативных подразделений также регулируется Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Мы считаем, что для более эффективного противодействия экономическим преступлениям со стороны органов внутренних дел, необходимо привлекать сотрудников Министерства финансов РФ, ФТС, Росфинмониторинга и ЦБ РФ в следственно-оперативные группы в качестве экспертов.

Список литературы:

1. Гончаров В. Н. Социально-философский анализ экономической сферы информационного общества // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2019. — № 2. — С. 147 – 151.

2. Дворяк И. А., Потоцкий Н. К. О проблемах квалификации экономических преступлений // Право и управление. — 2023. — № 3. — С 240 – 243.

3. Колтакова И. А., Ямковая В. А. Особенности выявления и раскрытия налоговых преступлений подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 4. — С. 271 – 279.

4. Состояние преступности [Электронный ресурс] // URL: https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/1/. (дата обращения: 07.03.2026).

5. Спиридонова А. А. Прокурорский надзор: понятие, актуальные проблемы реализации прокурорского надзора//Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). — С. 873 – 877.

© Литичевский Б. В., Миронова Е.А, 2026

EDN: ETATFI

Литвиненко Александр Николаевич
профессор кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
lanfk@mail.ru

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ВЫЗОВОВ И МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЕРМАНЕНТНЫМ САНКЦИЯМ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье представлен анализ вызовов экономической безопасности России в условиях санкционного давления. Автором выявлены сдвиги в характере угроз: от кризиса ликвидности к структурной финансовой изоляции, от дефицита комплектующих к дефициту инженерных кадров. Уделено внимание новому феномену — залоговому рейдерству как механизму концентрации собственности. Обоснована необходимость перехода от ситуационного реагирования к стратегическому проектированию устойчивой экономической модели.

Ключевые слова: экономическая безопасность, санкции, суверенитет, залоговое рейдерство, национальные проекты.

Анализ экономической безопасности России по итогам 2025 года требует принципиального переосмысления терминологической базы. Концепт «постсанкционной экономики» утратил аналитическую ценность: санкционный режим не завершился, а трансформировался в перманентный фактор внешней среды. Ключевой особенностью ушедшего года стало качественное изменение характера вызовов — от острых кризисных явлений 2022 – 2024 гг. к структурным ограничениям, требующим долгосрочных институциональных решений.

Переломным моментом 2025 года стало официальное начало реализации 19 национальных проектов, что ознаменовало переход от краткосрочных антикризисных мер к стратегическому планированию. Если предыдущий период характеризовался «шоковой стабилизацией» финансовой системы, то 2025 год стал этапом осознанного проектирования экономической модели, способной функционировать в условиях длительной геополитической конфронтации.

Нормативно-правовая база 2025 года отразила переход от экстренных мер к системным решениям. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145, определивший приоритеты научно-технологического развития, получил конкретное воплощение через механизмы координации национальных проектов и усиление контроля над стратегическими активами.

Создание в 2025 г. Научно-экспертного совета при Совете Безопасности РФ стало институциональным ответом на необходимость постоянного мониторинга санкционных рисков. Совет сосредоточил усилия на выявлении новых угроз, обусловленных эскалацией вторичных санкций и цифровой изоляцией, а также на разработке превентивных мер их нейтрализации [1].

Мониторинг экономической ситуации в 2025 году позволил выделить не только сохраняющиеся и трансформированные вызовы, но также новые вызовы, возникшие на последнем этапе санкционного давления.

1. От кризиса ликвидности к структурной финансовой изоляции. Если в 2022 – 2024 гг. основной проблемой был дефицит ликвидности и отключение от SWIFT, то в 2025 году вызов трансформировался в системную изоляцию от международных финансовых институтов и невозможность привлечения долгосрочного капитала. В ответ доля расчетов через новую ПФС достигла 42%, взаимные расчеты в национальных валютах с партнерами БРИКС превысили 85%, а в рамках ШОС созданы механизмы межбанковского клиринга, снижающие зависимость от западной инфраструктуры [2].

2. Энергетическая адаптация как переход от дефицита рынков сбыта к логистическим и ценовым барьерам. Россия успешно переориентировала экспорт энергоресурсов на дружественные страны, а доля этих государств в поставках нефти достигла 94%. Поставки в страны Азиатско-Тихоокеанского региона в то же время заняли долю в 81% [3]. Однако возникли новые вызовы: ограничения пропускной способности трубопроводной системы, высокая стоимость морской логистики

и механизм ценовых потолков, распространенный на нефтепродукты и СПГ. Меры противодействия включали ввод в строй новых участков трубопроводов, расширение портовых мощностей на Дальнем Востоке и диверсификацию экспортной корзины за счет увеличения доли нефтепродуктов с высокой добавленной стоимостью.

3. Технологическая зависимость, выражающаяся в смещении от комплектующих к дефициту кадров и программного обеспечения. В 2025 году острота дефицита электронных компонентов снизилась благодаря параллельному импорту и кооперации с Азией, однако обострилась проблема системного дефицита инженерных кадров и отсутствия отечественных аналогов профессионального программного обеспечения. Бюджетные ассигнования на технологическое развитие увеличены в 2026 г. на 10% и к 2028 г. на 20% по сравнению со значением 2025 г. запущены программы «цифрового возврата» специалистов из-за рубежа, а также ускорена разработка отечественных решений в сфере промышленного ПО совместно с китайскими партнерами [4].

4. Валютная стабилизация и новые риски курсообразования. Волатильность рубля к корзине валют БРИКС снизилась на 35% благодаря оптимизации механизма обязательной продажи выручки (с 80% до 50% для несырьевых товаров) и развитию инструментов хеджирования. Однако возник новый вызов — расхождение курсов официального и «теневого» рынков на 8 – 12%, обусловленное ограничениями на вывод капитала и ростом спроса на валюту для импорта критически важных товаров [5].

5. Инфляционная динамика от общего роста цен к секторальной дифференциации. Годовая инфляция снизилась до 5,59% (против 9,52% в 2024 г.), однако проявилась новая структурная проблема. Рост цен на импортозамещаемые товары стал опережать общую инфляцию на 3 – 4 п.п., а в сегменте высокотехнологичной продукции — на 12 – 15 п.п., что усиливало социальное напряжение и снижало конкурентоспособность отечественных производителей [6].

6. Залоговое рейдерство как системный риск концентрации собственности. Новый феномен 2025 года — массовое перераспределение активов через механизмы принудительной реализации залогового имущества из-за невозможности обслуживания кредитов при высокой ключевой ставке. По оценкам, через подобные схемы перераспределено активов на сумму свыше 2,1 трлн руб., что создало риски монополизации стратегических отраслей банковскими структурами. В ответ разработаны

законодательные поправки, предусматривающие мораторий на реализацию залогов стратегических предприятий и создание механизма реструктуризации долгов через Фонд развития промышленности [7].

7. Логистическая трансформация. Смещение акцента от поиска альтернатив к созданию устойчивых коридоров. Объем грузоперевозок по Севморпути вырос на 40%, транзит через Казахстан и Иран — на 65%. Однако возникли новые вызовы: зависимость от транзитных стран, риски вторичных санкций для перевозчиков и нехватка подвижного состава для новых маршрутов. Параллельный импорт легализован и составил 38% от общего импорта, но его эффективность ограничена ростом стоимости логистики на 25 – 40% [8].

8. Трансформация рынка труда в части перехода от массовых увольнений к структурному дефициту кадров. Программы переквалификации охватили 180 тыс. работников, однако в 2025 году проявился новый вызов — острый дефицит инженеров, технологов и специалистов в области микроэлектроники и программирования. Утечка кадров в IT-секторе продолжилась, несмотря на программы возврата, а чистый отток высококвалифицированных специалистов составил около 45 тыс. человек за год [9].

9. Бюджетный дефицит и фискальное давление. Дефицит достиг 5,65 трлн руб. (2,6% ВВП). За последнее десятилетие крупнее дефицит был только в 2020 году (3,8% ВВП) и в 2016 году (3,4% ВВП). Для компенсации введена прогрессивная шкала НДФЛ (ставка 15% для доходов свыше 10 млн руб.), повышен налог на сверхдоходные отрасли, введен налог на цифровые сервисы. Однако возник риск снижения инвестиционной привлекательности из-за ужесточения налогового климата [10].

10. Цифровая изоляция как новый вызов 2025 года. В условиях расширения санкций на облачные сервисы и платформы ИИ возник дефицит доступа к вычислительным ресурсам для обучения моделей искусственного интеллекта и проведения научных расчетов. В ответ запущена программа создания распределенной сети суперкомпьютеров на базе отечественных процессоров «Эльбрус» и «Байкал», а также налажено сотрудничество с Китаем в области предоставления облачных мощностей.

11. Демографические последствия мобилизационных процессов. В 2025 году проявились отложенные эффекты частичной мобилизации 2022 – 2023 гг., в числе которых: сокращение трудоспособного населения в ключевых отраслях (оборонно-промышленный комплекс,

строительство, транспорт) на 1,2 млн человек. Меры противодействия включали ускоренную автоматизацию производственных процессов и привлечение трудовых мигрантов из стран СНГ и БРИКС+ [11].

12. Масштабные и высокоадаптивные кибератаки мошенников на финансовом рынке России. Регулятор и банки непрерывно противодействуют постоянно эволюционирующим преступникам. В 2025 году были внедрены новые правила, среди основных это 12 признаков для блокировки подозрительных переводов, введение периодов охлаждения и уголовная ответственность за дропперство. Проблемами являются: сохранение общего значительного объема похищенных средств; эффективность психологических манипуляций людьми (социальная инженерия); смещение атак в офлай-сферу на фоне усиления цифровой защиты; падение доверия к государственным структурам как классическсий пример разрушения институционального доверия.

Ключевую роль в противодействия перманентным санкциям российской экономике — наряду с текущими мерами исполнительной власти — играет реализация национальных проектов.

Запуск 19 национальных проектов в 2025 году ознаменовал переход от ситуационного реагирования к формированию долгосрочной стратегии. В отличие от предыдущих циклов, новые проекты ориентированы не на восстановление докризисных показателей, а на создание экономической модели, устойчивой к перманентному внешнему давлению [12]. Ключевые направления включают:

— девять проектов в сфере технологического суверенитета (микроэлектроника, ИИ, квантовые вычисления);

— развитие космической инфраструктуры для обеспечения телекоммуникационной независимости;

— формирование «экономики данных» как нового драйвера роста с акцентом на защиту цифрового суверенитета;

— создание сети опорных населенных пунктов для снижения уязвимости региональной экономики.

Методология реализации основана на объективной оценке ограничений, обусловленных санкционным давлением, с увязкой федеральных программ со стратегией пространственного развития.

Итоги 2025 года свидетельствуют о качественной трансформации характера санкционных вызовов. Идет переход от острых кризисных явлений к структурным ограничениям, требующим долгосрочных институциональных решений. Ключевые достижения — снижение инфляции

до 5,6 %, стабилизация финансовой системы, запуск национальных проектов как инструмента стратегического планирования.

Однако сохраняются системные риски, среди которых технологическая зависимость в критических секторах, концентрация собственности через механизмы залогового рейдерства, цифровая изоляция в сфере ИИ и облачных вычислений, демографические последствия мобилизационных процессов. Преодоление этих вызовов требует не только продолжения принимаемых текущих мер, но и разработки новых институциональных механизмов, способных обеспечить устойчивое развитие в условиях перманентного внешнего давления.

Экономическая безопасность в новых условиях должна рассматриваться как динамический процесс постоянной адаптации, где баланс между технологическим суверенитетом в критических секторах и сохранением гибкости во внешнеэкономических связях становится ключевым условием устойчивого развития.

Список литературы:

1. Образован научно-экспертный совет Совета Безопасности [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/75989 (дата обращения: 02.02.2026).

2. Набиуллина назвала долю расчетов России с БРИКС в нацвалютах [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65b878989a794704290715ec (дата обращения: 02.02.2026).

3. Цивилев заявил, что Россия переориентировала экспорт энергоресурсов [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/politics/25/10/2025/68fcc37e9a794795eabb02d0 (дата обращения: 02.02.2026).

4. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/72216664/ (дата обращения: 02.02.2026).

5. Уровень обязательной продажи российскими экспортерами выручки в иностранной валюте решено снизить с 80% до 50% — Минфин [Электронный ресурс] // URL: https://ru.investing.com/news/economy/article-2156314 (дата обращения: 02.02.2026).

6. Инфляция в 2025 году составила 5,6% [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2025-12 (дата обращения: 05.02.2026).

7. Сергей Глазьев про ставку ЦБ и недвижимость [Электронный ресурс] // URL: https://smarent.com/tpost/jzvje1rka1-sergei-glazev-pro-stavku-tsb-i-nedvizhim (дата обращения: 05.02.2026).

8. Рост грузопотока по Северному морскому пути: новые возможности для российских импортёров и экспортёров [Электронный ресурс] // URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/68c172d49a79475d512a23bb (дата обращения: 05.02.2026).

9. Адаптация промышленности к новым условиям на рынке труда / Центральный банк Российской Федерации, 2025 [Электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 05.02.2026).

10. Дефицит бюджета РФ в 2025 году составил 5,65 трлн рублей, или 2,6% ВВП [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/business/1068331 (дата обращения: 05.02.2026).

11. Экономист Наталья Зубаревич — о том, когда Россия выберется из демографической ямы [Электронный ресурс] // URL: https://74.ru/text/economics/2026/01/06/76180004/ (дата обращения: 05.02.2026).

12. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 05.02.2026).

© *Литвиненко А. Н., 2026*

EDN: EUPGSP

Лобанов Артем Александрович
начальник 2 отдела КРУ ГУ МВД России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Санкт-Петербург, Россия
79062443893@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МАЛОМ И СРЕДНЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ В СССР И РОССИИ: ОТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ К СИСТЕМНОЙ БОРЬБЕ С ТЕНЕВЫМ СЕКТОРОМ

Аннотация. в статье анализируется эволюция нормативно-правового регулирования малого и среднего предпринимательства в СССР и России с 1986 года по настоящее время. Выделены пять этапов развития МСП, рассмотрены ключевые законодательные акты, определившие переход от административного запрета частной инициативы к современной системе государственной поддержки.
Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, эволюция законодательства, государственное регулирование, индивидуальная трудовая деятельность, кооперативное движение, этапы развития предпринимательства.

Малое и среднее предпринимательство[1] в России на протяжении всего своего существования подвергалось различного рода реформам со стороны органов государственной власти. Данный процесс реформирования многие ученые связывают с тем, что на протяжении большей части XX века в России имела место командная плановая экономика, то есть управление национальной экономикой шло под общим централизованным контролем и планированием.

[1] Далее — «МСП»

С середины 80-х годов XX века российская экономика пережила ряд кризисов, следовательно, для достижения стабильного развития предпринимательской деятельности необходимо было проведение ряда реформаторских изменений в экономике, которые ознаменовали переход от плановой системы хозяйствования к рыночной.

Основными нормативно — правовыми документами в области развития МСП явились следующие законы бывшего СССР и РФ (таблица 1).

Таблица 1. Развитие нормативно — правовой базы МСП

Дата принятия	Название нормативно-правового документа	Краткая характеристика
19 ноября 1986	Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» [1]	Предусматривал: «индивидуальную трудовую деятельность в сфере кустарно — ремесленных промыслов, бытового обслуживания населения, а также иные виды деятельности. Основанные на личном труде граждан и членов их семей». Помимо этого, стало возможным ведение частной предпринимательской деятельности в более чем 30 видах производства товаров и оказания услуг населению. До этого события частная предпринимательская деятельность граждан относилась к незаконным или нежелательным сферам деятельности граждан, даже зачастую преследовалась органами государственной власти в рамках уголовного кодекса.
26 мая 1988	Закон СССР «О кооперации в СССР« [2]	Разрешалось ведение любых не запрещенных видов деятельности, включая торговую. С принятием закона явилась возможность к использованию наемного труда при ведении хозяйственной деятельности, ранее такого права у предпринимателя не было.
08 августа 1990	Постановление Совета Министров СССР № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» [3]	Впервые официальную регламентацию получили требования, необходимые для проведения регистрации деятельности предпринимателя (условия формирования, численность предприятия, и т.д.)
25 декабря 1990	Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [4]	Определены правовые, экономические и социальные основы создания предприятий, их организационно-правовые формы, права, в том числе меры государственной защиты, поддержки и регулирования предпринимательства.

Дата принятия	Название нормативно-правового документа	Краткая характеристика
14 июня 1995	Закон РФ № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [5]	Установлены положения в отношении поддержки малого бизнеса в России со стороны органов государственной власти. Утверждены формы и методы государственного стимулирования и регулирования деятельности субъектов малого предпринимательства.
14 февраля 2000	Постановлением Правительства РФ № 121 утверждена Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства в РФ на 2000 – 2001 гг. [6]	Разработана Концепция формирования правового поля государственной поддержки малого предпринимательства. Определены направления деятельности в сфере микрокредитования для предприятий, разграничены функции деятельности фондов поддержки предпринимательства, а также отражены правовые условия страхования рисков ведения предпринимательской деятельности.
24 июля 2007	Федеральный Закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [7]	Закон предусматривает поддержку МСП при продвижении на внутренний и внешний рынок товаров и услуг, создание благоприятных условий для развития МСП с обеспечением конкурентоспособности на рынке. Целью является наращивание потенциала МСП путем увеличения числа субъектов МСП, а также численности занятых в данной сфере.
02 июня 2016	Распоряжение Правительства № 1083-р утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года и ее дорожная карта [8]	Целью стратегии является повышение экономической свободы предпринимательства и увеличения его вклада в социально-экономическое развитие страны, формирования конкурентной среды и обеспечения равных условий хозяйствования для субъектов различных форм собственности

Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» [1], впервые легализовавший предпринимательскую деятельность в России, появившийся еще в 1986 году, следует считать отправной вехой в истории формирования и развития МСП в нашей стране.

К началу 90-х развитие малого и среднего предпринимательства в нашей стране, в том числе и количество участников — увеличивается. Предпринимательство становится «массовым» движением, потоки участников предпринимательской сферы резко растут. Начинают создаваться кооперативы [2]. Главной задачей МСП того периода стало насыщение российского рынка потребительскими товарами.

Первый этап государственного регулирования предпринимательской деятельности начался с 1986 года с принятием Закона «Об индивидуальной трудовой деятельности», в 1988 году также был принят Закон «О кооперации» и закон «Об организации деятельности малых предприятий».

Во время процессов реформирования начала 90-х годов происходил резкий приток граждан в МСП, одновременно происходил весомый рост числа субъектов малого предпринимательства. За 1992 год было официально зарегистрировано около 200 тыс. малых предприятий, в 1,5 раза больше, чем за 1991 г. Резкое увеличение числа малых предприятий оказало большое влияние на процесс возникновения в России частного сектора, наполнение которого напрямую зависит от числа субъектов — участников малого предпринимательства. С 1992 по 1994 год количество предприятий малого бизнеса выросло в 4 раза, достигнув отметки 900 тысяч, в свою очередь, количество рабочих мест выросло на 3,4 млн чел. (с 5,4 до 8,8 млн чел.).

Увеличение числа предприятий малого бизнеса привело к тому, что к концу 1995 г. 65 % всех российских частных предприятий являлись субъектами малого предпринимательства. МСП постепенно налаживало производство целого ряда необходимых потребительских товаров (зачастую крупные выплачивали зарплаты своим работникам товарами, произведенными субъектами МСП). На первое место по числу количества субъектов МСП выдвинулись некапиталоемкие отрасли, с максимально быстрым оборотом денежных средств, таких как торговля, сфера услуг, коммерческая деятельность, малый бизнес мог чувствовать себя комфортно.

Но возникшее резкое снижение числа субъектов малого предпринимательства в научно-исследовательской сфере и сфере материального производства явилось причиной, не позволившей в нашей стране сформироваться достойной конкурентной рыночной среде на годы вперед. На данный период приходится массовое возникновение различных банковских структур, фирм по страхованию, посреднических структур, фирм, обслуживающих бартер, вексельный оборот и т.п.

На конец XX столетия приходится начало очередного этапа развития МСП, существенное влияние на данном этапе оказывает факт признания в управлении государством демократических основ рыночной экономики. Создаются ряд организаций, занимающихся обособленно деятельностью по развитию предпринимательства, среди них такие как:

Комитет поддержки малых предприятий и предпринимательства при Госкомимуществе РФ, Фонд содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере и др.

Этап с 1997 по 2003 год характеризуется сокращением числа малых предприятий, причиной этого явилось снижение доходов, получаемых предпринимателями в результате ведения хозяйственной деятельности. Высокие ставки налогообложения отнимали до 80 % легального дохода субъектов-участников МСП. В итоге на начало XX века число малых фирм вновь сократилось до 840 тысяч. Начавшийся финансовый кризис, потери денежных средств на счетах в банках поспособствовали реорганизации значительной части малых и средних фирм, а многие избрали иной путь — ушли с легального рынка в теневой сектор экономики.

На период с 2001 года по 2002 год приходится скромный рост количества субъектов малого предпринимательства с 842 до 878 тысяч, вместе с тем возросла их доля в ВВП — с 9,6 до 10,4 %. В результате чего увеличилась занятость с 7,23 до 7,78 миллионов человек, но несмотря на увеличение количества рабочих мест (более 550 тыс.), лишь 20 % от экономически активного населения страны занималось предпринимательской деятельностью.

Следующий этап связан с подписанием в июле 2007 г. Президентом РФ Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», пришедшего на смену Закону РФ № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации». В Москве по состоянию на 1 июля 2006 года было официально зарегистрировано 208 тысяч малых предприятий, среди которых чуть менее 100 тысяч граждан являлись индивидуальными предпринимателями.

С 2007 года начинается современный этап государственного регулирования в формировании МСП. Федеральный Закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» четко регулирует отношения, возникающие между физическими и юридическими лицами, органами государственной власти РФ, субъектами РФ и органами местного самоуправления по вопросам развития субъектов малого и среднего предпринимательства. Примечательным событием на данном этапе стало учреждение в июне 2012 г. должности Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. На которую был назначен Борис Юрьевич Титов, занимающий данный пост по настоящее время [9].

Рассматривая период после конца перестройки в нашей стране, на основе ретроспективного анализа выделим пять этапов развития МСП:

I этап: зарождение МСП (1986 – 1990 гг.);

II этап: интенсивное становление предпринимательства (1990 – 1994 гг.);

III этап: насыщение и структурное оформление (1995 – 1998 гг.);

IV этап: цивилизованная модернизация (с 1998 – 2007 гг.);

V этап: современный (2007 г.–по наст. вр.).

Эволюция законодательства демонстрирует переход от административного запрета частной инициативы в СССР к постепенной легализации в 1990-х и системной цифровой регуляции в XXI веке. Если в советский период теневая экономика подавлялась репрессивными методами, то сегодня государство сочетает стимулирующие меры (льготы, упрощенная отчетность) с жёстким мониторингом (ФНС, ЦБ). Однако полная ликвидация теневого сектора невозможна без дальнейшего снижения налоговой нагрузки и бюрократических барьеров.

Таким образом, В СССР теневое предпринимательство подавлялось административно, но из-за запрета частной собственности полностью искоренить его не удалось. В 1990-е бизнес массово уходил в тень из-за высоких налогов и криминала. После 2000-х государство стало бороться с тенью посредством ужесточения налоговых льгот, цифрового контроля, амнистии капиталов. В настоящее время основные инструменты воздействия осуществляются органами ФНС и ЦБ, а также при помощи риск-ориентированных проверок.

Список литературы:

1. Закон СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1986. — № 47. — Ст. 964.

2. Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1988. — № 22. — Ст. 355.

3. Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1990 г. № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» // СП СССР. — 1990. — № 27. — Ст. 129.

4. Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1990. — № 30. — Ст. 418.

5. Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 25. — Ст. 2343.

6. Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2000 г. № 121 «О федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000 – 2001 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 8. — Ст. 959.

7. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006.

8. Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р (ред. от 10 июня 2022 г.) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 24. — Ст. 3549.

9. Указ Президента РФ от 22 июня 2012 г. № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 26. — Ст. 3515.

© *Лобанов А. А., 2026*

EDN: EZTMUL

Лобанова Марина Евгеньевна
доцент кафедры финансов и экономической безопасности
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
Донецк, Россия
кандидат экономических наук, доцент
Lmemarina@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье проведен анализ социальной безопасности России в 2023 – 2025 годах через ключевые индикаторы: охват населения мерами социальной защиты, адекватность выплат (коэффициент замещения пенсией), уровень бедности среди пенсионеров и доля государственных расходов на социальную защиту в ВВП. На основе официальных данных проводится сравнение с высокодоходными странами ОЭСР, Китаем и странами ЕАЭС. Показано, что Россия обеспечивает один из самых высоких уровней охвата мерами социальной поддержки населения (89 – 91%), но существенно отстаёт по адекватности пенсий (коэффициент замещения 25 – 41% в зависимости от методики) и доле расходов (8,1 – 8,9% ВВП). Аргументируется, что система остаётся устойчивой в краткосрочной перспективе благодаря проведенной индексации пенсий в 2024 – 2025 годах (+6,8% и +7,6%), но сталкивается со структурными вызовами: демографическим старением, низким замещением дохода, недостаточным финансированием и ростом неформальной занятости.
Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, социальная безопасность, устойчивость, достойный уровень жизни, демографическое старение, меры социальной поддержки.

Экономическая и социальная безопасность являются ключевыми компонентами национальной безопасности Российской Федерации,

закрепленными в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 с последующими изменениями. Экономическая безопасность подразумевает устойчивость экономики к внешним и внутренним угрозам, включая фискальную стабильность, рост ВВП и защиту от кризисов. Социальная безопасность фокусируется на гарантиях достойного уровня жизни, снижения бедности, социальной защите уязвимых групп граждан и предотвращении социальной напряженности в обществе [1].

Под социальной безопасностью понимается способность государства и общества минимизировать последствия основных социальных рисков (старость, инвалидность, потеря кормильца, болезнь, безработица, бедность, материнство) через систему обязательного социального страхования, государственной социальной помощи и мер поддержки занятости.

Россия входит в группу стран с высоким охватом мерами социальной поддержки населения (89 – 91 %), сопоставимым с большинством стран ОЭСР и значительно превосходящим Китай, Индию и большинство развивающихся государств (табл. 1). Универсальность пенсионной системы и широкое распространение социальных пособий обеспечивает широкий формальный охват, но фактически защита не имеет невысокий уровень из-за низкой адекватности производимых выплат. Так, например, коэффициент замещения пенсией (38 – 41 %) значительно ниже уровня, рекомендованного МОТ (минимум 40 %, 50 – 60 % рекомендовано), что противоречит цели достойного уровня жизни на пенсии.

Таблица 1. Показатели социальной безопасности России и зарубежных стран за 2023 – 2025 гг. [2 – 6]

Страна / Группа стран	Охват хотя бы одной мерой социальной поддержки, %	Расходы на социальную поддержку (без здравоохранения), % ВВП	Коэффициент замещения пенсией, %	Уровень бедности граждан возрастной категории 65+, %
Россия	89 – 91	8,1 – 8,9	38 – 41	10,5 – 11,2
Высокодоходные страны ОЭСР	88 – 96	18,2 – 22,8	55 – 72	4 – 13
Франция	96 – 97	23,4 – 24,1	68 – 71	6 – 8
Германия	94 – 96	24,5 – 25,8	48 – 52	10 – 12
США	90 – 93	17,8 – 19,2	45 – 50	9 – 11

Страна / Группа стран	Охват хотя бы одной мерой социальной поддержки, %	Расходы на социальную поддержку (без здравоохранения), % ВВП	Коэффициент замещения пенсией, %	Уровень бедности граждан возрастной категории 65+, %
Китай	75 – 82 (город — 95, село — 70)	8,5 – 9,8	40 – 55 (город) 15 – 25 (село)	5 – 12
Казахстан	82 – 86	7,8 – 8,5	42 – 46	4 – 7
Беларусь	92 – 94	11,5 – 12,8	45 – 50	3 – 5

Как видно из данных, приведенных в табл. 1, в России имеет место универсальный охват мерами социальной поддержки населения (89 – 91 % населения обеспечены одной мерой поддержки), наблюдается стабильный рост расходов на социальную поддержку граждан (за три года произошло увеличение с 8,1 до 8,9 %), увеличивается коэффициент замещения с 38 % в 2023 году до 41 в 2025 году, также происходит значительное снижение уровня бедности среди старшего поколения (с 15,2 % в 2020 году до 11,2 % в 2025 году) (табл. 1) [3, 4].

На фоне положительных аспектов, имеют место и проблемные моменты: низкий коэффициент замещения пенсией — один из самых низких среди стран ОЭСР и ЕАЭС (38 – 41 %), а удельный вес расходов на социальную защиту граждан в ВВП существенно ниже, чем в странах с сопоставимым уровнем дохода на душу населения (Польша — 14 – 15 %, Чехия — 16 – 17 %, Казахстан — 7,8 – 8,5 %).

Таким образом, главным ограничением выступает крайне низкая адекватность социальных выплат и недостаточный объем финансирования (8 – 9 % ВВП против 18 – 25 % в странах-лидерах ОЭСР). Система социальной защиты устойчива в краткосрочной перспективе (2026 – 2028 гг.) благодаря гибкости индексации, однако в среднесрочной перспективе (2029 – 2035 гг.) столкнется с нарастающим демографическим давлением и риском снижения уровня замещения.

Для повышения социальной безопасности необходимы следующие меры:

— постепенное увеличение расходов на социальную защиту до 10 – 12% ВВП к 2030 году;

— реформирование пенсионной системы в части повышения коэффициента замещения (45 – 50% к 2035 г.);

— развитие адресности программ социальной защиты граждан;

— защита людей предпенсионного возраста от безработицы;

— усиление защиты от новых рисков, связанных с цифровой трансформацией рынка труда и др. [8, 10, 11].

Экономическая безопасность России определяется как состояние экономики, обеспечивающее суверенитет, устойчивость к внешним и внутренним угрозам, а также социальное благополучие населения. Пенсионный фактор играет ключевую роль в этом контексте, поскольку пенсионная система влияет на уровень жизни пожилых граждан, потребительский спрос, фискальную стабильность и демографические процессы. В условиях старения населения (доля лиц старше 65 лет — около 17 % в 2026 году) и геополитических вызовов пенсионная система становится индикатором социальной устойчивости. Согласно прогнозу Минэкономразвития на 2026 – 2028 годы, расходы на пенсии составят 8 – 9 % ВВП, что подчеркивает их значимость для экономической безопасности [7, 8].

Россия переживает один из самых быстрых и глубоких процессов демографического старения населения среди крупных стран мира. К началу 2026 года доля лиц старше 65 лет приблизилась к 17 % (табл. 2), а коэффициент демографической нагрузки (число лиц старше 65 лет на 100 человек трудоспособного возраста) превысил 32 – 33.

Таблица 2. Показатели, характеризующие процессы демографического старения населения за 2025 год [2 – 4]

Страна	Доля лиц старше 65 лет, %	Коэффициент демографической нагрузки	Средний возраст, лет	Фаза быстрого старения (факт/прогноз), год достижения
Россия	16,8 – 17,1	32 – 33	41,1 – 41,3	2032 – 2035
Япония	29,9	54 – 56	49,1	2006
Италия	24,1	41 – 43	47,3	2017
Германия	22,3	38 – 40	45,5	2030
Франция	21,1	35 – 37	43,2	2034
Китай	14,2 – 14,7	22 – 24	39,8	2035 – 2040
США	18,4	29 – 31	38,9	2038
Казахстан	8,1 – 8,5	12 – 13	32,1	после 2050
Беларусь	17,2	31 – 33	41,5	2030 – 2032

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, Россия уже находится в группе стран с высоким уровнем старения населения (Германия, Франция, США, Беларусь) и значительно отстает от Японии и Италии. Скорость старения в России одна из самых высоких в мире после Японии

и Южной Кореи (рост доли лиц старше 65 лет на 1 – 1,2 п.п. каждые 2 – 3 года). Китай и страны Центральной Азии пока еще существенно моложе, но по прогнозным данным Китай вступит в фазу быстрого старения примерно одновременно с Россией (2035 – 2040 гг.).

Основными причинами ускоренного старения населения России можно назвать следующие: очень низкая рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости в 2023 – 2025 гг. составил 1,41 – 1,24 ребенка на одну женщину); высокая смертность в трудоспособном возрасте (ожидаемая продолжительность жизни мужчин — 68,5 – 69 лет, женщин — 78 – 78,5 лет, гендерный разрыв составляет 9 – 10 лет); миграционный отток молодежи и др.

В условиях демографического старения населения пенсионная система испытывает нарастающее давление (табл. 3) — низкий коэффициент замещения (25 – 41 %) и расходы на уровне 8 – 9 % ВВП не позволяют обеспечить достойный уровень жизни большинства пенсионеров. Индексация 2024 – 2025 гг. пенсионных выплат дает краткосрочный эффект, но не решает структурных проблем. Дефицит бюджета СФР, согласно прогнозным данным, имеет тенденцию к увеличению (от 4,5 трлн руб. до 9 трлн руб.).

Таблица 3. Социально-экономические последствия демографического старения населения России для социальной сферы [7, 8, 10]

Сфера	Текущее состояние (2025 – 2026 гг.)	Прогноз к 2030 – 2035 гг.	Основные риски и вызовы
Пенсионная система	Дефицит бюджета СФР 4,5 – 5,5 трлн руб. в год	Дефицит бюджета СФР 7 – 9 трлн руб. в год	Снижение коэффициента замещения пенсией, увеличение среднего размера пенсий
Рынок труда	Коэффициент замещения трудоспособных граждан на пенсионеров — 3	Снижение коэффициента замещения до 2,2 – 2,5	Дефицит рабочей силы 2,5 – 4 млн человек
Система здравоохранения	Доля расходов на лиц старше 65 лет — 55 – 60% всех расходов	Увеличение доли расходов на лиц старше 65 лет до 65 – 70% всех расходов	Усиление межпоколенческого неравенства
Социальная защита семьи	Суммарный коэффициент рождаемости 1,24 – 1,3; материнский капитал; единое пособие	Суммарный коэффициент рождаемости не превысит 1,5	Отсутствие эффекта от мер стимулирования рождаемости

Рынок труда и система здравоохранения столкнутся также с системным дефицитом: снижение численности трудоспособного населения на 4 – 6 млн человек к 2035 году и рост расходов на пожилых граждан до 65 – 70 % бюджета здравоохранения создаст риск стагнации экономики и перегрузки системы здравоохранения.

Меры демографической политики на данный момент не дают устойчивого эффекта — суммарный коэффициент рождаемости остается на низком уровне, несмотря на меры поддержки семей с детьми (увеличение материнского капитала, единое пособие, льготная ипотека), а также продолжает ускоряться естественная убыль населения.

Демографическое старение населения России достигло критического уровня и будет определять социально-экономическую повестку ближайших 15 – 20 лет, поэтому без комплексной реформы пенсионной системы, активной миграционной политики и реального повышения уровня рождаемости будет снижаться уровень жизни пожилых граждан, увеличиваться нагрузка на бюджетную систему страны, что негативно отразится на уровне социальной безопасности.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // URL: www.consultant.ru.

2. Официальный Сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/.

3. Официальный Сайт Социального фонда России (СФР) [Электронный ресурс] // URL: https://sfr.gov.ru/.

4. Официальный Сайт Министерства труда и социальной защиты РФ (Минтруда) [Электронный ресурс] // URL: https://mintrud.gov.ru/.

5. Официальный Сайт Министерства финансов РФ [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/.

6. Официальный Сайт Всемирного банка [Электронный ресурс] // URL: https://www.worldbank.org/.

7. Лобанова, М. Е. Достижение «цифровой зрелости» социальной сферы / М. Е. Лобанова // Тенденции и перспективы развития финансов в условиях цифровизации: Материалы II Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 19 февраля 2025 года. — Донецк: ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2025. — С. 175 – 182.

8. Лобанова, М. Е. Социальное казначейство как новое направление повышения эффективности бюджетных расходов на реализацию мер социальной поддержки граждан / М. Е. Лобанова // Тенденции и перспективы развития финансов в условиях цифровизации: материалы I Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 28 марта 2024 года. — Донецк: ФЛП Кириенко С. Г., 2024. — С. 56 – 61.

9. Концептуальные основы развития финансов в условиях цифровизации / Л. А. Омельянович, Е. В. Беляева, Ю. Л. Верич [и др.]. — Самара: НИЦ «ПНК», 2025. — 217 с.

10. Трансформации социально-экономического пространства России и стратегии территориального развития: экономические, институциональные, экологические проблемы и механизмы их решения / В. Г. Антонец, П. С. Белов, А. А. Бессарабова [и др.]. — Самара:: ПНК, 2025. — 388 с.

© Лобанова М. Е., 2026

EDN: ERZMYJ

Логинова Наталья Анатольевна
профессор кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
loginova.79@mail.ru

АНАЛИЗ РЫНОЧНОЙ КОНЪЮНКТУРЫ ОНЛАЙН-БИЗНЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются современные угрозы экономической безопасности государства, сконцентрированные в рыночной среде онлайн-бизнеса. Цель статьи — продемонстрировать новые возможности анализа рыночной конъюнктуры при исследовании угроз экономической безопасности государства. Выявлены и обоснованы ключевые угрозы экономической безопасности государства: усложнение налогового администрирования и рост теневого сектора, рост оборота контрафакта и «серого» импорта, снижение управляемости экономики и рост монополизации платформ, уязвимость для мошеннических и террористических схем, кадровый голод и снижение производительности труда, рост рисков «деквалификации» и потери профессиональных кадров, усиление социального расслоения через «успешный успех», размывание традиционных ценностей и лояльности, рост рисков «финансовых пузырей» из-за низкой финансовой грамотности населения.
Ключевые слова: экономическая безопасность, анализ, рыночная конъюнктура, онлайн-бизнес, государство.

Сегодня для обеспечения экономической безопасности государства классического анализа рыночной конъюнктуры онлайн-бизнеса недостаточно, что обусловлено влиянием следующих факторов: уход

зарубежных игроков, изменения на рынке рекламы, введение цифрового рубля, блокировки платформ и мессенджеров, ужесточение положений Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» в части предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путём; предотвращения финансирования терроризма, экстремистской деятельности и распространения оружия массового уничтожения; установления бенефициарных владельцев и раскрытие информации о них. Под влиянием данных факторов рыночная среда онлайн бизнеса стала высокорисковой и без анализа данных рисков (а не только финансовых результатов) бизнес обречен на блокировки, потерю репутации и даже банкротство.

Цель статьи — продемонстрировать новые возможности анализа рыночной конъюнктуры при исследовании угроз экономической безопасности государства.

В настоящее время рыночная среда онлайн-бизнеса это не только про спрос, предложение, цену и конкуренцию. В первую очередь это про совокупность цифровых платформ, платежных систем, регуляторов (Центральный банк России, Роскомнадзор, Федеральную налоговую службу), логистических партнеров и киберпространства.

Специфика современных угроз экономической безопасности государства в онлайн-бизнесе условно можно разделить на два типа [3]:

а) классические — падение спроса, рост конкуренции, снижение интереса к продукту, неконтролируемое изменение цен и прочее;

б) специфические (цифровые) — DDoS-атаки, мошенничество (фрод), утечка данных клиентов, блокировка аккаунта маркетплейсов, риск попадания в реестр недобросовестных участников, санкционные ограничения на трансграничные платежи и прочее.

Для целей нашего исследования опишем ключевые тенденции рыночной среды онлайн-бизнеса, порождающие угрозы экономической безопасности государства.

По данным проведенных компанией Яндекс исследований в период с августа по октябрь 2025 года установлено, что самыми востребованными направлениями онлайн-бизнеса являются: 1) интернет-магазины и маркетплейсы (91 %); 2) службы доставки (87 %); 3) онлайн-банкинг (84 %); 4) сайты поиска работы (77 %); 5) недвижимость (65 %); 6) пассажирские и грузовые перевозки (63 %); 7) интернет-маркетинг (60 %);

8) онлайн-кинотеатры (48 %); 9) стриминговые платформы (39 %); 10) онлайн-доски объявлений (33 %); 11) интернет-аукционы (30 %); 12) онлайн-галереи (21 %); 13) сотрудничество разных хозяйствующих субъектов на одном ресурсе (20 %); 14) администрирование бизнеса, в том числе концессии, система налогообложения и таможенное обеспечение (18 %); 15) бухгалтерский учет (15 %).

Таким образом, в настоящее время наиболее востребованными направлениями онлайн-бизнеса являются: 1) интернет-магазины и маркетплейсы (91 %); 2) службы доставки (87 %); 3) онлайн-банкинг (84 %); 4) сайты поиска работы (77 %), что обусловлено опережающим развитием цифровых платформ и приложений в сферах e-commerce, банковских операций.

Исходя из изложенного уточним понятие рыночная конъюнктура онлайн-бизнеса как сферу взаимодействий хозяйствующих субъектов рынка — поставщики, клиенты, конкуренты, посредники, партнеры по бизнесу, а также властные структуры, банки, инвесторы, — которая определяет результативность их деятельности в режиме онлайн.

Первая тенденция. Число действующих хозяйствующих субъектов (юридических и физических лиц) в России с кодом ОКВЭД «Интернет-торговля» (интернет-магазины и селлеры) с 2019 года выросло более чем в восемь с половиной раз. Наибольший всплеск числа бизнесов в сфере онлайн-торговли произошел в период с 2020 года до 2021 — за этот период число бизнесов увеличилось в два раза. Для сравнения: годом ранее прирост таких хозяйствующих субъектов составил всего 19 %. После 2021 года прирост числа работающих в России хозяйствующих субъектов с кодом ОКВЭД «Интернет-торговля» замедлился: динамика в 2022 году — +87 %, в 2023 — +47 %, а в 2024 — +26 %.

Важно отметить, что пандемия ограничила доступ людей к классическим магазинам и привычным активностям, и это привело к буму онлайн продаж. Высокий рост онлайн-бизнеса в 2020 – 2021 годах объясняется эффектом низкой базы и «золотой лихорадкой» маркетплейсов. Пандемия вызвала переход бизнеса из офлайна в онлайн, что привело к резкому росту числа продавцов. Однако в 2024 – 2025 годах рынок уже не растет такими бешеными темпами — на маркетплейсах замедляется темп прироста числа селлеров.

Вторая тенденция. За последние пять лет (с 2020 по 2025 гг.) оборот интернет-магазинов вырос почти вдвое. За этот же период медианный оборот интернет-магазинов вырос почти на 82 % — до 109 200 ₽ в месяц

на хозяйствующий субъект. При этом увеличение не было поступательным: в 2020 году показатель увеличился на 7 % год к году, в 2021 — уже на 23 %, после чего медианный оборот снизился на 9 % год к году в 2022 году.

После 2022 года показатель снова начал расти: в 2023году — примерно на 33 % год к году, в 2024 году порядка на 15 % год к году. Период с 2021 года по 2022 стал турбулентным для онлайн-предпринимателей: многие привычные процессы изменились, поэтому пришлось сильно, а зачастую и полностью перестроить подход к бизнесу. В первую очередь пострадала логистика и отстроенные трансграничные поставки. В 2022 году предпринимателям пришлось пересмотреть отработанные механизмы работы, чтобы справиться с санкциями и другими трудностями, возникшими на их фоне. После небольшого спада обороты онлайн-бизнеса снова улучшились: за 2023 год — примерно на 33 %, за 2024 год порядка 15 %. Как только онлайн-предприниматели поняли новые правила игры, темпы роста перешли из отрицательного показателя в плюс. Кроме того, следует отметить, важный факт: маркетплейсы инвестируют до 20 % прибыли в стоимость товаров, что влияет на повышение оборотов селлеров.

Таким образом, можно заключить, что пандемия запустила онлайн-бизнес в небо, а санкции слегка уравняли игроков на рынке.

Третья тенденция. В онлайн-бизнес в период с 2019 по 2024 гг. пришло больше женщин и молодежи.

Среди владельцев интернет-магазинов с 2020 по 2023 год нами фиксирован небольшой перекос в сторону мужчин, но с течением времени их доля постепенно снизилась с 57 до 51 %. К 2025 года доли мужчин и женщин в онлайн-бизнесе стали равными. Владельцы интернет-магазинов «помолодели». Так, если в 2020 году возрастная группа 40 – 44 года преобладала с показателем 29 %, то в 2025 ее доля снизилась до 18 %. Доля предпринимателей старше 44 лет также постепенно снижается. В настоящее время самой многочисленной стала группа 35 – 39 лет, поскольку ее доля среди владельцев интернет-магазинов составила 26 %. Доля молодых онлайн-предпринимателей в возрасте 20 – 24 лет за исследуемый период увеличилась с 0 до 4 %, в возрасте 25 – 29 лет — с 1 до 11 %, в возрасте 30 – 34 лет — с 7 до 18 %. Среди селлеров маркетплейсов в 2020 – 2021 годах доля мужчин была выше и составляла порядка 60 %. В настоящее время ситуация изменилась: в октябре 2024 года женщины составили 52 % от всех продавцов, а мужчины — 48 %. Самая высокая доля женщин среди продавцов

маркетплейсов — на Wildberries, в 2024 году она достигла 58 %. Как и в случае с владельцами интернет-магазинов, среди продавцов маркетплейсов растет доля молодых людей. В 2020 году самой многочисленной группой селлеров были люди в возрасте 40 – 44 лет — их доля составляла 30 %. В 2025 она снизилась до 14 %.

Теперь самая большая часть селлеров приходится на возрастную группу 35 – 39 лет — 23 %. Доля селлеров в возрасте 20 – 24 лет за четыре года выросла с 0 до 8 %, в возрасте 25 – 29 лет — с 2 до 16 %, в возрасте 30 – 34 лет — с 10 до 20 %. Еще 1 % селлеров в 2024 году составляют люди младше 20 лет.

Таким образом, Онлайн-бизнес всегда привлекал достаточно молодых людей, однако в современных условиях порог входа в нишу снизился — бизнес чаще может запускать молодежь без внушительного стартового капитала.

Четвертая тенденция. Регионы вытесняют столицу. В настоящее время отмечается повышение доли регионов в e-commerce: с одной стороны, большое количество предпринимателей начинают развивать свой бизнес в регионах, а с другой, развитие сервисов доставки позволяет обеспечить высокую доступность получения заказов товаров жителям регионов. При этом, отметим, что Москва и Санкт-Петербург по-прежнему лидируют по числу хозяйствующих субъектов в онлайн-бизнесе, однако динамика долей этих городов имеет тенденцию к снижению. С 2019 года доля столицы по числу хозяйствующих субъектов в онлайн-бизнесе снизилась почти на 12 %, а Петербурга — на 3 %. Тенденция к усилению роли регионов в онлайн-бизнесе также обусловлена расширением возможностей e-commerce в доставке огромного ассортимента товаров в любой регион.

Среди регионов за период с 2021 – 2025 гг. доля появившихся новых хозяйствующих субъектов значительнее всего выросла в Краснодарском крае — на 1,6 %.За последний год в топ-10 регионов по приросту числа хозяйствующих субъектов онлайн-бизнеса вошли: 1) Ставропольский край — на 46 %; 2) Воронежская область — на 45 %; 3) Ростовская область — на 41 %; 4) Ленинградская область — на 39 %; 5) Самарская область — на 36 %; 6) Томская область — на 34 %; 7) Республика Татарстан — на 34 %; 8) Красноярский край — на 33 %; 9) Иркутская область — на 32 %; 10) Челябинская область — на 32 %.

Пятая тенденция. Покупать на маркетплейсах становится привлекательнее (равносильно — модно, прим. автора), а работать — сложнее

(равносильно — привлекательно, прим. автора). Отметим, что маркетплейсы пережили бурный прирост числа хозяйствующих субъектов за период с 2019 по 2025 гг. Так, в IV квартале 2021 года динамика к IV кварталу 2019 года достигла 555 %. После этого начался спад, и во III квартале 2025 года число селлеров выросло всего на 26 % год к итогам 2024 года.

Сильнее всего за период I квартал 2024 года по III квартал 2025 года число продавцов выросло на Мегамаркете (входит в экосистему Сбера) — в 2,7 раза. При этом доля этого маркетплейса по количеству селлеров среди онлайн-площадок остается одной из самых низких, что обусловлено следующими причинами: 1) маркетплейс закрыл 11 региональных складов и перестал доставлять товары со склада продавца; 2) появились ограничения по размеру товаров: они должны помещаться в курьерскую сумку, а их вес не может превышать 15 кг; 3) высокая стоимость доставки; 4) небольшой ассортимент товаров в сравнении с Ozon и Wildberries; 5) ошибочные управленческие решения: установление высокого кэшбэка, скидок, использование промокодов, что привело к спекуляции со стороны недобросовестных участников онлайн-бизнеса (перекупщиков дешевых товаров). Вместе с тем, следует отметить, что замедление роста числа продавцов на маркетплейсах, что обусловлено усилением конкуренции на самих площадках и ужесточением правил выхода и работы на них. На этом фоне хозяйствующие субъекты онлайн-бизнеса ищут альтернативные каналы продаж — интернет-магазины и относительно молодые нишевые маркетплейсы.

За 2024 год обороты рынка нишевых маркетплейсов увеличились на 31 % — до 633 млрд рублей. По прогнозу аналитиков Т-Банка и Data Insight, при сохранении текущих темпов роста объем продаж нишевых маркетплейсов превысит 1 трлн рублей в 2026 году.

В будущем темп роста числа продавцов на маркетплейсах продолжит замедляться, поскольку хозяйствующие субъекты онлайн-бизнеса будут стремиться использовать максимум каналов для реализации продукции. Логичной дополнительной площадкой могут стать собственный интернет-магазин, соцсети, нишевые маркетплейсы, а также альтернативные площадки для привлечения новой аудитории. Некоторые селлеры также будут пользоваться «обратной омниканальностью» — когда те, кто торговал исключительно онлайн, открывают небольшие офлайн-точки, чтобы покупатели могли примерить товары или получить какой-то опыт взаимодействия с брендом [1]. Следовательно, новички в онлайн-бизнесе

будут должны еще более осознанно подходить к выходу на конкурентный рынок: проводить анализ ниш; исследовать поведение активных (растущих) игроков; продумывать стратегию на несколько лет вперед; прогнозировать и планировать возможные риски.

Несмотря на охлаждение интереса к маркетплейсам со стороны новых продавцов, онлайн-площадки набирают популярность среди покупателей, во многом — за счет регионов. Так, в пятерку лидеров по росту числа заказов за первый квартал 2025 года вошли: Омск — +59 %, Красноярск — +58 %, Новосибирск — +53 %, Челябинск — +50 %, Пермь — +49 %. Москва оказалась лишь на 17-м месте с приростом 29 %.

Обороты селлеров также активнее растут в регионах. По итогам I квартала 2025 года лидерами по показателю стали Омск и Красноярск — там динамика превысила 60 %. Санкт-Петербург оказался на 12-й позиции в рейтинге городов-миллионников по росту оборотов на маркетплейсах с показателем 42 %, Москва — еще ниже. Заслуживает внимание исследование предпочтений маркетплейсов среди покупателей. Мы выделили 6 крупнейших онлайн-площадок — Wildberries, Ozon, AliExpress, Яндекс-маркет, Мегамаркет, Магнит-Маркет. В городах миллионниках преимущественно покупки совершаются на Wildberries за исключением Санкт-Петербурга, что обусловлено большим количеством доступных для покупателей пунктов выдачи заказов, развитой курьерской сетью. В Санкт-Петербурге покупатели предпочитают Ozon, что свидетельствует о качественной инфраструктуре созданной данной онлайн площадкой в этом городе. Также следует отметить, что в городах с населением меньше одного миллиона человек наблюдается тенденция сокращения доли Wildberries и наращением доли Ozon. Онлайн площадки: AliExpress, Яндекс-маркет, Мегамаркет представлены во всех городах, но имеют небольшие доли, что обусловлено множеством причин (небольшое количество складов, слабая логистика и пр.).

Таким образом, сегмент e-commerce, несмотря на постепенное пресыщение в некоторых его сферах — например, маркетплейсах, — еще не достиг пика в России и будет расти, пока не займет половину от всего потребления товаров в России. Также будут развиваться нишевые маркетплейсы, торговля через соцсети и мессенджеры и альтернативные рекламные площадки, и в этих глобальных процессах в числе прочего найдется место локальным производителям: главное — освоить принципы интернет-торговли.

Шестая тенденция. Также все больше предпринимателей не только продают, но и оказывают услуги онлайн, и это тоже территория онлайн-бизнеса.

Если раньше родители выбирали репетитора для ребенка или курсы по повышению квалификации для себя поближе к дому, то теперь можем обратиться к лучшим специалистам и школам, даже если они территориально находятся очень далеко. Этот канал не перестанет быть популярным у заказчиков. Рост потребительского спроса на заказ товаров и услуг онлайн заставляет бизнес активнее переходить в Internet. Растущая цифровизация рынка услуг формирует новую культуру выбора подрядчиков и специалистов во всех сферах — от клининга до строительных работ [2, 4]. Цифровые платформы предлагают большую базу исполнителей, поэтому пользователи стали более требовательны к качеству услуг, скорости их оказания и клиентскому сервису. У потребителей появилась возможность выбирать: они больше не хотят «покупать кота в мешке». Перед тем как заказать услугу, потребители внимательно изучают портфолио исполнителей, отзывы на их работу. Большинство заказчиков (75 %) в процессе поиска рассматривают несколько специалистов, сравнивают двух-трех из них и принимают решение.

Вместе, с тем, отметим, что никуда не денутся и офлайн-магазины: потребителям по-прежнему важно увидеть, пощупать и получить опыт вживую. Для брендов, которые настроены на очное взаимодействие с покупателем, интернет-магазины будут дополнительным каналом продаж. А онлайн-бизнес, напротив, будет искать дополнительное касание с клиентом через пункты выдачи заказов или небольшие шоурумы [5,6]. Анализ рассмотренных нами тенденций позволяет систематизировать проблемы, с которыми сталкивается онлайн-бизнес, в том числе, порожденные деятельностью недобросовестных участников онлайн-бизнеса.

Выявленные тенденции порождают следующие угрозы экономической безопасности государства:

1) усложнение налогового администрирования и рост теневого сектора, что проявляется в снижении доходов бюджетов всех уровней и усилении недобросовестной конкуренции;

2) рост оборота контрафакта и «серого» импорта, что проявляется в «потерях» легального производства и угрозах здоровью населения;

3) снижение управляемости экономики и рост монополизации платформ, что проявляется в формировании «государства в государстве»

(платформа самостоятельно решает, кого заблокировать, а чей товар показать первым) и повышении рисков дестабилизации (например, если платформа обанкротится или попадет под санкции рухнет сразу вся экосистема из тысяч малых предприятий и может спровоцировать социальный взрыв в обществе в виде безработицы, невыплаты заработной платы и прочее);

4) уязвимость для мошеннических и террористических схем, что проявляется в легализации преступных доходов и разрастании «теневой» финансовой системы (появление криптообменников, P2P-переводов и прочее);

5) кадровый голод и снижение производительности труда, что проявляется в девиации занятости (молодые люди стремятся работать менеджерами маркетплейсов, а не в реальном секторе экономике, и потенциально может привести к потере технологического суверенитета);

6) рост рисков «деквалификации» и потери профессиональных кадров, что приводит к потери квалифицированных кадров в критически важных отраслях (здравоохранение, образование, промышленность), и в перспективе подрывает социальный суверенитет государства;

7) усиление социального расслоения через «успешный успех», что проявляется через формирование культа потребления, а не производства и формирует социальную напряженность в обществе;

8) размывание традиционных ценностей и лояльности, что может в перспективе проявиться в утрате культурного кода и социальной сплоченности;

9) рост рисков «финансовых пузырей» из-за низкой финансовой грамотности населения.

Список литературы:

1. Арженовский, С. В. Комплекс мер по противодействию угрозам национальной безопасности России в сфере аудита / С. В. Арженовский, А. В. Бахтеев, Т. Г. Синявская // Финансовые исследования. — 2021. — № 3(72). — С. 22 – 29.

2. Бекбергенева Д. Е. Исследование цифрового менталитета населения региона // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 8(190). С. 603 – 611.

3. Квитчук, М. А. Социальные детерминанты и преступность экономической направленности / М. А. Квитчук // Образование и право. — 2025. — № 9. — С. 579 – 585. — DOI 10.24412/2076-1503-2025-9-579-585.

4. Логинова, Н. А. Предпосылки исследования криминальной деятельности участников онлайн-бизнеса / Н. А. Логинова, М. А. Головинский // Экономическая политика и национальная безопасность. — 2025. — № 1(1). — С. 41 – 52.

5. Логинова, Н. А. Как выявить нелегальных хозяйствующих субъектов? / Н. А. Логинова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — Т. 14, № 9-1. — С. 318 – 323.

6. Экономика и управление цифровой трансформацией экономических систем / Н. С. Алексеева, А. А. Алетдинова, А. В. Бабкин [и др.]. — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. — 618 с. — ISBN 978-5-7422-8799-5. — DOI 10.18720/IEP/2024.5.

© Логинова Н. А., 2026

EDN: ERIRQN

Лозина Юлия Александровна
заместитель начальника кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук, доцент
1612ulia.l@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация. В результате проведенного анализа правоприменительной практики выявлены актуальные проблемы функционирования института интеллектуальной собственности (ИС) России. Делается вывод о том, что скорость регистрации объектов интеллектуальной собственности является критически важным фактором, оказывающим влияние на технологический суверенитет государства и укрепление его экономической безопасности с учетом санкционного давления. Показаны административные и правовые барьеры, сформулирован комплекс правовых и организационных мер, направленных на повышение эффективности государственного управления в этой сфере: в нормах института принудительного лицензирования, в ускорении процедур для объектов ИС критически важных отраслей, в механизме исчерпания прав. Сформулировано, что цифровизация основных предрегистрационных процедур, свободный поиск запатентованных технологий в Роспатенте создадут экономические стимулы для регистрации нематериальных активов. Предложенные меры направлены на переход от фискальной модели регулирования к стимулирующей и защитной парадигме, что позволит минимизировать риски экономической безопасности и обеспечить ускоренное импортозамещение.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, экономическая безопасность, санкционное давление, патентование, принудительное лицензирование, цифровизация, Роспатент, технологический суверенитет, нематериальные активы.

Современный этап развития российской экономики характеризуется экзогенным шоком, вызванным беспрецедентными санкционными ограничениями со стороны недружественных государств [1]. В этих условиях ключевым императивом становится обеспечение экономической безопасности, неотъемлемым элементом которой выступает технологический суверенитет. Интеллектуальная собственность (ИС) перестает быть исключительно инструментом рыночной конкуренции и приобретает статус стратегического ресурса национальной безопасности. Санкции высветили системную проблему: высокая зависимость от зарубежных технологий и патентов при одновременной забюрократизированности процедур регистрации собственных разработок создает критические уязвимости.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что скорость регистрации объектов интеллектуальной собственности напрямую коррелирует со скоростью обретения технологической независимости. В связи с этим целью работы является разработка комплекса правовых и управленческих мер, направленных на ускорение оборота ИС и повышение эффективности государственного управления в данной сфере как фактора укрепления экономической безопасности.

Интеллектуальная собственность в современной экономике выполняет функцию капитализации инновационной деятельности. Однако в условиях санкционного давления традиционная (рыночная) функция ИС дополняется защитной функцией. Патент или свидетельство на программу для ЭВМ становятся правовым щитом, позволяющим легализовать производство критически важной продукции, замещающей импортные аналоги, и защитить внутренний рынок от недобросовестной конкуренции.

Влияние санкций на оборотоспособность ИС носит двойственный характер. С одной стороны, уход зарубежных правообладателей и отказ от исполнения лицензионных договоров парализуют целые отрасли, использующие импортное ПО или технологии. С другой стороны, возникает уникальное «окно возможностей» для ускоренного развития отечественных разработок. Однако реализация этого потенциала невозможна

без устранения институциональных барьеров, блокирующих быстрый ввод результатов интеллектуальной деятельности (РИД) в хозяйственный оборот.

Эмпирический анализ правоприменительной практики позволяет выделить две группы барьеров, замедляющих регистрацию ИС.

Правовые пробелы (De lege lata). Действующее законодательство содержит механизмы, которые в новых условиях работают против национальных интересов. Ключевой проблемой является наличие «мертвых» патентов и товарных знаков. Иностранные правообладатели, покинувшие российский рынок, зачастую не используют свои патенты на территории РФ, но и не переуступают права, формально блокируя технологическое развитие отечественных предприятий на годы вперед. Существующая судебная процедура досрочного прекращения охраны товарного знака или патента в связи с неиспользованием является сложной, длительной и не всегда эффективной.

Управленческие и административные барьеры. Стандартные сроки проведения экспертизы заявок (от нескольких месяцев до года) не соответствуют динамике, диктуемой задачами импортозамещения. Особенно остро это проявляется в сфере государственного заказа. Средства, выделяемые на НИОКР, зачастую не приводят к появлению охраноспособных РИД: результаты работ пылятся на полках в виде отчетов, не будучи запатентованными и не увеличивая капитализацию предприятий. Кроме того, для бизнеса, особенно малого и среднего, процедура патентования сопряжена с высокими издержками, а постановка нематериальных активов на баланс влечет дополнительную налоговую нагрузку, что снижает мотивацию к регистрации.

Преодоление выявленных барьеров требует комплексной институциональной трансформации, включающей как законотворческие инициативы (de lege ferenda), так и оптимизацию управленческих процессов.

В целях расчистки патентного ландшафта для отечественных разработчиков представляется необходимым законодательно упростить процедуру принудительного лицензирования и расширить основания для досрочного прекращения охраны. Подобные процедуры имеют место в законодательных системах Индии, Бразилии, КНР, Франции, США, о чем имеются подробные исследования [2]. В принудительный порядок лицензирования целесообразно включить механизм «утраты приоритета» в случае неиспользования патента или товарного знака в течение 2 – 3 лет на территории РФ, сделав эту процедуру административной

(во внесудебном порядке). Это создаст для правообладателей дилемму: либо обеспечивать реальное использование объекта на российской экономике, либо уступить место отечественным производителям.

Ключевым направлением должно стать законодательное закрепление перечня технологий, критически важных для национальной безопасности (микроэлектроника, фармацевтика, станкостроение, авиастроение). Для заявок по данному перечню целесообразно введение «зеленого коридора экспертиз», т.е. проведение ускоренной экспертизы с сокращением срока регистрации до 1 – 2 месяцев. Также видится перспективным внедрение института предварительной заявки (disclosure document), позволяющей изобретателю зафиксировать приоритет в течение короткого времени (до 10 дней) путем подачи упрощенного описания, что снижает риски «кражи» идеи на этапе ее доработки.

Отдельного внимания требует легализация «параллельного импорта» не только товаров, но и технологий. В условиях, когда правообладатель из недружественной страны отказывается от поставок оборудования или лицензий на ПО для обеспечения безопасности целесообразно внести дополнения в часть четвертую ГК РФ, прямо разрешающие ввоз и использование соответствующих объектов ИС в случаях, если об этом принято постановление Правительства РФ. Это временная, но вынужденная мера, позволяющая снять технологические барьеры для бизнеса на период создания собственных разработок.

Административная реформа деятельности Роспатента должна быть направлена на тотальную цифровизацию. Внедрение систем искусственного интеллекта на этапе предварительной экспертизы позволит автоматизировать проверку формальных признаков и поиск аналогов, сократив нагрузку на экспертов и сроки рассмотрения с учетом создания открытой базы с набором данных [3]. Создание личных кабинетов с возможностью предварительного поиска по патентным базам повысит качество подаваемых заявок и снизит процент отказов.

Критически важным является внедрение административного регламента, обязывающего государственных заказчиков и исполнителей НИОКР в течение 6 месяцев после завершения работ подавать заявку на регистрацию полученных РИД. Необходимо закрепить персональную ответственность руководителей за «капитализацию» результатов интеллектуальной деятельности, созданных за бюджетный счет.

Экономическое стимулирование должно выражаться в реформе системы оценки нематериальных активов. В качестве управленческого

решения на уровне Минфина и ФНС видится введение «патентных каникул» или инвестиционного налогового вычета для предприятий, впервые ставящих на учет результаты интеллектуальной деятельности. Это нивелирует дисбаланс, когда налоговая нагрузка на НМА превышает выгоду от их использования. С учетом имеющихся противоречий между юридическим понятием объекта интеллектуальной собственности и НМА данная мера позволит безболезненно разобраться, какой все-таки НМА следует ставить на учет [4].

Кроме того, необходима активизация административной досудебной защиты. Расширение полномочий Палаты по патентным спорам и ФАС в части пресечения недобросовестной конкуренции, связанной с незаконным использованием ноу-хау на этапе до регистрации, создаст для изобретателя «бесшовную» защитную среду.

Реализация предложенного комплекса мер окажет мультипликативный эффект на микроэкономическом уровне. Упрощение регистрации и налоговое стимулирование постановки НМА на баланс напрямую повысят капитализацию компаний, делая их более привлекательными для инвесторов и устойчивыми к кризисным явлениям. Защита прав авторов-изобретателей повышает устойчивость домохозяйств и создает материальную основу для инновационной активности.

Для успешной реализации преобразований необходима институциональная координация государства и бизнеса. Требуется включение в программы Минпромторга обязательных образовательных модулей по основам патентования для руководителей предприятий ОПК и системообразующих организаций. Часто проблема заключается не в злом умысле, а в незнании процедур. Знаниеемкое производство должно формироваться общими усилиями государства и бизнеса [5]. Эффективной мерой также станет государственное субсидирование услуг патентных поверенных для малого бизнеса и стартапов в критических отраслях, что обеспечит высокое качество оформления заявок и ускорит их прохождение.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости смены парадигмы государственного регулирования в сфере интеллектуальной собственности. Фискальная модель, рассматривающая ИС преимущественно как объект налогообложения и источник пошлин, должна уступить место стимулирующей и защитной модели. Государство в сегодняшних условиях призвано выступать не просто регистратором, а активным актором, обеспечивающим «зеленый коридор» для

критических технологий, расчищающим патентный ландшафт от неиспользуемых активов и создающим экономические стимулы для инноваторов. Только такой подход позволит превратить интеллектуальную собственность в реальный фактор укрепления экономической безопасности и достижения технологического суверенитета России в условиях санкционного давления.

Список литературы:

1. Литвиненко, А. Н. Экономическая безопасность Российской Федерации: от адаптации к устойчивому развитию / А. Н. Литвиненко, Ю. А. Лозина // Вестник университета. — 2025. — № 10. — С. 226 – 236. — DOI 10.26425/1816-4277-2025-10-226-236. — EDN RZLIIN.

2. Латынцев, А. В. Возможные направления совершенствования правовых механизмов использования зарубежных объектов патентной охраны в целях интенсификации импортозамещения / А. В. Латынцев // Lex Russica (Русский закон). — 2025. — Т. 78, № 6(223). — С. 57 – 66. — DOI 10.17803/1729-5920.2025.223.6.057-066. — EDN NLZNBK.

3. Горбунов, А. В. Кластерный подход к формированию наборов патентных данных и оценивание качества поиска «уровня техники» / А. В. Горбунов // Научные и технические библиотеки. — 2025. — № 5. — С. 58 – 80. — DOI 10.33186/1027-3689-2025-5-58-80. — EDN EDKFDM.

4. Лисовская, И. А. Особенности признания отдельных объектов нематериальных активов с позиции ФСБУ 14/2022 / И. А. Лисовская, Н. Г. Трапезникова // Международный бухгалтерский учет. — 2023. — Т. 26, № 1(499). — С. 4 – 27. — DOI 10.24891/ia.26.1.4. — EDN RPEPFZ.

5. Бодрунов, С. Д. Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект / С. Д. Бодрунов // Экономика промышленности. — 2023. — Т. 16, № 2. — С. 135 – 140. — DOI 10.17073/2072-1633-2023-2 – 135 – 140. — EDN IPCLUS.

© Лозина Ю. А., 2026

EDN: RVJTLY

Лопатин Станислав Аркадьевич
старший научный сотрудник
Государственный научно-исследовательский
испытательный институт военной медицины
Санкт-Петербург, Россия
stanislav.lopatin47@yandex.ru

Бокарев Михаил Александрович
заместитель начальника кафедры общей и военной гигиены
Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
Санкт-Петербург, Россия
кандидат медицинских наук, доцент
mikhailbokarevspb@rambler.ru

УПРАВЛЕНИЕ ВОДОПОТРЕБЛЕНИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и возможности управления водопотреблением военнослужащих в полевых условиях при интенсивных физических нагрузках и высокой температуры. Выявлены перспективные направления, связанные с разработкой и использованием отечественных сенсорных систем, как средств мониторинга водного баланса. Они позволят управлять водопотреблением, степенью дегидратации организма военнослужащих в условиях высоких энерготрат и жары.
Ключевые слова: водопотребление, водное поведение, питьевая вода, военнослужащие, полевые условия.

Соблюдение водного баланса организма играет ключевую роль в поддержании гомеостаза и обеспечении эффективной физической деятельности. Водный баланс обеспечивается, с одной стороны водой, поступающей с пищей и дополнительными источниками жидкости, с другой — водопотерями (пот, моча, выдыхаемый воздух) и водой,

расходуемой организмом в ходе жизнедеятельности. Предупреждение обезвоживания особенно важно для военнослужащих, участвующих в СВО, т.к. достаточное количество жидкости в организме позволяет компенсировать и потерю крови при ранении [4].

Результаты исследования состояния функций организма и работоспособности военнослужащих воздушно-десантных войск в процессе боевой подготовки при быстрой (8 суток) передислокации из низкогорья в высокогорье (расстояние от 220 до 300 км) показали, что напряженность выполнения задач, среднесуточные энерготраты до 7000 ккал, ограничения снабжения водой и питания (дефицит энергии около 5000 ккал/сут.) приводили к снижению работо-, боеспособности на 11 – 40 % [3].

Основные источники воды в организме: экзогенная вода (поступающая с пищей) и эндогенная (образующегося эндогенно при катаболизме углеводов, жиров и белков). Доля экзогенной воды — около 88 %, эндогенной — около 12 %. В среднем организм взрослого мужчины массой 70 кг содержит 42 л воды, из которых 31,5 л приходится на внутриклеточную воду, 10,5 л — на внеклеточную, в том числе 3,2 л — в плазме крови. Вода поступает в организм с пищей и при утолении жажды (питье), выводится из организма с мочой, выдыхаемым воздухом и испаряемым потом. Эти процессы составляют внешний обмен воды в отличие от внутреннего, определяющего движение жидкости в теле между органами и тканями, клетками и пространствами. Обычно выведение воды из организма в умеренном климате составляет 2,0 – 2,5 л, в том числе 1,0 – 1,4 л выделяется с мочой, 0,5 – 1,0 л — испарением воды с кожи и при дыхании. Нормальное потребление воды здоровым человеком составляет 2200 – 2500 мл (или 30 – 35 мл на 1 кг массы) в день, в том числе 300 мл, образуемой в процессе метаболизма. Состав пищи влияет на количество образуемой метаболической воды (на каждый грамм окисленных в организме углеводов образуется 0,56 г воды, на один грамм белка — 0,41 г, на один грамм жира — 1,07 г).

Сохранение теплового равновесия организма требует, чтобы вся образующаяся энергия, не пользованная на выполнение работы, была рассеяна во внешнюю среду. Испарение влаги с кожи и дыхательных путей — важный путь теплоотдачи. В обычных условиях оно обеспечивает 20 – 25 % суммарных потерь тепла, но при высоких температурах окружающего воздуха этот путь теплоотдачи становится ведущим. Интенсивная работа при температуре воздуха выше 35 °С требует

испарения до 1 – 1,5 литров влаги в час, что обусловливает суточные потери жидкости порядка 6 – 8, а в ряде случаев 10 – 12 л. Человек удовлетворительно справляется с такой нагрузкой, если он своевременно и в достаточном объеме восполняет потери воды. Поддержание постоянства содержания и распределения воды в организме, сохранение оптимальной концентрации тканевой и клеточной жидкостей достигается двумя путями — регуляцией приема воды и ее выведения почками и с потом. При интенсивных потопотерях, достигающих 5 – 6 л/сутки и более, экскреция биогенных элементов становится значительной и может служить причиной солевой, белковой и витаминной недостаточности, влияющей на работо-, боеспособность.

Чувствительность регуляторных механизмов очень высокая: заметные и обнаруживаемые реакции и ощущения начинаются при отклонении водного баланса на 1 % от массы тела, т.е. на 600 – 700 мл. Это позволяет организму в нормальных условиях достаточно точно поддерживать количество и распределение воды в теле, не допуская ни ее снижения, ни увеличения сверх оптимума. Однако в некоторых экстремальных ситуациях регуляторные механизмы оказываются недостаточно точными, что может приводить к водному дефициту и дегидратации.

При выполнении одной и той же спортивной (тренировочной) задачи отмечается различная интенсивность физической нагрузки, что зависит от индивидуальных физиологических особенностей человека, мотивации, эмоционального фона, физические возможностей и т.п. Поэтому в тренировочном процессе рассчитывается индивидуальная суточная потребность и даются как персональные, так и групповые рекомендации по потреблению воды (мл/сут) [11].

Проявление симптомов обезвоживания в виде жажды начинается уже при потере воды в количестве 1 % от массы тела. Заметное снижение работо-, боеспособности, повышение температуры (перегревание) и учащение пульса наступают при дегидратации в 5 – 6 % массы тела. Потеря воды в количестве 6 – 10 % массы тела практически прекращает всякую активную деятельность, наступают прострация, анурия, возможны психические расстройства в виде бреда, галлюцинации, двигательного возбуждения. При потере 15 – 20 % воды (от веса) наступает смерть. Состояние обезвоживания легко обратимо даже при значительных потерях воды. Питье жидкости быстро прекращает все болезненные проявления и восстанавливает работо-, боеспособность.

Цель — провести анализ особенностей управления водным поведением военнослужащих в полевых условиях и выявить перспективные направления его совершенствования.

Материал и методы. Проанализированы статьи, размещенные в базах данных и информационных системах (научной электронной библиотеке Elibrary.ru, РИНЦ, Scopus) по исследованию организации и управления водопотреблением и водным балансом в организме военнослужащих в условиях интенсивных физических нагрузок и высокой температуре. Также учитывались данные и результаты собственных исследований авторов в условиях локальных военных конфликтов.

Результаты. Предлагается водное поведение военнослужащих в полевых условиях рассматривать как процесс, поддерживающий водный баланс в организме военнослужащих и основанный на комплексе, включающем механизм управления, условия водопотребления и осведомленность (информированность) всех участников полевого водообеспечения (рис. 1).

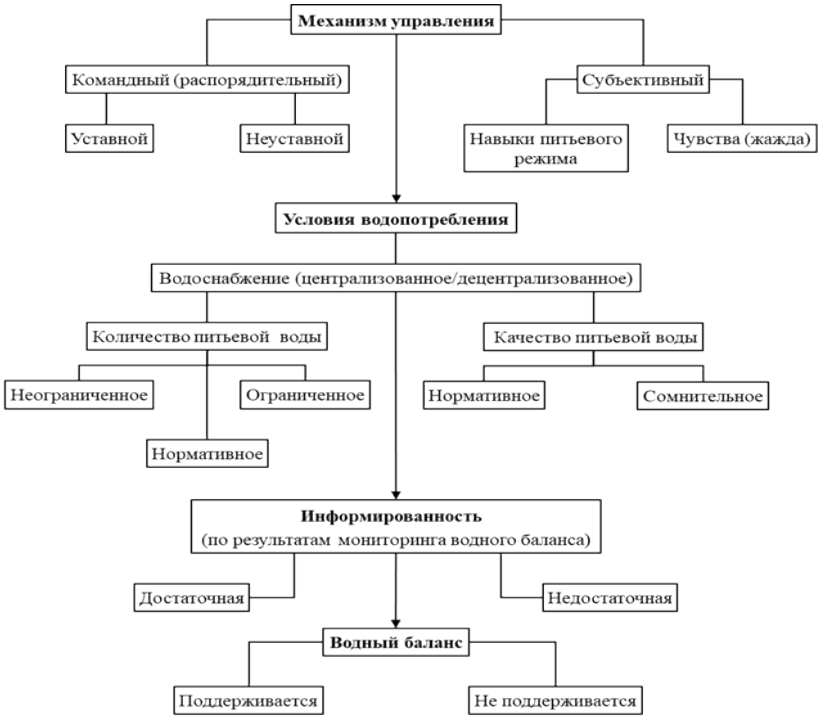

Рисунок 1. Схема комплекса, влияющего на водное поведение военнослужащих в полевых условиях

Командный механизм управления обеспечивает реализацию требований к количеству и качеству питьевой воды, но немонопольная ответственность не гарантирует реализацию требований в полном объеме. Традиционно сложившаяся коллективная ответственность

за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия войск, которое достигается комплексом мероприятий (организационных, административных, инженерно-технических, медико-санитарных, ветеринарных и иных), выполняемых соответствующими командирами и их службами на основании требований ст. 1 Федерального закона № 52-ФЗ [14]. В Уставе внутренней службы ВС РФ организация полевого водообеспечения возложена на командира воинской части, а полномочия по его осуществлению распределены между пятью службами (исполнителями): инженерной, медицинской, службой РХБ защиты, подразделениями материально-технического обеспечения, воинскими частями и подразделениями. Нами предлагалось подготовить нормативный правовой акт, содержащий решение о переходе с коллективной на монопольную ответственность за снабжение войск водой в поле путем организации в ВС РФ самостоятельной службы полевого водообеспечения [5].

Распорядительный механизм управления ориентирован на существующие нормативы водообеспечения: приказы Министра обороны РФ от 5.09.2022 № 530 [9], от 28.01. 1996 № 39 [6] и от 21.06. 2011 № 888 [7].

В пункте 18 приказа Министра обороны РФ от 28.01. 1996 № 39 отмечено: суммарные нормы расхода воды для хозяйственно-питьевых и санитарно-бытовых нужд (стирка белья, уборка помещений и т.д.) в лагере принимаются из расчета 119,2 л на 1 человека в сутки. При выполнении подразделениями, группами или отдельными военнослужащими учебно-боевых и иных задач в отрыве от своих воинских частей суточная потребность в воде на 1 человека составляет: при умеренной погоде (до 20 °С) — до 10 л, в жаркую погоду (свыше 20 °С) — до 15 л. В жарких засушливых районах минимальная суточная норма потребления воды на хозяйственно-питьевые нужды составляет 25 л на 1 человека. При этом учитывается необходимость приготовления пищи и чая, мытья котелка, ложки и кружки, умывания и обеспечения запаса воды в индивидуальной фляге.

В пункте 49 приказа Министра обороны РФ от 21.06. 2011 № 888 объявлено: обеспечение водой организуется исходя из предъявляемых требований по ее качеству и возможностей по подвозу, но не менее чем из расчета на 1 человека в сутки: с 15 октября по 15 апреля в умеренном климате — 15 л, в жарком климате — 20 л; с 16 апреля по 14 октября в умеренном климате — 20 л, в жарком климате — 25 л. Решение о выдаче бутилированной питьевой воды военнослужащим при невозможности обеспечения питьевой водой из стационарных сетей водоснабжения или

ее несоответствии санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам по заключению центров государственного санитарно-эпидемиологического надзора (Главного центра ГСЭН) принимается заместителем командующего оперативно-стратегического командования, флота по материально-техническому обеспечению.

В Приложении 1 приказа Министра обороны РФ от 5.09.2022 № 530 приведены суточные нормы обеспечения водой в полевых (боевых) условиях (л на одного военнослужащего) на хозяйственно-питьевые нужды (табл. 1. и минимальные нормы потребления воды личным составом в полевых (боевых) условиях (л на одного военнослужащего в сутки) (табл. 2)

Таблица 1. Суточные нормы обеспечения водой в полевых (боевых) условиях

Вид потребления воды	При холодной погоде (до +5 °С)	При умеренной погоде (от 5 до 25 °С)	При жаркой погоде (выше +25 °С)
Приготовление чая и запас воды во флягах	4,5	3,0	4,0
Приготовление пищи	3,0	3,0	3,5
Мытье индивидуальной посуды	1,0	1,0	2,0
Умывание и мытье рук	5,0	5,0	7,0
Итого:	13,5	12	16,5

Таблица 2. Минимальные нормы потребления воды в полевых (боевых) условиях

Назначение воды	При температуре воздуха, °С		
	ниже +5 оС	от 5 до 25 °С	выше +25 оС
Приготовление чая и создание запаса воды во флягах	5,0/3,5	3,5/2,5	6,0/4,5
Умывание	1,0	1,0	1,0
Приготовление пищи и мытье котелков	2,0	2,0	2,0
Итого:	8,0/6,5	6,5/5,5	9,0/7,5

Дополнительно в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 16.12.2020 г. № 686 [8] в полевых условиях для военнослужащих, питающихся по нормам 7 (индивидуальный рацион питания), 8 (рацион питания горный), 9 (рацион питания для мелких команд), 10 (рацион

питания для экипажей самолетов и вертолетов на запасных аэродромах), 11 (малогабаритный рацион питания), 12 (профилактический рацион питания), выдается по 1,5 л бутилированной питьевой воды на одного военнослужащего в сутки.

Потребление воды человеком в период интенсивной физической нагрузки и водное поведение регулируется несколькими механизмами, включая жажду, которая, однако, не является адекватным стимулом для поддержания гидратации организма во время форсированной работы, даже если вода имеется в достаточном количестве. Вместе с тем, известно, что в критических ситуациях, обусловленных несвоевременным удовлетворением физиологических потребностей в воде, субъективные ощущения (жажда) могут стать доминирующими в определении поведения человека, который при этом может пренебречь другими потребностями своего организма как биологическими (защитными), так и социальными (воинский долг). В таких ситуациях только после утоления чувства жажды (и голода) меняется иерархическое построение мотиваций и, как следствие, поведение человека в целом. Правильный питьевой режим заключается в том, чтобы военнослужащие по возможности полнее утоляет жажду вместе с приемом пищи, что способствует лучшему ее сохранению в организме [2]. Не имеет смысла чрезмерно ограничивать питье воды с целью ее экономии. Потребность в воде при этом не снижается, а накапливающийся водный дефицит усиливает утомление и быстрее приводит к истощению сил. Полезно и необходимо в подобных ситуациях организовать питье по команде небольшими порциями через короткие промежутки времени.

Качество питьевой воды обеспечивается использованием штатных (СКО-10 и др.), табельных (ПВУ-600-БО и др.), индивидуальных (НФ-10 и др.) и групповых (НФ-50) средств очистки воды, а также коммунальных систем населенных пунктов. Большинство индивидуальных, групповых, табельных и штатных средств очистки воды обеспечивают качество очищенной воды, отвечающее требованиям СанПиН 1.2.3685-21. При этом производственный контроль, осуществляемый инженерными войсками, не отвечает требованиям федерального законодательства.

При обсуждении условий, влияющих на количественную сторону водообеспечения и определяющих дополнительные источники воды, следует учитывать воду, поступающую в организм с пищей, входящую в состав как готовых блюд (40 %), так и напитков (60 %) [15].

В соответствии с проектом инструкции по организации питания [10,12,13], первые блюда планируются с выходом одной порции 700 г, вторые блюда — 450 – 500 г. Кипяток для чая готовят в специальных котлах, на одного военнослужащего предполагается 0,30 – 0,35 л кипятка. С учетом содержания воды в первом блюде до 90 % (630 г), во втором до 70 % (315 г) и 350 г в чае в организм военнослужащего с пищей поступает во время завтрака и ужина со II и III блюдом по 0.66 л воды, во время обеда с I, II и III блюдом около 1,6 л воды. Таким образом с котловым рационом поступает жидкости не менее 2,9 л/сут., при питании сухим пайком — 1 л/сут.

Важнейшим элементом в управлении водопотребления военнослужащих в полевых условиях является мониторинг водного баланса, который позволяет своевременно и в достаточном объеме информировать о его нарушениях (отклонениях) как командный, так и рядовой состав.

К числу наиболее простых относится методический подход, основанный на следующей зависимости: в комфортных условиях окружающей среды каждая ккал энергии, израсходованная взрослым человеком, должна обеспечиваться 1 мл воды. Указанное соотношение рекомендуется увеличивать до 1,5 мл/ккал при повышенной температуре окружающей среды, высокой влажности и интенсивной физической активности [16].

Данный методический подход использован специалистами ФГБУН «ФИЦ питания, биотехнологии и безопасности пищи», которые при оценке потребности в жидкости у футболистов сначала проводили расчет персональных суточных энерготрат, осуществленного на основании данных мониторинга ЧСС в течение суток с помощью кистевого пульсометра Polar M200 (Polar, Финляндия) и преобразования их в энерготраты по формуле калибровочной зависимости, полученной в результате измерения величины основного обмена (ВОО) и энерготрат при ступенчатой физической нагрузке на велоэргометре (Monark, Швеция) с помощью метаболографа Oxycon mobile (Jagger, Германия) [11]. На основании показателей суточных энерготрат футболистов была рассчитана индивидуальная суточная потребность в общей жидкости и даны персональные и групповые рекомендации по потреблению воды с напитками, исходя из коэффициента пересчета — 0,6 от общей жидкости в сутки. Например, суточные энерготраты полузащитников составили 4408 +332 ккал/сут. Суточная потребность в воде, исходя из соотношения 1 мл жидкости на 1 ккал израсходованной энергии, равнялась 4408 мл/сут, а рекомендуемое потребление воды с напитками 2645 мл/сут.

Учитывая напряженность задач, выполняемых военнослужащими воздушно-десантных войск, среднесуточные энерготраты до 7000 ккал [3], а также соотношение (1,5 мл воды на 1 ккал высокой физической активности), минимальные нормы потребления воды (7 – 8 л), установленные в Руководстве по полевому водообеспечению войск, следует считать дефицитными, даже при с учетом 1,5 л бутилированной питьевой воды, выдаваемой в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 16.12.2020 г. № 686.

Наиболее перспективными методами и устройствами, отличающиеся валидностью и надежностью, приведены Андрияновым А. И. и др., отметившие, во-первых, ряд дорогостоящих лабораторных исследований, включая метод изотопного разбавления [1]. Кроме специального оборудования эти методы отличаются достаточно быстрым временем определения. Во-вторых, при отсутствии доступа к современному лабораторному оборудованию в полевых условиях приемлемым вариантом определения степени гидратации является оценка объема и цвета утренней мочи: более темные цвета указывают на необходимость повышения потребления жидкости. Однако метод, реализуемый с помощью отечественных портативных анализаторов («Юнимед») и тест полосок («Биосенсор Уриполиан»), имеет недостатки, обусловленные зависимостью цвета мочи от приема некоторых пищевых продуктов (морковь, свекла) и витаминов. В-третьих, разрабатываются портативные биоустройства контроля дегидратации организма: по осмолярности слюны; носимые датчики анализа состава пота; носимые сенсорные системы. Например, в США разработан пластырь, удобно сидящий на руке и позволяющий с помощью микрофлюидных датчиков измерять скорость потоотделения и концентрацию натрия в поте [17], а компанией «Odic» разработана носимая сенсорная система, отслеживающая внутреннюю температуру тела по измерению частоты сердечных сокращений и движениям военнослужащего [18]. Устройство через локальную сетевую систему собирает данные в режиме реального времени с датчика HIPS и отправляет эти сведения на контролируемый облачный сервер, а далее — командирам подразделений.

Приведенные данные позволили провести оценку элементов комплекса, на котором основано водное поведение военнослужащих в полевых условиях (табл. 3).

Таблица 3. Результаты оценки по критериям преимущества и недостатков элементов комплекса, на котором основано водное поведение военнослужащих в полевых условиях

Наименование элемента	Перспективные характеристики элемента	Недостатки элемента
Командный механизм управления	Обеспечивает реализацию требований к количеству и качеству питьевой воды	Коллективная, а немонопольная ответственность, не гарантирует реализацию требований в полном объеме
Субъективные ощущения (жажда)	Является одним из оперативных критериев и векторов водного поведения	При ориентации только на жажду накапливается водный дефицит, что приводит к снижению работо- и боеспособности
Количество питьевой воды	Нормативы ориентированы на среднестатистического потребителя	Нормативы не учитывают индивидуальные потребности в воде в экстремальных условиях
Качество питьевой воды	Применяемые средства очистки воды (табельные, штатные, индивидуальные и групповые) обеспечивают нормативное качество воды	Производственный контроль, осуществляемый инженерными войсками, не отвечает требованиям федерального законодательства
Средства мониторинга водного баланса	Позволяют персонифицировать потребность в воде в условиях высоких физических нагрузок и при жаркой погоде. Носимые персонализированные сенсорные системы с высокой экспрессностью измерения предоставляют возможность обмениваться данными о степени дегидратации организма военнослужащего между военными врачами и командирами	Отсутствие отечественных носимых сенсорных систем и портативных биоустройств контроля дегидратации организма военнослужащих, что не позволяет организовать непрерывный мониторинг водного баланса при интенсивной физической нагрузке и жаркой погоде

Анализ особенностей водопотребления военнослужащих в полевых условиях позволил выявить как перспективные, так и негативные его аспекты. К числу перспективных относятся: командный механизм управления, дающий возможность реализовывать требования к количеству и качеству питьевой воды; применяемые средства очистки воды, обеспечивающие нормативное качество воды; разработка и использование отечественных сенсорных систем, как средств мониторинга водного баланса, позволяющих контролировать и управлять водопотреблением и степенью дегидратации организма военнослужащих в условиях интенсивных физических нагрузок и высокой температуре. В этих условиях

коррекция водного баланса должна быть ориентирована на планирование и организацию обеспечения питьевой водой из расчета не только коллективного, но и индивидуального потребителя.

Список литературы:

1. Андриянов А. И., Сороколетова Е. Ф., Ищук Ю. В., Кривцов А. В., Мартынова Е. С. Средства и методы оценки нарушений водно-солевого баланса у военнослужащих в жарком климате // Военно-медицинский журнал. — 2026. — Т. 347, № 1. — С. 67 – 73.

2. Бокарев М. А., Кириленко В. И., Лопатин С. А., Шаронов А. Н. и др. Полевое водообеспечение войск. — СПб., ВА МТО, 2020 г. — 547 с.

3. Ендальцев Б. В. Физическая культура, здоровье и работоспособность человека в экстремальных экологических условиях. — СПб.: ФИВК, 2008. — 198 с.

4. Крюков Е. В., Новоженов В. Г. Изменения перекисного гомеостаза у военнослужащих в процессе адаптации к службе и климато-географическим условиям региона пребывания // Военно-медицинский журнал. — 2003. — Т. 324, № 5. — С. 28 – 34.

5. Лопатин С. А., Бокарев М. А., Кириленко В. И. Вопросы правового регулирования полевого водообеспечения в полевых условиях // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2025. № 6. С. 53 – 61.

6. Приказ Министра обороны РФ от 28.01.1996 № 39 «Об утверждении Правил организации размещения и быта войск при расположении в полевых условиях (лагерях)».

7. Приказ Министра обороны РФ от 21.06. 2011 № 888 «Об утверждении Руководства по продовольственному обеспечению военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и некоторых других категорий лиц, а также обеспечению кормами (продуктами) и подстилочными материалами штатных животных воинских частей в мирное время (с изменениями и дополнениями)».

8. Приказ Министра обороны РФ от 16.12.2020 № 686 «Об установлении Норм и Порядка обеспечения воинских частей и организаций ВС РФ техникой, продукцией общехозяйственного назначения и имуществом продовольственной службы».

9. Приказ Министра обороны РФ от 5.09.2022 № 530 «Руководство по полевому водообеспечению войск».

10. Проект инструкции по организации питания в действующей армии. Управление (продовольственное) ДРО МО РФ. 2023. С. 5 – 6.

11. Соколов А. И., Лавриненко С. В., Выборная К. В., Раджабкадиев Р. М., Никитюк Д. Б. Оценка потребности в жидкости у футболистов на основании определения уровня их персональных энерготрат // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 77-3. — С. 118 – 123.

12. Фатыхов Н. А., Дегтярев А. Н., Абрамов А. К. «Потому что без воды — и ни туды и ни сюды…». Особенности обеспечения и нормирования водой в полевых условиях. Часть I // МТО ВС РФ. — 2024. — № 3. — С. 4 – 10.

13. Фатыхов Н. А., Дегтярев А. Н., Абрамов А. К. «Потому что без воды — и ни туды и ни сюды…». Особенности обеспечения и нормирования водой в полевых условиях. Часть II // МТО ВС РФ. — 2024. — № 4. — С. 3 – 10.

14. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

15. Heather H.F, Alan E.M, Practical applications in sports nutrition. Fifth edition. Burlington, Massachusetts: Jones & Bartlett Learning, 2018.

16. Recommended Dietary Allowances: 10th Edition. Washington(DC): National Academies Press (US); 1989.

17. Sensor that reads hydration set to hit the market // URL: https: // internet ofbusiness. com / gatorade — sweat — sensor — hyd ration (дата обращения: 12.01.2026).

18. Wearable Sensor System to Prevent Heat Injuries Among Soldiers // URL: https: //www. technology.org. /2022/08/25/ gtri-helps-develop-wearable-sensor-system-to-prevent-heat-injuries — among — soldiers (дата обращения: 12.01.2026).

© Лопатин С. А., Бокарев М. А., 2026

EDN: RYQWGG

Лукина Ольга Николаевна
преподаватель кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
olgalukina72@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ ГОСКОНТРАКТОВ, КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В исследовании рассматриваются проблемы эффективного контроля за исполнением государственных контрактов, речь идет именно об «эффективном контроле», в противном случае, последствия могут привести к значительным экономическим потерям, снижению качества предоставляемых услуг и товаров, высоким рискам проявления коррупции и другим негативным последствиям, угрожающим национальной безопасности. В статье предстоит выявить основные проблемы, которые возникают при осуществлении контроля за выполнением государственных контрактов, проанализировать угрозы национальной безопасности.
Ключевые слова: национальная безопасность, бюджетное финансирование, стратегическое планирование, коррупционные схемы.

Важнейшим инструментом реализации социальной политики государства, направленный на обеспечение потребностей общества в товарах, работах и услугах, является государственный контракт. В целях исключения терминологической путаницы государственного финансирования, разграничим понятия «государственный контракт» и «государственные закупки».

Государственный контракт — комплексная система планирования и удовлетворения потребностей государства и охватывает целый цикл

от формирования потребности до контроля исполнения. Вот некоторые основные характеристики госзаказа: стратегическое планирование, бюджетное финансирование, различные способы реализации [1]. Госзакупки при этом являются инструментом реализации — подбор, приобретение товаров, работ и услуг (конкурентные процедуры: аукционы, конкурсы).

В процессе контроля за реализацией государственных контрактов осуществляется мониторинг выполнения подрядчиками своих обязанностей, проверка поставляемых товаров и оказываемых услуг на соответствие установленным требованиям. Однако на эффективность контроля влияют множество факторов, например, качество нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу, контролирующие органы должны обладать определенным уровнем профессионализма, доступность процедуры закупок и обязательства участников процесса закупок. Пробелы в этих областях создают угрозу для национальной безопасности России, созданию коррупционных схем, серьезным убыткам в экономике, ослаблению обороноспособности страны [2].

Несовершенство законодательной базы являются одной из главных причин, возникновения проблем эффективного контроля при реализации государственных контрактов. Правовые пробелы и несогласованность в законодательстве допускают разные трактовки положений контрактов, что влечет за собой создание коррупционных схем и злоупотреблений.

Отсутствие культуры договорных отношений между заказчиком и поставщиком необходимых услуг. Недостаточность санкций за нарушение условий договоров исполнители слабо мотивированы на качественное исполнение обязательств.

Отставание в развитие информационных технологий и недоступность интеграции баз данных тормозят работу контролирующих органов. Слабая координация работы различных ведомств, задействованных в процессе контроля, автономность функций контроля, отсутствие единого учета и анализа данных затрудняют оперативное выявление и реагирование на них.

Кадровый дефицит профессионалов высокого уровня для осуществления контроля, отсутствие опыта и соответствующей квалификации, низкая мотивация сотрудников приводит к халатности, формализму и коррупции, нередко к крупным мошенническим схемам [3].

Отсутствие действенного контроля за исполнением условий государственных контрактов несет угрозы национальной безопасности России. Необходимо обозначить наиболее существенные угрозы

национальной безопасности: экономические последствия в результате невыполнения или некачественного выполнения обязательств по государственным контрактам ведут к снижению объемов бюджета, ухудшение социальных условий могут привести к снижению доверия к власти и усилению социальной напряженности, злоупотребления при реализации оборонных контрактов может привести к снижению боеспособности армии и неспособности своевременно реагировать на внешние угрозы [4].

В качестве мер совершенствования контроля за реализацией госконтрактов, необходимо обеспечить:

— совершенствование правовой базы с выработкой детальных норм, регламентирующих условия проверок, проработку и восполнение пробелов в законодательстве;

— создание общего центра информационно-аналитического обеспечения, который будет осуществлять мониторинг выполнения всех этапов государственных контрактов; создать единый реестр организаций и предприятий, осуществляющих свою экономическую деятельность или предоставляющие услуги для целей реализации государственных контрактов (с условием постоянной актуализации перечня организаций);

— организовать профессиональную подготовку сотрудников, осуществляющих контроль за данным направлением деятельности; разработать антикоррупционный стандарт при проведении процедур закупок, механизм контроля за ценами и качеством предоставляемых услуг и товаров, ужесточение санкций создание коррупционных и мошеннических схем;

— поэтапный и регулярный аудит значимых инвестиционных проектов. Все вышеперечисленные меры обеспечат государству возможность осуществления эффективной системы контроля за реализацией государственных контрактов [5, 6].

Комплексный подход к решению проблем контроля за организацией исполнения государственных контрактов позволит достигнуть стратегических целей развития страны во многих сферам жизнедеятельности российского общества.

Список литературы:

1. Алексеенко А. Н., Казанцев Ю. И. Государственный контракт: теория и практика. Москва: Проспект, 2023. С. 280.

2. Борисов О. В. Контроль за исполнением государственных контрактов: правовые основы и перспективы развития // Вестник Академии наук МВД России. 2023. № 4. С. 43 – 54.

3. Василенко Н. А., Ильичева Е. Ю. Анализ проблем исполнения государственных контрактов в Российской Федерации //Финансовое право. 2023. Т. 21. № 3. С. 35 – 41.

4. Горохов Д. С. Актуальные проблемы контроля за использованием бюджетных средств в рамках государственных контрактов // Право и экономика. 2023. № 6. С. 25 – 31.

5. Давыдов Г. П. Коррупционная составляющая в сфере исполнения государственных контрактов: оценка и пути преодоления // Экономический вестник университета. 2023. № 1. С. 74 – 83.

6. Евдокимов К. Г. Национальная безопасность и роль эффективных государственных контрактов // Безопасность бизнеса. 2023. № 2. С. 12 – 18.

© Лукина О. Н., 2026

EDN: RYTBCF

Лунёв Роман Сергеевич
преподаватель
Санкт-Петербургская Академия управления
городской средой, градостроительства и печати,
член-корреспондент
Петровская Академия наук и искусств
Санкт-Петербург, Россия
Roman_Lunev@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИКИ ОТ КРИМИНАЛЬНЫХ УГРОЗ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению того, какую роль играет оперативно-розыскная деятельность (ОРД) органов внутренних дел в механизме защиты экономики государства. В материале проанализированы актуальные угрозы криминального характера в финансово-хозяйственной сфере, каналы получения значимой оперативной информации, а также вопросы тактики и организации оперативно-розыскного сопровождения при расследовании экономических преступлений. Ключевое внимание уделено разграничению близких по смыслу терминов — «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение», а также проблематике введения результатов ОРД в доказательственную базу по таким уголовным делам. В итоге автором формулируется вывод: результативность борьбы с преступными посягательствами в экономике определяется не только грамотным сочетанием открытых и негласных оперативно-розыскных методов, но и налаженным взаимодействием между различными ведомствами.
Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, органы внутренних дел, экономическая безопасность, криминальные угрозы, подразделения ЭБиПК, оперативно-розыскное сопровождение, экономические

преступления, оперативно-розыскные мероприятия, результаты ОРД, противодействие коррупции.

Экономическую безопасность государства можно охарактеризовать как многокомпонентную систему, призванную оградить национальные экономические интересы от опасностей как извне, так и внутри страны. В свете современных геополитических реалий и разрыва привычных хозяйственных связей особо значимой становится работа правоохранителей, в частности оперативников органов внутренних дел (ОВД), направленная на поиск, предотвращение и пресечение противоправных действий в финансово-хозяйственной сфере [1, с. 32].

Если обратиться к текущей статистике МВД России, видно, что обстановка в этой сфере остается непростой. Так, за первые пять месяцев 2023 года, несмотря на общее сокращение зафиксированных экономических преступлений на 6,4 %, количество деяний с особо крупным ущербом или в особо крупном размере выросло на 6,3 % [1, с. 33]. Серьезную обеспокоенность вызывает рост коррупции (+18,4 %), случаев отмывания доходов (+3,3 %) и нелегального оборота драгметаллов и камней (+48,3 %) [1, с. 33]. Эти цифры подтверждают, что необходим глубокий анализ роли оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в экономической защите страны, выявление слабых мест в правоприменении и поиск путей повышения эффективности работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК).

Обратимся к теории. Оперативно-розыскная деятельность в ОВД представляет собой установленный законом комплекс открытых и негласных мер, которые уполномоченные органы применяют для защиты граждан, их прав, собственности и общества в целом от преступных посягательств [7, с. 256]. Если говорить о сфере экономики, цели ОРД здесь конкретизируются: это выявление, пресечение и раскрытие экономических преступлений, а также поиск активов, подлежащих изъятию. Как верно замечает Э. А. Васильев, ОВД играют здесь ключевую роль благодаря наличию у них особых ресурсов, тактических приемов и права на проведение оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 85]. Причем специфика криминализации различных отраслей экономики требует постоянной адаптации и улучшения работы оперативников [4, с. 86].

На наш взгляд, для успешной работы с преступлениями в этой сфере важно учитывать их характерные черты:

1. Высокая скрытность (латентность). Противоправные действия сложно выявить, так как они часто маскируются под законные бизнес-операции [1, с. 34].

2. Мотив — сверхприбыль. Это предопределяет совершение преступлений преимущественно в крупных и особо крупных масштабах [1, с. 34].

3. Разнообразие способов. Злоумышленники используют сложные схемы, чтобы скрыть следы и имитировать соблюдение закона [1, с. 34].

4. Организованность и связи. Такие преступления чаще всего совершаются организованными группами с использованием коррупционных связей и запутанных финансовых инструментов.

А. Ю. Введенский справедливо отмечает, что ключевым моментом в обеспечении экономического роста является своевременное выявление угроз и разработка мер по их нейтрализации, и именно оперативно-розыскная деятельность позволяет отслеживать такие процессы и оперативно вмешиваться [6, с. 83].

В научной среде до сих пор нет единого мнения о том, чем отличаются понятия «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение» [2, с. 127]. А. Ю. Шумилов (доктор юридических наук) трактует обеспечение как системную работу уполномоченных органов, включающую сыскные мероприятия для сбора фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2, с. 127]. А. Г. Лисицын, напротив, рассматривает сопровождение как отдельную форму ОРД, цель которой — создать условия для всестороннего и объективного расследования [2, с. 128].

Профессор Е. И. Замылина предлагает разграничивать эти понятия по временному признаку: «обеспечение» ведется до возбуждения уголовного дела, а «сопровождение» — уже после [2, с. 128]. Логика здесь прослеживается, если обратиться к смыслу слов: «обеспечение» — это создание базы, условий, а «сопровождение» — это поддержка в процессе. П. И. Иванов и А. М. Кустов (доктора юридических наук) в своих работах делают вывод, что оперативно-разыскное сопровождение расследования экономических преступлений — это комплекс мер, направленный на поиск фигурантов, свидетелей, дополнительных эпизодов и имущества, подлежащего конфискации [3, с. 320]. Иными словами, сопровождение играет обеспечивающую роль по отношению к следствию, поставляя следователям фактические данные, которые могут стать доказательствами [3, с. 321].

Эффективность борьбы с экономическими преступлениями напрямую зависит от качества и достоверности источников информации. В научной литературе выделяют следующие основные каналы ее получения [1, с. 35 – 36]:

1. Обращения граждан и организаций в ОВД о фактах преступлений. Несмотря на высокую латентность таких преступлений, это самый распространенный источник на практике [1, с. 38].

2. Данные от госорганов в рамках их надзорных функций: ФНС, Росфинмониторинга, Центробанка, служб по финансовым рынкам [1, с. 35].

3. Сведения от конфиденциальных помощников. Это особенно ценный источник для выявления преступлений, совершаемых организованными группами.

4. Материалы, полученные оперативниками в ходе собственных мероприятий, совместных проверок с контролирующими ведомствами или в рамках уже расследуемых уголовных дел.

5. Мониторинг СМИ и соцсетей. В условиях цифровизации экономики этот способ становится все более перспективным [1, с. 36]. Все перечисленные сведения служат законным основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), согласно статье 7 Федерального закона «Об ОРД» [1, с. 37].

Рассмотрим организацию сопровождения расследования. Так, работа подразделений ЭБиПК по выявлению экономических преступлений строится на следующих принципах [1, с. 37 – 38]:

— Комплексное использование ресурсов не только правоохранителей, но и других ведомств.

— Применение всех законных методов сбора информации.

— Использование разнообразных тактических приемов при проведении ОРМ.

— Тщательное документирование и юридическая оценка полученных данных.

Анализ следственной практики позволяет выделить этапы оперативно-розыскного сопровождения в ходе доследственной проверки [3, с. 322 – 323]:

1 этап: формирование совместных групп из оперативников и следователей для отработки определенных направлений.

2 этап: анализ имеющейся оперативной информации и организация информационного обмена с другими правоохранительными органами.

3 этап: проведение комплекса ОРМ с использованием техники для фиксации схем преступлений, установления состава участников и их связей с привлечением контрольно-надзорных органов.

4 этап: структурный анализ результатов ОРМ, их рассекречивание и передача следствию для оценки достаточности оснований для возбуждения уголовного дела.

5 этап: сбор фактических данных для последующего использования в качестве доказательств. Оперативным путем устанавливаются адреса, счета, места хранения документов и имущество, подлежащее аресту. При документировании ОПГ (включая действующих в сфере ОПК или ЖКХ) зачастую сначала возбуждается дело, а затем проводится задержание «с поличным» с привлечением сил быстрого реагирования [3, с. 323].

Отметим некоторые проблемы использования результатов ОРД в доказывании. Так, взаимодействие на этапе проверки материалов сталкивается с проблемой использования оперативных данных в уголовном процессе. УПК не содержит четкого порядка введения результатов ОРД в дело, что порождает сложности [3, с. 324]. Как указывают И. В. Ильин и А. Е. Ильин, проблема несоответствия терминологии ОРД и ее правоприменительного толкования давно является камнем преткновения [7, с. 258]. До сих пор не снят вопрос о разграничении оперативного эксперимента и провокации, даже несмотря на внесенный в закон об ОРД запрет на подстрекательство к преступлению [7, с. 259]. Среди других проблем:

1. Трудности с легализацией материалов негласных мероприятий без раскрытия источников информации.

2. Неоднородность судебной практики в отношении допустимости таких доказательств.

3. Недостаточная регламентация взаимодействия оперативников и следствия на стадии реализации материалов.

Рассмотрим пути совершенствования ОРД. Итак, проведенный анализ позволяет предложить меры по повышению эффективности оперативно-розыскной деятельности в сфере экономики:

1. Корректировка законодательства — внесение поправок в закон об ОРД, касающихся подрыва экономических основ организованной преступности [7, с. 260].

2. Усиление межведомственного взаимодействия — налаживание обмена информацией между ЭБиПК, ФНС, Росфинмониторингом и ЦБ на единых стандартах.

3. Внедрение цифровых технологий — применение ИИ и анализа больших данных для отслеживания финансовых потоков и прогнозирования угроз.

4. Повышение квалификации кадров — модернизация подготовки специалистов для подразделений ЭБиПК [5].

5. Совершенствование тактики — разработка отраслевых методических рекомендаций по проведению ОРМ в различных секторах экономики.

Оперативно-розыскная деятельность ОВД является ключевым звеном в системе защиты экономики от преступных посягательств. Специфика таких преступлений — скрытность, масштаб ущерба и организованность — требует использования особых сил, средств и методов оперативной работы [8, с. 265]. Успех в противодействии этим угрозам зависит от комплексного применения гласных и негласных методов, системного подхода к сбору и анализу информации, а также от отлаженного механизма взаимодействия оперативников со следствием. Дальнейшее развитие теоретической базы и совершенствование практической деятельности подразделений ЭБиПК должно идти по пути устранения правовых пробелов, оптимизации тактики и внедрения передовых цифровых решений.

Список литературы:

1. Вытовтова, А.Е., Широва, Э. Х. Источники получения оперативными подразделениями сведений о совершенных экономических преступлениях / Авторы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2023. — № 4. — С. 32 – 40.

2. Мангасаров, Р. А. Особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования хищений бюджетных средств / Автор // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2025. — № 3. — С. 126 – 131.

3. Иванов, П. И. Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) / П. И. Иванов, А. М. Кустов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 2. — С. 255 – 264.

4. Васильев, Э. А. Органы внутренних дел в системе противодействия угрозам экономической безопасности / Э. А. Васильев // Научный портал МВД России. — 2023. — № 2. — С. 83 – 89.

5. Кафедра оперативно-разыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым

преступлениям [Электронный ресурс] // URL: https://на.мвд.рф/Universitet/Struktura/Kafedri/Kafedra_operativno_razisknoj_dejatelnost (дата обращения: 13.03.2026).

6. Введенский, А. Ю. Основные угрозы экономической безопасности и направления воздействия оперативно-разыскной деятельности на экономическую динамику / А. Ю. Введенский // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2017. — № 6. — С. 83 – 88.

7. Ильин, И. В. Сущность и содержание оперативно-розыскной деятельности по подрыву экономических основ организованных преступных структур / И. В. Ильин, А. Е. Ильин // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 2. — С. 255 – 264.

8. Гуцул, Т. О. О роли оперативно-розыскной деятельности в обеспечении экономической безопасности субъектов АПК / Т. О. Гуцул, А. В. Петрякова. — М.: Московский Международный Университет, 2023. — С. 264 – 266.

© Лунёв Р. С., 2026

EDN: RZLHEC

Маковская Полина Николаевна
стажер адвоката
Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»
Ростов-на-Дону, Россия
rostov.niks7@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОБЛЕМЫ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу проблем машинного обучения систем искусственного интеллекта, предназначенных для их использования в правоприменении, в том числе для решения экономических споров. Обсуждаются сложности практической реализации итерационной self-refine методологии машинного обучения и приводятся соответствующие аналогии из сферы философии познания. Отмечается, что проблемные вопросы машинного обучения могут быть источником угроз для экономической безопасности. Подчеркивается, что для эффективного функционирования системе искусственного интеллекта не так важна правосубъектность, как фактическое обладание свойством самоидентификации и проявления совместной с человеком интенциональности. Делается вывод о целесообразности сохранения за системой искусственного интеллекта статуса инструмента, для повышения точности которого необходимо использование высокоранговых обучающих данных из соответствующих отраслей права с целью демпфирования вероятного когнитивного диссонанса системы и уменьшения угрозы экономической безопасности при использовании ее нерелевантных ответов.
Ключевые слова: искусственный интеллект, правоприменение, машинное обучение, философские проблемы, экономическая безопасность.

В настоящее время для регулирования финансово-экономических и иных правоотношений широко используются системы искусственного интеллекта (ИИ). Вопросы использования ИИ в системах и процессах обеспечения экономической безопасности личности, общества, региона и государства рассматривались во многих исследованиях, например [1, 2]. При этом вопросы угроз экономической безопасности, исходящих от самого нерелевантного ИИ, учеными практически не рассматривались. Поскольку конечная эффективность, безопасность и релевантность ИИ определяется, прежде всего, алгоритмами обучения, рассмотрение через философскую оптику проблем машинного обучения является актуальной задачей.

Государственный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта» предусматривает следующие основные алгоритмы машинного обучения:

— обучение с подкреплением (reinforcement learning), то есть нахождение оптимальной последовательности действий для максимизации поощрения системе ИИ через ее взаимодействие с окружением, откликом которого являются сигналы подкрепления;

— обучение с учителем, контролируемое обучение (supervised machine learning), то есть машинное обучение, при котором в процессе обучения используются только размеченные данные;

— обучение без учителя, неконтролируемое обучение (unsupervised machine learning), то есть машинное обучение, при котором в процессе обучения используются только неразмеченные данные.

Независимо от конкретного способа машинного обучения, непременной его особенностью является чрезвычайно большой объем обучающих данных [3], имеющих отношение к соответствующей отрасли права. Можно сказать, что именно статистическая обработка информации является главной чертой обучения искусственного интеллекта.

В качестве возможного решения проблемы нехватки релевантных данных в профильной отрасли (например, в финансово-экономической сфере) специалисты предлагают синтетический способ, при котором ИИ частично использует для обучения собственные выходные данные (self-refine). Анализ показывает, что метод самообучения систем ИИ на основе итерационного алгоритма, имеет ряд весьма серьезных недостатков и ограничений.

Во-первых, система ИИ по естественным причинам не может достаточно объективно оценивать качество своего первоначального ответа, что может привести к накоплению ошибок и ухудшения точности после нескольких итераций. Специфическая проблема снижения точности при выполнении итерационных процедур в процессе обучения ИИ получила название само-предвзятости (self-bias).

Во-вторых, по мере увеличения количества итераций самокоррекции, если при этом не происходит размножения ошибок, система ИИ становится более «самоуверенной» в своих ответах, даже если фактически они не становятся более точными.

Можно провести аналогию между итерациями самокоррекции систем ИИ и хорошо известным в философии познания явлением рефлексий человека [4], которое традиционно понимается как способность «мыслить о наших мыслях» и противопоставляется ощущениям и чувственному восприятию человека. Противопоставление первичного, чувственного знания и вторичного, рационального знания было закреплено в учении английского философа XVII века Джона Локка, который, в связи с этим различал два вида опыта: внешний, то есть, чувственный и внутренний, то есть, рефлексивный. Джон Локк в своем основном философском сочинении «Опыт о человеческом разумении», излагающем систему его эмпирической эпистемологии, писал: «Все идеи приходят от ощущения или рефлексии. … Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления» [5].

Следует отметить: постулаты Локка о том, что ум рожденного человека представляет собой *tabula rasa* (то есть, «чистую доску»), а люди рождаются без врожденных идей, вполне соответствуют гносеологии ИИ, который к моменту начала его обучения, то есть, «постижения» мира, действительно представляет из себя практически *tabula rasa*. Аналогичного гносеологического тезиса о том, что человеческий индивид появляется на свет как «чистая доска», то есть, без встроенного умственного содержания, придерживались такие философы, как Авиценна и Фома Аквинский.

Вместе с тем, более тонкий философский анализ показывает, что даже если данные, содержащиеся в ИИ, действительно представляют из себя пустое множество, онтология такого ИИ все же не соответствует истинному духу *tabula rasa*, поскольку даже до начала обучения у ИИ

уже имеется встроенная предвзятость, детерминируемая встроенными алгоритмами машинного обучения и моделями машинного обучения.

Таким образом, мы должны отметить, что несмотря на технологические усовершенствования, онтология даже «пустого» ИИ отличается от «человеческой», которая является естественной для биологической природы.

Итерационную методологию машинного обучения во многом можно сравнить с «теорией двух систем» человеческой гносеологии [6], в соответствии с которой человеческое познание осуществляется при взаимодействии двух виртуальных Систем в мозге человека, при этом Система 1 работает быстро, автоматически и интуитивно, позволяя принимать решения с минимальными усилиями, а Система 2 работает медленнее, но более осознанно и аналитично.

Для тех задач, где «правильный» ответ не известен (а иногда может вообще не существовать), оценка приращения эффективности системы ИИ от модификации методологии ее обучения представляет собой сложную проблему. При этом нужно особо подчеркнуть, что в сфере правоприменения именно такие задачи, содержащие трудноформализуемые параметры, делающими неочевидным и дискуссионным предлагаемое решение как верное, и составляют большинство прикладных задач.

К факторам, делающим «правильный» ответ вероятностным и нечетким, следует отнести определенную эластичность «писаного» права, связанную как с наличием в праве оценочных неформализуемых понятий типа «добросовестность», «должная осмотрительность», «уважительные причины» и множества других [7, 8], так и с необходимостью герменевтического прочтения правовых установок в контекстном применении к конкретной правовой ситуации [9].

Оценочные понятия дают возможность при правоприменении осуществлять свободную оценку фактов, учитывать индивидуально-специфические особенности конкретного случая, что позволяет обеспечивать единообразное понимание права за счет придания ему последовательности и завершенности [7].

Следовательно, как для понимания и применения оценочных понятий права, так и для прорыва через «герменевтический круг, в котором норма является частью, а контекст нормы (принципы отрасли) целым» [9], правоприменителю требуется выход за рамки частнонаучной юридической специфики, что является практически нереализуемым для ИИ, поскольку его обучение зацикливается в рамках узкоспециализированных обучающих данных.

Учеными отмечаются три причины, по которым целесообразно отказаться (если бы даже таковая возможность была) от субъектности ИИ. Первая причина состоит в том, что в субъектности ИИ нет функциональной необходимости. Вторая причина состоит в том, что у ИИ, обладающего субъектностью, возможно наличие потребностей, которые будут входить в конфликт с человеческими потребностями. Третья причина состоит в необходимости сохранения за человеком ведущей роли в цивилизации как инициатора (актора) всех значимых процессов познания мира [10].

Для осуществления эффективного функционирования ИИ не требуется субъектность, однако ему необходимо самосознание, в основе которого лежит способность отделять себя как субъект познания от объектов познания, то есть, от остального мира. Центральным атрибутом самосознания является определение его границ посредством локализации носителя самосознания в многомерном пространстве внешнего мира [11] (в том числе, в привычном нам трехмерном геометрическом пространстве). Очевидно, что любая оптимизированная процедура обучения ИИ не приводит к улучшению его локализации в обычном мире при отсутствии сенсоров соответствующей модальности, сходных с человеческими органами чувств.

Автор настоящей статьи полагает, что вместо термина «самосознание» по отношению к ИИ корректнее использовать термин «самоидентификация» (self-identity), но это не меняет существа проблемы: никакой искусственный интеллект не обладает набором антропоморфных сенсоров, позволяющих ему осуществлять самоидентификацию и на этой основе производить виртуальное отделение себя от остальной части действительности, тем более, в многомерном пространстве физической реальности.

Таким образом, философский взгляд на проблемы машинного обучения систем ИИ позволяет сделать вывод, что для уменьшения угроз экономической безопасности, рациональным и обоснованным является применение ИИ в качестве неавтономного помощника человека-юриста (который оставляет исключительно за собой контекстное «прочтение» неформализуемых оценочных понятий права, а также применение субъективного усмотрения); при этом обучение ИИ должно выполняться на наборе надежных высокоранговых данных, то есть массиве некоторым образом отобранных «эталонных дел», характерных для соответствующей отрасли права.

Это позволит демпфировать возможный когнитивный диссонанс систем ИИ и минимизирует угрозы экономической безопасности личности, общества, региона и государства, связанные с вероятными нерелевантными ответами искусственного интеллекта при решении прикладных финансово-экономических задач.

Список литературы:

1. Ушвицкий Л. И., Филатова И. В. Влияние цифровых финансовых технологий на экономическую безопасность государства // Экономическая политика и национальная безопасность. 2025. № 1. С. 85 – 95.

2. Приходченко О. С., Чефранова С. А. Искусственный интеллект и его влияние на экономическую безопасность // Вестник Академии знаний. 2024. № 5. С. 332 – 334.

3. Кузьминов Ш. Ф., Кузьмин Г. Н. Классы больших данных и их применимость для задач стратегического анализа // Искусственный интеллект и принятие решений. 2025. № 3. С. 60 – 74.

4. Ескина С. А. Онтологические интенции понимания рефлексии в классической философии // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 94 – 99.

5. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. — М.: Азбука. 2022. 864 с.

6. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review. 2003. № 5. Pp. 1449 – 1475.

7. Есиева Ф. К., Газзаева М. Т. Оценочные категории в гражданском праве // Вопросы российского и международного права. 2022. № 2А. С. 116 – 124.

8. Игнатенко В. В. Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой подход // Философия права. 2025. № 2. С. 29 – 38.

9. Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481 – 484.

10. Грибков А. А. Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений // Философская мысль. 2024. № 5. С. 11 – 21.

11. Грибков А. А., Зеленский А. А. Определение сознания, самосознания и субъектности в рамках информационной концепции // Философия и культура. 2023. № 12. С. 1 – 14.

© Маковская П. Н., 2026

EDN: RZRBCT

Максуров Алексей Анатольевич
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
Ярославль, Россия
кандидат юридических наук, доцент
association-lawbooks@yandex.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности посредством использования механизма координации деятельности субъектов права. Показаны недостатки данной разновидности юридической деятельности. Предложены пути устранения недостатков межведомственной координации. Даны рекомендации по организации эффективного координационного процесса.
Ключевые слова: право, экономическая безопасность, координация, взаимодействие, формы координации, принципы координации.

Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по обеспечению экономической безопасности одной из своих основ имеет предупреждение и пресечение экономических преступлений и правонарушений правоохранительными органами, и, в первую очередь, органами внутренних дел. Такая деятельность осуществляется, как правило, в рамках субординационных полномочий.

Между тем, еще с начала 2000-х годов, а в отдельных регионах и на федеральном уровне и ранее, значительное внимание стало уделяться и реализации властных полномочий в рамках координационного процесса. Координация стала востребованным механизмом обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, в том числе,

в части предупреждения экономической преступности [1]. Сегодня она органично «вписана» в механизм правового регулирования в качестве самостоятельной подсистемы [2].

Тем не менее, координации деятельности по обеспечению экономической безопасности с того же времени нередко признается в юридической доктрине неэффективной [3], а подлежащие достижению социально-значимые цели — не достигнутыми [4].

К основным недостаткам координации деятельности по обеспечению экономической безопасности в юридической литературе обычно относят объективные причины, обусловленные уровнем экономического развития, макроэкономической обстановкой и иными внешними факторами, и субъективные причины, сводящиеся, главным образом, к внутренним недостаткам деятельности правоохранительной системы, а также не всегда последовательной и удачной регламентации такой деятельности [5].

На практике такие недостатки проявляются в самом различном виде, в связи с чем целесообразно обозначить некоторые из них и предложить пути их устранения, либо минимизации.

Прежде всего, в теории правоохранительной деятельности и прокурорского надзора традиционно указывается на отступление от принципов координационного процесса, например, принципа равенства его участников, принципа совместной деятельности, принципа общего контроля за выполнением согласованных решений, а также других организационно-правовых принципов и требований [6].

В частности, очевидно, например, что вопросы, выносимые на обсуждение координационного совещания руководителей правоохранительных органов региона или даже района, в большей части прорабатываются сотрудниками прокуратуры. На внесение правок и предложений в окончательный вариант решения координационного совещания после проведения его заседания обычно нет времени, особенно в условиях, когда проведение таких мероприятий инициируется вышестоящим органом власти, требующим «отчета» о его проведении.

Нарушается и принцип комплексности, когда решение координационного совещания не содержит необходимых последующих форм координационного взаимодействия, например, создания постоянно действующих групп (бригад) и т.п.

Координация перестает быть экономичным и эффективным средством юридической тактики, подразумевающим изменчивость, и приобретает некоторые «застывшие» формы.

Одним из путей преодоления данных недостатков будет создание, наряду, например, с координационным совещанием руководителей правоохранительных органов региона, его вспомогательного органа — секретариата координационного совещания. Это возможно без выделения отдельных освобожденных сотрудников, а путем возложения дополнительных обязанностей на сотрудников штабов.

К координации деятельности по обеспечению экономической безопасности следует относиться как к обособленному правовому проекту со своими затратами и ресурсами, субъектами и участниками, жизненными циклами проекта и его процессуальными формами [7]. Это не только вполне возможно теоретически, но уже давно успешно реализуется за рубежом [8].

В этой связи в юридической науке отмечается также несовершенство процессуальной формы данной разновидности координационной практики [9].

Действительно, до последнего времени не произведено унификации положений о формах координационного взаимодействия, обмене материалами и информацией, нет установленного порядка ведения единых баз данных, например, по принципу системы блокчейн. Какие-то «громоздкие» проверочные мероприятия вообще могут формироваться в виде аналога смарт-контрактов, доказавших свою эффективность как координационного средства в сфере частного права [10].

В юридической науке и в практике деятельности по обеспечению экономической безопасности в качестве факторов, в ряде случаев, препятствующих эффективной координации, учитываются психологические факторы и причины [11].

Например, практики отмечают недостаточную осведомленность сотрудников органов внутренних дел о критериях и способах разграничения уголовно-наказуемого деяния и гражданско-правового деликта [12].

Выходом из подобной ситуации, разумеется, может быть только повышение уровня правовых знаний и квалификации сотрудников, но не простое, а в рамках мало применяемой формы координационного взаимодействия — координационного семинара, когда сотрудники органов внутренних дел с приглашением в качестве лекторов прокуроров и судей разбирают те или иные типичные ситуации [13].

Кстати, другой незаслуженно забытой формой координации является доказавшая свою эффективность в 1990-е годы сверка материалов, направленных контролирующими органами в правоохранительные органы.

К сожалению, сверка сегодня стала больше инструментом контроля (надзора), но у нее есть и серьезное «координационное» содержание.

Значительной проблемой организации эффективного координационного процесса выступает и недостаточно налаженная информационно-аналитическая работа и, главным образом, «входящая», первичная информация о возможных нарушениях закона.

Так, остается совершенно незатронутым такой важный источник информации как антикоррупционный комплаенс на предприятиях, в учреждениях и в организациях. Много полезной информации по-прежнему можно почерпнуть из результатов проверочных мероприятий контролирующих и надзорных органов [14], исполнительных производств службы судебных приставов [15], результатов альтернативного (несудебного) разрешения споров, в частности, путем медиации [16].

Таким образом, по результатам исследования необходимо отметить по-прежнему существующие достаточно широкие возможности повышения эффективности деятельности по обеспечению экономической безопасности путем использования механизма юридической координации.

Вместе с тем, указанные возможности, как представляется, не задействованы в полной мере, особенно в сфере деятельности органов внутренних дел по предупреждению экономической преступности и пресечению преступлений экономической направленности.

В работе показаны недостатки координационной деятельности в данной области и предложены пути их устранения.

В числе прочего предлагается обеспечить безусловное выполнение принципов координационной деятельности путем выделения сотрудников в особый вспомогательный аппарат постоянно действующих координационных органов. Показаны возможности малоизвестных форм координационного взаимодействия. Сделаны предложения по проектированию данной разновидности координационной деятельности. Указываются новые источники получения информации для аналитической работы и надлежащей организации координационного процесса.

В своей совокупности предпринятые шаги будут значительно способствовать повышению эффективности деятельности по обеспечению экономической безопасности. Они просты и вполне реализуемы на практике.

Список литературы:

1. Макаров И. И. Координация в праве. Ярославль: ЯФ МФЮА. 2012. С. 87.

2. Карташов В. Н. Механизм координационного регулирования // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып.3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / Отв.ред. П. А. Кабанов. Нижнекамск, 2001. С. 21 – 25.

3. Карташов В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. Тр. V-й Межвуз. научн. — практич. конф. / Отв. ред.проф. Г. Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 89 – 94.

4. Бриль Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. Тр. V-й Межвуз. научн. — практич. конф. / Отв. ред.проф. Г. Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 121. — 125.

5. Баранов В. М., Карташов В. Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 11 – 15.

6. Фролов С. Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2002, Вып. 3. С. 59 – 64.

7. Таланова М. В. Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес: сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / М. Ю. Абрамкина, М. Г. Абрамова, А. А. Алпатов и др. Под ред. И. В. Ершовой. М.: Юрист, 2012. С. 80 – 87.

8. Максуров А. А. Координационные нормы в законодательстве об органах внутренних дел стран Северной Европы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1 (31). С. 79 – 82.

9. Кивленок Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2002, Вып. 3. С. 54 – 58.

10. Таланова М. В. Эффективность норм частного права / Частноправовые отношения в условиях глобализации. Saarbrüchen.: Lambert academic publishing, 2012. Часть 1. Глава 7. С. 109 – 116.

11. Чернецов В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г.. М.: РГГУ, 2007. С. 89 – 94.

12. Уколова Ю. А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? // Юридический справочник руководителя. 2009. № 11. С. 17 – 23.

13. Мельников Ю. И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция. / Под ред. Ю. И. Мельникова, А. А. Максурова, Г. В. Семеновой. Ярославль. 2003. Вып.1. — С. 15 – 18.

14. Постнов А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26 – 27 ноября 2004 г.). Вып. 6: Ч. 1. 2005. С. 64 – 67.

15. Гражданское исполнительное право. Под ред. Власова А. А. М.: Экзамен, 2004. С. 76.

16. Таланова М. В. Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. 2011. № 11. С. 32 – 39.

© *Максуров А. А., 2026*

EDN: QQJUZA

Малахаева Юлия Александровна
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московский ордена Почета университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
m.ua@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОЦЕНКА ВКЛАДА В РЕАЛИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Аннотация. В статье исследуется влияние человеческого капитала на экономическую безопасность Российской Федерации в рамках реализации национальных проектов. Проведен системный анализ динамики ключевых показателей образовательной системы России, оценены качественные характеристики человеческого капитала. Обоснована необходимость интеграции качественных показателей образования в систему мониторинга угроз экономической безопасности.
Ключевые слова: человеческий капитал, экономическая безопасность, образование, национальные проекты.

Национальные цели развития Российской Федерации, зафиксированные в Указе Президента № 309 от 7 мая 2024 года, служат ключевым ориентиром государственной политики на перспективу до 2030 и 2036 годов [1]. Одной из ключевых стратегических задач, является создание условий для самореализации граждан и раскрытия их потенциала, что выступает необходимым условием обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития страны.

Человеческий капитал является одним из базовых факторов экономической безопасности, а национальные проекты выступают механизмом его формирования, сохранения и развития. Такой подход связывает

ресурс людей с устойчивостью экономики, позволяя анализировать конкретные государственные меры через призму их влияния на безопасность государства.

Под человеческим капиталом в контексте экономической безопасности следует понимать не просто численность населения, а совокупность качественных характеристик людей: знаний, компетенций, здоровья и мотивации, которые могут быть использованы для экономического роста.

Человеческий капитал является фактором экономической безопасности по следующим причинам:

а) кадровый суверенитет — наличие квалифицированных специалистов снижает зависимость от внешних технологий и импортной рабочей силы;

б) технологическая устойчивость — высокий уровень компетенций в сфере инженерии и IT обеспечивает возможность самостоятельного развития научно-технологической базы;

в) социальная стабильность — высокий уровень занятости и доходов населения предотвращает социальные потрясения, угрожающие экономическому порядку.

Для реализации данного потенциала и обеспечения перечисленных условий необходимо целенаправленное государственное управление. Ключевым механизмом такого управления выступают национальные проекты. Национальный проект «Образование» является ключевым инструментом государственного воздействия, направленным на формирование человеческого капитала через:

— повышение доступности и качества образования;
— развитие цифровых компетенций;
— подготовку кадров для экономики будущего;
— снижение дефицита квалифицированной рабочей силы.

Осуществление этих мер усиливает экономическую безопасность, формируется воспроизводимый кадровый резерв, снижается внешняя технологическая зависимость, укрепляется собственная научно-технологическая база. Чтобы оценить вклад человеческого капитала в достижение национальных приоритетов, необходим комплексный аналитический подход.

Количественный блок задают охват образованием (включая численность студентов), уровень занятости и доля населения с высшим образованием. Но этого недостаточно. Поэтому второй, качественный блок

фиксирует результативность подготовки, итоги мониторинга качества приема и образовательных программ, трудовую адаптацию выпускников (по мониторингу трудоустройства на платформе «Работа России») и соответствие формируемых компетенций запросам экономики, что отражается в структуре приема и профиле подготовки.

Динамика ключевых показателей образовательной системы Российской Федерации представлена в таблице 1 за 2021 – 2024 гг. Он охватывает фазу адаптации экономики к внешним шокам 2022 года и позволяет проверить, сохраняется ли образовательный потенциал как ресурс устойчивого развития в условиях повышенной неопределенности.

Проведенный анализ показывает, что численность студентов высшего образования увеличилась на 9,9 %, а число обучающихся в системе СПО — на 10,9 %, что говорит о положительной динамики в сфере образования и указывает на расширение его доступности. Применительно к экономической безопасности это означает расширение базы для формирования кадрового резерва. Однако количественный рост должен сопровождаться качественными изменениями, простого увеличения числа выпускников недостаточно. Необходимо оценивать структурные сдвиги:

— доля обучающихся по приоритетным направлениям (инженерия, IT, естественные науки) — индикатор технологического суверенитета;

— уровень трудоустройства в реальный сектор экономики — индикатор эффективности вложений в человеческий капитал;

— соответствие компетенций требованиям работодателей — индикатор снижения рисков кадрового голода.

Таблица 1. Изменение количества обучающихся в системе образования Российской Федерации в 2021 – 2024 гг., тыс. человек [2]

Показатель	2021	2022	2023	2024	Динамика
Студенты колледжей и техникумов (СПО)	3400	3520	3640	3770	+10,9%
Студенты вузов	3740	3900	4000	4110	+9,9%

Без этих качественных характеристик количественный рост может привести к инфляции дипломов и сохранению структурного дефицита кадров, что является прямой угрозой экономической устойчивости.

Согласно данным мониторинга, в 2024 году лидирующие позиции в рейтинге российских вузов заняли технические университеты — МФТИ,

НИЯУ МИФИ и Университет Иннополис. Одновременно фиксируется сокращение набора по гуманитарным направлениям: по специальности «Политология» спад составил 10,7 %, «Лингвистика» — 9,8 %, «Международные отношения» — 5,2 %.

Проблема соответствия рынку труда остается критической. Сохраняется разрыв между учебными программами и потребностями рынка в сферах IT, инженерии и медицины. Для экономической безопасности это критический риск, наличие диплома не гарантирует наличие нужной компетенции. Государство все активнее воздействует на структуру подготовки кадров, используя такие инструменты, как программа «Приоритет 2030» и «Профессионалитет», для сокращения разрыва между системой образования и потребностями экономики. Об этом свидетельствуют и показатели трудоустройства, по специальности работают 68 % бакалавров и специалистов и 84 % магистров [3], что подтверждает в целом высокую отдачу от вложений в человеческий капитал и их значение для поддержания социальной устойчивости. Вместе с тем сохраняется дефицит кадров со средним профессиональным образованием, в том числе в коммунальной сфере, где он достиг 23 %, что указывает на необходимость корректировки образовательных приоритетов. Россия отличается высокой долей населения с высшим образованием — порядка 41 % среди граждан 25+. Высокий общенациональный уровень высшего образования не устраняет дисбалансы рынка труда и не гарантирует кадровую устойчивость. Максимальный эффект достигается лишь при равномерном территориальном и отраслевом распределении компетенций. Сегодня же разрыв очевиден, в Центральном федеральном округе высшее образование имеют 46,9 % взрослых, тогда как в Северо-Кавказском федеральном округе — 34,2 % (разница 1,37 раза). Концентрация квалификаций в агломерациях обедняет периферию, там слабее кадровая база, выше отток молодежи и ниже «запас прочности» социально-экономической системы. Эффективность трансформации образовательных вложений в доходы остается скромной. Микроэконометрический анализ, проведенный Р. И. Капелюшниковым на базе минцеровской функции заработка, показывает, что предельная доходность дополнительного года обучения в России не превышает 12 – 13 %, даже после учета стажа, пола и отраслевой принадлежности работников [4]. Это фиксирует разрыв между наращиванием человеческого капитала через госинструменты (нацпроекты) и его трансляцией в экономический рост, увеличение «образовательной массы»

не тождественно росту эффективности. При такой конфигурации недоразвитие человеческого капитала порождает разнонаправленные угрозы экономической безопасности:

— усиливается кадровый дефицит и несоответствие выпуска запросам реального сектора (прежде всего в высокотехнологичных сегментах промышленности, ИТ и контуре ОПК);

— закрепляется региональная поляризация, когда компетенции концентрируются в столичных центрах, а периферия теряет людей и навыки, ослабляя территориальную связность экономики; в долгосрочном горизонте падает макроэффект инвестиций — без роста производительности труда расширение охвата образованием не предотвращает переход к затяжной стагнации.

В итоге человеческий капитал выступает базовым фактором экономической безопасности, а национальные проекты — ключевым инструментом его формирования. Для реальной устойчивости требуется усилить контур управления качеством, встроить качественные индикаторы образования (результативность программ, соответствие компетенций спросу) в мониторинг угроз и дополнить его интегральным индексом человеческого капитала, который позволит выявлять зоны риска и оценивать, где именно инвестиции перестают «работать» на национальные цели.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»// СПС Консультант плюс.

2. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] // URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo (дата обращения: 05.03.2026).

3. Минобрнауки РФ ожидает, что 68% выпускников бакалавриата выйдут на работу в этом году [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/956156 (дата обращения: 05.03.2026).

4. Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: новые оценки // Вопросы экономики. 2021. № 5. С. 28 – 49.

© Малахаева Ю. А., 2026

EDN: QTOIMD

Мамкин Алексей Николаевич
доцент кафедры судебной бухгалтерии
и бухгалтерского учёта учебно-научного комплекса
противодействия экономическим и налоговым преступлениям
Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Россия
кандидат юридических наук, доцент
VFinfPolice@yandex.ru

Павлович Владислав Олегович
старший преподаватель кафедры судебной бухгалтерии
и бухгалтерского учёта учебно-научного комплекса
противодействия экономическим и налоговым преступлениям
Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Россия
VFinfPolice@yandex.ru

МЕТОД КОРРЕКТИРУЮЩИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ЭКОНОМИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье метод корректирующих показателей (МКП) рассматривается как один из способов выявления признаков экономических преступлений. В работе проанализированы теоретические основы данного метода, его классификация, а также его применение в практической деятельности. На конкретных примерах рассмотрены алгоритмы выявления способов манипулирования финансовой отчётностью и сокрытия доходов.

Ключевые слова: метод корректирующих показателей, экономико-криминалистические методы, финансовая отчётность, экономические преступления, криминалистическая методика.

В настоящее время имеет место большое число экономических преступлений, таких как мошенничество, уклонение от уплаты налогов, легализация (отмывание) денежных средств и прочие.

Такого рода преступления обладают высокой латентностью, а самое главное, сложностью их доказывания. Стоит сказать, что сокрытие схем экономических преступлений сопровождается фальсификацией документов, противоречием логических факторов, привлечением фирм-однодневок, различными манипуляциями с бухгалтерской, а также налоговой отчётностью. Поэтому на начальном этапе выявления преступлений, правоохранительные органы обладают ограниченной информацией, за счёт чего классические методы выявления нарушений, оказываются неэффективными.

Вследствие вышеизложенного, следует сказать, что возрастает роль экономико-криминалистических методов, которые позволяют изучать открытую информацию, посредством анализа которой вполне возможно выдвинуть обоснованные версии о факте наличия признаков преступной деятельности.

Одним из таких методов является метод корректирующих показателей (МКП). Его сущность заключается в противопоставлении среде. А именно, рассматривается конкретное функционирующее предприятие с социально-экономическими показателями внешней среды и сопоставляется с имеющимися экономическими показателями отчётности [1]. МКП вбирает в себя знания теории криминалистики, экономического анализа и теории доказательств. В деятельности любого хозяйствующего субъекта имеются взаимосвязанные элементы, которые подчиняются логическим и математическим закономерностям.

Когда преступник пытается утаить какие-либо свои неправомерные действия, например, скрыть часть операций, он нарушает логическую цепочку, которая уже существует. Искажая одно значение, теряется согласованность с другими взаимосвязанными показателями, поскольку бесследно подогнать все остальные показатели под один или два изменённых, становится проблематично. Но данный факт, чаще всего упускают из виду, а параметры, в которые были внесены изменения становятся корректирующими показателями. Другими словами, они являются факторами, с помощью которых становится возможно проверить достоверность целевых показателей. Из вышеизложенного можно вывести ряд принципов МКП:

— субъект экономической деятельности рассматривается как целостная система;

— изменение одного показателя влечет закономерное изменение других;

— любая хозяйственная операция оставляет за собой документальные, материальные или цифровые следы;

— у каждого вида деятельности есть свои стабильные технологические и экономические пропорции (например, нормативы расходов сырья, средняя наценка, выход продукции и другие) [4].

Далее, необходимо осветить наличие классификации частных приёмов метода корректирующих показателей в отношении вымышленной деятельности. Такие приёмы сгруппированы в зависимости от специфики способа совершения экономического преступления. Такого рода классификация позволяет наиболее точным образом определять так называемый «инструментарий исследователя», направленный на механизмы противоправной деятельности.

Для начала обратимся к корректирующим показателям ущерба. Данная группа приёмов ориентирована на выявление таких преступлений, которые хоть и не ведут к полной фальсификации хозяйственных процессов, но существенно их изменяют. В учете это выглядит, как изменённая, но реальная деятельность. Основополагающая задача правоохранительных органов заключается в том, чтобы обнаружить новые, порожденные событием преступления связи, которые будут выглядеть нестандартно [3]. Такие связи выступают материальным посредником между внешней средой и хозяйственной деятельностью. Если объяснять более простым языком, то любое преступление вызывает какие-либо изменения в производственных или логических процессах.

Несмотря на то, что изменения любыми способами пытаются замаскировать, они находят отражение в виде отклонений от нормальных, технологических связей. Исходя из сказанного, начальной точкой поиска следует считать событие преступления, как взаимодействие не только с активами предприятия, но и с иными явлениями окружающей среды. Например, в случае хищения тканей на швейной фабрике, может быть обнаружены расхождения между сверхнормативными расходами определённого вида материала и степенью его популярности в виде низкого спроса клиентов [6, с. 104]. Таким образом, хищение будет направлено на наиболее ликвидные позиции, что в свою очередь, статистически исказит обычную картину технологических потерь.

Обратим внимание на корректирующие показатели (КП) вымышленной хозяйственной деятельности. Данная группа приёмов связанна

с выявлением преступлений с полной или частичной фиксацией в отчётности несуществующих или неполных операций. В этом случае следует начинать с анализа обычных, устойчивых связей предприятия, которое нормально функционирует с окружающей средой.

Как разновидность вышеупомянутой группы выделяют КП фиктивной хозяйственной деятельности. Подобного рода ситуации характеризуются отражением в учете операций, которые не существовали в реальности. Здесь прослеживается нарушение связей «на входе» в экономическую систему предприятия [5]. Более конкретно, в отчетности, потреблённые ресурсы начинают превышать потенциальные возможности, которые подразумеваются реальным состоянием внешней среды. Следовательно, в отчетных документах появляются операции, которые формируют видимость хозяйственных операций, но в реальности не находят своего отражения. Для выявления подобных преступлений необходимо проводить сравнение отчётных данных о потреблении либо закупках сырья с лимитами, которые существуют во внешней среде. В качестве примера можно обратиться к выявлению фиктивных закупок сельскохозяйственной продукции у населения. Предположим, что есть максимально возможный объём сырьевых ресурсов (мясо, молоко и прочее), который может быть приобретен у населения конкретного района. На основании данных Росстата о поголовье скота в подсобных хозяйствах, средних удоев этот показатель рассчитывается [2].

В случае, если объём закупок, который отражен в отчётности заготовительной организации с определённой цикличностью и системностью превышает расчётный потенциал населения района, следует отметить, как индикатор фиктивной операции. Поскольку такое превышение на прямую демонстрирует тот факт, что часть документов оформлена на несуществующие объёмы, а выплаченные средства похищаются.

Также как разновидность, существуют КП утаённой финансовой отчетности. Посредством этого показателя удаётся обнаружить сокрытие реально существующих операций, обычно «неучтёнки». В данном случае нарушение возможно проследить «на выходе», а именно результаты отчетности оказываются заниженными по отношению к объективному спросу или иным внешним факторам [5]. С целью сокрытия доходов, реальные объёмы производства или продаж не в полном объёме отражаются в финансовой отчётности. Вышеизложенное нарушение удаётся выявить при сопоставлении независимых данных об объективных параметрах потребительского рынка с декларируемыми объёмами

реализации. К примеру, в определённом регионе сохраняется дефицит младшего медицинского персонала, что в свою очередь подтверждается отчётностью данных органов здравоохранения. Корректирующим показателем в конкретном примере может выступать показатель укомплектованности штата младшим персоналом в однотипных больницах исследуемого региона. В случае, если больница демонстрирует стабильную 100 %-ную укомплектованность персонала, она будет выделяться из общей тенденции региона. Этот факт даёт основания полагать о возможных нарушениях, ведении фиктивных штатных единиц, с которыми незаконно проводятся расчёты по заработной плате. А в дальнейшем, выделенные денежные средства похищаются [6, с. 105].

Проанализировав вышеизложенную информацию, можно вывести алгоритм применения метода корректирующих показателей [7].

Для начала следует определить для себя проверяемый показатель. Такими чаще всего выступают объём выручки, прибыли, себестоимости или суммы налога к уплате.

В последующем рассматриваются и анализируются корректирующие показатели. Они должны отражать объективность источника, подтверждаться документально или иметь устойчивую связь. Затем на основании данных по корректирующему показателю и известной пропорции, необходимо рассчитать целевой показатель. Например: нам известен объём потребляемой энергии в цеху со станками (корректирующий показатель), а также норма расхода энергии на единицу продукции [1]. На основании данных рассчитывается возможный объём выпущенной продукции.

Далее происходит сравнение документальное значение целевого показателя с его расчётным значением, производится анализ расхождений.

Заключительным этапом происходит формирование выводов и построение версий. Соответственно, выявленные расхождения являются факторами возможных нарушений. Впоследствии, на основании выдвинутых версий происходит планирование дальнейших следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий.

Подводя итог, стоит сказать, что метод корректирующих показателей является экономико-криминалистическим способом при выявлении экономических преступлений. Его особенность заключается в возможности извлекать криминалистически значимую информацию из различных данных. Данный метод применяется даже при минимальном объёме

имеющейся информации, также он опирается на независимые от воли правонарушителя данные. Но также важно подчеркнуть, что необходимо тщательно и продуманно подбирать пропорции и нормативы, учитывать отрасль проверки и правомерные причины расхождений. Поэтому, сделанные с помощью МКР выводы, носят характер версий и нуждаются в дальнейшем подтверждении. Тем не менее, необходимым условием повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями является внедрение в практику правоохранительных органов таких методик, как метод корректирующих показателей.

Список литературы:

1. Метод корректирующих показателей в бухгалтерском учете [Электронный ресурс] // URL: http://www.vidania.ru/interesnoe/buhgalteriya/metod-korrektiruyushih-pokazatelei-v-buhgalterskom-uchete.html (дата обращения: 15.02.2026).

2. Собственные методы экономико-криминалистического анализа [Электронный ресурс] // URL: https://studopedia.su/8_24429_vopros — sobstvennie-metodi-ekonomiko-kriminalisticheskogo-analiza.html (дата обращения: 15.02.2026).

3. Экономико-криминалистический анализ как средство диагностики преступлений в сфере налоговых преступлений [Электронный ресурс] // URL: https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-v-rossii-i-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdun/sektsiya-7-ugolovnyy-protsess-kriminalistika-operativno-rozysknaya-deyatelnost-spetsialnost-12-00-09/ekonomiko-kriminalisticheskiy-analiz-kak-sredstvo-diagnostiki-prestupleniy-v-sfere-nalogovykh-prestu/ (дата обращения: 15.02.2026).*.

4. Метод корректирующих показателей в экономико-криминалистическом анализе [Электронный ресурс] // URL: https://studfile.net/preview/17114685/page:3/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. Слободяник, К. Г. Экономико-криминалистические методы в экспертной практике / К. Г. Слободяник // Теория и практика современной науки. — 2020. — № 5 (11) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-kriminalisticheskie-metody-v-ekspertnoy-praktike (дата обращения: 15.02.2026).

6. Мамкин, А. Н. Экономико-криминалистический анализ: учебное пособие / А. Н. Мамкин. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2023. — 118 с.

7. Методические указания к практическим занятиям по дисциплине «Основы выявления и расследования экономических и налоговых преступлений» [Электронный ресурс] // URL: https://swsu.ru/sveden/files/MU_PZ_OViREiNP.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

© Мамкин А. Н., Павлович В. О., 2026

EDN: ROPNNA

Пак Виктор Александрович
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
pakvikt@mail.ru

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье исследуются вопросы организации работы оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию хищениям бюджетных средств в сфере оборонно-промышленного комплекса. Анализируется система нормативного правового регулирования, регламентирующая оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел, функционирование объектов оборонно-промышленного комплекса, а также отдельные вопросы государственного оборонного заказа. В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с неопределенностью понятийного аппарата указанной сферы деятельности, ограничивающими факторами режима секретности в решении задач ОРД. На основе проведенного анализа рассмотрены предложения по совершенствованию теоретической базы и правового регулирования оперативно-розыскного противодействия хищениям в оборонной сфере.
Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность (ОРД), оборонно-промышленный комплекс (ОПК), хищение бюджетных средств, государственный оборонный заказ (ГОЗ), экономическая безопасность, оперативные подразделения, теория ОРД, правовое регулирование, режим секретности.

Современный этап развития российской государственности характеризуется необходимостью укрепления уровня национальной безопасности. Оборонно-промышленный комплекс является ключевым элементом в обеспечении национальной безопасности. Данным фактом обусловлено увеличение объемов бюджетного финансирования, направляемого на реализацию ГОЗ, разработку новых видов вооружений и модернизацию оборонных предприятий. Объективно увеличение объемов финансирования сопровождается ростом криминальных угроз в данной сфере. Хищения бюджетных средств в ОПК можно расценивать как угрозу национальной безопасности, поскольку материальный ущерб, причиняемый государству, подрывает обороноспособность страны, а также коррупционные преступления в данной сфере дискредитируют саму систему государственного управления.

Подразделения органов внутренних дел, обладающие правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность (ОРД) являются важным элементом в системе предупреждения, выявления и раскрытия преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств в сфере ОПК. Однако без теоретического осмысления проблем оперативно-розыскной практики невозможно выстроить эффективную систему противодействия современным криминальным вызовам [1].

Стоит отметить, что теоретическое осмысление проблем противодействия экономическим преступлениям в оборонной сфере проводилось начиная с советского периода истории нашей страны, в котором юристами, таким как В. И. Елинский, В. Г. Самойлов разрабатывались концепции оперативно-розыскного обеспечения сохранности социалистической собственности на особо режимных объектах [2].

Однако, несмотря на наличие фундаментальных исследований, в теории ОРД до настоящего времени отсутствует общепринятое определение понятия «оперативно-розыскное противодействие хищениям бюджетных средств в сфере ОПК».

По мнению В. М. Атмажитова в современной науке можно выделить два подхода к пониманию противодействия преступности, как оперативно-розыскной политики: узкий и широкий.

Согласно узкому подходу, оперативно-розыскная политика понимается как составная часть уголовной политики. Это связано с определением основного назначения и содержания оперативно-розыскной деятельности. (далее — ОРД). ОРД рассматривается как одна из важнейших специальных государственно-правовых мер борьбы с преступностью.

В широком смысле оперативно-розыскная политика, являясь частью социальной и правовой политики, осуществляемой в государстве, определяет возможности и задачи оперативно-розыскной деятельности в целом [3].

Представляется, что применительно к специфике ОПК более продуктивным является широкий подход, поскольку он позволяет учитывать особенности режимных объектов, необходимость предупреждения хищений на ранних стадиях и координации усилий различных ведомств.

На современном этапе развития теоретических представлений о противодействии хищениям в сфере ОПК оперативно-розыскное противодействие рассматривается как сложная система, включающая в себя следующие элементы: информационно-аналитический компонент (сбор, обработка и анализ данных о состоянии законности в сфере ГОЗ, выявление криминогенных факторов и рисков); поисково-познавательный компонент (осуществление оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление признаков хищений); превентивный компонент (система мер по предупреждению преступлений, включая оперативное прикрытие и оперативную профилактику); коммуникативный компонент (взаимодействие с иными субъектами противодействия) [4].

Таким образом, теоретические основы осмысления оперативно-розыскного противодействия преступлениям в сфере ОПК в современном научном сообществе находятся на этапе формирования, хотя они и основываются на фундаментальных теоретических исследованиях теории ОРД.

Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений по противодействию хищениям в сфере ОПК представляет собой многоуровневую систему, включающую в себя конституционный уровень, уровень федеральных законов, уровень ведомственных нормативных актов.

В статьях 8 и 71 Конституции Российской Федерации заложены базовые принципы защиты государственной собственности и обеспечения обороноспособности страны [5]. Особое значение имеет статья 29 Конституции Российской Федерации, регламентирующая ограничение права на доступ к информации в целях защиты государственной тайны, что напрямую связано со спецификой работы в ОПК.

Ключевым нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы оперативно-розыскной деятельности по противодействию преступлениям в сфере ОПК является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ

«Об оперативно-розыскной деятельности» [6]. Данный закон определяет содержание, принципы, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Для целей противодействия хищениям в ОПК ключевое значение имеет статья 2, закрепляющая такие задачи ОРД, как: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной безопасности Российской Федерации; установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации. Кроме того, статья 6 указанного выше закона определяет перечень ОРМ, среди которых особую значимость для работы в сфере ОПК имеют: исследование предметов и документов; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи. Статья 7 Федерального закона определяет основания для проведения ОРМ: наличие возбужденного уголовного дела; ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания; поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

Одним из ключевых нормативных актов в данной сфере выступает Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [7]. Для оперативно-розыскной деятельности принципиальное значение имеют: статья 3, устанавливающая, что

средства, выделяемые в рамках ГОЗ, имеют строго целевое назначение, а их использование подлежит особому контролю; статьи 7.1 – 7.2, регламентирующие ведение реестра единственных поставщиков и реестра недобросовестных поставщиков, что является важным источником оперативно значимой информации; статья 12, закрепляющая обязанность головного исполнителя обеспечить целевое использование авансовых средств; статья 15.1, определяющая полномочия контролирующего органа по выявлению нарушений и защите публичных интересов; статья 16, устанавливающая ответственность за нарушение норм законодательства о ГОЗ. Стоит отметить, что важнейшее значение для оперативных подразделений имеет положение п. 3 ст. 12 указанного нормативного акта, согласно которому «исполнитель обеспечивает целевое использование авансовых средств». Данная норма создает правовую основу для квалификации нецелевого расходования авансов как хищения в форме присвоения или растраты.

Поскольку ОРД напрямую связана с работой со сведениями, составляющими государственную тайну, кроме того, предприятия ОПК относятся к режимным объектам, информация об их деятельности также подлежит засекречиванию, Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» [8] играет важную роль в регламентировании указанной деятельности. Данный нормативный акт устанавливает ограничения на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, и определяет порядок допуска должностных лиц к таким сведениям. Для оперативных сотрудников, специализирующихся на противодействии хищениям в ОПК, указанный закон определяет: перечень сведений, отнесенных к государственной тайне (статья 5); порядок оформления допуска (статья 21); основания для отказа в допуске (ст. 22).

Ведомственные нормативные акты, регламентирующие ОРД, как правило содержат в себе сведения ограниченного доступа. Среди нормативных актов, находящихся в открытом доступе можно рассмотреть приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 »Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного

мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» [9]. Инструкция содержит в себе положения о подготовке к проведению обследования, условиях проведения обследования, основаниях и порядке изъятия предметов и документов, организации ведомственного контроля за соблюдением законности при проведении обследования. То есть данным нормативно-правовым актом определен алгоритм проведения ОРМ обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Таким образом, нельзя отрицать, что в целом необходима дальнейшая разработка теоретических проблем, а именно: определение сущности и содержания оперативно-розыскного противодействия в условиях режимных объектов; обоснование критериев эффективности ОРД в сфере ОПК; разработка теоретических моделей оперативных комбинаций применительно к специфике хищений в оборонной сфере. С целью более результативного решения вопросов деятельности в указанной сфере необходимо на законодательном уровне урегулировать особенности проведения ОРМ на режимных объектах; уточнить полномочия Федеральной антимонопольной службы России по участию в уголовном процессе в качестве представителя потерпевшего.

Теоретико-правовые основы противодействия хищениям бюджетных средств в сфере ОПК оперативными подразделениями органов внутренних дел представляют собой сложную, многоуровневую систему, находящуюся в стадии активного формирования. Современное состояние данной системы характеризуется наличием нерешенных теоретических проблем и правовых коллизий. Решение выявленных проблем заключается в комплексном развитии как теоретической базы, так и нормативного правового регулирования.

Список литературы:

1. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2023. С. 12.

2. Елинский В. И. Становление и развитие теории оперативно-розыскной деятельности в России (XIX — начало XX в.): монография. — М.: Юристъ, 2019. — 288 с.

3. Атмажитов В. М. О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // академическая мысль. 2020. № 4 (13). — С. 35.

4. Кваша Ю. Ф., Горяинов К. К. Оперативно-розыскная деятельность: современные проблемы теории и практики. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 352 с.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).

6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

7. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7600.

8. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 41. — Ст. 8220 – 8235.

9. Приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (ред. от 13.10.2023) // Российская газета. — 28.05.2014. — № 118.

© Пак В. А., 2026

EDN: NEBRWA

Николаенко Денис Николаевич
доцент кафедры ОРД ОВД и ПИТ
Московский ордена Почета
университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
кандидат юридических наук
sihik-ord@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО СРЕДСТВАМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности в сфере лесопромышленного комплекса России и совершенствования деятельности органов внутренних дел по выявлению преступлений в этой сфере. Автор анализирует современные методы документирования незаконных рубок и оборота древесины, включая использование информационных систем (ЛесЕГАИС), RFID-мониторинга, БПЛА и фотоловушек. Особое внимание уделяется необходимости межведомственного взаимодействия и комплексного подхода к борьбе с преступлениями, маскирующимися под легальную хозяйственную деятельность.
Ключевые слова: преступления в сфере экономики, лесопромышленный комплекс, документирование, использование технических средств.

Одним из важнейших элементов экологической системы Российской Федерации являются леса, уничтожение которых в рамках совершенных в сфере лесопромышленного комплекса (далее ЛПК) преступлений приобретает катастрофические масштабы и подвергает угрозе экономическую безопасность государства. Сложные современные

условиях в социальных и экономических процессах нашей страны привели к криминализации экологической сферы.

Актуальность совершенствования механизмов выявления и документирования преступлений в лесопользовании органами внутренних дел РФ продиктована высоким уровнем криминализации отрасли. Лесопромышленный комплекс продолжает оставаться зоной повышенного риска из-за хищнической эксплуатации ресурсов, ведущей к истощению лесного фонда (с 2023 года введена обязанность лесопользователей по восстановлению лесов в год рубки), и активности нелегальных лесорубов, осваивающих нетронутые массивы, критически важные для экологии. Напомним, что российские леса занимают 1,18 млрд га (почти 70 % территории страны), из которых 770 млн га покрыты лесной растительностью, что составляет 46,4 % площади России [1].

Инструментом декриминализации отрасли выступает Стратегия развития лесного комплекса до 2030 года [2]. Она определяет приоритеты: совершенствование управления, охраны и воспроизводства лесов, климатическую политику и цифровую трансформацию. Во исполнение поручения Президента РФ разработан межведомственный план, консолидирующий усилия по противодействию коррупции и хищениям в природопользовании. Совместная работа с Рослесхозом, Росфинмониторингом и ФТС направлена на повышение эффективности выявления и профилактики нарушений в лесной отрасли.

Документирование преступлений в сфере ЛПК представляет собой комплексную задачу, требующую от сотрудников ЭБиПК не только глубоких знаний оперативно-розыскного законодательства, но и понимания технологических процессов лесозаготовки, логистики движения древесины, механизмов экспортных операций и специфики лесоохранного администрирования. Как справедливо отмечают Ю. П. Гармаев и О. В. Середа, для совершения незаконных рубок в крупном и особо крупном размере предварительно или одновременно совершается коррупционное преступление, без которого реализация анализируемых посягательств в больших масштабах практически невозможна [3, с. 306]. Данное обстоятельство предопределяет необходимость документирования не только фактов незаконной заготовки древесины, но и коррупционных связей, обеспечивающих прикрытие лесного браконьерства.

Эффективность документирования преступлений в лесопромышленном комплексе напрямую зависит от полноты понимания оперативными сотрудниками криминалистической характеристики данных

деяний. Согласно исследованию Е. Е. Космодемьянской, Н. В. Полякова и Н. Г. Прейс, к преступлениям экономической направленности в сфере ЛПК относятся не только очевидные незаконные рубки (ст. 260 УК РФ), но и приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ), контрабанда леса (ст. 226.1 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), а также целый ряд преступлений, связанных с фальсификацией финансовой отчетности и незаконным образованием юридических лиц [4, с. 18].

Как показывает анализ практики, наиболее сложными для документирования являются способы совершения преступлений, маскируемые под легальную хозяйственную деятельность. В Кировской области, например, была выявлена схема, при которой под видом заготовки древесины по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан осуществлялись масштабные рубки в особо крупном размере с ущербом лесному фонду 38 млн рублей [5]. Документирование таких деяний требует сопоставления значительного массива информации: данных о выделенных делянах, фактически заготовленной древесине, транспортных потоках и конечных получателях лесопродукции.

Деятельность сотрудников ЭБиПК по выявлению преступлений в сфере ЛПК базируется на сочетании гласных и негласных методов оперативно-розыскной деятельности. К числу наиболее эффективных относятся:

1. Проведение оперативно-профилактических мероприятий. На территории лесных регионов России на плановой основе проводятся оперативно-профилактические мероприятия (ОПМ) «Лес», «Колея», «Ель», направленные на предупреждение, выявление и пресечение преступлений в сфере заготовки, переработки и реализации древесины. В ходе таких мероприятий сотрудники ЭБиПК осуществляют проверку транспортных средств, перевозящих древесину, выезды на места делянок, проверку объектов лесопереработки, а также осуществляют подпор оперативных источников и получают оперативно значимую информацию.

2. Проведение мониторинга информационных систем, прежде всего такой как ЛесЕГАИ С. Так, например, в Свердловской области, сопоставление данных ЛесЕГАИС с фактическими обстоятельствами рубок позволило выявить хищение более 51 тысячи кубометров леса при строительстве высоковольтной линии [6]. При этом документированию подлежат расхождения между официально выделенными объемами

и фактически вывезенной древесиной, а также несоответствия в сопроводительных документах.

3. Межведомственное взаимодействие, при котором сотрудники ЭБиПК взаимодействуют с территориальными подразделениями Рослесхоза, таможенными органами, органами прокуратуры, ФСБ России. Например, в Смоленской области, на постоянной основе проводится работа по выявлению фактов коррупционной причастности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, а также должностных лиц, осуществляющих разрешительные и контрольно-надзорные функции, в том числе лицензирование в сфере природопользования [7].

В процессе выявления и предупреждения преступлений в сфере лесопромышленного комплекса важную роль играет Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Данная инструкция регламентирует правила, по которым оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее ОРД), предоставляют результаты своей работы дознавателю, органу дознания, следователю или в суд в рамках уголовного процесса [8].

При документировании деятельности организованных преступных групп, специализирующихся на незаконных рубках, применяются такие оперативно-розыскные мероприятия, как наблюдение, оперативный эксперимент, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи. Показательным примером является деятельность УЭБиПК УМВД России по Ивановской области, где оперативники скрыто фиксировали процесс криминальной лесозаготовительной деятельности, запечатлев моменты трелевочных и погрузочных работ, фактически не выходя из леса на протяжении длительного времени [9].

Отдельного внимания требует вопрос использования технических средств, специального оборудования и программного обеспеченья в процессе документирования преступлений ЛПК сотрудниками ЭБиПК.

Создание и внедрение в Министерстве внутренних дел Российской Федерации единой информационной системы лесопромышленного комплекса ЕИС «ЛЕС». Данный комплекс нацелен на объединение информации из действующих баз данных информационно-поискового сервиса системы «Следопыт-М», единой государственной автоматической информационной система (ЕГАИС) «Лес», баз данных Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной налоговой службы, Федеральной таможенной службы и других.

Использование RFID мониторинга леса с целью выявления и документирования преступлений в лесопромышленном комплексе. Данный метод позволяет отслеживать лесные массивы на предмет незаконных рубок, а также перемещения незаконно добытой древесины. На деревья в определенном участке устанавливаются передатчики (транспондеры/маячки) передающие сигнал в центр обработки информации, где в базе данных имеются сведенья об участке его координатах, а также информация о количестве меток (деревьев) на данном участке (выделе). При уменьшении меток или их перемещении незамедлительно становится известно в центре обработки информации, где оператор принимает решение о действии в сложившейся ситуации. Одним из таких решений является сообщение/заявление о преступлении в правоохранительные органы, что позволит выявить лиц причастных к совершению преступления и раскрыть его «по горячим следам», либо если речь идет о документировании, данная информация позволит зафиксировать факт причастности указанных лиц к конкретному эпизоду преступной деятельности.

Применение и использование беспилотной летательной техники при выявлении и раскрытии преступлений в сфере ЛПК. В сферах лесной отрасли беспилотные летательные аппараты могут быть применены для различных задач, ключевой из которых является мониторинг лесных массивов (например, для обнаружения нарушений законодательства, связанного с лесозаготовкой, контроля вырубки леса и т.д.). Стоит отметить, что беспилотные летательные аппараты наиболее эффективны при выполнении этих задач, если они оснащены специализированным оборудованием, таким как камеры и сенсоры, с помощью которых обеспечивается точный и надёжный сбор необходимых для оперативных подразделений данных. БПЛА можно эффективно использовать в труднодоступных районах, на территориях со сложным рельефом или на участках с густой растительностью. Преимущество беспилотников перед спутниковыми снимками состоит в том, что БПЛА могут получать изображения и видео с высоким разрешением в режиме реального времени независимо от наличия облаков, а в сочетании с современными технологиями, такими как LiDAR и искусственный интеллект, они позволяют создавать точную 3D-копию леса вплоть до определения пород конкретных деревьев, их высоты и диаметра. Эффективность применения БПЛА также отмечена Министром внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцевым на последней коллегии МВД, состоявшейся 04 марта 2026 года, на которой особое внимание уделялось

вопросам применения новых технологий. В частности, «в нашу деятельность активно внедряется беспилотная техника, включая сферы выявления и пресечения преступлений, проведения оперативно-поисковых и специальных мероприятий, обеспечения общественного порядка». По итогам 2025 года «с помощью беспилотных воздушных средств установлено 460 криминальных посягательств и 2,5 тысячи правонарушений, а также 120 без вести пропавших лиц» [10].

Еще одним из эффективных техническим средство внедряемым в сферу выявления и документирования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса являются фотоловушки. Эти устройства могут фиксировать фото и видео изображения незаконных действий в момент их совершения, процесс перевозки и хранения древесины, транспорт и лиц совершивших преступления, что в дальнейшем предоставит сотрудникам ЭБиПК неоспоримые доказательства. Положительный опыт использования данной аппаратуры был применен еще 2016 году оперативными сотрудниками ГУ МВД России по Красноярскому краю, что позволило повысит эффективность борьбы с незаконными рубками леса. Преимущественно приборы применялись при проведении порядка 90 рейдов, которые проводились совместно с сотрудниками Министерства природных ресурсов и экологии Красноярского края и территориальных лесничеств. По результатам проведённых мероприятий было возбуждено 15 уголовных дел за незаконную рубку леса, а также установлено 19 административных правонарушений, связанных с транспортировкой древесины. Изъято более 100 кубометров древесины, 8 единиц лесозаготовительной и автомобильной техники и 5 бензопил [11]. Также заслуживает внимания опыт применения техники сотрудниками Вологодской области, установленная которыми фотоловушка зафиксировала факт нелегальной вырубки, а поступивший сигнал о наличии чужого транспорта на территории, арендованной ЛПК, позволил сотрудникам ОМВД своевременно задержать нарушителя, и привлечь его к ответственности.

Таким образом, важность оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в обеспечении экономической безопасности путем противодействия правонарушениям в лесопромышленном секторе не вызывает сомнений. Результативность ОРД напрямую зависит от оперативности реагирования на преступные проявления, глубины анализа оперативной информации, эффективности взаимодействия задействованных подразделений и использования современных технических средств. Особое

значение в этом контексте приобретает совершенствование методов документального фиксирования противоправных действий и использования информационных ресурсов, как открытых, так и ограниченного доступа.

Список литературы:

1. Леса России — Рувики: Интернет-энциклопедия — URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Леса_России (дата обращения: 05.03.2026).

2. Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года», КонсультантПлюс (дата обращения: 05.03.2026).

3. Гармаев Ю. П. Эффективные методы выявления и расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса / Ю. П. Гармаев, О. В. Середа. // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 3. — С. 305 – 314.

4. Космодемьянская, Е. Е. Возможность типизации следственных ситуаций по уголовным делам об экономических преступлениях в сфере лесопромышленного комплекса и система тактических задач их расследования / Е. Е. Космодемьянская, Н. Г. Прейс // Научный компонент. — 2023. — № 2(18). — С. 30 – 38.

5. В Кировской области полицейские провели оперативно-профилактическое мероприятие «Лес» [Электронный ресурс] // URL: https://rutube.ru/video/c6db6460330bca38905d68a7d37ab87f/ (дата обращения: 05.03.2026).

6. История одной вырубки [Электронный ресурс] // URL: https://veved.ru/eburg/press/93178-istoriya-odnoj-vyrubki.html (дата обращения 05.03.2026).

7. Смоленская газета — Восстановление и рубка леса — под контролем [Электронный ресурс] // URL: https://smolgazeta.ru/daylynews/103783-vosstanovlenie-i-rubka-lesa — pod.html (дата обращения: 05.03.2026).

8. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/5 09/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке

представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 05.12.2013 № 30544).

9. В лес за миллионами [Электронный ресурс] // URL: https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/spetsdose/v-les-za-millionami/?sphrase_id=1015101 (дата обращения: 05.03.2026).

10. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России: 04 марта 2026 года [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/news/item/80290750 (дата обращения: 05.03.2026.).

11. Полицейские используют фотоловушки для выявления незаконных порубок леса [Электронный ресурс] // URL: https://24.мвд.рф/news/item/7067856/ (дата обращения: 05.03.2026).

© *Николаенко Д. Н., 2026*

EDN: PGZYJD

Озерова Юлия Сергеевна
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук
rubtsova.juli@mail.ru

ИГРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется влияние зарубежных игровых платформ на экономическую безопасность Российской Федерации. Анализируются механизмы оттока капитала через системы внутриигровых виртуальных валют, проблемы налогового администрирования транзакций, угрозы для отечественного рынка труда, риски, связанные с локализацией персональных данных, а также предлагается комплекс мер по нейтрализации выявленных угроз.
Ключевые слова: виртуальные валюты, игровые платформы, отток капитала, персональные данные, угроза, экономическая безопасность.

Стремительное развитие индустрии компьютерных игр привело к формированию глобальных цифровых экосистем с оборотами, сопоставимыми с оборотами традиционных отраслей экономики. По данным аналитического агентства Newzoo мировой рынок видеоигр в 2025 году составил около 196 миллиардов долларов США [1]. Россия традиционно входит в число крупнейших игровых рынков — аудитория отечественных геймеров насчитывает около 92 миллионов человек [2].

Исследуя угрозы в финансово-валютной сфере, Н. В. Яковлева справедливо обращает внимание на то, что правовая система России нередко не успевает за развитием цифровых технологий, порождая правовые вакуумы в сферах защиты персональных данных и регулирования

виртуальных валют [3]. Применительно к игровым платформам этот вакуум выражается в следующем: виртуальные валюты — Robux, V-Bucks, Steam Wallet — де-факто функционируют как суррогатные платёжные инструменты, однако не подпадают в полной мере под режим валютного регулирования и контроля, установленный Федеральным законом № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [4].

А. В. Пахарев в своём исследовании убедительно показывает, что именно конвертируемые виртуальные платёжные инструменты становятся одним из наиболее распространённых каналов, через которые осуществляется отмывание доходов и вывод активов за пределы российской юрисдикции [5]. Схема функционирования подобного канала на примере Roblox выглядит следующим образом: российский пользователь приобретает Robux за рубли — средства поступают на счёт американской компании — через механизм DevEx накопленные Robux конвертируются в доллары США и выплачиваются разработчикам по всему миру. Каждое звено этой цепочки находится за пределами российской финансовой системы.

Серьёзной проблемой остаётся налоговое администрирование. В соответствии со ст. 174.2 Налогового кодекса РФ иностранные компании обязаны уплачивать НДС с электронных услуг, оказываемых российским пользователям [6]. Однако практика применения этой нормы выявила существенные пробелы: значительная часть транзакций в рамках игровых платформ остаётся непрозрачной для налоговых органов, часть компаний минимизирует налогооблагаемую базу через дочерние структуры в юрисдикциях с льготным налогообложением. Отдельную зону рисков формирует вторичный рынок игровых активов. Торговля аккаунтами, редкими предметами и внутриигровой валютой за реальные деньги через неформальные каналы (социальные сети, специализированные форумы, мессенджеры) образует теневой сегмент экономики, практически не поддающийся налогообложению.

Доминирование иностранных игровых платформ создаёт системное конкурентное давление на российскую игровую индустрию. А. В. Бабкин и П. А. Михайлов в своём исследовании природы цифровых платформ показывают, что зрелые глобальные платформы обладают фундаментальными конкурентными преимуществами — сетевыми эффектами, эффектами масштаба и lock-in эффектами, — которые делают их позиции практически неуязвимыми для региональных конкурентов без целенаправленной государственной поддержки последних [7].

Особую озабоченность с точки зрения рынка труда вызывает феномен «платформенной занятости» в пользу иностранных экосистем. Roblox привлекает молодых российских разработчиков, предоставляя инструменты для создания игр и обещая монетизацию в долларах через DevEx. Таким образом, квалифицированные программисты, геймдизайнеры, 3D-художники фактически работают на иностранные платформы.

Игровые платформы принадлежат к числу крупнейших операторов персональных данных в мире. Миллионы российских пользователей, в том числе дети, предоставляют платформам обширный массив сведений: паспортные и платёжные данные, геолокацию, биометрические параметры (в случае VR-платформ), социальные связи и детальные поведенческие профили. Эти данные хранятся на серверах, расположенных за пределами России, что прямо противоречит требованиям ст. 18.1 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» о локализации данных российских граждан [8].

Пользовательские соглашения крупнейших игровых платформ содержат положения, согласно которым весь контент, созданный пользователями внутри платформы (игровые миры в Minecraft, сценарии и механики в Roblox), является интеллектуальной собственностью платформы. Это означает фактическое безвозмездное присвоение результатов творческого и технического труда российских граждан иностранными корпорациями.

Принципиальное значение имеет юрисдикционный аспект. Крупнейшие игровые платформы, прежде всего американские, подпадают под действие законодательства США о санкциях (регуляции OFAC, Правила экспортного администрирования). Это означает, что деятельность этих компаний в России изначально структурно уязвима. Фактически миллионы российских потребителей находятся в состоянии постоянной зависимости от внешнеполитической конъюнктуры иностранных государств — ситуация, принципиально несовместимая с концепцией экономической безопасности, закреплённой в Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года [9].

Принимая во внимание вышеизложенное, считаем целесообразным законодательно определить правовой статус внутриигровых валют, ввести обязательную отчётность по объёмам внутриигровых транзакций, распространить на конвертируемые виртуальные валюты режим валютного контроля.

В сфере налогового администрирования следует расширить действие ст. 174.2 НК РФ, распространив её на транзакции в рамках пользовательского контента внутри платформ. Параллельно необходимо предусмотреть налоговые преференции для отечественных разработчиков (субсидирование, льготный доступ к облачной инфраструктуре, поддержка экспорта российских игровых продуктов). В области персональных данных необходимо усилить правоприменение в отношении иностранных игровых платформ: обеспечить выполнение требований о локализации данных, распространить специальные требования по защите данных несовершеннолетних. Только комплексный подход позволит минимизировать риски и обеспечить устойчивость национальной экономики в условиях цифровизации.

Список литературы:

1. Мировой рынок видеоигр по итогам 2025 года вырастет до $197 млрд Компьютерра [Электронный ресурс] // URL: https://www.computerra.ru/331829/mirovoj-rynok-videoigr-po-itogam-2025-goda-vyrastet-do-197-mlrd/ (дата обращения: 06.03.2026).

2. Аудитория — геймеры. Кто играет в видеоигры в России и чем они интересуются? [Электронный ресурс] // URL: https://www.sostav.ru/publication/auditoriya-gejmery-kto-igraet-v-videoigry-v-rossii-i-chem-oni-interesuyutsya-81798.html (дата обращения: 06.03.2026).

3. Яковлева Н. В. Безопасность цифровой экономики России и её регионов // Управленческий учёт. — 2025. — № 7. — С. 228 – 238.

4. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Российская газета» от 17.12.2003 № 253.

5. Пахарев А. В. Влияние цифровых валют и киберпреступности на экономическую безопасность страны // Экономическая безопасность. — 2022. — Т. 5, № 2. — С. 457 – 472. — DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114692.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) Федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // pravo.gov.ru/content/content.html#hash=6d30a92f830312a1b62d0a002c635c3e667c52e1059a82525dd65cb8e2bbe0a6&ttl=1 (дата обращения: 05.03.2026).

7. Бабкин А. В., Михайлов П. А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация // Вестник Академии знаний. — 2023. — № 1 (54). — С. 25 – 36.

8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Парламентская газета», № 126 – 127, 03.08.2006.

9. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921?ysclid=mmjkr7qlor128845654 (дата обращения: 05.03.2026).

© Озерова Ю. С., 2026

EDN: QKHXNZ

Опальский Александр Павлович
профессор кафедры правового обеспечения
государственной и муниципальной службы
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия
доктор экономических наук, профессор
apo2004@yandex.ru

Осипенко Иван Михайлович
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия

УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ РИСКОВ

Аннотация. Детализированные стратегические рекомендации по укреплению экономической безопасности предприятий ОПК разрабатываются на основе комплексного анализа финансового состояния, кадровой политики, технологического потенциала и внешних угроз, учитывающих жёсткие международные санкции. В статье рассмотрены проблемы укрепления экономической безопасности предприятий оборонно-промышленного комплекса через призму управления финансами, которое обеспечивает внутренних и внешних пользователей информацией об экономическом состоянии организации и выработке дальнейших шагов сотрудничества.

Ключевые слова: оперативный мониторинг, санкционные риски, экономическая безопасность.

Занимаясь вопросами внешнего финансового анализа, составленного на основании форм публичной финансовой отчётности, мы не раз обсуждали направления повышения экономической безопасности предприятий оборонно-промышленного комплекса (далее — ОПК). Смена команд в управлении тем или иным предприятием отражалась на результатах финансово-хозяйственной деятельности. Анализ финансового положения и эффективности деятельности позволяли выявлять особенности принятых управленческих решений, кардинально поменявших показатели финансовой устойчивости предприятия.

Например, открытое акционерное общество «Российская самолетостроительная корпорация «МиГ» (далее — АО «РСК «МиГ») было образовано в 2006 году из федерального государственного унитарного предприятия. 100 % акций общества находились в федеральной собственности. В соответствии с уставом АО «РСК «МиГ», утверждённым решением единственного акционера ПАО «Объединённая авиастроительная корпорация» (далее — ПАО ОАК), корпорация была создана и осуществляла свою деятельность с целью получения прибыли, указывая в качестве основного вида экономической деятельности производство вертолётов, самолётов и прочих летательных аппаратов.

Корпорация «МиГ» производила боевые самолеты семейства МиГ-29 для экспортных поставок и лёгкий истребитель МиГ-35 для Минобороны РФ (в 2018 году был подписан контракт на шесть машин). Также в компании проводилась модернизация высотного истребителя-перехватчика МиГ-31. Начиная с 1939 года перед разработчиками истребителей ставилась задача — перехват высоко идущих бомбардировщиков противника. Для этого вида авиации важен был «потолок» и соответственно повышение мощности моторов на больших высотах. Главные же показатели боеспособности истребителей — скороподъёмность, максимальная скорость и дальность полёта. Именно МиГ-31 стал первым авиационным носителем гиперзвукового оружия — ракеты «Кинжал».

С 01.06.2022 г. проведено объединение ОАК, «Сухого» и «МиГа», которое, по мнению гендиректора ОАК Ю. Слюсаря, «должно дать мощный импульс развитию всей отрасли». Он отметил, что в объединенной компании будет сделан акцент на оптимальное использование мощностей конструкторских бюро и производственных площадок для повышения эффективности работы и создания «самолетов будущего, включая беспилотные системы, гибридные решения».

По словам главы аналитической службы агентства «АвиаПорт» О. Пантелеева, «история знает примеры, когда в рамках даже одного КБ, особенно на начальных стадиях проектирования, формируются несколько конкурирующих групп учёных», занимающихся проработкой нескольких вариантов конструкции или компоновки нового изделия.

В то же время он призывает не преувеличивать значение «конструкторских традиций» на современном этапе развития отрасли. «К сожалению, некоторые КБ, которые мы продолжаем называть «конструкторскими школами», к нынешнему дню практически утратили свой потенциал», — говорит О. Пантелеев. «Безусловно, ценность конструкторских школ велика, но нужно понимать, что проектирование 30 лет назад на кульмане и сегодняшнее цифровое проектирование — абсолютно разные вещи. Здесь гораздо важнее непрерывность конструкторского опыта, наличие конкретных людей, которые долгие годы занимаются конкретными типами летательных аппаратов. Таких, по сути, бесценных кадров очень мало, а сегодня, как мы уже видим, проблема дефицита таких специалистов сильно бьёт и по крупнейшим зарубежным авиастроителям».

Практическая реализация программы акционирования РСК «МиГ», начавшаяся в начале XXI века, имела, мягко говоря, некоторые негативные последствия, выразившиеся: а) в сокращении численности персонала; б) изменении внутренней структуры управления; в) потере некоторых стратегических позиций на международных рынках.

По нашему мнению, нельзя рассматривать деятельность АО «РСК «МиГ» в отрыве от управленческих решений головной организации — ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация», деятельность которой относится к отрасли «Деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению». Согласно анализу финансового состояния ПАО «ОАК», имея до 2017 года чистую прибыль 196 млн рублей, в последующие годы Объединённая корпорация имела по итогам своей деятельности лишь убытки.

Управленческие решения ПАО «ОАК» за период 2017 – 2022 годов характеризуются отсутствием стратегического видения развития АО «РСК «МиГ», недостаточностью мер по повышению эффективности управления финансовыми ресурсами и недооценённостью значимости диверсификации бизнес-модели предприятия. Рассмотрим факторы, негативно повлиявшие на финансовую стабильность корпорации «МиГ»:

A. Финансовая нестабильность и зависимость от государственных субсидий

Финансовые показатели корпорации свидетельствуют о постоянной зависимости от госзаказов и субвенций, необходимых для поддержания операционной деятельности. Например, начиная с 2018 года наблюдался значительный рост долгового бремени предприятия, обусловленный увеличением объёмов заимствования для покрытия текущих обязательств перед поставщиками комплектующих и рабочей силой. Причины этого: нестабильная загрузка производственных мощностей, необходимость модернизации оборудования и технологий, отставание в конкурентоспособности продукции.

B. Низкая эффективность реструктуризации активов

Решения ПАО «ОАК» о реструктуризации задолженности АО «РСК «МиГ» путём предоставления отсрочки платежей кредиторам привели лишь к временному улучшению ситуации. Однако долгосрочные последствия оказались негативными, поскольку структура долговых обязательств осталась неизменной, а обязательства были перенесены на будущие периоды. Например: решение руководства ОАО «ОАК» в 2019 году о предоставлении отсрочки платежа поставщикам ключевых компонентов привело к увеличению объёма краткосрочной задолженности и ухудшению ликвидности компании.

C. Недостаточная диверсификация производства

Компания длительное время зависела преимущественно от военных заказов Министерства обороны РФ, что ограничивало возможности выхода на новые рынки гражданской авиации и снижало устойчивость бизнеса в условиях санкций и ограничений международного сотрудничества. Отсюда и последствия, выразившиеся в росте рисков потери контрактов, снижении уровня доходности и рентабельности, повышении зависимости от изменения бюджетных ассигнований государства.

D. Ограниченность инновационного потенциала

Несмотря на усилия руководства ОАК по развитию научно-исследовательской базы, процесс разработки новых перспективных моделей самолётов затянулся, а затраты на научные исследования превысили запланированные объёмы финансирования. Отсюда последовала задержка запуска серийного производства модернизированного истребителя МиГ-35, которая привела к уменьшению выручки и снижению экспортного потенциала корпорации и, как следствие, снижению её конкурентоспособности на мировом рынке авиационной техники.

Таким образом, принятые меры показали свою неэффективность, что подчёркивает необходимость внесения изменений в стратегию корпоративного управления с целью повышения устойчивости предприятия, что идёт вразрез с требованием эффективного использования конкурентных преимуществ российских отраслей, предусмотренного Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1].

Неудовлетворительная структура баланса 2017 года должна была стать «лакмусовой бумажкой» для принятия решения о реструктуризации корпорации как минимум в 2019 году. Основное условие реструктуризации предприятия: ей подлежат субъекты хозяйствования, имеющие на протяжении срока, превышающего один финансовый год, неудовлетворительную структуру баланса. А ведь это была целая научная школа с уникальной производственной базой.

В создании нового продукта или знания, (в нашем случае речь идёт не о ширпотребе, а об истребителях) кадровый потенциал играет одну из ключевых ролей. При этом в отличие от преподавателей университетов, конструкторы и учёные, занятые в промышленности, не получают гарантированных надбавок за учёную степень, а значит должны быть организованы иные формы мотивации [2, с. 27].

«Сейчас важно удержать «ядро» ведущих учёных, работающих в России и имеющих достижения мирового уровня» [3]. Разработка специальной программы бюджетного софинансирования фонда оплаты труда глобально конкурентоспособных российских учёных, создание всех необходимых условий для их стабильной научной деятельности в стране — вот предпосылка решения проблемы «утечки умов» для такой великой страны, как Российская Федерация в сопоставлении с реальной оценкой научного потенциала в условиях санкционных ограничений.

Другой пример связан с деятельностью акционерного общество «Полёт» (Ивановский парашютный завод). Помимо производства готовых текстильных изделий (кроме одежды), предприятием дополнительно заявлено 29 видов экономической деятельности. По своему статусу АО «Полёт» является коммерческой организацией.

Основным результатом деятельности АО «Полёт» является выполнение государственного оборонного заказа и обеспечение парашютной техникой Минобороны России, а также других силовых структур. Помимо этого, предприятие выпускает широкий спектр спортивных и авиационно-спасательных систем. На сегодняшний день завод остаётся

единственным в России производителем парашютных систем полного цикла, что определяет его особое положение в отрасли. Включённость в состав холдинга «Технодинамика» Госкорпорации Ростех дополнительно подчёркивает стратегическую значимость предприятия для обороноспособности страны и его устойчивую интеграцию в структуру ОПК.

С целью разработки мероприятий по повышению экономической безопасности АО «Полёт» в условиях санкционных ограничений была предложена система оперативного мониторинга ликвидности и управления денежными потоками. Эта система направлена на повышение устойчивости финансового положения предприятия в условиях нестабильной экономической среды и санкционного давления. Его основная цель заключается в обеспечении стабильной ликвидности и платёжеспособности предприятия за счёт перехода к более оперативному контролю и планированию движения денежных средств. Для этого предполагается внедрение автоматизированной системы финансового планирования, позволяющей формировать и корректировать платёжный календарь в ежедневном и еженедельном режиме. Реализация данного решения позволит сократить время сбора и обработки информации о платежах до одного дня, повысить точность прогнозирования кассовых разрывов на период от одной недели до нескольких месяцев, а также централизовать управление дебиторской задолженностью и связать ее с графиками платежей предприятия.

В техническом плане проект предусматривает внедрение системы на базе отечественного программного обеспечения с локальным размещением на инфраструктуре предприятия. Доступ пользователей будет организован через защищённую корпоративную сеть или VPN-соединение, что исключает возможность работы из недоверенных сетей. В качестве системы управления базами данных планируется использовать отечественные решения, такие как PostgreSQL Pro или «Ред База Данных».

Для обеспечения эффективной работы система интегрируется с действующими информационными ресурсами предприятия. В частности, предусматривается двусторонний обмен данными с бухгалтерской системой для автоматической загрузки фактических остатков денежных средств и формирования отчетности. Также осуществляется взаимодействие с банковскими сервисами предприятия для автоматической загрузки выписок по расчетным счетам. Отдельное внимание уделяется интеграции с системой учёта дебиторской задолженности, что позволит

формировать реестр ожидаемых поступлений денежных средств и оперативно контролировать просроченные обязательства контрагентов.

Функционирование системы предполагает внедрение регулярного цикла финансового планирования. В начале недели в систему автоматически загружаются данные о фактических остатках денежных средств. Далее подразделения предприятия формируют заявки на планируемые платежи и прогноз поступлений. Казначейская служба анализирует сформированные заявки, сопоставляет их с установленными лимитами и ожидаемыми поступлениями и формирует платёжный реестр. После согласования осуществляется исполнение платежей, а по итогам недели проводится план-фактный анализ исполнения платёжного календаря. Для руководства формируются аналитические панели, позволяющие отслеживать текущие остатки денежных средств, прогноз ликвидности и вероятность возникновения кассовых разрывов на различных временных горизонтах.

Важной частью проекта является обеспечение информационной безопасности. Для защиты данных предполагается использование сертифицированных антивирусных средств, защищённых каналов передачи информации и системы регулярного резервного копирования баз данных.

Ожидается, что внедрение автоматизированной системы финансового планирования позволит существенно повысить эффективность управления денежными потоками предприятия. Прежде всего будет минимизирован риск возникновения кассовых разрывов, а также улучшится контроль расчётов с контрагентами, что позволит сократить объём просроченной дебиторской задолженности. Дополнительным результатом станет снижение зависимости от зарубежных программных решений и повышение оперативности принятия управленческих решений благодаря доступу к актуальной финансовой информации практически в режиме реального времени.

Для реализации мероприятий в санкционных условиях можно выделить следующие ключевые принципы:

— приоритет отечественных решений — все технологические и программные компоненты должны быть из реестра Минцифры РФ или производиться в ЕАЭС;

— финансирование за счёт внутренних источников — использование нераспределённой прибыли и оптимизации оборотного капитала для минимизации зависимости от внешнего финансирования;

— использование синергии для снижения затрат на закупки, обучение и внедрение решений;

— регулярная актуализация мероприятий в зависимости от изменений в санкционном режиме и государственной политике.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 15.05.2017.

2. Римская О. Н., Кранбихлер В. С. Как мотивировать российского исследователя на высокие научные достижения? // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020.

3. Международная мобильность ученых: угроза или благо?: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / М. А. Гершман, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг, Е. А. Стрельцова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.

© *Опальский А. П., Осипенко И. М., 2026*

EDN: PQXDHH

Орлова Дарья Анатольевна
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России
Волгодонск, Россия
orlova-dasha-86@mail.ru

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ТОВАРОВ И КОНТРАФАКТ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы незаконного оборота товаров и контрафактной продукции как фактора угрозы экономической безопасности общества. Анализируются правовые механизмы выявления и пресечения данных правонарушений, а также направления совершенствования государственного контроля в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: незаконный оборот товаров, контрафакт, экономическая безопасность, государственный контроль, правовое регулирование, интеллектуальная собственность, таможенное регулирование.

Экономическая безопасность государства и общества в современных условиях приобретает стратегическое значение, обусловленное глобализационными процессами, цифровизацией торговли, либерализацией внешнеэкономической деятельности и транснационализацией преступной деятельности. Усиление интеграционных процессов, развитие электронной коммерции и формирование глобальных цепочек поставок создают дополнительные возможности для расширения товарооборота, однако одновременно повышают уязвимость национальных экономик перед незаконным перемещением продукции и распространением контрафакта. Одной из наиболее существенных угроз

устойчивому социально-экономическому развитию здесь выступает незаконный оборот товаров и распространение контрафактной продукции, поскольку они наносят значительный ущерб легальному бизнесу, подрывают доверие потребителей к институтам рынка, способствуют уклонению от уплаты налогов, снижению поступлений в бюджетную систему и финансированию теневого сектора экономики [1].

Особую опасность незаконный оборот товаров представляет в условиях структурной трансформации экономики, когда обеспечение конкурентоспособности отечественных производителей и защита внутреннего рынка становятся приоритетными задачами государственной политики, поскольку контрафактная продукция и товары, находящиеся в нелегальном обороте, искажают конкурентную среду, формируют недобросовестные практики хозяйствования и препятствуют реализации принципов добросовестной конкуренции, что в долгосрочной перспективе негативно отражается на инвестиционном климате, инновационной активности и уровне технологического развития страны.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, к числу ключевых угроз отнесены рост теневой экономики, криминализация хозяйственной деятельности и незаконный оборот продукции [2]. Противодействие данным явлениям рассматривается не только как задача правоохранительной практики, но и как элемент стратегического управления развитием государства, поскольку контрафактная продукция затрагивает различные отрасли — от фармацевтики и пищевой промышленности до машиностроения, легкой промышленности и цифровых товаров, что усиливает комплексный характер угрозы и повышает риски причинения вреда жизни и здоровью граждан [3].

Дополнительную актуальность исследуемой проблематике придает стремительное развитие цифровых платформ, маркетплейсов и трансграничной интернет-торговли, которые, с одной стороны, способствуют расширению доступа потребителей к товарам, а с другой — усложняют механизмы контроля и выявления нарушений. Анонимность расчетов, использование криптовалютных инструментов, распределенный характер хранения данных и логистических цепочек существенно затрудняют деятельность контрольных и правоохранительных органов. В этой связи формирование эффективной системы правового обеспечения выявления и пресечения незаконного оборота товаров приобретает особую значимость и требует комплексного научного осмысления.

Правовое регулирование противодействия незаконному обороту товаров основывается на нормах гражданского, административного, уголовного и таможенного законодательства, образующих комплексный межотраслевой механизм обеспечения экономической безопасности, где важнейшее значение имеют положения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие охрану результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации [4]. Закрепленные в ней нормы определяют правовой режим товарных знаков, наименований мест происхождения товаров, фирменных наименований и коммерческих обозначений, устанавливая исключительные права правообладателей и способы их защиты. Незаконное использование товарных знаков, фирменных наименований и иных объектов интеллектуальной собственности образует состав гражданско-правового и административного правонарушения, а в ряде случаев — преступления, что подчеркивает многоуровневый характер правовой охраны.

Гражданско-правовые способы защиты включают в себя предъявление требований о пресечении нарушений, взыскании компенсации или убытков, изъятии и уничтожении контрафактной продукции. Существенное значение так же имеет институт компенсации за нарушение исключительного права, позволяющий правообладателю требовать выплаты фиксированной суммы без доказывания размера причиненных убытков, что повышает эффективность судебной защиты. Вместе с тем практика применения данных норм свидетельствует о необходимости дальнейшей унификации подходов к определению размера компенсации и оценке добросовестности участников гражданского оборота [9].

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (ст. 180 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), а также за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без маркировки и нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ) [5]. Указанные нормы направлены на пресечение наиболее опасных форм экономических преступлений, связанных с извлечением прибыли за счет нарушения установленных правил обращения продукции. Уголовно-правовое воздействие здесь выполняет превентивную функцию, формируя высокий уровень риска для лиц, вовлеченных в организованные схемы производства и реализации контрафакта. Особую же актуальность приобретает выявление организованных преступных

групп, использующих трансграничные каналы поставок и сложные логистические схемы, что требует тесного взаимодействия правоохранительных органов и международного сотрудничества.

Административная ответственность закреплена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в частности в ст. 14.10 КоАП РФ, предусматривающей санкции за незаконное использование товарного знака [6]. Кроме того, административные составы предусмотрены за нарушение правил продажи отдельных видов товаров, осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или лицензии, а также за несоблюдение требований технического регулирования. Применение административных мер несомненно позволяет оперативно реагировать на выявленные факты правонарушений, изымать незаконную продукцию из оборота и предотвращать ее дальнейшее распространение. Эффективность данных мер во многом зависит от качества доказательной базы, оперативности проверочных мероприятий и согласованности действий контрольных органов.

Существенную роль в выявлении контрафактной продукции играет и таможенный контроль. В соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза таможенные органы вправе приостанавливать выпуск товаров при наличии признаков нарушения прав интеллектуальной собственности [7]. Создание и ведение таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности способствует более эффективной защите прав правообладателей и снижению объемов ввоза контрафактной продукции. Реализация данных полномочий предполагает использование риск-ориентированного подхода, аналитических инструментов и информационного обмена между государствами — членами ЕАЭС.

По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, ежегодно выявляются миллионы единиц контрафактных товаров, что свидетельствует о масштабности проблемы и высокой латентности правонарушений в рассматриваемой сфере [8]. При этом значительная часть незаконного оборота перемещается в сферу электронной коммерции, где контроль осложняется использованием цифровых платформ, трансграничных расчетов и анонимных платежных инструментов. Распространение маркетплейсов и социальных сетей как каналов сбыта так же требует адаптации правовых механизмов к новым форматам хозяйственной деятельности, включая установление ответственности операторов электронных площадок за размещение контрафактной продукции.

В научной литературе подчеркивается, что незаконный оборот товаров представляет собой системное явление, обусловленное сочетанием экономических, правовых и социальных факторов [9]. К числу таких факторов относятся высокая рентабельность теневой деятельности, несоразмерность рисков и потенциальной выгоды для правонарушителей, недостаточный уровень правовой культуры участников рынка, а также несовершенство механизмов межведомственного взаимодействия и обмена информацией. Отдельное значение имеет проблема вовлечения потребителей в оборот контрафактной продукции вследствие низкой информированности о последствиях ее приобретения. Однако нельзя обойти вниманием и тот факт, что цифровизация экономики одновременно создает новые риски и открывает дополнительные возможности для противодействия незаконному обороту. Введение, к примеру, обязательной маркировки товаров средствами идентификации, развитие национальной системы цифровой маркировки и прослеживаемости продукции, применение технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта позволяют существенно повысить эффективность государственного контроля и минимизировать человеческий фактор при выявлении нарушений [10]. Вместе с тем необходима гармонизация законодательства, устранение коллизий между нормами различных отраслей права и совершенствование правоприменительной практики. Комплексный характер проблемы требует интеграции усилий правоохранительных органов, таможенных служб, налоговых органов, Роспотребнадзора и иных контрольных структур, а также активного участия правообладателей и институтов гражданского общества в формировании нетерпимого отношения к незаконному обороту товаров и контрафакту.

Таки образом, мы видим, что незаконный оборот товаров и контрафактная продукция представляют собой значимую угрозу экономической безопасности общества, оказывая негативное влияние на доходы бюджета, конкурентную среду и уровень защиты прав потребителей, эффективное противодействие данным явлениям возможно лишь при условии комплексного применения гражданско-правовых, административных, уголовных и таможенных мер, а также активного внедрения цифровых инструментов контроля. Поэтому совершенствование правового обеспечения выявления и пресечения незаконного оборота товаров должно основываться на межведомственном взаимодействии, международном сотрудничестве и повышении правовой культуры субъектов экономической деятельности.

Список литературы:

1. Бастрыкин А. И. Экономическая безопасность Российской Федерации: современные угрозы и пути их нейтрализации. М.: Норма, 2021.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 19.02.2026).

3. OECD/EUIPO. Trade in Counterfeit and Pirated Goods: Mapping the Economic Impact. Paris: OECD Publishing, 2021 [Электронный ресурс] // URL: https://www.oecd.org (дата обращения: 19.02.2026).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.02.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.02.2026).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.02.2026).

7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017) [Электронный ресурс] // URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения: 19.02.2026).

8. Федеральная таможенная служба Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://customs.gov.ru (дата обращения: 19.02.2026).

9. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Юрайт, 2022.

10. Постановление Правительства РФ от 26.04.2019 № 515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.02.2026).

© Орлова Д. А., 2026

EDN: PRKZVP

Очередько Виктор Пантелеевич
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
научно-исследовательского центра
Военная ордена Жукова академия войск
национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
E-mail: ocheredkovp@mail.ru

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ ЦЕННОСТНО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье представлен политэкономический анализ эволюции ценностно-правовой парадигмы российской государственности с 1990-х годов по настоящее время. Выделены две ключевые модели: либерально-интеграционная и конституционно-суверенная. Научная новизна работы заключается в выявлении механизма взаимной обусловленности ценностных сдвигов, правовых трансформаций и изменений в экономической реальности России, что позволяет рассматривать экономическую политику как проекцию ценностного выбора.
Ключевые слова: ценностно-правовая парадигма, политэкономический анализ, российская государственность, структура собственности, экономическая эволюция.

Государственность любого общества всегда характеризуется ценностно-правовой парадигмой — исторически сложившейся моделью, в рамках которой ценности особым образом связаны с правовыми институтами и дискурсивными образами в виде догм, концепций, теорий. Эта модель обеспечивает преемственность развития при смене исторических этапов, сохраняя идентичность государственности в меняющихся условиях.

Ценностно-правовая парадигма современной российской государственности базируется на Конституции РФ 1993 года. Она изначально содержала в себе как права и свободы человека в качестве высшей ценности, приоритет международного права и идеологическое многообразие, так и государственное единство, историческую преемственность, защиту суверенитета. Это заложило ресурс для реализации нескольких сценариев развития, позволяя обществу и государству выбирать траекторию в зависимости от исторических вызовов. В рамках единой ценностно-правовой парадигмы, заложенной Конституцией 1993 года, можно выделить две модели: либерально-интеграционную и конституционно-суверенную.

Интегративно-либеральная модель формировалась в контексте развития глобализационных тенденций, их признания Россией и принятия либеральных ценностей в качестве приоритетов развития государственности. Коррективы в содержательном наполнении российской государственности можно определить как переход к модели конституционной суверенности. Он характеризуется отказом от интеграции в западный мир, утверждением России как цивилизационного государства, опирающегося на собственные ценности, традиции и ресурсы, в стремлении дать на конституционном языке ответы на вопросы, на которые интеграционно-либеральная модель ответить не смогла.

Представляется актуальным осуществить политэкономическую проекцию этой эволюции на экономическую сферу на основе выявления сложной взаимосвязи ценностных сдвигов, правовых трансформаций и экономических изменений. Такой подход позволяет выявить не простые количественные изменения, а сложные причинно-следственные связи и, что еще важнее, взаимную обусловленность ценностно-правовых изменений и экономического развития России.

Данный анализ создает основу для понимания глубинных механизмов, определяющих современную экономическую политику и условия ведения бизнеса в России. Без такого понимания любые прогнозы и рекомендации остаются поверхностными, игнорирующими ценностную матрицу, в которую встроены хозяйственные решения.

Политэкономическое измерение заключается не в выявлении простого «отражения» ценностей в хозяйственной жизни, а их «прорастания» в институциональную сферу и хозяйственную реальность. Ценности, закрепляясь в праве, формируют устойчивые экономические формы (структура собственности, налоговые режимы, бюджетные

приоритеты), которые, в свою очередь, перераспределяют ресурсы, меняют поведение экономических агентов и создают новую хозяйственную реальность. Эта реальность, хотя и подвержена обратному влиянию со стороны экономики, на ключевых исторических этапах задается именно ценностно-правовым выбором.

Конспективно обозначим этот сложный и противоречивый процесс.

Интегративно-либеральный этап (1991 – 2000 гг.). Базовая цель — «вхождение в цивилизованную семью европейских народов». Ценностное ядро составляло признание прав человека не только высшей ценностью, но и критерием, определяющим законы, действия власти и хозяйствующих субъектов. Этим обусловливались индивидуальная свобода, формальное равенство возможностей, понимание рынка как естественного состояния общества. Справедливость определялась и оценивалась через призму рынка. Приоритет международного права означал открытость и «позитивный» суверенитет. Суверенитет понимался как право открыться миру, интегрироваться в глобальную систему, даже ценой ослабления государственного контроля.

В этот период сложилась целостная система законодательных актов, институтов и правовых принципов, призванных перевести эти ценностные установки в плоскость реально действующих механизмов. Принятый еще в РСФСР Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» стал точкой отсчета для рыночной экономики в России. Ключевыми элементами этого процесса стали законодательство о приватизации, включая механизм залоговых аукционов, а также либерализация торговой деятельности, юридически оформленная Указом Президента РФ от 29 января 1992 г. «О свободе торговли».

Однако к концу 1990-х годов стали очевидны глубокие противоречия, возникшие в процессе реализации либеральной модели. Открытость мировой экономике контрастировала с незащищенностью отечественных производителей. Масштабная приватизация привела к дисбалансу в структуре частной собственности, ее концентрации в руках немногих. Ситуация усугублялась отчуждением стратегических предприятий в пользу западных структур, что влекло за собой утрату критической научно-технической информации и деградацию отраслей, имеющих стратегическое значение. Все это, и многое другое, вызвало критику основ проводимых реформ и обусловило последующую эволюцию ценностно-правовой парадигмы.

Начиная с XXI века, в России началось переосмысление ценностей либерализма и рыночных идеалов. Государство стало восприниматься гарантом порядка и стабильности. Возвращение суверенитета в число общественно значимых ценностей, признание его роли в защите интересов бизнеса и национальных интересов сформировали запрос на новые ориентиры в правотворчестве и правоприменении. Приоритетными направлениями стали стабилизация законодательного закрепления новых экономических институтов, защита национальных интересов в экономике.

Первым и наиболее значимым шагом стала налоговая реформа. Введение единой ставки налогообложения в размере 13 процентов способствовало увеличению налоговых поступлений в бюджет РФ, являлось фактором инвестиционной привлекательности страны. Принятие в 2001 году Земельного кодекса РФ разрешило одно из самых болезненных противоречий 1990-х годов — вопрос о собственности на землю, позволив запустить рыночный оборот земли, сохранив при этом государственный контроль над стратегическими ресурсами. В 2004 году была проведена административная реформа и укрепление вертикали власти, что было воспринято бизнесом как фактор снижения административных рисков и повышения предсказуемости. Началось формирование нового института — государственных корпораций (Ростех, Росатом, Роснано и др.). Ключевым событием, обозначившим новую парадигму отношений государства и бизнеса, стало «дело ЮКОСа», реализовавшее идею «равноудаления олигархов».

Правовое оформление создало институциональные рамки, в которых разворачивались глубинные процессы трансформации экономических форм и изменения хозяйственной реальности. Эти процессы охватывали изменение структуры собственности, ее концентрацию, развитие механизмов корпоративного контроля, восстановление роли государства в экономике, прежде всего контроля над стратегическими активами, и характер интеграции в мировую хозяйственную систему.

Таким образом, к концу 2000-х годов сложилась новая экономическая реальность, характеризующаяся высоким уровнем государственного участия, концентрацией собственности, развитием госкорпораций как особой институциональной формы, восстановлением экономического роста, а также глубокими структурными дисбалансами, которые стали новыми вызовами для сохраняющейся ценностно-правовой парадигмы.

В 2010-е годы формируется запрос на социальную справедливость как основу национальной идентичности и суверенитет (не только

политический, но и ценностный). Мировой кризис 2008 года, «цветные революции» на постсоветском пространстве, события на Украине со всей очевидностью показали уязвимость либеральной модели.

Новое понимание суверенитета не просто как политической независимости, но как ценностного суверенитета — право государства определять, какие ценности и практики допустимы на его территории,— отразило принятие «закона Димы Яковлева» [2]. Нормативное закрепление традиционных ценностей осуществлено в Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [3].

Логика ценностного суверенитета проецировалась и на экономическую сферу. В 2011 году был принят закон об ограничении иностранных инвестиций в стратегические отрасли. Принятие закона о возможности изъятия сельскохозяйственных земель у нерадивых собственников отражало новое понимание собственности не как абсолюта, а как социально ответственного владения. Важным моментом правового оформления ценностного сдвига в сторону суверенизации стала разработка и принятие в 2014 – 2015 годах пакета законов о контролируемых иностранных компаниях (КИК), которые ознаменовали принципиально новый этап в отношениях государства и капитала. Формирование национальных проектов стало инструментом реализации ценностных приоритетов, их перевода в экономическую плоскость.

Правовые изменения, вызванные ценностными корректировками, оказывали противоречивое воздействие на экономическую реальность. Характеристики развития российской экономики были не впечатляющими. Замедление ее роста было связано не только с внешними факторами (мировой кризис 2008 – 2009 годов, падение цен на нефть, санкции), но и с внутренними — исчерпанием модели роста, основанной на сырьевом экспорте и государственных инвестициях.

20-е годы XXI века стали завершающим периодом эволюции ценностно-правовой парадигмы современной российской государственности, когда суверенитет становится не просто одной из конституционных ценностей, но условием существования всех иных ценностей, включая права человека. Принятие обновленной Конституции РФ [4] стало поворотным моментом в эволюции ценностно-правовой парадигмы, закрепившим движение по ранее наметившемся пути.

Параллельно с конституционными изменениями происходит глубинная трансформация общественных ценностей. События 2022 года

стали катализатором, окончательно оформившим ценностный консенсус. В октябре 2025 года Европейский суд юстиции легитимировал блокировку российских активов, указав, что для применения санкций не требуется доказывать связь олигархов с властями [5]. Механизм защиты частной собственности, на который десятилетиями полагался российский крупный капитал, перестал существовать. Это со всей очевидностью подтверждает тезис о том, что основания прежней модели ценностно-правовой парадигмы (незыблемость частной собственности, беспристрастность «западного» суда) разбиваются о реалии геополитической конфронтации. Права собственности (как одно из прав человека) без суверенитета превращаются в фикцию.

Укрепление экономического суверенитета стал центральной задачей государственной политики. Ее реализация осуществляется не путем отказа от существующей Конституции, а посредством усиления государственнических, ценностно-ориентированных принципов в разрабатываемых законах и подзаконных актах.

Принимаемые меры в усилении валютного контроля предусматривают обязательное требование продажи валютной выручки, направление ее на укрепление финансовой устойчивости страны. Введение уголовной ответственности за выполнение санкций закрепляет правовые механизмы противодействия внешним экономическим ограничениям. Одним из наиболее заметных инструментов адаптации к новым условиям стал параллельный импорт — организация ввоза товаров без согласия правообладателей, позволяющая обходить санкции и поддерживать внутреннее потребление.

К числу механизмов обеспечения экономической устойчивости следует также отнести формирование элементов «двухконтурной» структуры экономики и внедрение мобилизационных моделей хозяйственной деятельности [6].

В условиях внешнего давления особое значение приобретает процесс суверенизации судебной системы, призванной обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов отечественных хозяйствующих субъектов [7]. В судебные споры с участием отечественных компаний вводятся такие новые правовые сущности, как «недружественные» страны.

Важным маркером новой экономической реальности становится изменение структуры собственности. По данным польского Центра восточных исследований (OSW, 2025), общая стоимость изъятых активов

за период февраль 2022 – июнь 2025 составила около 3,9 трлн рублей (примерно 2 % ВВП), из них около 1,5 трлн — активы иностранных компаний [8]. Легитимность собственности в защищенном контуре теперь определяется лояльностью и служением национальным интересам. Осуществляется переток капитала из «старых» секторов (ориентированных на Запад) в «новые» (ОПК, импортозамещение, логистика), преимущественно в защищенный контур. Происходит дифференциация инвестиционного климата на «дружественные» и «недружественные» юрисдикции, создание преференций для инвесторов с Востока и Юга.

Заключение. Проведенный политэкономический анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция ценностно-правовой парадигмы российской государственности представляет собой не смену абстрактных идеологем, а процесс перестройки глубинных механизмов взаимосвязи ценностей, права, и экономики. Переход от либерально-интеграционной модели к конституционно-суверенной был обусловлен не только внешними вызовами, но и внутренними противоречиями, порожденными разрывом между формальными правовыми нормами и реальными социально-экономическими процессами.

Современный этап развития России демонстрирует, что в условиях геополитической конфронтации суверенитет становится не просто конституционной ценностью, а необходимым условием реализации всех иных прав и свобод, включая право собственности.

Список литературы:

1. Здравомыслова О. М. Представления о справедливости и равенстве и правовой опыт населения (по материалам российско-французских исследований) // Мир России. Социология. Этнология. — 2004. — № 3. — С. 45 – 67.

2. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ // Российская газета. — 2012. — 29 декабря.

3. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 52 (часть I) ст. 7753.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Москва: Эксмо, 2023. — 64 с.

5. Европейский суд юстиции подтвердил правомерность блокировки активов российских олигархов [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7654321 (дата обращения: 15.03.2026).

6. Очередько В. П. Экономико-правовая трансформация России: реальность мобилизационных форм хозяйствования // Криминалистъ. — 2023. — № 3 (44). — С. 138 – 145.

7. Очередько, В. П. Российская судебная защита прав хозяйствующих субъектов в условиях обострения кризиса международного права // Ленинградский юридический журнал. — 2023. — № 2(72). — С. 118 – 135.

8. OSW. Putin's elite divides the spoils in Russia: large-scale nationalisation and re-privatisation of assets. — Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2025. — 38 p.

© *Очередько В. П., 2026*

EDN: PSGHIQ

Павлович Владислав Олегович
старший преподаватель кафедры судебной бухгалтерии
и бухгалтерского учёта учебно-научного комплекса
противодействия экономическим и налоговым преступлениям
Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород, Россия
VFinfPolice@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИКИ ОПЕРАТИВНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. в статье представлены методики оперативно-экономического (экономико-криминалистического) анализа, в том числе в бюджетной сфере. Научная новизна заключается в разработке комплексных подходов к анализу признаков хищений при закупках, обслуживании техники, страховании. Предложены оригинальные алгоритмы выявления криминогенных ситуаций через сопоставления экономических показателей, что позволяет эффективно обнаруживать различные схемы мошенничества. Разработанные методики могут применяться для профилактики экономических преступлений в различных областях хозяйствования.
Ключевые слова: преступление; бюджет; экономико-криминалистический анализ; экономический анализ; расследование преступлений; следствие.

Любая частная методика является дальнейшей конкретизацией приемов оперативно-экономического анализа применительно к отраслям народного хозяйства, в том числе в бюджетной сфере, к наиболее распространённым в них способам преступлениям и условиям, способствующим совершению таких преступлений.

В статье на нескольких примерах раскрывается типичная структура некоторых методик, ориентированных на выявление признаков конкретных способов преступлений, показывается различие между частным приемом и частной методикой. Частный прием может применяться во многих отраслях народного хозяйства и применительно ко многим способам преступления. Что касается частной методики, то она имеет более узкую сферу применения, хотя и может содержать рекомендации по одновременному применению нескольких частных приемов, конкретизированных для решения определенного круга задач. Частная методика, кроме того, может включать и рекомендации по дальнейшему использованию результатов оперативно-экономического анализа в поисковой деятельности аппаратов ЭБиПК МВД России и следственных подразделений МВД России, в том числе советы по использованию для этой цели возможностей, открываемых проверкой документального оформления хозяйственных операций.

Первая из методик рассчитана на выявление признаков хищений денежных средств, маскируемых под видом фиктивных закупок сельскохозяйственного сырья за наличный расчет у населения. В данном случае излишки, предназначенные для хищения, чаще всего создаются путем занижения сортности принимаемой сельскохозяйственной продукции, что сказывается на показателях средней сдаточной цены и на рентабельности отдельных видов продукции (устанавливается по отчетам сельскохозяйственных предприятий).

В остающихся в заготовительной организации экземплярах закупочных документов может быть показана иная (реальная) сдаточная цена, но при этом соответственно занижается количественные показатели. При встречной проверке документов предприятия и заготовительной организации указанные расхождения удается выявить (скажем, при совпадении общей суммы, показанной в разных экземплярах одной и той же ведомости, в экземпляре организации-сдатчика может фигурировать 150 кг мяса, а в экземпляре этой же ведомости, находящейся в заготовительной организации, — только 130 кг, но уже более высокосортного мяса).

Оформление приемных документов на фиктивные закупки сырья у населения, как уже отмечалось, также оставляет определенный след, улавливаемый с помощью оперативно-экономического анализа. В указанной ситуации могут возникнуть несоответствия между статистическими показателями, характеризующими наличие определенных видов

скота, посевов и т.п. у населения, и данными, полученных из отчетов находящейся на той же территории заготовительной организации.

В зависимости от вида продукции для выделения заготовительной организации, где возможно сложилась криминогенная ситуация, могут использоваться оба типа несоответствий между показателями. В первом случае сопоставляются данные сельскохозяйственных предприятий и данные, в отчетности заготовительной организации, т.е. аналогичная показанная в нашей статье методика [1], во втором — содержащиеся в отчете заготовительной организации данные о закупках сырья сравниваются со статистическими данными о наличии сырьевых ресурсов у населения на определенной территории.

Применительно к рассматриваемому способу хищения анализируется данные ресурсов, сданных в заготовительные организации (по отчетности предприятий) и данные принятых заготовительными организациями (также по их отчетам). В дальнейшем данные по полученным ресурсам сравниваются со средним по области и показывается разница. Резкое повышение полученных ресурсов над средним по области указывает на возможность криминогенных ситуаций.

Для выделения заготовительных организаций, требующих особо пристального внимания, может быть использована также отчетности сельскохозяйственных предприятий о реализации продукции, исходя из которой вычисляют среднюю закупочную цену на каждый вид сдаваемой продукции, а затем проводят группировку сельскохозяйственных предприятий применительно к обслуживающим их заготовительным организациям. Особого внимания аппаратов ЭБиПК МВД России заслуживают те организации, которые судя по отчетности, принимают продукцию по наиболее низким средним закупочным ценам.

Углубленное исследование показателей на выделенном объекте (независимо от типа несоответствий, использованных при сопоставительном анализе) предусматривает дифференциацию расхождений по отдельным предприятиям, а также по конкретным заготовителям.

Реализация материалов анализа осуществляется путем встречной проверки экземпляров приемных документов [2], хранящихся в выделенных заготовительных организациях и хозяйствах. Одновременно организуется встречная и фактическая проверка документов, оформленных закупку соответствующего вида сырья у населения теми заготовителями, которые преимущественно выполняли данные операции и найдены на основе сопоставления данных о закупках определенного вида сырья в индивидуальном секторе.

Вторая методика предназначена для выявления признаков двух способов хищений, получивших распространение в сфере обслуживания техники: 1) оформление документов на фиктивное обслуживание реальных владельцев гарантии на годичный срок обслуживания; 2) оформление документов на фиктивное обслуживание вымышленных владельцев гарантий. В последнем случае первичный взнос от имени вымышленного владельца техники производит мастер по ремонту или другой участник преступной группы.

Хищения такого рода влияют на общую сумму расходов по абонементному обслуживанию владельцев сложной техники и на распределение выплат во времени по отношению к сроку заключения договора.

Выделение объектов, возможно характеризующихся криминогенной ситуацией, проводится на основе имеющейся оперативной информации или путем сопоставительного анализа за несколько отчетных периодов показателей ряда однородных мастерских, осуществляющих обслуживание одного и то же вида сложной техники.

Признаком криминогенной ситуации признается относительно высокий (по сравнению с другими аналогичными объектами) уровень затрат на обслуживание.

Для более углубленного анализа на выделенном объекте применяется таблица 1:

Таблица 1. Образец структуризации информации сопоставительного анализа за несколько отчетных периодов показателей ряда однородных мастерских, осуществляющих обслуживание одного и то же вида сложной техники

Сумма ремонта	Дата ремонта	Дата заключения договора	Выплаты в пределах срока обслуживания, руб.		
			В первый месяц	В двенадцатый месяц	прочее
1	2	3	4	5	6

Признаком криминогенной ситуации может явиться концентрация основных затрат в первом и в последнем месяцах срока обслуживания.

Как установлено в ходе исследований, для рассматриваемого случая типична ситуация, когда расхитители оформляют фиктивные услуги реальным владельцам техники в конце, а вымышленным лицам — в начале срока действия обслуживания. Отсюда следует, что преобладание показанной в гр. 4 табл. 1 суммы выплат заставляет выдвинуть

версию об оформлении в мастерской документов на обслуживание вымышленных владельцев договора на обслуживание, а преобладание суммы в гр. 5 — версию о фиктивном обслуживании реальных лиц.

Реализация материалов анализа предполагает установление конкретных случаев фиктивного обслуживания путем фактической проверки, включающей поквартальный обход, опрос предприятий-владельцев сложной техники, использование специальных знаний по ремонту техники для установления факта и предполагаемой стоимости ремонта и т.д.

Особое внимание уделяется выявлению случаев бездокументарного обслуживания владельцев техники, не имеющих договора на обслуживание, так как сэкономленные на фиктивном ремонте детали сбываются главным образом именно таким образом.

В начальной стадии анализа, если не удается в полной мере обеспечить конспиративность выполняемых действий, следует принять меря к обеспечению сохранности имеющихся первичных документов (актов на проведенный в текущем месяце ремонт) и сохранению первоначального вида этих документов. Известны случаи, когда названные акты владельцы техники подписывают до их заполнения, а позднее в них включаются запасные части, израсходованные мастером в течении месяца для бездокументарного обслуживания.

Изучая документы и действующий порядок их оформления, стремятся также выявить слабые звенья в документообороте (условия, способствующие хищениям) и разрабатывают меры по устранению этих условий.

Третья методика предназначена для обнаружения признаком хищений, маскируемых: 1) выплатами за фактически не застрахованное имущество (оформление договора после страхового случая); 2) завышение суммы выплат (например, при фактическом ущербе 20 000 рублей выплачивается полная сумма страхового вознаграждения 300 000 рублей); 3) денежной компенсацией за фактически не имевшие места страховые случаи. Первые два способа предполагают участие в преступлении помимо работника страховой организации и владельца страхового полиса, в последнем случае это условие не является обязательным.

Рассматриваемые преступления, когда они совершаются в крупных размерах, оказывают заметное влияние на соотношение двух показателей: суммы страховых взносов и суммы страховых платежей по конкретному виду страхования, что может быть замечено при

сравнительном анализе отчетных данных группы страховых компаний. Дифференцировать признаки конкретных способов преступления удается путем дальнейшей детализации исследования в выделенной страховой компании по конкретным работникам, а также в результате анализа проведенных выплат во времени (по отношению к сроку заключения договора).

Сопоставительный анализ проводится с помощью показателей, составляемых за ряд кварталов (лет) для нескольких страховых компаний по определенному виду страхования.

Углубленный анализ основывается на таких же сопоставлениях, но дифференцируемых по заключившим соответствующие договоры или производившим выплаты должностным лицам.

При исследовании выплат, проводимых по срочным договорам имущественного страхования (автострахование на год, страхование имущества от пожара и др.), целесообразно проанализировать ритмичность выплат по отношению сроку заключения договора.

В случае, когда преобладающая сумма выплат будет приходиться на сумму выданного страхового возмещения в течении первого месяца после заключения договора, можно предположить наличие хищений, маскируемых последующим (после страхового случая) оформлением договора, а когда на сумму выданного страхового возмещения в последний месяц периода страхования — наличие хищений, маскируемых выплатами за фиктивные страховые случаи.

Реализация материалов анализа зависит от особенностей способа совершения преступления, признаки которого удалось установить. Для исследования хозяйственных операций могут быть, в частности, применены:

— формальная и фактическая проверка актов, определяющих сумму причиненного страховым случаем ущерба (например, в акте о гибели имущества при пожаре указан компьютер определенной марки, но удается установить, что данный компьютер находится в целости или вообще не приобретался владельцем полиса);

— встречная и фактическая проверка документов, когда сопоставляются документы страховой компании и кредитной организации, где выплачивались деньги; экземпляр акта об аварийном случае, имеющийся в страховой компании, и экземпляр, которым располагает автомобильная или пожарная инспекция, — либо проводится опрос владельца имущества (в случае, если владелец транспортного средства или другого

имущества не входит в состав преступной группы и может подтвердить, что страхового случая не было и страховую премию он не получал).

Особенностями подлежащих установлению способов совершения преступлений и предполагаемого состава преступной группы определяются также выбор и тактика проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и тех, которые включают проведение анализа показателей и анализа документального оформления финансовых операций специалистами-ревизорами ЭБиПК МВД России [3].

Четвертая методика предназначена для выявления признаков недостач, маскируемых в ходе инвентаризаций искусственным занижением переходящих учетных остатков. Такое занижение достигается оформлением преступниками временных (на период инвентаризации) бестоварных расходных накладных или же путем включения накладных на поступившие до инвентаризации товары (материалы) в последующие товарные (или иные) отчеты.

Для сопоставительного анализа отбирается отчетность определенной группы однородных предприятий. В качестве признака криминогенности здесь принимаются наличие неустойчивых сверхнормативных запасов в межинвентаризационные периоды времени при одновременном значительном занижении запасов в период инвентаризации. Такой случай характерен, когда книжные остатки занижаются именно в период инвентаризаций, что указывает на признак искомого способа преступления.

Обнаружение надежных признаков в рассматриваемой ситуации требует: 1) исследовать отчетные данные на уровне отдельных предприятий, а не объединения в целом; 2) охватить наблюдением значительную группу предприятий (не менее десяти – пятнадцати); 3) выявить устойчивость признака для выделяемого предприятия (повторение закономерности в течении двух – трех инвентаризационных периодов); 4) установить необъяснимость признака другими причинами.

Реализация материалов в простейшей форме включает организацию внезапной инвентаризации в выделенном предприятии, которая должна выявить недостачу ценностей. Назначению инвентаризации предшествует проверка достоверности полученной о маскируемых недостачах информации с помощью оперативно-розыскных средств и методов, а также изучение материалов инвентаризаций, сомнительных расходных и возвратных накладных с целью выявить конкретные

подложные документы, при помощи которых недостача периодически маскировалась при производстве инвентаризаций. Помимо этого, до назначения инвентаризации и документальной ревизии желательно установить, хотя бы предположительно, круг возможных участников преступления и прежде всего определить роль счетных работников, обрабатывающих документы предприятия.

Еще одна методика предназначена для выявления строительных организаций, в которых отчетные показатели себестоимости строительно-монтажных работ фальсифицированы искажением данных об остатках незавершенного производства.

Объектом исследования служит отчетность строительных организаций, в которых достаточно регулярно производится выплата премий.

Эффективность применения методики в отдельных областях зависит от фактического состояния организации строительно-монтажных работ на объектах хозяйствования и от распределения фактов незаконного получения премий при невыполнении строительных заданий.

Сама методика построена на предпосылке, что при существующей системе учета и отчетности данные о себестоимости для преступников легче всего фальсифицировать именно за счет показателей «незавершенного производства».

Сметная стоимость незавершенного производства, т.е. работ, не включаемых в подлежащие сдаче заказчику объемы и соответственно не оформляемые актами приема-сдачи выполненных работ, определяется актами инвентаризации незавершенного производства и на конец месяца учитываются по счету № 20 «Основное производство».

Указанные акты инвентаризации составляются комиссией и утверждаются в конце каждого месяца после проверки в натуре физических объемов выполненных работ. Согласно ФСБУ 5/2019 «Запасы», незавершенное производство оценивается по плановой (нормативной), фактической себестоимости или по прямым затратам. Оценка по стоимости сырья, материалов и полуфабрикатов не применяется с 2021 года [4].

В случае, когда данные о незавершённом строительном производстве искажаются с целью незаконно получить премии (объем работ завышается или занижается в самих актах инвентаризации или в обосновываемых ими записях в журнале-ордере по счету «Основное производство» либо, наконец, только в отчетности, составляемой на основе записей в журнале-ордере), возникает типичная для данного приема маскировки, но странная с экономических позиций закономерность.

В период выполнения строительной организацией плановых заданий по снижению себестоимости строительно-монтажных работ остатки незавершенного производства, судя по отчетности, возрастают. В те же кварталы отчетного периода, когда премии не выплачиваются и задания как по объему, так и по себестоимости строительно-монтажных работ не выполняется, остаток незавершенного производства резко снижается.

Производство анализа предусматривает сопоставление динамики экономических показателей со стереотипом, отображающим рассматриваемый образ преступных действий.

В связи с этим прослеживается закономерность: в период, когда премии не выплачиваются, возрастает фактическая себестоимость и снижаются остатки незавершенного производства (или темпы его прироста) и, наоборот, в периоды, когда фактическая себестоимость не превышает плановую, остатки незавершенного производства возрастают (увеличиваются темпы прироста).

Для сопоставления со стереотипом (типичной для определенного способа совершения преступлений закономерностью в соотношении экономических показателей) динамику исследуемых данных целесообразно выразить графиком. А используемые сопоставления являются, таким образом, сопоставлением графиков, показывающих изменения экономических показателей во времени.

Реализация материалов в выделенной с помощью стереотипа строительной организации предполагает детальную проверку отчетности. Для этого целесообразно исследовать (с помощью специалиста-ревизора или самостоятельно) бухгалтерскую документацию с тем, чтобы выявить учетные несоответствия. Рекомендуется, в частности, сопоставить итоговые данные журналов-ордеров на перовое число каждого квартала с показателями в отчетности, провести арифметическую проверку итогов журналов-ордеров, сопоставить имеющиеся в них записи с первичными документами, провести детальную проверку правильности составления актов инвентаризации незавершенного строительного производства.

Рассмотренный материал, разумеется, не исчерпывает собой всех приемов и методик, образующих содержание оперативно-экономического анализа. А потому предлагаемые рекомендации имеет смысл использовать не только в готовом виде, но и целесообразно использовать как предпосылку для формирования новых приемов и методик анализа, нацеленных на выявление признаков преступлений, в том числе в бюджетной сфере, как наиболее важной.

В последнем случае из рекомендаций заимствуются только принципы построения приемов и методик, а сами они создаются путем изучения конкретных уголовных дел, способов совершения преступлений и влияния их на соответствующие экономические показатели.

Список литературы:

1. Павлович, В. О. Частные приемы оперативно-экономического анализа при расследовании преступлений в бюджетной сфере / В. О. Павлович // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 04 апреля 2025 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. — С. 229 – 235.

2. Павлович, В. О. Структура и содержание методики документального исследования / В. О. Павлович // Обеспечение экономической безопасности: экономико-правовые проблемы, управленческие модели, современные технологии и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 июня 2024 года. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД РФ, 2024. — С. 85 – 92.

3. Судебная бухгалтерия: Курс лекций / А. Н. Буторов, С. С. Воронов, С. П. Голубятников [и др.]. — Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. — 380 с.

4. Приказ Минфина России от 15.11.2019 № 180н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы» (вместе с «ФСБУ 5/2019…») (Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2020 № 57837) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.01.2026).

© Павлович В. О., 2026

EDN: SDTKYN

Пеньковой Владислав Валерьевич
начальник Калининградского отдела
Санкт-Петербургского регионального управления
Центр внутреннего контроля ОАО «РЖД»
Калининград, Россия
Penkovoy@yandex.ru

Королева Лада Александровна
доцент кафедры учета и бизнес-анализа
Петербургский университет путей сообщения Императора Александра I
Санкт-Петербург, Россия
klada2026@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются проблемы финансирования модернизации инфраструктуры и прогрессирующего ухудшения финансового состояния ОАО «Российские железные дороги» как предмета не только экономической, но и государственной безопасности; обосновывается необходимость пересмотра механизма финансирования инвестиционных программ. Изучение причин неудовлетворительного финансового положения компании и обращение к опыту зарубежных стран позволило констатировать, что в условиях данной модели управления компанией уровень бюджетного участия в финансировании и инвестициях недостаточен и не может обеспечить не только финансовую устойчивость, но и долгосрочное развитие компании.

Ключевые слова: железнодорожные дороги, модернизация инфраструктуры, финансирование, безопасность,.

Для нашей страны экономическое «здоровье» железнодорожной отрасли имеет особое значение с позиции обеспечения интересов государства. В наземных перевозках железнодорожный транспорт занимает лидирующие позиции, обеспечивая свыше половины объемов транспортировки, в ряде случаев являясь вообще безальтернативным. В таких условиях дефицит финансовых средств на его поддержание и развитие угрожает обеспечению непрерывности услуг транспортного сообщения не только для экономики в целом, но и для военно-промышленного комплекса, отрицательно влияя на обороноспособность страны.

Принимая во внимание территориальную протяженность государства, климатические условия, номенклатуру перевозимых грузов и прочее, отечественная система железнодорожного транспорта являет собой подлинно национальное достояние. Железные дороги почти двести лет представляют важнейшую отрасль экономики и базовую инфраструктуру для развития других отраслей. Бесперебойное функционирование магистральной сети дорог является для России основой существования всей экономики. Помимо чисто экономической функции железные дороги играют важнейшую стратегическую роль и в обеспечении обороноспособности страны. Именно поэтому предупреждение хозяйственных и финансовых рисков отрасли является важнейшей составляющей национальной экономической безопасности.

Как показывает анализ, ситуация, сложившаяся сегодня вокруг железнодорожной отрасли, характеризуется высокими уровнем и динамикой роста долговой нагрузки наряду с низкой экономической эффективностью перевозочной деятельности. Ввиду объективных технических, технологических и организационных особенностей перевозочные процессы являются крайне высокозатратными, а в секторе пассажирских перевозок малорентабельными. Подвижной состав, обслуживающая и вспомогательная инфраструктура, требуют значительных капитальных вложений на регулярное обновление и поддержание в работоспособном состоянии, а также на расширение материально-технической базы.

Строительство железнодорожной инфраструктуры в России сопряжено с повышенным уровнем затрат, что определяется, во-первых, климатическими и географическими условиями перевозок, во-вторых, особенностями управления и организации отрасли. Дело в том, что, несмотря на внушительную абсолютную протяженность путей, отечественная железнодорожная сеть имеет крайне низкую плотность. Если, к примеру, в Чехии она составляет 123,3 м/км2, в Германии — 109,9 м/

км2, то в России всего лишь 7,2 м/км2. Для развития экономики этого явно недостаточно, учитывая площадь страны и большие расстояния. Очевидно, что требуются внушительные вливания для развития сети. В то время как другие страны в основном модернизируют уже имеющуюся сеть, внедряют новые технологии, совершенствуют сервисную составляющую, перед Россией стоит задача расширения сети дорог.

Важнейшим условием обеспечения функционирования и развития железнодорожной инфраструктуры является наличие достаточного притока финансовых ресурсов. В период командно-административной экономики финансирование потребностей отрасли осуществлялось в полном объеме государством. В 2003 г. было начато реформирование железных дорог: в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 18.09.2003 № 585 на основе отдельных организаций федерального железнодорожного транспорта был создано открытое акционерное общество «Российские железные дороги» как единый хозяйствующий субъект [1].

В новой модели управления компания ОАО «РЖД» должна осуществлять и перевозочный процесс, и строительство объектов инфраструктуры общего пользования на принципах централизованного управления. При этом в новых условиях хозяйствования стали размытыми степень, формы и объемы участия в инвестиционном процессе государства, ранее являвшегося основным финансовым источником развития отрасли. Федеральным законом от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» участие государства в финансировании проектов строительства и реконструкции железнодорожного транспорта общего пользования трансформировано из его безусловного обязательства во всего лишь допустимую меру [2]. Строительство объектов инфраструктуры общего пользования за счет средств федерального бюджета законом теперь определяется как потенциально возможное, в пределах выделяемых лимитов, и в случаях, предусмотренных соответствующими федеральными целевыми программами, являющимися лишь рамочными документами. Фактическое же решение о реальности финансирования, его объемах и сроках принимается уже в привязке к конкретному объекту и законодательно не гарантируется.

Долгосрочной программой развития ОАО «РЖД» до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 19.03.2019 № 466-р [3], конкретизировано, что финансирование строительства

за счет средств бюджетных источников может быть предусмотрено только для проектов, экономически не эффективных для компании. Во всех прочих случаях выполнение инвестиционной программы должно обеспечиваться либо за счет собственного денежного потока ОАО «РЖД», либо с привлечением заемных средств. Таким образом, степень обязательности участия государства в развитии железнодорожной структуры общего пользования в России сведена до минимума, а нагрузка по инвестированию почти в полном объеме возложена на ОАО «РЖД».

Выполнение инвестиционных программ определяет перспективы развития ОАО «РЖД», целевые ориентиры закреплены рядом документов: Стратегией развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года (распоряжение от 17.06.2008 № 877-р) [4], Долгосрочной программой развития ОАО «РЖД» до 2025 г. (распоряжение от 19.03.2019 № 466-р) [3], утвержденной Советом директоров ОАО «РЖД» от 23.12.2013 № 19 Стратегией развития холдинга «РЖД» на период до 2030 года [5].

Будучи инфраструктурной компанией российской экономики, ОАО «РЖД» несет ответственность за реализацию национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» [6], таких как «Эффективная транспортная система», «Инфраструктура для жизни» и «Эффективная и конкурентная экономика». На практике, созданная при реформировании хозяйственная модель функционирования компании оказалась несостоятельной для решения поставленных стратегических задач.

Реформирование отрасли не привело к появлению экономической единицы, способной самостоятельно решать задачи ресурсного обеспечения, которые ранее были в зоне ответственности отраслевого министерства. Главная проблема в том, что уровень прибыльности компании в принципе недостаточен для формирования необходимого ресурсного потенциала для выполнения инвестиционных задач. Прибыль от продаж во много раз меньше объема средств, получаемых по инвестиционным программам.

В силу объективных условий хозяйствования у ОАО «РЖД» отсутствуют реальные возможности для радикального увеличения притока ресурсов, позволяющего покрыть сложившийся дефицит. Физические объемы перевозок колеблются примерно на одном уровне, а в последнее время даже снижаются. Стоимость услуг, а, следовательно, и объем выручки, жестко лимитируется тарифной политикой государства.

В таких условиях компания вынуждена обращаться к внешним заимствованиям, и политика привлечения заемного капитала стала основным инструментом финансирования дефицита инвестиционного бюджета. Рост кредитной задолженности компании прогрессирует. Начав свою деятельность в 2003 г., к концу 2017 г. ОАО «РЖД» преодолело планку совокупной задолженности по кредитам и займам в 1 трлн рублей, составившей в удельном соотношении 25 % от величины собственного капитала. К октябрю 2025 г. задолженность уже превысила 3,3 трлн рублей (60 % от собственного капитала), а величина привлеченных за год кредитов и займов по отношению к тому же 2017 году выросла в 8,4 раза — с 0,6 трлн руб. до 5 трлн руб. в 2024 г. [7].

Подавляющая доля привлекаемого компанией капитала затрачивается на погашение ранее полученных заемных средств с увеличением динамики как объема привлекаемых заемных средств, так и стоимости их обслуживания. За 2020 – 2024 гг. годовая сумма долговых процентов выросла в 2,7 раза. Одновременно с ростом абсолютной величиной расходов на обслуживание долга растет их удельная доля в общей структуре затрат. Если в 2020 г. доля процентов оставляла чуть менее 4 % от совокупной величины всех издержек ОАО «РЖД» (77,6 млрд руб.), то в 2024 г. — 8,8 % (266,9 млрд рублей), без учета 79,8 млрд рублей, капитализированных в стоимости инвестиционных проектов.

По данным бухгалтерской отчетности за 9 месяцев 2025 г. величина расходов на обслуживание долга (процентов к уплате) впервые в истории компании превысила размер прибыли от продаж (346,8 млрд руб. против 319,2 млрд руб.), а их удельный вес в общей величине затрат вырос до 14,3 %.

Аналогичным образом общая величина денежных средств, направленных на погашение кредитных обязательств (2,5 трлн руб.), превзошла совокупные поступления от продажи продукции, товаров, работ и услуг (2,2 трлн руб.). Вместе с этим, за этот же период ОАО «РЖД» дополнительно привлекло кредитов и займов еще на 2,7 трлн руб., увеличив тем самым долговые обязательства с 2,9 трлн руб. до 3,4 трлн руб. по сравнению с началом года. То есть компания рассчитывается по своим обязательствам исключительно за счет новых заимствований, продолжая наращивать долги. С позиции оценки компании как коммерческой организации, ОАО «РЖД» является банкротом.

По оценкам Forbes ОАО «РЖД» в 2025 г. попало в топ-10 компаний по уровню долга, заняв «почетную» третью позицию, более высокий уровень

задолженности у ПАО «Газпром» и ПАО «Нефтяная компания «Роснефть», однако необходимо учитывать, что высокая прибыльность этих компании обеспечивает им более высокий потенциал платежеспособности [8].

Усилия по привлечению внебюджетных источников финансирования, в частности через механизмы государственно-частного партнерства или концессионных соглашений, ощутимого эффекта до сегодняшнего дня не обеспечили. Долгосрочной программой развития ОАО «РЖД» до 2025 г. объем планируемых к привлечению средств частных инвесторов был определен в размере 3,9 трлн руб. на период 2019 – 2025 гг. Фактически большинство проектов так и остаются нереализованными, включая железнодорожные линии Элегест-Кызыл-Курагино (142,7 млрд руб.), на о. Сахалин с переходом пролива Невельского (536,8 млрд руб.) и Северный железнодорожный широтный ход с плановым объемом вложений в. и (128,4 млрд руб.) и др. [9, 10, 11].

В зарубежных странах государство принимает достаточно активное участие в обеспечении и поддержании стабильного и безопасного функционирования системы железнодорожного транспорта. Так, в Германии приоритет финансирования инвестиционных вложений в инфраструктурные проекты железнодорожной отрасли законодательно закреплен за государством. [12]. В соответствии с III Соглашением об эксплуатации и финансировании (LuFV III) инвестиции федерального правительства Германии в железнодорожную инфраструктуру в 2020 – 2029 определены в размере 62 млрд евро, из которых инвестиции Федеральной железнодорожной компании Deutsche Bahn AG (DB) составляют 24,2 млрд евро, или только 39 % от общего объема [13]. Аналогичный подход имеет место и во Франции. К 2040 году в рамках правительственной программы в железнодорожный транспорт планируется инвестировать 100 млрд евро [14]. Большую роль в осуществлении железнодорожных проектов государственные инвестиции играют и в Китае. Наиболее значимым источником финансирования железнодорожной инфраструктуры являются средства Фонда строительства железных дорог [15].

В России объем государственного участия в инвестициях в развитие компании представляется недостаточным: по данным Минтранса объем прямых бюджетных ассигнований на развитие инфраструктуры за 2020 – 2024 гг. составил 267 млрд руб., в то время как сама компания направила на реализацию инвестиционной программы 4,3 трлн руб.

С учетом фактического положения дел единственным способом решения проблемы, способным радикально изменить ситуацию, является

увеличение государственных инвестиций в систему железнодорожного транспорта. Модель функционирования отрасли, в которой единый хозяйствующий субъект за счет собственных ресурсов, с минимальной финансовой поддержкой государства, обеспечивает не только содержание и обновление эксплуатируемой производственной структуры, но и решает задачи масштабного инфраструктурного развития, экономически не состоятельна и создает значительные риски утери контроля за состоянием отрасли и возникновения критических негативных последствий для отечественной экономики в целом.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 18.09.2003 № 585 «О создании открытого акционерного общества «Российские железные дороги» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_ doc_LAW_44411/ (дата обращения: 09.02.2026).

2. Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 40443/ (дата обращения: 09.02.2026).

3. Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2019 № 466-р «Об утверждении долгосрочной программы развития открытого акционерного общества «Российские железные дороги» до 2025 года (вместе с Программой) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_320741/ (дата обращения: 14.02.2026).

4. Распоряжение Правительства РФ от 17.06.2008 № 877-р «О Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года» (вместе со Стратегией) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92060/ (дата обращения: 14.02.2026).

5. Стратегия развития холдинга «РЖД» на период до 2030 года, утвержденная Советом директоров ОАО «РЖД» от 23.12.2013 № 19 [Электронный ресурс] // URL: https://sr2021.rzd.ru/ru/about-company/ development-strategy/ (дата обращения: 14.02.2026).

6. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 14.02.2026).

7. Публичная бухгалтерская (финансовая) отчетность ОАО «РЖД» [Электронный ресурс] // URL: https://company.rzd.ru/ru/9471. (дата обращения: 12.02.2026).

8. 10 российских компаний с наибольшими долгами — 2025. Рейтинг Forbes [Электронный ресурс] // URL: https://www.forbes.ru/rating/547611-10-rossijskih-kompanij-s-naibol-simi-dolgami-2025-rejting-forbes (дата обращения: 14.02.2026).

9. Уголь и РЗМ. В строительство ж/д Курагино-Кызыл могут войти китайские инвесторы [Электронный ресурс] // URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/907382-ugol-i-rzm-v-stroitelstvo-zh-d-kuragino-kyzyl-mogut-voyti-kitayskie-investory/ (дата обращения: 24.01.2026).

10. Тема строительства железнодорожного перехода Сахалин-материк вновь всплыла в СМИ [Электронный ресурс] // URL: https://astv.ru/news/society/2025-11-19-tema-stroitel-stva-zheleznodorozhnogo-perehoda-sahalin-materik-vnov-vsplyla-v-smi (дата обращения: 19.01.2026).

11. Костырев А. Северный широтный ход: концессионное соглашение может быть приостановлено на три года [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8315557 (дата обращения: 24.01.2026).

12. Фичерт Франк. Планирование транспортной политики в Германии — анализ политических программ и инвестиционных генеральных планов [Электронный ресурс] // URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12544-017-0247-7#citeas (дата обращения: 17.03.2026).

13. Германия инвестирует в развитие железнодорожной инфраструктуры 86 млрд евро до 2029 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.infranews.ru/logistika/zheleznaya-doroga/54574-germaniya-investiruet-86-mlrd-evro-v-razvitie-zheleznodorozhnoj-infrastruktury/ (дата обращения: 30.01.2026).

14. Видалон Доминик. Франция планирует инвестировать 100 миллиардов евро в железнодорожную инфраструктуру к 2040 году [Электронный ресурс] // URL: https://www.reuters.com/world/europe/france-plans-invest-100-billion-euros-rail-infrastructure-by-2040-2023-02-24/ (дата обращения: 24.02.2026).

15. Расулов А. В. Международный опыт финансирования транспортной инфраструктуры на примере Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // URL: https://trans-safety.ru/2018/03/24/rasulov-a-v-mezhdunarodnyj-opyt-finansirovaniya-transportnoj-infrastruktury-na-primere-kitajskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 24.03.2026).

© Пеньковой В. В., Королева Л. А., 2026

EDN: SEUVQE

Плотников Владимир Александрович
профессор кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
Plotnikov_2000@mail.ru

Холдоенко Артур Михайлович
докторант кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
кандидат ветеринарных наук
finec_oet@mail.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: УГРОЗЫ И РИСКИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика способов обеспечения населения продовольствием в контексте достижения целей обеспечения продовольственной безопасности страны. Рассмотрены альтернативные способы организации продовольственного обеспечения и соответствующие им типы хозяйственных моделей. Указано на необходимость трансформации этих способов в условиях военно-политической нестабильности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственное обеспечение населения, национальная безопасность, военно-политическая обстановка, кризис.

Национальная безопасность складывается из различных составляющих: экономической, технологической, приграничной, военной и др. Состав видов безопасности находит отражение в утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Ключевую роль среди видов безопасности играет продовольственная безопасность, на что мы обращали внимание в своих более ранних исследованиях [1, 2, 3].

Обеспечение продовольственной безопасности — одна из ключевых функций современного государства. Это находит отражение, в частности, в «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20. Согласно тексту этого документа, продовольственная безопасность — это «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни».

Для достижения продовольственной безопасности необходимо организовывать обеспечение населения продовольствием, что может быть сделано тремя основными способами:

во-первых, это централизованное обеспечение по государственным каналам населения продовольствием в рамках реализации планово-распорядительных (административных) механизмов;

во-вторых, это обеспечение продовольствием через механизмы функционирования рынков готовых продуктов питания (и напитков) и сырья для их производства (для приготовления готовой пищи в домашних хозяйствах);

в-третьих, это самообеспечение населения продовольствием за счет действия элементов натурального хозяйства (производства продуктов питания и пищевого сырья в домашних хозяйствах).

Соотношение этих трех способов в устойчиво, нормально функционирующей современной экономике соответствует ее секторальному делению. Как известно, в современной экономической теории выделяется три «чистых» типа организации экономических систем: традиционная, рыночная и плановая (командно-административная). При этом,

большинство развитых экономик, и российская экономика не является исключением, относятся к категории смешанных [4, 5], в их структуре присутствуют все три упомянутых типа экономической организации.

Рассмотрим соотношение между этими типами организации экономической деятельности и способами продовольственного обеспечения в России:

1) наиболее широко используемый способ связан с функционированием рыночного механизма. Через систему розничной торговли и общественного питания, функционирующую в стране, реализуется основной — рыночный — способ обеспечения населения продовольствием. По данным WorldFood Moscow (см.: https://world-food.ru/ru/media/news/2026/january/28/produktovyj-rynok/), «по итогам I полугодия 2025 года оборот розничной торговли вырос на 2,6 % в сопоставимых ценах, при этом продажи продуктов питания увеличились на 3,1 % — до 6,9 трлн рублей… По итогам I полугодия 2025 года онлайн-продажи продовольственных товаров выросли на 27,8 % и достигли 773 млрд рублей. Доля онлайн-канала увеличилась на 0,6 п.п. и составила 5,5 % рынка… Фактическое потребление продуктов питания в пересчете на вес в долгосрочной перспективе не снижается, однако рост оборота ритейла обеспечивается за счет упаковок и цен, а не увеличения объемов»;

2) централизованное планово-административное продовольственное обеспечение также активно используется в России. Оно распространяется, прежде всего, на институциональное население, по тем или иным причинам не участвующее активно в рыночных транзакциях. Речь здесь идет об организованных контингентах людей, занятых специфическими видами деятельности, ответственность за питание которых государственные органы в рамках действующих нормативно-правых актов берут на себя: военнослужащие, проходящие службу по призыву либо решающие боевые задачи в особых условиях [6], лица, находящиеся в исправительных учреждениях [7], школьники с 1 по 4 класс и др.;

3) последний по значимости способ обеспечения населения продовольствием — самообеспечение. По некоторым продовольственным товарам, по которым имеется статистика, он, тем не менее, играет значимую и даже ведущую роль. Так, в 2024 году, по данным Росстата, сбор картофеля в России в хозяйствах всех категорий составил 17,8 млн тонн, в том числе сельскохозяйственные организации собрали около 4,4 млн тонн (примерно 24,7 %), фермеры и индивидуальные предприниматели — 3 млн тонн (примерно 16,8 %), остальной сбор пришелся

на домохозяйства, населения самостоятельно вырастило большую часть картофеля, произведенного в стране — 58,5 %. Сложность составляет то, что достоверные данные об объемах производства в натуральном секторе экономики отсутствуют, эта хозяйственная деятельность во многом носит латентный характер.

По мере развития в стране рыночного сектора экономики происходит постепенное его усиление в вопросах продовольственного обеспечения населения. Это связано с известными преимуществами рынка (саморегулирование объемов производства и потребления, автоматическое ценообразование, клиентоориентированность и др.). В этой связи даже имеющиеся элементы планового обеспечения продовольствием «в натуре» многие граждане желают заменять на эквивалентные денежные компенсации с тем, чтобы потратить эти деньги на те продовольственные (или непродовольственные) товары, которые в большей мере соответствуют их индивидуальным потребительским предпочтениям.

При этом, побудительные мотивы для отказа от потребления продовольствия, предоставляемого государством гражданам бесплатно, в планово-распорядительном порядке, могут быть весьма неожиданными. Приведем в качестве примера результаты недавнего исследования, проведенного в США, где школьникам предоставляется бесплатное питание. Были выявлены «три ключевых барьера, мешающих детям питаться в школе. Во-первых, и родители, и сами ученики часто сомневаются в полезности школьных обедов. Во-вторых, многие предпочитают домашнюю еду или фастфуд. Но самый неожиданный фактор — стигма: многие дети и родители считают, что бесплатными обедами пользуются только малообеспеченные семьи, и избегают их из-за страха быть осужденными».

Что касается натурального производства (самообеспечения), то здесь причиной «сжатия» является низкая технологичность и производительность натурального хозяйства. Приведем релевантную статистику по упоминавшемуся выше картофелю: «В среднем на производство одного центнера картофеля трудозатраты составляют более 3 человеко-часов, при этом в личных хозяйствах этот показатель равен 10 – 15 чел/ч, а в технологичных хозяйственных предприятиях — менее 1 чел/ч» [8, с. 85]. Очевидно, что столь низкая производительность с течением времени, в рамках закона экономии общественного труда, «выдавливает» рационально мыслящих индивидов из сектора натурального хозяйства.

Все рассмотренные выше структурные изменения наблюдаются в экономических системах различных стран, по мере их технологического

развития и сонаправленно с процессами социальной эволюции. В итоге, независимо от провозглашаемых приоритетов и ключевых направлений продовольственной политики, рыночный способ обеспечения продовольствием, как наиболее гибкий, требующий меньшего государственного прямого участия и экономически эффективный, начинает доминировать. За счет этого достигается высокий (по крайней мере — приемлемый) уровень продовольственной безопасности.

Но совсем иначе дело обстоит в случае кризисов, в частности — в условиях военно-политической нестабильности. Характерный и актуальный на момент подготовки данной статьи пример — агрессия США и Израиля против Ирана, начатая 28 февраля 2025 года. Вследствие начала региональной войны, оказались блокированы международные судоходные и авиационные маршруты, посредство которых в государства Персидского залива осуществлялись поставки продовольствия.

В итоге, по представителя компании Kühne+Nagel International AG, данной 6 марта, «Дубай может столкнуться с дефицитом некоторых товаров, включая свежие продукты, которые могут закончиться через десять дней… [Это связано с тем, что] в настоящее время 18 % мировых авиагрузовых мощностей недоступны, а портовые сооружения в регионе Персидского залива в основном закрыты… Товары можно доставлять в Саудовскую Аравию самолетом, а затем перевозить дальше грузовиками, границы открыты. Но нужно представить себе масштаб: один контейнеровоз вмещает 20 тысяч контейнеров. Просто невозможно зафрахтовать столько грузовиков, чтобы компенсировать это. Если ситуация затянется надолго, возникнет нехватка товаров».

Можно привести и иные примеры, аналогичные по содержанию. Военно-политические риски, связанные с блокированием транспортных коммуникаций, ведением военных действий, нанесением ударов и совершением диверсий на объектах инфраструктуры и т.п., резко ухудшают ситуацию с продовольственной безопасностью и могут приводить к гуманитарным катастрофам, что и произошло, например, в секторе Газа из-за действий Израиля.

Как указано на официальном сайте ООН, «Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш назвал голод в Газе «рукотворной катастрофой, нравственным приговором и провалом человечества как такового». «Массовый голод — это не только нехватка пищи; это преднамеренное обрушение систем, необходимых для выживания человека. Люди голодают. Дети умирают. И те, кто обязан действовать,

бездействуют», — заявил глава ООН. Он вновь напомнил, что Израиль как оккупирующая держава имеет четкие обязательства в соответствии с международным правом — в том числе обязанность обеспечивать население продовольствием и медицинскими товарами… Верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк также прокомментировал ситуацию в провинции Газе. По его словам, кризис является «прямым результатом действий правительства Израиля», которое «незаконно ограничило ввоз и распределение гуманитарной помощи и других товаров, необходимых для выживания гражданского населения». «Использование голода как метода ведения войны является военным преступлением, а последовавшие за этим смерти могут также представлять собой военное преступление умышленного убийства», — говорится в заявлении Тюрка».

Таким образом, стремление к обеспечению продовольственной безопасности в условиях обострения международной обстановки и ухудшения военно-политической ситуации во многих регионах мира, в том числе непосредственно в России и у ее границ, что связано с проведением специальной военной операции и иными факторами, требует пересмотра подходов к обеспечению населения продовольствием. В частности, требуется поддержка и развитие систем централизованного обеспечения, в том числе за счет создания федерального, региональных и муниципальных резервов продовольственных товаров, а также стимулирование (в том числе налоговое) производства продовольствия домашними хозяйствами.

Список литературы:

1. Плотников В. А., Холдоенко А. М. Продовольственное обеспечение населения: устойчивость и безопасность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4. С. 15 – 19.

2. Холдоенко А. М. Продовольственная безопасность в контексте обеспечения экономической безопасности государства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2 (146). С. 42 – 46.

3. Plotnikov V., Nikitin Y., Maramygin M., Ilyasov R. National food security under institutional challenges (Russian experience) // International Journal of Sociology and Social Policy. 2021. Vol. 41. № 1-2. P. 139 – 153.

4. Колганов А. И. Смешанная экономика СССР: уроки для России // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 101 – 115.

5. Плотников В. А. Понятие смешанной экономики: эволюция развития и современная трактовка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 8 – 16.

6. Ангелова О. Ю., Курбанов А. Х., Чукавов Д. В. Продовольственная безопасность Вооруженных Сил Российской Федерации как военно-экономическая категория // Вестник военной академии материально-технического обеспечения. 2025. № 2 (42). С. 63 – 70.

7. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Государственно-частное партнерство в целях обеспечения продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10А. С. 100 – 108.

8. Патшина М. В. Эффективность производства картофеля в России // Интерактивная наука. 2018. № 6 (28). С. 85 – 87.

© Плотников В. А., Холдоенко А. М., 2026

EDN: TLBNUN

Поляков Данил Александрович
магистрант
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
polyakov.da@edu.spbstu.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ VALUE FOR MONEY И LIFE CYCLE COSTING

Аннотация. В работе обосновано применение подхода стоимости жизненного цикла (Life Cycle Costing) как инструмента повышения эффективности государственных закупок. Сформулированы предложения по интеграции принципов Value for Money и риск-ориентированного государственного аудита в практику функционирования контрактной системы Российской Федерации.
Ключевые слова: государственные закупки, аудит эффективности, Value for Money, MEAT, стоимость жизненного цикла, LCC, государственный финансовый контроль, контрактная система.

Государственные закупки являются одним из ключевых инструментов реализации публичных функций государства и обеспечения социально-экономического развития. Через контрактную систему осуществляется финансирование государственных программ, национальных проектов и инфраструктурных инициатив, что определяет высокую значимость эффективности закупочной деятельности для бюджетной политики в целом [2].

Несмотря на масштабные реформы и цифровизацию процедур, практика государственных закупок в Российской Федерации

по-прежнему характеризуется доминированием ценового критерия, высоким уровнем формализма и слабой ориентацией на конечные результаты. Практика определения поставщика на основе минимального ценового предложения нередко сопровождается негативными последствиями, выражающимися в снижении качества приобретаемой продукции и услуг, увеличении совокупных затрат в процессе эксплуатации, а также возникновении необходимости осуществления повторных закупок. Подобные эффекты противоречат ключевым принципам эффективности и рациональности использования бюджетных средств [1].

В данной связи возрастает научно-практический интерес к международным подходам оценки результативности закупочной деятельности, в основе которых лежат концепция Value for Money [5], применение многокритериальных процедур отбора (MEAT), а также учет полной стоимости жизненного цикла закупаемых объектов. Анализ зарубежного опыта позволяет сделать вывод о возможности преобразования закупочной системы из формализованного процедурного инструмента в элемент стратегического управления государственными финансовыми ресурсами.

Целью настоящей статьи является обоснование приоритетных направлений развития российской системы государственных закупок с опорой на международные практики и инструменты аудита эффективности, ориентированные на повышение уровня экономической безопасности.

Современная концепция эффективности государственных закупок выходит за рамки минимизации контрактной цены и ориентируется на достижение максимальной ценности для государства и общества [3]. Подход Value for Money предполагает оценку закупочных решений с позиции совокупного эффекта, включающего качество, надёжность, срок службы, социальные и экономические результаты.

Практическим инструментом реализации данного подхода выступает критерий MEAT (Most Economically Advantageous Tender) [7], широко применяемый в Европейском союзе. В отличие от ценового подхода, MEAT позволяет учитывать технические, функциональные, эксплуатационные и инновационные характеристики предложений, формируя конкуренцию по качеству, а не по демпингу. Применение такого многофакторного критерия снижает вероятность заключения контрактов с ненадёжными поставщиками, уменьшает риск поставки некачественной продукции и, как следствие, способствует снижению фискальных потерь, связанных с неэффективным исполнением контрактов. Таким

образом, MEAT рассматривается не только как метод повышения результативности закупок, но и как инструмент укрепления фискальной устойчивости и экономической безопасности.

Дополняющим элементом является методология стоимости жизненного цикла (Life Cycle Costing) [8], ориентированная на учёт всех затрат, возникающих в течение всего срока эксплуатации объекта закупки. Применение методологии Life Cycle Costing (LCC) [8] обеспечивает возможность комплексной идентификации не только прямых, но и скрытых, а также отсроченных бюджетных издержек, что способствует повышению степени экономической обоснованности управленческих решений. Особую значимость данный подход приобретает при реализации проектов, характеризующихся высокой капиталоёмкостью и длительным жизненным циклом, прежде всего в инфраструктурной сфере. Совокупное использование указанных инструментов формирует целостную методологическую платформу оценки результативности закупочной деятельности, соответствующую международным стандартам INTOSAI и рекомендациям OECD. Изучение современной российской практики в сфере государственных закупок свидетельствует о наличии устойчивых институциональных дисбалансов. В качестве ключевой проблемы выступает преобладание критерия минимальной цены при выборе поставщика, что формирует стимулы к демпинговым стратегиям поведения участников закупочных процедур и негативно сказывается на качестве исполнения контрактных обязательств. При этом использование дополнительных (неценовых) параметров оценки зачастую носит формальный характер и не оказывает существенного влияния на итоговые решения. Дополнительным ограничивающим фактором является недостаточный уровень конкурентной среды: значительная часть контрактов заключается при ограниченном числе участников. Это обусловлено, в частности, сложностью и избыточной регламентацией процедур, завышенными требованиями к потенциальным поставщикам, а также недостаточной проработанностью технической документации. Проблемы на стадии планирования закупок приводят к формированию спроса на ресурсы, не соответствующие реальным потребностям, либо к их неэффективному использованию. Материалы государственного аудита указывают на системный характер нарушений, проявляющихся в некорректном обосновании начальной (максимальной) цены контракта, недостаточной эффективности контроля исполнения договорных обязательств, а также формализованном подходе к оценке достигнутых

результатов. Ограниченное внедрение современных цифровых аналитических инструментов существенно снижает потенциал выявления рисков и препятствует развитию механизмов предиктивной аналитики в сфере закупочной деятельности.

Практика функционирования закупочной системы Европейского союза свидетельствует о высоком уровне её институциональной зрелости, что во многом обусловлено активным использованием многокритериального подхода (MEAT), инструментов оценки полной стоимости жизненного цикла (LCC), а также развитой инфраструктуры электронных платформ. Вместе с тем современные тенденции указывают на частичное смещение приоритетов: в условиях экономической нестабильности и усиления бюджетных ограничений наблюдается снижение значимости экологических и долгосрочных критериев, а также возрастают риски недостаточной прозрачности при реализации централизованных закупок.

Закупочная система Соединённых Штатов Америки характеризуется высокой степенью нормативной регламентации, в основе которой лежит Federal Acquisition Regulation (FAR) [9], а также значительным уровнем открытости данных и развитым механизмом оценки деловой репутации поставщиков, реализуемым через CPARS. В то же время сохраняются определённые уязвимости, связанные с влиянием лоббистских структур крупных подрядчиков, а также с рисками завышения стоимости контрактов в стратегически значимых отраслях.

Китайская модель государственных закупок отличается выраженной централизацией управленческих решений, жёстким контролем за исполнением контрактов и ориентацией на поддержку национальных производителей [10]. Однако ограниченная прозрачность процедур и недостаточный уровень конкурентной среды существенно сужают возможности её применения в рамках открытых рыночных экономик.

Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о том, что ни одна из рассмотренных моделей не может рассматриваться в качестве универсального решения. Вместе с тем отдельные элементы зарубежных практик представляют интерес с точки зрения их адаптации и интеграции в российскую систему государственных закупок.

Приоритетным направлением развития контрактной системы выступает ориентация на принципы Value for Money, а также расширение использования многокритериальных моделей оценки заявок. В этих целях представляется обоснованным формирование типовых

показателей качества и установление их весовых значений по отдельным категориям закупок, что позволит минимизировать уровень субъективности принимаемых решений и снизить вероятность возникновения коррупционных рисков.

Таблица 1. Сопоставление систем государственных закупок Российской Федерации и зарубежных стран

Критерий	Российская Федерация	Европейский союз [7]	США	Китай [10]
Ключевой принцип	Минимизация цены	MEAT, Value for Money	Best Value	Госинтерес и контроль
Оценка качества	Ограниченная	Системная	Репутационная	Административная
Применение LCC	Эпизодическое	Широкое	Ограниченное	Выборочное
Цифровые инструменты	ЕИС	TED, e-Procurement	SAM.gov, CPARS	CGPN
Прозрачность	Средняя	Высокая	Высокая	Ограниченная
Основные проблемы	Демпинг и формализм	Бюрократия	Лоббизм	Закрытость

Применение методологии стоимости жизненного цикла (LCC) при обосновании НМЦК и оценке заявок повышает экономическую обоснованность решений и ориентирует закупки на долгосрочные результаты, что особенно важно для инфраструктурных и инвестиционных проектов. Развитие риск-ориентированного государственного аудита с использованием цифровых инструментов Единой информационной системы, включая автоматизированный анализ данных, мониторинг исполнения контрактов и методы прогнозирования, способствует повышению выявляемости нарушений и эффективности контроля. Проведённый анализ подтверждает необходимость перехода от процедурно-ценовой модели к результативно-ориентированной системе управления государственными закупками. Международный опыт ЕС, США и Китая демонстрирует эффективность многокритериальной оценки, цифровизации контроля и стратегического подхода при наличии институциональных ограничений. Использование подходов Value for Money, MEAT и LCC, а также развитие риск-ориентированного аудита создают основу для повышения эффективности закупок, снижения бюджетных расходов и укрепления экономической безопасности государства.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 15.02.2026).

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд федер. закон Рос. Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 15.02.2026).

3. INTOSAI. ISSAI 300. Performance Audit Principles [Electronic resource] // URL: https://www.issai.org/pronouncements/issai-300/ (accessed: 15.02.2026).

4. Счётная палата Российской Федерации. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СГА 104 «Аудит эффективности» [Электронный ресурс] // URL: https://ach.gov.ru/activities/standards/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. OECD. Value for Money in Public Procurement [Electronic resource]. — Paris: OECD Publishing, 2019. — URL: https://www.oecd.org/gov/public-procurement/value-for-money/ (accessed: 15.02.2026).

6. World Bank. Public Procurement Framework [Electronic resource]. — Washington, DC: World Bank, 2020. — URL: https://www.worldbank.org/en/topic/publicprocurement (accessed: 15.02.2026).

7. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council on public procurement [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. — 2014. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0024 (accessed: 15.02.2026).

8. European Commission. Life-Cycle Costing in Public Procurement [Electronic resource]. — Brussels, 2016. — URL: https://ec.europa.eu/environment/gpp/lcc.htm (accessed: 15.02.2026).

9. Federal Acquisition Regulation (FAR) Code of Federal Regulations. Title 48 [Electronic resource]. — Washington, DC. — URL: https://www.acquisition.gov/far (accessed: 15.02.2026).

10. Умнова М. Г., Лю Ясинь. Государственные закупки в Китае: роль цифровых инструментов и платформ в поддержке малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki-v-kitae (дата обращения: 15.02.2026).

© Поляков Д. А., 2026

EDN: UEJQNU

Радыгин Евгений Владимирович
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева
Санкт-Петербург, Россия
кандидат технических наук
radyginev@mail.ru

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются санкции 2022 г. принятые ЕС, а также анализируется их влияние на национальные интересы. В результате выявлена разностороннее влияние. санкций, отрицательные последствия которых прежде всего затронули логистику, расчеты, поступление в РФ высокотехнологичных товаров.
Ключевые слова: санкции, национальные интересы, воздействия.

Санкционная политика США и ЕС вовлекла в свою сферу многие страны мира, разрушая традиционные международные отношения и организации. На момент проведения исследования и написания статьи против Российской Федерации принят ЕС 19 пакетов санкций, к которым присоединились и иные страны, не входящие в союз, кроме этого, принимались отдельные (или множественные) санкции и решения странами индивидуально, направленные против РФ. В рамках настоящей статье рассмотрим влияние санкций на РФ, которые приняты были в 2022 году. Выбор года обусловлен, во-первых, тем что в этот год было принято наибольшее количество пакетов, а, во-вторых, пройденный после введения санкций позволяет с некоторыми ограничениями оценить их влияние на национальную безопасность.

Границы зоны национальной безопасности РФ на государственном уроне определила Стратегия национальной безопасности РФ,

утвержденная Указом Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400. Таким образом, оценивание национальной безопасности определяется через обеспечение национальных интересов, которые в свою очередь, зависимы от результативности деятельности в направлениях обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, названные в Стратегии стратегическими национальными приоритетами.

Проведенный анализ санкций в разрезе пакетов ЕС, а также отдельных решений, принимаемых странами, свидетельствует о разнонаправленном влиянии санкций в разрезе национальных интересов.

После признания независимости ДНР и ЛНР был принят первый пакет санкций (23 февраля), посредством нескольких взаимосвязанных актов, опубликованных в Официальном журнале ЕС (L 042I) (регламенты Совета (EU) 2022/260-2022/264) [1]. Этими документами ЕС ввел поправки в Регламент Совета (ЕС) № 269/2014 [2] за счет расширения до 571 санкционных списков физических лиц депутатами Государственной думы (заморозка активов и запрет на въезд) и юридических лиц до 55 (Агентством интернет-исследований, Банком «Россия», ПРОМСВЯЗЬБАНКом и ВЭБ.РФ) [3], ввел ограничения на финансирование Российской Федерации, Правительства РФ и Центрального банка (поправки в Регламент 833/2014), ввел торговые и инвестиционные ограничения в отношении неподконтрольных Украине территорий Донецкой и Луганской областей. Таким образом, первый пакет санкций прямого влияния на национальную безопасность не имел.

Второй пакет (25 февраля) принят Регламентами Совета (EU): 2022/320-2022/323, 2022/337, 2022/338. Если Решения / Регламенты 2022/320-2022/323 — это ограничения, связанные с физическими лицами, включая высших должностных лиц, олигархов и членов их семей, то Регламент 328 направлен на реализацию новых запретов в оборонном и энергетическом секторах, в частности: ст. 2 (Высокие технологии) введён контроль на экспорт микросхем, полупроводников, квантовых компьютеров и программного обеспечения, что было направлено на реализацию планов цифровизации и обновления серверных мощностей; ст. 5 (g) введен запрет на прием депозитов от российских граждан и юридических лиц на сумму свыше 100 000 евро в одном банке ЕС; в приложении II (Энергетика) приведен список конкретного оборудования для нефтепереработки. Запрет нацелен не на добычу нефти, а на лишение России возможности производить высококачественное топливо (бензин Евро-5 и т.д.); в приложении XI (Авиация) приведен

полный перечень товаров — от целых самолетов до тормозных колодок и шин, этим документом сделан попытка лишить российских авиакомпаний возможности эксплуатации лизинговых самолетов, посредством введения запрета на их страхование и обслуживание.

Третий пакет санкций ЕС принят рядом регламентов в течение периода с 28 февраля по 2 марта 2022 года. Так, Регламентом Совета (EU) 2022/334 введен запрет на использование воздушного пространства ЕС для всех российских авиаперевозчиков и самолетов, зарегистрированных в РФ или контролируемых российскими лицами;

Регламент Совета (EU) 2022/345 направлен на финансовую изоляцию российской банковской системы и ограничение доступа к наличной европейской валюте посредством введения запрета (статья 2) предоставления специализированных услуг по передаче финансовых сообщений (система SWIFT) для семи банков и их дочерних компаний (ВТБ, Банк «Открытие», Новикомбанк, Промсвязьбанк, Банк «Россия», Совкомбанк, ВЭБ.РФ), Статья 4i предусматривает запрет для физических и юридических лиц в России, включая правительство и Центральный банк, на продажу, поставку, передачу или экспорт банкнот евро в Россию. Статьей 2e введен запрет на инвестиции, участие или иное внесение вкладов в проекты, софинансируемые Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ);

Регламентом Совета (EU) 2022/350 введен запрет на вещание в ЕС государственных СМИ (RT- Russia Today на Английском и на испанском, RT- Россия. Сегодня, Великобритания, Германия и Франция, Спутник).

Четвертый пакет санкций ЕС (принятый 15 марта 2022 года) принят следующими актами: Имплементационным регламентом Совета (EU) 2022/427 и Решением Совета (CFSP) 2022/429 расширены персональные санкционные списки до 893 человек и компаний (до 65) в сферах авиации, судостроения и машиностроения; Решением Совета (CFSP) 2022/430 и Регламентом Совета (EU) 2022/428 введен полный запрет на новые инвестиции в российский энергетический сектор, в том числе посредством создания совместных предприятий, на импорт изделий из железа и стали и экспорт предметов роскоши (широкий перечень товаров с ограничение по стоимости более 300 евро), на сделки с государственными предприятиями (ОПК Оборонпром, Объединенная авиационная корпорация, Уралвагонзавод, Роснефть, Транснефть, Газпром нефть, Алмаз-Антей, Камаз, Ростех, ОАО ПО Севмаш, Совкомфлот, Объединенная судостроительная корпорация), а также введены

ограничения на экспорта оборудования для энергетики, расширен на 80 список компаний, на которые распространяются экспортные ограничения на поставки товаров двойного и военного назначения [4].

Пятый пакет санкций ЕС принят 8 апреля 2022 года следующими документам: Решением Совета (CFSP) 2022/578 и Регламентом Совета (EU) 2022/576 дополнил список товаров, экспорт которых запрещен, в него вошли оборудование для добычи полезных ископаемых, полупроводники, станки и оборудование для промышленности, металлические сплавы, технологии и др., введены запреты на импорт угля и использование портов и автомобильные перевозки по территории стран ЕС; имплементационным регламентом Совета (EU) 2022/581 расширены персональные санкционные списки (до 1110 чел.) и юридических лиц — до 83 компаний.

Шестой пакет санкций ЕС принят 3 июня 2022 г. следующими документами: Решением Совета (CFSP) 2022/877 и Регламентом Совета (EU) 2022/879 ст. 3m был введен запрет на закупку, импорт или передачу сырой нефти (с 5.12.2022 г.) и нефтепродуктов (с 5.02.2023 г.) из России в ЕС, поставляемых морским путем кроме северной и южной веток трубопровода «Дружбы», ст. 3n введен запрет на техническую помощь, посреднические услуги, финансирование или финансовую помощь (включая страхование) для транспортировки российской нефти в третьи страны, ст. 5h исключены из системы SWIFT Сбербанк, Россельхозбанк и МКБ, ст. 5n введены запреты на оказание бизнес-услуг российским компаниям (в области бухгалтерского учета и аудита, налогового консультирования, связей с общественностью (PR), управленческого консалтинга), ст. 2f расширены ограничения на вещание «РТР-Планета», «Россия-24» и «ТВ Центр — Международный»; Регламент (EU) 2022/878 и Решение (CFSP) 2022/880 расширили расширены списки физических лиц (до 1175 чел.) и юридических — до 101, включая Национальный расчетный депозитарий (НРД).

Седьмой пакет санкций ЕС принят 21 июля 2022 г. следующими актами: Решением Совета (CFSP) 2022/1271 и Регламентом Совета (EU) 2022/1269, которым ст. 3o и ст. 3p введен запрет на покупку, импорт или передачу (прямо или косвенно) золота, если оно произведено в России и экспортировано после 22 июля 2022 г., ст. 3ea запрет на заход в порты ЕС расширен запретом на шлюзы (locks), ст. 5g ужесточен контроль за депозитами (более 100 тыс. евро);

Регламент Совета (EU) 2022/1273 и Регламент (EU) 2022/1274 обязали подсанкционных лиц самим сообщать о своих активах, а также

это должны делать банки, юристы и нотариусы акты, расширены персональные санкционные списки сирийскими гражданами.

Восьмой пакет санкций ЕС принят 6 октября 2022 г. следующими документами: Решением Совета (CFSP) 2022/1909 и Регламентом Совета (EU) 2022/1904 ввел, так называемый «потолок цен», ст. 3n утвержден запрет европейским компаниям оказывать услуги по транспортировке, страхованию и финансированию перевозки российской нефти в третьи страны, если цена продажи превышает установленный лимит (без указания этого лимита), ст. 5b введен полный запрет на предоставление услуг по хранению, администрированию или кастодиальному обслуживанию криптоактивов для граждан и резидентов РФ, независимо от суммы, ст. 5n расширен список запрещенных услуг, в частности IT-консультированием, юридическими услугами, услугами в области архитектуры и инженерного проектирования, в приложениях расширены списки запрета на экспортные (электронными компонентами (микросхем), товарами для авиасектора) и импортные товары (готовая продукция из стали, пластика, транспортные средства, химикаты), также введен запрет для граждан ЕС запрещено занимать любые должности в руководящих органах российских государственных предприятий или организаций, контролируемых государством [5]; Регламентом Совета (EU) 2022/1905 и Имплементационным регламент (EU) 2022/1906 расширены персональные санкционные списки (до 1262 физических и 118 юридических лиц).

Последний 9-й пакет 2022 года принят 16 декабря следующими документами: Решением Совета (CFSP) 2022/2478 и Регламентом Совета (EU) 2022/2474 введен запрет на новые инвестиции в горнодобывающий сектор России (кроме титана, алюминия, меди, никеля, палладия и железной руды), на экспорт в Россию двигателей для беспилотных летательных аппаратов, включая экспорт в третьи страны, если есть риск их переправки в Россию, расширен перечень запрещенных к поставке товаров и технологий (химикатами, ИТ-оборудованием, электроникой, приборами ночного видения и радионавигационным оборудованием), заморожены активы Всероссийского банка развития регионов (ВБРР) и добавлены ограничения против Московского кредитного банка (МКБ) и Дальневосточного банка, также.введен запрет а вещание НТВ («НТВ Мир»), «Россия-1», РЕН ТВ и Первый канал; Имплементационный регламент (EU) 2022/2475 и Решение (CFSP) 2022/2477 расширили персональные списки (до 1412 физических и 174 юридических лиц).

Введение персональных санкций на физические лица были направлены в большей степени на воздействие на второй и третий национальный интерес «суверенитет, территориальная целостность и оборона» и «гражданский мир, согласие и законность» соответственно), однако эти решения получили иную реализацию. Введение ограничений против элит способствовало усилению государственной власти и устойчивости государственного управления за счет утраты зависимости от финансовых и политических институтов запада. Кроме этого, по оценки агентства Bloomberg за немногим более 1 года с февраля 2022 г. богатейшие россияне вывели из-за рубежа $50 млрд, что соответствует около 13 % доходов федерального бюджета РФ за 2023 г. [6]. Введение ограничений на передвижение по территории стран ЕС способствовало увеличения внутрироссийского туризма, который увеличил валовую добавленную стоимость с 2022 г. по 2025 г. на 13,8 % или в среднем на 4,65 % в год, что обеспечило прирост его доли в ВВП на 0,5 п.п. до 3,1 %.

Запрет на экспорт продукции, относимой к высокотехнологичной и/или двойного назначения, а также иные ограничения против ВКП, направлены на второй национальный интерес через технологическое ослабление обороны страны. Однако эти ограничения стимулировали развитие отечественного оборонно-промышленного комплекса и импортозамещение в отрасли. Так по данным издания эксперт РФ увеличила в 2024 г. выпуск БЛА в 2,6 раза по сравнению с 2023 г. [7], а в 2025 г. к 2024 г. еще в 2 раза [8].

Третьим и девятым пакетами введены запреты на вещания российских СМИ в ЕС, что не повлекло за собой существенного влияния на национальные интересы.

Эмбарго на поставки товаров и технологий, запреты на деятельность зарубежных компаний на территории РФ, ограничения в энергетике (6-й и 8-й пакеты) отразились на снижении ВВП за 2022 г. на 1,4 %, которое было компенсировано в 2023 г. с дополнительным приростом в 2,7 %. Общий рост ВВП за период 2022 – 2025 гг. составил 8,6 %, что соответствует среднегодовому росту в 2,15 %. Вместе с тем доля добычи полезных ископаемых в структуре ВВП страны сократилась на 3,8 п.п. до 9,5 % за счет снижения на 4 % объема ВДС отрасли.

В рамках 3-го и 6-го пакетов отключены ключевые банки РФ от системы обмена финансовыми сообщениями SWIFT, что способствовало развитию ее отечественного российский аналога (СПФС) и расширять прямые корреспондентские отношения с банками Китая, Индии

и стран СНГ, так по данным издания Комерсантъ: «К началу осени 2022 г. … более половины кредитных организаций имели корсчета в казахстанском тенге и белорусских рублях, четверть — в турецких лирах, пятая часть — в киргизских сомах и таджикских сомони» [9]. Однако сложности в расчетах не преодолены и в настоящее время, что способствует расширению механизма специализированных платежных агентов, имеющих разветвленую сеть кооreспорденских счетов по всему миру.

Запрет на любые операции, связанные с управлением резервами и активами Центрального банка РФ (3-й пакет) спровоцировал временное на существенное снижение курса рубля (более чем на 60 до 120,38 руб. за 1 долл. США). Однако после повышения ключевой ставки (до 20 %) и введения обязательной продажи 80 % валютной выручки экспортерами, наряду с запретом на снятие наличной валют, стабилизировали курс рубля до 84,08 руб.) ля, фактически вернувшись к значениям начала года в течение месяца.

1-й, 2-й и 4-й пакеты закрыли российскому государству и госкомпаниям доступ к европейским рынкам капитала. 8-й пакет запретил предоставление услуг по хранению криптоактивов для резидентов РФ, что снизило влияние спекулятивных операций на российский финансовый рынок, но это привело к снижению его ликвидности и переориентацию на частных инвесторов.

Таким образом, санкционные пакеты 2022 года были направлены на второй и пятый национальный интерес. Следует отметить, что значимого негативного влияния на конституционный строй, суверенитет и оборону РФ ограничения не имели, а в ряде случае они имели положительный эффект. Влияние санкций на экономику частично компенсировано в 2023 – 2025 гг., но проблемы сохранились в области поставок технологичных товаров, включая товары, полуфабрикаты и оборудование, сохранились сложности в проведении расчетов и в осуществлении логистики. Однако введение санкций ведет к переоценке приверженности РФ к механизму международного разделения труда и переходу на индустриализацию национальной экономики.

Список литературы:

1. Council Implementing Regulation (EU) 2022/260 of 23 February 2022 implementing Regulation (EU) № 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine/ [Электронный ресурс] //

URL: http://data.europa.eu/eli/reg_impl/2022/260/oj (дата обращения: 3.03.2026).

2. Council Regulation (EU) № 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine [Электронный ресурс] // URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2014/269/oj (дата обращения: 3.03.2026).

3. Council Implementing Regulation (EU) 2022/261 of 23 February 2022 implementing Regulation (EU) № 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine/ [Электронный ресурс] // URL: http://data.europa.eu/eli/reg_impl/2022/261/oj (дата обращения: 3.03.2026).

4. Regulamento (UE) 2022/428 do Conselho de 15 de março de 2022 que altera o Regulamento (UE) n.o 833/2014 que impõe medidas restritivas tendo em conta as ações da Rússia que desestabilizam a situação na Ucrânia [Электронный ресурс] // URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2022/428/oj (дата обращения: 3.03.2026).

5. Council Regulation (EU) 2022/1904 of 6 October 2022 amending Regulation (EU) № 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine/ [Электронный ресурс] // URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2022/1904/oj (дата обращения: 4.03.2026).

6. Russian Elite Bring Back $50 Billion of Assets as Havens Dwindle [Электронный ресурс] // URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-09-14/russian-elite-bring-back-50-billion-of-assets-as-havens-dwindle?srnd=premium-europe (дата обращения: 7.03.2026).

7. Дронов становится всё больше [Электронный ресурс] // URL: https://expert.ru/promishlennost/dronov-stanovitsya-vsye-bolshe/ (дата обращения: 7.03.2026).

8. Производство российских гражданских дронов в 2025 году увеличится в 2 раза [Электронный ресурс] // URL: https://news2035.ru/articles/analytics/proizvodstvo-rossijskih-grazhdanskih-dronov-v-2025-godu-uvelichitsya-v-2-raza-ekspert/ (дата обращения: 7.03.2026).

9. В затянутых корсетях [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5621903 (дата обращения: 7.03.2026).

© *Радыгин Е. В., 2026*

EDN: UGJDNO

Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
rl1973@inbox.ru

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. На современном этапе развития мир вокруг меняется очень быстро, благодаря применяемым технологиям на основе искусственного интеллекта, который достаточно давно и прочно вошел в нашу жизни. Обладая способностью быстро и точно обрабатывать большие объемы данных, ИИ нашел применение в самых разных областях нашей жизни, что позволило индивидам значительно сэкономить время при решении различных задач. В статье приводятся сферы применения ИИ. Анализируются положительные и отрицательные стороны применения ИИ. Люди могут сопротивляться инновациям, но рано или поздно практически все сферы нашей жизни будут затронуты цифровизацией, роботизацией, технологиями искусственного интеллекта. А значит нужно учиться быстро приспосабливаться к постоянно меняющейся ситуации. В статье приводятся приоритетные задачи, которые должны решаться при использовании ИИ сегодня. По мнению автора статьи, первостепенная задача состоит в постоянном поиске баланса между использованием преимуществ технологий и минимизацией потенциальных угроз. Что станет залогом безопасного и ответственного развития инновационных решений.
Ключевые слова: искусственны интеллект, развитие России, сферы применения ИИ.

Сегодня мир быстро меняется и усложняется и невозможно представить себе жизнь без применения современных технологий и инноваций.

И именно, искусственный интеллект помогает человеку взаимодействовать с машинами. Очень долго тема применения искусственного интеллекта была не изучена в научной литературе и была темой научной фантастики и только после 2000 годов приобрела совершенно новое изучение и постановку. Сегодня сложно представить жизнь без голосовых помощников в телефонах и интернете, умных приборов и рекомендательных систем.

Искусственный интеллект стал не только частью нашей жизни, социально-экономических систем, но и отражение стратегии России. В этой связи была разработана и принята **Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 года** [1], принятие которой способствовало созданию благоприятных условий для развития и применения искусственного интеллекта в различных областях нашей жизни и экономики страны, посредством создания рациональной и эффективной технологической базы, повышения квалификации специалистов, информирования общества, стимулирования научной деятельности и создания благоприятных условий для разработчиков в реализации их научных и инновационных проектов.

Но мало кто помнит и знает, что искусственный интеллект зародился очень давно, еще до того, как появились первые компьютеры, в то время, когда появились первые машины и человечестве вступило в эпоху автоматизации производства, когда человек начал взаимодействовать с машинами и именно тогда встал актуальным вопрос, который касался создания программ, позволяющих соединить воедино сознание человека и поведение машин. Необходимо было создать такие программы, которые способны соединить логику и существующие правила. В 50-е- 70-е годы появились первые программы, которые позволяли обрабатывать значительный объем данных на основе существующих алгоритмов. Сам термин искусственный интеллект» возник в далеком 1956 году и в это же время появилась программа, позволившая играть человеку компьютером в шашки [2].

Ситуация значительно изменилась, как только в 2010 годы появились нейронные сети, которые позволили распознавать изображения, осуществлять перевод текстов, генерацию музыки и речи, что позволило значительно расширить возможности применения искусственного интеллекта, например на основе моделей GPT и DALL-E.

Искусственный интеллект (ИИ) сегодня стал неотъемлемой частью современной жизни, оказывая значительное влияние на различные сферы: от быта до медицины, образования и бизнеса. Сегодня в России активно

внедряют решения на базе искусственного интеллекта во все сферы жизни. ИИ повышает эффективность работы гос.органов, банков, общественного транспорта, помогает разрабатывать новые лекарства и интересные уроки для школьников и студентов. В будущем лучшие кейсы со всей страны объединят на платформе типовых ИИ-решений, создаваемой с 2025 года в рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Это позволит регионам внедрять самые эффективные проекты с использованием ИИ благодаря универсальной базе данных и поддержке Центра развития искусственного интеллекта при правительстве России (ЦРИИ). Искусственный интеллект упрощает выполнение повседневных задач, повышает точность операций и способствует рациональному использованию ресурсов, помогает решать сложные задачи и экономить время для их решения. Сферы применения ИИ сегодня безграничны, например, в рамках предприятий, это: проведение прогнозного анализа и анализа изображений, машинное обучение, создание роботов, которые могут заменят человека; в криминалистике — разработка более эффективных способов распознавания лиц и отпечатков пальцев; в быту это создание самоуправляемых механизмов и виртуальных помощников. На рисунке № 1 представлены сферы применения ИИ, при этом необходимо понимать, что данные сферы применения ИИ постоянно расширяются и усложняются.

Рисунок 1. Сферы применения ИИ

Внедрение искусственного интеллекта радикально трансформирует цифровую среду России, оказывая влияние на все аспекты жизни и экономики. Согласно прогнозам, к 2030 году вклад искусственного интеллекта в валовой внутренний продукт России увеличится до внушительных 11,2 триллиона рублей, что значительно превосходит показатель 2022 года в 0,2 триллиона рублей. Ожидается, что рынок услуг, связанных с внедрением ИИ-решений, достигнет 60 миллиардов рублей, увеличившись с 12 миллиардов рублей за тот же период [3].

В сфере образования планируется существенный рост числа специалистов: количество ежегодно выпускаемых вузами кадров, подготовленных для работы с ИИ, вырастет с 3 тысяч до 15,5 тысяч человек. Параллельно, к 2030 году уровень доверия населения к технологиям искусственного интеллекта должен возрасти с 55 % до как минимум 80 % [4].

Кроме того, предполагается значительное расширение применения ИИ в ключевых отраслях экономики. Доля приоритетных секторов, готовых к интеграции ИИ, предполагается увеличить с 12 % до 95 % [3].

Ожидается, что приблизительно 80 % профессионалов из различных областей будут интегрировать ИИ в свои рабочие процессы. Это указывает на значительные изменения: нейронные сети перестают быть инструментом, предназначенным исключительно для IT-специалистов, и становятся универсальной технологической платформой для автоматизации ключевых областей экономики и социальной сферы. Специалисты прогнозируют, что дальнейшее распространение искусственного интеллекта позволит в значительной степени сэкономить человеческое время до 80 % [6].

В аналитическом обзоре от Smart Ranking (агентства, специализирующегося на изучении динамично развивающихся техно.рынков, таких как edtech, medtech, fintech, foodtech и прочие), размещенном в издании «Коммерсантъ», указано, что в 2024 году российский сегмент ИИ представлял группу из пяти доминирующих игроков, которые в совокупности обеспечивали 95 % всех доходов рынка [7].

Несмотря на роль и место искусственного интеллекта в жизни России, информированность населения находится на низком уровне, что часто представляет возможность появлений мошенничества и иррациональных действий.

По данным ФОМ проводившего исследование среди россиян, на вопрос: «А как вам кажется, в каких профессиях нейросети в первую очередь будут заменять человеческий труд? Или вы считаете, что нейросети не смогут заменить человеческий труд ни в каких профессиях?»15 % россиян

назвали заводы, различные производства, при этом 31 % россиян отметили, что нейросети никогда не смогут заменить человеческий труд ни в одной сфере. Но при этом 45 % россиян отметили, что слышат про нейросети в первые и только 18 % россиян не только слышали, но могут объяснить [8].

При этом 34 % опрошенных россиян отметили, дальнейшее распространение нейросетей не может принести ничего хорошего, 42 % опрошенных затруднились ответить, 50 % респондентов отметили, что не видят в данном процессе ничего плохого, при условии наличия правил использования нейросетей и создания международных регулирующих органов [8].

Как любой процесс распространение искусственного интеллекта и его значение для различных сфере жизни общества является неоднозначным. Кроме положительных моментов существуют значительные риски, которые касаются: высокой степени трудоемкости и обучения; зависимость от техники и панический страх ее потерять, что способствует зависимости человека от машин или другими словами, зомбированию человека; ограничениям со стороны интерфейса, трудности и проблемы на рынке труда, где произойдет сокращение численности рабочих, место которых займут машины и роботы; вторжение в личную жизнь, угрозы безопасности личных данных, и социальные манипуляции; появление автономного оружия: военные беспилотники, спутники слежения.

Для минимизации рисков, связанных с бурным развитием искусственного интеллекта, необходим комплексный подход, который бы охватывал различные области.

В недалеком будущем в России намерены разработать единую платформу стандартных решений на базе ИИ, которая соберет самые удачные примеры из всех регионов страны. Старт этой крупной программы запланирован на 2025 год в составе национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Основу системы представляет универсальная база данных, благодаря которой регионы смогут быстро адаптировать проверенные ИИ-проекты с подтвержденной результативностью. Руководство процессом берет на себя Центр развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ (ЦРИИ), предоставляющий методическую и организационную помощь субъектам федерации.

Для эффективного внедрения технологий искусственного интеллекта в общественную и экономическую жизнь необходимо сосредоточиться на пяти приоритетных задачах.

Первая задача состоит во внедрении и применении и этических стандартов поведения, что предполагает формирование системы этический норм для всех участников инновационного процесса, начиная с разработчиков и заканчивая конечными пользователями. При этом их взаимодействие должно основываться на прозрачности и полностью исключать дискриминацию;

Вторая задача состоит в развитии кадрового потенциала, основанного подготовке специалистов, на освоении новых компетенций, предполагающих одновременно гибкость и адаптивность к технологическим процессам и новым реалиям жизни;

Третья задача предполагает совершенствование научно-исследовательской базы, на основе эффективных методик обучения моделей, снижения потребности в огромных массивах данных и мощных вычислительных ресурсах; повышения точности и надёжности разрабатываемых решений;

Четвертая задача предполагает необходимость осуществления международного сотрудничества, что позволит не только обмениваться научными и инновационными разработками, но и выработать единые правила и стандарты, обеспечивать постоянную и всестороннюю защиту персональных данных всех граждан;

Пятая задача состоит в разработке и принятии мер поддержки работников, тех профессий, которые сопряжены с постоянным риском внедрения новых технологий, повышение информированности населения в сфере информационной грамотности, что позволит информировать население не только о новых тенденциях развития, но и о возможных рисках, связанных с инновационной деятельностью.

По мнению Председателя комитета Госдумы по информационной политике Александра Хинштейна указ в развитии нейросетей в России есть проблемы, которые необходимо решить:

— недостаточное количество вычислительных мощностей, что предполагает переоснащение производств и научных центров;

— низкие отчисления на научную сферу, что не позволяет данной сфере рационально развиться, внедрять новые технологии ИИ, в том числе в государственные структуры управления;

— низкая заинтересованность производственного сектора в процессе внедрения новейших технологий и низкая степень софинансирования;

— нехватка высококвалифицированных кадров, в том числе из молодежной среды;

— обеспечение информационной грамотности населения, необходимость обеспечения защиты персональных при создании и обучении моделей ИИ.

На современном этапе сложно представить новые технологии и развитие инноваций без участия молодежи, которые представляют стратегический ресурс дальнейшего эффективного развития России. В этой связи в России создана платформа молодых ученых, которая получила название «Конгресс молодых ученых — Сириус», в рамках которого 26 – 28 ноября 2025 года прошла очередная встреча, на которой обсуждались вопросы, в том числе связанные и с дальнейшим распространением искусственного интеллекта в России. В рамках встречи молодые люди имеют возможность не только поучаствовать в различных дискуссиях по интересам, но и представить собственные разработки.

Сегодня технологии искусственного интеллекта активно преобразуют ключевые сферы жизни, делая их более удобными, доступными и эффективными. Область их применения постоянно расширяется, открывая новые возможности для инноваций. С одной стороны, они способны: существенно упростить повседневные задачи; автоматизировать рутинные процессы; вывести на новый уровень медицинскую отрасль. С другой стороны, без чёткого регулирования возникают серьёзные риски. Поэтому первостепенная задача состоит в постоянном поиске баланса между использованием преимуществ технологий и минимизацией потенциальных угроз. Что станет залогом безопасного и ответственного развития инновационных решений.

Список литературы:

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=471786 (дата обращения: 18.02.2026).

2. Коваленко Т. А. Искусственный интеллект в современном мире / Т. А. Коваленко, Р. В. Никифоров // Научное пространство: актуальные вопросы теории и практики. — Чебоксары: НОЧУ ДПО «Экспертно-методический центр», 2021. — С. 11 – 15.

3. ВВП наполнят интеллектом [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7564465 (дата обращения: 16.02.2026).

4. Путин утвердил стратегию развития ИИ до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.ru/news/251592/ (дата обращения: 16.02.2026)).

5. Путин подписал указ об обновлении стратегии развития ИИ до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: https://tvzvezda.ru/news/2024216020-0lrfE.html (дата обращения: 18.02.2026).

6. Гусаков, А. А. Влияние искусственного интеллекта на жизнь людей / А. А. Гусаков, Д. Ю. Рябов // Прикладная электродинамика, фотоника и живые системы — 2023. — Казань: ИП Сагиев А. Р., 2023. — С. 364 – 365.

7. ИИ наступает, но HR не спешит: что тормозит внедрение искусственного интеллекта в 2025 году [Электронный ресурс] // URL: https://naimee.ai/hrzavtra/ii-na-hr-vnedrenie-ai-v-hr-protsessy-k-2025-godu (дата обращения: 14.02.2026).

8. Польза и вред нейросетей: личный опыт и мнения [Электронный ресурс] // URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/15270 (дата обращения: 17.02.2026).

© *Рахлина Л. В., 2026*

EDN: TFXKTZ

Редкоус Владимир Михайлович
ведущий научный сотрудник сектора административного права
Институт государства и права РАН
Москва, Россия
доктор юридических наук, профессор
rwmmos@rambler.ru

О МЕРАХ ПО ВНЕДРЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОЗРАЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕНОЙ» ЭКОНОМИКЕ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)

Аннотация. В мире все большую популярность приобретает концепция так называемой «зеленой экономики». Несмотря на то, что события последнего времени показали ущербность одностороннего и безальтернативного перехода к «зеленой» экономике, данная концепция становится преобладающей при определении направлений экономического развития в ряде государств-участников СНГ. Для России важно учитывать как положительный, так и отрицательный опыт внедрения «зеленой» экономики, и соответствующий опыт правового регулирования. В статье на основе опыта Республики Узбекистан представлен один из аспектов правового обеспечения перехода к «зеленой» экономике — внедрение национальной системы прозрачности.
Ключевые слова: государственное управление; экономическое развитие; экономическая безопасность; «зеленая» экономика; междисциплинарные исследования; сравнительное правоведение.

Устойчивое развитие экономики предполагает многовекторность ее развития на основе всех воздействующих на экономику факторов, говорят авторы монографии Вяткин Д. Ф., Гришковец А. А., Васянина Е. Л., Запольский С. В., Омелехина Н. В., Редкоус В. М., Сморчкова Л. Н.,

Ткаченко Р. В., Щукина Т. В., Агамагомедова С. А. [1]. Одним из государств — участников СНГ, которое не только пропагандирует, но и осуществляет реальные шаги по переходу к так называемой «зеленой» экономике, является Республика Узбекистан. Принимаемые в этих целях политические решения облекаются в правовую форму концептуальных документов (документов стратегического планирования), а также нормативных правовых актов, принимаемых соответствующими органами государственной власти, говорит в своей работе автор статьи [2].

Так, в Республике Узбекистан принято Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-213 от 5 июня 2024 г. «О мерах по внедрению национальной системы прозрачности в процессе перехода к «зеленой» экономике в Республике Узбекистан» [3].

Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 800 от 30 ноября 2024 г. утверждена концепция внедрения национальной системы прозрачности в процессе перехода к «зеленой» экономике в Республике Узбекистан. Концепция разработана для внедрения в Республике Узбекистан комплексной национальной системы прозрачности в целях выполнения обязательств в рамках Парижского соглашения по изменению климата и мероприятий, связанных с мониторингом, отчетностью и проверкой.

Мониторинг, отчетность и проверка (измерение, отчетность и проверка) представляют собой целостный процесс, включающий этапы мониторинга выбросов парниковых газов, сбора и представления этих данных в рамках единой системы, а также предоставления этих отчетных данных для проверки и подтверждения. Мониторинг, отчетность и оценка (измерение, отчетность и оценка) представляют собой процесс систематического мониторинга и оценки реализации и эффективности мер по адаптации к изменению климата для обеспечения достижения ими своих целей и содействия достижению глобальных климатических целей.

Формирование национальной системы прозрачности заключаются в: повышении охвата и качества мер по смягчению последствий выбросов парниковых газов, а также широком вовлечении всех заинтересованных сторон в этот процесс; разработке системы мониторинга, отчетности и проверок, адаптированной к условиям республики, включая содействие в формировании целей и показателей республики по смягчению последствий изменения климата; инвентаризировании выбросов парниковых газов, прогнозировании будущих объемов выбросов при различных сценариях и обеспечении соответствия целям по смягчению

последствий изменения климата; адаптации, создании системы мониторинга, отчетности и оценки, адаптированной к условиям республики, включая показатели и целевые показатели для мониторинга достижения национальных целей в целях поддержки разработки и реализации национального плана; информировании широкой общественности путем публикации информации о мерах по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним; поддержке реформ, направленных на развитие «зеленой» экономики и защиту окружающей среды, таких как механизмы ценообразования на углеродные выбросы, требующие подробной информации, торговля квотами на выбросы и углеродные налоги; предоставлении информации заинтересованным сторонам для облегчения их взаимодействия, оказании помощи организациям, занимающимся подготовкой отчетов, в оценке климатических рисков и возможностей.

Основными принципами национальной системы прозрачности являются: законность; полнота, прозрачность и точность мониторинга и отчетности; согласованность, сопоставимость и целостность мониторинга; надежность и независимость проверки.

Важное значение имеет создание организационной структуры национальной системы прозрачности. Национальная система прозрачности внедряется в соответствии со структурой национальной системы прозрачности, представленной в рассматриваемой Концепции.

Важнейшая роль отводится Комиссии, которая: утверждает национальный доклад о выбросах парниковых газов; утверждает и обновляет внутренние правила национальной системы прозрачности; объем национального кадастра парниковых газов, включая организации, предоставляющие отчеты, и критерии для них, определяет типы и источники выбросов (прямых или косвенных), которые должны быть представлены, и расширяет сферу их действия.

Национальное агентство по парниковым газам: утверждает годовой план работы, планы контроля качества и обеспечения качества; определяет функции контроля качества и обеспечения качества, архивной работы, анализа основных категорий, анализа неопределенностей и подготовки редакционной части отчетов; координирует деятельность по сокращению выбросов парниковых газов; принимает меры по повышению потенциала участников национальной системы прозрачности.

Национальный орган власти — Министерство экономики и финансов Республики Узбекистан: координирует деятельность координаторов сети; совместно с координаторами сети обеспечивает сбор данных и, при

необходимости, их обработку; подготавливает техническую документацию, касающуюся методологических усовершенствований процесса составления национальных кадастров парниковых газов; контролирует деятельность рабочей группы и представляет подготовленные отчеты Комиссии на утверждение; организует обсуждения с координаторами сети; обеспечивает сохранность данных и результатов, связанных с инвентаризацией выбросов парниковых газов; привлекает материальные, технические и человеческие ресурсы для процесса коммуникации; в рамках Парижского соглашения определяет национальное обязательство по сокращению последствий изменения климата на основе оценки экономического и социального воздействия; представляет Комиссии на подготовку и утверждение методические указания, инструкции и пояснения, определяющие институциональные и технические методы проведения национального отчета о выбросах парниковых газов; представляет Комиссии для подготовки и утверждения внутренние правила национальной системы прозрачности.

Национальный комитет по парниковым газам: обеспечивает мониторинг и оценку выполнения годового плана работы и регулярное представление его результатов Комиссии; разрабатывает планы контроля качества и обеспечения качества, представляет их на утверждение Комиссии, контролирует выполнение утвержденных планов; оказывает помощь национальному агентству по сокращению выбросов парниковых газов; поддерживает онлайн-платформу национальной системы прозрачности.

Национальное агентство по парниковым газам: обеспечивает выполнение годового плана работы и предоставляет соответствующую информацию в Секретариат; обеспечивает проверку выбросов парниковых газов и доступность результатов проверки; определяет методы, используемые в процессе переписки; разрабатывает план обучения и повышения квалификации для внедрения национальной системы прозрачности.

Уполномоченные министерства, ведомства и организации: собирают данные о выбросах парниковых газов от соответствующих государственных организаций и частных предприятий, обрабатывают их, производят расчеты для национального кадастра парниковых газов и представляют их национальному органу; назначают координатора сети, который будет обобщать информацию, необходимую для национальной системы прозрачности, и объединять отдельных лиц и (или) организации, ответственные за оказание ему/ей помощи в выполнении его/ее функций; обеспечивают участие назначенного координатора сети

в обработке, интеграции, координации и подготовке национального отчета о выбросах парниковых газов.

В рамках национальной системы прозрачности предусматривается создание онлайн-платформы для национальной системы прозрачности в управлении и обмене данными (далее именуемая Платформа). Платформа — это инструмент, согласованный с национальными и международными системами отчетности, для создания системы мониторинга и отчетности данных, связанных с смягчением последствий изменения климата и адаптацией к ним.

Платформа состоит из ряда взаимосвязанных баз данных, вспомогательных интерфейсов и программного обеспечения, что позволяет поддерживать архивирование, анализ и составление отчетов, обеспечивая развитие и гибкость системы в соответствии с международными требованиями и национальными условиями. Платформа: собирает, хранит, передает, обрабатывает и представляет информацию по показателям мониторинга результатов, достигнутых в результате принятия мер по смягчению последствий изменения климата и сокращению национальных выбросов парниковых газов, адаптации к ним и поддержке этих мер; позволяет пользователям, имеющим право использовать платформу, вводить данные на платформу, управлять этими данными и отображать обработанные данные в различных настраиваемых отчетах; обеспечивает открытость, надежность, целостность, согласованность, безопасность и хранение информации. Это позволяет улучшить качество данных и обеспечить их целостность за счет оптимизации процесса ввода данных, автоматической проверки точности введенных данных и перекрестной проверки различных наборов данных.

В целях обеспечения эффективного функционирования национальной системы прозрачности привлекаются эксперты из Министерства экономики и финансов и Министерства экологии, охраны окружающей среды и изменения климата.

В ходе внедрения национальной системы прозрачности (на подготовительном и пилотном этапах) будет проводиться всесторонняя теоретическая и практическая подготовка, включая использование инновационных дидактических материалов, для повышения квалификации и обеспечения независимости экспертов при проведении инвентаризации парниковых газов с применением последних рекомендаций Межправительственной панели по изменению климата по измерению и мониторингу результатов (адаптация и смягчение последствий).

Повышение квалификации может включать следующие виды деятельности: разработку методических рекомендаций, адаптированных к потребностям пользователей; подготовку учебных материалов; проведение обучающих занятий; подготовку национальных команд для выполнения соответствующих задач.

Эксперты, ответственные за составление инвентаризации, могут участвовать в международных процессах обзора, что позволит получить более широкий опыт работы с национальными инвентаризациями парниковых газов, проводимыми в других странах.

Участникам национальной системы прозрачности будет оказываться систематическая поддержка в участии в программе подготовки экспертов в рамках Конвенции ООН об изменении климата и в получении статуса международного эксперта.

Мероприятия по наращиванию потенциала планируются и организуются Комиссией и национальным органом власти в сотрудничестве с отраслевыми координаторами.

Представленный материал имеет не только познавательное значение, расширяя представления о правовом обеспечении экономического развития в государствах — участниках СНГ. Он может быть адаптирован и в российских условиях при разработке документов, связанных с осуществлением мониторинга отдельных направлений экономической деятельности в целях повышения эффективности их осуществления.

Список литературы:

1. Административно-правовые средства обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации / Д. Ф. Вяткин, А. А. Гришковец, Е. Л. Васянина [и др.]. — Москва: ООО «Русайнс», 2025. — 304 с.

2. Редкоус, В. М. «Зеленая» экономика» в документах стратегического планирования государств-участников СНГ / В. М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 10(238). — С. 119 – 121.

3. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-213 от 5 июня 2024 г. «О мерах по внедрению национальной системы прозрачности в процессе перехода к «зеленой» экономике в Республике Узбекистан» // URL: Lex.uz (дата обращения: 01.02.2026).

© Редкоус В. М., 2026

EDN: VDKXBI

Родичева Мария Валерьевна
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
masiy_91@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИЗНАНИЯ РИСКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Автор предлагает дополнить Концепцию развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, риском легализации (отмывания) доходов, полученных в результате преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, а также представляет основы типологии указанных преступных действий. Статья обладает определенной научной новизной, поскольку указанная идея ранее не представлялась в научной литературе.
Ключевые слова: преступные доходы; легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем; противодействие отмыванию; борьба с легализацией; киберпреступность.

В российской системе противодействия легализации преступных доходов риск-ориентированный подход применяется достаточно давно, хотя и не с самого начала ее возникновения.

Сущность указанного подхода заключается в том, что на основе анализа типологий легализации преступных доходов государством определяются виды преступности с наиболее высокими криминальными доходами, имеющими значительные риски их отмывания [1]. Соответственно, усилия компетентных государственных органов

преимущественно направляются на противодействие легализации доходов от указанных видов преступности.

Начиная с 2017 года в России проводится национальная оценка рисков отмывания преступных доходов, публичные отчеты о которой размещаются в сети Интернет.

Следует отметить, что подразделения Росфинмониторинга применяют в своей деятельности риск-ориентированный подход достаточно давно, и исходя из него, ведут и учет количества выявленных преступлений.

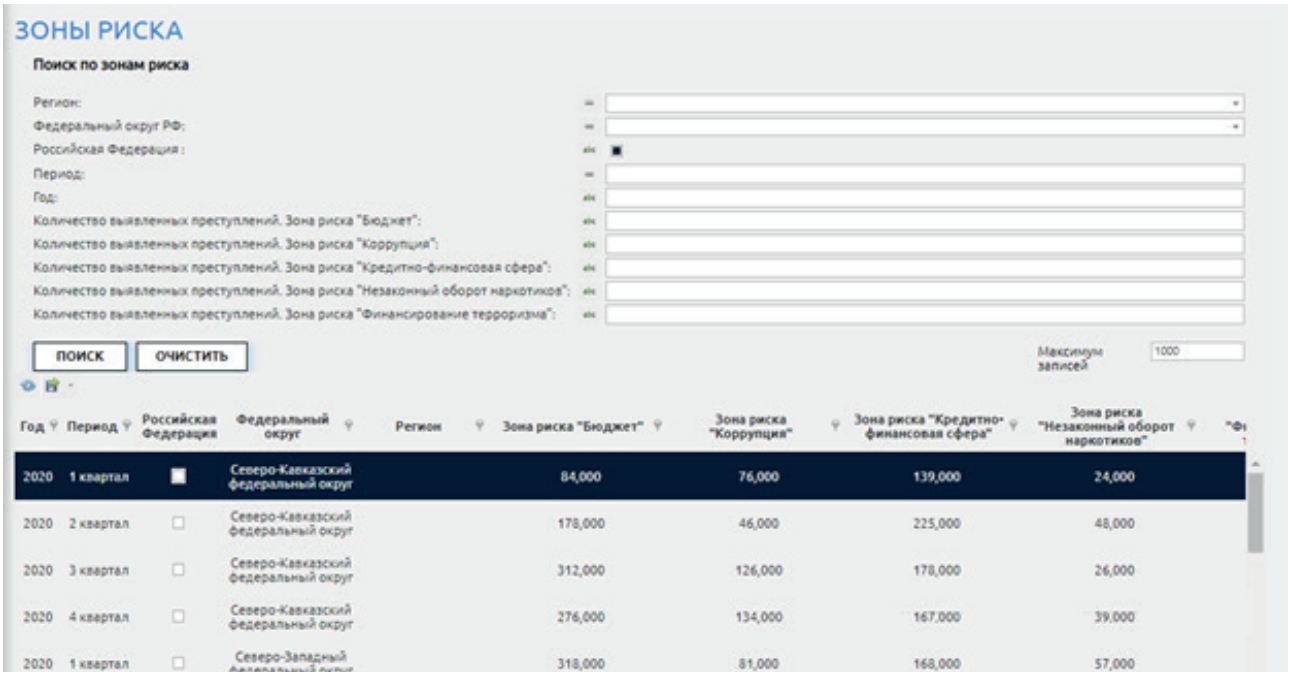

Рисунок 1. Поиск по зонам риска в базах данных Росфинмониторинга

В Российской Федерации выделены и закреплены в Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — Концепция), следующие основные риски совершения операций, выявленные национальной системой, имеющие среднесрочный и долгосрочный характер:

— риски совершения операций в кредитно-финансовой сфере;

— риски совершения операций в бюджетной сфере;

— коррупционные риски совершения операций;

— риски совершения операций в сфере международных отношений;

— риски совершения операций, связанные с преступлениями, совершаемыми в целях систематического получения крупного дохода [2].

Концепцией предусмотрено, что к числу последних относятся риски легализации доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств, а также доходов, полученных вследствие уклонения от уплаты налогов.

Анализируя риски, закрепленные в Концепции, и современное состояние преступности в Российской Федерации, следует отметить, что перечень рисков совершения операций (сделок), связанных с преступлениями, совершаемыми в целях систематического получения крупного дохода, является дискуссионным.

Так, например, случаи возбуждения уголовных дел по статьям 174 или 174.1 УК РФ в связи с отмыванием доходов, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных статьями 198 и 199 УК РФ, имеют единичный характер, что на наш взгляд, не позволяет говорить о высоких рисках легализации доходов, полученных вследствие уклонения от уплаты налогов.

Вместе с тем, мы считаем, что в Концепцию необходимо включить риски легализации доходов, полученных в результате хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Следует отметить, что согласно официальным статистическим данным о состоянии преступности, представленным на официальном сайте МВД России, только за 2025 год в Российской Федерации зарегистрировано 348035 различных видов мошенничеств (статьи 159 – 159.6 УК РФ) и 80956 краж (статья 158 УК РФ), совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (далее — в сфере ИТТ) [3].

Следует отметить, что показатели общего количества хищений, совершенных в сфере ИТТ, примерно в два раза превосходят общее количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, которых в 2025 году было выявлено 214770 [3], при этом риск легализации доходов от последних в Концепции предусмотрен.

К сожалению, на официальном сайте МВД России не представлены сведения об объемах доходов, полученных лицами, совершившими хищения в сфере ИТТ, однако, следует полагать, что указанные объемы весьма значительны.

Так, например, только мошенничеств экономической направленности, совершенных в сфере ИТТ в крупном или особо крупном размерах,

либо причинивших крупный ущерб (более 250.000 рублей), в 2025 году зарегистрировано 6615 (+ 30,8 % по сравнению с 2024 годом) [3].

Также следует отметить, что преступления в сфере ИТТ упомянуты и в последнем публичном отчете о национальной оценке рисков отмывания преступных доходов в качестве одной из ключевых угроз [4].

Вместе с тем, специфика совершения хищений в сфере ИТТ такова, что в значительном количестве случаев преступники находятся зарубежом (Украина, Беларусь и другие страны), а полученные ими преступные доходы конвертируются в цифровую валюту («криптовалюту»), и затем выводятся из Российской Федерации без легализации на ее территории.

Нам представляется необходимым разработка типологии движения денежных средств, полученных в результате хищений в сфере ИТТ.

Это необходимо как для понимания действий преступников, так и для разработки эффективных мер по их пресечению.

В самом общем виде указанную типологию можно описать следующим образом:

— денежные средства от потерпевшего получает дроппер или курьер, которые зачисляют их на счет в кредитном учреждении, дистанционно администрируемый преступниками;

— с указанного счета денежные средства переводятся по «транзитным счетам» и затем конвертируются в цифровую валюту;

— цифровая валюта выводится на криптокошельки в иностранные юрисдикции и зарубежом конвертируется в фиатную валюту;

— на завершающем этапе иностранная фиатная валюта расходуется на личные нужды преступников, а также на финансирование преступной деятельности (выплаты сотрудникам «коллцентров» и иным соучастникам, оплата аренды офисов, незаконные вознаграждения сотрудникам правоохранительных органов и т.д.)

Следует отметить, что официальных статистических данных о количестве выявленных в Российской Федерации фактов легализации доходов, полученных от хищений в сфере ИТТ, нам найти не удалось.

С учетом указанных обстоятельств, представляется целесообразным дополнить виды рисков совершения операций (сделок), связанных с преступлениями, совершаемыми в целях систематического получения крупного дохода, таким видом, как риск легализации доходов, полученных в результате хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Список литературы:

1. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ [Электронный ресурс] // URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2025_rus.pdf (дата обращения: 13.02.2026).

2. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма) (утв. Президентом РФ 30.05.2018) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299375/.

3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // URL: https://media.mvd.ru/files/application/16902466. (дата обращения: 13.02.2026).

4. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Публичный отчет [Электронный ресурс] // URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf. (дата обращения: 13.02.2026).

©Родичева М.В., 2026

EDN: VSYACE

Романченко Наталья Алексеевна
заместитель начальника кафедры ОРД ОВД
Международный межведомственный учебный центр подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева
Москва, Россия
кандидат экономических наук
romanchenkonatali8@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ С 2011 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. предметом исследования является трансформация государственной стратегии противодействия налоговой преступности, обусловленная неоднократными изменениями законодательства с 2011 года по настоящее время в части регулирования полномочий подразделений МВД России по направлению материалов проверок в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. На основе сравнительного анализа выявлены институциональные колебания в государственных подходах к борьбе с налоговыми правонарушениями, свидетельствующие о продолжающемся поиске баланса в межведомственном взаимодействии.
Ключевые слова: налоговые преступления; налоговый контроль; экономическая безопасность; налоговые органы; правоохранительные органы.

В системе обеспечения экономической безопасности государства борьба с налоговыми преступлениями остаётся одной из приоритетных задач. За последние десятилетия подходы к её организации неоднократно пересматривались, что, как следствие, являлось отражением изменений в правовой политике, уровне цифровизации контроля и расстановке институциональных сил. В связи с чем целью настоящей статьи является

анализ историко-правовых предпосылок неоднократного реформирования государственной модели противодействия налоговой преступности.

За период с 2011 г. по настоящее время произошли три кардинальных изменения в порядке возбуждения уголовных дел по налоговым составам, связанные изначально с ограничением полномочий сотрудников Министерства внутренних дел России (далее — МВД России), затем с их восстановлением и снова с их ограничением. Эти колебания свидетельствуют не о случайной корректировке, а о глубоком институциональном поиске баланса между эффективностью и правовой определённостью в борьбе с налоговыми преступлениями.

В борьбе с уклонением от уплаты налогов ключевую роль среди государственных органов власти играют органы внутренних дел, в лице оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее — ЭБиПК МВД России), Федеральная налоговая служба России (далее — ФНС России), а также Следственный комитет Российской Федерации (далее — СК РФ). Однако статус ключевого субъекта подразделений ЭБиПК МВД России в выявлении налоговых преступлений на современном этапе несколько неоднозначен. Данный вывод обусловлен состоявшейся законодательной инициативой комитета Государственной думы по налогам и бюджету, которая получила дальнейшее юридическое отражение в Федеральном законе № 51-ФЗ от 22 марта 2022 года [7], в соответствии с которым были внесены изменения в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2]. Согласно этим изменениям, поводом для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям, предусмотренным ст. ст. 198 – 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [3], могут быть исключительно материалы, подготовленные по результатам налоговых проверок, проведённых налоговыми органами.

На практике реализация данной инициативы не столько наделило налоговые органы новыми полномочиями, так как они уже ранее обладали такими возможностями — сколько ограничило правоохранительные органы, в частности, МВД России, в праве направлять собственные материалы проверок в следственные органы СК РФ для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела по указанным составам налоговых преступлений, даже при наличии достаточных данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления. Отметим, что подследственность по уголовным делам о налоговых преступлениях (ст. ст. 198 – 199.2 УК РФ) закреплена за СК РФ в соответствии с положениями ст. 150 УПК РФ с 2011 года. Таким

образом, с 2022 года государственный подход к противодействию налоговой преступности оставил за налоговыми органами монопольное право на формирование доказательственной базы в сфере налоговых преступлений.

Не углубляясь в теоретические рассуждения, и чтобы понять, чем именно обусловлены данные изменения, мы обратились к первоисточнику, а именно к пояснительной записке к законопроекту [10], позднее принятому в качестве Федерального закона № 51-ФЗ от 22 марта 2022 года [7]. Формулировкой в пояснительной записке, объясняющей новеллу 2022 года, стала фраза «совершенствование уголовно-процессуального законодательства». При этом осталось не раскрытым, в чём именно заключается это совершенствование и почему оперативно-розыскная деятельность сотрудников (далее — ОРД) ЭБиПК МВД России исключена из механизма выявления налоговых преступлений [12].

На стадии очного представления данной правовой инициативы на заседании Государственной Думы также не представлены конкретные аргументы в пользу необходимости внесения таких серьёзных изменений в сложившиеся механизмы борьбы с налоговыми преступлениями. Единственным обоснованием послужила отсылка на опыт 2011 – 2013 гг., когда по инициативе президента России Медведева Д. М. аналогичные полномочия были закреплены исключительно за налоговыми органами в соответствии с Федеральным законом от 06.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5]. Однако, вступая в заочную дискуссию с данной аргументацией об уже существовавшем подобном опыте, следует отметить краткосрочность указанного периода ограничения полномочий сотрудников полиции — всего два года, а также то, что сам этот опыт был признан неэффективным подходом к борьбе с уклонением от уплаты налогов, так как снижал показатель по выявлению налоговых преступлений. Констатация неэффективности стала основанием для возвращения полномочий сотрудникам ЭБиПК МВД России, которое отражено в пояснительной записке к законопроекту 2013 года, впоследствии ставшим Федеральным законом от 22.10.2014 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [9], который, в свою очередь, возвращал сотрудникам полиции право направлять материалы в СК РФ с целью возбуждении уголовного дела по налоговым составам. По замыслу законодателя новый порядок должен был обеспечить комплексный подход к противодействию экономическим преступлениям, активизировать возможности правоохранительных органов и использовать потенциал ОРД для документирования

налоговых преступлений и установления умысла на их совершение. Данный механизм взаимодействия налоговых органов и ОВД функционировал более 7 лет до 2022 года и представлял собой сложившуюся систему межгосударственного противодействия налоговой преступности (рис. 1).

Перед исследованием встает логичный вопрос: в связи с чем государство вновь возвращает модель, которая ранее была признана неэффективной?

Как нам представляется, ответ может быть найден не в сфере криминалистической эффективности, а в области институционального компромисса между ведомствами ФНС России и МВД России.

Во-первых, важным фактором, на наш взгляд, стало стремление к повышению правовой определённости для бизнес-сообщества. Передача права на направление соответствующих материалов для возбуждения уголовного дела исключительно ФНС России означает чёткий алгоритм: пока нет решения налоговой проверки — нет и уголовного дела. Это создаёт понятные правила игры, снижает уровень юридического риска и способствует формированию более предсказуемой среды для предпринимательской деятельности.

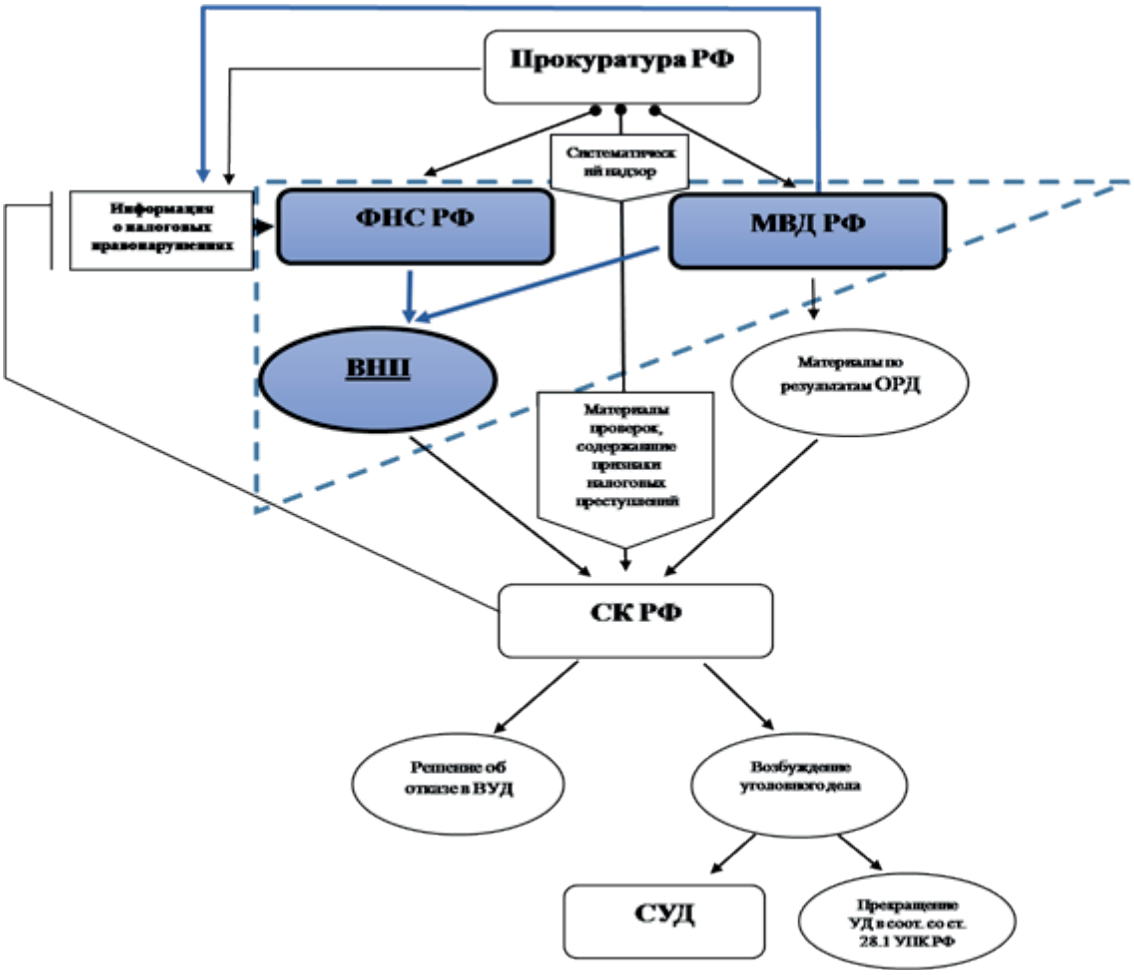

Рисунок 1. Государственная система противодействия налоговым преступлениям 2014 – 2022 гг. [12]

Во-вторых, изменение можно рассматривать как ответ на запросы от представителей бизнеса о снижении «неформальных рычагов воздействия», поскольку возможность того, что сотрудник МВД может инициировать уголовное дело по результатам оперативно-розыскных мероприятий, воспринималась частью бизнес-среды как фактор правовой неопределённости. Устранение этого механизма способствует укреплению доверия к системе государственного регулирования. С одной стороны ограничение полномочий МВД могло быть обусловлено стремлением снизить уровень воспринимаемого бизнесом риска избыточного административного давления; с другой — важно признать, что любая концентрация процессуальной инициативы в руках одного ведомства, будь то полиция или налоговая служба, потенциально чревата рисками злоупотреблений. Таким образом, вопрос о том, как обеспечить независимость, прозрачность и баланс интересов в механизмах выявления и квалификации налоговых преступлений по-прежнему остается актуальным.

В-третьих, данный шаг соответствует общей тенденции к усилению автономии специализированных контролирующих органов. Цифровизация и развитие аналитических возможностей ФНС России (например, системы «Налог-3», АСК НДС-2) позволили ей значительно повысить собственные возможности по выявлению налоговых нарушений с признаками преступлений, предусматривающих уголовную ответственность. В этих условиях необходимость в «двойной системе» могла восприниматься как избыточная бюрократическая нагрузка.

Таким образом, ограничение полномочий МВД России на современном этапе, в условиях санкционного давления и экономической нестабильности, неоднозначно и не следует охарактеризовать это как не участие МВД России в борьбе с налоговой преступностью, скорее это процесс переформатирования роли правоохранительного ведомства: от независимого субъекта, «инициирующего» уголовное преследование, к источнику информации для налоговых органов.

Анализ данных за 2020 – 2024 гг., представленных в отчётах ГИАЦ МВД России, а также отчетности ГУЭБиПК МВД России «5-БЭП», позволяет сделать несколько наблюдений (табл. 1).

Таблица 1. Динамика возбуждённых уголовных дел по ключевым категориям налоговых преступлений (2020 – 2024 гг.)

Показатель\Год	2020	2021	2022	2023	2024
Ст. 198 – 199.2 УК РФ (прямые налоговые составы)	1659	1772	1431	1645	1567
ч. 2 – 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество с НДС)	286	341	350	374	409

Как видно из таблицы, за анализируемый период наблюдается различная динамика по двум основным категориям налоговых преступлений.

По статьям 198 – 199.2 УК РФ (прямые налоговые составы), подпадающим под действие Федерального закона № 51-ФЗ, уровень возбуждённых дел демонстрирует неоднородную тенденцию. После роста до 1 772 дел в 2021 году произошёл спад в 2022 году — до 1 431 дела (– 19,3 %), что совпадает по времени с вступлением в силу нового порядка возбуждения уголовных дел. В последующие годы наблюдалось частичное восстановление показателей: 1 645 дел в 2023 году и 1 567 в 2024-м. Таким образом, к концу анализируемого периода количество дел осталось на уровне, близком к исходному (1 659 в 2020 году), что свидетельствует о стабилизации механизма взаимодействия между налоговыми и правоохранительными органами.

В то же время по ст. 159 УК РФ (мошенничество, связанное с незаконным возмещением НДС), где право на возбуждение дел сохранено за МВД России, наблюдается устойчивый рост — с 286 дел в 2020 году до 409 в 2024-м (+43 %). Этот тренд, на наш взгляд, отражает высокую оперативную активность подразделений ЭБиПК МВД России в тех сферах, где они не ограничены процессуальными барьерами.

Таким образом, с одной стороны, нельзя сделать однозначного вывода о неэффективности новой модели, но и говорить о прорыве пока преждевременно. На наш взгляд, за период с 2022 года механизм взаимодействия государственных органов адаптировался, однако ценой потери оперативной гибкости. В случаях, когда признаки преступления выявлены сотрудниками ЭБиПК МВД России, но решение налоговой проверки ещё не готово или сама выездная налоговая проверка не назначена, возникает временной разрыв, в течение которого невозможно возбудить уголовное дело, что и формирует зону юридической латентности [13].

Анализ изменений в законодательстве с 2011 года по настоящее время показывает, что вопрос о полномочиях МВД России в борьбе

с налоговыми преступлениями — это не просто техническая норма, а элемент более широкой правовой стратегии государства в сфере экономической безопасности. Ограничение МВД России как полноценного субъекта устоявшегося механизма межгосударственного взаимодействия не следует оценивать как ошибку или возврат к неэффективному подходу: данный государственный курс может рассматриваться как осознанный выбор в пользу повышения правовой определённости и автономии налоговых органов. Однако этот выбор имеет и обратную сторону: удлинение сроков реагирования, зависимость правоохранительных органов от налоговых проверок и рост юридической латентности [13]. Эти факторы так или иначе являются маркерами ограниченности нового механизма в условиях быстро меняющейся экономической среды. В связи с чем существующий механизм межведомственного взаимодействия будет требовать новых форматов синергии и более тесной интеграции информационных потоков.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31 (3 августа). — Ст. 3824.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // КонсультантПлюс.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступающими в силу с 02.05.2025) // КонсультантПлюс.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. — 1995. — 18 авг. — № 160.

5. Федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 22.10.2014) // КонсультантПлюс.

6. Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

7. Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» № 357559-6 [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 28.02.2026).

9. Пояснительная записка к законопроекту № 602755-5 / Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 28.02.2026).

10. Пояснительная записка к законопроекту № 80928-8/ Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 28.02.2026).

11. Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.ru/rn74/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 28.02.2026).

12. Жирнова Н. А. Взаимодействие налоговых органов и органов внутренних дел в процессе осуществления налогового контроля // Налоги и налогообложение. 2018. № 2. С. 1 – 12. DOI: 10.7256/2454-065X.2018.2.25714 [Электронный ресурс] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25714.

13. Панкратьев А. Н. Структура и динамика налоговой преступности за период 2016 – 2021 годов // Научный портал МВД России. — 2023. — № 2(62).

© Романченко Н. А., 2026

EDN: VVTCDR

Россошик Сергей Леонидович
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России
Волгодонск, Россия
rossoschuk@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЮДЖЕТНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ПРЕВЕНЦИЯ, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу административно-правового механизма обеспечения бюджетной дисциплины в Российской Федерации. Рассматриваются вопросы юридической ответственности, превентивных мер и особенностей правоприменительной практики. Обосновывается необходимость комплексного совершенствования контрольных и санкционных механизмов в сфере публичных финансов.
Ключевые слова: бюджетная дисциплина, административная ответственность, финансовый контроль, публичные финансы, правоприменение, превенция правонарушений.

В условиях модернизации системы публичных финансов особое значение приобретает обеспечение бюджетной дисциплины как одного из ключевых элементов финансовой стабильности государства. Бюджетная дисциплина представляет собой совокупность правовых, организационных и контрольных механизмов, направленных на соблюдение установленных бюджетным законодательством правил формирования, распределения и использования бюджетных средств, ее нормативной основой выступает Бюджетный кодекс Российской Федерации [1], закрепляющий принципы бюджетной системы, разграничение бюджетных полномочий, требования к бюджетному процессу и меры ответственности за нарушения бюджетного законодательства, поскольку

нормативная регламентация бюджетных отношений носит комплексный характер и охватывает как материальные нормы, определяющие порядок формирования доходов и осуществления расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, так и процессуальные положения, регулирующие стадии бюджетного процесса, контроль и отчетность.

Актуальность исследования административно-правового обеспечения бюджетной дисциплины обусловлена возрастанием масштабов бюджетных расходов, усложнением механизмов межбюджетных трансфертов, цифровизацией финансовых потоков и внедрением риск-ориентированных подходов в контрольной деятельности, поскольку в условиях реализации национальных проектов и государственных программ возрастает значение эффективного и целевого использования бюджетных средств, что требует усиления как превентивных, так и репрессивных механизмов правового воздействия. Здесь необходимо отметить тот факт, что нарушения бюджетного законодательства способны не только причинить имущественный вред публично-правовым образованиям, но и подорвать доверие к институтам государственной власти, что придает проблематике бюджетной дисциплины стратегический характер.

Современное развитие финансового контроля в Российской Федерации связано с усилением административно-правовых средств воздействия на участников бюджетного процесса. Согласно положениям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2], нарушение бюджетного законодательства влечет административную ответственность должностных и юридических лиц. Нормы главы 15 КоАП РФ предусматривают санкции за нецелевое использование бюджетных средств, нарушение порядка составления и ведения бюджетной росписи, представления бюджетной отчетности и иные правонарушения, затрагивающие устойчивость бюджетной системы [2]. В научной литературе отмечается, что административная ответственность в бюджетной сфере выполняет как карательную, так и превентивную функцию, обеспечивая неотвратимость наказания и формируя правомерное поведение участников бюджетных правоотношений [6, с.112].

Следует подчеркнуть, что административно-правовой механизм обеспечения бюджетной дисциплины не ограничивается исключительно институтом ответственности, он включает систему государственного и муниципального финансового контроля, внутреннего финансового контроля и аудита, казначейского сопровождения бюджетных средств, а также процедуры мониторинга и оценки эффективности расходов.

В этой связи административно-правовое регулирование выступает инструментом институционализации финансовой дисциплины, обеспечивая баланс публичных и частных интересов в сфере управления публичными ресурсами.

Административно-правовое обеспечение бюджетной дисциплины включает в себя совокупность норм, регулирующих порядок привлечения к ответственности, применение мер финансового принуждения, а также деятельность органов государственного финансового контроля. Данный механизм носит комплексный характер и охватывает материально-правовые предписания, процессуальные процедуры, а также организационно-управленческие инструменты, направленные на формирование устойчивого режима законности в сфере публичных финансов, его функционирование обеспечивается взаимодействием органов внешнего и внутреннего финансового контроля, казначейских органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации» [3] внешний государственный аудит является важнейшим инструментом предупреждения бюджетных правонарушений, поскольку результаты контрольных мероприятий позволяют выявлять системные нарушения и формировать предложения по совершенствованию бюджетного законодательства. Значительную роль здесь играет также Федеральное казначейство, осуществляющее предварительный и текущий контроль операций с бюджетными средствами, санкционирование расходов, ведение бюджетного учета и казначейское сопровождение отдельных видов средств, что способствует минимизации рисков их нецелевого использования.

Административная ответственность в системе обеспечения бюджетной дисциплины выступает самостоятельным и одновременно взаимосвязанным элементом финансово-правового принуждения, ее специфика обусловлена публично-правовым характером охраняемых отношений и необходимостью оперативного реагирования на нарушения установленного порядка бюджетной деятельности. Нормы КоАП РФ [2] предусматривают ответственность за широкий круг правонарушений: нарушение сроков представления бюджетной отчетности, искажение бюджетной информации, нецелевое использование средств, нарушение условий предоставления межбюджетных трансфертов, несоблюдение требований бюджетного учета, поскольку применение административных санкций в виде штрафов, дисквалификации должностных лиц,

предупреждений направлено не только на восстановление правопорядка, но и на формирование устойчивой практики соблюдения финансовой дисциплины. В научной доктрине подчеркивается, что эффективность административной ответственности во многом зависит от неизбежности наказания и качества доказательственной базы, формируемой контрольными органами [6, с.112].

Особое значение имеет и реализация положений Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе» [4], поскольку значительная часть бюджетных средств расходуется через механизм государственных и муниципальных закупок. Контрактная система представляет собой сложный регулятивный комплекс, включающий стадии планирования закупок, определения поставщика, заключения и исполнения контракта, а также контроля за результатами исполнения обязательств. Нарушения процедур закупок — от неправомерного выбора способа определения поставщика до необоснованного изменения условий контракта — нередко становятся основанием для привлечения к административной ответственности по статьям главы 7 и 15 КоАП РФ [2]. Практика применения указанных норм свидетельствует о необходимости повышения правовой культуры участников контрактной системы, а также совершенствования методического обеспечения закупочной деятельности. Существенное значение имеет и развитие антимонопольного контроля, направленного на предотвращение картельных соглашений и иных форм недобросовестной конкуренции при расходовании бюджетных средств.

Превентивный характер административно-правового воздействия проявляется в установлении обязательных процедур внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита. Согласно положениям Бюджетного кодекса РФ [1], органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны обеспечивать функционирование систем внутреннего контроля, направленных на предупреждение нецелевого использования средств, выявление финансовых рисков и повышение эффективности бюджетных расходов. Внутренний финансовый аудит, будучи элементом управленческой деятельности, ориентирован на оценку надежности и результативности процессов финансового управления, что позволяет своевременно корректировать выявленные недостатки. В научных исследованиях подчеркивается, что эффективная превенция невозможна без развития цифровых технологий и автоматизированных систем мониторинга бюджетных операций, включая использование информационных систем казначейского сопровождения,

аналитических платформ и механизмов межведомственного информационного обмена [7, с.58]. Цифровизация финансового контроля способствует повышению прозрачности бюджетных процессов и снижению коррупционных рисков.

Правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к ужесточению санкций за грубые нарушения бюджетного законодательства, что обусловлено необходимостью обеспечения устойчивости бюджетной системы и повышения ответственности должностных лиц. Указ Президента Российской Федерации от 02.02.2016 № 41 «О некоторых вопросах государственного финансового контроля» [5] определил приоритеты совершенствования контрольной деятельности, включая усиление координации между контрольными органами и внедрение риск-ориентированного подхода. Вместе с тем анализ судебной практики показывает наличие проблем квалификации административных правонарушений в бюджетной сфере, в частности разграничения составов правонарушений, предусмотренных бюджетным и административным законодательством, а также определения субъекта ответственности [8]. Нередко возникают споры относительно доказанности факта нецелевого использования средств либо наличия причинно-следственной связи между действиями должностного лица и наступившими неблагоприятными последствиями.

Важным направлением совершенствования механизма обеспечения бюджетной дисциплины является гармонизация норм бюджетного и административного законодательства. Как отмечается в научных публикациях, несогласованность отдельных положений приводит к затруднениям при привлечении к ответственности и формирует неоднородную правоприменительную практику [9, с.73]. Однако, требуется уточнение понятийного аппарата, унификация критериев оценки нарушений, а также совершенствование процессуальных гарантий лиц, привлекаемых к ответственности, актуальным остается вопрос развития института персональной ответственности руководителей и главных распорядителей бюджетных средств за финансовые нарушения, что соответствует принципу персонализации публично-правовой ответственности. Поэтому усиление персональной ответственности должно сочетаться с расширением механизмов профессиональной подготовки и методической поддержки должностных лиц, осуществляющих бюджетные полномочия, что позволит обеспечить баланс между строгостью санкций и справедливостью правоприменения.

Таким образом, мы видим, что административно-правовое обеспечение бюджетной дисциплины представляет собой комплексный механизм, включающий нормы материального и процессуального права, деятельность органов финансового контроля и систему административной ответственности, эффективность данного механизма во многом зависит от согласованности нормативного регулирования, развития превентивных мер и единообразия правоприменительной практики, перспективным направлением является внедрение цифровых инструментов финансового контроля и усиление персонализации ответственности должностных лиц, что позволит повысить устойчивость бюджетной системы и обеспечить рациональное использование публичных ресурсов.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 19.02.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 19.02.2026).

3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 19.02.2026).

4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 19.02.2026).

5. Указ Президента РФ от 02.02.2016 № 41 «О некоторых вопросах государственного финансового контроля» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_193533/ (дата обращения: 19.02.2026).

6. Бюджетное право России: учебник / под ред. Н. И. Химичевой. М.: Норма, 2022.

7. Артемов Н. М. Финансовый контроль в системе публичных финансов // Финансовое право. 2023. № 4.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам, связанным с применением бюджетного законодательства [Электронный ресурс] // URL: http://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 19.02.2026).

9. Крохина Ю. А. Бюджетное право России: монография. М.: Юрайт, 2021.

10. Официальный сайт Федерального казначейства Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://roskazna.gov.ru/ (дата обращения: 19.02.2026).

© Россошик С. Л., 2026

EDN: VQOYYW

Рябокон Ольга Валентиновна
слушатель факультета заочного отделения
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
olga-241084@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ФОРМЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В рамках научной статьи сформулированы основные факторы, детерминирующие незаконное предпринимательство, как форму теневой экономики, обуславливающие формирование основных способов ухода предпринимательства в «тень». Новизна исследования заключается в систематизации таких факторов, а также определении их различной правовой природы — от экономико-правовой до организационной.
Ключевые слова: предпринимательство, незаконный, экономика, теневой, факторы.

Актуальность определения основных детерминантов незаконного предпринимательства, как формы теневой экономики не вызывает каких-либо сомнений. Только при условии знания конкретных факторов, которые обуславливают ту или иную негативную тенденцию, явление, возможно построить эффективную правоприменительную и законодательную практику противодействия. Сказанное в полной мере касается незаконного предпринимательства. Следует согласиться с мнением авторов, отмечающих, что в основе незаконного предпринимательства лежит совокупность множества факторов, обладающих различной природой — от чисто экономической до организационной и личностной [1, с. 40].

Прежде всего, необходимо говорить о финансово-экономических факторах, детерминирующих незаконное предпринимательство.

В основе любого экономического преступления всегда лежит именно экономика [2, с. 40]. Пожалуй, самым главным из подобных факторов выступает высочайшая налоговая нагрузка. Осуществлять незаконное предпринимательство становится выгоднее экономически, поскольку до половины всей прибыли приходится отдавать государству в виде налогов. В 2026 году произошли существенные изменения в сфере налогообложения, которые кратно увеличили нагрузку на бизнес всех уровней, в особенности, малый и средний. В частности, речь идет о следующих нововведениях:

1. Повышение НДС. Базовая ставка увеличена с 20% до 22%. Льготная ставка 10% сохранена для социально значимых товаров и услуг (продукты, детские товары, медикаменты и др.).

2. Изменение патентной системы (ПСН). Лимит доходов для применения ПСН снижается: 20 млн рублей в 2026 году, 15 млн рублей в 2027 году, 10 млн рублей с 2028 года.

3. Изменение страховых взносов. Сниженные тарифы в размере 15% для большинства средних и малых предприятий отменяются и будут действовать только для организаций, включенных в список «приоритетных отраслей», который утвердит правительство.

Одной из очевидных реакций на фоне представленных изменений становится уход бизнеса в тень, осуществление незаконного предпринимательства.

Значимой является, и группа правовых факторов незаконного предпринимательства. Их наличие обусловлено принципом верховенства закона, который провозглашен и реализуется в нашем государстве. В соответствии с ним абсолютно все общественные отношения, складывающиеся и реализуемые в нашем государстве подчинены определенным правовым и регулятивным нормам соответствующих нормативных правовых актов. В этой связи, в случае недостатка в той или иной сфере, безусловно, следует обращаться и к правовым факторам, подразумевающим наличие недостатков, пробелов и противоречий законодательного регулирования данной сферы. В части, касающейся определения факторов серой экономики, следует говорить о следующих правовых аспектах.

Прежде всего, речь нужно вести о недостатках правового регулирования осуществления предпринимательской деятельности. Это различные пробелы и противоречия в законодательстве, которые создают условия для ухода бизнеса в «тень». При этом в определенных ситуациях такой уход может быть даже вынужденным, поскольку поступать

в соответствии с буквой закона практически невозможно, либо же влечет значительные издержки, в основном, экономического характера. Также следует говорить о недостаточности позиции законодателя в части регламентации способов и форм защиты бизнеса от возможных недружественных поглощений, захватов, в том числе, с использованием чиновничьего или административного ресурса.

Административные факторы. Данные факторы обусловлены влиянием государства на экономику страны. Являясь административным регулятором множественного количества различных общественных отношений, которые складываются в экономической сфере, государство часто применяет определенные приемы административного регулирования. И не всегда применение данных приемов складывается в успешную картину и приводит к положительным результатам. В частности, на сегодняшний день следует констатировать большое количество административных барьеров для регистрации бизнеса. В отдельных случаях механизм такой регистрации настолько сложный, что практически естественным решением становится уход в сторону незаконного предпринимательства [3, с. 34].

Общественно-политические факторы. Данные факторы, их наличие, обусловлено связанностью всех сфер развития государства, общества, жизнедеятельности каждого отдельно взятого человека и гражданина. Развитая экономика невозможна к своему существованию при крахе политической системы. И напротив, слабая экономика неизбежно ведет к существенным социальным кризисам и иным негативным последствиям. В данном случае нужно говорить о следующих факторах.

1. Предприниматели не располагают необходимой для работы уверенностью в стабильности государственной экономической политики.

2. Социальная незащищенность населения в условиях кризиса экономики.

3. Недостаточное внимание профилактике противодействия коррупции в системе воспитания населения.

4. Низкий уровень финансовой грамотности населения.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в основе незаконного предпринимательства лежит совокупность межотраслевых, разносторонних факторов. В частности, это: финансово-экономические, правовые, административные (организационные) и общественно-политические факторы. Подобная ситуация порождает потребность проявления комплексного подхода к решению проблемы незаконного

предпринимательства, в частности, помимо чисто правоохранительных мер, которые, безусловно, крайне важны и значимы, также требуется обеспечивать и иные мероприятия, направленные не нейтрализацию факторов незаконного предпринимательства (снижение налоговой нагрузки, проявление гибкости государственной системы, повышение уровня экономического благосостояния населения и др.).

Список литературы:

1. Войде, Е. Г. Криминологическая характеристика незаконного предпринимательства / Е. Г. Войде // Судебная экспертиза и исследования. — 2025. — № 3. — С. 40 – 42.

2. Ануфриева, А. П. Незаконное предпринимательство как одно из проявлений теневой экономики / А. П. Ануфриева, А. Н. Бакан // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2022 года / Редколлегия: Л. К. Гуриева, З. Ш. Бабаева [и др.]. — Москва: ООО «ИРОК», ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022. — С. 250 – 255.

3. Ефремова, Е. Д. влияние незаконного предпринимательства на экономическую безопасность / Е. Д. Ефремова, А. В. Солдунов // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Саратов, 15 марта 2024 года. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2024. — С. 34 – 36. — EDN IBMOMN.

© Рябокон О. В., 2026

EDN: UOQWUZ

Самойлова Людмила Константиновна
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургский институт
Всероссийского государственного университета юстиции
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
samoylovalk@mail.ru

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК МАТЕРИАЛЬНЫЙ БАЗИС ПРОЦЕССОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АКТОРОВ

Аннотация. В статье уточнено содержание дефиниции «финансовая безопасность» в разрезе различных групп экономических акторов. Посредством анализа индикаторов, характеризующих финансовое положение государства, хозяйствующих субъектов, домохозяйств, обоснована приоритетность обеспечения баланса их финансовых интересов. Представлен подход к трансформации государственной финансовой политики, нацеленный на формирование гармоничных условий для удовлетворения финансовых потребностей разнотипных экономических субъектов.
Ключевые слова: финансовая безопасность, публичные и частные финансовые интересы, баланс финансовых интересов, индикаторы финансовой безопасности, финансовая политика.

Любой экономический актор заинтересован в удовлетворении своих потребностей различного типа, однако без соответствующего материального обеспечения достижение этой цели невозможно, поскольку на ее реализацию затрачиваются, как правило, те или иные ресурсы (блага). Все множество ресурсов (благ) разделено на экономические

и неэкономические, первые из которых ограничены, а процесс распределения (обмена) базируется на определении их стоимости, исходя из доступности, востребованности, незаменимости. Ввиду сказанного достаточность финансов для закрытия собственных нужд является неотъемлемым условием безопасного состояния экономического субъекта независимо от его статуса. Вопросы финансовой защищенности акторов — общественно-территориальных образований, хозяйствующих субъектов, домохозяйств — выходят на первый план из-за противоречивости публичных и частных интересов в этой сфере. Подобная несогласованность обусловлена спецификой участия экономических субъектов в воспроизводственном процессе. Так, микроакторы, в лице собственников ресурсов (капитала, труда и иных), вынуждены на этапе распределения созданной ими стоимости передавать ее часть в виде налогов и прочих обязательных платежей макро- и мезоакторам, при этом последние фактически не были задействованы в создании блага. Очевидно, такой подход к распределению результатов производства вызывает неприятие у микроэкономических субъектов особенно в условиях усиления фискального давления, побуждая их к сокрытию результатов своей деятельности, сокращению предпринимательской активности. А следовательно, поддержание баланса между публичными и частными потребностями в финансовой сфере является ключевым приоритетом государства, наделенного регуляторно-контрольной функцией, назначение которой сводится к защите законных интересов всех сторон финансовых отношений.

Несмотря на опосредованное участие публично-правовых образований в процессе производства благ, они нуждаются в надлежащем материальном обеспечении для своевременного выполнения задач и функций, возложенных на них. Наряду с этим, неоспорим тот факт, что отдельные публичные расходы реализуются в интересах широкого круга лиц, включая хозяйствующих субъектов, индивидов. Особенно это касается микроакторов, находящихся в уязвимом положении относительно других. К примеру, предприятия, ограниченные в возможности увеличивать цену на собственную продукцию из-за ее социальной значимости, нуждаются в субсидировании своей деятельности; физические лица, не наделенные или утратившие способность к самообеспечению (ввиду возраста, состояния здоровья), испытывают необходимость в финансовой поддержке. Поэтому система фискальных и парафискальных платежей выступает не столько инструментом

изъятия денежных средств в пользу общественно-территориальных образований, сколько характерной частью механизма перераспределения, нацеленного на обеспечение каждого из акторов необходимым объемом финансовых ресурсов. Опираясь на изложенное, финансовая безопасность является жизненно важным атрибутом, отражающим возможности экономического субъекта формировать и сохранять материальный базис на уровне, достаточном для удовлетворения своих первичных и вторичных потребностей.

Говоря о финансовой безопасности разных групп акторов, уместно учитывать именно их вовлеченность в воспроизводственный процесс, так как от степени участия в нем определяются ключевые источники их материального обеспечения. При этом распределение созданной добавленной стоимости не сводится исключительно к предоставлению денежной компенсации за потраченные ресурсы их владельцам, но также включает изъятие ее части в публичных интересах. Вследствие этого, на финансовую самодостаточность микроакторов влияют как собственные внутренние параметры — объем доходов, расходов, профицит (дефицит), инвестиционно-кредитная активность, так и внешние — бюджетно-налоговая, тарифная, денежно-кредитная политика, реализуемая государством, что указывает на зависимость хозяйствующих субъектов, домохозяйств от макрофинансовых решений. Однако и публично-правовые образования не находятся в состоянии тотальной финансовой «свободы», они подвержены воздействию со стороны изменений вектора финансового поведения организаций, индивидов. К тому же трансформация финансовой политики государства в своих интересах, без учета нужд третьих лиц, не всегда может обеспечить планируемый результат, особенно если акцент сделан на наращивание доходов за счет обязательных платежей. В условиях усиления налогового бремени многие микроакторы меняют финансовую тактику и стратегию, избирая настороженный формат поведения, выражающийся в сокращении экономической активности в целом (падение объемов производства, потребления, инвестирования, кредитования). Подтверждением приведенного тезиса является значительная коррекция в процессе исполнения основных характеристик федерального бюджета на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. Так, изначально доходы федерального бюджета были запланированы в объеме 40,296 трлн рублей (против 35,065 трлн рублей в 2024 году). Ожидание прироста бюджетных поступлений более,

чем на 15 %, подкреплялось существенной перестройкой налоговой системы Российской Федерации — путем повышения ставок, сокращения льгот по отдельным налогам. Но 4 ноября 2025 года эта цифра была скорректирована (повторно, ранее 24 июня 2025 года уже проводилось уточнение — падение до 38,506 трлн рублей) и составила 36,562 трлн рублей, что практически на 10 % меньше изначально установленной величины. Очевидно, что рост фискального давления провоцирует повышение настороженности и у производителя, и у потребителя — основных участников экономической деятельности, побуждая их модифицировать финансовое поведение, отдавая предпочтение сдерживанию запросов, ожидая более благоприятных условий для удовлетворения нужд.

Таким образом, зависимость финансового положения каждой из групп экономических субъектов от поведения других (даже внутри одной страты) неоспорима, что указывает на такую ключевую черту финансовой безопасности акторов макро-, мезо- и микроуровней, без которой защита их материальных интересов невозможна, как финансовая самодостаточность, подкрепленная автономностью при удовлетворении разнообразия нужд. То есть способность закрывать все множество потребностей, и не только базовых, за счет собственных источников денежных средств без необоснованного использования заемных (привлеченных), влекущего за собой потерю финансовой самостоятельности, а перспективе банкротство. При этом стоит упомянуть валидное применение кредитных ресурсов, когда выгода от реализации нужд посредством заимствования (при недостатке собственных активов либо при их эффективном размещении и неуместном изъятии) превышает затраты на обслуживание долга. Иными словами, термин «закредитованность» — финансовая зависимость — стоит рассматривать не столько с позиции наличия обязательств перед третьими лицами, сколько с точки зрения целесообразности замены собственных средств заемными для осуществления определенных процессов жизнедеятельности актором. Кроме того, разумно сравнивать стоимость различных финансовых инструментов перед принятием решения об удовлетворении нужд при помощи собственных или привлеченных средств, особенно в случае дороговизны (недоступности) первых и дешевизны (доступности, экономичности) вторых.

Резюмируя, финансовая безопасность актора представляет собой такое его материальное положение, при котором он может закрыть

собственные текущие и перспективные потребности в условиях меняющейся внутренней и внешней среды за счет рационального использования различных источников денежных средств, не вызывающего дисбаланса между активами и обязательствами.

Для оценки финансового положения каждой из групп экономических акторов целесообразно использовать совокупность различных параметров, но в первую очередь в нее должны быть включены критерии, посредством которых возможно определить их способность к удовлетворению собственных финансовых интересов (см. рисунок 1).

Приведенная на рисунке 1 система показателей, отражающих финансовые позиции разных групп экономических субъектов, нацелена на установление взаимосвязей и взаимозависимостей между публичными и частными финансовыми интересами. В таблице 1 приведены расчеты перечисленных индикаторов (И1 – И10) в разрезе российских регионов, анализ значений которых позволяет сделать вывод о состоянии материальной базы акторов, их способности самостоятельно удовлетворять собственные нужды без внешней поддержки.

Регионы-лидеры (аутсайдеры) выявлены в результате их погодичного ранжирования (1 место присваивалось территории, где значение индикатора было наилучшим, 85 место — наихудшим) и расчета среднего ранга за пять лет.

Представленные в таблице 1 значения критериев, свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве они не соответствуют нормативной величине. Данная ситуация обусловлена тем, что в период с 2020 по 2024 годы Российская Федерация столкнулась с кризисными явлениями, оказавшими негативное влияние на степень защищенности публичных и частных финансовых интересов. Однако особое внимание стоит уделить финансовым показателям микроакторов, так как от результатов их финансово-хозяйственной деятельности зависят объемы бюджетных поступлений, а также суммы социальных расходов — чем выше степень их финансовой самодостаточности, тем больше финансовых возможностей у макро- и мезоакторов для решения возложенных на них задач.

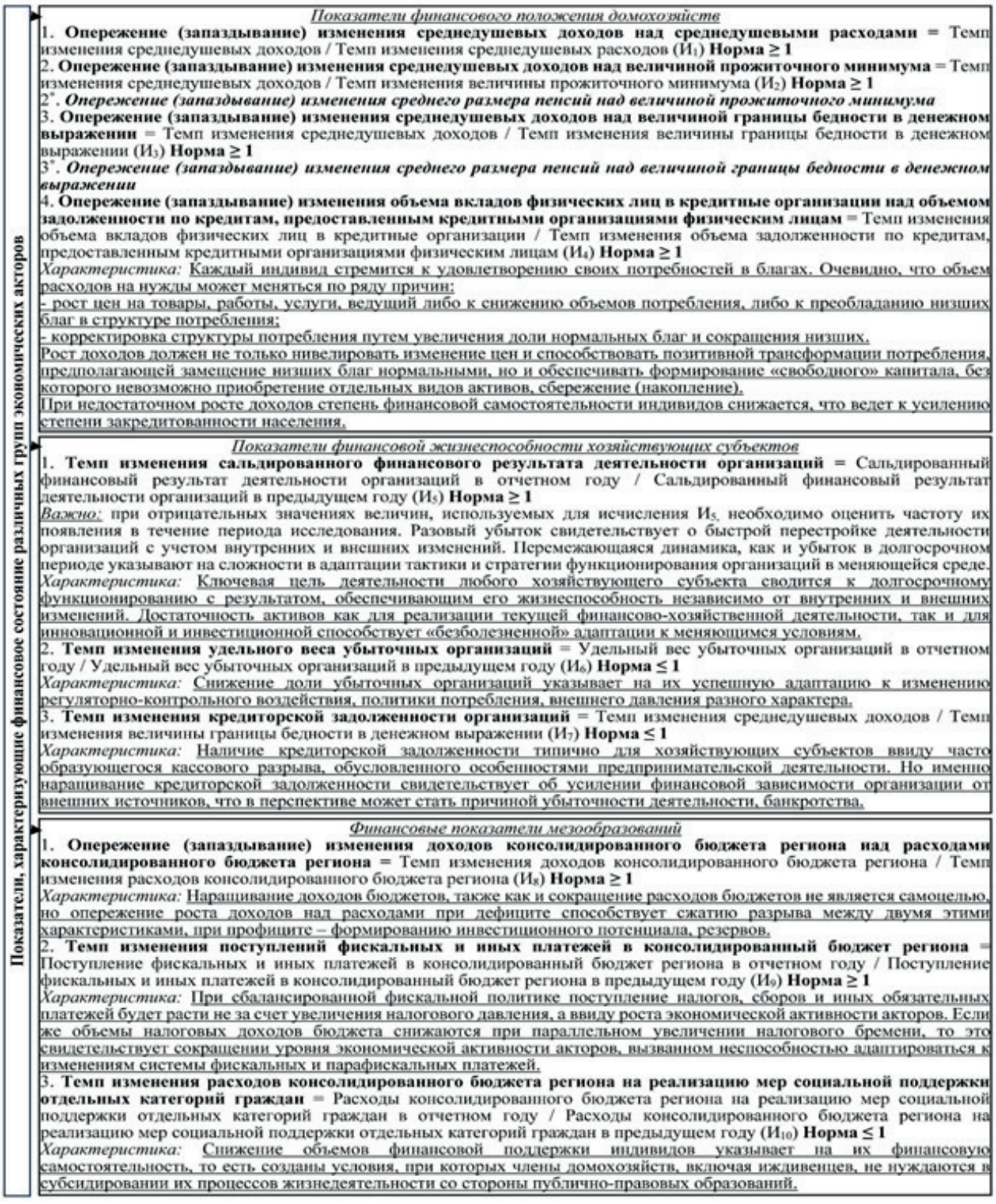

Рисунок 1. Критерии, используемые для характеристики финансового положения акторов

Таблица 1. Динамика индикаторов финансового положения различных групп акторов в региональном разрезе [1]

Индикатор	Публично-правовое образование	2020	2021	2022	2023	2024
И1 Норма ⩾ 1	Российская Федерация	1,069	0,943	1,064	0,980	1,033
	Регион-лидер — Чукотский АО	1,108	1,049	1,138	1,003	1,035
	Регион-аутсайдер — Карачаево-Черкесская Респ.	1,028	0,946	1,012	0,937	0,976
И2 Норма ⩾ 1	Российская Федерация	0,955	1,080	0,993	1,095	1,110
	Регион-лидер — г. Москва	0,973	1,115	1,035	1,087	1,172
	Регион-аутсайдер — Респ. Башкортостан	0,930	1,051	0,944	1,051	1,085
И3 Норма ⩾ 1	Российская Федерация	-	-	1,043	1,068	1,101
	Регион-лидер — Чукотский АО	-	-	1,258	1,073	1,149
	Регион-аутсайдер — г. Севастополь	-	-	0,986	1,051	1,032
И4 Норма ⩾ 1	Российская Федерация	0,938	0,868	1,072	1,016	1,232
	Регион-лидер — Респ. Марий Эл	0,942	0,921	1,170	1,001	1,252
	Регион-аутсайдер — Чукотский АО	0,880	0,859	0,990	0,877	1,085
И5 Норма ⩾ 1	Российская Федерация	0,807	2,527	0,658	1,586	0,852
	Регион-лидер — Калининградская обл.	4,119	2,467	0,641	2,332	1,074
	Регион-аутсайдер — Иркутская обл.	0,885	1,472	0,761	1,336	0,624
И6 Норма ⩽ 1	Российская Федерация	1,006	0,893	1,003	0,959	1,014
	Регион-лидер — Новгородская обл.	0,874	0,734	1,141	0,916	0,911
	Регион-аутсайдер — Камчатский край	1,014	0,909	1,072	1,003	1,152
И7 Норма ⩽ 1	Российская Федерация	1,218	1,188	1,172	1,227	1,161
	Регион-лидер — Чувашская Респ.	1,505	0,885	0,794	0,674	0,821
	Регион-аутсайдер — Рязанская обл.	1,198	1,358	1,192	1,360	1,345

Индикатор	Публично-правовое образование	2020	2021	2022	2023	2024
И8 Норма ⩾ 1	Российская Федерация	0,956	1,086	0,965	0,989	0,997
	Регион-лидер — Московская обл.	0,992	1,134	0,919	1,072	1,051
	Регион-аутсайдер — Вологодская обл.	0,910	1,274	0,837	0,984	0,820
И9 Норма ⩾ 1	Российская Федерация	0,991	1,261	1,119	1,162	1,126
	Регион-лидер — Респ. Калмыкия	1,023	1,199	1,052	1,404	1,444
	Регион-аутсайдер — Астраханская обл.	0,904	1,144	1,229	0,935	1,105
И10 Норма ⩽ 1	Российская Федерация	1,138	1,092	1,179	1,162	1,160
	Регион-лидер — Чеченская Респ.	0,855	0,992	0,930	0,977	1,144
	Регион-аутсайдер — Тюменская обл.	2,184	1,139	1,309	1,382	1,224

Для индивидов типична перемежающаяся динамика значений финансовых индикаторов, что лишь говорит о слабой адаптации к изменениям, зависимости их финансового поведения от внешних факторов. Не без основания в систему показателей было включено соотношение доходов с величиной прожиточного минимума и границей бедности. Казалось бы, эти критерии характеризуют способность населения удовлетворять базовые потребности, но их величины не совпадают. Так, в 2024 году в Чукотском АО величина прожиточного минимума составила 40 332 руб., а граница бедности — 28 813 руб., в г. Москве иная ситуация: первый показатель равен 22 662 руб., второй — 24 149 руб.. Подобная дифференциация указывает на асимметричное развитие регионов, которое сказывается на материальном благополучии всех акторов в них. Кроме того, в отдельные периоды доходы растут медленнее, чем упомянутые социальные величины, что указывает на сокращение степени финансовой «свободы» домохозяйств — их потребительской, инвестиционной активности. Снижение закредитованности населения с 2022 по 2024 годы также, по сути, не исключительно позитивный процесс, поскольку вызвано ростом ключевой ставки, ведущим к увеличению стоимости заемных ресурсов, к неспособности за счет них удовлетворять потребности. При этом доходы в отдельные годы не поспевают за ростом расходов индивидов. В свою очередь, снижение платежеспособного спроса провоцирует падение финансовых результатов деятельности

и убыточность организаций, что в целом отражается на финансовой политике государства, которому тоже необходимо закрывать собственные финансовые интересы. А следовательно, государству как субъекту защиты надлежит изыскивать приемы и способы поддержания собственной финансовой безопасности при параллельной поддержке иных групп акторов. Ввиду этого стоит упомянуть возможности налоговых инструментов в вопросе обеспечения финансовой стабильности. Например, по налогу на доходы физических лиц имеются явные «резервы». Это касается «усеченности» использования прогрессивной шкалы при обложении отдельных видов доходов индивидов (продажа недвижимого имущества, получение дивидендов). Уместно сократить и налоговые расходы бюджетов, исключив «популистские» льготы, объективно не приводящие к позитивным переменам в национальной экономике. Важно оценивать последствия трансформации налоговой системы не «в моменте» (ожидание роста бюджетных поступлений от повышения ставок), а в перспективе (возможность безболезненной адаптации микросубъектов к макрофинансовым решениям). Итак, именно перед государством стоит задача по построению финансовой среды, обеспечивающей баланс интересов всех акторов.

Список литературы:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с.

2. Самойлова Л. К. Финансовая безопасность домохозяйств: экономико-правовые аспекты обеспечения // Национальная безопасность / Nota Bene. 2025. № 4. С. 56 – 83.

© Самойлова Л. К., 2026

EDN: USHBBP

Сардак Дмитрий Борисович
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России
Волгодонск, Россия
sdb07@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫПЛАТЫ И ПОСОБИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ И СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются социальные выплаты и пособия как инструмент обеспечения экономической безопасности личности. Анализируются правовые риски злоупотреблений при предоставлении мер социальной поддержки, выявляются основные причины нарушений и предлагаются направления их предупреждения в условиях цифровизации государственного управления.
Ключевые слова: социальные выплаты, пособия, экономическая безопасность личности, правовые риски, злоупотребление правом, социальная защита, цифровизация.

Экономическая безопасность личности представляет собой состояние защищенности жизненно важных экономических интересов гражданина от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее достойный уровень жизни, устойчивость доходов и возможность реализации социальных прав. В системе факторов, формирующих экономическую безопасность личности, особое место занимают социальные выплаты и пособия как гарантированные государством меры материальной поддержки населения. Конституция Российской Федерации закрепляет принцип социального государства и право граждан на социальное обеспечение

по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в иных случаях, установленных законом [1]. Реализация же данного конституционного положения осуществляется посредством разветвленной системы федеральных и региональных выплат, предусмотренных действующим законодательством.

В условиях социально-экономических трансформаций, демографических изменений и внешнеэкономической нестабильности роль социальных выплат существенно возрастает, поскольку они выполняют не только компенсаторную, но и стабилизирующую функцию, снижая уровень бедности, поддерживая потребительский спрос и способствуя социальной стабильности [9]. Вместе с тем нельзя не отметить, что масштабность и финансовая емкость системы социальной поддержки обусловливают возникновение правовых рисков злоупотреблений, выражающихся как в неправомерном получении выплат гражданами, так и в нарушениях со стороны должностных лиц. В связи с чем такие обстоятельства требуют комплексного научного анализа.

Правовое регулирование социальных выплат и пособий в Российской Федерации основывается на нормах Конституции РФ [1], Бюджетного кодекса Российской Федерации [2], федеральных законах «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ [3], «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 № 81-ФЗ [4], «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ [5], «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ [6], а также иных нормативных правовых актах. Существенное значение имеют положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года [7], в которой социальная стабильность и снижение бедности рассматриваются как ключевые направления обеспечения национальной безопасности.

В контексте перечисленных нормативно-правовых актов, социальные выплаты представляют собой денежные средства, предоставляемые гражданам на безвозмездной и безвозвратной основе при наступлении определенных юридических фактов, включающие в себя пенсии, пособия, компенсации, субсидии и иные формы поддержки. Экономическая же безопасность личности в данном контексте выражается в гарантированности минимального дохода, позволяющего удовлетворять базовые потребности и предотвращать социальную маргинализацию [10]. Таким образом, мы видим, что социальные выплаты

выступают инструментом перераспределения общественного продукта и механизмом сглаживания социального неравенства.

Однако наличие сложной системы критериев нуждаемости, межведомственного взаимодействия и бюджетного финансирования помимо положительных сторон создает и предпосылки для злоупотреблений, одной из распространенных форм которых является представление гражданами недостоверных сведений о доходах и имущественном положении с целью получения статуса малоимущего и соответствующих выплат. Подобные действия нарушают принципы адресности и справедливости социальной помощи, закрепленные в законодательстве [3]. Кроме того, выявляются случаи двойного получения выплат, сокрытия факта трудоустройства либо использования подложных документов. При этом со стороны должностных лиц риски проявляются в неправомерном принятии решений о назначении выплат, коррупционных практиках, несоблюдении процедур проверки сведений. Нарушения бюджетной дисциплины при распределении средств могут повлечь ущерб публичным финансам и подрыв доверия к институтам социальной защиты [2]. В научной литературе подчеркивается, что злоупотребление правом в сфере социального обеспечения является разновидностью деликтного поведения, обусловленного пробелами в правовом регулировании и недостаточностью контроля [8]. Особое значение здесь приобретают риски, связанные с цифровизацией системы предоставления социальных услуг. С одной стороны, внедрение портала государственных услуг, межведомственных информационных систем и проактивного назначения выплат способствует снижению административных барьеров и повышению прозрачности процедур. С другой стороны, цифровая среда создает новые угрозы, включая неправомерный доступ к персональным данным, использование чужих учетных записей и автоматизированные схемы мошенничества. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ [11] закрепляет принципы электронного взаимодействия, однако практика его применения выявляет необходимость постоянного совершенствования механизмов информационной безопасности.

Экономическая безопасность личности тесно связана с устойчивостью публичных финансов. Чрезмерные масштабы неправомерных выплат приводят к нецелевому расходованию бюджетных средств, что ограничивает возможности государства по расширению мер поддержки действительно нуждающихся граждан. Поэтому в условиях

ограниченности ресурсов особое значение имеет соблюдение принципов результативности и эффективности бюджетных расходов, закрепленных в Бюджетном кодексе РФ [2]. Следовательно, предупреждение злоупотреблений является не только правовой, но и экономической задачей. К числу причин злоупотреблений следует отнести недостаточную правовую информированность граждан, сложность процедур подтверждения права на выплаты, фрагментарность межведомственного обмена данными, а также низкий уровень правовой культуры. Нельзя исключать и тот факт, что определенную роль играют и социально-экономические факторы, включая высокий уровень теневой занятости и неформальных доходов.

В доктринальных исследованиях отмечается, что эффективная модель социальной поддержки должна сочетать адресность, прозрачность и контроль, минимизируя возможности для недобросовестного поведения [9]. Предупреждение злоупотреблений возможно посредством комплексных мер правового, организационного и технологического характера. Во-первых, требуется совершенствование законодательства в части унификации критериев нуждаемости и уточнения перечня документов, подтверждающих право на получение выплат. Во-вторых, необходимо развитие межведомственного электронного взаимодействия с использованием принципа «одного окна» и автоматического обмена сведениями о доходах, занятости и имущественном положении граждан. В-третьих, важным направлением является усиление ответственности за предоставление недостоверных сведений, включая применение норм административного и уголовного законодательства. Дополнительным инструментом предупреждения выступает развитие риск-ориентированного подхода при назначении и контроле выплат, использование аналитических алгоритмов для выявления аномалий и подозрительных операций позволяет повысить эффективность контроля без избыточного вмешательства в права добросовестных получателей. Вместе с тем применение подобных технологий должно сопровождаться соблюдением требований законодательства о персональных данных и гарантий защиты частной жизни.

Существенное значение в системе предупреждения злоупотреблений в сфере предоставления социальных выплат приобретает правовое просвещение населения как элемент формирования правосознания и устойчивых моделей правомерного поведения, поскольку повышение уровня правовой информированности граждан относительно условий

назначения, порядка получения и оснований прекращения выплат способствует снижению вероятности как умышленных, так и неосторожных нарушений законодательства. Формирование установки на добросовестное осуществление социальных прав находится в прямой зависимости от степени доверия к государственным институтам и восприятия процедур распределения публичных ресурсов как справедливых и прозрачных. В этой связи обеспечение открытости административных процедур, предсказуемости правоприменительной практики и доступности информации о механизмах контроля следует рассматривать как институциональные факторы, способствующие укреплению правопорядка в сфере социальной защиты. Вот почему в контексте реализации положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, данные меры корреспондируют стратегическим целям, связанным с обеспечением социальной стабильности, снижением уровня бедности и повышением качества жизни населения [7].

Подводя итог проведенному анализу, представляется обоснованным утверждение о том, что социальные выплаты и пособия выступают структурным элементом механизма обеспечения экономической безопасности личности, формируя гарантированный минимум материального обеспечения и создавая предпосылки для реализации иных социальных прав. Однако, их значительный объем и многообразие правовых оснований назначения обусловливают наличие комплексных правовых рисков, включая злоупотребление правом, недобросовестное поведение получателей и нарушения со стороны должностных лиц. И как исход, указанные риски способны оказывать негативное воздействие как на устойчивость публичных финансов, так и на уровень институционального доверия к системе социальной защиты. В этой связи предупреждение нарушений должно осуществляться на основе системного подхода, предполагающего совершенствование нормативного регулирования, развитие цифровых инструментов контроля и межведомственного информационного взаимодействия, внедрение риск-ориентированных механизмов администрирования, а также последовательное развитие правовой культуры населения.

Иными словами, комплексная реализация указанных направлений объективно способствует повышению эффективности государственной социальной политики и укреплению экономической безопасности личности как составной части национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

3. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

4. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

5. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

6. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 18.02.2026).

8. Кутафин О. Е. Социальное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2020.

9. Роик В. Д. Социальная политика и социальная защита в России: монография. М.: Юрайт, 2022.

10. Гонтмахер Е. Ш. Социальная политика современной России: проблемы и перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 3.

11. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

© Сардак Д. Б., 2026

EDN: UQDKJC

Сидоренко Александр Сергеевич
доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин
Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
Военно-воздушной академии
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина
Воронеж, Россия
кандидат технических наук, доцент
sas1.vrn@mail.ru

ОТ УЯЗВИМОСТИ К УСТОЙЧИВОСТИ: ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ЦИФРОВУЮ ГРАМОТНОСТЬ

Аннотация. Рассматривается разрыв между технологической оснащённостью курсантов и их экономической уязвимостью. Выделены три типа уязвимости: инструментальная, когнитивная, средовая. Предложены четыре модуля цифровой грамотности: распознавание ловушек, финансовая гигиена, самопрезентация, рефлексия. Основной акцент сделан на формировании поведенческих автоматизмов. Особо подчёркнута роль преподавателя как субъекта безопасности. Представлена модель внедрения без бюджетных расходов и дополнительная нагрузка.
Ключевые слова: цифровая грамотность, экономическая безопасность личности, финансовая кибергигиена, уязвимость цифрового поведения, рефлексивный практикум, преподаватель как субъект безопасности.

Три года назад я понял: дело не в технологиях. Дело в людях. Вот сидит группа первокурсников. Все с телефонами, планшетами, компьютерами. Технику знают, приложения ставят, соцсети ведут. Но при этом теряют деньги, личные данные, репутацию. И не видят ничего странного. Их этому не учили. Поэтому решил заняться темой самостоятельно.

Начнем с начала. Что такое уязвимость? Не недостаток силы воли, а разрыв между потребностью и готовностью. Этот разрыв бывает трех видов [1 – 3]:

— Инструментальный: техника сложная, инструкции непонятные.

— Когнитивный: знаем, но забываем применять.

— Средовой: живем в культуре, где считать неудобно, думать неловко.

Следующая ступень — цифровая грамотность. Тут я выделяю четыре уровня:

✓ Не навреди себе. Установи обновления, почисти кэш.

✓ Распознай ловушку. Проверь письмо, позвони другу, подумай дважды.

✓ Защитись деньгами. Банковская карта, криптокошелек — ставь барьеры.

✓ Заработай в сети. Онлайн-курсы, фриланс, консультации — найди свой путь.

Но главное — экономическая устойчивость личности. Это не финансы сами по себе, а способность восстановиться после удара. Моя формула простая: рефлексируй, думай, действуй.

Теперь о курсах. Мы говорим курсантам: надо учиться финансовой грамотности. Но чему учим? Экономике предприятия, бухгалтерскому учёту, маркетинговым ходам. А как быть, если тебе предлагают выгодный кредит, инвестиционный проект или дешёвый смартфон на сомнительном сайте? Об этом нигде не говорится.

Вот мой вывод: хватит учить правилам. Надо научить мыслить. Не бояться ошибаться, видеть последствия и исправлять ситуацию. Тогда появится настоящая устойчивость.

Говорим честно: стандартная диагностика цифровой грамотности не работает. Курсант проходит тест на знание, выходит уверенным в себе — и теряет деньги на первом же фишинге. Нужен другой подход.

Начинаем с вопросов, которые показывают автоматизмы:

Первый кейс: письмо «от деканата» с требованием срочно сменить пароль. Кто открывает ссылку? Кто пишет ректорату с вопросом?

Второй кейс: уведомление о выигрыше крупной суммы, но сначала оплатите налог. Сколько курсантов перешлют деньги?

Третий кейс: сообщение от знакомого в соцсетях с просьбой занять тысячу рублей. Настоящий друг или взломанный аккаунт?

По результатам разделяем группу на три уровня уязвимости: инструментальный (боится техники), когнитивный (доверчиво верит любым уведомлениям), ресурсный (использует старый компьютер, слабый антивирус).

Сначала — как мы проверяли эффект. Первые полгода думал, что хватит теста: «назовите десять признаков фишинга». Оказалось, курсанты блестяще проходили тест и продолжали терять деньги. Поэтому перешёл к трём критериям:

— Частота инцидентов. Спрашивал анонимно: теряли деньги, сталкивались с попытками взлома? Начали с 30 %, закончили на 17 %.

— Скорость остановки. Засекал время в играх: звонок «из банка», письмо «от деканата». Начало курса: 52 секунды до слива кода. Конец: 14 секунд. Оптимум — 5 – 7 секунд. Добрались единицы.

— Рефлексивный сдвиг. Сначала писали: «меня кинули», «меня развели». Потом: «я сам открыл ссылку», «я торопился и не заметил подставу». Эффект оказался главным фактором снижения повторных инцидентов.

Красные флажки были яркие: если курсант идеально отвечал на вопросы, но действовал как новичок — результата нет. Значит, знания есть, навыка нет.

Перейдём к барьерам. Я попробовал убрать три стены, которые мешают курсу жить:

— Первая стена: ничейная территория. Никто не хочет брать ответственность за обучение цифровой безопасности. Мне говорили: «это твоя инициатива, хочешь — занимайся». Решение не найдено.

— Вторая стена: срок годности кейсов. Сегодняшний образец мошенничества завтра смешон. Пока утверждаешь рабочую программу, преступники переходят на следующий уровень. Система согласования и утверждения должна меняться.

— Третья стена: боязнь преподавателя. Большинство моих коллег старше 50 лет не пользуются двухфакторкой, хранят пароли в почте, открывают письма «от налоговой». Боятся признать собственное незнание. Прямого решения нет. Могу рекомендовать факультативные встречи для коллег, где показываю на собственном примере, как поменять пароль.

Четвёртая стена — самый большой капкан: миф о цифровых аборигенах. Молодые ребята действительно быстрее осваивают технику, но абсолютно беспомощны перед угрозой. Средний чек «самообразования» первого курса — 3500 рублей. Деньги уходят безвозвратно.

Отдельно поговорим о преподавателе. Нам нечего стесняться. Сами ведём себя небезопасно. Мой коллега показал письмо «от Минфина» с требованием оплатить штраф. Домен выглядел убедительно. Вместе разобрали, нашли отличие в одной букве. Следом двое моих коллег настроили двухфакторку.

Сделаем вывод: мы учим тому, чего сами не умеем. Значит, начинать нужно с семинара для преподавателей. Включённо, искренне, открыто. Преподаватель не ставит оценку — делится своим опытом.

Теперь посмотрим, что реально изменить без денег и согласований:

— Первый шаг: вводная диагностика первокурсников. Одну страницу тестов заменяем одним кейсом: письмо «от деканата» с предложением перейти по ссылке. Ставим варианты ответов. Получаем срез уровня уязвимости.

— Второй шаг: встроить в курс Безопасности жизнедеятельности пару часов по цифровым угрозам. Добавляем без согласия УМС: никто не против «информационной безопасности», значит, формально согласовано.

— Третий шаг: создаём общую папку с файлами на внутреннем сервере. Курсанты приносят скриншоты фишинга, мошеннических сайтов. Разбираем каждую среду за 15 минут в начале пары.

Теперь немного о границах моей методики. Открытых мест много:

Первое: методика не работает с людьми с низким самоконтролем. Человек, привыкший бросаться в огонь, сохранит эту тенденцию вне зависимости от моего курса.

Второе: я не знаю, как бороться с искусственным интеллектом и синтезированным голосом. Когда мошенник позвонит голосом твоего ребёнка и попросит перевести деньги — все мои игры перестанут работать.

Третье: курс требует вовлечённости преподавателя. Если он механически ведёт занятие, ожидая окончания пары, никакого эффекта не будет.

Да, я оставил уязвимые места открытыми. Потому что иначе получится красивая ложь. Лучше честно признать пределы своего метода.

Подведу итог: мы смогли научиться измерять уязвимость, снизить частоту потерь, сформировать рефлексивное отношение к ошибкам. Всё остальное — впереди. Если захотите попробовать мою методику — начинайте с настройки двухфакторки. Я начал с неё.

До этого мы обсудили, ЧТО делать. Настало время разобраться, КАК внедрить без стресса и бюджета. Поговорим языком заведующих, проректоров и методистов.

Три слоя: синхронность или разрушение

Нельзя требовать от курсантов цифровой гигиены, если преподаватель сам хранит пароли в заметках. Работаем на трёх уровнях [4]:

— Курсант. Его мы диагностируем, учим модулями, погружаем в игры, помогаем рефлексировать.

— Преподаватель. Горизонтальные семинары, разбор кейсов, настрой двухфакторки. Без давления, без оценок.

— Среда. Анонимные каналы подачи сигналов, банк кейсов, памятки первокурсникам [5].

Ни один слой не действует в одиночку [6]. Не будет среза — бессмысленны игры. Не подключится преподаватель — вся методика разрушится.

Три способа влезть в сетку без расширения

Новый курс? Новый специалист? Увеличение часов? Невозможно. Берём то, что есть:

— Вариант А. Вшиваем в БЖД. Четыре часа из раздела «Чрезвычайные ситуации». Меняем наводнения на фишинг.

— Вариант Б. Вставляем в экономику. Вместо аналитики рынков — финансовые ловушки, подписки-ловушки, микрозаймы.

— Вариант В. Курс по выбору. Экспериментальный вариант. Хорошо для сбора кейсов, плохо для масштаба.

Преподаватель — координатор, а не исполнитель

Нет отдельной ставки. Нет дополнительной нагрузки. Преподаватели уже заняты:

— Информатики: занимаются техническими основами. Верифицируют ссылки, смотрят сертификаты.

— Экономисты: специализируются на финансовых аспектах. Рассказывают о микрозаймах, подписках, криптовалютах.

— Психологи: разбирают когнитивные искажения, социальную инженерию, рефлексивную практику.

Координатор — учебно-методическое управление. Организуют, контролируют, собирают кейсы. Не требуют новых ставок.

Ресурсы, которые уже есть

Денег нет. Времени мало. Но ресурсы есть:

— Учебные аудитории. Проектор и экран есть везде. Достаточно вывести скриншот письма.

— Материалы. Сбор свежих кейсов поручаем курсантам. Преподаватели публикуют лучшие примеры на портале.

— Методические материалы. Памятки, раздаточный материал разрабатываем коллегиально. Ничего покупать не нужно.

— Повышение квалификации. Меняем один модуль внутри уже идущего курса ПК. Без затрат.

План действий: девять месяцев от идеи до стандарта [7]

Начало — сентябрь. Первокурсники. Провожу срез. 15 минут, три кейса. Узнаю, где боль.

Далее — октябрь – декабрь. Редактирование РПД. Вносим правки в действующую программу.

Январь – май. Пилот. Одна группа, шесть часов. Собираем отзывы, вносим коррективы.

Июнь – август. Подготовительный период. Улучшаем материалы, уточняем план.

Сентябрь следующего года. Масштабирование. Ввели. Задокументировали. Заложили в образовательные программы.

Три главных риска и как их избежать

Риск 1. Сотрудники сопротивляются. Решение: вовлекаем через коллег. Волонтерская активность.

Риск 2. Формализованная отчетность. Решение: ставим акцент на рефлекторных отчетах. Требуем рассказывать о своем опыте.

Риск 3. Быстрая смена схем мошенников. Решение: учим алгоритм проверки, а не схемы.

Риск 4. Противодействие методистов. Решение: трактуем УК-1 и УК-6 шире. Без добавления часов.

Чек-лист для проверки кафедры

Проведен срез первокурсников? (да/нет)

Изменена нагрузка в РПД? (да/нет)

Собраны кейсы и размещены на портале? (да/нет)

Преподаватели проходят коллегиальные разборы? (да/нет)

Курсанты пишут рефлексивные отчёты? (да/нет)

Мы поняли, как создать устойчивую систему. Мы прописали, как реализовать её без бюджетных вложений. Осталось главное: готова ли кафедра начать уже завтра?

Список литературы:

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Проблемы прогнозирования. — 2004. — № 2. — С. 5 – 16.

2. Богачёва Т. Г. Управление экономической безопасностью личности в условиях цифровой экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2022. — № 3. — С. 12 – 28.

3. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: сущность, критерии и факторы // Российский экономический журнал. — 2019. — № 6. — С. 3 – 14.

4. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования // Психологическая наука и образование. — 2018. — Т. 23, № 3. — С. 46 – 58.

5. Ferrari A. DigComp Framework for Digital Competences of Citizens. — Publications Office of the European Union, 2013. — 56 p.

6. Шон Д. Воспитание отражающего практиканта. — СПб.: Речь, 2014. — 320 с.

7. Голенков В. В. Диагностика и профилактика цифровой уязвимости личности в образовательном процессе // Высшее образование сегодня. — 2023. — № 1. — С. 23 – 30.

© Сидоренко А. С., 2026

EDN: WGYVIL

Сикорская Лидия Васильевна
старший преподаватель кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
Lid6557@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

Аннотация. В рамках данной статьи обобщены нормативные правовые основы финансового менеджмента в государственном секторе. Представлен ретроспективный анализ толкования данного понятия. Отражены сущностные характеристики финансового менеджмента в государственном секторе.
Ключевые слова: финансовый менеджмент, государственный сектор, нормативные основы, понятие, содержание, ретроспективный анализ.

Термин «финансовый менеджмент» распространился на отношения государственного сектора экономики из коммерческой сферы.

Анализ данного управленческого инструмента проводился в работах: И. И. Жуклинеца [1], Л. В. Гусаровой [2], Э. А. Исаева, Е. А. Федченко [3].

Для целей коммерческих хозяйствующих субъектов под финансовым менеджментом следует понимать «процесс планирования, организации, контроля и мониторинга финансовых ресурсов компании для достижения её целей». Там принято включать в него такие элементы, как: финансовое планирование и прогнозирование, управление рисками, финансовый контроль и отчётность, управление инвестициями.

В государственном секторе России финансовый менеджмент получил нормативно определенный статус в 2008 году, когда был начал действовать Приказ Минфина РФ от 10.12.2007 № 123н «Об организации

проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными распорядителями средств федерального бюджета».

Согласно данному нормативному акту, под финансовым менеджментом в государственном секторе предлагалось понимать «совокупность процессов и процедур, обеспечивающих результативность использования бюджетных средств и охватывающих все элементы бюджетного процесса (составление проекта бюджета, исполнение бюджета, учет и отчетность, контроль и аудит)».

В ходе дальнейшего совершенствования нормативного регулирования мониторинга качества финансового менеджмента последовательно принимались следующие Приказы Минфина РФ:

— Приказ Минфина России от 13.04.2009 № 34н «Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета» (с 2010 по 2018 гг.). Содержание финансового менеджменты в государственном секторе по сравнению с Приказом Минфина РФ от 10.12.2007 № 123н не изменилось;

— Приказ Минфина России от 29.12.2017 № 264н «О формировании отчета Министерства финансов Российской Федерации о результатах мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета (главными распорядителями средств федерального бюджета, главными администраторами доходов федерального бюджета, главными администраторами источников финансирования дефицита федерального бюджета)» (с 2018 по 2021 гг.). Определение финансового менеджмента отсутствовало, однако по утвержденным показателям качества финансового менеджмента можно сделать вывод, что в финансовый менеджмент в государственном секторе в периоде действия данного нормативного акта входили: управление расходами бюджета; управление доходами бюджета; ведение учета и составления бюджетной отчетности; организация и осуществление внутреннего финансового контроля и аудита; управление активами;

— Приказ Минфина России от 18.06.2020 № 112н «Об утверждении Порядка проведения Министерством финансов Российской Федерации мониторинга качества финансового менеджмента» (с 2021 по 2024 гг.) Определение финансового менеджмента отсутствовало, однако по утвержденным показателям качества финансового менеджмента можно сделать вывод, что в финансовый менеджмент

в государственном секторе в периоде действия данного нормативного акта входили: управление расходами бюджета; управление доходами бюджета; ведение учета и составления бюджетной отчетности; управление активами (имуществом); осуществление закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд;

— Приказ Минфина России от 03.10.2024 № 145н «Об утверждении Порядка проведения Министерством финансов Российской Федерации мониторинга качества финансового менеджмента» (с 2025 по н.в.). Определение финансового менеджмента отсутствует, однако по утвержденным показателям качества финансового менеджмента можно сделать вывод, что в финансовый менеджмент в государственном секторе в настоящее время входят: управление расходами бюджета; управление доходами бюджета; ведение учета и составления бюджетной отчетности; управление активами; исполнение полномочий на определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключение и исполнение контрактов; внутренний финансовый аудит.

Также следует обратить на нормативные акты, направленные на методическое обеспечение оценки качества финансового менеджмента в государственном секторе.

Так, в Приказе Минфина России от 14.11.2019 № 1031 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению мониторинга качества финансового менеджмента» (с 2020 по 2024 гг.) финансовый менеджмент в государственном секторе определялся как «организация и исполнение распорядителем бюджетных средств, получателем бюджетных средств, администратором доходов бюджета, администратором источников финансирования дефицита бюджета (далее — администратор бюджетных средств), главным администратором бюджетных средств, финансовым органом (органом управления государственным внебюджетным фондом) бюджетных процедур в целях исполнения бюджетных полномочий».

В Приказ Минфина России от 03.10.2024 № 437 «Об утверждении методических указаний по проведению мониторинга качества финансового менеджмента» (с 2025 г. по н.в.) определение финансового менеджмента в государственном секторе отсутствует. Однако по утвержденным показателям качества финансового менеджмента можно сделать вывод, что в финансовый менеджмент в государственном секторе в настоящее время входят: исполнения бюджетных полномочий; управление активами, включая объекты капитального строительства и объекты

недвижимого имущества; осуществление закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд.

В Бюджетном кодексе РФ упоминание финансового менеджмента в государственном секторе появилось в 2019 году, когда за Минфином РФ было закреплено полномочие по нормативному и методическому обеспечению осуществления мониторинга качества внутреннего финансового менеджмента.

Также в 2019 году в Бюджетном кодексе:

— появилось содержание мониторинга качества финансового менеджмента, исходя из которого в финансовый менеджмент в государственном секторе входили: исполнение бюджетных полномочий, управление активами, осуществление закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд;

— в число целей внутреннего финансового аудита была включена цель «повышение качества финансового менеджмента», которая в настоящее время была скорректирована на «формирование и представление предложений о повышении качества финансового менеджмента, в том числе о повышении результативности и экономности использования бюджетных средств» и «формирование и представление заключения о результатах исполнения решений, направленных на повышение качества финансового менеджмента».

Определение финансового менеджмента в государственном секторе можно также найти в нормативных актах, регламентирующих внутренний финансовый аудит в государственном секторе.

Согласно федеральному стандарту внутреннего финансового аудита «Определения, принципы и задачи внутреннего финансового аудита», утвержденного Приказом Минфина России от 21.11.2019 № 196н под финансовым менеджментом следует понимать «деятельность должностных лиц (работников) главного администратора (администратора) бюджетных средств (далее — ГА(А)БС), направленная на достижение заданных (непосредственных и (или) конечных) результатов деятельности ГА(А)БС, включая оказание государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных (муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления».

Подводя итог, отметим следующее:

— финансовый менеджмент — это управленческие инструмент, присущий коммерческому и государственному секторы;

— цель финансового менеджмента в государственном отличается от цели финансового менеджмента в коммерческом секторе. В коммерческом секторе финансовый менеджмент направлен на обеспечение максимизации прибыли и минимизации финансовых рисков хозяйствующих субъектов, в государственном секторе основная цель финансового менеджмента — это обеспечение эффективного использования государственных ресурсов для достижения заданных (непосредственных и (или) конечных) результатов деятельности государственных субъектов;

— финансовый менеджмент в государственном секторе — это деятельность должностных лиц (работников) главного администратора (администратора) бюджетных средств, направленная на достижение заданных (непосредственных и (или) конечных) результатов деятельности ГА(А)БС.

— финансовый менеджмент в государственном секторе включает: управление расходами бюджета; управление доходами бюджета; ведение учета и составления бюджетной отчетности; управление активами; исполнение полномочий на определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключение и исполнение контрактов; внутренний финансовый аудит.

Список литературы:

1. Жуклинец, И. И. финансовый менеджмент в государственном секторе / И. И. Жуклинец // Непрерывное образование. — 2019. — № 4(30). — С. 67 – 72. — EDN XCEMIL.

2. Гусарова, Л. В. Финансовый менеджмент в государственном секторе / Л. В. Гусарова // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2021. — Т. 1, № 1(109). — С. 71 – 76. — DOI 10.36871/ek.up.p.r.2021.01.01.011. — EDN YOVVIJ.

3. Гусарова, Л. В. Финансовый менеджмент в государственном секторе / Л. В. Гусарова, Э. А. Исаев, Е. А. Федченко // Экономика отраслевых рынков: формирование, практика и развитие: Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, УОК «Лесное озеро», 22 января 2021 года. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. — С. 67 – 75. — EDN ZKJLCO.

© Сикорская Л. В., 2026

EDN: WPWTYX

Смирнова Лада Ярославовна
начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Московский областной филиал
Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
кандидат экономических наук, доцент
smirnov_0303@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современных угроз экономической безопасности Российской Федерации и роли органов внутренних дел в их нейтрализации в условиях ускоренной цифровой трансформации. На основе положений Стратегии национальной безопасности и Стратегии экономической безопасности, а также результатов отечественных исследований по проблематике цифровой экономики и экономических преступлений рассматриваются новые формы посягательств на экономику, связанные с использованием информационных технологий, оттоком капитала и легализацией преступных доходов [1, 2]. Обосновывается, что традиционные подходы к раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности уже не обеспечивают необходимого превентивного эффекта. В работе предлагается авторское видение применения технологий искусственного интеллекта, экспертных систем и анализа больших массивов данных в целях раннего выявления экономических угроз, а также описываются ключевые организационно-правовые и кадровые проблемы, сдерживающие их внедрение в деятельность органов внутренних дел. Делается вывод о необходимости

интеграции интеллектуальных технологий в существующую систему информационного обеспечения МВД России при одновременном развитии нормативных основ и профессиональных компетенций сотрудников.
Ключевые слова: экономическая безопасность; органы внутренних дел; цифровизация; экономические преступления; искусственный интеллект; экспертные системы; большие данные; киберпреступность.

Сегодня экономическая безопасность России уже не сводится к защите базовых отраслей: санкционное давление, ускоренная цифровизация и волна киберпреступности существенно расширили её проблемное поле. Стратегия национальной безопасности подчёркивает неразрывную связь социально-экономического развития и обеспечения безопасности, фиксируя задачи по защите собственности, противодействию коррупции и криминализации экономических отношений. Стратегия экономической безопасности, в свою очередь, выделяет в числе основных угроз высокий уровень криминализации в экономике, уязвимость финансовой системы перед глобальными рисками и утечку капитала. В этих условиях деятельность органов внутренних дел приобретает особое значение как элемент государственной системы обеспечения экономической безопасности.

Цифровая трансформация открывает перед экономикой широкие горизонты, однако одновременно порождает угрозы, с которыми прежде не приходилось сталкиваться. Бизнес получил ускоренные расчёты, сокращение издержек и принципиально новый уровень прозрачности операций — это неоспоримо. Но за теми же технологиями, что делают рынок удобнее, прячутся инструменты теневых схем, вывода активов и отмывания денег [3, с. 383]. Собственно, и сам масштаб угрозы нарастает быстрее, чем успевают реагировать традиционные механизмы контроля. Авторы, изучавшие защиту коммерческой информации в цифровой среде, прямо указывают: без серьёзного обновления инструментария правоохранителей говорить об устойчивости национальной экономики не приходится [4, с. 135].

Стратегия экономической безопасности прямо называет теневую экономику, криминализацию банковской сферы и уязвимость информационной инфраструктуры в числе приоритетных угроз — и практика последних лет это в полной мере подтверждает. Число преступлений, совершаемых с применением ИТТ, стабильно растёт; удалённые мошенничества перестали быть экзотикой и превратились в массовое явление;

схемы вывода капитала становятся всё запутаннее. Парадокс в том, что платформы дистанционного банкинга, системы быстрых платежей и криптоактивы расширяют легальный оборот ровно в той же мере, в какой создают почву для злоупотреблений. Фактически один и тот же технологический инструмент используется по обе стороны закона — и это принципиально меняет логику противодействия экономическим преступлениям.

Финансово-банковский сектор принял на себя, пожалуй, самый ощутимый удар от цифровой криминализации. Сегодняшние экономические преступления — это уже не элементарные хищения с фальсифицированными документами; за ними стоят многоуровневые схемы, понять которые без погружения в интернет-технологии, устройство платёжных систем и механику трансграничного движения капитала попросту невозможно [5, с. 54]. Между тем инструментарий ОВД по-прежнему во многом ориентирован на расследование уже случившегося — то есть действует постфактум. Это само по себе проблема: когда преступление обнаружено, деньги нередко уже в нескольких юрисдикциях, а следы тщательно заметены. Разворот в сторону раннего обнаружения аномалий и превентивного вмешательства давно назрел, и откладывать его дальше означает работать заведомо в проигрышной позиции.

Особую сложность представляет охрана коммерческой тайны и корпоративных данных о транзакциях. Утечка такого рода сведений бьёт сразу по нескольким направлениям: репутация финансового института рушится, а образовавшаяся брешь тут же становится стартовой точкой для новых мошеннических волн. Характерно, что инциденты происходят даже там, где внутренние регламенты вполне прописаны и формально соблюдаются. Причина почти всегда одна из двух: либо пресловутый человеческий фактор, либо технические средства защиты, которые существуют как бы сами по себе — без органичной встройки в живые бизнес-процессы. Для органов внутренних дел всё это оборачивается двойной нагрузкой: с одной стороны, растёт вал дел, связанных с такими инцидентами; с другой — становится очевидным, что информационная безопасность давно переросла статус сугубо технической проблемы и превратилась в полноправную составляющую экономической безопасности в целом.

Между тем правоохранительные структуры сами становятся всё более «цифровыми» — и тем самым всё более уязвимыми. Работа с базами данных о финансовых операциях, фигурантах уголовных дел,

агентурными сведениями в электронном формате неизбежно порождает риск утечки. Последствия могут быть весьма серьёзными: под угрозой оказываются не только конкретные расследования, но и репутация ведомства в целом, и доверие граждан к системе правоохраны. По этой причине защита информационного контура МВД России давно вышла за рамки ведомственной IT-проблемы — это вопрос государственной безопасности, неразрывно связанный с обеспечением экономической безопасности страны.

Среди всего, что сегодня предлагает технологический рынок, наибольший практический потенциал для системы экономической безопасности несут инструменты искусственного интеллекта, аналитики больших данных и поддержки принятия решений. По наблюдениям ряда исследователей, хорошо настроенные экспертные системы способны аккумулировать знания высококвалифицированных специалистов и транслировать их следователю или оперативнику в виде конкретных рекомендаций применительно к той или иной ситуации [6, с. 78]. При этом речь идёт не о замещении профессионального суждения алгоритмом — скорее о своеобразной интеллектуальной страховке, которая снижает вероятность ошибки и позволяет быстрее реагировать там, где цена промедления особенно высока.

Применение экспертных систем в ОВД — не новинка: первые разработки такого рода появились ещё в 1990-е, и уже тогда они позволяли выстраивать связи между эпизодами преступной деятельности или идентифицировать типичные способы хищений по совокупности криминалистически значимых признаков [7, с. 206]. Сегодня возможности принципиально шире. Обучающиеся модели способны в режиме реального времени выявлять аномалии в платёжных потоках, оценивать, насколько рискованным контрагентом является тот или иной участник сделки, строить профили схем обналичивания — и делать это с охватом, недоступным ни одному аналитику в одиночку. Накопленная в МВД методологическая база по созданию экспертных систем при этом не устаревает — она может стать фундаментом для нового поколения инструментов, уже работающих на нейросетевых алгоритмах.

Не менее важна задача связать аналитический потенциал ОВД с информационными ресурсами смежных ведомств и финансовых организаций. Авторы, занимавшиеся проблематикой экономической безопасности в условиях цифровой трансформации, обращают внимание на то, что устойчивый рост киберпреступлений и капиталооттока во многом

объясняется разобщённостью информационных потоков и громоздкостью межведомственных согласований [8, с. 86]. Один из реально достижимых шагов здесь — создание общей платформы, аккумулирующей данные о подозрительных операциях. Технически задача решаемая: инструменты обезличивания и шифрования позволяют организовать такой обмен, не нарушая требований о персональных данных. Труднее — добиться реальной, а не декларируемой готовности участников системы к такому сотрудничеству.

Легализация преступных доходов в цифровой среде — отдельная и весьма острая проблема. Криптовалюты, сложные цепочки безналичных переводов, электронные кошельки в разных юрисдикциях многократно расширили арсенал тех, кто занимается сокрытием происхождения средств. Традиционный финансовый мониторинг здесь нередко запаздывает: когда схема распределена между несколькими странами и опирается на анонимные инструменты, обнаружить её становится крайне непросто. Органам внутренних дел в этой ситуации уже недостаточно уголовно-правового инструментария в чистом виде — необходимо совмещать его с глубокой аналитикой транзакций и выстраивать рабочие каналы взаимодействия с финансовыми регуляторами. Именно на стыке права и технологий сегодня разворачивается основная борьба с отмыванием денег.

Телефонные мошенники, поддельные банковские сайты, фишинг через мессенджеры — всё это давно вышло за рамки единичных эпизодов и превратилось в индустрию. Статистика здесь весьма красноречива: год от года число таких преступлений растёт, и конца этой динамике не видно. Оперативно блокировать инфраструктуру атак, взаимодействовать с банками при первых признаках подозрительной активности — необходимо, но недостаточно. Перспективное направление — поведенческое моделирование: если выстроить системы, способные фиксировать нетипичные паттерны активности в близком к реальному времени, появляется шанс предупреждать потенциальных жертв до того, как деньги покинут счёт. Это не фантастика — технологический задел для этого уже существует, вопрос в том, как быстро он будет освоен на практике.

Здесь, впрочем, важно не впасть в технологический оптимизм. Опыт цифровизации государственного управления — и отечественный, и зарубежный — показывает: хорошие инструменты без должного правового и организационного обеспечения работают вхолостую или вовсе

дают обратный эффект. Применительно к ОВД ситуация осложняется тем, что нормативного фундамента для полноценного использования ИИ в следственной и оперативной работе попросту ещё нет. Стратегические ориентиры заданы, общий курс понятен — но конкретных правил, отвечающих на вопросы о допустимости алгоритмических оценок в качестве доказательств, о порядке верификации моделей и о том, кто несёт ответственность за решение, принятое «по подсказке» системы, пока нет. А без таких правил ни один толковый следователь не будет строить доказательную базу на выводах алгоритма.

Отдельная головная боль — качество самих данных. Алгоритм обучается на том, что ему дали; если данные неполны, устарели или содержат систематические перекосы, модель воспроизведёт все эти дефекты с образцовой точностью. Утечка тренировочных выборок способна обернуться самостоятельной уязвимостью — и это тоже необходимо учитывать при проектировании систем. Кадровая проблема, на мой взгляд, самая острая из всех. Специалиста, который одинаково свободно ориентируется в уголовном праве, финансовой аналитике и машинном обучении, найти крайне непросто — такие люди в дефиците повсюду, не только в правоохранительной системе. Без серьёзных программ переподготовки, выстроенных при активном участии вузов и отраслевых экспертов, этот дефицит не преодолеть.

Наконец, этическое измерение проблемы нельзя отодвигать на второй план. Непрозрачный алгоритм, принимающий решение о проверке или блокировке счёта,— это прямой путь к дискриминации добросовестных участников рынка. Персональные данные и коммерческая тайна, попавшие в тренировочную выборку или в аналитическую базу, требуют защиты не менее строгой, чем любые другие конфиденциальные сведения. Всё это означает, что внедрение ИИ в работу ОВД — процесс, требующий не только технической проработки, но и обновления профессиональных стандартов, выстраивания механизмов независимой экспертной оценки и, шире, общественного контроля за тем, как именно государство использует интеллектуальные технологии в своих надзорных функциях.

Всё сказанное выше позволяет сформулировать достаточно определённый вывод. Российская система обеспечения экономической безопасности подошла к рубежу, за которым дальнейший прогресс без массированного использования интеллектуальных технологий едва ли возможен. Стратегические документы дают общий вектор — но превратить его в конкретные инструменты, процедуры и результаты предстоит самим

органам внутренних дел и смежным структурам. Насколько быстро это произойдёт, зависит не столько от наличия финансирования или технологий — скорее от готовности государства последовательно выстраивать правовую определённость, соблюдать права граждан и бизнеса и вкладываться в людей, которые всё это будут реализовывать на практике.

Один из возможных практических шагов — создание в структуре ОВД специализированных аналитических подразделений, где юристы, экономисты, специалисты по кибербезопасности и аналитики данных работали бы в одной команде, а не в параллельных, слабо связанных структурах. Именно такие «точки сборки» могли бы стать площадками для обкатки новых технологий и последующего тиражирования проверенных решений на всю систему МВД. Разумеется, это не панацея. Но если совместить технологический прагматизм с продуманной нормативной базой и реальными инвестициями в подготовку кадров, появятся весомые основания рассчитывать на качественное укрепление экономической безопасности страны — невзирая на то, какой оборот примет цифровая трансформация дальше.

Список литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // URL: https://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 03.03.2026).

3. Графова Т. О., Шаповалов А. Ф. Риски и угрозы экономической безопасности в цифровой экономике // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 1 [30]. С. 382 – 386.

4. Акмаров П. Б., Газетдинов М. Х., Третьякова Е. С. Проблемы защиты коммерческой информации в условиях цифровизации экономики // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2020. Т. 15. № 2 [58]. С. 133 – 138.

5. Риски и угрозы экономической безопасности России в условиях цифровой трансформации / М. С. Кобышева, А. А. Володин, М. В. Иванов [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2. С. 53 – 60.

6. Сухарева М. А., Виниченко М. В. Построение экспертных систем с применением технологий искусственного интеллекта как системы поддержки принятия управленческих решений // Новое поколение. 2019. № 20. С. 77 – 83.

7. Плитёнка А. В., Сопильняк Ю. Н. Использование экспертных систем в современной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны защищённых телекоммуникационных систем: сб. материалов Всерос. науч. — практ. конф. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2016. С. 205 – 207.

8. Филатова И. В. Легализация денежных средств, приобретённых преступным путём, в условиях цифровизации экономики // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 3. С. 85 – 88.

© Смирнова Л. Я., 2026

EDN: WJYZNK

Соболева Владислава Олеговна
преподаватель кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vladislava_soboleva@vk.com

Деркач Виктория Александровна
преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
step-26@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ государственных закупок и государственно-частного партнёрства как взаимодополняющих институтов обеспечения публичных потребностей в Российской Федерации. Рассматриваются нормативные основы функционирования контрактной системы и механизмов партнёрства, их правовая природа, финансовые модели и особенности распределения рисков. Особое внимание уделено категории сравнительного преимущества, закрепляющей возможность выбора между контрактной и партнёрской моделями реализации проектов. На основе количественного анализа изменений базового законодательства за период 2013 – 2025 гг. выявлена более высокая интенсивность модернизации закупочной сферы по сравнению с регулированием государственно-частного партнёрства и концессионных соглашений.
Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, государственно-частное партнёрство, концессионные соглашения, экономическая безопасность.

Понятийная структура [1] государственных закупок в российском праве закрепила данную категорию как совокупность участников данной системы и осуществляемых ими действий, направленных на удовлетворение публичных потребностей, начиная с размещения извещения о закупке либо направления приглашения принять участие в определении поставщика в предусмотренных законом случаях и завершаются заключением государственного или муниципального контракта. С правовой точки зрения государственные закупки представляют собой строго регламентированный цикл реализации публичного спроса, включающий планирование, определение поставщика, заключение и исполнение контракта, а также последующий контроль и аудит. Такой механизм обладает выраженной бюджетной природой и встроенными процедурами финансового и правового контроля, что формирует устойчивый институциональный каркас расходования публичных средств.

Иное нормативное содержание имеет институт государственно-частного партнёрства [2], представляющий собой юридически оформленное на определённый срок сотрудничество публичного и частного партнёров, основанное на объединении ресурсов и распределении рисков и реализуемое на основании соответствующего соглашения. Цель такого взаимодействия заключается в привлечении частных инвестиций в экономику, обеспечении доступности товаров, работ и услуг для населения, а также повышении их качества. В отличие от контрактной системы, ориентированной на приобретение результата за счёт бюджетных средств, механизм государственно-частного партнёрства предполагает инвестиционную природу отношений, долгосрочный характер взаимодействия и распределение ответственности между сторонами.

Особое значение имеет введённая законом категория сравнительного преимущества [3], предусматривающая сопоставление проекта государственно-частного партнёрства с реализацией аналогичного проекта посредством государственного или муниципального контракта при сопоставимых параметрах результата и бюджетных затрат. Тем самым на нормативном уровне закрепляется методологическая связь двух институтов как альтернативных способов удовлетворения публичных потребностей. Государство может либо реализовать проект в рамках контрактной модели закупок, либо привлечь частного партнёра на основе инвестиционно-эксплуатационного сотрудничества, перераспределяя финансовую нагрузку и риски.

Такое сопоставление позволяет рассматривать государственные закупки и государственно-частное партнёрство как взаимодополняющие элементы единого механизма обеспечения публичных нужд, тем не менее, обладающие отличительными чертами (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнительные положения функционирования государственных закупок и государственно-частного партнёрства

Критерий	Государственные закупки	Государственно-частное партнёрство
Целевое назначение	Ориентированы на удовлетворение текущих государственных и муниципальных нужд посредством приобретения товаров, выполнения работ и оказания услуг, необходимых для функционирования органов власти и бюджетной сферы	Направлены на создание, модернизацию и последующую эксплуатацию объектов инфраструктуры и предоставление общественно значимых услуг на долгосрочной основе
Модель финансирования	Реализуются преимущественно за счёт средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, что обусловливает их тесную связь с механизмами бюджетного планирования и финансового контроля	Предполагают смешанную финансовую модель, основанную на привлечении частных инвестиций наряду с государственным финансированием, субсидиями, гарантиями или иными формами публичной поддержки
Распределение рисков	Основная часть финансовых, эксплуатационных и рыночных рисков фактически сосредоточена на стороне государства как заказчика и источника финансирования	Риски распределяются между публичным и частным партнёрами в соответствии с условиями соглашения, что является ключевым принципом партнёрской модели
Временной горизонт	Имеют, как правило, краткосрочный или среднесрочный характер и ограничены сроком исполнения конкретного государственного или муниципального контракта	Характеризуются длительным сроком реализации, часто охватывающим полный жизненный цикл объекта, включая проектирование, строительство, финансирование и эксплуатацию
Характер государственного контроля	Контроль носит преимущественно процедурный характер и направлен на соблюдение требований законодательства о закупках, прозрачность конкурентных процедур и эффективность расходования бюджетных средств	Контроль ориентирован прежде всего на достижение предусмотренных соглашением результатов, включая качество услуг, доступность инфраструктуры и исполнение инвестиционных обязательств
Экономическая роль	Обеспечивают текущее функционирование государственного сектора и выполнение публичных обязательств, выступая инструментом реализации кратко- и среднесрочной бюджетной политики	Выполняют стратегическую функцию развития экономики, способствуют модернизации инфраструктуры, привлечению частного капитала и формированию долгосрочных условий экономического роста

При этом особого внимания заслуживает различная интенсивность модернизации указанных институтов. Для проверки тезиса о неодинаковой

динамике их развития был использован количественный индикатор, основанный на подсчёте числа федеральных законов, вносящих изменения в базовые нормативные акты соответствующих сфер. В качестве источника использованы перечни изменяющих документов, содержащиеся в консолидированных редакциях законов по состоянию на момент исследования.

Следует учитывать методологическое ограничение данного подхода. Он отражает исключительно поправки к базовым актам и не включает обширный массив подзаконного регулирования, представленный постановлениями Правительства Российской Федерации, ведомственными приказами и методическими документами. Таким образом, полученные данные характеризуют именно динамику базового законодательного регулирования, а не всю полноту нормотворческой активности. Вместе с тем использование данного индикатора обеспечивает сопоставимость двух правовых режимов в рамках единой шкалы анализа.

Результат представлен на рисунке 1.

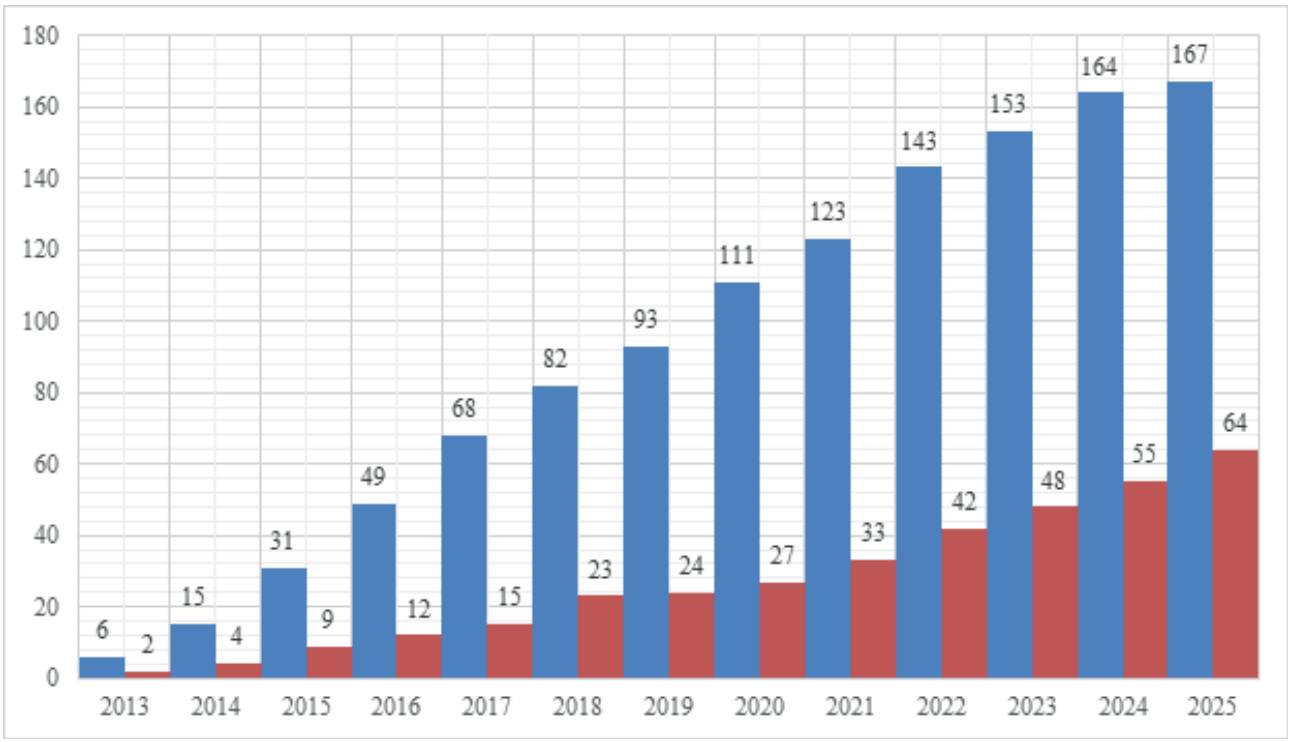

Рисунок 1. Сравнительная динамика изменений в базовом законодательстве о государственных закупках и государственно-частном партнёрстве нарастающим итогом за период с 2013 по 2025, шт.

Выявленная асимметрия в интенсивности обновления законодательства содержательно согласуется с нормативными установками стратегических документов, определяющих приоритетность закупочной сферы для обеспечения экономической безопасности и конкурентоспособности

национальной экономики. В Стратегии экономической безопасности [4] закупки прямо обозначены как объект контроля и антикартельной политики. В Стратегии национальной безопасности [5] закреплена задача повышения эффективности использования бюджетных средств, что неизбежно затрагивает закупочную деятельность как основной механизм расходования публичных финансов через рыночные процедуры. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [6] также предусматривает реформирование закупочной системы посредством усиления мониторинга исполнения контрактов.

Нормативные дефиниции подчеркивают комплексный характер регулирования, включающий широкий круг участников, использование единой информационной системы, детализированные процедуры и многоуровневый контроль. Такая конструкция объективно требует постоянной корректировки правового механизма в ответ на изменения экономических условий, технологического развития и возникающих рисков. В научной литературе контрактная система обоснованно рассматривается как одна из наиболее динамично развивающихся областей публичного законодательства, что косвенно подтверждает корректность выбранного количественного индикатора законодательной активности.

Сфера государственно-частного партнёрства, напротив ориентирована на привлечение частных инвестиций и повышение качества и доступности услуг посредством распределения рисков между публичным и частным партнёрами. Закон также предусматривает сопоставление бюджетной эффективности проекта государственно-частного партнёрства с альтернативной реализацией через государственный контракт. Однако меньшая частота изменений базового законодательства свидетельствует о том, что нормативная адаптация данного института осуществляется менее интенсивно, несмотря на значительный экономический потенциал рынка государственно-частного партнёрства и рост инвестиционной активности в данной сфере.

Сопоставительный анализ государственных закупок и государственно-частного партнёрства показывает, что оба института функционально направлены на удовлетворение публичных потребностей, однако различаются по правовой природе, финансовой модели и архитектуре распределения рисков. Контрактная система представляет собой модель приобретения результата за счёт бюджетных средств, характеризующуюся высокой степенью процедурной регламентации и глубокой

цифровизацией посредством единой информационной системы. Именно поэтому данная сфера оказывается особенно чувствительной к проблемам конкуренции, коррупции и картельных соглашений и, соответственно, подвергается регулярной модернизации.

Институт государственно-частного партнёрства имеет инвестиционно-партнёрскую природу и ориентирован на долгосрочное обеспечение доступности и качества услуг при распределении рисков между сторонами. При этом закон прямо предусматривает сопоставление проектов государственно-частного партнёрства с государственными контрактами, что подтверждает структурную взаимосвязь двух режимов регулирования.

Практический вывод для политики обеспечения экономической безопасности заключается в необходимости более активного развития правового регулирования государственно-частного партнёрства. Речь идёт не столько о формальном увеличении числа поправок, сколько о совершенствовании ключевых механизмов функционирования данного института. В частности, представляется целесообразным развитие единых цифровых и контрольных контуров для процедур выбора частного партнёра, усиление антикартельного анализа и межведомственного взаимодействия при реализации крупных инфраструктурных проектов, а также дальнейшее развитие методологии оценки сравнительного преимущества с учётом долгосрочных бюджетных обязательств государства.

Тем самым государственные закупки и государственно-частное партнёрство следует рассматривать как взаимодополняющие инструменты обеспечения устойчивости социально-экономического развития, где закупочная система обеспечивает оперативное удовлетворение текущих потребностей государства, а механизмы партнёрства формируют основу долгосрочной инвестиционной и инфраструктурной безопасности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, № 14, ст. 1652.

2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ.

в силу с 01.03.2026) // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4350.

3. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3126.

4. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, № 20, ст. 2902.

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

6. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2036_goda.html (дата обращения: 15.01.2026).

© *Соболева В. О., Деркач В. А., 2026*

EDN: WKYBZF

Совач Дарья Владимировна
ассистент кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права
Юридический институт Сибирского федерального университета
Красноярск, Россия
dvvasileva@sfu-kras.ru

ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ И СПОСОБ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА

Аннотация. В статье рассматривается использование виртуального имущества в рамках преднамеренного банкротства. В эпоху цифровизации преступники находят новые лазейки для вывода активов организации с помощью виртуального имущества. В научной работе поднимаются вопросы о понятии и правовой природе виртуального имущества, возможности рассматривать его в качестве предмета и способа преднамеренного банкротства.
Ключевые слова: преднамеренное банкротство, виртуальное имущество, экономическая безопасность, предмет преступления, способ преступления.

В условиях цифровизации виртуальное имущество стало значимой частью активов хозяйствующих субъектов, что открывает новые, ранее нетипичные лазейки для злоупотреблений. В частности, такое имущество может использоваться как высоколиквидный и трансграничный инструмент для вывода денежных средств при совершении преднамеренного банкротства. Отсутствие прямого доступа, анонимность субъекта, использование специальных технических средств создают серьезные риски для экономической безопасности организации, поскольку затрудняют обнаружение активов в процедуре банкротства.

В законодательстве понятие виртуального имущества не закреплено. Доктрина предлагает понимать под ним те нематериальные

объекты, которые имеют экономическую ценность, но полезны или могут быть использованы исключительно в виртуальном пространстве [1]. Чаще всего авторы под виртуальным имуществом понимают игровое имущество [2, 3, 4]. Следует отметить, что эти понятия не равнозначны, т.к. виртуальное имущество может включать, помимо игрового, токены, доменные имена, NFT, аккаунты и т.д.

Виртуальное имущество может выступать в качестве предмета или способа совершения преднамеренного банкротства. Под предметом преступления в доктрине уголовного права принято понимать материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя преступное посягательство на соответствующий объект [5]. В связи с трансформацией внешнего мира, появляются иные подходы к понятию предмета преступления. Так, например, предлагается включать предметы внешнего мира, информацию, энергию [6] и объекты экологии, существующие до преступления, выражающие общественные отношения, удовлетворяющие потребности людей, доступные для восприятия, способные подвергаться воздействию и фиксации произошедших в них изменений [7].

Исходя из толкования, представленного выше, виртуальное имущество может выступать в качестве предмета преступления. Такой подход подвергается критики на основании того, что виртуальное благо не имеет четко определенной материальной основы в виде конкретных овеществленных и гарантированных субъектами финансово-хозяйственной деятельности ценностей и упоминание о нем не дает гражданское законодательство [8]. Однако гражданскому обороту уже известно неовеществленное имущество (например, безналичные денежные средства), которое выступает предметом во многих преступлениях. Кроме того, виртуальное имущество имеет физическое воплощение на серверах, жестких дисках и других устройствах, которые хранят и обрабатывают данные, позволяя осуществлять права на виртуальные объекты [9]. Подобное имущество обладает значительной экономической (стоимостной) ценностью и вполне ликвидно [10]. По сути, виртуальное имущество отличается от материального лишь формой, остальные признаки — идентичны.

Причинение вреда виртуальному имуществу в преднамеренном банкротстве возможно лишь в исключительных случаях. Не каждая организация имеет на своем счету токены, криптовалюту, вкладывает денежные средства в дорогостоящее игровое имущество. Если деятельность

компании непосредственно связана с этим, можно представить ситуацию, когда руководитель организации, преследуя цель уменьшить активы, переводит виртуальное имущество в анонимную интернет среду («анонимный» криптокошелек), передает третьим лицам (продажа игрового оборудования по заниженной цене) и т.д. Таким образом, умышленно скрыв наличие подобного имущества, а затем заявив в арбитражный суд о банкротстве организации, виновный причиняет вред интересам кредиторов, выводя имущество компании из конкурсной массы.

В большинстве случаев виртуальное имущество служит способом совершения преднамеренного банкротства: реальные денежные средства вкладываются в покупку виртуальных предметов, отследить которые практически невозможно.

Во-первых, многие игровые предметы, деньги, ценности имеют реальную рыночную стоимость и могут быть относительно легко куплены и проданы за фиатные деньги на специализированных торговых площадках. Так, например, на сайте FunPay — бирже игровых ценностей, в зависимости от вида игры, можно приобрести или продать игровые аккаунты (например, в игре Assassin's Creed Shadows игровой аккаунт стоит 29 654 руб.), ключи, золото, бриллианты и т.д.

Во-вторых, продажа игровых предметов часто может происходить без полной идентификации продавца. В приведенном выше примере для регистрации на торговой площадке FunPay необходимо только указать активный адрес электронной почты и свой ник. Отследить в дальнейшем, кто именно выступал на стороне продавца или покупателя, практически невозможно.

В-третьих, оценить реальную ценность игрового имущества весьма трудно. Должник, вложивший в него денежные средства, может заявить о низкой стоимости или о невозможности продажи. Дело в том, что ценность такого имущества может быть субъективной и сильно зависеть от спроса и предложения на конкретных площадках. Возникает дискуссионный вопрос: может ли виртуальное игровое имущество в принципе обладать стоимостью? В Толковом словаре Ефремовой под стоимостью понимается выраженная в деньгах цена чего-либо или величина затрат на что-либо [11]. Стоит отметить, что цена игрового имущества не всегда выражается в фиатных деньгах, иногда это криптовалюта, которая не является на территории РФ законным средством платежа. В другом толковом словаре стоимость отождествляется с ценностью [12]. Таким образом, можно согласиться с рядом авторов, утверждающих, что

стоимость виртуальных игровых активов носит формальный [13] или потенциальный [14] характер. Действительно, если бы игровое имущество не обладало никакой ценностью либо на него не была определена цена, операций по покупке или продажи такого имущества не существовало. Однако, традиционное понимание стоимости на игровое имущество не распространяется, т.к. стоимость виртуальных активов лишь дублирует фактическую, реальную стоимость.

Таким образом, виртуальное имущество, несмотря на отсутствие традиционной материальной формы, способно выступать как предметом, так и способом совершения преднамеренного банкротства. В качестве предмета оно может быть намеренно выведено из активов организации. В большинстве случаев, однако, виртуальное имущество выступает способом сокрытия реальных денежных средств, которые конвертируются в низкоотслеживаемые активы.

Главные риски для экономической безопасности хозяйствующего субъекта обусловлены анонимностью транзакций, трансграничностью и дискуссионным статусом стоимостной оценки таких активов. Сложности вызывает и техническая составляющая. Причиной отсутствия судебной практики по преднамеренному банкротству, связанную с виртуальным имуществом, является, к сожалению, не отсутствие преступлений, а сложность их выявления правоохранительными органами.

Список литературы:

1. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 10.03.2026).

2. Четвергов Д. С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 33.

3. Тагаева С. Н. Виртуальное игровое имущество — объект гражданских прав? // Юрист. 2023. № 9. С. 11.

4. Перепелкина Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 45.

5. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 7-е издание / А. В. Наумов. М.: Проспект, 2023. С. 329.

6. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2005. С. 185.

7. Винокуров В. Н. Объект преступления. Доктринально-прикладное исследование: монография. — Москва: Проспект, 2022. С. 181.

8. Барчуков В. К. Предмет мошенничества в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. 2016. № 5. С. 131.

9. Григорян А. А. Виртуальное имущество и цифровая личность: правовые аспекты регулирования в киберпространстве // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 24.

10. Хилюта В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 68.

11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] // URL: https://www.efremova.info (дата обращения: 10.03.2026).

12. Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс] // URL: https://vehi.net/brokgauz/index.html (дата обращения: 10.03.2026).

13. Юзефович, Ж.Ю., Хазова, В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 16.

14. Санникова, Л.В., Харитонова, Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. С. 21.

© Совач Д. В., 2026

EDN: XIUEAR

Солодова Светлана Викторовна
доцент кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
ipa70@mail.ru

СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности превентивных мер противодействия коррупции. Обосновывается, что указанные меры призваны способствовать формированию в обществе таких условий функционирования социальных институтов, при которых возможности совершения коррупционных деяний будут минимизированы. Указывается на необходмимость изучать не только позитивный, но и негативный опыт зарубежных стран в целях предотвращения стратегических ошибок.
Ключевые слова: коррупция, социальное явление, общество, превентивные меры, зарубежный опыт.

Коррупция является сложным социальным явлением, обусловленным многофакторным воздействием экономических, политических и культурных факторов. Причины такого глобального явления, как коррупция, объединяют массу факторов, в числе которых менталитет, условия жизни, действующие официальные законы, моральные принципы и многое другое.

За последние 20 лет в России неоднократно принимались решения и предпринимались меры, направленные на борьбу с коррупцией, однако ситуация с данным явлением принципиально не изменилась. Данное мнение подтверждается динамикой выявленных преступлений коррупционной направленности (таблица 1).

Сложность оценки ситуации с состоянием коррупции заключается в нескольких факторах. Отсутствует абсолютно однозначный критерий

уровня коррупции в обществе [4, С. 88 – 92]. Безусловно, само присутствие выявленных преступлений коррупционной направленности является показателем наличия коррупции, однако, изменение данного показателя может свидетельствовать как об изменении числа совершенных преступлений, так и об эффективности деятельности правоохранительных органов [5, С. 114 – 118]. Необходимо подчеркнуть, что данный тип преступлений достаточно сложен для выявления.

Таблица 1. Динамика выявленных преступлений коррупционной направленности (2012 – 2024 гг.)

Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Кол-во, тыс. ед.	49,5	42,5	32,3	32,5	32,9	29,6	30,5	31,0	30,8	35,1	35,3	36,4	38,5	43,2

Развитие методологии борьбы с коррупцией в обществе требует классификации мер, которые общество может противопоставить коррупционным проявлениям [6, С 542]. Рассматривая все меры, направленные против возникновения и проявления коррупции в обществе, мы можем выявить две основные группы:

— меры, направленные на раскрытие совершенных коррупционных преступлений;

— меры, направленные на предотвращение совершения коррупционных преступлений.

Меры, направленные на раскрытие коррупционных преступлений, включают весь комплекс мероприятий по изобличению, поимке и наказанию преступников, определенный уголовным и уголовно-процессуальным кодексами Российской Федерации.

Меры, направленные на предотвращение совершения преступлений и правонарушений коррупционной направленности характеризуются тем, что они призваны бороться не с последствиями, а с причинами коррупционных действий. Эффективное противодействие причинам коррупции требует комплексного подхода, включающего в себя не только репрессивные, но и, в первую очередь, превентивные меры, направленные на устранение причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений [Стаценко, 2022. С. 393 – 398].

Коррупция, как явление, характерна в большей или меньшей степени практически для всех стран. В международной практике был принят такой показатель коррумпированности страны, как, индекс восприятия

коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI). Шкала оценки может иметь показатели от 0 до 100. Увеличение показателя свидетельствует о снижении уровня коррупции в стране. Рейтинг начинается с позиций стран с наиболее высокими показателями. В таблице 2 представлена позиция Российской Федерации в рейтинге стран по восприятию коррупции на 2024 год.

Таблица 2. Позиция Российской Федерации в рейтинге стран по индексу восприятия коррупции в 2024 г.

Наименование страны	Индекс восприятия коррупции	Место в рейтинге	Позиция в рейтинге
Дания	90	1	Первое место
Финляндия	88	2	Второе место
Сингапур	84	3	Третье место
Северная Македония	40	89	Мода
Россия	22	157	Ниже среднего
Южный Судан	8	180	Последнее место

Ученые всего мира неоднократно отмечали, что данные индексы невозможно признать безусловно объективными показателями коррумпированности общества. Критика индексов восприятия коррупции как самой идеи способа оценки, обычно сводится к тому, что данные индексы определяют не саму коррупцию, как таковую, а уровень ее восприятия обществом. Будучи опубликован, индекс укрепляет сложившиеся в обществе стереотипы. Критические взгляды на методику исчисления индексов восприятия коррупции основываются на том, что такое сложное явление практически невозможно достаточно полно охарактеризовать единственным показателем [9, С. 22 – 31]. Тем не менее, взгляды на данную проблему сходятся на том, что, индексы восприятия коррупции дают возможность определить тенденции изменения уровня коррумпированности в различных странах.

Борьба с коррупцией происходит практически в каждом государстве, при этом в каждой стране существуют различные методы такой борьбы [10, С. 68]. Соответственно Учитывая, что в рейтинге стран по индексу восприятия коррупции Россия в 2024 г. находилась на 157 месте, изучение опыта лидеров индекса восприятия коррупции представляется полезным.

Лидером в рейтинге стран по индексу восприятия коррупции является Дания. Население этого государства справедливо считается

одним из самых законопослушных. Государственные служащие в Дании обеспечены высоким уровнем государственной социальной защиты (высокие зарплаты и пенсии, бесплатное медицинское обслуживание, образование и т.д.) В то же время, доходы и расходы чиновников представляют собой открытую информацию. Тем не менее, антикоррупционная законодательная база страны постепенно ужесточается. Особенно заметными процессы ужесточения стали с 2013 года. В последнее десятилетие в Дании были существенно ужесточен уровень ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства в сфере экономики. В частности, сроки лишения свободы за коррупционные преступления были увеличены в публичном секторе с трёх до шести лет, в частном секторе — с одного года до четырёх лет.

Вторую позицию в рейтинге занимает Финляндия. Коррупция в Финляндии рассматривается как опасное, уголовно наказуемое деяние. Не смотря на достаточно высокий рейтинг Финляндии по индексу восприятия коррупции, исследователи утверждают, что коррупция в стране носит структурный характер, а, следовательно, имеют место сложности ее выявления. В зоне коррупционного риска оказались политика, государственные закупки, городское планирование, строительство. В мае 2021 года правительство Финляндии приняло решение о реализации Антикоррупционной стратегии, рассчитанной на 2021 – 2023 гг. В краткосрочной перспективе предполагалось повышение эффективности уголовной ответственности по делам, связанным с коррупцией. Долгосрочные проекты предполагают построение общества, в котором коррупция будет пресекаться в зародыше, таким образом, будут работать, в основном, предупредительные меры.

Роль инструмента гражданского контроля в Финляндии играют СМИ. Госконтроль осуществляют правоохранительные органы и органы судебные [11, С. 27].

Сингапур занимает соответственно третью позицию в рейтинге. Сингапур отличается антикоррупционной политикой. Наказания за коррупционные преступления здесь весьма суровые, вплоть до смертной казни. В отличие от Дании, характеризующейся традиционно низким уровнем преступности, Сингапур еще 50 лет назад представлял собой страну, где преступность, в том числе коррупция, процветала. Добиться положительных результатов в исторически очень сжатые сроки удалось за счет жестких методов. Деятельность государственных служащих находится под строгим контролем. Регулярно проверятся счета, имущество и пр.

Опыт зарубежных стран показывает, что, в абсолютном большинстве государств уровень коррупции существенно не изменяется в течение достаточно продолжительного времени. У лидеров рейтинга индекса восприятия коррупции достигнутые результаты представляют собой итог достаточно продолжительной работы.

Имеет смысл обратить внимание на опыт стран, которые за достаточно непродолжительный промежуток времени значительно изменили индекс восприятия коррупции. В результате анализа изменений индекса восприятия коррупции были определены по пять стран лидеров и антилидеров по изменению показателей индекса (таблица 3).

Таблица 3. Изменение индекса восприятия коррупции за последние десять лет по отдельным государствам

Страна	Изменение индекса	Показатели индекса восприятия коррупции, годы									
		2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015
Сейшельские острова	+17	72	71	70	70	66	66	66	60	Н/Д	55
Ангола	+17	32	33	33	29	27	26	19	19	18	15
Восточный Тимор	+16	44	43	42	41	40	38	35	38	35	28
Кот-д Ивуар	+13	45	40	37	36	36	35	35	36	34	32
Узбекистан	+13	32	33	31	28	26	25	23	22	21	19
Бельгия	-8	69	73	73	73	76	75	75	75	77	77
Австрия	-9	67	71	71	74	76	77	76	75	75	76
Великобритания	-10	71	71	73	78	77	77	80	82	81	81
Либерия	-10	27	25	26	29	28	28	32	31	37	37
США	-11	65	69	69	67	67	69	71	75	74	76
Мальта	-14	46	51	51	54	53	54	54	56	55	60

Россия занимает промежуточную позицию, т.е. не входит ни в команду лидеров, ни в перечень антилидеров. Однако к антилидерам мы существенно ближе. С позиции организации борьбы с коррупционными проявлениями в обществе необходимо опираться не только на успешный, но и на негативный опыт зарубежных стран. В процессе организации движения имеет смысл рассматривать меры зарубежных государств, которые могли существенно изменить ситуацию с коррупцией [12, С. 145 – 147]. Важно не только опираться на достигнутые положительные результаты, но и не допускать уже апробированных ошибочных действий.

Противодействие коррупции призвано способствовать формированию в обществе таких условий функционирования должностных лиц, при которых возможности совершения коррупционных деяний будут минимизированы. С целью формирования таких условий необходимо изучать коррупцию как явление, выявлять его причины и возможные варианты проявления, устанавливать способы классификации и определять классификационные особенности, знакомиться с практиками зарубежных стран. Только на базе всестороннего и комплексного изучения коррупционных проявлений возможно подвести научную базу под способы противодействия данным явлениям.

Список литературы:

1. Денисов Н. Л., Соломатина Е. А. Развитие преступлений коррупционной направленности в России за период 2012 – 2022 годы // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 66 – 71.

2. Фарахиев Д. М. Качественно-количественные показатели коррупционной преступности (по материалам Республики Татарстан) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 4(32). С. 227 – 238.

3. Коррупция в России [Электронный ресурс] // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 04.03.2026).

4. Терещенко, И. А. (2009) Личность, общество, государство в контексте проблемы борьбы с коррупцией // Власть, № 3. С. 88 – 92.

5. Чечетин А. Е. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2(14). С. 114 – 118.

6. Горшенков Г. Н. Коррупция как криминологическая категория // Russian Journal of Economics and Law. 2021 № 3 (Т. 15), С. 540 – 555.

7. Стаценко А. И. Проблема противодействия коррупции в российской федерации в контексте новых подходов и предложений // Наукосфера, 20228-1. С. 393 – 398.

8. Список стран по индексу восприятия коррупции [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%BA%D0

%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8#%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%87%D1%91%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 04.03.2026).

9. Руденкин В. Н. Проблема измерения коррупции: возможны ли объективные международные коррупционные рейтинги? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 2(39). С. 22 – 31.

10. Турчин, О. Н. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: проблемы и эффективность // Приднепровский научный вестник. 2023 № 1 (Т. 11). С. 68 – 73.

11. Киселев С. Г. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией на государственной службе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020 № 2(839). 24 – 30.

12. Юркина, М. И. Социально-экономический аспект опасности коррупции // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество. 2015 С. 145 – 147.

© Солодова С. В. 2026

EDN: XNSPQN

Солодовник Вячеслав Викторович
доцент кафедры безопасности
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук, доцент
solodovnik-vv@ranepa.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЭТАПЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается структура экономической безопасности предприятия в рамках нескольких исторически сложившихся моделей экономической безопасности (централизованная, децентрализованная и смешанная), каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Построение системы экономической безопасности рассматривается как сложный циклический проект, который разделен на соответствующие этапы, которые проанализированы в данной статье.
Ключевые слова: экономическая безопасность, структура экономической безопасности, этапы построения системы экономической безопасности, модели экономической безопасности.

Теоретическая концепция экономической безопасности (далее — ЭБ) претворяется в жизнь через конкретный организационно-управленческий механизм. Его эффективность, в первую очередь, определяется тем, насколько продумана и интегрирована в бизнес-процессы организационная структура, ответственная за обеспечение безопасности. Исторически сложилось несколько моделей (централизованная, децентрализованная и смешанная), каждая из которых имеет свои преимущества и области применения [1, с. 503].

В рамках централизованной (линейно-штабной) модели создается единая, самостоятельная служба экономической безопасности (далее — СЭБ) или департамент безопасности, который подчиняется непосредственно Генеральному директору или Совету директоров. Эта служба обладает собственными полномочиями, бюджетом, штатом профильных специалистов (финансовых аналитиков, ИТ-специалистов, юристов, психологов). Она централизованно планирует, координирует и контролирует все мероприятия по безопасности в компании, разрабатывает единые стандарты и политики. К преимуществам такой модели относятся: высокая степень контроля, единообразие подходов, отсутствие дублирования функций, оперативность реагирования на сложные угрозы, независимость оценок. Однако, данная модель имеет и свои недостатки: риск превращения в «государство в государстве», возможное сопротивление со стороны линейных руководителей, высокая стоимость содержания, опасность отрыва от реальных бизнес-процессов. Эта модель оптимальна для крупных корпораций, финансово-кредитных учреждений, компаний, работающих в высокорисковых отраслях или на рынках с высоким уровнем криминализации.

В децентрализованной (функционально-распределенной) модели не существует единого мощного подразделения безопасности. Функции обеспечения ЭБ распределены между традиционными департаментами: финансовые риски контролирует финансовая дирекция и внутренний аудит, кадровые — HR-служба, информационные — ИТ-департамент, физические — административно-хозяйственный отдел, правовые — юридическая служба. Координатором может выступать отдел риск-менеджмента или специально назначенный менеджер. К преимуществам такой модели относятся: глубокое понимание специфики рисков в каждом подразделении, более низкие затраты на содержание аппарата, лучшее восприятие «своими». Недостатки: разрозненность усилий, «эффект слепых зон» на стыках ответственности, сложность координации при комплексных угрозах, зависимость от компетентности линейных менеджеров в вопросах безопасности. Модель подходит для среднего бизнеса или для компаний с дивизиональной структурой, где каждое направление обладает значительной автономией.

Наиболее гибкая и распространенная на практике — смешанная (координационная) модель. В ее основе лежит компактный центральный координирующий орган (управление или отдел безопасности), который отвечает за общую методологию, стратегию, аудит и контроль. При этом ключевые функции безопасности реализуются

«на местах» — в профильных подразделениях (бухгалтерия, отдел продаж, производство) под методическим руководством центрального органа. Например, ИТ-отдел отвечает за техническую защиту данных, но политику информационной безопасности и DLP-систему внедряет и контролирует центральная служба. Преимущества: сочетание стратегического централизованного управления с тактической гибкостью и вовлеченностью бизнес-единиц, оптимальное соотношение затрат и результативности. Недостатки: требует четкого разграничения полномочий и высокой управленческой культуры, чтобы избежать конфликтов.

Вне зависимости от выбранной модели, ключевая роль в ее эффективности принадлежит топ-менеджменту и собственникам компании. Без их понимания, поддержки и активного участия любая система безопасности обречена на формальность. Руководство должно: 1) сформулировать стратегические приоритеты безопасности; 2) обеспечить необходимыми ресурсами (финансы, персонал, полномочия); 3) личным примером демонстрировать приверженность принципам безопасности и корпоративной этике; 4) принимать непопулярные, но необходимые с точки зрения безопасности решения [2, с. 54].

Построение системы ЭБ — не разовое мероприятие, а циклический проект, реализуемый поэтапно:

Этап 1. Аудит (диагностика) существующего положения и идентификация угроз. Это отправная точка. Проводится всестороннее обследование предприятия с целью:

— анализа внешней среды (PEST-анализ) и конкурентного окружения;

— оценки внутренней среды: финансового состояния, бизнес-процессов, организационной структуры, корпоративной культуры, существующих мер защиты;

— выявления и систематизации актуальных внешних и внутренних угроз, уязвимостей и «узких мест»;

— оценки возможного ущерба от реализации угроз.

Итогом этапа становится отчет о рисках, ранжированных по вероятности и тяжести последствий.

Этап 2. Разработка концепции, политики и стратегии экономической безопасности, на основе чего формулируются основополагающие документы:

— концепция (политика) ЭБ — философско-стратегический документ, утверждаемый советом директоров, определяет миссию, цели, принципы, приоритеты безопасности, зоны ответственности топ-менеджмента;

— частные политики и регламенты — детализируют подход в каждой сфере: политика информационной безопасности, регламент работы с конфиденциальной информацией, положение о коммерческой тайне, политика управления финансовыми рисками, кодекс корпоративной этики и т.д.

Этап 3. Создание организационной структуры и регламентов деятельности. На этом этапе:

— выбирается и формируется модель службы безопасности (централизованная, децентрализованная, смешанная);

— разрабатываются положения о подразделениях, должностные инструкции для сотрудников СЭБ и ключевых менеджеров;

— создаются детальные регламенты и процедуры действий в стандартных и нештатных ситуациях (порядок проведения внутренних расследований, реагирование на ИТ-инциденты, действия при попытке рейдерского захвата);

— формируется система внутренних нормативных актов (приказы, распоряжения).

Этап 4. Практическое внедрение системы, в рамках чего осуществляются следующие действия:

— внедрение технических средств защиты (СКУД, видеонаблюдение, DLP, системы резервного копирования);

— развертывание организационных процедур (проведение инструктажей, организация пропускного режима, настройка workflow по согласованию договоров);

— интеграция риск-ориентированного подхода в бизнес-процессы (обязательная проверка контрагентов перед сделкой, анализ рисков при запуске нового продукта);

— обучение и информирование персонала. Это критически важный элемент, потому что без осознания сотрудниками своей роли в системе безопасности, она останется на бумаге.

Этап 5. Мониторинг, контроль и оценка эффективности. Адаптация к условиям:

— постоянный мониторинг индикаторов безопасности и оперативной обстановки;

— регулярный внутренний аудит и контроль за соблюдением установленных процедур;

— оценка эффективности — самый сложный момент. Критериями могут служить: снижение финансовых потерь от хищений и мошенничества, отсутствие серьезных инцидентов, снижение уровня текучести

кадров среди ключевых специалистов, положительные результаты внешнего аудита, успешное прохождение проверок регуляторов, повышение стоимости бизнеса. Система не должна быть затратным «довеском», а должна демонстрировать возврат на инвестиции (ROI) [1, с. 429].

По итогам оценки система корректируется и адаптируется к новым угрозам и изменяющимся условиям бизнеса.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов.

1. Успешная реализация системы экономической безопасности предприятия невозможна без активной и осознанной поддержки высшего руководства, которое задает стратегический вектор, обеспечивает ресурсами и формирует культуру безопасности в организации.

2. Выбор организационной структуры (централизованной, децентрализованной или смешанной) определяется масштабом компании, отраслевой спецификой и уровнем угроз, причем наиболее сбалансированной и распространенной является смешанная координационная модель.

3. Построение системы ЭБ представляет собой последовательный, циклический процесс, включающий этапы диагностики, стратегического планирования, организационного проектирования, практического внедрения и непрерывной оценки эффективности с последующей адаптацией, что превращает безопасность из набора разрозненных мер в интегрированную управленческую функцию.

Список литературы:

1. Шатунова Д. С., Шхагошев Р. В. Концепция экономической безопасности и стратегия ее обеспечения // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 501 – 506.

2. Толпегина О. А., Завитаева Э. А. Оценка эффективности системы безопасности государственных компаний с точки зрения ценностно ориентированного подхода в управлении // Государственная служба. 2022. Т. 24. № 3 (137). С. 48 – 58.

3. Митяев В. В. Построение системы информационной безопасности организации в контексте основных этапов управленческого цикла // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 428 – 430.

© Солодовник В. В., 2026

EDN: XQMRTX

Спиридонов Иван Александрович
специалист отдела вещевого снабжения
СЗОУМТС МВД России
Санкт-Петербург, Россия
ivan-2355@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИИ НОРМ И НОРМАТИВОВ В СИСТЕМЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы классификации норм и нормативов в системе материально-технического обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. Проанализированы существующие подходы к их классификации. Предложено уточнение классификационных признаков норм и нормативов. Рассмотрены отдельные аспекты формирования и анализа норм в рамках действующей практики нормирования.

Ключевые слова: материально-техническое обеспечение, материально-технические средства, нормы и нормативы, классификация норм, органы внутренних дел Российской Федерации, нормирование ресурсов, управление ресурсами.

Эффективное функционирование органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД России) во многом определяется уровнем их материально-технического обеспечения (далее — МТО) [1]. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов особую значимость приобретает научно обоснованная система нормирования, обеспечивающая рациональное распределение и эффективное использование ресурсов.

Современная практика нормирования в значительной степени базируется на ранее разработанных нормах с их последующей

корректировкой, что снижает уровень их адаптивности к изменяющимся условиям. Это обусловливает необходимость совершенствования методологических подходов к формированию системы норм и нормативов.

Нормы и нормативы характеризуются значительным разнообразием видов, что обусловлено широкой номенклатурой материально-технических средств (далее — МТС), закреплённой в ведомственных нормативных актах, в частности в Приказе МВД России от 5 марта 2014 г. № 135 «Об организации материально-технического обеспечения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» [2]. В этой связи их классификация выступает одним из ключевых методологических вопросов при формировании эффективной системы нормирования.

Вопросы МТО ОВД России на протяжении длительного времени исследуются учёными и специалистами из разных областей, среди которых можно выделить: Абиркина В. В., Акиньшина И. С., Барикаева Е. Н., Бубнова Ю. Г., Гиоева Г. В., Гольцунова Е. П., Долинко В. И., Емельянова А. С., Емельянова И. И., Литвиненко А. Н., Наливайко С. В., Новикова В. В., Попова Ю. И., Тесленко В. М., Хесина Л. Н., Яковенко Е. Г., Якушева В. А. и др. Однако вопросам классификации норм и нормативов уделяется недостаточное внимание, что свидетельствует о наличии научного пробела в данной области.

Существующие разработки носят фрагментарный характер и, как правило, ориентированы на решение частных задач, что затрудняет формирование целостной и согласованной системы нормирования.

Отсутствие унифицированной классификации приводит к несопоставимости норм, дублированию нормативных показателей, снижению прозрачности процессов планирования и, как следствие, к неэффективному использованию бюджетных средств. В условиях возрастающих требований к обоснованности управленческих решений данное обстоятельство приобретает особую значимость и требует научного осмысления [3].

Согласно подходу Гапоненко В. Ф., Долинко В. И., Гладкой Н. В., Ельцина А. А., классификация норм может осуществляться по следующим признакам [4]:

1. По содержанию:

— нормы затрат живого труда;

— нормы использования средств труда;

— нормы, характеризующие расход основных запасов, материальных средств и ценностей, вспомогательных материалов, топлива и электроэнергии (предметов труда).

2. По периоду планирования:

— оперативные (соответствуют конкретным условиям использования МТС);

— текущие (подразделяются на годовые, квартальные и месячные; на основе этих норм ведется плановая работа: определение потребности в ресурсах, составление заявочных расчетов, планов распределения и т.п.);

— перспективные (устанавливаются по годам (от трех до пяти лет) или могут быть едиными на весь пятилетний или даже более длительный период).

3. По степени укрупнения:

— индивидуальные;

— укрупненные.

Укрупнение норм можно проводить различными способами. Чаще всего для укрупнения используют алгоритм получения средневзвешенной величины, но это не единственный способ. Большое значение при группировке норм имеет выделение вида норм. Вид норм, как правило, соответствует виду нормируемого ресурса. При этом в качестве нормируемого ресурса условно рассматривается и время.

4. По методам разработки:

— расчетно-аналитические (устанавливаются на основе технически и экономически обоснованных расчетов по всем нормообразующим факторам);

— опытные (устанавливаются на основе экспериментальных данных с учетом передовых методов и всестороннего анализа; разрабатываются в том случае, когда из-за отсутствия соответствующих данных невозможно применить расчетный метод);

— отчетно-статистические (определяются на основе отчетно-статистических данных за прошлый период; имеют все недостатки прошлого периода, не отражают планируемых изменений научно-технического прогресса и не стимулируют использование имеющихся резервов; разрабатываются только в тех случаях, когда невозможно использовать расчетный или опытный методы [5]).

При классификации иногда выделяют особую группу норм, характеризующих качество изделий. Это вполне правомерно, но следует отметить, что эта группа является составной, она формируется из групп норм, классифицируемых по виду нормируемых ресурсов и запасов.

Вместе с тем, представляется целесообразным расширить данную классификацию, дополнив ее следующими признаками:

1. По функциональному назначению:

— обеспечивающие (непосредственно направленные на выполнение задач ОВД России);

— вспомогательные (обеспечивающие функционирование инфраструктуры и процессов).

2. По объекту нормирования:

— технические средства;

— персонал;

— инфраструктура.

3. По степени обязательности применения:

— обязательные (утвержденные на нормативном уровне);

— рекомендательные (используемые в качестве ориентиров).

4. По уровню управления:

— федеральные;

— региональные;

— ведомственные (локальные).

Такое расширение классификации позволяет более полно учитывать особенности функционирования системы МТО и повышает обоснованность управленческих решений.

Формирование норм и нормативов должно осуществляться на основе экономических и инженерных расчетов и включать три взаимосвязанные стадии:

— организационная (определение порядка разработки и систематического обновления норм и специальных нормативов подразделений, участвующих в их формировании, а также объемов финансирования этих работ);

— методическая (подготовка методических документов по формированию норм и различных нормативов, определение соответствующих номенклатур, экспериментальная проверка и утверждение различного рода методических документов и т.д.);

— расчетная (проведение расчета, утверждение и обеспечение систематического обновления норм и специальных нормативов).

Нарушение последовательности или формальный подход к любой из стадий может привести к снижению качества нормативной базы и неэффективному использованию ресурсов.

Особое значение имеет анализ и экспертиза норм, включающие оценку их прогрессивности, сопоставление с фактическими показателями и учет достижений научно-технического прогресса. При этом ключевым фактором является обеспечение научной обоснованности

норм, что требует привлечения высококвалифицированных специалистов и проведения комплексных исследований.

Таким образом, совершенствование системы норм и нормативов в сфере МТО ОВД России является важным направлением повышения эффективности их деятельности. Одним из ключевых элементов данного процесса выступает разработка научно обоснованной и многоаспектной классификации норм, позволяющей учитывать специфику различных ресурсов, условий их использования и уровней управления.

Предложенное расширение классификационных признаков позволяет устранить выявленные методологические недостатки, обеспечить системность нормирования и повысить обоснованность управленческих решений в сфере МТО. Практическая реализация разработанных положений будет способствовать повышению эффективности использования материальных ресурсов и оптимизации бюджетных расходов.

В перспективе целесообразно сосредоточить научные исследования на разработке методов количественной оценки эффективности норм, а также на внедрении цифровых инструментов поддержки процессов нормирования, что позволит обеспечить их динамическую адаптацию к изменяющимся условиям функционирования ОВД России.

Список литературы:

1. Синицын А. В. Материально-техническое обеспечение территориальных органов, подразделений и организаций МВД России на современном этапе / А. В. Синицын // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». — 2024. — № 34. — С. 130 – 136.

2. Приказ МВД России от 5 марта 2014 г. № 135 «Об организации материально-технического обеспечения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

3. Гиоев Г. В. Управленческо-методологические аспекты формирования инфраструктуры органов внутренних дел // Диссертация. — 2019. — 402 с.

4. Организация материально-технического обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации в экстремальных условиях и чрезвычайных ситуациях: учебное пособие / В. Ф. Гапоненко, В. И. Долинко, Н. В. Гладкая, А. А. Ельцин. — Москва: Академия управления МВД России, 2024. — 68 с.

5. Сычев М. П. Роль и значение нормирования при организации материально-технического обеспечения инженерных изысканий в труднодоступных районах / М. П. Сычев, Н. Е. Гильц // Решетневские чтения: Материалы XXIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти генерального конструктора ракетно-космических систем академика М. Ф. Решетнева: в 2 частях, Красноярск, 10 – 13 ноября 2020 года. Том Часть 2. — Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», 2020. — С. 633 – 635.

© Спиридонов И. А., 2026

EDN: YZEJDV

Стрелкова Татьяна Георгиевна
доцент кафедры экономической безопасности
финансов и экономического анализа
Московский ордена Почёта
университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
кандидат юридических наук
tataiam@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье на основе анализа публикаций ведущих отечественных исследователей рассмотрены ключевые аспекты роли органов внутренних дел в обеспечении кибербезопасности цифровой экономики. Особое внимание уделено анализу правовых основ, проблем правоприменения и стратегических направлений борьбы с киберпреступностью. Выявлены основные вызовы: недостаточная координация правоохранительных органов, кадровый дефицит и технологическое отставание. Предложены меры совершенствования системы: создание специализированных подразделений цифровой полиции, внедрение SIEM-систем и международное сотрудничество. Эмпирические данные МВД подтверждают рост киберпреступлений на 27% в 2024 г. Научная значимость работы заключается в систематизации подходов к формированию комплексной стратегии противодействия киберугрозам.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая экономика, органы внутренних дел, экономическая безопасность, цифровая полиция, международное сотрудничество.

Развитие цифровой экономики в России сопровождается экспоненциальным ростом киберпреступлений, что создает системные угрозы экономической безопасности государства. Как отмечает Толкачева О. П. и Грачев А. В., цифровизация экономических процессов объективно усиливает роль правоохранительных органов в обеспечении устойчивости информационной инфраструктуры [2]. В условиях реализации Указа Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [10] и Национального проекта «Цифровая экономика» [12] особая ответственность ложится на органы внутренних дел. Цель данной статьи — систематизировать современные научные подходы к противодействию киберпреступности и определить приоритетные направления совершенствования деятельности МВД России. Методология проведения исследования заключается в комплексном критическом анализе научной литературы и изучении официальной статистической информации МВД России. Данный подход позволил систематизировать современные теоретические концепции противодействия киберпреступности и верифицировать их на основе актуальных данных о динамике киберугроз в цифровой экономике России.

Рассматривая теоретико-правовые основы противодействия киберпреступности Иванов П. И. подчеркивает, что эффективность борьбы с киберпреступностью определяется качеством правовой базы [3]. Основополагающими актами выступают Уголовный кодекс РФ (ст. 272 – 274 неправомерный доступ, создание вредоносных программ, нарушение работы средств хранения информации) [8], Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регулирующий информационную безопасность [9], Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в которой киберпространство определяется как объект защиты [11]. Гонов А. М. справедливо отмечает такие пробелы правоприменения, как отсутствие унифицированных методик расследования трансграничных киберинцидентов и недостаточная конкретизация составов преступлений для новых форм киберпреступности [4].

По мнению Иванова П. И., основными предпосылками построения эффективной системы являются технологическая оснащенность, кадровый потенциал и международное сотрудничество [3]. Особое значение приобретают специализированные подразделения «К» МВД и подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции.

В организационных моделях противодействия Толкачева О. П. и Грачев А. В. [2] выделяют три ключевых направления деятельности МВД в цифровизации экономики. Во-первых, превентивные меры, такие как мониторинг darknet, блокировка фишинговых ресурсов. Во-вторых, использование SIEM-систем и OSINT в рамках проведения оперативно-розыскной деятельности. В-третьих, осуществление обмена данными через Интерпол и Евразийскую группу при международном сотрудничестве. Маслиенко М. А. и Каснова М. С. акцентируют внимание на необходимости создания эргатической системы, интегрированной с ЕИС закупок и Росфинмониторингом [5].

В части эмпирических данных официальная статистика МВД России за 2024 г. свидетельствует о росте киберпреступлений на 27 % (765 тыс. зарегистрированных случаев) [1]. Данная динамика отражает глобальные тенденции цифровизации и, одновременно, уязвимости цифровой инфраструктуры, что подтверждается удельным весом IT-преступлений в 40 % от общего массива зарегистрированных преступлений. В таблице 1 представлен эмпирический анализ структуры преступлений. Эта таблица систематизирует данные по пяти типам киберпреступлений, демонстрируя доминирование фишинга и мошенничества 711,2 тыс. случаев, или 93 % от общего числа, за которым следуют DDoS-атаки 26 тыс., вирусы-вымогатели 18 тыс., криптоджекинг 9 тыс. и корпоративные атаки 0,8 тыс [1]. Общий экономический ущерб составил 265 млрд руб., с преобладанием фишинга и мошенничества 168 млрд руб., 63,4 % и корпоративных атак 28 млрд руб., 10,6 % [1]. Средняя раскрываемость достигла 58 %, что на 35 п.п. выше уровня 2023 года.

Таблица 1. Структура преступлений

Тип преступления	Количество	Ущерб, млрд руб.	Раскрываемость
Фишинг и мошенничество	711,2 тыс. случаев	168	67
Вирус-вымогатель	18 тыс. атак	42	41
DDoS	26 тыс. инцидентов	15	78
Криптоджекинг	9 тыс.	12	58
Корпоративные	0,8 тыс. атак	28	34
ИТОГО	765 тыс	265	58

Средневзвешенный показатель раскрываемости 58 % маскирует значительную вариативность: DDoS-атаки лидируют 78 % благодаря отслеживанию трафика, в то время как корпоративные атаки имеют минимальный уровень 34 % из-за сложности атрибуции. Рост с 23 % до 58 % коррелирует с внедрением SIEM-систем, обеспечивающих автоматизированный мониторинг и анализ событий. Это подтверждает эффективность организационно-технических мер в противодействии киберугрозам.

Однако, несмотря на положительную динамику, сохраняются системные проблемы правоприменения и стратегические вызовы, подробно исследованные Скобликовым П. А., который в своей работе проводит различие между «должным» и «сущим» в борьбе с киберпреступностью [6]. К основным проблемам традиционно можно отнести кадровый дефицит. В период становления тех или иных общественных отношений появляется нехватка специалистов, в данном случае по киберрасследованиям, по данным статистики коэффициент обеспеченности составляет 0,43. Также технологическое отставание, согласно закупкам проводимым МВД России на ЕИС иностранное программное обеспечение составляет 41 % закупок ИБ. Особенно критична межведомственная разобщенность: латентность обмена данными между ФАС, ЕИС и МВД достигает 48 часов, что существенно замедляет реагирование на угрозы.

Эти внутренние ограничения усугубляются глобальным характером киберугроз, как подчеркивает Козаев Н. Ш.: 65 % кибератак на российскую инфраструктуру имеют иностранное происхождение [7].

В этих условиях предлагается ряд направлений совершенствования системы, которые можно определить как организационные, технологические и международное сотрудничество. На организационном уровне предлагается создание единого координационного центра кибербезопасности при МВД с полномочиями оперативного реагирования. Помимо этого, в рамках цифровой трансформация следственных подразделений внедрить программное обеспечение информационной безопасности, которое в режиме реального времени собирает, анализирует и сопоставляет данные из различных источников ИТ-инфраструктуры и блокчейн-реестров IP-адресов. В технологических решениях отдать приоритет отечественным SIEM-системам (Kaspersky KUMA, Solar JSOC), интегрировать искусственный интеллект в автоматизированный мониторинг ЕИС закупок. В сфере международного сотрудничества предлагается развитие механизма «горячей линии» с Интерполом и ШОС для оперативного обмена данными о трансграничных киберпреступниках.

Систематизация современных научных исследований в области кибербезопасности выявила объективную потребность в коренной перестройке механизмов противодействия киберпреступлениям, функционирующих в условиях нашей экономики. Эмпирическая база анализа охватывает как оценку текущего состояния системы, так и определение стратегических приоритетов ее развития. Статистические показатели деятельности подразделений органов внутренних дел свидетельствуют о положительной динамике: общий уровень раскрываемости киберпреступлений достиг 58 %, что подтверждает результативность применения современных технологических решений. В частности, интеграция SIEM-платформ и аналитических систем обеспечила существенное сокращение времени обнаружения угроз. Вместе с тем сохраняются системные ограничения, существенно влияющие на масштабируемость превентивных мер. Ключевыми факторами риска выступают кадровый дефицит специалистов по киберрасследованиям и недостаточная техническая оснащенность региональных подразделений, что снижает эффективность реагирования на сложные атаки.

Среди первоочередных направлений совершенствования системы выделим такие меры институционального и технологического характера, как цифровизация следственных процессов с использованием предиктивной аналитики, расширение международного сотрудничества в рамках платформ ШОС и Интерпола, комплексное развертывание SIEM-инфраструктуры с интеграцией в Единую информационную систему государственных закупок.

Проанализированные подходы создают аналитическую основу для решения трех приоритетных научных задач. Во-первых, формирование унифицированных протоколов расследования трансграничных киберинцидентов, во-вторых, создание федерального реестра цифровых следов преступной деятельности, в-третьих разработка моделей прогнозирования киберугроз на базе методов машинного обучения.

В условиях ускоренной цифровизации национальной экономики органы внутренних дел, наделенные широким спектром полномочий, объективно выступают системообразующим звеном координации межведомственного взаимодействия. Координирующая функция предполагает интеграцию усилий государственных структур, корпоративного сектора и международных партнеров для обеспечения технологического суверенитета и повышения устойчивости цифровой инфраструктуры.

Список литературы:

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023, 2024, 2025 гг. Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс] // URL: https://xn — b1aew.xn — p1ai/reports/ (дата обращения: 03.03.2026).

2. Толкачева О. П., Грачев А. В. Роль органов внутренних дел в цифровизации экономики // Вестник УЮИ. 2024. № 2 (104) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-vnutrennih-del-v-tsifrovizatsii-ekonomiki (дата обращения: 03.03.2026).

3. Иванов П. И. Основные предпосылки построения современной системы противодействия киберпреступности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-predposylki-postroeniya-sovremennoy-sistemy-protivodeystviya-kiberprestupnosti (дата обращения: 03.03.2026).

4. Гонов А. М. Деятельность правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности: правовые основы и проблемы правоприменения // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 1 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-pravoohranitelnyh-organov-rossiyskoy-federatsii-po-protivodeystviyu-kiberprestupnosti-pravovye-osnovy-i-problemy (дата обращения: 03.03.2026).

5. Маслиенко М. А., Каснова М. С. Роль органов внутренних дел в предупреждении цифровых преступлений // ППД. 2024. № 4 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-vnutrennih-del-v-preduprezhdenii-tsifrovyh-prestupleniy (дата обращения: 03.03.2026).

6. Скобликов П. А. Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее // Сибирское юридическое обозрение. 2025. № 1 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-borby-s-kiberprestupnostyu-dolzhnoe-i-suschee (дата обращения: 03.03.2026).

7. Козаев Н. Ш. Киберпреступность в современном мире: тенденции, вызовы и стратегии противодействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-v-sovremennom-mire-tendentsii-vyzovy-i-strategii-protivodeystviya (дата обращения: 03.03.2026).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.03.2026).

9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 06.03.2026).

10. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 06.03.2026).

11. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 06.03.2026).

12. Национальный проект «Цифровая экономика» [Электронный ресурс] // URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (дата обращения: 06.03.2026).

© Стрелкова Т. Г., 2026

EDN: YQGIHI

Сударушкина Елена Михайловна
слушатель факультета заочного обучения
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
esudarushkina@yandex.ru

РАСХОДЫ БЮДЖЕТА НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КРИМИНОГЕННАЯ ДИНАМИКА В РОССИИ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь расходов бюджета на правоохранительную деятельность и криминогенная обстановка в России.
Ключевые слова: право, экономика, взаимосвязь, преступность, финансирование.

Актуальность темы исследования состоит в ее проблематике. Специфика государственных проектов и программ ставит под сомнение универсальность традиционных методов управления. Для достижения оптимальных результатов требуется не просто применение, а глубокая трансформация существующих определений и стандартов, чтобы они отвечали международным требованиям и реалиям государственного сектора [1].

Суть актуальности состоит в том, что существует прямая зависимость между количеством выделенных средств из бюджета на финансирование правоохранительной деятельности и количеством преступности. Снижение преступлений, согласно исследованиям Л. Филлипса и Г. Воти, связали с достаточным объемом финансирования [2].

Проблемы. Для доказательства или опровержения данного термина автор настоящей статьи, использует данные об уровнях преступности и объемах финансирования [3].

Таблица 1. Динамика преступности и объем финансирования

Год	Количество преступлений	Объем финансирования правоохранительной деятельности, тыс. рублей	Численность сотрудников правоохранительных органов	Объем затрат финансирования правоохранительной деятельности на 1 преступление
2024	1 911 345	3 565 231,9	934011	1,8653
2023	1 947 161	3 514 896,3	922061	1,8051
2022	1 966 795	3 490 952,1	921987	1,7749
2021	2 004 404	3 941 581,2	921036	1,9664
2020	2 044 221	3 932 906,0	920236	1,9239

Согласно таблицы отметим, что в 2020 году на финансирование было выделено более 3,9 млрд рублей с количественном преступлений 2044221, в то же время как уже 2024 году выделено на порядок менее 3,5 млрд рублей. Это говорит о том, что фактические данные свидетельствуют об отсутствии прямой зависимости (опосредованная обратная связь с эффектом запаздывания). Данные 2020 – 2024 годов свидетельствуют о том, что преступность в России падает, но не связана это с финансированием органов МВД России, а скорее от естественных причин. Однако увеличение численности сотрудников правоохранительных органов совпадает по времени со снижением количества зарегистрированных преступлений до минимальных значений за пятилетку.

Проблема взаимосвязи ресурсного обеспечения и результатов деятельности органов внутренних дел исследована отечественными учеными такими как: А. Н. Литвиненко, А. Р. Нугуманов, В. Н. Аникин, А. В. Грачев.

А. Р. Нугуманов изложил, что ресурсное обеспечение органов внутренних дел является комплексом взаимосвязанных последовательных шагов, выполняемых поэтапно. В контексте органов внутренних дел сегодня этот процесс включает следующие этапы:

— идентификация и анализ основных требований к материальным, финансовым и прочим ресурсам для выполнения задач в рамках изучаемого сектора деятельности;

— составление графика наличия требуемых ресурсов в соответствии с производственными потребностями на будущий период;

— контроль текущего положения и выравнивание предварительно определённых потребностей органов внутренних дел в ресурсах с реальными условиями, возникающими в процессе осуществления правопорядка;

— определение объема требуемых и адекватных ресурсных потребностей для покрытия через бюджетное финансирование [4].

А. Н. Литвиненко разрабатывает концепцию, в рамках которой задачей правоохранительных структур выступает достижение оптимального уровня защиты интересов различных субъектов (граждан, предприятий) от угроз правонарушений [5]. Такой подход направлен на минимизацию вероятности посягательств на каждого индивидуума или организацию. Для эффективного достижения такого состояния используется стратегия социальной справедливости. Его метод сталкивается с ограничениями экономической эффективности и ведет к повышению затрат на систему правопорядка. Это обусловлено необходимостью распределения ресурсов различного объема для поддержания сопоставимой вероятности преступлений в отличающихся регионах и среди разных социальных групп. При стабильном уровне финансирования правоохранительных органов, попытки одинаково снизить угрозу преступлений для всех групп населения могут увеличить общую вероятность преступлений на национальном уровне, поскольку это требует перераспределения усилий безопасности с менее угрожаемых индивидуумов на тех, кто подвергается большему риску.

А. В. Грачев применяет инструменты экономико-математического моделирования, позволяющие выявить корреляцию между масштабом преступности, оцененным через сумму материальных потерь, и финансовыми вложениями в систему внутренних дел, измеряемыми исходя из расходов на её функционирование [6]. Исследование, как он считает, поможет определить эффективные с точки зрения экономики показатели преступности и бюджетные ассигнования для правоохранительных органов на конкретной территории.

В то же время, если рассматривать зарубежный опыт стоит выделить две точки зрения. Как, верно, указывает в своем исследовании М. Мандел, опираясь на мнение американского экономиста Т. Миллера, «насильственно прерванная человеческая жизнь» обходится государству примерно в 2,4 млрд долл. [7].

Если сопоставить колоссальные убытки, которые преступность наносит американскому обществу, с суммами, выделяемыми на её подавление, становится очевидно: США тратят слишком много на борьбу, но при этом несут ещё больше потерь от самих преступлений.

Американские экономисты криминологи Л. Филлипс и Г. Воти, рассуждая на тему визуализации государственных программ поддержки правоохранительной деятельности, ввели специальное понятие — «коэффициент осуждений», которое выражено отношением числа вынесенных приговоров к числу правонарушений [2]. Коэффициент зависит от уровня преступности от собственно ресурсов криминальной юстиции (рис. 1).

где:

CR — коэффициент осуждений (conviction ratio),

OF — уровень преступности (offence ratio),

L — ресурсы криминальной юстиции.

Я. Г. Ищук и К. Г. Севагин вводят такое понятие как «цена» преступности, складывающееся из комплексной оценки всех последствий преступности, которые были выражены в денежном выражении [8]. «Цена» преступности включает в себя: прямой материальный и моральный ущерб, косвенные издержки, последние в свою очередь связаны с функционированием правоохранительных органов, судебной системы, пенитенциарных учреждений и мер по предупреждению преступности.

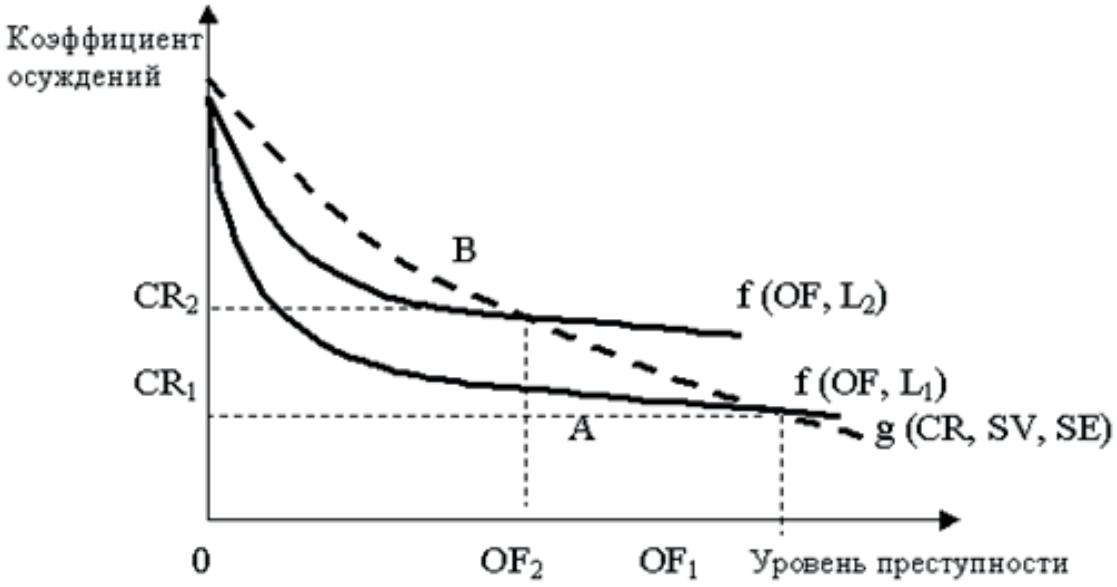

Рисунок 1. Усиление контроля над преступностью при помощи увеличения расходов на криминальную юстицию

Предложения. Таким образом, проведя исследование, используя также опыт авторитетных ученых зарубежных стран, и несмотря на это было установлено, что выделенные средства из федерального бюджета для финансирования органов МВД России не связаны с численностью, структурой преступности.

Список литературы:

1. Аникин В. Н. Ресурсная модель стратегического развития системы МВД России / В. Н. Аникин // Труды Ордена Трудового Красного Знамени Академии управления МВД России. 2022. № 2(62). С. 8 – 17 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/resursnaya-model-strategicheskogo-razvitiya-sistemy-mvd-rossii (дата обращения: 15.03.2026).

2. Phillips L. The economics of crime control / L. Phillips, H. L. Votey. — Beverly Hills CA: Sage Publications, 1981. 215 p.

3. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах использования отдельных постулатов «экономической теории преступлений и наказаний» в целях «оптимизации» уровня преступности / М. Ю. Осипов // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11, № 3. С. 46 – 50.

4. Нугуманов, А. Р. Особенности ресурсного обеспечения деятельности органов внутренних дел / А. Р. Нугуманов, Р. Ф. Шайхутдинов // Аграрное и земельное право. 2022. № 2(206). С. 100 – 101.

5. Литвиненко А. Н. Подходы к определению оптимального уровня ресурсной обеспеченности органов внутренних дел МВД России в системе обеспечения экономической безопасности страны / А. Н. Литвиненко, О. Ю. Максимова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4(48). С. 145 – 150. — EDN NBLSVZ.

6. Грачев А. В., Максимова О. Ю. Расчет оптимального уровня ресурсной обеспеченности ОВД МВД России в системе обеспечения экономической безопасности страны // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 11 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raschet-optimalnogo-urovnya-resursnoy-obespechennosti-ovd-mvd-rossii-v-sisteme-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-strany (дата обращения: 18.03.2026).

7. Мандел М. Сколько стоит преступление? / М. Мандел, П. Магнуссон [и др.] // Бизнес Уик. 1994. № 3. С. 19.

8. Ищук Я. Г. «Цена» преступности: проблемы исчисления и минимизации / Я. Г. Ищук, К. Г. Севагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 4(42). С. 122 – 129 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsena-prestupnosti-problemy-ischisleniya-i-minimizatsii (дата обращения: 15.03.2026).

© Сударушкина Е. М., 2026

EDN: YVCSES

Сутягин Михаил Сергеевич
аспирант кафедры экономики и финансов предприятий и отраслей
Международный банковский институт
Санкт-Петербург, Россия
9922244@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ НА РОССИЙСКОМ СТРАХОВОМ РЫНКЕ

Аннотация. В статье анализируются организационно-экономические последствия от изменений на страховом рынке Российской Федерации. Рассматриваются системные проблемы и ограничения действующей модели. Научная новизна заключается в выявлении взаимосвязи между трансформацией механизмов страховой отрасли и изменением структуры финансовых потоков, а также в обосновании сохраняющихся ограничений системы страховой защиты.
Ключевые слова: ОСАГО, страховой рынок, организационно-экономические последствия, урегулирование убытков, тарифная политика.

Страховой рынок Российской Федерации в последние несколько лет характеризуется трансформацией, особенно в сегменте обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). Изменения затронули институциональные, структурные и экономические направления.

Являясь ключевым сегментом страхового рынка, ОСАГО ежегодно сохраняет устойчивую положительную динамику в объемах продаж и по итогам 2025 года количество договоров составило 54,4 млн, что на 21,5 % больше в сравнении с 2024 годом [1]. Вместе с тем, количественный рост страхового рынка в сегменте ОСАГО сопровождается постоянной необходимостью усиления внутренних механизмов

и адаптации изменений во взаимодействии всех участников страховых отношений.

Актуальность исследования обусловлена тем, что проводимые изменения направлены преимущественно на повышение финансовой устойчивости страховых организаций и снижение убыточности сегмента ОСАГО, однако комплексные организационно-экономические последствия недостаточно исследованы. Проблематика заключается в том, что усиление регуляторного контроля, изменение механизмов урегулирования убытков и рассматриваемые законопроекты в настоящее время, приводят не только к стабилизации страхового рынка, но и к формированию новых дисбалансов между участниками системы.

Целью настоящего исследования является анализ организационно-экономических последствий на страховом рынке и выделения проблем для решения в будущем.

В таблице 1 перечислены ключевые изменения в сегменте страхования ОСАГО.

Таблица 1. ключевые изменения в сегменте ОСАГО

Номер	Направление	Содержание изменения	Характер
1	Тарифная политика	Расширение тарифного коридора и развитие индивидуализации страховых тарифов	Экономические
2	Урегулирование убытков	Развитие приоритетной формы возмещения (ремонт вместо выплат)	Организационно-экономические
3	Процедуры выплат	Оптимизация порядка и сроков урегулирования страховых случаев	Организационное
4	Контроль злоупотреблений	Усиление противодействия недобросовестным практикам и цессии	Институциональное
5	Цифровизация	Расширение электронных сервисов урегулирования убытков	Технологическое

К наиболее значимым следует отнести изменения в направлении формирования тарифной политики и урегулировании убытков. Одновременно возрастает роль развития цифровых механизмов взаимодействия участников страхового рынка.

Первое. Государственное регулирование тарифной политики и возможности конкуренции страховых компаний оказывают существенное влияние на динамичность тарифного коридора и как результат меняют

показатель средней страховой премии по ОСАГО [2]. Анализ результатов деятельности страховщиков в разрезе регионов РФ, позволяет дифференцировать территориальные коэффициенты и анализировать убыточность.

Экономический характер данных изменений можно связать с использованием риск-ориентированного подхода в формировании модели ценообразования, которая позволяет более точно управлять выплатами по страховым событиям и тем самым формировать предпосылки для роста финансового результата от страховой деятельности.

В исследованиях современных авторов отмечается, что вариативность тарифов и корректировка отдельных коэффициентов позволяют потребителю менее рисковых категорий совершать меньше затрат на страхование и получать более справедливый тариф [3]. По данным Центрального Банка, в результате более гибкой системы управления тарифами ОСАГО определен положительный социально-экономический эффект.

Второе. Переход к натуральной форме возмещения по ОСАГО. Страховая компания осуществляет ремонт транспортного средства вместо выплат, что позволяет сократить количество претензий со стронны потребителей и делегировать вопрос ответственности за ремонт транспортного средства на станцию технического обслуживания. С экономической точки зрения такие изменения трансформируют финансовые потоки страховой компании, денежные средства направляются не страхователю, а на станцию по ремонту автомобиля. Сужается круг платежных агентов, операционная нагрузка, контроль за качеством оказания услуги становится более управляемым. При этом организационно меняется управленческая функция по контролю цепочки урегулирования и отношений всех участников процесса.

Третье. Значимым направлением трансформации системы ОСАГО выступает оптимизация процедур урегулирования страховых случаев, направленная на сокращение сроков рассмотрения заявлений и повышение эффективности взаимодействия между страхователем и страховой организацией. По данным СПАО «Ингосстрах» в период с 2024 по 2025 гг. система урегулирования подверглась улучшениям, связанным с упрощением процедуры подачи документов, расширением возможностей удаленного урегулирования и ужесточением за соблюдением срока выплат [4].

С экономической позиции оптимизация сроков урегулирования страховых случаев оказывает влияние на снижение операционных издержек страховых организаций, обусловленных длительным

сопровождением страховых дел, а также способствует ускорению оборота страхового капитала. Сокращение сроков урегулирования приводит к необходимости повышения уровня ликвидности и модернизации системы резервирования страховых компаний, при этом могут формироваться финансовые ограничения в краткосрочном периоде.

В качестве факторов давления на систему ОСАГО выступает рост стоимости запасных частей, что меняет экономическую модель страховой организации увеличивая среднюю стоимость страхового события и снижению действующих лимитов страхового возмещения [5].

Четвертое. Недобросовестные действия, включая мошенничество и цессионные схемы, требуют отдельного внимания и усиления внутренних и внешних механизмов взаимодействия между участниками процесса при получении страховых выплат. Согласно мониторингу региональных рисков недобросовестных действий в ОСАГО, сокращается количество субъектов, входящих в красную зону, снижается частотность страховых событий в ряде регионов и разрабатываются дополнительные меры для дальнейшего контроля и регулирования [6]. Данные изменения носят институциональный характер и направлены на повышение прозрачности страховой деятельности и снижения объема неправомерных выплат.

Проводимые меры и усиление контрольных механизмов, с организационно-экономической точки зрения позволяют снижать убыточность и наращивать финансовый результат страховых компаний.

Пятое. Технологическая трансформация, проводимая в сегменте страхования ОСАГО с помощью цифровизации процессов урегулирования, электронных каналов продажи страховых полисов и упрощении взаимодействия между страховщиком и страхователем, формирует организационно-экономическое развитие отрасли. С января 2025 года страховые организации принимают заявления по ОСАГО через сайт или с помощью мобильного приложения [7]. В 2025 году электронный способ приобретения страховых полисов, по данным Российского Союза Автостраховщиков (РСА), выбирали 73,5 % граждан [8].

Организационно-экономические последствия процесса трансформации представленного сегмента страхования выражаются в снижении операционных расходов страховых организаций и сокращения доли ручного труда, а внедрение искусственного интеллекта позволяет делегировать часть процессов с человека на цифровые системы, тем самым уменьшая фонд оплаты труда. В тоже время внедрение новых технологий

и расширение технологической базы требует значительных инвестиций и внедрения дополнительных механизмов защиты данных.

Учитывая значимость реализуемых изменений, в страховой отрасли сохраняются разноуровневые задачи, требующие дальнейшего решения и совершенства.

Сохраняются проблемы, связанные с динамично меняющейся автомобильной отраслью и поставкой комплектующих. Зачастую страховые организации сталкиваются с возникающими сложностями при организации ремонта транспортных средств и расчета суммы возмещения по ОСАГО. Прогнозируя дальнейшую финансово-экономическую модель, страховые организации сталкиваются с необходимостью формирования дополнительных резервов и уменьшения сумм страховых выплат.

По-прежнему остается нерешенным вопрос о недостаточности сумм страховых выплат, лимиты которых не менялись последние несколько лет, что в последнее время формирует высокую степень актуальности для потребителей. Существующий лимит страховой выплаты, составляющий на сегодня четыреста тысяч рублей, за вред имуществу необходимо увеличить до одного миллиона рублей.

На государственном уровне следует выделить необходимость решения задачи по обеспечению дополнительной правовой проработки вопросов, связанных с правом требования пострадавшим полной выплаты от страховой организации в случаях недостаточности выплаты по ОСАГО, с переходом дальнейшего права требования возмещения ущерба с виновника.

Характеризуя организационно-экономические последствия на страховом рынке России, необходимо выделить положительную тенденцию развития и укрепления сегмента страхования ОСАГО. Проведенный анализ подтверждает прямую взаимосвязь структуры финансовых потоков с изменениями, проведенными в отрасли.

Список литературы:

1. Национальная страховая информационная система [Электронный ресурс] // URL: https://nsis.ru/press-center/kolichestvo-dogovorov-osago-vyroslo-na-21-5-po-itogam-2025-goda/ (дата обращения: 15.03.2026).

2. Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/press/event/?id=28114 (дата обращения: 17.03.2026).

3. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413064295/ (дата обращения: 17.03.2026).

4. СПАО «Ингосстрах» [Электронный ресурс] // URL: https://www.ingos.ru/company/blog/2025/pryamoe-vozmeshchenie-ubytkov-po-osago (дата обращения: 17.03.2026).

5. Куцев А. Г., Иванова Н. В., Сюй Чжунлян, Созонов О. И. 2025. Современные проблемы развития системы ОСАГО в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 4 (44). С. 216 – 231 [Электронный ресурс] // URL: https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-4-216-231.

6. Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59695/monitoring_OSAGO_2026-26.pdf (дата обращения: 17.03.2026).

7. СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87946.html (дата обращения: 17.03.2026).

8. Российский Союз Автостраховщиков [Электронный ресурс] // URL: https://autoins.ru/novosti/tekushchie/? ELEMENT_ID=1303950 (дата обращения: 18.03.2026).

© Сутягин М. С., 2026

EDN: YDWINB

Терентьев Виктор Николаевич
эксперт
АНО ДПО «Академия госзакупок»
Москва, Россия
кандидат экономических наук
vico-n-t@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ КОНТРОЛЯ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ЗА ПРОЦЕССОМ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрен процесс легализации криптовалют в России через ведение специализированных реестров лиц, осуществление государственными органами контроля по данному реестру, следственные мероприятия по факту нарушений действующего законодательства. Проведен анализ перспектив и рисков легализации криптовалют в России, определены оптимальные механизмы контроля процесса интеграции криптовалют в экономику России.
Ключевые слова: криптовалюты, экономика, взаимодействие, экономическая безопасность, специализированные реестры.

В условиях цифровой трансформации мировой экономики криптовалюты становятся значимым элементом финансовых систем государств. В связи со стремительным ростом глобального рынка цифровых активов возникла необходимостью адаптации российского законодательства к новым экономическим реалиям, в том числе по поиску инструментов для повышения конкурентоспособности национальной экономики в IT-сфере.

Согласно отчетности Центрального Банка России с конца 2024 года в России неуклонно растет количество операций по международным

транзакциям криптовалютных платежей. Объем притоков и оттоков криптоактивов (BTC, ETH, USDT и USDC), потенциально приходящийся на россиян, увеличился до 4,5 трлн руб., показав рост на 15,6 % по сравнению со вторым и третьим кварталами 2023 года [1]. Это показывает, что уже сегодня криптовалюты являются системной частью экономической реальности современной экономики России.

В связи с этим необходимо проанализировать перспективы и риски экономических отношений, возникающих при обращении криптовалют, а также рассмотреть механизмы легализации криптовалют в российской экономике.

Криптовалюта — это цифровая валюта, основанная на технологии блокчейн, обладающая такими ключевыми свойствами, как децентрализация (отсутствие единого эмитента), криптографическая защита транзакций, ограниченность эмиссии (задана алгоритмом), анонимность участников операций. Следует различать криптовалюты по видам в зависимости от функциональных особенностей и предназначения в сфере транзакций. Основным видом криптовалюты остается первый в своей природе и основоположник отрасли — биткоин (BTC). Также существуют иные криптовалюты, использующие блокчейн технологии в своем формировании, но имеющие альтернативные алгоритмы построения внутреннего кода, это, так называемые, альткоины: Ethereum, Litecoin и др. Немаловажную долю мирового рынка криптовалют составляют монеты, привязанные к фиатным валютам — стейблкоины (USTD, DGX, пр.). Для инвестиционных проектов, а также при решении задач не глобального характера создаются криптопродукты, имеющие общую природу с криптовалютами, но ограниченные в некотором функционале, это — токены, служебные либо инвестиционные монеты.

В настоящее время наиболее капиталоемкими видами криптовалют являются криптовалюты, указанные в таблице 1.

Таблица 1. Капиталоемкие виды криптовалют (на март 2026) [2]

№ п/п	Наименование криптовалют	Капитализация, $
1	Bitcoin (BTC)	1,35 трл
2	Ethereum (ETH)	237,83 млрд
3	TetherUS (USDT)	183,96 млрд
4	BNB (BNB)	84,81 млрд
5	XRP (XRP)	82,96 млрд

Каждая из перечисленных в таблице 1 валют имеет свой особенный функционал на крипторынке, связанный со средствами обмена, объектами инвестирования, либо инструментами хеджирования рисков.

В российской доктрине правовая природа криптовалют определена в контексте объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) [3], т.е. рассматривается как некоторые «цифровые права» на объект собственности, но не как самостоятельная денежная единица. При этом, Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] (далее — Закон № 259-ФЗ) разделяет понятие криптовалюты на два объекта — цифровые финансовые активы и цифровые валюты. Каждый из них имеет особую правовую природу и не являются безналичными или электронными денежными средствами, а также не относятся к бездокументарным ценным бумагам. В понятии российского законодательства криптовалюты не являются средством платежа, не является денежной единицей Российской Федерации, или денежной единицей иностранного государства.

Положения Закона № 259-ФЗ выделяют органы регулирования и контроля за обращением цифровых валют: Правительство Российской Федерации, Центральный Банк России, Министерство финансов Российской Федерации, Федеральная налоговая служба.

Федеральная налоговая служба, в отличии от остальных перечисленных органов регулирования, не наделена функциями регулирования законодательства по обращению с криптовалютами, но является непосредственным контролирующим органом в данной экономической сфере. Так, Федеральная налоговая служба осуществляет контроль за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налогов, взимаемых в связи с проведением операций по осуществлению майнингу цифровой валюты, реализации цифровой валюты. Кроме того, с ноября 2024 года на Федеральную налоговую службу возложены функции по ведению реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты.

Легализация процесса майнинга криптовалют в России началась с принятия Федерального закона от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], который дополнил правовое поле понятиями «майнинг», «майнинг-пул» и »оператор майнинговой инфраструктуры», а также установил порядок и условия ведения добывающей криптовалюту деятельности. Поворот отечественной законодательной мысли

от запретительной позиции 2010-х годов (когда оборот криптовалют приравнивался к незаконной деятельности) в сторону либерального использования современных экономических инструментов, стал возможен после шока Российской экономики, ощутимого при одновременном отключении отечественной банковской сферы от международных систем транзакций типа SWIFT, а также масштабными введенными санкциями на международный экспорт Российских природных ресурсов. Механизм передачи финансовых активов через анонимные децентрализованные криптовалютные механизмы с ноября 2024 года стал необходимым подспорьем России в международной экономике.

Для отечественной финансовой системы легализация криптовалют несет существенные потенциальные выгоды, такие как:

1. Увеличение экономического потенциала через:
— привлечение инвестиций в ИТ-сектор;
— развитие блокчейн-технологий;
— увеличение налоговых поступлений.
2. Достижение технологического суверенитета через:
— стимулирование инноваций;
— создание рабочих мест в сфере криптографии и разработки ПО.
3. Укрепление позиция на геополитической арене через:
— снижение зависимости от SWIFT;
— расширение возможностей внешнеторговых расчётов.

В тоже время не стоит полагать, что в настоящее время в отечественной крипто индустрии наступила оттепель. Современное Российское законотворчество, дублирует уже существующие у международных партнеров правовые позиции. Так Китай и Индия во внутренней политике осуществляют ограничительный контроль оборота криптовалют. При этом разрешаются механизмы майнинга (с некоторыми ограничениями), развиваются собственные государственные цифровые валюты, но присутствует строгий запрет на обращение криптовалют как платежного инструмента.

Это обусловлено рядом угроз и рисков, связанных с обращением криптовалют.

В первую очередь это финансовые риски, при которых сложно прогнозируемая волатильность курсов криптовалют может привести к банкротству малоопытных игроков рынка (которых большинство в народном хозяйстве); так же, с легализацией криптовалют в отношения частных собственников приходят риски отмывания денег преступным

образом (при использовании анонимности алгоритмов криптовалют). При дестабилизации денежной системы подобные риски могут привести к оттоку частного капитала в крипто активы, а вместе с тем и массовой миграции малого и среднего предпринимательства в теневую экономику.

При рассмотрении вопроса легализации криптовалют в России, авторы данной публикации предлагают не останавливаться на полумерах, как, то осуществлено в Китае. Российская экономика в настоящий момент не сможет повторить китайский криптовалютный трюк (ввиду массированных международных финансовых санкций, а также существенного технологического отставания, необходимого для монтажа собственной цифровой валюты в народную экономику). Наиболее оптимальным подходом к интеграции криптовалют в Российскую экономику видится пример ЕС и Японии, где наряду с разрешенным майнингом и развитием национальных цифровых валют также внедряются механизмы регулирования цифровых финансовых инструментов через требования к идентификации клиентов (KYC/AML).

Таким образом, следующим шагом к развитию отечественной крипто индустрии является создание специализированного регулятора на базе функционала МВД России, который бы позволил осуществлять идентификацию клиентов крипто продуктов через запросы финансовых учреждений. Подобный регулятор позволит частному капиталу более свободно осуществлять инвестиции во внутренние инвестиционные проекты, в том числе по технологической модернизации промышленности.

Следует понимать, что подобный регулятор не сможет в полной мере функционировать без интеграции с международными системами мониторинга отмывания денег и финансирования терроризма.

На первоначальном этапе концепция контроля со стороны государственных органов за процессом легализации функционирования криптовалют в экономике России сводится к следующим шагам:

1. Легализация оборота частных криптовалют (токенов) с параллельным осуществлением KYC/AML контроля государственными органами за клиентами крипто продукта.

2. Поэтапное внедрение пилотных проектов инвестирования через создание частных криптовалют (токенов), либо привлечение международных криптоактивов.

3. Приоритет создания государственного стейблкоина на основе цифровой валюты центрального банка (CBDC) — как базового токена в инвестиционные проекты промышленности.

Важным звеном в построении указанной концепции становятся Федеральная налоговая служба и Министерство внутренних дел России, функционал которых дополняется задачами осуществления контроля за правильностью исчисления финансовых оборотов на Российском крипто рынке и идентификацией пользователей отечественных крипто продуктов.

Цифровая валюта в понимании законодательства Российской Федерации не является деньгами, но рассматривается в качестве имущества. Однако данная характеристика не раскрывает функциональных особенностей рассматриваемого объекта, таких как: наличие финансового инструмента (торгуется на биржах, определяющих их стоимость на основе соотношения спроса и предложения), а также платежного инструмента.

Легализация криптовалют в России — это сложный, но неизбежный процесс, требующий сбалансированного подхода. Ключевые выводы:

1. Полный запрет криптовалют неэффективен: рынок продолжит существовать в теневом сегменте.

2. Либерализация без регулирования усилит риски финансовой стабильности.

3. Оптимальная модель — гибридная система с приоритетом государственных цифровых валют и контролируемым оборотом частных активов.

Успешная интеграция криптовалют может стать драйвером цифровой экономики России, но требует тщательной проработки концепции контроля со стороны государственных органов за процессом легализации функционирования криптовалют в экономике России.

Список литературы:

1. ЦБ оценил объем операций россиян в криптовалютах [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/665066579a794764c51aa31f (дата обращения: 05.02.2026).

2. Криптовалютный рынок [Электронный ресурс] // URL: https://www.binance.com/ru/markets/overview (дата обращения: 07.02.2026).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/10164072 (дата обращения: 05.02.2026).

4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 6 августа 2020 г. № 173.

5. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/409492967 (дата обращения: 05.02.2026).

© *Терентьев В. Н., 2026*

EDN: YBFRLZ

Тимонин Игорь Евгеньевич
аспирант кафедры управления социально-экономическими системами
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Санкт-Петербург, Россия
Igor-timonin.timonin@yandex.ru

МЕТОДЫ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОРТФЕЛЯ ЗАКАЗОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема наличия рисков при формировании портфеля заказов, а также классификация этих рисков и методы их минимизации.
Ключевые слова: портфель заказов, риски, диверсификация, хеджирование, стресс-тестирование.

Процесс формирования портфеля заказов является стратегически важным этапом операционного цикла любого предприятия. Проектные организации работают в условиях высокой неопределенности, где ошибки на этапе формирования портфеля ведут к денежным потерям и срывам сроков, а значит порождают комплекс рисков. Данные риски необходимо проанализировать, систематизировать, после чего можно будет разработать методы минимизации данных рисков.

Процесс формирования и реализации портфеля заказов сопровождается многоуровневой системой рисков, которые могут быть классифицированы по источнику возникновения и характеру воздействия. Риски можно разделить на производственно-технологические, финансово-экономические, маркетинговые и системные.

Производственно-технологические риски связаны с неспособностью предприятия выполнить совокупность принятых обязательств. К этой группе относится риск дефицита производственных ресурсов при наложении графиков выполнения нескольких крупных заказов.

Несбалансированность портфеля по времени приводит к перегрузке оборудования, росту брака и нарушению контрактных сроков.

Финансово-экономические риски включают в себя ценовые риски и валютные риски при работе с зарубежными заказчиками. Например, к таким рискам относится риск роста стоимости сырья или оборудования уже после заключения контракта.

В группе маркетинговых рисков основным является риск концентрации на крупном клиенте. Высокая доля одного заказчика в портфеле ставит предприятие в уязвимое положение, делая его зависимым от финансового состояния этого заказчика. Также существенным фактором выступает риск невыполнения заказчиком обязательств по оплате уже произведенной продукции или услуги.

Системные риски — это риски, возникающие на уровне взаимодействия различных заказов внутри портфеля. Например, однородность портфеля по отраслевому признаку повышает риск одновременного падения спроса во всем сегменте. Кроме того, существует риск конфликта ресурсов, когда несколько приоритетных проектов требуют вовлечения одних и тех же уникальных специалистов или использования специфического оборудования.

Полностью исключить риски никогда не получится, в деятельности любого предприятия они всегда будут присутствовать. Но в то же время имеется возможность уменьшить степень их влияния на имеющийся портфель заказов [1]. Для снижения негативного воздействия вышеуказанных рисков необходимо рассмотреть методы минимизации этих рисков.

Одним из способов минимизации рисков является диверсификация портфеля заказов. Диверсификация заключается в обеспечении устойчивости за счет включения проектов с разными циклами реализации, различными источниками финансирования и разной степенью сложности [2]. Данная стратегия нацелена на распределение совокупного объема работ между множеством различных клиентов, отраслей или регионов. В зависимости от того, какое направление выбрано, можно выделить клиентскую диверсификацию, отраслевую диверсификацию и географическую диверсификацию. Клиентская диверсификация подразумевает распределение объема работ между большим количеством мелких и средних организаций. Если на одного заказчика придется большая часть заказов (более 20 – 30 %), то внезапное банкротство этого заказчика может принести большие потери и организации-исполнителю. Разнообразие клиентов позволит застраховать себя от подобного исхода.

Отраслевая диверсификация предполагает работу с заказчиками из разных секторов экономики. Если одна отрасль переживает спад, заказы из другой сферы, которая в данный период времени является более стабильной, помогут компенсировать падение доходов и сохранить загрузку мощностей. Географическая диверсификация защищает от локальных экономических кризисов, изменений в законодательстве конкретного региона или логистических проблем в определенной зоне. Наличие заказов из разных областей или стран позволяет перераспределять ресурсы туда, где сохраняется спрос. Принцип работы диверсификации заключается в том, что отрицательные результаты по одному контракту или направлению нивелируются положительными результатами по другим.

Еще одним способом минимизации рисков является хеджирование. Хеджирование — это применение специальных финансовых и контрактных инструментов, направленных на минимизацию или полное устранение потенциальных убытков от неблагоприятных изменений рыночных факторов. В отличие от диверсификации, которая распределяет риски по разным направлениям, хеджирование создает подстраховку против конкретного риска [3]. Основными направлениями хеджирования являются валютное хеджирование и хеджирование стоимости сырья и материалов. Валютное хеджирование заключается в том, что компания фиксирует курс будущих расчетов с помощью производных финансовых инструментов, таких как опционов, форвардов или фьючерсов. Опционы дают право купить или продать актив по определенной цене в будущем. Фьючерсы и форварды — это контракты на покупку или продажу актива по фиксированной цене с обязательным исполнением. Единственной разницей между этими контрактами заключается в том, что в случае форварда контракт заключается без участия биржи, т.е. напрямую между сторонами контракта. Валютное хеджирование гарантирует, что к моменту оплаты заказа через несколько месяцев компания получит именно ту сумму в национальной валюте, которую закладывала в бюджет. Второй метод хеджирования основан на закупки большого объема ресурсов, цена на которые может вырасти. Благодаря этому повышение цен на материалы будет нивелирована прибылью от финансовой сделки, а значит итоговая стоимость выполнения заказов не меняется. Таким образом, организации с помощью хеджирования могут просчитать финансовый результат всего портфеля заказов, т.к. можно сосредоточиться на производственном процессе не обращая внимание на обстановку на рынке.

К способам минимизации рисков при формировании портфеля заказов также относится стресс-тестирование. Стресс-тест заключается в оценке финансовой устойчивости засчет моделирования поведения портфеля заказов в условиях гипотетически возможных экстремальных рыночных потрясений. В отличие от обычного прогнозирования, сценарное моделирование реализует худшие варианты развития событий, чтобы проверить, справится ли организация с этими проблемами. Компания выбирает критические параметры, которые могут негативно повлиять на выполнение заказов. Результатом сценарного моделирования является план превентивных мер. Если стресс-тест показывает, что при определенном сценарии компания теряет платежеспособность, руководство может заранее диверсифицировать базу заказчиков, увеличить долю предоплаты в контрактах или создать дополнительные резервные фонды. Стресс-тестирование позволяет выявить уязвимости организации, чтобы впоследствии можно было трансформировать их в конкретные стратегии защиты, прежде чем подобная кризисная ситуация наступит в реальности.

Таким образом, хочется отметить, что при формировании портфеля заказов не стоит ограничиваться только стремлением максимизировать выручку. При отборе заказов стоит опираться на систему риск-менеджмента. Понимание структуры рисков позволяет компаниям сохранять гибкость и финансовую устойчивость даже в условиях резкой смены ситуации на рынке, обеспечивая стабильную работу своего предприятия. Безопасность портфеля заказов стоит обеспечивать созданием сбалансированной системой, а не отказом от рискованных проектов.

Список литературы:

1. Е. Х. Пак, П. Д. Сянина, А. Че. Управление рисками при формировании портфеля заказов строительных и риэлторских компаний в условиях пандемии / Е. Х. Пак, П. Д. Сянина, А. Че. — Новая экономика, бизнес и общество. — Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2021. — С. 166 – 170.

2. Агаркова Л. П., А. Е. Шаталова, Д. В. Гордя. Ковариация рисков и создание диверсифицированного портфеля в целях минимизации рисков / Л. П. Агаркова, А. Е. Шаталова, Д. В. Гордя. — Экономико-управленческий конгресс. — Белгород: Белгородский гос. нац. исследовательский ун-т, 2025. — С. 284 – 287.

3. Сидоркова Ю. Е. Валютные риски и инструменты их хеджирования / Ю. Е. Сидоркова. — Экономика. Философия. Право.. — 2025. — № 2. — С. 26 – 28.

© *Тимонин И. Е., 2026*

EDN: XRYVDS

Толкачева Ольга Петровна
доцент кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
olg-ol@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ МИНИМИЗАЦИИ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ АДМИНИСТРИРОВАНИИ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики управления налогом на профессиональный доход, который выступает ключевым рычагом вывода микробизнеса из «теневого» сектора и формирования прозрачной деловой среды. Автор фокусируется на выявлении деструктивных факторов, способных пошатнуть экономическую устойчивость государства в условиях действующего преференциального режима. В тексте детально разобраны потенциальные уязвимости в системе контроля за деятельностью плательщиков НПД, а также сформулирован комплекс мер, направленных на нейтрализацию выявленных угроз и оптимизацию фискального мониторинга.

Ключевые слова: экономическая безопасность, самозанятые, налог на профессиональный доход, налоговое администрирование, цифровизация экономики.

Глобальное экономическое пространство переживает фазу интенсивного расширения сегмента независимых предпринимателей. Подобная динамика свидетельствует о глубокой перестройке трудовых отношений, где ключевыми ценностями становятся профессиональная свобода и адаптивность занятости. Деятельность этой группы лиц

выступает мощным катализатором для малого бизнеса, что выводит вопрос государственного надзора за их практикой в число стратегических задач. Ключевой вехой здесь послужил запуск в 2019 году налога на профессиональный доход [1]. Применять специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» вправе физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели [2]. Эта преференциальная модель минимизировала административное давление и налоговое бремя, создав комфортные условия для легальной работы. Высокий интерес к данному формату подтверждается стабильно восходящим трендом численности плательщиков НПД (см. табл. 1) [3].

Таблица 1. Рост количества самозанятых граждан

Год	Количество самозанятых, млн человек
2019	0,3
2020	1,6
2021	3,9
2022	6,5
2023	8,7
2024	10,5
2025	11,8
2026 (на 31.01.2026 г.)	13,0

На рисунке представлена динамика развития института самозанятости, демонстрирующая устойчивый рост количества зарегистрированных налогоплательщиков (см. рисунок 1).

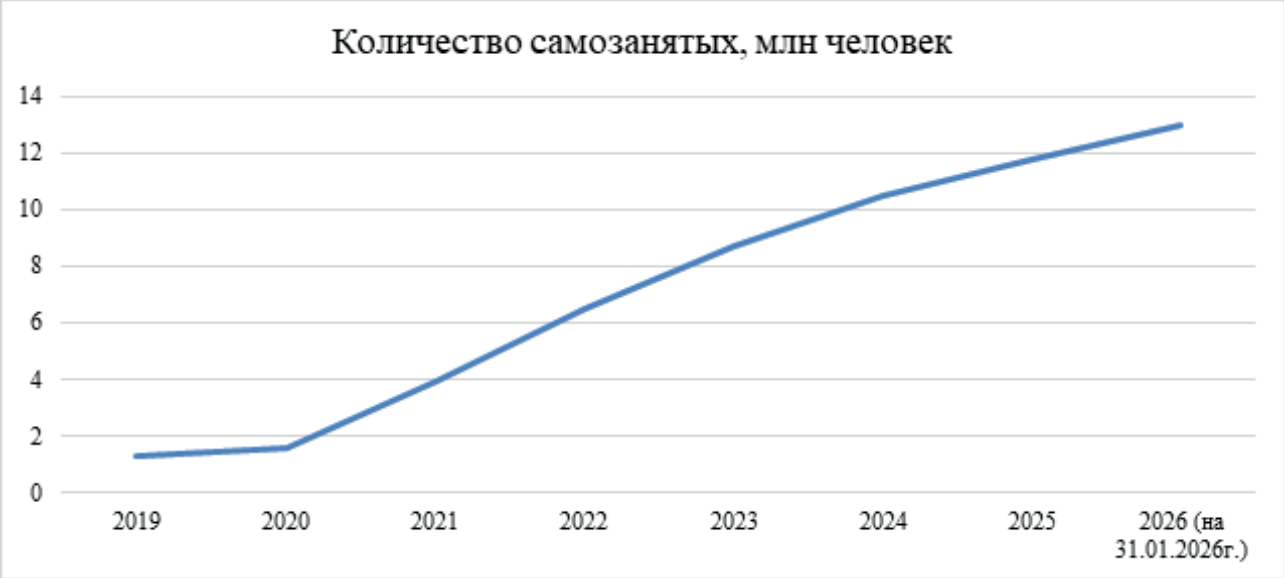

Рисунок 1. Динамика развития института самозанятости

Анализ данных показывает стремительную трансформацию рынка труда в России.

За 7 лет количество самозанятых выросло в 43 раза (с 0,3 млн до 13 млн). Самый мощный рывок произошел в 2020 – 2021 годах, когда база увеличилась более чем в 10 раз. Это связано с завершением пилотного периода и масштабированием режима на всю страну.

Рост показателей — это не только появление новых микропредпринимателей, но и массовый выход из тени тех, кто раньше работал неофициально. Удобство приложения «Мой налог» и низкая ставка (4 – 6 %) стали решающими факторами.

За период 2022 – 2025 происходит некоторое замедление динамики:

В 2022 году прирост составил +2,6 млн человек.

В 2023 году — +2,2 млн.

В 2024 году — +1,8 млн.

В 2025 году — +1,3 млн.

Наблюдается постепенное замедление темпов прироста. Рынок близок к насыщению: большая часть тех, кто хотел или мог перейти на этот режим, уже сделали это.

По данным за 1 месяц 2026 г. можно сделать положительный прогноз. Только за первый месяц 2026 года прибавилось 1,2 млн человек (с 11,8 до 13,0). Это аномально высокий показатель для одного месяца, что может указывать либо на сезонный всплеск, либо на новые законодательные изменения, подтолкнувшие людей к регистрации.

Внедрение налога на профессиональный доход послужило эффективным рычагом государственного контроля в этом секторе на территории России. Благодаря запуску данного фискального механизма удалось вывести из «серой» зоны существенный объем личных финансов населения, что способствовало заметному сокращению неофициального оборота капитала в стране.

Вопреки явным достоинствам, практическое применение этой налоговой модели сопряжено с комплексом структурных и финансовых угроз. Ключевым деструктивным фактором выступает потенциал злоупотреблений, когда статус самозанятого используется как прикрытие для агрессивного снижения фискальных выплат. Кроме того, существующая система мониторинга не всегда позволяет государству в полной мере верифицировать реальную выручку плательщиков, создавая лазейки для искажения отчетности.

Устойчивость финансового суверенитета страны неразрывно связана с качеством фискального контроля. Приоритетными задачами

налогового аппарата выступают формирование предсказуемого потока доходов в казну, декриминализация денежных операций и пресечение уклонения от обязательных платежей.

Наиболее критической угрозой в текущих условиях признается фиктивная трансформация трудового статуса штатного персонала в категорию плательщиков НПД. Подобные манипуляции со стороны работодателей направлены на искусственное сокращение фискальных издержек, что неизбежно провоцирует дефицит внебюджетных фондов и расширение теневого сегмента рынка труда.

Дополнительные вызовы для финансовой стабильности обусловлены латентным характером части прибыли независимых исполнителей. Ввиду того, что значительная доля транзакций проходит в наличном контуре, минуя банковские счета, мониторинг реального оборота денежных средств существенно затрудняется.

Стратегическим вектором нейтрализации подобных рисков выступает масштабная цифровизация механизмов фискального надзора. Внедрение интеллектуальных инструментов обработки массивов Big Data открывает возможности для превентивного обнаружения признаков уклонения от налогов и радикального улучшения прозрачности бизнес-процессов.

Ключевым фактором выступает создание единого цифрового контура, объединяющего базы данных фискальных ведомств с инфраструктурой финансовых организаций. Подобный симбиоз обеспечивает качественно новый уровень мониторинга транзакций и результативности надзорных мероприятий.

Параллельно с технологическим развитием критически важна модернизация законодательного фундамента. Ужесточение ответственности за имитацию независимой деятельности и более детальная регламентация условий перехода на льготный спецрежим помогут купировать попытки манипуляций и минимизировать деструктивные финансовые практики.

Существенное значение имеет также работа по просвещению граждан в области фискального права. Запуск специализированных обучающих проектов и просветительских акций помогает привить обществу этику осознанного и ответственного отношения к выплатам в бюджет.

В качестве итога можно отметить, что становление сектора независимых исполнителей серьезно трансформирует архитектуру нынешних хозяйственных связей. Тем не менее, для поддержания стабильной

динамики в этой нише требуется непрерывная оптимизация методов государственного надзора, направленная на достижение баланса между интересами бизнеса и государства.

Фундаментальным условием поддержания финансовой устойчивости государства выступает выстраивание прогрессивного механизма мониторинга за налогообложением профессиональных доходов. Купирование возникающих при этом деструктивных факторов требует реализации трехкомпонентной стратегии:

1. Технологический прорыв: интеграция интеллектуальных алгоритмов предиктивной аналитики и массивов Big Data, позволяющая на ранних этапах распознавать теневые схемы и обеспечивать абсолютную прозрачность микробизнеса.

2. Правовая адаптация: оперативная корректировка нормативного поля для ликвидации законодательных пробелов, жесткого разграничения предпринимательской деятельности и трудовых отношений, а также пресечения имитации статуса самозанятого.

3. Этическое воспитание: системное формирование фискального самосознания у граждан через образовательные платформы, что трансформирует уплату налогов из принудительной обязанности в осознанный вклад в общественное благо.

Внедрение специального налогового режима (НПД) выступило ключевым фактором развития альтернативных форм занятости. Значительная доля самозанятых в структуре трудовых ресурсов способствует переходу экономики к модели, ориентированной на услуги и независимых исполнителей.

Обеспечение стабильного прогресса самозанятых граждан требует введения новых мер содействия, расширения спектра социальных гарантий, совершенствования правовых норм, а также модернизации цифровых сервисов, что позволит увеличить степень удобства и защищенности условий профессиональной деятельности данной категории [4]. Реализация данных мер создаст условия, при которых развитие частной инициативы будет сопровождаться гарантированным и стабильным наполнением бюджетной системы.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 № 422-ФЗ.

2. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977 (дата обращения: 01.03.2026).

3. Платформа поставки данных ФНС России [Электронный ресурс] // URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (дата обращения: 01.03.2026).

4. Толкачева, О. П. Ретроспективный анализ налогообложения самозанятых / О. П. Толкачева // Журнал правовых и экономических исследований. — 2025. — № 3. — С. 304 – 311. — DOI 10.26163/GIEF.2025.60.50.035. — EDN TXWDYY.

© Толкачева О. П., 2026

EDN: XSLJLB

Фалинский Илья Юрьевич
профессор кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
ilfalinskiy@mail.ru

ПОДШИПНИКОВАЯ ОТРАСЛЬ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли подшипниковой отрасли в обеспечении экономической устойчивости предприятий оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Рассматриваются современные вызовы импортозамещения критически важных компонентов машиностроения, выявляются системные дисбалансы между производственными возможностями отечественных предприятий и растущими потребностями промышленности. На основе статистических данных за 2020 – 2025 годы обосновывается необходимость формирования комплексной модели государственной поддержки, включающей финансовые, институциональные и технологические механизмы. Предложены конкретные меры по снижению зависимости ОПК от импорта подшипниковой продукции и повышению устойчивости производственных цепочек в условиях внешних ограничений.
Ключевые слова: подшипниковая отрасль, оборонно-промышленный комплекс, импортозамещение, промышленная политика, санкционные ограничения, государственная поддержка.

Подшипники относятся к категории критически важных компонентов машиностроения, применяемых во всех отраслях промышленности,

включая ракетно-космическую технику, авиацию, бронетанковое производство и судостроение [1]. Для предприятий оборонно-промышленного комплекса надежность поставок подшипниковой продукции напрямую определяет возможность выполнения государственного оборонного заказа и поддержания боеготовности вооруженных сил. В условиях введения масштабных санкционных ограничений с 2022 года проблема импортозависимости в данном сегменте приобрела характер угрозы национальной безопасности.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между стратегической важностью подшипниковой отрасли для оборонной безопасности и недостаточной эффективностью мер государственной поддержки. Целью анализа является разработка теоретико-методических основ формирования экономически устойчивой модели функционирования подшипниковых предприятий с ориентацией на потребности оборонно-промышленного комплекса. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ структуры рынка подшипниковой продукции в РФ за 2020 – 2025 годы; выявление факторов, ограничивающих наращивание отечественного производства; оценка эффективности существующих механизмов государственной поддержки; формирование предложений по созданию устойчивой подшипниковой экосистемы.

Современное состояние подшипниковой отрасли Российской Федерации характеризуется уязвимостью, обусловленной технологической отсталостью производственных мощностей и высокой зависимостью от импорта сырья и оборудования. Несмотря на декларируемую стратегию технологического суверенитета, фактическое состояние подшипниковой отрасли демонстрирует дисбаланс: по итогам 2024 года доля отечественного производства на внутреннем рынке составила только 65 % от общего объема потребления этих изделий [2]. При этом более 55 % импорта в денежном выражении и 82 % в натуральном выражении приходится на китайских производителей, значительная часть которого поставляется транзитом через третьи страны для обхода антидемпинговых пошлин [3]. Факт неуплаты антидемпинговой пошлины приводит к двум серьезным проблемам: необоснованное ценовое преимущество и существенные потери государственного бюджета из-за неуплаты пошлины.

Структурный анализ потребления подшипниковой продукции выявляет значимость отрасли для оборонно-промышленного комплекса. Около 9 % всего объема отечественного производства направляется

на нужды предприятий ОПК. Это делает подшипниковую отрасль одним из ключевых звеньев в цепочках создания оборонной продукции. При этом сегментация по отраслям применения демонстрирует неравномерность прогресса в импортозамещении: железнодорожное машиностроение достигло практически 100 % локализации буксовых подшипников, автомобилестроение — около 50 %, тогда как промышленный сегмент, включающий оборудование для оборонных предприятий, остается наиболее уязвимым.

Технологическая база отрасли требует дальнейшего переоснащения производственного оборудования предприятий подшипниковой промышленности. Дополнительным ограничивающим фактором выступает зависимость от импорта специальных марок стали. Сегодня себестоимость качественного подшипникового металла в России приближается к стоимости готового изделия китайского производства, что делает отечественную продукцию неконкурентоспособной даже на внутреннем рынке без государственной поддержки. Кадровый дефицит усугубляется оттоком специалистов в более высокооплачиваемые отрасли и недостаточным вниманием к подготовке узкопрофильных кадров в системе среднего профессионального образования.

Для формирования экономически устойчивой модели функционирования подшипниковых предприятий в интересах ОПК необходимо реализовать комплекс мер на нескольких уровнях. На институциональном уровне целесообразно создание отраслевого фонда развития подшипниковой промышленности с участием предприятий-потребителей из ОПК. Такой фонд мог бы аккумулировать средства от надбавок к ценам на импортные подшипники и направлять их на модернизацию производственных мощностей отечественных предприятий.

Кроме того, могут быть использованы вертикальные и горизонтальные меры промышленной политики [4]. На финансовом уровне требуется введение льготного кредитования под ставку не выше 5 % годовых для проектов импортозамещения, а также предоставление инвестиционного налогового вычета в размере 30 % от суммы затрат на приобретение оборудования и проведение НИОКР.

Организационным элементом устойчивой модели должны стать долгосрочные контракты между предприятиями ОПК и подшипниковыми заводами с фиксацией цен и номенклатуры на период 5 – 7 лет. Такой подход обеспечит предсказуемость спроса для производителей и позволит планировать инвестиции в модернизацию с приемлемым

уровнем риска. Технологическая кооперация в рамках кластера металлургия — подшипники — ОПК позволит снизить себестоимость продукции за счет оптимизации логистических цепочек и совместной разработки специальных марок сталей. Особое внимание следует уделить созданию системы сертификации подшипниковой продукции двойного назначения, которая обеспечит соответствие гражданских изделий требованиям военных стандартов без дублирования производственных мощностей.

Институциональным ответом российской подшипниковой промышленности на вызовы санкционного давления и хроническую зависимость от импорта сегодня является разработка отраслевой стратегии развития подшипниковой промышленности России до 2035 года. Инициатива, реализуемая при участии Минпромторга РФ и Союза производителей подшипников, учреждённого в январе 2024 года, направлена на консолидацию отраслевых предложений и координацию мер промышленной политики. Председатель этого Союза А. В. Кулешов позиционирует стратегию как инструмент достижения технологического суверенитета в производстве критически важных компонентов машиностроения. Однако следует отметить, что по состоянию на начало 2026 года документ находится в стадии согласования и официально не утверждён распоряжением Правительства РФ, несмотря на первоначальные планы завершить разработку до конца 2024 года.

Экономическая обоснованность стратегии опирается на позитивную динамику роста выпуска подшипников отечественными предприятиями с 2023 года. Тем не менее данный рост не компенсирует структурных дисбалансов отрасли. Поддержка отрасли закреплена на нормативном уровне. Приказ Минпромторга России от 10 апреля 2024 г. № 1525 включил подшипники в перечень критической промышленной продукции в отрасли сельскохозяйственного машиностроения на 2024 – 2026 годы. Аналогичные перечни утверждены для энергетического машиностроения и строительно-дорожного машиностроения, что подтверждает межотраслевую значимость подшипниковых компонентов. Для защиты внутреннего рынка от демпинга Коллегия Евразийской экономической комиссии 1 апреля 2024 г. продлила антидемпинговую пошлину на подшипники качения из КНР (код ТН ВЭД ЕАЭС 8482) до 31 марта 2029 года.

Ключевым элементом стратегии декларируется вертикальная кооперация с металлургической отраслью для обеспечения стабильных поставок подшипниковых сталей. Действительно, в 2024 году были

подписаны долгосрочные контракты на поставку специальных сталей, что снижает риски перебоев в сырьевой цепочке. Однако данная мера не решает фундаментальной проблемы, так как отечественные предприятия не обладают полным циклом производства высокотехнологичных подшипников для авиационной и ракетно-космической техники, где сохраняется зависимость от импортных аналогов.

Среди позитивных примеров отраслевого развития отметим проект строительства завода ТЭМПО в Республике Татарстан с общим объемом инвестиций 7 млрд рублей. Предприятие, запуск которого запланирован на первое полугодие 2026 года, создаст 800 рабочих мест и обеспечит полный цикл производства 54 типоразмеров подшипников. По оценкам отраслевых экспертов, данный проект потенциально способен закрыть до 80 % текущей импортозависимости в среднем и крупном сегментах [5].

Стратегия предусматривает освоение новых номенклатурных позиций, включая кассетные подшипники для железнодорожного транспорта. Тем не менее следует учитывать, что технологическое отставание российских заводов в производстве подшипников повышенной надёжности (ресурсом свыше 1 млн часов) остаётся значительным по сравнению с ведущими мировыми производителями (SKF, Schaeffler, NSK). Для преодоления данного разрыва необходимы не только инвестиции в модернизацию оборудования, но и системная работа по восстановлению кадрового потенциала. Сегодня отрасль испытывает дефицит инженеров-трибологов и специалистов по прецизионной механической обработке.

Следует также учитывать институциональные риски реализации стратегии. Озабоченность вызывают риски коррупционных схем в сфере закупок подшипниковой продукции для нужд оборонной промышленности, что подрывает экономическую устойчивость как самих подшипниковых предприятий, так и потребителей их продукции в лице оборонных заводов. В декабре 2025 года Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовные дела в отношении ряда должностных лиц, связанных с управлением подшипниковыми активами (заводы холдинга КИМП: «10-ГПЗ», «ОК-Лоза» и «ГПЗ-2 Тверь»), включая бывших руководителей технических комитетов по стандартизации. Данные события могут повлиять на темпы согласования и реализации стратегических инициатив, а также на доверие инвесторов к отраслевым проектам.

Разрабатываемая стратегия развития подшипниковой промышленности до 2035 года обладает потенциалом для повышения

технологической автономии России в производстве критических компонентов. Однако её успешная реализация требует проведения ряда мероприятий: диверсификации источников финансирования помимо государственных субсидий; создания механизмов трансфера технологий от ведущих мировых производителей через третьи страны; решения кадрового дефицита через целевые программы подготовки специалистов; прозрачного мониторинга выполнения стратегических показателей с публикацией независимых аудиторских отчётов. Без учёта данных факторов риск формального выполнения стратегических целей при сохранении технологической зависимости остаётся высоким.

Таким образом, подшипниковая отрасль остается уязвимым звеном в системе обеспечения экономической устойчивости предприятий оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Фактическая зависимость от импорта при одновременной критической важности продукции для оборонного производства создает системный риск для выполнения государственного оборонного заказа в условиях санкционного давления.

Достижение стратегической цели 80 % доли отечественных производителей к 2035 году невозможно без перехода от точечных проектов поддержки к формированию комплексной модели государственного регулирования. Ключевыми элементами такой модели должны стать: создание институциональных механизмов координации между производителями и потребителями продукции; предоставление финансовых инструментов, снижающих стоимость капитала для модернизации производств; формирование долгосрочных контрактных отношений, обеспечивающих предсказуемость спроса; развитие технологической кооперации в рамках отраслевых кластеров.

Достижение данной цели потребует дополнительных бюджетных ассигнований в объеме 15 – 20 млрд рублей ежегодно в течение пятилетнего периода, однако экономический эффект от снижения рисков срыва оборонных программ и мультипликативное воздействие на смежные отрасли машиностроения компенсируют указанные затраты.

Направлениями дальнейших исследований могут стать количественная оценка мультипликативного эффекта развития подшипниковой отрасли на экономику регионов присутствия предприятий, а также разработка методики оценки экономической устойчивости предприятий ОПК с учетом критичности отдельных компонентов в производственных цепочках.

Список литературы:

1. ОАО «УК ЕПК» — 20 лет! [Электронный ресурс] // URL: https://opzt.ru/news/oao-uk-epk-20-let/.

2. На каких подшипниках и компонентах работает российская техника [Электронный ресурс] // URL: https://agroinno.ru/exrert/1483-na-kakikh-podshipnikakh-i-omponentakh-rabotaet-rossijskaya-tekhnika.html.

3. Замена импортных подшипников после санкций: аналоги, нюансы, подводные камни 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://inner.su/articles/zamena-importnykh-podshipnikov-posle-sanktsiy-analogi-nyuansy-podvodnye-kamni-2025/.

4. Курдин А. А., Пих С. В. Особенности промышленной политики в российской атомной отрасли. Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 84. Февраль 2021 г.

5. «Из-за санкций тяжело поставить»: в Татарстане запускают подшипниковый завод за 7 млрд рублей [Электронный ресурс] // URL: https://kazanfirst.ru/articles/iz-za-sankczij-tyazhelo-postavit-v-tatarstane-zapuskayut-podshipnikovyj-zavod-za-7-mlrd-rublej.

© Фалинский И. Ю., 2026

EDN: XSRRVS

Фирова Ирина Павловна
профессор кафедры менеджмента и экономики спорта
Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
irinafirova@yandex.ru

Редькина Татьяна Марковна
профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства
Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
Санкт-Петербург, Российская Федерация
доктор экономических наук, доцент
tatjana_red@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ — АКТУАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь социально-экономического потенциала, качества жизни населения, цифровизации и уровня экономической безопасности, эффективное управление которой выступает актуальным направлением современного государства.
Ключевые слова: экономическая безопасность, качество жизни, цифровизация, управление, социально-экономический потенциал.

С течением времени экономическая составляющая в контексте обеспечения экономической безопасности продолжает усиливаться [1]. Данное положение обосновывается совокупностью факторов, в том числе возрастающим числом вызовов со стороны внешней среды, новыми информационными технологиями, современным инструментарием реагирования на шоки.

К настоящему моменту времени сложилась ситуация, при которой основным условием дальнейшего эффективного функционирования и развития государства выступает лидерство в построении «конкурентоспособной национальной экономической системы» [1]. Глобализация, с одной стороны, спровоцировавшая рост экономической интеграции, с другой, — запустила процесс постепенной утраты суверенитета: на уровне государств, предприятий, отдельных процессов. Последнее стало источником появления дополнительных рисков потери устойчивости хозяйствующих субъектов. Для замедления процесса усиления угроз предлагается укреплять национальный социально-экономический потенциал [1]. Таким образом, современный подход к обеспечению экономической безопасности предполагает налаживание и реализацию государством действенного механизма обеспечения устойчивости экономической системы страны. Реализация данного механизма возможна при условии формирования и развития социально-экономического потенциала государства, предполагающего противодействие негативным факторам со стороны внешней среды. Шлычков В. В., Батайкин П. А. и Нестулаева Д. в своей работе обосновывают необходимость «комплексной суверенизации общественной жизни», под которой понимается перспектива самостоятельного принятия национально ориентированных решений по всем вопросам социально-экономического развития. Основной акцент в данном подходе делается на исключение влияния внешних факторов [1]. С нашей точки зрения, данное положение требует уточнения в части соотнесения угроз со стороны внешней среды и наращивания потенциала государства для противодействия им. В случае, если речь идет о признании внешних угроз и расширении их перечня при принятии управленческих решений без их конкретизации, то формируемый социально-экономический потенциал предполагает использование общего протокола преодоления негативных тенденций. При исключении влияния факторов внешней среды, как таковых, утрачивается необходимость в активизации мер по обеспечению экономической безопасности.

Признание наличия шоков, а также расширение их перечня на постоянной основе предусматривает проведение оценки с выработкой на основе полученных результатов мер по преодолению негативного воздействия факторов внешней среды и обеспечения, требуемого к определенному моменту времени уровня экономической безопасности. Проведение качественной и количественной оценок предусмотрены Стратегией экономической безопасности РФ до 2030 г. [1]. Таким

образом, государство выступает главным регулятором происходящих в стране социально-экономических процессов, создавая условия для налаживания коммуникаций между экономическими субъектами посредством формируемой многоуровневой горизонтально-вертикальной системы. Стратегия и тактика обеспечения экономической безопасности формируются исходя из направленности выявленных угроз [1].

Подход Аношиной Ю. Ф. и Симонова С. Ю. сводится к тому, что от уровня экономической безопасности России будет зависеть социально-экономическая устойчивость страны, влияющая на определение места государства на мировой арене. Степень экономической безопасности ставится в зависимость от социально-экономических отношений, внедрения технологий, производительных сил и структуры внешнеторговых связей [2]. На уровне личности экономическая безопасность рассматривается как система мер по противодействию факторам, способным ухудшить экономическое благополучие гражданина и негативно повлиять на качество его жизни. Глобализация и цифровизация, сопровождающие деятельность индивида, диктуют необходимость в использовании таких цифровых решений, которые будут способны снизить негативное влияние на экономическую безопасность. Доступ к таким решениям регламентируется государством и обеспечивается индивидом самостоятельно. На уровне предприятий достижение требуемого уровня экономической безопасности в условиях глобализации и цифровизации связывается с ростом внутренних расходов на ИКТ. Существенной проблемой в обеспечении требуемого уровня экономической безопасности признается цифровое неравенство как между субъектами РФ, так и между слоями населения. Структурные диспропорции усиливаются при невозможности принятия объективных мер по преодолению угроз экономической безопасности, признаваемых системными. Среди таких мер: инфраструктурное развитие и рост цифровой грамотности населения. Затраты на преодоление возникающих барьеров в части обеспечения экономической безопасности в условиях цифровизации порождают новые риски — недостижение запланированных целей, что требует дополнительных расходов на проводимые мероприятия [2]. Прерывание подобной зависимости выступает приоритетной задачей государства.

Цифровизация влияет не только на глобальное неравенство, но и на миграционные потоки. Усиливающийся разрыв между развитыми и развивающими странами в доступе к цифровым технологиям порождает новые диспропорции в распределении возможностей трудоустройства [3].

Цифровизация и качество жизни населения оказывают воздействие на уровень экономической безопасности. Их взаимосвязь прослеживается через доступ к цифровым услугам. Новые возможности создают предпосылки для роста эффективности реализуемых процессов. Использование таких возможностей становится триггером для социально-экономического развития потенциала страны, достижения требуемого уровня экономической безопасности. Таким образом, эффективность реализуемых государством мер будет проявляться как в уровне жизни населения, так и в уровне обеспечения экономической безопасности. Сдерживающим факторов выступает степень использования накопленного государством социально-экономического потенциала, а также скорость его исчерпаемости. Системный подход к развитию социально-экономического потенциала страны предусматривает одновременное освоение различного рода технологий [4]. Дисбаланс в доступе к технологиям и наращивании социально-экономического потенциала территорий должен быть контролируемым, а значит — управляемым. Это означает, что управление экономической безопасностью субъекта РФ будет зависеть от эффективности управленческих решений в части повышения качества жизни населения, освоения новых цифровых технологий. К качеству жизни на современном этапе предъявляется следующее требование: «отсутствие недостатка в благах» [5]. Такой подход усиливает роль государства в управлении экономической безопасностью с тем, чтобы субъективное понимание качества жизни населения подтверждалось объективными факторами такими, как уровень образования индивидуумов, обладание ими профессиональными компетенциями, доступ и степень освоения актуальных технологий.

Список литературы:

1. Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 8. С. 972 – 986 [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_69924404_25288522.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

2. Аношина Ю. Ф., Симонов С. Ю. Цифровая экономика как фактор обеспечения безопасности России в условиях мировых вызовов // Социальная политика и социология. 2025. Т. 24. № 3 (156). С. 118 – 126 [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_83036776_83027169.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

3. Ташенов А. М. Международный рынок труда в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 7. Т. 2. С. 102 – 112 [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_68577847_90250680.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

4. Ростовцев А. И. Влияние показателей цифровизации на качество жизни населения: региональный аспект // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 3. С. 175 – 185 [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82954593_93822610.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

5. Шабанов В. Л. Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение. — 2024. Т. 27. № 1. С. 4 – 19 [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_65314170_57658364.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

© Фирова И. П., Редькина Т. М., 2026

EDN: OGGVOW

Хазинуров Максим Эдуардович
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
xazinurov@bk.ru

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В ОБЛАСТИ КРИПТОВАЛЮТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена обоснованию системы принципов построения организационно-экономического механизма противодействия уклонению от уплаты налогов в области криптовалютной деятельности. Рассмотрены специфические особенности криптовалютной деятельности, обусловливающие формирование угроз экономической безопасности государства. На основе синтеза теоретических подходов к проектированию организационно-экономических механизмов и практики регулирования криптовалютных рынков сформулированы принципы, отражающие специфику цифровых активов и задачи обеспечения экономической безопасности.
Ключевые слова: экономическая безопасность, криптовалюта, уклонение от уплаты налогов, организационно-экономический механизм, принципы, цифровые активы.

Стремительное развитие криптовалютного рынка сформировало принципиально новые вызовы для налоговых систем большинства государств мира. По оценкам компании Chainalysis, объём незаконных операций с криптоактивами достиг 40,9 млрд долларов в 2024 году, а прогноз на 2025 год превышает 51 млрд долларов [1]. Масштаб этих процессов

свидетельствует о том, что криптовалютная деятельность превратилась в значимый фактор угрозы экономической безопасности, поскольку бесконтрольное обращение цифровых активов создаёт устойчивые каналы для уклонения от уплаты налогов и легализации преступных доходов.

В Российской Федерации проблема приобретает особую остроту в условиях поэтапной интеграции криптовалют в правовое поле. Принятие Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2024 № 418-ФЗ ознаменовало переход от фискальной неопределённости к формированию нового сегмента налоговых правоотношений [3, с. 3]. Вместе с тем практика показывает, что введение налоговых обязанностей само по себе не обеспечивает их исполнения. Исследование Boas H. F. и Barake M., проведённое на данных датских криптоплатформ, установило, что более 90 процентов инвесторов не декларируют доходы от криптовалютных операций даже после введения системы информирования третьей стороной [4, с. 3 – 4]. Подобные данные указывают на необходимость формирования целостного организационно-экономического механизма противодействия, в основе которого должна лежать обоснованная система принципов.

Целью настоящей статьи является разработка и обоснование принципов построения организационно-экономического механизма противодействия уклонению от уплаты налогов в области криптовалютной деятельности. Достижение указанной цели предполагает анализ особенностей криптовалютных операций, формирующих риски налогового уклонения, а также теоретическое осмысление подходов к проектированию организационно-экономических механизмов обеспечения экономической безопасности.

Особенности криптовалютной деятельности как источника угроз экономической безопасности:

Экономическая безопасность государства, понимается как состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [5, с. 56]. Экономическая безопасность напрямую зависит от устойчивости налоговой системы. Налоговые поступления формируют основу доходной части бюджета, и любое систематическое сужение

налоговой базы порождает дефицит ресурсов для финансирования государственных функций. Именно поэтому уклонение от уплаты налогов рассматривается как одна из наиболее опасных угроз экономической безопасности, поскольку оно не только сокращает бюджетные доходы, но и деформирует дальнейшую политику, оставляя недофинансированными, часто такие остро необходимые отрасли, как образование, медицина, охрана окружающей среды, поддержка многодетных семей, и многие другие [6, с. 73].

Криптовалютная деятельность обладает рядом технологических и экономических характеристик, которые многократно усиливают риски налогового уклонения по сравнению с традиционными финансовыми операциями. Децентрализованный характер блокчейн-инфраструктуры означает отсутствие единого оператора, к которому налоговый орган мог бы обратиться за информацией обо всех участниках рынка. Псевдонимность транзакций позволяет владельцам криптокошельков совершать операции без раскрытия реальной идентичности, что существенно затрудняет связывание конкретных доходов с конкретными налогоплательщиками. Трансграничная природа криптовалютных операций проявляется в том, что инвестор, физически находясь в одной юрисдикции, может использовать платформу, зарегистрированную в другой, и хранить активы на кошельке, не привязанном ни к одной из них. Высокая волатильность курсов затрудняет объективное определение налоговой базы, а множественность видов криптоактивов и операций с ними создаёт проблемы классификации и квалификации доходов.

Влияние криптовалютных операций на формирование рисков потери экономической безопасности государства проявляется прежде всего в налоговой сфере. Как отмечают исследователи, вероятность недополучения налоговых доходов от операций, где расчёты осуществляются в криптовалюте, остаётся высокой, поскольку бюджет государства лишается значительной части доходов от налогов, связанных как с выручкой, так и с потреблением [7, с. 57]. Отсутствие эффективных механизмов налогового контроля в этой сфере ведёт к расширению теневого сегмента экономики и формирует системные риски для финансовой стабильности.

Понятие организационно-экономического механизма в экономической науке трактуется как взаимосвязанный комплекс структуры управления, системы коммуникаций, инструментов воздействия и организованных процессов, обеспечивающий эффективное управление

объектом и создание рациональной организационной структуры. [8, с. 49]. Применительно к противодействию уклонению от уплаты налогов такой механизм включает институциональные, информационные, аналитические и контрольно-надзорные компоненты, интегрированные в единую систему управления. Структура механизма противодействия уклонению от уплаты налогов в Российской Федерации представлена совокупностью нормативных, организационных и экономических элементов, действующих во взаимосвязи для выявления, предупреждения и пресечения налоговых правонарушений [9, с. 75].

Принципы построения механизма выступают в качестве исходных, руководящих положений, определяющих общую логику его конструирования и функционирования. Они задают требования к архитектуре, содержанию и взаимодействию компонентов механизма, а также определяют границы допустимых решений при его проектировании. Формирование принципов организационно-экономического механизма противодействия уклонению от уплаты налогов в области криптовалютной деятельности требует учёта как общих закономерностей налогового администрирования, так и специфических особенностей цифровых активов.

Цифровизация налогового администрирования, как справедливо отмечает Тарасевич, требует адаптации традиционных методов налогообложения к условиям цифровой экономики, поскольку действующие правила разработаны для предприятий, физически присутствующих в стране, и не подходят для операторов, не имеющих идентифицируемого физического присутствия в государствах осуществления экономической деятельности [10, с. 305]. Данное положение в полной мере применимо к криптовалютной сфере, где субъекты налоговых правоотношений могут быть распределены по множеству юрисдикций, а объект налогообложения не имеет физического воплощения.

На основе проведённого анализа теоретических подходов, специфики криптовалютных операций и международного опыта налогового администрирования цифровых активов представляется возможным обосновать следующую систему принципов построения исследуемого механизма.

Принцип технологической оснащенности предполагает, что инструменты налогового контроля должны соответствовать уровню технологической сложности контролируемого объекта. Криптовалютные транзакции совершаются в цифровой среде и фиксируются в распределённых

реестрах, поэтому их выявление, отслеживание и анализ невозможны без применения специализированного программного обеспечения для блокчейн-аналитики. Реализация данного принципа в российских условиях означает необходимость оснащения подразделений Федеральной налоговой службы инструментами блокчейн-анализа, способными идентифицировать владельцев криптокошельков, выстраивать цепочки транзакций и оценивать объёмы необлагаемых доходов.

Принцип информационной прозрачности и межведомственного взаимодействия состоит в создании многоуровневой системы обмена данными между участниками криптовалютного рынка, налоговыми органами, финансовой разведкой и правоохранительными структурами. Опыт показывает, что разрозненность информационных потоков является ключевым препятствием для эффективного налогового контроля. Совершенствование налогового администрирования в условиях цифровой экономики требует интеграции информационных ресурсов различных ведомств и создания единого цифрового контура налогового мониторинга [11, с. 28]. Применительно к криптовалютной сфере данный принцип реализуется через обязательное информирование налоговых органов операторами криптобирж и майнинговой инфраструктуры о совершаемых операциях, а также через координацию деятельности ФНС, Росфинмониторинга, Банка России и правоохранительных органов при выявлении подозрительных транзакций.

Принцип международной координации обусловлен трансграничным характером криптовалютных операций. Исследование Boas H. F. и Barake M. убедительно продемонстрировало, что введение третьестороннего информирования на национальном уровне приводит к значительному и устойчивому перетоку торговой активности инвесторов с внутренних криптоплатформ на зарубежные, не подпадающие под юрисдикцию национальных регуляторов [4, с. 16 – 17]. Данный вывод имеет принципиальное значение и свидетельствует о том, что односторонние меры налогового контроля в отношении криптовалют неизбежно ограничены в своей эффективности. Реализация данного принципа предполагает активное участие России в международных инициативах по обмену налоговой информацией в сфере криптоактивов, а также заключение двусторонних и многосторонних соглашений, расширяющих периметр налоговой прозрачности.

Принцип пропорциональности регуляторного воздействия требует соразмерности между интенсивностью контрольных мер и масштабом

потенциальных налоговых рисков. Чрезмерно жёсткое регулирование, как показывает опыт ряда юрисдикций, приводит не к повышению собираемости налогов, а к вытеснению криптобизнеса в менее регулируемые юрисдикции и к расширению неформального сегмента рынка. Установление разумного баланса между фискальными интересами государства и экономическими интересами участников рынка является необходимым условием формирования добросовестной модели налогового поведения. Подобная логика нашла отражение в российском законодательстве, установившем дифференцированный режим налогообложения для различных категорий участников криптовалютного рынка. Физические лица облагаются налогом на доходы по прогрессивной шкале 13 – 15 %, организации уплачивают налог на прибыль по ставке 25 %, а операции с криптовалютами освобождены от НДС [3, с. 6 – 8].

Принцип адаптивности предусматривает способность механизма оперативно перестраиваться в ответ на изменения технологического ландшафта и появление новых инструментов уклонения от налогообложения. Криптовалютный рынок характеризуется высокой скоростью инноваций. Механизм противодействия должен включать процедуры мониторинга технологических инноваций и оперативного обновления инструментария налогового контроля. Адаптивность также означает готовность к корректировке нормативных рамок по мере накопления правоприменительной практики и выявления новых схем уклонения.

Принцип стимулирования добровольного исполнения налоговых обязанностей исходит из того, что эффективный механизм противодействия не может опираться исключительно на репрессивные меры. Необходимо создание условий, при которых добровольное декларирование доходов от криптовалютной деятельности становится рациональным выбором налогоплательщика. Это достигается через упрощение процедур декларирования, предоставление понятных инструкций по определению налоговой базы, разработку цифровых сервисов автоматического расчёта налоговых обязательств на основе данных криптобирж.

Принцип системности и комплексности означает, что механизм противодействия должен охватывать все стадии криптовалютной деятельности, а не ограничиваться контролем отдельных операций. Налоговые риски возникают на этапе майнинга, при обмене криптовалют на фиатные деньги, при расчётах за товары и услуги, при трансграничных переводах и при наследовании цифровых активов. Фрагментарный контроль одного из звеньев неизбежно создаёт возможности для обхода

через остальные. Попова О. В. справедливо указывает, что современный российский регуляторный подход характеризуется двойственностью, сочетая признание криптовалют в качестве объектов гражданских прав с одновременным наложением существенных ограничений на их обращение, что создаёт юридическую неопределённость для участников рынка [3, с. 6]. Принцип системности требует преодоления данной фрагментарности и формирования единого контрольного контура, интегрирующего все звенья криптовалютной деятельности.

Реализация предложенных принципов в российских условиях связана с рядом институциональных ограничений. Отсутствие лицензированных криптобирж внутри страны создаёт существенные дыры в системе финансового мониторинга, поскольку основной объём операций совершается на зарубежных площадках, не подпадающих под юрисдикцию российских регуляторов. Недостаточная технологическая оснащённость налоговых органов средствами блокчейн-аналитики ограничивает возможности идентификации налогоплательщиков, совершающих криптовалютные операции. Ограниченное участие России в международных механизмах обмена налоговой информацией в сфере криптоактивов снижает эффективность контроля за трансграничными операциями.

Вместе с тем существуют и значимые предпосылки для успешной реализации предложенных принципов. Опыт ФНС России в создании автоматизированных систем контроля, в том числе системы АСК НДС, свидетельствует о высоком технологическом потенциале налогового администрирования [6, с. 77]. Сложившаяся практика взаимодействия налоговых органов с Росфинмониторингом и Банком России в рамках контроля за финансовыми операциями создаёт организационную основу для формирования межведомственного контура мониторинга криптовалютных операций. Принятие законодательства о налогообложении криптовалют и о регулировании майнинга формирует нормативный фундамент, на котором может быть выстроен организационно-экономический механизм, отвечающий сформулированным принципам.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что формирование эффективного организационно-экономического механизма противодействия уклонению от уплаты налогов в области криптовалютной деятельности требует опоры на целостную систему научно обоснованных принципов. Предложенные в статье принципы технологической оснащенности, информационной прозрачности и межведомственного

взаимодействия, международной координации, пропорциональности регулятивного воздействия, адаптивности, стимулирования добровольного исполнения налоговых обязанностей, а также системности и комплексности отражают специфику криптовалютных операций и учитывают задачи обеспечения экономической безопасности государства.

Практическая реализация сформулированных принципов предполагает развитие технологической инфраструктуры налогового контроля, совершенствование межведомственного взаимодействия, расширение международного сотрудничества и формирование механизмов позитивного стимулирования налогоплательщиков. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку конкретных инструментов и процедур, обеспечивающих реализацию каждого из выделенных принципов.

Список литературы:

1. РБК. Более $40 млрд в криптовалютах было получено незаконно в 2024 году [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/6788d1249a7947c7393ae148 (дата обращения: 15.02.2026).

2. Chainalysis. Law Enforcement Blockchain Intelligence [Электронный ресурс] // URL: https://www.chainalysis.com/law-enforcement/ (дата обращения: 10.02.2026).

3. Попова О. В. Криптовалюты в экономике: правовой статус и налогообложение финтех-активов // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17. — № 5. — С. 1 – 17.

4. Boas H. F., Barake M. Enforcing Taxes on Cryptocurrencies // EU Tax Observatory Working Paper. — 2025. — № 29. — P. 1 – 26.

5. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. — М.: ЗАО «Финстатинформ», 2002. — 128 с.

6. Дедова, Т. В. (2020). Экономико-правовые методы противодействия налоговым правонарушениям. Современная экономика: проблемы и решения, 2, 71 – 81 [Электронный ресурс] // URL: https://doi.org/10.17308/meps.2020.2/2307.

7. Цакаев, А. Х. О влиянии криптовалют на экономическую безопасность России / А. Х. Цакаев, М. Р. Хаджиев // Экономическая безопасность. — 2020. — Т. 3, № 1. — С. 53 – 62. — DOI 10.18334/ecsec.3.1.110121.

8. Л. В. Масько, И. П. Красько Инновационная активность через призму организационно-экономического механизма: понятие, значение и применение на практике // Вестник Полоцкого государственного

университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2025. № 3 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-aktivnost-cherez-prizmu-organizatsionnoekonomicheskogo-mehanizma-ponyatie-znachenie-i-primenenie-na-praktike.

9. Гармышева А. А. Противодействие уклонению от уплаты налогов как способу теневизации экономической деятельности: дис. … канд. экон. наук: 5.2.3. — М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2025. — 191 с.

10. Тарасевич С. В. Налоговое администрирование цифровой экономики: концепции, проблемы и направления развития. Социология и право. 2024;16(2):304-315 [Электронный ресурс] // URL: https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-304-315.

11. Матыцин Ф. О. Совершенствование налогового администрирования в условиях цифровой экономики: правовые аспекты // Труды по интеллектуальной собственности. — 2023. — С. 15 – 28.

© Хазинуров М. Э., 2026

EDN: ZXNLVM

Хазинурова Полина Эдуардовна
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
polinkabeautifull@yandex.ru

РИСКИ В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации системы контроля хозяйственной деятельности органов внутренних дел через призму риск-ориентированного подхода. На основе анализа специфики государственного сектора и ведомственных систем автором выделены ключевые группы рисков (операционные, институциональные, цифровые), возникающие в процессах материально-технического обеспечения. Доказана необходимость перехода от ретроспективной фиксации нарушений к предиктивной верификации экономических угроз. Обосновано применение теории «принципал-агент» для минимизации оппортунистического поведения участников хозяйственного цикла. Предложен комплекс мер по снижению рисков контроля на территориальном уровне.
Ключевые слова: экономическая безопасность; органы внутренних дел; риск-ориентированный подход; хозяйственная деятельность; материально-техническое обеспечение; оппортунизм; внутренний финансовый аудит.

Современный этап развития системы государственного управления в Российской Федерации характеризуется жесткими требованиями к эффективности, целевому характеру и адресности использования бюджетных ассигнований. Для органов внутренних дел (далее — ОВД), выполняющих функции по обеспечению правопорядка и общественной безопасности, вопросы бесперебойного и рационального материально-технического обеспечения приобретают выраженный стратегический характер [1].

Традиционная модель контроля хозяйственной деятельности в системе МВД России преимущественно ориентирована на ретроспективную фиксацию допущенных отклонений и последующее применение мер реагирования. Однако в условиях роста неопределенности и сложности экономических процессов классическая парадигма финансового надзора демонстрирует объективные ограничения [2].

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что риски в системе контроля хозяйственной деятельности ОВД имеют сложную природу. С одной стороны, это внешние рыночные (в том числе спекулятивные) риски, возникающие при соприкосновении ведомственной системы с внешней средой. С другой — внутренние институциональные риски, сопряженные с несовершенством управленческих регламентов [3]. Недостаточный уровень формализации и несвоевременность идентификации данных угроз на территориальном уровне ведут к возникновению скрытых трансакционных издержек и снижению общего уровня оперативной готовности подразделений. В этой связи научное осмысление и классификация рисков в системе контроля хозяйственной деятельности ОВД представляются актуальной задачей.

Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов государственного сектора базируется на непрерывном мониторинге факторов неопределенности. Трактовка риска в рамках функционирования ведомственных систем должна учитывать специфику бюджетного процесса, где приоритетной целью является не извлечение прибыли, а минимизация потерь и обеспечение бесперебойности выполнения государственных функций [4].

Методологическую основу исследования составили положения современной теории риск-менеджмента, риск-ориентированного подхода в государственном контроле, а также концепция информационной асимметрии. Автор опирается на системный подход, предполагающий рассмотрение материально-технического обеспечения (далее — МТО) как целостного контура с взаимосвязанными этапами движения материальных средств [5].

Система контроля хозяйственной деятельности ОВД сама по себе является источником специфических рисков, которые могут снижать результативность проверочных мероприятий. В ходе исследования автором были дифференцированы и классифицированы следующие ключевые группы рисков контроля:

1. Операционно-технологические риски контроля. Данная группа связана с дефектами методологии осуществления проверок. Ключевым риском здесь выступает риск необнаружения существенных искажений

в силу доминирования сплошных методов контроля над выборочными [6]. Контроль фиксирует лишь следствие неэффективных управленческих решений, не устраняя их причину.

2. Институциональные риски и факторы оппортунизма. В рамках хозяйственной деятельности ОВД наличие информационной асимметрии между контролирующим органом и исполнителями порождает риски оппортунистического поведения. В рамках теории «принципал-агент» это проявляется в форме сокрытия девиаций за счет формального соблюдения бумажных регламентов [7].

3. Цифровые риски контрольной среды. Интеграция ведомственного контроля с общегосударственными цифровыми платформами (такими как ГИС «Электронный бюджет») генерирует новые угрозы: риск компрометации данных и алгоритмические ошибки систем скоринга [8].

Для минимизации указанных угроз представляется целесообразным осуществлять переход от тотального контроля всех операций к построению динамических карт рисков хозяйственной деятельности на территориальном уровне [9]. Матричный метод оценки позволит ранжировать контрольные точки по критериям «вероятность наступления рискового события» и «размер потенциального ущерба».

Внедрение риск-ориентированного подхода должно опираться на принцип превентивности (смещение фокуса на стадию обоснования закупок) и принцип экономической целесообразности (сопоставление стоимости контроля с величиной предотвращаемого ущерба) [10].

Проведенное исследование рисков в системе контроля хозяйственной деятельности ОВД позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, существующая ведомственная контрольная среда нуждается в глубокой модернизации и отходе от сугубо ретроспективного анализа хозяйственных операций. Во-вторых, внедрение риск-ориентированного подхода на базе современных цифровых технологий позволяет формализовать неопределенность, трансформировав контроль из сугубо надзорной функции в элемент предиктивного стратегического управления ресурсами. В-третьих, эффективное подавление оппортунистического поведения «агентов» в системе МТО возможно только при условии прозрачности распределения прав и ответственности, а также автоматизации рутинных контрольных процедур, исключающей влияние субъективного человеческого фактора. Перспективы дальнейших исследований лежат в области разработки математических моделей и алгоритмов машинного обучения для автоматизированной оценки ведомственных рисков.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.02.2026).

2. Фомичев, А. Н. Риск-менеджмент: учебник / А. Н. Фомичев. — 10-е изд. — Москва: Дашков и К, 2023. — 366 с. — ISBN 978-5-394-05406-8 [Электронный ресурс] // URL: https://znanium.ru/catalog/product/2084174 (дата обращения: 10.02.2026).

3. Хазинурова, П. Э. Синтагма риск-терминов в системе материально-технического обеспечения МВД России / П. Э. Хазинурова // Санкт-петербургские встречи молодых ученых: Материалы III всероссийского конгресса, Санкт-Петербург, 11 июня 2025 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. — С. 254 – 259. — EDN CKHHQA.

4. ГОСТ Р ИСО 31000-2019 Менеджмент риска. Принципы и руководство [Текст]: [национальный стандарт Российской Федерации] / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. — Введ. 2020-03-01. — Москва: Стандартинформ, 2020. — 19 с.

5. Материально-техническое обеспечение органов внутренних дел: методические рекомендации / Н. Н. Кузин и др. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2020. — 264 с.

6. Шеремет, А. Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций: практическое пособие / А. Д. Шеремет, Е. В. Негашев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2026. — 208 с. — ISBN 978-5-16-003068-5 [Электронный ресурс] // URL: https://znanium.ru/catalog/product/2234095 (дата обращения: 12.02.2026).

7. Китиева, М. И. Проблема «принципал-агент» и ее роль в экономике / М. И. Китиева, Л. М. Баркинхоева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2020. — № 2-1(60). — С. 140 – 143. — DOI 10.24411/2411-0450-2020-10105. — EDN WLZUHH.

8. Тотурбиев А. А. Совершенствование государственного контроля в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-gosudarstvennogo-kontrolya-v-usloviyah-tsifrovizatsii.

9. Хазинурова, П. Э. Построение карты рисков для отдельных направлений системы материально-технического обеспечения ОВД / П. Э. Хазинурова // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 04 апреля

2025 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. — С. 413 – 417. — EDN NDZSWZ.

10. Авдийский Владимир Иванович. Научно-теоретические аспекты риск-ориентированного подхода в системе обеспечения экономической безопасности [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-teoreticheskie-aspekty-risk-orientirovannogo-podhoda-v-sisteme-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti.

© Хазинурова П. Э., 2026

EDN: ZYEYHL

Феофилова Татьяна Юрьевна
доцент Высшей школы государственного управления
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
feotu@yandex.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ОТРАСЛЕЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ РФ

Аннотация. Предлагается методика оценки отраслей в контексте обеспечения экономической устойчивости. Разработаны критерии отнесения отраслей к уязвимостям, положительно влияющим или стабилизирующим экономическую устойчивости или к нейтральным отраслям. Проведена апробация методики.
Ключевые слова: экономическая устойчивость, оценка, отрасль, значимость отрасли.

Устойчивость национальной экономики обеспечивается за счет ее способности адаптироваться к изменениям и восстанавливать производство и воспроизводство ресурсов для производства продукта, что зависит от состояния каждого вида экономической деятельности. Следует отметить, что экономическую устойчивость мы рассматриваем в контексте обеспечения экономической безопасности государства, определяя ее элементом. Оценка устойчивости в отраслевом разрезе позволяет оценить реализацию решений и учесть динамику и тенденции для разработки решений для планируемого периода. При этом, развитие методического инструментария по оцениванию устойчивости чаще направлено на микроэкономический уровень, например, [1] и [2]. Реже оценивается устойчивость экономики регионов, так Н. Н. Михеева для оценки использовала данные Росстат по индексу выпуска базовых отраслей, а также годовых данных по ВРП [3], такой подход позволяет выявлять

проблемы в границах базовых видов экономической деятельности, при этом без внимания могут остаться те отрасли, которые динамично развиваются или напротив, находятся в состоянии стагнации или рецессии. Р. Р. Ахунов [4] для оценивания устойчивости использует анализ динамики совокупности макроэкономических и отраслевых показателей в динамике.

Предлагаемая и апробированная методика включает:

— на первом этапе оценивается и ранжируется значимость каждой отрасли (вида экономической деятельности) для ВВП, при этом обрабатывающие производства включаются в анализ полностью, остальные виды экономической деятельности представлены в групповом разрезе;

— на втором этапе ранжируется каждая отрасль по темпу прироста в динамике долгосрочного периода (не менее 10 лет), а также анализируются темпы роста за последние три года;

— на последнем этапе на основе разработанных критериев, основанных на сочетании оценок значимости отрасли для ВВП, рангах отрасли по темпу прироста в долгосрочном периоде и темпу роста в среднесрочном происходит отнесение отрасли к одному из типов: уязвимостей устойчивости, включающих отрасли-угрозы и рисковые отрасли, положительно влияющие или стабилизирующие устойчивость отрасли и нейтральные отрасли.

Таким образом, выявление уязвимостей, формируемых структурой отраслей национальной экономики базируется на критериях, в основе которых темпы роста ВВП и валовой добавленной стоимости отраслей, ранжирование отраслей по темпу прироста и ранжирование по значимости для ВВП, для чего анализируется теснота связи между динамикой ВВП и удельным весом отраслей в структуре валовой добавленной стоимости посредством расчета коэффициента Спирмена. Для определения значимости отрасли для ВВП разработан интегральный индикатор Qi — коэффициент комплексной значимости отрасли (вида экономической деятельности), представляющий собой корень квадратный из произведения рангов по средние доли отраслей в валовой добавленной стоимости и по коэффициенту корреляции между ними, который оценивает две характеристики отрасли одновременно: вес отрасли в национальной экономике (через долю в валовой добавленной стоимости, ВДС) и силу статистической связи её динамики с ВВП (через коэффициент корреляции Спирмена). Высокие значения Qi, говорят о том, что отрасль имеет существенную долю в ВДС или демонстрирует устойчивую статистическую

связь с ВВП, что можно ее интерпретировать, как значимую с точки зрения влияния на ВВП. Средние значения Qi свидетельствуют, о том, что отрасль имеет высокую долю в ВДС, но слабую связь с ВВП, либо малую долю, но сильную связь, что требует проведение дополнительного анализа для понимания роли в обеспечении экономической устойчивости. Невысокие значения Qi, говорит о том, что отрасль имеет незначительную долю и слабо связана с ВВП, то есть, вероятно, не оказывает существенного влияния на него.

Коэффициент комплексной значимости отрасли рассчитывается по формуле:

$$Qi=\sqrt{((2 \cdot Rдоля,i)^2+Rкорр,i^2)} \quad (1)$$

где:

Rдоля, i — ранг отрасли i по средней доле в валовой добавленной стоимости (ВДС)

Rкорр, i — ранг отрасли i по коэффициенту корреляции между её динамикой и ВВП.

Для вычисления корня квадратного из суммы квадратов рангов (по средней доле отраслей в валовой добавленной стоимости и по коэффициенту корреляции с ВВП), рассчитаны средняя доля в валовой добавленной стоимости (ВДС) — удельный вес отрасли в суммарной ВДС за долгосрочный период (в нашем случае за 14 лет с 2011 г. по 2024 г) и коэффициент корреляции Спирмена — мера тесноты связи между динамикой доли отрасли в ВДС и ВВП. Показателям присвоены ранги (R) от 1 до n (где n — число отраслей) — чем выше доля и сильнее связь, тем выше ранг.

Квадраты Rдоля и Rкорр делают показатель чувствительным к высоким рангам, а также подчёркивает приоритетность отраслей, одновременно крупных и тесно связанных с формированием ВДС. Извлечения корня делает показатель менее чувствительным к экстремальным значениям, чем простое произведение рангов, что даёт более «сглаженную» оценку и меньший перекос в пользу отраслей с очень высоким рангом по одному из критериев.

Под уязвимостями обеспечения экономической безопасности РФ (экономической устойчивости) рассматриваем тенденции, события или решения, формирующие риск или угрозу устойчивости национальной экономики, через воздействие на отдельные отрасли (виды экономической деятельности. На основе критериев экономической устойчивости отрасли

классифицируются на три типа: уязвимости, к которым относим отрасли-угрозы и рисковые (1), положительно влияющие или стабилизирующие (2), нейтральные отрасли (3). Разработаны критерии отнесения отрасли к угрозам или к рисковым отраслям. При этом отрасль признается угрозой экономической устойчивости, если соответствует критериям:

— высокий ранг значимости при слабой динамике (ранг по уровню значимости для ВВП более Топ-25% при ранге по темпу прироста ниже Топ-75%);

— высокая системная значимость отрасли для других отраслей при неблагоприятном влиянии барьеров для восстановления;

— снижение роли при сохранении ключевой функции (темпы роста отрасли ниже темпов роста ВВП за период не менее 2 лет).

— отрасль признается рисковой для экономической устойчивости, если соответствует не менее двум критериям:

— высокий ранг значимости при слабой динамике (ранг по уровню значимости для ВВП не менее Топ-50% при ранге по темпу прироста ниже Топ-50%);

— высокая системная значимость отрасли для других отраслей при неблагоприятном влиянии барьеров для восстановления;

— снижение роли при сохранении ключевой функции (темпы роста отрасли ниже среднегодовых темпов роста ВВП за период не менее 1 года).

Если отрасль соответствует критериям Угрозы, она исключается из категории Риска.

При соблюдении критерия «ранг по уровню значимости для ВВП» соответствующего положительным (не менее Топ-75 %) при «ранге по темпу прироста» — рисковым (ниже Топ-50 %), приоритет отдается «Рисковым» при отрицательных темпах роста отрасли за период не менее 2 лет при соблюдении критерия значимости для других отраслей.

Отрасль признается положительно влияющей или стабилизирующей, если соответствует всем перечисленным признакам:

— высокий ранг по темпу прироста валовой добавленной стоимости (ранг по темпу прироста не ниже Топ-75% при ранге по уровню значимости отрасли для ВВП не ниже Топ-75% или ранг по темпу прироста не ниже Топ-10% для обрабатывающих производств при отсутствии ограничений по рангу значимости отрасли для экономики);

— адаптивность к внешним факторам (устойчивость к санкциям, кризисам и структурным изменениям; способность к импортозамещению

и оперативной перестройке бизнес-процессов, то есть эффективное преодоление барьеров для восстановления).

При соответствии отрасли одновременно критериям положительного влияния и риска, приоритет отдается категории «Рисковая», если условие по снижению роли при сохранении ключевой функции (темпы роста отрасли ниже темпов роста ВВП за период не менее 1 года).

При соблюдении критерия «ранг по уровню значимости для ВВП» соответствующего положительным (не менее Топ-75 %) при «ранге по темпу прироста» — рисковым (ниже Топ-50 %), приоритет отдается «Положительно влияющей или стабилизирующей» при темпах роста отрасли положительных и выше темпа роста ВВП за период не менее 3 лет.

Нейтральные отрасли обеспечивают инерционную устойчивость экономики, не являясь при этом ни основным источником риска, ни ключевым фактором роста, к ним относят отрасли, соответствующие одному из критериев:

— низкий ранг значимости отрасли при низкой динамике (ранг значимости отрасли для ВВП соответствует нижнему квартилю (то есть 25% нижних рангов) при ранге по темпу прироста соответствующему нижнему квартилю (то есть 25% нижних рангов) или ранг значимости отрасли для экономики не ниже Топ-10% для обрабатывающих производств при отсутствии ограничений по рангу по темпу прироста);

— специфика деятельности (выполнение государственных административно-управленческие функций при отсутствии прямого участия в воспроизводстве ресурсов или производстве товаров).

При соответствии отрасли одновременно критериям положительного влияния и нейтральные, приоритет отдается категории «Нейтральные отрасли».

При соответствии отрасли критерию «ранг по темпу прироста» отраслям положительного влияния, а по «ранг значимости отрасли для ВВП» — нейтральным, приоритет отдается «Положительно влияющей или стабилизирующей» при темпах роста отрасли не ниже темпов роста ВВП за период не менее 3 лет, иначе приоритет отдается категории «Нейтральные отрасли».

При соответствии отрасли критерию «ранг значимости отрасли для ВВП» отраслям положительного влияния (не менее Топ-75 %) и критерию «ранг по темпу прироста» — нейтральным (ниже Топ-75 %), приоритет отдается «Нейтральным» при отрицательных темпах роста отрасли не более 1 года.

В результате апробирования методики посредством проведения оценок отрасли сгруппированы и выделены на три типа. К уязвимостям отнесены: Добыча полезных ископаемых и Обеспечение электрической энергией, газом и паром. Ряд других отраслей (торговля, недвижимость, транспорт, сельское хозяйство, образование и др.) демонстрируют стагнацию или снижение доли в ВДС, что создаёт риски для устойчивости экономики. Среди отраслей, укрепляющих экономическую устойчивость, определены: финансовая и страховая деятельность, высокотехнологичные и сервисные отрасли (IT, производство компьютеров и электроники, профессиональные и научные услуги), имеющие опережающий рост. Ряд отраслей вносят значительный вклад в устойчивость благодаря адаптивности и корреляции с макроэкономическими показателями (производство лекарств, металлических изделий, ремонт оборудования). Нейтральные отрасли обеспечивают инерционную устойчивость, но не являются драйверами роста (государственное управление и безопасность; здравоохранение и социальные услуги; культура, спорт и досуг; полиграфия, лесоводство, рыболовство и др.).

Таким образом, экономика РФ за анализируемый период стала более устойчивой, снижается чувствительность к кризисам, происходят позитивные структурные изменения. Однако сохраняются серьёзные уязвимости, в частности сырьевая зависимость (добыча полезных ископаемых) и проблемы в энергетическом секторе требуют внимания. Ряд отраслей нуждается в стимулировании и требуют мер поддержки для повышения их устойчивости (транспорт, сельское хозяйство, образование и другие рисковые отрасли). Стабилизирующими обеспечение экономической устойчивости выступают высокотехнологичные и финансовые отрасли, но их развитие должно сопровождаться мерами по снижению рисков (например, переориентации инвестиций из финансового в реальный сектор). Нейтральные отрасли выполняют стабилизирующую функцию, но их потенциал для роста ограничен.

Список литературы:

1. Иванченко Л. А., Жуков И. В. Подход к оценке экономической устойчивости предприятия энергетической отрасли //Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № . 12. С. 259.

2. Лясковская Е. А. Экономическая устойчивость организации в цифровой экономике //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. Т. 16. № . 1. — С. 87 – 99.

3. Михеева Н. Н. Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации //Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. № . 1. С. 151 – 174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174.

© *Феофилова Т. Ю., 2026*

EDN: ZRAJZL

Халитов Олег Фирузович
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Уфимский юридический институт МВД России
Уфа, Россия
ikator@mail.ru

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье финансовая грамотность рассматривается как психологический ресурс экономической безопасности личности. Научная новизна заключается в интерпретации финансовой грамотности через систему личностных ресурсов (саморегуляция, локус контроля, финансовая самоэффективность, толерантность к неопределенности), определяющих устойчивость финансового поведения и снижающих виктимность граждан в условиях цифровых финансовых рисков.
Ключевые слова: финансовая грамотность; экономическая безопасность личности; финансовая самоэффективность; кибермошенничество; профилактика правонарушений.

Вопрос обеспечения экономической безопасности граждан в современных социально-экономических условиях приобретает особую значимость. Развитие цифровой экономики, расширение спектра финансовых услуг, доступность кредитных продуктов и активное внедрение дистанционных финансовых сервисов заметно изменяют характер взаимодействия человека с финансовой системой. При этом устойчивость личности в экономической сфере определяется не только уровнем экономических знаний, но и психологической готовностью к управлению финансовыми ресурсами.

Масштаб угроз экономической безопасности личности в современной России уже трудно считать локальной проблемой. По данным Банка России, только за 2025 год злоумышленникам удалось похитить у граждан 29,3 млрд рублей, при этом банкам удалось предотвратить хищения на сумму 13,9 трлн рублей, заблокировав 134,2 млн мошеннических операций [1]. Еще более тревожные оценки приводит «Сбер»: с учетом хищений наличных средств, кредитов и продажи имущества общий ущерб от действий кибермошенников в 2025 году достиг 275 – 295 млрд рублей, причем от 30 до 40 % потерь не попадают в официальную статистику, поскольку пострадавшие не обращаются ни в МВД, ни в Центробанк [2, 3]. Как отмечает Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России, средний ущерб на одного пострадавшего вырос до 373 тыс. рублей, что свидетельствует о переходе мошенников к более точечным и дорогостоящим схемам [3]. При этом, согласно исследованию ВТБ, среди пострадавших 54 % составляют женщины, а средний возраст жертвы увеличился до 48 лет [4]. Эти данные говорят не только о масштабах криминальной активности, но и о том, что значительная часть граждан остается уязвимой к психологическому давлению и манипуляции.

По этой причине в научной литературе финансовая грамотность все чаще рассматривается не просто как сумма знаний, а как один из факторов, связанных с экономической безопасностью личности [5, 6]. Н. В. Аликперова, анализируя факторы финансового поведения населения, показывает, что в современной экономике существенную роль играет сочетание уровня доходов, доверия к финансовым институтам и доступности финансовых услуг, формирующих установки и поведенческие модели личности [5, с. 167]. О. Е. Кузина подчеркивает, что финансовая грамотность включает не только знания, но и реальное финансовое поведение, а финансовая компетентность проявляется в планировании расходов, их регулярном мониторинге, финансовой дисциплине и отсутствии импульсивных трат [6, с. 130].

В научной литературе экономическая безопасность личности понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов человека в экономической сфере. При этом было бы упрощением связывать ее только с внешними институциональными мерами, поскольку существенную роль здесь играют и внутренние ресурсы самой личности [7, с. 115].

Традиционно финансовую грамотность связывают прежде всего со способностью понимать базовые экономические процессы, ориентироваться в финансовых продуктах и принимать рациональные решения. Однако исследования психологических особенностей потерпевших от финансовых мошенничеств показывают, что наличие знаний само по себе еще не гарантирует безопасного поведения: существенную роль играют внушаемость, склонность к риску, неоправданное доверие и другие психологические факторы [8, с. 409]. Этот вывод подтверждается и практикой, в том числе материалами правоприменительной деятельности органов внутренних дел: наличие даже достаточного объема знаний не всегда обеспечивает безопасное финансовое поведение.

На практике финансовые решения нередко принимаются в ситуации неопределенности, спешки и эмоционального напряжения. В таких условиях поведенческие и психологические факторы нередко оказываются сильнее рационального расчета. Т. В. Корнилова, развивая идеи смысловой теории мышления, показывает, что в ситуации неопределенности выбор человека регулируется целостным интеллектуально-личностным потенциалом, включающим как когнитивные, так и аффективные компоненты, причем последние могут занимать ведущее место в иерархии регуляции [9, с. 90 – 93, 98]. Иначе говоря, даже понимая наличие риска, человек может действовать финансово небезопасно под влиянием страха, тревоги, социального давления или импульсивных побуждений, что нередко приводит его либо в статус потерпевшего, либо в поле зрения правоохранительных органов. Как отмечает Е. В. Никульченкова, у представителей современных поколений, наиболее подверженных кибердевиантному поведению, наблюдается снижение способности к рефлексии и критическому мышлению, что в сочетании с легкомысленным поведением в цифровом пространстве повышает виктимность и облегчает манипулятивное воздействие со стороны мошенников [10, с. 310].

Если рассматривать финансовую грамотность шире, то приходится учитывать ряд личностных характеристик, от которых зависит устойчивость финансового поведения. Одним из таких компонентов является саморегуляция. Именно она позволяет соотносить текущие желания с более отдаленными целями, не расходовать деньги под влиянием момента и удерживать выбранную линию поведения. Это особенно заметно в цифровой среде, где перевод денежных средств, дистанционная покупка или оформление займа совершаются за считанные минуты.

Скорость финансовых операций повышает удобство, но одновременно сокращает время на обдумывание решения. В результате поведение все чаще определяется не расчетом, а ситуативным эмоциональным откликом.

Существенное значение имеет и локус контроля. Когда человек склонен видеть связь между собственными решениями и своим материальным положением, он, как правило, внимательнее относится к расходам, долгам и накоплениям. Напротив, привычка объяснять финансовые трудности только внешними причинами — неблагоприятными обстоятельствами, действиями других людей или случайностью — нередко сочетается с меньшей ответственностью в экономических решениях. Этот вывод находит подтверждение в ряде исследований. В частности, К. Муздыбаев показал, что интерналы в большей степени связывают экономические достижения с личной активностью, тогда как экстерналы чаще выносят источник контроля за пределы собственной личности [11, с. 19]. Зарубежные исследования в целом идут в том же направлении: внутренний локус контроля чаще связан и со склонностью к сбережению [12], и с более выраженным финансовым планированием [13]. Это важно, поскольку позволяет рассматривать внутренний локус контроля не как абстрактную личностную характеристику, а как фактор повседневного финансового поведения.

Важной личностной предпосылкой финансовой устойчивости является и финансовая самоэффективность, то есть вера человека в собственную способность распоряжаться денежными средствами, планировать бюджет и принимать обоснованные экономические решения. При недостатке такой уверенности человек либо избегает решения финансовых вопросов, либо перекладывает их на других лиц, в том числе случайных и некомпетентных. При более высоком уровне финансовой самоэффективности ситуация обычно иная: бюджет чаще планируется, риски оцениваются спокойнее, а сложные финансовые инструменты не вызывают автоматического отказа или паники [14]. Вместе с тем было бы упрощением считать самоэффективность безусловно положительным фактором: без критичности мышления она может переходить в переоценку собственных возможностей.

Не менее важна и толерантность к неопределенности. Экономическая среда меняется быстро, и далеко не каждую ситуацию можно просчитать заранее. Изменение доходов, колебание цен, изменение условий кредитования, появление новых мошеннических

сценариев — все это требует от человека способности сохранять внутреннюю устойчивость и не поддаваться панике. Если неопределенность переносится тяжело, возрастает вероятность поспешных решений: срочного вывода средств, необдуманного займа или доверия к «спасительным» советам со стороны. Поэтому толерантность к неопределенности имеет не отвлеченное, а вполне прикладное значение: она помогает не разрушать собственную линию поведения в момент тревоги. Как показывают исследования, именно это качество позволяет личности сохранять относительную устойчивость в условиях внешних экономических шоков [11, с. 95 – 96, 98].

Поэтому финансовую грамотность в психологическом измерении можно понимать как совокупность личностных ресурсов, обеспечивающих способность человека принимать более взвешенные экономические решения в нестабильной ситуации и противостоять внешнему психологическому давлению. Разумеется, этим проблема не исчерпывается, однако без указанных характеристик сама информированность в финансовой сфере нередко оказывается малоэффективной.

Напротив, финансово небезопасное поведение обычно складывается под воздействием нескольких психологических факторов сразу. К их числу относятся импульсивность, финансовая тревожность, склонность к эмоциональному принятию решений, а также зависимость от внешних моделей демонстративного потребления. В последние годы к этому добавляется постоянное цифровое стимулирование: реклама, push-уведомления, агрессивные предложения кредитных и инвестиционных сервисов. В результате человек все чаще сталкивается не столько с необходимостью свободного выбора, сколько с навязанной скоростью этого выбора.

Свою роль играют и когнитивные искажения. На практике особенно заметны вера в легкий доход, недооценка возможных потерь, а также переоценка собственной способности быстро распознать обман. Именно на такие искажения опираются организаторы финансовых пирамид, нелегальных кредитных схем и мошеннических колл-центров. Потерпевшие нередко знают о существовании телефонного мошенничества, финансовых пирамид или сомнительных инвестиционных предложений, однако в конкретной ситуации это знание не срабатывает. Причина часто состоит в том, что воздействие строится не столько на аргументах, сколько на эмоциональном состоянии человека: страхе, срочности, жадности, чувстве вины или ложном доверии.

Анализ психологических особенностей лиц, пострадавших от деятельности финансовых пирамид и телефонных мошенников, показывает, что возраст, пол и социальный статус сами по себе не являются определяющими факторами виктимности. Более существенное значение имеют повышенная внушаемость, склонность к риску, социальный инфантилизм, а также неоправданное доверие к действиям посторонних лиц [8, с. 409]. Исследователи подчеркивают, что манипулятивное воздействие злоумышленников направлено прежде всего на дестабилизацию психоэмоционального состояния жертвы. В таком состоянии временно снижаются когнитивные возможности человека, вследствие чего даже известные ему правила безопасности перестают работать как механизм защиты [15, с. 127 – 128].

Отдельно следует остановиться на финансовой социализации личности. Финансовые установки начинают складываться задолго до первого самостоятельного заработка — в семье, через повседневные разговоры о деньгах, отношение взрослых к долгам, тратам, накоплениям и материальным трудностям. Позднее на финансовое поведение начинают влиять образовательная среда, профессиональный опыт и информационное пространство, включая цифровые медиа. Последние воздействуют особенно сильно, поскольку не только сообщают информацию, но и задают стандарты потребления, модели желаемого образа жизни и представления о «быстром результате».

С этой точки зрения особенно тревожным выглядит вовлечение молодежи в схемы так называемого дропперства — нелегального перевода и обналичивания денежных средств, полученных преступным путем. Во многих случаях молодые люди, стремясь к быстрому заработку, не обладают достаточной правовой зрелостью и навыками критического анализа информации, в результате чего становятся соучастниками противоправных действий, не до конца осознавая их последствия. Поэтому и профилактика должна быть шире простого предупреждения о наказании. Одного перечисления правовых рисков недостаточно, если у человека не сформирована привычка остановиться, проверить информацию и отказаться от сомнительного предложения [16, с. 566].

Все сказанное показывает, что одной лишь информационной модели финансового обучения уже недостаточно. Она необходима, но сама по себе не решает задачу обеспечения экономической безопасности личности. Более результативные программы, по-видимому, должны сочетать передачу знаний о финансовых продуктах и рисках с развитием

навыков самоконтроля, принятия решений в ситуации неопределенности, противодействия психологическому давлению и более трезвой оценки риска. Именно такое сочетание информационного и психологического компонентов позволяет рассчитывать на повышение реальной защищенности личности в экономической сфере.

Для органов внутренних дел учет психологических компонентов финансовой грамотности имеет практическое значение по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, это позволяет совершенствовать методики профилактики преступлений, связанных с мошенничеством в финансовой сфере. Развитие у населения внутреннего локуса контроля и навыков саморегуляции способно снижать виктимность потенциальных жертв. В рамках разъяснительной работы сотрудники полиции могут обращать внимание не только на правовые последствия участия в сомнительных схемах, но и на психологические механизмы, которыми пользуются злоумышленники: манипуляцию страхом, жадностью, чувством срочности, стремлением действовать немедленно. Важно обучать граждан распознаванию такого воздействия на уровне логических противоречий, эмоционального дискомфорта и явного давления на скорость принятия решения [15, с. 130].

Во-вторых, учет указанных психологических факторов имеет значение в системе профессионального отбора и служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел в целом. Финансовая дисциплинированность, саморегуляция и внутренний локус контроля могут рассматриваться как профессионально значимые качества сотрудника, поскольку они способствуют устойчивости к стрессовым и коррупционным рискам, повышают ответственность при принятии решений и снижают вероятность вовлечения в противоправные схемы.

Итак, финансовая грамотность не сводится лишь к образовательной категории и может рассматриваться как важный психологический фактор экономической безопасности личности. Уровень экономической устойчивости во многом зависит от личностных особенностей, сложившихся поведенческих стратегий и способности человека сохранять рассудочность в рискованных экономических ситуациях. Включение психологических компонентов в программы финансового просвещения способно повысить их практическую эффективность и содействовать формированию более устойчивого и безопасного финансового поведения населения. В перспективе это может способствовать снижению криминальной напряженности в экономической сфере и повышению результативности профилактической работы органов внутренних дел.

Список литературы:

1. ЦБ: банки заблокировали вдвое больше мошеннических операций в 2025-м // ПРАВО. Ru. — 2026. — 12 февраля [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.ru/news/262427/ (дата обращения: 03.03.2026).

2. «Сбер» раскрыл, сколько средств мошенники похитили у россиян за год // РБК. — 2026. — 29 января [Электронный ресурс] // URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/finances/29/01/2026/697b2a379a7947671694187e (дата обращения: 03.03.2026).

3. В «Сбере» оценили объем похищенных мошенниками средств в 295 млрд рублей // Эксперт. — 2026. — 22 февраля [Электронный ресурс] // URL: https://expert.ru/amp/news/v-sbere-otsenili-obem-pokhishchennykh-moshennikami-sredstv-v-295-mlrd-rubley/ (дата обращения: 03.03.2026).

4. ВТБ выяснил, каких россиян чаще обманывали мошенники в 2025 году // РБК. — 2026. — 5 февраля [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6984ca869a79471d8e307d9b (дата обращения: 03.03.2026).

5. Аликперова Н. В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект 3Д / Н. В. Аликперова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 2. — С. 165 – 175. — DOI 10.19181/population.2023.26.2.14.

6. Кузина, О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России / О. Е. Кузина // Вопросы экономики. — 2015. — № 8. — С. 129 – 148. — DOI 10.32609/0042-8736-2015-8-129-148. — EDN UDDLBV.

7. Христолюбова, Н. Е. Экономические интересы и потребности человека как факторы изменения его безопасности и качества жизни / Н. Е. Христолюбова // Академическая мысль. — 2018. — № 4(5). — С. 110 – 116. — EDN YSNQCT.

8. Халитов, О. Ф. Психологические особенности лиц, потерпевших от преступных действий организаций с признаками финансовой пирамиды / О. Ф. Халитов // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя): сборник научных трудов VI Международной конференции, Москва, 09 – 10 июня 2022 года. — Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2022. — С. 408 – 411. — EDN CFLQYM.

9. Корнилова, Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов / Т. В. Корнилова // Психологический журнал. — 2013. — Т. 34, № 3. — С. 89 – 100. — EDN QYOQIB.

10. Никульченкова, Е. В. Кибераддикции как детерминанты виктимности жертв кибермошенничества / Е. В. Никульченкова // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2025. — Т. 30, № 3(102). — С. 306 – 310. — DOI 10.24412/1999-6241-2025-3102-306-310. — EDN IYGARL.

11. Муздыбаев, К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации / К. Муздыбаев // Социологический журнал. — 2001. — № 1. — С. 5 – 32. — EDN PZQMFV.

12. Cobb-Clark, Deborah & New, Sonja & Sinning, Mathias. (2013). Locus of Control and Savings. SSRN ElectronicJournal. 10.2139/ssrn.2372546.

13. Peetz, Johanna & Robson, Jennifer &Xuereb, Silas. (2021). The Role of Income Volatility and Perceived Locus of Control in Financial Planning Decisions. FrontiersinPsychology. 12. 10.3389/fpsyg.2021.638043.

14. Sadiq, Muhammad & Azad, Raja. (2019). Impact of Personality Traits on Investment Intention: The Mediating Role of Risk Behaviour and the Moderating Role of Financial Literacy. Journal of Finance & Economics Research. 4. 1-18. 10.20547/jfer1904101.

15. Халитов, О. Ф. К вопросу о социально-психологических детерминантах поведения жертвы телефонного мошенничества / О. Ф. Халитов, С. И. Наумов, Д. И. Поликарпов // Russian Journal of Education and Psychology. — 2022. — Т. 13, № 1-3. — С. 125 – 132. — EDN HUZIHI.

16. Копылов, В. В. Проблемы организации противодействия вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве / В. В. Копылов, О. М. Прокофьев // Человек: преступление и наказание. — 2025. — Т. 33, № 4. — С. 561 – 567. — DOI 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.561-567. — EDN JUNTIP.

©Халитов О.Ф., 2026

EDN: ZMVZQE

Чертков Алексей Сергеевич
доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М. А. Будановой
Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия
alexchertkov@list.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье исследуется трансформация коммуникативной среды России под влиянием цифровизации и новых медиа. На основе актуальных статистических данных анализируются противоречия между задачами информационной безопасности и развитием открытых коммуникаций. Научная новизна заключается в комплексном выявлении дисбаланса между усилением государственного регулирования и общественным запросом на диалог.
Ключевые слова: коммуникативная среда, цифровая трансформация, информационная безопасность, российское общество, новые медиа.

Современное общество является естественной коммуникативной средой. Данная аксиома на первый взгляд не требует доказательств, поскольку вне обмена информацией процесс социализации социумов не может быть полным, а их становление — полноценным. Однако ученые на протяжении длительного времени доказывали очевидное, выявляя в коммуникативных процессах нюансы и особенности, находящиеся в зоне междисциплинарной досягаемости. С одной стороны, это тормозило процесс поиска эффективных каналов и механизмов коммуникаций, с другой — позволило определиться с методологическими подходами к изучению современного социального пространства в коммуникативной парадигме.

Основной методологической ценностью коммуникативной парадигмы является ее универсальность и междисциплинарность — зависимость от триединства языка, речи и социального взаимодействия. К основным методологическим подходам коммуникативного изучения социальной среды относятся: лингвистический, межкультурный и психолого-педагогический подходы. При этом генерация коммуникаций подразумевает комплексный феномен их воспроизводства в постоянно изменяющейся информационной среде.

С приходом интернетизации и цифровизации как глобальных и необратимых явлений человечество оказалось на пороге пересмотра складывавшейся веками коммуникативной среды. Она по-прежнему является движущей силой развития мира и человека, но в отличие от своих «прародителей» (телеграфа, радио и телевидения) существенно перестраивает коммуникативную среду, становясь не просто участником — средством связи, а каналом, генерирующим информационные потоки, в который вольно или невольно оказываются вовлечены пользователи глобального информационного рынка [1].

На смену всесилия телевидения пришло засилье новых медиа, многократно усиливших коммуникативный хаос посредством полифонии, разноголосицы и дробления на миллиарды мелких социальных аудиторий казавшегося до недавнего времени единым информационным полем. Отсюда неопределенность институтов власти, ответственных за информационную повестку: от их приверженности к популярным блогерам, набравшим миллионные аудитории, но вдруг оказавшихся в силу своей относительной финансовой независимости и возможностей удерживать свою аудиторию, приносящую доход, к рукотворным информационным гуру — пропагандистам. Последние (своей харизмой, помощью административного ресурса и капитала) быстро завладели вниманием подвижной к изменениям аудитории и надолго заполонили эфиры главных телевизионных и радиоканалов страны. Такие назначенные властью ведущие ведут и собственные каналы в популярных медиа, что означает их неуверенность в том, насколько долго продлится «головокружение от успехов» в новой коммуникативной конфигурации.

Пространство для появления новых коммуникативных каналов и медиа значительно сократилось, а без помощи государства сегодня любой такой проект обречен на прозябание и медленное угасание.

Неожиданно проявилась еще одна существенная тенденция: часть популярных ведущих, лидеров мнения оказались в лагере оппозиции,

эмигрировали в другие страны. При этом журналистами такие сотрудники изданий или их сбежавшие на Запад коллеги себя предпочитают уже не называть, перейдя в нишу блогерства и стримов.

Отношение к журналистике как к профессии также подверглось трансформации. Вузовская наука (прежде всего) и общественные медийные институты сумели в начале 2000-х годов утвердить в обществе фундаментальные медийные понятия: кого считать журналистом, что такое журналистика и как отличить журналистов от пропагандистов. Казалось, они и должны были в создавшейся ситуации задавать планку профессии и удерживать высокие стандарты, к которым некогда призывали. Официальные же журналистские институты находятся в состоянии стагнации. Достаточно судить о Союзе журналистов России, об эффективных и полезных для отрасли инициативах которого широкой общественности мало что известно.

Безынициативность сковала и общественные институты российского телевидения. Часть наиболее заметных лидеров общественного мнения, телеведущих и «звезд» федеральных каналов с началом Специальной военной операции оказались по другую сторону и не выразили своей позиции в поддержку линии власти. Раскол наблюдается и в актерской среде.

На этом фоне властные институты активно взялись за перестройку литературных организаций, провозгласив идею объединения писателей в одну всероссийскую организацию — Союз писателей России. В руководство писателями пришли авторитетные представители литературной общественности, государственные служащие. Передача в ее ведение издательств, Центрального Дома литераторов и писательских пансионатов и дач укрепила влияние руководства главного литературного объединения. Среди победителей литературных конкурсов и премий стали появляться писатели и поэты-участники СВО. Заметны успехи в реализации программы внедрения в образовательный процесс высшей школы дисциплин, отвечающих за изучение традиционных нравственных ценностей российского общества.

Главенствующую роль в переходе медиаплатформ в цифровые экосистемы и в реструктуризации медиакоммуникационной индустрии играют технологии искусственного интеллекта, ускоряющие темпы переформатирования алгоритмов перестройки медиа пространства и одновременно высвобождающие часть его агентов.

Однако основательная перестройка институтов коммуникации общества с властью происходит медленно. Вне данного процесса

оказались многие акторы, в том числе Ассоциации блогеров, коммуникационных агентств, некоммерческий сектор и др. Можно допустить, что часть из них подключена к указанным процессам посредством интеграции в провластные проекты или поддерживается за счет перераспределения финансовых потоков.

В современной России наблюдаются противоречивые тенденции в развитии коммуникативной среды. С одной стороны, властные институты активно работают над созданием системы цивилизационного решения социальных конфликтов. Заметны усилия в ужесточении борьбы с нарушениями в судебной системе, противодействии коррупции, регулировании миграционных процессов. Так, по данным на 2025 год, из России было выслано более 54 тысяч мигрантов, нарушивших российское законодательство.

В сфере регулирования информационного пространства наблюдается активизация контрольных функций. По данным презентации руководителя лаборатории по исследованию перспективных технологий и блокированию угроз подведомственного Роскомнадзору Главного радиочастотного центра, представленной на форуме «Спектр-2025», число заблокированных Роскомнадзором информационных ресурсов выросло на 50 %, достигнув более 1,2 млн, а количество заблокированных VPN-сервисов увеличилось на 31 % — до 258. Число заблокированных фишинговых сайтов выросло на 441 % (более 119 тыс.), количество серверов анонимных почтовых сервисов — на 20 % (до 252), центров управления и распространения вредоносного ПО — на 223 % (до 410) [2]. Как отмечают юристы, суды в основном занимают позицию в пользу Роскомнадзора, поскольку его действия правомерно обусловлены задачами по защите информации и необходимостью реализации мер по противодействию использованию информационных ресурсов, ограниченных на территории РФ, а также для обеспечения безопасности граждан [2].

В контексте трансформации коммуникативной среды особую остроту приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности как на индивидуальном, так и на государственном уровне. Распространение деструктивного контента, фейковых новостей, экстремистских материалов и киберугроз требует не только технических мер блокировки, но и формирования у граждан устойчивых навыков критического мышления и медиаграмотности. Деятельность Роскомнадзора по блокировке вредоносных ресурсов и VPN-сервисов, с одной стороны, защищает национальное информационное пространство,

с другой — порождает риски изоляции и ограничения доступа к глобальным знаниям. Кроме того, активное внедрение отечественных цифровых платформ, таких как «ВКонтакте» и мессенджер MAX, актуализирует проблему защиты персональных данных пользователей и предотвращения утечек информации. Таким образом, безопасность в новой коммуникативной реальности становится комплексной задачей, требующей координации усилий государства, бизнеса и институтов гражданского общества для создания устойчивой и одновременно открытой информационной среды.

Описанные меры реагирования на информационные угрозы стали возможны именно благодаря тому, что цифровая трансформация коренным образом изменила саму природу медиапространства, сделав его одновременно более уязвимым и более управляемым. Однако цифровая трансформация коренным образом изменила эту картину. С. А. Вартанов и А. Ю. Тышецкая подчеркивают, что благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий и интеграции традиционных медиа с телекоммуникациями медиакоммуникационная индустрия претерпела значительные изменения, что привело к формированию сложной сетевой структуры, где традиционные СМИ утрачивают доминирующую роль, а бизнес-модели трансформируются [1].

В то же время происходит активное внедрение отечественных разработок в сфере цифровых коммуникаций. В социальной сети «ВКонтакте» наблюдаются позитивные тенденции: по данным Mediascope, среднее время, проводимое пользователями в этой сети в декабре 2025 года, увеличилось на 20 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, достигнув 64 минут, что является самым высоким показателем среди всех соцсетей в России. Наибольшую активность проявляют пользователи в возрасте 25 – 34 лет (76 минут в день), прирост времени у этой группы составил 13 %. У молодежи 12 – 24 лет время пребывания выросло на 17 %, у пользователей 35 – 44 лет — на 24 %. С сентября 2023 года приложение «VK видео» установили 100 млн раз, ежемесячная аудитория сервиса в декабре 2025 года составила 81,5 млн пользователей [3].

Национальный мессенджер MAX также демонстрирует впечатляющие результаты: по данным на конец декабря 2025 года, в нем зарегистрированы около 80 млн пользователей. Мессенджер постепенно становится удобным «ключом» для доступа к цифровым государственным услугам и финансовым сервисам. Через MAX уже сейчас можно

входить на портал «Госуслуги» и подтверждать возраст, в ближайшее время функционал планируют расширить до уровня «цифрового паспорта». Для студентов многих вузов QR-код из приложения используется как электронный студенческий билет. Государственные банки отказались от иностранных мессенджеров и используют MAX для связи с клиентами [4].

Телевизионное смотрение демонстрирует относительную стабильность. Важно отметить внедомашнее телесмотрение, анализ которого стал возможен с начала 2025 года по всей России благодаря обновлению измерений Mediascope. Максимальный охват внедомашнего просмотра пришелся на новогоднюю ночь в интервале с 23:00 до 1:00, второй пик зафиксирован в Рождество [5].

В структуре просмотра контента наблюдаются следующие тенденции: обращение Президента в новогоднюю ночь традиционно объединяет практически все сегменты аудитории и аккумулирует максимальный охват на федеральных каналах, при этом «Первый канал» остается ключевой площадкой для этого события. В рекламной активности топ-15 рекламодателей в новогоднюю ночь совокупный объем закупленных рейтингов оказался меньше на 22 % по сравнению с 31 декабря 2024 года, и на 13 % ниже за период новогодних каникул относительно аналогичного периода 2025 года, что свидетельствует о более избирательном подходе к распределению бюджетов [5].

По данным ВЦИОМ, фиксируется рост доли российского контента: отечественные фильмы заняли около 80 % кинопроката, доля просмотров российских сериалов превысила 75 %. Эксперты также фиксируют усиление коротких форматов, рост влияния искусственного интеллекта, снижение роли поисковиков, укрепление маркетплейсов на рекламном и медийном рынках [6].

Следующая тенденция говорит об активной вовлеченности государства в регулирование коммуникационных институтов. Исследователи российского онлайн-пространства подчеркивают, что сегодня оно подвергается сложным формам контроля, включая самоцензуру и блокировку глобальных платформ, что оставляет подконтрольные государству российские платформы в качестве основного средства цифровой коммуникации для населения [7].

Выводы.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о трансформации коммуникативной среды современного российского

общества. Модель коммуникативной среды российского общества постоянно совершенствуется под воздействием как технологических, так и социально-политических факторов. Ключевыми тенденциями являются: переход от традиционных медиа к цифровым экосистемам, активное внедрение технологий искусственного интеллекта в медиакоммуникации, усиление роли отечественных цифровых платформ («ВКонтакте», MAX) при одновременном ужесточении контроля над информационным пространством.

Статистические данные демонстрируют успешное импортозамещение в сфере цифровых коммуникаций: рост аудитории и времени пользования отечественными платформами, расширение их функционала от развлекательного до социально значимого (доступ к госуслугам, идентификация личности). Телевидение сохраняет позиции ключевого «праздничного экрана» и источника официальной информации, однако рекламодатели демонстрируют более избирательный подход к размещению бюджетов.

Вместе с тем вызывает тревогу отсутствие устойчивых положительных тенденций в организации наиболее масштабной сферы коммуникативного процесса — электронно-сетевого пространства социальных взаимодействий. Усиление ограничительного законодательства, блокировки информационных ресурсов и VPN-сервисов создают риски дальнейшей фрагментации общественного диалога. Существующие механизмы обратной связи между властью и обществом не всегда успевают за динамично развивающимися общественными запросами.

Определение алгоритмов развития данной социальной среды и взаимодействий внутри пользовательских сообществ, их прогнозирование, влияние на устранение в этой среде элементов экстремистской направленности и деструктивного контента — вот от чего будет зависеть, насколько ответственные за коммуникационный процесс институты государства сумеют направить трансформацию коммуникативной среды в конструктивное русло, обеспечивающее как национальную безопасность, так и реализацию права граждан на гарантированный информационный обмен.

Список литературы:

1. Вартанов С. А., Тышецкая А. Ю. Российская модель использования ИИ в цифровых экосистемах медиакоммуникационной индустрии // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2026. № 1. С. 3 – 25.

2. Вихлянцева Е. Нарушителям вышло блоком. Число заблокированных Роскомнадзором ресурсов за год выросло на 50% // Коммерсантъ. 2025. 23 октября.

3. Фетисов В. Россияне стали больше сидеть во «ВКонтакте» и смотреть «VK видео» // 3DNews. 2026. 30 января [Электронный ресурс] // URL: https://3dnews.ru/1136129 (дата обращения: 23.02.2026).

4. Национальный мессенджер MAX планируют расширить до уровня «цифрового паспорта» // Администрация Кинель-Черкасского района. 2026. 13 января [Электронный ресурс] // URL: https://kinel-cherkassy.ru (дата обращения: 23.02.2026).

5. Мазурина А. Новогодний фактор: что показало телесмотрение в праздники 2025 – 2026 // Sostav.ru. 2026. 12 февраля [Электронный ресурс] // URL: https://www.sostav.ru/publication/novogodnij-faktor-81670.html (дата обращения: 23.02.2026).

6. Новая эра в сфере медиа и коммуникации // ГТРК «Курск». 2026. 21 января [Электронный ресурс] // URL: https://gtrkkursk.ru/news/72809 (дата обращения: 23.02.2026).

7. Logunova O., Lebedev P. Social Media Listening Platforms in Wartime Russia: Limits and Opportunities // Communist and Post-Communist Studies. 2026. Vol. 59. № 1. P. 1 – 19. DOI: 10.1525/cpcs.2025.2477849.

© Чертков А. С., 2026

EDN: ZPRDCO

Шаронов Александр Николаевич
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский институт Военной академии МТО
Санкт-Петербург, Россия
доктор военных наук, профессор
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации
sharonov-55@yandex.ru

Лопатин Станислав Аркадьевич
старший научный сотрудник
Государственный научно-исследовательский
испытательный институт военной медицины
Санкт-Петербург, Россия
доктор медицинских наук, профессор
stanislav.lopatin47@yandex.ru

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ПРИЦЕПНЫХ КУХОНЬ

Аннотация. В статье проведена оценка состояния существующих на оснащении прицепных кухонь, технические характеристики, состав, оборудование и устройства прицепных кухонь. Показано применение прицепных кухонь в боевых условиях, выявлены недостатки и направления их модернизации.

Ключевые слова: прицепные кухни; технические характеристики, оборудование, эксплуатация.

Кухни прицепные КП-125 (КП-125М), КП-130 (КП-130-11, КП-130М2)), КПБМ-150М предназначены для приготовления и транспортирования горячей пищи в полевых условиях, обеспечивают приготовление пищи из двух блюд и кипятка для чая. Они придаются мотострелковым, танковым, зенитным, зенитно-ракетным, воздушно-десантным,

строительным, железнодорожным частям и учреждениям на соответствующее количество питающихся (125 чел, 130 чел, 150 чел). Тактико-технические требования к полевым техническим средствам продовольственной службы изложены в работах [1,2,3,4,5,6,7].

На снабжении имеется более 17 тыс. прицепных кухонь, которые требуют замены на перспективные и современные изделия. Оборудование существующих кухонь смонтировано на шасси автомобильного прицепа ИАПЗ-739К и состоит из теплового блока, топливной системы и вспомогательного оборудования. В тепловой блок кухни входят очаг, четыре жарочных шкафа и кипятильник, показаны на рисунке 1.

Рисунок 1. Кухня прицепная КП-125М

Очаг кухни КП-125М представляет собой металлический сварной каркас, образующий топочную камеру, четыре секции для жарочных шкафов, секцию для установки кипятильника и дымохода. В очаге кухни предусмотрены прямой и обратный газоходы за счет разделения очага горизонтальной перегородкой с отводом отходящих газов в дымовую трубу. Каркас очага облицован с двух сторон листовой сталью. Межстенное пространство каркаса заполнено теплоизоляцией из каолиновой ваты или асбеста. Дополнительно теплоизолированы дверки жарочных шкафов, стенки и дно топочной камеры.

На задней стенке корпуса очага приварены две рамки для установки дверок топок или форсунок и боров для крепления дымовой трубы. На боковых стенках очага сделаны проёмы для установки дверей жарочных шкафов, а в расположении секции кипятильника: два люка для чистки очага от сажи.

В четырёх жарочных шкафах размещаются три котла и противень. Котлы сварены из листов нержавеющей стали, имеют прямоугольную форму с округленными углами. Противень прямоугольной формы изготовлен из нержавеющей стали, может размещаться в любом свободном жарочном шкафу.

Топливная система кухни КП-125М состоит из двух топливных баков, манометра, фильтра-тройника, двух форсунок, кранов, соединительной арматуры и трубопроводов. Основное отличие топливной системы кухни КП-125М от топливной системы кухни КП-130 в том, что у нее нет ресивера и, следовательно, время работы без подкачки воздуха меньше, а топливные баки необходимо заполнять до 4/5 полной вместимости.

Кухня КП-125М смонтирована на одноосном прицепе, состоящем из рамы сварной конструкции, подвески на двух продольных полуэллиптических рессорах, оси с двумя односкатными колесами, сцепного устройства, передней и задней подставок, электрооборудования, оперения для крепления кухни, подножки для обслуживания кипятильника, запасного колеса и аварийного троса.

Вспомогательное оборудование включает съемный стол для разделки продуктов, ящик для принадлежностей и инструмента, каркасную палатку для укрытия повара и кухни.

Кухня прицепная КП-130 предназначена для приготовления и транспортирования горячей пищи из трех блюд и кипятка в полевых условиях.

Модификации кухни прицепной: КП-130-11 — модификация кухни 111 военного завода; КП-130-М2 — модификация кухни Ирбитского автоагрегатного завода.

Оборудование кухни КП-130-11 смонтировано на одноосном кухонном прицепе и состоит из теплового блока, топливной системы и вспомогательного оборудования. Рама прицепа имеет форму вилки и сварена из труб, внутренняя полость которых используется как дополнительная емкость для горючего на 65 литров, что является преимуществом данной кухни перед другими прицепными кухнями. Тепловой блок кухни КП-130-11 при отделении от рамы может устанавливаться на четыре откидные стойки (ножки), оборудованные винтовыми приспособлениями для регулирования по высоте (рисунок 2).

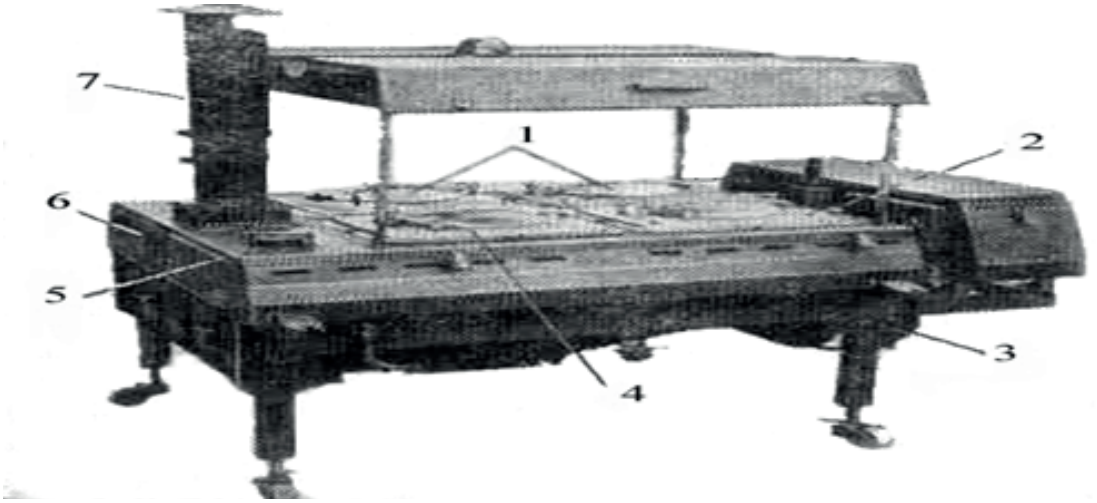

Рисунок 2. Тепловой блок кухни КП-130-11:
1 — котлы для первого; 2 — котёл для второго блюда; 3 — топливные баки; 4 — котел для кипятка; 5 — водонагреватель; 6 — жарочный шкаф; 7 — дымовая труба.

В ходе эксплуатации в боевых условиях отделение рамы от теплового блока вызывали затруднения и нарекания в излишних функциях (содержания дополнительного горючего), что не соответствует действительности и двойному предназначению рамы.

В тепловой блок входят очаг с обратным газоходом, четыре взаимозаменяемых котла, жарочный шкаф, водонагреватель. На вилках рамы приварены два кронштейна для крепления маятниковых подвесок колес и четыре кронштейна с откидными болтами для крепления теплового блока. Сзади вилок рамы установлен винтовой механизм с тросом, обеспечивающий изменение высоты рамы и быстрое отделение теплового блока от рамы при его установке отдельно в стационарных условиях. Изменение высоты рамы производится посредством сжатия пружин амортизатора подвески тросом, один конец которого всегда соединен с винтовым механизмом, а второй конец для этого должен быть снят с крюка на вилке рамы и зацеплен за крюк на ступице колеса.

Особенностью очага кухни КП-130-11 является то, что его внутреннее пространство разделено на два самостоятельных топливных отсека (левый и правый) вертикальной стенкой. Поэтому отсеки образуют две самостоятельные топки, оборудованные огневыми коробками с зольниками. В левом отсеке смонтированы два котла для первого блюда и жарочный шкаф, а в правом — котлы для второго блюда и кипятка и водонагреватель.

Котлы взаимозаменяемые, имеют прямоугольную форму с округленными углами. В верхней части котла имеется горловина, паровыпускной клапан с отражателем. Котел второго блюда выполнен

с двойными стенками и имеет косвенный обогрев, при этом межстенное пространство в нем заполнено минеральным маслом. Остальные котлы имеют однослойные стенки и прямой обогрев.

Оборудование кухни КП-130-М2 смонтировано на специальном шасси ГКБ-8912 и состоит из теплового блока, топливной системы и вспомогательного оборудования. В тепловой блок кухни входят очаг, четыре жарочных шкафа и кипятильник (рисунок 3).

Рисунок 3. Кухня прицепная КП-130-М2

Основное отличие кухни прицепной КП-130-М2 от КП-130-11 заключается в исполнении и нахождении ёмкости для приготовления горячей пищи. Пищеварочные котлы у кухни прицепной КП-130-М2 расположены с боку и аналогичны КП-125.

Эксплуатация кухонь прицепных осуществлялась, в основном, в заглубленных пунктах питания. Для этого, как правило, требовалось разъединять базу монтажа от теплового блока. На кухне КП-130 и её модификациях рама, как база монтажа, использовалась в качестве дополнительного средства хранения топлива. В этой связи база монтажа кухни КП-130 (130-11) затрудняла развертывание и установку на откидные стойки. В этой связи предлагается усовершенствовать конструкцию с учетом имеющихся недостатков, а также тенденции развития аналогичных кухонь в зарубежных странах.

Кухня прицепная блочно-модульная КПБМ-150-01 предназначена для приготовления горячей пищи личному составу боевых подразделений численностью до 150 человек, питающихся в полевых условиях. Необходимость создания кухни была обусловлена увеличением количества военнослужащих при формировании батальонных тактических

групп, которые в локальных войнах и вооруженных конфликтах в конце прошлого века были основными тактическими подразделениями с необходимыми средствами усиления. Для их обеспечения требовалась кухня на 150 человек и КП-150-01 была крайне востребована в батальонных тактических группах. Применение батальонных тактических групп было в составе полка или соединения. В каждую группу входил мотострелковый батальон с приданными средствами усиления: танковыми, артиллерийскими, средствами ПВО, инженерными, связи, РХБЗ. Батальонные тактические группы действовали на значительном удалении от основных сил, часто без обеспечения флангов, компенсируя это мобильностью, постоянно ведя разведку, нащупывая в обороне противника бреши и нанося удары в самых уязвимых местах. Применение батальонных тактических групп и действия мобильных подразделений стало устойчивой тенденцией современного боя в тот период. Готовность таких подразделений к выполнению задач — не более 2-х часов, удаление от основных сил 200 – 400 км, автономность действий 3 – 4 суток, численность БТГр составляло 650 – 700 человек.

Кухня транспортируется автомобильным, воздушным, морским и железнодорожным транспортом без упаковки. Кухня рассчитана на эксплуатацию в различных климатических условиях в любое время года и суток. Общий вид КПБМ-150-01 показан на рисунке 4.

Рисунок 4. Кухня прицепная блочно-модульная КПБМ-150-01

При использовании КПБМ-150-01 отмечается её громоздкость, большую массу около 5000 кг и неудобство в развертывании, эксплуатации, транспортировке грузовым автомобилем. При эксплуатации кухни

КПБМ-150М выявлено много недостатков, основными из которых являются: несоответствие производительности (количества питающихся) организационной структуре обеспечиваемых подразделений и большая масса кухни, что является следствием первого недостатка.

Таким образом, кухни прицепные КП-125, КП-130, КП-130-11Л, КПБМ-150М предназначены для приготовления и транспортирования горячей пищи в полевых условиях, обеспечивают приготовление пищи из двух блюд и кипятка для чая [1].

Эксплуатация кухонь прицепных осуществлялась, в основном, в заглубленных пунктах питания. Для этого, как правило, требовалось разъединять базу монтажа от теплового блока. На кухне КП-130 и её модификациях рама, как база монтажа, использовалась в качестве дополнительного средства хранения топлива. В этой связи база монтажа кухни КП-130 (130-11) затрудняла отделение теплового блока от рамы и потребовала уточнения составных частей и их функций в конструкции кухни. Применение прицепных кухонь требует дальнейшей модернизации в направлении для повышения эффективности работы технологического оборудования и форсунок. До настоящего времени форсунки и топливная система не модернизировались, коэффициент полезного действия их низок (до 30 %).

В ходе проведения СВО предприятия-изготовители технических средств продовольственной службы при научном сопровождении НИИ (ВСИ МТО ВС РФ) ВАМТО выборочно провели модернизацию прицепных кухонь: прицеп-кухни ПК-125К, кухни прицепной КП-130М2, КПБМ-150-01 с учётом опыта эксплуатации в боевых условиях и выявленных конструктивных недостатков.

При модернизации прицеп-кухни ПК-125К, кухни прицепной КП-130М2 усовершенствовали емкости котлов, унификацию технологического оборудования и санитарно-гигиенические условия работы поварского состава.

Однако при эксплуатации кухни КПБМ-150-01 дополнительно выявлено много недостатков, основными из которых являются: несоответствие производительности (количества питающихся) организационной структуре обеспечиваемых подразделений и большая масса кухни, что является следствием первого недостатка. Кухня разрабатывалась для подразделений типа роты (120 чел.) мотострелкового батальона (495 чел.). Для подразделения (роты) требуется следующее количество пищеварочных котлов (емкостей): для первого блюда — до 78 л, второго блюда — 54 л, третьего блюда — 36 л, резерва воды при кухнях — 24 л.

Именно под данные нормативы разрабатывались прицепные полевые кухни (КП-125, КП-130), которые хорошо зарекомендовали себя во всех локальных войнах и вооруженных конфликтах.

Предлагается использовать опыт специальной военной операции, зарубежный опыт создания функциональных модулей разработать универсальную прицепную кухню на базе крупного промышленного предприятия на 120 чел. (КП-120 «Универсал»).

Список литературы:

1. Шаронов А. Н., Шаронов Е. А. Научное обоснование и разработка общих технических требований для перспективной техники продовольственной службы. Военно-теоретический труд. — СПб.: ВА МТО, изд-во АСТЕРИОН, 2019. — 1009 с.

2. Топоров А. В., Коновалов В. Б., Шаронов А. Н., Квашнин Б. С., Востряков И. В., Шаронов Е. А. Научное обоснование и разработка арктических технических средств материального обеспечения. Военно-теоретический труд. — СПб.: ВА МТО, изд-во АСТЕРИОН, часть 1. 2018. — 736 с.

3. Целыковских А. А., Шаронов А. Н., Востряков И. В., Шаронов Е. А. Научно-методическое обеспечение разработки и создания кухни автомобильной многофункциональной: Монография. — СПб.: ВА МТО, АСТЕРИОН 2023. — 419 с.

4. Целыковских А. А., Шаронов А. Н., Востряков И. В., Шаронов Е. А. Разработка тактико-технических требований к полевым автомобильным средствам подвоза воды: Монография. — СПб.: ВА МТО, изд. Астерион, 2023. — 422 с.

5. Шаронов А. Н., Соловьев М. А., Боровик А. В. Пункты питания офицеров управления оперативного звена в полевых условиях: анализ состояния и направления развития / Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2022. № 2 (21). С. 122 – 133.

6. Шаронов А. Н., Шаронов Е. А., Соколов В. В. Многофункциональные мобильные комплексы питания / Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2022. № 4 (24). С. 118 – 130.

7. Шаронов А. Н., Шаронов Е. А. Оценка уровня технического совершенства мобильных пунктов питания // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2021. № 1 (13). С. 112 – 123.

© Шаронов А. Н., Лопатин С. А., 2026

EDN: XEAAXA

Шкварок Владимир Михайлович
начальник кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
кандидат экономических наук, доцент
shkvarok@mail.ru

ЗАЩИТА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. в статье рассматриваются проблемные вопросы защиты конфиденциальной информации и баз данных (обеспечения информационной безопасности) органами государственной власти, их надлежащего исполнения законодательных требований, организационных мер и использования необходимых технических средств защиты, предотвращения несанкционированного доступа, изменения, уничтожения или потери данных, которые разглашаются или неправомерно используются.
Ключевые слова: конфиденциальная информация, обеспечение экономической безопасности сектора государственного управления.

Обеспечение экономической безопасности информационных систем и защита конфиденциальной информации сектора государственного управления связана с рядом проблем, которые обусловлены технологическими, организационными, кадровыми и внешними факторами. Эти проблемы могут приводить к финансовым потерям, утечке критически важной конфиденциальной информации, нарушению государственного управления и бизнес-процессов, снижению конкурентоспособности организаций сектора государственного управления.

Обучение работников сектора государственного управления принципам организации защиты конфиденциальной информации, обеспечения информационной безопасности, целостности и доступности данных, создание надёжных систем шифрования данных является первостепенной задачей руководителей органов государственной власти.

Современные государственные организации располагают значительными объемами конфиденциальной информации. В сегодняшних реалиях государственные информационные системы, такие как Госулсуги, МАХ, платформа о государственных и муниципальных платежах (СБП, Электронный бюджет, ЕГИССО и т.д.) являются одним из основных элементов обеспечения экономической безопасности сектора государственного управления. Электронные сервисы единой системы межведомственного электронного взаимодействия и базы данных, нуждаются в надежной охране от преступных посягательств, которое представляет собой серьезную угрозу для деятельности и существования полномочий государственных органов исполнительной власти.

Поэтому так важно обеспечить защиту информационных система и баз данных от несанкционированного доступа.

Защита информационных система сектора государственного управления представляет собой комплекс мероприятий, направленных на контроль полномочий пользователей. В организациях сектора государственного управления вводится ограничения использования конфиденциальной информации, которая не нужна сотрудникам для выполнения прямых обязанностей. Контролировать необходимо действия как с бумажными документами, так и со сведениями на электронных носителях информации.

Для того чтобы создать надежную систему защиты информационных систем и баз данных государственных органов власти необходимо исследовать законодательство о защите конфиденциальной информации и определить незаконные способы получения конфиденциальной информации и цифровых данных.

Сущность понятий «конфиденциальная информация» и «конфиденциальные цифровые данные» не имеет точного подхода трактовке из-за того, что в данную категорию попадает свыше десятка видов терминов и определений. Принято считать, что *конфиденциальная информация* — обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую

информацию третьим лицам без согласия ее обладателя [1]. В первую очередь это личные данные населения, государственная и коммерческая тайны.

Перечень сведений конфиденциального характера утверждён Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 года № 188 (в редакции указов Президента РФ от 23 сентября 2005 года № 1111 и от 13 июля 2015 года № 357). В него входят:

1. Сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях.

2. Сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, а также сведения о лицах, в отношении которых в соответствии с федеральными законами от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», другими нормативными правовыми актами Российской Федерации принято решение о применении мер государственной защиты. Сюда же относятся сведения о мерах государственной защиты указанных лиц, если законодательством РФ такие сведения не отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну.

3. Служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (служебная тайна).

4. Сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. К ним относятся врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и так далее.

5. Сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (коммерческая тайна).

6. Сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них.

7. Сведения, содержащиеся в личных делах осуждённых, а также сведения о принудительном исполнении судебных актов, актов других органов и должностных лиц, кроме сведений, которые являются общедоступными в соответствии с Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Чтобы сведения приняли статус конфиденциальных их владелец должен быть уверен, что они относятся к одному из описанных видов, перечисленных в Указе Президента РФ от 13.07.2015 года за № 357, либо должен самостоятельно нанести на них маркировку «строго конфиденциально», и ограничить доступ к ним.

Требования о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности и федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области противодействия техническим разведкам и технической защите информации, в пределах их полномочий.

По официальной информации МВД России в 2025 году зафиксировано 675372 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из них преступлений в сфере компьютерной информации 61137 (см. рисунок 1).

Данные статистки наглядно говорят о том, что создание и эксплуатация государственных информационных систем требуют от компетентных государственных органов своевременно разрабатывать действенные способы и методы технического характера их защиты которые должны соответствовать установленным требованиям. Законодатель в праве устанавливать дополнительные ограничения использования определенных средств защиты информации и осуществления отдельных видов деятельности в области защиты информации.

При этом рост криминальной активности сопровождается прогрессом в раскрываемости преступлений — например, внедрение алгоритмов анализа Big Data позволило идентифицировать 15 % сложных многоэтапных атак, которые ранее оставались незамеченными. Однако данная положительная тенденция не компенсирует системных проблем: замедление цифровой трансформации госсектора продолжает ограничивать возможности для противодействия угрозам, поскольку устаревшие ИТ-системы не поддерживают современные протоколы шифрования и методы аутентификации [2].

Рисунок 1. Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации за 2025 год, ед. [3]

Несанкционированный доступ к конфиденциальной информации может быть получен разными способами и может осуществляться как легальными, так и нелегальными способами.

Выделяют следящие *нелегальные способы* доступа преступников к конфиденциальной информации:

— социальная инженерия (фишинг, вишинг, услуга за услугу, претекстинг);

— обратная социальная инженерия — создание ситуации, при которой жертва сама обращается к злоумышленнику за «помощью», после чего происходит утечка данных;

— использование инсайдеров — получение информации от сотрудников организации, которые могут действовать из корыстных побуждений, мести или под давлением (добровольное сотрудничество, вербовка или подкуп);

— технические методы доступ к конфиденциальной информации (взлом информационных ресурсов организации — атака на корпоративные сети, веб-сайты, облачные сервисы, компьютеры и мобильные устройства с использованием уязвимостей в программном обеспечении);

— перехват данных, использование шпионских программ, снифферов, оборудования для перехвата информации при её передаче по сетям (панорамные анализаторы, антенные усилители, оконечная аппаратура);

— брутфорс, подбор паролей к административным учётным записям;

— внедрение вредоносного программного обеспечения, вирусов, троянов, клавиатурных шпионов, которые собирают данные или предоставляют удалённый доступ к системе;

— DDoS-атаки и перегрузка систем для получения доступа к их ресурсам;

— SQL-инъекции для проникновения в базы данных.

— физический доступ для проникновения в помещения, где находятся носители информации (жёсткие диски, серверы, бумажные документы) с использованием чужих идентификаторов или при отсутствии должного контроля;

— случайное частичное ознакомление и получение доступа к части информации, например, через случайно оставленные документы, включённый монитор с отображением важных сведений или конфиденциальной информации;

— прямое хищение документов или взлом операционных систем компьютеров, сетевых средств хранения конфиденциальной информации, удаленными методами управления и контроля путем внедрения в операционную систему через Интернет шпионских программ, вирусов и прочего вредоносного программного обеспечения.

Кража носителей с ценными сведениями, например, программным кодом, который является разработкой организации (удостоверяющего центра). На это способны только доверенные лица, имеющие доступ к конфиденциальным данным в физическом или электронном виде. При этом необходимо обратить внимание на то, что нарушение требований по защите информации влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Параллельно с развитием средств защиты информации, преступники совершенствуют свои навыки и методы несанкционированного доступа к конфиденциальной информации, особенно участились случаи подделки ЭЦП организации.

Необходимо понимать, что существующие методы незаконного получения данных постоянно совершенствуются. Наибольшую опасность представляют новые и малоизученные способы доступа к ресурсам организации, против которых пока нет эффективных методов борьбы. Поэтому считать средства защиты от несанкционированного доступа излишней мерой не следует. Это не попытка перестраховаться, а следствие правильного понимания размеров угрозы.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что к ключевыми и наиболее значимыми в сфере защиты конфиденциальной информации как элемента обеспечения экономической безопасности сектора государственного управления является защита персональных данных граждан, государственных организаций и предприятий от несанкционированного доступа, обеспечить доверие к цифровым государственным системам, усилить ответственность за утечки данных пользователей.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 21.03.2026).

2. Ващенко, С. А. Утечки конфиденциальных данных в цифровую эпоху: этико-правовые аспекты кибербезопасности / С. А. Ващенко // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. — 2025. — № 9. — С. 103 – 114. — DOI 10.17586/3033-5574-2025-9-103-114. — EDN UFJOUX.

3. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2025 года. Москва МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 21.03.2026).

© Шкварок В. М., 2026

EDN: XEJAYI

Шохин Валерий Константинович
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
shoxin2000@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНДИКАТИВНЫХ СИСТЕМ В АНАЛИЗЕ ОТМЫВАНИЯ (ЛЕГАЛИЗАЦИИ) ДОХОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается эффективность применения индикативных систем с применением математического моделирования при обеспечении экономической безопасности государства в финансовой контуре, а также формировании национальной системы противодействия отмыванию (легализации) доходов, полученных преступны путем, для предупреждения и нейтрализации угроз в данной сфере.
Ключевые слова: противодействие отмыванию доходов, государственные органы, индикативные системы анализа, экономическая безопасность, риск-ориентированный подход.

В целях своевременного и адекватного применения мер, направленных на предотвращение угроз экономической безопасности существуют и используются различные системы её диагностики, которые дают возможность превентивно оценить качественные виды и количественные характеристики данных угроз, в том числе сформировать конкретный перечень ключевых программно-целевых мероприятий по их устранению.

Анализ научных трудов и периодических изданий, посвящённых проблематике обеспечения эргономической безопасности и отдельных ее аспектов (отраслевых, региональных и т.д.), показывает, что наиболее распространённым математико-статистическим методом выявления

дисбалансов и угроз, оценке их масштабов выступает индикативное планирование — построение системы показателей, позволяющих оперативно отслеживать наиболее важные метрики наблюдаемого явления/процесса, а также проводить мониторинг их изменения при принятии управленческих решений, оценивая их эффективность.

Привнесли данный метод в современную отечественную экономическую науку С. Ю. Сенчагов, В. К. Глазьев и В. В. Локосов [4 – 5]. Их индикативные системы ставили целью выявление пороговых значений социально-экономических показателей, при которых достигалось бы их соответствие достаточному уровню экономической защищённости государства на макроуровне. Их научные изыскания разворачивались на поле обоснования достаточного набора экономических показателей, адекватности установленных пороговых значений. Перенимая их опыт и научные достижения в области построения индикативных систем с применением математического моделирования, обострением ситуации с возрастанием масштабов отмывания (легализации) преступных доходов в период «нулевых» и «десятых» годов, органы государственной власти активно перешли к использованию данных методов в своей практической деятельности по выработке стратегических направлений развития национальной системы противодействия данным явлениям и оперативному реагированию на изменения финансовых рынков, которые способствуют возникновению и функционированию новых схем легализации доходов и их выводу за рубеж [6].

Главным государственным органом в сфере противодействия отмыванию (легализации) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ), координирующим усилия всех субъектов национальной системы ПОД/ФТ, вырабатывающим государственную политику в данной сфере — Федеральной службой по финансовому мониторингу, в соответствии с международными стандартами Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее — FATF) применяется риск-ориентированный подход, суть которого заключается в адаптации мер реагирования со стороны надзорных органов таким образом, чтобы они в максимальной степени соответствовали оценённым рискам, что позволяет эффективно распределять ресурсы государства, фокусируясь на наиболее уязвимых с точки зрения рисков сферах и субъектах.

В ходе оценки и анализа рассматриваемых рисков необходимо учитывать, что финансовая сфера, а тем более преступная деятельность в ней, являются сверхсложными, динамичными и противоречивыми системами,

для которых характерно применение множества различных показателей, поэтому разработка единственно верного, подходящего под все случаи унифицированного набора показателей не существует и быть не может. Каждый конкретный набор метрик ставит перед собой задачу — дать наиболее объективную картину явления/процесса, используя те показатели, которые могут предоставить наиболее широкие представления о рассматриваемой проблеме информационно ее не перегружая.

Также одним из требований, повышающих объективность оценок индикативных систем, выступает установление пороговых значений и их доверительных интервалов. Данное требование частично позволяет исключить проблему их негибкости, фиксируя их верхние и нижние пределы, допуская колебания, которые могут быть вызваны несовершенством/неполнотой исходной информации для анализа. Учитывая крайнюю латентность отмывания (легализации) доходов и высокий потенциал к адаптации преступных схем для избежания их обнаружения, для диагностики необходимы дополнительные индикаторы, позволяющие вовремя обнаружить новые риски и угрозы в финансовой сфере [3, с.451].

Используя современные технологии, Росфинмониторинг посредством электронной платформы «Личного кабинета контролируемых лиц» формирует итоговый уровень риска ОД/ФТ, основываясь на метриках, характеризующих результаты национальной оценки рисков, секторальной оценки рисков и дистанционного мониторинга, а также из следующих блоков:

Рисунок 1. Блоки, объединяющие показатели дистанционного мониторинга риска ОД/ФТ [7]

Конкретизация блоков, структура показателей, которые входят в них остаются прерогативой Росфинмониторинга, однако разработка частных индикативных систем анализа ОД/ФТ является перспективным направлением научных исследований, которые могут принести значительную практическую пользу в обеспечении экономической безопасности государства в финансовой сфере.

Список литературы:

1. Авдийский В. И., Безденежных В. М., Росс Г. В., Лихтенштейн В. Е. Финансово-экономическая безопасность экономических агентов: эволюционно симулятивная модель индикаторов // Финансовые исследования. — 2016. — № 1 (50). — С. 36 – 47.

2. Иванов, А. С. Индикативное и корпоративное планирование в стратегическом развитии национальной экономики / А. С. Иванов // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2025. — № 12(130). — С. 143 – 147. — DOI 10.24412/2411-0450-2025-12-143-147. — EDN DQSAMO.

3. Королева, Л. П. Развитие индикативной системы финансовой безопасности неоиндустриальной экономики / Л. П. Королева // Разработка стратегии социальной и экономической безопасности государства: Материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Лесниково, 01 февраля 2018 года. — Лесниково: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 2018. — С. 450 – 453. — EDN YUAAZT.

4. Сенчагов В. К., Митяков С. Н. Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник экономической безопасности. 2011. № 5 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-indeksnogo-metoda-dlya-otsenki-urovnya-ekonomicheskoy-bezopasnosti (дата обращения: 15.04.2026).

5. Глазьев С. Ю., Локосов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. Т. 22. № 4.

6. Шохин, В. К. Подходы к системе субъектов национальной системы противодействия отмыванию доходов / В. К. Шохин // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 04 апреля 2025 года. — Санкт-Петербург:

Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. — С. 472 – 456. — EDN JHDMAI.

7. Росфинмониторинг — Риск-ориентированный надзор [Электронный ресурс] // URL: https://fedsfm.ru/activity/supervisory/infoorg/trends (дата обращения: 19.02.2026).

© *Шохин В. К., 2026*

EDN: YPXZPS

Шлюев Никита Александрович
аспирант кафедры управления
социально-экономическими системами
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Санкт-Петербург, Россия
mar43nik78@bk.ru

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РИСКИ АРКТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ: РОЛЬ ГЧП И УСТОЙЧИВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается инвестиционная привлекательность проектов в российской Арктической зоне в контексте экономической безопасности. Предложена концептуальная рамка оценки инвестиционной привлекательности, связывающая финансово-экономические показатели проекта с показателями устойчивости и вкладом в экономическую безопасность. Сформулированы рекомендации по совершенствованию проектной подготовки, распределения рисков и стандартизации нефинансовых метрик при структурировании арктических проектов.
Ключевые слова: Арктика; инвестиционная привлекательность; экономическая безопасность; государственно-частное партнёрство; проектное финансирование; ESG; зелёные облигации; климатические риски.

Введение

На сегодняшний день Российская Арктика представляет собой не только богатейшую ресурсную базу и перспективный логистический узел, но и территорию с повышенным уровнем климатических и инфраструктурных угроз. Это и подчёркивает необходимость разработки специфических методов управления инвестициями, которые учитывают уникальные условия макрорегиона. Принимая условие дефицита

финансовых ресурсов и технологических ограничений, способность арктических проектов привлекать инвестиции при контролируемом уровне риска становится одним из самых важных факторов экономической безопасности, определяющим как стабильность работы критически важных объектов, так и наполняемость региональных бюджетов [1,2].

Цель исследования заключается в определении механизмов, посредством которых инструменты ГЧП и ответственное финансирование повышают инвестиционный потенциал арктических проектов. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: 1) проанализировать взаимосвязь между инвестиционной привлекательности и экономической безопасностью; 2) определить основные угрозы и стимулы для реализации проектов в Арктике; 3) показать возможности ГЧП в сфере перераспределения рисков; 4) разработать комплекс мер по улучшению качества проектирования [3,4].

Методы и данные

Методологический аппарат работы опирается на комплексный анализ академических источников и нормативной базы, регламентирующей развитие Российской Арктики и применение механизмов ГЧП. Выявление ключевых инвестиционных барьеров осуществлялось с помощью сравнительного изучения действующих и перспективных проектов в Арктике, в первую очередь в транспортной и нефтегазовой сферах. Концептуальная рамка оценки привлекательности инвестиций конструировалась с применением подходов финансового моделирования в сочетании с экспертными опросами, интегрирующими ESG-показатели. Фактологической основой послужили статистические выкладки Росстата, аналитические материалы корпораций развития (ВЭБ.РФ, КРДВ), а также результаты международных исследований, посвященных проблематике климатических изменений в северных регионах [5,6].

Результаты

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Установлено, что главными препятствиями для притока капитала служат нехватка инфраструктуры, геокриологические угрозы, высокие репутационные и экологические издержки в сочетании с нестабильной нормативной базой и зависимостью от зарубежных технологий. В качестве катализаторов привлекательности выступают долгосрочные гарантированные контракты, использование кластерных схем развития,

государственное субсидирование и внедрение принципов ответственного инвестирования.

2. Формат ГЧП решает три основные задачи: а) эффективное разделение ответственности (публичная сторона берет на себя макроэкономические и законодательные риски, а частный сектор отвечает за операционную деятельность); б) улучшение проработки проектов благодаря жёстким стандартам контрактов; в) формирование стабильной финансовой модели посредством механизмов минимальной гарантии доходности и платежей доступности. Подобный подход способствует трансформации изначально рисковых инициатив в привлекательные для банков активы. Специфика влияния ГЧП и ESG-финансирования на снижение угроз отражена в таблице 1.

Таблица 1. Вклад ГЧП и «зелёного» финансирования в снижение рисков

Риск	Инструменты ГЧП	Инструменты устойчивого финансирования
Регуляторная неопределённость	Концессионные соглашения, закреплённые долгосрочные обязательства, система KPI и условия пересмотра параметров	Жёсткие стандарты раскрытия информации и аудита, стимулирующие управленческую ответственность
Недостаток предсказуемого денежного потока	Платежи доступности, механизмы гарантированного спроса, закреплённые тарифные формулы	Удешевление привлекаемого капитала при выполнении целевых показателей устойчивости
Климатические/ мерзлотные риски	Интеграция обязательств по мониторингу и адаптационных мер	Привлечение средств на адаптационные мероприятия под видом «зелёных» ESG-инвестиций
Экологические риски и аварийность	Штрафные санкции и экологические KPI, жёсткие требования к готовности ликвидации ЧС	Внешний аудит, привязка финансовых обязательств к статистике аварий и утечек

3. Выявлено, что в условиях Крайнего Севера наибольшей эффективностью обладают инструменты переходного финансирования и долговые бумаги, привязанные к достижению ESG-метрик. Данный факт объясняется тем, что значительная часть арктических проектов не подпадает под строгие критерии «зелёных», но, в свою очередь, имеет потенциал для достаточного снижения негативного воздействия на природу. Важнейшей предпосылкой успеха здесь

выступает унификация нефинансовых индикаторов за счёт контроля состояния криолитозоны, уровня углеродной интенсивности и статистики инцидентов.

4. Количественная и качественная оценка потенциального уровня доходности в совокупности с рисками инвестиционной привлекательности заключается в детальном анализе финансовой устойчивости модели, качестве контрактной структуры, факторах экологии и климата и вклада в экономическую безопасность.

Заключение

Таким образом, показатели ожидаемой прибыли в совокупности с умением не только структурировать, но и контролировать комплекс специфических угроз подчёркивают интерес инвесторов к инициативе в Арктических проектах. Пока ГЧП эффективно распределяет зоны ответственности и обеспечивает генерацию предсказуемого денежного потока, верифицированные на предмет экологических рисков инструменты устойчивого финансирования привлекают широкий список инвесторов и дают доступ к долгосрочному капиталу. Именно совокупность этих подходов и является благоприятной средой для укрепления экономической безопасности Арктического региона.

На основе полученных результатов сформулированы следующие рекомендации:

1. Сделать обязательным проведение комплексного климатического и геотехнического аудита, включающего стресс-тестирование различных сценариев и расчёт стоимости владения активом на всём жизненном цикле.

2. Разработать унифицированный «инвестиционный паспорт», который будет содержать верифицированные независимыми экспертами метрики.

3. Возложить ответственность за макроэкономику и нормотворчество на государство, оставив частному бизнесу управление рисками на этапах стройки и эксплуатации с применением мотивирующих KPI.

4. Стимулировать практику смешанного кредитования с привлечением институтов развития для создания якорной инфраструктуры, генерирующей мультипликативные эффекты.

5. Расширить использование финансовых инструментов для предприятий, которые не могут претендовать на полноценный «зелёный» статус, но готовы планомерно улучшать климатические показатели.

Список литературы:

1. Иванов А. В., Петрова Н. С. Экономическая безопасность арктических регионов: вызовы и механизмы обеспечения. — М.: Наука, 2021. — 210 с.

2. Крюков В. А., Токарев А. Н. Пространственное развитие Арктики: институты и инфраструктура // ЭКО. — 2020. — № 5. — С. 8 – 29.

3. Смирнова О. О. Государственно-частное партнерство в Арктике: мировой опыт и российская практика // Арктика: экология и экономика. — 2022. — № 1 (45). — С. 112 – 123.

4. Гутман С. С., Рыбачук М. А. Климатические риски инфраструктурных проектов на вечной мерзлоте // Проблемы анализа риска. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 56 – 68.

5. Hjort J., Karjalainen O., Aalto J. et al. Degrading permafrost puts Arctic infrastructure at risk by mid-century // Nature Communications. — 2018. — Vol. 9, 5147.

6. OECD. Green Infrastructure in the Arctic: Policy Challenges and Innovative Solutions. — Paris: OECD Publishing, 2020. — 85 p.

© Шлюев Н. А., 2026

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

EDN: YQIWWC

Авилова Дарья Алексеевна
курсант
Московский областной филиал
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
г. Руза, Московская область, Россия
avilovadasha2205@gmail.com

Научный руководитель:
Смирнова Лада Ярославовна
начальник кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Московский областной филиал
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
г. Руза, Московская область, Россия
кандидат экономических наук, доцент
smirnov_0303@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО И ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье исследуются факторы, определяющие уязвимость граждан пенсионного и предпенсионного возраста в экономической сфере. Проведен анализ основных угроз их финансовой стабильности, включая монетарные риски, социально-трудовую дискриминацию и кибермошенничество. Рассмотрены существующие механизмы государственной поддержки и правовой защиты, а также предложены направления совершенствования политики обеспечения экономической безопасности старшего поколения.
Ключевые слова: экономическая безопасность, лица пенсионного и предпенсионного возраста, угроза, меры социальной защиты, пенсионное обеспечение.

Экономическая безопасность это такое состояние экономики, которое обеспечивает вполне достаточный уровень существования и прогрессивного развития Российской Федерации, а также независимость ее экономических интересов по отношению к возможным угрозам [4, с. 128]. В условиях демографического старения населения и экономической нестабильности вопросы обеспечения безопасности социально уязвимых категорий граждан приобретают важное значение для устойчивого развития государства. Лица пенсионного и предпенсионного возраста представляют особую группу, экономическая защищенность которой подвержена комплексу специфических рисков, связанных как с объективными процессами, так и с субъективными факторами. Обеспечение их финансовой стабильности напрямую влияет на социальный климат в обществе и уровень доверия к государственным институтам.

Актуальность исследования обусловлена комплексом социально-экономических факторов, определяющих уязвимость данной возрастной группы. Изменение границ трудоспособного возраста в рамках пенсионной реформы сформировало длительный «предпенсионный» период, сопряженный с повышенными рисками увольнения и дискриминацией на рынке труда. Одновременно современная экономическая ситуация, характеризующаяся высокими темпами инфляции, существенно снижает покупательную способность фиксированных пенсионных выплат. Дополнительным дестабилизирующим фактором выступает цифровизация финансовых услуг: расширение доступности банковских сервисов сопровождается ростом кибермошенничества с использованием методов социальной инженерии, при котором пожилые граждане в силу психологических и возрастных особенностей становятся наиболее уязвимой категорией населения. Целью данной статьи является выявление основных угроз экономической безопасности лиц пенсионного и предпенсионного возраста, а также предложение дополнений по совершенствованию государственной политики в области защиты данной категории граждан.

Экономическая безопасность личности представляет собой состояние защищенности жизненно важных экономических интересов гражданина, включая право на труд, достойный уровень жизни, доступ к социальным благам и сохранность сбережений. В научной литературе выделяют несколько подходов к определению структуры экономической безопасности лиц пенсионного и предпенсионного возраста. Первый подход акцентирует внимание на доходной составляющей — достаточности пенсионных выплат и иных поступлений для

обеспечения минимально приемлемого уровня жизни. Второй подход рассматривает доступность социальной инфраструктуры: медицины, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства; поскольку рост цен на данные услуги способен обесценивать своевременную индексацию пенсий. Третий подход связан с защищенностью накоплений и имущества от противоправных посягательств. Ключевым критерием оценки экономической безопасности пенсионеров выступает соотношение пенсионных выплат с величиной прожиточного минимума. Превышение данного порога свидетельствует о базовом уровне защищенности, тогда как приближение доходов к пороговому значению суммы прожиточного минимума сигнализирует о наличии угрозы [4, с. 129].

Особого внимания заслуживает категория лиц предпенсионного возраста, то есть граждан, которым осталось не более 5 лет до выхода на пенсию. С теоретической точки зрения, эта группа находится в «переходном» состоянии, так как с одной стороны, они формально сохраняют трудоспособность, но с другой — они подвержены дискриминации по возрасту, что создает угрозу преждевременной потери работы и источника дохода задолго до выхода на пенсию.

Экономическая безопасность граждан пенсионного и предпенсионного возраста подвергается воздействию целого спектра угроз, которые условно можно разделить на три взаимосвязанные группы: материально-финансовые трудности, социально-трудовые риски и угрозы, связанные с низкой адаптацией к современной цифровой и финансовой среде [6, с. 173]. Совокупность этих вызовов создает значительную уязвимость, требующую целенаправленных усилий со стороны государства и общества в целом.

Наиболее существенной для пожилого человека является группа монетарных угроз, напрямую влияющих на уровень и качество жизни. Базовой проблемой здесь выступает размер пенсионного обеспечения. Несмотря на законодательно закрепленные механизмы индексации, реальная покупательная способность пенсии часто снижается под воздействием инфляции, то есть опережающего роста цен на товары и услуги первой необходимости. Особенно болезненно для граждан старшего возраста повышение тарифов на жилищно-коммунальные услуги и подорожание лекарственных препаратов, которые составляют значительную долю в структуре их ежемесячных расходов. К существующим трудностям добавляется возрастающая финансовая нагрузка, обусловленная необходимостью оплаты медицинских услуг. Диагностика,

стоматологическое лечение, консультации узких специалистов и реабилитация как правило требуют длительного ожидания по полису обязательного медицинского страхования, что ставит пенсионеров перед необходимостью расходовать для оплаты данных услуг свои и без того ограниченные сбережения.

Параллельно с этим для лиц, еще не достигших пенсионного возраста, но относящихся к категории «предпенсионеров», остро стоят социально-трудовые угрозы. Формально сохраняя трудоспособность, эта группа сталкивается с феноменом эйджизма, то есть возрастной дискриминации на рынке труда. Работодатели нередко отказывают им в трудоустройстве, предпочитая более молодых сотрудников, что создает риск безработицы. Столкнувшись с невозможностью официального трудоустройства, предпенсионеры часто вынуждены соглашаться на неофициальную работу с «серой» зарплатой. Такая ситуация имеет двойные негативные последствия: краткосрочные — отсутствие социальных гарантий и защиты трудовых прав, и долгосрочные — сокращение объема будущей пенсии из-за недостаточных отчислений в Социальный фонд России [7].

Однако наиболее специфической и динамично развивающейся группой риска для пенсионеров и предпенсионеров в последние годы стали угрозы нетрудового характера, связанные с информатизацией общества и кибербезопасностью [5, с. 118]. Низкий уровень цифровой и финансовой грамотности в сочетании с традиционной доверчивостью пожилых людей делают данную категорию лиц одной из самых привлекательных целей для злоумышленников. Методы социальной инженерии постоянно совершенствуются: звонки от службы безопасности банка, сообщения о попавших в беду родственниках, предложения сверхприбыльных инвестиций — все это и многое другое нацелено на то, чтобы вызвать доверие и заставить человека добровольно перевести деньги мошенникам или передать им свои персональные данные [2].

Особое внимание следует уделить угрозам, исходящим от микрофинансовых организаций и нелегальных кредиторов. Пожилые люди, сталкивающиеся с острой нехваткой денежных средств, рискуют попасть в долговую зависимость из-за займов с высокими процентными ставками. Часто они не в полной мере осознают условия заключаемых договоров и потенциальные последствия просрочки платежей. Заманчивая реклама мгновенных займов без подтверждения дохода и поручителей становится для многих ловушкой, ведущей к долговой зависимости.

Вопросы сберегательного поведения также играют критическую роль в обеспечении экономической безопасности старшего поколения. С одной стороны, консерватизм пенсионеров, выражающийся в хранении накоплений в национальной валюте в буквальном смысле «под матрасом» или на банковских счетах без начисления процентов, обоснован страхом потери сбережений. Однако такая стратегия в условиях инфляции неизбежно ведет к обесцениванию денежных средств и потере их покупательной способности. С другой стороны, желание защитить или приумножить свои накопления иногда толкает пожилых людей во вложение своих средств в финансовые пирамиды и сомнительные инвестиционные проекты, которые специально ориентируются на данную категорию граждан, обещая быстрый и гарантированный доход. Отсутствие базовых знаний о принципах работы фондового рынка и недоверие к долгосрочным инвестиционным инструментам оставляют пенсионеров без легальных и относительно надежных способов сохранения капитала. Таким образом, комплексное воздействие материальных, социальных, цифровых и поведенческих факторов создает ситуацию хронической уязвимости, преодолеть которую возможно лишь при сочетании эффективной государственной поддержки, жесткого правового противодействия мошенничеству и планомерного повышения уровня финансовой грамотности самих граждан пенсионного и предпенсионного возраста.

Противодействие описанному выше комплексу угроз требует формирования многоуровневой системы защиты экономических интересов лиц пенсионного и предпенсионного возраста. Эта система должна сочетать как прямые меры материальной поддержки, так и превентивные механизмы, направленные на снижение уязвимости пожилых людей перед современными вызовами. В современных условиях можно выделить три ключевых направления обеспечения экономической безопасности: государственные гарантии, правовая защита и образовательно-просветительская деятельность.

Базовым направлением выступают государственные меры социально-экономической поддержки. Их фундаментом является регулярная индексация страховых пенсий и социальных выплат, призванная компенсировать негативное влияние инфляции и сохранить покупательную способность доходов пенсионеров. Важную роль играет система предоставляемых льгот: субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг, обеспечение необходимыми лекарственными препаратами, льготный

проезд в общественном транспорте и санаторно-курортное лечение для отдельных категорий граждан. Кроме того, государство стимулирует более поздний выход на пенсию через повышение коэффициента к основной фиксированной выплате, а также реализует программы софинансирования пенсионных накоплений, поощряя личную ответственность граждан за формирование своих будущих пенсионных выплат. Для лиц предпенсионного возраста предусмотрены специальные программы профессионального переобучения и повышения квалификации, реализуемые через центры занятости населения, что призвано повысить их конкурентоспособность на рынке труда. В целях совершенствования данного направления представляется целесообразным перейти от универсальных мер поддержки к адресному принципу их применения на основе оценки реальной нуждаемости. Внедрение организационно-технологической модели предоставления мер социальной поддержки на основе единой цифровой платформы, то есть социального казначейства, позволит автоматизировать назначение выплат и льгот, исключая необходимость сбора огромного количества документов для пенсионеров.

Вторым важнейшим направлением является совершенствование правовых механизмов защиты. Уголовное законодательство содержит специальные составы преступлений, направленные на защиту данной категории граждан. Так, статья 144.1 УК РФ устанавливает ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, что создает правовой барьер для дискриминации на рынке труда [1]. Однако правоприменительная практика сталкивается с трудностями доказывания мотива преступления, что требует дальнейшего совершенствования процессуальных механизмов. Что касается борьбы с мошенничеством, здесь важна не только неотвратимость наказания для злоумышленников, но и активная профилактическая работа со стороны правоохранительных органов, включая информирование пожилых граждан о типичных схемах обмана и способах противодействия им. Банком России ведется работа по выявлению и блокировке сайтов нелегальных кредиторов и финансовых пирамид, в том числе ориентированных и на пенсионеров. Перспективным направлением правового совершенствования является внедрение в банковское законодательство механизма «периода охлаждения» для крупных финансовых операций, совершаемых лицами старше 65 лет, который позволит дополнительно проверять

обоснованность перевода средств и предотвращать мошеннические операции. Также требуется ужесточение ответственности финансовых организаций за кредитование пожилых граждан без проверки их реальной платежеспособности.

Наконец, ключевым превентивным инструментом становятся образовательно-просветительские меры и роль общественных институтов. Систематическое повышение уровня финансовой и цифровой грамотности среди пожилого населения является критически важным фактором, способным значительно минимизировать вероятность попадания их под влияние мошенников или принятия ими ошибочных финансовых решений. Центры социального обслуживания населения, библиотеки, ветеранские организации активно включаются в реализацию образовательных программ. Особого внимания заслуживают проекты Банка России, такие как онлайн-занятия по финансовой грамотности для людей старшего поколения, а также региональные программы «Активное долголетие», в рамках которых проводятся тренинги по безопасному использованию банковских карт и мобильных приложений [3]. Общественные организации и профсоюзы выполняют функцию контроля, отслеживая случаи нарушения прав пенсионеров и предпенсионеров, оказывая им юридическую помощь. Для повышения эффективности образовательной работы необходимо внедрение стационарных пунктов финансовой помощи непосредственно в отделениях Социального фонда России и МФЦ, где пожилые люди могут получить консультацию по безопасному использованию цифровых сервисов. Также перспективным представляется развитие института «серебряных волонтеров» — обученных пожилых лиц, которые на понятном языке и с учетом возрастной психологии смогут помогать своим сверстникам осваивать финансовую грамотность и распознавать мошеннические схемы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что экономическая безопасность лиц пенсионного и предпенсионного возраста находится под воздействием взаимосвязанных угроз материального, социально-трудового и информационного характера. Уязвимость данной группы объясняется как макроэкономическими процессами, так и субъективными факторами, среди которых особое место занимает недостаточная адаптация к цифровой финансовой среде, делающая пожилых граждан легкой целью для киберпреступников. Традиционные меры государственной поддержки, включая индексацию пенсий и предоставление льгот, оставаясь необходимым фундаментом, требуют

дополнения качественно новыми механизмами защиты. Современная система обеспечения экономической безопасности старшего поколения должна строиться на синтезе трех компонентов: адресной социальной политики, эффективного правового противодействия дискриминации и мошенничеству, а также масштабной образовательной работы по повышению финансовой грамотности. Только реализация такого комплексного подхода способна гарантировать лицам пенсионного и предпенсионного возраста достойный уровень жизни и устойчивость к современным экономическим вызовам, что в конечном итоге станет вкладом в социальную стабильность и национальную безопасность России в целом.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 25.02.2026).

2. Грязина А. С., Тимохина В. С. Мошенничество в отношении пенсионеров // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 3. С. 81 - 84.

3. Онлайн-занятия по финансовой грамотности для старшего поколения для граждан пенсионного и предпенсионного возраста. // URL: https://www.pensionfg.ru/ (дата обращения: 25.02.2026).

4. Смирнова, Л. Я. Экономическая безопасность современной России / Л. Я. Смирнова, Д. А. Темняков // Криминологический журнал. — 2021. — № 2. — С. 127 – 130. — DOI 10.24412/2687-0185-2021-2-127-130. — EDN KLYLBG.

5. Смирнова Л. Я. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза экономической безопасности: проблемы и пути решения / Л. Я. Смирнова // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — Т. 21, № 4. — С. 117 – 120. — DOI 10.33693/2541-8025-2025-21-4-117-120. — EDN BCHKAQ.

6. Смирнова Л. Я. Цифровизация экономики и ее влияние на обеспечение экономической безопасности России / Л. Я. Смирнова // Обеспечение экономической безопасности России в современных условиях: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, Москва, 15 декабря 2022 года / Составитель А. В. Орлов. — Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. — С. 172 – 174. — EDN DLWBPF.

7. Черных Н. А., Тарасова А. Н., Сырчин А. Е. Предпенсионеры на рынке труда Свердловской области: проблемы занятости и меры поддержки // Экономика региона. — 2020. — Т. 16 — вып. 4. — С. 1178 – 1192.

© *Авилова Д. А., 2026*

EDN: XOJPCC

Александрова Ульяна Юрьевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
6219180705@mail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук, доцент
webexpromt@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс при подготовке кадров для подразделений экономической безопасности. Предлагается методический алгоритм использования генеративных нейросетей на семинарских занятиях, включающий четыре этапа: самостоятельная подготовка, генерация альтернативного решения, сравнительно-правовой анализ и рефлексия. Особое внимание уделяется формированию навыков критической оценки результатов работы ИИ при решении задач, связанных с выявлением экономических угроз и правовой оценкой хозяйственных ситуаций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономическая безопасность, методика преподавания, юридическое образование, нейросети, цифровые компетенции, органы внутренних дел.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления разрыва между стремительной цифровизацией экономики и практики выявления экономических преступлений, с одной стороны, и консервативностью образовательных методик высшей школы МВД — с другой. Объявление 2022 – 2031 годов в Российской Федерации Десятилетием науки и технологий актуализирует обращение к проблемам внедрения передовых технологий в процесс подготовки специалистов, способных эффективно решать задачи обеспечения экономической безопасности личности, общества и государства. В современной научной литературе сформировалось два основных подхода к использованию искусственного интеллекта (ИИ) в юридическом образовании. Сторонники первого подхода настаивают на необходимости системной интеграции инструментов ИИ через разработку классификации нейросетей по видам профессиональных задач, выделяя, в том числе, задачи экономико-правового анализа, финансового мониторинга и криминалистического сопровождения расследований экономических преступлений [1, 2]. Противоположная позиция предупреждает о рисках цифрового вырождения, подмены профессионального мышления и приводит результаты тестов, демонстрирующих склонность нейросетей к грубым ошибкам в правовой оценке данных [3]. Представляется, что разрешение этого противоречия лежит не в плоскости отказа от технологий или их некритичного принятия, а в выработке чёткого методического аппарата, адаптированного к задачам подготовки специалистов для оперативных подразделений, деятельность которых неразрывно связана с экономической безопасностью. Цель статьи — разработка и теоретическое обоснование методического алгоритма использования генеративных нейросетей в рамках занятий по дисциплинам, формирующим компетенции в сфере экономической безопасности.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, формально-догматический метод, метод правового моделирования, а также методы экономического анализа (сравнительный, структурно-функциональный). Эмпирической базой послужили результаты тестирования генеративных нейросетей (в том числе отечественных разработок), проведённого автором в ходе педагогической практики при изучении дисциплин экономико-правового цикла. Теоретическую основу составили труды по цифровизации юридического образования [4], вопросам экономической безопасности [5, 6] и управления в условиях неопределённости [7]. Использованы принципы системности, последовательности и доступности обучения.

Предлагаемый методический алгоритм включает четыре последовательных этапа, каждый из которых решает конкретные педагогические задачи в контексте подготовки специалистов для подразделений экономической безопасности.

Первый этап — подготовительный. За две недели до занятия обучающиеся получают задание самостоятельно проанализировать фабулу хозяйственного спора или ситуации, содержащей признаки экономического правонарушения, и составить проект документа (например, договора, акта проверки, заключения специалиста) с использованием традиционных методов: анализ положений Гражданского кодекса РФ, изучение судебной практики по экономическим спорам, использование справочно-правовых систем. Формируется база для последующего критического восприятия работы ИИ.

Второй этап — технологический. На семинарском занятии обучающиеся с помощью доступной нейросети генерируют альтернативный вариант того же документа. Ключевым элементом выступает обучение составлению структурированного юридического промпта с учётом специфики задач экономической безопасности: описание фактических обстоятельств, указание на необходимость оценки рисков, признаков недобросовестного поведения, соблюдения требований законодательства о противодействии легализации доходов.

Третий этап — аналитический, это методическое ядро алгоритма. Обучающиеся проводят сравнительный анализ двух документов, выявляя расхождения, ошибки ИИ (ссылки на утратившие силу акты, некорректную квалификацию деяний, неверную оценку экономических показателей) и аргументированно обосновывают выбор наиболее юридически и экономически корректной формулировки. На этом этапе формируется способность оценивать надёжность информации и противостоять попыткам обхода правовых норм, что является ключевой компетенцией сотрудника, обеспечивающего экономическую безопасность.

Четвёртый этап — рефлексивный. Групповое обсуждение результатов. Преподаватель акцентирует внимание на ситуациях, когда нейросеть предложила нестандартное, но законное и экономически обоснованное решение, которое обучающиеся упустили, а также на типичных ошибках, связанных с неверной интерпретацией финансовых данных или правовых норм. Такая организация занятия моделирует реальную профессиональную среду, где требуется оперативная оценка множества альтернатив и выбор оптимальной стратегии обеспечения экономической безопасности.

Предложенный алгоритм обладает свойствами воспроизводимости и масштабируемости. В рамках дисциплин, связанных с экономической безопасностью, он может применяться при:

— составлении процессуальных документов по делам об экономических преступлениях;

— проведении учебного правового и финансового аудита учредительных документов и договорной базы гипотетической организации;

— анализе судебных решений по налоговым спорам и делам о несостоятельности;

— выявлении признаков фиктивного или преднамеренного банкротства;

— оценке экономических рисков при заключении хозяйственных договоров.

Анализ ограничений применения алгоритма выделяет две группы проблем. Первая связана с защитой персональных данных и служебной тайны при работе с облачными сервисами. Инструктаж по информационной безопасности, основанный на принципах формирования безопасной информационной среды [8], должен предварять занятие. Вторая группа — риски академической нечестности и некритичного заимствования. Минимизация этих рисков достигается именно структурой алгоритма, где ИИ выступает не источником готового ответа для оценки, а инструментом получения альтернативного решения, подлежащего критическому разбору. Клинические формы обучения, интеграция мастер-классов практикующих сотрудников подразделений экономической безопасности и полицейских вузов позволяют существенно снизить эти риски [9]. Зарубежные исследования подтверждают, что мотивированные обучающиеся используют ИИ как персонального тьютора для структурирования идей, а не для автоматического списывания [10]. Существенным условием эффективности алгоритма выступает готовность профессорско-преподавательского состава к освоению технологий и созданию специализированных лабораторий, оснащённых доступом к нейросетям и справочно-правовым системам, что позволяет моделировать ситуации в сфере экономической безопасности.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что проблема внедрения ИИ в подготовку специалистов для обеспечения экономической безопасности лежит в методической плоскости. Разработанный алгоритм, интегрирующий высокую скорость обработки информации нейросетями и способность генерировать альтернативы

с традиционными методами аналитики, позволяет не замещать, а усиливать когнитивные способности обучающихся. Критический анализ позиций цифрового гуманизма показывает, что эффективная стратегия — не отказ от технологий, а выработка педагогических приёмов, компенсирующих деструктивные влияния цифровизации и использующих образовательный потенциал новых инструментов. Формирование навыков критической оценки результатов работы ИИ, выявления ошибок и аргументированного выбора оптимальной правовой и экономической конструкции составляет содержание современной компетенции сотрудника органов внутренних дел, отвечающей вызовам цифровой трансформации и задачам обеспечения экономической безопасности.

Теоретическая значимость результатов заключается в развитии представлений о юридических технологиях в сфере экономической безопасности. Практическая значимость — в возможности непосредственного использования алгоритма в образовательном процессе. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой критериев оценивания учебной работы с использованием генеративных моделей, внедрением курсов по юридическому промингу в программы подготовки специалистов для оперативных подразделений, а также эмпирической проверкой корреляции между использованием ИИ и уровнем сформированности профессиональных компетенций выпускников.

Список литературы:

1. Сысоев П. В., Гаврилов М. В., Булочников С. Ю. Матрица технических решений на основе искусственного интеллекта в профессиональной подготовке будущих юристов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 2. С. 336 – 351.

2. Беженцев А. А., Бурлов В. Г., Грачев М. И. Внедрение новых информационных технологий в образовательный процесс на основе использования учебных полигонов мониторинговый центр и ситуационный центр // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2020. Т. 14. № 7. С. 36 – 41.

3. Симашенков П. Д. Цифровой гуманизм и обучение студентов-юристов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 4. С. 187 – 201.

4. Сафина С. Б. Применение технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе: возможности и перспективы // Актуальные вопросы образования. 2025. № 2. С. 114 – 119.

5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

6. Экономическая безопасность: учебник для вузов / под общ. ред. С. М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 512 с.

7. Андреев А. В., Гомазов Ф. А., Грачев М. И. Метод управления социально-экономическими системами в условиях неопределенности // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 1. С. 405 – 408.

8. Нечай А. А. Формирование безопасной информационной среды // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 4. С. 43 – 44.

9. Зырянов И. А. Мастер-классы и искусственный интеллект в клиническом образовании и защите конституционных прав человека // Мир закона. 2025. № 5. С. 402 – 409.

10. Atilla-Aydın S., Lammasniemi L. Preparing guidelines for generative AI in law schools: student perspectives and educational implications // The Law Teacher. 2026. Vol. 60. № 1. P. 1 – 19.

© Александрова У. Ю., 2026

EDN: ZAGHZC

Алексеев Андрей Алексеевич
курсант
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
andreialekseev302@gmail.com

Научный руководитель:
Гаврилова Ольга Вячеславовна,
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук,
filikolga@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Традиционные методы расследования, эффективные для выявления «классических» форм экономической преступности, в настоящее время оказываются недостаточно эффективными для противодействия современным высокотехнологичным схемам мошенничества, отмывания денег, коррупции и уклонения от уплаты налогов. Практическое применение технологий Искусственного интеллекта для анализа проведённых банковских операций показывает их высокую эффективность в выявлении и расследовании сотрудниками правоохранительных органов сложных схем финансовых преступлений.
Ключевые слова: расследование, искусственный интеллект, преступная группа, денежные средства, документ, данные.

За последнее десятилетие произошли кардинальные изменения в характере и масштабах экономических преступлений, связанные с повсеместным внедрением информационных технологий в финансовую и хозяйственную деятельность. Традиционные методы расследования, эффективные для выявления классических форм экономической преступности, оказываются недостаточными для противодействия современным высокотехнологичным схемам мошенничества, отмывания денег, коррупции и уклонения от уплаты налогов.

Практическое применение технологий Искусственного интеллекта для анализа проведённых банковских операций показывает их высокую эффективность в выявлении и расследовании сотрудниками правоохранительных органов сложных схем финансовых преступлений.

В рамках нашей статьи рассмотрим типичный случай расследования противоправного деяния, в котором ИИ-системы сыграли главную роль в обнаружении и фиксации противоправной деятельности преступной группы.

Преступной группой была создана сеть, состоящая из двадцати трех юридических лиц, формально осуществляющих торговую деятельность, но фактически используемых для того, чтобы обналичивать денежные средства и вывода ценностей. Говоря об объеме проводимых подозрительных операций, то следует подчеркнуть, что он превышал два миллиарда рублей, транзакции проводились через счета в семи различных банках, что существенно затрудняло привычный анализ, проводимый «вручную», без применения современных передовых технологий.

На первом этапе расследования была применена система автоматического мониторинга транзакций на основе метода «Машинного обучения». Алгоритм «Метода случайного леса», проанализировал более пятисот тысяч транзакций за период восемнадцати месяцев. «Системой» был выявлен блок, состоящий из нескольких сотен подозрительных операций, характеризующихся специфическими признаками: транзакции осуществлялись в течение нескольких часов после поступления денежных средств на счет, суммы переводимых денежных средств незначительно отличались друг от друга, но находились в узком круге, назначения платежей содержали стандартные формулировки без конкретизации названий товаров или услуг, операции проводились преимущественно в конце рабочего дня. Автоматическая система присвоила этим транзакциям высокую степень риска, что положило начало для проведения расширенной и глубокой проверки [1].

Для анализа связей между участниками преступной схемы была построена многослойная математическая модель, так называемый «граф», объединяющий данные о финансовых транзакциях, совместном участии лиц в управлении компаний, использовании общих IP-адресов для дистанционного банковского обслуживания. Применение алгоритмов обнаружения сообществ выявило плотно связанную группу юридических лиц, между которыми осуществлялся интенсивный обмен денежными средствами.

При проведенном анализе были идентифицированы три ключевые компании, через которые проходили основные финансовые потоки, и четыре физических лица, которые контролировали криминальную структуру через подставных руководителей и номинальных учредителей. Визуализация «графа» наглядно продемонстрировала искусственный характер финансовых потоков, не соответствующих реальной хозяйственной деятельности предприятий.

Обработка неструктурированных данных с использованием технологий NLP позволила проанализировать более десяти тысяч документов, таких как договоры, счета-фактуры, накладные, электронную переписку. Автоматическим извлечением информации из документов было выявлено, что в большинстве договоров содержались очень похожие формулировки, которые отличаясь только датами их составления и фигурирующими в них суммами, что прямо указывало на их массовое создание по шаблону [2].

Анализ переписки участников преступной схемы обнаружил использование кодовых обозначений для проведения различных операций и прямые указания на незаконный характер их деятельности.

Лингвистический анализ текста документов выявил противоречия между описанием товаров в договорах и фактическим отсутствием логистических операций, что подтверждало фиктивность проводимых сделок.

Автоматическая классификация документов по типам и извлечение базовой информации позволили в течение нескольких дней обработать такой огромный объем документации, анализ которой вручную занял бы месяцы работы нескольких специалистов.

Применение прогностических моделей позволило не только выявить уже совершенные преступления, но и предотвратить планируемые противоправные операции. Система прогнозирования, анализирующая структуру активности счетов, предсказала вероятное использование нескольких недавно открытых счетов для продолжения незаконной деятельности преступной группы.

Оперативное блокирование счетов предотвратило вывод дополнительных денежных средств на сумму более трехсот миллионов рублей.

Визуализация всей преступной схемы в виде интерактивной инфографики, демонстрирующей передвижение денежных средств, связи между участниками преступной схемы, временная динамика операций, стала важной частью доказательной базы и была представлена в ходе судебного процесса. Все это помогло правоохранителям понять сложную многоуровневую структуру противоправной деятельности преступной группы.

Ни у кого не вызывает сомнений, что применение технологий Искусственного интеллекта и анализа «больших данных» при расследовании экономических преступлений в настоящее время представляет собой объективную необходимость, которая обусловлена трансформацией преступности в условиях цифровизации экономики.

Современные экономические преступления характеризуются высокой степенью технологической сложности, использованием множества промежуточных структур, трансграничным характером операций. Все эти факторы делает их выявление и расследование традиционными методами крайне затруднительным или практически невозможным.

Объемы данных, генерируемых в процессе экономической деятельности, измеряются петабайтами, и «ручная» обработка огромных объёмов информации требует неприемлемо длительного времени, в течение которого преступники успевают скрыть ценности, полученные преступным путем и уничтожить доказательства противоправной деятельности.

Список литературы:

1. Провост Ф. Data Science для бизнеса: как использовать data mining и анализ данных для увеличения прибыли / Ф. Провост, Т. Фоусетт; пер. с англ. Е. Матвеева. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 544 с.

2. Флах П. Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных учебное пособие / П. Флах; пер. с англ. А. А. Слинкина. М.: ДМК Пресс, 2015. 400 с.

3. Чубукова С. Г. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): учебное пособие / С. Г. Чубукова, В. Д. Элькин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2007. 512 с.

© Алексеев А. А., 2026

EDN: YTEDIA

Алексеев Андрей Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
alekseev16042004@yandex.ru

Научный руководитель:
Толкачева Ольга Петровна
доцент кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
olg-ol@mail.ru

ФИСКАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье исследуется роль налога на прибыль организаций как стратегического инструмента обеспечения экономической безопасности и финансовой устойчивости государства. Исследуется двойственная роль налога, который одновременно выступает как основной инструмент пополнения бюджета и как эффективный рычаг воздействия на инвестиционную привлекательность экономики. Рассматривается значимость стабильных налоговых поступлений для формирования доходной части бюджета в условиях глобальной конкуренции и внешних экономических угроз. Особое внимание уделено поиску баланса между фискальными интересами государства и необходимостью поддержки предпринимательской среды. Делается вывод, что эффективная политика в области налогообложения прибыли является фундаментом для реализации приоритетных социальных программ и укрепления национального суверенитета в финансовой сфере.

Ключевые слова: налог на прибыль организаций; экономическая безопасность государства; фискальная функция налогов; налоговая политика; доходы бюджетной системы; государственное регулирование экономики.

В современных условиях развития национальной экономики вопросы обеспечения экономической безопасности государства приобретают особую актуальность. Одним из ключевых инструментов формирования доходной части бюджета выступает налоговая система, важное место в которой занимает налог на прибыль организаций. Данный налог выполняет не только фискальную функцию, но и оказывает значительное влияние на устойчивость финансовой системы государства, инвестиционную активность бизнеса и эффективность экономической политики.

Налог на прибыль организаций является одним из основных источников формирования доходов бюджетной системы. Его значение обусловлено масштабом поступлений, а также возможностями государственного регулирования экономических процессов посредством налоговой политики. В условиях глобализации экономики и усиления конкуренции между государствами налоговая система должна обеспечивать баланс между фискальными интересами государства и стимулированием предпринимательской активности.

Экономическая безопасность государства предполагает устойчивость финансовой системы, стабильность бюджетных поступлений и способность государства противостоять внутренним и внешним экономическим угрозам. В этом контексте налог на прибыль играет важную роль, поскольку обеспечивает значительную долю доходов бюджета и позволяет государству финансировать социальные и экономические программы. Фискальная функция налога на прибыль заключается в формировании стабильных доходов бюджета. От уровня поступлений данного налога во многом зависит эффективность бюджетной политики и способность государства выполнять свои социальные обязательства. Кроме того, налог на прибыль является важным инструментом государственного регулирования экономики. Через механизмы налоговых ставок, налоговых льгот и специальных режимов государство может стимулировать развитие отдельных отраслей экономики, поддерживать инновационную деятельность и привлекать инвестиции. Однако чрезмерное налоговое давление может негативно сказаться на финансовом состоянии предприятий и снизить их инвестиционную активность.

Таким образом, важной задачей государственной налоговой политики является формирование оптимального уровня налоговой нагрузки, который позволит обеспечить достаточные бюджетные поступления и одновременно создать благоприятные условия для развития бизнеса.

Количество поступления в бюджет, а также темп прироста налога на прибыль можно увидеть в таблице 1 [1, 2].

Таблица 1. Динамика поступлений налога на прибыль организаций в бюджет(2019 – 2026 гг.)

Год	Поступления, трлн руб.	Темп роста, %
2019	4,1	–
2020	3,8	92,7
2021	4,6	121
2022	5,1	110,9
2023	5,7	111,8
2024	6,2	108,8
2025	6,8	109,7
2026 прогноз	7,3	107,3

Анализ представленных данных показывает устойчивую тенденцию роста доходов после кратковременного спада в 2020 году.

За период с 2019 по 2025 год объем поступлений вырос в 1,65 раза (с 4,1 до 6,8 трлн руб.). Прогноз на 2026 год подтверждает сохранение этого тренда.

Единственное снижение показателей произошло в 2020 году (темп роста 92,7 %), что, вероятно, связано с последствиями пандемии и снижением экономической активности.

В 2021 году наблюдается резкий скачок — темп роста составил 121 %. Это классический эффект «низкой базы» и быстрого посткризисного восстановления.

Начиная с 2022 года, темпы роста стабилизировались в диапазоне 110,9 – 111,8 %. Среднегодовой темп роста в этот период составляет около 10 %, что говорит о планомерном и предсказуемом увеличении объемов.

Ожидается небольшое замедление динамики до 107,3 %, что может свидетельствовать о консервативном подходе к планированию или достижении определенного «потолка» роста.

В последние годы наблюдается тенденция роста поступлений налога на прибыль организаций. Это связано как с экономическим ростом, так и с совершенствованием механизмов налогового

администрирования. Усиление налогового контроля, цифровизация налоговой системы и внедрение автоматизированных информационных систем позволили повысить эффективность сбора налогов и сократить масштабы налоговых правонарушений.

Современные технологии анализа данных позволяют налоговым органам более эффективно выявлять схемы уклонения от налогообложения, включая использование трансфертного ценообразования, искусственное занижение прибыли и вывод капитала за рубеж. Борьба с подобными явлениями является важным элементом обеспечения экономической безопасности государства.

Несмотря на положительные тенденции, существуют определенные риски, связанные с администрированием налога на прибыль. Среди них можно выделить использование агрессивного налогового планирования, вывод прибыли в офшорные юрисдикции, а также применение сложных финансовых схем для минимизации налоговой нагрузки [3].

Для противодействия данным угрозам государство внедряет новые инструменты налогового контроля, развивает международное сотрудничество в сфере обмена налоговой информацией и совершенствует законодательную базу. Важным направлением является повышение прозрачности финансовых операций и внедрение цифровых технологий в налоговое администрирование.

Таблица 2. Основные угрозы экономической безопасности, связанные с налогом на прибыль

Угроза	Экономические последствия
Вывод прибыли в офшорные юрисдикции	Снижение налоговых поступлений в бюджет
Агрессивное налоговое планирование	Искажение конкурентной среды
Занижение налоговой базы	Недополучение доходов бюджета
Использование трансфертного ценообразования	Вывод капитала из национальной экономики

Повышение эффективности налогового администрирования напрямую влияет на уровень экономической безопасности государства. Чем выше уровень собираемости налогов, тем устойчивее бюджетная система и тем больше возможностей у государства для реализации социально-экономической политики.

Таким образом, налог на прибыль организаций выполняет не только фискальную функцию, но и является важным элементом системы

экономической безопасности. Эффективная налоговая политика должна быть направлена на обеспечение стабильности бюджетных поступлений, стимулирование экономического роста и создание благоприятной инвестиционной среды.

Налог на прибыль организаций является одним из ключевых источников формирования доходной части бюджета. Эффективное администрирование налога на прибыль способствует укреплению экономической безопасности государства. Совершенствование налогового контроля и внедрение цифровых технологий позволяют повысить собираемость налогов. Снижение масштабов уклонения от налогообложения является важным фактором обеспечения финансовой устойчивости государства.

Список литературы:

1. Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс] // URL: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

2. Платформа поставки данных ФНС России [Электронный ресурс] // URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (дата обращения: 01.03.2026).

3. Петров П. П. Налог на прибыль организаций: теория и практика администрирования. — СПб., 2024.

© Алексеев А. А., 2026

EDN: ZHPIRB

Андреев Алексей Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
alexandreev888@gmail.com

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна,
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
rl1973@inbox.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В статье исследуется влияние искусственного интеллекта на экономическую безопасность российских предприятий, перемены в конъюнктуре работы правоохранительных органов и потенциальные изменения в экономической составляющей безопасности личности, общества и государства с учётом меняющихся сфер влияния.
Ключевые слова: Экономическая безопасность, искусственный интеллект, нейросеть, безопасный город, рынок труда.

Тематика искусственного интеллекта в наши дни становится всё более и более актуальной в силу цифровизации ведения бизнеса, возрастающих рисков киберугроз, а также перестройки экономической конъюнктуры под влиянием санкционного давления.

Целью нашего исследования является проведение анализа перспектив и ограничений для экономической безопасности корпоративного

сектора экономики России в условиях развития и внедрения технологий искусственного интеллекта.

За методологическую основу работы мы взяли такие методы, как: сравнительный и системный анализ, кейс-анализ, обзор научной и нормативно-правовой литературы, анализ открытых источников.

Задачи проводимого исследования:

1. Изучение основных угроз экономической безопасности предприятия;
2. Определение роли искусственного интеллекта в противодействии угрозам безопасности экономического сектора бизнеса;
3. Оценить текущее состояние и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта.

Для наиболее полного раскрытия темы мы посчитали необходимым привести определения экономической безопасности и искусственного интеллекта. Это поможет исследовать интегративные перспективы, потенциал которых у нейронных сетей поистине огромен.

Основываясь на определении, приведённом в Указе Президента Российской Федерации от 13.05.2017 года № 208 экономической безопасностью предприятия, мы считаем состояние защищённости экономической конъюнктуры и интересов предприятия от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается наиболее эффективное использование ресурсов и реализуется политика устойчивого развития и конкурентоспособности [1].

Определение искусственного интеллекта (ИИ) мы взяли из пункта 2 части 1 статьи 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ [2]. Основываясь на полученной информации из вышеуказанного Федерального закона, искусственным интеллектом признаётся комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

По мнению К. Ю. Личман ИИ в контексте экономической безопасности предприятия может применяться с целью анализа управления

рисками, в котором нейронная сеть помогает бизнесу с высокой точностью проанализировать и оценить потенциал возникновения рисковой ситуации используя в своих алгоритмах финансовые данные и политическую обстановку как на внешнем, так и на внутреннем уровнях [3]. Кроме того, Ксения Юрьевна приводит в своей работе данные о том, что лидер по использованию технологий ИИ — банковский сектор, с которого и началось внедрение нейросетевых технологий в другие компании.

К основным внутренним факторам, создающим угрозы экономической безопасности предприятия, мы относим:

1. Недостаточная компетентность управляющего состава. Часто, в силу неправильного распределения ресурсов, экономическая безопасность предприятия находится под угрозой. Происходит это во многом из-за неэффективных действий руководства и принятии ошибочных управленческих решений.

2. Перегрев экономического развития. В зарубежной литературе это понятие описывается как «Синдром быстрого роста» и означает экономическую ситуацию, складывающуюся тогда, когда бизнес растёт слишком быстрыми темпами и его управляющий не успевает адаптироваться к темпам роста, в результате чего происходит вертикальное разрушение цепочек управления и предприятие с большой долей вероятности объявляет себя банкротом.

3. Коррупция как один из ключевых факторов, подрывающих безопасность экономической конъюнктуры предприятия. В условиях непрозрачности бизнес-процессов появляются возможности для реализации коррупционных схем, напрямую влияющих на экономическую безопасность и влекущих репутационные и финансовые потери, снижение конкурентоспособности, а также дестабилизацию внутренней среды компании.

Г. Е. Брикач и А. А. Строков в своей совместной работе рассуждали о том, что одной из серьёзных трудностей в эффективном использовании нейронных сетей является необходимость программировать машину работать во благо, а не во вред человеку, используя при этом доступные алгоритмы комбинаций и координаты пределов действий [4]. Отсюда мы можем судить о потребности не только в специалистах «программного» уровня, но и в специалистах, глубоко понимающих хозяйственные процессы и возможность взаимоувязки их с ИИ.

Роль искусственного интеллекта в противодействии угрозам экономической безопасности предприятия становится всё более и более

значительной. Участие нейросетей в аналитике финансовых показателей помогает выявлять мошеннические и коррупционные схемы, а также иные неблагоприятные и рисковые факторы хозяйственной жизни предприятия. Рассматривая машинный интеллект под углом информационной безопасности, мы можем говорить о защите структур компании от различного рода кибератак и утечек данных, что впоследствии влияет и на безопасность его экономического состояния. Помимо этого, искусственный интеллект способен почти мгновенно принимать решения и оперативно реагировать на возникающие угрозы. Всё это делает ИИ незаменимой технологией, степень интеграции которой, на наш взгляд, должна повышаться наряду с повышением сложности протекающих в предприятии финансово-экономических процессов.

Не секрет, что перспективы применения технологий искусственного интеллекта поистине велики. Наиболее актуальными направлениями его применения являются экономика и финансы. Именно в этих ключевых секторах сконцентрированы условия и задачи, требующие непрерывной и комплексной аналитики состояния рыночных отношений. Оперативная работа с громадными объёмами данных — основное преимущество искусственного интеллекта. Благодаря такому преимуществу, машина может просчитывать различные рыночные сценарии и давать прогнозы и даже рекомендации по выбору тактики и стратегии ведения дел в предприятии.

Рассмотрим возможности применения ИИ на примере финансовых организаций. Финансовой организацией в соответствии с Федеральным законом от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» признаётся организация, осуществляющая оказание финансовых услуг и взаимодействие с финансовыми уполномоченными на добровольной основе или в обязательном порядке [5].

Сегодня к таким организациям относят:

1. Брокерские организации
2. Инвестиционные компании
3. Кредитные потребительские кооперативы
4. Кредитные организации
5. Ломбарды
6. Микрофинансовые организации (МФО)
7. Негосударственные пенсионные фонды
8. Страховые компании (за исключением тех, кто работает только с ОМС)

Ярким примером использования нейросетевых технологий финансовыми компаниями является внедрение ИИ в процессы аналитики и принятии решений при заключении торговых сделок на финансовых биржах. Алгоритмы способны оперативно обрабатывать данные о состоянии рынка, финансовых показателях организаций, последних новостях и иной информации, которая может оказать влияние на результаты торговых сделок. Контекст экономической безопасности заключается в том, что ИИ в отличие от человека не подвержен усталости, эмоциям и необдуманным, поспешным решениям, которые потенциально приводят к финансовым ошибкам и значительным материальным и иным убыткам. Следовательно, повышение показателей безопасности финансового и экономического состояния связано, в том числе и с интеграцией технологий машинного интеллекта в финансовый сектор при условии снижения участия в нём человека. Таким образом, применение технологий нейронных сетей на финансовых биржевых рынках моет существенно поспособствовать инвесторам принимать более успешные решения [6].

Крупнейшие в России торговые площадки тоже не стоят в стороне от применения технологий искусственного интеллекта. Более того, они его активно используют и разрабатывают собственные алгоритмы работы с клиентами. Экономическая безопасность при этом также характеризуется положительной динамикой развития. Такие торговые площадки как OZON и Wildberries уже внедрили AI-технологии, что помогло по разным оценкам ускорить логистику на 75 %. Клиентоориентированность выросла благодаря использованию чат-ботов. Благодаря внедрению антифрод-системы на базе ИИ, которая анализирует подозрительные операции и выявляет мошеннические схемы, торговые площадки повысили уровень своей экономической безопасности. В перспективе это поможет бороться с «дроперством» и отмыванием денежных средств, полученных преступным путём.

Перспективы развития технологий ИИ впечатляют. Международный рынок нейросетей растёт на 30 – 40 % каждый год. По данным Statista рынок искуственного интеллекта увеличится и может составить почти два триллиона долларов [7]. Ниже мы представили диаграмму (см. рисунок 1), в которой, основываясь на данных Statista, провели прогнозирование размеров международного рынка искусственного интеллекта к 2030 году [7].

Рисунок 1. Размер международного рынка ИИ, млрд долларов

П. С. Говорунов в своей работе совершенно обоснованно подчёркивал, что искусственный интеллект имеет «две стороны медали», поскольку с одной стороны он даёт возможности для роста и развития национальной экономики, а с другой стороны несёт потенциальные угрозы экономической безопасности [8]. Очевидно одно — ИИ продолжит своё стремительное развитие одновременно с увеличением его влияния на экономику.

В ходе проведения исследования, поставленные цели были достигнуты, а задачи выполнены. Исходя из проведённой работы, мы смело можем говорить о важности применения технологий искусственного интеллекта для обеспечения экономической безопасности предприятия. Раскрытие его потенциала требует от специалистов комплексного и слаженного подхода. Внедрение ИИ в системы предприятий является одной из наиболее актуальных мер по повышению экономической безопасности и безусловно роль технологий машинного интеллекта со временем будет лишь расти. Вероятно, что в обозримом будущем мы станем свидетелями преобразования экономической безопасности не только в масштабах компании, но и в масштабах всей конъюнктуры государственной экономики.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ.

3. Личман, К. Ю. Внедрение искусственного интеллекта в компанию как элемент экономической безопасности / К. Ю. Личман // Исследование развития экосистем в цифровой экономике: сборник научных статей, Курск, 27 марта 2024 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. — С. 202 – 206. — EDN ZZUZAI.

4. Брикач, Г. Е. Повышение экономической безопасности коммерческой организации при использовании возможностей искусственного интеллекта / Г. Е. Брикач, А. А. Строков // На страже экономики. — 2024. — № 4(31). — С. 24 – 31. — DOI 10.36511/2588-0071-2024-4-24-31. — EDN SZMGMF.

5. Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 № 123-ФЗ.

6. Алферьев Д. А., Кремин А. Е. Развитие искусственного интеллекта в современной экономике // Human Progress. 2020. № 1.

7. Объём рынка искусственного интеллекта (ИИ) в мире с 2020 по 2031 год [Электронный ресурс] // URL: https://www.statista.com/forecasts/1474143/global-ai-market-size (дата обращения: 01.03.2026).

8. Говорунов, П. С. Искусственный интеллект как источник угроз экономической безопасности / П. С. Говорунов // Экономика и инновации: Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции, Москва, 21 – 23 ноября 2023 года. — Москва: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2024. — С. 17 – 20. — EDN OCZQEP.

© Андреев А. А., 2026

EDN: ZMSKMZ

Андреев Алексей Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
79109663920@yandex.ru

Самохина Юлия Евгеньевна
командир отделения
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
sje23@mail.ru

Научный руководитель:
Шкварок Владимир Михайлович
начальник кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
shkvarok@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ВЫЗОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация механизмов социально- экономического неравенства в условиях влияния технологий искусственного интеллекта. Рассматривается асимметричность доступа к ресурсам искусственного интеллекта, которая способствует формированию новых вызовов экономической безопасности личности, требующих адаптационных мер со стороны государства.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, искусственный интеллект, социально-экономическое неравенство, алгоритмическая асимметрия.

Стремительность интеграции технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в социальные и экономические процессы даёт почву для роста числа беспрецедентных возможностей повышения производительности труда, однако, одновременно с этим, такая стремительность способствует формированию системных вопросов и вызовов для экономической безопасности личности. Традиционные детерминанты неравенства, находящиеся в рамках цифровой трансформации, дополняются новыми факторами, связанными с доступностью качественных ИИ-моделей, вычислительными ресурсами и алгоритмическими мощностями. Цифровизация, датификация и алгоритмизация качественно преобразовывают существующую систему социального неравенства [1].

Актуальность проводимого исследования обуславливается объективной необходимостью изменения привычных нам подходов к обеспечению состояния безопасности личности в условиях развития технологий искусственного интеллекта. Основываясь на Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, приоритетным интересом политики России является именно защита интересов граждан [2]. Однако действующие механизмы защиты не в полной мере учитывают специфику угроз, которые порождает алгоритмическая асимметрия. В контексте исследования под алгоритмической асимметрией мы понимаем неравномерное распределение доступа, возможностей и преимуществ, связанных с применением ИИ между различными субъектами экономической и социальной деятельности.

Целью научной статьи стало выявление специфических вызовов состоянию экономической безопасности личности, которое обусловлено трансформацией социально-экономического неравенства в эпоху искусственного интеллекта. Кроме того, мы стремимся проанализировать механизмы реализации таких вызовов.

Традиционное научное понимание цифрового неравенства исторически фокусировалось на инфраструктурном доступе: компьютерная техника, информационно-телекоммуникационная сеть (ИТС) Интернет, базовые цифровые знания. Генеративный ИИ дал новый вектор развития описываемого феномена. Формирование многоуровневого разрыва в генеративном ИИ можно дифференцировать по трём ключевым показателям.

Первый уровень — инфраструктурный доступ. Мощности вычислительной техники, необходимые для стабильной работы крупных языковых моделей (GPU, TPU), концентрируются в дата-центрах ограниченного круга транснациональных корпораций. Большая капиталоемкость воспроизведения и поддержания ИИ-инфраструктуры расставляет ощутимые барьеры входа хозяйствующих субъектов малого и среднего предпринимательства, а также физических лиц. Стоимость «запроса» к модели (инференса) для массовых пользователей и корпоративных клиентов с индивидуальными настройками может существенно отличаться.

Второй уровень — доступ к данным и качественным моделям ИИ. Крупные компании в сфере информационных технологий (IT) применяют «точно настроенные» генеративные модели искусственного интеллекта, которые дообучаются на эксклюзивных и нередко закрытых массивах данных, что даёт им конкурентное преимущество. Массовый пользователь, как правило, ограничивается общедоступными «универсальными» моделями с урезанным функционалом, отсутствием специализированных настроек и значительно меньшим контекстом, который запоминает и воспроизводит ИИ. Подобная асимметрия даёт непропорциональный рост производительности и добавленной стоимости у тех субъектов, которые имеют привилегированный доступ к технологиям, позволяя им иметь существенное преимущество над менее развитыми субъектами.

Третий уровень — компетенционный доступ. Навыки эффективной работы с искусственным интеллектом, такие как техника подсказок (промт-инжиниринг), интеграции ИИ в рабочие процессы и критическая валидация результатов деятельности, распределяются между людьми в значительной степени неравномерно. Специалисты, которые обучились вышеупомянутым компетенциям, имеют значительную премию на трудовом рынке, в то время как работники, не адаптировавшиеся к новым реалиям, рискуют своей деквалификацией.

Председатель правления ПАО Сбербанк Герман Греф на Петербургском международном экономическом форуме 2025 года отметил, что государственное регулирование искусственного интеллекта неизбежно, поскольку ИИ, помимо огромного количества преимуществ, несёт большое количество рисков [3]. Данная позиция подкрепляется новыми вызовами для Российской Федерации, а также стратегическими ориентирами Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента

Российской Федерации от 10.10.2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [4].

Экономическая природа асимметрии, возникающей в сфере искусственного интеллекта, заключается в усилении не только эффекта масштаба, но и сетевых экстерналий. Технологически развитый субъект с доступом к передовым ИИ-ресурсам может обрабатывать огромные объёмы данных, автоматизировать рутинные операционные функции и создавать инновационные решения с наименьшими предельными издержками. Всё это концентрирует капитал, усиливает рыночные позиции технологических IT-платформ и способствует поляризации доходов.

Согласно данным исследования П. М. Лукичёва, развитие ИИ будет вызывать рост неравенства на трудовом рынке в связи с увеличивающимися возможностями высококвалифицированных человеческих ресурсов ещё больше повышать своё качество работы и её производительность в сравнении с низкоквалифицированными работниками [5]. Проведённое П. М. Лукичёвым исследование позволяет предположить, что рост объёмов частного инвестирования в искусственный интеллект на российском трудовом рынке будет способствовать росту неравенства доходов населения [6].

На основании проведённого анализа открытых источников нами был выделен кластер аффилированных вызовов экономической безопасности личности, которые обусловлены асимметрией искусственного интеллекта.

Вызов 1: Вероятность деквалификации человеческого капитала и доходная уязвимость. Автоматизация когнитивных задач малого и среднего уровня сложности (анализ данных, подготовка отчётности, базовое программирование и кодинг, написание текстов) снижает востребованность и рыночную стоимость соответствующего профессионального человеческого ресурса. Учёные из Высшей школы менеджмента СПБГУ, онлайн-университета «Зерокодер», университета Иннополиса и МГУ имени М. В. Ломоносова провели совместное исследование (данные опубликованы в СМИ), которое показало, что уровень автоматизации задач с применением генеративного искусственного интеллекта может достигать до 85 %, а потенциал замещения или дополнения профессиональных функций — до 70 % [7]. Для обычного человека это означает растущий риск снижения числа рабочих мест и, как следствие, реального дохода или вовсе потери его источника. Кроме того, имеет место и необходимость дорогостоящей переподготовки и временной безработицы в адаптационный период.

Вызов 2: Алгоритмическая дискриминация в финансовой сфере. Банки и страховые компании усиливают темпы интеграции ИИ-систем для оценки кредитоспособности (скоринга) клиентов, таргетированности тарифов и оценки рисков. Проблема «чёрного ящика» или отсутствия прозрачности алгоритмов принятия решений, а также потенциальные смещения в обучающих массивах данных создают риск необоснованного отказа в предоставлении финансовых услуг или завышения их стоимости для отдельных общественных групп.

Вызов 3: Зависимость платформ и утрата экономической субъективности. Представители малого предпринимательства и самозанятые граждане, которые интегрировали ИИ в свои профессиональные процессы (например, для создания эксклюзивного контента, анализа рынка, автоматизации коммуникаций), попадают в зависимость от условий доступа к соответствующим услугам поставщиков ИИ-услуг. Одностороннее изменение тарифной политики, ограничение мощностей и функционала или прекращение предоставления услуг со стороны платформы-провайдера способно парализовать (временно или навсегда) экономическую деятельность бизнеса и, как следствие, личности, не имеющей альтернативных решений.

Вызов 4: Эрозия потребительского суверенитета и манипуляция экономическим поведением. Системы искусственного интеллекта, анализирующие большие объёмы данных разного характера, способны выявлять когнитивные уязвимости и поведенческие шаблоны (паттерны) поведения потенциальных потребителей. Подобные возможности создают предпосылки для целевого навязывания экономически выгодных поставщику товаров и услуг решений, чьи интересы и экономические выгоды не всегда схожи с таковыми у потребителя. Создаваемая манипуляция спросом и ограничение свободы выбора подрывают основы рационального экономического поведения личности.

Вызов 5: Уязвимость персональных данных. Интеграция ИИ в системы обработки персональных данных повышает риски масштабных утечек и несанкционированного использования полученной информации. Получившие доступ к чувствительным данным злоумышленники, могут использовать ИИ-инструменты для организации целевого мошенничества, дискредитации или шантажа личности в экономическо
й сфере. Данный вызов частично решается благодаря использованию локальных нейросетей на носителях, не подключённых к ИТС Интернет.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

ИИ-асимметрия являет собой системные вызовы для экономической безопасности личности. Трансформация механизмов социального и экономического неравенства в условиях повсеместного применения технологий искусственного интеллекта создаёт новые уязвимости, связанные с финансовой доступностью, экономической автономностью, доходной стабильностью и защитой персональных данных граждан.

Только в условиях консолидации усилий Министерства цифрового развития, Центрального банка, Министерства труда и социальной защиты и других государственных институтов, станет возможным эффективное развитие систем экономической безопасности личности. При это надо отметить, что приоритетными направлениями развития в данной сфере необходимо считать: повышение компетенций в области цифровой и финансовой грамотности населения; совершенствование механизмов противодействия алгоритмической дискриминации; адаптации нормативно-правовой базы в сфере использования инструментов — ИИ: активизация научных исследований в сфере оценки вызов экономической безопасности личности; проводить количественную оценку уровня ИИ-ассиметрии и её влияния на индикаторы экономической безопасности личности; разработать практически рекомендации по интеграции ИИ-инструментов в деятельность по обеспечению экономической безопасности личности.

Список литературы:

1. Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг. 2021. № 1 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-ot-tsifrovogo-k-algoritmicheskomu-razryvu (дата обращения: 10.02.2026).

2. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 года № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

3. Герман Греф, ПМЭФ-2025 [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/20250619/gref-2023881959.html (дата обращения: 02.03.2026).

4. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

5. Лукичев Павел Михайлович Влияние искусственного интеллекта на рынок труда в парадигме неравенства // Экономика труда. 2025. № 3 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-rynok-truda-v-paradigme-neravenstva (дата обращения: 11.03.2026).

6. Рожков В. Д., Кузнецов-Сербский М. К., Чеканов П. Е. Влияние искусственного интеллекта на российский рынок труда // Экономика труда. 2025. № 7 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-rossiyskiy-rynok-truda (дата обращения: 11.03.2026).

7. Изменение рынка труда в России [Электронный ресурс] // URL: https://companies.rbc.ru/news/RaizuW9U30/85-rabotyi-mozhet-delat-ii-kak-menyaetsya-ryinok-truda-v-rossii/ (дата обращения: 02.03.2026).

© Андреев А. А., Самохина Ю. Е., 2026

EDN: ZMSOUD

Арустамян Ангелина Суреновна
студент
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Россия
angelinaarystamyan2006@gmail.com

Научный руководитель:
Киреева Наталья Аркадьевна
профессор кафедры экономики
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Россия
доктор экономических наук, профессор
natalkireeva1@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. В настоящее время экономическая безопасность личности в условиях цифровизации играет значительную роль. Представлены понятия экономической безопасности личности, специфики угроз в эпоху финансовых технологий. На основе эмпирического анализа сделаны выводы о динамике и структуре киберпреступлений как угрозы личности в финансовой сфере. Рассмотрены технические, организационные, экономические меры государственного управления, в частности, в банковской сфере, направленные на защиту и безопасность каждого человека в современных условиях цифровизации экономики и общества.
Ключевые слова: экономическая безопасность личности, финансовые технологии, цифровизация экономики, защита, безопасность.

Экономическая безопасность личности и общества в целом становится все более актуальной в контексте цифровизации экономики.

В современном мире, где глобальная цифровизация финансовых услуг набирает всё большие обороты, важной составляющей национальной безопасности становится именно экономическая безопасность личности.

Цифровые технологии оказывают как положительное влияние на финансовые услуги, так и отрицательное. Если, с одной стороны, цифровые технологии обеспечивают удобство и доступность финансовых услуг, то, с другой стороны, напротив, приводят к возникновению новых угроз, которые включают в себя утечку персональных данных, кибермошенничество, кражу конфиденциальных данных через поддельные сайты или сообщения, а также несанкционированный доступ к счетам.

В связи с вышеперечисленными угрозами возникает необходимость эффективной защиты интересов граждан, их данных и обеспечения экономической стабильности, которая достигается посредством разработки соответствующих механизмов защиты.

Рассмотрим понятие экономической безопасности личности: экономическая безопасность личности представляет собой такое состояние, при котором в полной мере обеспечены все необходимые условия защиты жизненных интересов человека при реализации системы социальной защищённости и социального развития личности [1].

При этом имеет место вполне конкретная взаимосвязь экономической безопасности личности с экономической безопасностью государства, которая представляет собой устойчивое состояние институтов власти и экономики, достигаемое через реализацию гарантий защиты национальных интересов, гармоничного, социально-направленного развития страны и национального хозяйства [1].

Экономическая безопасность личности включает в себя несколько ключевых аспектов, среди которых присутствуют материальная, правовая и социальная составляющие, которые оказывают противодействие финансовой нестабильности. Разберем каждую подробнее.

— Материальная составляющая экономической безопасности личности включает в себя доступ к материальным ресурсам, которые важны для достойного существования каждого человека, а также защиту экономических интересов личности от угроз. К ее элементам относят: обеспеченность человека продовольствием и жильём,

состояние занятости, среднюю номинальную и реальную заработную плату, а также возможную задолженность населения по кредитным обязательствам;

— Правовая составляющая экономической безопасности личности включает в себя законодательство, которое закрепляет права и обязанности в сфере экономической безопасности, а также нормативные правовые акты, регулирующие ответственность за нарушения в этой сфере. К таким документам, которые регулируют правовую составляющую экономической безопасности личности в России, относятся: Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ [2]; Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [3]; Гражданский кодекс РФ; Налоговый кодекс РФ; Уголовный кодекс РФ; Кодекс РФ об административных правонарушениях;

— Социальная составляющая экономической безопасности охватывает такие элементы, как обеспечение социального развития и социальной защищённости индивида, а также гарантии реализации жизненных интересов человека.

В настоящее время с увеличением развития цифровых технологий и расширением цифровых каналов, увеличивается и число попыток кибератак, а также кража и мошенничество, касаемо конфиденциальных данных каждого человека [4].

За период 2020 – 2025 гг. динамика киберпреступлений в России набирает обороты в период пандемии, а первое снижение наблюдается в 2025 году. Опираясь на данные МВД РФ и официальную статистику, при использовании информационных технологий, можно заметить распределение киберпреступлений следующим образом (таблица 1) [4].

На основе приведенных данных, указанных в таблице, можем выделить некоторые выводы касаемо киберпреступности.

Сокращение киберпреступности: впервые за последние годы МВД зафиксировало снижение числа киберпреступлений — показатель упал на 12 % [4].

Структура преступлений: наиболее распространёнными остаются мошенничества и дистанционные кражи, которые составляют примерно 85 % всех зафиксированных случаев [4].

Таблица 1. Динамика количества преступлений по годам (2020 – 2025)

Год	Количество преступлений (тыс.)	Динамика / Особенности
2020	~ 510,4	Рост в 1,5 раза на фоне пандемии COVID-19
2021	~ 517,7	Незначительный рост, начало стабилизации
2022	~ 522,5	Сохранение высоких показателей ИТТ-преступности
2023	~ 677,0	Резкий скачок (+29,7%) за счет новых схем мошенничества
2024	~ 750,0	Пиковые значения; доля киберпреступлений достигла 38% от всех дел
2025	~ 675,0	Снижение на 10,8% — 12% благодаря новым мерам защиты

Финансовые последствия: несмотря на уменьшение количества эпизодов, суммарный ущерб от ИТ-преступлений за первые семь месяцев 2025 года увеличился на 16 %, достигнув почти 120 миллиардов рублей [4].

Причины изменений: эксперты связывают положительную динамику с вступлением в силу новых законодательных норм в сентябре 2025 года, а также с более слаженной работой банков и правоохранительных органов.

Проанализируем также динамику киберпреступлений в финансовой сфере в период 2020 – 2025 гг. (таблица 2).

Таблица 2. Динамика несанкционированных банковских операций и возмещения похищенных средств (2022 – 2025 гг.)

Год	Кол-во операций без согласия, тыс. (рост к пред. Году)	Объем украденных средств, млрд руб. (рост к пред. Году)	% возмещения средств (клиентам)
2022	920,8 (+30,6%)	14,16 (+4,2%)	4,4%
2023	1165 (+26,5%)	15,8 (+11,5%)	8,7%
2024	821,9 (– 29,4%)	8,5% (– 46,2%)	~ 10%
2025	31,2%	6,40%	Данные уточняются

На основе выше представленных данных, составленных на основе официальных источников Банка России и ФинЦЕРТ, можно заметить, что в 2025 году зафиксирован значительный прирост числа операций, совершенных без согласия владельцев, — на 31,2 %, при этом общий объём таких транзакций увеличился на 6,4 % [5, 6].

Была увеличена эффективность защитных мер: банковские учреждения усилили меры противодействия хищениям. В 2025 году предотвращено 134,2 млн сомнительных операций на общую сумму 13,9 трлн рублей, что в два раза превышает показатели предыдущего года [5].

Несмотря на внедрение современных антифрод-систем, социальная инженерия продолжает оставаться доминирующим методом несанкционированного доступа к средствам. Финансовый сектор стабильно входит в тройку наиболее подверженных кибератакам отраслей; при этом около 50 % атак сопровождаются утечками данных [6].

Несмотря на все угрозы, кибермошенничество и утечки персональных данных, современные технологии совершенствуются с каждым днем, развиваются и улучшают защиту персональных данных каждого человека.

Рассмотрим на практическом примере Сбербанка. Сбербанк активно пользуется цифровыми технологиями для обслуживания миллионов клиентов через мобильное приложение и интернет-банк [7].

Данный банк в контексте экономической безопасности личности применяет комплексный механизм защиты и контроля.

Что касается технических мер, данный банк представляет в мобильном приложении многофакторную аутентификацию, которая включает в себя пароль, SMS-код, а также биометрию (отпечаток пальца и Face ID), что значительно снижает риск несанкционированного доступа [7].

Также важной составляющей являются системы антифорда. Данные системы нацелены на автоматическое выявление подозрительных операций (например, необычных переводов или попыток доступа с нового устройства), в результате чего производится моментальная блокировка [7].

Для устойчивой защиты данных проводятся и образовательные меры, которые включают в себя: финансовую грамотность, которая, в свою очередь, охватывает онлайн-курсы, гайды и советы в мобильном приложении по безопасному использованию карт и кредитов; а также информационную поддержку, а именно: уведомления о новых видах мошенничества (SMS, звонки, фишинг), push-уведомления о подозрительных транзакциях [7].

Немаловажную роль играют также правовые и организационные меры, которые включают: компенсацию потерь при мошенничестве в случае, если клиент соблюдал правила безопасности (например, своевременно сообщил о потере карты); прозрачность услуг — все комиссии,

условия кредитов и депозитов доступны в приложении банка; соблюдение регуляторных требований — соответствие нормам ЦБ РФ и защите персональных данных.

Благодаря проводимому комплексу мер, осуществлено снижение финансовых потерь клиентов на 30 % за последние 2 года. Результатом является минимизация риска мошенничества и ошибок при совершении онлайн-транзакций, а также повышение доверия клиентов к цифровым сервисам.

Подводя итог проведенному исследованию, можно отметить, что в условиях активного развития цифровой экономики обеспечение экономической безопасности личности становится одной из приоритетных задач современного общества и государства. Расширение использования финансовых технологий значительно упрощает доступ граждан к банковским и финансовым услугам, однако одновременно сопровождается ростом новых рисков, связанных с киберпреступностью, утечками персональных данных и мошенническими действиями в цифровой среде.

Анализ статистических данных за период 2020 – 2025 гг. показал, что киберпреступность в России длительное время демонстрировала устойчивую тенденцию к росту, достигнув максимальных значений в 2024 году. Вместе с тем в 2025 году отмечается некоторое снижение числа подобных преступлений, что может свидетельствовать о повышении эффективности принимаемых мер со стороны государства, банковского сектора и правоохранительных органов. Несмотря на это, финансовые потери граждан остаются значительными, что подтверждает актуальность дальнейшего совершенствования механизмов защиты.

Исследование практики банковского сектора показало, что важную роль в обеспечении экономической безопасности личности играет применение комплексного подхода, включающего технологические, правовые, организационные и образовательные инструменты. Использование современных антифрод-систем, многофакторной аутентификации, механизмов оперативного выявления подозрительных операций, а также программ повышения финансовой грамотности населения позволяет существенно снизить вероятность мошенничества и повысить уровень защиты пользователей цифровых финансовых сервисов.

Таким образом, эффективное обеспечение экономической безопасности личности в условиях цифровизации возможно только при комплексном взаимодействии государства, финансовых институтов и общества. Дальнейшее совершенствование нормативно-правовой

базы, развитие технологий защиты информации, а также формирование культуры безопасного поведения граждан в цифровой среде будут способствовать снижению уровня киберугроз и укреплению устойчивости финансовой системы в целом.

Список литературы:

1. Бондарская Т. А. Экономическая безопасность личности [Электронный ресурс]. — 2019. — 98 с. [Электронный ресурс] // URL: https://www.xn-80ae0bbf.xn-2000-94dygis2b.xn — p1ai/personal/per15.pdf.

2. Федеральный закон РФ «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ.

3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

4. Материалы МВД России по динамике киберпреступлений в 2020 – 2025 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.ru/statistics.

5. Банк России. Обзор операций, совершённых без согласия клиентов [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru.

6. Банк России. ФинЦЕРТ — отчёты о киберугрозах финансового сектора [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/fincert.

7. ПАО Сбербанк. Материалы по кибербезопасности и защите клиентов [Электронный ресурс] // URL: https://sberbank.ru.

© Арустамян А. С., 2026

EDN: ZQMAVK

Архиповский Илья Евгеньевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
89005300780z@gmail.com

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется трансформация механизмов публичного управления под влиянием геополитической нестабильности и ее значение для обеспечения экономической безопасности. Анализируются переход от бюрократической модели к адаптивной системе, роль цифрового суверенитета и кибербезопасности, а также необходимость подготовки кадров. Обосновывается интеграция стратегического планирования, цифровых инструментов и человеческого капитала в единую систему защиты экономических интересов.
Ключевые слова: экономическая безопасность, публичное управление, геополитическая нестабильность, адаптивное управление, цифровой суверенитет, кибербезопасность, органы внутренних дел.

Динамика современного мира определяется состоянием высокой турбулентности, где усиление геополитической конфронтации,

умножение очагов международных конфликтов, ужесточение санкционных режимов и наложение глобальных кризисов формируют среду перманентной неопределенности. В подобном контексте устоявшиеся парадигмы публичного управления демонстрируют свою ограниченность, сталкиваясь с вызовами, которые требуют не точечной коррекции, а глубокой адаптации и концептуальной трансформации. Публичное управление, понимаемое как система мобилизации и координации государственных и общественных ресурсов для достижения стратегических национальных целей, оказывается перед необходимостью фундаментальной перестройки, направленной на обеспечение экономической безопасности личности, общества и государства. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] относит к основным вызовам и угрозам усиление геополитической нестабильности, санкционное давление, недостаточный уровень развития информационных технологий и сохранение условий для коррупции. Это актуализирует поиск новых управленческих подходов, способных не только реагировать на внешнюю нестабильность, но и формировать стратегии упреждающего действия, гарантирующие развитие страны в обстановке системных ограничений и многомерных рисков [2].

Геополитическая нестабильность представляет собой качественное состояние международной системы, для которого характерны повышенная вероятность открытых конфликтов, стремительная трансформация баланса сил, разрыв устоявшихся экономических связей между государствами, а также снижение эффективности глобальных регулирующих институтов [3]. Современный этап отличается эскалацией стратегического противостояния между ведущими мировыми центрами силы, фрагментацией ранее универсальных норм взаимодействия, повсеместным усилением протекционизма и превращением технологической сферы в арену острой конкуренции. Эти фундаментальные сдвиги оказывают непосредственное и мощное воздействие на внутренние механизмы государственного управления, включая сферу экономической безопасности. В ответ на вызовы нестабильности происходит закономерное усиление роли государства как основного гаранта национальной безопасности и суверенитета, что влечет за собой перераспределение финансовых, административных и человеческих ресурсов в пользу оборонного комплекса, защиты критической инфраструктуры и программ технологического импортозамещения [4]. Внешние ограничения, выражающиеся в санкциях, торговых барьерах и технологических блокадах, выступают

в качестве катализатора поиска альтернативных траекторий развития, что неизбежно предполагает глубокую реструктуризацию экономических моделей и административных процедур. Одновременно нестабильность генерирует новые классы рисков — от масштабных кибератак до миграционных кризисов, — нейтрализация которых требует от системы управления гибкости, проактивности и налаженного межведомственного взаимодействия [5].

Классическая модель публичного управления, базирующаяся на строгой иерархии, унифицированных процедурах и действии в условиях относительной предсказуемости, обнаруживает свою неэффективность в ситуации постоянной турбулентности [6]. Это порождает объективную необходимость перехода к новой управленческой парадигме, ориентированной на такие качества, как устойчивость, адаптивность и антихрупкость — способность не просто противостоять потрясениям, но и извлекать из них пользу для развития. В рамках этой парадигмы ключевым трендом становится усиление роли стратегического прогнозирования и сценарного планирования. Государственные органы вынуждены переходить от реагирования на уже свершившиеся события к активному моделированию вероятного будущего, разрабатывая комплексные «дорожные карты» действий для различных, в том числе негативных, сценариев, что непосредственно влияет на состояние экономической безопасности. Подобная деятельность требует внедрения современных инструментов, таких как стресс-тестирование государственных программ, сценарный анализ глобальных трендов и создание систем непрерывного мониторинга внешней и внутренней среды.

Цифровые технологии выступают в качестве стержневого элемента модернизации публичного управления в интересах экономической безопасности. Они предоставляют инструменты для повышения оперативности принятия решений, совершенствования обратной связи с гражданами и бизнес-сообществом, а также для оптимизации расходования ресурсов. В условиях нестабильности приоритетными становятся несколько направлений цифровизации. Во-первых, это достижение цифрового суверенитета, предполагающего создание национальных ИТ-инфраструктур, собственных операционных систем, защищенных облачных платформ и средств кибербезопасности [7]. Как подчеркивает А. А. Нечай, информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом любой юридически значимой деятельности, включая защиту экономических интересов, и требует интеграции в управленческие процедуры на всех

стадиях [8]. Разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности [9] имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных мер защиты от экономических угроз в цифровой среде. Во-вторых, развитие систем искусственного интеллекта для анализа больших данных позволяет прогнозировать экономические риски, выявлять теневые операции и коррупционные схемы. В-третьих, цифровизация государственных услуг и контрольно-надзорной деятельности снижает административные барьеры и повышает прозрачность взаимодействия бизнеса и государства, что способствует укреплению экономической безопасности.

Особое внимание в процессе трансформации должно уделяться вопросам этики и легитимности принимаемых решений. В условиях вынужденного усиления контрольных функций и введения определенных ограничений существует потенциальный риск эрозии общественного доверия к институтам власти. Поэтому любые меры, направленные на укрепление государственной безопасности и устойчивости, должны быть максимально прозрачными, публично обоснованными и тщательно сбалансированными с неотъемлемыми правами и свободами человека. Это особенно важно для органов внутренних дел, которые непосредственно реализуют функции защиты экономических интересов, выявляют и расследуют экономические преступления, в том числе совершаемые с использованием информационных технологий [10]. Подготовка кадров для решения этих задач требует включения в образовательные программы модулей, формирующих компетенции в области информационной безопасности, кибергигиены и работы с цифровыми платформами [11].

Трансформация механизмов публичного управления в обстановке геополитической нестабильности представляет собой не краткосрочную адаптацию, а долгосрочный и сложный процесс структурных изменений, непосредственно влияющий на состояние экономической безопасности. Современное государство призвано совмещать в себе роль надежного гаранта суверенитета и защитника национальных экономических интересов с функциями гибкого и адаптивного регулятора, способного к быстрой эволюции в ответ на вызовы времени. Успех этой трансформации является производным от способности интегрировать стратегическое видение, цифровые инструменты, развитие человеческого капитала и институциональные реформы в целостную систему устойчивого и эффективного управления. Будущее публичного управления лежит

не в пассивном усилении контроля, а в создании «умных», адаптивных и ориентированных на гражданина институтов, способных обеспечивать стабильность и прогресс даже в наиболее сложных внешнеполитических условиях. Именно такой комплексный подход позволит государству не только преодолеть вызовы эпохи турбулентности, но и использовать открывающиеся возможности для построения более устойчивой, безопасной и процветающей экономики.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Игнатов В. Г. Публичное управление в эпоху геополитических вызовов: новые парадигмы и инструменты // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2023. № 2. С. 45 – 53.

3. Мельвиль А. Ю. Политические вызовы современности: от глобализации к фрагментации мира. М.: ИНИОН РАН, 2022. 256 с.

4. Государственное управление в условиях внешнего давления: опыт России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 12, № 3. С. 112 – 121.

5. Котиков П. Е., Нечай А. А. Решение проблемы управления параллельным выполнением транзакций в распределенных базах данных для устранения опасной противоречивости // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2015. № 2. С. 62 – 64.

6. Поляков Л. В. Государственное управление в условиях неопределённости: стратегии адаптации и устойчивого развития // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 34 – 42.

7. Лапина Н. Ю., Савинцева О. В. Цифровой суверенитет как фактор устойчивости публичного управления в условиях санкций // Вестник РАГС. 2024. № 1. С. 78 – 86.

8. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

9. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы

международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

10. Нечай А. А., Ничагина А. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4(108). С. 251 – 261.

11. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

© Архиповский И. Е., 2026

EDN: ZNOGBM

Баев Александр Михайлович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
sanyasansan751@mail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации правового регулирования публичного управления, обусловленной внешними вызовами (геополитическая нестабильность, санкции, киберугрозы), в контексте обеспечения экономической безопасности. Обосновывается необходимость перехода к адаптивному (динамическому) правовому регулированию, интегрирующему принципы стратегической гибкости, цифрового суверенитета и превентивного нормотворчества. Особое внимание уделяется роли органов внутренних дел и подготовке кадров в области информационной безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, публичное управление, правовое регулирование, внешние вызовы, адаптивное законодательство, цифровой суверенитет, кибербезопасность, органы внутренних дел.

Современная эпоха характеризуется усилением глобальной неопределенности, вызванной трансформацией миропорядка, обострением геополитического противостояния, применением инструментов ограничительной экономической политики (санкций) и лавинообразным развитием цифровых технологий, порождающих новые формы угроз [1]. Данные внешние вызовы выступают в качестве мощного катализатора изменений во всех сферах государственной жизни, предъявляя принципиально новые требования к системе публичного управления, особенно в части защиты экономических интересов личности, общества и государства. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [2] прямо указывает на необходимость совершенствования правового регулирования в сфере экономики, повышения эффективности деятельности органов государственной власти, включая органы внутренних дел, по противодействию вызовам и угрозам. Правовое регулирование, выступающее нормативным каркасом управления, в этих условиях перестает быть статичным и консервативным. Оно вынуждено эволюционировать, чтобы обеспечить государству не только легальные основания для оперативных и зачастую жестких мер по обеспечению безопасности и суверенитета, но и сохранить баланс, легитимность и долгосрочную эффективность управленческих действий [3]. Актуальность темы обусловлена наличием существенных противоречий между традиционными, формализованными процедурами правотворчества и правоприменения и необходимостью быстрой, гибкой адаптации к быстро меняющейся внешней среде, создающей прямые угрозы экономической безопасности.

Внешние вызовы, к которым относятся геополитическая конфронтация, санкционные режимы, технологические блокады и гибридные угрозы, непосредственно деформируют правовое поле публичного управления и создают риски для экономики. С одной стороны, они порождают потребность в принятии нормативных актов повышенной оперативности, направленных на защиту критических отраслей, финансовой системы, рынка труда. Это может вступать в конфликт с принципами всестороннего обсуждения и экспертизы. С другой стороны, ограничения в международном сотрудничестве и торговле требуют создания сложных правовых механизмов импортозамещения, поддержки отечественных производителей, защиты внутреннего рынка и обеспечения технологического суверенитета, что усиливает регуляторную нагрузку [4]. Кроме того, цифровые вызовы, такие как кибератаки на финансовую

инфраструктуру, дезинформационные кампании, подрывающие доверие к экономическим институтам, и угрозы цифровому суверенитету, диктуют необходимость развития целого пласта законодательства в сфере информационной безопасности и контроля над цифровой инфраструктурой [5, 6].

Классическая модель правового регулирования публичного управления, основанная на устойчивых, детализированных кодексах и длительных административных процедурах, демонстрирует свою ригидность в условиях кризисов, угрожающих экономической безопасности. В качестве ответа формируется запрос на адаптивное (динамическое) правовое регулирование. Его сущность заключается в создании правовых механизмов, сочетающих стратегическую гибкость, превентивное нормотворчество и легализацию режима «правового эксперимента». Стратегическая гибкость предполагает закрепление в законодательстве не только конкретных норм, но и общих принципов, целей и «рамок возможностей», позволяющих органам власти, включая МВД России, действовать вариативно в пределах, очерченных законом, в ответ на конкретные экономические угрозы [7]. Превентивное нормотворчество выражается в развитии практики принятия «рамочных» законов, предусматривающих возможность введения специальных правовых режимов (например, особых условий ведения бизнеса, валютного контроля) на основе подзаконных актов, что ускоряет реакцию на санкции и иные вызовы [8]. Режим «правового эксперимента» подразумевает легализацию практики апробации новых регуляторных подходов в отдельных отраслях или регионах перед их масштабированием, что снижает риски системных ошибок в экономике.

Цифровая трансформация становится ключевым драйвером и одновременно объектом правового регулирования в контексте экономической безопасности. В условиях внешнего давления обеспечение цифрового суверенитета переходит из технологической в правовую плоскость. Это требует совершенствования законодательства в области использования отечественного программного обеспечения и оборудования в государственном секторе и критической инфраструктуре, защиты данных и локализации их обработки, регулирования национального сегмента интернета, а также определения правового статуса искусственного интеллекта и больших данных в управленческих процессах. Технические аспекты, такие как обеспечение устойчивости и безопасности распределенных информационных систем, лежащих в основе «цифрового государства»

и финансовых рынков, становятся предметом правового закрепления стандартов и требований [9]. А. А. Нечай в своих исследованиях подчеркивает, что информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом любой юридически значимой деятельности, включая защиту экономических интересов, и требует интеграции в управленческие процедуры на всех стадиях [10]. Разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности [11] имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных мер защиты от экономических угроз в цифровой среде (например, от хищений с использованием электронных средств платежа, атак на автоматизированные системы управления бизнес-процессами).

Любые правовые новации в сфере управления, особенно в условиях кризиса, должны опираться на прочный кадровый фундамент. Совершенствование правового регулирования напрямую связано с реформой правовой культуры и компетенций государственных служащих, в том числе сотрудников органов внутренних дел, на которых возложены функции по выявлению, предупреждению и расследованию экономических преступлений, включая совершаемые с использованием информационных технологий [12]. Необходимо формирование у управленцев и правоохранителей навыков работы с «гибким» правом, понимания принципов риск-ориентированного регулирования, а также глубоких познаний в области кибербезопасности и технологического права. Образовательные стандарты и программы подготовки должны быть синхронизированы с новыми законодательными реалиями и вызовами цифровой экономики [13].

Важнейшим аспектом трансформации является сохранение баланса между эффективностью и легитимностью. Усиление властных полномочий и ускорение процедур в ответ на угрозы не должно приводить к правовому нигилизму или эрозии гарантий прав граждан и бизнеса. Поэтому совершенствование правового регулирования должно включать в себя развитие механизмов публичного обсуждения и экспертной оценки даже в ускоренном режиме, усиление парламентского и судебного контроля за применением специальных мер, а также закрепление принципа пропорциональности и временного характера ограничительных мер. Для органов внутренних дел это означает необходимость строгого соблюдения законности при проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий в экономической сфере, даже в условиях внешнего давления.

Совершенствование правового регулирования публичного управления в условиях внешних вызовов представляет собой не простое ужесточение норм, а качественную трансформацию правовой системы в направлении динамизма, адаптивности и системной согласованности, направленную на защиту экономической безопасности. Будущая модель должна интегрировать способность к оперативному правовому реагированию на экономические угрозы, технологическую адекватность (цифровой суверенитет) и устойчивые правовые гарантии для участников экономической деятельности. Это предполагает переход от закона как константы к закону как адаптивной системе координат, задающей вектор и границы управленческой деятельности. Успех такой трансформации будет определяться способностью правовой доктрины и практики гармонично сочетать требования национальной безопасности, экономического развития и верховенства права, создавая тем самым основу для долгосрочной устойчивости государственности и защищенности экономических интересов личности, общества и государства.

Список литературы:

1. Игнатов В. Г. Публичное управление в эпоху геополитических вызовов: новые парадигмы и инструменты // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2023. № 2. С. 45 – 53.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

3. Государственное управление в условиях внешнего давления: опыт России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 12, № 3. С. 112 – 121.

4. Поляков Л. В. Государственное управление в условиях неопределённости: стратегии адаптации и устойчивого развития // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 34 – 42.

5. Лапина Н. Ю., Савинцева О. В. Цифровой суверенитет как фактор устойчивости публичного управления в условиях санкций // Вестник РАГС. 2024. № 1. С. 78 – 86.

6. Мельвиль А. Ю. Политические вызовы современности: от глобализации к фрагментации мира. М.: ИНИОН РАН, 2022. 256 с.

7. Калиниченко С. В., Котиков П. Е., Нечай А. А. Решение репликационных проблем в базах данных для повышения устойчивости

программного обеспечения автоматизированных систем // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2017. № 4. С. 18 – 21.

8. Котиков П. Е., Нечай А. А. Решение проблемы управления параллельным выполнением транзакций в распределенных базах данных для устранения опасной противоречивости // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2015. № 2. С. 62 – 64.

9. Математическая модель системы символьной синхронизации наземной приемно-регистрирующей станции телеметрической информации в условиях флуктуаций амплитуды сигнала / А. И. Лоскутов, А. С. Дуников, А. Б. Артюшкин, А. А. Нечай // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2017. № 1. С. 11 – 19.

10. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

11. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

12. Нечай А. А., Ничагина А. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4(108). С. 251 – 261.

13. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

© Баев А. М., 2026

EDN: ZRMIYV

Басюбина Анастасия Александровна
командир отделения
Московский областной филиал
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
basubina.nanka.@yandex.ru

Научный руководитель:
Смирнова Лада Ярославовна,
начальник кафедры социально-экономических и
гуманитарных дисциплин
Московский областной филиал
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
кандидат экономических наук, доцент
smirnov_0303@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ УГРОЗ

Аннотация. В статье установлено, что совместное воздействие информационной войны и экономических санкций порождает эффект усиления. Он выражается в росте общественной нестабильности из-за искаженного восприятия угроз, хотя реальные показатели преступности остаются прежними. Деформация массового сознания становится главным фактором дестабилизации при относительно стабильной объективной обстановке.

Ключевые слова: информационная война, экономические санкции, экономическая безопасность, экономическая преступность, органы внутренних дел, киберпреступность, теневая экономика.

Современный этап геополитического противостояния характеризуется беспрецедентным санкционным давлением на Российскую Федерацию, которое представляет собой комбинированное нелегитимное воздействие, не предусмотренное международными договорами. Однако санкции выступают лишь одной из составляющих гибридной войны, где информационная компонента играет не менее важную роль, формируя искаженное восприятие экономических процессов и угроз как внутри страны, так и на международной арене [8].

Информационные войны и экономические санкции усиливают друг друга, создавая совокупный эффект: санкции создают реальные экономические трудности, а информационное воздействие многократно усиливает их восприятие, формируя у населения и хозяйствующих субъектов завышенные ожидания негативных последствий. Это способно провоцировать дестабилизационные процессы — от паники на финансовых рынках до оттока капитала и сворачивания инвестиционной активности. Как справедливо отмечает Л. Я. Смирнова, теневая экономика продолжает оставаться одной из фундаментальных угроз экономической безопасности, поскольку ее масштабы трудно поддаются корректной количественной оценке, что создает информационный вакуум, заполняемый спекулятивными оценками [9, с. 320].

Анализ статистических данных МВД России позволяет выявить интересную закономерность: вопреки ожиданиям всплеска экономической преступности, характер преступлений в сфере экономики в условиях санкционного давления существенно не изменился. Как отмечает начальник ГУЭБиПК МВД России генерал-лейтенант полиции А. А. Курносенко, «в целом характер преступлений не изменился. Некоторое влияние оказывают даже не сами санкции, а меры, принимаемые в целях компенсации последствий этих санкций. При этом данное влияние также несет незначительный объем, на уровне статистической погрешности криминогенной обстановки» [2]. Правильнее говорить не об изменениях, а о смещении акцентов и приоритетов.

Трансформация структуры экономической преступности происходит под влиянием как санкционных ограничений, так и информационных факторов. По данным ГИАЦ МВД России, в 2023 году продолжилось снижение общего числа зарегистрированных преступлений экономической направленности (– 5,5 %; до 105,2 тыс.) и лиц, их совершивших (– 5,1 %; 49,2 тыс.) [5]. Однако размер причиненного ущерба составил 311,1 млрд рублей, что составляет 53 % суммы материального ущерба

от всех видов преступлений [4]. При этом в 2025 году ущерб от экономических преступлений превысил 300 млрд рублей, что подтверждает тенденцию: экономическая преступность — это не массовые мелкие нарушения, а крупные, многоэпизодные дела, связанные с корпоративными структурами, государственными контрактами и финансовыми потоками [3].

Наиболее криминализированными сферами остаются финансово-кредитная система, строительство, оптово-розничная торговля, транспорт, топливно-энергетический комплекс и внешнеэкономическая деятельность [5]. Особую тревогу вызывает рост преступлений в бюджетной сфере: за 10 месяцев 2024 года выявлено почти 11 тыс. таких преступлений, прирост по сравнению с прошлым годом составил более 20 %, ущерб — 112 млрд рублей [4].

Информационная война активно использует тему коррупции и экономических преступлений для дискредитации государственных институтов. Парадоксально, но при росте выявляемости коррупционных преступлений (почти 18 тыс. за 10 месяцев 2024 года, прирост 6,4 % [4]) информационное освещение этих фактов может формировать искаженное восприятие — создается иллюзия тотальной коррумпированности при игнорировании позитивной динамики возмещения ущерба.

Между тем, по оконченным уголовным делам наложен арест и изъято имущества, денег и ценностей на сумму свыше 25 млрд рублей [4].

Отдельного внимания заслуживает проблема контрафактной продукции в контексте ухода зарубежных производителей и легализации параллельного импорта. Как отмечает руководство ГУЭБиПК, уход ведущих мировых производителей привел к снижению числа регистрируемых преступлений в сфере оборота контрафакта, поскольку правообладатели не обращаются с заявлениями. Однако прогнозируется рост ввоза продукции, изготовленной с нарушением технологических процессов, что создает угрозы для жизни и здоровья потребителей [2]. Информационная составляющая здесь проявляется в формировании у населения ложного чувства безопасности при приобретении якобы «аналогичной» продукции.

Цифровизация экономических процессов создает новые уязвимости. По данным МВД, наблюдается значительный рост кибермошенничеств, что связано с развитием сервисов, повышающих доступность финансовых услуг [4]. Использование криптовалют в преступных целях, в том числе для финансирования экстремистской деятельности

и обхода санкционных ограничений, становится серьезным вызовом [2]. Примечательно, что в системе «Личный кабинет правоохранительного органа» уже интегрирован модуль мониторинга криптовалютных транзакций, что позволяет эффективнее выявлять недобросовестных владельцев криптокошельков [2].

Международный контекст показывает синхронизацию российских тенденций с глобальными трендами. В большинстве развитых стран основную долю экономических преступлений составляет цифровое мошенничество. Однако российская ситуация имеет особенности: удельный вес тяжких экономических и коррупционных преступлений существенно выше, чем в среднем по миру, что свидетельствует не только о характере выявляемых дел, но и о модели реагирования, носящей преимущественно реактивный и уголовно-процессуальный характер [3].

Информационная война оказывает непосредственное влияние на восприятие угроз экономической безопасности. Целенаправленное распространение деструктивной информации о состоянии экономики, банковской системы, уровне коррупции способно провоцировать дестабилизационные процессы. Так, по оценкам экспертов, доля теневой экономики остается существенной угрозой экономической безопасности, однако масштабы этого явления не поддаются корректной количественной оценке ввиду отсутствия официальной статистики [6], что создает информационный вакуум, заполняемый спекулятивными оценками.

В условиях информационно-санкционного давления возрастает роль органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности. Абсолютным приоритетом становится защита бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов и поддержание обороноспособности государства, а также декриминализация сфер обеспечения технологического суверенитета [4]. Важно, что по результатам работы подразделений ЭБиПК возмещение ущерба в 2022 году превысило причиненный ущерб (230 млрд против 183 млрд рублей) [3], что является важным информационным поводом, формирующим позитивное восприятие деятельности правоохранительных органов. Как подчеркивает Л. Я. Смирнова, основные направления повышения экономической безопасности России в современных условиях должны учитывать как внешние санкционные ограничения, так и внутренние институциональные факторы, при этом деятельность правоохранительных органов сталкивается с необходимостью адаптации к новым формам экономических преступлений в условиях цифровизации [7, с. 220].

Новизна работы заключается в обнаружении эффекта взаимного усиления информационной войны и санкций. Информационное воздействие заставляет людей преувеличивать масштаб реальных экономических ограничений. В результате возникает искаженное восприятие угроз безопасности. Важный вывод: даже без роста экономической преступности информационные факторы способны провоцировать нестабильность за счет завышенных негативных ожиданий в обществе.

Таким образом, взаимосвязь информационной войны и экономических санкций представляет собой сложный механизм воздействия на национальную безопасность, где реальные экономические ограничения дополняются информационными атаками, искажающими восприятие угроз и провоцирующими дестабилизационные процессы. Противодействие этим вызовам требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование механизмов выявления и пресечения экономических преступлений, развитие цифровых инструментов контроля и активную информационную политику, формирующую адекватное восприятие экономической реальности. Дальнейшие исследования в этой сфере должны быть направлены на выявление корреляции между информационными кампаниями и динамикой экономической преступности, а также на разработку методик оценки эффективности противодействия гибридным угрозам.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 15.05.2017.

2. Глава ГУЭБиПК МВД: в России за 2022 год выявили получение взяток на 1,1 млрд рублей [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/interviews/16535463 (дата обращения: 20.02.2026).

3. Экономические и коррупционные преступления в 2025 году [Электронный ресурс] // URL: https://alrf.ru/articles/ekonomicheskie-i-korruptsionnye-prestupleniya-v-2025-godu/ (дата обращения: 20.02.2026).

4. Глава антикоррупционного главка МВД РФ: выявлять преступления в бюджетной сфере стали чаще [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/interviews/22660633 (дата обращения: 20.02.2026).

5. Молчанова Т. В., Сухаренко А. Н. Внешнеэкономическая преступность в условиях специальной военной операции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 91 – 97.

6. Наумов Ю. Г., Сухаренко А. Н. Детеневизация экономики России: уголовно-правовой аспект // Управленческий учет. 2025. № 9. С. 45 – 53.

7. Смирнова Л. Я. Основные направления повышения экономической безопасности России в современных условиях // Современные проблемы обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 17 февраля 2022 года. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 219 – 222.

8. Смирнова Л. Я. Основные проблемы современной экономической безопасности Российской Федерации / Л. Я. Смирнова // Аудиторские ведомости. — 2021. — № 1. — С. 41 – 43. — EDN RTYYAE.

9. Смирнова Л. Я. Теневая экономика и механизмы ее ликвидации / Л. Я. Смирнова // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 2. — С. 319 – 321. — DOI 10.24412/2414-3995-2021-2-319-321. — EDN VCTWHR.

© Басюбина А. А., 2026

EDN: ZVFHIB

Белкова Дана Руслановна
студент
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
Томск, Россия
belkova.dana11@yandex.ru

Рудникович Марина Андреевна
студент
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
Томск, Россия
tren66749d@list.ru

Научный руководитель:
Колтайс Андрей Станиславович
старший преподаватель
кафедры экономической безопасности
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия
kas@fb.tusur.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ 2022 – 2026 ГГ. И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется влияние санкционного давления 2022 – 2026 гг. на систему национальной безопасности России. Научная новизна заключается в выявлении новых форм угроз и обосновании адаптационных механизмов деятельности органов внутренних дел. Предложена авторская классификация угроз и методика оценки эффективности противодействия им.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономические санкции, органы внутренних дел, финансовая безопасность, киберугрозы, противодействие.

Актуальность темы исследования обусловлена качественным изменением характера угроз национальной безопасности в 2022 – 2026 годах. Существенное расширение санкционных барьеров со стороны западных стран, введение потолка цен на энергоносители, отключение от системы SWIFT, заморозка золотовалютных резервов создали принципиально новую реальность для функционирования российской экономики [1]. В этих условиях органы внутренних дел вынуждены адаптировать методы своей работы к новым вызовам, связанным с трансформацией экономической преступности.

Целью данной статьи является анализ трансформации угроз национальной безопасности под воздействием санкций 2022 – 2026 годов и определение направлений совершенствования деятельности органов внутренних дел по их нейтрализации. Для достижения поставленной цели использованы методы системного анализа, сравнительно-правового анализа, а также статистический анализ данных Банка России и Росфинмониторинга.

Анализ научной литературы и статистических данных позволяет говорить о структурной перестройке экономической преступности под влиянием внешних факторов. Как отмечается в исследованиях, посвященных периоду 2021 – 2022 годов, в это время в структуре преступности доминировали традиционные экономические составы, связанные с мошенничеством в сфере кредитования, нецелевым использованием средств и уходом от налогов [2].

Однако к 2024 – 2025 годам произошло смещение акцентов в сторону киберфинансовых угроз. По данным Банка России, опубликованным в «Обзоре операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций» в феврале 2026 года, динамика киберугроз демонстрирует разнонаправленные тренды. С одной стороны, благодаря развитию антифрод-систем банкам в 2025 году удалось предотвратить 134,2 млн мошеннических операций на сумму 13,9 трлн рублей, что почти вдвое превышает показатели 2024 года. С другой стороны, общий объем фактически похищенных средств вырос на 6,4 %, достигнув 29,3 млрд рублей, а количество самих операций увеличилось на 31,2 % [3].

Автором предлагается классификация новых угроз национальной безопасности, возникших под влиянием санкций.

Первую группу составляют угрозы в финансовой сфере. К ним относятся использование криптовалют для обхода санкций, легализация доходов через так называемые дроп-сервисы, создание трансграничных схем вывода капитала через дружественные юрисдикции. По данным Росфинмониторинга, в 2024 году совместно с правоохранительными органами было выявлено 6 крупных незаконных финансовых площадок с оборотом около 11 миллиардов рублей [4].

Вторую группу образуют угрозы в сфере внешнеэкономической деятельности. Это параллельный импорт как канал для проникновения контрафактной продукции, создание серых схем реэкспорта, использование механизмов налоговой оптимизации при трансграничных расчетах. Исследователи отмечают, что в условиях легализации параллельного импорта одновременно возросло количество контрафактной продукции, что создает дополнительные риски для экономической безопасности [5].

Третья группа включает угрозы технологической безопасности: ограничение доступа к высокотехнологичному оборудованию, уязвимости в импортозамещенном программном обеспечении, риски кибератак на объекты критической информационной инфраструктуры.

Четвертую группу составляют угрозы социально-экономической стабильности: снижение реальных доходов населения, рост теневой занятости, использование нелегальных кредитных схем. Особую озабоченность вызывает возрастающее число случаев вовлечения в теневую деятельность несовершеннолетних, выступающих в роли дропперов [5].

Особого внимания заслуживает анализ деятельности органов внутренних дел в новых условиях. Исследование показывает, что традиционные методы выявления и пресечения экономических преступлений требуют существенной корректировки. В частности, необходима разработка методик выявления преступлений, связанных с использованием криптовалют, совершенствование механизмов международного сотрудничества с дружественными странами, развитие системы подготовки кадров в сфере кибербезопасности.

Практическая значимость исследования заключается в разработке методики оценки адаптации органов внутренних дел к работе в условиях санкционного давления. Предлагается использовать трехуровневую систему показателей.

Первый уровень составляют показатели оперативно-розыскной деятельности. Сюда входят количество выявленных преступлений новых видов, эффективность взаимодействия с Росфинмониторингом и Банком России.

Второй уровень образуют показатели профилактической работы: информирование населения о новых схемах мошенничества, взаимодействие с кредитными организациями по блокировке подозрительных операций.

Третий уровень включает показатели межведомственного взаимодействия: участие в работе межведомственных комиссий по противодействию легализации доходов, обмен информацией с таможенными органами.

Статистический анализ показывает, что, несмотря на рост абсолютного числа преступлений в сфере экономики, относительная эффективность противодействия им повысилась. Согласно данным совместного исследования Центра медиапрактик Института коммуникационного менеджмента НИУ ВШЭ и банка «Уралсиб», посвященного динамике финансового мошенничества в 2024 году, ситуация характеризуется разнонаправленными трендами. С одной стороны, количество мошеннических операций в I квартале 2024 года выросло почти на 17 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а объем хищений через Систему быстрых платежей увеличился в два раза. С другой стороны, финансовая система демонстрирует растущую способность к адаптации: кредитные организации отразили в пять раз больше мошеннических атак, чем годом ранее, а общий объем похищенных средств снизился на 6,3 %. Средний размер перевода мошенникам сократился с 18 до 14,5 тысячи рублей, а доля возвращенных клиентам средств выросла на 3,4 процентных пункта. Для борьбы с аферистами Банк России инициировал блокировку 48,6 тыс. мошеннических номеров, при этом эксперты отмечают смещение активности злоумышленников в мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Viber), где доля преступлений выросла с 10,5 % до 22,5 %. Это свидетельствует о комплексной адаптации финансовой системы и регуляторов к новым условиям, требующей дальнейшего совершенствования методов защиты [6].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Исследование подтвердило глубокую структурную перестройку экономической преступности под влиянием санкционного давления. Если в 2021 – 2022 годах доминировали традиционные экономические составы (мошенничество в кредитной сфере, уход от налогов), то к 2024 – 2025 годам произошло решительное смещение в сторону киберфинансовых угроз. Преступность качественно изменилась, освоив криптовалюты, дроп-сервисы, методы социальной инженерии и вирусы-шифровальщики.

В ходе исследования разработана авторская классификация новых угроз по четырем ключевым группам: финансовые (криптовалюты, легализация через дроп-сервисы), внешнеэкономические (контрафакт через параллельный импорт), технологические (кибератаки на критическую инфраструктуру) и социально-экономические (вовлечение несовершеннолетних в преступные схемы). Особую тревогу вызывает использование подростков в качестве дропперов, что создает долгосрочные риски криминализации молодежной среды.

Статистический анализ выявил эффект «адаптационного разрыва». С одной стороны, банки в 2025 году предотвратили 134,2 млн мошеннических операций на 13,9 трлн рублей, а средняя сумма хищения снизилась. С другой стороны, объем похищенных средств вырос на 6,4 % (до 29,3 млрд рублей), а количество операций увеличилось на 31,2 %. Преступность оперативно осваивает новые каналы: доля мошенничеств в мессенджерах выросла с 10,5 % до 22,5 %.

Доказана необходимость трансформации методов работы органов внутренних дел. Традиционные подходы требуют корректировки: необходимы специализированные методики расследования преступлений с криптовалютами, усиление кибербезопасности и межведомственного взаимодействия с Банком России и Росфинмониторингом на новом технологическом уровне.

Практическая значимость исследования заключается в разработке трехуровневой методики оценки эффективности противодействия (оперативно-розыскной, профилактический и межведомственный уровни), позволяющей комплексно оценивать адаптацию органов внутренних дел к работе в условиях санкционного давления.

Таким образом, качественная адаптация финансовой системы и правоохранительных органов к новым угрозам происходит, но ее темпы требуют ускорения с учетом предложенных в исследовании классификаций и методик.

Список литературы:

1. Российский трафик в SWIFT с 22г снизился в десятки раз, к системе подключено более 200 организаций из РФ — БКС [Электронный ресурс] // URL: https://ru.tradingview.com/news/reuters.com,2025: newsml_L5N3UW0LB:0/ (дата обращения: 20.02.2026).

2. Васильев Э. А., Дьяченко Н. Н. Тенденции развития экономической преступности и особенности борьбы с ней в современной России [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-prestupnosti-ekonomicheskoy-napravlennosti-v-rossiyskoy-federatsii/viewer (дата обращения: 20.02.2026).

3. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2025 год [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=28300 (дата обращения: 20.02.2026).

4. Росфинмониторинг подвел итоги работы за 2024 год [Электронный ресурс] // URL: https://www.fedsfm.ru/special/mediaaboutus/8681 (дата обращения: 21.02.2026).

5. Рустамова В. А., Контрафактная продукция как фактор угрозы экономической безопасности в условиях параллельного импорта // Тюменский государственный университет — Тюмень, 2024. — С. 149 – 155 [Электронный ресурс] // URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/35028/1/Lapzgo_2024_149_155.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

6. Банковские мошенничества в 2024 году: новая реальность или продолжение тренда? [Электронный ресурс] // URL: https://journal.uralsib.ru/hse/research/7 (дата обращения: 27.02.2026).

© Белкова Д. Р., Рудникович М. А., 2026

EDN: ZWRKJZ

Бердников Кирилл Александрович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
kirillberdnilow@yandex.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье обосновывается самостоятельный категориальный статус юридических технологий применительно к сфере обеспечения экономической безопасности. Раскрываются сущностные признаки, структура и виды юридических технологий, используемых в деятельности органов внутренних дел и иных субъектов противодействия экономическим угрозам. Особое внимание уделяется цифровой трансформации юридических технологий и их адаптации к современным вызовам экономической безопасности.

Ключевые слова: юридические технологии, экономическая безопасность, органы внутренних дел, юридическая техника, цифровизация, правовое регулирование, противодействие экономическим преступлениям.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретико-правового осмысления категории «юридические

технологии» в контексте обеспечения экономической безопасности личности, общества и государства. Объявление 2022 – 2031 годов в Российской Федерации Десятилетием науки и технологий, а также принятие Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] актуализируют разработку эффективного инструментария правового регулирования экономических отношений и противодействия экономическим угрозам. В современной юридической литературе сохраняется терминологическая неопределенность: понятия «юридическая техника» и «юридическая технология» нередко употребляются как синонимичные, что препятствует формированию целостного представления о технологическом обеспечении деятельности по защите экономических интересов [2]. Отсутствие доктринального консенсуса относительно содержания и структуры юридических технологий порождает трудности в правотворческой и правоприменительной практике, в том числе в деятельности органов внутренних дел по выявлению и расследованию экономических преступлений. Целью настоящей статьи является обоснование самостоятельного категориального статуса юридических технологий в сфере экономической безопасности, определение их соотношения со смежными понятиями и выявление сущностных признаков, позволяющих рассматривать юридические технологии в качестве особого вида интеллектуальных технологий, адаптированных к задачам защиты экономических интересов.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, позволяющий рассмотреть юридические технологии в их развитии и системной связи с иными правовыми явлениями, а также общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный метод). Из специально-юридических методов применены формально-догматический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования. Важное методологическое значение имели работы, посвященные моделированию управленческих решений в социально-экономических системах, что позволило экстраполировать общие закономерности технологизации деятельности на правовую сферу [3, 4]. Теоретической базой послужили труды отечественных ученых-правоведов в области теории государства и права, юридической техники, а также исследования, раскрывающие вопросы экономической безопасности и деятельности органов внутренних дел [5, 6]. Эмпирическую основу составили нормативные правовые акты, регулирующие правотворческую и правоприменительную деятельность в сфере экономики,

а также практика высших судебных инстанций по экономическим спорам и делам о преступлениях в сфере экономики.

Категориальный статус юридических технологий в сфере экономической безопасности раскрывается через систему сущностных признаков. Первым и основополагающим признаком выступает инструментально-деятельностная природа юридических технологий, выражающаяся в строго выстроенной последовательности операций, направленных на достижение конкретного юридически значимого результата — защиты экономических интересов личности, общества и государства. В отличие от юридической техники, понимаемой как система средств и правил подготовки правовых актов, юридическая технология включает целеполагание, прогнозирование, планирование, организацию и оценку эффективности деятельности по обеспечению экономической безопасности. Вторым признаком является нормативность, проявляющаяся в двух аспектах: сами технологии могут быть урегулированы правовыми нормами (например, процедуры проведения налоговых проверок, порядок осуществления финансового мониторинга), а результатом их применения выступают нормативные акты, правоприменительные решения, акты прокурорского реагирования и иные документы, имеющие значение для защиты экономики. Третий признак — системность, предполагающая устойчивую связь между элементами юридической технологии (субъекты, объекты, средства, стадии), что особенно важно в многосубъектной деятельности по противодействию экономическим преступлениям. Четвертый признак — интеллектуальный характер, поскольку разработка и реализация технологий требуют специальных правовых знаний, профессионального правосознания, аналитических способностей для выявления сложных экономических правонарушений. Пятый признак — социально-преобразовательная направленность, выражающаяся в способности юридических технологий изменять состояние защищенности экономической системы, упорядочивать хозяйственные отношения, минимизировать экономические риски.

Разграничение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» имеет прикладное значение для деятельности органов внутренних дел. Юридическая техника отвечает на вопрос «какими средствами?» (например, составление процессуальных документов, фиксация доказательств), а юридическая технология — на вопросы «в какой последовательности?», «в какие сроки?», «с прогнозированием каких последствий?». Так, расследование экономического преступления

требует не только владения техникой составления следственных документов, но и применения технологий оперативно-разыскной деятельности, взаимодействия с контролирующими органами, оценки экономической информации, что в совокупности образует юридическую технологию обеспечения экономической безопасности.

Структура юридической технологии включает следующие элементы: субъекты (органы внутренних дел, Следственный комитет, прокуратура, контрольно-надзорные органы); объекты (хозяйствующие субъекты, бюджетные средства, налоговая база); цели и задачи (выявление, пресечение и предупреждение экономических правонарушений); средства и инструменты (нормативные акты, методические рекомендации, программные комплексы); последовательность действий и операций (стадии проверки, возбуждения дела, расследования); критерии оценки эффективности (количество выявленных преступлений, возмещенный ущерб, профилактический эффект); результат применения технологии (привлечение виновных к ответственности, восстановление нарушенных прав, укрепление экономической безопасности).

В условиях цифровизации происходит трансформация всех структурных элементов юридических технологий, используемых в сфере экономической безопасности. Изменяется субъектный состав за счет внедрения автоматизированных систем поддержки принятия решений, использования искусственного интеллекта для анализа финансовых потоков и выявления подозрительных транзакций [7]. Объектом воздействия все чаще выступают виртуальные правоотношения, цифровые активы, криптовалюты, что требует разработки новых технологий их правовой квалификации и защиты. Инструментарий обогащается программными комплексами (СПР «Блок-Пост», АИС «Налог-3»), нейросетевыми алгоритмами, технологиями распределенного реестра (блокчейн) для фиксации юридически значимых действий [8]. Важным аспектом выступает категория цифрового следа, имеющая значение для идентификации субъектов экономической деятельности и доказывания по делам об экономических преступлениях [9].

Особого внимания заслуживает вопрос о видовой классификации юридических технологий в сфере экономической безопасности. Традиционным является выделение правотворческих технологий (разработка нормативных актов в сфере экономики), правоприменительных (технологии налогового контроля, валютного надзора, расследования экономических преступлений) и интерпретационных (разъяснение

законодательства об экономической безопасности). В современной науке обосновывается выделение правореализационных технологий (обеспечение соблюдения экономическими субъектами правовых норм), технологий правового мониторинга (оценка эффективности законодательства об экономической безопасности), технологий правового прогнозирования и стратегического планирования (разработка стратегий противодействия экономическим угрозам). Перспективным представляется выделение конфликтологических юридических технологий, направленных на предупреждение и разрешение экономических споров, корпоративных конфликтов, а также технологий финансового мониторинга и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем [10]. Важную роль играют технологии взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами обеспечения экономической безопасности (Центральным банком, Росфинмониторингом, ФНС России), что требует координации действий, обмена информацией и выработки единых алгоритмов реагирования на экономические угрозы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что категория «юридическая технология» обладает самостоятельным теоретико-правовым статусом в системе обеспечения экономической безопасности. Ее разработка имеет значение для совершенствования законодательства об экономической безопасности, оптимизации правоприменительной деятельности органов внутренних дел, повышения эффективности профилактики экономических правонарушений. Дискуссионным остается вопрос о возможности признания юридическими технологиями алгоритмов деятельности, реализуемых с использованием искусственного интеллекта. Представляется, что участие технических устройств не изменяет сущностной природы юридических технологий как интеллектуальных, поскольку алгоритмы изначально разрабатываются человеком, а технические средства выступают инструментом их реализации. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка критериев эффективности применения юридических технологий в сфере экономической безопасности, методик оценки их влияния на состояние защищенности экономики, а также исследование зарубежного опыта нормативного закрепления юридических технологий противодействия экономическим угрозам.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в обосновании самостоятельного категориального статуса юридических технологий применительно к экономической безопасности, уточнении их понятия и признаков. Практическая значимость состоит

в возможности использования выводов в законотворческой деятельности при разработке нормативных актов, регламентирующих процедуры экономического контроля и надзора, а также в образовательном процессе при подготовке специалистов для подразделений экономической безопасности органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология: соотношение и взаимосвязь // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 49 – 54.

3. Бурлов В. Г., Грачев М. И. Аналитическо-динамическая модель управленческого решения в социально-экономических системах на примере руководителя учебного заведения высшего образования // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2019. Т. 13. № 10. С. 27 – 34.

4. Грачев М. И. Автоматизация организации и её техническое оснащение // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 5(77). С. 13 – 21.

5. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

6. Арзамасов Ю. Г. Концепция юридических технологий в правотворческой сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 2. С. 327 – 344.

7. Нечай А. А., Федоркевич Е. В. Что такое цифровой след и можно ли его скрыть? // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: Материалы международной научной конференции. 2023. Т. 1. С. 284 – 288.

8. Баранов В. М., Лазарев В. В. Концепция юридической технологии // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 11 – 23.

9. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с.

10. Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права. М.: Норма, 2022. 496 с.

© Бердников К. А., 2026

EDN: BFGGUS

Бережных Михаил Алексеевич
студент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
mikhailber@list.ru

Научный руководитель:
Харламов Андрей Викторович,
заведующий кафедрой общей экономической теории
и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
Kharlamov_2000@list.ru

ИННОВАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИНФРАСТРУКТУРА КАЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ РОССИИ

Аннотация. В статье предложена трёхконтурная модель экономической безопасности хозяйствующих субъектов, объединяющая макроэкономическую сбалансированность, инновационное регулирование и инфраструктуру качества. Показано, как институциональное сопряжение этих контуров изменяет профиль рисков предприятий и формирует условия для устойчивой модернизации.
Ключевые слова: экономическая безопасность, инновационное государственное регулирование, инфраструктура качества, хозяйствующие субъекты, устойчивое развитие.

Положение хозяйствующих субъектов в системе экономической безопасности современной России определяется тем, насколько

последовательно их развитие встроено в процессы структурной и технологической трансформации национальной экономики. Санкционное давление, изменение конфигурации мировой торговли, ужесточение требований к качеству продукции и прозрачности деятельности формируют устойчивый фон неопределённости для бизнеса. В этих условиях устойчивость предприятия всё меньше зависит от разрозненных защитных мер и всё больше — от состояния макроэкономического баланса, определённости стратегических ориентиров развития и доступности институтов, позволяющих управлять риском, а не только фиксировать его последствия [1]. Исследования устойчивого развития подчёркивают, что приоритизация национальных экономических интересов должна последовательно проявляться в бюджетной, промышленной и регуляторной политике; в противном случае стратегические цели теряют практический смысл и остаются декларацией [2].

На уровне взаимодействия государства и бизнеса сохраняется структурный разрыв между контуром инновационного развития и контуром управления рисками. Анализ практики поддержки инноваций показывает, что многие инструменты формируются как относительно автономный блок экономической политики и слабо увязаны с задачами экономической безопасности предприятий [3]. Регуляторные решения при этом ориентированы преимущественно на контроль соблюдения формальных требований и редко опираются на оценку влияния инновационных проектов на структуру рисков. Для хозяйствующих субъектов это приводит к тому, что модернизационные инициативы воспринимаются как дополнительное направление работы, а не как ресурс укрепления устойчивости бизнес-модели.

Состояние инновационной активности в российской экономике усиливает обозначенное рассогласование. Отмечается ограниченная доля организаций, стабильно вовлечённых в разработку и внедрение новых продуктов и технологий, а также фрагментарность механизмов стимулирования [4]. Институты развития действуют в рамках собственных программ, критерии отбора и оценки результатов различаются, механизмы обратной связи с бизнесом закреплены точечно. В такой среде предприятия сталкиваются с неопределённостью горизонта окупаемости инноваций и нестабильностью условий доступа к ресурсам, что особенно чувствительно для организаций с ограниченной финансовой и кадровой базой, для которых модернизация требует значительных вложений и сопряжена с высоким уровнем операционного риска.

Отдельный контур экономической безопасности формируется инфраструктурой качества. В неё включаются институциональные и кадровые элементы системы стандартизации, метрологического обеспечения, аккредитации, испытательных центров, а также подготовка специалистов в области управления качеством продукции и процессов. Исследования показывают, что российская инфраструктура качества находится в стадии перестройки: распределение ответственности между участниками остаётся неоднородным, обеспеченность сервисами по регионам и отраслям различается, кадровая подготовка во многих случаях ориентирована на поддержание базовых процедур, а не на сопровождение сложных инновационных проектов [5]. Для предприятий это выражается в ограниченном доступе к компетенциям и услугам, необходимым для включения систем качества в стратегию управления рисками и поддержания конкурентоспособности на внутренних и внешних рынках.

С учётом этих обстоятельств экономическую безопасность хозяйствующих субъектов целесообразно описывать как результат работы трёх взаимосвязанных контуров. Первый связан с макроэкономической сбалансированностью и характером распределения ресурсов между ключевыми секторами и территориями; именно он задаёт предсказуемость базовых параметров внешней среды для бизнеса. Второй определяется качеством инновационной среды и инструментов стимулирования, от которых зависит способность предприятий адаптироваться к структурным сдвигам и обновлять производственные и управленческие технологии. Третий контур образует инфраструктура качества, переводящая требования к надёжности, воспроизводимости и безопасности процессов в конкретные регламенты и практики хозяйственной деятельности. Дисбаланс в любом из этих контуров приводит к тому, что внешние шоки выливаются в непропорциональный рост уязвимости на уровне конкретных организаций.

Для государственной политики это означает необходимость перехода к иному типу проектирования инновационного регулирования. В работах по синтезу инновационных процессов и государственного управления подчёркивается, что интегративный подход позволяет связать стратегическое планирование, институциональные реформы и цифровую трансформацию с задачами устойчивости бизнеса [3]. В критерии отбора и сопровождения проектов поддержки целесообразно включать показатели, отражающие влияние на структуру рисков предприятия:

степень диверсификации номенклатуры выпускаемой продукции и услуг, снижение зависимости от критически значимого импорта, устойчивость к колебаниям спроса и изменениям режимов регулирования [4]. В таком подходе инновационная активность рассматривается не только через динамику выручки или экспорта, но и как механизм целенаправленного изменения конфигурации уязвимостей.

Макроэкономическая сбалансированность в этой логике выступает рамкой возможных траекторий развития для хозяйствующих субъектов. Показано, что концентрация высокотехнологичной активности и инфраструктуры в отдельных кластерах, а также устойчивые перекосы в распределении инвестиций усиливают асимметрию рисков для предприятий, функционирующих вне этих зон [1]. Если приоритизация национальных интересов закрепляется в стратегических документах, но не сопровождается последовательным изменением пространственной и отраслевой структуры поддержки, у бизнеса формируется устойчивое ощущение неопределённости относительно реальных ориентиров государственной политики [2]. Для снижения этой неопределённости важно, чтобы заявленные приоритеты находили отражение в регуляторной практике, структуре инфраструктурных проектов и доступности долгосрочного финансирования.

Инфраструктура качества в такой конфигурации способна выполнять роль связующего звена между инновационной политикой и практиками управления рисками. Развитие национальной системы стандартизации, метрологии, аккредитации и подготовки кадров с учётом приоритетных технологических направлений задаёт для предприятий понятные ориентиры по уровню требований к продукции и процессам [5]. Встраивание систем менеджмента качества в стратегические решения позволяет рассматривать контроль качества не как внешний регуляторный барьер, а как элемент внутреннего механизма управления технологическими, регуляторными и репутационными рисками. Для компаний, встроенных в цепочки поставок критически важных товаров и услуг, это становится условием устойчивости не только собственного бизнеса, но и всей цепочки создания стоимости.

С практической точки зрения перспективно развитие инструментов, которые одновременно связывают инновационные проекты, инфраструктуру качества и задачи экономической безопасности. Участие предприятий в программах государственной поддержки может быть увязано

с обязательствами по внедрению систем менеджмента качества на основе приоритетных национальных стандартов, интеграции результатов проектов в отраслевые и региональные регистры компетенций, участию в программах подготовки и переподготовки кадров в сфере управления качеством и рисками [3, 5]. Дополнительным направлением выступает развитие риск-ориентированного подхода к надзорной деятельности: для организаций, последовательно инвестирующих в инновации и качество, возможно установление более предсказуемых режимов взаимодействия с контролирующими органами, тогда как систематическое игнорирование инфраструктуры качества обоснованно рассматривается как фактор повышенного внимания.

Неотъемлемым элементом предложенной конфигурации является устойчивая обратная связь. Накопленный предприятиями опыт использования инноваций и инфраструктуры качества для решения задач экономической безопасности представляет собой ресурс, который пока ограниченно включён в контур выработки решений. Формирование механизмов регулярного анализа таких практик с участием органов власти, бизнеса и научного сообщества позволяет выявлять узкие места в доступе к инфраструктурным услугам, уточнять критерии отбора проектов, корректировать параметры программ поддержки и подготовки кадров. В этом случае экономическая безопасность трактуется не как фиксированное состояние, а как характеристика траектории развития, которую можно целенаправленно корректировать через изменение институциональных и инфраструктурных условий.

В обозначенном ракурсе инновационное государственное регулирование и инфраструктура качества образуют единый институциональный контур, в рамках которого формируются условия экономической безопасности хозяйствующих субъектов России. Его результативность проявляется там, где предприятия получают возможность выстраивать стратегии модернизации, опираясь на предсказуемые макроэкономические приоритеты, согласованные механизмы инновационной поддержки и доступ к развивающейся инфраструктуре качества. В такой конфигурации снижение уязвимости к внешним и внутренним шокам сочетается с расширением пространства для роста, а задачи устойчивого развития, структурной перестройки и экономической безопасности начинают работать на достижение общей долгосрочной цели.

Список литературы:

1. Микитчук В. П., Становая А. А. Сбалансированность национальной экономики и экономическая безопасность // Вестник НГУЭУ. 2024. № 2. С. 163 – 175. — DOI 10.34020/2073-6495-2024-2-163-175.

2. Харламов А. В., Пашковская Е. Г. Обеспечение устойчивого развития на основе приоритизации национальных экономических интересов // Экономика и управление. 2024. Т. 30, № 2. С. 149 – 160. DOI 10.35854/1998-1627-2024-2-149-160.

3. Бережных М. А. Синтез инновационных процессов и государственного регулирования как стратегический инструмент обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения. Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 04 апреля 2025 года. СПб.: СПбУ МВД РФ, 2025. С. 519 – 522.

4. Плотников В. А. Проблемы инновационной активности в современной России и направления совершенствования политики стимулирования инновационной деятельности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2025. № 2(81). С. 67 – 74. DOI 10.52897/2411-4588-2025-2-67-74.

5. Российская инфраструктура качества: проблемы и направления развития в подготовке кадров / Е. А. Горбашко, Н. В. Андросенко, В. С. Липатников, А. Д. Колбина // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 3(78). С. 38 – 49. DOI 10.52897/2411-4588-2024-3-38-49.

© *Бережных М. А., 2026*

EDN: BKDATH

Большакова Валерия Сергеевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
valerioano2004@gmail.com

Научный руководитель:
Толкачева Ольга Петровна
доцент кафедры
финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
кандидат экономических наук
olg-ol@mail.ru

ФИНАНСОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Финансовые преступления являются одной из наиболее серьезных угроз экономической безопасности государства. В условиях цифровизации экономики и развития финансовых технологий наблюдается трансформация преступных схем, связанных с мошенничеством, незаконными финансовыми операциями и легализацией преступных доходов. Целью данной статьи является исследование влияния финансовых преступлений на экономическую безопасность государства, а также анализ институциональных и правовых механизмов противодействия данной категории преступлений.

Ключевые слова: финансовые преступления, экономическая безопасность, мошенничество, финансовый контроль, правовое регулирование, финансовый мониторинг.

Экономическая безопасность государства представляет собой важнейший элемент национальной безопасности, обеспечивающий устойчивость экономической системы, стабильность финансовых институтов и защиту экономических интересов государства. Одной из ключевых угроз экономической безопасности выступают финансовые преступления. Они наносят значительный ущерб государственному бюджету, финансовым организациям и гражданам, а также подрывают доверие к финансовой системе.

Современная финансовая преступность характеризуется высокой степенью латентности и сложностью выявления. Развитие цифровых технологий и распространение онлайн-банкинга привели к появлению новых форм преступной деятельности, включая дистанционное банковское мошенничество, незаконные финансовые операции и схемы отмывания денежных средств.

В таблице 1 приведены количество финансовых преступлений и ущерб от них за 2019 – 2025 гг. [1, 2, 3].

Таблица 1. Динамика финансовых преступлений и экономического ущерба (2019 – 2025 гг.)

Год	Количество преступлений (тыс.)	Ущерб экономике (млрд руб.)
2019	104	210
2020	105	230
2021	108	245
2022	110	260
2023	106	270
2024	105	280
2025	100	300

Анализ статистических данных показывает, что количество финансовых преступлений остается относительно стабильным, однако экономический ущерб от них продолжает увеличиваться. Это свидетельствует о том, что преступные схемы становятся более масштабными и сложными (см. рисунок 1, 2).

В системе обеспечения экономической безопасности государства важную роль играют государственные институты, осуществляющие борьбу с финансовыми преступлениями. К таким институтам относятся правоохранительные органы, центральный банк, органы финансового мониторинга, налоговые органы и судебная система.

Их деятельность направлена на выявление незаконных финансовых операций, предотвращение мошенничества и пресечение легализации преступных доходов.

Правовое регулирование является ключевым инструментом борьбы с финансовыми преступлениями. Уголовное законодательство предусматривает ответственность за мошенничество, незаконную банковскую деятельность, легализацию преступных доходов и другие экономические преступления. Совершенствование законодательства и усиление финансового контроля позволяют повысить эффективность борьбы с финансовой преступностью.

Финансовые преступления оказывают значительное негативное влияние на экономическую безопасность государства. Рост ущерба от таких преступлений свидетельствует о необходимости совершенствования институциональных и правовых механизмов противодействия. Развитие финансового мониторинга, внедрение современных цифровых технологий и повышение финансовой грамотности населения являются важными условиями снижения уровня финансовой преступности.

Рисунок 1. Динамика количества финансовых преступлений

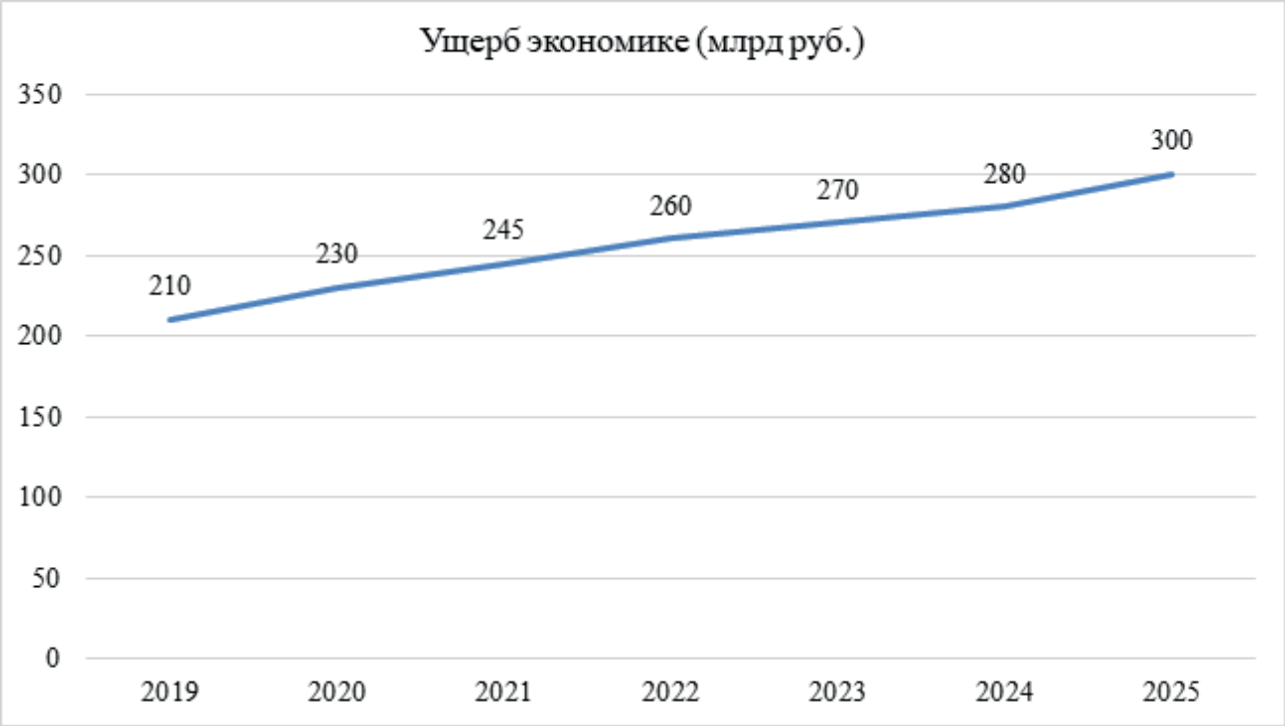

Рисунок 2. Динамика ущерба от финансовых преступлений

Список литературы:

1. Годовые отчеты о противодействии легализации доходов [Электронный ресурс] // URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 01.03.2026).

2. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке: инф. — аналит. материал [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_1/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. Противодействие кибермошенничеству: статистика хищений и обзор атак на финансовые организации [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/press/event/? Id=28300 (дата обращения: 01.03.2026).

© Большакова В. С., 2026

EDN: BLMUWL

Борисова Ольга Федоровна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
brlelly@mail.ru

Научный руководитель:
Злоказова Юлия Валерьевна
доцент кафедры экономической безопасности,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
yuliazlokazova@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО РУБЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРОВЫХ ВАЛЮТ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические положения института мировой валюты и исторический опыт становления основных мировых валют. Внимание уделяется отличительным особенностям развития рубля в послевоенный и современный период, которые обуславливают отсутствие в настоящее время у российского рубля статуса мировой валюты. Также анализируются возможные перспективы усиления позиций российской валюты на мировом рынке.
Ключевые слова: мировая валюта, доллар США, евро, российский рубль, исторический анализ.

Для изучения расширения перспектив российского рубля как мировой валюты необходимо рассмотреть теоретические положения института мировых валют и проанализировать опыт становления и развития валют других стран, ставших глобальными. По сути, нет точного

определения «мировых валют». Экономический толковый словарь трактует их как «деньги, которые используются при международных расчётах» [1]. К мировым валютам, как правило, относят шесть следующих валют, которые обслуживают примерно 88,7 % всех международных расчетов. Это доллар США, евро, британский фунт, канадский доллар, китайский юань и японская иена [2]. Однако особое значение в работе уделяется первым двум валютам, поскольку, согласно последним статистическим данным, на них приходится, примерно три четверти объемов международных расчетов.

Для понимания сущности глобальных валют важно рассмотреть их функции. Перечислим их.

1. Функция денег, как платёжного средства для всех сделок международного уровня. Изучая эту функцию, важно вспомнить о понятии «унция» — различные единицы измерения массы, объёма, силы. Одна из известных — Тройская — единица измерения веса драгоценных металлов. Необходимость использования унции была обусловлена тем, что рынок нуждался в международной системе стандартов, понятной всем государствам. Курс золота на бирже указывался в унциях, и именно от него отталкивались банки всех стран.

2. Мировые деньги как мера стоимости, которые измеряют стоимость всех товаров и услуг, представляют собой основу товарного производства. Являясь посредником в общем движении товаров и денег, они выступают как средство обращения и средство накопления, ведь чтобы осуществлять ранее перечисленные функции, нужно иметь определённую накопленную сумму денег.

3. Интернационализация всех хозяйственных связей, расширение товарного производства. Глобальные валюты — это общепринятое всеми платёжное средство.

Перейдём к рассмотрению исторического опыта известных нам мировых валют. В настоящее время американский доллар признается надежной мировой валютой, он является символом стабильности, так как его курс в течение достаточного времени сохраняет свою устойчивость. Началом становления американского доллара в качестве мировой денежной единицы считается конференция в Бреттон-Вудсе в 1944 году [3]. Доллар был признан мировой расчетной и резервной валютой, цена на золото были номинированы в долларах: 35 долларов США за 1 тройскую унцию. После Второй мировой войны ослабленная экономика Европы не могла конкурировать и противостоять

американской денежной экспансии и, поэтому в страны Европы начали поступать доллары. Это привело к значительному увеличению его влияния в золотовалютных резервах центральных европейских банков, ведь на тот момент только американскую валюту можно было обменять по фиксированной цене на золото [3]. Соединенные Штаты оказались в выгодном положении, экспортируя деньги, которые печатали сами. В 1948 году вступил в действие План Маршалла, который являлся программой помощи Европе после Второй мировой войны. В рамках Плана целью его реализации было объявлено: восстановление разрушенной войной экономики Европы, устранение торговых барьеров, модернизация промышленности европейских стран и развитие Европы. Доллары США внедрялись в европейскую экономику и стали необходимы для торговли, за это время в странах привыкли к американской валюте как к средству расчета. Ещё одним важным событием в истории мировых валют стал нефтяной фактор, отменивший прямую связь доллара с золотом. В 1974 году Саудовская Аравия взяла обязательство номинировать цены на нефть в долларах, а США, в свою очередь, гарантировала безопасность страны. В результате любая страна, желавшая купить нефть, была вынуждена сначала приобрести доллары.

Новый этап в развитии института глобальных валют — появление евро. На мировых валютных и финансовых рынках появилась реальная альтернатива доллару США, а значит, произошел сдвиг в сторону биполярного мира. Появление единой европейской валюты считается уникальным случаем, когда суверенные страны отказались от национальных валют в пользу экономической интеграции. История евро началась с соглашения о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1957 году такими странами как Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ. В 1962 году в Европейском сообществе впервые была высказана мысль о необходимости проведения единой финансовой политики стран Европы и о выдвижении идеи фиксации обменных курсов валют в определенном диапазоне. В дальнейшем эта идея развивалась в Едином европейском акте 1986 года и Маастрихтском договоре 1992 года, что предусматривало создание Экономического и валютного союза (ЭВС) и введение единой валюты. Для того, чтобы евро был введен в обращение, все страны-члены союза должны отвечать определенным критериям, закрепленным в Маастрихтском договоре. 1 января 1999 года страны — участницы ЭВС ввели единую валюту,

а вместе с этим создана и действует Европейская система центральных банков во главе с Европейским центральным банком.

Европейская валюта обладает определенным иммунитетом — возможностями противостояния доллару, такими как наличие общенациональной системы центральных банков, обеспечивающей единую денежно-кредитную политику для стран с разным уровнем экономического развития и высокий уровень экономической интеграции стран-участниц. Кроме того, в Европейском союзе в настоящее время состоят 27 стран, общий объем ВВП стран Еврозоны составляет 18,3 % мирового ВВП. Таким образом, несмотря на непростое финансово-экономическое положение некоторых стран Евросоюза, значительный потенциал общей экономики позволяет укрепить евро свои позиции в роли мировой валюты.

Рассмотренные нами мировые валюты в период их становления имели важную особенность: межнациональная интеграция и определенная цель. В это время рубль проходил иной путь развития.

СССР отказались принимать помощь в послевоенном восстановлении от США, так как План Маршала был создан, в том числе, и для контроля над финансовыми потоками советского государства. Экономика Советского Союза восстанавливалась без внешнего вмешательства, путем перераспределений национального дохода и концентрации ресурсов в условиях командной экономики. Помимо этого, государством строго контролировался обмен рублей на валюту и их вывоз из страны. Внешняя торговля была распространена минимально, рубль практически не существовал в обороте за пределами страны. В 1949 году появился Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), что оказалось востребованным в период становления мировой системы социализма. Совет имел свою расчетную валюту — «переводной рубль», позволяющий создать закрытую валютную систему и без использования конвертируемой валюты вести товарообмен между странами [5]. Торговля между странами была клиринговая, то есть бартерная. Закрытая советская экономика не нуждалась в мировой валюте, а страны СЭВ стремились получать доллары или золото за свое сырье.

На современном этапе развития рубль всё ещё не является мировой валютой, но российская экономика продолжает развиваться. Обратимся к таблице 1, в которой обозначен рост валового внутреннего продукта России за период 2020 – 2025 год [6].

Таблица 1. Рост валового внутреннего продукта России за период 2020 – 2025 год

Год	ВВП (млрд руб.)	Темп роста, (%)	Темп прироста, (%)
2020	127 261,7		
2021	134 727,5	105,9	5,9
2022	132 793,6	98,6	-1,4
2023	138 193,8	104,1	4,1
2024	144 995,3	104,9	4,9
2025	146 417,7	101,0	1,0

Анализируя данные за рассматриваемый период, можно отметить значительный рост российской экономики и ее адаптацию к новым условиям, что свидетельствует о развитии национальной экономики и сохранении общей экономической активности.

Кроме того, по данным Центрального Банка за 2023 – 2024 годы доля российского рубля в международных расчётах увеличилась — при расчёте по экспорту на 2,3 %, а при расчёте по импорту на 13,3 %. Этот процесс, как ожидается, будет продолжен. Таким образом, валютная структура внешнеторговых расчетов существенно поменялась в пользу рубля.

Появился цифровой рубль — электронная форма национальной валюты, эмитентом которой является Банк России. Ожидается, что в ближайшем будущем расширение влияния российской валюты позволит улучшить экономическое положение страны и улучшить связи с иностранными государствами, в том числе с использованием цифрового рубля. Дружественные страны смогут вести экономические отношения друг с другом напрямую, без посредников и на более выгодных условиях. Использование цифрового рубля позволит защитить активы страны от их возможного необоснованного изъятия. В ближайшее время цифровой рубль сможет стать региональной расчетной валютой и инструментом для обхода западных санкций, упростить проведение трансграничных платежей [7].

Все вышеперечисленное позволит российскому рублю укрепить свои позиции на международном финансовом рынке и улучшить перспективы использования рубля в качестве стабильной валюты.

Список литературы:

1. Экономика: Толковый словарь: Англо-русский / Джон Блэк. — Москва: ИНФРА-М: Весь Мир, 2000. — 829 с.

2. Доля доллара в международных расчетах достигала рекордных 50,49% [Электронный ресурс] // URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/dolia-dollara-v-mezhdunarodnykh-raschetakh-dostigla-rekordnykh-50-49.

3. Как доллар стал общепризнанной мировой валютой?/О долларах. Всё о валютных инвестициях [Электронный ресурс] // URL: http://odollarah.ru.

4. Вестник Банка России № 62 от 13.10.1999 года. «Единая европейская валюта евро и национальные интересы России».

5. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)/Я.Е. Чадаев. — 2-е изд., перераб., доп. — Москва: Мысль, 1985. — 494 с.

6. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 03.03.2026).

7. Центральный банк Российский Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 03.03.2026).

© Борисова О. Ф., 2026

EDN: CDZDJF

Бостонбаева Арзуу Урустамовна
курсант
Кыргызский авиационный институт имени И. Абдраимова
Бишкек, Кыргызская Республика
arzuubostonbaeva0@gmail.com

Научный руководитель:
Гапарова Жанара Тахтакуновна
Кыргызский авиационный институт имени И. Абдраимова
Бишкек, Кыргызская Республика
кандидат технических наук, доцент
janara1885@gmail.com

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. В изложении этой статьи рассматривается роль органов внутренних дел, которая обеспечивает экономическую безопасность транспортной отрасли, как одной из ключевых сфер функционирования национальной экономики. В следствии чего анализируется значение транспортной инфраструктуры в системе экономической безопасности государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность, транспортная отрасль, органы внутренних дел, экономические преступления, государственная безопасность, транспортная инфраструктура, правоохранительная деятельность.

В современных условиях особую значимость приобретает, экономическая безопасность государства, которая представляет собой одну из фундаментальных составляющих национальной безопасности, определяющую устойчивость социально-экономического развития

и способность государства эффективно противостоять внутренним и внешним угрозам. В современном мире, где экономика становится все более глобальной, конкурентной и сложной, защита экономической безопасности страны выходит на первый план. Транспортная система играет здесь ключевую роль. Она не просто часть инфраструктуры, а стратегически важная отрасль, обеспечивающая движение товаров и услуг, объединяющая регионы и стимулирующая экономический рост, внешнюю инвестицию и торговлю [1].

В контексте обеспечения экономической стабильности транспортного сектора значимая функция возлагается на правоохранительные органы, а именно на органы внутренних дел. Они представляют собой неотъемлемый компонент системы государственного регулирования и правоприменительной практики. Эти органы осуществляют обширный комплекс мероприятий, направленных на профилактику, обнаружение и пресечение экономических правонарушений, защиту имущественных активов государства и хозяйствующих субъектов, а также на поддержание правопорядка в критически важных отраслях экономики. Их деятельность способствует формированию среды, в которой функционирование транспортного комплекса осуществляется в рамках правового поля, транспарентности и финансовой устойчивости.

Современная экономика становится все сложнее, что ведет к увеличению числа экономических преступлений. Транспортная отрасль, будучи важной частью экономики, часто становится мишенью для тех, кто хочет использовать ее ресурсы и денежные потоки в незаконных целях. В этой сфере распространены такие преступления, как мошенничество, хищения, уклонение от налогов, коррупция, а также незаконные сделки с имуществом и оборудованием. Эти нарушения наносят серьезный ущерб государству и бизнесу, ухудшая работу транспорта и подрывая доверие к экономике в целом [2].

Органы внутренних дел играют центральную роль в выявлении и пресечении подобных правонарушений. Они осуществляют комплекс оперативно-розыскных и следственных мероприятий, направленных на установление фактов противоправной деятельности и привлечение виновных к ответственности. Их деятельность включает анализ экономических процессов, мониторинг финансовых операций, взаимодействие с другими государственными структурами и проведение профилактических мероприятий для предотвращения правонарушений в транспортной сфере. Особое значение имеет борьба с коррупцией, поскольку

ее проявления в транспортной отрасли могут привести к серьезным негативным последствиям: неэффективному расходованию бюджетных средств, ухудшению качества инфраструктурных проектов и созданию условий для незаконного обогащения.

Это обусловлена тем, что обеспечение экономической безопасности транспортной отрасли требует не только применения мер правоохранительного характера, но и формирования эффективной системы профилактики правонарушений [3]. Органы внутренних принимают деятельное участие в разработке и реализации мероприятий, направленных на снижение уровня экономической преступности, совершенствование правового регулирования и повышение прозрачности экономических процессов. Существенным аспектом данной деятельности является взаимодействие с другими государственными органами, также органы финансового контроля, таможенные службы и транспортные ведомства, что позволяет формировать комплексный подход к решению задач обеспечения экономической безопасности.

Современные информационные технологии и аналитические системы играют ключевую роль в повышении эффективности работы правоохранительных органов. Они позволяют отслеживать экономические процессы и заблаговременно выявлять возможные угрозы. Цифровые инструменты делают финансовые операции более прозрачными, улучшают анализ экономической информации и помогают эффективно бороться с экономическими преступлениями. В условиях цифровой экономики эти технологии особенно важны для обеспечения безопасности транспортной отрасли.

Подводя итог, следует отметить, что деятельность правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел, критически важна для экономической безопасности транспортной отрасли. Они защищают государственные экономические интересы, поддерживают законность в транспортной сфере и пресекают преступления, угрожающие экономическому развитию. От их эффективности напрямую зависит безопасность транспортного комплекса и его способность выполнять ключевые задачи для экономики страны [5].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что дальнейшее совершенствование системы обеспечения экономической безопасности транспортной отрасли требует комплексного подхода, включающего развитие правовых механизмов регулирования, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и расширение

межведомственного сотрудничества. Без согласованной работы государства невозможно построить надежную и безопасную транспортную систему, которая выдержит современные экономические трудности.

Список литературы:

1. Иванов, А.Ю. (2020). Органы внутренних дел и экономическая безопасность: теория и практика. Москва: Юрист.

2. Петров, В.И. (2019). Экономическая безопасность транспортной отрасли. Санкт-Петербург: Экономика.

3. Сидоров, Н.Н. (2021). Коррупция и финансовые правонарушения в транспорте: правоохранительные аспекты. Москва: Академия права.

4. Кузнецов, С.В. (2018). Транспортная инфраструктура и экономическая безопасность государства. Екатеринбург: УрФ У.

5. Иванова, Е.А. (2022). Цифровизация и контроль в транспортной системе.

© Бостонбаева А. У., 2026

EDN: CGLVUK

Бочарова Алина Сергеевна
студент
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
bochaaar@yandex.ru

Научный руководитель:
Ившуков Сергей Анатольевич
Преподаватель кафедры международной
экономики и внешнеэкономической деятельности
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
sergeyivshukov@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье раскрывается значение оперативно-розыскной деятельности таможенных органов в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Рассматриваются основные направления ОРД в сфере внешнеэкономической деятельности, организационные основы проведения оперативно-розыскных мероприятий и проблемные аспекты взаимодействия субъектов противодействия экономическим правонарушениям. Предлагаются меры повышения эффективности аналитики, координации и процессуальной устойчивости результатов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, таможенные органы, экономическая безопасность, внешнеэкономическая деятельность, контрабанда, таможенные платежи, межведомственное взаимодействие.

Современная экономика развивается в условиях постоянного увеличения трансграничных потоков товаров и денежных средств. Одновременно усложняются логистические цепочки, а расчеты между участниками внешнеэкономической деятельности происходят быстрее, чем раньше. С одной стороны, это способствует развитию международной торговли, с другой — создает дополнительные риски. На практике возникают серые схемы перемещения товаров, искажаются данные об их стоимости и происхождении, используются фиктивные посредники, а также различные способы обхода установленных запретов и ограничений. В такой ситуации особое значение приобретает экономическая безопасность, под которой понимается состояние защищенности экономической системы от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие и охрану имущественных интересов государства, общества и личности [1].

В системе обеспечения экономической безопасности важная роль принадлежит таможенным органам. Именно они находятся в ключевой точке контроля за перемещением товаров через границу и исполнением связанных с этим обязанностей. Однако практика показывает, что противоправные действия в сфере внешнеэкономической деятельности нередко оформляются как внешне законные сделки и сопровождаются комплектом документов, формально не вызывающих подозрений. По этой причине одних только контрольных процедур часто оказывается недостаточно для выявления реального содержания таких операций. В подобных условиях особую значимость приобретают специальные инструменты, позволяющие устанавливать скрытые связи между участниками, определять фактических выгодоприобретателей и пресекать незаконные схемы еще до того, как они причинят значительный ущерб бюджету и внутреннему рынку.

Одним из таких инструментов выступает оперативно-розыскная деятельность. Она представляет собой деятельность уполномоченных органов, которая осуществляется как гласно, так и негласно путем проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты личности, собственности, а также безопасности общества и государства от преступных посягательств. Правом на осуществление оперативно-розыскных мероприятий на территории Российской Федерации наделены, в частности, органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности, федеральные органы исполнительной власти в области государственной охраны, Служба внешней разведки, Федеральная служба исполнения

наказаний, а также таможенные органы Российской Федерации [2]. Наличие нескольких субъектов, уполномоченных на проведение таких мероприятий, объективно требует высокого уровня согласованности и быстрого обмена значимой информацией при противодействии экономическим правонарушениям.

Для практической реализации задач экономической безопасности существенное значение имеет и организационная основа оперативно-розыскной деятельности в системе ФТС России. Наличие специализированных подразделений позволяет сосредоточить усилия на выявлении и пресечении контрабанды, а также иных трансграничных противоправных схем. В этом контексте показательно, что Приказом ФТС России от 23 апреля 2013 г. № 797 утверждено положение о Главном управлении по борьбе с контрабандой. Это свидетельствует о том, что деятельность таможенных органов в правоохранительной сфере имеет четко выраженную институциональную направленность и ориентирована на противодействие угрозам, возникающим в сфере внешнеэкономической деятельности и затрагивающим экономическую безопасность государства [3].

Рассматривая возможности оперативно-розыскной деятельности таможенных органов, целесообразно выделить несколько взаимосвязанных направлений.

Прежде всего следует назвать информационно-аналитическое направление. Оно связано с выявлением рисков в сфере внешнеэкономической деятельности, анализом товаропотоков, маршрутов поставок, установлением устойчивых связей между участниками и оценкой признаков фиктивности операций. К таким признакам можно отнести аномалии в заявленной таможенной стоимости, наличие формальных посредников, несоответствие между задекларированными и фактическими характеристиками товара, а также разрывы в цепочке поставок. Качественная аналитика позволяет формировать ориентирующую информацию, определять приоритетные участки работы и повышать точность дальнейших мероприятий.

Не менее важно превентивное направление. Его значение состоит в том, что противоправные действия могут быть пресечены еще на стадии подготовки либо в момент реализации схемы, когда еще возможно избежать крупного ущерба и сохранить доказательственные следы. Особенно заметен превентивный эффект в случаях, когда незаконная схема строится поэтапно: сначала подготавливаются документы,

затем подбирается цепочка контрагентов, формируется ложная легенда сделки, подаются декларации, а после этого товар распределяется по каналам сбыта.

Следующее направление — документирующее. Оно предполагает получение и фиксацию сведений о фактических обстоятельствах сделки, включая реальное происхождение товара, его действительную стоимость, круг причастных лиц, характер взаиморасчетов и использование подконтрольных организаций. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности зачастую отличаются высокой доказательственной сложностью, поэтому еще на раннем этапе необходимо учитывать перспективу последующего процессуального закрепления полученных данных.

Отдельно следует выделить координационно-взаимодействующее направление. Экономические угрозы, связанные с внешнеэкономической деятельностью, как правило, затрагивают сразу несколько сфер: уплату таможенных платежей, налоговые и валютные вопросы, а также незаконный оборот отдельных категорий товаров. В результате наибольшая эффективность достигается не при разрозненных действиях различных органов, а при согласовании компетенций, своевременном обмене информацией и выработке единых алгоритмов реагирования.

Если говорить о предметной стороне оперативно-розыскной деятельности таможенных органов, то она во многом ориентирована на пресечение типичных схем, оказывающих негативное влияние на экономическую безопасность. К их числу относятся занижение таможенной стоимости, неправильная классификация товара по ТН ВЭД, представление недостоверных сведений о стране происхождения, незаконное использование льготных процедур, а также обход действующих запретов и ограничений за счет подмены характеристик товара и документального придания законного вида поставкам. Подобные действия ведут к недопоступлению доходов в бюджет и одновременно создают условия для недобросовестной конкуренции на внутреннем рынке.

Особое внимание необходимо уделить интеграционному фактору ЕАЭС. Свободное перемещение товаров внутри союза, безусловно, облегчает законную торговлю, однако на практике эта же возможность может использоваться и в противоправных целях. Речь идет, например, об усложнении маршрутов поставок, разрыве прослеживаемости происхождения товара, а также использовании различий в национальных подходах к контролю. В связи с этим возрастает значение взаимодействия

с компетентными органами государств — участников союза для подтверждения происхождения товаров, проверки маршрутов их перемещения и сопоставления сведений о поставках [4].

Вместе с тем практика показывает, что реализация потенциала оперативно-розыскной деятельности таможенных органов сталкивается с рядом проблем, которые снижают ее результативность в системе обеспечения экономической безопасности. Во-первых, цифровизация и высокая скорость совершения операций требуют от уполномоченных подразделений более оперативной аналитической реакции. Любое промедление может привести к выводу активов, утрате документов или рассеиванию товарных партий. Во-вторых, межведомственная несогласованность, проявляющаяся в различии подходов, фрагментарности информационного обмена и дублировании действий, отрицательно сказывается на выявлении сложных трансграничных схем. В-третьих, сохраняют значение кадровые и компетентностные вопросы: высокая нагрузка, неукомплектованность отдельных подразделений и необходимость специальных знаний на стыке права, экономики и внешнеэкономической деятельности нередко ухудшают качество аналитики и документирования.

При этом одним из ключевых условий эффективности остается процессуальная устойчивость результатов оперативно-розыскной деятельности. Поскольку конечная цель противодействия экономическим правонарушениям связана с привлечением виновных лиц к установленной законом ответственности, важно обеспечить корректное преобразование оперативных сведений в доказательства с соблюдением требований уголовного судопроизводства [5]. Если фактические данные своевременно не закреплены либо взаимодействие между оперативными подразделениями и органами дознания или следствия выстроено недостаточно четко, доказательственный потенциал собранных материалов может быть существенно снижен.

Повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности таможенных органов в системе обеспечения экономической безопасности следует связывать с несколькими направлениями. К ним относятся развитие риск-ориентированной аналитики в сфере внешнеэкономической деятельности, совершенствование регламентов межведомственного обмена информацией, укрепление международного взаимодействия по линии ЕАЭС, а также повышение профессиональной подготовки сотрудников по вопросам таможенной стоимости, логистики

и финансовых схем. Кроме того, важным остается формирование единого управленческого и правового контура таможенного регулирования, в рамках которого таможенные органы реализуют как контрольные, так и правоохранительные функции [6]. Не менее значима и устойчивая кооперация с другими правоохранительными органами, особенно в тех случаях, когда речь идет об организованных формах экономической преступности.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность таможенных органов занимает важное место в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Она позволяет выявлять скрытые угрозы в сфере внешнеэкономической деятельности, предупреждать причинение ущерба бюджету и внутреннему рынку, а также пресекать трансграничные криминальные схемы. Результативность этой деятельности зависит от качества аналитической работы, согласованности межведомственного и межгосударственного взаимодействия, кадровой устойчивости соответствующих подразделений и обеспечения процессуальной перспективы результатов оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208: «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: «Об оперативно-розыскной деятельности».

3. Приказ ФТС России от 23.04.2013 № 797: «Об утверждении положения о Главном управлении по борьбе с контрабандой».

4. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) от 11.04.2017: «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза».

5. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ: «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

© Бочарова А. С., 2026

EDN: CGTXDM

Вакурова Александра Николаевна
студент
Смоленский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Смоленск, Россия
Sashavak5002357@gmail.com

Орлов Семен Артемович
студент
Смоленский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Смоленск, Россия
cemen.orlov.13@gmail.com

Научный руководитель:
Голубева Татьяна Владимировна
старший преподаватель кафедры экономики
и проектного менеджмента
Смоленский филиал Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Смоленск, Россия
twg-27@mail.ru

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии защиты личных сбережений в условиях экономической неопределённости. Особое внимание уделяется управлению инфляционными и валютными рисками, а также практическим инструментам сохранения капитала. Представлены рекомендации

по бюджетированию, формированию резервного фонда и диверсификации инвестиционного портфеля для обеспечения финансовой безопасности.
Ключевые слова: личные финансы, инфляция, экономическая неопределённость, финансовая безопасность, диверсификация, сбережения, бюджетирование.

Инфляция оказывает многогранное негативное воздействие на бюджеты домохозяйств. Прежде всего, она приводит к утрате покупательной способности накоплений, особенно уязвимы в этом плане сбережения в наличных деньгах и на депозитах с невысокой процентной ставкой. Кроме того, наблюдается падение реальных доходов граждан в случаях, когда рост заработных плат не поспевает за повышением цен. Наконец, инфляция вносит элемент неопределённости в перспективное планирование семейного бюджета, так как прогнозировать уровень будущих трат становится крайне сложно [1].

Даже невысокая, так называемая «ползучая» инфляция способна со временем существенно подорвать финансовую стабильность семей. В зоне особого риска находятся граждане с фиксированными источниками дохода: пенсионеры, сотрудники бюджетных организаций и люди, живущие на социальные пособия. Под влиянием роста цен меняется сама структура трат: вынужденно увеличивается доля расходов на товары первой необходимости (продукты, коммунальные услуги, медикаменты), в то время как затраты на накопления, культурный досуг и самообразование неизбежно сокращаются [1]. Значимым фактором выступает и волатильность валютных курсов. В экономиках, зависящих от импорта, ослабление национальной денежной единицы автоматически ведёт к подорожанию зарубежных товаров. Это, в свою очередь, ведет к общему росту цен и дополнительно снижает уровень жизни населения [2].

Наиболее острую форму экономической нестабильности представляют собой финансовые кризисы. Они характеризуются сжатием кредитования, падением цен на активы, ростом безработицы и снижением доходов населения. Для домохозяйств кризисные явления оборачиваются риском потери работы или снижения заработной платы, обесценением инвестиционных портфелей, ограничением доступа к кредитным ресурсам и необходимостью использования сбережений для покрытия текущих расходов [3]. В таких условиях особую значимость приобретает наличие финансовой «подушки безопасности» — резервного

фонда, позволяющего поддерживать привычный уровень жизни в течение нескольких месяцев при потере дохода. Как отмечают эксперты, защита накоплений от инфляции требует использования финансовых инструментов, доходность которых превышает темпы роста цен. К таким инструментам относятся банковские вклады, накопительные счета, государственные облигации и ценные бумаги надёжных компаний [3].

Ключевым инструментом противостояния нестабильности выступает эффективное управление личным или семейным бюджетом. Бюджет представляет собой финансовый план, распределяющий будущие доходы по трём основным направлениям: текущие расходы, сбережения и погашение долговых обязательств. Базовым принципом финансового планирования является учёт всех доходов и расходов. Как отмечают специалисты, погрешность в учёте не должна превышать 2 – 3 %, поскольку именно такая точность позволяет получить реальную картину финансового положения. Расходы при этом целесообразно разделять на постоянные (аренда жилья, коммунальные платежи, кредитные обязательства) и переменные (продукты питания, одежда, развлечения) [4].

Популярным инструментом бюджетного планирования выступает методология 50/30/20, которая регламентирует распределение чистого дохода домохозяйства. Согласно данному подходу, 50 % средств направляется на обеспечение базовых потребностей (продовольствие, оплата ЖКУ, транспортные расходы, обслуживание долга), 30 % — на дискреционные расходы (досуг, развлечения, рекреация), а оставшиеся 20 % резервируются для формирования сбережений и инвестиционного портфеля. Преимущество метода заключается в достижении компромисса между текущим уровнем потребления и стратегической финансовой устойчивостью без применения излишне строгих ограничений. При невозможности немедленного соблюдения указанных пропорций допускается применение переходных моделей (например, 70/20/10) с последующей корректировкой структуры расходов.

Формирование резервного фонда является фундаментальным элементом финансовой безопасности домохозяйства. Финансовая «подушка» представляет собой запас средств, предназначенный для поддержания привычного уровня жизни в случае непредвиденных обстоятельств: потери работы, болезни, срочного ремонта или других форс-мажорных ситуаций. Оптимальный объём резервного фонда составляет сумму, достаточную для покрытия расходов в течение 3 – 6 месяцев. Средства подушки безопасности должны храниться в высоколиквидной

форме — на банковских вкладах или накопительных счетах, обеспечивающих возможность быстрого доступа без потери стоимости.

Особого внимания требует управление долговыми обязательствами. Кредитная нагрузка должна оцениваться с точки зрения её обслуживания: ежемесячные платежи по кредитам не должны превышать 20 – 30 % дохода. При наличии нескольких кредитов целесообразно применять стратегии их досрочного погашения, начиная с наиболее дорогих.

Долгосрочное финансовое планирование невозможно без чёткой постановки целей. Наиболее эффективным подходом является использование методологии SMART, согласно которой цель должна быть конкретной, измеримой, достижимой, значимой и ограниченной во времени. При планировании крупных покупок или долгосрочных накоплений важно учитывать фактор инфляции и возможное удорожание целевого актива. Например, при накоплении на автомобиль или недвижимость целесообразно закладывать ежегодный рост цены на 5 – 10 %. Для поддержания мотивации рекомендуется визуализировать цели, фиксировать промежуточные успехи и сохранять гибкость, адаптируя планы к изменяющимся обстоятельствам.

Для защиты и сохранения сбережений в 2026 году финансовые эксперты рекомендуют комбинировать инструменты в зависимости от целей и горизонта планирования. Основные инструменты включают несколько ключевых направлений, начиная с наиболее консервативных. Банковские вклады и накопительные счета остаются самым простым и надежным способом для краткосрочного хранения средств на срок до 1 года. Прогнозируемые ставки в 2026 году составляют около 11 – 13 % годовых, однако стоит учитывать, что по мере снижения ключевой ставки доходность таких депозитов будет постепенно падать.

Важным элементом портфеля являются облигации. Среди них выделяются флоатеры (облигации с переменным купоном), которые особенно эффективны в периоды высокой инфляции, так как их доходность напрямую привязана к ключевой ставке. В то же время ОФЗ с фиксированным доходом становятся более привлекательными при общем снижении ставок; «длинные» гособлигации на 3 – 5 лет позволяют зафиксировать высокую доходность на годы вперед. Драгоценные металлы, и прежде всего золото, сохраняют статус классического защитного актива от глобальных потрясений и девальвации рубля. Инвестировать в них можно разными способами: через покупку физических слитков и монет или открытие обезличенных металлических счетов (ОМС).

Для долгосрочного сохранения капитала на период от 3 лет подходят акции. Эксперты рекомендуют выделять на них не более 20 % портфеля, отдавая предпочтение технологическому сектору и компаниям с высокими дивидендами, таким как «Сургутнефтегаз», МТС и «Татнефть». Недвижимость и ЗПИФ помогают защитить капитал от инфляции в долгосрочной перспективе, однако этот инструмент отличается низкой ликвидностью. Альтернативой прямой покупке жилья сегодня выступают закрытые паевые инвестиционные фонды (ЗПИФ) недвижимости. Также заслуживает внимания Программа долгосрочных сбережений (ПДС) — новый государственный инструмент, позволяющий копить на пенсию или крупные цели, используя софинансирование от государства и налоговые вычеты [5]. В основе успешной стратегии защиты капитала лежит диверсификация. Главное правило — не хранить все средства в одном активе. Рекомендуется распределять накопления между рублями (около 60 %), валютой (через юани или замещающие облигации) и реальными активами, такими как золото и недвижимость [6].

В условиях современной глобальной турбулентности и стремительной цифровизации экономики финансовая грамотность перестает рассматриваться как узкоспециализированный набор знаний, доступный лишь профессиональным участникам рынка. Сегодня это критически важный элемент базовой культуры человека, определяющий его способность адаптироваться к изменяющимся социальным и экономическим реалиям. Как отмечает М. А. Абрамова в своих исследованиях, посвященных финансовому поведению [7], низкий уровень компетенций в этой сфере неизбежно ведет к неэффективному распределению ресурсов, что в масштабах государства оборачивается снижением потребительского спроса и ростом социальной напряженности.

Профилактика финансовых рисков в жизни частного лица начинается с понимания самой природы риска как вероятности потери части капитала или неполучения ожидаемого дохода. Ключевой проблемой здесь выступает психологический аспект: согласно теории поведенческой экономики, сформулированной Д. Канеманом, люди склонны к иррациональным решениям из-за когнитивных искажений, таких как «неприятие потери» или «эффект текущего момента» [9]. Финансово грамотный подход позволяет купировать эти импульсы за счет внедрения жестких алгоритмов планирования. Основой такого планирования является бюджетирование, которое позволяет не только контролировать текущие расходы, но и формировать резервный фонд — так называемую «подушку безопасности».

Эксперты сходятся во мнении, что наличие ликвидного резерва в размере 3 – 6 месячных расходов домохозяйства является первичным и наиболее эффективным методом нейтрализации риска потери дохода [8].

Особое место в системе управления рисками занимает работа с кредитными инструментами. В современной экономике закредитованность населения рассматривается как системная угроза. Риск дефолта заемщика возрастает экспоненциально, когда показатель долговой нагрузки (ПДН) превышает критическую отметку в 40 % от чистого дохода. Профилактика в данном случае заключается в строгом аудите целесообразности заимствований. Финансовая культура диктует использование кредитов преимущественно для приобретения активов, способных генерировать доход или повышать капитализацию личности (например, образование или недвижимость), в то время как потребительское кредитование на товары краткосрочного пользования оценивается как высокорискованная стратегия [10].

Параллельно с кредитными рисками актуализируется проблема инфляционного давления. Традиционные методы сбережения в виде наличных средств в эпоху высокой волатильности становятся убыточными. Механизм профилактики инфляционных рисков базируется на принципе диверсификации, который подразумевает распределение капитала между различными классами активов: банковскими вкладами, защищенными государством, инструментами фондового рынка и объектами недвижимости. Подобная стратегия позволяет не только сохранить покупательную способность денег, но и обеспечить их прирост за счет силы сложного процента [11].

Нельзя игнорировать и угрозы, возникшие вследствие тотальной цифровизации финансовых услуг. Развитие финтеха, с одной стороны, упростило доступ к капиталу, а с другой — открыло новые возможности для киберпреступности. Современная профилактика рисков мошенничества включает не только техническую защиту, но и развитие навыков критического мышления. Социальная инженерия остается основным инструментом хищения средств, и единственным эффективным барьером здесь выступает высокий уровень осведомленности граждан о типичных сценариях манипуляций. Банк России в своих ежегодных отчетах подчеркивает, что информационный вакуум в вопросах цифровой гигиены является главным фактором уязвимости населения [12].

В заключение следует подчеркнуть, что финансовая грамотность является динамическим процессом. Постоянное усложнение финансовых продуктов требует от человека непрерывного обучения. Интеграция

профилактики рисков в повседневную практику — от использования налоговых вычетов до глубокого анализа инвестиционных деклараций — позволяет трансформировать финансовую среду из источника тревоги в инструмент достижения личных целей и обеспечения долгосрочной стабильности.

Список литературы:

1. Банк России. Инфляция и её влияние на экономику [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/dkp/about_inflation/ (дата обращения: 23.02.2026).

2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Реальные располагаемые денежные доходы населения [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 23.02.2026).

3. Банк России. Финансовая стабильность [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/finstab/ (дата обращения: 23.02.2026).

4. Банк России. Финансовая грамотность [Электронный ресурс] // URL: https://fincult.info (дата обращения: 23.02.2026).

5. Альфа-Банк. Как защитить свои сбережения от инфляции [Электронный ресурс] // URL: https://alfabank.ru/help/articles/deposits/kak-zashchitit-svoi-sberezheniya-ot-inflyacii/ (дата обращения: 23.02.2026).

6. Smart-Lab. Сбережения против инфляции: что может быть в 2026 году? [Электронный ресурс] // URL: https://smart-lab.ru/blog/1245402.php (дата обращения: 23.02.2026).

7. Абрамова М. А. Финансовая грамотность: учебник и практикум для вузов. — М.: Юрайт, 2024. — 312 с.

8. Богдашевский А. Основы финансовой грамотности. Краткий курс. — М.: Альпина Паблишер, 2024. — 250 с.

9. Канеман, Д. Думай медленно… Решай быстро. — М.: АСТ, 2023. — 656 с.

10. Кокорев Р. А. Финансовая грамотность: учебник для вузов. — М.: Издательство Московского университета, 2021. — 568 с.

11. Лебедев Д. Деньги делают деньги: от зарплаты до финансовой свободы. — М.: Альпина Паблишер, 2025. — 210 с.

12. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://fincult.info (дата обращения: 23.02.2026).

© Вакурова А. Н., Орлов С. А., 2026

EDN: CSKBNP

Валуйкина Валерия Андреевна
студент
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Санкт-Петербург, Россия
vvaluykina-17-01@edu.ranepa.ru

Научный руководитель:
Елкин Станислав Евгеньевич
доцент кафедры безопасности
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
elkin-se@ranepa.ru

РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С КОЛЕБАНИЯМИ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК, И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется влияние процентных рисков на экономическую безопасность предприятий, предложена классификация процентных рисков по источникам возникновения, разработана методика оценки чувствительности финансовых показателей к изменению ставок и сформулированы рекомендации по минимизации негативных последствий волатильности процентных ставок для обеспечения устойчивого развития хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: процентный риск, экономическая безопасность, финансовые риски, ключевая ставка, процентная ставка, управление рисками, финансовая устойчивость.

Процентный риск представляет собой один из наиболее значимых финансовых рисков, с которым сталкиваются современные предприятия в условиях нестабильной экономической среды.

Изменение процентных ставок оказывает непосредственное влияние на стоимость заемного капитала, инвестиционную привлекательность проектов, рыночную стоимость финансовых активов и пассивов организации. В контексте обеспечения экономической безопасности предприятия управление процентными рисками становится критически важным элементом финансового менеджмента [1].

Экономическая безопасность предприятия определяется как состояние защищенности его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз, позволяющее обеспечивать устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. Процентный риск выступает значимой угрозой финансовой составляющей экономической безопасности, поскольку волатильность процентных ставок может привести к существенному ухудшению финансового положения хозяйствующего субъекта, снижению его платежеспособности и ликвидности.

Актуальность исследования процентных рисков для российских предприятий обусловлена высокой степенью неопределенности денежно-кредитной политики, значительными колебаниями ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации и зависимостью большинства организаций от заемного финансирования. В условиях ограниченного доступа к международным рынкам капитала и повышенной волатильности национальной валюты управление процентными рисками приобретает особое значение для обеспечения финансовой стабильности предприятий. Процентный риск возникает вследствие несовпадения сроков погашения или переоценки активов и обязательств, чувствительных к изменению процентных ставок [2].

Основными источниками процентного риска являются: изменение ключевой ставки центрального банка, колебания рыночных процентных ставок по различным финансовым инструментам, изменение кривой доходности, кредитные спреды.

Проявление процентного риска может привести к увеличению стоимости обслуживания долга, снижению чистой процентной маржи, уменьшению рыночной стоимости портфеля ценных бумаг и ухудшению финансовых результатов деятельности предприятия.

В таблице 1 представлена классификация процентных рисков по основным критериям, что позволяет систематизировать подходы к их идентификации и оценке.

Таблица 1. Классификация процентных рисков предприятия

Критерий классификации	Виды процентных рисков	Характеристика
По источнику возникновения	Риск изменения базовой ставки	Связан с изменением ключевой ставки регулятора
	Риск изменения кредитного спреда	Обусловлен изменением надбавки к базовой ставке
	Риск изменения кривой доходности	Возникает при несовпадении структуры активов и пассивов
По характеру влияния	Ценовой риск	Влияет на рыночную стоимость финансовых инструментов
	Риск дохода	Воздействует на процентные доходы и расходы
По степени воздействия	Прямой риск	Непосредственно влияет на финансовые показатели
	Косвенный риск	Влияет через изменение рыночной конъюнктуры

Анализ представленной классификации показывает, что процентные риски имеют многофакторную природу и требуют комплексного подхода к управлению. Риск изменения базовой ставки является наиболее значимым для российских предприятий, поскольку большинство кредитных договоров привязаны к ключевой ставке Центрального банка. Кредитные спреды отражают индивидуальную кредитоспособность заемщика и могут существенно варьироваться в зависимости от финансового состояния предприятия и рыночной конъюнктуры [3].

Влияние процентного риска на экономическую безопасность предприятия проявляется через воздействие на ключевые финансовые показатели. Рост процентных ставок приводит к увеличению процентных расходов по обслуживанию кредитов и займов с плавающей ставкой, что снижает прибыль предприятия и его рентабельность. Одновременно повышение стоимости заемного капитала делает менее привлекательными инвестиционные проекты, требующие внешнего финансирования, что негативно сказывается на темпах развития организации.

Для количественной оценки процентного риска используются различные методы, среди которых наибольшее распространение получили методы анализа разрывов, дюрации и имитационного моделирования. Метод анализа разрывов позволяет оценить несбалансированность активов и пассивов по срокам погашения или переоценки. Показатель дюрации характеризует средневзвешенный срок до получения денежных

потоков по финансовому инструменту и позволяет оценить чувствительность его стоимости к изменению процентных ставок.

Базовая формула для расчета изменения стоимости финансового инструмента при изменении процентной ставки может быть представлена следующим образом (1):

$$\Delta P=-D\cdot P\cdot \Delta r/(1+r) \quad (1)$$

где **ΔP** — изменение стоимости финансового инструмента, руб.;
D — дюрация финансового инструмента, лет;
P — текущая стоимость финансового инструмента, руб.;
Δr — изменение процентной ставки, %;
r — текущая процентная ставка, %.

Для оценки влияния процентного риска на финансовые результаты предприятия целесообразно рассчитывать показатель процентной маржи и анализировать его динамику. Чистая процентная маржа определяется как разница между процентными доходами и процентными расходами, отнесенная к средней величине активов, приносящих процентный доход. Снижение процентной маржи свидетельствует об увеличении процентного риска и ухудшении условий финансирования деятельности предприятия.

В таблице 2 представлена оценка чувствительности финансовых показателей предприятия к изменению процентных ставок на примере условной организации с заемным капиталом 100 млн руб.

Результаты расчетов демонстрируют высокую чувствительность финансовых показателей предприятия к изменению процентных ставок. Рост ставки на 5 процентных пунктов приводит к снижению чистой прибыли на 28 процентов и аналогичному сокращению рентабельности собственного капитала [4]. Это подтверждает необходимость активного управления процентными рисками для поддержания финансовой устойчивости и экономической безопасности предприятия. Особенно критичным влияние процентного риска становится для предприятий с высоким уровнем финансового левериджа и значительной долей кредитов с плавающей процентной ставкой. Система управления процентными рисками в контексте обеспечения экономической безопасности предприятия должна включать следующие элементы: идентификацию источников процентного риска, количественную оценку величины риска, установление лимитов на принятие риска, разработку и реализацию мероприятий по минимизации риска, мониторинг эффективности управления рисками.

Ключевым принципом построения системы управления процентными рисками является соблюдение баланса между стремлением к минимизации рисков и необходимостью обеспечения приемлемой доходности деятельности предприятия.

Таблица 2. Оценка чувствительности финансовых показателей предприятия к изменению процентных ставок

Сценарий изменения ставки	Процентная ставка, %	Процентные расходы, млн руб.	EBIT, млн руб.	Чистая прибыль, млн руб.	Рентабельность собственного капитала, %
Снижение на 2 п.п.	10,0	10,0	35,0	20,0	20,0
Базовый сценарий	12,0	12,0	35,0	18,4	18,4
Рост на 2 п.п.	14,0	14,0	35,0	16,8	16,8
Рост на 5 п.п.	17,0	17,0	35,0	14,4	14,4

Составлено автором по материалам [4].

К основным инструментам управления процентными рисками относятся естественное хеджирование, производные финансовые инструменты и оптимизация структуры активов и пассивов. Естественное хеджирование предполагает сбалансированность активов и пассивов по срокам и типам процентных ставок, что позволяет минимизировать чистую подверженность процентному риску. Использование производных финансовых инструментов, таких как процентные свопы, фьючерсы и опционы, позволяет перераспределить процентный риск и зафиксировать приемлемый уровень процентных расходов.

В таблице 3 представлено сравнение основных методов управления процентными рисками с учетом их преимуществ и ограничений.

Таблица 3. Сравнение основных методов управления процентными рисками

Метод управления	Механизм реализации	Преимущества	Ограничения
Естественное хеджирование	Балансирование активов и пассивов по срокам и ставкам	Низкие затраты, отсутствие контрагентского риска	Ограниченные возможности точной балансировки
Процентные свопы	Обмен фиксированных и плавающих платежей	Гибкость, возможность точной настройки	Наличие контрагентского риска, сложность оценки

Метод управления	Механизм реализации	Преимущества	Ограничения
Процентные опционы	Право на заключение сделки по фиксированной ставке	Ограничение убытков при сохранении потенциала прибыли	Высокая стоимость премии
Досрочное погашение долга	Сокращение объема процентных обязательств	Полное устранение риска по погашенным обязательствам	Отвлечение финансовых ресурсов, возможные штрафы

Составлено автором по материалам [4].

Интеграция системы управления процентными рисками в общую систему риск-менеджмента организации позволяет обеспечить комплексный подход к обеспечению экономической безопасности. Влияние процентных рисков на экономическую безопасность предприятия не ограничивается непосредственным воздействием на финансовые показатели. Высокая волатильность процентных ставок создает неопределенность в планировании инвестиционной деятельности, усложняет оценку эффективности долгосрочных проектов, снижает предсказуемость денежных потоков, это может привести к отказу от реализации перспективных инвестиционных проектов, замедлению темпов модернизации производства и потере конкурентных преимуществ на рынке [5].

Риски процентных колебаний демонстрируют значительную корреляцию с иными категориями финансовых рисков. Повышение стоимости заемных средств способно усугубить кредитные риски со стороны контрагентов, сталкивающихся с затруднениями в исполнении долговых обязательств. Динамика процентных ставок оказывает влияние на валютные котировки, генерируя дополнительные риск-факторы для организаций, ведущих внешнеторговые операции.

В обстановке высокой волатильности макроэкономической конъюнктуры и вероятных значительных флуктуаций процентных ставок критическое значение приобретает обеспечение высокого уровня финансовой устойчивости. Снижению подверженности организации процентным рискам способствует:

— создание резервных фондов;
— диверсификация финансовых источников;
— обеспечение рациональной структуры капитала.

Концепция управления процентными рисками должна быть интегрирована с общей стратегией развития хозяйствующего субъекта с учетом:

— отраслевых особенностей;
— этапа жизненного цикла;
— конкурентной позиции в рыночной среде.

Процентные риски являются существенным дестабилизирующим фактором экономической безопасности предприятия, потенциально способным значительно дестабилизировать его финансовое состояние. Результативное управление процентными рисками предполагает применение системного подхода, охватывающего:

— процессы идентификации;
— количественной оценки;
— постоянного мониторинга;
— нейтрализации рисков.

Следовательно, создание эффективной системы управления процентными рисками выступает императивным условием достижения финансовой стабильности.

Список литературы:

1. Саперникова, М. А. Риски предприятия: понятие и классификация / М. А. Саперникова // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности: сборник материалов IV Международной научной конференции, Костанай, 10 – 11 ноября 2022 года / ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Костанайский филиал. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Изд-ий дом «Среда», 2022. — С. 305 – 308.

2. Кузнецова, И. В. Система финансовых рисков предприятия и основные подходы к их оценке / И. В. Кузнецова, П. А. Голиков // Финансы в условиях глобализации: Материалы V Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 17 февраля 2022 года. — Донецк: ФЛП Кириенко С. Г., 2022. — С. 13 – 16.

3. Богомолов, Я. В. Проблема эффективного управления процентным риском банковской книги в современных условиях / Я. В. Богомолов // Концепции развития и эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, Киров, 17 февраля 2022 года. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2022. — С. 45 – 50.

4. Шаронов, Н. С. Современные методы финансового анализа в условиях нестабильной экономики / Н. С. Шаронов, Э. Р. Тимергазизова // Флагман науки. — 2025. — Т. 1, № 5-1(28). — С. 439 – 441.

5. Янь, Ц. Роль финансового планирования в устойчивом развитии компаний / Ц. Янь // Оригинальные исследования. — 2025. — Т. 15, № 3. — С. 147 – 152.

© *Валуйкина В. В., 2026*

EDN: CUKURQ

Варламова Александра Сергеевна
курсант
Институт подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета ордена Почета
МВД России имения В. Я. Кикотя
Москва, Россия
alexandra.varlamova05@mail.ru

Научный руководитель:
Дятлова Ангелина Федоровна
профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета
Московский университет ордена Почета
МВД России имения В. Я. Кикотя
Москва, Россия
доктор экономических наук, профессор
angelina09_63@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: РИСКИ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ НОУ-ХАУ

Аннотация. В статье исследуется роль интеллектуальной собственности в системе экономической безопасности хозяйствующих субъектов и государства в целом. Произведен анализ дуалистической природы интеллектуальных активов: с одной стороны, как ключевого драйвера капитализации и инновационного развития, с другой — как уязвимого объекта, коммерциализация которого сопряжена с высокими рисками утраты, хищения и недобросовестной конкуренции. Особое внимание уделяется специфике защиты ноу-хау (секретов производства) в условиях цифровизации экономики и ужесточения санкционного давления.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, экономическая безопасность, ноу-хау, секрет производства, коммерциализация, риски, конкуренция.

В условиях перехода российской экономики к модели технологического суверенитета, интеллектуальная собственность (ИС) превращается из вспомогательного актива в ключевой ресурс национальной конкурентоспособности. Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, одним из основных вызовов является недостаточный уровень инновационной активности и «вымывание» интеллектуального потенциала [1]. Однако, парадокс, который заключается в том, что, именно, в момент активной коммерциализации — то есть превращения идеи или технологии в товар или услугу — объект интеллектуальной собственности становится наиболее уязвимым. Для предприятий, особенно в секторе высоких технологий (IT, фармацевтика, машиностроение), утрата контроля над ноу-хау означает не просто потерю конкурентного преимущества, а фактическую утрату экономической безопасности бизнеса. В связи с этим возникает необходимость пересмотра подходов к оценке рисков, возникающих на стыке инновационного менеджмента и систем защиты коммерческой тайны.

В научной литературе (работы В. К. Сенчагова, Е. М. Бухвальда, С. В. Степашина) экономическая безопасность традиционно рассматривается как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз. [2,3,4] Включение интеллектуальной собственности в контур этой системы обусловлено двумя факторами, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Факторы включения интеллектуальной собственности

Название фактора	Содержание
1. Стоимостной фактор	Нематериальные активы составляют значительную долю капитализации современных компаний (в высокотехнологичных отраслях — до 80 – 90%). Утрата прав на них ведет к критическому обесцениванию бизнеса.
2. Фактор суверенитета	На макроуровне контроль над ключевыми технологиями (микроэлектроника, станкостроение, программное обеспечение) определяет устойчивость экономики к внешним ограничениям.

В контексте данной работы ИС рассматривается не просто как правовая категория, а как специфический объект экономической безопасности, требующий баланса между открытостью (для коммерциализации и привлечения инвестиций) и закрытостью (для сохранения уникальности).

Процесс коммерциализации (лицензирование, отчуждение прав, внесение в уставный капитал, создание стартапов) сопряжен со специфическими угрозами. Предлагается классифицировать риски на три группы, которые представлены в таблице 2.

Ключевая дилемма, выявленная в ходе исследования, заключается в том, что чрезмерная защита ИС блокирует ее коммерциализацию, а активная коммерциализация повышает риски изъятия имущества, земли или прав собственности государством у частных владельцев, осуществляемое на основании правовых актов.

В режиме ноу-хау это противоречие становится особенно заметным. В отличие от патента, который предоставляет монополию на 20 лет в обмен на раскрытие информации, ноу-хау (секрет производства) охраняется только при условии сохранения его конфиденциальности.

Как только информация становится общедоступной (в том числе в силу действий правообладателя при маркетинге), режим коммерческой тайны прекращается.

Таблица 2. Риски коммерциализации

Наименование рисков	Проблемы:
Юридические риски (риски утраты прав)	Самая распространенная угроза возникает при нарушении процедуры оформления. · Неохраноспособность: Попытка коммерциализировать объект, который не соответствует критериям охраноспособности (например, алгоритм, признанный общеизвестным до даты приоритета). · Размывание прав: Разработка инновационных решений в сфере трудовых отношений без должного оформления передачи исключительных прав работодателю. · Согласно ст. 1470 ГК РФ, право на секрет производства, созданный работником в связи с выполнением трудовых обязанностей, принадлежит работодателю, однако на практике отсутствие локальных актов, детализирующих «служебный характер», ведет к корпоративным спорам и утрате актива при увольнении ключевых сотрудников. [5]
Риски недобросовестной конкуренции (промышленный шпионаж)	Ноу-хау, в отличие от патента, не предполагает раскрытия сведений государству, но и не предоставляет абсолютной защиты от независимого «открытия» или хищения. · Утечка информации: на этапе коммерциализации (презентации инвесторам, переговоры с контрагентами) часто происходит неконтролируемое раскрытие сведений, составляющих коммерческую тайну. · Переманивание персонала: Ключевым носителем ноу-хау является персонал. В условиях дефицита квалифицированных кадров переманивание сотрудников конкурентами является самым эффективным способом легального хищения интеллектуального ресурса.

Наименование рисков	Проблемы:
Технологические и цифровые риски	Цифровая трансформация создала новые каналы уязвимости. · Кибератаки: Целенаправленные хакерские атаки с целью кражи баз данных, исходных кодов и конструкторской документации. · Обратный инжиниринг: Высокая степень угрозы для объектов, которые выпускаются в материальной форме, что позволяет конкурентам воспроизвести технологию, не нарушая формально патентное законодательство (при отсутствии патента), либо путем обхода технических средств защиты.

Практическая проблема коммерциализации: Многие российские компании (особенно в секторе среднего бизнеса) выбирают режим ноу-хау, считая его более дешевым и простым (отсутствие госпошлины и экспертизы). Однако при попытке масштабирования бизнеса или привлечения внешнего инвестора отсутствие патентной защиты либо четко задокументированного режима коммерческой тайны становится препятствием для сделки, так как инвестор не может верифицировать чистоту актива.

Пример судебной практики коммерциализации: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 по делу № 88-18752/2023. Компания не доказала, что бывший работник разгласил коммерческую тайну. Наличие в трудовом договоре условия о неразглашении коммерческой тайны недостаточно. Компания должна была ввести режим коммерческой тайны в отношении базы данных клиентов, но не сделала этого. Состоянию компании был нанесен существенный урон в финансовом поле, раскрыт секрет производства, подорван авторитет на ранке и это произошло в следствии кадровой ошибки или неграмотности специалиста [6].

На основе анализа судебной практики (в частности, дел о незаконном разглашении коммерческой тайны) и корпоративных стандартов предлагается комплекс мер, направленных на снижение рисков коммерциализации:

1. Создание реестра нематериальных активов с разделением режимов. Необходимо четкое разделение: что патентуется (публичная монополия), что охраняется в режиме ноу-хау (критические производственные процессы), а что является открытым источником (для маркетинговых целей).

2. Внедрение «античных» соглашений с повышенной ответственностью. В трудовых договорах и договорах с контрагентами необходимо детализировать не только обязанность неразглашения, но и условия об отчуждении прав на служебные результаты интеллектуальной

деятельности (РИД), а также использовать опцион на «увольнительные» выплаты за соблюдение конфиденциальности.

3. Техническая и цифровая защита. Использование DLP-систем (Data Leak Prevention) для контроля перемещения конфиденциальной информации, сегментация баз данных (разделение доступа к целостному ноу-хау между сотрудниками), применение цифровых водяных знаков для документов.

4. Аудит безопасности при коммерциализации. На этапе проведения переговоров с потенциальным лицензиатом или инвестором обязательным является соблюдение осмотрительности не только финансовой, но и интеллектуальной (IP Due Diligence), включая проверку чистоты прав, наличия ноу-хау в открытых источниках и лояльности ключевых разработчиков.

Интеллектуальная собственность, особенно в форме ноу-хау, занимает центральное место в современной системе экономической безопасности. Ее уникальность как объекта защиты обусловлена тем, что ценность актива напрямую зависит от сохранения контроля над его распространением. Коммерциализация, являясь целью создания ИС, одновременно, выступает фактором, многократно усиливающим риски. Для обеспечения экономической безопасности необходимо отказаться от формального подхода, при котором защита сводится к наличию грифа «Коммерческая тайна». Требуется внедрение комплексной системы управления интеллектуальными активами (IP-менеджмента), интегрированной с информационной безопасностью и кадровой политикой. В стратегической перспективе именно способность компаний эффективно защищать свои ноу-хау при их активном вводе в оборот станет главным критерием устойчивости российской экономики к внешним вызовам и условиям санкционного давления.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 15.05.2017.

2. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: общий курс. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. — 815 с.

3. Близнец И. А. Интеллектуальная собственность и экономическая безопасность // Российский экономический журнал. 2020. № 3. С. 45 – 52.

4. Корчагин А. Д. Защита ноу-хау в условиях цифровой экономики: правовые и организационные аспекты // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 2. С. 18 – 25.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

© Варламова А. С., 2026

EDN: DBHNJZ

Вдовченко Вероника Игоревна
студент
Академия управления
при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
veronikavdovchenkoo@gmail.com

Тозик Лиана Михайловна
студент
Академия управления
при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
liana.tozik@mail.ru

Научный руководитель:
Чепик Анатолий Антонович
доцент кафедры конституционного
и административного права
Академия управления
при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
кандидат юридических наук, доцент
ts_chepik12@mail.ru

РОЛЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается ключевая роль таможенных органов Республики Беларусь и Российской Федерации в системе обеспечения экономической безопасности Союзного государства. Анализируются функции ведомств, их правовые основы, закрепленные в международных и национальных нормативных правовых актах. На конкретных примерах

совместных операций показана эффективность интеграционных механизмов законодательства в условиях современных вызовов.
Ключевые слова: экономическая безопасность, Союзное государство, таможенное сотрудничество, Республика Беларусь, Российская Федерация, функции таможенных органов.

Экономическая безопасность государства представляет собой состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет, единство экономического пространства и условия для стратегического развития. В условиях интеграционных процессов, развивающихся в рамках Союзного государства Беларуси и России, категория экономической безопасности приобретает отчетливо выраженный наднациональный характер, требуя выработки и последовательной реализации согласованных механизмов защиты общих экономических интересов двух стран. Таможенные органы занимают особое место в системе обеспечения экономической безопасности, выступая своеобразным защитным барьером. Как закреплено в Основах таможенных законодательств государств — участников СНГ (утверждены Решением Совета глав государств СНГ от 10 февраля 1995 года), таможенные органы обеспечивают в пределах своей компетенции экономическую безопасность государства, являющуюся экономической основой суверенитета [1]. Эта норма развита и конкретизирована в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, статья 351 которого относит к задачам таможенных органов защиту национальной безопасности государств-членов, жизни и здоровья человека, животного и растительного мира, окружающей среды [2]. Для Союзного государства роль таможенных органов многократно возрастает, поскольку наличие единой таможенной территории требует не просто параллельного существования, а их глубокой гармонизации и координации. Согласно Договору о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года, в Союзном государстве действует единое таможенное пространство, в отношении которого применяются единый порядок экспортного контроля, единые меры нетарифного регулирования и единый порядок взаимного признания лицензий, сертификатов и разрешений [3]. В октябре 2025 года на встрече Государственного секретаря Союзного государства Сергея Глазьева и Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (далее — ГТК Республики Беларусь) Владимира Орловского

было отмечено успешное взаимодействие Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее — ФТС Российской Федерации) и ГТК Республики Беларусь в обеспечении безопасности внешнеэкономической деятельности Союзного государства, что подтверждается и практическими результатами работы созданного еще в декабре 2022 года Межгосударственного центра таможенных органов Союзного государства, деятельность которого позволяет вырабатывать единообразную практику таможенного администрирования и более эффективно пресекать правонарушения на всей территории двух стран [4].

В системе мер по обеспечению экономической безопасности таможенные органы реализуют три взаимосвязанные функции: фискальную, правоохранительную и регулирующую, каждая из которых имеет свою специфику и значение для защиты экономических интересов. Фискальная функция традиционно рассматривается как одна из важнейших, поскольку таможенные платежи формируют существенную долю доходной части бюджетов обоих государств. Взимание таможенных пошлин, налогов и иных платежей не просто наполняет бюджет, а создает ту финансовую основу, которая позволяет государству выполнять свои социальные и экономические обязательства [5].

Правоохранительная функция таможенных органов реализуется прежде всего в борьбе с контрабандой и иными правонарушениями в таможенной сфере. В соответствии со статьей 354 Таможенного кодекса ЕАЭС, таможенные органы являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях, производство по которым отнесено к их ведению, а также осуществляют оперативно-розыскную деятельность в целях выявления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправные деяния [2]. Также стоит отметить, что согласно Основам таможенных законодательств государств — участников СНГ, таможенные органы ведут борьбу с контрабандой, нарушениями таможенных правил и налогового законодательства, относящегося к товарам, перемещаемым через таможенную границу, пресекают незаконный оборот через таможенную границу наркотических средств, оружия, предметов художественного, исторического и археологического достояния, объектов интеллектуальной собственности, видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, их частей и дериватов, других товаров [1].

Практика взаимодействия Беларуси и России в таможенной сфере подтверждает эффективность интеграционных механизмов.

Межгосударственный центр таможенных органов Союзного государства успешно реализует аналитические функции, координирует работу по управлению рисками и деятельность мобильных групп. Как отметил Государственный секретарь Совета Безопасности Республики Беларусь Александр Вольфович, Центр вносит полезный вклад в развитие экономик двух стран, в том числе по минимизации ущерба от воздействия западных санкций, а также эффективно участвует в укреплении взаимодействия белорусской и российской таможенных служб.

Ярким примером успешной координации стала совместная операция по пресечению международного канала контрабанды психотропов, проведенная в августе 2025 года. На белорусско-латвийской границе в пункте пропуска «Григоровщина» сотрудники ГТК Республики Беларусь остановили грузовик, следовавший транзитом в Российскую Федерацию с грузом посудомоечных машин из Евросоюза. При применении инспекционно-досмотрового комплекса получена подозрительная сканограмма, после чего транспорт направили на углубленный досмотр. Внутри бытовой техники обнаружено 540 конвертов с психотропным веществом 4-CMC (клефедрон) общим весом 637 килограммов. Поскольку груз следовал в Россию, белорусские таможенники приняли решение о проведении международной контролируемой поставки совместно с ФТС и Федеральной Службой Безопасности Российской Федерации. Российские коллеги задержали получателей — граждан Украины, а в Московской области обнаружили еще 162 килограмма наркотиков (гашиш, мефедрон, МДМА). Общий вес изъятого составил около 800 килограммов [6].

Этот случай наглядно демонстрирует, как координация действий таможенных служб двух стран позволяет не только пресекать транснациональную преступность, но и защищать экономическую безопасность в широком смысле: предотвращен уход от налогов теневых доходов наркобизнеса, сохранены жизнь и здоровье граждан, то есть сохранен человеческий капитал, и, что немаловажно, подтверждена практическая эффективность интеграционных механизмов, созданных в рамках Союзного государства. Помимо борьбы с наркотрафиком, таможенные службы Беларуси и России активно взаимодействуют в противодействии «серому» импорту, используя для этого такие инструменты, как обязательное применение навигационных пломб, электронное отслеживание в государственной информационной системе электронных перевозочных документов и проверка «существенной переработки».

Согласно Решению Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 года № 7 (Декрет № 7), с 27 января 2025 года введены дополнительные проверки на границе: таможенные органы России и Беларуси получили право требовать доказательства так называемой «существенной переработки», то есть подтверждения того, что не менее 50 % добавленной стоимости товара создано именно на территории Беларуси. Данная мера направлена на пресечение схем «серого» реэкспорта, когда товары из третьих стран ввозятся под видом продукции союзного производства для уклонения от уплаты пошлин и обхода санкционных ограничений [7].

Таким образом, таможенное сотрудничество Республики Беларусь и Российской Федерации выступает фундаментальным элементом обеспечения экономической безопасности Союзного государства. Реализуя фискальную, правоохранительную и регулирующую функции, таможенные органы создают защитный барьер, который обеспечивает доходную часть бюджетов обеих стран, защищает общество от опасных товаров и транснациональной преступности, а также создает равные условия конкуренции для добросовестных производителей, противодействуя «серому» импорту и иным схемам недобросовестной торговли. Правовой основой такого сотрудничества выступают как международные договоры (Договор о создании Союзного государства, Таможенный кодекс ЕАЭС), так и национальное законодательство обеих стран. Создание и успешное функционирование Межгосударственного центра таможенных органов Союзного государства, проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий, гармонизация законодательства и внедрение единых механизмов контроля подтверждают, что таможенные органы эффективно справляются с вызовами современности. Дальнейшее углубление интеграции, включая планируемое создание Комитета по стандартизации и качеству Союзного государства, позволит вывести взаимодействие на качественно новый уровень и обеспечить надежную защиту экономических интересов в долгосрочной перспективе, что особенно важно в условиях сохраняющейся нестабильности мировой экономики.

Список литературы:

1. Основы таможенных законодательств государств — участников Содружества Независимых Государств: утв. Решением Совета глав государств СНГ от 10 февраля 1995 г. [Электронный ресурс] // URL: https://docs.cntd.ru/document/1900470 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: прил. № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.documentation/documents/2/ (дата обращения: 01.03.2026).

4. Шмигирилова, Л. Н. Союзное государство России и Беларуси: государственные меры поддержки приоритетных направлений сотрудничества в сфере таможенного дела / Л. Н. Шмигирилова // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы: материалы II Междунар. науч. — практ. конф., Минск, 2024. — Минск: БГУ, 2024. — С. 305 – 311.

5. Деревцова, И. В. Повышение эффективности таможенного контроля как фактор роста национальной экономической безопасности России / И. В. Деревцова, А. В. Светник // Baikal Research Journal. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 1164 – 1176.

6. Таможенными органами Беларуси пресечен международный канал поставки из Евросоюза на территорию Российской Федерации более 637 кг особо опасного психотропа 4-CMC [Электронный ресурс] // URL: https://www.customs.gov.by/news/tamozhennymi-organami-belarusi-presechen-mezhdunarodnyy-kanal-postavki-iz-evrosoyuza-na-territoriyu-/ (дата обращения: 01.03.2026).

7. О дополнительных мерах по защите единого таможенного пространства Союзного государства: Решение Высшего Государственного Совета Союзного государства № 7 от 6 декабря 2024 г. [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/ document/?guid=12551&p0=C22400007 (дата обращения: 01.03.2026).

© Вдовченко В. И., Тозик Л. М., 2026

EDN: DHJXAI

Векшин Ярослав Владимирович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
Veksina774@gmail.com

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ И САНКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается роль государственного регулирования экономики в условиях санкционного давления и внешних ограничений с позиций обеспечения экономической безопасности. Анализируются ключевые направления государственной политики, направленные на макроэкономическую стабилизацию, поддержку стратегических отраслей и снижение внешней зависимости. Особое внимание уделяется роли органов внутренних дел в защите экономических интересов и вопросам информационной безопасности.
Ключевые слова: экономическая безопасность, государственное регулирование, санкции, внешние ограничения, экономическая политика, органы внутренних дел, информационная безопасность.

Современный глобальный контекст отмечен нарастающей турбулентностью в геополитической сфере и прогрессирующим размежеванием

экономических связей на международном уровне. Под воздействием беспрецедентных по своему масштабу и охвату ограничительных мер, применяемых в отношении Российской Федерации, происходит фундаментальная перестройка принципов государственного управления экономикой. Роль государства эволюционирует от традиционного арбитра рыночных отношений до положения центрального проектировщика новой хозяйственной модели, способной обеспечить экономическую безопасность личности, общества и государства. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] определяет в качестве основных задач развитие экономического потенциала, противодействие вызовам и угрозам, включая санкционное давление, и повышение эффективности деятельности органов государственной власти, в том числе органов внутренних дел, по защите национальных экономических интересов. Необходимость разработки согласованных, стратегически обоснованных и институционально закрепленных механизмов государственного участия, призванных смягчить долгосрочные последствия изоляции и заложить основы для глубокой структурной перестройки экономики, определяет актуальность данного анализа [2].

Реагирование на вызовы, связанные с ограничением доступа к мировым финансовым рынкам, технологическими барьерами и нарушением устоявшихся производственно-логистических связей, обусловило активную вовлеченность государства во все ключевые аспекты экономической политики. Данная активность характеризуется сдвигом от тактики антикризисного реагирования к построению целостной системы стратегического управления развитием, опирающейся на внутренние ресурсы и альтернативные направления международного сотрудничества [3]. Макроэкономическая стабилизация сохраняет статус приоритетной задачи, что проявляется в проводимой консервативной бюджетной политике, направленной на сбалансированность в условиях сокращения доходов, а также в мерах денежно-кредитного регулирования, нацеленных на обеспечение стабильности национальной валюты и ликвидности банковского сектора [4]. Одновременно происходит стратегическая переориентация ресурсных потоков в сторону системообразующих и критически важных отраслей. Государственная поддержка в форме субсидий, целевого кредитования и налоговых преференций фокусируется на промышленности, агропромышленном комплексе, энергетике и логистике, способствуя реализации политики глубокого импортозамещения, конечной целью которой является создание замкнутых

научно-производственных цепочек [5]. Параллельно осуществляется радикальная перестройка внешнеэкономической деятельности, включающая диверсификацию экспортных маршрутов, стимулирование расчетов в национальных валютах и формирование параллельной финансово-логистической инфраструктуры в кооперации с альтернативными экономическими партнерами.

Важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности в условиях внешних ограничений играют органы внутренних дел. На них возложены функции по противодействию экономическим преступлениям, коррупции, хищениям бюджетных средств, а также по защите законных прав и интересов хозяйствующих субъектов. В условиях цифровизации экономики и роста киберугроз особое значение приобретает деятельность по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, связанных с хищениями, мошенничеством, неправомерным доступом к информационным системам финансовых организаций и критической инфраструктуры [6]. Как подчеркивает А. А. Нечай, информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом экономической безопасности, поскольку уязвимость информационной инфраструктуры может приводить к серьезным экономическим потерям и нарушению функционирования хозяйственных систем [7]. Разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности [8] имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных мер защиты от экономических угроз в цифровой среде, что требует от сотрудников органов внутренних дел соответствующих компетенций в области информационных технологий и кибергигиены [9].

Несмотря на интенсификацию усилий, процесс государственного регулирования сталкивается с комплексом системных ограничений, снижающих его эффективность. Ключевой проблемой остается внутренний конфликт между императивом немедленного антикризисного реагирования, такого как адресная поддержка наиболее уязвимых секторов, и стратегическими целями долгосрочной структурной перестройки, требующей масштабных капиталовложений в фундаментальные и прикладные исследования, разработки и инфраструктуру [10]. Существенным препятствием также выступают сохраняющиеся институциональные изъяны, включая избыточное административное регулирование, бюрократическую инерцию и значительную региональную дифференциацию в качестве управленческих кадров и институтов, что затрудняет реализацию даже тщательно проработанных стратегий. Дополнительным

вызовом является ограниченность бюджетных возможностей на фоне растущих социальных и оборонных расходов, а также дефицит компетенций, необходимых для управления сложными технологическими и инфраструктурными проектами в условиях внешнего давления.

Государственное регулирование экономики в контексте внешних ограничений претерпевает качественное изменение, эволюционируя от совокупности разрозненных, зачастую ситуативных антикризисных мер к построению целостной и комплексной системы долгосрочного стратегического управления, нацеленной на обеспечение экономической безопасности. Эта формирующаяся система призвана не просто нейтрализовать негативные последствия санкционного давления, но и проактивно конструировать контуры будущей экономики, обладающей устойчивостью к внешним шокам. В долгосрочной перспективе решающим фактором успеха окажется способность государства разрешить фундаментальное противоречие между двумя задачами: необходимостью оперативной стабилизации, обеспечивающей социально-экономическую устойчивость в краткосрочном периоде, и потребностью в глубокой, структурной перестройке, результаты которой будут ощутимы лишь через годы.

Преодоление данного противоречия требует выхода за пределы традиционного инструментария финансовой поддержки. Не менее критичным является последовательное и масштабное снижение административных барьеров, которые сковывают предпринимательскую инициативу и замедляют внедрение инноваций, нивелируя эффект от финансовой поддержки. Параллельно целенаправленное развитие человеческого капитала должно стать краеугольным камнем новой политики, поскольку технологический суверенитет неосуществим без квалифицированных инженеров, ученых и управленцев нового типа. Инвестиции в образование, науку и переподготовку кадров являются по своей сути инвестициями в основной источник будущего роста. Повсеместное внедрение современных цифровых инструментов управления — от анализа больших данных для мониторинга экономических процессов до платформ для оказания государственных услуг — способно кардинально повысить точность, оперативность и качество принимаемых регуляторных решений, а также укрепить взаимодействие государства, бизнеса и правоохранительных органов в сфере защиты экономических интересов.

Успешная реализация этого комплексного подхода позволит осуществить стратегический переход от оборонительной позиции к созидательной, трансформируя текущие внешние вызовы в историческую

возможность для перестройки. Результатом должно стать построение качественно новой модели национальной экономики, которая будет характеризоваться не только большей сбалансированностью и суверенностью, но и динамичностью. Модель обретет внутренний, самовоспроизводящийся источник устойчивого развития, основанный на научно-технологических прорывах, высокой производительности и конкурентоспособности несырьевых секторов, что в конечном итоге обеспечит подлинную экономическую безопасность и рост благосостояния в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Котиков П. Е., Нечай А. А. Решение проблемы управления параллельным выполнением транзакций в распределенных базах данных для устранения опасной противоречивости // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2015. № 2. С. 62 – 64.

3. Мау В. А. Экономическое развитие и роль государства в условиях внешних ограничений // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 5 – 21.

4. Силуанов А. Г. Бюджетная политика в условиях санкционного давления // Финансы. 2023. № 1. С. 3 – 9.

5. Глазьев С. Ю. Государственная экономическая политика в условиях санкций // Экономические стратегии. 2022. № 4. С. 6 – 16.

6. Нечай А. А., Ничагина А. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4(108). С. 251 – 261.

7. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

8. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

9. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

10. Татаркин А. И. Государственное регулирование и структурная трансформация экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3. С. 12 – 26.

© *Векшин Я. В., 2026*

EDN: EKYCSX

Воронин Данила Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vord.spb@gmail.com

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. В условиях обострения геополитической обстановки и расширения санкционного давления технологический суверенитет становится ключевым фактором экономической безопасности России. В статье раскрывается сущность понятия «технологический суверенитет», его роль в обеспечении устойчивости экономики, защите критической инфраструктуры и снижении внешней зависимости. Особое внимание уделяется вопросам информационной безопасности, кибербезопасности и роли органов внутренних дел в противодействии экономическим угрозам в цифровой среде.

Ключевые слова: технологический суверенитет, экономическая безопасность, санкции, импортозамещение, информационная безопасность, кибербезопасность, органы внутренних дел, критическая информационная инфраструктура.

Кардинальное обострение международной обстановки и введение беспрецедентных ограничительных мер против Российской Федерации обозначили переход к новой фазе глобального противостояния, где технологическая сфера стала ключевым театром действий. Традиционное понимание экономической безопасности, сфокусированное преимущественно на макроэкономических показателях и устойчивости финансовой системы, оказалось недостаточным. Внезапный разрыв цепочек поставок, отключение от зарубежных программных платформ и прекращение технической поддержки критической инфраструктуры продемонстрировали, что технологическая зависимость сама по себе представляет стратегическую угрозу экономической безопасности высшего порядка. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] прямо относит к основным вызовам и угрозам усиление конкуренции за доступ к ресурсам и технологиям, а также недостаточный уровень развития национальной инновационной системы. В этом контексте обеспечение технологического суверенитета — способности страны к независимому развитию, производству и контролю над полным циклом жизнедеятельности стратегически значимых технологий — трансформировалось из долгосрочной цели в насущную необходимость для защиты экономических интересов личности, общества и государства. Настоящее исследование посвящено анализу технологического суверенитета как системообразующего компонента экономической безопасности России, оценке текущих вызовов и характеристике формирующейся государственной политики в ответ на санкционное давление.

Технологический суверенитет не следует сводить к упрощённой формуле импортозамещения. Это комплексное состояние национальной экономики и научно-промышленного комплекса, которое обеспечивает устойчивость и конкурентоспособность в условиях внешнего принуждения. Его ядром является потенциал к созданию завершённых технологических цепочек — от фундаментальных научных исследований и разработки архитектурных решений до серийного выпуска готовых изделий и их последующего обслуживания. Санкции 2022 года и последующих лет выполнили роль стресс-теста, выявившего глубину системных уязвимостей, напрямую влияющих на экономическую безопасность. Наиболее критичными оказались зависимости в микроэлектронике, промышленном программном обеспечении для автоматизированного проектирования (CAD/CAM/CAE) и управления предприятиями (ERP),

а также в элементной базе для телекоммуникационного оборудования. Эти зависимости создают риски для бесперебойного функционирования предприятий, срыва производственных программ, утраты конкурентоспособности и, в конечном счете, подрыва экономической безопасности.

Параллельно с материально-техническими ограничениями резко обострилась проблема кибербезопасности. Отключение российских ресурсов от зарубежных сервисов, наряду с ростом числа и сложности целенаправленных кибератак, поставило под вопрос непрерывность функционирования финансовой системы, энергетики, транспорта и государственного управления. Это подтвердило, что технологический суверенитет неотделим от цифрового и включает в себя обеспечение безопасности и отказоустойчивости национального сегмента интернета и всех компонентов критической информационной инфраструктуры. Как подчеркивает А. А. Нечай, информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом экономической безопасности, поскольку уязвимость информационной инфраструктуры может приводить к серьезным экономическим потерям, нарушению работы хозяйствующих субъектов и утечке конфиденциальной информации [2]. Разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности [3] имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных мер защиты от экономических угроз в цифровой среде, что требует от сотрудников органов внутренних дел соответствующих компетенций в области информационных технологий и кибергигиены [4].

Первоначальный ответ на вызовы носил в значительной степени реактивный характер и был сосредоточен на оперативном замещении ушедших с рынка иностранных решений. Однако постепенно происходит переход к выработке проактивной и системной стратегии, направленной на укрепление экономической безопасности. Государство выступает в роли основного регулятора, заказчика и катализатора процессов. В рамках этой стратегии можно выделить несколько взаимосвязанных направлений. Принимаются законы и подзаконные акты, стимулирующие переход государственных органов и компаний из стратегически важных отраслей на отечественное программное обеспечение и оборудование. Вводятся механизмы финансовой и налоговой поддержки российских IT-разработчиков и промышленных предприятий, реализующих проекты по импортозамещению. Эти меры напрямую влияют на экономическую безопасность, снижая зависимость от импортных технологий и создавая условия для устойчивого развития.

Ключевым примером является развитие национальной облачной платформы «ГосОблако». Её цель — консолидировать информационные системы государственных органов на защищённой отечественной инфраструктуре, обеспечив не только суверенитет данных, но и единые стандарты безопасности. Аналогичные инициативы реализуются в частном секторе, где крупнейшие российские технологические компании развивают собственные облачные экосистемы. Это создает основу для защиты критической информационной инфраструктуры, отказоустойчивость которой является одним из условий экономической безопасности. Реализуемая модель «оборотных» штрафов за утечки персональных данных призвана радикально повысить уровень защиты информации как в государственном, так и в корпоративном секторе, сделав безопасность не формальным требованием, а основой бизнес-модели. Здесь важную роль играют органы внутренних дел, которые выявляют и расследуют преступления в сфере компьютерной информации, связанные с неправомерным доступом, хищениями, мошенничеством и иными посягательствами на информационные ресурсы, имеющие экономическое значение [5].

Вынужденная переориентация стимулировала взрывной рост отечественного IT-сектора, особенно в области информационной безопасности, облачных вычислений и корпоративного программного обеспечения. Освободившиеся рыночные ниши заняли российские компании, демонстрирующие высокие темпы развития. Однако количественный рост сопровождается рядом качественных проблем. Рынок столкнулся с фрагментацией технологических стандартов: многообразие появившихся отечественных операционных систем, офисных пакетов и платформ создаёт сложности с их интеграцией и взаимной совместимостью. Это, в свою очередь, порождает риски для экономической безопасности, связанные с неэффективным использованием ресурсов и потенциальными уязвимостями в условиях отсутствия единых стандартов.

Обеспечение технологического суверенитета невозможно без подготовки квалифицированных кадров, способных разрабатывать, внедрять и обслуживать отечественные технологии, а также защищать их от киберугроз. Это касается не только инженеров и IT-специалистов, но и сотрудников правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел, на которых возложены функции по противодействию преступлениям в сфере экономики и компьютерной информации. Как отмечает А. А. Нечай, формирование профессиональной компетентности

в области информационной безопасности должно осуществляться на основе структурно-функциональных моделей, интегрирующих юридические, технические и организационные знания [6]. Подготовка специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации требует включения в образовательные программы модулей, формирующих навыки работы с большими данными, понимания логики формирования цифровых следов и умения интерпретировать результаты автоматизированного анализа [7]. Обеспечение технологического суверенитета представляет собой сложнейшую многомерную задачу, стоящую перед Россией в условиях жёсткого внешнего давления, и является ключевым фактором экономической безопасности. Первоначальный этап, характеризующийся реактивным замещением и адаптацией, постепенно сменяется фазой формирования долгосрочной национальной стратегии. Её основными компонентами являются построение сбалансированной системы государственного стимулирования и регулирования, переход от фрагментарных решений к созданию целостных, конкурентоспособных технологических платформ, активное формирование новых международных технологических альянсов и коренная модернизация системы подготовки кадров, включая подготовку специалистов для органов внутренних дел. Реализация этой стратегии позволит не только нейтрализовать угрозы, порождённые санкциями, но и создать прочный фундамент для устойчивого, независимого и инновационного развития страны, обеспечив тем самым экономическую безопасность личности, общества и государства. Технологический суверенитет, таким образом, перестаёт быть лишь фактором обеспечения национальной безопасности — он становится её новым содержанием и экономической основой.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

3. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы

международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

4. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

5. Нечай А. А., Ничагина А. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4(108). С. 251 – 261.

6. Нечай А. А. Формирование профессиональных компетенций будущего учителя информатики в области информационной безопасности в условиях цифровизации образования: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. 2023. 193 с.

7. Калиниченко С. В., Котиков П. Е., Нечай А. А. Решение репликационных проблем в базах данных для повышения устойчивости программного обеспечения автоматизированных систем // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2017. № 4. С. 18 – 21.

© Воронин Д. А., 2026

EDN: AAEVBJ

Вырасткова Валентина Витальевна
командир отделения
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vyrastkovavvv@mail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется проблема разграничения общего мошенничества (ст. 159 УК РФ) и мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) с точки зрения их влияния на экономическую безопасность. На основе анализа судебной практики выявляется ключевой критерий разграничения — способ совершения преступления (автоматическое хищение после вмешательства в работу ЭВМ либо «ручное» управление переводом). Обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства для повышения эффективности противодействия киберугрозам, наносящим ущерб экономике. Предложения направлены на унификацию судебной практики и усиление защиты прав потерпевших.
Ключевые слова: экономическая безопасность, мошенничество, компьютерная информация, киберпреступность, квалификация преступлений,

судебная практика, информационная безопасность, противодействие киберугрозам.

Стремительная цифровизация финансовых и государственных услуг привела к появлению новых, технологически сложных способов совершения преступлений, наносящих существенный урон экономической безопасности личности, общества и государства. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] относит к основным вызовам и угрозам сохранение значительной доли теневой экономики и условий для криминализации хозяйственно-финансовой деятельности, включая преступления в сфере компьютерной информации. Это порождает значительные сложности в правоприменительной практике, связанные с точной квалификацией деяний. Особую актуальность приобретает проблема разграничения общего состава мошенничества и мошенничества в сфере компьютерной информации [2]. Отсутствие в законе детализированных критериев и стремительная эволюция преступных схем часто приводят к спорным судебным решениям, где грань между простым использованием цифровых данных и непосредственным воздействием на компьютерную информацию оказывается размытой, что снижает эффективность борьбы с экономическими преступлениями. Настоящий анализ посвящен исследованию этой проблемы на основе конкретных примеров из судебной практики, что позволяет выявить противоречия в квалификации и обозначить необходимые векторы для совершенствования уголовного законодательства в целях укрепления экономической безопасности.

В судебной и следственной практике одной из актуальных проблем является четкое разделение общего состава мошенничества (ст. 159 УК РФ) и мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Так, приговором Новолакского районного суда Республики Дагестан от 14 апреля 2025 года по делу № 1-26/2025 в совершении совокупности преступлений по ч. 1 ст. 159.6, ч. 2 ст. 272, ч. 3 ст. 30-п. «б» ч. 3 ст. 156.6, ч. 2 ст. 272 УК РФ признан виновным М.Р.Р., который приобрел аккаунт от учетной записи Госуслуг, зарегистрированный на В.А.Н., а также пароль от него [3]. Затем через личный кабинет Госуслуг В. А.Н. направил в адрес ООО МФК «Триумвират» от имени В.А.Н. онлайн-заявку на получение займа. М.Р.Р. изменил компьютерную информацию, указав, в том числе, реквизиты другой банковской карты и сумму займа в размере 5 000 рублей, с целью получения указанной

суммы денежных средств. В результате неправомерного доступа М.Р.Р. к охраняемой законом компьютерной информации в ЛК Госуслуг, произошли изменения, а именно оформление и подача от имени В.А.Н. онлайн-заявки (электронного заявления) на получение потребительского займа… что повлекло модификацию охраняемой законом компьютерной информации. Проанализировав данное решение по уголовному делу, возникает вопрос, является ли получение доступа к аккаунту Госуслуг и формирование заявки на получение денег и их похищение у кредитной организации компьютерным мошенничеством?

Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: когда хищение совершается путем использования учетных данных независимо от способа получения доступа к таким данным, такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, происшедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием. В исследуемом случае мошеннику по одному из эпизодов продали аккаунт умершего человека, от имени которого он хотел получить кредит в банке ВТБ. Служба безопасности банка заметила подозрительную активность у усопшего клиента, а именно попытку подать заявку на кредит. По нашему мнению, этого достаточно, чтобы понять — фигурант не совершил 159.6. В его действиях усматриваются признаки ст. 159 УК РФ, так как денежные средства были похищены у кредитной организации, однако если бы осужденный похитил денежные средства у физических лиц, квалификация была бы иная, а именно п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Таким образом, неправильная квалификация может привести к неверной оценке общественной опасности деяния и, как следствие, к неадекватной мере наказания, что подрывает экономическую безопасность, поскольку не обеспечивает должного сдерживания преступников.

Рассмотрим еще один случай, а именно приговор Лефортовского районного суда города Москвы по делу № 01-0018/2024 от 24 июня 2024 года: «Хомченко, являясь администратором букмекерской конторы, зарегистрировал аккаунты по купленным в ТГ паспортам, затем через модуль управления спортивным событием вводил заведомо ложную

информацию о возможности приема интерактивных ставок и о размерах их коэффициентов на уже свершившееся с заранее известным исходом спортивное событие указал прием ставки с коэффициентом 4,2…» [4]. В данном случае фигурант дела был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 159.6, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В данном случае очевидно правильной кажется квалификация деяния Хомченко, поскольку ключевым и обязательным элементом преступления стало непосредственное вмешательство в работу информационной системы путем ввода ложных данных. Если бы обман был совершен, например, через устные заверения сотрудника клиенту без изменения данных в системе, применялась бы ст. 159 УК РФ. Здесь же обман был реализован и материализован именно через манипуляции с компьютерной информацией, что создало видимость легитимно реализованной операции в системе. Для экономической безопасности важно, что подобные преступления подрывают доверие к легальному игорному бизнесу и финансовым операциям, создавая риски для добросовестных участников рынка.

Приведем еще один пример квалификации по ст. 159.6 УК РФ. Так, Лефортовский районный суд города Москвы вынес приговор в отношении лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159.6 УК РФ, которые в составе организованного преступного сообщества, используя созданное ими программное обеспечение, заставляли банки-эмитенты возвращать (отменять) уже завершенные легальные операции по картам — снятие наличных в банкомате [5]. В результате использования уязвимостей антифрод систем баланс карты «восстанавливался», хотя денежные средства банкомат уже выдал. Это прямое вмешательство в работу компьютерной системы банка, повлекшее хищение средств, что наносит прямой ущерб экономике.

Стоит отметить, что определяющим критерием разграничения описанных выше составов является способ совершения преступления. Одной из ключевых причин проблем квалификации и разграничения смежных составов является отсутствие в российском законодательстве четкого определения компьютерного мошенничества. Для устранения возникающих на практике противоречий и сложностей в разграничении преступлений требуется соответствующее развитие и детализация уголовного законодательства, а именно — дополнение ст. 159.6 УК РФ термином компьютерного мошенничества. Нам видится, что компьютерное мошенничество предполагает участие человека только на стадии

вмешательства в функционирование ЭВМ, после этого хищение денежных средств происходит без его участия, автоматически. Если виновный вводит команды на перевод денежных средств «физически», его действия образуют «обычные», некомпьютерные хищения.

Правильная квалификация данных преступлений напрямую влияет на эффективность противодействия им, что является важным условием обеспечения экономической безопасности. Как отмечает А. А. Нечай, формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих специалистов, в том числе сотрудников органов внутренних дел, играет ключевую роль в борьбе с киберпреступностью [6]. Современный следователь и дознаватель должны не только знать уголовное законодательство, но и разбираться в технических аспектах функционирования информационных систем, чтобы верно квалифицировать деяния и собирать доказательства. Кроме того, автоматизация процессов проверки знаний и компетенций в области информационной безопасности [7] может способствовать повышению качества подготовки кадров для подразделений, расследующих экономические преступления в цифровой среде.

Унификация судебной практики и совершенствование уголовного закона в части определения компьютерного мошенничества будут способствовать более эффективной защите прав потерпевших — граждан и организаций, укреплению законности и, как следствие, повышению уровня экономической безопасности. Предложенное дополнение ст. 159.6 УК РФ соответствующим термином позволит избежать ошибок в квалификации и обеспечить неотвратимость наказания за преступления, совершаемые с использованием современных технологий.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

3. Приговор № 1-26/2025 от 13 апреля 2025 г. по делу № 1-26/2025 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/DMQMgKcBJQml/ (дата обращения: 27.01.2026).

4. Приговор Лефортовского районного суда города Москвы по делу № 01-0018/2024 от 24 июня 2024 года [Электронный ресурс] // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/criminal/details/2ffa0bc0-ce38-11ed-9f54-a71dc0dae92b (дата обращения: 03.03.2026).

5. Аппеляционный приговор № 10-17535/2022 28 сентября 2022 года [Электронный ресурс] // URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/dd2d55a0-1d48-11ed-b4bb-75c5b0cf20a4 (дата обращения: 03.03.2026).

6. Нечай А. А. Формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих учителей информатики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. С. 114 – 124.

7. Нечай А. А. Автоматизация проверки знаний при оценке сформированности профессиональных компетенций по информационной безопасности // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: Материалы II Всероссийской научной конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 261 – 266.

© *Вырасткова В. В., 2026*

EDN: AECHGU

Гарипов Нияз Наилевич
заместитель командира взвода
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
niyaz.garipov.2005@mail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются юридические технологии противодействия коррупции как важнейший инструмент обеспечения экономической безопасности. Анализируются сущностные признаки, виды и проблемы реализации антикоррупционных технологий в деятельности органов внутренних дел. Особое внимание уделяется цифровой трансформации антикоррупционного инструментария и его роли в защите экономических интересов личности, общества и государства.
Ключевые слова: экономическая безопасность, коррупция, юридические технологии, противодействие коррупции, органы внутренних дел, цифровизация, антикоррупционный комплаенс.

Коррупция традиционно рассматривалась сквозь призму уголовного права и криминологии, что предопределяло доминирование репрессивных мер в арсенале государства. Однако к началу XXI века стало

очевидным: ставка исключительно на наказание не приводит к ожидаемому результату. Коррупционные практики адаптируются, уходят в тень, приобретают трансграничный и цифровой характер, нанося существенный урон экономической безопасности страны. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] прямо относит коррупцию к основным вызовам и угрозам, подчеркивая необходимость совершенствования механизмов противодействия ей. В этих условиях закономерно смещение акцентов с постделиктного реагирования на превенцию, с разрозненных запретов — на системно организованные процедуры. Именно здесь категория «юридическая технология» обретает эвристическую ценность. В отличие от юридической техники, фиксирующей набор средств, технология предполагает ответы на вопросы о целях, последовательности операций, субъектах, сроках и критериях эффективности. Применительно к противодействию коррупции технологический подход позволяет преодолеть фрагментарность антикоррупционного механизма, разрозненность усилий различных ведомств и уровней власти, что непосредственно влияет на состояние защищенности экономики. Цель настоящей статьи — выявить сущностные характеристики юридических технологий противодействия коррупции, их видовое разнообразие и определить направления совершенствования в контексте обеспечения экономической безопасности.

Исследование опирается на диалектический метод, позволивший рассмотреть антикоррупционные технологии в единстве их формально-юридических и содержательных характеристик, а также в развитии — от преимущественно запретительных моделей к превентивно-регулятивным. Формально-юридический метод применен при анализе нормативных правовых актов, регламентирующих антикоррупционные процедуры: Федерального закона «О противодействии коррупции», национальных планов противодействия коррупции, ведомственных приказов. Метод правового моделирования использован для экстраполяции общих закономерностей управления социально-экономическими системами в условиях неопределенности на антикоррупционную деятельность [2]. Системно-структурный метод обеспечил рассмотрение юридических технологий как целостного образования. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить технологические решения, реализуемые в различных ведомствах.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что юридические технологии противодействия коррупции, будучи неотъемлемым элементом

системы экономической безопасности, обладают рядом сущностных признаков. Первый признак — целевая направленность на защиту экономических интересов. Каждая антикоррупционная технология ориентирована на достижение конкретного, измеримого результата: снижение уровня коррупционных рисков в сфере распределения бюджетных средств, сокращение сроков оказания государственных услуг, уменьшение доли теневой экономики. Второй признак — алгоритмичность, предполагающая строгую последовательность операций (например, порядок проведения проверки достоверности сведений о доходах). Третий признак — субъектная определенность: за каждой операцией закреплен конкретный исполнитель, включая подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел. Четвертый признак — ресурсная обеспеченность (кадровые, финансовые, информационные ресурсы). Пятый признак — контролируемость и корректируемость, позволяющие оценивать промежуточные результаты и вносить изменения для повышения эффективности защиты экономики.

Видовое многообразие антикоррупционных юридических технологий может быть классифицировано по различным основаниям. По стадиям правового регулирования выделяются: правотворческие технологии (антикоррупционная экспертиза нормативных актов, мониторинг правоприменения); правоприменительные технологии (декларирование доходов и расходов, проверка достоверности сведений, урегулирование конфликта интересов, служебные проверки); интерпретационные технологии (разъяснения судов по вопросам квалификации коррупционных правонарушений, наносящих ущерб экономике); правореализационные технологии (уведомление о склонении к коррупции, общественный контроль за использованием государственных средств). По субъектному составу можно дифференцировать технологии, реализуемые специализированными антикоррупционными органами (в том числе подразделениями ЭБиПК МВД России), ведомственные антикоррупционные технологии, корпоративные антикоррупционные технологии и общественные антикоррупционные технологии. Особую группу образуют комплексные технологии, предполагающие взаимодействие различных субъектов, — например, технология независимой антикоррупционной экспертизы, позволяющая выявлять коррупциогенные факторы в проектах нормативных актов, регулирующих экономическую деятельность.

Важнейшей тенденцией современного этапа выступает цифровая трансформация антикоррупционных технологий, имеющая прямое

отношение к экономической безопасности. Внедрение информационных систем позволяет автоматизировать сбор и анализ деклараций о доходах, выявлять аномалии в финансовых потоках, отслеживать перемещение бюджетных средств. Исследователи справедливо подчеркивают, что любая цифровизация управленческих процессов должна сопровождаться выработкой четких регламентов защиты информации и распределения ответственности за ее сохранность [3]. В противном случае технология, призванная снижать коррупционные риски, сама порождает новые уязвимости. Столь же значимой представляется позиция о цифровой грамотности как базовой компетенции, без которой невозможно полноценное использование цифровых антикоррупционных инструментов ни государственными служащими, ни гражданами [4]. Этот вывод корреспондирует с более общей идеей о необходимости создания учебных полигонов и ситуационных центров, моделирующих реальные профессиональные задачи [5]. Применительно к антикоррупционной подготовке сотрудников органов внутренних дел такой полигон мог бы имитировать деятельность подразделений экономической безопасности в условиях цифровой трансформации, что существенно повысило бы качество кадрового обеспечения.

Особого внимания заслуживают технологии ведомственного и корпоративного антикоррупционного комплаенса. В отличие от публично-правовых механизмов, ориентированных на внешний контроль, комплаенс предполагает выстраивание внутренних процедур, минимизирующих риски вовлечения организации и ее сотрудников в коррупционные отношения. Для хозяйствующих субъектов это означает защиту от репутационных и финансовых потерь, что напрямую влияет на их экономическую безопасность. В зарубежной практике комплаенс-технологии давно стали стандартом для крупных корпораций; в России их внедрение, особенно в государственных корпорациях и компаниях с государственным участием, активизировалось в последние годы. Появление специализированных государственных информационных систем, таких как ГИС «Посейдон», создает технологическую основу для принципиально иного уровня контроля за движением бюджетных средств и государственного имущества [6]. Однако потенциал этих систем реализуется далеко не полностью, что обусловлено как техническими проблемами, так и отсутствием детальных административных регламентов их использования [7].

Дискуссионным остается вопрос о критериях эффективности антикоррупционных юридических технологий в контексте экономической

безопасности. Традиционные показатели — количество возбужденных уголовных дел, число осужденных, сумма изъятых средств — отражают скорее интенсивность репрессивной деятельности, нежели реальное снижение коррупционных угроз для экономики. Исследователи предлагают ориентироваться на показатели, фиксирующие снижение коррупционных рисков: сокращение сроков оказания государственных услуг, уменьшение доли граждан и предпринимателей, сталкивавшихся с вымогательством, повышение индекса восприятия коррупции, рост собираемости налогов и эффективности бюджетных расходов [8]. Система оценки эффективности должна быть многоуровневой и включать как объективные статистические данные, так и результаты социологических опросов, а также экспертные оценки.

Цифровизация не только создает новые инструменты контроля, но и порождает новые виды коррупционных практик: манипуляции с электронными торгами, использование инсайдерской информации в криптовалютных операциях, коррупционные риски при разработке и внедрении государственных информационных систем [9]. Адекватный ответ на эти вызовы требует формирования специализированных юридических технологий, интегрирующих правовые и технические знания, а также усиления роли органов внутренних дел в выявлении и расследовании таких преступлений. Важное значение приобретает неформальный социальный контроль коррупционных отношений, который в цифровой среде может реализовываться через краудсорсинговые платформы, сетевые сообщества, независимые рейтинги [10]. Формальные, юридически регламентированные меры недостаточны, если они не дополняются механизмами общественной оценки и морального осуждения коррупционного поведения.

Проведенное исследование позволяет переосмыслить сложившиеся представления об антикоррупционном механизме в системе экономической безопасности. Традиционная модель, центрированная на уголовном преследовании, уступает место более сложной, многосубъектной и многоуровневой системе, где репрессивные технологии сосуществуют с превентивными и регулятивными, публично-правовые — с частноправовыми и корпоративными, юридические — с информационно-технологическими. Это порождает ряд проблем: необходимость согласования различных технологий в единый цикл, кадровое обеспечение (подготовка специалистов, владеющих современными антикоррупционными и цифровыми компетенциями), разработка валидных методик оценки

эффективности. Особую роль в решении этих задач призваны играть органы внутренних дел, которые не только реализуют правоприменительные технологии, но и участвуют в правотворчестве, мониторинге и координации антикоррупционной деятельности.

Юридические технологии противодействия коррупции представляют собой самостоятельный, динамично развивающийся сегмент правовой системы, непосредственно влияющий на состояние экономической безопасности. Их сущностными признаками выступают целевая направленность, алгоритмичность, субъектная определенность, ресурсная обеспеченность и контролируемость. Ключевой вектор современного этапа — цифровая трансформация антикоррупционного инструментария, сопряженная как с новыми возможностями для защиты экономики, так и с новыми рисками. Дальнейшее развитие этих технологий должно быть направлено на их интеграцию, повышение кадрового потенциала и совершенствование критериев эффективности в соответствии со Стратегией экономической безопасности.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Андреев А. В., Гомазов Ф. А., Грачев М. И. Метод управления социально-экономическими системами в условиях неопределенности // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 1. С. 405 – 408.

3. Нечай А. А. Формирование безопасной информационной среды // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 4(25). С. 43 – 44.

4. Нечай А. А. Цифровая грамотность как составляющая базовых компетенций учителя и ученика // XXVI Царскосельские чтения: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19 – 20 апреля 2022 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2022. С. 350 – 353.

5. Беженцев А. А., Бурлов В. Г., Грачев М. И. Внедрение новых информационных технологий в образовательный процесс на основе использования учебных полигонов мониторинговый центр и ситуационный центр // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2020. Т. 14. № 7. С. 36 – 41.

6. Шамехина Э. В. Государственная информационная система «Посейдон» как новый инструмент противодействия коррупции // Енисейские политико-правовые чтения. 2022. С. 198 – 203.

7. Шамехина Э. В. Новые формы коррупции в условиях цифровизации общества // Енисейские политико-правовые чтения. 2023. С. 203 – 208.

8. Зубарев С. М. Новые технологии общественного контроля: реальность или иллюзия? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 43. С. 72 – 93.

9. Искалиев Р. Г., Телков А. В. К вопросу о противодействии преступлениям экономической и коррупционной направленности, совершаемым с использованием IT-технологий // Закон и право. 2021. № 11. С. 118 – 123.

10. Ардельянова Я. А. Направления и меры неформального социального контроля коррупционных отношений // The scientific heritage. 2025. № 170. С. 91 – 93.

© Гарипов Н. Н., 2026

EDN: AIHVHH

Генералов Александр Андреевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
aleksandrgeneralov332@gmail.com

Научный руководитель:
Соболева Владислава Олеговна
преподаватель кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vladislava_soboleva@vk.com

ПРОКРАСТИНАЦИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДЫ БОРЬБЫ

Аннотация. В статье анализируются методы и способы борьбы с прокрастинацией в образовательных учреждениях МВД России. Раскрываются ключевые понятия и причины развития прокрастинации, её связь с угрозами экономической безопасности страны. Рассматриваются методы и формы воспитательной и учебной работы с курсантами, критерии их эффективности. Особое внимание уделяется практическим способам преодоления прокрастинации, в том числе методу самопоощрения, концентрации внимания на приоритетных задачах и роли дисциплинированности в профессиональной подготовке будущих сотрудников органов внутренних дел.
Ключевые слова: прокрастинация, самопоощрение, мотивация, экономическая безопасность.

В современных условиях профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел требует не только формирования

специальных знаний и навыков, но и воспитания волевых качеств личности, способности к самоорганизации и управлению собственным временем. Одним из наиболее распространённых препятствий на этом пути выступает явление прокрастинации — систематического откладывания выполнения задач на более поздний срок, несмотря на осознание их важности и срочности. В контексте образовательных учреждений МВД России данная проблема приобретает особую актуальность, поскольку последствия прокрастинации выходят за рамки индивидуальной успеваемости и способны оказывать негативное воздействие на качество подготовки специалистов в сфере обеспечения экономической безопасности государства.

Термин «прокрастинация» происходит от латинского crastinum — «завтрашний» и pro — «впереди», обозначая склонность к откладыванию дел. В научной литературе выделяют несколько её типов: академическую, бытовую и принятия решений. Как отмечает Маковецкая Е. Н., «прокрастинация представляет собой сложное социально-психологическое явление, которое включает в себя когнитивные, поведенческие, эмоциональные и другие компоненты. Кроме того, прокрастинация напрямую связана с мотивационной сферой» [4]. Применительно к курсантам наибольшую угрозу представляет академическая прокрастинация — откладывание обучающимися выполнения заданий или подготовки к экзаменам. В контексте изучения личности курсантов откладывание дел на потом нередко связано с перфекционизмом. Стремление курсантов к идеальному выполнению служебных задач, сочетающееся со страхом неудачи, способно снизить волевую активность обучающегося, приводя к хронической прокрастинации.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, определяет состояние защищённости национальной экономики от внутренних и внешних угроз как приоритетное направление государственной политики [1]. В этой связи важно осмыслить, каким образом явление прокрастинации в образовательной среде способно выступать одним из факторов, опосредованно подрывающих основы экономической безопасности государства.

Связь прослеживается через кадровый потенциал. Сотрудники органов внутренних дел, ответственные за противодействия экономическим преступлениям, налогового мошенничества, незаконного оборота финансовых средств, должны обладать высоким уровнем критического

мышления, профессионализмом и способностью к систематической работе. Прокрастинация, закрепившаяся как модель поведения ещё в годы учёбы, ведёт к формированию инертного специалиста, склонного затягивать принятие решений, откладывать исполнение поручений, что в условиях реальной служебной деятельности прямо снижает эффективность борьбы с экономическими угрозами.

Таким образом, борьба с прокрастинацией в учебных заведениях МВД России — не только педагогическая задача, но и вопрос обеспечения кадровой составляющей экономической безопасности страны.

Обучение в университете МВД России существенно отличается от гражданского высшего образования. Курсанты совмещают учёбу с несением службы, суточными нарядами, строгой регламентацией распорядка дня и дисциплинарными требованиями. Данные условия формируют специфические психологические состояния, создающие благоприятную почву для развития прокрастинации. Положение об организации самостоятельной работы обучающихся, разработанное в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], обязывает курсантов заниматься учебной деятельностью на самоподготовке в соответствии с приказом МВД России от 19 сентября 2022 г. № 689 [3]. Тем не менее преобладающая часть обучающихся сталкивается с проблемой систематического откладывания учебных задач.

Проведённый анкетный опрос среди курсантов факультета подготовки финансово-экономических кадров Санкт-Петербургского университета МВД России показал следующее: 68 % опрашивающих признают, что регулярно откладывают выполнение учебных заданий, из них 31 % — систематически. Среди наиболее часто называемых причин: накопившаяся усталость от совмещения службы и учёбы — 74 %, отсутствие самой мотивации — 61 %, тревожность перед большим количеством заданий — 48 %, перфекционизм — 35 %. Полученные данные подтверждают, что прокрастинация в среде курсантов — это не случайное явление, а устойчивая поведенческое направление, требующее системного педагогического и организационного реагирования.

В научной литературе методы преодоления прокрастинации принято разделять на три основные группы: когнитивно-поведенческие, организационные и мотивационные [5]. Применительно к условиям образовательных учреждений МВД России представляется целесообразным рассмотреть как испытанные, так и авторски адаптированные подходы.

1. Метод декомпозиции задач, техника «малых шагов». Данный подход предполагает разбивку крупного учебного задания на ряд последовательных небольших этапов с чётко определёнными временными рамками для каждого. Психологически значимый результат достигается за счёт того, что каждый завершённый этап формирует ощущение продвижения вперёд и снижает тревожность перед масштабом задачи. В условиях самоподготовки курсантам может быть предложено самостоятельно составлять план работы на каждый учебный вечер с разбивкой по 25 – 30 минут метод «Pomodoro», что соответствует рекомендациям отечественных специалистов в области управления учебным временем [6].

2. Метод группового обучения с элементами соревнования. На самоподготовке предлагается разделение учебной группы на микрогруппы по 4 – 5 человек, каждая из которых самостоятельно выбирает дисциплину для подготовки. Ключевой элемент данного метода — чередование ролей, то есть каждый курсант поочерёдно сможет выступить в роли «преподавателя», объясняя материал, и в роли «обучаемого», отвечая на вопросы. Введение системы внутригрупповых оценок и еженедельного рейтинга активности создаёт мотивацию, основанную на конкуренции. Подобный подход согласуется с концепцией коллаборативного обучения, доказавшей свою эффективность в снижении уровня академической прокрастинации [7].

3. Метод «внешней среды». В ряде зарубежных исследований отмечается феномен так называемых «антикафе» или «кафе для продуктивности», получивших широкое распространение в Китае и Японии [8]. Человек, страдающий от прокрастинации, приходит в специальное заведение, оплачивает время пребывания и работает под ненавязчивым социальным контролем. Для условий образовательного учреждения МВД России данный принцип может быть адаптирован следующим образом: взвод заранее договаривается с руководством о совместном выезде в спокойное общественное место, такое как библиотека или читальный зал, для самоподготовки вне расположения. Психологический механизм следующий: затраченные усилия на перемещение формируют установку «не потратить время зря», что повышает вовлечённость в учебный процесс.

4. Метод визуализации последствий и ответственности. Данный когнитивный приём состоит в осознанной фиксации курсантом как ближних, так и отдалённых последствий прокрастинации. В рамках воспитательных занятий и индивидуальных бесед с преподавателями

и командирами подразделений целесообразно обсуждать профессиональные риски, которые несёт в себе привычка откладывать принятие решений в контексте будущей служебной деятельности сотрудника полиции. Данный метод апеллирует к профессиональной идентичности курсанта и его служебному долгу.

5. Метод самопоощрения. Метод самопоощрения занимает особое место среди способов борьбы с прокрастинацией и заслуживает развёрнутого рассмотрения. В основе данного метода лежит принцип оперантного обусловливания: желаемое поведение закрепляется посредством положительного подкрепления, которое человек организует для себя самостоятельно [9]. Применительно к учебному процессу курсантов это означает формирование персональной системы вознаграждений за выполненные задачи: после завершения запланированного объёма самоподготовки курсант предоставляет себе заранее оговорённое «поощрение» — свободное время, любимое занятие, звонок близким, просмотр интересного контента.

Важным условием эффективности метода самопоощрения является его структурированность. Поощрение должно быть определено заранее, быть пропорциональным объёму выполненной работы и предоставляться строго после, а не до завершения задачи. Нарушение этого условия превращает метод в инструмент самооправдания прокрастинации. Исследования показывают, что регулярное применение самопоощрения повышает субъективную ценность выполняемой деятельности и постепенно перестраивает мотивационную систему обучающегося от внешнего принуждения к внутренней мотивации [10]. В условиях высокой служебной нагрузки, характерной для образовательных учреждений МВД России, данный метод приобретает особую ценность: он не требует дополнительных организационных ресурсов и может применяться курсантом самостоятельно.

На уровне подразделения метод самопоощрения может быть институционализирован: по итогам недели командиры отделений публично отмечают курсантов, добросовестно выполнивших план самоподготовки, предоставляя им дополнительное свободное время или иные нематериальные привилегии в рамках установленного распорядка. Сочетание индивидуального и коллективного самопоощрения создаёт синергетический эффект, усиливающий групповую учебную мотивацию.

Эффективность применения методов борьбы с прокрастинацией может оцениваться по комплексу взаимосвязанных показателей.

Поведенческий критерий отражает динамику своевременности сдачи учебных заданий, посещаемости и активности на самоподготовке. Мотивационный критерий выявляется посредством периодического анкетирования и включает оценку субъективного ощущения продуктивности и удовлетворённости учёбой. Дисциплинарный критерий фиксирует снижение числа нарушений распорядка дня, связанных с учебной деятельностью. Академический критерий выражается в динамике успеваемости и качестве выполнения контрольных и зачётных работ.

Совместное применение всех перечисленных методов формирует единую воспитательную систему, направленную не только на борьбу с симптомами прокрастинации, но и на устранение её скрытых причин — низкой самооценки, страха неудачи, отсутствия понятных целей. Именно совокупный подход, сочетающий организационные меры, когнитивные техники и методы самомотивации, включая самопоощрение, представляется наиболее эффективным для образовательных учреждений системы МВД России.

Таким образом, прокрастинация в образовательных учреждениях МВД России является явной проблемой, требующей целенаправленного педагогического реагирования. Её преодоление имеет прямое значение не только для качества профессиональной подготовки конкретного курсанта, но и для обеспечения экономической безопасности государства в целом. Среди рассмотренных методов борьбы с прокрастинацией особое место занимает метод самопоощрения, позволяющий сформировать у обучающегося твёрдую внутреннюю мотивацию к систематическому труду без зависимости от внешнего регулирования.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 15.05.2017.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

3. Приказ МВД России от 19.09.2022 г. № 689 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

4. Маковецкая Е. Н. Феномен академической прокрастинации в студенческой среде // Образовательные ресурсы и технологии. 2023. № 4 (45). С. 2.

5. Маковецкая Е. Н. Феномен академической прокрастинации в студенческой среде // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2019. № 3. С. 45 – 52.

6. Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121 – 131.

7. Зверева М. В., Романова Е. С. Коллаборативное обучение как средство снижения академической прокрастинации // Психологическая наука и образование. 2021. № 2. С. 67 – 75.

8. Steel P. The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133. № 1. P. 65 – 94.

9. Скиннер Б. Ф. Наука и поведение человека. М.: Смысл, 2015. 448 с.

10. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы. Минск: БГУ, 2019. 320 с.

© Генералов А. А., 2026

EDN: AQPKLZ

Глушков Кирилл Евгеньевич
курсант
Московская академия Следственного комитета
имени А. Я. Сухарева
Москва, Россия
glushkow@internet.ru

Попов Дмитрий Алексеевич
курсант
Московская академия Следственного комитета
имени А. Я. Сухарева
Москва, Россия
popovd@internet.ru

Научный руководитель:
Строкова Татьяна Алексеевна
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Московская академия Следственного комитета
имени А. Я. Сухарева
Москва, Россия
кандидат политических наук
t.a.strokova-mask@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ И СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье предложено рассматривать экономическую устойчивость национальной безопасности как управляемую способность экономики удерживать критические функции при санкциях и перестройке. Научная новизна состоит в применении триады «стабилизация,

адаптация, трансформация» и в выделении индикаторов, связывающих поддержку проектов с измеримым вкладом в устойчивость.
Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая устойчивость, санкционное давление, структурная перестройка, технологический суверенитет, финансовая стабильность, промышленная политика.

Санкции последних лет сделали заметным то, что в спокойный период часто оставалось незначительным допущением: национальная безопасность зависит не только от объёма производства или бюджетных параметров, но и от устойчивости цепочек поставок, платежных каналов, технологического воспроизводства и кадрового потенциала. На уровне экономики это означает необходимость совмещать краткосрочную стабилизацию с более глубокой структурной перестройкой, не разрывая при этом социальные обязательства и инфраструктурную связность государства [1].

В прикладном смысле экономическая устойчивость проявляется не в «отсутствии проблем», а в способности системы быстро восстанавливать управляемость после внешнего шока и поддерживать непрерывность ключевых функций: финансовое посредничество, базовые отрасли, критическую инфраструктуру, обеспечение населения и государства товарами и услугами первой необходимости. Такой подход сближает категорию устойчивости с управлением рисками и с оценкой уязвимостей, а не только с фиксацией макропоказателей [3].

В исследованиях адаптации компаний к санкциям подчёркивается различие между «устоять» и «перестроиться»: первое связано с запасом ресурсов и доступом к финансированию, второе — с гибкостью цепочек поставок, организационными решениями и инновационной активностью. При этом более конкурентоспособные и инновационные фирмы чаще выбирают стратегию развития, а не только стратегию выживания, что важно учитывать при проектировании мер поддержки [4].

Для разграничения горизонтов и целей инструментов целесообразно использовать триаду «стабилизация, адаптация, трансформация» (см. таблицу 1). Она помогает избежать смешения временных мер финансовой стабилизации с задачами технологического обновления [1, 2].

Таблица 1. Матрица мер обеспечения экономической устойчивости в санкционной среде

Контур	Цель	Типовые уязвимости	Преимущественные инструменты
Стабилизация	Сохранить управляемость и финансовую устойчивость	Разрыв платежей, волатильность, рост транзакционных издержек	Временные финансовые меры, поддержка ликвидности, настройка валютного контроля [14, 15]
Адаптация	Перенастроить логистику и кооперацию	Срыв поставок, дефицит комплектующих, зависимость от узкого круга поставщиков	Переориентация рынков, параллельные каналы, стандартизация и совместимость [6, 10]
Трансформация	Сформировать воспроизводственные технологические контуры	Риск технологического отставания, инвестиционные паузы, кадровые ограничения	Проекты технологического суверенитета и структурной адаптации, НИОКР, долгосрочные контракты [5, 13]

Аналитические работы последних лет фиксируют неоднородность адаптации: макроэкономическая устойчивость может сочетаться с накоплением долгосрочных ограничений — технологических, инвестиционных, кадровых и внешнеторговых. А. Н. Литвиненко характеризует эту ситуацию как переход к «постсанкционным» угрозам, когда первичный шок уже компенсирован, но возрастает цена структурных решений и ошибок при выборе приоритетов [1].

Исследование С. П. Земцова и А. А. Волошинской показывает зависимость устойчивости регионов от диверсификации экономики и способности перенастраивать внешние связи; Н. В. Зубаревич дополнительно отмечает, что отраслевые «узлы» с высокой экспортной зависимостью и сложной кооперацией адаптируются тяжелее, чем территории с расширением оборонно-промышленного спроса [7, 8].

Переориентация экспорта и импорта усилила значимость азиатского направления, однако сама по себе смена географии не решает вопроса устойчивости: возникает риск «переноса зависимости» на ограниченный круг поставщиков. Этот эффект на материале цифровых товаров описывают А. А. Федюнина и Ю. В. Симачев, подчёркивая, что для отдельных сегментов не удаётся полноценно заместить выпадающие поставки, а значит, уязвимость может просто изменить форму [6].

Механизмы устойчивости 2022 – 2025 гг. и их «стыковка» с трансформацией:

Практика 2022 – 2025 гг. показывает, что результат даёт сочетание мер разных уровней: стабилизационные решения защищают финансовый контур, а проектные механизмы и корпоративная адаптация обеспечивают перестройку хозяйственных связей. Так, исследование М. Г. Кузык и Ю. В. Симачева демонстрирует: компании, обладающие инновационным потенциалом, чаще используют санкционный период для обновления продуктовых и технологических решений при поддержке государства, в то время как «пассивные» стратегии ограничиваются сокращением издержек [4].

В части экстренной стабилизации заметную роль сыграли временные меры финансового характера. Их смысл — снижение волатильности и поддержание платежной дисциплины в переходный период. Однако по мере закрепления новых торговых маршрутов важно устанавливать понятные критерии «снятия» и «перенастройки» временных ограничений, чтобы они не замещали собой инвестиционную и технологическую повестку [15, 16].

Первое направление — развитие системы индикаторов устойчивости, которые применимы одновременно для оценки проектов и для мониторинга отраслевых рисков. Практически это означает переход от оценки «освоения мер» к оценке результата: снижение критической импортозависимости по компонентам, рост надежности логистики, повышение производительности и технологической самостоятельности. Такой подход согласуется с логикой технологического суверенитета, развиваемой в современных исследованиях [2, 5].

Второе направление — диверсификация внешней кооперации и стандартов. В условиях, когда часть импорта неизбежно сохраняется, важно заранее проектировать совместимость решений и расширять круг «средних» партнёров, чтобы снизить риски зависимость от одного технологического направления. Этот вывод напрямую следует из работ о переносе зависимости в цифровом импорте [6].

Третье направление — настройка мер поддержки под стратегии развития компаний. Если инновационные фирмы демонстрируют более активную адаптацию, то целесообразно расширять инструменты разделения рисков: проектное финансирование, долгосрочные гарантированные закупки, стимулирование НИОКР и внедрения цифровых решений в цепочках поставок [4, 9].

Четвёртое направление — адресная региональная политика устойчивости. Для территорий, где санкционный шок привёл к разрыву кооперации или к сжатию внешнего спроса, результативны меры

по расширению диверсификации: инфраструктурные проекты, переобучение кадров и поддержка малого и среднего бизнеса в новых производственных коридорах. Эмпирические выводы о региональной неоднородности задают обоснование для такой настройки [7, 8].

Пятое направление — снижение правовой неопределенности в санкционно-чувствительных спорах. Для делового оборота важны понятные ориентиры, которые дают регулярные обзоры практики. В частности, в Обзоре российской судебной практики по вопросам арбитража и трансграничных разбирательств за 1-е полугодие 2023 года анализируются подходы судов к ссылкам на санкции как на основание неисполнения; дополнительную «стабилизирующую» роль играет Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) [11, 10].

Экономическая устойчивость национальной безопасности в условиях санкционного давления достигается не одной мерой, а согласованием трёх контуров: стабилизационного (финансовая управляемость), адаптационного (перестройка связей и рынков) и трансформационного (технологическое воспроизводство). Применение триады стабилизация, адаптация, трансформация позволяет точнее распределять инструменты по горизонту и оценивать результат не только по макропоказателям.

Для укрепления экономической устойчивости в ближайшей перспективе целесообразно (1) закрепить сопоставимые индикаторы устойчивости и связать с ними поддержку проектов, (2) снизить риск переноса зависимости через диверсификацию кооперации и стандартизацию, (3) расширить инструменты, поддерживающие стратегии развития компаний и региональную диверсификацию, и (4) поддерживать предсказуемость делового оборота через регулярные обзоры практики по санкционно-чувствительным спорам.

Список литературы:

1. Литвиненко А. Н. Постсанкционные угрозы экономического обеспечения национальной безопасности России: содержание и направления противодействия // Экономическое возрождение России. 2025. № 2(84). С. 111 – 123. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-111-123.

2. Ленчук Е. Б. Технологический суверенитет — новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 232 – 237. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237.

3. Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета: монография / под ред. Е. Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2024. 146 с.

4. Кузык М. Г., Симачев Ю. В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3(60). С. 172 – 180. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180.

5. Горячева Т. В., Мызрова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 134 – 145. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145.

6. Федюнина А. А., Симачев Ю. В. Технологический суверенитет в развитии цифровой экономики России: импорт цифровых товаров в период санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 2(67). С. 244 – 254. DOI: 10.31737/22212264_2025_2_244-254.

7. Земцов С. П., Волошинская А. А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 54 – 83. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_54-83.

8. Зубаревич Н. В. Влияние санкций на развитие регионов России в 2022 – 2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1(66). С. 274 – 281. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_274-281.

9. Федюнина А. А., Симачев Ю. В. Устойчивость российских компаний в цепочках создания стоимости к санкционному шоку // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3(60). С. 180 – 187. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_180-187.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/documents/practice/33619/ (дата обращения: 03.03.2026).

11. «Обзор российской судебной практики по вопросам арбитража и трансграничных судебных разбирательств» за 1-е полугодие 2023 года. 2023 [Электронный ресурс] // URL: https://arbitration.ru/press-centr/news/-obzor-rossiyskoy-sudebnoy-praktiki-po-voprosam-arbitrazha-i-transgranichnykh-sudebnykh-razbiratelst/ (дата обращения: 03.03.2026).

12. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций».

13. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации».

© Глушков К. Е., Попов Д. А., 2026

EDN: AYVZLZ

Горбачева Анна Вячеславовна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
gorbacheva.a.v.2004@gmail.com

Научный руководитель:
Толкачева Ольга Петровна
доцент кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
olg-ol@mail.ru

МОШЕННИЧЕСТВО КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается мошенничество как одна из наиболее значимых угроз экономической безопасности государства. Исследуется влияние мошеннических действий на финансовую систему, уровень доверия к экономическим институтам и устойчивость национальной экономики. Представлена динамика мошеннических преступлений за период 2019 – 2025 гг. и проведён анализ выявленных тенденций. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов противодействия мошенничеству, развития цифровых технологий финансового контроля и повышения уровня финансовой грамотности населения.
Ключевые слова: экономическая безопасность, мошенничество, финансовые преступления, кибермошенничество, цифровая экономика.

Экономическая безопасность государства выражается в надежной защите ее национальной экономики от разнообразных внутренних

и внешних рисков и угроз, что гарантирует стабильное развитие и надежность функционирования всей социально-экономической структуры страны. Среди ключевых факторов, подрывающих экономическую безопасность, особое место занимает мошенничество, так как оно причиняет огромный материальный и моральный ущерб не только государству в целом, но и предпринимательству, бизнесу, а также обычным гражданам, подрывая тем самым основы экономической стабильности.

Мошенничество можно определить как незаконное присвоение чужого имущества или финансовых средств посредством хитрого обмана, заблуждения жертвы или злоупотребления ее доверием [1]. В условиях активной цифровизации и перехода экономики в цифровую среду данные преступления эволюционируют, становятся все более латентными, сложно раскрываемыми, ввиду использования передовых технологий. Появление и распространение высокоскоростного интернета, современных электронных платежных систем, а также систем удаленного банковского обслуживания открыло новые горизонты для мошенников, позволяя им действовать анонимно, быстро и на глобальном уровне из любой точки мира.

Негативные последствия мошенничества ощущаются на всех уровнях экономической системы государства и носят системный характер. Мошенничество провоцирует прямые финансовые потери для физических лиц, предприятий и организаций, подрывает доверие населения к банкам и другим финансовым институтам, стимулирует рост теневой экономики, а также негативно сказывается на привлекательности страны для отечественных инвесторов и иностранного капитала. В итоге вся экономическая система становится уязвимой, теряя способность противостоять как внутренним, так и внешним шокам и угрозам, что может привести к замедлению роста ВВП, возникновению социальной напряженности и росту безработицы.

В современных условиях самыми частыми видами мошеннических действий выступают телефонные мошеннические схемы, интернет-мошенничество, включая фишинговые сайты и поддельные рекламные объявления и рассылки, несанкционированные операции с использованием банковских карт, инвестиционные аферы, а также организация финансовых пирамид под видом легального бизнеса. Большинство этих схем активно использует цифровые инструменты, от социальных сетей и мессенджеров до искусственного интеллекта и автоматизированных ботов, что делает их выявление, расследования и пресечение

чрезвычайно трудоемкими ресурсозатратным процессом, требующим применения специальных навыков и технологий.

В таблице 1 приведена статистика мошеннических преступлений за период 2019 – 2025 г. [2,3].

Таблица 1. Количество мошеннических преступлений

Год	Количество преступлений (тыс.)
2019	257
2020	335
2021	368
2022	402
2023	437
2024	461
2025	489

Анализ представленных данных показывает четкую и устойчивую динамику роста числа мошеннических преступлений, что подчеркивает серьезность проблемы в условиях обеспечения экономической безопасности России. В 2019 году официально было зафиксировано257 тысяч мошеннических действий, однако в последующие годы отмечается значительный прирост, который достиг к 2025 году отметки в 489 тысяч случаев, что свидетельствует о нарастающей угрозе для финансовой стабильности.

По предварительным прогнозам, уже к 2026 году объем мошеннических преступлений, при сохранении темпов прироста, может превысить отметку в 500 тысяч эпизодов [3]. Таким образом, за весь анализируемый период наблюдается почти двукратное увеличение данного типа правонарушений, что ставит вопрос об эффективности существующих мер защиты. Основной причиной данной тенденции является активное развитие цифровой экономики и увеличение количества финансовых операций, осуществляемых через интернет.

Мошенничество продолжает оставаться одной из острых угроз для экономической безопасности государства. Данный всплеск напрямую связан с технологическим прогрессом: цифровизацией финансового сектора, включая блокчейн, криптовалюты и применение искусственного интеллекта, не только упрощает совершение преступлений, но и усложняет их выявление.

Для эффективного противодействия мошенничеству необходимо совершенствовать законодательство, развивать институциональные

механизмы финансового контроля и внедрять современные цифровые технологии мониторинга финансовых операций.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ, ст. 159 (ред. от 20.02.2026).

2. Показатели преступности в России [Электронный ресурс] // URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 01.03.2026).

3. Объясняем. РФ [Электронный ресурс] // URL: https://объясняем.рф/articles/news/mvd-rossii-opublikovalo-analiz-statistiki-o-sostoyanii-prestupnosti/ (дата обращения: 01.03.2026).

© Горбачева А. В., 2026

EDN: FDFVVT

Горбунова Полина Романовна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
filatovaekaterina_422@mail.ru

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
rl1973@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ЛАТЕНТНОСТИ КОРРУПЦИИ И МЕТОДЫ ЕЁ ВЫЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Коррупция в современном мире перестала быть исключительно национальной проблемой, трансформировавшись в глобальный вызов, подрывающий основы экономической безопасности и политической стабильности государств. Для Российской Федерации, где уровень коррупции, по данным международных исследований, остается стабильно высоким (29 баллов из 100 в Индексе восприятия коррупции 2021 года, 136 место из 180), особую остроту приобретает проблема латентности данных преступлений. Автор отмечает, что коррупция представляет собой не простое уголовно-правовое понятие, а сложное, многогранное, опасное деяние, которое охватывает и пронизывает все сферы общественной жизни. О при этом, официальная статистика отражает лишь незначительную часть реальных коррупционных проявлений («верхушку айсберга»), отражая высокий уровень латентности данного явления и делая борьбу с этим явлением крайне затруднительной.

Ключевые слова: коррупция, латентность, экономическая безопасность, методы выявления коррупции, противодействие коррупции, цифровизация, общественный контроль, индекс восприятия коррупции.

Латентность коррупции — это ее неотъемлемое свойство, обусловленное самой природой данного явления. В криминологии принято выделять два типа латентности: естественную (когда о преступлении никому не известно) и искусственную (когда факты скрываются участниками или заинтересованными лицами). Применительно к коррупции доминирует именно искусственная латентность.

Анализ научных источников и практики позволяет выделить несколько ключевых факторов, обеспечивающих высокий уровень скрытости коррупционных преступлений в России. Во-первых, в классическом коррупционном преступлении (например, взятка за заключение госконтракта или уход от ответственности) отсутствует потерпевший, который был бы заинтересован в подаче заявления. Обе стороны получают выгоду, а жертвой выступает абстрактное общество или государство [1]. Это создает «круговую поруку», при которой разглашение информации невыгодно ни одному из участников. Во-вторых, коррупция постоянно адаптируется к изменениям законодательства и контролирующим процедурам. Простые «взятки в конвертах» уступают место сложным многоходовым схемам: использование офшоров, подставных фирм для «откатов» при госзакупках, легализация доходов через криптовалюты, маскировка взяток под «подарки» или «консультационные услуги». В-третьих, для российской коррупции свойственна тесная связь с организованной преступностью, образование преступных синдикатов [2]. Как отмечается в исследовании, «преступные группы благодаря коррупции «пропихивают» своего человека в государственные органы», что позволяет им не только избегать наказания, но и влиять на правоохранительную систему изнутри, консервируя латентность. В-четвертых, в правоохранительных органах может существовать негласная этика, препятствующая разоблачению «своих». Кроме того, официальная статистика (количество возбужденных дел) часто отражает не реальную картину, а активность правоохранителей, ориентированную на «палочную» систему, что стимулирует раскрытие мелких, очевидных преступлений и уводит фокус от крупных коррупционеров.

Если проводить эмпирическую оценку уровня латентности, можно определить, что прямое измерение уровня латентности невозможно,

однако косвенные данные свидетельствуют о его критических масштабах. Международная неправительственная организация Transparecy International ежегодно публикует индекс восприятия коррупции (ИВК), который, хотя и основан на субъективных оценках экспертов и предпринимателей, является признанным ориентиром. Согласно данным, приведенным в исследовании, динамика позиций России в ИВК за 2015 – 2021 годы демонстрирует стагнацию (колебания в пределах 28 – 30 баллов) и падение в мировом рейтинге (со 119 на 136 место) [3]. Это говорит о том, что, несмотря на декларируемые усилия, восприятие коррупции в стране не улучшается, что косвенно подтверждает сохранение высокой латентности. Показательно и сравнение с другими странами: средний балл по 180 странам мира составляет 43 балла, что говорит о стагнации уровня коррупции в глобальном масштабе. Лидирующие позиции стран Скандинавии (Швеция, Дания, Финляндия) указывают на наличие успешных практик, делающих коррупцию менее латентной.

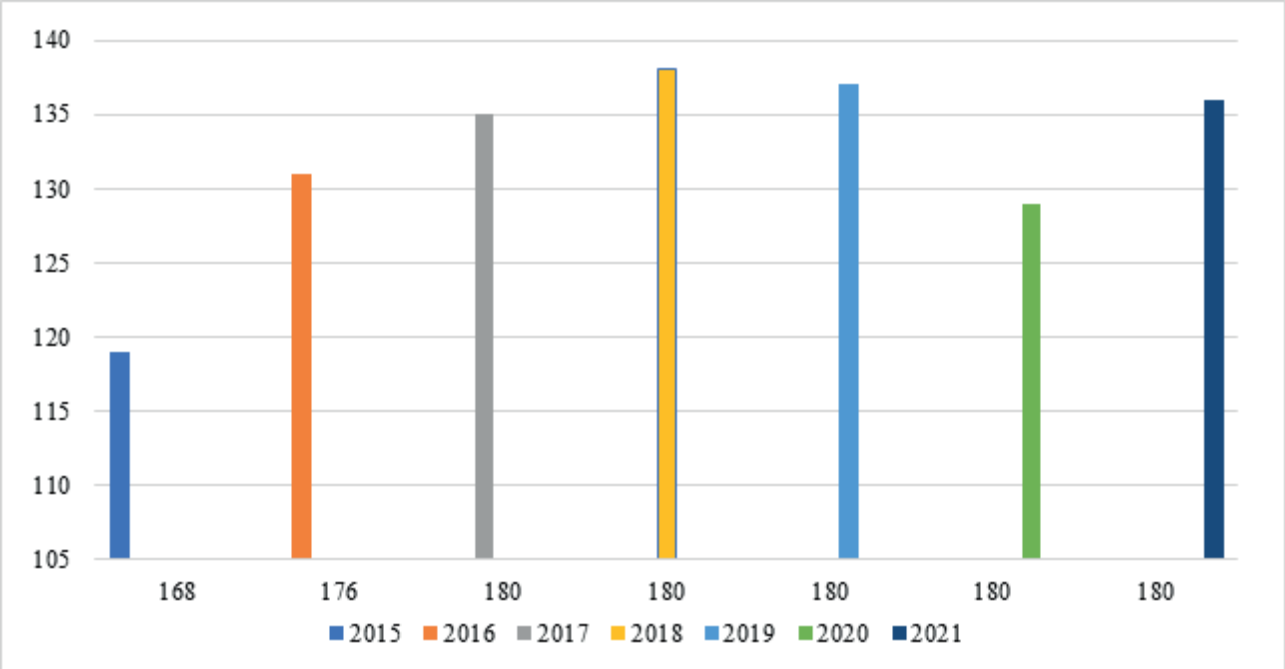

Рисунок 1. Место России в рейтинге восприятия коррупции Transparency International

Статистика привлечения к ответственности также подтверждает проблему «избирательности». В 2024 году к ответственности привлечены 729 лиц с особым правовым статусом, включая 22 судей и 14 прокуроров. Однако, по мнению многих экспертов, эти цифры отражают лишь незначительную часть реального положения дел, а уголовные дела часто имеют характер «показательных» или являются инструментом

решения внутриэлитных конфликтов. Ежегодный экономический ущерб от коррупции в России, по оценкам различных специалистов, также демонстрирует колоссальные масштабы: от 15 млрд долл. в 1998 году до 8 трлн руб. в 2017 году и 14,2 млрд руб. в 2024 году. При этом важно понимать, что эти цифры отражают лишь выявленный ущерб, тогда как реальный, с учетом латентности, может быть значительно выше.

В ответ на усложнение коррупционных схем государство и общество вынуждены совершенствовать методы их выявления.

— мониторинг государственных закупок: автоматизированные системы (ЕИС) позволяют выявлять подозрительные тендеры: единственный участник, завышение цен, взаимозависимость участников через общих учредителей или IP-адреса. Это помогает находить «откаты» и сговоры;

— контроль за доходами и расходами: сравнение декларируемых доходов чиновников и их фактических расходов (на недвижимость, автомобили) с помощью цифровых баз данных (Росреестр, ГАИ, ФНС) позволяет выявлять несоответствия, требующие проверки;

— искусственный интеллект и нейросети: внедрение систем в Федеральном казначействе и ФНС для анализа поведенческих паттернов (транзакции, связи между счетами) помогает выявлять фирмы-однодневки и схемы обналичивания денежных средств.

Традиционные оперативно-розыскные методы также не теряют актуальности, но требуют высокого профессионализма для преодоления противодействия со стороны коррупционеров.

— контролируемая поставка взятки и оперативный эксперимент: проводятся при наличии оперативной информации и под контролем правоохранительных органов;

— прослушивание переговоров и снятие информации с технических каналов связи (при наличии судебного решения);

— работа со «свидетелями» и «информаторами»: внедрение механизмов защиты лиц, сообщивших о коррупции, хотя этот институт в России пока развит слабо.

Как справедливо отмечают многие информационные источники: «победить коррупцию можно только с привлечением институтов гражданского общества, поскольку именно оно более всего заинтересовано в такой победе». Например, работа Общероссийского народного фронта (проект «За честные закупки»), который проводит мониторинг госзакупок и исполнения бюджета. Независимые журналистские расследования

продолжают выявлять скрытые активы чиновников (элитная недвижимость, яхты, бизнес за рубежом), делая латентную коррупцию достоянием общественности. Также привлечение независимых экспертов и общественности к оценке законопроектов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов позволяет устранять «лазейки» еще на этапе их создания.

Проведенный в работе анализ зарубежного опыта (Германия, Швеция, Сингапур) позволяет выделить принципы, повышающие эффективность антикоррупционной деятельности: прозрачность и подотчетность органов власти, реальное обеспечение прав частной собственности, неотвратимость наказаний, презумпция виновности чиновника в коррупции, политика нетерпимости к коррупции.

Важным направлением является урегулирование конфликта интересов и противодействие принципу «вращающихся дверей», когда должностные лица, используя свое положение, впоследствии уходят в бизнес, который сами же и «курировали». Также требуется усиление контроля за финансированием политических партий и избирательных процессов, чтобы исключить влияние частного капитала на принятие политических решений.

Проблема латентности коррупции в современной России остается крайне острой и представляет собой серьезную угрозу экономической безопасности страны [4]. Высокий уровень скрытости обусловлен как объективными сложностями (эволюция преступных схем, их транснационализация), так и субъективными факторами (незаинтересованность элит в реальных изменениях, корпоративная солидарность, недостатки правоприменения).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что для снижения уровня латентности необходим комплексный подход, включающий в себя:

1) цифровизацию контрольных процессов (госзакупки, кадровые назначения, финансовый мониторинг) для создания невыгодных условий для коррупционеров и автоматического выявления подозрительных операций.

2) совершенствование законодательства, в частности, в части урегулирования конфликта интересов, принципа «вращающихся дверей» и лоббистской деятельности.

3) активизацию общественного контроля и реальную защиту информаторов, без чего невозможно преодолеть «круговую поруку» на низовом и среднем уровнях.

Важно отметить, что, как показал стратегия борьбы с коррупцией является стратегия устранения условий, требующая системной работы и долгосрочных вложений. Без коренных изменений, затрагивающих основы взаимодействия власти, бизнеса и общества, и без искоренения практики избирательного правоприменения, борьба с латентной коррупцией будет оставаться малоэффективной, а страна — сохранять позиции в нижней части мировых антикоррупционных рейтингов.

Список литературы:

1. Белоцерковский С. Д. О криминологической характеристике современной организованной преступности в России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 7. С. 163 – 166.

2. Готыжева Ф. В. Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах и возможность ее использования в России // Международный журнал прикладных наук и технологии «Integral». 2018. № 4. С. 11 – 16.

3. Сайт международной организации по противодействию коррупции «ТрансперенсиИнтернешнл» [Электронный ресурс] // URL: https://www.transparency.org (дата обращения: 10.01.2026).

4. Солонина С. В., Макаровская А. В., Степанович Д. В. Влияние коррупции на экономику России // Научный вестник ЮИМ. 2019. № 4. С. 56 – 59.

© Горбунова П. Р., 2026

EDN: DWHMGL

Горина Алиса Дмитриевна
курсант
Омская ордена Почета академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Омск, Россия
gorina2004@mail.ru

Научный руководитель:
Джойс Элла Александровна
доцент кафедры экономической теории
и финансового права
Омская ордена Почета академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Омск, Россия
ella_smk@mail.ru

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Аннотация. Статья исследует эволюцию финансовой системы России (2014 – 2026) на фоне санкционного давления после 2022 года. Анализируются ключевые механизмы адаптации: создание НСПК «Мир», переход на юань и золото во внешних расчетах, запуск замещающих облигаций. На базе статистики и отчетов регуляторов показано: российская финансовая система не просто выстояла, а перешла к качественно новой модели, обеспечив снижение критической зависимости от западной инфраструктуры и укрепив суверенитет.

Ключевые слова: экономическая безопасность, санкции, финансовая система, Национальная система платёжных карт, «Мир», замещающие облигации, дедолларизация, юань, финансовый суверенитет, импортозамещение в финансах, Центральный банк РФ, Мосбиржа, валютные резервы, золотой запас.

События весны 2014 года, когда Visa и Mastercard в одностороннем порядке заблокировали операции ряда российских банков (СМП Банк, «Россия»), стали шоком для рынка и чётким сигналом для регулятора. Внезапная потеря возможности проводить платежи для тысяч клиентов показала, что критически важная инфраструктура находится под внешним контролем. Ответом стало создание по инициативе Центрального банка АО «Национальная система платёжных карт» (НСПК) в июле 2014 года. Его первоначальной задачей было обеспечение обработки всех операций по картам внутри страны, что делало невозможным их произвольную блокировку извне.

В связи с этим НСПК, к концу 2015 года, развернула собственную процессинговую инфраструктуру. С этого момента транзакция по карте Visa или Mastercard, совершённая в России, перестала уходить для авторизации за рубеж. Вся информация стала обрабатываться на серверах внутри страны. Это означало, что международные карты внутри РФ превратились в инструменты, работающие на российской технологической платформе, что стало первым шагом к суверенитету [1].

После объявления о приостановке работы Visa и Mastercard в России, в марте 2022 года, созданная система прошла проверку на прочность. Внутренние операции продолжили обрабатываться бесперебойно. Однако для международных поездок и онлайн-платежей на зарубежных сайтах потребовалось собственное решение. Таким решением стала национальная платёжная карта «Мир», запущенная НСПК ещё в 2015 году [2].

К моменту кризиса 2022 года база карт «Мир» составляла уже около 100 млн штук. После ухода западных систем начался её взрывной рост. По данным НСПК и ЦБ РФ на конец 2025 года:

1. Количество выпущенных карт «Мир» превысило 280 млн. Практически каждый экономически активный гражданин России имеет такую карту.

2. Доля карт «Мир» в общем объёме безналичных операций в РФ стабилизировалась на уровне 85 – 90%.

3. Система была интегрирована в инфраструктуру ряда дружественных стран (Турция, Вьетнам, Армения, Кыргызстан, Беларусь и др.), что позволило использовать карты за рубежом.

4. Собственная система быстрых платежей (СБП), активно работающая с картами «Мир», по объёмам переводов между физическими лицами в разы превзошла показатели довоенного периода [3].

Таким образом, первоначальная мера по обеспечению безопасности трансформировалась в полноценную, конкурентоспособную национальную платёжную экосистему.

До 2022 года международная торговля, особенно в сырьевом секторе, и корпоративные заимствования были ориентированы на доллар США и евро. Санкции, включая заморозку резервов и отключение от SWIFT, резко повысили риски использования этих валют.

Московская биржа была вынуждена оперативно перестроиться. Были запущены новые инструменты и ликвидность переориентирована на «дружественные» валюты. Следует отметить, что результаты впечатляют.

К середине 2023 года объём торгов на валютном рынке Мосбиржи парой юань-рубль впервые превысил объём торгов долларом-рубль. Эта тенденция только усилилась. По данным на 2025 год, доля юаня в биржевых валютных торгах составляет около 70 %, тогда как доля доллара упала до менее 20 %. Юань стал не только основной валютой для торговли, но и для сбережений: банки активно предлагают юаневые депозиты, а Минфин начал размещение биржевых облигаций (ОФЗ), номинированных в юанях. [4].

Таким образом, санкции 2022 года, заморозившие около половины золотовалютных резервов Банка России, номинированных в долларах и евро, привели к радикальному пересмотру принципов формирования «подушки безопасности».

Россия последовательно наращивала золотой запас ещё с середины 2010-х. Все физическое золото хранится на территории страны. По данным Всемирного золотого совета, на начало 2026 года золотой запас России является одним из крупнейших в мире и превышает 2300 тонн.

В 2024 году Минфин официально завершил процесс очистки Фонда национального благосостояния (ФНБ) от «недружественных» валют. В соответствии с новыми правилами, ликвидная часть активов ФНБ номинируется исключительно в китайских юанях, а остальная часть представляет собой монетарное золото.

Доля доллара и евро в международных резервах ЦБ РФ, по оценкам экспертов, сократилась до минимальных, технически необходимых значений [5].

Эта политика минимизирует риски нового замораживания активов и подчёркивает переход к модели, где основой финансовой устойчивости являются реальные активы и валюта стратегического партнёра.

До 2022 года крупнейшие российские компании и государственные структуры активно привлекали финансирование через выпуск еврооблигаций (евробондов) на сумму, измеряющуюся сотнями миллиардов долларов. После введения санкций западные депозитарии и платёжные агенты прекратили обслуживание этих бумаг для российских резидентов, создав угрозу технических дефолтов и потерь для инвесторов [6].

Ответом стал Указ Президента РФ № 430 от 5 июля 2022 года и последующие разъяснения правительства [7]. Суть механизма:

1. Эмитент (например, «Газпром» или «РЖД») выпускает новые «замещающие облигации» по российскому праву.

2. Параметры новой бумаги (номинал, валюта, купон, дата погашения) идентичны параметрам старого «заблокированного» евробонда.

3. Владельцы оригинальных евробондов, чьи права учтены в российском депозитарии (НРД), получают замещающие бумаги в пропорции 1:1.

4. Все выплаты по новым облигациям осуществляются в рублях или «дружественной» валюте через российскую финансовую инфраструктуру.

Оговаривая результаты и значение, можно сделать акцент на том, что:

1. К концу 2025 года через механизм замещения было переоформлено обязательств на сумму, эквивалентную свыше 50 млрд долларов.

2. Были защищены права сотен тысяч российских инвесторов — как физических лиц, так и институциональных (пенсионные фонды, управляющие компании).

3. Сформировался новый, внутренний сегмент рынка корпоративных облигаций с высокой ликвидностью и доходностью, привлекательный для резидентов.

4. Российские компании получили легальный и прозрачный инструмент для выполнения обязательств, сохранив кредитную историю [8].

5. Этот механизм стал блестящим примером «финансовой инженерии» в условиях ограничений, позволив избежать коллапса рынка долга и сохранить доверие внутренних инвесторов.

Резюмируя адаптацию финансовой системы, можно привести несколько ключевых макроэкономических и финансовых индикаторов по состоянию на 2025 – 2026 годы:

1. После скачка в 2022 году инфляция вернулась к целевому уровню ЦБ (около 4% в конце 2025 года), что свидетельствует о восстановлении контроля над денежным обращением.

2. Несмотря на первоначальные трудности, отзывов лицензий у системообразующих банков не произошло. Прибыль банковского сектора по итогам 2024 – 2025 гг. остаётся высокой, что говорит о его адаптации и стабильности банковского сектора.

3. Бюджет РФ, несмотря на падение экспортных доходов в долларовом выражении, сохраняет профицит или сбалансированность за счёт роста ненефтегазовых доходов, жёсткой фискальной политики и переориентации товарных потоков на Восток, наблюдается бюджетная устойчивость.

4. Платёжный баланс, т.е. сохраняется положительное сальдо торгового баланса, что обеспечивает приток иностранной валюты, хотя и в иной валютной структуре [9].

Финансовая система России прошла через самый серьёзный стресс-тест за последние десятилетия. Результаты показывают, что политика импортозамещения и обеспечения суверенитета в критически важных инфраструктурных областях, начатая после 2014 года, оказалась дальновидной и эффективной. Россия не просто нашла временные замены западным системам — она создала работающие альтернативы, которые в ряде случаев превосходят оригиналы по охвату внутри страны.

Сформировалась новая финансовая реальность, характеризующаяся:

1. Технологической независимостью в области платёжных систем.

2. Структурной переориентацией валютных и резервных потоков на юань, рубли и золото.

3. Автономностью долгового рынка, способного функционировать в отрыве от западных центров.

4. Укреплением сотрудничества с финансовыми системами стран БРИКС, ЕАЭС и других государств, не присоединившихся к санкциям.

Однако новая модель сталкивается и с вызовами: ограниченная конвертируемость рубля и юаня за пределами зоны дружественных стран, технологические сложности в высокочастотной торговле и некоторых видах межбанковских расчётов, необходимость дальнейшего углубления внутреннего рынка капитала. Тем не менее, направление движения очевидно. Задача на ближайшую перспективу — не просто поддерживать созданную систему, а развивать её, повышая эффективность, технологичность и интеграцию в формирующуюся многополярную финансовую архитектуру мира. Опыт России 2022 – 2026 годов становится кейсом для многих стран, стремящихся к большей финансовой самостоятельности в нестабильном мире.

Список литературы:

1. Джойс Э. А., Симаков А. А. Цифровой суверинетет и правовое регулирование пиринговых платежных систем //Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3 (70). С. 54 – 60.

2. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.02.2026).

3. Статистика национальной платежной системы. Отчётность Банка России, пресс-релизы НСПК (2023 – 2025 гг.) [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/ (дата обращения: 23.02.2026).

4. Банк России. Обзоры денежно-кредитной политики ЦБ РФ. Отчёты Московской биржи за 2023 – 2025 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/dkp/review__dkp/ (дата обращения: 23.02.2026).

5. Отчёты Министерства финансов РФ, данные Всемирного золотого совета (World Gold Council) [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/5ae098a62ae5961b67a1c4ba?ysclid=mlxu5lv244303056516&from (дата обращения: 23.02.2026).

6. Симаков А. А., Джойс Э. А. Электронные платежные системы в государственном управлении инвестиционными проектами //Закон и право. 2019. № 5. С. 156 – 159.

7. Указ Президента РФ от 05.07.2022 № 430 «О репатриации резидентами — участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 29.01.2026) (дата обращения: 23.02.2026).

8. Банк России. Данные Московской биржи и Национального расчётного депозитария (НРД), аналитические обзоры инвестиционных компаний (2024 – 2025) [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55089/ORFR_2024 – 25-1.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

9. Минфин РФ. Статистические бюллетени Банка России, отчёты Минфина РФ, данные Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/?ysclid=mlxucsj07m245295636 (дата обращения: 23.02.2026).

© Горина А. Д., 2026

EDN: HQONZV

Грачев Александр Михайлович
курсант
Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
Санкт-Петербург, Россия
gam1404@mail.ru

Научный руководитель:
Гулевская Наталья Анатольевна
доцент кафедры
военно-политической работы в войсках (силах)
Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
Санкт-Петербург, Россия
кандидат исторических наук, доцент
gulewskay@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. В статье обосновывается подход к исторической памяти как институциональному механизму повышения устойчивости экономических субъектов к санкционным воздействиям. Научная новизна заключается в обосновании взаимосвязи между коллективной рememорацией и поведенческими стратегиями хозяйствующих агентов в кризисных условиях.
Ключевые слова: историческая память, экономическая безопасность, санкционное давление, институциональная устойчивость, социальный капитал.

В современных геополитических условиях экономическая безопасность Российской Федерации перестала быть исключительно

макроэкономической категорией. Она всё более приобретает социокультурное измерение, где ключевую роль играет способность общества к консолидации на основе разделяемых ценностно-смысловых ориентиров.

В этом контексте историческая память, понимаемая как «аккумулированный опыт социального коллектива, транслируемый через систему символов и практик», выступает не просто элементом культурного наследия, но и ресурсом адаптации к внешним вызовам [1].

Традиционно исследования экономической безопасности фокусируются на финансовых, правовых и технологических аспектах. Однако в условиях гибридных угроз, сочетающих экономические санкции с информационно-ценностным воздействием, требуется расширение аналитического инструментария [2].

Появляется термин рememорация, который, по мнению «А. Мегилла и П. Нора, подразумевает намеренную реконструкцию прошлого, переформатирование памяти, исходя из определённых актуальных установок» [3].

В связи с этим, предлагается рассматривать историческую память как институциональный ресурс, выполняющий две ключевые функции в системе экономической безопасности:

— идентификационно-консолидирующая функция — формирование коллективной субъектности, необходимой для реализации стратегий импортозамещения и технологического суверенитета.

— адаптационно-прогностическая функция — использование исторических прецедентов (опыт индустриализации, послевоенного восстановления, ответа на санкции 2014 – 2024 гг.) для выработки поведенческих моделей хозяйствующих субъектов.

Встраиваясь в систему экономической безопасности, ОВД выполняют функцию по защите социально-экономического порядка от деструктивных явлений (теневой бизнес, коррупция), пик которых нередко совпадает с фазами санкционного кризиса [4].

Параллельно с этим реализуется задача по поддержанию исторической преемственности: патриотическое воспитание и работа с подрастающим поколением формируют правосознание, опирающееся на уважение к суверенитету, добытому в прошлом.

И наконец, обеспечивая сохранность критической инфраструктуры, ведомство защищает и материальные носители исторической памяти — культурные объекты, утрата которых подрывает идентичность народа

и, как следствие, его экономическую субъектность. Прослеживается необходимость в защите культурных ценностей [5].

В складывающейся геополитической обстановке становится необходимо принимать взвешенные решения на основе сформировавшейся модели решения, как ответную реакцию на возникающие проблемы, что является актуальной задачей в настоящее время в рамках цифровизации общества [6, 7].

Можно составить структурно-функциональную модель участия органов внутренних дел в актуализации исторической памяти для целей экономической безопасности, таблица 1.

В таблице представлены следующие направления деятельности:

1. Профилактика экономических преступлений.

Механизм влияния на экономическую безопасность:

— снижение трансакционных издержек, включающие затраты на поиск информации, ведение переговоров, измерение качества товаров, спецификацию и защиту прав собственности, а также преодоление административных барьеров, могут быть минимизированы посредством реализации системы взаимосвязанных мер будут регулироваться через комплекс мер направленных на:

а) Правовое просвещение предпринимателей.

б) Оперативное сопровождение бизнес-процессов.

Ожидаемый результат заключается в повышении инвестиционной привлекательности регионов.

2. Патриотическое воспитание молодёжи.

Механизм влияния на экономическую безопасность:

Формирование ценностной основы служебной деятельности осуществляется через:

а) Интеграцию историко-экономического компонента в образовательные программы.

б) Формирование профессиональной идентичности.

в) Практико-ориентированные формы работы.

Таблица 1. Структурно-функциональная модель участия органов внутренних дел в актуализации исторической памяти для целей экономической безопасности

Направления деятельности	Механизм влияния на экономическую безопасность	Ожидаемый результат
Профилактика экономических преступлений	Снижение трансакционных издержек легального бизнеса	Повышение инвестиционной привлекательности регионов
Патриотическое воспитание молодёжи	Формирование ценностной основы служебной деятельности	Укрепление кадрового потенциала правоохранительной системы
Защита объектов культурного наследия	Сохранение символического капитала территории	Развитие культурно-познавательного туризма, рост доходов местных сообществ
Информационно-аналитическая работа	Противодействие фальсификации истории как инструменту гибридных угроз	Укрепление информационного суверенитета, сохранение исторического наследия

Таким образом, рассматривать данную тему необходимо через перспективы институционализации исторической памяти в системе стратегического планирования [4].

Результаты исследования позволяют предложить следующие направления интеграции исторической памяти в механизмы обеспечения экономической безопасности:

1. Разработка индикаторов «социокультурной устойчивости» в рамках стратегий экономической безопасности (в дополнение к финансовым и производственным показателям). Такие индикаторы могли бы включать уровень доверия к институтам, степень согласия относительно исторических прецедентов, распространенность адаптивных поведенческих практик.

2. Создание экспертно-аналитических структур при органах стратегического планирования, отвечающих за мониторинг актуализации исторической памяти и прогнозирование ее влияния на экономическое поведение.

3. Внедрение историко-экономической экспертизы крупных инфраструктурных и промышленных проектов, позволяющей оценить, насколько закладываемые решения соответствуют долгосрочным культурным паттернам и способны опереться на исторически укорененные формы кооперации.

4. Развитие образовательных программ в области экономической безопасности с включением модулей по институциональной культурологии и истории экономических кризисов, что позволит формировать у будущих управленцев компетенции работы с неформальными институтами.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что предложенный в работе подход трактует историческую память в качестве институционального инструмента, позволяющего повысить устойчивость хозяйствующих субъектов перед внешними санкционными ограничениями.

Элементом научной новизны выступает выявление и обоснование зависимости между процессами коллективной рememорации и выбором поведенческих стратегий экономическими агентами в периоды кризисных явлений.

Список литературы:

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. — Вопросы экономики. — 1994. — № 12.

2. Гулевская, Н. А. Генезис и природа исторической памяти / Н. А. Гулевская // Россия и мир в исторической ретроспективе: Материалы XXXI Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 11 апреля 2025 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2025. — С. 167 – 172. — EDN YVXEKO.

3. Зубанова, Л. Б. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации / Л. Б. Зубанова, М. Л. Шуб // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2022. — № 47. — С. 48 – 60. — DOI 10.17223/22220836/47/4. — EDN OZVDGT.

4. Сироткина, Н. В. Экономика исторической справедливости: тенденции и закономерности / Н. В. Сироткина, О. Б. Борисова // Регион: системы, экономика, управление. — 2023. — № 4(63). — С. 123 – 132. — DOI 10.22394/1997-4469-2023-63-4 – 123-132. — EDN TWCAML.

5. Эконометрические формы использования исторических парадигм / А. М. Гачаев, Н. А. Соловьева, С. Ю. Балычев, Т. А. Родермель // Вопросы истории. — 2021. — № 6-2. — С. 95 – 100. — DOI 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi34. — EDN YPLRUG.

6. Грачев, М. И. Геоинформационные системы в модели принятия управленческих решений: системный подход на основе закона сохранения

целостностиих объекта / М. И. Грачев // Информационная безопасность регионов России (ИБРР-2025): Материалы XIV Санкт-Петербургской межрегиональной конференции, Санкт-Петербург, 29 – 31 октября 2025 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское Общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления, 2025. — С. 377 – 379. — EDN IBQTMC.

7. Грачев, М. И. Человеческий фактор в принятии управленческих решений / М. И. Грачев, В. Г. Бурлов // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 27 – 33. — DOI 10.36724/2072-8735-2024-18-3-27-33. — EDN QSIBQT.

© Грачев А. М., 2026

EDN: HWXLTQ

Григорьян Валерия Сейрановна
студент
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Россия
lera.grigoryan.2107@mail.ru

Научный руководитель:
Киреева Наталья Аркадьевна
профессор кафедры экономики
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Россия
доктор экономических наук, профессор
natalkireeva1@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Аннотация. В течение продолжительного времени в отношении Российской Федерации применяются различные ограничительные меры со стороны отдельных государств. Санкционная политика выступает инструментом внешнего политического воздействия, ориентированным на изменение стратегического направления государственной политики. Целью данного исследования является систематизация существующих видов санкций и оценка их влияния на обеспечение экономической безопасности России.
Ключевые слова: санкции, экономическая безопасность, импортозамещение, национальная безопасность, технологическая зависимость.

В условиях современной глобальной экономики санкции выступают как значимый инструмент международного давления, применяемый для защиты и продвижения политических и экономических интересов государств. В настоящее время Российская Федерация сталкивается

с многоуровневыми ограничениями со стороны иностранных государств, направленными на корректировку как экономической динамики, так и внутренней политики страны. Их последствия проявляются через сокращение импорта продовольственных и промышленных товаров, рост цен на отечественную продукцию, замораживание значительных золотовалютных резервов и ограничение доступа к международным финансовым рынкам, что в совокупности снижает экономическую устойчивость государства [3].

В этих условиях обеспечение экономической безопасности приобретает стратегическое значение, выступая ключевым элементом национальной политики и фундаментом долгосрочного развития. При формировании стратегии национальной безопасности особое внимание должно уделяться экономическим мерам, направленным на поддержание устойчивого уровня экономической защиты государства. Данный подход закреплён в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором определены основные цели и задачи обеспечения экономической безопасности страны [1].

Понятие, сущность и классификация санкций. Под термином «санкции» понимаются ограничительные меры экономического, финансового или иного характера, которые применяются одной страной, группой стран или международными организациями против другой страны, компании, организации или отдельных лиц.

Основная сущность санкций заключается в их двойной функции:

1. Наказание: создание экономических трудностей для объекта санкций с целью ослабления его потенциала и демонстрации решимости инициатора.

2. Принуждение: оказание давления на объект санкций, вынуждающее его изменить свое поведение, выполнить определенные требования или даже привести к смене политического режима [2].

Классификация санкций:

По типу воздействия и характеру ограничений санкции бывают:

1. Торговые: меры, ограничивающие внешнюю торговлю и иностранные инвестиции.

2. Адресные:

— Финансовые: ограничения, снижающие доступ юридических и физических лиц к международной финансовой системе.

— Нефинансовые: визовые и другие ограничения, касающиеся физических лиц.

3. Структурные: запрет на выполнение определенных операций в секторах экономики, указанных в санкциях.

По объекту воздействия:

— Финансовые санкции: ограничения на доступ к международным финансовым рынкам, заморозка активов (государственных, корпоративных, частных), отключение от платежных систем (например, SWIFT), запрет на кредитование.

— Торговые санкции: эмбарго (полный запрет на экспорт/импорт определенных товаров), тарифные и нетарифные барьеры, ограничения на экспорт/импорт технологий и продукции двойного назначения.

— Секторальные санкции: направлены на конкретные секторы экономики (например, энергетический, оборонный, банковский).

— Персональные санкции (визовые, заморозка активов): вводятся в отношении конкретных физических и юридических лиц, связанных с руководством страны-объекта.

— Транспортные санкции: запрет на использование воздушного пространства, блокировка морских портов или отказ в обслуживании транспортных средств.

По направленности:

— Первичные санкции: Направлены непосредственно на объект санкций.

— Вторичные санкции: Направлены на третьи страны, компании или физических лиц, которые продолжают сотрудничать с объектом первичных санкций, вынуждая их прекратить такое сотрудничество под угрозой применения ограничительных мер.

Пути воздействия санкций на экономическую безопасность России. Санкционное давление на Россию с 2022 года стало оказывать влияние на основополагающие компоненты экономической безопасности. Анализ этих путей позволяет оценить масштабы угроз [3].

Угроза финансовой безопасности. Санкции оказали системное давление на российский банковский сектор, снижая потенциал экономического роста на 1,5 – 2 п.п. ВВП (≈ 3,3 – 4,3 трлн руб.) и ограничивая возможности государства по управлению валютным курсом. Замораживание около 300 млрд долл. США и евро лишило Банк России значительной валютной подушки, что потребовало введения жесткого валютного контроля и стабилизационных мер. Основными уязвимыми зонами финансовой системы являются ограничения трансграничных расчетов, удорожание заимствований и осложненный доступ к финансовым ресурсам.

Ограничение доступа к SWIFT стимулировало развитие национальных инфраструктурных решений («Мир», СПФС). Для смягчения воздействия санкций предлагается диверсификация финансовых каналов, расширение расчётов в национальных валютах и формирование резервов в золоте и цифровых активах для повышения финансовой автономии государства. Для наглядной оценки масштабов и динамики процессов целесообразно представить количественные показатели, отражающие влияние санкций на банковский сектор России в 2025 – 2026 гг., которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Статистические показатели влияния санкций на банковский сектор РФ

Показатель	Данные за 2025 – 2026 г.г
Активы банковского сектора РФ	210,9 трлн руб. на 01.01.2026
Рост активов банков за 2025 г.	+ 5,8% (≈ 11,6 трлн руб.)
Совокупный кредитный портфель	127, трлн руб. на 01.01.2026
Рост кредитного портфеля за 2025 г.	+ 6,4% (≈ 7,7 трлн руб.)
Кредиты юридическим лицам	96,6 трлн руб.
Чистая прибыль банковского сектора	3,72 трлн руб.
Прогноз прибыли банков за 2026 г.	3,1 – 3,6 трлн руб.
Средства населения в банках	≈ 67 трлн руб. (+16,2% за 2025)
Прогноз роста ВВП	около 0,8 – 1% в 2026 г.
Доля прибыли Сбербанка в банковской системе	≈ 45% прибыли сектора

Проведённый анализ статистических показателей показывает, что банковская система России в целом сохраняет стабильность, однако санкционные ограничения оказывают сдерживающее влияние на динамику ее развития [6]. Несмотря на рост совокупных активов до 210,9 трлн руб. и сохранение прибыли на уровне около 3 – 3,7 трлн руб., отмечается более медленное расширение кредитования и снижение темпов экономического роста. Существенным фактором давления остается ограниченный доступ российских банков к международным финансовым рынкам и внешним источникам капитала.

В сложившихся условиях усиливаются процессы консолидации банковского сектора и возрастает роль внутренних источников финансирования. Одновременно происходит активное развитие альтернативных платежных механизмов и расширение использования национальных валют в международных расчетах.

Угрозы технологического суверенитета. Введение ограничений на доступ к критически важным технологиям представляет долгосрочную угрозу для развития экономики [5]. Санкции включают ограничения на поставку микрочипов, электроники, телекоммуникационного оборудования, станков с числовым программным управлением и программного обеспечения. Это выявило уязвимость России, связанную с зависимостью от западных технологий в таких сферах, как машиностроение, микроэлектроника авиастроение и информационные технологии. Основные статистические индикаторы, характеризующие воздействие санкционных ограничений на технологический сектор России в 2025 – 2026 гг., представлены в таблице 2.

Таблица 2. Статистические показатели влияния санкций на технологический сектор России (2025 – 2026 гг.)

Показатель	Значение
Доля иностранных станков и производственного оборудования в промышленности	около 98,3% оборудования иностранного происхождения
Доля китайских станков среди импортируемого оборудования	около 71% импортных станков на российском рынке
Доля отечественных станков в закупках предприятий	около 1,7% оборудования российского производства
Сокращение поставок высокотехнологичного оборудования из стран ЕС и Японии	практически прекращены поставки из Германии; резко снижены из Японии и Южной Кореи
Доля отраслей промышленности, существенно зависящих от импортного оборудования	около 43% отраслей промышленности
Рост производства отечественных станков	увеличение более чем в 2 раза: с 5,3 тыс. (2020) до 11,3 тыс. (2024), но доля остается небольшой
Государственная программа развития станкостроения и технологической независимости	около 120 млрд руб. инвестиций в НИОКР до 2025 г.

Проведённый анализ показывает, что в 2025 – 2026 гг. российская промышленность продолжает существенно зависеть от импортных технологий и оборудования, особенно в области высокоточного станкостроения и машиностроительных компонентов. Несмотря на меры по импортозамещению и рост выпуска отечественной продукции, ее доля в общем объеме промышленного оборудования остаётся ограниченной.

Санкционные ограничения привели к сокращению поставок технологий из развитых стран и переориентации импорта на альтернативных

поставщиков, прежде всего Китай. Такая структура поставок позволяет частично восполнить дефицит оборудования, однако не решает проблему технологической зависимости. В долгосрочной перспективе это может замедлять модернизацию обрабатывающих отраслей и требует усиления инвестиций в НИОКР, цифровизацию и развитие собственных высокотехнологичных производств.

Для наглядного анализа степени импортозависимости российского технологического сектора по основным видам машин, оборудования и комплектующих представлены ключевые показатели в таблице 3.

Таблица 3. Основные показатели зависимости российского технологического сектора от импорта (машины, оборудование, комплектующие)

Показатель	2025 г.	2026 г. (начало года/ прогноз)
Импорт машин и оборудования (изменение объёма)	Сокращение импорта (машины/оборудование) на ≈ 8,7% в 2025г	Тенденция сохранения давления на импортного поставщика благодаря санкциям
Доля предприятий без замены импорта	> 50% предприятий не нашли отечественных аналогов	Сохраняется высокий уровень импортной зависимости оборудования
Стоимость ввоза западного оборудования	+≈ 50% рост стоимости закупок западной техники	Удорожание из-за складных маршрутов/ логистики
Импорт электроники	Снижение импорта электроники до –3%	Последнее сокращение ввоза технологических товаров
Влияние на промышленное оборудование	Доля инвестиций в машины и оборудование ↓ до ~36,7%	Продолжающееся давление на обновление базового парка оборудования

Санкции 2025 – 2026 годов обострили технологическую уязвимость российского промышленного сектора, усилив зависимость от импорта машин, оборудования и комплектующих. Попытки импортозамещения и наращивания локального производства оказались ограниченными: значительная доля предприятий не смогла заместить зарубежные технологии. Одновременно рост стоимости ввоза вследствие санкционных ограничений и обходных логистических схем увеличил инвестиционные издержки и замедлил модернизацию производственной инфраструктуры, включая цифровизацию и обновление оборудования.

Угрозы энергетической и сырьевой безопасности. Основной целью санкций в данной сфере является подрыв основного источника экспортных доходов России. Эмбарго на импорт нефти и нефтепродуктов (ЕС, США) привело к необходимости перенаправить экспортные потоки

на рынки Азии [4]. Это повлекло за собой дополнительные затраты на логистику. Санкции также привели к ограничению экспорта некоторых ресурсов, таких как металл, древесина и др. Это оказывает влияние на уровень занятости в регионах, богатых природными ресурсами. «Потолок цен» на российскую нефть, установленный странами G7 и ЕС потолок цен (60 долларов за баррель) направлен на сокращение нефтегазовых доходов российского бюджета.

Угрозы транспортной и логистической безопасности. Разрыв транспортных связей формирует значительные вызовы, включая авиационную блокаду и ограничения на морские и сухопутные маршруты, что приводит к сбоям в поставках, росту дефицита и увеличению цен, негативно воздействуя на экономическую динамику страны. В этих условиях критически важно развивать альтернативные маршруты и укреплять внутреннюю транспортную инфраструктуру, обеспечивая системное планирование логистики для минимизации экономических издержек и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Анализ текущей санкционной практики свидетельствует, что ограничительные меры являются эффективным инструментом внешнего давления, оказывающим многоплановое влияние на экономическую безопасность государства. Санкции затрагивают критически важные элементы экономики — импортные потоки, валютные резервы и финансовую инфраструктуру, формируя структурные риски и повышая уязвимость национальной экономической системы. В этих условиях систематизация классификации санкций и оценка их последствий становятся ключевыми шагами для разработки целостной стратегии экономической устойчивости. Поддержание стабильности финансово-экономического пространства требует интеграции превентивных и адаптивных экономических мер в национальные стратегические документы, что находит отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400).

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://publication.pravo.gov.ru.

2. Коржубаев А. Г. Экономические санкции как инструмент геополитики: сущность и механизмы воздействия // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2022. — № 57. — С. 136 – 150.

3. Ведомости [Электронный ресурс] // URL: https://www.vedomosti.ru.

4. ИМЭМО РАН. Энергетика России под санкциями Запада. — 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://sciact.uiec+2.

5. Market Economy [Электронный ресурс] // URL: https://market-economy.ru.

6. Banki.ru [Электронный ресурс] // URL: https://www.banki.ru (https://www.banki.ru/).

© *Григорьян В. С., 2026*

EDN: HTIPEJ

Гурулева Ксения Владимировна
студент
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Волгоград, Россия
kguruleva05@mail.ru

Яковлева Диана Васильевна
студент
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Волгоград, Россия
yakovleva867764@yandex.ru

Научный руководитель:
Мединцева Ирина Петровна
доцент кафедры информационных систем
и математического моделирования
Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС
Волгоград, Россия
кандидат педагогических наук, доцент
medintseva-ip@ranepa.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ИНДИКАТОРОВ

Аннотация. В статье на основе регрессионного анализа статистических данных за 2011 – 2025 годы оценивается влияние цифровой трансформации на экономическую безопасность. С помощью

построенных регрессионных моделей подтверждается влияние инвестиционной активности на развитие высокотехнологичного производства, выявляются проблемы в кадровом обеспечении высокотехнологического производства.
Ключевые слова: цифровая трансформация, экономическая безопасность, технологический суверенитет, регрессионный анализ, ИКТ-специалисты, высокотехнологичное производство.

Цифровая трансформация выступает не только драйвером экономического роста, но и фактором устойчивости национальных экономик к внешним и внутренним вызовам. В условиях геополитической нестабильности и санкционного давления вопросы экономической безопасности приобретают особую значимость. Для России, взявшей курс на достижение технологического суверенитета, понимание влияния цифрового сектора на макроэкономические и социальные индикаторы становится необходимым условием выработки эффективной государственной политики.

Многие взаимосвязи между развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и параметрами экономической безопасности остаются недостаточно изученными. Дискуссионными являются вопросы о том, в какой мере инвестиции в основной капитал способствуют росту высокотехнологичного производства и насколько эффективно используется кадровый потенциал ИКТ-сферы.

Цель исследования — количественная оценка статистических взаимосвязей между показателями цифрового развития и ключевыми индикаторами экономической безопасности России. В рамках работы проверяются две гипотезы: рост инвестиционной активности сопровождается увеличением доли высокотехнологичной продукции в ВВП; существует прямая связь между численностью ИКТ-специалистов и долей высокотехнологичного сектора. Для проверки гипотез используется метод парного регрессионного анализа. Эмпирическую базу составляют данные Росстата и НИУ ВШЭ за 2011 – 2025 годы.

В рамках первой модели проверяется гипотеза о том, что рост инвестиционной активности сопровождается увеличением доли высокотехнологичной продукции в ВВП. Предполагается, что инвестиции в основной капитал выступают значимым фактором технологического развития и инструментом обеспечения технологического суверенитета.

Таблица 1. Исходные данные модели 1

Год	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, % (X)	Доля высокотехнологичной продукции в ВВП, % (Y)
2011	20,7	19,63
2012	21,0	20,18
2013	21,4	20,98
2014	20,8	21,60
2015	20,0	21,09
2016	21,3	21,32
2017	21,4	21,79
2018	20,0	21,32
2019	20,4	22,23
2020	21,5	25,00
2021	19,2	22,89
2022	19,7	21,94
2023	21,9	23,66
2024	22,6	24,19
2025	23,2	25,32

Для анализа использованы годовые данные за 2011 – 2025 гг. [1, 2], представленные в таблице 1. Оценка взаимосвязи осуществлялась методом парного линейного регрессионного анализа с критическим уровнем значимости 0,05.

В результате получено следующее уравнение регрессии (1):

$$(Y=4,38+0,849X) \quad (1),$$

где **Y** — доля высокотехнологичной продукции в ВВП, %;

X — доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %.

Коэффициент регрессии, равный 0,849, показывает, что при увеличении доли инвестиций в ВВП на один процентный пункт доля высокотехнологичной продукции возрастает в среднем на 0,849 процентных пункта.

Полученное значение значимости F составляет 0,0364, что меньше принятого критического уровня 0,05. Это позволяет сделать вывод о статистической значимости построенной модели.

Коэффициент корреляции R = 0,543 свидетельствует об умеренной прямой связи между переменными. Коэффициент детерминации R2, равный 0,295, показывает, что вариация инвестиционной активности объясняет лишь около 30 % изменений доли высокотехнологичной продукции в ВВП. Оставшиеся 70 % приходятся на факторы, не учтенные

в данной модели: государственную политику в сфере импортозамещения, конъюнктуру внешних рынков и санкционные ограничения, технологические сдвиги, структурные изменения в экономике, а также эффективность использования уже осуществленных инвестиций.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что инвестиции в основной капитал вносят значимый, но не доминирующий вклад в развитие высокотехнологичного сектора. Для обеспечения технологического суверенитета необходима комплексная политика, включающая не только наращивание инвестиций, но и институциональные преобразования, поддержку научных разработок и стимулирование спроса на инновационную продукцию.

Вторая модель проверяет гипотезу о том, что увеличение численности ИКТ-специалистов сопровождается ростом доли высокотехнологичной продукции. Логика гипотезы основана на предположении, что кадровый потенциал ИКТ-сферы является ключевым ресурсом технологического развития.

Для анализа использованы годовые данные за период 2020 – 2024 гг. [2, 3], представленные в таблице 2.

Таблица 2. Исходные данные модели 2

Год	Численность специалистов по ИКТ, тыс. чел. (X)	Доля высокотехнологичной продукции в ВВП, % (Y)
2020	1746,6	25,00
2021	1756,4	22,89
2022	1931,7	21,94
2023	1991,6	23,66
2024	2205,9	24,19

В результате получено следующее уравнение регрессии (2):

$$Y=23,15+0,0002X \quad (2),$$

где **Y** — доля высокотехнологичной продукции в ВВП, %;

X — численность специалистов по ИКТ, тыс. чел.

Полученное уравнение регрессии показывает, что при увеличении численности ИКТ-специалистов на 1 тысячу человек доля высокотехнологичной продукции возрастает лишь на 0,0002 процентных пункта, что статистически неотличимо от нуля.

Полученное значение значимости F составляет 0,959, что свидетельствует о статистической незначимости модели: зависимость между

переменными отсутствует. В силу ограниченности временного ряда (5 наблюдений) результаты требуют осторожной интерпретации.

Отвечая на вопрос, почему рост числа ИКТ-специалистов не сопровождается ростом высокотехнологичного производства, можно заметить, что, согласно данным [3], лишь 3 % ИКТ-специалистов заняты в обрабатывающей промышленности, тогда как 97 % работают в сфере услуг, финансах и торговле. Более половины (55,9 %) сосредоточены в отрасли «Информация и связь».

Таблица 3. Распределение ИКТ-специалистов по отраслям экономики

Отрасль	Доля ИКТ-специалистов, %
Информация и связь	55,9
Финансовый сектор	6,7
Профессиональная, научная и техническая деятельность	5,3
Обрабатывающая промышленность	3,1
Государственное управление	1,8
Транспортировка и хранение	1,5
Прочие отрасли	25,7

Таким образом, гипотеза не находит подтверждения. Отрицательный результат указывает на системную проблему в кадровом обеспечении технологического развития и требует корректировки государственной политики.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение для понимания роли цифрового сектора в системе экономической безопасности России.

Первая модель подтвердила значимое влияние инвестиционной активности на развитие высокотехнологичного производства: при росте доли инвестиций в ВВП на 1 процентный пункт доля высокотехнологичной продукции увеличивается на 0,85 процентных пункта. Однако коэффициент детерминации показывает, что инвестиции объясняют лишь около 30 % динамики сектора. Действующий инвестиционный механизм нуждается в дополнительных стимулах, что предполагает реализацию комплекса мер, включая институциональные реформы и финансирование НИОКР.

Вторая модель не показала явной взаимосвязи между численностью специалистов по ИКТ и долей высокотехнологичной продукции. Подобная ситуация обусловлена кадровым дисбалансом: основная масса

специалистов (97 %) сосредоточена в сфере услуг и финансовом секторе, тогда как обрабатывающая промышленность испытывает их дефицит (3 %). Подобная миграция кадров в непроизводственные сферы создает предпосылки для усиления технологической зависимости страны.

Таким образом, несмотря на количественный рост цифрового сектора, сохраняются фундаментальные диспропорции. Инвестиции пока не стали определяющим катализатором технологического прогресса, а имеющийся кадровый потенциал задействован неэффективно. Цифровая трансформация, являясь критическим фактором экономической безопасности, требует для своей реализации устранения выявленных структурных барьеров и перекосов.

Список литературы:

1. Доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте [Электронный ресурс] // URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/11186 (дата обращения: 03.03.2026).

2. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП (Данные по ОКВЭД2) [Электронный ресурс] // URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/11189 (дата обращения: 03.03.2026).

3. Цифровая экономика: 2026: краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. — 132 с.

© Гурулева К. В., Яковлева Д. В., 2026

EDN: HBYATQ

Давыдов Никита Вячеславович
студент
Белорусский государственный
университет транспорта
Гомель, Беларусь
7015558@gmail.com

Вишняк Яна Владимировна
студентка
Белорусский государственный
университет транспорта
Гомель, Беларусь
yanavishuak@gmail.com

Научный руководитель:
Путято Ольга Васильевна
старший преподаватель кафедры Таможенное дело
Белорусский государственный университет транспорта
Гомель, Беларусь
olga-putyato-81@mail.ru

РОЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ В ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В настоящей работе исследуется вклад правоохранительных структур Республики Беларусь в поддержание экономической устойчивости государства в сфере таможенного регулирования. Анализируются аспекты их взаимодействия с таможенными службами, вопросы определения компетенций и значение скоординированных действий при выявлении трансграничных экономических преступлений. Формулируется вывод о стратегической важности межведомственного сотрудничества в условиях нарастающей внешней экономической деятельности.

Ключевые слова: экономическая стабильность Республики Беларусь, правоохранительные органы, таможенные службы, внешнеэкономические операции, межведомственное партнерство, трансграничные преступления.

Экономическая защищенность государства достигается не только посредством разработки стратегических документов и планов развития. Ее реальная эффективность определяется способностью государства оперативно противодействовать конкретным угрозам в хозяйственной сфере [1].

Для Беларуси одной из наиболее уязвимых областей традиционно остается внешнеэкономическая деятельность, где пересекаются национальные интересы, международные обязательства и коммерческие интересы бизнеса. Географическое положение страны обуславливает интенсивные транзитные грузопотоки. Через территорию страны проходит значительный объем товаров, следующих в государства Евразийского экономического союза и обратно [3]. Такая активность неизбежно увеличивает нагрузку на систему государственного надзора. При этом сами экономические нарушения становятся все более сложными и часто выходят за рамки простого несоблюдения таможенных правил.

Таможенные органы Беларуси играют главную роль в контроле за перемещением товаров и транспортных средств через границу. Их деятельность включает проверку подлинности заявляемых сведений, корректность расчета и уплаты пошлин, а также соблюдение ограничений [3, 4]. Однако практика показывает, что выявление нарушений на этапе таможенного контроля далеко не всегда отражает их истинные масштабы противоправной деятельности. Занижение таможенной стоимости, подмена кодов товаров или использование льготных режимов могут быть лишь частью более масштабных финансовых схем. В таких случаях требуется анализ всей хозяйственной деятельности субъекта, установление связей между аффилированными компаниями и проверка денежных потоков. Эти задачи относятся к компетенции и иных правоохранительных органов [2].

Подразделения МВД, ответственные за экономическую безопасность, обладают инструментами для проведения оперативно-розыскных мероприятий, финансовых расследований и процессуальных действий. Это позволяет не только фиксировать факт нарушения, но и выявлять его организаторов и конечных бенефициаров, обеспечивая комплексный характер реагирования [5].

Трансграничные правонарушения редко бывают локальными. Они основаны на различиях в законодательстве, особенностях таможенных процедур и пробелах в обмене информацией. Для Беларуси, как участницы интеграционных процессов, важно не только выявлять единичные случаи нарушений, но и предотвращать системные злоупотребления [5].

Взаимодействие правоохранительных органов и таможни должно строиться на прочной системе координации, где информация о рисковых поставках, подозрительных финансовых операциях и участниках внешнеэкономической деятельности анализируется совместно [2, 3]. Только такой подход позволяет своевременно выявлять признаки организованных преступных схем.

Отдельной проблемой остается четкое разграничение полномочий. Чрезмерное вмешательство различных ведомств в деятельность добросовестных предпринимателей может негативно повлиять на деловой климат, тогда как недостаточная координация оставляет отдельные аспекты противоправной деятельности вне поля зрения [1, 2]. Поиск баланса между контролем и избеганием излишней административной нагрузки является одной из актуальных задач правоприменительной практики [5].

Современные условия требуют активного применения цифровых инструментов анализа. Сопоставление данных таможенных деклараций, налоговой отчетности и банковских операций позволяет выявлять несоответствия, которые могли бы остаться незамеченными при раздельном рассмотрении. Правоохранительные органы отвечают за процессуальное сопровождение и юридическую квалификацию выявленных фактов. Не менее важным направлением является профилактика. Анализ типичных способов совершения правонарушений позволяет разрабатывать рекомендации для бизнеса и корректировать административные процедуры [5].

В подтверждение значимости взаимодействия Министерства внутренних дел и Государственного таможенного комитета Республики Беларусь можно привести случай, выявленный на пункте пропуска «Григоровщина» на белорусско-латвийской границе. В марте 2019 г. инспекторы таможни при проведении контроля обнаружили в грузовом автомобиле «Volvo» признаки сокрытия запрещенных наркотических средств и психотропов, посредством использование инспекционно-досмотрового комплекса, а также кинологической службы Витебской

таможни. В нижней части прицепа злоумышленники оборудовали тайник, в котором находились более 130 кг гашиша и около 10 кг таблеток экстази. Обнаружение тайника стало возможным благодаря использованию комплекса оперативно-розыскных мероприятий и совместной работе отдела по борьбе с контрабандой и посттаможенному контролю Государственного таможенного комитета и отдела по наркоконтролю и торговле людьми МВД Республики Беларусь.

Как отметил сотрудник отдела по борьбе с контрабандой и посттаможенному контролю ГТК, тайник был изготовлен в нижней части прицепа транспортного средства. Свою роль в успешном выявлении сыграли не только инспекционные мероприятия, но и предварительная оперативная информация, полученная от иностранных ведомств, а также от МВД Республики Беларусь. Представитель МВД подчеркнул, что подобные совместные мероприятия позволяют предупреждать попытки международного наркотрафика и привлекать к ответственности организаторов схем, а не только физических исполнителей [6].

Экономическая безопасность государства в таможенной сфере во многом определяется не только качеством нормативного регулирования, но и практической эффективностью взаимодействия компетентных органов. В условиях роста внешнеэкономической активности и усложнения трансграничных схем правонарушений изолированная деятельность отдельных ведомств не обеспечивает должного результата.

Таможенные органы выполняют функцию выявления и пресечения нарушений на этапе перемещения товаров через границу, тогда как органы внутренних дел обеспечивают оперативное сопровождение и процессуальную реализацию выявленных фактов. Рассмотренный пример совместных действий в пункте пропуска «Григоровщина» показывает, что именно согласованность и своевременный обмен информацией позволяют не только обнаружить противоправное деяние, но и довести дело до логического завершения в рамках уголовного преследования.

Перспективным направлением развития взаимодействия правоохранительных органов представляется дальнейшее цифровизация обмена данными, совершенствование риск-ориентированных механизмов контроля и четкое разграничение компетенций между ведомствами. Комплексный и координированный подход выступает необходимым условием укрепления экономической устойчивости Республики Беларусь в сфере таможенного регулирования.

Список литературы:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах) [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19402875 (дата обращения: 18.02.2026).

2. Об органах внутренних делах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700263 (дата обращения: 18.02.2026).

3. О таможенном регулировании в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400129 (дата обращения: 18.02.2026).

4. Блинова О. А. Историко-правовые основы становления и развития таможенных органов Республики Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 2. С. 45 – 51 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-osnovy-stanovleniya-i-razvitiya-tamozhennyh-organov-respubliki-belarus (дата обращения: 18.02.2026).

5. Шавель В. Н. Экономическая безопасность Республики Беларусь: правовые механизмы обеспечения // Право.by. 2021. № 4. С. 32 – 38 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-respubliki-belarus-pravovye-mehanizmy-obespecheniya (дата обращения: 18.02.2026).

6. 130 кг гашиша и 10 кг таблеток «экстази» задержали таможенники в пункте пропуска «Григоровщина» [Электронный ресурс] // URL: https://www.vitbichi.by/news/proisshestviya/kriminal/130_kg_gashisha_i_10_kg_tabletok_ekstazi_zaderzhali_tamozhenniki_v_punkte_propuska_grigorovshchina (дата обращения: 20.02.2026).

© Давыдов Н. В., Вишняк Я. В., 2026

EDN: GCRAJU

Демченко Илья Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
ilademchenko003@gmail.com

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется соотношение категорий «механизм правового регулирования» и «правовая технология» применительно к сфере обеспечения экономической безопасности. Выявляются сущностные признаки, различия и взаимосвязь данных понятий, обосновывается их взаимодополняющий характер. Особое внимание уделяется роли правовых технологий в цифровой трансформации механизма защиты экономических интересов и значению информационной безопасности в данном процессе.
Ключевые слова: экономическая безопасность, механизм правового регулирования, правовая технология, органы внутренних дел, информационная безопасность, цифровизация, правовые средства.

В отечественной юридической науке категория «механизм правового регулирования» имеет давнюю традицию теоретической разработки

и прочно утвердилась в понятийном аппарате общей теории права. Категория же «правовая технология» — явление для отечественного правоведения относительно новое, активная дискуссия вокруг которого развернулась лишь в последние два десятилетия. Долгое время эти два понятия существовали параллельно, практически не пересекаясь. Однако в условиях цифровой трансформации, усложнения экономических отношений и актуализации задач обеспечения экономической безопасности вопрос об их соотношении приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] определяет совершенствование правового регулирования в сфере экономики как одно из ключевых направлений государственной политики. Возникает закономерная проблема: являются ли правовые технологии лишь элементом, стадией или инструментом в рамках механизма правового регулирования экономических отношений, либо же сам механизм правового регулирования следует рассматривать как одну из разновидностей правовых технологий, используемых для защиты экономических интересов? Ответ на этот вопрос требует не формально-терминологического сопоставления, а содержательного анализа онтологических оснований обеих категорий в контексте экономической безопасности. Цель настоящей статьи — выявить сущностные признаки механизма правового регулирования и правовой технологии, установить характер соотношения между ними и определить место каждой из категорий в системе обеспечения экономической безопасности, в том числе в деятельности органов внутренних дел.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод, позволивший рассмотреть механизм правового регулирования и правовую технологию в их развитии, взаимообусловленности и противоречивом единстве применительно к защите экономики. Формально-юридический метод применен при анализе теоретических конструкций и нормативных правовых актов в сфере экономической безопасности. Системно-структурный метод обеспечил выявление элементного состава каждого из исследуемых явлений. Особое значение имел сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить различные доктринальные подходы. Метод правового моделирования использован для экстраполяции общих закономерностей управления социально-экономическими системами на сферу правового регулирования экономической безопасности [2]. Исследование опирается на труды отечественных

правоведов в области теории государства и права, юридической техники, информационного права и экономической безопасности. Эмпирическую основу составили нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность по обеспечению экономической безопасности, в том числе ведомственные акты МВД России.

Понятие механизма правового регулирования традиционно определяется как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. В классическом определении С. С. Алексеева, механизм правового регулирования — это последовательная цепь изменения правовой действительности, начинающаяся с издания нормы и завершающаяся достижением цели законодателя [3]. В структуру механизма традиционно включают юридические нормы, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, а также правоприменительные акты. Применительно к экономической безопасности данный механизм направлен на создание условий для защищенности экономических интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Иная исследовательская традиция сложилась вокруг категории «правовая технология». Т. В. Кашанина определяет правовую технологию как совокупность принципов, приемов, методов и средств подготовки, принятия и реализации правовых актов, обеспечения их эффективности [4]. В отличие от механизма правового регулирования, который акцентирует статику — набор взаимосвязанных элементов, правовая технология делает упор на динамику — последовательность операций, алгоритм деятельности субъектов, включая органы внутренних дел, по достижению целей экономической безопасности.

Сопоставление двух категорий в контексте экономической безопасности позволяет выявить следующие сущностные различия. Первое различие — в предмете отражения. Механизм правового регулирования описывает объективную логику движения правовой материи от нормы к общественному отношению в экономической сфере, тогда как правовая технология отражает субъективный, деятельностный аспект — как и в какой последовательности субъекты (законодатель, правоприменитель, сотрудник ОВД) должны действовать для достижения желаемого результата — обеспечения защищенности экономики. Второе различие — в структурировании. Механизм правового регулирования традиционно представляется как линейная последовательность стадий, тогда как правовая технология допускает вариативность, циклические

возвраты, корректировку в зависимости от промежуточных результатов (например, при расследовании экономического преступления). Третье различие — в критериях оценки. Эффективность механизма правового регулирования оценивается преимущественно по конечному результату — достигнута ли цель законодателя по защите экономики. Эффективность правовой технологии оценивается по соотношению «затраты — результат» и по степени алгоритмизации деятельности [5].

Четвертое различие, приобретающее особую значимость в условиях цифровизации экономики, связано с ролью информационной составляющей. А. А. Нечай и Е. В. Федоркевич, исследуя феномен цифрового следа, обоснованно отмечают, что современное правовое регулирование все чаще сталкивается с объектами, существующими исключительно в цифровой форме и не имеющими материального носителя [6]. Механизм правового регулирования, сложившийся в индустриальную эпоху, не всегда адекватно отражает специфику таких объектов, что создает риски для экономической безопасности. Правовая технология, напротив, изначально ориентирована на работу с информацией и допускает включение цифровых инструментов в качестве полноценных элементов. А. А. Нечай в своем монографическом исследовании подчеркивает, что информационная безопасность становится не просто условием, а неотъемлемым компонентом любой юридически значимой деятельности, включая защиту экономических интересов, и эта компонента должна быть интегрирована в технологические процедуры на всех стадиях [7]. Более того, разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных правовых технологий противодействия экономическим угрозам в цифровой среде [8].

Принципиальное значение для понимания соотношения рассматриваемых категорий в сфере экономической безопасности имеет вопрос о субъектном составе. Механизм правового регулирования традиционно описывается как объективно существующая система, где субъекты выступают носителями прав и обязанностей. Правовая технология, напротив, всегда субъектно ориентирована: она отвечает на вопрос «кто, что и в какой последовательности делает» для защиты экономики. Как показывают исследования М. И. Грачева, посвященные автоматизации организационных процессов, современные технологии допускают передачу части операций техническим устройствам, но целеполагание и контроль остаются прерогативой человека [9]. Экстраполируя этот

вывод на правовую сферу, можно утверждать, что правовая технология обеспечения экономической безопасности включает не только нормативно установленные процедуры, но и организационно-техническое обеспечение их реализации, а также компетенции сотрудников, включая их подготовку в области информационной безопасности [10].

С учетом выявленных различий возможны три модели соотношения механизма правового регулирования и правовой технологии применительно к экономической безопасности. Согласно первой модели, правовая технология рассматривается как элемент механизма правового регулирования, отвечающий за инструментальное обеспечение одной из стадий — например, стадии правотворчества в сфере экономики. Вторая модель исходит из того, что механизм правового регулирования представляет собой частный случай правовой технологии — технологию достижения состояния защищенности экономики средствами права. Сторонники этого подхода указывают, что механизм правового регулирования обладает всеми признаками технологии: он имеет цель, алгоритмизирован, состоит из последовательных стадий, предполагает оценку результата. Третья, компромиссная модель рассматривает механизм правового регулирования и правовую технологию как самостоятельные, но взаимодополняющие категории, отражающие различные срезы правовой действительности: статико-структурный и динамико-деятельностный. Представляется, что именно третья модель наиболее адекватно отражает современное состояние юридической науки и практики обеспечения экономической безопасности. Она позволяет не редуцировать одно понятие к другому, а использовать каждое для решения специфических исследовательских и прикладных задач, стоящих перед органами внутренних дел и иными субъектами.

Значимым аргументом в пользу такого подхода выступает эволюция самого механизма правового регулирования экономических отношений под влиянием цифровых технологий. Исследователи фиксируют появление «нетипичных» элементов: правовые позиции, принципы, цифровые алгоритмы, автоматизированные системы контроля. А. Н. Мочалов, анализируя конституционно-правовые проблемы использования цифровых следов, приходит к выводу, что традиционный механизм правового регулирования испытывает серьезные затруднения при попытке регламентировать отношения, складывающиеся по поводу информации, которая генерируется автоматически [11]. Правовая технология, напротив, более гибко адаптируется к цифровой среде, поскольку изначально

оперирует категориями алгоритма, процедуры, последовательности операций. А. А. Серова подчеркивает, что проблема заключается не столько в отсутствии норм, сколько в отсутствии отработанных технологий их реализации в сфере охраны цифровых объектов [12]. Сама правовая практика подталкивает к смещению исследовательского фокуса с механизма правового регулирования на правовые технологии как инструмент решения конкретных задач экономической безопасности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что категории «механизм правового регулирования» и «правовая технология» не являются ни тождественными, ни взаимопоглощающими. Они отражают различные ракурсы рассмотрения правовой действительности в сфере экономической безопасности: механизм правового регулирования отвечает на вопрос «как право воздействует на экономические отношения», правовая технология — «как субъекты (включая ОВД) должны действовать для достижения целей защиты экономики». Первая категория тяготеет к объективному, институциональному описанию, вторая — к субъективному, деятельностному. В этом смысле они являются взаимодополняющими. Дискуссионным остается вопрос о том, сохраняет ли категория «механизм правового регулирования» свою эвристическую ценность в условиях цифровой трансформации экономики. Представляется, что более продуктивным является не отказ от традиционной категории, а ее развитие через сопряжение с категорией «правовая технология. Механизм правового регулирования задает институциональную рамку, определяет цели, принципы, допустимые пределы воздействия на экономические отношения. Правовая технология обеспечивает инструментальное наполнение этой рамки, предлагает конкретные алгоритмы действий субъектов, включая органы внутренних дел, формализует процедуры выявления, предупреждения и пресечения экономических угроз, оптимизирует соотношение затрат и результатов. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в уточнении понятийно-категориального аппарата теории экономической безопасности и создании основы для дальнейших исследований в области правотворческих и правоприменительных технологий в экономической сфере. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенного подхода при совершенствовании законодательства об экономической безопасности, разработке административных регламентов деятельности подразделений ЭБиПК, стандартов информационной защиты, а также в образовательном процессе при подготовке специалистов для органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Бурлов В. Г., Грачев М. И. Аналитическо-динамическая модель управленческого решения в социально-экономических системах на примере руководителя учебного заведения высшего образования // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2019. Т. 13. № 10. С. 27 – 34.

3. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.

4. Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права. М.: Норма, 2022. 496 с.

5. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

6. Нечай А. А., Федоркевич Е. В. Что такое цифровой след и можно ли его скрыть? // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18 – 19 апреля 2023 года. Том 1. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 284 – 288.

7. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

8. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

9. Грачев М. И. Повышение эффективности работы организации на основе критерия автоматизации // Интеллектуальные системы в производстве. 2023. Т. 21. № 3. С. 144 – 150.

10. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

11. Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. Т. 24. Вып. 4. С. 164 – 189.

12. Серова А. А. Цифровой след как объект правовой охраны: правовые и этические аспекты // Молодой ученый. 2026. № 4 (607) [Электронный ресурс] // URL: https://moluch.ru/archive/607/132813 (дата обращения: 13.02.2026).

© Демченко И. А., 2026

EDN: GDQYJW

Джандаров Хизар Халитович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
dzandarovhizar@gmail.com

Научный руководитель:
Борина Любовь Вадимовна
заместитель начальника кафедры финансового учёта и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
borinalv@mail.ru

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье исследуется роль судебно-экономической экспертизы как возможность обеспечения экономической безопасности государства. Рассматриваются цели и задачи эксперта в последствии выявления и доказывания экономических правонарушений, таких как мошенничество, легализация доходов. В работе также поднимаются проблемные вопросы такие, как необходимость адаптации методик экспертизы к новым схемам финансовых преступлений, вопросы повышения квалификации экспертов и обеспечения независимости их выводов.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, экономическая безопасность, финансовые нарушения, налоговые преступления, преднамеренное банкротство, экспертные методики, доказательства в суде, экономические риски.

Экономическая безопасность является важным фактором для обеспечения стабильности и процветания страны [1]. От нее зависит защита экономических интересов страны, обеспечение устойчивого экономического роста, создание благоприятных условий для развития, а также привлечения инвестиций и защиту существующих запасов, ресурсов и технологий.

Судебная экономическая экспертиза играет важную роль в расследовании преступлений экономической направленности и разрешении споров, предоставляя объективные доказательства на основе специальных знаний. К тому же, она помогает судам устанавливать факты нарушений в области экономики, что способствует обеспечению экономической безопасности на уровне предприятий, субъектов и государства.

Судебно-экономическая экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения экономического исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешения которых требует специальных знаний в области экономической науки, и поставлены перед экспертом, судом или органом дознания [2].

Целью судебной экспертизы является установление фактических обстоятельств, необходимых для правильного разрешения дела. По результатам исследования эксперт составляет заключение, которое является одним из источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, — доказательствами [2].

Задачами судебно-экономической экспертизы выступают: анализ современных угроз экономической безопасности, в целях подавления которых наиболее эффективно применение судебно-экономической экспертизы; выявление и систематизация функций судебно-экономической экспертизы в сфере экономической безопасности (познавательная, профилактическая и контрольная); исследование механизма взаимодействия правоохранительных органов, судов и экспертных организаций в процессе обеспечения экономической безопасности.

Судебно-экономическая экспертиза играет важную роль в обеспечении экономической безопасности государства. Названное процессуальное действие направлено на то, чтобы выявлять правонарушения в финансово-экономической сфере, а также решать вопросы в бухгалтерской, налоговой, финансовой и кредитной областях. За последние годы в стране рост экономических преступлений сильно вырос. Обусловлено это тем, что в стране высокий уровень коррупций и недостаточности надзора за финансовыми потоками. В России участились преступления

тяжкого характера в цифровой экономике. Рассмотрим статистические данные про виды экономических преступлений на рисунке 1, взятые с официального сайта МВД России [3].

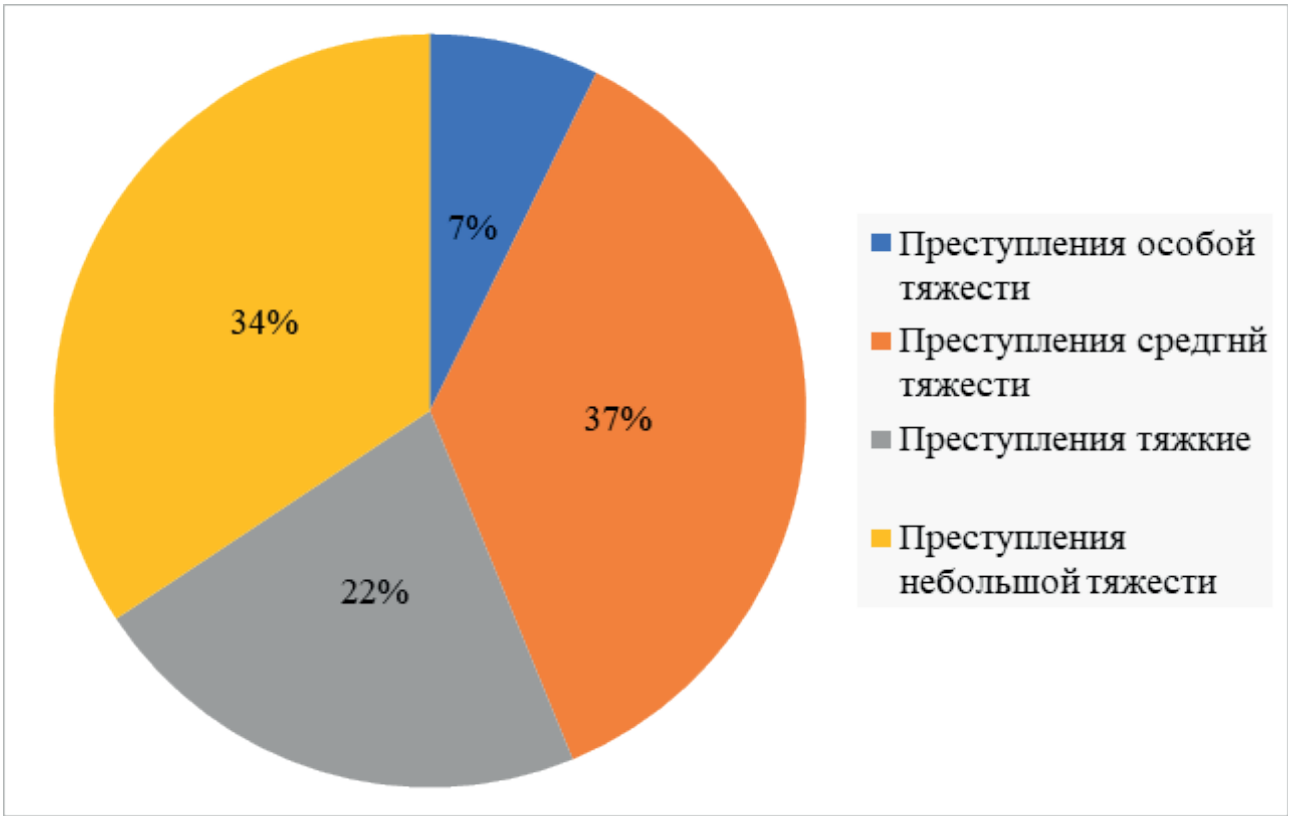

Рисунок 1. Категория преступлений в сфере экономической деятельности

МВД России информирует, что за девять месяцев 2025 года наблюдалось снижение количества зарегистрированных в Российской Федерации преступлений на 5,4 % [4].

Уменьшилось количество мошенничеств всех видов — на 5,1 %.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что судебно-экономическая экспертиза является критически важным механизмом в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации. Являясь инструментом судебного доказывания, она обеспечивает не только установление истины по конкретным уголовным и арбитражным делам, но и выполняет важнейшую предупреждающую и стабилизирующую функции.

Кроме того, экспертиза помогает прямому противодействию экономическим преступлениям (коррупции, мошенничеству, незаконным финансовым операциям), что позволяет возместить причиненный ущерб и защитить государственную собственность. Судебно-экономическая экспертиза, через выявление системных недостатков в законодательстве,

создает основу для совершенствования правового звена и повышения посторонних инвестиций для страны. Таким образом, судебно-экономическая экспертиза выступает не просто вспомогательным процессуальным институтом, а полноценным элементом системы национальной безопасности, обеспечивающим защиту финансово-экономических интересов государства.

Список литературы:

1. Синельникова, М. Э. Экономическая безопасность России на современном этапе развития / М. Э. Синельникова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 5-3(80). — С. 184 – 188.

2. Городнова Н. В. Судебная экономическая экспертиза: понятие, сущность и методический инструментарий / Н. В. Городнова, С. В. Феофанов // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — Т. 11. № 3. — С. 605 – 622.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июль 2025 года [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/31904956/ (дата обращения: 03.03.2026).

4. Отчетность о состоянии преступности в РФ // Портал правовой статистики Генпрокуратуры [Электронный ресурс] // URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 03.03.2026).

© Джандаров Х. Х., 2026

EDN: GPQBAP

Джойс Глеб Робертович
студент
Омский государственный университет путей сообщения
Омск, Россия
glebjoyce2004@gmail.com

Джойс Роберт Робертович
студент
Омский государственный университет путей сообщения
Омск, Россия
robertojoyce10@gmail.com

Научный руководитель:
Ларина Ирина Вячеславовна
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции
Омский государственный университет путей сообщения
Омск, Россия
кандидат экономических наук, доцент
AAAlex2020@list.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЙДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется феномен рейдерства как системная угроза экономической безопасности хозяйствующих субъектов в современных российских реалиях. Анализируется эволюция методов недружественного поглощения: переход от силовых захватов 1990-х годов к корпоративным и административным механизмам. Особое внимание уделяется проблемам фальсификации корпоративной документации и использования института банкротства в противоправных целях. Приводятся статистические данные о правоприменительной практике и рассматривается роль органов внутренних дел в системе противодействия данным угрозам.

Ключевые слова: рейдерство, экономическая безопасность, недружественное поглощение, хозяйствующий субъект, органы внутренних дел, корпоративный конфликт, фальсификация документов.

Проблема обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях современной России приобретает особую актуальность. Если на рубеже XX – XXI веков основными вызовами для предпринимательского сообщества являлись открытые криминальные разборки и силовые захваты предприятий, то в настоящее время ландшафт угроз претерпел существенную трансформацию. Как справедливо отмечает А. Ю. Федоров, «современное рейдерство утратило черты открытого криминала, мимикрируя под легальные корпоративные процедуры» [1]. На смену методам прямого физического принуждения пришли юридически формализованные механизмы, действующие в пограничной зоне правового поля, использующие коррупционные связи, административный ресурс и пробелы в корпоративном законодательстве.

Актуальность темы детерминирована совокупностью факторов. Во-первых, уход с российского рынка значительного числа иностранных компаний создал институциональный вакуум в ряде секторов экономики, что объективно провоцирует передел собственности и обострение конкурентной борьбы, зачастую ведущейся недобросовестными методами. Во-вторых, цифровизация экономики и внедрение электронного документооборота породили новые риски, связанные с фальсификацией данных в единых государственных реестрах и неправомерным использованием электронной цифровой подписи. В-третьих, высокая ключевая ставка и ужесточение денежно-кредитной политики Центрального Банка РФ обусловливают уязвимость многих предприятий для скупки долгов и инициирования управляемого банкротства.

В связи с выше сказанным, возникла необходимость проанализировать современные методы рейдерских захватов, выявление роли органов внутренних дел в противодействии этим угрозам и оценка эффективности существующих механизмов защиты хозяйствующих субъектов.

Отметим, что термин «рейдерство» в российском законодательстве отсутствует, что создает существенные сложности для квалификации деяний. В уголовном праве данные действия могут подпадать под различные составы преступлений: от мошенничества (ст. 159 УК РФ) до принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) и регистрации незаконных сделок с недвижимым

имуществом (ст. 170 УК РФ). В широком смысле под рейдерством понимается недружественное поглощение предприятия-цели, вопреки воле его собственников или менеджмента [2].

Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта представляет собой состояние защищенности его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое функционирование и развитие. В. К. Сенчагов определяет экономическую безопасность предприятия как «состояние наиболее эффективного использования корпоративных ресурсов для предотвращения угроз и обеспечения стабильного функционирования в настоящее время и в будущем» [3]. Рейдерство выступает комплексной угрозой, поражающей все элементы экономической безопасности: от финансовой устойчивости до сохранности активов и корпоративного суверенитета.

В научной литературе выделяют три основных этапа эволюции рейдерства в постсоветской России. Первый этап (1990-е годы) характеризовался открытым криминальным силовым давлением: захватом зданий, физическим устранением или запугиванием руководителей. Второй этап (2000-е – начало 2010-х годов) ознаменовался переходом к так называемому «корпоративному рейдерству», когда захваты осуществлялись с использованием судебных решений, поддельных реестров акционеров и манипуляций с задолженностью. Третий этап (современность) представляет собой «цифровое» или «административное» рейдерство, базирующееся на использовании электронных сервисов, аффилированности с должностными лицами регистрирующих органов и агрессивном применении законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Анализ правоприменительной практики последних лет позволяет выделить несколько доминирующих схем, используемых для недружественного поглощения бизнеса.

Наиболее распространенным на сегодняшний день так и остается метод фальсификации корпоративной документации. По экспертным оценкам, около 80 % уголовных производств, связанных с рейдерством, касаются именно подделки документов. Современные технологии позволяют злоумышленникам изготавливать поддельные протоколы общих собраний участников общества, на основании которых в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) вносятся изменения о смене единоличного исполнительного органа или составе участников. Легальность таким изменениям придает тот факт, что в Федеральную налоговую службу зачастую предоставляются документы, подписанные

электронной подписью, получить неправомерный доступ к которой возможно как с использованием цифровых технологий, так и путем сговора с обладателями сертификатов ключей проверки электронных подписей.

Заслуживает внимание схема, связанная с использованием института банкротства. Схема «заказного банкротства» переживает второе рождение. Механизм реализуется следующим образом: рейдеры консолидируют незначительную задолженность компании (часто номинальную), после чего инициируют процедуру банкротства. Как указывает Е. А. Суханов, «институт банкротства из механизма оздоровления экономики превратился в орудие передела собственности» [4]. Введя аффилированную кандидатуру арбитражного управляющего, они получают полный контроль над финансовыми потоками и активами должника. Высокая закредитованность бизнеса в условиях жесткой денежно-кредитной политики делает эту схему особенно опасной: любое предприятие, допустившее просрочку даже по незначительному платежу, потенциально может стать объектом атаки.

Интерес представляет схема, используемая для недружественного поглощения бизнеса — это уголовное преследование как инструмент корпоративного давления. Данная схема представляет собой наибольшую общественную опасность, так как дискредитирует саму систему правосудия. Конфликтующие стороны инициируют возбуждение уголовного дела в отношении менеджмента компании-цели. Возбуждение дела, особенно по экономическим составам преступлений, сопровождается обысками, выемкой документации и арестом счетов. Параллельно с этим аффилированный с рейдерами истец подает иск в арбитражный суд об истребовании имущества или оспаривании сделок. Под давлением уголовного преследования законные владельцы бизнеса лишаются возможности полноценно участвовать в арбитражном процессе, что в конечном итоге приводит к утрате активов.

На современном этапе стоит отметить миграционный фактор как опосредованную угрозу. Несмотря на то, что миграционная политика не коррелирует напрямую с корпоративными захватами, контроль за трудовыми мигрантами стал весомым рычагом давления на определенные сектора экономики (строительство, торговля, услуги). Контрольно-надзорные мероприятия, подобные проведенным в Москве (7 632 проверки за 9 месяцев 2025 года) и Санкт-Петербурге, зачастую становятся инструментом тотальной проверки бизнеса. Возможность выявления нарушений миграционного учета присутствует практически у любой

компании, использующей иностранную рабочую силу, что создает коррупциогенный фактор и может использоваться для оказания давления на хозяйствующий субъект.

Для объективной оценки масштабов проблемы необходим анализ официальных статистических данных. Росстат и МВД России не публикуют статистику по рейдерству в чистом виде, однако анализ косвенных показателей и данных региональных управлений позволяет составить вполне репрезентативную картину.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2024 году зарегистрировано 102,3 тыс. преступлений экономической направленности, из которых около 15 % (примерно 15,3 тыс.) так или иначе связаны с корпоративными конфликтами и незаконным захватом собственности. Наблюдается разнонаправленная динамика. С одной стороны, количество регистрируемых фактов рейдерства может снижаться в силу их высокой латентности и перехода в более «цивилизованные» формы. С другой стороны, эффективность расследований остается крайне низкой: подозрения предъявляются менее чем в половине случаев, а до суда доходит около 40 % дел [5].

Географически наибольшее количество экономических преступлений и корпоративных конфликтов фиксируется в регионах с высокой деловой активностью. В лидерах антирейтинга по экономическим преступлениям стабильно находятся Челябинская, Свердловская области, Москва и Санкт-Петербург. Именно здесь сосредоточены основные активы и наиболее остра конкурентная борьба. Показательно, что в 2025 году в Санкт-Петербурге только в ходе разовых оперативных мероприятий задерживались сотни нарушителей и возбуждались десятки уголовных дел, что указывает на высокую оперативную активность, но также и на высокий уровень криминализации отдельных сфер экономики.

Оговаривая роль МВД России в системе обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов отметим двойственный характер, требующий специального рассмотрения. С одной стороны, органы внутренних дел выступают основным инструментом борьбы с криминальными проявлениями рейдерства. Подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) обязаны реагировать на заявления о фальсификации корпоративных документов, мошенничестве и вымогательстве.

Как отмечает в своем исследовании С. И. Гирько, «деятельность ОВД по противодействию рейдерству осложняется отсутствием

специализированных составов преступлений и сложностью доказывания корыстной цели захватчиков» [2]. Успешные операции полиции, такие как масштабные проверки на въездах в города с привлечением Росгвардии и военной техники, демонстрируют способность силового блока к мобилизации и обеспечению правопорядка. Однако, как показывает практика, внимание МВД чаще сосредоточено на очевидных составах правонарушений (миграционных, административных), в то время как сложные экономические составы, требующие высокой квалификации сотрудников, расследуются с существенными затруднениями.

С другой стороны, сохраняется проблема использования полицейского ресурса в корпоративных конфликтах. До тех пор, пока уголовное дело может быть возбуждено на основании заявления, поданного одной из сторон конфликта, сохраняется риск использования правоохранительной системы как инструмента рейдерского захвата. Сам факт проведения оперативно-розыскных мероприятий в офисе компании наносит ущерб деловой репутации, сопоставимый с последствиями последующего прекращения дела за отсутствием состава преступления. В 2025 году в ходе масштабных оперативно-профилактических мероприятий «Нелегал-2025» в Московской области было возбуждено более 700 уголовных дел, что демонстрирует высокую активность правоохранительной системы, но также и потенциальные риски избирательного правоприменения.

Все сказанное выше подводит нас к выводу, что создание надежной системы защиты предприятий от рейдерских захватов — задача первостепенной важности. Таким образом, для минимизации рисков недружественного поглощения хозяйствующим субъектам, по нашему мнению, необходимо выстраивать комплексную систему экономической безопасности, включающую следующие элементы:

1. Правовая защита корпоративной структуры. Использование нотариального удостоверения сделок, установление в уставе общества максимально возможного кворума для принятия ключевых решений, закрепление требования о личном присутствии при смене единоличного исполнительного органа. По мнению Д. И. Степанова, «нотариальное удостоверение корпоративных процедур является наиболее эффективным барьером против фальсификации решений органов управления» [6].

2. Мониторинг кредиторской задолженности. Постоянный контроль за текущими обязательствами, которые могут быть консолидированы рейдерами для инициирования процедуры банкротства. Своевременное погашение любой просроченной задолженности.

3. Взаимодействие с профессиональными регистраторами. Переход на обслуживание к независимому регистратору, имеющему надежную репутацию, что минимизирует риск «двойного реестра» и внесения недостоверных сведений в реестр акционеров.

4. Страхование титула и предпринимательских рисков. Страхование права собственности на объекты недвижимости как способ компенсации возможных убытков в случае утраты актива.

5. Конструктивное взаимодействие с правоохранительными органами. Выстраивание прозрачных отношений с территориальными подразделениями МВД и прокуратуры, оперативное информирование о попытках корпоративного шантажа.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Рейдерство в современной России эволюционировало от методов прямого силового воздействия к изощренным юридическим и административным технологиям. Наиболее распространенными методами остаются фальсификация корпоративной документации и использование механизмов банкротства, что подтверждается судебной статистикой и материалами правоприменительной практики.

Органы внутренних дел играют ключевую роль в противодействии данным угрозам, однако их деятельность остается противоречивой: с одной стороны, они пресекают противоправные посягательства, с другой — их ресурс может использоваться в недобросовестной конкурентной борьбе. Как справедливо отмечает В. В. Гордиенко, «необходимо совершенствование ведомственного контроля и прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел по экономическим составам преступлений» [7].

Для хозяйствующего субъекта императивом становится не пассивная защита, а проактивное управление рисками: выстраивание резистентной корпоративной структуры, финансовый мониторинг и квалифицированное юридическое сопровождение. Только комплексный подход к обеспечению собственной экономической безопасности способен гарантировать сохранность активов в условиях современной экономической турбулентности.

Список литературы:

1. Федоров, А. Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж: организационно-правовые меры противодействия / А. Ю. Федоров. М., 2023. 200 с.

2. Гирько, С. И. Деятельность полиции по противодействию экономическим преступлениям: современное состояние и перспективы /

С. И. Гирько // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 3. С. 18 – 25.

3. Сенчагов, В. К. Экономическая безопасность России / В. К. Сенчагов. — М.: Дело, 2021. 896 с.

4. Суханов, Е. А. Гражданское право: проблемы и перспективы развития / Е. А. Суханов. М., 2024. 560 с.

5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года: статистический сборник / ГИАЦ МВД России. М., 2025. 128 с.

6. Степанов, Д. И. Корпоративное право: проблемы и решения / Д. И. Степанов. М., 2023. 480 с.

7. Гордиенко, В. В. Экономическая безопасность России в условиях глобальных вызовов / В. В. Гордиенко // Власть. 2025. № 2. С. 45 – 52.

© Джойс Г. Р., Джойс Р. Р. 2026

EDN: GXFYLR

Дулинец Александра Константиновна
студент
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
Томск, Россия
dulinets.a.762-2@e.tusur.ru

Научный руководитель:
Лабунец Юлия Евгеньевна
доцент кафедры экономической безопасности
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
Томск, Россия
кандидат экономических наук, доцент
lue@fb.tusur.ru

ЛОЖНАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу ложной самозанятости с учетом динамики и структуры плательщиков налога на профессиональный доход. Новизна исследования заключается в систематизации правовых и экономических критериев выявления ложной самозанятости. Предложен комплекс мер противодействия, включающий совершенствование налогового законодательства, внедрение риск-ориентированного цифрового контроля и корректировку механизмов распределения налоговых поступлений для минимизации структурных потерь бюджетов.
Ключевые слова: налог на профессиональный доход, ложная самозанятость, экономическая безопасность, бюджетные потери, налоговое администрирование, риск-ориентированный контроль.

Введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) в соответствии с Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ было направлено на легализацию доходов физических лиц и снижение теневой занятости [7]. Однако масштабный рост численности плательщиков НПД обусловил формирование новой угрозы — ложной самозанятости, выражающейся в подмене трудовых отношений гражданско-правовыми договорами.

Согласно Указу Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», устойчивость бюджетной системы и полнота налоговых поступлений являются ключевыми элементами экономической безопасности [3]. В этой связи анализ последствий ложной самозанятости приобретает практическое значение.

Динамика и структура самозанятости как фактор риска

По данным ФНС России [5], численность зарегистрированных самозанятых демонстрирует устойчивый рост (см. таблицу 1). К 2025 году численность самозанятых превысила 12,2 млн человек. Несмотря на снижение темпов прироста, абсолютные значения ежегодного увеличения остаются высокими (2,7 – 2,9 млн человек).

Таблица 1. Динамика численности самозанятых в РФ (на начало года)

Период	Общая численность, чел.	Чистый прирост за период, чел.	Темп прироста, %
2019 г.	19 469	–	–
2020 г.	337 563	318 094	1633,7
2021 г.	1 603 573	1 266 010	375,0
2022 г.	3 862 227	2 258 654	140,8
2023 г.	6 561 707	2 699 480	69,9
2024 г.	9 279 524	2 717 817	41,4
2025 г.	12 208 265	2 928 741	31,6

Региональная концентрация также выражена. В Москве зарегистрировано 1 945 429 самозанятых, в Московской области — 864 130, в Санкт-Петербурге — 818 325 [5]. На долю топ-5 регионов приходится около 5,4 млн самозанятых, или более 36 % всех плательщиков НПД.

Отраслевая структура показывает, что наибольшая численность плательщиков НПД фиксируется в сферах, требующих коллективного взаимодействия: строительство и ремонт (28 %), авто (24 %), IT-сфера

(17 %), красота (14 %), сделай сам (8 %) (см. рисунок 1)[5]. Особенность этих видов деятельности — необходимость координации, использования ресурсов заказчика, выполнения длительных проектов, что противоречит сути самозанятости как независимой деятельности одного лица, это является фактором риска, поскольку именно в этих отраслях наиболее вероятна подмена трудовых отношений.

Термин «ложная самозанятость» («фиктивная самозанятость») законодательно не закреплён, однако в правоприменительной практике под ним понимают ситуацию, когда физическое лицо формально зарегистрировано как плательщик НПД, но фактически его деятельность отвечает признакам трудовых отношений. Как отмечается в литературе, распространение такого рода «фиктивной занятости» происходит, когда «организация нанимала нового сотрудника или заключала со своим работником гражданско-правовой договор… и переводила его в категорию самозанятого» [13].

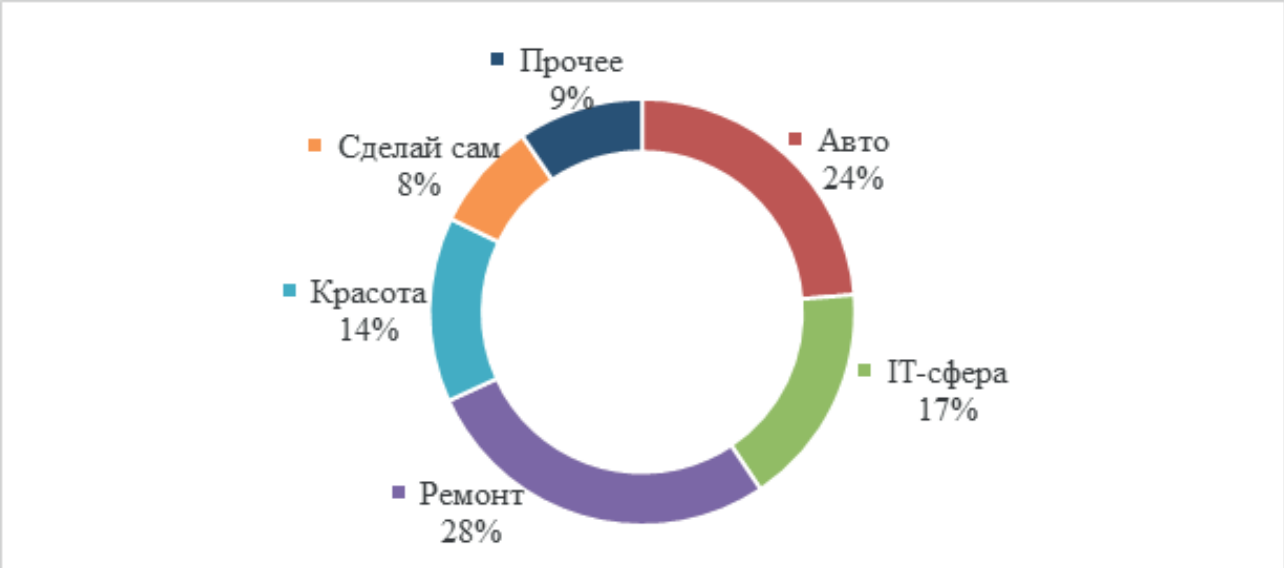

Рисунок 1. Отраслевая структура плательщиков НПД

Практические подходы к трактовке «ложная самозанятость» и макроэкономические последствия этого явления

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ [4], к таким признакам относятся: личное выполнение работы определённого рода, включение в производственный процесс, подчинение правилам внутреннего распорядка, стабильный характер выплат, обеспечение работодателем условий труда, выполнение работы преимущественно для одного заказчика. Административная ответственность за нарушение трудового законодательства предусмотрена ст. 5.27 КоАП РФ [12].

Экономическая мотивация для замещения трудовых отношений гражданско-правовыми договорами с самозанятыми становится очевидной при анализе фискальной нагрузки. Согласно положениям Налогового кодекса РФ (ч. 2) [6], при стандартной модели занятости уплачиваются: НДФЛ — 13 % и Страховые взносы — 30 %.

В рамках НПД ставка составляет 6 % при расчетах с юридическими лицами (ст. 10 Закона № 422-ФЗ) [7], страховые взносы отсутствуют (см. таблицу 2).

Распределение доходов произведено в соответствии с нормами Бюджетного кодекса РФ (ст. 56, 61) [9]. Ежемесячные совокупные потери бюджета и внебюджетных фондов при переводе одного работника с доходом 100 тыс. руб. составляют 37 тыс. руб.

Таким образом, структурные потери региональных бюджетов достигают 66 %, а местные бюджеты полностью лишаются поступлений по НДФЛ.

Подобная разница формирует экономическую мотивацию для работодателей к замещению трудовых отношений гражданско-правовыми договорами, что подтверждается аналитическими материалами ФНС России [10].

Таблица 2. Сравнительный анализ бюджетных поступлений при доходе 100 000 руб. в месяц

Показатель	НДФЛ + Взносы	НПД	Потеря/ перераспределение
Доход бюджета субъекта РФ	13 000 * 0.85 = 11 050 руб.	6 000 * 0.63 = 3 780 руб.	-7 270 руб. (– 66%)
Доход местных бюджетов	13 000 * 0.15 = 1 950 руб.	0	-1 950 руб. (– 100%)
Доход ФФОМС (федеральный)	0	6 000 * 0.37 = 2 220 руб.	+2 220 руб.
Доход СФР и ФСС	30 000 руб.	0	-30 000 руб. (– 100%)

Рост числа самозанятых до 12,2 млн человек усиливает риски недоформирования доходной базы региональных бюджетов. Снижение поступлений по НДФЛ оказывает прямое влияние на финансовую устойчивость субъектов РФ [3]. Ключевой макроэкономической проблемой является не только текущее выпадение доходов, но и долгосрочные последствия для социальной сферы. Лица, занятые в режиме НПД, «теряют право на социальное обеспечение и другие трудовые гарантии:

их трудовой стаж не увеличивается… а болезни, отпуск и декрет — не оплачиваются» [13]. Подтверждением этому служат данные о том, что лишь 0,3 % самозанятых уплачивают добровольные взносы на пенсионное страхование, фактически оставаясь вне пенсионной системы [13].

Массовый характер ложной самозанятости ведёт к искажениям на рынке труда, провоцируя дефицит профильных специалистов и создавая условия для недобросовестной конкуренции, ставящей законопослушных налогоплательщиков в заведомо невыгодное положение [13]. Хотя государство, как наиболее эффективный регулятор (теорема Коуза), способно противостоять такому оппортунизму, масштабы явления диктуют необходимость постоянного совершенствования контрольных механизмов [13].

Методы выявления ложной самозанятости

С учетом практики налогового администрирования и судебных разъяснений [4, 10] можно выделить следующие признаки риска:

Перспективным направлением является развитие риск-ориентированного контроля с использованием цифровых профилей налогоплательщиков [1, 5]:

— взаимодействие с десятью и более самозанятыми свыше трёх месяцев при доходе каждого более 20 тыс. руб. в месяц;

— значительную долю выплат от одного заказчика в общем доходе самозанятого;

— регулярность выплат (один-два раза в месяц — признак зарплаты);

— оказание услуг бывшему работодателю в течение двух лет после увольнения (прямой запрет);

— отсутствие у самозанятого иных заказчиков и дохода.

Как отмечается в литературе, налоговые органы уже применяют «алгоритмы для соотнесения уплачиваемых самозанятыми налогов с их бывшими работодателями, анализ динамики страховых взносов, истории трудоустройства, источников и сумм доходов» [13].

Направления противодействия

Для минимизации угроз экономической безопасности целесообразно:

1. Законодательно закрепить в НК РФ критерии организационной и инфраструктурной зависимости самозанятого от одного заказчика, что позволит предотвратить искусственное дробление бизнеса и подмену трудовых отношений;

2. Ввести обязательные минимальные страховые взносы для самозанятых или, как предлагается в исследованиях, включить их в периметр государственной социальной поддержки с правом уменьшения налога на уплаченные взносы, что решит проблему их нахождения вне пенсионной системы;

3. Расширить риск-ориентированный контроль, развивая превентивные модели налогового администрирования и клиентоцентричные сервисы, которые минимизируют нагрузку на добросовестных налогоплательщиков;

4. Усилить ответственность за подмену трудовых отношений (ст. 5.27 КоАП РФ), синхронизировав меры налогового и трудового законодательства;

5. Совершенствовать механизм распределения налоговых поступлений между уровнями бюджетной системы с учетом структурных потерь региональных и местных бюджетов от замещения НДФЛ налогом на профессиональный доход.

Комплекс мер должен обеспечивать баланс между легализацией занятости и защитой бюджетных интересов государства.

Список литературы:

1. Федеральная налоговая служба России. Налог на профессиональный доход: информационный портал [Электронный ресурс] // URL: https://npd.nalog.ru.

2. Шилехин Константин Евгеньевич Налог на профессиональный доход как угроза экономической безопасности [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalog-na-professionalnyy-dohod-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti.

3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299109/.

5. Федеральная налоговая служба. Самозанятые [Электронный ресурс] // URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/.

7. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/.

8. Тучин К. А., Зайцев А. А. Самозанятость как инструмент противодействия теневому сектору экономики: недостатки и их решения // Прогрессивная экономика. 2025. № 6 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-kak-instrument-protivodeystviya-tenevomu-sektoru-ekonomiki-nedostatki-i-ih-resheniya.

9. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 30.12.2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.

10. Какие риски для работодателя влечет подмена трудовых отношений при работе с самозанятыми [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn28/news/activities_fts/16571998/.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

12. Берцинская В. А., Захарова М. А. Анализ опыта США и стран Евросоюза в политике самозанятости для использования в РФ // сила систем. 2019. № 4 (13) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-opyta-ssha-i-stran-evrosoyuza-v-politike-samozanyatosti-dlya-ispolzovaniya-v-rf (дата обращения: 07.03.2026).

13. Уклонение от уплаты налогов физическими лицами. Проблемы и решения: монография для магистрантов, обучающихся по программам направлений «Экономика», «Государственный аудит» и «Финансы и кредит» / И. А. Майбуров, А. С. Адвокатова, Д. А. Артеменко [и др.]. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. — 231 с.

© Дулинец А. К., 2026

EDN: KEEDFQ

Екимов Максим Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
Maks203040m@mail.ru

Научный руководитель:
Толкачева Ольга Петровна
доцент кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
olg-ol@mail.ru

АДМИНИСТРИРОВАНИЕ НДС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В условиях глобальной нестабильности и трансформации национальной экономики обеспечение финансовой устойчивости государства становится приоритетной задачей. Особая роль в этом процессе отведена налогу на добавленную стоимость (НДС), который выступает основным драйвером формирования доходов федерального бюджета. Статья посвящена анализу роли налога на добавленную стоимость (НДС) в обеспечении экономической безопасности и финансовой устойчивости Российской Федерации. В работе рассматривается фискальная значимость НДС как одного из крупнейших источников доходов федерального бюджета. Особое внимание уделено трансформации механизмов налогового администрирования в условиях цифровизации.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость (НДС); налоговое администрирование; экономическая безопасность государства; цифровизация налогового контроля; АСК НДС; бюджетная устойчивость; налоговые риски.

В современных условиях развития национальной экономики особую актуальность приобретает вопрос эффективного налогового администрирования. Налог на добавленную стоимость (НДС) является одним из ключевых источников формирования доходной части бюджета большинства государств, включая Российскую Федерацию. Его фискальная значимость напрямую связана с обеспечением устойчивости финансовой системы и экономической безопасности государства. В этой связи вопросы совершенствования механизмов администрирования НДС приобретают стратегическое значение.

Экономическая безопасность государства предполагает устойчивость финансовой системы, стабильность бюджетных поступлений и минимизацию угроз, связанных с налоговыми правонарушениями и теневой экономикой. НДС занимает особое место среди налогов благодаря высокой доле поступлений в федеральный бюджет. Эффективность администрирования данного налога оказывает существенное влияние на уровень бюджетной обеспеченности, инвестиционную привлекательность экономики и доверие бизнеса к налоговой системе [1].

Современные системы налогового администрирования ориентированы на цифровизацию и автоматизацию процессов контроля. В Российской Федерации внедрение автоматизированных систем контроля НДС, электронных счетов-фактур и механизмов прослеживаемости товаров значительно повысило прозрачность налоговых операций. Данные меры направлены на снижение уровня налоговых злоупотреблений, включая схемы незаконного возмещения налога и использование фирм-однодневок.

Важным элементом обеспечения экономической безопасности является анализ динамики поступлений НДС и выявление факторов, влияющих на эффективность его администрирования. За последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста поступлений по данному налогу, что связано как с развитием экономики, так и с совершенствованием контрольных механизмов налоговых органов.

Повышение эффективности администрирования НДС достигается за счет применения риск-ориентированного подхода к налоговому контролю, использования больших данных и автоматизированных систем анализа финансовых потоков. Это позволяет выявлять подозрительные операции на ранних стадиях и предотвращать значительные потери бюджета.

Наряду с положительными тенденциями сохраняются и определенные угрозы экономической безопасности. К ним относятся схемы уклонения от уплаты налога, незаконное возмещение НДС при экспорте

товаров, а также использование трансграничных операций для минимизации налоговой нагрузки. Указанные факторы требуют постоянного совершенствования инструментов налогового контроля и усиления взаимодействия между государственными органами (см. табл. 1) [2, 3].

Анализ представленных данных показывает устойчивый рост значимости НДС для государственного бюджета на фоне повышения эффективности налогового администрирования.

Таблица 1. Динамика поступлений НДС в бюджет и выявленных нарушений (2019 – 2026 гг.)

Год	Поступления НДС, трлн руб.	Выявленные нарушения, млрд руб.	Доля НДС в доходах бюджета, %
2019	4,3	210	32
2020	4,3	230	31
2021	5,5	240	33
2022	6,5	250	34
2023	7,2	260	35
2024	8,7	270	36
2025	9,3	280	36,5
2026 (прогноз)	11,0	290	37

За период с 2019 по 2026 гг. объем сборов НДС вырастет в 2,5 раза (с 4,3 до 11 трлн руб.). Самый резкий скачок наблюдается в прогнозе на 2026 год (+1,7 трлн руб. к предыдущему году).

Доля НДС в доходах стабильно растет — с 32 % до 37 %. Это говорит о том, что бюджет становится всё более зависимым от косвенного потребления и внутренних налогов, не связанных с экспортом ресурсов.

Сумма выявленных нарушений растет медленнее, чем сами сборы (рост на 38 % против 155 % по сборам). Это позитивный сигнал: относительный уровень нарушений на каждый собранный рубль падает, что свидетельствует о «цифровизации» контроля и обелении экономики.

В 2019 году на 1 трлн сборов приходилось 48,8 млрд нарушений, а к 2026 году этот показатель снизится до 26,3 млрд. Налоговая среда становится более прозрачной.

Значительную роль в повышении эффективности администрирования НДС играет цифровизация налоговой системы. Применение электронного документооборота, автоматических сопоставительных систем и аналитических платформ позволяет существенно сократить возможности для налоговых правонарушений.

Кроме того, важным направлением является развитие международного сотрудничества в сфере налогового администрирования. Обмен налоговой информацией между государствами способствует выявлению трансграничных схем уклонения от налогообложения и повышает прозрачность финансовых потоков.

Следует отметить, что эффективное администрирование НДС способствует не только росту налоговых поступлений, но и формированию благоприятной деловой среды. Предсказуемость налоговой политики и прозрачность процедур администрирования повышают уровень доверия со стороны бизнеса и стимулируют инвестиционную активность.

Таким образом, администрирование НДС выступает важным инструментом обеспечения экономической безопасности национальной экономики. Совершенствование механизмов налогового контроля, внедрение цифровых технологий и развитие аналитических инструментов позволяют значительно повысить эффективность налоговой системы.

В перспективе дальнейшее развитие налогового администрирования должно быть направлено на расширение использования интеллектуальных систем анализа данных, совершенствование межведомственного взаимодействия и повышение прозрачности налоговых операций. Реализация данных мер позволит минимизировать налоговые риски, обеспечить стабильность бюджетных поступлений и укрепить экономическую безопасность государства.

Следовательно, эффективная система администрирования НДС является одним из ключевых элементов финансовой стабильности государства и важным фактором устойчивого развития национальной экономики.

Список литературы:

1. Петров П. П. Современные проблемы администрирования НДС // Финансовая аналитика. — 2024.

2. Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс] // URL: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

3. Платформа поставки данных ФНС России [Электронный ресурс] // URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (дата обращения: 01.03.2026).

© Екимов М. А., 2026

EDN: KBVDKK

Елямик Маргарита Юрьевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
marg.eliamick2011@yandex.ru

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
rl1973@inbox.ru

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме банковского мошенничества как угрозе экономической безопасности. Рассматривается эволюция методов хищений — от скимминга до социальной инженерии. Анализируются современные меры противодействия мошенничеству в банковской сфере: технологические разработки, нормативные нововведения и программы финансового просвещения. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего техническую защиту с формированием критического мышления у граждан. Делается вывод о ключевой роли личной ответственности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, банковское мошенничество, социальная инженерия, антифрод-системы, биометрия, финансовое просвещение, кибербезопасность.

Каждый из нас хотя бы раз сталкивался с подозрительными звонками или сообщениями: «Ваша карта заблокирована», «родственник

попал в беду», «кто-то пытается получить доступ к вашему счету — срочно назовите код из СМС». Для обычных людей это стресс и потеря сбережений, а для экономики страны — серьезная угроза, миллиардные убытки и подрыв доверия к финансовой системе. Мошенничество в банковской сфере давно перестало быть просто кражами: сегодня это высокотехнологичный нелегальный бизнес. Он приспосабливается к новым условиям быстрее, чем банки и государство успевают разрабатывать защитные механизмы. В данной статье я хочу проанализировать существующие меры противодействия финансовому мошенничеству, оценить их реальную эффективность и предложить возможные направления совершенствования системы обеспечения безопасности как для кредитных организаций, так и для их клиентов.

Рассматривая угрозы экономической безопасности банковского сектора, важно понимать трансформацию природы противоправных действий. Если пятнадцать лет назад основными видами мошенничества являлись скимминг (установка специальных устройств на банкоматы для считывания данных карт) или обычные ограбления, то сегодня структура угроз кардинально изменилась. Ключевая проблема современного мошенничества заключается в методах технических наук [1]. Злоумышленники больше не пытаются взломать банковские системы, они воздействуют на людей, эксплуатируя эмоциональные реакции: страх, доверие, желание помочь близким или получить легкую выгоду. Согласно статистике Центрального банка, основная доля хищений совершается не вследствие уязвимостей программного обеспечения, а в результате самостоятельного перевода денежных средств или разглашения конфиденциальных данных под влиянием мошенников. Возникает противоречивая ситуация: банки инвестируют значительные ресурсы в антифрод-системы, предназначенные для выявления подозрительных операций [2]. Мошенник в свою очередь, используя методы психологического воздействия, достигает цели без преодоления технической защиты. Технические средства безопасности оказываются малоэффективными против человеческого фактора. В связи с этим представляется обоснованным вывод, что меры противодействия должны быть ориентированы не только на совершенствование технологий, но и на формирование у потребителей финансовых услуг способности распознавать манипулятивные воздействия.

Однако не стоит недооценивать и роль технологических решений. За последние несколько лет в Российской Федерации был использован

ряд серьезных мер [3]. Прежде всего, следует отметить внедрение системы быстрых платежей и механизма возврата денежных средств. Ранее при переводе денег мошенникам вероятность их возврата стремилась к нулю, тогда как сейчас функционирует механизм блокировки перевода на подозрительный счет с последующим возвратом в течение тридцати дней. В случае отсутствия подключения банка к системе борьбы с мошенниками, данная мера выступает действенным сдерживающим фактором. Внедрился механизм самозапрета на выдачу кредитов, согласно изменениям в Федеральном законе от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ «О кредитных историях», что особенно актуально в контексте участившихся случаев оформления кредитов на граждан по копиям паспортов или посредством взломанных учетных записей на портале «Госуслуги» [4]. Предоставление гражданам возможности добровольного ограничения на выдачу кредитов стало эффективным инструментом защиты. Кроме того, банковский сектор активно развивает направление биометрической идентификации. Несмотря на существующие опасения относительно сбора биометрических данных (отпечатков пальцев, изображений лица, голосовых слепков), с точки зрения безопасности данное направление представляется перспективным: раскрытие пароля возможно значительно легче, чем подделка биометрических характеристик. Голосовое подтверждение операций с использованием биометрических технологий уже сейчас позволяет минимизировать риски мошеннических звонков, поскольку система способна идентифицировать несоответствие голоса звонящего эталонному образцу голоса клиента.

И здесь мы подходим к наиболее сложному аспекту рассматриваемой проблемы. Какими бы совершенными ни были законодательные и технологические решения, их эффективность снижается из-за доверчивости граждан [5]. Представители старшего поколения, выросшие в иных социальных условиях, где слова «милиционер» или «сотрудник банка» ассоциировались с защитой, особенно подвержены риску. Для них звонок из «службы безопасности» является стрессовой ситуацией, побуждающей к немедленному выполнению инструкций для спасения собственных средств. Поэтому важнейшим направлением противодействия, на мой взгляд, выступает системное повышение уровня финансовой грамотности населения. Размещение информационных плакатов в отделениях банков с призывом не сообщать коды из СМС является недостаточной мерой. Кредитные организации принимают определенные усилия: в мобильных приложениях выводятся предупреждения, при осуществлении переводов

крупных сумм появляются уведомления [6]. Однако пользователи зачастую игнорируют данные сообщения. Необходима иная стратегия: интеграция основ финансовой безопасности в образовательные программы школ и вузов, чтобы экономическая безопасность стала неотъемлемым элементом общей культуры, подобно правилам дорожного движения. С раннего возраста должно формироваться понимание, что личные финансовые данные не подлежат разглашению третьим лицам. Также целесообразно активизировать взаимодействие со средствами массовой информации и социальными медиа: популярность блогеров, разоблачающих мошенников в прямом эфире, демонстрирует высокую эффективность таких форматов по сравнению с традиционными лекциями — они наглядны и лучше запоминаются аудиторией.

Проведенный анализ позволяет сформулировать позицию, согласно которой исключительно профилактических мер и добровольных инициатив банковского сектора недостаточно. Требуется внедрение более жестких мер на государственном уровне [7]. Например, операторы сотовой связи продолжают пропускать звонки с подменных номеров. Техническая возможность блокировки подмены номера, когда мошенник использует номер, идентичный номеру банка, существует, однако ее реализация требует дополнительных затрат операторов. Полагаю, что государство должно в обязательном порядке регламентировать данную деятельность в интересах обеспечения национальной экономической безопасности. Дополнительно необходимо ужесточение контроля за оборотом сим-карт: значительное количество номеров оформлено на подставных лиц и используется для массовых обзвонов. Введение строгой верификации личности при приобретении сим-карты и ограничение количества номеров, оформляемых на одного человека, способно существенно затруднить деятельность мошеннических колл-центров. Также целесообразно повышение материальной ответственности банковских организаций. В настоящее время, если клиент осуществил перевод мошеннику под влиянием психологического манипулирования, банк зачастую снимает с себя ответственность, апеллируя к виновности самого клиента. Действительно, определенная степень вины клиента присутствует, однако система безопасности банка обязана выявлять аномалии. Если клиент, никогда не осуществлявший переводов за пределы своего региона, инициирует перевод крупной суммы на счет в другом регионе в ночное время, система обязана не только запросить подтверждение лимита, но и заблокировать операцию на сутки с последующей

верификацией, например через видеозвонок оператора. Отсутствие таких действий со стороны банка должно предполагать разделение убытков с клиентом, что стимулирует кредитные организации к реальному, а не формальному повышению уровня защиты клиентов.

Делая вывод из вышеизложенного, следует понимать, что противодействие мошенничеству в банковской сфере представляет собой классический пример: злоумышленники разрабатывают новые методы обмана, а банки и государство — средства защиты. Эволюция прошла большой путь до технологий подделки голоса и изображения. Абсолютно эффективной системы защиты, вероятно, не существует в принципе.

Однако реализуемые в настоящее время меры — биометрическая идентификация, регулирование переводов, развитие антифрод-систем — внушают определенный оптимизм. Вместе с ключевым звеном в системе обеспечения безопасности остается сам человек. Экономическая безопасность государства формируется из безопасности каждого его гражданина. Пока сохраняется готовность доверять звонкам с неизвестных номеров и верить в возможность легкого заработка или необходимость срочной помощи родственникам, мошенники будут находить возможности для реализации своих противоправных действий. Следовательно, первостепенная мера противодействия — это формирование критического мышления и осознание простой истины: безопасность начинается с личной ответственности, а бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловке.

Список литературы:

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

2. Центральный банк Российской Федерации | Банк России [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

3. КонсультантПлюс» — законодательство РФ: кодексы, законы, указы, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

4. Федеральный закон «О кредитных историях» от 30.12.2004 № 218-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 15.02.2026.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // URL: https://xn — b1aew.xn — p1ai/reports/ (дата обращения: 20.02.2026).

6. Бутаревич Н. А., Мазуро А. С. Deepfake-мошенничество в банках: риски для банковской системы республики Беларусь и меры противодействия [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88771000 (дата обращения: 20.02.2026).

7. Шилкин Д. А. Меры, принимаемые центральным банком РФ по борьбе с мошенничеством в банковской сфере [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=85992741 (дата обращения: 20.02.2026).

© *Елямик М. Ю., 2026*

EDN: KVXPLS

Жданова Дарья Дмитриевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
darjajdan@yandex.ru

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
rl1973@inbox.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, как системообразующий элемент обеспечения экономической безопасности государства. Раскрываются теоретические основы понятия отмывания доходов, анализируется влияние данного явления на устойчивость финансовой системы, исследуются международные и национальные механизмы регулирования в сфере Международной системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Делается вывод о том, что эффективная политика в области противодействия легализации преступных доходов выступает стратегическим фактором стабильности и конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобализации и цифровизации финансовых отношений. Автором сделан вывод, что: только сочетание продуманных законов, слаженной работы ведомств и передовых технологий позволит

снизить риски криминализации финансов и обеспечит стабильное развитие экономики.
Ключевые слова: экономическая безопасность, легализация доходов, финансовый мониторинг, Международная система противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), финансовая система, государственное регулирование.

Экономическая безопасность страны сегодня во многом зависит от того, насколько её финансовая система умеет защищаться от преступных схем. Одна из самых опасных проблем — это отмывание денег, полученных незаконным путём. И дело тут не только в преступлениях как таковых: такие вещи влияют на экономику в целом. Из-за этого ухудшается инвестиционный климат, страдает стабильность банков и снижается доверие людей и бизнеса к государству [1].

Развитие глобальных финансовых рынков, либерализация движения капитала и внедрение цифровых технологий существенно расширили возможности трансграничного перемещения денежных средств. Наряду с этим усилились риски использования финансовой инфраструктуры в преступных целях [2]. В связи с этим международное сообщество сформировало комплекс универсальных стандартов в сфере противодействия вопросам противодействия отмыванию незаконных доходов, при этом важное значение в формировании соответствующих стандартов имеет международная организация Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. В Российской Федерации основным нормативным правовым актом, регулирующим данные отношения, является Федеральный закон № 115-ФЗ, который определяет правовые основы и организационные принципы функционирования национальной системы финансового мониторинга.

Теоретические и правовые аспекты легализации доходов

Легализация преступных доходов представляет собой многоэтапный процесс, в рамках которого активы, полученные в результате противоправных деяний, посредством ряда финансовых и юридических операций приобретают видимость законности, что затрудняет их идентификацию как криминальных. Экономическая сущность данного явления заключается в трансформации криминального капитала в элемент официального хозяйственного оборота. В результате нарушается принцип справедливой конкуренции, искажаются рыночные механизмы распределения ресурсов, формируется параллельная теневая инфраструктура [3].

С точки зрения экономической безопасности отмывание доходов опасно тем, что способствует укреплению организованной преступности и коррупции, формирует устойчивые финансовые потоки вне контроля государства и снижает прозрачность экономических процессов. Криминальные капиталы способны оказывать давление на отдельные отрасли экономики, провоцируя монополизацию рынков и подрывая доверие к финансовым институтам.

Таким образом, противодействие легализации доходов выходит за пределы сугубо правоохранительной деятельности и становится элементом стратегического управления национальной экономикой.

Международные стандарты и механизмы регулирования

Международная система противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) формировалась поэтапно, отражая динамику глобальных экономических и правовых процессов. На современном этапе её концептуальную основу составляют развёрнутые рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF).

Эти рекомендации охватывают широкий спектр вопросов — от установления уголовной ответственности за деяния, связанные с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма, до организации финансового мониторинга и обеспечения прозрачности корпоративной структуры через раскрытие данных о бенефициарных владельцах. Кроме того, они предусматривают развитие механизмов международного сотрудничества, включая обмен информацией между компетентными органами разных стран.

Стандарты FATF получили широкое международное признание и стали универсальным эталоном для оценки эффективности национальных систем финансового контроля. Их используют в рамках взаимных оценок и страновых обзоров: это позволяет выявлять слабые места и определять направления совершенствования мер ПОД/ФТ.

Существенный вклад в формирование правовой базы противодействия транснациональной преступности внесла Организация Объединённых Наций (ООН). Принятые под её эгидой международные конвенции заложили основы уголовно-правовой квалификации отмывания доходов, полученных преступным путём, и способствовали унификации подходов к борьбе с этим явлением на глобальном уровне. Они также усовершенствовали механизмы межгосударственного взаимодействия — в том числе в сферах правовой помощи, экстрадиции и обмена оперативной информацией.

В условиях глобализации согласованность действий государств приобретает особую актуальность. Трансграничный характер финансовых операций, которые всё чаще осуществляются через несколько юрисдикций, создаёт дополнительные риски. Преступники активно пользуются различиями в национальных законодательствах, выстраивая сложные схемы отмывания денег, а растущие масштабы финансовых потоков требуют скоординированного надзора со стороны регуляторов разных стран.

Эволюция международных стандартов ПОД/ФТ непосредственно связана с развитием цифровой экономики. В последние годы особую значимость приобрели вопросы контроля за операциями с виртуальными активами, такими как криптовалюты, и использованием электронных платёжных инструментов. Эти вызовы стимулируют обновление существующих правил и разработку новых подходов к регулированию и надзору — чтобы обеспечить адекватную защиту финансовой системы от угроз отмывания денег и финансирования терроризма.

Национальная система противодействия как инструмент обеспечения экономической безопасности государства

В Российской Федерации центральным органом, ответственным за противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путём, выступает Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). В рамках своих полномочий данный орган осуществляет сбор и анализ данных о финансовых операциях, выявляет признаки потенциальных рисков легализации преступных доходов, а при обнаружении подозрительных транзакций инициирует взаимодействие с правоохранительными органами. Таким образом, Росфинмониторинг выполняет функцию связующего звена между финансовым сектором и системой уголовного правосудия.

За последние годы система противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) в России заметно изменилась: она перешла к риск-ориентированному подходу. Опыт показал, что проверять абсолютно все операции без разбора — не лучшая идея. Такой формальный контроль создаёт лишнюю нагрузку и в итоге снижает эффективность работы. Гораздо разумнее фокусироваться на самых уязвимых участках и категориях клиентов: так ресурсы используются рациональнее, а аналитическая работа становится точнее и качественнее.

Важно понимать: борьба с отмыванием денег не существует в отрыве от других задач. Она напрямую связана с повышением

прозрачности компаний, улучшением системы налогового контроля и реализацией антикоррупционных мер. Все эти направления вместе создают надёжную институциональную среду — и в конечном счёте помогают укрепить доверие к финансовой системе страны.

Современные вызовы и перспективы развития

Цифровые технологии основательно перестроили финансовые отношения. С одной стороны, дистанционные сервисы, электронные платежи и виртуальные активы сделали жизнь удобнее: проводить операции стало проще и быстрее. С другой — эти же новшества открыли дополнительные лазейки для злоупотреблений. Государству приходится буквально на ходу подстраивать механизмы контроля под стремительно меняющиеся финансовые инструменты.

Особый интерес вызывают распределённые реестры и технологии удалённой идентификации. Они заметно ускоряют финансовые процессы, но тут же ставят новый вопрос: как сохранить прозрачность транзакций и иметь возможность их отследить? Законодательство в этой сфере не должно отставать от прогресса — ему нужно быть достаточно гибким, чтобы оперативно реагировать на технологические изменения [3].

Ситуация усложняется из-за внешних факторов. Геоэкономическая напряжённость, санкции и распад единого финансового пространства мешают странам обмениваться информацией. В таких условиях особенно важно развивать собственные аналитические и технологические решения для мониторинга финансовых потоков: полагаться на прежние международные механизмы становится всё рискованнее.

Эффективное совершенствование системы противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) невозможно обеспечить за счёт одних лишь законодательных изменений. Требуются комплексные меры: внедрение современных методов анализа данных, выстраивание слаженного взаимодействия между ведомствами и постоянное повышение квалификации специалистов, работающих в данной области.

Борьба с легализацией преступных доходов давно перестала быть второстепенной задачей: сегодня это один из краеугольных камней экономической безопасности страны. От эффективности системы ПОД/ФТ напрямую зависит устойчивость финансового сектора, доверие к государственным институтам и инвестиционная привлекательность государства.

В эпоху цифровизации, когда финансовые инструменты становятся всё сложнее, а операции — всё более трансграничными, механизмы

контроля должны постоянно эволюционировать. Только сочетание продуманных законов, слаженной работы ведомств и передовых технологий позволит снизить риски криминализации финансов и обеспечит стабильное развитие экономики.

Список литературы:

1. Баранов П. П., Фитуни Л. Л. Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности государства // Государство и право.. № 10. С. 45 – 52.

2. Пономарёва Р. А. Правовое регулирование финансового мониторинга: российский и зарубежный опыт. М.: Норма,.

3. Братко А. Г. Финансовый мониторинг: учебник. М.: Норма, 2020.

© Жданова Д. Д., 2026

EDN: JZLYQY

Жидков Данила Игоревич
студент
Среднерусский институт управления —
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Орёл, Россия
dol.zhidkov.18@mail.ru

Научный руководитель:
Кожанчиков Олег Игоревич
доцент кафедры экономики и экономической безопасности
Среднерусский институт управления —
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Орёл, Россия
кандидат экономических наук, доцент
okozhanchikov@yandex.ru

БИОМЕТРИЯ КАК ФАКТОР УЯЗВИМОСТИ: ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье анализируются правовые риски утечек биометрических данных и их влияние на имущественное положение граждан. Выявляются пробелы в защите пострадавших лиц. Обосновывается необходимость введения «периода охлаждения» при финансовых операциях после подтвержденных инцидентов информационной безопасности.
Ключевые слова: биометрические данные, экономическая безопасность личности, утечка персональных данных, цифровое мошенничество, период охлаждения.

Цифровая трансформация государственного управления и финансового сектора привела к тому, что биометрия постепенно становится полноценным инструментом идентификации граждан. Еще несколько лет назад использование отпечатков пальцев или распознавание лица воспринимались как элементы футуристических сценариев, тогда как сегодня без них сложно представить повседневное взаимодействие с банковскими приложениями или порталом государственных услуг. В научной литературе справедливо отмечается, что биометрические данные характеризуются особой значимостью, поскольку позволяют с высокой степенью точности установить личность человека, что обусловливает необходимость их тщательной правовой регламентации [1].

Внесенные в конце 2025 года изменения в нормативное регулирование закрепили возможность самостоятельного размещения биометрических данных через мобильное приложение «Госуслуг» без обращения в банки и многофункциональные центры. Механизм, безусловно, удобен: загруженная фотография проходит автоматическую верификацию, после чего гражданин получает доступ к расширенному перечню электронных сервисов — от предъявления водительских прав сотрудникам ГИБДД до подтверждения личности при посадке на междугородние рейсы. По оценкам разработчиков, такая система позволяет существенно сократить временные издержки граждан и минимизировать необходимость личного присутствия при получении государственных услуг. Однако удобство использования редко идет рука об руку с абсолютной безопасностью, и в данном случае это проявляется особенно отчетливо.

Оборотной стороной этого процесса становится принципиально новый уровень уязвимости личности. Если традиционные паспортные данные при утечке можно сменить, обратившись в миграционную службу и получив новый документ с иными реквизитами, то биометрия — слепок лица, рисунок вен, запись голоса — уникальна и неизменна на протяжении всей жизни человека. Невозможно сменить форму черепа или строение капилляров подобно тому, как меняется пароль от электронной почты. Компрометация таких данных создает не просто риски, а фундаментальную угрозу экономической безопасности: утрачивается сам механизм доказательства тождественности личности в цифровой среде. Злоумышленник, завладевший биометрическим шаблоном, получает ключ к многочисленным сервисам, причем сменить этот ключ жертва уже не в состоянии.

Сложившаяся ситуация требует переосмысления подходов к правовой защите субъектов персональных данных. Действующее законодательство, безусловно, устанавливает определенные гарантии конфиденциальности и безопасности обработки биометрической информации. Федеральный закон «О персональных данных» относит биометрию к специальным категориям, обработка которых допускается лишь при наличии письменного согласия субъекта или в иных строго определенных случаях. Однако, как справедливо отмечает Д. С. Запорожцев, законодатель, оперируя понятием «биометрические персональные данные», не всегда последователен в определении их сущностных признаков, что порождает трудности в правоприменении и позволяет операторам данных трактовать нормы в свою пользу [1]. Отсутствие четкого и непротиворечивого понятийного аппарата затрудняет привлечение к ответственности лиц, допустивших утечку, и осложняет защиту прав потерпевших граждан.

Особую тревогу вызывает ситуация, когда скомпрометированные биометрические данные оказываются в руках злоумышленников одновременно с учетными записями на портале госуслуг. Формально все факторы идентификации оказываются под контролем мошенников. Современные технологии позволяют создавать дипфейки — реалистичные подделки изображения и голоса, которые с высокой долей вероятности проходят системы биометрической верификации. Конечно, разработчики систем безопасности внедряют алгоритмы «лайвнесс», призванные отличать реального человека от его цифровой копии: пользователя могут попросить моргнуть, повернуть голову или произнести случайную последовательность цифр. Однако развитие технологий синтеза изображений и голоса не стоит на месте, и гонка вооружений между защитой и взломом продолжается с переменным успехом.

В российском правовом поле защита гражданина, чьи биометрические данные скомпрометированы, остается фрагментарной. Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных существует, но она наступает постфактум и направлена преимущественно на наказание виновных, а не на восстановление прав потерпевших. Как верно подмечает М. В. Савельева, даже самое суровое наказание преступников не возвращает деньги, списанные со счетов жертв мошенничества, и не восстанавливает испорченную кредитную историю [2]. Здесь возникает ключевой пробел: процедура оспаривания кредитов, выданных мошенниками с использованием скомпрометированной биометрии,

длительна и сложна. Бремя доказывания того, что финансовую операцию совершал не сам гражданин, ложится на потерпевшего, который зачастую не обладает ни специальными познаниями, ни достаточными ресурсами для эффективной защиты своих прав. Банки и микрофинансовые организации, ссылаясь на успешную биометрическую верификацию, отказываются признавать операции мошенническими, и гражданину приходится обращаться в суд, доказывая очевидные, казалось бы, обстоятельства.

Ситуация усугубляется тем, что сам факт утечки биометрических данных может оставаться неизвестным для пострадавшего вплоть до момента обнаружения несанкционированных операций по счетам. Операторы не всегда своевременно и добросовестно информируют субъектов об инцидентах информационной безопасности, предпочитая минимизировать репутационные риски и избегать паники среди клиентов. В результате человек узнает о том, что его биометрия скомпрометирована, лишь тогда, когда мошенники уже реализовали преступный умысел. В такой ситуации даже самые совершенные правовые механизмы защиты оказываются малоэффективными, поскольку ущерб уже причинен и требуется его возмещение, а не предотвращение.

Анализ статистических данных об инцидентах, связанных с утечкой персональных данных в 2024 году, показывает, что существующие меры административной и уголовной ответственности пока не создают достаточного превентивного эффекта [3]. Более того, даже если оператор привлекается к ответственности за утечку, пострадавший гражданин вынужден самостоятельно инициировать отдельное судебное разбирательство для взыскания убытков, что требует времени, финансовых затрат и юридической грамотности, которой обладает далеко не каждый.

Возможное решение видится во внедрении правового механизма, аналогичного «периоду охлаждения», но адаптированного под специфику рисков утечек биометрии. Логика здесь представляется достаточно простой и одновременно действенной. Операторы персональных данных в силу закона обязаны незамедлительно уведомлять уполномоченные органы о фактах утечек. После подтверждения инцидента, затронувшего биометрические данные, в отношении всех счетов и учетных записей пострадавшего лица должен автоматически вводиться временный мораторий на совершение определенных операций — например, на оформление кредитов дистанционным способом или на переводы крупных сумм на непроверенные счета. Срок такого «периода охлаждения»,

скажем, сорок восемь часов, даст гражданину возможность заблокировать операции, проверить состояние счетов, связаться с банками и принять превентивные меры, не дожидаясь фактического списания средств и последующей длительной процедуры их возврата.

Конечно, реализация подобного механизма потребует выстраивания эффективного межведомственного взаимодействия: оператор утечки передает информацию в удостоверяющий центр, тот — в кредитные организации и бюро кредитных историй, а также в подразделения органов внутренних дел, уполномоченные на противодействие киберпреступлениям. Однако современная цифровая инфраструктура уже позволяет выстроить такие цепочки взаимодействия в автоматическом режиме. Более того, отдельные элементы подобной системы уже апробированы в банковской сфере: например, механизм «периода охлаждения» при переводах между своими счетами или при смене номера телефона, к которому привязан счет, успешно зарекомендовал себя как средство противодействия мошенничеству. Почему бы не распространить этот подход на случаи компрометации биометрических данных?

Не менее важным представляется совершенствование процедур доказывания по делам о мошенничествах, совершенных с использованием скомпрометированной биометрии. В настоящее время бремя доказывания того, что операцию совершил не сам гражданин, возложено на потерпевшего, что представляется не вполне справедливым с учетом технологической сложности таких дел. Целесообразно рассмотреть возможность введения презумпции добросовестности субъекта персональных данных в случаях, когда подтвержден факт утечки его биометрической информации. Иными словами, если установлено, что данные конкретного лица оказались в открытом доступе или были похищены, бремя доказывания того, что операция совершена самим гражданином, должно переходить на банк или иную организацию, проводившую идентификацию. Такой подход стимулировал бы финансовые институты к более тщательной проверке обстоятельств совершения операций и внедрению дополнительных мер защиты.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о компенсации морального вреда, причиненного утечкой биометрических данных. В отличие от хищения денежных средств, компрометация биометрии может причинять страдания, связанные с утратой чувства защищенности, страхом перед будущими посягательствами, ощущением уязвимости перед преступным миром. Действующие механизмы компенсации морального

вреда ориентированы преимущественно на физические и нравственные страдания, причиненные конкретным противоправным деянием, и не всегда учитывают длящийся характер угрозы, возникающей при утечке биометрии. Ведь если паспортные данные со временем теряют актуальность, то биометрические остаются уязвимыми на протяжении всей жизни человека. Возможно, законодателю стоило бы задуматься о введении специальных правил исчисления компенсации за утечку биометрических данных, учитывающих не только непосредственно причиненный ущерб, но и потенциальные риски будущих посягательств.

В этом контексте заслуживает внимания точка зрения Т. В. Кисиль, которая, исследуя организационно-правовые основы единой биометрической системы, обращает внимание на особую роль органов внутренних дел в обеспечении безопасности обрабатываемых данных и отмечает, что действующее законодательство не в полной мере регламентирует порядок взаимодействия правоохранительных органов с операторами биометрических систем при возникновении инцидентов [4]. Действительно, даже если факт утечки установлен, механизмы оперативного реагирования со стороны МВД на потенциальные попытки несанкционированного доступа к счетам граждан до конца не отлажены, что снижает эффективность превентивных мер.

Важно понимать, что в конечном счете речь идет не только о защите имущества, хотя и эта задача, безусловно, критически важна. Экономическая безопасность личности включает и сохранение контроля над собственной цифровой идентичностью, и возможность полноценно участвовать в гражданском обороте, не опасаясь, что твоя личность будет использована для совершения противоправных действий. Когда мошенники получают возможность «подменять» человека в финансовых правоотношениях с использованием его же биометрии, подрыв доверия к цифровой среде становится системной проблемой, затрагивающей интересы не только отдельных пострадавших, но и общества в целом. Граждане, опасаясь оформления кредитов по украденным биометрическим шаблонам, могут начать отказываться от использования электронных сервисов, что противоречит самой идее цифровой трансформации и тормозит развитие экономики.

Представляется, что правовое регулирование оборота биометрических данных должно смещать акценты с формального соблюдения процедур сбора и хранения на обеспечение реальной защищенности индивида от последствий компрометации этих данных. Если биометрия

признается государством полноценным инструментом идентификации, наделенным юридической силой, то и риски, связанные с ее компрометацией, должны покрываться адекватными правовыми гарантиями. Нельзя, чтобы гражданин нес бремя негативных последствий от утечки данных, которую он не мог предотвратить и на которую не мог повлиять. Это противоречило бы самим основам справедливости и ставило бы личность в заведомо уязвимое положение перед лицом крупных корпораций и государственных информационных систем, аккумулирующих биометрическую информацию.

Таким образом, можно сформулировать несколько направлений совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере. Во-первых, требуется уточнение понятийного аппарата и унификация терминологии, используемой в законодательстве о персональных данных, что позволит минимизировать возможности для неоднозначного толкования норм. Во-вторых, необходимо внедрение механизма автоматического «периода охлаждения» при совершении финансовых операций после подтвержденных фактов утечек биометрических данных. В-третьих, целесообразно пересмотреть распределение бремени доказывания по делам об оспаривании операций, совершенных с использованием скомпрометированной биометрии. В-четвертых, требуется совершенствование механизмов компенсации вреда, учитывающих специфику биометрических данных как объекта правовой охраны. Реализация этих предложений способна превратить декларативную защиту биометрии в работающий инструмент обеспечения экономической безопасности личности в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

1. Запорожцев Д. С. Биометрические данные как средство удаленной идентификации человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29. № 4. С. 981 – 994. DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-4-981-994. EDN: LNXXGQ.

2. Савельева М. В. Правовая безопасность и защита персональных данных в эпоху цифровизации // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 747 – 753. EDN: SADZLF.

3. Пискайкина В. М., Монетов А. Г. Проблема защиты персональных данных в эпоху цифровизации // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 9. № 2. С. 124 – 140. DOI: 10.12731/2576-9634-2025-9-2-238. EDN: TCZLPF.

4. Кисиль Т. В. Организационно-правовая основа формирования единой биометрической системы и ее использование при отождествлении личности // Закон и право. 2024. № 11. С. 221 – 225. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-11-221-225. EDN: YVREJH.

© Жидков Д. И., 2026

EDN: JPNIEW

Жихарев Борис Александрович
студент
Иркутский государственный университет путей сообщения
Иркутск, Россия
zhikharev.boris.a@bk.ru

Крупа Эдуард Александрович
студент
Иркутский государственный университет путей сообщения
Иркутск, Россия
Edikkrupa00405@icloud.com

Научный руководитель:
Халетская Светлана Анатольевна
декан факультета экономики и управления
Иркутский государственный университет путей сообщения
Иркутск, Россия
кандидат экономических наук, доцент
rusakova_oi@irgups.ru

О ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ, ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТРАНСГРАНИЧНОМ ВЫВОДЕ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПУТЕМ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. Статья анализирует актуальную для текучего периода становления законодательной базы регулирования проблемы уголовно-правовой квалификации трансграничного вывода финансовых активов, в том числе в криптовалюте полученных в результате дистанционного мошенничества, совершаемого транснациональными организованными преступными группами.

Ключевые слова: Дистанционное мошенничество, транснациональные ОПГ, криптовалюта, трансграничный вывод активов, экономическая безопасность.

В последнее время деятельность транснациональных ОПГ (организованных преступных группировок), специализирующихся на дистанционном мошенничестве, представляет собой серьезную угрозу экономической безопасности государства. С 2022 по 2024 года в статистике МВД зафиксированный ущерб от действий кибермошенников составил 547 млрд руб. [1]. А за январь-август 2025 года — 134 млрд руб. [2]. При этом «большая часть киберпреступлений, а именно 70 – 80 % совершаются лицами, которые находятся за пределами России» [3].

Рассматриваемый вид мошенничества является многостадийным общественно-опасным деянием. Оно совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. А трансграничный вывод представляет собой завершающую стадию преступной деятельности, направленную на перемещение средств из юрисдикции странны и в этой схеме является ключевым элементом устойчивости таких групп [4].

Следует обратить внимание, что в контексте цифровой валюты данный процесс приобретает качественно новые способы благодаря децентрализованной природе блокчейна и использованию различных криптовалютных бирж для транзакций. Незаконно полученные криптовалюты распространяются по сети с помощью обмена и транзакции. Это усложняет их отслеживание и облегчает преступникам вывод за пределы национальных финансовых систем [5,6].

Вследствие трансграничного характера похищенные финансовые активы покидают юрисдикцию России, а использование в схемах вывода криптовалютной инфраструктуры затрудняет их отслеживание. То есть, их возврат становиться если не невозможной, то крайне сложной задачей.

Важно отметить — угрозой является то, что деньги покидают экономическое пространство РФ что наносит вред непосредственно экономике страны.

А эффективная защита требует комплексного подхода, сочетающего законодательное регулирование оборота цифровых активов и квалифицировать данные деяния не только по уголовной статье № 159 УК РФ «Мошенничество», но и «Незаконный вывод финансовых активов из юрисдикции РФ» как самостоятельный состав.

Необходимость расследования данных деяний обусловлена рядом факторов:

1. С уголовно-правовой точки зрения подобные действия могут образовывать состав преступления по аналогии со статьями, имеющими схожие составы, такими как вывод из страны финансовых активов (например, ст. 193.1. Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов);

2. Присутствуют все признаки преступления: объект, субъект, субъективная и объективная сторона деяния. Объектом выступают общественные отношения в сфере собственности и установленный государством порядок обращения и контроля за движением финансовых активов, обеспечивающий экономическую безопасность государства. Субъектом является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которое осознает преступное происхождение финансовых активов и осуществляет действия по их трансграничному переводу или выводу с целью сокрытия, сохранения или легализации похищенных средств.

Некоторые особенности субъективной стороны: лицо осознает, что финансовые активы получены незаконным путем посредством дистанционного мошенничество и намеренно совершает действия по их переводу или выводу за пределы РФ, преследуя цель сохранения, сокрытия или легализации похищенных активов. Объективная сторона деяния включает операции по выводу финансовых активов и сокрытию от контрольных органов: перевод на иностранные адреса-идентификаторы, использование криптовалютных миксеров для сокрытия цепочки транзакций;

3. На текущий момент методики расследования дистанционного мошенничества и преступлений с использованием телекоммуникационных систем остаются ограниченными. Они в значительной степени ориентированы на традиционные финансовые инструменты, такие как банковские счета и электронные платежные системы и недостаточно раскрывают особенности расследования трансграничного вывода похищенных финансовых активов с использованием криптовалют и иных цифровых финансовых активов [7].

Не квалификация данного деяния (трансграничный вывод финансовых активов, полученных незаконным путем), как состава преступления во многом обусловлена отсутствием комплексного и детально разработанного законодательства, регулирующего оборот криптовалют и порядок их использования в финансовых операциях.

Недостаточная правовая регламентация обращения криптовалют затрудняет определение их правового статуса, механизмов контроля за транзакциями и порядка получения доказательственной информации о движении таких активов. В результате регуляторы не могут своевременно определять и блокировать такие операции, а следственные органы сталкиваются с рядом практических проблем, связанных с установлением владельцев криптовалютных кошельков, отслеживанием цепочек транзакций и обеспечением фиксации цифровых доказательств, что является важным условием повышения эффективности противодействия дистанционному мошенничеству и возврата похищенных финансовых активов.

К настоящему времени регулирование оборота криптовалют в Российской Федерации является фрагментарным.

В данный момент с принятием № 259-ФЗ определен правовой статус, установлены особенности обращения криптовалюты и запрещено её использование в качестве средства платежа на территории РФ. Также криптовалюта признана имуществом, нормы № 115-ФЗ применяются к операциям с криптовалютами. Выявление связанных с криптовалютой преступлений вошло в обязанности Росфинмониторинга.

Росфинмониторинг разработал и внедрил сервис «Прозрачный блокчейн», предназначенную для анализа криптовалютных транзакций.

Для эффективного противодействия выводу незаконно полученных финансовых активов и криптовалюты за пределы РФ, мы предлагаем следующие меры по разработке, принятию и осуществлению комплексного подхода:

1. Создание законодательства:

1.1. По аналогии с имплементацией правила travel rule (FATF) [8] создать регулирующее криптовалютные биржы и криптовалютные обменники законодательство.

1.2. Создать единый реестр пользователей криптовалютных бирж.

1.3. Законодательно закрепить требования к криптовалютным биржам и криптовалютным обменникам по хранению, передаче и обмену информацией, связанной с активностью пользователей в течение определенного периода. А также в случае подозрения на незаконные финансовые операции и невозможность подтверждения правомерности средств сообщать в правоохранительные органы.

2. Совершенствование действующего законодательства:

2.1. Ввести в состав статей уголовных преступлений способы незаконного вывода криптовалюты за пределы РФ.

2.2. Расширить субъектный состав ФЗ-115 — включить в перечень субъектов первичного финансового мониторинга операторов P2P-платформ обмена криптовалют, физических лиц, систематически осуществляющих обмен криптовалют, операторов криптовалютных кошельков (кастодианов), разработчиков и операторов DeFi-протоколов (в части идентифицируемых субъектов) и криптовалютные обменники.

3. Совершенствование правоприменения:

3.1. Интегрировать ЦБ РФ в мониторинг криптопотоков системой финансового надзора.

3.2. Для выявления трансграничного характера движения криптовалюты расширить полномочия Росфинмониторинга.

4. Создание методических рекомендации для правоохранительных органов:

4.1. Разработать методики выявления лиц, связанных с ОПГ, специализирующихся на использовании криптовалюты.

4.2. Разработать методики отслеживания путей движения криптовалют полученных преступным путем или используемых в преступной деятельности.

5. Международное сотрудничество:

5.1. Заключить двусторонние соглашения о правовой помощи с «криптоюрисдикциями».

5.2. Участвовать в международных операциях (Europol, Interpol).

5.3. Установить международное сотрудничество с зарубежными органами финансового мониторинга.

Таким образом, деятельность транснациональных организованных преступных групп, использующих дистанционное мошенничество и криптовалютную инфраструктуру для вывода похищенных средств, представляет значительную угрозу экономической безопасности государства. Трансграничный вывод финансовых активов является ключевым этапом преступной схемы, обеспечивающим сокрытие и легализацию незаконно полученных средств.

В связи с этим необходимы совершенствование законодательного регулирования оборота криптовалют, расширение механизмов финансового мониторинга и разработка методик расследования преступлений, связанных с использованием цифровых активов, что позволит повысить эффективность противодействия данным преступлениям и возврата похищенных средств.

Список литературы:

1. Храпов А. Ущерб от киберпреступлений в России достиг около 200 млрд рублей [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru (дата обращения: 09.03.2026).

2. Филиппов Д. Ущерб граждан от киберпреступлений за 8 месяцев 2025 года составил 134 млрд рублей [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/ushcherb-grazhdan-ot-kiberprestupleniy-za-8-mesyacev-vyros-do-134-mlrd-rubley (дата обращения: 09.03.2026).

3. Кононенко А. Около 70 – 80% киберпреступлений в России совершается из-за рубежа [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru (дата обращения: 09.03.2026).

4. Levi M., Smith R. G. Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime // European Journal on Criminal Policy and Research. — 2022. — Vol. 28. — P. 1 – 17. — DOI: 10.1007/s10610-021-09497-5.

5. Elliptic. The State of Cross-Chain Crime 2025 [Электронный ресурс]. — London: Elliptic, 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://www.elliptic.co/resources/the-state-of-cross-chain-crime-2025 (дата обращения: 08.03.2026).

6. Ahmed M., Shumailov I., Anderson R. Tendrils of Crime: Visualizing the Diffusion of Stolen Bitcoins // Graphical Models for Security: 5th International Workshop, GraMSec 2018, Oxford, UK, July 8, 2018: revised selected papers. — Cham: Springer, 2019. — P. 1 – 12. — DOI: 10.1007/978-3-030-15465-3_1.

7. (Совершенствование методики расследования хищения с использованием электронных средств платежа: дис. … канд. юрид. наук [Электронный ресурс] // URL: https://www.dissercat.com/content/metodika-rassledovaniya-khishchenii-elektronnykh-denezhnykh-sredstv (дата обращения: 09.03.2026).

8. FATF. Best Practices on Travel Rule Supervision [Электронный ресурс] // URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/Best-Practices-Travel-Rule-Supervision.pdf (дата обращения: 08.03.2026).

© Жихарев Б. А., Крупа Э. А., 2026

EDN: IUSAKH

Заикин Дмитрий Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
Loblob0104@gmail.com

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется потенциал применения нейролингвистических технологий в правотворческой деятельности для повышения качества законодательства, регулирующего экономические отношения. Обосновывается, что учет механизмов восприятия правовой информации, использование мета-модели языка, техник рефрейминга и якорения способствуют созданию ясных, непротиворечивых нормативных актов, снижающих коррупционные риски и укрепляющих экономическую безопасность. Рассматриваются вопросы информационной безопасности и подготовки кадров для органов внутренних дел.

Ключевые слова: экономическая безопасность, нейролингвистические технологии, правотворчество, юридическая техника, качество законодательства, информационная безопасность, органы внутренних дел.

Правотворчество традиционно рассматривается как сфера интеллектуальной деятельности, в которой решающее значение имеют логика, системность и профессиональное правосознание разработчика. Однако качество закона зависит не только от того, насколько точно его положения отражают потребности общественного развития, но и от того, насколько адекватно эти положения воспринимаются адресатами, особенно в сфере экономики, где неясность или двусмысленность нормативных предписаний может порождать коррупционные практики, снижать инвестиционную привлекательность и создавать угрозы экономической безопасности. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] прямо указывает на необходимость совершенствования правового регулирования в экономической сфере, повышения качества законодательства и правоприменительной практики. В этом контексте особый интерес представляют нейролингвистические технологии — совокупность методов и приемов, основанных на знании механизмов восприятия и переработки информации человеческим мозгом и языковых средств воздействия на сознание [2]. Как отмечает Р. Б. Головкин, нейролингвистическое программирование (НЛП) изучает структуру субъективного опыта и разрабатывает язык его описания, что может быть использовано для совершенствования правовых текстов [3]. Цель настоящей статьи — выявить потенциал и пределы использования нейролингвистических технологий в правотворческой деятельности, направленной на регулирование экономических отношений, и определить их роль в обеспечении экономической безопасности.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволивший рассмотреть нейролингвистические технологии в единстве их психологической природы и юридической формы применения. Формально-юридический метод применен при анализе нормативных правовых актов с точки зрения их лингвистического качества. Системно-структурный метод обеспечил выявление места нейролингвистических технологий в системе средств обеспечения качества законодательства. Особое значение имел метод междисциплинарного анализа, позволивший интегрировать данные психолингвистики, нейрофизиологии, теории коммуникации и юридической техники. Методологической основой выступают работы, посвященные аналитическо-динамическому моделированию управленческих решений [4], а также исследования в области автоматизации организационных процессов [5]. Теоретическую базу составили труды отечественных специалистов в области теории

права, юридической техники, психолингвистики, а также работы по проблемам информационной безопасности [6, 7].

Нейролингвистические технологии в правотворчестве, ориентированном на обеспечение экономической безопасности, могут быть рассмотрены в нескольких аспектах.

Первый аспект связан с учетом репрезентативных систем адресатов правовых норм — предпринимателей, граждан, государственных служащих. Как отмечают исследователи, с помощью анализа употребляемой лексики можно устанавливать ведущий канал восприятия человека: визуальный, аудиальный или кинестетический. В правотворчестве это означает, что нормативный текст, регулирующий экономические отношения, должен быть построен таким образом, чтобы быть доступным для лиц с различными типами восприятия. Использование абстрактных, отвлеченных конструкций, не подкрепленных образными представлениями, может затруднять понимание закона визуалами, для которых важна наглядность и структурированность. Избыточно метафоричный язык может быть трудным для аудиалов, ориентированных на логическую последовательность. Кинестетикам важно чувственное переживание содержания нормы, что достигается через использование языка, вызывающего ассоциации с практическим опытом ведения бизнеса. Учет этих особенностей способствует более точному пониманию экономических законов, снижению рисков их нарушения и, как следствие, укреплению экономической безопасности.

Второй аспект — использование мета-модели языка для выявления и устранения неопределенностей правового текста. Мета-модель в НЛП представляет собой систему вопросов, позволяющих уточнять поверхностные языковые конструкции, восстанавливать опущенные элементы, конкретизировать неопределенные референции [8]. Применительно к правотворчеству в сфере экономики это означает, что разработчик закона должен критически анализировать текст, выявляя неопределенные предикаты, номинализации (процессы, представленные как предметы), неспецифицированные глаголы, модальные операторы долженствования без указания на основания. Например, формулировка «субъекты предпринимательской деятельности обязаны соблюдать требования» без конкретизации, какие именно требования и в каких случаях, создает коррупциогенный фактор и угрозу для экономической безопасности. Применение мета-модели позволяет минимизировать возможности для множественного толкования и манипулятивного использования языковой неопределенности [9].

Третий аспект — техники рефрейминга и их значение для правотворческого прогнозирования в экономической сфере. Рефрейминг предполагает изменение контекста или смыслового наполнения явления с целью изменения его восприятия. В правотворчестве техники рефрейминга могут использоваться на стадии концептуальной проработки законопроекта, когда необходимо оценить, как одна и та же норма будет восприниматься различными социальными группами (крупный бизнес, малый бизнес, самозанятые, потребители) в различных экономических контекстах. Это позволяет предвидеть возможные искажения смысла закона при его реализации, оценить его влияние на экономическое поведение и своевременно корректировать формулировки для предотвращения негативных последствий для экономической безопасности.

Четвертый аспект — учет якорения и создания устойчивых ассоциативных связей. В психологии НЛП якорением называют механизм, посредством которого любой стимул (слово, образ) связывается с определенным состоянием и способен его активировать. В правотворчестве этот механизм проявляется в том, что определенные юридические формулы, устойчивые словосочетания начинают восприниматься как маркеры определенного нормативного содержания, порождая устойчивые ожидания у правоприменителей и граждан. Использование устоявшихся языковых паттернов способствует эффективности юридической коммуникации [10]. Учет этого феномена позволяет законодателю целенаправленно формировать устойчивые языковые формулы, облегчающие восприятие и применение норм, регулирующих экономическую деятельность, что снижает административные барьеры и повышает защищенность экономических отношений.

Пятый аспект — проблема информационной безопасности при использовании нейролингвистических технологий. А. А. Нечай подчеркивает, что информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом любой юридически значимой деятельности. В правотворческой деятельности это означает, что законодатель должен избегать формулировок, которые могут быть использованы для манипулирования правосознанием граждан, для создания искаженных представлений о содержании и целях правового регулирования экономики. Разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности имеет значение для понимания рисков: нейролингвистические технологии могут быть инструментом как повышения качества законодательства, так и недобросовестного воздействия на субъектов

экономических отношений. Поэтому необходимы четкие этические и правовые рамки их применения.

Шестой аспект — подготовка кадров для правотворческой деятельности в системе МВД России, владеющих нейролингвистическими технологиями. Как справедливо отмечается в исследованиях, применение инновационных технологий в образовании не противоречит законодательству, а владение современными образовательными и психолого-педагогическими технологиями прямо предписывается квалификационными характеристиками. Экстраполяция этого вывода на подготовку специалистов для подразделений экономической безопасности означает необходимость включения в образовательные программы модулей, формирующих компетенции в области психолингвистики, юридической герменевтики, теории коммуникации. Цифровая грамотность должна дополняться грамотностью коммуникативной, включающей понимание механизмов восприятия и интерпретации правовых текстов, что особенно важно для сотрудников, участвующих в разработке ведомственных актов и правоприменительной практике.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что нейролингвистические технологии обладают значительным потенциалом для совершенствования правотворческой деятельности в сфере экономики. Их использование способно повысить качество законодательства, сделать его более доступным для восприятия, снизить риски неоднозначного толкования, обеспечить более точную трансляцию законодательной воли до адресатов — предпринимателей, граждан, государственных органов. Это непосредственно влияет на состояние экономической безопасности, поскольку ясное и непротиворечивое законодательство снижает коррупционные риски, способствует добросовестной конкуренции, повышает инвестиционную привлекательность. Вместе с тем применение этих технологий сопряжено с серьезными рисками манипулирования общественным сознанием и требует соблюдения этических и правовых ограничений. Наиболее продуктивным является подход, при котором нейролингвистические технологии рассматриваются не как средство манипуляции, а как инструмент повышения качества правовой коммуникации, дополняющий рациональные процедуры обоснования и экспертизы законопроектов.

Нейролингвистические технологии представляют собой перспективное направление совершенствования правотворческой деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности. Основными направлениями их применения выступают: учет репрезентативных

систем адресатов, использование мета-модели для устранения неопределенностей, применение техник рефрейминга для прогнозирования восприятия норм, учет механизмов якорения при формировании устойчивых языковых формул, обеспечение информационной безопасности коммуникативного воздействия. Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении потенциала нейролингвистических технологий в правотворчестве, регулирующем экономику, и систематизации направлений их применения. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов в законотворческой деятельности при подготовке проектов нормативных правовых актов, а также в образовательном процессе при подготовке юристов для органов внутренних дел, способных создавать качественные, доступные для восприятия правовые тексты, укрепляющие экономическую безопасность.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Якушева Т. В., Горовая В. Ю., Горовой С. А. Применение методов нейролингвистического программирования в уголовном процессе // Социально-экономические явления и процессы. 2019. Т. 14. № 4. С. 112 – 118. DOI 10.23672/SAE.2019.10.39022.

3. Головкин Р. Б. Нейролингвистическое программирование в подготовке юристов и реализации юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 147 – 152.

4. Бурлов В. Г., Грачев М. И. Аналитическо-динамическая модель управленческого решения в социально-экономических системах на примере руководителя учебного заведения высшего образования // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2019. Т. 13. № 10. С. 27 – 34.

5. Грачев М. И. Автоматизация организации и её техническое оснащение // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 5(77). С. 13 – 21.

6. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

7. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские

чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

8. Трунов И. Л., Мельник В. В. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. 662 с.

9. Коренная О. Б. Логико-этические аспекты использования НЛП в процессе судебного заседания с участием присяжных заседателей // Евразийский юридический журнал. 2012. № 3(46). С. 137 – 140.

10. Пилипенко Н. А., Соловьева А. В. Техники нейролингвистического программирования в юридическом дискурсе // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 409 – 411. DOI 10.46320/2073-4506-2023-3-178-409-411.

© Заикин Д. А., 2026

EDN: IGLGPC

Захарова Александра Сергеевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
aleksandra665@bk.ru

Научный руководитель:
Шкварок Владимир Михайлович,
начальник кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
shkvarok@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СЕРВИСОВ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы положительной динамики преступлений в сфере информационных технологи и сервисах электронной коммерции, а также меры по защите прав собственности граждан РФ и рекомендации по противодействию данным преступлениям.
Ключевые слова: сервисы электронной коммерции, экономическая безопасность, преступность, сфера информационных технологий.

Фундаментом современной цифровой экономики являются сервисы электронной коммерции. Сами сервисы электронной коммерции представляют собой комплекс цифровых платформ и маркетплейсов для обеспечения продажи товаров и услуг, оформление платежей (электронный банкинг), логистики и маркетинга. В современном мире сервисами электронной коммерции пользуется примерно половина населения России, доля маркетплейсов в России в 2025 году достигла

65 %. По сводным аналитическим данным Ассоциации компаний интернет торговли (АКИТ) в 2025 году расходы Российского рынка Интернет-торговли на локальном рынке составили 11078 млрд руб. Доля России в общем обороте розничной торговли в 2024 году составила 16,2 % от общего числа стран, пользующихся сервисами электронной коммерции [1].

Сервисы электронной коммерции с крупным оборотом денежных средств привлекают внимание представителей преступной среды. Статистика преступлений с использование информационно-коммуникационных технологий прямо пропорциональна статистике оборота денежных средств в сервисах электронной коммерции и обратно пропорциональна статистике преступлений, совершенных в общественных местах и на улицах, а также на дорогах, трассах вне населенных пунктов (кража, грабеж и разбой).

По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года, количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составило 675,4 тыс. что суммарно на 11,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [2]. Динамика преступлений в сфере хищения имущества на фоне общего числа преступлений за 2019 – 2023 гг. (рис. 1, рис. 2).

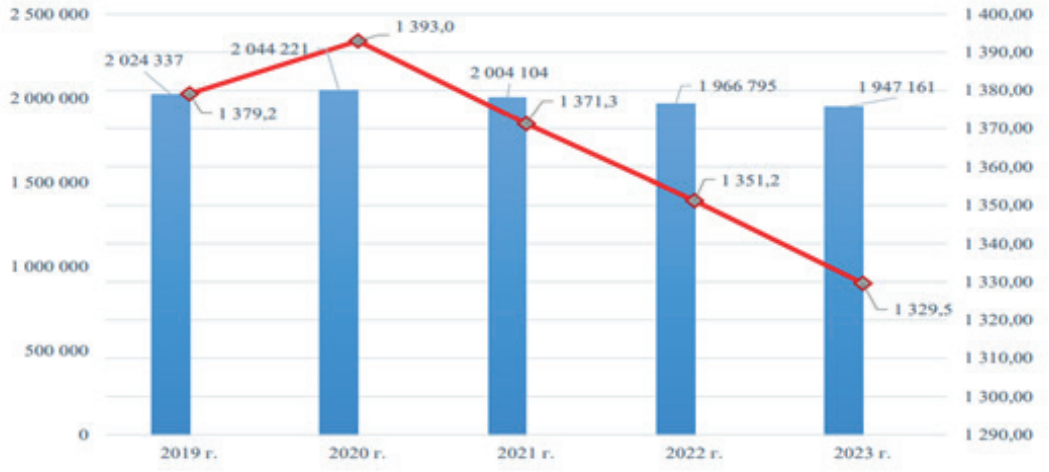

Рисунок 1. Динамика уровня преступности сфере тайного хищение чужого имущества на фоне общего числа преступлений

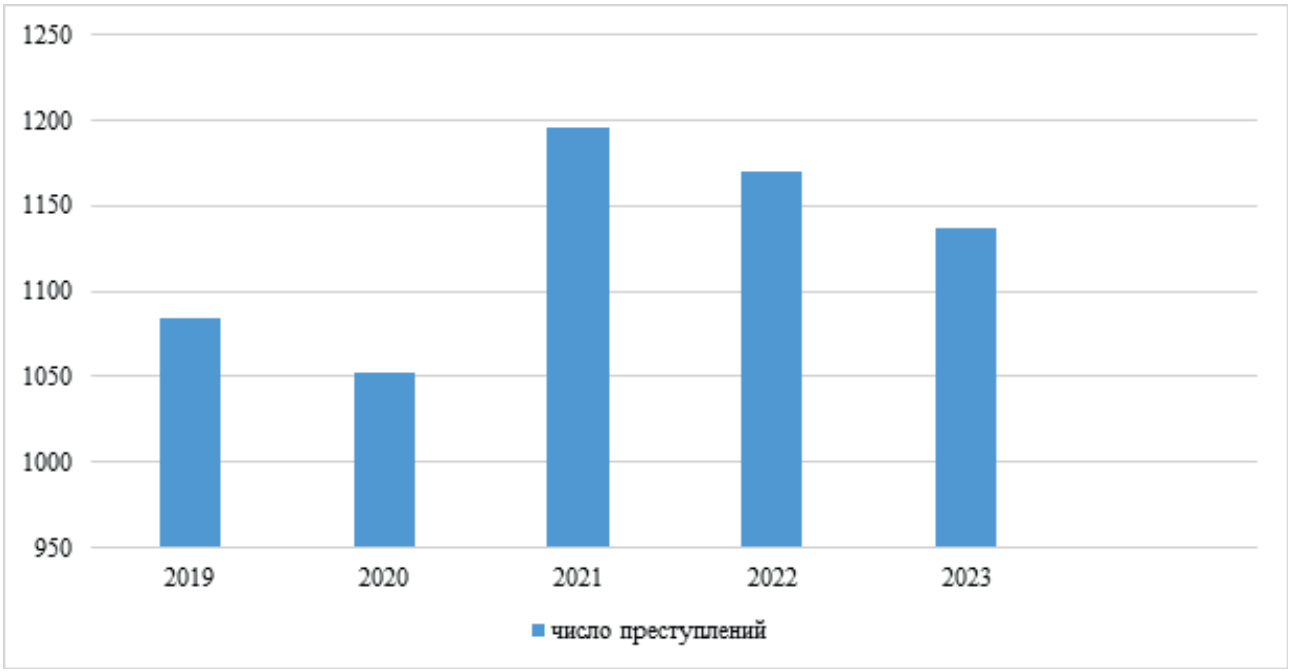

Рисунок 2. Количество преступлений в сфере тайного хищение чужого имущества

Число преступлений в сфере хищения чужого имущества с использованием информационно-коммуникационных и компьютерных технологий (рис. 3.)

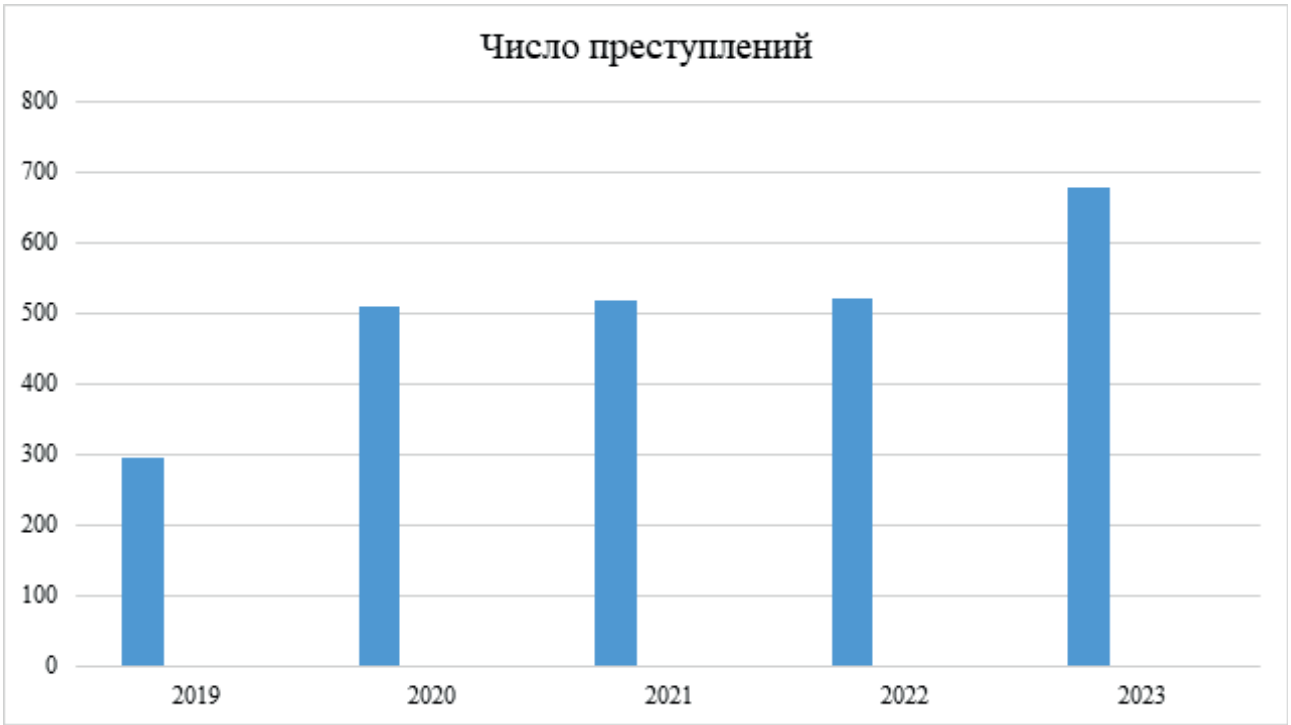

Рисунок 3. Динамика преступлений с использованием ИКТ и компьютерных технологий

На основе представленных графиков можно сделать вывод о том, что в целом число преступлений с каждым годом, казалось бы, значительно

снижается: так общее число преступлений в сфере тайного хищение чужого имущества (краж) уменьшается, а количество преступлений, совершенных в той же сфере с такими же последствиями для граждан, но с использованием ИКТ и компьютерных технологий — увеличивается.

Криминальные структуры активно используют информационно-телекоммуникационные сети для осуществления противоправной деятельности (тайного хищение чужого имущества). На сегодняшний день количество всех преступлений в сфере хищения имущества составляет 1,2 млн, что на 100 тыс. больше, по сравнению с прошлым отчетным годом. Это негативно сказывается на динамике преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Приказом МВД России № 760 от 14.10.2021 г. утверждена Концепция реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, где рассматриваются основные угрозы в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации [3]. Одной из угроз обеспечения экономической безопасности является высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере; неэффективная защита прав собственности. Данные угрозы раскрывают значимость обеспечения экономической безопасности личности, защиту прав и свобод человека, в частности принципа неприкосновенности собственности закреплён в статье 35 Конституции Российской Федерации. В этой связи основной задачей Министерства внутренних дел Российской Федерации является обеспечение безопасности и неприкосновенности частной собственности (денежных средств и цифровых финансовых активов) при использовании физическими лицами сервисов электронной коммерции, а гражданам быть бдительным, при осуществлении торговых сделок и покупок на платформах (разработанных маркетплейсами), не распространять личные данные, внимательно читать соглашения при совершении купли-продажи.

При соблюдении вышеуказанных рекомендаций, преступность в сфере информационных технологий снизиться, но полностью искоренить её не получится. Злоумышленники — это опытные пользователи сервисов электронной коммерции, которые также пользуются электронными платформами маркетплейсов и онлайн-банкингом, и они хорошо знают, как устроен цифровой мир. Похищения денежных средств других пользователей сети Интернет для них становится как вид спорта, они наиболее полно ознакомлены с функционалом электронных платформ

маркетплейсов и уязвимостями онлайн-банкинга. Это говорит о том, что наибольшее число преступлений происходит независимо от тех, на чьё имущество покушается злоумышленник физическое это лицо или юридическое.

По оценкам BusinesStat, в период с 2020 по 2024 год оборот рынка eCommerce в России увеличился почти в 3 раза: с 3,2 до 8,6 трлн рублей, что делает данный рынок наиболее привлекательными для преступников [4]. Важно понимать, что существенное снижение преступлений, совершенных в общественных местах, не значит их полную ликвидацию. Киберпреступления, совершаются в отношении собственности граждан путем злоупотребления доверием, данный вид преступлений квалифицируются как преступления в сфере компьютерной информации, при этом главной целью преступников являются денежные средства граждан. Такая тенденция указывает на необходимость перемен и в правоохранительных органах. Необходимо увеличивать штатную численность сотрудников ОВД, создавать отдельные структуры по обеспечению безопасности в сфере информационных технологий, переквалифицировать некоторые структуры, раннее задействованных в поимке преступников общественных местах, орудовавших в общественных местах.

Сравним три статьи УК РФ: одна статья за совершение преступления в общественном месте (кража), другая — в сфере информационных технологий (мошенничество) и третья — в сфере компьютерной информации (табл. 1.)

Таблица 1. Сравнительный анализ диспозиций уголовного законодательства

Критерий	Кража (ст. 158 УК РФ)	Мошенничество (ст. 159 УК РФ)	Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ)
Суть	Тайное хищение чужого имущества	Хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием	Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб или совершенное из корыстной заинтересованности

Критерий	Кража (ст. 158 УК РФ)	Мошенничество (ст. 159 УК РФ)	Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ)
Санкция	Штраф до 80 тыс. руб, либо исправительные работы на срок до одного года Штраф в размере до 200 тыс.руб, либо исправительные работы на срок до двух лет Штраф от 100 до 500 тыс.руб, либо лишение свободы на срок до 6 лет Лишение свободы на срок до 10 лет	Штраф до 120 тыс. руб. либо исправительные работы на срок до одного года Штраф до 300 тыс. руб либо исправительные работы на срок до двух лет Штраф от 100 до 500 тыс.руб. либо лишение свободы на срок до 6 лет Лишение свободы на срок до 10 лет	Штраф от 100 до 300 тыс. руб либо исправительные работы на срок от одного года до двух лет Штраф до 500 тыс.руб либо лишение свободы на срок до 5 лет
Динамика	Преступность в общественных местах имеет тенденцию к снижению	Резкий рост, благодаря цифровизации	Рост преступлений с каждым годом
Число преступлений за 2025 год, тыс.	Малая доля в общем числе преступлений	Занимает первое место среди всех видов хищений	Меньше преступлений, совершаемых по статье «Мошенничество»

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что за 2025 год наблюдается резкий спад преступлений по статье «Кража» и увеличение числа преступлений по статье «Мошенничество». Преступления в сфере компьютерной информации носят специфический характер, так ка для их совершения нужны необходимы знания в сфере информационных технологий. Санкции по статьям практически не имеют различий. Это говорит о том, что данные санкции не сдерживают рост преступлений в сфере информационных технологий. Так по данным Сбербанка, объём украденных мошенниками средств у россиян в 2025 году предварительно составил 280 – 285 млрд рублей. Подключение мошенников к услугам «мобильного банка», авторизация в системе интернет-платежей, через личный кабинет потерпевшего — такие действия подлежат квалификации как кража. Сегодня преступники активно используют пробелы уголовного законодательства, так как, при неизменной санкции, размер похищенных средств в разы выше.

Список литературы:

1. Анализ рынка электронной коммерции (eCommerce) в России в 2020 – 2024 гг., прогноз на 2025 – 2029 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://marketing.rbc.ru/research/50739/.

2. Сборник Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации.

3. Концепция реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, утвержденная Приказом МВД России № 760 от 14.10.2021 г.

4. Анализ рынка электронной коммерции (eCommerce) в России в 2021 – 2025 гг., прогноз на 2026 – 2030 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://businesstat.ru/catalog/id79087/?ysclid=mml288af3p275973728.

© Захарова.А.С., 2026

EDN: IITWNF

Захарова Мария Евгеньевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
maria.zakharova.900@mail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ ЭВОЛЮЦИИ УГРОЗ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Аннотация. В статье исследуется трансформация концепции экономической безопасности под влиянием всеобщей цифровизации. Анализируется эволюция современных угроз, смещающихся из физической в информационно-цифровую плоскость, и соответствующая адаптация правового понятийного аппарата. Рассматривается, как традиционные категории экономической безопасности наполняются новым содержанием, и выявляется необходимость формирования новых юридических дефиниций для адекватного регулирования вызовов киберпространства. Особое внимание уделяется роли органов внутренних дел в противодействии киберугрозам, наносящим ущерб экономике. Делается вывод о том, что от скорости и качества этой концептуально-правовой трансформации напрямую зависит эффективность обеспечения экономической безопасности в XXI веке.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровая эпоха, киберугрозы, информационная безопасность, правовые понятия, гибридные угрозы, цифровой суверенитет, органы внутренних дел.

Современная парадигма экономической безопасности, исторически сформировавшаяся вокруг защиты материальных активов, устойчивости финансовой системы и производственного потенциала, претерпевает глубинные изменения. Движущей силой этой трансформации стала цифровая революция, создавшая принципиально новую среду существования экономики — глобальное киберпространство [1]. Эта среда, не признающая традиционных границ, породила качественно иной класс угроз, что, в свою очередь, потребовало фундаментального переосмысления самого понятийного аппарата, лежащего в основе всей системы экономической безопасности. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [2] прямо указывает на необходимость совершенствования правового регулирования в сфере экономики и противодействия вызовам, связанным с цифровизацией. Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастающим разрывом между стремительной технологической эволюцией и консервативной динамикой правового регулирования. Цель работы заключается в анализе ключевых векторов эволюции угроз экономической безопасности в цифровую эпоху и в оценке степени адаптации к ним существующего правового понятийного языка.

Характерной чертой современной угрозы экономической безопасности становится ее прогрессирующая дематериализация и сетецентричность. Если ранее основными объектами защиты выступали физические производственные фонды и финансовые резервы, то сегодня уязвимым оказывается само информационно-технологическое ядро экономики [3]. Происходит глубокая гибридизация традиционных форм противоборства, когда экономические, финансовые и технологические инструменты применяются в неразрывном симбиозе с цифровыми атаками [4]. Информационно-психологические операции, направленные на дестабилизацию финансовых рынков, и кибератаки на банковские системы, энергосети и транспорт являются элементами единой стратегии, где цифровая составляющая выступает в роли силового множителя, способного нанести значительный экономический ущерб.

Параллельно сформировался самостоятельный и крайне опасный класс, собственно, киберугроз экономике. К нему относятся целевые

атаки на финансовые учреждения, хищение средств с использованием методов социальной инженерии и вредоносного ПО, кража интеллектуальной собственности и коммерческой тайны, нарушение работы критической информационной инфраструктуры предприятий, а также кампании по дезинформации, способные обрушить фондовый рынок или подорвать доверие к национальной валюте. Особенностью этих угроз является их асимметричность, трансграничность и высочайшая скорость реализации, что существенно усложняет задачи по их предупреждению и нейтрализации [5]. В этом контексте на первый план выходит угроза подрыва цифрового суверенитета, которая выражается в утрате технологической независимости, контроля над национальным цифровым пространством и способности защищать экономические интересы государства и бизнеса. Технологическая зависимость от иностранных решений и платформ создает стратегические риски, превращая цифровую сферу в ключевое поле геополитического противостояния, способное подорвать основы экономической безопасности.

Указанная эволюция угроз с необходимостью влечет за собой серьезную перестройку понятийно-категориального инструментария, используемого правом для их описания и противодействия. Классические юридические конструкции зачастую оказываются недостаточными для адекватного охвата сущности новых явлений. В первую очередь, наблюдается значительное расширение содержания базовых, фундаментальных понятий. Категория экономической безопасности в ее современном понимании уже неразрывно включает в себя информационную и технологическую составляющие. Обеспечение безопасности экономики сегодня в равной степени зависит как от макроэкономической стабильности, так и от устойчивости ее цифровой экосистемы. Аналогичным образом, понятие угрозы экономической безопасности закономерно распространяется не только на традиционные экономические преступления, но и на масштабные деструктивные кампании в информационном пространстве, кибератаки на критическую инфраструктуру и целенаправленное технологическое давление.

Одновременно происходит активное формирование принципиально новых специальных правовых понятий, призванных заполнить возникшие смысловые лакуны. В научный дискурс и законодательное поле входят такие категории, как «цифровой суверенитет», отражающий право государства на юрисдикцию в собственном цифровом пространстве, и «критическая информационная инфраструктура», выделяющая объекты,

нарушение функционирования которых несет катастрофические последствия для экономики. Зарождается и набирает силу концепция «суверенитета данных», связанная с установлением контроля над цифровыми активами нации [6]. Однако этот динамичный процесс концептуализации пока отстает от практических вызовов, что порождает серьезные проблемы правоприменения. Действия в киберпространстве, направленные на причинение экономического ущерба, нередко не находят точного соответствия в диспозициях традиционных составов преступлений, что вызывает трудности квалификации и указывает на потребность в дальнейшей модернизации уголовного и административного законодательства.

Важнейшую роль в противодействии новым угрозам экономической безопасности призваны играть органы внутренних дел. На них возложены функции по выявлению, предупреждению и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, в том числе хищений денежных средств, мошенничеств, неправомерного доступа к информационным системам. Как отмечает А. А. Нечай, формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих специалистов, включая сотрудников полиции, является критически важным условием эффективной борьбы с киберпреступностью, наносящей ущерб экономике [7]. Современный сотрудник должен не только владеть методами расследования, но и разбираться в технических аспектах, уметь выявлять цифровые следы и взаимодействовать с IT-специалистами. Автоматизация процессов проверки знаний и компетенций в области информационной безопасности может способствовать повышению качества подготовки кадров для подразделений, расследующих экономические преступления в цифровой среде [8].

Цифровая трансформация современного общества обусловила фундаментальную эволюцию угроз экономической безопасности. Эти угрозы приобрели принципиально новые качества, став гибридными, сетевыми и дематериализованными. Они всё реже проявляются в форме прямого физического воздействия, всё чаще реализуясь через уязвимости информационного пространства, технологические зависимости и манипуляцию общественным сознанием с целью извлечения экономической выгоды или дестабилизации экономики. Единственно адекватным ответом на этот вызов может быть лишь столь же глубокая и осмысленная трансформация понятийного аппарата права. Этот неизбежный процесс закономерно разворачивается по двум взаимосвязанным направлениям. С одной стороны, происходит радикальное расширение и наполнение

новым содержанием традиционных правовых категорий, таких как экономическая безопасность, угроза, ущерб. С другой стороны, идёт активное формирование совершенно новых юридических конструкций, адекватно описывающих специфику цифровой среды, — от цифрового суверенитета до критической информационной инфраструктуры. От скорости, системности и научной обоснованности этой концептуальной работы напрямую зависит эффективность всей государственной политики в сфере экономической безопасности. Право в новой реальности призвано не пассивно реагировать на технологические изменения, а проактивно формировать безопасные, суверенные и справедливые рамки для цифрового развития экономики. Поэтому последовательное теоретическое осмысление и взвешенное законодательное закрепление обновленного понятийного аппарата перестали быть сугубо академической задачей. Сегодня это — практическая необходимость, от которой зависит способность государства защищать свои экономические интересы, обеспечивать стабильность и сохранять конкурентоспособность в условиях необратимых и стремительных глобальных перемен.

Список литературы:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5178.

4. Ефимов В. С. Актуальные проблемы правового регулирования информационной безопасности в системе национальной безопасности России // Вестник университета. 2022. № 4. С. 112 – 118.

5. Методика интеграции системы управления киберрисками в предпринимательских структурах / К. А. Эсаулов, Е. К. Яхваров, А. А. Нечай, А. С. Березин // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2020. № 2. С. 80 – 86.

6. Нечай А. А., Федоркевич Е. В. Что такое цифровой след и можно ли его скрыть? // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога

и наставника: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18 – 19 апреля 2023 года. Том 1. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 284 – 288.

7. Нечай А. А. Формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих учителей информатики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. С. 114 – 124.

8. Нечай А. А. Автоматизация проверки знаний при оценке сформированности профессиональных компетенций по информационной безопасности // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: Материалы II Всероссийской научной конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 261 – 266.

© Захарова М. Е., 2026

EDN: IOPQMU

Зорин Павел Сергеевич
студент
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Смоленск, Россия
1paranoia1@mail.ru

Научный руководитель:
Голубева Татьяна Владимировна
старший преподаватель кафедры экономики и проектного менеджмента
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Смоленск, Россия
twg-27@mail.ru

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЗАКРЕДИТОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется влияние закредитованности населения на экономическую безопасность личности. Рассматриваются структура долговой нагрузки, риски микрофинансирования, социально-психологические последствия и рост числа банкротств. Предложены меры по совершенствованию регулирования, повышению финансовой грамотности и внедрению новых кредитных инструментов для снижения долговой угрозы.
Ключевые слова: закредитованность населения, долговая нагрузка, качество жизни, предельный уровень долговой нагрузки, экономической безопасности личности.

Высокий уровень кредитной нагрузки у населения рассматривается экспертами как серьёзная угроза экономической безопасности

личности: при значительной части дохода, уходящей на обслуживание долговых обязательств, увеличивается вероятность неплатежеспособности и ухудшается материальное благополучие семей [1]. Поскольку значительная часть семейного бюджета уходит на обслуживание кредитов, домохозяйства вынуждены сокращать расходы на товары не первой необходимости. В структуре задолженности россиян более половины объемов занимают ипотека и автокредиты. Это создает долгосрочное финансовое давление: свыше 40 % заемщиков по ипотеке смогут полностью распоряжаться своим жильем только к моменту выхода на пенсию, что существенно снижает их потребительскую активность в течение жизни [1].

Стремление сохранить привычный уровень жизни подталкивает россиян к новым займам, несмотря на растущие ставки и риски непогашения. Несмотря на зафиксированный Правительством рост среднестатистической заработной платы в период с конца 2023 по конец 2025 года, значительное число жителей страны не испытали заметного подъема качества своей жизни. Согласно данным социологических исследований, кредитная зависимость охватывает до 50 % населения России, что обусловливает высокую уязвимость домохозяйств перед макроэкономической нестабильностью (инфляцией, снижением реальных доходов) [1].

Рост долговой нагрузки провоцирует трансформацию потребительского поведения: заемщики вынужденно переходят на потребление товаров бюджетного сегмента. Приоритетность обслуживания кредитных обязательств над формированием личных резервов препятствует аккумуляции капитала и замедляет рост национального благосостояния. В условиях стагнации реальных заработков и инфляционного давления кредитование выступает инструментом сохранения привычных стандартов потребления. Эксперты полагают, что именно этот фактор обусловливает разрыв между статистическим ростом номинальных доходов и объективным снижением уровня жизни граждан [1].

С учётом сохраняющейся долговой нагрузки и увеличения кредитного портфеля возникает необходимость проанализировать текущие показатели кредитования и поведение заемщиков на финансовом рынке (см. рисунок 1 и 2).

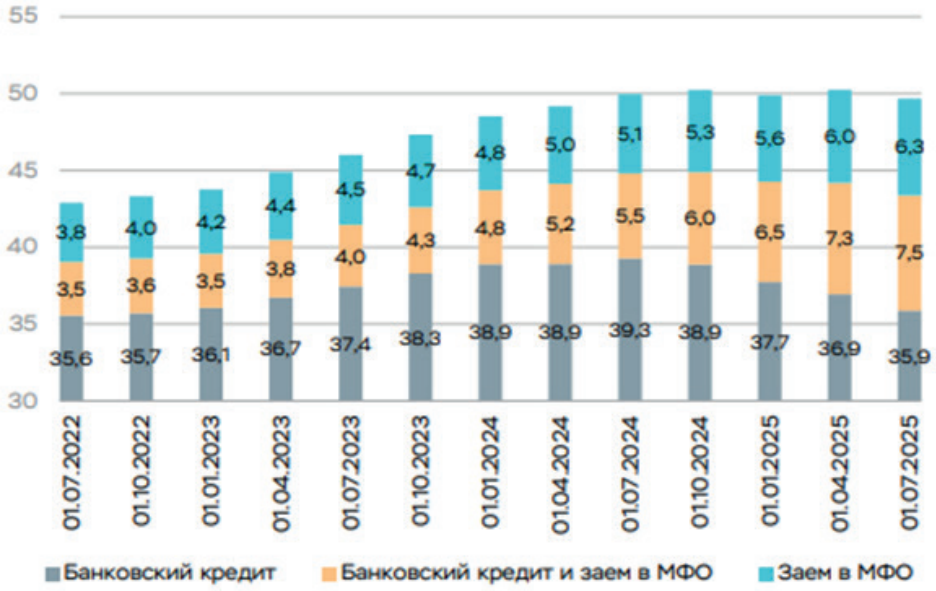

Рисунок 1. Типы кредитных продуктов и число заемщиков (млн чел.)

В отчетном периоде (январь – июнь 2025 года) количество клиентов кредитных организаций и МФО составило 49,7 млн человек (снижение на 0,2 млн относительно аналогичного периода прошлого года). Совокупный объем обязательств изменился до 37,8 трлн рублей (с 36,4 трлн годом ранее) [2]. Структура долга остается несбалансированной: почти половина всей суммы приходится на узкую группу лиц, имеющих три и более кредита. Для 18,5 % российских семей уровень долговой нагрузки остается критическим (свыше 50 % дохода). Исследование проекта «За права заемщиков» выявило парадокс: на фоне общей уверенности граждан в своей платежеспособности, около 22 % фактически столкнулись с серьезными трудностями при выплатах в течение последнего года [3].

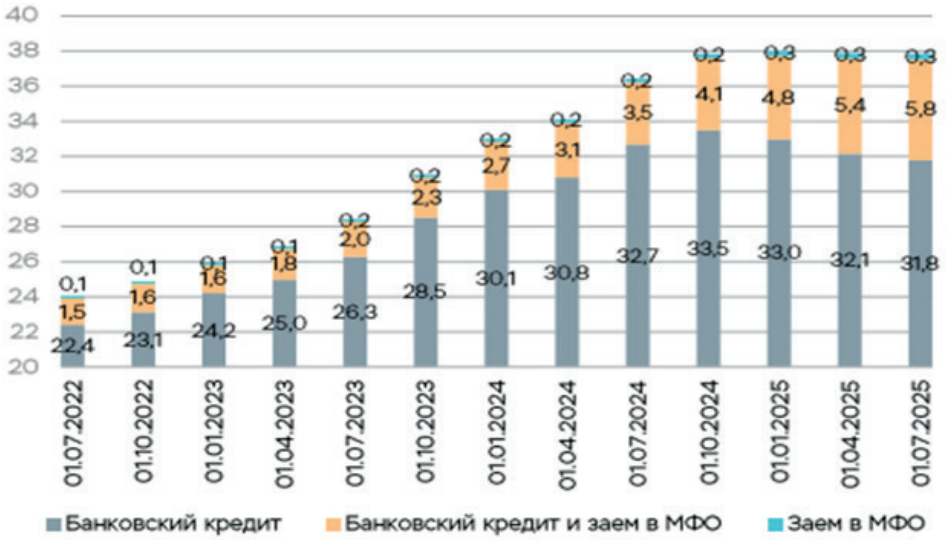

Рисунок 2. Задолженность домохозяйств по видам кредитов (трлн руб.)

На фоне ажиотажного спроса финансовые институты пошли на смягчение критериев оценки платежеспособности клиентов. В сочетании с бурным развитием цифровых сервисов это способствовало массовому распространению сверхдорогих краткосрочных микрозаймов, известных как «деньги до зарплаты». Экспансия МФО активно продолжается в регионах: за первое полугодие 2025 года в Смоленской области [4] было официально представлено четыре таких организации, которые выдали займов на 1,6 млрд рублей по 62 тыс. договоров. В Калужской области, согласно сведениям местного подразделения Центрального банка РФ [1], на начало 2025 года действовали три МФО, которые заключили в первом полугодии более 91 тысячи займов общим объемом примерно 1,9 млрд рублей. Общая задолженность жителей региона перед этими организациями составила 2,2 млрд рублей, увеличившись на 6,5 % относительно предыдущего периода. Таким образом, отказ от глубокой проверки платежеспособности в пользу поверхностного анализа расходов подталкивает финансово неустойчивые группы населения к формированию просроченных задолженностей.

Помимо экономических рисков, рост долговой нагрузки влечет за собой существенные социально-психологические последствия. Хронический стресс, вызванный обязательствами, и вынужденная трансформация потребительских моделей выступают ключевыми факторами снижения общего благополучия личности. Согласно данным международных исследований, финансовое неблагополучие напрямую коррелирует с ментальным здоровьем: умеренные трудности повышают риск развития депрессии в 1,4 раза, а критические — вдвое по сравнению с обеспеченными группами [5]. Примечателен психологический парадокс: люди с высоким достатком переживают финансовый крах гораздо острее и глубже, чем те, кто привык к хроническому дефициту средств [5]. В российских реалиях высокая долговая нагрузка становится триггером тревожных расстройств для самых разных слоев населения, проявляясь в виде бессонницы, когнитивных нарушений и роста напряженности в семейных отношениях.

Есть предельный уровень долговой нагрузки (ПДН), рассчитываемый как доля ежемесячного платежа в общем доходе гражданина. Превышение этого уровня увеличивает вероятность невыплаты долга. Считается оптимальным, когда этот коэффициент находится в диапазоне 20 – 25 % [6]. Если же ПДН превышает отметку в 30 %, заемщик попадает в зону риска. Показатель долгового бремени свыше 50 %

расценивается как критически высокий и повышает непосредственный риск финансового краха должника. Регуляторы банковского сектора, включая Центральный банк России и микрофинансовые организации, устанавливают ограничения на выдачу кредитов лицам с уровнем ПДН больше 50 %, особенно это касается рисковых видов кредитования. Территориальные представительства Банка России, такие как филиалы в Смоленской [7] и Калужской областях [1], советуют населению контролировать платежи по кредитам таким образом, чтобы они составляли не более трети доходов, чтобы исключить попадание в ситуацию долговой зависимости.

Высокий уровень показателя долговой нагрузки (ПДН) является ключевым фактором увеличения случаев финансовой несостоятельности и инициирования процедуры личного банкротства. Анализ статистических данных демонстрирует стабильную динамику: ежегодно количество граждан, объявленных банкротами в России, увеличивается более чем на 20 %. К началу 2025 года около 568 тысяч человек официально признаны несостоятельными, а общее число тех, кто прошел через процедуру банкротства, превысило 2,22 млн. [8]. Эти цифры свидетельствуют о том, что при достижении критического порога задолженности, равного половине месячного дохода, именно механизм признания физического лица банкротом становится главным инструментом юридической поддержки должников.

Проведенный анализ подтверждает, что высокая закредитованность населения представляет собой одну из ключевых угроз экономической безопасности личности в современной России. Накопленный объем долговых обязательств (37,8 трлн рублей) в сочетании со стагнацией реальных доходов формирует «долговую ловушку»: значительная часть граждан (около 50 %) вынуждена направлять более трети своего бюджета на обслуживание кредитов, что ведет к снижению потребительской активности, ухудшению качества жизни и росту социальной напряженности.

Особую тревогу вызывает несбалансированность структуры долга (половина суммы приходится на заемщиков с тремя и более кредитами), а также активная экспансия микрофинансовых организаций, которые, используя упрощенные методы оценки платежеспособности, вовлекают в долговую зависимость наиболее уязвимые слои населения. Экономические последствия (снижение резервов домохозяйств, рост числа банкротств) усугубляются психологическими проблемами:

хронический стресс, тревожность и депрессия становятся прямым следствием непосильной долговой нагрузки. Превышение показателя долговой нагрузки в 30 % является тревожным сигналом, а уровень выше 50 % — прямым путем к финансовой несостоятельности.

Для снижения уровня закредитованности и защиты экономической безопасности личности необходим комплексный подход, включающий как усиление регулирования, так и развитие новых финансовых инструментов и социальных практик. Рассмотрим их. 1. Учитывая высокую долю просрочек и социальную опасность микрозаймов, стоит ужесточить регулирование не только на этапе выдачи, но и на этапе пролонгации. Целесообразно ввести законодательное ограничение на максимальное количество пролонгаций договора микрозайма, чтобы предотвратить рост долга. 2. Включить модули по управлению долговой нагрузкой и расчету ПДН в программы социальных контрактов, заключаемых с малоимущими гражданами. Это поможет бороться с причиной, а не следствием бедности. 3. Упростить процедуру внесудебного банкротства для отдельных категорий граждан (пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи), даже при относительно небольшой сумме долга, если доказано отсутствие имущества и дохода, превышающего прожиточный минимум. 4. Разработать банковский продукт, где обязательным условием выдачи кредита является открытие накопительного счета с первоначальным взносом (например, 10 % от суммы кредита). Это приучит заемщиков к накоплению и создаст буфер безопасности для банка. 5. Необходимо поддержать инициативу по созданию официальных онлайн-платформ, позволяющих инвесторам рефинансировать дорогостоящие микрозаймы населения по сниженным ставкам, взамен получая частичное участие в будущем доходе заемщика либо налоговые льготы.

Внедрение предложенных мероприятий будет способствовать росту экономической безопасности личности.

Список литературы:

1. Банк России предлагает новые меры, чтобы предупредить закредитованность граждан перед МФО [Электронный ресурс] // URL: https://www.kaluga-gov.ru/news/59946/ (дата обращения: 15.02.2026).

2. В первом полугодии 2025 года закредитованность граждан продолжила снижаться [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=28166 (дата обращения: 15.02.2026).

3. Эксперт: большинство россиян с 10 и более кредитами не имеют стабильного дохода [Электронный ресурс] // URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/09/17/1139831-ekspert-bolshinstvo (дата обращения: 15.02.2026).

4. Шаронова Е. Бизнес в Смоленской области активно пользуется микрофинансированием [Электронный ресурс] // URL: https://smolgazeta.ru/daylynews/133328-biznes-v-smolenskoy-oblasti-aktivno.html (дата обращения: 15.02.2026).

5. Никитина И. Состоятельные люди больше переживают из-за денег [Электронный ресурс] // URL: https://science.mail.ru/news/37614-depressiya-sostoyatelnyh-lyudej/ (дата обращения: 16.02.2026).

6. Беляков Е. В долг живёт больше половины населения России: чем это грозит нам и экономике [Электронный ресурс] // URL: https://www.kp.ru/daily/27559.5/4884207/ (дата обращения: 15.02.2026).

7. Смолян призывают осознанно планировать займы [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/press/regevent/?id=49090 (дата обращения: 15.02.2026).

8. Недогибченко Г. Число россиян-банкротов превысило 2,2 млн человек [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/finances/26/01/2026/69762dfa9a79475c617c508f (дата обращения: 15.02.2026).

© Зорин П. С., 2026

EDN: LFJZQA

Зябкин Дмитрий Алексеевич
студент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
zyabckind@yandex.ru

Научный руководитель:
Харламов Андрей Викторович
заведующий кафедрой общей экономической теории
и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
kharlamov_2000@list.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Аннотация. Используя метод проблемно-ориентированного анализа, автор рассматривает текущие проблемы, влияющие на экономическую безопасность Российской Федерации, а также предлагает пути решения описанных проблем посредством совершенствование экономической политики.
Ключевые слова: экономическая политика, импортозамещение, протекционизм, экономическая безопасность, национальная экономика.

Ввиду глобальной нестабильности и обострения в международных отношениях повышается актуальность обеспечения экономического развития России посредством ведения грамотной политики, направленной на повышение уровня экономической безопасности страны [1]. Исходя из этого, Правительству страны необходимо постоянно корректировать свою экономическую политику в зависимости от меняющихся внешних

и внутренних условий, а также отслеживать, чтобы все применяемые меры обеспечивали экономическую безопасность страны. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена не только появление новых вызовов для российской экономики, но и отсутствием универсальных методов решения возникающих проблем.

Экономическая безопасность является одним из ключевых направлений стратегического планирования для всех государств. В России принята Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 208 от 13 мая 2017 года). Ключевыми целями, изложенными в данном документе, являются:

1. Укрепление экономического суверенитета Российской Федерации;

2. Повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз;

3. Обеспечение долговременного и устойчивого экономического роста;

4. Поддержание научно-технического потенциала развития национальной экономики и повышение ее конкурентоспособности на мировом рынке;

5. Поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса на уровне, необходимом для решения задач военно-экономического обеспечения экономики страны [2].

На данный момент наиболее острыми внутренними проблемами, связанными с рассматриваемой темой, являются растущий дефицит бюджета, снижение доходов предприятий и рост цен на товары и услуги. С целью восполнения дефицита бюджета 1 января 2026 года была повышена ставка налога на добавленную стоимость (НДС), что привело к росту цен на товары и услуги, поскольку НДС является налогом, который взимается с каждого этапа реализации продукции от производства до получения ее конечным потребителем [3]. Для описания корреляционной связи между ставкой налогов и поступлениями в государственный бюджет и определения оптимального уровня налогообложения применяется кривая Лаффера, которая показывает, как различный уровень ставки налогов влияет на величину налоговых поступлений в государственный бюджет [4]. Судить о том, оптимальной ли текущая ставка, можно только по завершению 2026 года, когда будут опубликованы статистические данные о размере налоговых поступлений.

Также стоит упомянуть и повышение утилизационного сбора, которое привело к росту цен на иностранные автомобили. Это увеличение, в свою очередь, влияет на то, что потребители вынуждены покупать

автомобили более низкого класса либо на вторичном рынке, а также на развитие теневого рынка автотранспорта и, как и в ситуации с повышением ставки НДС, сокращению поступлений в бюджет. Кроме этого прогнозируется, что с 1 сентября 2026 года будет введен утилизационный сбор на иностранную электронику с целью дальнейшего стимулирования импортозамещения и технического суверенитета России [5].

Все эти действия являются отражением протекционистской политики государства, которая началась после введения экономических санкций по отношению к нашей стране. При этом они имеют противоречие, заключающееся в стремлении увеличить поступление в бюджет, с одновременным стимулированием импортозамещения [6].

Таким образом, для выполнения ключевых задач государственной экономической политики, направленной на обеспечение экономической безопасности страны, необходимо не только принимать меры по достижению экономического суверенитета России, но и те, которые направлены на обеспечение динамичного и устойчивого экономического роста.

Список литературы:

1. Харламов А. В. Трансформация хозяйственной системы и обеспечение экономической безопасности // Петербургский экономический журнал. 2020. № 3. С. 6 – 14.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 20.02.2026.

3. Петропольский А. Бизнес еще не адаптировался к тем налогами повышениям цен, которые произошли с января [Электронный ресурс] // URL: https://www.bfm.ru/news/598372 (дата обращения: 28.02.2026).

4. Щербаков Г. В. Точки Лаффера, зона фискальных противоречий и степень согласия налогоплательщиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27, № 1. С. 49 – 62.

5. Чем опасен «утильсбор на айфоны»? Эксперты — о ситуации на рынке, инфляции и российской промышленности [Электронный ресурс] // URL: https://74.ru/text/business/2025/11/18/76125524/ (дата обращения: 01.03.2026).

6. Становая А. А. Совершенствование системы государственного контроля теневого сектора в интересах экономической безопасности // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 4(34). С. 3 – 15.

© Зябкин Д. А., 2026

EDN: LACJNX

Иванов Игорь Юрьевич
командир отделения
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
igor-ivanov2057@yandex.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровых платформ на трансформацию правоприменительных технологий, используемых органами внутренних дел и иными субъектами обеспечения экономической безопасности. Анализируются алгоритмизация процедур, изменение информационной основы правоприменения, появление новых видов технологий, а также риски, связанные с обработкой больших данных и обеспечением информационной безопасности. Обосновывается необходимость подготовки кадров, владеющих компетенциями в области цифровых технологий.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровые платформы, правоприменительные технологии, органы внутренних дел, информационная безопасность, большие данные, искусственный интеллект.

Правоприменение долгое время оставалось той сферой юридической деятельности, которая в наименьшей степени поддавалась технологизации. Однако стремительное развитие цифровых платформ в последнее десятилетие качественно трансформирует технологическую основу правоприменения, особенно в сфере экономической безопасности. Государственные информационные системы, платформы оказания публичных услуг, автоматизированные рабочие места следователей и оперативных сотрудников, онлайн-сервисы финансового мониторинга — все эти явления не просто дополняют традиционное правоприменение, но создают принципиально новые возможности для выявления, предупреждения и пресечения экономических угроз. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] прямо указывает на необходимость совершенствования механизмов правоприменения в экономической сфере, повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, в том числе на основе внедрения цифровых технологий. В научной литературе эта трансформация осмысляется фрагментарно: преобладают либо восторженно-технократические описания новых возможностей, либо апокалиптические прогнозы о вытеснении человека из правоприменения. Цель настоящей статьи — выявить основные направления влияния цифровых платформ на правоприменительные технологии в контексте обеспечения экономической безопасности, оценить характер и глубину происходящих изменений, а также определить проблемы, возникающие в процессе цифровой трансформации правоприменения, с акцентом на роль органов внутренних дел.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, требующий рассмотрения правоприменительных технологий в их развитии, в единстве и борьбе противоположных тенденций — алгоритмизации и сохранения дискреционных начал. Формально-юридический метод применен при анализе нормативных правовых актов, регламентирующих функционирование государственных информационных систем в сфере экономики и порядок их использования в правоприменительной деятельности. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить различные модели внедрения цифровых платформ в правоприменение. Метод имитационного моделирования [2] использован для понимания того, каким образом цифровые платформы изменяют алгоритмы принятия правоприменительных решений. Теоретической базой послужили труды отечественных специалистов

в области теории правоприменения, информационного права, а также работы, посвященные подготовке кадров для работы в условиях цифровой трансформации [3, 4]. Эмпирическую основу составили положения федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта, а также данные о функционировании государственных информационных систем (ГАС «Правосудие», ЕПГУ, АИС «Налог-3», ЕГИС «Правовая помощь» и других).

Цифровые платформы оказывают на правоприменительные технологии, используемые в целях экономической безопасности, многоаспектное воздействие, которое может быть сведено к трем основным направлениям.

Первое направление связано с алгоритмизацией правоприменительных процедур в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК). Традиционное правоприменение строится как последовательность стадий: установление фактических обстоятельств, выбор и анализ нормы, принятие решения. Цифровые платформы не отменяют эту логику, но существенно видоизменяют способ прохождения каждой стадии. Например, при проведении налоговых проверок или оперативно-разыскных мероприятий стадия установления фактических обстоятельств трансформируется в автоматизированный анализ финансовых потоков, выявление аномалий с использованием алгоритмов, сопоставление данных из различных источников (банков, налоговой службы, Росфинмониторинга). Правоприменитель (оперуполномоченный, следователь) освобождается от рутинных операций по сбору справок и подтверждений, но приобретает новые обязанности по контролю за корректностью автоматизированной обработки данных. Исследователи справедливо отмечают, что при такой организации процедуры критическое значение приобретает качество исходных данных: ошибки, допущенные при формировании цифрового следа [5], могут тиражироваться в масштабах всей системы, приводя к необоснованным решениям и ущемлению прав хозяйствующих субъектов. Автоматизация не снимает проблемы субъективности, но переводит ее на иной уровень: теперь ключевое значение имеет качество алгоритмов, заложенных разработчиками, и корректность их применения [6]. Человек остается в контуре принятия решения, но его роль смещается

от непосредственного совершения операций к контролю за их автоматизированным выполнением.

Второе направление — трансформация информационной основы правоприменения в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Традиционное правоприменение опиралось на информацию, собираемую самим правоприменителем либо предоставляемую участниками производства, что неизбежно порождало риски неполноты или недостоверности. Цифровые платформы качественно меняют ситуацию: они аккумулируют огромные массивы данных о финансовых операциях, движении товаров, регистрационных действиях, позволяют осуществлять их перекрестную проверку, выявлять скрытые связи и закономерности. Современный сотрудник ОВД должен владеть навыками работы с большими данными, понимать логику формирования цифровых следов и уметь интерпретировать результаты автоматизированного анализа. Без таких компетенций эффективное использование цифровых платформ в правоприменении становится невозможным. Вместе с тем возрастание информационной насыщенности порождает новые проблемы, связанные с разграничением понятий кибербезопасности и информационной безопасности [7], рисками нарушения прав граждан при сборе и обработке их персональных данных, а также угрозами утечки конфиденциальной информации, составляющей коммерческую или банковскую тайну. Возникает разрыв между фактическими возможностями цифровых платформ и нормативным регулированием их использования, что требует выработки новых правовых гарантий и укрепления защищенности информационной инфраструктуры [8].

Третье направление — появление принципиально новых видов правоприменительных технологий, невозможных вне цифровой среды. К их числу относятся технологии удаленного финансового мониторинга, системы прогнозирования налоговых правонарушений, платформы для выявления подозрительных транзакций в режиме реального времени, технологии распределенного реестра для фиксации юридически значимых действий в сфере экономики. Последние заслуживают особого внимания: использование блокчейна позволяет обеспечить неизменность и прозрачность фиксации фактов хозяйственной жизни, что существенно затрудняет совершение экономических преступлений, связанных с фальсификацией отчетности и документов. Методы имитационного моделирования позволяют прогнозировать результаты правоприменительной деятельности, оценивать вероятность наступления тех

или иных последствий, выбирать оптимальные варианты решений при расследовании сложных экономических преступлений. Можно прогнозировать появление систем поддержки принятия решений, основанных на имитационном моделировании типичных ситуаций и анализе прецедентов, что требует интеграции юридических и технических знаний в подготовке специалистов.

Важным аспектом влияния цифровых платформ выступает стандартизация правоприменительной деятельности в сфере экономической безопасности. Цифровые платформы неизбежно унифицируют процедуры, закрепляя в программном коде определенные алгоритмы действий. Это имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, снижаются риски произвольных решений, обеспечивается единообразие практики привлечения к ответственности за экономические правонарушения, повышается предсказуемость правоприменения для бизнеса. С другой стороны, алгоритмизация может вступать в противоречие с принципом индивидуализации, требующим учета всех специфических обстоятельств конкретного дела. Любая алгоритмизация должна предусматривать возможность отступления от стандарта в исключительных случаях, причем такие отступления должны быть мотивированы и контролируемы [9]. Алгоритм не должен становиться «цифровой клеткой», лишающей правоприменителя возможности учесть уникальные обстоятельства экономической деятельности.

Особого обсуждения требует проблема кадрового обеспечения цифровой трансформации правоприменения в органах внутренних дел. Цифровые платформы требуют от сотрудника принципиально иного уровня квалификации. Речь идет не просто о навыках работы с компьютером, а о понимании логики функционирования информационных систем, способности критически оценивать результаты автоматизированной обработки данных, умении выявлять ошибки алгоритмов и противодействовать попыткам их обхода. Исследования показывают, что традиционные образовательные программы юридических вузов МВД не в полной мере готовят курсантов к работе в цифровой среде [10]. Необходимо включение в учебные планы дисциплин, формирующих компетенции в области информационной безопасности, работы с большими данными, юридического проминга, правового регулирования цифровых технологий. Подготовка специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации и экономических преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, должна осуществляться

на основе интеграции юридического и технического знания, с использованием структурно-функциональных моделей компетенций.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что влияние цифровых платформ на правоприменительные технологии в сфере обеспечения экономической безопасности носит системный и необратимый характер. Происходит не просто автоматизация отдельных операций, а качественная трансформация всей технологической основы деятельности органов внутренних дел. Принципиально важно, что эта трансформация не сводится к замене человека машиной. Напротив, во всех исследованных случаях человек сохраняется в контуре принятия решения, но его функции меняются: от непосредственного совершения действий к контролю за их автоматизированным выполнением, от сбора информации к ее интерпретации, от применения нормы к оценке корректности алгоритмов. Это порождает дискуссию о пределах допустимой автоматизации правоприменения. Оптимистическая позиция исходит из того, что любые процедуры, поддающиеся формализации, могут и должны быть автоматизированы, что позволит минимизировать человеческие ошибки и субъективизм. Пессимистическая позиция предупреждает о рисках «цифрового концлагеря», где алгоритмы подменяют право. Истина, как представляется, лежит посередине и требует выработки сбалансированных решений, обеспечивающих сочетание эффективности алгоритмов и сохранения человеческого контроля, а также формирования правовых механизмов, гарантирующих прозрачность, проверяемость и ответственность за качество алгоритмов, используемых в правоприменительной деятельности.

Цифровые платформы оказывают многоаспектное влияние на правоприменительные технологии, используемые в целях экономической безопасности, трансформируя их процедурную основу, информационное обеспечение и функциональную структуру. Ключевой тенденцией выступает не вытеснение человека из правоприменения, а изменение его роли и функций. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в уточнении понятия правоприменительных технологий применительно к цифровой эпохе и сфере экономической безопасности. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов при совершенствовании законодательства о государственных информационных системах, разработке ведомственных регламентов деятельности подразделений ЭБиПК, а также в образовательном процессе при подготовке специалистов для органов внутренних дел, способных

эффективно работать в цифровой среде и обеспечивать защиту экономических интересов личности, общества и государства.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Грачев М. И. Имитационное моделирование процессов управления // Интеллектуальные системы в производстве. 2022. Т. 20. № 4. С. 64 – 71.

3. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

4. Нечай А. А., Ничагина А. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4(108). С. 251 – 261.

5. Нечай А. А., Федоркевич Е. В. Что такое цифровой след и можно ли его скрыть? // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18 – 19 апреля 2023 года. Том 1. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 284 – 288.

6. Грачев М. И., Бурлов В. Г. Человеческий фактор в принятии управленческих решений // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2024. Т. 18. № 3. С. 27 – 33.

7. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

8. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

9. Сафина С. Б. Применение технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе: возможности и перспективы // Актуальные вопросы образования. 2025. № 2. С. 114 – 119.

10. Беженцев А. А., Бурлов В. Г., Грачев М. И. Внедрение новых информационных технологий в образовательный процесс на основе использования учебных полигонов мониторинговый центр и ситуационный центр // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2020. Т. 14. № 7. С. 36 – 41.

© Иванов И. Ю., 2026

EDN: LAJDEJ

Иванова Виктория Антоновна
командир отделения
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vika.1v4n0va@yandex.ru

Научный руководитель:
Шкварок Владимир Михайлович
начальник кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
shkvarok@mail.ru

СБАЛАНСИРОВАННАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА, КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается сбалансированная структура экспорта, как фактора обеспечения экономической безопасности государства.
Ключевые слова: экспорт; экономическая безопасность; государство, экономика, бюджет государства.

Один из основных источников доходов государственного бюджета России — экспорт. Лидирующую позицию в структуре экспорта российских товаров занимают минеральные ресурсы (нефть, газ, уголь и т.д.), но по сравнению с 2024 г., их доля в балансе экспорта уменьшилась с 60,9 % до 53,9 % из-за падения мировых цен на нефть и санкционного давления. Одним из основных элементом формирования доходной части федерального бюджета является налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Величина экспорта и налога НДПИ тесно связаны, так как

мировые цены на сырьё напрямую влияют на расчёт НДПИ и доходную часть федерального бюджета (рисунок 1).

По данным Минфина, на протяжении последних пяти лет доля нефтегазовых доходов федерального бюджета в среднем составляла порядка 30 %, за исключением 2022 года, когда этот показатель достигал 39 %.

Российскую экономику можно охарактеризовать как экономику с ярко выраженной сырьевой зависимости. Иначе говоря, экспорт сырья в другие страны производится в неоправданно больших количествах. Что безусловно является угрозой экономической безопасности государства и приводит к финансовым рискам и дисбалансам бюджетной системы. Стабильность экономики России в основном поддерживается благодаря экспорту сырья. Данная проблема представляет особое значение для страны. Большая часть доходов российской бюджетной системы зависит от экспорта энергоносителей — нефти, газа и других полезных ископаемых.

Рисунок 1. Доля НДС и НДПИ в структуре доходов федерального бюджета с 2021 по 2025 гг.

Для стимулирования и диверсификации структуры российского экспорта рекомендуется предпринять следующие меры:

1. Вполне очевидным является то, что эволюция современной социально-экономической системы связана с поступательным внедрением новых технологий в производственные процессы. В связи с этим, предлагается стимулировать производство той отечественной продукции, которая будет конкурентоспособной и востребованной на зарубежных рынках. Причем, это должна быть продукция с высокой долей добавленной

стоимости, не являющаяся энергоресурсом. Примером такой продукции может являться продукция сельского хозяйства, тяжелой промышленности и ВПК, медицинские товары, результаты интеллектуальной деятельности IT-компаний и т.д.

2. Необходимо на государственном уровне выявлять потенциальные целевые рынки для экспорта производимой отечественными предприятиями продукции, и ежемесячно публиковать отчеты об исследованиях тенденций мировых рынков, о спросе на товары и услуги, по которым Россия может составить конкуренцию на иностранном рынке. Заниматься этой работой на федеральном уровне может министерство экономического развития РФ, а на локальном — торгово-промышленные палаты.

3. Целесообразно в более большем объёме предоставлять финансовую и консультационную поддержку отечественным экспортерам, помогать с оформлением документов и сертификацией продукции. Ответственными за это структурами могут быть торгово-промышленные палаты и центры поддержки предпринимательства, например, «Мой бизнес» и др.

4. Следует инвестировать денежные средства в развитие логистики, в т.ч. в строительство новых транспортных хабов, связывающих Россию с ее партнерами. Особое внимание следует уделить строительству новых аэропортов, автомобильных и железнодорожных дорог, соединяющих РФ с Китаем, Индией и странами Азии. По мере достижения целей СВО, следует уделить особое внимание развитию инфраструктуры портовых городов «новых территорий» — Мариуполя, Бердянска и Херсона.

Обеспечение экономической безопасности состоит в защите субъекта экономики от внешних и внутренних угроз и обеспечении роста социально-экономических показателей. Что касается экономической безопасности бюджета государства, это состояние бюджетной системы, при котором обеспечивается сбалансированность доходов и расходов, высокий уровень ликвидности активов, наличие резервов, достаточных для обеспечения стабильного экономического развития страны. Существуют различные методы обеспечения экономической безопасности федерального бюджета, можно выделить такие как: законодательные методы, методы бюджетного планирования и контроля за исполнением бюджета, а также налоговое регулирование.

Важными задачами в условиях внешних вызовов, санкций, неопределенности мировых товарно-сырьевых и финансовых рынков, нарушений логистических потоков является диверсификация и стабилизация

экспорта, повышение конкурентоспособности российских товаров. Важно увеличить объёмы российских экспортных товаров с учетом: снижения глобального предложения, повышения качества и уникальности продукции, сокращения мирового предложения машиностроительной продукции, использование национальных валют во взаиморасчетах.

Материалы проведенного исследования, лишь в очередной раз подтвердили то, что современная Россия является достаточно сильно интегрированной в мировую экономику. Это позволяет оптимизировать производство, сосредотачиваясь на тех товарах, работах и услугах, которые получается дешевле производить на территории РФ и экспортировать их зарубежным партнерам. В результате, вводимые на протяжении последних лет санкции «недружественных стран», не могли не оказать воздействие на динамику и структуру внешней торговли РФ. Предпринимаемые правительством меры по снижению негативного воздействия санкций частично решили проблему экспорта и он остался практически на прежнем уровне. Однако ограничения на экспорт российских энергоресурсов (как прямые, так и косвенные, реализуемые путем установления верхней предельной цены) обусловили слабую прогнозируемость объемов экспортных поступлений в бюджет России. В текущих условиях России необходимо в жатые сроки внедрить комплекс мер, направленные одновременно на поддержку отечественного производства высокотехнологичной продукции и дальнейшее развитие экспортной деятельности.

Список литературы:

1. Шумилин П. Е., Попова А. А., Уразов И. Н. Инновационная деятельность как важнейшая составляющая экономической безопасности страны// Современные проблемы экономической безопасности, учета и права в Российской Федерации. Том4. AUS PUBLISHERS .2019. (дата обращения: 09.03.2026).

2. Крохичева Г. Е., Шумилина В. Е., Статистический анализ инновационной активности предприятий Российской Федерации //Журнал «KANT» № 3(28)-2018. (дата обращения: 09.03.2026).

3. Николаев А. В., Гапсаламов А. Р. Угроза экономической безопасности: зависимость экономики России от сырьевого экспорта [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-zavisimost-ekonomiki-rossii-ot-syrievogo-eksporta/viewer (дата обращения: 09.03.2026).

4. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] // URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

5. МИНФИН России [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

© *Иванова В. А., 2026*

EDN: LCUPLY

Кайдалов Илья Александрович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
kaydalov.04@mail.com

Научный руководитель:
Гиоев Георгий Вартанович
профессор кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
gioev_g@mail.ru

МИГРАЦИЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИИ

Аннотация. в статье исследуется влияние трудовой миграции из Центральной Азии на экономическую устойчивость России в условиях санкций и демографического кризиса. На основе корреляционно-регрессионного анализа статистических данных выявлена сильная прямая связь между численностью мигрантов и ВВП на душу населения. Обоснован вывод, что миграция выполняет функцию «встроенного стабилизатора», компенсируя дефицит рабочей силы и обеспечивая устойчивые поступления в бюджетную систему.
Ключевые слова: трудовая миграция, Центральная Азия, экономическая устойчивость, санкции, рынок труда.

В условиях геополитической турбулентности и беспрецедентного санкционного давления, вопросы обеспечения экономической безопасности и устойчивости Российской Федерации выходят на первый план. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации прямо

указывает на необходимость адаптации экономики к изменяющимся внешним и внутренним условиям [1]. Одним из таких условий, требующих глубокого осмысления, является трансформация рынка труда под влиянием двух разнонаправленных факторов: нарастающего демографического кризиса и миграционного притока из стран Центральной Азии.

Зачастую в общественном дискурсе миграция рассматривается преимущественно как источник социальной напряженности или как инструмент закрытия вакансий, не требующих высокой квалификации. Однако, как показывает практика последних лет, миграционные процессы оказывают гораздо более сложное и системное влияние на экономическую устойчивость страны. Целью данной работы является не просто констатация наличия корреляции между миграцией и макроэкономическими показателями, но и выявление конкретных механизмов, благодаря которым приток рабочей силы из Центральной Азии трансформируется в фактор повышения устойчивости российской экономики.

Ключевым вызовом для российской экономики является сжатие предложения на рынке труда. По данным Росстата, естественная убыль населения трудоспособного возраста продолжает оставаться серьезной проблемой. Вступление в трудоспособный возраст малочисленных поколений 1990-х годов и выход на пенсию многочисленного поколения послевоенного «бэби-бума» создает структурный дефицит кадров, который невозможно покрыть только за счет повышения производительности труда в краткосрочном периоде.

Именно в этом контексте трудовая миграция из Центральной Азии приобретает критическое значение. Анализ динамики прибытий за период 2014 – 2025 гг. демонстрирует общий восходящий тренд, несмотря на некоторые падения, что демонстрирует рисунок 1.

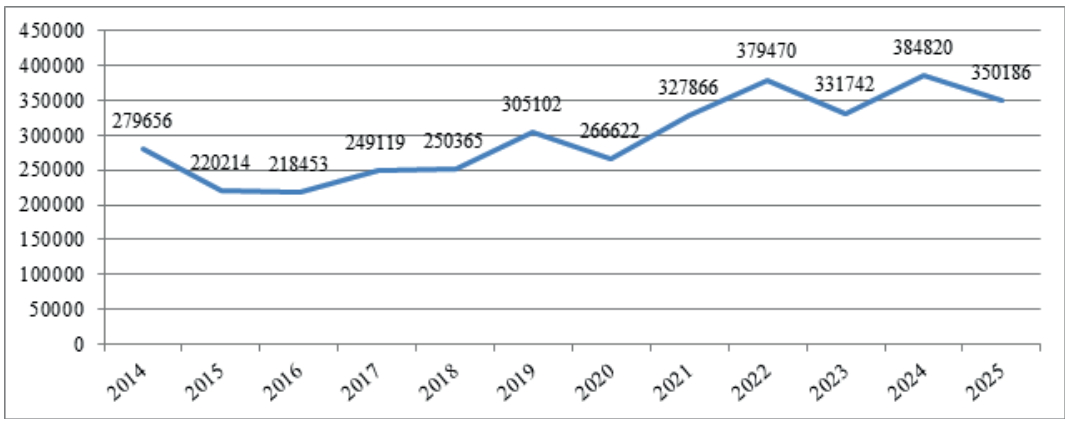

Рисунок 1. Динамика количества прибывших мигрантов из стран Центральной Азии (указаны средние показатели за 2014 – 2025 гг., Росстат) [2]

Спад 2020 года был связан с пандемийными ограничениями, а корректировки 2022 года — с валютными колебаниями. Однако последующий восстановительный рост подтверждает высокую востребованность рабочих-мигрантов в российской экономике. Эти данные коррелируют с динамикой ВВП на душу населения, что на макроуровне позволяет предположить наличие устойчивой связи, отражено на рисунке 2.

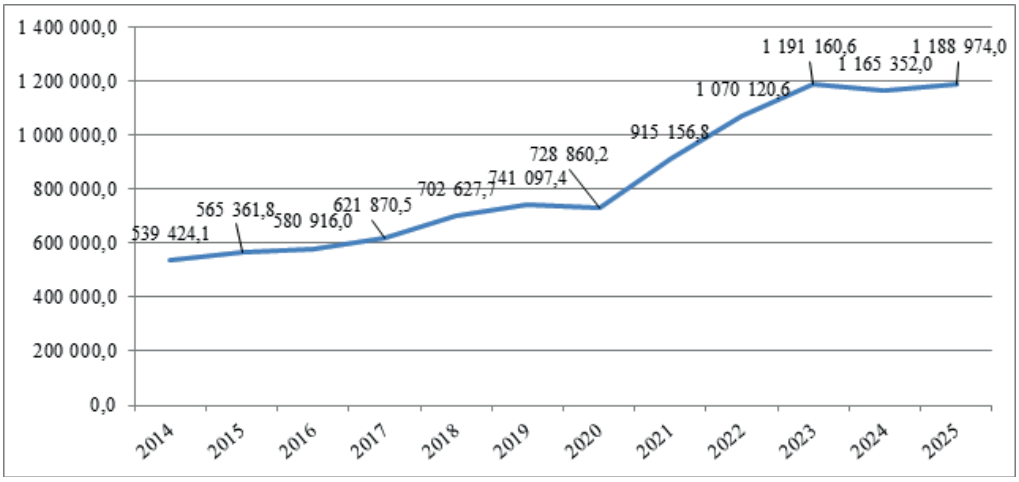

Рисунок 2. Динамика ВВП на душу населения (в текущих ценах) (указаны средние показатели за 2014 – 2025 г.г., Росстат) [3]

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ зависимости уровня ВВП на душу населения (в текущих ценах) от количества прибывших трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) показывает, что существует прямая сильная зависимость, коэффициент корреляции составляет: r_{xy}=0,845.

Полученное значение свидетельствует о том, что связь между исследуемыми явлениями не случайна. Коэффициент детерминации (R^2 = 0.714) показывает, что вариация числа мигрантов объясняет более 71 % вариации ВВП на душу населения. Однако, как справедливо отмечено в исходной гипотезе, макроэкономическая корреляция, хотя и демонстрирует устойчивую связь, не раскрывает механизмов, посредством которых трудовая миграция трансформируется в фактор экономической устойчивости. Научная новизна настоящего исследования заключается в применении двухуровневого подхода: сочетании макроэкономического анализа с микроэкономической оценкой фискальных, структурных и демографических эффектов.

Наиболее наглядно фискальная значимость мигрантов проявляется на уровне бюджетов крупнейших городов, представляющие центры

притяжения для мигрантов. Так, по данным правительства Москвы, только по итогам 2024 года поступления в бюджет Москвы от налогов, уплаченных трудовыми мигрантами, составили 32 млрд рублей. В долгосрочной ретроспективе этот вклад еще более впечатляющий: за период с 2020 по 2025 год объем поступлений от платежей за трудовые патенты в бюджет Москвы достиг 145 млрд рублей, что эквивалентно около 2 % всех поступлений налога на доходы физических лиц. Численность мигрантов и их доходов составляют около 11 % общероссийских, мигранты переводят за рубеж ежегодно от 32 до 40 млрд долл. [4].

Патентная система, обязательная для граждан Узбекистана и Таджикистана, выступает не только регулятором легализации, но и значимым источником дохода для региональных бюджетов по всей стране. Согласно расчетам, выполненным на основе данных МВД России, в 2025 году иностранные граждане оформили 2,3 млн патентов на работу в России и это на 9 % больше, чем в 2024 году [5]. Совокупный финансовый вклад от этих платежей в российскую экономику за тот же период возрос, каждый из них внёс в бюджет авансовый платёж по НДФЛ суммарно 172 млрд рублей, что на 39 % выше, чем в 2024 году, где данный показатель составлял 60,8 млрд рублей.

Однако ключевым выводом, имеющим научную новизну, является выявление контрциклической природы данного явления. В 2022 году, несмотря на санкционный шок и некоторое сокращение общего числа прибывающих мигрантов, абсолютный вклад от патентов (20,68 млрд руб.) превысил показатель 2021 года (19,47 млрд руб.). А уже в 2025 году в бюджет России поступило 63 миллиарда рублей.

Этот феномен объясняется двумя факторами: во-первых, индексацией стоимости патента (которая привязана к инфляции и росту региональных коэффициентов), а во-вторых, эффектом «усреднения» — в кризис на рынке остаются наиболее мотивированные и трудоустроенные мигранты, которые стабильно платят налоги. Таким образом, в условиях кризиса фискальная отдача от каждого работающего мигранта возрастает, что повышает устойчивость бюджетной системы.

Роль мигрантов нельзя сводить лишь к налоговым поступлениям. Их присутствие является структурно необходимым для функционирования городского хозяйства и целых отраслей экономики. В этом проявляется второй аспект устойчивости — функциональный.

Исследования Рахмонова А. Х. фиксируют высокую концентрацию трудовых мигрантов в секторах, традиционно испытывающих дефицит

местной рабочей силы [6]. Данные по структуре занятости представлены в диаграмме на рисунке 3.

Как видно из диаграммы, доминирующей сферой приложения труда мигрантов является строительство (около 40 %). Эта отрасль традиционно характеризуется высокой долей ручного труда, ненормированным графиком и значительной долей теневой занятости. Мигранты обеспечивают непрерывность строительных циклов, что критически важно в условиях реализации крупных инфраструктурных проектов и программ жилищного строительства.

Вторым по значимости сектором является сфера услуг (торговля, доставка, ЖКХ), где занято порядка 30 % мигрантов. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала уязвимость городской инфраструктуры без труда мигрантов: курьерские службы, клининг, ремонт и обслуживание жилого фонда столкнулись с острым дефицитом кадров при закрытии границ.

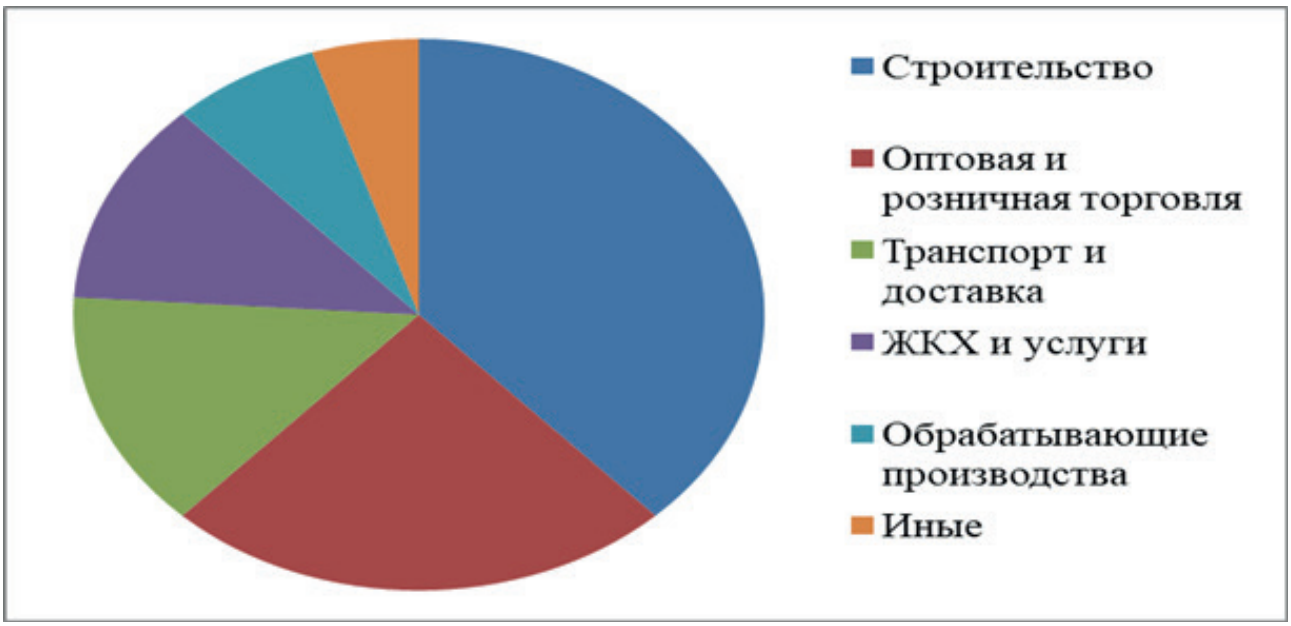

Рисунок 3. Распределение трудовых мигрантов из Центральной Азии по отраслям экономики РФ (составлено автором на основе [6])

Занимая ниши, которые местное население зачастую рассматривает как социально непрестижные или низкооплачиваемые, мигранты обеспечивают бесперебойную работу этих отраслей, предотвращая коллапс городской инфраструктуры и сдерживая резкий рост стоимости жилищно-коммунальных и транспортных услуг. В условиях острого дефицита кадров, усугубленного демографическими проблемами и мобилизационными процессами, именно этот «тыловой» вклад мигрантов становится критическим фактором сохранения экономической стабильности [7].

С точки зрения экономической безопасности, миграция — это инструмент снижения производственных рисков. Когда предприятие не может найти сварщика или водителя среди граждан России, оно вынуждено либо сокращать объемы производства, либо повышать зарплату до уровней, которые могут быть непосильны для бизнеса. Мигранты сглаживают этот дисбаланс, выступая своеобразным «буфером» на рынке труда [8].

Важно отметить и обратный эффект — трансграничные денежные переводы. По данным Центрального банка РФ, переводы в страны Центральной Азии составляют десятки миллиардов долларов в год. Это не просто вывоз капитала, а важный инструмент «мягкой силы» и экономического влияния России в регионе. Зависимость экономик Таджикистана и Кыргызстана от денежных переводов из РФ создает прочную основу для интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и обеспечивает лояльность этих стран в геополитическом противостоянии.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

2. Демография [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 08.03.2026).

3. Национальные счета [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 08.03.2026).

4. Центральный банк Российской Федерации. Статистика внешнего сектора: Трансграничные переводы физических лиц [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 08.03.2026).

5. Рахмонов, А. Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов / А. Х. Рахмонов // Управление. — 2024. — № 2 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-trudovyh-migrantov-iz-tsentralnoy-azii-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-rossii-v-usloviyah-novyh-globalnyh-vyzovov (дата обращения: 06.03.2026).

6. Рахмонов, А. Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов / А. Х. Рахмонов // Управление. — 2024. — № 2 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

rol-trudovyh-migrantov-iz-tsentralnoy-azii-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-rossii-v-usloviyah-novyh-globalnyh-vyzovov (дата обращения: 06.03.2026).

7. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в России: старые тренды и новые вызовы / С. В. Рязанцев // Международные процессы. — 2023. — Т. 21, № 3. — С. 112 – 129.

8. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса [Электронный ресурс] // URL: https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/ (дата обращения: 07.03.2026).

© Кайдалов И. А., 2026

EDN: LDQXRB

Калайтан Николь Игоревна
студент Высшей школы государственного управления
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
nikolkalaytan@gmail.com

Научный руководитель:
Феофилова Татьяна Юрьевна
доцент Высшей школы государственного управления
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
feofyu@yandex.ru

ФРОД КАК ФАКТОР УВЕЛИЧЕНИЯ ЗАТРАТ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема мошенничества в строительстве; проводится анализ сущности затрат и формирования себестоимости строительно-монтажных работ; приводятся основные схемы мошенничества с затратами; предлагаются методы проведения проверки с целью выявления подобных схем.
Ключевые слова: строительство, мошенничество, затраты, смета, проверка, нарушения.

Сфера строительства является одной из самых значимых отраслей экономики государства, выполняя задачи по обеспечению основных фондов, развитию инфраструктуры и решению различных социальных задач общества. Длительность цикла, уникальность строительных объектов, сложность ценообразования готовой продукции, использование материальных ценностей в совокупности представляют собой уязвимость и становятся причиной для осуществления мошеннических действий

в данной отрасли. Значительная часть нарушений приходится на определение состава затрат и формирование себестоимости готовых объектов.

Согласно современному экономическому словарю под редакцией Б. А. Райзберга, Л.Ш., Лозовского и Е. Б. Стародубцевой: «затраты представляют собой выраженные в денежной форме расходы организации, предпринимателей, частных производителей на производство, обращение и сбыт продукции» [1]. Г. М. Лисович предлагает следующее определение — «затраты — это средства, израсходованные на приобретение ресурсов, имеющихся в наличии, и отражаемые как активы организации, способные в будущем принести доход» [2]. Так, резюмируя, затраты — это все расходы, понесенные организацией на приобретение и сбыт продукции.

Специфика производственного процесса требует грамотного формирования себестоимости строительно-монтажных работ. Нормативной правовой базой для ее исчисления являются строительные нормы и правила (СНиП), на основе которых разрабатываются государственные сметные нормы (ГЭСН) и федеральные единичные расценки (ФЕР), применяемые при составлении сметной документации [3]. Особенность исчисления себестоимости в данной сфере является позаказный метод, который заключается в делении совокупных производственных затрат, сформированных при выполнении заказа, на количество единиц готовой продукции. Особенностью такого метода является формирование затрат на этапе завершения заказа, а не с учетом временного фактора.

Согласно Положению по ведению бухгалтерского учета «Учет договоров строительного подряда (ПБУ 2/2008)» по способу включения в себестоимость объектов строительства расходы подразделяются на:

— прямые (находятся в непосредственной связи с услугами по договору подряда);

— косвенные (та часть расходов, которую можно отнести на выполнение услуг по договору);

— прочие расходы (не относящиеся к строительной деятельности, но возмещаемые заказчиком);

— расходы по оформлению и подписанию договоров.

Одной из ключевых причин удорожания объектов строительства являются мошеннические действия, направленные на завышение затрат на эти объекты, а, как следствие, завышение их себестоимости.

Согласно ст. 159 УК РФ мошенничество представляет собой «хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана

или злоупотребления доверием». На практике, в строительных организациях мошенничество встречается на всех этапах производственного процесса: начиная от приобретения материалов и их списания в производство и заканчивая сдачей готового объекта. Причиной таких действий является сложность контроля за товарно-материальными ценностями (например, по причине удаленности объектов от офиса компании), а также сохранение в обороте наличных денег, в особенности, выдаваемых подотчет для закупки нужных товаров.

Распространенным видом мошенничества в данной отрасли является хищение бюджетных средств, выделенных на финансирование реализации федеральных (региональных) целевых программам. Такие действия производятся путем необоснованного увеличения затрат строительной организации, к которым можно отнести:

— перечисление денежных средств подставным третьим лицам за те работы, которые фактически не выполнялись;

— закупка товаров и услуг по заведомо завышенной стоимости;

— завышение коэффициентов в актах выполненных работ (КС-2, КС-3) и др.

Такие действия производятся руководителями организации-подрядчика и представителем со стороны заказчика. Стороны подписывают подложные акты КС-2, КС-3, работы по которым фактически не производились, но служат основанием для перечисления денежных средств. В этом процессе также вовлекаются субподрядчики, на счета которых перечисляются денежные средства под видом оплаты товаров (услуг), но обязательств, перед которыми на самом деле нет.

Отдельной группой схем мошенничества является замена сырья и материалов дешевыми аналогами. Организация использует не предусмотренное проектно-сметной документацией сырье, а заменяет его товарно-материальными ценностями ненадлежащего качества. Например, при установке новой системы водоснабжения, организация использует трубы, которые уже были в эксплуатации или выкладывает стены из кирпича, цена которого на 30 % ниже предусмотренной в документах. В таком случае заметить подмену без проведения экспертизы качества и сопоставления продукции с документами (техническими регламентами, контрактам, спецификациями) — практически невозможно. Здесь же стоит добавить о завышении расхода материалов, когда добавленные в смету объемы материалов превышают их технологически обоснованные нормы, а излишки в последствии используются не по назначению на других строительных площадках.

Распространенным способом завышения затрат является завышение объемов работ. Так, при составлении акта о приемке выполненных работ (КС-2) подрядчик завышает размеры, площадь или количественные показатели фактически выполненных работ. К такой схеме наиболее подходят работы, итоговый объем которых сложно определить без проведения контроля (устройство стяжек, оснований) а также длительные работы. Вместе с тем, имеет место полная фиксация объемов работ (в КС-2 включается то, что фактически выполнено не было) или необоснованное включение дополнительных работ.

Отдельной категорией выделяют искусственное дробление работ. Так, единая операция в последствии в сметной документации разбивается на несколько самостоятельных работ. Например, установка сантехнического прибора может производится отдельными работами по «подводу воды», «монтажу смесителя», «установке сифона», хотя в действительности это все составляет одну операцию и по строительным нормам является неотъемлемой частью единого процесса. Такое деление позволяет включать одни и те же работы в разные сметы, дублируя их. А также требовать от заказчика оплату наличными деньгами с возможностью присвоения части денег или сокрытия части либо всего объема работ.

Для крупных проектов и государственных заказов характерны манипуляции со сметными нормами, индексами и методиками расчетов. Строительная организация добавляет в сметную документацию коэффициенты, которые не соответствуют условиям проведения работ: зимние коэффициенты при производстве работа в летний период, завышенные коэффициенты на работы в условиях вредности, когда таких условий нет и т.д. Подрядчики также могут использовать индексы изменения сметной стоимости, которые идут в противовес условиям контракта. Данные схемы в последствии приводят к завышению сметной стоимости.

Важно отметить, что перечисление денежных средств субподрядчикам за работы, которые фактически не были выполнены, влечет за собой искажение бухгалтерского учета и отчетности, что сопровождается подделкой первичной документации. Для выявления подобных схем целесообразно проведение встречных проверок у контрагентов строительной организацией, в ходе которых изучаются товарные накладные (ТОРГ-12), товарно-транспортные накладные (1-Т), карточки складского учета (М-17), сопоставляются с данными первичных бухгалтерских документов и регистрами аналитического учета, и синтетического учета

движения товарно-материальных ценностей, а также связанных с ними расчетов (счета 10, 41, 51, 60 и др.).

В связи с тем, что закупаемые на нужды строительства материалы и услуги подлежат обязательной сертификации на соответствие техническим регламентам, ГОСТам и СНиПам, имеет место схема по подделке таких документов с целью легализации некачественной продукции. Это реализуют с помощью копирования реквизитов реальных производителей, изготовления подложных бланков и подделкой печатей. Для выявления подобных схем наряду с учетными документами исследуют документы из регистрирующих органов по подтверждению выдачи сертификатов, к которым относятся лицензии, разрешения.

Для выявления признаков мошенничества по завышению затрат в строительстве необходимо провести анализ первичной учетной документации и финансовых показателей деятельности организации. При работе с документами выделяют следующие виды проверок и факты мошенничеств, которые можно обнаружить:

— метод формальной проверки (исправленные даты, суммы; предоставление копий документов, вместо оригиналов);

— метод нормативной проверки (завышение объемов используемых материалов в сопоставлении с нормами);

— метод взаимного контроля (товарные чеки от разных поставщиков заполнены одним почерком; документы от одного поставщика по широкому ряду товаров/услуг);

— метод сравнительного анализа (отклонение сумм и количества товара в первичной документации от средних показателей по организации) [4].

Анализ финансовой отчетности может помочь выявить такие нетипичные тенденции, например, увеличение оплаты труда при неизменном количестве работников и объемов реализуемой продукции или снижение прибыли при отсутствии изменений в объемах реализации.

Таким образом, мошенничество по завышению затрат в строительной отрасли является системной проблемой, связанной со спецификой производственного процесса, который создает условия для злоупотреблений на всех этапах строительства. Реализация комплексного подхода по совершенствованию нормативной базы, внедрению системы технологий контроля и проведению проверок позволит своевременно выявить нарушения и обеспечить защиту средств компаний и средств бюджетов бюджетной системы РФ.

Список литературы:

1. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 6-е изд., перераб. И доп. — Москва: ИНФА-М, 2023. — 512 с. — (библиотека словарей «ИНФА-М») [Электронный ресурс] // URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=441044 (дата обращения: 11.02.2026).

2. Лисович Г. М. Бухгалтерский учет в сельскохозяйственных организациях. М.: Финансы и статистика. — 2004. — С. 456.

3. Буторов, А. Н. Выявление и раскрытие мошеннических действий, осуществляемых в строительной сфере / А. Н. Буторов, С. С. Воронов // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д. В. Ривмана): Материалы региональной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2016 года. Часть 1. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. — С. 57 – 63. — EDN ZMHJAB.

© Калайтан Н. И., 2026

EDN: MUPNYR

Камаев Максим Федорович
курсант
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
meetveen100@ gmail.com

Научный руководитель:
Гаврилова Ольга Вячеславовна,
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
Санкт-Петербург, Россия
filikolga@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема влияния ведения военных действий на экономику стран, участвующих в конфликте, а также на мировую экономику в целом. Экономика военного времени является сложной и многогранной проблемой, которая требует особого внимания со стороны руководства государств. Военные действия являются одним из наиболее разрушительных факторов для мировой экономики, они приводят к значительным потерям людских и материальных ресурсов, что ведет к огромным экономическим потерям не только для государств — участников конфликта, ни и для мировой экономики в целом.

Ключевые слова: мировая экономика, война, военные действия, экономически потери, торговля, людские ресурсы, страны.

Тема моей статьи выбрана не случайно. В настоящее время в мире присутствуют несколько серьезных военных конфликтов, участниками которых являются крупнейшие государства мира. Самый последний по времени, начавшийся военный конфликт, который начался, отнюдь не сегодня, военное противостояние Ирана ракетной агрессии США и Израиля, который возможно перерастет в наземную военную операцию, как предвещают аналитики. Иран несет огромные военные, экономические и людские потери. В средствах массовой информации сообщается о гуманитарной катастрофе в стране, экономическом коллапсе, гибели более 3000 мирных граждан страны (пои состоянию на 22 марта 2026 г.), произошедшими вследствие начала нанесения ударов по Ирану. Однако это военное противостояние отражается на экономике не только противоборствующих стран, но практически всех стран мира. И хотя Иран находится под жесточайшими санкциями США, и, располагая огромными запасами углеводородов, продавая их через третьи страны, военные события в Иране привели уже значительному росту цен на нефть во всем мире, что не может не сказать на экономике планеты.

Ни для кого не является секретом, что военные действия являются самым губительным фактором для мировой экономики. Войны приводят к огромным потерям материальных и людских ресурсов, падению уровня жизни населения. Все это влечет за собой крупный экономический урон для стран — участников вооруженного конфликта. Страдает от этого и мировая экономика в целом.

Примером влияния военных действий на мировую экономику можно назвать Первую Мировую войну, которая повлекла за собой грандиозные экономическим потери для всех участников конфликта. Страны — участники Первой Мировой расходовали непомерные материальные ресурсы на вооружение, что не могло не привести к инфляции, дефициту основных продуктов питания, товаров первой необходимости. Резкому падению уровня жизни и благосостояния населения. Указанные явления были характерны не только для экономик воюющих государств, но и для экономик многих стран мира, так или иначе ставших участниками Войны и даже тех стран, которые придерживались нейтралитета.

Великая депрессия, наступившая по окончании Первой Мировой войны, была вызвана прежде всего экономическими последствиями Войны, что привело к ухудшению экономической ситуации во всем мире.

Самая разрушительная на сегодняшний день в истории человечества война — Вторая Мировая война также привела к огромным,

помимо людских, экономическим потерям практически во всех странах мира. Государства, принимавшие участие во Второй Мировой войне, затрачивали просто немыслимые материальные средства и ресурсы на вооружение, и ведение боевых действий. Все это привело, буквально, к экономическому краху многие государства планеты, и их от этого шага их оделяла лишь тонкая грань.

После окончания самой разрушительной в истории человечества Войны был создан, так называемый план Маршалла («Программа восстановления Европы») — масштабная Программа экономической помощи, предложенная США разрушенным Войной странам Европы в 1947 г. Программа помогла восстановить экономику европейских стран.

Военные конфликты сегодняшнего дня также приводят к ликвидации инфраструктуры населенных пунктов, большим людским потерям. Все это ведет к уменьшению количества трудоспособного населения и спаду промышленного производства, что в свою очередь, приводит к снижению экономического роста и ухудшению жизненного уровня населения стран — участников военных конфликтов.

Военные действия также могут привести к ухудшению, как международных отношений вообще, так и экономических отношений между странами. Это путь, ведущий к сокращению объемов торговли между странами, что в свою очередь приводит к снижению экономического роста в государствах [3].

Кроме того, Войны ухудшают экологическую ситуацию на Планете. Во время ведения военных конфликтов часто используются различные виды вооружения, что приводит к загрязнению окружающей среды, угрозе здоровью и жизни людей на всей Планете на долгое время. Вышеперечисленное может серьезно ударить по экономике, как воюющих между собой стран, так и потребовать значительных материальных затрат и бюджета сопредельных стран на восстановление экологической ситуации в регионе.

Ведение военных действий влечет за собой рост и национализма и ксенофобии, что также негативно сказывается на международную торговлю и осуществлению деловых операций. Перечисленные факты самым негативным образом влияют на динамику экономического роста в мире [2].

Ярким примером может служить война в Ираке, разгоревшаяся в 2003 г. Военные действия в одном государстве мира привели к значительному сокращению объема международной торговли, что серьезно повлияло на экономический рост не только Ирака, но и многих других стран мира.

Событие это послужило толчком к мировому росту цен на углеводороды (прежде всего, нефти), а также и других энергетических ресурсов, что самым негативным образом повлияло на экономику многих стран мира — от Европы до Соединённых Штатов Америки.

Важно учитывать, что экономика военного времени, не только влияет на жизнь граждан, не только стран — участников военных конфликтов, но и определяет сам исход подводимых военных действий. Поэтому, правильная организация экономики во время проведения военных операций является одним из ключевых факторов победы в войне.

Во время военных действий важно поддерживать работу жизненно важных отраслей жизнедеятельности, таких как производство продуктов питания, медицина, транспорт и т.д. Необходимо также обеспечить безопасность объектов электроэнергетики и водоснабжения.

Ведение военных действий приводит к значительным экономическим потерям. Нарушения в цепочках промышленных производств, разрыв торговых связей, уничтожение объектов инфраструктуры, невосполнимые людские потери могут привести к серьезному экономическому урону в государствах — участниках конфликтов на протяжении длительного временного промежутка.

Вопросы, которые порождает экономика военного времени, являются сложной и многогранной проблемой, которая требует особого внимания со стороны правительства государств. Необходимо принимать меры для обеспечения экономической стабильности и минимизации потерь людских и материальных ресурсов, а также для быстрого восстановления экономики стран, принимавших участие в конфликте после окончания военных действий [1].

Войны, вооруженные конфликты и военные действия оказывают значительное влияние на мировую экономику и могут привести к огромным экономическим потерям, как людских, так и материальных ресурсов.

Список литературы:

1. Булгаков М. А. Экономика и организация производства во время войны. М.: Проспект. 2023. 310 с.

2. Иохин В. Я. Экономическая теория: учебник. М., 2006. 861 с.

3. Фролова Т. А. Экономическая теория: конспект лекций. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2009. 659 с.

©Камаев М.Ф., 2026

EDN: NIZNNO

Качуро Анастасия Сергеевна
студент
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Волгоград, Россия
kachuro-as@ranepa.ru

Поночевная Мария Дмитриевна
студент экономического факультета
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Волгоград, Россия
maria.ponochevnaya@yandex.ru

Научный руководитель:
Клюева Инна Александровна
доцент кафедры информационных систем
и математического моделирования
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Волгоград, Россия
кандидат педагогических наук, доцент
klyueva-ia@ranepa.ru

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КРИПТОВАЛЮТЫ И ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье исследуются механизмы интеграции криптовалют в теневой оборот денежных средств. Цифровая трансформация

финансового рынка, с одной стороны, открывает новые возможности для экономического роста, с другой — формирует институциональные лазейки для обхода государственного контроля. Авторами систематизированы ключевые свойства криптоактивов, обуславливающие их использование в схемах обналичивания, проанализирована эволюция нормативно-правового регулирования в Российской Федерации, а также выделены устойчивые угрозы экономической безопасности личности, хозяйствующих субъектов и государства. Особое внимание уделено практическим аспектам выявления противоправных действий в цифровой среде. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении феномена обналичивания не как изолированного правонарушения, а как элемента системного вызова экономической безопасности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: теневая экономика, криптовалюта, обналичивание денежных средств, цифровые финансовые активы, экономическая безопасность, противодействие легализации, цифровой финансовый мониторинг.

Феномен теневой экономики не является новым для отечественной правовой и экономической доктрины. Однако если в индустриальную эпоху теневая активность преимущественно локализовалась в сфере наличного денежного обращения и «серого» импорта, то сегодня мы наблюдаем фундаментальный сдвиг: теневая инфраструктура мигрирует в цифровое пространство [1]. Эта миграция носит не ситуативный, а системный характер. Криптовалюты, изначально позиционировавшиеся как инструмент финансовой свободы, de facto стали высоколиквидным активом для обеспечения нелегальных транзакций, ухода от налогообложения и, что принципиально важно, — обналичивания денежных средств.

Актуальность темы определяется тремя следующими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, за последние пять лет Российская Федерация прошла путь от полного правового вакуума в сфере регулирования криптооборота до принятия базовых законодательных актов, включая Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» [2]. Однако правоприменительная практика всё ещё отстаёт от скорости технологических изменений. Пробелы в регулировании создают «серые зоны», активно эксплуатируемые недобросовестными участниками.

Во-вторых, схемы обналичивания с использованием криптовалют приобрели массовый характер. Их отличает высокая скорость транзакций, трансграничность и возможность полного разрыва видимой связи между источником происхождения средств и конечным бенефициаром. Традиционные методы финансового контроля, ориентированные на банковскую систему, здесь дают сбои.

В-третьих, тематика работы непосредственно коррелирует с проблематикой конференции: экономическая безопасность личности и государства сегодня невозможна без эффективного цифрового правопорядка. Обналичивание через криптоактивы — это не просто способ уклонения от налогов, это базовая инфраструктура для финансирования запрещённой деятельности, коррупции и вывода активов, в том числе при процедурах банкротства.

В академической литературе сложилось несколько подходов к определению теневой экономики. Наиболее ёмкой представляется дефиниция, согласно которой теневая экономика охватывает экономическую деятельность, противоречащую законодательству или скрываемую от официального учёта и контроля. Однако данное определение, будучи справедливым для индустриальной модели хозяйствования, требует содержательной корректировки применительно к цифровой среде.

Ключевое отличие цифровой теневой экономики заключается не в инструментарии, а в онтологии. Если ранее теневая активность была преимущественно локальной и требовала физического присутствия участников, то сегодня она приобретает свойства сетевой распределённости. Противоправные действия совершаются субъектами, находящимися в разных юрисдикциях, с использованием инфраструктуры, не имеющей единого центра управления.

Можно выделить три базовых признака, характеризующих теневую экономику в цифровом пространстве.

Первый признак — анонимность и псевдонимность. В классической теневой экономике контрагенты зачастую были известны друг другу либо взаимодействовали через устойчивые криминальные связи. Цифровая среда позволяет осуществлять транзакции без раскрытия личности при сохранении доверия сторон. Это достигается как за счёт технических особенностей криптовалют, так и посредством специализированных сервисов — миксеров, приватных монет, децентрализованных обменников.

Второй признак — трансграничность и делокализация. Физические границы перестают быть препятствием. Серверы могут располагаться

на территории государств с «удобным» регулированием, а сами участники финансовой цепочки физически находиться в странах, не имеющих соглашений о международном сотрудничестве в сфере финансовых расследований.

Третий признак — высокая скорость оборота и сложность идентификации бенефициара. Движение средств в цифровой теневой экономике происходит в режиме реального времени. Цепочка переводов может включать десятки промежуточных кошельков, часть из которых являются одноразовыми [3]. Это создаёт принципиально иной уровень сложности для правоохранительных органов: классические методы выявления — встречные проверки, запросы в кредитные организации — оказываются малоэффективны.

С позиций экономической безопасности цифровая теневая экономика представляет собой не столько совокупность отдельных правонарушений, сколько альтернативную финансовую экосистему. Эта экосистема функционирует параллельно официальной и, в определённых сегментах, замещает её. Для личности риски выражаются в невозможности защитить свои права при взаимодействии с нелегальными финансовыми посредниками. Для хозяйствующих субъектов — в создании неравных конкурентных условий. Для государства — в размывании налоговой базы и утрате контроля над значительными объёмами денежной массы.

Таким образом, теоретическое осмысление теневой экономики в цифровом измерении требует перехода от восприятия её как набора девиаций к пониманию её как устойчивой, самоорганизующейся системы. И ключевым элементом этой системы выступают криптовалюты.

Цифровизация финансовых отношений обусловила формирование новых инструментов экономической активности, среди которых криптовалюта занимает особое место. Несмотря на технологические преимущества, её распространение в преступной среде представляет повышенную опасность.

Криптовалюты функционируют в децентрализованной среде, не предполагающей обязательного посредника в лице банка. Отсутствие централизованного контроля снижает эффективность традиционных механизмов финансового надзора. Псевдонимность транзакций затрудняет установление личности конечного бенефициара.

Как отмечает А. Г. Коринной, анонимность и трансграничность криптовалютных операций создают условия для их вовлечения в теневую

экономику [4]. Особенно важным свойством является делимость цифровых активов. По замечанию автора, «деля и собирая криптоединицу как конструктор из блоков разных источников, можно «обелить», «отмыть» средства. В результате после нескольких таких операций создается повышенный уровень обфускации (запутывание кода), и проследить происхождение и первоисточник средств становится очень сложно» [4].

Развитая инфраструктура конвертации — криптообменники, миксеры, онлайн-сервисы — дополнительно усложняет финансовый контроль и способствует выведению средств из поля зрения надзорных органов [4].

В результате криптовалюта используется для сокрытия доходов, осуществления незаконных переводов и ухода от налогового контроля.

Как подчёркивают В. В. Гордиенко, Б. В. Ширшов и Р. И. Могутин, использование цифровых активов «чаще всего обусловлено стремлением злоумышленников анонимизировать свою личность, скрыть бенефициариев преступления и его следы» [5]. Криптовалюта применяется при покупке нелегальных товаров и услуг, в том числе через инфраструктуру «даркнета», а также в схемах обналичивания и финансирования противоправной деятельности [5].

Таким образом, цифровые активы становятся элементом более широкой инфраструктуры теневой экономики.

Особую уязвимость в этих условиях демонстрирует экономическая безопасность личности. Граждане нередко вовлекаются в теневые схемы в качестве «дропов», предоставляя свои банковские реквизиты или персональные данные для проведения транзакций, не осознавая возможных правовых последствий. Использование криптовалют в подобных операциях затрудняет установление источника средств и повышает риск привлечения добросовестных лиц к ответственности.

Кроме того, распространение криптоинвестиций и цифровых платформ формирует дополнительные угрозы для домашних хозяйств. Недостаточная финансовая грамотность, доверие к анонимным сервисам и сложность проверки контрагентов приводят к утрате сбережений, вовлечению в псевдоинвестиционные проекты и мошеннические схемы. В результате экономическая безопасность личности оказывается напрямую связанной с уровнем цифровой защищённости и институционального контроля.

В цифровой среде обналичивание приобретает новую форму. Если ранее подобные схемы основывались на фиктивных организациях

и банковских операциях, то сегодня ключевым инструментом становится конвертация цифровых активов в национальную валюту.

Под обналичиванием в цифровом пространстве понимается процесс перевода криптовалюты в наличную или безналичную форму с сокрытием её происхождения. Криптовалюта используется как промежуточный этап, позволяющий разорвать связь между источником дохода и конечным получателем.

На практике распространены операции через криптообменники и P2P-платформы, использование электронных кошельков и подставных аккаунтов, а также дробление сумм с последующим выводом средств.

Исследователи отмечают, что цифровые финансовые активы могут выступать средством совершения преступления при легализации имущества и обналичивании денежных средств [5]. Сложность выявления подобных схем обусловлена высокой скоростью транзакций, их распределённостью и трансграничным характером.

Следует учитывать, что последствия подобных операций затрагивают не только государственный уровень. Домашние хозяйства также могут сталкиваться с блокировкой счетов, финансовыми расследованиями и репутационными рисками в случае непреднамеренного участия в подобных схемах. Это усиливает необходимость профилактической работы и повышения цифровой финансовой грамотности населения.

Полный запрет криптовалют представляется малоэффективным. По мнению А. Г. Коринного, чрезмерно жёсткие ограничения способны лишь усилить уход операций в тень [4].

Эффективная система противодействия должна включать развитие цифрового финансового мониторинга, совершенствование нормативно-правовой базы оборота цифровых активов [2], адаптацию уголовно-правовых механизмов к новым формам преступлений и усиление межведомственного взаимодействия.

Контроль и регулирование в условиях цифровизации оказываются более результативными, чем исключительно репрессивный подход. Существенное значение приобретает профилактика правонарушений, направленная на защиту граждан от вовлечения в незаконные финансовые операции.

В заключение можно отметить, что теневая экономика не исчезла — она трансформировалась и адаптировалась к цифровой среде. Криптовалюта стала инфраструктурной основой новой формы теневого оборота, обеспечивая возможности сокрытия и перераспределения денежных потоков.

Однако проблема криптообналичивания выходит за рамки исключительно бюджетных потерь и государственного контроля. В условиях цифровизации возрастает уязвимость личности и домашних хозяйств. Финансовая неграмотность, доверие к анонимным платформам, участие в цифровых операциях без понимания их правовых последствий создают риски утраты сбережений и вовлечения в противоправную деятельность.

Экономическая безопасность личности в цифровой среде предполагает не только наличие правовых ограничений, но и формирование устойчивых механизмов защиты граждан от цифровых финансовых угроз. Эффективное противодействие теневой экономике требует комплексного подхода, сочетающего технологический контроль, межведомственное взаимодействие и повышение финансовой грамотности населения.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации должно рассматриваться как многоуровневая задача, затрагивающая интересы государства, хозяйствующих субъектов и каждого гражданина.

Список литературы:

1. Гузнов, А. Г. Регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке в Российской Федерации: учебник для вузов / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 585 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17362-8 [Электронный ресурс] // URL: https://www.urait.ru/bcode/584672 (дата обращения: 12.02.2026).

2. Прохоров, В. В. Цифровые финансовые активы: учебник для вузов / В. В. Прохоров, И. П. Рожнов. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 298 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21399-7 [Электронный ресурс] // URL: https://www.urait.ru/bcode/590487 (дата обращения: 12.02.2026).

3. Уразгалиев, В. Ш. Финансовая безопасность: учебник для вузов / В. Ш. Уразгалиев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 228 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18889-9 [Электронный ресурс] // URL: https://www.urait.ru/bcode/589712 (дата обращения: 12.02.2026).

4. Коринной А. Г. «Теневая» составляющая в использовании криптовалюты // Вестник ОмГ У. Серия: Экономика. 2022. № 1 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

tenevaya-sostavlyayuschaya-v-ispolzovanii-kriptovalyuty (дата обращения: 13.02.2026).

5. Гордиенко В. В., Ширшов Б. В., Могутин Р. И. Цифровые финансовые активы как инструмент совершения преступлений и легализации доходов добытых преступным путем // Human Progress. 2025. № 3 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-kak-instrument-sovershеniya-prestupleniy-i-legalizatsii-dohodov-dobytyh-prestupnym-putem (дата обращения: 13.02.2026).

© *Качуро А. С., Поночевная М. Д., 2026*

EDN: NNYONO

Кипрушкина Полина Сергеевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
gwerserrok@mail.com

Научный руководитель:
Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
luda_d65@mail.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ УГРОЗАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается понятие и сущность денежного обращения, основные угрозы экономической безопасности, а также роль органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности в обозначенной сфере.
Ключевые слова: денежное обращение, финансовые преступления, органы внутренних дел, фальшивомонетничество, обеспечение экономической безопасности.

Ввиду повышения количества экономических преступлений в сфере денежного обращения, вопрос обеспечения экономической безопасности России становится особенно важным. Будучи составной частью правоохранительной системы, органы внутренних дел борются с угрозами, воздействующими на денежную систему России [1]. В числе этих угроз как низкая инвестиционная активность, обусловленная высокими

издержками и неэффективной защитой прав собственности, экономическая дифференциация регионов из-за несбалансированности бюджетной системы, так актуальные на данный момент санкции в отношении нашей страны. К основным угрозам, оказывающим влияние на денежное обращение, являются фальшивомонетничество, отмывание денег, незаконное обналичивание денег, а также киберпреступления в финансовой сфере. Рассмотрим каждую из перечисленных угроз.

Фальшивомонетничество, как одна из угроз экономической безопасности, негативно влияет на движение финансовых потоков внутри страны, так как, попадая в оборот, поддельные монеты и банкноты провоцируют появление инфляции и дестабилизации рынка. Допущение запуска в оборот фальшивых денег подрывает авторитет государства и правоохранительных органов [2].

Отмывание денег-процесс легализации денежных средств, полученных незаконным путем, с целью сокрытия источника этих средств. Отмывание денег искажает экономические показатели по ряду причин: снижение уровня производительности в реальном секторе экономике. Отмывание денежных средств фокусирует ресурсы на менее полезные виды деятельности; дестабилизация финансовых отношений. Деньги, полученные преступным путем, угрожают банковской системе в целом. Отмывание денег также связано с выводом капитала за границу, что лишает страну инвестиций.

Незаконное обналичивание денег осуществляется чаще всего через фирмы-однодневки. Компания заключает договор с такой фирмой, согласно которому выбранная фирма оказывает фиктивную услугу или поставляет несуществующий товар, а компания в результате этих операций возвращает себе деньги наличными. Подобные схемы используются для уклонения от уплаты налогов и незаконного обогащения.

Ввиду быстрого роста информационных технологий и сетей, всё большую угрозу для экономической безопасности представляют киберпреступления в финансовой сфере, такие как хищения, мошенничество, подрыв платежной инфраструктуры. Все эти преступления всё чаще реализуются с помощью компьютерных сетей и Интернета и нацелены на незаконное завладение чужими денежными средствами и ценными бумагами. Криминальные элементы пользуются низким уровнем бдительности жертв и получают доступ к их счетам и персональным данным. Органы внутренних дел играют незаменимую роль в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации.

В сфере борьбы с фальшивомонетничеством ОВД выполняют комплекс организационных и оперативно-профилактических мероприятий, таких как: 1) выявление, исследование и анализ каждого эпизода сбыта фальшивых денежных средств; 2) установление субъектов преступной деятельности и формирование доказательной базы; 3) оперативное взаимодействие с другими подразделениями ОВД на субъектном уровне; 4) органы внутренних дел также способствуют борьбе с отмыванием незаконно полученных денег путем взаимодействия с Росфинмониторингом. В Приказе МВД России от 21.08.2018 № 541 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» в качестве основных целей информационного воздействия между правоохранительными органами и Росфинмониторингом указаны следующие направления деятельности: предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, связанных с отмыванием денег; проверка лиц на причастность обозначенных преступлений; Такое взаимодействие осуществляется на принципах законности, уважения и соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. [3, 4] В процессе данного взаимодействия правоохранительные органы предоставляют данные о лицах, находящихся в розыске, о владении автотранспортными средствами, о судимости и т.д. Сотрудники ОВД участвуют в обеспечении защиты платёжных систем от появляющихся кибератак, проводя оперативно-розыскные мероприятия по выявлению лиц и организаций, нарушающих функционирование систем платежей, сотрудничают в сфере защиты платёжных систем от кибератак на международном уровне, проходят профессиональную подготовку в области информационной безопасности, начиная от получения первичных знаний в образовательных организациях МВД России, заканчивая профессиональной переподготовкой кадров и непосредственным применением полученных навыков на практике. Рассмотрим основные проблемы, с которыми сталкиваются органы внутренних дел в процессе обеспечения экономической безопасности в сфере денежного обращения, а также способы и методы их решения.

В настоящее время более очевидным становится технологическое отставание информационных систем и технологий, применяемых ОВД от инструментов, которыми владеют преступники в цифровой сфере денежного обращения. Применяя технологии децентрализованных

финансов, p2p (peer-to-peer), пользуясь криптовалютой и даркнетом (тёмный интернет), злоумышленники умело обходят информационную защиту, устанавливаемую ОВД. К основным проблемам также можно отнести нехватку кадров, обладающих соответствующими знаниями и квалификацией. Существующие серверы и устройства не позволяют правоохранительным органам устанавливать личности нарушителей, использующих криптовалюту для совершения незаконных махинаций.

Еще одной из проблем в денежном обращении является признак трансграничности совершаемых преступлений, что означает, что такие преступления совершаются в двух и более странах, либо могут нанести ущерб интересам и экономической безопасности нескольких государств часть из них нелегально пересекает границу Российской Федерации.

Финансовые преступления являются одними из самых сложных для выявления, раскрытия и привлечения виновных к ответственности, ввиду сложности разграничения различных видов этих деяний между собой. Разграничение хищения и нарушения правил экономической деятельности наиболее показательно проявляется в соотношении ст. 159.1 (мошенничество в сфере кредитования) и ст. 176 УК РФ (незаконное получение кредита). Основным критерием выступает направленность умысла. При мошенничестве лицо изначально не намерено исполнять обязательства, преследуя цель безвозмездного изъятия имущества. Состав ст. 176 УК РФ предполагает наличие цели возврата кредита при нарушении правил его получения, что на практике требует установления субъективного критерия через косвенные доказательства финансовой состоятельности (несостоятельности) заемщика.

Для раскрытия преступлений экономической направленности сотрудники обязаны обладать знаниями и умениями в различных областях научных знаний, таких как экономика, криминалистическая техника, бухгалтерский учет, информатика.

Традиционные методы ревизии и документальной проверки уступают место технологиям, основанным на больших данных (Big Data). Перспектива совершенствования работы ОВД напрямую связана с внедрением в деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) специализированного программного обеспечения, способного анализировать финансовые потоки в режиме, приближенном к реальному времени.

В рамках реализации Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных

преступным путем, и финансированию терроризма» расширяются возможности доступа правоохранительных органов к базам данных кредитных организаций. Однако перспективным направлением является создание на базе МВД России аналитических платформ с элементами искусственного интеллекта (ИИ). Использование технологий ИИ позволит: 1) выявлять аномалии в транзакциях, которые не видны при стандартной проверке; 2) моделировать цепочки движения средств через теневые площадки и криптообменники, что особенно актуально в свете положений ст. 174.1 УК РФ; 3) автоматизировать сбор доказательств по цифровым следам (метаданные, IP-адреса, геолокация транзакций). Органам внутренних дел необходимо развивать линии взаимодействия с другими финансовыми органами. Перспективными направлениями усиления взаимодействия являются:

1. С ЦБ РФ: Интеграция ведомственных информационных систем с автоматизированной системой обработки инцидентов «Коплекс ФинЦЕРТ» Банка России, что позволит ОВД оперативно получать информацию о подозрительных операциях, выявленных кредитными организациями, еще до возбуждения уголовного дела.

2. С Федеральной налоговой службой Российской Федерации: Расширение доступа ОВД к данным ЕГРЮЛ/ЕГРИП в части бенефициарных владельцев и цепочек учредительства. Целесообразно законодательно закрепить право органов дознания на получение выписок по счетам в рамках проверки сообщения о преступлении без судебного решения при наличии признаков легализации, что требует корректировки ст. 144 УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда.

3. С Росфинмониторингом: Развитие института совместных рабочих групп и следственно-оперативных групп для расследования много эпизодных дел, связанных с трансграничным движением капитала.

Немало важным является повышение квалификации сотрудников: синергия юриспруденции, финансов и IT. Кадровый голод в специалистах, способных расследовать киберпреступления и сложные финансовые махинации, является одним из главных барьеров. Перспектива совершенствования ОВД неразрывно связана с трансформацией системы профессиональной подготовки в образовательных организациях МВД России и на курсах повышения квалификации. Все перечисленные решения могут способствовать повышению эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности в сфере денежного обращения.

Экономический рост невозможен в условиях высокой степени неопределенности, порождаемой финансовой преступностью. Деятельность органов внутренних дел по противодействию финансовым преступлениям является не просто функцией уголовного преследования, а необходимым условием обеспечения макроэкономической стабильности. Поддерживая защищенность денежного обращения и добросовестную конкуренцию, ОВД создают институциональную основу для долгосрочного экономического роста. Однако реализация этой роли возможна лишь в парадигме комплексного взаимодействия с Банком России, Росфинмониторингом и Федеральной налоговой службы Российской Федерации, базирующегося на единой цифровой инфраструктуре и синхронизированной правовой политике. Дальнейшее совершенствование этого механизма является стратегической задачей, от решения которой зависит устойчивость всей финансовой системы Российской Федерации.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

3. Приказ МВД России от 21.08.2018 № 541 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» — Доступ из справ. — правовой системы «Гарант».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

5. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418.

© Кипрушкина П. С., 2026

EDN: NKMLVZ

Кобозов Вадим Олегович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vvvadimkobozovvv@mail.ru

Научный руководитель:
Соболева Владислава Олеговна
преподаватель кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vladislava_soboleva@vk.com

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы мошенничества в сфере социальной поддержки населения как угрозы экономической безопасности государства. Проведен анализ современных схем противоправной деятельности и их влияния на экономическую стабильность.
Ключевые слова: мошенничество, социальная поддержка, экономическая безопасность, противоправная деятельность, преступные схемы, социальные выплаты.

Мошенничество в сфере социальной поддержки представляет собой хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных выплат путем предоставления заведомо ложных сведений либо сокрытия обстоятельств, влекущих прекращение выплат.

Юридическая особенность мошенничества заключается в способе его совершения. Имущество передается злоумышленнику добровольно, поскольку потерпевший введен в заблуждение, в отличие от открытого

хищения или тайной кражи. Существенную опасность представляет то, что подобные преступления нередко совершаются группами лиц, включая организованные структуры, иногда с участием должностных лиц.

В современных условиях мошенничество в сфере социальной поддержки реализуется как традиционными, так и высокотехнологичными способами. Распространены схемы незаконного обналичивания материнского капитала через фиктивные сделки с недвижимостью, получение нескольких пенсий при двойной регистрации, использование поддельных документов о стаже или состоянии здоровья, оформление выплат по инвалидности на основании фиктивных медицинских заключений, получение пенсии за умерших лиц при сокрытии факта смерти, а также получение пособий по безработице при фактическом трудоустройстве. Отдельную группу составляют случаи оформления выплат на несуществующих детей путем использования поддельных свидетельств о рождении.

Широко распространены и дистанционные формы мошенничества. К ним относятся предложения несуществующих льготных лекарств с требованием предоплаты, а также фишинговые рассылки от имени государственных органов, направленные на получение доступа к личным кабинетам граждан и последующее распоряжение их денежными средствами или имуществом.

Одной из сложных схем является фиктивное оформление права собственности на недвижимость на лицо с инвалидностью с целью получения региональных выплат. После получения денежных средств имущество возвращается первоначальному владельцу через цепочку гражданско-правовых сделок. Реализация подобных схем возможна при участии организованных групп и, в отдельных случаях, должностных лиц, что существенно повышает общественную опасность преступления и наносит значительный ущерб государству.

В последние годы мошенничество в России сохраняет высокую распространенность и трансформируется под влиянием цифровизации и изменений социально-экономической среды. Данное явление представляет серьезную угрозу экономической безопасности, поскольку приводит к прямым бюджетным потерям, подрывает доверие граждан к государственным институтам и негативно влияет на устойчивость финансовой системы.

По данным МВД России, в 2023 – 2024 годах ежегодно регистрировалось свыше 340 тыс. преступлений, квалифицируемых как мошенничество. В 2025 году наблюдалось некоторое снижение числа зарегистрированных фактов, однако данный вид преступлений сохранял

лидирующее положение среди хищений, причем более половины составов относились к категории тяжких и особо тяжких [5].

Современное мошенничество характеризуется выраженной тенденцией к цифровизации. Если ранее преобладали контактные способы обмана, то в настоящее время доминируют дистанционные формы, реализуемые посредством подменных телефонных номеров, мессенджеров, фишинговых интернет-ресурсов и электронных платежных инструментов. Одновременно отмечается усложнение преступных схем, обусловленное использованием методов социальной инженерии и технологий искусственного интеллекта, включая генерацию синтетической речи и видеоконтента.

В условиях цифровизации государственных услуг мошенничество в сфере социальной поддержки приобретает новые формы, ориентированные на дистанционное взаимодействие с гражданами и использование информационных технологий. Наиболее уязвимыми категориями остаются получатели пенсий, пособий, субсидий и иных социальных выплат, что обусловлено регулярностью денежных поступлений и зависимостью от государственных институтов.

Современные способы мошенничества в сфере социальной поддержки:

1. Одной из наиболее распространённых схем является мошенничество под предлогом индексации социальных выплат. Злоумышленники, представляясь сотрудниками государственных органов, сообщают гражданам о необходимости «подтвердить данные» или «активировать перерасчёт», предлагая перейти по ссылке либо сообщить персональные сведения. В результате получают доступ к банковским счетам или учетным записям граждан.

2. Широко используются фейковые сообщения о новых мерах социальной поддержки. Через мессенджеры и социальные сети распространяется информация о несуществующих выплатах, сопровождаемая ссылками на поддельные сайты, имитирующие официальные государственные ресурсы. После ввода персональных данных или реквизитов банковских карт денежные средства похищаются либо используются для дальнейших мошеннических операций.

3. Отдельную группу составляют схемы, связанные с якобы неучтённым трудовым стажем или ошибками при начислении пенсий. Гражданам предлагают оформить «перерасчёт» за плату либо предоставить доступ к документам и банковским счетам. Такие действия приводят к незаконному списанию средств или оформлению финансовых обязательств на имя потерпевшего.

4. Значительное распространение получили фишинговые атаки, направленные на получение доступа к личным кабинетам государственных сервисов. Мошенники рассылают сообщения от имени официальных органов, содержащие ссылки на поддельные страницы авторизации. После получения учетных данных злоумышленники могут распоряжаться персональной информацией граждан, оформлять выплаты или совершать иные финансовые операции.

5. Активно применяются вредоносные мобильные приложения и автоматизированные боты, якобы предназначенные для подачи заявлений на получение пособий или проверки права на выплаты. Установка таких программ позволяет преступникам получать доступ к устройству пользователя, банковским приложениям и кодам подтверждения операций.

6. Сохраняют актуальность и телефонные схемы, основанные на методах социальной инженерии. Представляясь сотрудниками государственных учреждений, злоумышленники убеждают граждан перевести средства на «безопасный счёт», сообщить коды подтверждения или предоставить персональные данные. Психологическое давление и имитация официального общения существенно повышают вероятность успешного обмана.

Экономические последствия мошенничества носят системный характер. Прямой ущерб выражается в изъятии значительных финансовых ресурсов из легального оборота. По данным Банка России, в 2023 году злоумышленниками было совершено 1,17 млн успешных операций по хищению денежных средств на общую сумму 15,8 млрд рублей [6]. Дополнительный негативный эффект проявляется в снижении доверия населения к финансовым институтам, незаконном перераспределении бюджетных средств через фиктивное получение социальных выплат, а также в потерях предпринимательского сектора. Расширение теневой экономики вследствие подобных преступлений приводит к сокращению налоговой базы и осложняет проведение эффективной макроэкономической политики.

Противодействие мошенничеству в сфере социальной поддержки предполагает совершенствование механизмов государственного контроля и предупреждения правонарушений. В числе приоритетных мер можно выделить:

1. Ключевой мерой является автоматизированная межведомственная проверка сведений заявителей в режиме реального времени. Интеграция

баз данных органов ЗАГС, МВД, ФНС, Социального фонда и миграционных служб позволяет выявлять фиктивные документы, случаи получения выплат на умерших лиц, двойные регистрации и иные нарушения. Практика показывает, что именно отсутствие оперативного обмена информацией создает условия для длительного незаконного получения пособий.

2. Существенное значение имеет цифровая идентификация получателей выплат с использованием подтверждённой учетной записи государственных сервисов и биометрических технологий. Это снижает возможность оформления пособий на подставных лиц или по поддельным документам.

3. Эффективной мерой является ограничение дистанционного изменения реквизитов для получения выплат без многофакторной аутентификации. Многие мошеннические схемы связаны с получением доступа к персональным данным и последующей подменой банковских счетов. Использование подтверждения через независимые каналы связи или биометрию существенно снижает риск таких операций.

4. В отношении получателей денежных средств применяется механизм мониторинга аномальных транзакций. Банковские системы способны выявлять нетипичные операции, включая массовое снятие средств сразу после поступления пособий или перевод на счета, связанные с мошеннической деятельностью. При выявлении подозрительных операций возможна временная блокировка средств до выяснения обстоятельств.

5. Дополнительным инструментом защиты является сервис подтверждения операций доверенным лицом, применяемый для уязвимых категорий граждан. Он предусматривает обязательное согласование крупных переводов или снятия средств третьим лицом, что снижает риск телефонного и дистанционного мошенничества.

6. Важным направлением является выявление цифровых мошеннических схем, связанных с индексацией выплат и новыми мерами поддержки. В 2026 году широко распространены атаки с использованием вредоносных приложений и чат-ботов, предлагающих «проверить размер выплат», которые похищают персональные данные и банковские реквизиты граждан.

7. Для противодействия таким угрозам используются блокировка фишинговых сайтов, удаление вредоносных приложений, фильтрация SMS-рассылок и мониторинг социальных сетей. Особое внимание уделяется защите пенсионеров и получателей пособий, являющихся основной целевой аудиторией мошенников.

8. Наконец, существенную роль играет уголовно-правовое преследование организованных групп, осуществляющих мошенничество с социальными выплатами, включая случаи оформления пособий на несуществующих лиц. Выявленные факты подачи недостоверных сведений о рождении сотен фиктивных детей демонстрируют масштабы возможного ущерба бюджету при отсутствии контроля.

Таким образом, мошенничество в сфере социальной поддержки представляет собой значимую угрозу экономической безопасности государства. Оно приводит к прямым бюджетным потерям, снижает эффективность реализации социальных программ и подрывает доверие граждан к институтам государственной власти. Снижение масштабов данного вида преступности возможно при условии комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и информационные меры, реализуемые во взаимодействии правоохранительных органов, государственных структур и общества.

Список литературы:

1. Кумышева Марина Кадировна, Таова Лилия Юрьевна Актуальные проблемы противодействия мошенничеству при получении выплат // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 3.

2. Баринов Артём Сергеевич Оценка влияния мошенничества на экономику России // Вестник ЧелГ У. 2018. № 3 (413).

3. Баубекова, Ж. Мошенничество: социальное влияние и роль цифровых технологий в его распространении / Ж. Баубекова, Е. С. Носова, Н. А. Кабанова // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № s1.

4. Царегородцева Р. Е., Смирнов М. А. Проблемные вопросы квалификации мошенничества в сфере социальных выплат // Вестник науки. 2024. № 7 (76).

5. Мошенничество и киберпреступность в 2025 — начале 2026 года [Электронный ресурс] // URL: https://alrf.ru/a1rticles/moshennichestvo-i-kiberprestupnost-v-2025-nachale-2026-goda/ (дата обращения: 09.03.2026).

6. В 2023 году банки предотвратили мошеннические хищения на 5,8 трлн рублей [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2023/ (дата обращения: 09.03.2026).

© Кобозов В. О.,2026

EDN: NLMEXE

Коваленко Богдан Леонидович
слушатель
Омская ордена Почета академия МВД России
Омск, Россия
bogdan_kovalenko2000@mail.ru

Научный руководитель:
Черногор Ирина Александровна
доцент кафедры
экономической теории и финансового права
Омская ордена Почета академия МВД России
майор полиции
кандидат экономических наук
iren_cha@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РЫНКА КРИПТОВАЛЮТ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. цель данной работы — проанализировать положительные и отрицательные аспекты внедрения законодательной базы для регулирования криптовалюты, предложенной Центральным банком РФ. Криптовалюты становятся неотъемлемой частью мировой финансовой системы, привлекая всё больше инвесторов и пользователей. Вместе с увеличением объема операций возрастает интерес государственных органов к ее регулированию и налогообложению операций с криптоактивами. Ситуация осложняется отсутствием единых международных стандартов, каждая страна разрабатывает собственные подходы к налогообложению криптовалют, учитывая национальные интересы и экономическое положение. Сделан вывод о том, что позитивные условия для добычи и использования криптовалюты в нашей стране создаст условия для улучшения экономической финансовой ситуации в целом.

Ключевые слова: криптовалюта, финансовая система, биткоин, крипторынок.

На сегодняшний день криптовалюта прочно закрепилась в качестве значимого элемента международной финансовой системы. С момента публикации в 2008 году документа, описывающего принципы работы первой децентрализованной криптовалюты — биткоина, — крипторынок претерпел масштабную эволюцию, распространившись по всему миру.

Функционирование криптовалют неразрывно связано с технологией распределенного реестра — блокчейном. Блокчейн представляет собой базу данных, которая хранится одновременно на множестве независимых компьютеров по всему миру и не имеет единого центра управления. Информация в этой системе группируется в «блоки», которые связаны между собой в непрерывную цепочку. Каждый блок содержит данные о транзакциях, уникальный криптографический код (хеш), а также хеш предыдущего блока. Такая структура обеспечивает неизменность данных: попытка изменить информацию в уже существующем блоке приведет к мгновенному изменению его хеша и разрыву связи с последующими элементами цепочки.

Криптовалюта — это цифровые деньги, которые состоят из математического кода и оборачиваются с использованием сети Интернет [1].

23 января 2025 г. Дональд Трамп выступил онлайн на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Он заявил, что США станут столицей мира для развития искусственного интеллекта и криптовалют [2].

Благодаря сочетанию децентрализации, криптографической защиты и неизменности данных криптовалюта приобретает уникальное свойство, позволяющее рассматривать её в качестве перспективного платежного инструмента XXI века. Данный вопрос приобретает особую актуальность и для России. По оценкам экспертов, от 8 до 11 миллионов россиян владеют цифровыми активами, а совокупная стоимость этих активов может достигать 550 млрд рублей. К сожалению, значительная часть этого рынка существует в «серой» зоне, что, с одной стороны, лишает государство потенциальных налоговых поступлений, а с другой — не обеспечивает правовую защиту граждан. Отсутствие четких правил игры создает благоприятную среду для мошенничества и проведения теневых операций.

Долгое время правовое регулирование в этой сфере ограничивалось лишь Федеральным законом № 259-ФЗ, который не закрывал

всех существующих пробелов [3]. В текущих условиях формирование комплексной законодательной базы становится необходимым условием для дальнейшего экономического развития страны. В связи с этим Центральный банк РФ (Банк России) подготовил ряд предложений, направленных на регулирование оборота криптовалют. Концепция предусматривает подготовку законодательной базы до 1 июля 2026 года. А с 1 июля 2027 года планируется ввести ответственность за нелегальную деятельность посредников на рынке криптовалют по аналогии с ответственностью за нелегальную банковскую деятельность. Предложения включают концепцию по регулированию криптовалют на российском рынке. Приобретать криптоактивы смогут как квалифицированные, так и неквалифицированные инвесторы, но для каждой категории будут установлены свои правила. Предложения по изменению законодательства Банк России направил на рассмотрение в Правительство.

При этом Банк России по-прежнему считает криптовалюты высокорискованным инструментом. Они не эмитируются и не гарантируются ни одной из юрисдикций, подвержены повышенной волатильности и санкционнным рискам. Принимая решение о вложении в криптоактивы, инвесторы должны осознавать, что берут на себя риски потенциальной потери своих средств.

Ключевым элементом новой системы является разделение физических лиц на две категории на основе тестирования на понимание рисков. Первая категория — квалифицированные инвесторы — получат доступ ко всем видам криптовалют, за исключением анонимных. Вторая категория — неквалифицированные инвесторы — смогут приобретать только ликвидные криптовалюты (такие как Bitcoin (BTC) и Ethereum (ETH)) в рамках годового лимита в 300 тыс. рублей. Данное ограничение обусловлено высокими рисками, присущими рынку цифровых активов. Помимо этого, реформа вводит обязательное лицензирование для всех участников инфраструктуры, включая криптобиржи (обменники) и специализированные депозитарии, осуществляющие хранение и учет активов. Отдельной новеллой является предложение ЦБ РФ разрешить оборот цифровых финансовых активов (ЦФА) в открытых (публичных) сетях, что должно повысить их ликвидность и способствовать формированию вторичного рынка.

Положительные аспекты предлагаемой концепции.

Во-первых, легализация рынка и защита инвесторов. Основным позитивным итогом реформы станет вывод значительного сегмента

экономики из «теневой» зоны. Инвесторы получат возможность совершать операции с криптовалютой в правовом поле, используя услуги лицензированных посредников, что обеспечивает базовый уровень финансовой защиты их прав.

Во-вторых, развитие трансграничных расчетов. В условиях санкционного давления это, вероятно, ключевое преимущество. Законодательное закрепление статуса стейблкоинов и разрешение их использования во внешнеэкономической деятельности может создать независимый канал для международных платежей в обход традиционной банковской системы. В перспективе обсуждается возможность выпуска рублевых стейблкоинов, обеспеченных ликвидными активами, что потенциально способно укрепить финансовый суверенитет страны.

В-третьих, увеличение налоговых поступлений. Формирование прозрачного рынка позволит государству системно взимать налоги с операций с криптоактивами. Внедрение системы лицензирования криптобирж обяжет их передавать данные в Федеральную налоговую службу (далее ФНС), что сделает налогообложение майнинга и трейдинга автоматизированным. По прогнозам, капитализация легального рынка уже через три года может достичь 2 трлн рублей. Кроме того, предполагаемая амнистия для «серого» майнингового оборудования также расширит налоговую базу.

В-четвертых, противодействие мошенничеству и «дропперству». Легализация оборота через лицензированные платформы призвана нанести удар по теневому P2P-рынку, который активно используется для отмывания денег с участием дропперов (подставных лиц). Внедрение единой базы «Антидроп» должно снизить эффективность нелегальных схем и минимизировать риски блокировок счетов добросовестных граждан, случайно вовлеченных в преступные операции.

Ниже описаны отрицательные аспекты и потенциальные риски реформы.

Во-первых, ужесточение контроля и потеря анонимности. Для значительной части пользователей привлекательность криптовалют обусловлена их анонимностью и децентрализацией. Новое регулирование фактически нивелирует эти свойства внутри страны, интегрируя криптовалюту в контролируемую финансовую систему. Лицензированные операторы будут обязаны передавать данные о транзакциях, а P2P-переводы между картами, как основной канал «серого» обмена, могут быть полностью заблокированы банковскими скоринговыми системами.

Во-вторых, ограничение доступа для розничных инвесторов. Несмотря на разрешение доступа к криптовалютам для широкого круга лиц, введенный годовой лимит в 300 тыс. рублей (в среднем 25 тыс. рублей в месяц) является существенным ограничением. Это не позволяет рассматривать криптовалюту как полноценный инвестиционный инструмент для массового инвестора, фактически ориентируя рынок на крупных институциональных игроков и состоятельных граждан.

В-третьих, риски создания изолированной экосистемы. Российская модель регулирования строится как автономная и локализованная инфраструктура. Если лицензированные российские биржи будут торговать только ограниченным набором «одобренных» активов, а использование зарубежных платформ будет затруднено, это может привести к фрагментации ликвидности и снижению привлекательности рынка для опытных игроков, стремящихся к глобальной диверсификации.

В-четвертых, рост стоимости услуг и административные барьеры. Внедрение жестких лицензионных требований, создание инфраструктуры безопасности, локализация данных на территории РФ и исполнение норм AML (противодействия отмыванию денег) потребуют значительных затрат от криптобирж. Существует высокая вероятность, что эти издержки будут переложены на потребителей, что приведет к росту комиссий за транзакции (по оценкам, на 2 – 5 % по сравнению с зарубежными площадками или нелегальными обменниками). Это может снизить конкурентоспособность легальных российских платформ.

В-пятых, неопределенность правового статуса стейблкоинов. Несмотря на декларируемую важность стейблкоинов для трансграничных расчетов, сохраняются сложности с их признанием. Требование ЦБ РФ о нахождении эмитента в «дружественном» государстве фактически блокирует использование в легальном обороте наиболее популярных долларовых стейблкоинов (USDT, USDC), эмитенты которых зарегистрированы в недружественных юрисдикциях (США) [3]. Это создает правовой вакуум для основного инструмента расчетов, уже используемого бизнесом.

Предлагаемая концепция Банка России представляет собой компромисс между стремлением государства интегрировать криптовалютный рынок в правовое поле и необходимостью защиты финансовой системы от присущих ему рисков. Успех реформы будет зависеть от того, насколько эффективно удастся сбалансировать интересы инновационного

развития, фискальные цели и потребности частных и институциональных инвесторов.

Планируемая реформа регулирования, концепция которой была разработана Банком России при поддержке Минфина, предполагает название «контролируемая свобода». Законопроекты, как ожидается, будут внесены в Госдуму в первой половине 2026 года. Реформа предлагает разделить физических лиц на две части с помощью прохождения определенного тестирования на понимание рисков, первую часть будут составлять квалифицированные инвесторы, которым будет открыт доступ ко всем криптовалютам, кроме анонимных, вторую часть займут неквалифицированные криптоинвесторы, для которых будет введен лимит в размере 300 тыс. рублей в год и приобретать они смогут только ликвидную криптовалюту, по типу BTC и ETH, связано это с высоким риском торговли криптовалютой. Помимо вышесказанного изменениям подлежат и спецдепозитарии, которые хранят и учитывают активы, обменники, им придется всем работать на основании лицензии. Также новелла затронула и ЦФА, Центральный банк предлагает разрешить оборот цифровых финансовых активов в открытых сетях, тем самым повышая их ликивидность, что в свою очередь создает вторичный рынок.

Самый спорный момент в данном вопросе со стороны уголовного права — введение уголовной ответственности, если владелец криптовалюты не предоставил информацию о владении активами. Во всем мировом сообществе такая норма еще не предусмотрена, а в нашей стране становится реальностью, правда пока на уровне разработки и попыток урегулировать данный вопрос.

Криптовалютный механизм совершения преступлений создает для оперативных сотрудников ЭБиПК системные вызовы. Главная проблема, с которой сталкиваются на практике,— это разрыв между виртуальным следом и реальной личностью. Псевдонимность, высокая скорость и трансграничность транзакций нивелируют эффективность классических оперативно-розыскных мероприятий, если они не подкреплены возможностями цифрового анализа. Таким образом, успешное противодействие этим угрозам возможно лишь на стыке права, экономики и информационных технологий, что требует от нас не просто технического переоснащения, а фундаментального пересмотра самой парадигмы противодействия экономической преступности с применением блокчейн-технологий.

Список литературы:

1. Челаева, Л. С. Правовое регулирование использования криптовалюты в разных странах: противостояние преступлениям, связанных с использованием криптовалют / Л. С. Челаева // Актуальные исследования. — 2024. — № 18-2(200). — С. 26 – 29.

2. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/67933e489a7947070c5795e7?from=copy (дата обращения: 04.02.2026 г.).

3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

4. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/press/event/?id=28213 (дата обращения: 04.02.2026 г.).

© *Коваленко Б. Л. 2026.*

EDN: UKFNHM

Колесова Алёна Игоревна
курсант
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, Россия
alenakolecova96@gmail.com

Научный руководитель:
Дмитриев Константин Олегович
старший преподаватель кафедры
социально экономических дисциплин
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, Россия
Leoloboff@yandex.ru

РОЛЬ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье исследуется роль Федеральной налоговой службы Российской Федерации (Далее ФНС — России) в системе обеспечения экономической безопасности государства. Особое внимание уделяется трем ключевым проблемам современного налогового администрирования и предлагаются пути их решения. Предлагаются направления совершенствования деятельности ФНС РФ для укрепления экономической устойчивости государства.
Ключевые слова: экономическая безопасность, ФНС РФ, налоговое администрирование, налоговый контроль.

Экономическая безопасность государства является фундаментальной основой его независимости, и надежной опорой устойчивого развития. В настоящее врем, при усложнении мировой экономики, это направление выступает неотъемлемой частью национальной безопасности, что позволяет поддерживать финансовую стабильность, благополучие

населения и перспективу долгосрочного роста. Одним из ключевых институтов, обеспечивающих защиту финансовых интересов страны, является ФНС РФ.

О. В. Климова и А. В. Ильиных в качестве важнейшей задачи налоговых органов выделят обеспечение экономической безопасности государства через эффективную работу системы взимания налогов и сборов в РФ [1].

Несмотря на наличие тенденции по восприятию данного государственного органа исключительно в фискальном аспекте, его роль в обеспечении экономической безопасности носит комплексный и стратегический характер. На сегодняшний день эта служба представляет собой мощный аналитический контрольно-надзорный центр, который отвечает не только за аккумуляцию денежных средств для обеспечения функционирования государства, но и за активное противодействие ключевым угрозам безопасности экономики, а именно: легализации преступных доходов, теневой экономике, незаконному выводу капитала и различным преступным схемам по уплате налогов.

Внедрение цифровых технологий, обработка больших массивов данных и создание информационных систем превратили ФНС РФ в одну из наиболее значимых точек финансовой жизни страны, позволяющей выявлять различные риски. Таким образом, эффективность налогового администрирования и контроля напрямую определяет прочность бюджетной системы, уровень доверия государства со стороны юридических и физических лиц, а в конечном итоге — способность России сохранять экономическую независимость и устойчивость в условиях внешних вызовов.

Стоит отметить, проблемы деятельности налоговых органов в аспекте экономической безопасности уже рассматривались различными авторами. Так, Коркиной Г. М. и Смирновой О. П. отмечалась недостаточная эффективность существующих инструментов ФНС РФ по легализации теневого сектора экономики и противодействию новым схемам уклонения, что сохраняет значительные пробелы в системе экономической безопасности, особенно в специфических отраслях экономики [2]. Основными причинами указанной проблемы являются:

1. Адаптация теневого бизнеса. Несмотря на цифровизацию и ужесточение контроля со стороны ФНС РФ, теневая экономика не исчезает, а трансформируется, перетекая в менее прозрачные и более сложные для обнаружения формы, в связи с чем инструменты налоговой системы

эффективные против вчерашних схем, часто запаздывают в выявлении и блокировке новых методов уклонения. К основным схемам адаптации теневого бизнеса относится:

А) уход в цифровую тень и привлечение новых финансовых инструментов. Например, использование криптовалют для расчетов, оплаты «серых» услуг и вывода капитала позволяет снижать контроль за операциями, сохранять анонимность и препятствовать традиционному налоговому контролю;

Б) усложнение организационных структур. Постоянная смена юридических лиц, директоров-подставных лиц, регистрация в разных регионах через онлайн сервисы, затрудняет работу автоматических систем ФНС РФ, которые могут не поспевать отслеживать цепочку до ее разрыва;

В) эксплуатация новых экономических реалий и ниш. Например, расчеты внутри крупных экосистем, таких как «Яндекс», «Сбер» или «VK», своими внутренними «баллами» или услугами, которые сложно оценить и обложить налогом на этапе бартера.

Таким образом, проблема заключается в том, что скорость и инновационность адаптации теневого сектора начинает опережать скорость развития контрольных и регуляторных механизмов государства, а успех ФНС РФ в этой гонке будет ключевым фактором в обеспечении экономической безопасности.

2. Сегментарные риски. Является одной из самых сложных проблем налогового администрирования, так как показывает отсутствие универсальных приемов борьбы с теневой экономикой. То есть эффективность контрольных механизмов ФНС РФ неравномерна и зависит от отраслевой специфики. В то время как одни сектора экономики становятся прозрачными, другие сохраняют высокий теневой потенциал из-за технологических, структурных или исторических особенностей, что создает зоны уязвимости в системе общей экономической безопасности. К наиболее серым секторам экономики, в части уклонения от уплаты налогов, относятся:

А) сфера строительства. Длинный производственный цикл с огромным количеством субподрядчиков, которые часто меняются, высокая доля наличных расчетов и выплат «в конвертах» не предоставляют возможность автоматически пересчитать фактический объем стройматериалов и количество рабочих на объекте посредством камеральных проверок. Для этого нужны выездные проверки и экспертизы, что является ресурсозатратными процедурами;

Б) сфера услуг. Услуги производятся и потребляются одновременно, а результат не имеет материальной формы. Представляют большой риск минимальные накладные расходы, а также оплата напрямую из рук в руки. Также большая доля занятых в сфере услуг переходят полностью на наличный расчет, работая на дому, что затрудняет их обнаружение и привлечение к ответственности;

В) агросектор. Риски связаны с применением специального налогового режима Единый сельскохозяйственный налог, который может использоваться для создания «технических» компаний, через которые обналичиваются средства или ввозятся товары без налога на добавленную стоимость (далее — НДС). Также могут создаваться и использоваться «фиктивные» фермеры для получения субсидий и их последующего обналичивания.

Таким образом, проблема сегментарных рынков заключается в том, что налоговый контроль имеет «слепые зоны», связанные с отраслевыми бизнес-процессами. ФНС РФ выигрывает там, где есть массовый документооборот и прослеживаемость товара, но проигрывает там, где экономика строится на услугах, наличных денежных средствах и человеческом факторе.

3. Стимулирование или принуждение. Суть проблемы заключается в том, что ФНС РФ необходимо ужесточать контроль и наказание для принуждения к уплате налогов недобросовестных участников отношений, но при этом для долгосрочного развития экономики и расширения налоговой базы нужно стимулировать бизнес, снижать нагрузку и переходить к партнерским отношениям. Главный риск заключается в том, что перекос в любую из сторон разрушает экономическую безопасность, а именно:

А) тотальное принуждение душит предпринимательскую инициативность и заставляет бизнес уходить в тень или прекращать деятельность;

Б) мягкое стимулирование без жесткого контроля за злостными нарушителями создает неравные условия и провоцирует добросовестных налогоплательщиков тоже уходить в теневой сектор.

Таким образом, данная проблема требует поиска динамического равновесия. ФНС РФ одновременно должна жестко пресекать уклонения от уплаты, но при том помогать развиваться честному бизнесу. Именно от баланса между доверием и контролем будет зависеть скорость развития экономики в целом.

После выявления трех ключевых проблем, необходимо перейти к их решению, при этом важно понимать, что они между собой взаимосвязаны, а значит и решения должны быть комплексными.

Для решения первой проблемы путем совершенствования налогового контроля, с учетом современного развития экономики. Для этого необходимо создание крипто-аналитического подразделения в структуре ФНС РФ для отслеживания движения крипто активов и привязки их к денежным средствам. Совместно с этим необходимо ужесточить требования к идентификации электронных кошельков и платежных сервисов, раскрытие бенефициаров переводов при превышении определенных порогов.

К мерам противодействия нарушителям по данному направлению также необходимо отнести развитие искусственного интеллекта для анализа связей, то есть внедрение нейросетей, которые будут способны выявлять взаимосвязь субъектов по косвенным признакам, таким как: номера телефонов, геолокация, электронные адреса. Это поможет противодействовать дроблению бизнеса и блуждающим фирмам.

Для решения второй проблемы необходимо работать точечно по каждому сегменту с повышенным риском, а также внедрять универсальные методы. В своей работе В. И. Гудимов рассматривает принципы дифференциации налогового контроля, что применимо к данной ситуации [3]. Например, стимулирование безналичных расчетов за счет развития системы быстрых платежей с более низкими комиссиями, чтобы было выгоднее получать безналичные деньги, чем нелегальный доход. Также сюда можно отнести создание единой платформы данных с участием ФНС РФ, Росреестра, Центрального банка РФ, Росфинмониторинга, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной таможенной службы РФ и другими, где налоговый орган сможет отслеживать не только налоговую отчетность, но и реальные физические параметры бизнеса: численность рабочих, потребление электроэнергии или сколько грузов прошло через весы.

Для решения третьей проблемы необходимо расширить доступ к институту налогового мониторинга, чтобы в нем мог участвовать не только крупный бизнес, но и средний. А также, создать безопасную зону для добросовестных налогоплательщиков, а именно формально закреплять этот статус и предоставлять небольшие преимущества: персональный консультант в налоговой службе, ускоренный возврат НДС или минимизация налоговых проверок. Помимо этого, может оказаться действенной система обратной связи. То есть, создание понятных и быстрых механизмов обжалования действий программ, например, если счет был заблокирован алгоритмами, у предпринимателя должна быть возможность снять блокировку в более короткие сроки.

Таким образом, для решения имеющихся проблем необходима комплексная работа. Основными концепциями будет становление ФНС РФ аналитическим центром, который сможет моделировать поведение отраслей и прогнозировать появление новых схем уклонения, разделять свои методы для разных сегментов и персонализировать подход к налогоплательщикам за счет присвоения уровня доверия. Именно успешная цифровизация этой отрасли, по мнению Потемкиной Н. В. повысит эффективность налогового контроля и позволит решить ряд проблем [4].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что роль ФНС РФ в системе экономической безопасности России является ключевой и позволяет функционировать в качестве аналитического центра, цифрового регулятора и правоохранительного органа. Однако эффективность этой деятельности сталкивается с тремя системными вызовами, решение которых связано с переходом к модели адаптивного контроля.

Таким образом, будущее экономической безопасности России зависит от способности ФНС РФ формировать среду, в которой быть прозрачным становится выгоднее чем уклоняться от уплаты налогов. Только соединение цифрового интеллекта, отраслевой экспертизы и раздельного подхода к налогоплательщикам способно обеспечить длительную устойчивость бюджетной системы и защиту национальных интересов.

Список литературы:

1. Климова О. В. Конституционно-правовые основы деятельности налоговых органов как основа обеспечения экономической безопасности государства // Право и государство: теория и практика. 2018. № 10 (166). С. 35 – 39.

2. Коркина Г. М. Влияние качества налогового контроля на обеспечение экономической безопасности страны // Актуальные вопросы развития экономических и правовых отношений. 2019. С. 301 – 305;

3. Гудимов В. И. Налоговый процесс // Финансовое право. 2003. № 5. С. 23 – 27.

4. Потемкина Н. В. Исследование влияния цифровизации налогового администрирования на экономическую безопасность // Российский новый университет. 2023. С. 19 – 22.

© Колесова А. И., 2026

EDN: UKXKVE

Кондрашов Сергей Алексеевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
sergeykondrash0v@yandex.ru.ru

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
rl1973@inbox.ru

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ РФ И ИХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Аннотация. В статье рассматривается характеристика преступлений, связанных с коррупцией, динамика преступлений в РФ за последние 5 лет, а также оценивается их влияние на экономическую безопасность Российской Федерации. Автором предложены направления мер по совершенствованию противодействия коррупции в Российской Федерации.
Ключевые слова: экономическая безопасность, коррупционные преступления, антикоррупционная деятельность.

Слово «коррупция» в русском языке образовалось от латинского «corrumpere», что означает «портить». «В римском праве термин «corumpire» понимался как разламывать, портить, разрушать, повреждать, фальсифицировать, подкупать. Примечательно, что первоначально он означал противоправное действие в отношении судьи» [1].

Сущность коррупции «заключается в переходе государства от организации по защите интересов своего населения в коммерческую структуру, защищающую частные интересы и игнорирую интересы общественности. Другими словами, сущность состоит в предательстве служащими своего государства, населения» [2].

У коррупции существуют различные формы проявления. В самом общем виде их можно поделить на коррупционные правонарушения и общественно порицаемые явления (например, кумовство, фаворитизм и пр.). Коррупционные преступления — это один из видов коррупционных правонарушений (наряду с коррупционными административными правонарушениями и коррупционными дисциплинарными проступками).

На сегодняшний день законодатель не определил, что следует понимать под коррупционными преступлениями. Однако исходя из определения коррупции, установленного Федеральным законом «О противодействии коррупции», можно сказать, что коррупционные преступления — это такие деяния как злоупотребление служебным положением или полномочиями, дача и получение взятки, незаконное использование своего должностного положения, коммерческий подкуп и иные правонарушения [3].

Говоря о правовой характеристике коррупционных преступлений, необходимо охарактеризовать элементы состава коррупционного преступления.

Объектом рассматриваемого вида преступления являются общественные отношения, обеспечивающие интересы государства, публичной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, коммерческих и иных организациях. Предмет — деньги, ценные бумаги, имущество, оказание услуг имущественного характера и (или) предоставление имущественных прав.

Объективная сторона всех коррупционных преступлений выражается в «получении должностным лицом взятки лично или через посредника, а также любом использовании доверенных ему прав и властных возможностей в целях личного обогащения, за действия либо бездействия в пользу другого лица».

Субъект совершения коррупционных преступлений специальный. Помимо общих положений (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет) субъект коррупционного преступления должен быть должностным лицом, то есть лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или ее субъекта, иностранным должностным лицом, а равно выполнять управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Субъективная сторона коррупционных преступлений — это наличие корыстного мотива. «Совершение коррупционных преступлений связано с личным обогащением должностного лица либо обогащением представляемых им лиц. В результате их совершения происходит незаконное увеличение имущественной массы, наличных имущественных фондов выгодоприобретателя» [4].

Говоря об экономической характеристике коррупционных преступлений, необходимо осветить причины и последствия их совершения.

Причины совершения коррупционных преступлений разнообразны. Со стороны должностных лиц — это низкий уровень оплаты труда сотрудников государственного сектора, их желание улучшить свое материальное положение, закрытость и забюрократизированность государственных процедур, недостаточный контроль за осуществлением их деятельности со стороны уполномоченных органов и пр. Со стороны лиц, желающих с помощью коррупции решить свои проблемы (взяткодатели) — это могут быть личностные особенности или устоявшееся мнение, что коррупция — это норма, и иным способом решить проблему не удастся. Общими причинами могут быть отсутствие правовой и финансовой культуры, низкий уровень образования, высокий уровень бедности и социального расслоения [5].

Экономическими последствиями совершения коррупционных преступлений являются разрастание теневого сектора экономики, снижение темпов экономического развития страны, снижение уровня благосостояния населения, дисбаланс при распределении доходов, дефицит в бюджетах всех уровней, нарушение конкуренции, ухудшение инвестиционного климата, уменьшение доли малого и среднего бизнеса в рыночной отрасли.

Таблица 1. Анализ динамики количества выявленных коррупционных преступлений, в целом по РФ

Год	Выявлено преступлений коррупционной направленности	Абсолютное изменение		Темп роста		Темп прироста	
		цепной	базисный	цепной	базисный	цепной	базисный
2020	30991	-	-	-	-	-	-
2021	30813	-178	-178	99,43%	99,43%	-0,57%	-0,57%
2022	35051	4238	4060	113,75%	113,10%	13,75%	13,10%
2023	35340	289	4349	100,82%	114,03%	0,82%	14,03%
2024	36407	1067	5416	103,02%	117,48%	3,02%	17,48%
2025	38503	2096	7512	105,76%	124,24%	5,76%	24,24%
Среднее значение	34518	1502,4	4231,8	104,56%	113,65%	4,56%	13,65%

Как видно из таблицы 1, в среднем с 2020 по 2025 год каждый год совершалось по 34518 преступлений. Наибольший рост преступлений по сравнению с предыдущим годом пришелся на 2022 год: по сравнению с 2021 годом количество выявленных коррупционных преступлений увеличилось на 4238 фактов. Наибольший рост преступлений по сравнению с базой сравнения, 2020 годом, пришелся на 2025 год: в прошлом году количество коррупционных преступлений увеличилось на 7512 фактов по сравнению с 2020 годом. В относительном выражении, в среднем, от года к году число коррупционных преступлений росло на 4,56 %. В 2025 году по сравнению с 2020 годом количество коррупционных преступлений увеличилось на 24,24 %. Уменьшение количества выявленных коррупционных преступлений фиксировалось только в 2021 году по сравнению с 2020 годом (на 178 фактов или на 0,57 % в относительном выражении).

Таблица 2. Анализ динамики количества раскрытых коррупционных преступлений, в целом по РФ

Год	Раскрыто преступлений коррупционной направленности	Абсолютное изменение		Темп роста		Темп прироста	
		цепной	базисный	цепной	базисный	цепной	базисный
2020	28175	-	-	-	-	-	-
2021	28058	-117	-117	99,58%	99,58%	-0,42%	-0,42%
2022	30442	2384	2267	108,50%	108,05%	8,50%	8,05%
2023	34946	4504	6771	114,80%	124,03%	14,80%	24,03%
2024	33853	-1093	5678	96,87%	120,15%	-3,13%	20,15%
2025	33729	-124	5554	99,63%	119,71%	-0,37%	19,71%
Среднее значение	31534	1110,8	4030,6	103,88%	114,31%	3,88%	14,31%

По данным таблицы 2 можно сказать, что в среднем каждый год в период с 2020 по 2025 год раскрывалось 31 534 преступления. Наибольший рост количества раскрытых преступлений пришелся на 2023 год: как цепной, то есть по сравнению с 2022 годом (на 4504 преступления или на 14,8 %), так и базисный, то есть по сравнению с 2020 годом (на 6771 преступление или на 24,03 %). Уменьшалось количество раскрытых преступлений в 2021 году по сравнению с 2020 годом и в 2024 и 2025 годах (по сравнению с предыдущими периодами). В процессе противодействия коррупционным преступления ОВД РФ взаимодействуют не только с СК РФ, но и с органами прокуратуры РФ, ФСБ России, Росфинмониторингом,

Центральным банком РФ и его подразделениями, Счетной палатой РФ и контрольно-счетными подразделениями субъектов РФ, ФСВНГ России, ФНС России и иными государственными органами.

Сегодня в Российской Федерации в целом уже сформирована законодательная база в сфере противодействия коррупции, реализован комплекс практических правовых, экономических, организационных, политических, информационных и иных мер по противодействию коррупции. Однако можно предложить следующие направления совершенствования противодействия коррупции:

1. Увеличение открытости и прозрачности государственных процессов, в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации, например, ведение открытого судебного заседания по делам расследования преступлений коррупционной направленности, для представителей общественности, и представителей СМИ.

2. Повышение уровня оплаты труда государственных служащих России, в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации.

3. Развитие в обществе культуры честности и нетерпимости к коррупционным проявлениям среди населения России, разъяснение последствий коррупции для государства и каждого отдельного гражданина.

4. Ужесточение уголовного наказания за совершенные коррупционные преступления (оставив только статьи, отражающие реальные сроки лишения свободы, убрав штраф или исправительные работы). Должна быть сохранена обязательная конфискация имущества, приобретенного преступным путем.

Проанализировать причины стагнации направлений уголовных дел по коррупционным преступлениям в суд и устранить их. Как показала статистика, с каждым годом ОВД РФ выявляют и раскрывают все больше преступлений данной категории, однако положительной динамики направления следственными органами уголовных дел в суд не зафиксировано. То есть виновные лица не доходят до суда и не получают наказание за содеянное. Необходим детальный анализ данной ситуации и выработка мер по ее устранению или смягчению.

Являясь опаснейшей системной угрозой общественной безопасности России, коррупция значительно затрудняет нормальную работу государственных органов и органов самоуправления на местах, препятствует осуществлению социальных преобразований и экономической модернизации России, вызывает серьезную обоснованную тревогу в нашем обществе и недоверие к институтам государства, создает отрицательный имидж страны на международной арене».

В Стратегии национальной безопасности указано, что искоренение коррупции является национальным интересом Российской Федерации на современном этапе, а предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности является важнейшей задачей при обеспечении государственной и общественной безопасности [6]. Также данным нормативно-правовым актом предусмотрено развитие международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции для достижения задач внешней политики.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020. (дата обращения: 24.02.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954; 03.06.2024, № 23, ст. 3049. (дата обращения: 24.02.2026).

3. Закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228; 12.08.2024, № 33 (Часть I), ст. 4928. (дата обращения: 24.02.2026).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921; 28.04.2025, № 17, ст. 2130. (дата обращения: 24.02.2026).

5. Амара М. И., Нисневич Ю. А., Панфилова Е. А. Противодействие коррупции в Российской Федерации. Библиография. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 284 с.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3; 14.04.2025, № 15, ст. 1790. (дата обращения: 24.02.2026).

© Кондрашов С. А., 2026

EDN: UKZYFO

Кондрова Дарья Сергеевна
слушатель
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, Россия
kondrova.daria@yandex.ru

Научный руководитель:
Поротников Павел Анатольевич
доцент кафедры социально-экономических дисциплин
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
pekin-auto@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Анализ состояния экономической безопасности Российской Федерации целесообразно осуществлять на основе динамики ключевых макроэкономических индикаторов, закреплённых в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации и публикуемых Федеральной службой государственной статистики. Данные индикаторы позволяют комплексно оценить устойчивость экономической системы, её адаптационные возможности в условиях внешних и внутренних экономических.
Ключевые слова: Коррупция, стратегия экономической безопасности РФ, показатели и их влияние на экономику.

В современных реалиях государственного управления именно обеспечение экономической безопасности является фундаментальным условием сохранения национального суверенитета и устойчивого развития. Экономическая безопасность государства представляет собой

такое состояние национальной экономики, которое обеспечивает защиту жизненно важных интересов страны от внутренних и внешних угроз.

Среди всего спектра деструктивных факторов, оказывающих негативное воздействие на национальную хозяйственную систему, особое место занимает коррупция. В отличие от внешних санкционных давлений или колебаний мировых рынков, коррупция является внутренней угрозой, которая разрушает институциональную основу государства. Необходимость исследования влияния коррупционных преступлений на экономическую безопасность обусловлена тем, что коррупция трансформировалась из локальной проблемы в постоянный фактор, создавая искажения в системе здоровой конкуренции и препятствуя эффективному распределению бюджетных средств и снижает инвестиционную привлекательность национальной экономики, таким образом, коррупция влияет на пропорции распределения валового внутреннего продукта, национального дохода, распределения финансовых результатов. При этом, в учебном пособии Авдийского В. И. и Дадалко В. А., подтверждается тезис о том, что высокий уровень коррупции коррелирует с ростом теневой экономики, что формирует прямую угрозу финансовой устойчивости государства.

Основополагающим документом, регламентирующим деятельность по защите национальных интересов в экономической сфере, является Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 (далее по тексту — Стратегия). Стратегия позволяет определить, что высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере относится к основным вызовам и угрозам экономической безопасности. В частности, подчеркивается, что сохранение значительной доли теневой экономики и коррупционная нагрузка на бизнес препятствуют реализации национальных приоритетов. При этом, стратегия предполагает переход от реактивной модели защиты к превентивной, где борьба с нецелевым использованием государственных средств и коррупционными схемами становится не только правоохранительной, но и макроэкономической задачей. Главная идея стратегии строится на том, что достижение целей экономического роста невозможно без «обеления» экономики. В этом контексте противодействие коррупции рассматривается как инструмент повышения эффективности государственного управления. Как отмечается, стратегия может быть успешно реализована при соблюдении следующих конкретных условий: должна

быть четко определена роль центральных, ведомственных и местных органов власти, судебных органов в реализации целей, поставленных государством; должен проводится жесткий контроль за индикаторами, которые наиболее чувствительны к коррупционным проявлениям, особенно в сферах, где риски хищений и «откатов» традиционно высоки.

Для оценки состояния экономической безопасности стратегией предусмотрен перечень показателей (индикаторов), позволяющих мониторить состояние экономики и выявлять пороговые значения, превышение которых сигнализирует о кризисных тенденциях. Среди 40 показателей, утвержденных в стратегии, можно выделить группу индикаторов, на которые коррупционные преступления оказывают наиболее выраженное деструктивное воздействие.

В первую очередь, это макроэкономические показатели роста, включающие:

1. Индекс физического объема валового внутреннего продукта.
2. Индекс промышленного производства.
3. Уровень инфляции.
4. Коэффициент напряженности на рынке труда.
5. Децильный коэффициент фондов.

Именно через искажение этих конкретных индикаторов можно проследить механизм влияния коррупции на национальную безопасность.

Рассмотрим детально механизм воздействия коррупции на выделенные выше индикаторы. Влияние на валовой внутренний продукт (далее по тексту — ВВП). Коррупция оказывает прямое тормозящее воздействие на рост ВВП. Механизм этого влияния заключается в росте транзакционных издержек. Взятки и «откаты» фактически являются неформальным налогом на бизнес, который включается в стоимость конечной продукции, разгоняя инфляцию издержек и снижая конкурентоспособность товаров. Согласно исследованию С. Ю. Глазьева, посвященному проблемам опережающего развития, вывоз капитала, часто имеющего коррупционное происхождение, лишает национальную экономику ресурсов для роста, что приводит к стагнации ВВП.

Особого внимания заслуживает влияние коррупции на индекс промышленного производства. Данный макроэкономический показатель отражает динамику реального сектора экономики, являясь маркером технологического суверенитета страны. Коррупционные преступления оказывают прямое негативное воздействие на промышленность через систему административных барьеров. Так, промышленные предприятия,

особенно в сфере высокотехнологичного производства, вынуждены нести колоссальные непроизводственные издержки для получения разрешений на строительство, подключение к энергосетям и прохождение надзорных проверок, и именно в условиях коррумпированной среды искусственно создается дефицит ресурсов или бюрократические препятствия, вынуждая организации платить «коррупционную ренту». Подобное изымает оборотные средства предприятий, которые могли бы быть направлены на модернизацию оборудования и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. В результате индекс промышленного производства снижается так как отечественная продукция, обремененная «коррупционной наценкой», становится неконкурентоспособной по сравнению с импортными аналогами, при таможенном оформлении которых также часто используются коррупционные схемы «серого импорта».

Еще одним отмеченным индикатором, чувствительным к уровню коррупции, является уровень инфляции. Данное влияние реализуется через цепочки ценообразования, особенно в регулируемых секторах экономики и естественных монополиях. Примером может выступить коррупционный сговор между поставщиками услуг, приводящий к необоснованному завышению тарифов на электроэнергию, газ, транспортные перевозки и услуги ЖКХ и так как тарифы являются базовыми издержками для всей экономики, их рост провоцирует инфляцию издержек по всей производственной цепочке. При этом анализ показывает, что создаваемые управляющие компании наделяются значительными полномочиями в плане регулирования финансовых взаимоотношений основных участников рынка жилищно-коммунального хозяйства: ресурсных компаний и потребителей услуг. В то же время, контроль за этим важнейшим звеном рынка жилищно-коммунального хозяйства еще не налажен должным образом. Таким образом, за последние годы в стране на рынке жилищно-коммунальных услуг сложилась ситуация, когда на смену муниципальным жилищным службам пришли частные компании и, если муниципальным службам было невыгодно экономить полученные средства, то приход в сферу содержания жилья частных компаний повернуло все прямо наоборот. Данное явление описывается как перекладывание стоимости взяток на конечного потребителя. Таким образом, высокий уровень инфляции в государстве часто свидетельствует не только о проблемах в денежно-кредитной политике, но и о высоком уровне коррупциогенности в сфере тарифообразования и государственного контроля цен.

Подобное существенное, но часто недооцененное влияние коррупционные преступления оказывают на коэффициент напряженности на рынке труда. Так, данный показатель характеризует соотношение спроса и предложения рабочей силы, отражая реальные возможности трудоустройства, а коррупция деформирует рынок труда через развитие теневой занятости и разрушение принципов меритократии. Таким образом, в условиях высокой коррупции распространена практика назначения на ключевые должности в государственных корпорациях и бюджетных учреждениях не по профессиональным качествам, а по принципу родства или личной преданности (непотизм и кумовство), что снижает эффективность управления и блокирует социальные лифты для квалифицированных специалистов, создавая структурные диспропорции на рынке труда. Кроме того, коррупционное давление на малый и средний бизнес приводит к закрытию предприятий и сокращению рабочих мест в легальном секторе, вытесняя работников в «тень», где отсутствуют социальные гарантии.

Наконец, наиболее социально опасным является воздействие коррупции на децильный коэффициент (соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченного и 10 % наименее обеспеченного населения). Коррупция выступает катализатором имущественного расслоения общества, что вызвано тем, что доходы от коррупционных преступлений (взятки, хищения бюджетных средств) концентрируются у крайне узкой прослойки элиты, позволяя ей сверхбыстро наращивать капиталы. В то же время, основное бремя коррупции в виде снижения качества государственных услуг (медицины, образования) и роста цен ложится на наименее обеспеченные слои населения.

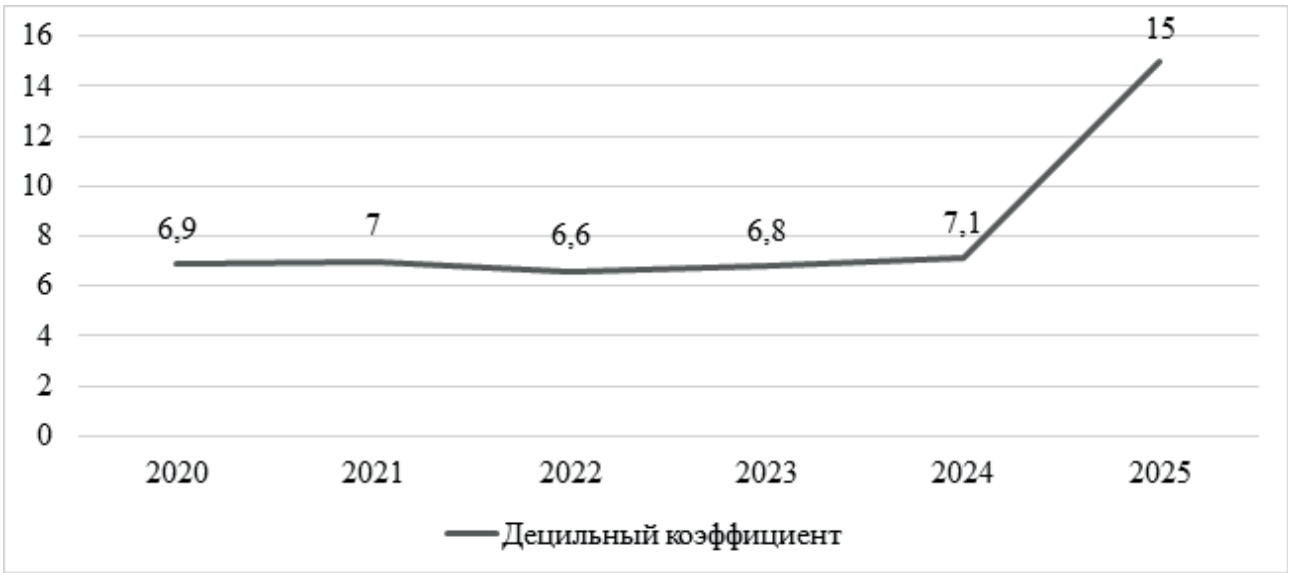

Рисунок 1. Децильный коэффициент фондов (неравенство доходов)

Отдельного внимания требует значение 2025 года, которое значительно выходит за пределы предшествующей динамики. Данное значение было получено на основании данных, представленных на пресс-конференции в ИТАР-ТАСС. Подобное изменение указывает на резкое усиление финансового расслоения, что может быть связано с концентрацией доходов в капиталоёмких и государственных секторах. При этом, в преступном аспекте рост децильного коэффициента коррелирует с усилением социальной напряжённости, увеличение числа коррупционных доходов и расширением причины, подталкивающих население к совершению коррупционных преступлений. Концентрация денежных средств в малых группах усиливает институциональное неравенство и приводит к снижению экономических возможностей.

Поведем итог, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что коррупция является фундаментальной угрозой экономической безопасности государства, обладающей высоким деструктивным потенциалом. Влияние коррупционных преступлений на экономическую безопасность проявляется через ухудшение ключевых макроэкономических индикаторов, закрепленных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации. Исходя из чего, коррупция не только тормозит рост ВВП, но и напрямую подавляет индекс промышленного производства через изъятие инвестиционных ресурсов, разгоняет уровень инфляции посредством включения коррупционной ренты в цены и тарифы, дестабилизирует рынок труда, повышая коэффициент напряженности, и увеличивает социальное неравенство, отражаемое в росте децильного коэффициента. Следовательно, обеспечение экономической безопасности невозможно без минимизации уровня коррупции.

Список литературы:

1. Фиалковская И. Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник ННГУ. 2018. № 1 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-ponyatie-priznaki-vidy (дата обращения: 01.02.2026).

2. Карамышев С. Г. Коррупция как составная часть преступности и ее криминологические особенности // Опубликовано в журнале «Советник юриста» № 7 год — 2011.

3. Теневая экономика и экономическая безопасность государства: учеб. пособие / В. И. Авдийский, В. А. Дадалко, Н. Г. Синявский. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2018. — С. 96.

4. Давыдова Г., Гуллыкова О., Айназаров Ю. 2024 г. Стратегия экономической безопасности. Символ науки, (6-2), С. 78.

5. Глазьев С. Ю. (2015). О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Научные труды Вольного экономического общества России, 196 (7), С. 115.

6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.

© Кондрова Д. С., 2026

EDN: UEQRTA

Константинов Кирилл Айварович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
kirillka686@yandex.ru

Научный руководитель:
Логинова Наталья Анатольевна
профессор кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
loginova.79@mail.ru

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖБАНКОВСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние внешних экономических санкций на экономику Российской Федерации. Цель исследования — описать изменения в межбанковской инфраструктуре с учетом влияния строгих ограничительных мер в отношении Российской Федерации международным сообществом, определяющие угрозы экономической безопасности для системы национального финансового взаимодействия. Установлено, что в настоящее время сформирована автономная модель национального финансового взаимодействия, ориентированная на снижение внешней зависимости, что свидетельствует о нивелировании внешних факторов, при сохранении ограниченных каналов для международного сотрудничества.

Ключевые слова: Swift, международная система передачи финансовых сообщений, внешнеэкономические санкции, коммерческие банки, СПФС.

В экономике современной России большую роль занимают международные отношения, а именно международная торговля [2]. Объем межбанковских операций растет с каждым годом, увеличивается зависимость от международных систем передач финансовых сообщений. Подобная взаимосвязь национальной банковской системы с мировой финансовой инфраструктурой делает экономику чувствительной к внешнеполитическим факторам. На фоне изменения международной политико-экономической обстановки, участие Российских организаций в международной финансовой инфраструктуре потерпели существенные изменения [1, 3]. Введение строгих ограничительных мер в отношении Российской Федерации, связанных с началом специальной военной операции на территории Украины. В числе примененных санкций отмечается: отключение большинства крупных Российских коммерческих банков от *SWIFT. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications*, «Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций» международная межбанковская система, занимающиеся передачей финансовых сообщений. Пользователи используют данную систему для быстрой, безопасной и точной передачи информации. Система была основана в 1973 году, благодаря 239 банкам из 15 стран. До санкций, *swift*-система занимала ключевую роль в международных финансовых отношений России с другими странами. Система обеспечивала быстрый, безопасный, прозрачный и систематизированный обмен сообщениями с зарубежными банками, для проведения трансграничных платежей, торговли ценными бумагами, валютными операций и других финансовых транзакций, Swift выступала мессенджером для банков.

Первый Российский банк, который был подключен к системе, назывался Внешэконом банк, сейчас это ВЭБ РФ. Динамика подключенных Российских организаций к SWIFT представлена на рис. 1.

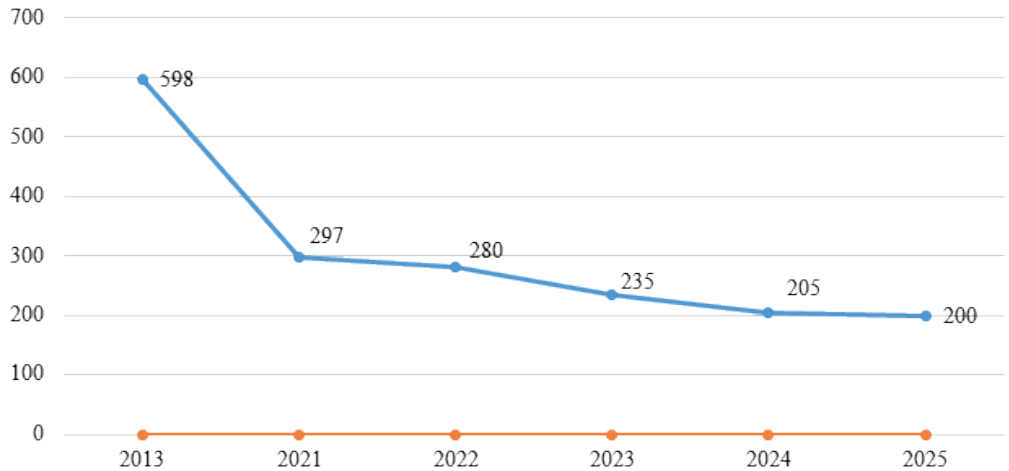

Рисунок 1. Динамика подключенных Российских организаций к SWIFT

Представленная диаграмма показывает долгосрочную динамику количества Российских организаций, подключенных к международной межбанковской системе передачи финансовых сообщений. Анализируя данные изменения, можно выделить 5 ключевых этапов отключения Российских организаций от SWIFT.

Первый этап приходится на 2014 год, когда Россия свободно пользовалось системой, не опасаясь на какие-либо ограничения, связанные с передачей международных финансовых сообщений. На то время насчитывалось около 600 Российских пользователей в системе SWIFT. В сентябре этого года Европарламент принял резолюцию, в которой призвал страны, входящие в Евросоюз, рассмотреть возможность исключения России от системы SWIFT, в связи с принятием Крыма в состав Российской Федерации, но предложение было отвергнуто. Россия обратила внимание на данное предложение и начала разработку собственной системы: «Системы передачи финансовых сообщений» (далее — СПФС).

Второй этап — март 2022 года. Является ключевым моментом частичного отключения от систем. Инициатива возникла сразу после начала специальной военной операции. Министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба призывал к немедленным «деструктивным санкциям», включая исключение из SWIFT. И 1 марта Европейский союз, Великобритания, Канада и США приняли решение об исключении из системы 7 российских банков: ВТБ; «Россия»; «Открытие»; Новикомбанк; Промсвязьбанк; Совкомбанк; ВЭБ РФ.

Третий этап — 3 июня 2022 года Евросоюз утвердил шестой пакет санкций против России. В него вошло решение об отключении от системы SWIFT трёх крупных российских банков: Сбербанк, Московский кредитный банк Россельхозбанк. Для Сбербанка отключение от SWIFT не привело к существенным изменениям, банк уже был под жёсткими санкциями. Для Московского кредитного банка и Россельхозбанка последствия были более заметными, до этого они не подвергались блокирующим санкциям. Отключение затруднило международные денежные переводы для их клиентов. Для юридических лиц отключение от SWIFT осложнило проведение экспортных операций и международных расчётов.

Четвертый этап приходится на принятие 18 пакета санкций против России июль 2025 года. Изначально предполагалось отключение от системы SWIFT 22 российских финансовых институтов, но впоследствии мера была заменена на полный запрет на проведение

любых транзакций через эти банки. T-Bank, Яндекс Банк, Озон Банк и Сургутнефтегазбанк и еще 18 банков. 18-й пакет санкций стал одним из наиболее масштабных с начала санкционного давления на Россию. Для клиентов и предпринимательства это означало: невозможность отправлять напрямую денежные средства в большинство стран мира. Также увеличение времени обработки транзакций, проходили через альтернативные каналы. Необходимо отметить значительное повышение комиссий за трансграничные переводы.

Заключительный, пятый этап приходится на октябрь 2025. В октябре Евросоюз утвердил 19-й пакет санкций против России, под санкции попали пять российских банков: «Истина», «Земский банк», «Абсолют банк», «МТС банк» и «Альфа-банк». Им было запрещено проводить любые транзакции в ЕС, открывать счета и получать доступ к европейским платёжным инфраструктурам. Стоит отметить, что для Россельхозбанка сделано частичное исключение, а именно было разрешено проводить операции, связанные с экспортом продовольствия и медикаментов. Помимо этого, запрет распространился на зарубежные филиалы Российских банков такие как: Альфа-банк, ВТБ и Сбера в Беларуси; офис ВТБ в Казахстане и Шанхае.

А также запрет распространился на платежные системы: «Мир» (Национальная система платёжных карт, НСПК); Системы быстрых платежей (СБП); СПФС (российский аналог SWIFT).

Несмотря на все возможные ограничения Россия активно развивает свою систему передачи финансовых сообщений, на 2025 год насчитывается более 570 организаций из них более 170 иностранных организаций из 24 стран. В 2024 году Центральный банк России утвердил «Единый план миграции к внедрению финансовых сообщений международного стандарта ISO 20022 в национальной платёжной системе». Согласно этому плану, в Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) предполагается реализовать обмен финансовыми сообщениями, основанный на стандарте ISO 20022. Это будет особенно актуально для таких процессов, как казначейское обеспечение обязательств и банковское сопровождение государственных контрактов. Тестирование обмена сообщениями по стандарту ISO 20022, а также подготовка к его промышленной эксплуатации должны быть завершены к четвертому кварталу 2026 года.

Ограничительные меры не обошли стороной СПФС. В рамках четырнадцатого пакета санкций Европейский союз ввёл ограничения на использование системы передачи финансовых сообщений или

к эквивалентным специализированным службам финансовых сообщений (созданным ЦБ), для европейских организаций. Также участники рынка не должны совершать транзакции с организациями из третьих стран, использующие СПФС за пределами РФ и внесенные в черный список Евросоюза. Помимо ограничений, введены исключения, а именно сделки по приобретению, импорту или логистике в Евросоюз (через ЕС) природного газа, Алюминия, титана, никеля, палладия, железной руды, а также нефтепродуктов, лекарств, сельскохозяйственных товаров из РФ. Таким образом введённые ограничения носят селективный характер и сочетают в себе элементы финансового давления с механизмами частичной регуляторной гибкости, направленной на минимизацию рисков для критических значимых экономических и социальных процессов.

Введение внешнеэкономических санкций, а также поэтапное ограничение доступа российских финансовых организаций к международной системе SWIFT, оказали значительное влияние на структуру межбанковских расчётов и механизмы передачи финансовых сообщений в Российской Федерации [4, 5]. Эти ограничения затронули не только крупные коммерческие банки, но и альтернативные платёжные инфраструктуры, что в свою очередь привело к усложнению трансграничных операций. В результате, международные переводы стали более затратными, что негативно сказалось на эффективности финансовых операций. Сложившаяся ситуация, однако, оказалась не только проблемой, но и стимулом для ускоренного развития национальных инструментов финансовой коммуникации. В частности, это проявилось в активном развитии Системы передачи финансовых сообщений, созданной Банком России, которая стала важным элементом в обеспечении внутренней финансовой стабильности. Кроме того, в рамках национальной платёжной системы начали внедряться международные стандарты обмена данными, что способствовало повышению уровня интеграции и совместимости с другими платёжными системами.

Таким образом, текущие процессы свидетельствуют о формировании более автономной модели финансового взаимодействия, которая ориентирована на снижение внешней зависимости. Это означает, что Россия стремится выстроить свои финансовые механизмы таким образом, чтобы минимизировать влияние внешних факторов, при этом сохраняя ограниченные каналы для международного сотрудничества. Важно отметить, что такая трансформация может привести к созданию более устойчивой финансовой системы, способной адаптироваться

к изменяющимся условиям на глобальной арене. В результате всех этих изменений, российская финансовая система начинает принимать более независимые решения, что в долгосрочной перспективе может положительно сказаться на её устойчивости и способности противостоять внешним вызовам. Это также открывает новые горизонты для развития внутреннего рынка и привлечения инвестиций, что в конечном итоге может способствовать экономическому росту страны.

Список литературы:

1. Логинова, Н. А. Угрозы экономической безопасности России в условиях стремительной цифровизации / Н. А. Логинова // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ-2024): Сборник трудов X Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 25 – 28 апреля 2024 года. — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. — С. 369 – 373. — DOI 10.18720/IEP/2024.2/91.

2. Макарычева, И. В. Доктрина экономической безопасности Российской Федерации и ее реализация / И. В. Макарычева // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 04 апреля 2024 года. — Нижний Новгород, 2024. — С. 435 – 441.

3. Салмыксова, О. И. Возможности, функциональность и российские альтернативы платежной системы S.W.I.F.T / О. И. Салмыксова, М. В. Перова // Перспективы развития информационных технологий. — 2014. — № 21. — С. 150 – 154.

4. Шашкина, М. Е. Развитие системы трансграничных расчетов как фактор экономической безопасности РФ / М. Е. Шашкина // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 04 апреля 2024 года. — Нижний Новгород, 2024. — С. 725 – 737.

5. Экономика и управление цифровой трансформацией экономических систем / Н. С. Алексеева, А. А. Алетдинова, А. В. Бабкин [и др.]. — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. — 618 с. — ISBN 978-5-7422-8799-5. — DOI 10.18720/IEP/2024.5.

© Константинов К. А., 2026

EDN: THHMRP

Кравченко Елисей Константинович
студент
Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
Донецк, Россия
555arina@mail.ru

Научный руководитель:
Палий Наталья Сергеевна
доцент кафедры туризма
Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
кандидат экономических наук, доцент
Донецк, Россия
nata.paliy@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРИСТСКОГО БИЗНЕСА В НОВЫХ РЕГИОНАХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема экономической безопасности туристского бизнеса на региональном уровне. Определены ключевые риски и основные тренды развития туристского бизнеса в новых регионах Российской Федерации. Исследование показывает, что на динамику и перспективы развития туризма большое влияние оказывают экономические и регуляторные факторы, а также распространение цифровых технологий.
Ключевые слова: туризм, экономическая безопасность, цифровизация, новые регионы Российской Федерации.

Концепт экономической безопасности масштабируется в отраслевом ракурсе, и заметим, что проблематика регионального туризма сегодня представляет значительный исследовательский интерес.

Пляжный туризм является базовым направлением в гостеприимстве, так как прямо связан с развитием экономических связей, транспортным сообщением. Региональный туризм начал активно расти, получив новый импульс в рамках «Стратегии развития Приазовья». В настоящее время к основным направлениям в приазовском туризме относятся: индустрия летних групповых (семейных) поездок и событийный туризм.

Туризм является многофакторным и неустойчивым бизнесом, причем внешние риски (экономические, социально-политические и природно-климатические риски) синхронно повышают внутренние риски (финансовые, операционные). Индустрия туризма известна как отрасль, где цифровая трансформация проходит максимально быстро. Благодаря цифровизации туристская индустрия получила новый импульс к развитию: появился ряд инновационных решений, фиксируется экономический рост в реальном секторе экономики, произошли технические обновления в смежных отраслях, запустились новые экономические связи в государственном масштабе.

В тоже время, новые перспективы порождают угрозы для туризма. Особенно актуальной является проблематика экономической безопасности в условиях цифровизации для туристского бизнеса в новых регионах Российской Федерации. Стоит отметить, что вопросы развития регионального туризма касаются всех экономических агентов в разной степени, в особенности — инвестиционно-привлекательных районов, резидентов рекреационных территорий, участников свободных экономических зон [1]. Вопросы управления социально-экономическими процессами, оценки рисков в инвестиционной деятельности, управления спросом в индустрии туризма находятся в фокусе внимания как бизнес-сообщества, так и ученых [2 – 4].

По мнению специалистов, перспективы развития туризма зависят от сочетания ряда факторов: уровня аттрактивности — благоприятные природно-климатические условия, интересные достопримечательности; приемлемый уровень цен (отели и рестораны); характеристики туристического бренда, уровень маркетинга территорий [5].

Стоит отметить, что с 2020-х гг. начался новый этап развития туристической отрасли, поэтому проблема обеспечения экономической безопасности стала еще более актуальной. По мнению аналитиков, туристическая индустрия является крупнейшим продуцентом преступной деятельности. Безопасность туризма и минимизация рисков в путешествиях касаются большого спектра проблем: кражи, мошенничество,

хулиганство. Поэтому в ряде стран, особенно в курортных районах и больших городах действует туристическая полиция.

Большое влияние на динамику туризма имеют факторы развития цифровых технологий и ограничения, связанные с геополитической ситуацией, причем степень их влияния можно оценить скорее как негативную. Предположим, что в ответ на негативные воздействия должны выработаться компенсационные механизмы.

Следует конкретизировать ряд факторов, которые создают потенциальные угрозы для туризма в новых регионах Российской Федерации:

— влияние аспекта сезонности на интенсивность туризма;

— использование интернет-технологий, инструментов обработки и передачи информации;

— высокая степень неопределенности при планировании туристских поездок из-за влияния внешних сил (политические риски, природные катаклизмы);

— высокие цены и тарифы могут дестимулировать предпринимателей в плане локального туризма в пользу сокращения текущих издержек.

Региональный туризм особенно чувствителен к сезоннным колебаниям экономической активности. В условиях цифровизации бизнеса и общественной жизни, путешествия с целями отдыха и новых впечатлений, налаживания новых связей не теряют актуальности. Туризм как в локальном, так государственном масштабах имеет высокий потенциал для роста [6]. Особенно заинтересованы в увеличении туристического потока операторы гостинично-ресторанного рынка, розничная торговля.

К ведущим трендам регионального туризма в Приазовье следует отнести:

— рост уровня цен на услуги размещения;

— проблема повышения качества туристского сервиса;

— информация о турпродуктах формируется на основе пользовательского опыта (социальные сети, блоги, видеообзоры, отзывы и пр.);

— увеличение спроса на поездки в сфере детского и молодежного туризма;

— снижение глубины бронирования турских услуг.

Позитивным эффектом цифровизации являются сокращение транзакционных затрат по сравнению с классической экономикой, рост продуктивности труда, появление альтернативных механизмов накопления капитала и формирования добавленной стоимости. Есть

разумные доводы, что системная цифровизация способна генерировать дополнительные доходы, сопоставимые с отраслями добывающей промышленности.

Первые цифровые сервисы в туризме появились еще в 2000-х гг. — это были системы бронирования жилья, планирования туров и покупки билетов. Сейчас рынок цифровых платформ находится на стадии насыщения: появилось много отечественных и зарубежных аналогов, мобильных приложений. Стоит отметить расширение рыночной доли и агрессивный маркетинг цифровых экосистем в сегменте онлайн-туризма: Ozon Travel, МТС Travel, Avito Путешествия, Яндекс.Путешествия, Травелата, Туту.Ру, и др. Данные сервисы в основном ориентированы на поездки по России, рассчитаны на русскоязычный сегмент.

Универсальные онлайн-площадки с обширным перечнем услуг применяют механики динамического ценообразования, системы скидок. Специализированные сервисы делают упор на кастомизацию и геймификацию в маркетинговых коммуникациях — концентрируются на определенных туристических услугах и продуктах: организации путешествий, подборе и бронировании жилья, продаже путевок в санатории, поиске и продаже билетов и др. Туристические онлайн-сервисы максимально подходят для организации туризма, так как сочетают допустимый уровень риска и широкий спектр вариативности пользовательских запросов, дают возможность экономить.

В целом отмечается оптимистичность прогноза по уровню спроса в сфере пляжного туризма в Приазовье на фоне прогнозного роста цен и тарифов. Доступность туристского объекта, стоимость размещения и бюджет потребителя — главные факторы туристского спроса в Приазовье.

К ключевым объектам регионального туризма Приазовья в аспекте обеспечения экономической безопасности относятся:

— бизнес: банки, торговые предприятия, гостиницы, санатории, глемпинги, кафе, рестораны, столовые;

— объекты культуры: памятники, музеи, достопримечательности;

— природные объекты: пляжи, туристические тропы, ботанические сады и заповедники, парки и пр.

Таким образом, цифровизация не упрощает, а усложняет архитектуру экономической безопасности туризма, создавая новые уязвимости наряду с возможностями.

В контексте цифровой трансформации центральное место в обеспечении экономической безопасности туризма занимают взаимосвязанные

задачи: гарантированная защита персональной информации клиентов, обеспечение надёжности финансовых операций; эффективное противодействие мошенническим схемам.

При этом конкурентная среда на региональном рынке характеризуется жёсткой ценовой борьбой. Расширение доли онлайн-платформ и внедрение инновационных решений обостряют конкуренцию, что выливается в сокращение маржинальности бизнеса.

Параллельно с этим индустрия туризма сталкивается с технологическими вызовами из-за неравномерности развития цифровых технологий. Существенный разрыв в уровне цифровизации между различными сегментами туриндустрии может стать серьёзным препятствием для роста как внутреннего, так и международного туризма. Безналичные платежи, в свою очередь, требуют создания систем защиты данных туристов для сохранения экономической стабильности.

Несмотря на прогресс в технологиях генеративного искусственного интеллекта, культурные и языковые различия по-прежнему остаются барьером для въездного туризма. Ключевым условием для успешного развития является способность гибко адаптировать туристические услуги под региональные нормы и традиции.

Результаты исследования показывают, что процесс цифровизации обостряет вопросы экономической устойчивости в сфере регионального туризма, провоцируя трансформацию бизнес-моделей и формируя принципиально новые угрозы. В рамках работы проанализирован комплекс актуальных тенденций, включая влияние цифровых технологий и производные от них вызовы для экономической безопасности отрасли. Учитывая, что туристическая индустрия Приазовья ориентируется на принцип «доступного качества», для бизнес-сообщества стратегически важно направлять инвестиции в цифровые решения, позволяющие повысить операционную эффективность и качество услуг. На уровне государственной политики, поддержка локального туризма должна стимулировать рост благосостояния населения, приток инвестиций и создание новых рабочих мест в регионе.

Следовательно, несмотря на усиление рисков, системное развитие туристического кластера в новых регионах Российской Федерации должно стать драйвером экономического роста и укрепления конкурентных позиций всего региона.

Список литературы:

1. Антонец, В. Г. Эффективность промышленного туризма и его влияние на социально-экономическое развитие региона / В. Г. Антонец // Стратегия развития индустрии гостеприимства и туризма: VI международная Интернет-конференция, Орел, 27 января — 25 2016 года. — Орел: Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 2016. — С. 218 – 223. — EDN UQDGMV.

2. Градинарова, А. А. Использование рефлексивного управления в деятельности туристических предприятий / А. А. Градинарова // Современные тенденции развития туризма и индустрии гостеприимства: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Донецк, 25 – 26 апреля 2023 года. — Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2023. — С. 223 – 226. — EDN NRZHAR.

3. Кожухова, Е. С. Анализ современного состояния туризма в Российской Федерации / Е. С. Кожухова // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 13, № 2(155). — С. 135 – 143. — DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.13.013. — EDN DZNFDZ.

4. Кулеш, В. Г. Системный подход к развитию промышленного туризма в Донецком регионе / В. Г. Кулеш // Экономический вестник Донбасса. — 2012. — № 3(29). — С. 37 – 41. — EDN RZUDOF.

5. Нестерова, Н. А. Характеристика основных направлений формирования кадрового обеспечения инновационной деятельности туристических предприятий / Н. А. Нестерова, Е. А. Стельмах // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма: материалы X Международной научно-практической конференции, г. Судак, пгт Форос, г. Ялта, 22 – 23 мая 2025 года. — Симферополь: ИТ»Ариал», 2025. — С. 95 – 98. — EDN PDCFWV.

6. Ангелина, И. А. К вопросу о влиянии цифровизации на развитие сферы услуг / И. А. Ангелина, Е. С. Кожухова, Л. И. Изотова // Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития: Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06 февраля 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2024. — С. 112 – 114. — EDN TRBJND.

© Кравченко Е. К., 2026

EDN: TOANBT

Крайнов Константин Сергеевич
студент
Институт естественных наук и математики
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
krainov.kostya@inbox.ru

Научный руководитель:
Иринина Алена Юрьевна
старший преподаватель кафедры
физики конденсированного состояния и наноразмерных систем
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
au.irinina@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЧЁРНОГО МОРЯ)

Аннотация. Рассмотрено, как санкционные ограничения повышают стоимость обеспечения национальной безопасности в прибрежных регионах. На материале Чёрного моря показана связь между трансграничностью акватории, рисками для судоходства и экономическими потерями от мин и неразорвавшихся боеприпасов. Научная новизна — экономическая увязка минной/боеприпасной угрозы с показателями устойчивости логистики и инфраструктуры.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономические санкции, Чёрное море, морская логистика, минная опасность, неразорвавшиеся боеприпасы, страхование судов.

Национальная безопасность в современных условиях всё чаще определяется не только военной мощью, но и экономической устойчивостью: способностью государства поддерживать функционирование критически важных отраслей, инфраструктуры, внешней торговли и логистики, а также обеспечивать безопасность населения и территорий. Экономические санкции усиливают уязвимости: ограничивают доступ к финансированию, технологиям, комплектующим, страхованию, международным рынкам и цепочкам поставок. В итоге возрастают издержки на поддержание безопасности, а ресурсы на предотвращение рисков и ликвидацию последствий — наоборот, становятся более дефицитными.

Особое значение в этой системе имеет морское направление, потому что море — это одновременно торговый коридор, зона ответственности сил безопасности, пространство природных и техногенных рисков. Для России Чёрное море — стратегический регион: здесь сосредоточены порты, транспортные маршруты, элементы энергетической и прибрежной инфраструктуры, а также постоянный фактор международного соседства. Чёрное море граничит с несколькими государствами (в том числе с Украиной), и любые кризисы в акватории быстро приобретают трансграничный характер: от угроз судоходству и рыболовству до экологических последствий и осложнения внешней торговли.

Экономические санкции — это инструмент давления, который в реальности воздействует на безопасность опосредованно: через ресурсы, технологии и управляемость рисками. В морской сфере санкционные ограничения обычно проявляются по нескольким направлениям:

1. Технологическая зависимость и импортозамещение. Ограничение доступа к современным решениям в судостроении, приборостроении, навигационном и коммуникационном оборудовании, специализированных материалах и программном обеспечении повышает стоимость эксплуатации и ремонта, усложняет модернизацию флота и береговой инфраструктуры. Это отражается на готовности быстро реагировать на угрозы (в том числе невоенного характера), потому что техническая база — ключ к мониторингу и предупреждению инцидентов.

2. Финансовые и страховые барьеры. Морская торговля чувствительна к страхованию. Военные и политические риски приводят к росту премий и появлению специальных «военных» надбавок для судов, работающих в опасных акваториях; это напрямую повышает стоимость перевозок и может вынуждать компании менять маршруты или сокращать активность. В исследованиях по морскому страхованию в условиях

войны отдельно фиксируются рост премий и расширение исключений по рискам (включая минную опасность) для судов, следующих в зоне конфликта.

3. Логистические разрывы и удорожание торговли. В регионе Чёрного моря война и ограничения на перевозки приводили к приостановкам работы портов, перераспределению грузопотоков и усложнению экспорта/импорта — особенно для товаров, критичных для продовольственной и энергетической безопасности. Отдельные международные обзоры отмечают, что нарушения судоходства в Чёрном море накладываются на другие глобальные «узкие места» морской логистики, создавая дополнительное давление на цепочки поставок.

4. Рост «серых зон» и сопутствующих угроз. Когда легальные механизмы торговли и страхования усложняются, возникает стимул к обходным схемам, повышающим аварийность, экологические риски и общий уровень неопределённости для прибрежных государств. Для национальной безопасности это означает больше задач по контролю и больше потенциальных чрезвычайных ситуаций при меньших ресурсах.

Таким образом, санкции не просто «снижают доходы» — они увеличивают стоимость безопасности и повышают цену ошибки. Это особенно критично там, где экономические интересы напрямую зависят от устойчивости морской среды и безопасности судоходства.

Чёрное море как пространство безопасности и экономики

Чёрное море — это узловой регион, где пересекаются торговля, энергетика, военно-политические интересы и международное право. Географически акватория замкнута проливами и тесно связана с портами прибрежных государств; экономически — многие страны региона зависят от морских перевозок, портовой инфраструктуры и доступа к мировым рынкам.

Важная особенность Чёрного моря — соседство и «плотность» взаимодействий: здесь близко расположены границы и порты разных стран, а значит, инциденты редко остаются локальными. Это касается и ЧС (взрывы опасных объектов, загрязнение), и рисков для торговых маршрутов, и информационно-политической напряжённости. В аналитических материалах по региону подчёркивается, что конфликт вокруг Украины сделал Чёрное море центральной зоной геополитической конкуренции с последствиями для торговли и энергетической безопасности.

Для России значение Чёрного моря усиливается тем, что безопасность здесь связана не только с обороной, но и с устойчивостью

экономики при санкциях: работа портов, стабильность перевозок, безопасность морской инфраструктуры, защита прибрежных населённых пунктов и туристических зон.

Опасные морские объекты: мины, неразорвавшиеся боеприпасы и их последствия.

Минная опасность как актуальная угроза

Одна из наиболее острых угроз последних лет для Чёрного моря — дрейфующие и якорные мины, а также иные взрывоопасные предметы в воде. Опасность усиливается тем, что часть объектов может перемещаться течениями и штормами, появляться в районах, где их не ожидают, создавая риск для гражданского судоходства, рыболовства и прибрежной зоны.

Официальные предупреждения для моряков о сохраняющейся угрозе дрейфующих мин периодически публикуются профильными международными структурами, подчёркивая, что риск для судоходства в определённых районах Чёрного моря сохраняется.

Минная угроза имеет прямое отношение к национальной безопасности по трём причинам:

— угроза жизни и здоровью людей (экипажи судов, рыбаки, отдыхающие на побережье);

— экономический ущерб (повреждение судов, остановка работ, рост страховых тарифов, снижение турпотока);

— политико-правовые последствия (обострение межгосударственных отношений из-за инцидентов в приграничной акватории).

Отдельно важно, что Чёрное море граничит с Украиной, а значит зона повышенной опасности неизбежно затрагивает международные маршруты и прибрежные районы разных стран, повышая значимость координации и обмена навигационной информацией.

Неразорвавшиеся боеприпасы и «наследие» прошлых конфликтов

Помимо современных рисков, для морской среды характерна долгосрочная проблема: неразорвавшиеся боеприпасы и затопленные боеприпасы прошлых войн. Даже десятилетия спустя такие объекты сохраняют опасность: возможна детонация при механическом воздействии (траление, якорение, рыболовные сети, строительные работы), а также постепенная деградация оболочек с загрязнением морской среды.

На европейском уровне существуют инициативы, прямо посвящённые проблеме неразорвавшихся и затопленных боеприпасов в Чёрном море, где подчёркивается необходимость обследования, оценки ущерба и выработки мер по снижению рисков.

Воздействие на рыболовство, экологию и прибрежную экономику

Опасные морские объекты — это не только угроза судоходству. Они бьют по «мирной» экономике: рыболовству и туризму. Рыбаки сталкиваются с риском зацепа взрывоопасных объектов снастями, а прибрежные регионы — с падением туристической привлекательности и ростом затрат на безопасность пляжей и акваторий. В оценках экологических организаций отдельно отмечается, что минная опасность в Чёрном море влияет на рыбный промысел: объекты могут находиться у поверхности или на дне и попадать в рыболовные сети.

Экономические последствия для национальной безопасности: «цена небезопасного моря»

В условиях санкций государство вынуждено распределять ресурсы более жёстко, а значит критично понимать, во что выливается небезопасность морской зоны.

1. Удорожание перевозок и страхования. Рост военных рисков повышает страховые расходы, а это ведёт к удорожанию внешней торговли и внутренних поставок морем. Дополнительно появляются исключения по ответственности и специальные условия страхования для опасных зон.

2. Снижение предсказуемости логистики. Судовладельцы и грузоотправители закладывают дополнительные резервы времени и денег, меняют маршруты, сокращают заходы в отдельные порты. Это может приводить к каскадным эффектам: от роста цен на импорт до задержек сырья и комплектующих для промышленности.

3. Риски для критической инфраструктуры. Порты, подходные каналы, прибрежные объекты, линии связи и энергетические элементы уязвимы к подводным и надводным инцидентам. Любая авария — это не только ремонт, но и упущенная выгода, простои, затраты на безопасность и репутационные потери региона.

4. Удар по прибрежным регионам. Туризм и рыболовство чувствительны к информационному фону и реальным происшествиям. Даже единичные случаи обнаружения или взрывов опасных объектов формируют «эффект страха», который снижает доходы малого бизнеса, сервиса и транспорта.

На практике экономическая устойчивость при санкциях зависит от способности государства снижать эти издержки за счёт управления рисками: мониторинга, превентивных мер, готовности к быстрому реагированию и технологической самостоятельности.

Приоритетные меры обеспечения безопасности в условиях санкций (фокус на Чёрном море)

Чтобы национальная безопасность не «проедалась» постоянными аварийными расходами, важен переход от реагирования к профилактике. Для Чёрного моря ключевые меры можно сгруппировать так:

1. Системный мониторинг опасных объектов. Регулярное обследование приоритетных районов: подходы к портам, интенсивные маршруты, рыболовные зоны, прибрежные районы отдыха. Важно, чтобы данные фиксировались, обновлялись и были доступны ответственным службам.

2. Управление риском для судоходства. Оперативные предупреждения, уточнение рекомендованных маршрутов, стандарты поведения экипажей в потенциально опасных зонах, связь с портовыми властями. Международные структуры уже публикуют материалы и обновления по безопасности судоходства в Чёрном море — их логика проста: риск нельзя «отменить», но можно снижать его вероятностью контакта и скоростью информирования.

3. Межгосударственная координация в прибрежной акватории. Поскольку море граничит с другими странами, угрозы (особенно дрейфующие мины) не признают границ. Поэтому ценность имеют совместимые процедуры, обмен данными и согласованные действия по обеспечению свободы и безопасности навигации. Примером институционального подхода является создание региональных механизмов противоминной деятельности между прибрежными странами.

4. Технологическая устойчивость и локализация. При санкциях особенно важно развивать решения, которые можно производить, обслуживать и масштабировать внутри страны: это снижает зависимость от поставок, удешевляет жизненный цикл, повышает оперативность реагирования.

5. Экономическая оценка мер безопасности. Любая программа по обследованию и снижению рисков должна сопровождаться расчётом эффекта: снижение аварийности, уменьшение страховых расходов, сохранение турпотока, снижение простоев портов. Это позволяет защищать бюджетные решения цифрами, а не только общими формулировками.

Заключение

Экономические санкции усиливают зависимость национальной безопасности от устойчивости экономики: чем дороже технологии, логистика и страхование, тем важнее предотвращать риски заранее. Чёрное море в этом смысле является «точкой концентрации» угроз и интересов: это пространство, где пересекаются международные

границы (включая соседство с Украиной), торговые маршруты и прибрежная экономика.

Опасные морские объекты — мины, неразорвавшиеся боеприпасы и иные взрывоопасные предметы — создают комплексный риск: от человеческих потерь до прямых экономических убытков и долгосрочного экологического ущерба. Поэтому обеспечение безопасности в Чёрном море — это не узко военная задача, а элемент экономической устойчивости страны в условиях санкционного давления.

Авторское решение (в общих чертах)

В рамках работы мной предложено собственное решение прикладного характера, оформленное как патент на полезную модель. В общих чертах это техническое средство/комплекс, предназначенный для повышения безопасности в морской среде за счёт:

— более оперативного обнаружения и фиксации опасных морских объектов (в том числе мин и неразорвавшихся боеприпасов);

— передачи информации ответственным службам для принятия решений (организация предупреждений, ограничений, мероприятий по устранению угрозы);

— снижения затрат времени и ресурсов на поиск и контроль опасных объектов в сложной обстановке (включая условия ограниченного доступа к импортным решениям из-за санкций).

Потенциальный эффект внедрения — уменьшение вероятности инцидентов на судоходных маршрутах и в прибрежной зоне, снижение экономического ущерба для портов, рыболовства и туризма, а также повышение общей устойчивости системы морской безопасности.

Список литературы:

1. The Impact of the Russian-Ukraine War on Maritime Insurance, Shipping and Food Security. URL: https://www.researchgate.net/profile/Dalaklis-Dimitrios/publication/373707152_The_Impact_of_the_Russian-Ukraine_War_on_Maritime_Insurance_Shipping_and_Food_Security/ (дата обращения: 25.02.2026).

2. NATO Shipping Centre. Risk of Collateral Damage in the northwestern, western and southwest Black Sea (2024). URL: https://shipping.nato.int/nsc/media-centre/news-archive/2024/risk-of-collateral-damage-in-the-northwestern — western-and-southwest-black-sea.

3. IMO. Maritime Security and Safety in the Black Sea and Sea of Azov. URL: https://www.imo.org/en/mediacentre/hottopics/pages/maritimesecurityandsafetyintheblackseaandseaofazov.aspx.

4. UNCTAD. Navigating troubled waters: Impact to global trade of disruption of shipping routes in the Red Sea, Black Sea and Panama Canal (Rapid assessment, 2024). URL: https://unctad.org/publication/navigating-troubled-waters-impact-global-trade-disruption-shipping-routes-red-sea-black.

5. European Commission (Maritime Forum). Unexploded Ordnance in the Black Sea. URL: https://maritime-forum.ec.europa.eu/node/217_en.

6. Greenpeace. Mines risk analysis: Black Sea (2024). URL: https://www.greenpeace.org/static/planet4-romania-stateless/2024/06/7b5c64be-en_mines_risk_analysis_black_sea.pdf.

7. UN SDGs Partnerships Platform. Addressing pollution from conventional, chemical and explosive munitions dumped at sea. URL: https://sdgs.un.org/partnership-progress/addressing-pollution-conventional-chemical-and-explosive-munitions-dumped-sea.

© Крайнов К. С., 2026

EDN: UWNGYA

Криволапова Елизавета Дмитриевна
студент
Институт права и управления
Тульского государственного университета
Тула, Россия
kriwolapova.liza@gmail.com

Научный руководитель:
Королев Павел Андреевич
доцент кафедры истории государства и права
Тульский государственный университет
Тула, Россия
кандидат политических наук, доцент
legatx@mail.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается использование цифрового рубля в качестве инструмента обеспечения национальной безопасности РФ. Основное внимание уделено направлениям использования цифровой валюты, обеспечивающим надежность и безопасность финансовой системы государства.
Ключевые слова: цифровой рубль, национальная безопасность, экономические санкции, финансовый суверенитет, формы денег.

В настоящее время в России, аналогично многим другим государствам мира, наблюдается устойчивый рост доли безналичных платежей в розничной торговле, параллельно развивается инфраструктура цифровых платёжных сервисов. По всему миру более сотни государств проводят активные исследования цифровых валют центральных банков

(ЦВЦБ). Данные активы являются современной формой денежных средств, эмитируемых центральными банками исключительно в цифровом формате. Некоторые страны уже приступили к этапу тестирования либо полномасштабного внедрения ЦВЦБ [1, с. 208 – 209], тогда как остальные продолжают находиться лишь на исследовательской фазе изучения потенциала данной технологии. По данным на сентябрь 2024 года, 134 государства и валютных союза официально занимаются проектами цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ), из них 67 государств находятся на продвинутых стадиях реализации [2, с. 172].

Использование новых форм электронных расчетов становится одним из важнейших факторов повышения национального благосостояния и уровня защищенности государств от внутренних и внешних угроз. Одной из ключевых инициатив российского правительства в сфере цифровых инноваций стала идея выпуска цифрового рубля.

Цифровой рубль рассматривается как важная составляющая стратегии модернизации денежной системы Российской Федерации, направленная на укрепление национальной безопасности путем расширения возможностей эффективного управления государством, оптимизации фискальной политики и снижения риска экономических потрясений.

Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации дает следующее определение цифровому рублю: «Цифровой рубль — это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег» [3]. То есть Центральный Банк России рассматривает цифровой рубль как форму уже существующего рубля.

Международная классификация выделяет два главных типа цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ): розничную и оптовую модели [4, с. 3]. Первая модель предназначена для физических и юридических лиц, применяется для повседневных платежей небольших сумм. Выделяют две концепции данной модели: одноуровневая (центральный банк работает непосредственно с гражданами и организациями) и двухуровневая (финансовые учреждения выступают посредниками между центральным банком и конечными пользователями). Оптовая модель предполагает межбанковские расчеты крупными суммами и чаще всего используется для финансовых рынков и трансграничных операций. Некоторые государства сочетают элементы обеих моделей.

Председатель Банка России Э. З. Набиуллина подчеркивает, что цифровой рубль является полноценной национальной валютой наряду

с наличными и безналичными деньгами. С 1 сентября 2026 года начнет действовать Федеральный закон № 248-ФЗ от 23 июля 2025 года, предусматривающий поэтапное внедрение цифрового рубля. Закон определяет порядок подключения кредитных учреждений, продавцов и агрегаторов к проведению операций с цифровым рублем. Одновременно в законодательство вводится понятие «универсальный платежный код» и статус оператора услуг по предоставлению такого кода. Универсальный платежный код предоставляется бесплатно кредитным организациям, иностранным филиалам банков, оператору платформы цифрового рубля, сервисам информационного обмена и платежным агентам-посредникам.

Физические лица смогут перечислять цифровые рубли юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, нотариусам, адвокатам, арбитражным управляющим, оценщикам, патентным поверенным и самозанятым только с использованием универсального платежного кода, если иное не установлено правилами платформы цифрового рубля. Кредитные организации и филиалы иностранных банков, участвующие в платформе цифрового рубля, обязаны обеспечить клиентам возможность совершения переводов цифровых рублей посредством универсального платежного кода.

Благодаря введению цифрового рубля, клиенты смогут получать доступ к своему цифровому кошельку независимо от банка, в котором они обслуживаются. Все операции с цифровым рублем будут проводиться по единым тарифам вне зависимости от выбранного банка.

Деньги, представленные валютами, которые наделены статусом платежных средств на территории того или иного публично-правового образования, составляют ключевой элемент соответствующей национальной финансовой системы. Цифровой рубль выступает альтернативой традиционным валютам и зарубежным платежным системам, снижая зависимость России от внешнего влияния и возможных ограничений. Такая независимость особенно важна в условиях нестабильной геополитической обстановки и потенциального введения экономических санкций. Поскольку каждая операция с цифровым рублем регистрируется и отслеживается в централизованном реестре, система становится прозрачной и контролируемой. Это усложняет процессы уклонения от налогов, коррупции, легализации доходов и финансирование терроризма, помогая правоохранительным органам пресекать подобные преступления.

Кроме того, наличие собственного цифрового инструмента позволяет оперативно регулировать денежно-кредитную политику,

стабилизировать ситуацию в случае кризиса и минимизировать эффект экономических потрясений. Так, Центральный банк РФ сможет точно отслеживать инфляцию, состояние экономики и влиять на ключевые показатели, снижая влияние внешних факторов [1, с. 208].

При переходе к массовому использованию цифрового рубля увеличивается доступность финансовых услуг для широкой публики, что усиливает конкуренцию среди существующих игроков рынка. Кредитные организации вынуждены предлагать новые и улучшенные продукты и сервисы, чтобы оставаться востребованными. Клиенты получают больший выбор удобных способов хранения и передачи средств, тем самым снижается стоимость обслуживания счетов и переводов, а также повышается качество предоставляемых услуг.

Цифровой рубль планируется сделать доступным даже в условиях отсутствия доступа к сети Интернет, что даст возможность использования цифровых денег в регионах с ограниченной инфраструктурой связи. Также цифровая форма рубля может способствовать развитию финансовой инклюзии, особенно в удалённых районах государства, где сложно организовать доступ к финансовым услугам.

Система цифрового рубля разрабатывается с применением современных криптографических алгоритмов и технологий защиты данных, что гарантирует высокий уровень информационной безопасности и защищает личные данные граждан и коммерческую тайну предприятий [5, с. 28]. Отсутствие наличных средств и полная прозрачность движения средств упрощают налоговый учет и снижают административные затраты на налогообложение, повышая общий сбор налоговых поступлений и сокращая число случаев уклонения от уплаты налогов.

Цифровой рубль поможет среднему бизнесу навести порядок в финансах, так как позволит настроить платежи по заданным условиям. В то время, как глава «Сбербанка» Г. О. Греф заявил, что цифровой рубль не особо нужен [6]. Он допустил использование цифрового рубля в трансграничных расчётах, но не видит перспектив для новой формы национальной валюты внутри государства.

Создание собственной цифровой валюты стимулирует технологическое развитие внутри государства, формирует кадровый потенциал и укрепляет конкурентоспособность отечественных разработчиков и ИТ-компаний, что также служит укреплению национальной безопасности. Платформа цифрового рубля развивается, расширяя свои функциональные возможности как для физических и юридических лиц,

так и для государства. В частности, запланировано развитие платежей по инициативе торговых точек, расширение категорий пользователей (поддержка индивидуальных предпринимателей), реализация платежей по реестрам — массовые и регулярные операции (например, выплата заработной платы), реализация оплаты по выставленному получателем счету и многое другое.

Запланировано развитие смарт-контрактов на платформе цифрового рубля: их использование открывает новые возможности для граждан, бизнеса и государства. Они могут стать основой для цифровизации экономики, где рутинные операции выполняются автономно, с минимальными издержками.

Банк России и Министерство финансов РФ совместно работают над реализацией задачи по использованию цифрового рубля в бюджетном процессе. Федеральное казначейство сможет представлять в Банк России распоряжения о переводе цифровых рублей со счета, открытого ему на платформе цифрового рубля.

Согласно планам Министерства финансов РФ, с 1 января 2026 года новая форма национальной валюты уже должна использоваться при перечислении поступлений в государственный бюджеты и переводе средств федеральным бюджетным и автономным учреждениям. Но в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2025 года № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было принято решение запуска цифрового рубля лишь с 1 сентября 2026 года. Центральный Банк России определяет следующее положение о цифровом рубле: «Цифровой рубль создается для того, чтобы стать еще одним средством для платежей и переводов, которое не будет зависеть от ограничений банков в виде комиссий и лимитов. Цифровой рубль позволит гражданам свободно расплачиваться и переводить цифровые рубли в пределах остатков средств на счете цифрового рубля. Операции для граждан будут бесплатными, а для бизнеса — с минимальной комиссией. Цифровые рубли эквивалентны наличным и безналичным: 1 рубль = 1 безналичный рубль = 1 цифровой рубль» [7].

С запуском цифрового рубля Россия станет одной из первых стран, у которых есть весь комплекс компонентов платежной инфраструктуры: Национальная система платежных карт, Система быстрых платежей, Система передачи финансовых сообщений и цифровая национальная валюта. В перспективе платформа цифрового рубля может стать не только централизованной платформой для платежей и переводов,

но и основой для внедрения инноваций во многих отраслях экономики и обеспечения национального финансового суверенитета.

Таким образом, выпуск цифрового рубля станет важной частью стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Его внедрение создаст благоприятные условия для стабильного развития экономики, повысит уровень доверия граждан к государственным институтам и снизит вероятность наступления негативных последствий экономических санкций.

Список литературы:

1. Королев П. А. «О дивный новый «1984»: режимные аспекты цифровой (анти)утопии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 3. С. 204 – 218.

2. Оглоблина Е. В., Макарова В. В. Цифровые валюты центральных банков: международный опыт и риски развития // Теория и практика общественного развития. 2025. № 10. С. 170 – 181.

3. Болотов С., Бакина А. Все ответы о цифровом рубле [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/press/event/?id=14713 (дата обращения: 19.02.2026).

4. Исхаков И. Р. «Место цифровой валюты центрального банка в видовом составе денег» // Финансы и управление. 2025. № 1. С. 1 – 15.

5. Гимельштейн Е. А., Годван Д. Ф. Цифровые валюты центральных банков: преимущества и риски // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 2 (19). С. 27 – 28.

6. Греф заявил, что не видит смысла в цифровом рубле [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7854448 (дата обращения: 19.02.2026).

7. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/faq/dr/ (дата обращения: 19.02.2026).

© Криволапова Е. Д., 2026

EDN: UYZIRB

Крон Павел Александрович
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
kron028@mail.ru

Научный руководитель:
Грачев Александр Владимирович
начальник кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
grachevalexunder@rambler.ru

ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА: ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ МАСШТАБОВ

Аннотация. Сопоставлены оценки масштабов теневой экономики России по данным Росстата, МВФ и «World Economics» за 2009 – 2025 гг. Проанализирована динамика объемов обналичивания денежных средств. Новизна исследования заключается в оценке взаимосвязи данных показателей, позволившей установить отсутствие пропорционального снижения теневого сектора при сокращении обналичивания денежных средств, что свидетельствует об утрате репрезентативности данного индикатора.
Ключевые слова: теневая экономика, обналичивание денежных средств, масштабы теневой экономики, корреляционный анализ, Росстат, Международный валютный фонд, «World Economics».

Теневая экономика продолжает представлять значительный научный и практический интерес, поскольку оказывает прямое влияние на устойчивость и развитие экономики государства. Особую

актуальность указанная сфера приобретает в условиях усиливающегося государственного курса на сокращение «серого» сектора. Так, в 2026 году, как отметил министр финансов Российской Федерации Силуанов А. Г. на расширенном заседании коллегии ФНС в ноябре 2025 года [1], одной из ключевых задач экономической политики станет снижение масштабов теневой деятельности, включая «обеление» майнинга и сокращение доли наличных денежных средств в обороте. В данном контексте сектор обналичивания денежных средств («обнал») выступает одним из системообразующих элементов инфраструктуры теневой экономики, обеспечивая трансформацию безналичных потоков в наличные и маскировку нелегальных доходов.

В научном сообществе используется широкий спектр подходов к оценке масштабов теневой экономики, основанных как на прямых статистических наблюдениях, так и на косвенных расчетных моделях. В Российской Федерации соответствующие оценки ранее публиковали Росфинмониторинг и Росстат до 2018 г. и 2023 г. соответственно, что объективно ограничивает исследование данной области. В этой связи особое значение приобретают регулярные международные оценки. Так, например, данные оценки публикует международная аналитическая компания «World Economics» [2] на основе методики расчета объемов теневой экономики Международного валютного фонда. В таблице 1 представлены данные Росстата, Международного валютного фонда и «World Economics» по масштабам теневой экономики России.

Таблица 1. Динамика масштабов теневой экономики по данным Росстата, Международного валютного фонда и «World Economics»

Год	ВВП		Теневая экономика					
	в текущих ценах, млрд руб.	в млрд руб. в ценах 2026 г.	По данным Росстата			По данным Международного валютного фонда и «World Economics»		
			% к ВВП	в млрд руб. в текущих ценах	в млрд руб. в ценах 2026 г.	% к ВВП	в млрд руб. в текущих ценах	в млрд руб. в ценах 2026 г.
2009	38807,2	145274,8	19,9	7722,6	28905,9	36,8	14281,0	53445,6
2010	46308,5	151800,3	16,0	7409,4	24292,4	33,7	15606,0	51150,4
2011	60282,5	170498,2	15,1	9102,7	25744,2	32,0	19290,4	54565,0
2012	68163,9	177033,3	15,0	10224,6	26554,6	31,9	21744,3	56467,3

Год	ВВП		Теневая экономика					
	в текущих ценах, млрд руб.	в млрд руб. в ценах 2026 г.	По данным Росстата			По данным Международного валютного фонда и «World Economics»		
			% к ВВП	в млрд руб. в текущих ценах	в млрд руб. в ценах 2026 г.	% к ВВП	в млрд руб. в текущих ценах	в млрд руб. в ценах 2026 г.
2013	73133,9	180381,1	16,5	12067,1	29761,4	32,2	23549,1	58069,7
2014	79199,7	181713,5	13,8	10929,6	25075,6	31,0	24551,9	56341,4
2015	83387,2	178471,3	13,2	11007,1	23557,3	33,7	28101,5	60142,8
2016	86010,2	179071,2	13,2	11353,4	23637,7	38,4	33027,9	68757,5
2017	92089,3	182077,6	12,6	11603,3	22946,9	39,3	36191,1	71571,3
2018	103626,6	186262,8	12,7	13160,6	23653,8	39,3	40725,3	73195,9
2019	109241,5	190082,5	11,6	12672	22049,5	38,4	41948,7	73992,0
2020	107658,1	185656,4	12,0	12596	21725,8	39,4	42417,3	73151,7
2021	135295,0	197391,1	17,1	14070,7	20524,1	39,0	52765,0	76997,4
2022	155189,9	191554,2	14,0	17691,7	21836,7	38,5	59748,1	73741,7
2023	172148,3	199143,7	–	–	–	38,2	65760,7	76086,3
2024	200039,5	209041,3	–	–	–	26,0	52010,3	54350,8
2025	213515,0	213515,0	–	–	–	25,2	53805,0	53805,0

По данным Росстата с 2009 по 2022 гг. удельный вес теневого сектора колебался в диапазоне 11,6 – 19,9 % ВВП. В номинальном выражении объем увеличился с 7,7 трлн руб. в 2009 г. до 17,7 трлн руб. в 2022 г., однако в сопоставимых ценах 2026 г. динамика выглядит менее выраженной: после пиковых значений 2012 – 2013 гг. (около 26 – 29 трлн руб.) наблюдается стабилизация на уровне 21 – 23 трлн руб. в 2017 – 2022 гг. Это свидетельствует о том, что значительная часть номинального прироста обусловлена инфляционным фактором, тогда как реальный масштаб теневой экономики в рамках официальной статистики демонстрирует относительную устойчивость.

Иная картина формируется при использовании оценок «World Economics». В 2009 – 2023 гг. доля теневой экономики стабильно превышает 30 % ВВП, достигая 39,4 % в 2020 г., а абсолютный объем в ценах 2026 г. варьируется в диапазоне 53 – 77 трлн руб., что в 2,5 – 3 раза выше соответствующих расчетов Росстата. В 2024 – 2025 гг. фиксируется заметное снижение относительного показателя до 25 – 26 % ВВП, что сопровождается сокращением реального объема до 53 – 54 трлн руб.

Выявленные расхождения в оценках масштабов теневой экономики обусловлены, в том числе, применением различных методологических подходов: Росстат [3] использует преимущественно косвенные статистические данные, балансовые методы и экспертные корректировки, тогда как оценки Международного валютного фонда [4] первоначально основывались на монетаристском подходе, а впоследствии были дополнены моделью MIMIC, рассматривающей теневую экономику как латентную переменную, формируемую совокупностью детерминант и их взаимосвязей.

Отдельного внимания заслуживают подозрительные (сомнительные) операции и сфера обналичивания денежных средств. Указанная сфера является одной из наиболее криминализованных зон теневой экономики ввиду ее прямой связи с легализацией преступных доходов, уклонением от налогообложения и незаконной банковской деятельностью [5]. Устойчивое функционирование «обнальных» площадок обеспечивается использованием фиктивных организаций, номинальных директоров и транзитных счетов, что формирует разветвленные сети с высоким уровнем латентности.

Согласно данным Банка России [6], в 2015 – 2025 гг. наблюдается тенденция к сокращению объёмов обналичивания денежных средств — с 600 млрд руб. в 2015 г. до 44 млрд руб. в 2024 г. (за первое полугодие 2025 г. обналичивание средств составляет 15,9 млрд руб.). В то же время объёмы подозрительных (сомнительных) операций в 2019 – 2024 гг. также сохраняют аналогичную тенденцию. Несмотря на общее снижение объемов обналичивания и подозрительных операций, их значения в последние годы остаются сопоставимыми и по-прежнему характеризуются значительными абсолютными объемами. Указанная динамика наглядно отражена в таблице 2.

Таблица 2. Объемы сомнительных операций, обналичивания денежных средств в России в 2015 – 2025 гг.

Показатель	Объемы сомнительных операций, млрд руб.	Объемы обналичивания денежных средств, млрд руб.
2015	-	600,0
2016	-	521,0
2017	-	326,0
2018	-	176,0
2019	177	96,0
2020	131	78,0

Показатель	Объемы сомнительных операций, млрд руб.	Объемы обналичивания денежных средств, млрд руб.
2021	105	62,0
2022	100	64,0
2023	110	59,5
2024	90	44,0
Первое полугодие 2025	32	15,9

На рисунке 1 представлен график динамики объемов подозрительных (сомнительных) операций, обналичивания денежных средств, масштабов теневой экономики в России по данным Росстата и «World Economics».

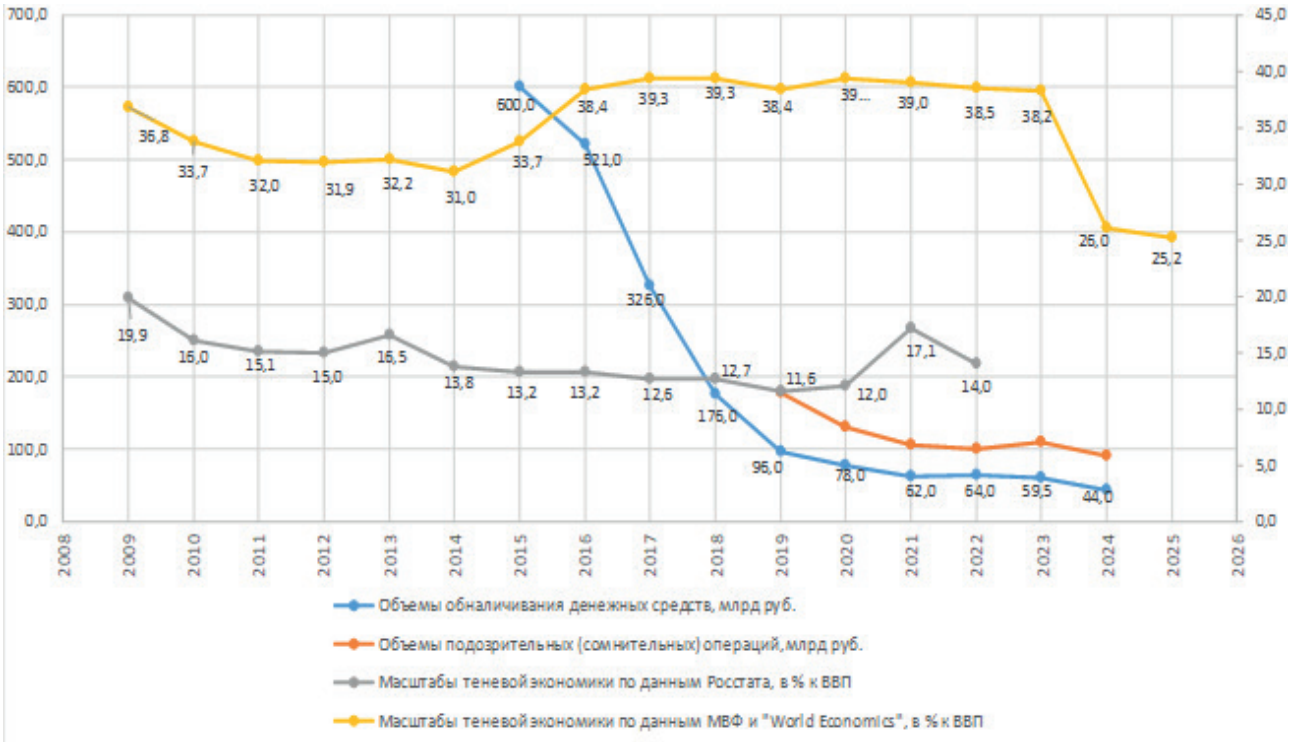

Рисунок 1. Динамики объемов подозрительных (сомнительных) операций, обналичивания денежных средств, масштабов теневой экономики в России по данным Росстата и «World Economics» за 2009 – 2025 гг.

Обратимся к корреляционному анализу с целью оценки взаимосвязи между динамикой объемов обналичивания денежных средств и масштабами теневой экономики по данным Росстата и по данным МВФ с «World Economics». Исходные данные сформированы за период 2015 – 2024 гг. В качестве результирующих переменных выступают два показателя: масштабы теневой экономики по методологии Росстата (Y1) и по оценкам МВФ и «World Economics» (Y2). Факторный признак — объемы обналичивания денежных средств (X), t — период, год.

Учитывая различную длину доступных рядов данных, анализ выполнен для двух временных интервалов. Для пары переменных «объем обналичивания денежных средств — масштабы теневой экономики по данным Росстата» (X, Y1) интервал ограничен 2015 – 2022 гг. Для пары «объем обналичивания денежных средств — теневая экономика по данным МВФ и «World Economics» (X, Y2) анализируемые периоды 2015 – 2022 гг. и 2015 – 2024 гг.

Для количественной оценки взаимосвязи между признаками, представленными выше, нами были рассчитаны парные линейные коэффициенты Пирсона, парные линейные коэффициенты корреляции с временным лагом в один год. Нами также был произведен расчет коэффициентов корреляции логарифмированных значений переменных, что обусловлено необходимостью нивелировать влияние различий в единицах измерения исследуемых показателей. Полученные результаты обобщены в таблице 3.

Таблица 3. Сводные результаты корреляционного анализа

Показатель	Период анализа	Коэффициент корреляции, r
Парные линейные коэффициенты Пирсона		
X и Y1	2015 – 2022	-0,166
X и Y2	2015 – 2022	-0,683
X и Y2	2015 – 2024	-0,001
Парные коэффициенты Пирсона с временным лагом (t-1)		
X (t-1) и Y1 (t)	2015 – 2022	-0,299
X (t-1) и Y2 (t)	2015 – 2022	-0,03
X (t-1) и Y2 (t)	2015 – 2024	0,298
Коэффициенты корреляции логарифмированных значений переменных		
ln X и ln Y1	2015 – 2022	-0,257
ln X и ln Y2	2015 – 2022	-0,553
ln X и ln Y2	2015 – 2024	0,203

По результатам проведенного корреляционного анализа отметим следующее:

1. Принципиальное расхождение в чувствительности официальных и международных методик к динамике денежного обращения. На временном интервале 2015 – 2022 гг. корреляция объемов обналичивания с данными Росстата практически отсутствует (r = –0,166), тогда как с оценками МВФ и «World Economics» фиксируется устойчивая отрицательная связь средней силы (r = –0,683). Данный факт подтверждает, что методика Росстата, основанная на балансовых расхождениях,

инерционна и слабо реагирует на изменения в структуре денежных потоков, в то время как монетаристский подход МВФ улавливает даже относительно небольшие колебания в объемах наличного обращения.

2. Сокращение объемов обналичивания денежных средств (с 600 млрд руб. в 2015 г. до 44 млрд руб. в 2024 г.) не привело к пропорциональному сжатию теневой экономики. Напротив, до 2023 года наблюдалась обратная зависимость: чем меньше становилось обналичивание, тем выше (или стабильнее) оставались оценки теневой экономики по данным МВФ. Это означает, что высвобождающийся теневой финансовый поток не исчезал, а перераспределялся в иные, ненаблюдаемые формы — например, в криптовалюты, P2P-переводы и трансграничные расчеты, которые не улавливаются статистикой движения наличности, но продолжают питать теневой сектор.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что масштабы теневой экономики в России существенно различаются в зависимости от применяемой методики оценки. Обналичивание денежных средств и значительные объёмы подозрительных операций, несмотря на их сокращение, продолжают оставаться устойчивым элементом теневой деятельности. Выявлено, что несмотря на сокращение объемов обналичивания денежных средств, пропорционального сжатия теневого сектора не произошло. Результаты корреляционного анализа указывают, что показатель обналичивания денежных средств утрачивает свою репрезентативность как индикатор масштабов теневой экономики.

Список литературы:

1. Интернет-портал «РБК Новости» [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/economics/20/11/2025/691f18799a79476dd7f9abb2 (дата обращения: 20.02.2026).

2. Интернет-портал аналитической компании «World Economics» [Электронный ресурс] // URL: https://www.worldeconomics.com/Informal-Economy/ (дата обращения: 21.02.2026).

3. Интернет-портал Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/13386 (дата обращения: 23.02.2026).

4. Интернет-портал аналитической компании «World Economics» [Электронный ресурс] // URL: https://www.worldeconomics.com/Concepts/InformalEconomy/ (дата обращения: 23.02.2026).

5. Марсаков И. С. Оперативно-розыскное противодействие обнальным площадкам XXI века // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 2 (60).

6. Интернет-портал Банка России [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_1/ (дата обращения: 25.02.2026).

© Крон П. А., 2026

EDN: TWYCFV

Кузнецов Руслан Николаевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
Kuzrus2310@gmail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются цели и функции юридических технологий применительно к сфере обеспечения экономической безопасности. На основе анализа теоретических подходов и положений Стратегии экономической безопасности Российской Федерации классифицируются стратегические и тактические цели, а также регулятивная, организационная, прогностическая, охранительная и иные функции юридических технологий. Особое внимание уделяется роли органов внутренних дел и вопросам информационной безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, юридические технологии, механизм правового регулирования, цели юридических технологий, функции юридических технологий, органы внутренних дел, информационная безопасность.

В современной юридической науке категория «юридическая технология» прочно вошла в понятийный аппарат, однако ее содержательное наполнение применительно к конкретным сферам правового регулирования остается предметом дискуссий. Вопрос о том, для чего нужны юридические технологии, какие цели они преследуют и какие функции выполняют в механизме обеспечения экономической безопасности, освещен фрагментарно. Между тем Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] определяет совершенствование правового регулирования в экономической сфере, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и развитие системы информационной безопасности как ключевые направления государственной политики. Юридические технологии становятся не просто дополнительным элементом этого механизма, но во многом изменяют саму логику его функционирования, особенно в условиях цифровой трансформации. Как справедливо отмечается в литературе, правовая технология может быть рассмотрена как целенаправленная деятельность, осуществляемая с помощью правовых средств, направленная на изменение правовой действительности [2]. Механизм правового регулирования, понимаемый классически как система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений [3], испытывает сегодня серьезную трансформацию под влиянием цифровизации и задач защиты экономических интересов. Цель настоящей статьи — выявить целевое назначение юридических технологий в сфере экономической безопасности, классифицировать их функции и определить место в современном механизме защиты экономических интересов личности, общества и государства.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволивший рассмотреть цели и функции юридических технологий в их развитии и взаимосвязи с общими закономерностями эволюции правовой системы и экономики. Формально-юридический метод применен при анализе нормативных правовых актов, закрепляющих отдельные юридические технологии в сфере экономической безопасности (антикоррупционная экспертиза, финансовый мониторинг, налоговый контроль). Системно-структурный метод обеспечил выявление места юридических технологий в механизме обеспечения экономической безопасности. Особое значение имел функциональный метод, позволивший классифицировать функции юридических технологий по различным основаниям. Как отмечает И. Н. Сенин, правовое

регулирование общественных отношений необходимо рассматривать не только как статическое явление, но и как динамический процесс, показывающий поэтапное движение от одного элемента к другому в их взаимодействии [4]. Метод правового моделирования использован для экстраполяции общих закономерностей управления сложными системами на сферу экономической безопасности [5]. Теоретическую базу составили труды отечественных специалистов в области теории государства и права, юридической техники, информационного права и экономической безопасности.

Цели юридических технологий в механизме обеспечения экономической безопасности могут быть классифицированы по нескольким основаниям. По степени общности выделяются стратегические и тактические цели. Стратегическая цель юридических технологий едина для всего механизма обеспечения экономической безопасности — создание условий для защищенности экономических интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Однако юридические технологии имеют и собственную стратегическую цель — оптимизацию самого процесса правового регулирования в экономической сфере, повышение его эффективности, экономичность и результативность. Как обосновывается в литературе, нормы права сами по себе не могут обеспечивать перевод общих предписаний на уровень конкретных отношений — реальным регулятором выступает специальный механизм правореализации [6]. Тактические цели юридических технологий более конкретны и разнообразны: обеспечение прозрачности процедур расходования бюджетных средств, минимизация коррупционных рисков при проведении закупок, сокращение сроков расследования экономических преступлений, повышение доступности механизмов защиты прав предпринимателей.

По сферам реализации можно выделить цели правотворческих, правоприменительных, интерпретационных и правореализационных технологий в экономической сфере. Правотворческие технологии нацелены на создание качественного нормативного материала, регулирующего экономические отношения, лишенного пробелов, коллизий и коррупциогенных факторов (например, технология оценки регулирующего воздействия). Правоприменительные технологии ориентированы на правильное и своевременное разрешение конкретных дел об экономических правонарушениях, в том числе с использованием автоматизированных систем анализа финансовой информации. Интерпретационные технологии

служат цели уяснения и разъяснения смысла правовых норм, регулирующих хозяйственную деятельность. Правореализационные технологии направлены на обеспечение добровольного и беспрепятственного осуществления субъективных прав и юридических обязанностей участниками экономической деятельности (например, технологии электронного декларирования). Т. В. Кашанина, анализируя юридическую технику в сфере частного права, подчеркивает значение технологического подхода для повышения эффективности правового регулирования [7].

Особого внимания заслуживает цель обеспечения информационной безопасности в процессе правового регулирования экономических отношений. А. А. Нечай, исследуя формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности, обоснованно указывает, что современное правовое регулирование невозможно без учета угроз информационного характера, а значит, юридические технологии должны включать механизмы защиты от таких угроз [8]. В монографическом исследовании А. А. Нечай подчеркивает, что информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом любой юридически значимой деятельности, включая защиту экономических интересов, и эта компонента должна быть интегрирована в технологические процедуры на всех стадиях [9]. Более того, разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности [10] имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных юридических технологий противодействия экономическим угрозам в цифровой среде.

Функции юридических технологий в механизме обеспечения экономической безопасности многообразны. Регулятивная функция заключается в том, что сами юридические технологии упорядочивают процесс правового регулирования экономики, вносят в него элементы стандартизации и алгоритмизации (например, регламенты проведения налоговых проверок). Организационная функция проявляется в том, что юридические технологии обеспечивают взаимодействие различных субъектов обеспечения экономической безопасности (органов внутренних дел, ФНС, Росфинмониторинга), распределяют между ними роли и ответственность, устанавливают временные и пространственные рамки осуществления юридически значимых действий. Прогностическая функция юридических технологий приобретает особое значение в условиях динамично меняющейся экономической ситуации и санкционного давления. М. И. Грачев и В. Г. Бурлов, разрабатывая математическую модель для принятия решений по противодействию киберугрозам, доказывают

возможность создания формализованных алгоритмов, позволяющих прогнозировать результаты и минимизировать риски [11]. Применительно к экономической безопасности это означает, что юридические технологии способны предсказывать последствия принятия нормативных актов, эффективность правоприменительных действий, вероятность наступления таких угроз, как уклонение от уплаты налогов, легализация доходов, недобросовестная конкуренция.

Коммуникативная функция обеспечивает связь между различными элементами механизма обеспечения экономической безопасности. Юридические технологии выступают своего рода интерфейсом, через который взаимодействуют нормы права и реальные экономические отношения, законодатель и правоприменитель (в лице следователя или оперуполномоченного), государство и предпринимательское сообщество. В условиях цифровой трансформации эта функция усиливается: современные информационные технологии способны оптимизировать взаимодействие участников сложных экономических систем [12]. Охранительная функция юридических технологий связана с минимизацией рисков, сопровождающих экономическую деятельность: ошибок, злоупотреблений, коррупционных проявлений, нарушений прав хозяйствующих субъектов. Адаптационная функция позволяет механизму обеспечения экономической безопасности гибко реагировать на изменения экономической конъюнктуры, появление новых видов угроз (например, криптовалютных преступлений). Образовательная функция юридических технологий заключается в трансляции профессионального опыта сотрудников подразделений экономической безопасности, формировании стандартов деятельности, образцов поведения в типовых ситуациях выявления экономических правонарушений.

Соотношение целей и функций юридических технологий в механизме обеспечения экономической безопасности может быть представлено следующим образом. Цели определяют желаемое состояние защищенности экономических интересов, то, к чему следует стремиться. Функции — это реальное воздействие, которое юридические технологии оказывают на экономико-правовую действительность. В идеале функции должны соответствовать целям, однако на практике возможны расхождения: технология может не достигать поставленных целей либо, напротив, давать незапланированные позитивные эффекты.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цели и функции юридических технологий в сфере экономической безопасности

не являются раз и навсегда заданными; они эволюционируют вместе с развитием экономики и общества. Если на ранних этапах становления юридических технологий доминировали цели унификации и стандартизации контрольно-надзорной деятельности, то сегодня на первый план выходят цели обеспечения гибкости, адаптивности, предупреждения новых видов экономических угроз. Дискуссионным остается вопрос о том, не подменяют ли юридические технологии собственно правовое регулирование экономики. Представляется, что опасения такого рода преувеличены. Юридические технологии — это инструмент, а не замена права. Они могут сделать защиту экономической безопасности более эффективной, оперативной, прозрачной, но не отменяют необходимости в нормативном опосредовании экономических отношений. Напротив, развитие технологий требует адекватного правового реагирования, создания нормативной базы для их внедрения и использования.

Особого обсуждения требует вопрос о границах применимости юридических технологий в экономической сфере. Не все области в равной степени поддаются технологизации. Там, где требуется индивидуальная оценка добросовестности налогоплательщика, учет уникальных обстоятельств совершения экономического преступления, разрешение конфликта интересов, роль технологий должна быть ограничена. Технология — средство, а не цель; она должна служить человеку и обществу, а не подчинять их себе. Этот принцип приобретает особую значимость в условиях цифровой трансформации, когда алгоритмы начинают вторгаться в сферы, традиционно считавшиеся прерогативой человеческого усмотрения. Исследователи подчеркивают значение человеческого фактора в принятии решений в условиях неопределенности [13].

Юридические технологии в механизме обеспечения экономической безопасности выполняют широкий спектр функций: регулятивную, организационную, прогностическую, коммуникативную, охранительную, адаптационную и образовательную. Их целевое назначение определяется потребностями оптимизации защиты экономических интересов, повышения ее эффективности и качества. Цели юридических технологий могут быть классифицированы по степени общности (стратегические и тактические) и по сферам реализации (правотворческие, правоприменительные, интерпретационные, правореализационные). Важнейшей тенденцией современного этапа выступает цифровая трансформация юридических технологий, расширяющая их функциональные возможности и одновременно порождающая новые риски, что требует особого внимания

к вопросам информационной безопасности и подготовки кадров для органов внутренних дел. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в систематизации целей и функций юридических технологий применительно к экономической безопасности. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов в законотворческой деятельности при разработке и совершенствовании процедурных норм, а также в образовательном процессе при подготовке специалистов для подразделений экономической безопасности.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Березина Е. А. Правовая технология как научное направление в отечественной юриспруденции // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 16 – 26.

3. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Норма, 2008. 576 с.

4. Сенин И. Н. О соотношении категорий «механизм правового регулирования» и «юридическая техника» // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 17 – 21.

5. Грачев М. И., Бурлов В. Г. Математическая модель для принятия решений по противодействию киберугрозам в производстве // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2022. № 4(188). С. 22 – 27.

6. Сырых В. М. О регуляторах в правовом регулировании // IP: теория и практика. 2025. № 4. С. 8 – 17.

7. Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права. М.: Норма, 2022. 496 с.

8. Нечай А. А. Формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих учителей информатики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. С. 114 – 124.

9. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

10. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские

чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

11. Грачев М. И., Бурлов В. Г. Математическая модель для принятия решений по противодействию киберугрозам в производстве // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2022. № 4(188). С. 22 – 27.

12. Burlov V., Uzun O., Faustov S. et al. Web-based power management and use model // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2021. Vol. 1258. P. 629 – 641.

13. Бурлов В. Г., Грачев М. И. Аналитическо-динамическая модель управленческого решения в социально-экономических системах на примере руководителя учебного заведения высшего образования // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2019. Т. 13. № 10. С. 27 – 34.

© Кузнецов Р. Н., 2026

EDN: VXTQGB

Кузнецова Анастасия Дмитриевна
студент
Сибирский государственный университет путей сообщения
Новосибирск, Россия
Kuznecowa05@mail.ru

Научный руководитель:
Оселедец Виктория Михайловна
доцент кафедры финансы и кредит
Сибирский государственный университет путей сообщения
Новосибирск, Россия
кандидат экономических наук
victoria.o@rambler.ru

РОЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. На сегодняшний день роль банковского сектора в обеспечении экономической безопасности любого государства крайне важна, это обусловлено процессами глобализации, финансовыми кризисами и инновациями в финансовой сфере. В условиях 2026 года, характеризующихся продолжением геополитической трансформации и внутренней бюджетной консолидацией, данная роль приобретает новые аспекты. В статье рассматривается сущность банковской системы и экономической безопасности с учетом изменений в нормативно-правовом обеспечении. Проведен анализ эффективности деятельности банковского сектора России и дана оценка финансовой безопасности РФ на актуальных данных. Выявлена и обоснована взаимосвязь банковской и экономической систем в новых реалиях.

Ключевые слова: банковский сектор, экономическая безопасность, ключевая ставка, финансовая система, нормативное регулирование, 2026 год.

Банковская система, как неотъемлемая часть финансовой системы государства, продолжает играть ключевую роль в обеспечении финансовой и, как следствие, экономической безопасности. В 2026 году ее функционирование происходит в качественно новых условиях, заданных как внешними вызовами, так и внутренней трансформацией регулирования. Помимо традиционных рисков, на первый план выходят задачи, связанные с цифровизацией финансовых услуг, противодействием сложным схемам мошенничества и адаптацией к изменениям в бюджетно-налоговой политике государства.

Правовая среда, в которой функционирует банковский сектор РФ претерпевает существенные изменения, направленные на укрепление финансовой стабильности и защиту интересов граждан и бизнеса. Это проявляется в усилении контроля за платежными операциями: С 1 января 2026 года вступил в силу Приказ Банка России № ОД-2506, который значительно расширил перечень признаков операций, совершаемых без добровольного согласия клиента (подозрительных операций). Количество критериев увеличилось с 6 до 12, что привело к автоматизации проверки практически всех переводов физических лиц. Новые признаки включают анализ нехарактерных телефонных переговоров перед операцией, смену номера телефона, изменение параметров устройства, а также выявление цепочек переводов через Систему быстрых платежей (СБП), которые могут быть использованы мошенниками. Данные меры, с одной стороны, уже привели к значительному росту объема предотвращенных операций (3,51 трлн рублей в III квартале 2025 года), а с другой — повысили ответственность банков за пропущенные мошеннические схемы, заставляя их действовать более жестко [1].

Происходят существенные изменения в налоговом законодательстве: С 1 января 2026 года базовая ставка налога на добавленную стоимость (НДС) увеличена с 20 % до 22 %. Одновременно были скорректированы условия применения специальных налоговых режимов (УСН, ПСН), что направлено на увеличение не нефтегазовых доходов бюджета в условиях его консолидации. Эти изменения оказывают прямое влияние на корпоративных клиентов банков, увеличивая их фискальную нагрузку и потенциально влияя на кредитоспособность.

С формированием бюджет на 2026 – 2028 годы. Прогнозируемый дефицит на 2026 год составляет 1,6 % ВВП (около 3,8 трлн рублей). Основные расходы сфокусированы на социальной политике и оборонных

статьях, что формирует определенный макроэкономический фон для денежно-кредитной политики Банка России [2].

Важным в денежно-кредитной политике является то, что ключевая ставка Банка России сохраняется на высоком уровне, что является ответом на сохраняющиеся про инфляционные риски, включая эффект от повышения НДС [3]. На рисунке 1 представлена динамика изменений ключевой ставки РФ за 2020 – 2026 гг. Высокая ключевая ставка продолжает сдерживать рост потребительского и корпоративного кредитования, выполняя функцию основного инструмента таргетирования инфляции [4].

Сохраняются риски для реального сектора. В связи с этим сохраняются жесткие кредитные условий создает для капиталоемких отраслей (металлургия, строительство, автопром). Отмечается рост доли проблемных долгов, в первую очередь в сегменте малого и среднего бизнеса, что повышает риски для банковских портфелей. Возможен рост реструктуризации и точечных банкротств среди компаний с высокой долговой нагрузкой [4].

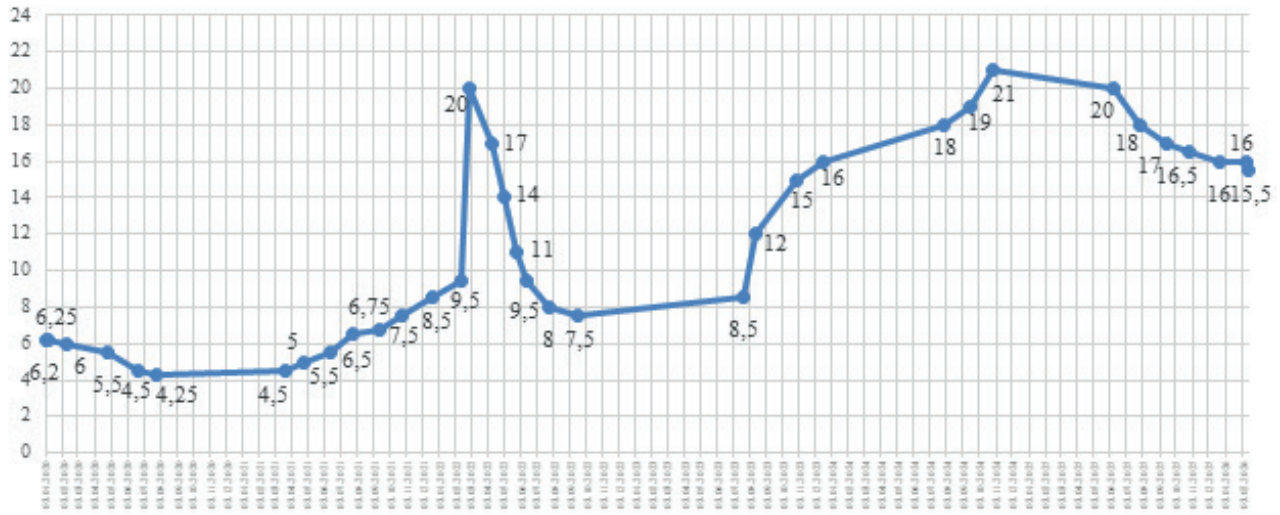

Рисунок 1. Динамика ключевой ставки РФ за 2020 – 2026 гг.

Наблюдается фокус на экономическую безопасность бизнеса: в условиях сакционного давления и цифровой трансформации криминальных схем тема экономической безопасности бизнеса выходит на первый план. Актуальными становятся вопросы контрагентов в новых реалиях, противодействие кибермошенничеству и защита данных, что подтверждается проведением специализированных форумов, посвященных этой проблематике.

Обновленное законодательство и текущая макроэкономическая ситуация 2026 года формируют новое качество взаимосвязи между банковским сектором и экономической безопасностью.

Банковская система как «цифровой щит»: Новые правила Банка России по блокировке подозрительных операций трансформируют банковский сектор в активный инструмент защиты финансов граждан от киберпреступлений. Это напрямую укрепляет социальную составляющую экономической безопасности, минимизируя потери населения.

Баланс между стабильностью и доступностью: ужесточение контроля над операциями, хотя и необходимо, создает операционные сложности для добросовестных клиентов и бизнеса. Задача регулятора и банков на 2026 – 2027 годы — найти оптимальный баланс между надежностью системы и ее удобством, не допуская избыточного охлаждения деловой активности [1, 4].

Поддержка в условиях бюджетной консолидации: в контексте увеличения налоговой нагрузки и прогнозируемого замедления темпов роста ВВП до 1,3 % банковская система сталкивается с двойной задачей: сохранить собственную устойчивость в условиях потенциального роста кредитных рисков и продолжить выполнять функцию финансового посредника, обеспечивая экономику необходимыми ресурсами [2, 4].

Проведенный анализ показывает, что в 2026 году взаимосвязь между банковской системой и экономической безопасностью Российской Федерации стала более сложной и многогранной. Банковский сектор не только остается ключевым проводником кредитно-денежной политики и индикатором экономического здоровья, но и активно трансформируется в инструмент оперативного противодействия новым угрозам в цифровой сфере. Принятые законодательные изменения, направленные на усиление контроля за платежами и пополнение бюджета, с одной стороны, укрепляют защитные механизмы финансовой системы, а с другой — создают новые вызовы для экономического роста и доступности кредита [1, 2, 5].

Таким образом, эффективность обеспечения экономической безопасности в 2026 году в значительной степени зависит от способности банковской системы адаптироваться к ужесточенному регулированию, сохраняя при этом финансовую стабильность и поддерживая своей деятельностью реальный сектор экономики в условиях непростой макроэкономической конъюнктуры. Дальнейшее развитие этой взаимосвязи будет определяться успешностью калибровки мер регулирования и способностью банковского сектора к управлению рисками в новой реальности.

Список литературы:

1. Приказ Банка России от 5 ноября 2025 года № ОД-2506 «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 июня 2024 года № ОД-1027».

2. Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов».

3. Ключевая ставка Банка России [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 11.02.2026).

4. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики (ДКП) на 2026 год и период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2026_2028/ (дата обращения: 11.02.2026).

5. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/ (дата обращения: 11.02.2026).

© *Кузнецова А. Д., 2026*

EDN: VZDKGG

Курбанова Александра Ивановна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
sototodoroki359@gmail.com

Научный руководитель:
Соболева Владислава Олеговна
преподаватель кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vladislava_soboleva@vk.com

ИНФЛЯЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ЧТО РОССИИ СТОИТ ПЕРЕНЯТЬ ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И КАКОВА РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье рассматривается инфляция как один из факторов, способных подрывать экономическую безопасность личности, общества и государства. Анализируются сущность инфляции, ее основные виды, причины и последствия. Отдельное внимание уделяется роли органов внутренних дел в условиях инфляционного давления, поскольку именно в такие периоды возрастает риск теневых схем, картельных сговоров, злоупотреблений в сфере закупок и иных экономических правонарушений. Также рассматриваются традиционные методы антиинфляционной политики и отдельные элементы зарубежного опыта, представляющие практический интерес для системы обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: инфляция, экономическая безопасность, органы внутренних дел, антиинфляционная политика, теневая экономика.

Инфляция — это устойчивый рост цен, приводящий к обесцениванию денег. Экономическая безопасность означает защищенность экономики от угроз, стабильность валюты, развитие страны и приемлемый уровень жизни населения, поэтому инфляция напрямую ее подрывает.

Существует несколько видов инфляции (см. рисунок 1), от которых будут зависеть и меры противодействия [2]. Отрицательные последствия [3] инфляции (см. рисунок 2) включают не только снижение покупательной и производственной возможности населения и бизнеса, но и ведут к росту числа экономических правонарушений [1].

Инфляция не только снижает покупательную способность, но и создаёт условия для экономических правонарушений, что повышает нагрузку на правоохранительные органы. Хотя ключевые меры по её сдерживанию реализуют Центральный банк и правительство, ценовая нестабильность сопровождается ростом незаконной деятельности в экономике.

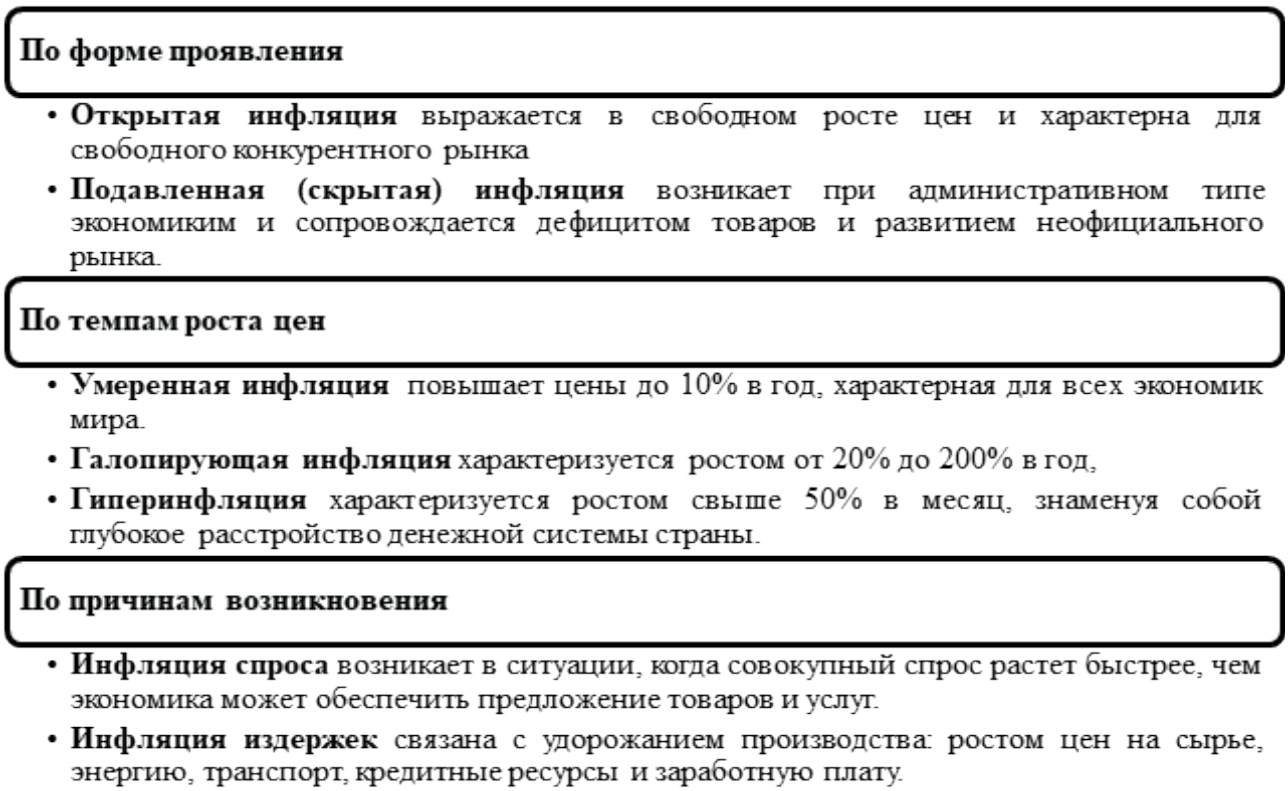

Рисунок 1. Классификация инфляции

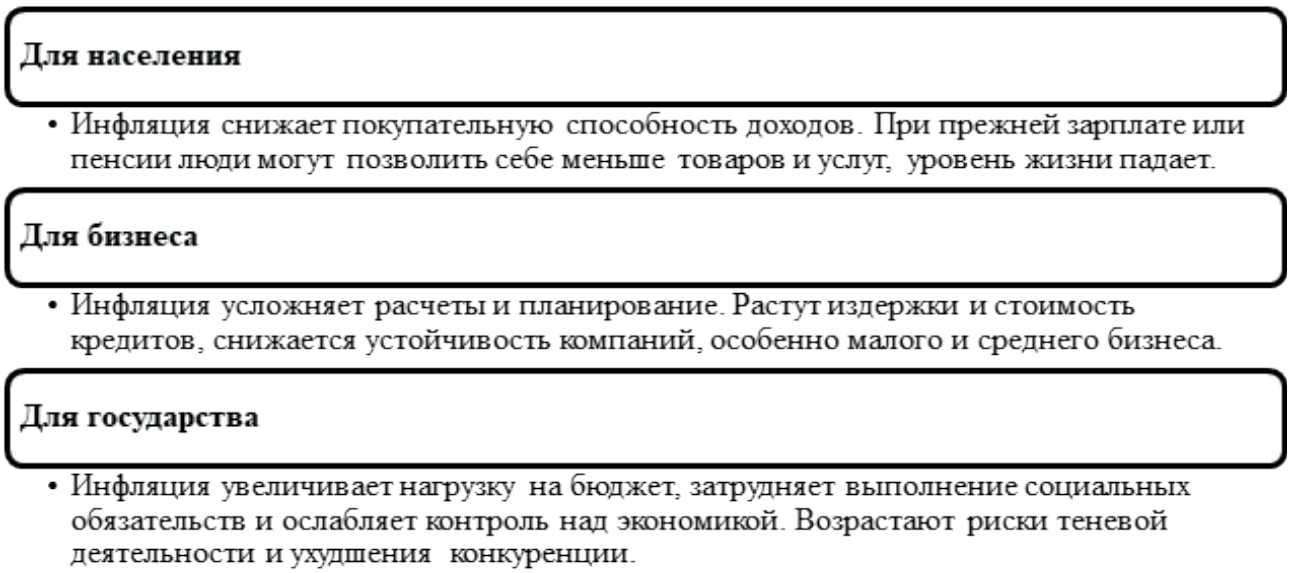

Рисунок 2. Последствия инфляции

Колебания цен затрудняют выявление злоупотреблений и способствуют развитию теневого сектора. Часть предпринимателей уходит от официального учета доходов, применяет неформальные расчёты и выводит средства за рубеж, что требует пресечения со стороны органов внутренних дел.

В периоды инфляции также активизируется финансовое мошенничество, включая пирамиды, нелегальное кредитование и псевдоинвестиционные проекты, ориентированные на граждан, стремящихся сохранить сбережения.

Дополнительные риски возникают при расходовании бюджетных средств [4], поскольку нестабильность цен облегчает завышение стоимости контрактов и иные злоупотребления. В таких случаях правоохранительные органы обеспечивают выявление и расследование преступлений во взаимодействии с контрольными структурами.

Таким образом, органы внутренних дел не влияют на причины инфляции, но ограничивают её криминальные последствия, защищая экономические интересы государства. Основные меры по сдерживанию инфляции (см. рисунок 3) реализуются Центральным банком и правительством с использованием инструментов макроэкономической политики, сохраняющих актуальность к 2026 году.

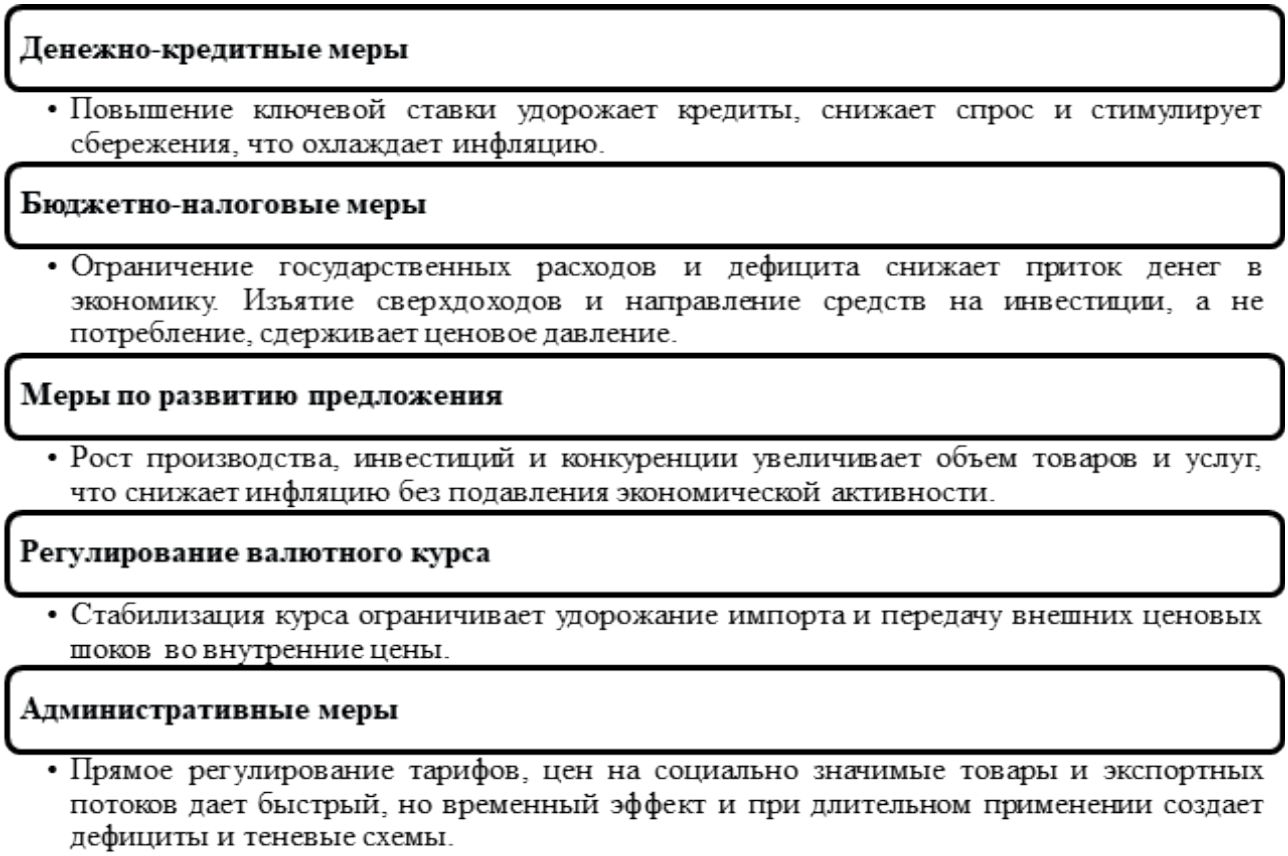

Рисунок 3. Методы борьбы с инфляцией

Эффективная антиинфляционная политика носит комплексный характер и не может ограничиваться отдельными мерами, такими как административные ограничения или повышение ключевой ставки. Необходимо сочетание инструментов денежно-кредитной политики, бюджетных решений, структурных реформ и мер по расширению предложения.

Практическая реализация таких подходов наглядно прослеживается в опыте различных государств:

1. В Израиле антиинфляционная политика основана на сочетании рыночных механизмов с контролем цен на социально значимые товары, при этом ключевое внимание уделяется развитию конкуренции и национального сельского хозяйства.

2. Германия в период энергетического кризиса сделала ставку на обеспечение энергобезопасности и поддержку промышленности через субсидии и компенсации населению, что позволило сдержать рост цен без существенного снижения производства.

3. В США наряду с жестким антимонопольным контролем реализуются масштабные государственные инвестиции в промышленность и «зеленую» энергетику, направленные на снижение структурных причин инфляции.

4. Турция, напротив, демонстрирует негативный пример длительного сохранения низкой ключевой ставки при высокой инфляции, что привело к резкому ослаблению национальной валюты и ускоренному росту цен.

5. Китай применяет модель административного контроля цен на ключевые ресурсы и субсидирования производителей, обеспечивая стабильность внутреннего рынка, однако такая политика в долгосрочной перспективе может приводить к структурным дисбалансам.

Сравнительный анализ показывает отсутствие универсальной модели противодействия инфляции. Государства используют различные комбинации мер в зависимости от структуры экономики и текущих вызовов, однако устойчивые результаты достигаются там, где сочетаются макроэкономическая стабилизация, поддержка производства и социальная защита населения.

Для России из этого следует необходимость комплексного подхода, исключающего опору на один инструмент. Эффективная политика предполагает согласованные действия Центрального банка, правительства и правоохранительных органов, направленные одновременно на ограничение инфляционных факторов, развитие предложения и обеспечение экономической правопорядка. Существенное значение имеет адресная поддержка наиболее уязвимых групп населения, поскольку без социальной составляющей антиинфляционные меры могут вызывать негативную общественную реакцию.

Таким образом, экономическая безопасность обеспечивается при условии согласованного функционирования всех элементов государственной политики. Зарубежный опыт подтверждает, что наибольшую устойчивость демонстрируют системы, в которых отсутствуют критические слабые звенья и меры реализуются в комплексе.

Список литературы:

1. Купрещенко Н. П. Инфляция как угроза обеспечения экономической безопасности России в современных условиях / Н. П. Купрещенко // Вестник экономической безопасности. — 2025. — № 4. — С. 161 – 165.

2. Понамаренко А. А. Инфляция: сущность, первопричины и виды / А. А. Понамаренко, Ю. Н. Короленко // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2021. — № 4-2. — С. 98 – 101.

3. Шумилина В. Е. Уровень инфляции как угроза экономической безопасности страны / В. Е. Шумилина, Ю. А. Усова // Проблемы экономики и экономической безопасности в Российской Федерации в условиях цифровизации. — Ростов-на-Дону: AUS PUBLISHERS, 2020. — С. 7 – 15.

4. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru.

5. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 10.03.2026).

© Курбанова А. И., 2026

EDN: WEOLMF

Кухаркин Никита Дмитриевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
KUHARKINIKITA@gmail.com

Научный руководитель:
Толкачева Ольга Петровна
доцент кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
olg-ol@mail.ru

НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается незаконная банковская деятельность как одна из ключевых угроз экономической безопасности финансовой системы государства. Автор анализирует основные формы современных финансовых преступлений, включая проведение расчётных операций без лицензии, создание теневых финансовых площадок, обналичивание денежных средств и легализацию преступных доходов. Особое внимание уделяется новым вызовам, связанным с цифровизацией экономики: использованию криптовалют, электронных платежных систем, анонимных сервисов и технологий искусственного интеллекта в противоправных целях. На основе статистических данных Банка России за 2019 – 2026 годы выявлена динамика роста нелегальных финансовых организаций, а также показана региональная дифференциация данного явления. В статье обосновывается, что последствиями незаконной банковской деятельности являются не только прямые финансовые

потери граждан и бюджета, но и подрыв доверия населения к банковской системе и государственным институтам, снижение инвестиционной активности и стагнация инновационного развития. Автором сделан вывод о необходимости совершенствования механизмов финансового мониторинга, внедрения технологий анализа больших данных и усиления профилактической работы среди населения.
Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, экономическая безопасность, финансовая система, теневые финансовые операции, обналичивание денежных средств, легализация доходов.

Современная финансовая система является ключевым элементом устойчивого развития экономики любого государства. Банковский сектор обеспечивает перераспределение финансовых ресурсов, инвестиционную активность и стабильность денежного обращения. Однако функционирование банковской системы сопровождается рядом угроз, среди которых особое место занимает незаконная банковская деятельность.

Незаконная банковская деятельность представляет собой осуществление банковских операций без соответствующей лицензии, использование фиктивных финансовых организаций, а также проведение теневых финансовых операций, направленных на получение незаконной прибыли. Данные процессы способны оказывать значительное негативное влияние на экономическую безопасность государства и финансовую стабильность банковского сектора.

В условиях цифровизации экономики и развития финансовых технологий незаконная банковская деятельность приобретает новые формы, включая использование криптовалют, электронных платежных систем и интернет-площадок для проведения нелегальных операций. Это усложняет деятельность органов финансового контроля и требует совершенствования механизмов регулирования финансового рынка.

К наиболее распространенным формам незаконной банковской деятельности относятся проведение расчетных операций без лицензии, создание теневых финансовых площадок, участие в схемах обналичивания денежных средств, а также легализация доходов, полученных преступным путем. Особую опасность представляют теневые финансовые посредники, которые обеспечивают движение денежных потоков между различными участниками нелегальной экономики.

Развитие интернет-технологий и дистанционных финансовых сервисов значительно расширило возможности незаконных финансовых

операций. В последние годы активно используются электронные кошельки, криптовалютные платформы и анонимные платежные сервисы, которые позволяют скрывать происхождение денежных средств и усложняют их отслеживание.

Незаконная банковская деятельность оказывает существенное влияние на экономическую безопасность государства. Во-первых, она способствует развитию теневой экономики и снижению налоговых поступлений в бюджет. Во-вторых, подобные схемы подрывают доверие населения к банковской системе. В-третьих, незаконные операции могут использоваться для финансирования организованной преступности и других противоправных действий.

Для противодействия данным угрозам государственные органы и финансовые регуляторы внедряют современные технологии финансового мониторинга.

Использование систем анализа больших данных и искусственного интеллекта позволяет выявлять подозрительные транзакции и предотвращать незаконные операции на ранних этапах. В таблице 1 можно увидеть количество организаций с признаками незаконной деятельности на финансовом рынке [1, 2].

Таблица 1. Динамика выявленных субъектов с признаками незаконной деятельности на финансовом рынке (2019 – 2026 гг.)

Год	Количество организаций
2019	2700
2020	3600
2021	4500
2022	5100
2023	5700
2024	9000
2025	7087
2026 (прогноз)	7200

Анализ представленных данных показывает устойчивый рост количества выявленных нелегальных финансовых организаций в период с 2019 по 2026 годы. Пик был зафиксирован в 2024 году, что связано с активным распространением финансовых пирамид, нелегальных кредиторов и интернет-площадок, предоставляющих псевдофинансовые услуги. В 2025 году наблюдается снижение показателя, что связано с усилением контроля со стороны финансовых регуляторов и внедрением новых технологий финансового мониторинга. Тем не менее прогноз

на 2026 год свидетельствует о сохранении высокой активности нелегальных участников финансового рынка (см. рисунок 1).

Наблюдается большая дифференциация незаконной банковской деятельности среди субъектов Российской Федерации. Причинами тому могут служить плотность населения на один квадратный метр в регионе, отставание населения за современными тенденциями в области преступлений, отсутствие развитой банковской системы в восточной части России. Тем не менее немаловажно уже на данный момент донести информацию до местного населения регионов страны всю серьёзность проблемы, так как именно профилактическая работа порой бывает наиболее действенной на самых ранних этапах.

Рисунок 1. Динамика количества организаций, ведущих незаконную финансовую деятельность (2019 – 2026 гг.).

Одним из наиболее важных вопросов является уровень доверия населения к финансовой системе страны. При дальнейшем повышении уровня преступной деятельности в экономической сфере более выраженным станет недовольство граждан как на банковские механизмы, так и на государственную структуру, тем самым подрывая репутацию высших органов власти и их дееспособность по принятию верных решений для повышения экономического роста страны.

К последствиям подрыва доверия населения можно отнести как недовольство граждан нынешней политикой государства, так

и уменьшения желания граждан к инвестированию и сбережению своих средств в банках. Немаловажным последствием является и стагнация развития населения в инновационном плане, по причине использования мошенниками новейших технологий, таких как криптовалюта, искусственный интеллект и недавно открывшиеся онлайн-площадки.

Масштаб потерь тяжело оценить в точных суммах, так как каждый день совершаются новые преступления, многие, из которых даже не стали известны обладателям денежных средств, которых уже давно ввели в заблуждение и по сей день из них пытаются извлечь максимальную для правонарушителей выгоду.

К потерям относятся не только финансы граждан, но государственные расходы на пресечение незаконной деятельности, затраты граждан на страхование собственных сбережений, налоговые доходы которых лишился бюджет страны, а также издержки бизнеса на улучшение систем безопасности и проверку организаций, с которыми у них имеются, либо же планируются деловые отношения.

Таким образом, незаконная банковская деятельность остается одной из наиболее серьезных угроз экономической безопасности финансовой системы. Современные формы финансовых преступлений становятся более технологичными и сложными, что требует совершенствования механизмов государственного регулирования, повышения эффективности финансового контроля и развития международного сотрудничества в сфере борьбы с финансовыми преступлениями.

Список литературы:

1. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке: инф. — аналит. материал [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_1/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. Противодействие кибермошенничеству: статистика хищений и обзор атак на финансовые организации [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/press/event/? Id=28300 (дата обращения: 01.03.2026).

© Кухаркин Н. Д., 2026

EDN: WEVDHC

Кухтинова Ксения Дмитриевна
студент
Сибирский государственный
университет путей сообщения
Новосибирск, Россия
ksenya.kukhtinova@mail.ru

Научный руководитель:
Конюкова Ольга Леонидовна
доцент кафедры экономики
Сибирский государственный
университет путей сообщения
Новосибирск, Россия
кандидат экономических наук, доцент
olyakon14@mail.ru

КРИТЕРИИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТРАХОВЩИКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья исследует ключевые факторы, оказывающие влияние на стабильность финансового состояния страховых организаций в кризисных экономических обстоятельствах, а также рассматривает методы и инструменты, направленные на поддержание и укрепление их позиций. Сформулированы основные условия, факторы и угрозы, влияющие на экономическую безопасность страховой организации. Анализируются классические и современные подходы, используемые страховыми фирмами для снижения негативных последствий и эффективной адаптации к динамично меняющимся рыночным условиям. Отдельное внимание уделяется особенностям российского страхового сектора, где кризисные явления выражены наиболее отчетливо и существенно влияют на общую ситуацию на рынке.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, страховщики, экономический кризис, инвестиционная политика, управление рисками, экономическая безопасность.

Определение «безопасность организации» неразрывно связано с такими понятиями как «устойчивость», «уязвимость», «управление рисками».

Финансовая устойчивость выступает основной характеристикой современной страховой отрасли. Она определяется способностью страховой компании оперативно выполнять принятые обязательства перед клиентами и стабильно осуществлять свою деятельность в течение длительного срока. Период экономического спада сопровождаются ростом неопределенности, увеличением угроз и существенным снижением финансовых возможностей физических и юридических лиц. Страховые компании оказываются в числе самых подверженных рискам участников рынка, особенно в условиях экономической неопределенности. Таким образом, грамотная стратегия укрепления финансовой устойчивости становится крайне важной для сохранения конкурентоспособности и дальнейшего развития компаний в условиях рыночной изменчивости.

Финансовая устойчивость страховой организации подразумевает способность непрерывно осуществлять свою деятельность даже в неблагоприятных экономических условиях. Это достигается путем наличия необходимого объема финансовых средств, соответствия величины собственного капитала уровню принятых обязательств, а также эффективного механизма управления рисками.

Одним из важнейших индикаторов оценки финансовой надежности страхователей является соотношение размера собственного капитала к сумме обязательств [1]. Законодательство Российской Федерации устанавливает четкие критерии, гарантирующие стабильное функционирование страховых учреждений. Ключевые гарантии определены федеральным законом № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации». К ним относятся экономически обоснованные страховые тарифы, страховые резервы, достаточные достаточных для выполнения обязательств по страхованию, сострахованию, перестрахованию и взаимному страхованию, собственные средства и перестрахование [2]. Данные законодательные нормы обеспечивают минимизацию потенциальных рисков и защищают права страхователей.

Финансовая устойчивость страховой компании зависит от различных внешних и внутренних аспектов. К внешним факторам, влияющим

на состояние финансовой устойчивости страховщика, относятся состояние экономики страны, развитие отраслей народного хозяйства, степень государственного регулирования страховой деятельности, коньюнктура страхового рынка, инфраструктура страхового рынка и платежеспособность населения.

К внутренним факторам, влияющим на финансовую устойчивость страховщика, относят масштаб и специализация страховой компании, размер и устойчивость клиентской базы, структуру управленческих решений, уровень сбалансированности страхового портфеля, уровень и состав страховых резервов, политика тарифов, политика перестрахования, политика ценообразования и инвестирования [3].

Страховая отрасль испытывает серьезные затруднения в кризисные периоды, характеризующиеся рядом специфических рисков:

1. Рост страховых выплат. Одним из главных рисков является резкое увеличение числа страховых случаев. Особенно отчётливо данный фактор проявился в ходе пандемии COVID-19, когда резко возросли выплаты по медицинским и иным видам страхования.

2. Потери от инвестиционной деятельности. Значительные средства страховщиков вложены в ценные бумаги, недвижимость и банковские депозиты. Во время кризисов стоимость таких активов снижается, что уменьшает прибыльность и создает недостаток финансирования для исполнения обязательств.

3. Конкуренция и демпинг цен. Низкий спрос на страховые услуги заставляет компании идти на снижение тарифов, что ведет к уменьшению маржи и усложняет удержание доли рынка.

4. Усиление надзорных функций государства. В период кризисов государство принимает дополнительные меры регулирования, накладывая дополнительные требования на минимальный размер капитала и стандарты отчетности, что приводит к дополнительным финансовым нагрузкам.

5. Отсутствие профессиональных кадров. Быстро меняющиеся внешние условия создают нехватку персонала, обладающего необходимым набором компетенций для работы в кризисных условиях.

Страховщики используют широкий спектр классических методов для увеличения своей финансовой устойчивости:

1. Управление рисками. Наиболее распространённый инструмент — формирование адекватных резервов на покрытие возможных убытков. Реализация программы внутренней перестраховки также активно применяется компаниями.

2. Оптимизация тарифов. Подходящие тарифные механизмы позволяют равномерно распределять риски между всеми застрахованными лицами и избежать чрезмерных колебаний платежей.

3. Формирование диверсифицированного инвестиционного портфеля. Грамотное распределение активов по различным классам и регионам даёт возможность сократить негативный эффект от падения отдельных сегментов рынка.

4. Совершенствование операционной деятельности. Сокращение избыточных административных расходов, автоматизация рутинных процессов и применение современных ИТ-технологий снижают общие затраты и повышают эффективность управления бизнесом.

Однако перечисленные меры зачастую недостаточны в условиях кризиса. Именно поэтому необходимы инновационные подходы, способные обеспечить дополнительную устойчивость страховщику.

Современный мир требует необходимость постоянного обновления подходов к управлению страховым делом. Большое значение имеет развитие направления анализа «больших данных», а также создания цифровых моделей, которые бы повысили результативность деятельности. «Большие данные» могут быть использованы для тактического планирования и принятия решений [4].

Использование Big Data и искусственного интеллекта в оценке рисков позволяют обрабатывать большие объёмы данных и формировать персонализированные продукты и сервисы, соответствующие потребностям каждого клиента.

Увеличивая предложение в области защиты от киберугроз, страховщик способен привлечь новый сегмент клиентов и одновременно укрепить собственную репутацию как лидера технологического прогресса.

Социальная ориентация бизнеса создаёт дополнительное доверие клиентов и усиливает лояльность, помогая сохранить спрос в трудных ситуациях.

Возможность гибко изменять цены на страховые продукты в зависимости от реальной ситуации на рынке позволяет лучше адаптироваться к внешним условиям и поддерживать доступные уровни тарифов [5].

Российский рынок страхования представляет разнообразие практик и подходов к обеспечению финансовой устойчивости. Несмотря на сложность периода пандемии и последующих санкций, большинство российских страховщиков смогли приспособиться к новым условиям благодаря гибкой политике формирования резервов и строгому

внутреннему контролю, переориентации инвестиционных портфелей на внутренние активы, имеющие низкий уровень риска, внедрению прогрессивных технологических решений, упрощающих доступ клиентов к услугам и ускоряющих процессы обработки заявок.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблематика повышения финансовой устойчивости страховщиков остаётся актуальной и важной областью исследований. Применение комплекса классических и инновационных подходов позволяет страховым компаниям эффективно преодолевать кризисные ситуации, сохранять конкурентоспособность и продолжать свое успешное становление на российском рынке, обеспечивая экономическую безопасность участников страхового рынка.

Список литературы:

1. Конюкова О. Л. Анализ финансовой устойчивости страховой организации // Вопросы новой экономики. 2025. № 2 (74) [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82631648 (дата обращения: 01.03.2026).

2. ФЗ № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

3. Винникова Ирина Сергеевна, Кузнецова Екатерина Андреевна Повышение финансовой устойчивости страховой организации // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 5 (55) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-finansovoy-ustoychivosti-strahovoy-organizatsii (дата обращения: 27.02.2026).

4. К. Конюкова О.Л, Летунов С. А. Роль цифровизации в государственном управлении // GLOBAL AND REGIONAL RESEARCH. 2019. Т. 1. № 1. С. 74 – 79 [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/contents.asp?id=38547915 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Исаева Шамсият Магомедовна, Асхабова Мадина Алиевна, Муртазалиева Патимат Митхадовна Анализ финансовой устойчивости и пути ее улучшения в современной России // Индустриальная экономика. 2022. № 3 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansovoy-ustoychivosti-i-puti-ee-uluchsheniya-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 27.02.2026).

© Кухтинова К. Д., 2026

EDN: BWWCAA

Кучмай Карина Дмитриевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
59043614a@gmail.com

Научный руководитель:
Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
luda_d65@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация занятости в Российской Федерации в условиях цифровизации, глобальных экономических потрясений и изменений экономической структуры. Анализируются положительные и отрицательные последствия новых форм трудовой деятельности, а также влияние данных процессов на экономическую безопасность и кадровую устойчивость органов внутренних дел Российской Федерации.
Ключевые слова: рынок труда, экономическая безопасность, цифровизация, фриланс, кадровый дефицит, искусственный интеллект.

Современная российская экономика находится на этапе структурной трансформации, в рамках которого рынок труда испытывает системные изменения. Традиционная модель

стабильной занятости сдает позиции гибким форматам труда, цифровым профессиям и платформенным формам взаимодействия. Такие процессы весьма объективны и связаны с развитием технологий искусственного интеллекта, автоматизации и цифровых сервисов. Однако трансформация занятости касается не только социальной сферы, но и основ экономической безопасности. Эффективная структура рынка труда — это устойчивая бюджетная система, кадровое обеспечение стратегических институтов и уровень социальной стабильности. Ключевое значение в рассматриваемом аспекте имеет оценка состояния системы Министерство внутренних дел России (МВД России), которая одновременно проходит цифровую модернизацию и сталкивается с кадровыми вызовами.

Для полного раскрытия данной темы статьи необходимо рассмотреть, как положительные эффекты трансформации занятости, но и негативные последствия.

Из ключевых позитивных эффектов трансформации занятости можно выделить:

— Рост производительности и технологического потенциала. Применение цифровых решений способствует ускорению экономических процессов, достигается наиболее прозрачность операций и развитие внутреннего IT-сектора. Образуются новые направления занятости, которые связанны с анализом данных, кибербезопасностью, разработкой программных решений. Тем самым закладывает основы для укрепления технологического суверенитета страны.

— Повышение адаптивности экономики. В условиях экономических потрясений и внешних ограничений, гибкая модель трудоустройства выступает как эффективный инструмент для быстрой адаптации. Такая организация труда располагает возможностью эффективно перераспределять имеющиеся кадровые ресурсы, и это способствует поддержать необходимый уровень экономической деятельности. Так же позволяет сохранять оперативность в принятии решений и минимизировать негативные последствия кризисных ситуаций.

— Модернизация государственных институтов. В соответствии с современными реалиями система МВД России так же динамично развивает применение цифровых технологий. Согласно официальным отчетам МВД Российской Федерации за 2024 год, активно внедряются технологии: интеллектуального анализа данных; цифровой криминалистики; автоматизированной обработки обращений граждан; видеонаблюдения

с элементами распознавания [1]. Это повышает раскрываемость преступлений и эффективность оперативной деятельности.

Несмотря на положительные аспекты, трансформация занятости порождает ряд системных угроз.

— Рост социально-доходного дисбаланса. Существенное неравенство в доходах между представителями цифровых профессий и сотрудниками государственного сектора способствует к снижению привлекательности государственной службы. Наблюдается тенденция у молодых специалистов к выбору фриланса и коммерческой деятельности, что в долгосрочной перспективе приведет к снижению кадрового потенциала в стратегически значимых институтах.

— Угроза налоговой устойчивости. Цифровые специалисты, использующие международные платформы и получающие оплату в иностранной валюте, все чаще обращаются к методам минимизации налогов. Это подразумевает использование альтернативных финансовых инструментов и искусственное занижение личных доходов. Несмотря на развитие системы налогообложения профессионального дохода и усиление контроля над её соблюдением, проблема недекларирования доходов остается актуальной [2]. В свою очередь, это приводит к уменьшению поступлений в бюджет, ослаблению финансовой устойчивости пенсионной системы и расширению теневого сектора экономики. В настоящее время, когда происходит внешнее экономическое давление, сокращение налоговой базы становится критическим фактором, угрожающим экономической безопасности.

— Кадровый дефицит в системе МВД. По данным официальных выступлений руководства МВД Российской Федерации и материалов ведомственных отчетов 2024 – 2025 гг., сохраняется проблема неукомплектованности кадров, особенно в подразделениях: участковых уполномоченных; следствия; киберподразделениях [3]. Основными причинами являются: высокий уровень профессиональной нагрузки; несоответствие заработной платы уровню ответственности; конкуренция с коммерческим цифровым сектором. Особенно остро ощущается отток специалистов IT-профиля, поскольку уровень оплаты труда в частных компаниях и на фриланс-платформах существенно выше.

— Трансформация занятости и экономическая безопасность. Экономическая безопасность государства базируется на устойчивой бюджетной системе; кадровой стабильности; технологической независимости; эффективном управлении институтами [4]. При отсутствии

эффективного регулирования возрастает неформальная цифровая занятость, что приводит к параллельному сегменту экономики, частично выпадающего из системы государственного контроля. Это снижает финансовую устойчивость и усложняет стратегическое планирование.

Рассмотрев трансформацию занятости и ее влияние на кадровую устойчивость, как с положительной, так и с отрицательной стороны, позволяет сделать вывод о необходимости системных изменений и в структуре МВД России. Для уменьшения отрицательных последствий целесообразно реализовать следующий комплекс мер:

— Модернизация кадровой политики: переход от жесткой модели к гибридной. Данная мера представляет собой использование гибких форм привлечения специалистов — контрактные формы для IT-экспертов, создание экспертных цифровых центров, ускорение цифровой модернизации ведомства. Традиционная бюрократическая модель службы МВД проигрывает на рынке труда, так как в коммерческом секторе оплаты труда существенно выше и предлагается гибкий график труда.

— Повышение экономической привлекательности стратегически значимых должностей. Рост заработной платы сотрудников МВД следует рассматривать не как расходную меру, а как инвестицию в национальную экономическую безопасность. Служба в органах внутренних дел — это высокая степень ответственности, профессиональный риск, а также правовые ограничения и в связи с этим требует адекватного материального вознаграждение. Особое внимание необходимо уделить устранению социального дисбаланса, что приводит к существенному разрыву между доходами фрилансеров и сотрудников правоохранительных органов, формируя ощущение несправедливости и подрывая престижность государственной службы.

— Искусственный интеллект как компенсатор кадрового дефицита. В условиях кадрового кризиса технологические решения способны компенсировать нехватку персонала: Внедрение искусственного интеллекта позволит перераспределить нагрузку; сократить временные издержки; повысить точность прогнозирования; автоматизировать повседневные процессы; ускорить аналитическую обработку данных. Это особенно актуально при росте числа киберпреступлений и финансовых махинаций.

В заключение отметим, трансформация занятости — это закономерный этап развития экономики. Она способствует формированию новых

возможностей для технологического роста и развития эффективной модели государственного управления. Однако при отсутствии согласованных мер данные процессы способны создать угрозы экономической безопасности. Особую внимание необходимо обратить на стратегические институты, включая МВД России, где кадровый дефицит сочетается с необходимостью цифровой модернизации.

В условиях современных вызовов государственной политики приоритетом должна стать сбалансированная модель рынка труда, которая обеспечит сочетания технологического процесса, социальную справедливость и институциональную стабильность.

Список литературы:

1. Отчет о состоянии преступности и результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 04.03.2026).

2. Егулемов В. Налоговые аспекты работы с самозанятыми и фрилансерами [Электронный ресурс] // URL: https://companies.rbc.ru/news/lpYYmuP4io/nalogovyie-aspektyi-rabotyi-s-samozanyatyimi-i-frilanserami/ (дата обращения: 04.03.2026).

3. Текст официального выступления В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/document/10091957 (дата обращения: 04.03.2026).

4. Овешникова Л. В., Сибирская Е. В. Исследование показателей экономической безопасности в условиях цифровизации экономики Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pokazateley-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 04.03.2026).

© Кучмай К. Д., 2026

EDN: VVSBNU

Кушнаренко Алексей Викторович
студент
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
av_kushnarenko@mail.ru

Научный руководитель:
Андреева Дарья Андреевна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
a.d.andreeva@yandex.ru

СИНХРОНИЗАЦИЯ СИСТЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДОЛГОСРОЧНЫХ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ

Аннотация. Проведенное сравнение концептуальных составляющих Стратегий национальной и экономической безопасности России выявило их рассогласованность в отношении гибридных угроз. Предложено интегративное определение гибридной угрозы. Разработана трехуровневая модель синхронизации стратегических документов, обеспечивающая целостный ответ на долгосрочные угрозы.

Ключевые слова: стратегическое планирование, национальная безопасность, экономическая безопасность, гибридные угрозы, синхронизация стратегических документов, межведомственное взаимодействие, долгосрочные угрозы.

Актуальность исследования обусловлена применением рядом государств либо иными акторами в современных геополитических конфликтах каскадного инструмента подрыва суверенитета Российской Федерации, сочетающего экономические, политические, технологические и информационные методы гибридной войны.

Некоторые исследователи обращают внимание, что Стратегия национальной безопасности РФ является инструментом реагирования на актуальные вызовы [1]. Однако результаты сопоставления Стратегий национальной и экономической безопасности РФ демонстрирует их рассогласованность. Исследователи в период принятия новой экономической стратегии (2017 г.) отмечали слабую связь между нормативными правовыми актами и необходимость их взаимоувязки [2].

В научной литературе выявлен существенный пробел, обусловленный отсутствием комплексных исследований по проведению сравнительного анализа понятийных аппаратов и механизмов стратегического планирования в системах национальной и экономической безопасности РФ. Отсутствуют механизмы стратегического планирования данных систем в контексте их адаптации к единым гибридным вызовам. Остается неразработанной проблема правовых и организационных механизмов, необходимых для концептуальной и функциональной синхронизации рассматриваемых систем в условиях синергетического влияния угроз.

Цель исследования — разработка концептуальных и организационно-правовых рекомендаций для синхронной модернизации систем стратегического планирования в сферах национальной и экономической безопасности России, ориентированных на усиление защиты от долгосрочных угроз гибридного характера воздействия.

Задачи исследования:

1) провести сопоставительный анализ категориально-терминологического аппарата и перечней вызовов и угроз, определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года на предмет их соответствия характеру гибридных угроз;

2) сформулировать междисциплинарное определение «гибридной угрозы» и операционные критерии ее идентификации для обеих систем;

3) оценить риски рассогласованности действий на примере управления комплексными санкционными и технологическими вызовами;

4) разработать рекомендации по синхронизации, включая предложения по поправкам в доктринальные документы и механизмы межведомственного взаимодействия.

Научная новизна исследования заключается в проведении первого целенаправленного сопоставительного анализа концептуальных основ Стратегий национальной безопасности и экономической безопасности Российской Федерации на предмет выявления общего пробела в отношении гибридных угроз. Новизна подхода заключается в рассмотрении гибридной угрозы как инструмента комплексного воздействия на уязвимости системы национальной безопасности государства. Предложено интегративное определение гибридной угрозы, агентирующееся на объектах угроз. Разработана трехуровневая модель синхронизации, предполагающая одновременную корректировку базовой и производной Стратегий.

В настоящем исследовании используется метод системного анализа, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод, метод ситуационного анализа и моделирование.

Информационную основу составляют тексты Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. В работе приводится анализ научных публикаций по проблемам гибридных угроз, экономической безопасности, стратегического планирования. Используются аналитические отчеты органов публичной власти Российской Федерации, данные о современных гибридных компаниях.

В таблице 1 представлен сопоставительный анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2021 г. № 400 (далее — Стратегия национальной безопасности РФ, СНБ РФ) и Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 (далее — Стратегия экономической безопасности РФ, СЭБ РФ) по шести ключевым критериям. Систематизация критериев позволяет выявить концептуальные расхождения и институциональные пробелы, которые препятствуют синхронизации систем в условиях долгосрочных гибридных угроз.

Таблица 1. Сопоставительный анализ Стратегии национальной безопасности и Стратегии экономической безопасности Российской Федерации

СНБ РФ	СЭБ РФ	Выявленные расхождения
Критерий 1. Статус документа и целеполагание		
Документ стратегического планирования (базовый), определяющий национальные интересы и приоритеты. Экономическая безопасность — один из приоритетов	Документ, разработанный для реализации стратегических национальных приоритетов в области экономической безопасности, определенных в СНБ РФ	Система национальной безопасности задает общую траекторию; система экономической безопасности разработана на основе предыдущей редакции СНБ РФ (2015 г.)
Критерий 2. Понятийный аппарат		
Национальная безопасность — состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав, достойное качество жизни, гражданский мир, охрана суверенитета, территориальная целостность и социально-- экономическое развитие	Экономическая безопасность — состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет, единство экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов	Понятие «национальные интересы» в СНБ РФ носит интегральный характер. В СЭБ РФ — сужено до «объективно значимых экономических потребностей». Категория «качество жизни» (ключевая для СНБ РФ) в СЭБ РФ отсутствует, что снижает ориентированность экономического блока на социальный результат
Критерий 3. Классификация и природа угроз		
Угрозы описываются динамично, в контексте геополитической трансформации	Угрозы представлены закрытым перечнем с доминированием традиционных	СНБ РФ рассматривает угрозы комплексно, СЭБ РФ — статично
Критерий 4. Механизмы реализации и координации		
Реализуется согласованными действиями органов власти под руководством Президента РФ. Контроль — Совет Безопасности РФ	Реализуется комплексом мер. Мониторинг возложен на Минэкономразвития РФ. Доклад Президенту представляет Правительство РФ	Институциональный разрыв: субъекты реализации (Совет Безопасности РФ и Правительство РФ) функционально разобщены. Механизм синхронизации их действий при гибридных угрозах не прописан
Критерий 5. Индикаторы оценки		
Мониторинг на основе показателей, определяемых Президентом РФ. Конкретный перечень показателей и индикаторов отсутствует	Утвержден закрытый перечень статистических показателей состояния экономической безопасности государства	Индикаторы экономической безопасности не включают показатели противодействия гибридным угрозам. Отсутствие единой системы показателей для Стратегий затрудняет оценку их скоординированности

СНБ РФ	СЭБ РФ	Выявленные расхождения
Критерий 6. Реагирование на гибридные угрозы		
Характер гибридных угроз обозначен ключевым фактором. Закреплено право на симметричные и асимметричные меры. Задачи включают противодействие информационно-технологическому вмешательству	Присутствуют отдельные задачи совершенствования механизма ответных мер на санкции и противодействию деятельности спецслужб в стратегических отраслях. Однако эти задачи рассредоточены по разделам и не объединены в единый контур реагирования	СНБ РФ констатирует наличие гибридных угроз, но не транслирует в СЭБ РФ модель реагирования. СЭБ РФ сохраняет отраслевой принцип: задачи существуют параллельно, а не взаимосвязано

Источник: составлено автором на основе [4, 5].

Гибридные угрозы создают условия для причинения ущерба экономическому суверенитету, дестабилизации социально-экономической системы, подрыва конституционного строя, нарушения территориальной целостности и воспрепятствования реализации национальных интересов РФ. Последствия концептуального разрыва систем СНБ и СЭБ РФ наиболее ярко проявляются при управлении санкционным и техническим давлением как частью гибридной агрессии. Реализуемые меры в области экономической безопасности (импортозамещение, технологическая модернизация и др.) ориентированы на компенсацию макроэкономических показателей, но не учитывают сопутствующие компоненты гибридной кампании. Данная рассогласованность вызывает межведомственную коллизию: Минэкономразвития РФ отвечает за реализацию программ замещения технологий; Минцифры РФ — за противодействие информационным атакам; ФСБ РФ — за пресечение деятельности привлеченных иностранных спецслужб; МВД РФ и Росфинмониторинг сталкиваются с последствиями гибридных компаний — рост числа экономических преступлений, легализации доходов, полученных от участия в гибридных схемах российских негосударственных акторов и др. Отсутствие единого координационного контура влечет фрагментарное реагирование на гибридные угрозы. Роль органов внутренних дел приобретает ключевое значение в выявлении предикатных экономических составов, связанных с реализацией гибридных мер.

Для исключения расхождения и дальнейшей синхронизации систем СНБ и СЭБ РФ предлагается определить понятие гибридной угрозы следующим образом: «Гибридная угроза — скоординированная совокупность действий политического, военного, экономического, технологического,

информационно-психологического и иного характера, осуществляемых государственными либо негосударственными акторами, направленная на достижение стратегического превосходства путем комплексного воздействия на уязвимости системы национальной безопасности».

Закрепление предложенного определения в стратегических и концептуальных документах обеспечит единое понятийное поле для обеих стратегий и создаст условия для идентификации гибридных угроз на ранних стадиях. Критериями интеграции в системы СНБ и СЭБ РФ выступают трансграничный характер угроз, полиморфизм используемых акторами инструментов, асимметрия и нацеленность действий гибридного характера на критические уязвимости (в том числе экономические и социальные).

На рис. 1 представлена рекомендованная модель синхронизированной адаптации систем стратегического планирования РФ.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу: концептуальный и институциональный разрыв между системами стратегического планирования национальной и экономической безопасности РФ выступает источником системной уязвимости перед долгосрочными гибридными угрозами. Сопоставительный анализ выявил рассогласование понятийных аппаратов, статичность классификации угроз в СЭБ РФ при динамичном характере вызовов, закрепленных в СНБ РФ, а также отсутствие координации между Советом Безопасности РФ и Правительством РФ.

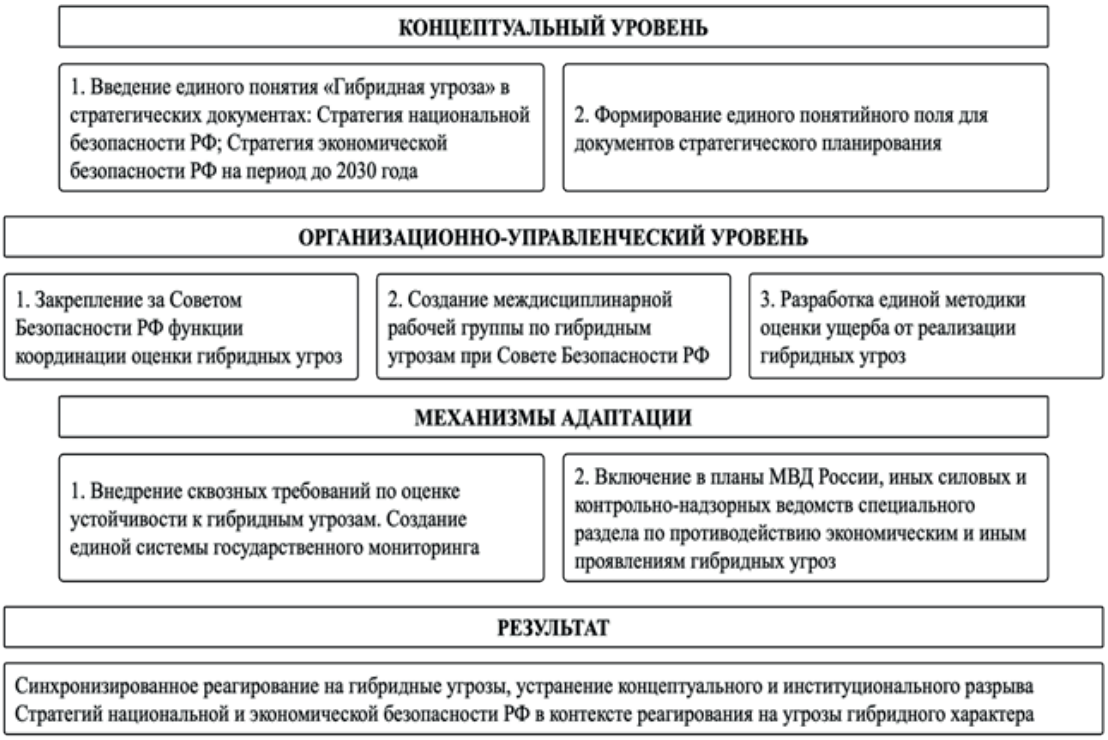

Рисунок 1. Модель синхронизированной адаптации систем стратегического планирования

Указанные расхождения предопределяют фрагментарность реагирования на комплексные кампании. Устранение ведомственной разобщенности через централизацию координации и внедрение сквозных требований выступает ключевым условием синхронизации систем. Предложенная трехуровневая модель обеспечивает целостный ответ на современные гибридные угрозы. Для устранения институционального разрыва предлагается создать постоянно действующий межведомственный координационный совет по противодействию гибридным угрозам при Совете Безопасности РФ. В состав совета рекомендованы представители Аппарата Совета Безопасности РФ, Минэкономразвития РФ, Минцифры РФ, Минфина РФ, ФСБ РФ, МВД РФ, Росфинмониторинга. Предлагается дополнить СЭБ РФ прямым указанием на гибридные угрозы и обязанность координации действий органов государственной власти.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования адресованы государственным органам, ответственным за разработку доктринальных документов (Совет Безопасности Российской Федерации), а также федеральным органам исполнительной власти, участвующим в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации.

Перспективы дальнейших исследований — разработка регламентов межведомственного взаимодействия; интеграция в модель систем информационной и общественной безопасности.

Список литературы:

1. Неймарк Марк Афроимович Стратегия национальной безопасности и обновление ядерной доктрины России // Обозреватель — Observer. 2025. № 3 (410) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-i-obnovlenie-yadernoy-doktriny-rossii (дата обращения: 20.02.2026).

2. Игнатов Дмитрий Анатольевич Стратегия экономической безопасности до 2030 г.: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2017. № 2 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-do-2030-g-teoretiko-pravovoy-analiz (дата обращения: 20.02.2026).

3. Кушнаренко, А. В. Законодательные механизмы противодействия гибридным угрозам национальной безопасности Российской Федерации / А. В. Кушнаренко // Служение Отечеству: традиции, ценности, инновации: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2025 года. — Санкт-Петербург:

ООО «Скифия-принт», 2025. — С. 14 – 34. — EDN TXTQNV (дата обращения: 20.02.2026).

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 20.02.2026).

5. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 20.02.2026).

© Кушнаренко А. В., 2026

EDN: VSXNOH

Лапшин Александр Алексеевич
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
sashapasttwelve@mail.ru

Научный руководитель:
Грачев Александр Владимирович
начальник кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
grachevalexunder@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ РАСЧЕТА ПОТРЕБНОСТЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ В БЮДЖЕТНЫХ АССИГНОВАНИЯХ НА ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. в статье рассматривается взаимодействие экономической безопасности личности и государства в области государственного финансового обеспечения сотрудника МВД России**.**
Ключевые слова: безопасность, денежное довольствие, бюджет.

В современных условиях обеспечение экономической безопасности Российской Федерации неразрывно связано с эффективным функционированием правоохранительной системы [12, 782с]. Денежное довольствие сотрудников органов внутренних дел является основным средством их материального обеспечения, определяющим уровень жизни сотрудников, мотивацию к службе и привлекательность правоохранительной деятельности для квалифицированных кадров. Указ Президента

Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [6] среди основных угроз экономической безопасности выделяет высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере, противодействие которым напрямую зависит от кадрового потенциала органов внутренних дел.

Недостаточное или несвоевременное финансирование денежного довольствия неизбежно влечёт кадровый дефицит, снижение профессионализма личного состава и рост коррупционных рисков. В условиях бюджетных ограничений и санкционного давления особую значимость приобретает точность и обоснованность расчёта потребностей в бюджетных ассигнованиях, что обеспечивает рациональное использование государственных финансовых ресурсов и поддержание боеспособности правоохранительной системы [11, с. 306].

Базовым нормативным актом, определяющим структуру денежного довольствия, является Федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Статья 2 данного закона устанавливает, что денежное довольствие состоит из месячного оклада по замещаемой должности (должностного оклада) и месячного оклада по присвоенному специальному званию, образующих оклад денежного содержания, а также ежемесячных и иных дополнительных выплат.

Статья 3 Федерального закона № 247-ФЗ определяет исчерпывающий перечень дополнительных выплат: ежемесячная надбавка за стаж службы (от 10 до 40 процентов оклада денежного содержания); надбавка за квалификационное звание (от 5 до 30 процентов должностного оклада); надбавка за особые условия службы (до 100 процентов должностного оклада); надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну (до 65 процентов должностного оклада); премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей (из расчёта трёх окладов денежного содержания в год); поощрительные выплаты за особые достижения в службе; районные коэффициенты и процентные надбавки за службу в районах Крайнего Севера и приравненных местностях.

Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [4] регулирует систему специальных званий, квалификационные требования к должностям и порядок присвоения квалификационных званий, что

непосредственно влияет на размер денежного довольствия и объём бюджетных ассигнований.

Конкретные размеры окладов установлены Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 года № 878 «Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [10]. Механизм начисления и выплаты всех составляющих денежного довольствия детализирован Приказом МВД России от 31 января 2013 года № 65 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

Расчёт потребностей осуществляется в рамках бюджетного процесса. Согласно статье 169 Бюджетного кодекса, проект федерального бюджета составляется на очередной финансовый год и плановый период, что требует прогнозирования потребностей на три года. Основными параметрами расчёта являются штатная численность, средний размер денежного довольствия и начисления на выплаты. Штатная численность определяется на основании Указа Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации», устанавливающего предельную численность органов внутренних дел. При расчёте учитывается прогнозируемый уровень укомплектованности — отношение фактической численности к штатной. Средний размер денежного довольствия рассчитывается путём суммирования всех составляющих. Средний должностной оклад определяется как средневзвешенное значение окладов по всем должностям штатного расписания территориального органа. Средний оклад по специальному званию рассчитывается с учётом распределения сотрудников по званиям и прогнозируемого присвоения очередных званий. Надбавка за выслугу лет требует анализа стажевой структуры личного состава. Формируется распределение сотрудников по группам стажа: от 2 до 5 лет — 10 процентов, от 5 до 10 лет — 15 процентов, от 10 до 15 лет — 20 процентов, от 15 до 20 лет — 25 процентов, от 20 до 25 лет — 30 процентов, свыше 25 лет — 40 процентов. Рассчитывается средневзвешенный процент надбавки с учётом естественного увеличения стажа в планируемом периоде.

Надбавки за квалификационное звание и особые условия службы определяются на основе фактических данных о количестве сотрудников, имеющих соответствующие основания для выплат. Премии планируются из расчёта трёх окладов денежного содержания в год на каждого сотрудника.

Районные коэффициенты и процентные надбавки существенно увеличивают потребности территориальных органов в районах Крайнего Севера и приравненных местностях. Коэффициенты варьируются от 1,15 до 2,0, процентные надбавки достигают 100 процентов денежного довольствия.

Общая формула расчёта: потребность равна произведению штатной численности, скорректированной на коэффициент укомплектованности, среднемесячного размера денежного довольствия и двенадцати месяцев, увеличенному на начисления (страховые взносы) и единовременные выплаты (материальная помощь, подъёмное пособие).

Часть 10 статьи 2 Федерального закона № 247-ФЗ предусматривает индексацию окладов денежного содержания в соответствии с федеральным законом о бюджете с учётом уровня инфляции. Прогнозируемый размер индексации закладывается в расчёт на плановый период. Территориальные органы МВД России существенно различаются по организационной структуре, численности и условиям деятельности, что обусловливает дифференциацию расчётов.

Территориальные органы на региональном уровне — министерства внутренних дел по республикам, главные управления и управления МВД России по субъектам Российской Федерации — имеют сложную структуру с более высокими должностными окладами руководящего состава. Территориальные органы на районном уровне — отделы и отделения МВД России — обеспечивают непосредственное выполнение правоохранительных функций и характеризуются более однородной структурой должностей.

Наибольшую специфику имеют территориальные органы в районах Крайнего Севера, где районные коэффициенты и процентные надбавки увеличивают потребности в полтора-два раза по сравнению с аналогичными органами в центральных регионах. Дополнительно учитываются расходы на оплату проезда к месту отпуска и обратно.

Территориальные органы на территории закрытых административно-территориальных образований также имеют повышенные потребности в связи с установленными надбавками.

Приказ МВД России от 25 июня 2012 года № 625 определяет систему территориальных органов, что является основой планирования в разрезе конкретных получателей бюджетных средств.

Взаимосвязь между финансовым обеспечением органов внутренних дел и экономической безопасностью проявляется на двух уровнях.

На уровне личности достойное денежное довольствие обеспечивает экономическую защищённость сотрудников и их семей. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [2] в статье 28 закрепляет право сотрудника на денежное довольствие, обеспечивающее достаточные материальные условия для исполнения служебных обязанностей. Одновременно достойный уровень оплаты снижает коррупционные риски. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» рассматривает надлежащее материальное обеспечение как элемент профилактики коррупции. Низкое денежное довольствие создаёт предпосылки для злоупотреблений, подрывающих экономическую безопасность граждан.

На государственном уровне эффективно функционирующая правоохранительная система обеспечивает противодействие экономической преступности, защиту бюджетных средств, борьбу с теневой экономикой. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [7] определяет повышение эффективности правоохранительных органов как условие обеспечения национальной безопасности. Кадровая стабильность, обеспечиваемая конкурентоспособным денежным довольствием, является необходимым условием достижения данной цели.

Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» включает планирование финансовых ресурсов для обеспечения безопасности в систему стратегического планирования. Расчёт бюджетных ассигнований на денежное довольствие является элементом этой системы.

Статья 1 Федерального закона «О полиции» определяет, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, охраны собственности. Защита собственности и противодействие экономической преступности — прямые функции, обеспечивающие экономическую безопасность каждого гражданина. Качество выполнения этих функций определяется профессионализмом кадрового состава, который, в свою очередь, зависит от уровня материального обеспечения.

Практика выявляет ряд проблем в расчёте потребностей. Первая — сложность прогнозирования кадровой ситуации на трёхлетний период: текучесть кадров, изменения штатной численности, присвоение званий трудно поддаются точному прогнозу. Вторая — разрыв между прогнозируемой и фактической инфляцией, влияющий на реальную

покупательную способность денежного довольствия. Третья — недостаточная региональная дифференциация: система районных коэффициентов не всегда адекватно отражает различия в стоимости жизни.

Направления совершенствования включают внедрение автоматизированных систем расчёта на основе баз кадрового учёта, развитие методик прогнозирования, повышение гибкости индексации и совершенствование мониторинга эффективности расходования средств. Приказ МВД России от 17 октября 2013 года № 850 «Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации» [10] определяет порядок взаимодействия подразделений при подготовке бюджетных проектировок, однако координационные механизмы нуждаются в дальнейшем развитии.

Расчёт потребностей территориальных органов МВД России в бюджетных ассигнованиях на денежное довольствие представляет собой сложный процесс, требующий учёта штатной численности, многокомпонентной структуры выплат, стажевых и квалификационных характеристик личного состава, региональных особенностей и прогнозируемой индексации. Правовая база, включающая Бюджетный кодекс, Федеральные законы № 247-ФЗ и № 342-ФЗ, подзаконные акты МВД России и Минфина России, обеспечивает достаточную нормативную основу, однако требует постоянной адаптации к изменяющимся условиям.

Денежное довольствие является не только элементом материального обеспечения, но и фактором экономической безопасности на двух уровнях. На личностном уровне оно обеспечивает защищённость сотрудников и снижает коррупционные риски. На государственном — поддерживает кадровый потенциал правоохранительной системы, обеспечивающей противодействие экономической преступности и защиту экономических интересов страны.

Совершенствование методик расчёта через автоматизацию, повышение точности прогнозирования и адекватную региональную дифференциацию является необходимым условием обеспечения экономической безопасности личности и государства.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ.

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции».

3. Федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

5. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

6. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

7. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

8. Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации».

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 года № 878 «Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

10. Приказ МВД России от 17 октября 2013 года № 850 «Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации».

11. Грачёва Е. Ю. Бюджетное право: учебник для вузов. — М.: Проспект, 2022. — 480 с.

12. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник. — М.: БИНОМ, 2020. — 815 с.

© Лапшин А. А., 2026

EDN: XBUOHL

Ласточкина Анастасия Владимировна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
nastia.lastochkina8991@mail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ПРАВОВЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РИСКИ ТЕХНОЛОГИЙ УМНЫХ ГОРОДОВ И ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются риски и системные проблемы, связанные с внедрением технологий «умного города» и интернета вещей (IoT), с точки зрения их влияния на экономическую безопасность. Исследуется двойственная природа этих технологий, способных как повысить эффективность городского управления, так и создать новые уязвимости для критической инфраструктуры и экономики. Особое внимание уделяется правовым коллизиям в сфере суверенитета данных, ответственности за киберинциденты и стандартизации, а также управленческим проблемам, включая межведомственную разобщенность и кадровый дефицит. Делается вывод о необходимости приоритета безопасности и технологического суверенитета при цифровой трансформации городской среды для защиты экономических интересов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, умный город, интернет вещей (IoT), кибербезопасность, суверенитет данных, критическая инфраструктура, гибридные угрозы, органы внутренних дел.

Концепция «умного города», основанная на интеграции интернета вещей, больших данных и искусственного интеллекта, представляется логичным ответом на вызовы урбанизации и декларируется как инструмент повышения комфорта, безопасности и эффективности использования ресурсов [1]. Однако в эпоху геополитической нестабильности и гибридного противоборства массовое внедрение связанных сенсоров, систем автоматизированного управления и централизованных платформ данных порождает не только новые возможности, но и принципиально новые уязвимости для экономической безопасности. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [2] относит к основным вызовам и угрозам усиление колебаний конъюнктуры мировых финансовых и товарных рынков, а также сохранение значительной доли теневой экономики и условий для криминализации хозяйственно-финансовой деятельности, включая преступления в сфере компьютерной информации. Технологии, изначально рассматривавшиеся сугубо в утилитарном или экономическом ключе, превращаются в элемент стратегической инфраструктуры, чья безопасность напрямую влияет на экономический суверенитет. Бездумное или некритичное заимствование решений, без учета правовых и управленческих импликаций, чревато попаданием в «ловушки», где краткосрочная эффективность оборачивается долгосрочными системными рисками для экономики [3].

Одной из фундаментальных правовых ловушек является проблема суверенитета данных и технологической зависимости. Умный город функционирует на основе колоссальных массивов информации: от перемещений граждан и показаний датчиков коммунальных сетей до режима работы светофоров и систем видеонаблюдения. Часто архитектура таких систем строится на использовании зарубежных облачных платформ, программного обеспечения и оборудования [4]. В условиях санкционных ограничений и потенциального разрыва цепочек поставок это создает риск полной или частичной потери контроля над городским управлением, что может привести к серьезным экономическим потерям. Более того, хранение и обработка критически важных данных на серверах, подпадающих под юрисдикцию недружественных государств, ставит под вопрос конфиденциальность и делает информацию заложником

внешнеполитической конъюнктуры. Существующее законодательство о персональных данных и критической информационной инфраструктуре лишь отчасти закрывает эти риски, не предлагая целостной модели для защиты данных, генерируемых городской IoT-экосистемой как единым стратегическим активом, имеющим экономическую ценность [5].

Вторая группа ловушек связана с пробелами в регулировании ответственности и безопасностью устройств. Интернет вещей в городской среде объединяет миллионы разнородных и зачастую слабо защищенных устройств — от «умных» лампочек и счетчиков до датчиков на инженерных сооружениях [6]. Производители, стремясь к удешевлению и скорости выхода на рынок, часто экономят на встроенных средствах кибербезопасности. Взлом такого устройства может стать точкой входа для атаки на всю сеть, что способно парализовать работу коммунальных служб, транспорта, энергоснабжения и привести к значительному экономическому ущербу. Однако действующее правовое поле размыто: сложно определить, кто несет ответственность за киберинцидент — производитель устройства, интегратор системы, оператор связи или муниципалитет. Отсутствие обязательных отечественных стандартов безопасности для IoT-устройств, используемых в публичной инфраструктуре, оставляет эту сферу практически неподконтрольной, превращая умный город в потенциальное «осиное гнездо» для бот-сетей и точек кибервторжения, что создает прямые угрозы экономической безопасности [7].

На управленческом уровне проявляется ловушка межведомственной разобщенности и силосного мышления. Внедрение технологий умного города требует теснейшей координации между департаментами транспорта, ЖКХ, МЧС, правоохранительными органами и IT-службами. На практике же ведомства часто действуют изолированно, создавая собственные, несовместимые между собой информационные системы. Это приводит к формированию «цифровых баррикад», когда данные не стекаются в единый центр управления для комплексного анализа, а остаются в изолированных ячейках. В кризисной ситуации, будь то кибератака или техногенная катастрофа, такая разобщенность парализует принятие решений и увеличивает экономический ущерб. Более того, нехватка управленцев, обладающих одновременно компетенциями в области городского хозяйства, права и цифровых технологий, ведет к тому, что дорогостоящие проекты внедряются без должной оценки рисков и правового сопровождения, отдаваясь на откуп внешним подрядчикам, что создает дополнительные экономические риски [8].

В контексте гибридных угроз ловушка превращения удобства в инструмент давления становится наиболее опасной. Централизованные системы управления транспортными потоками, энергоснабжением или водоснабжением, будучи цифровизированными, из объекта управления превращаются в цель для атаки. Геополитический противник может рассматривать уязвимости умного города не как техническую погрешность, а как канал для нанесения неприемлемого экономического ущерба. Организованные кибератаки, способные одновременно отключить свет, парализовать движение и нарушить работу экстренных служб, — это уже не сценарий фантастического фильма, а вполне реальная угроза. Таким образом, технологии, призванные повысить устойчивость города, при недостаточном уровне защищенности могут, напротив, сделать его более хрупким и уязвимым для дистанционного, трудноатрибутируемого воздействия, способного подорвать экономическую безопасность.

Важнейшую роль в минимизации этих рисков и защите экономических интересов призваны играть органы внутренних дел. На них возложены функции по противодействию преступлениям в сфере компьютерной информации, защите критической инфраструктуры и обеспечению экономической безопасности. Формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих специалистов, включая сотрудников полиции, является критически важным условием эффективной борьбы с киберпреступностью, наносящей ущерб экономике [9]. Современный сотрудник должен не только владеть методами расследования, но и разбираться в технических аспектах функционирования IoT-систем, уметь выявлять цифровые следы [10] и предотвращать угрозы. Автоматизация процессов проверки знаний и компетенций в области информационной безопасности может способствовать повышению качества подготовки кадров для подразделений, защищающих инфраструктуру умных городов [11]. Кроме того, методика интеграции системы управления киберрисками в предпринимательских структурах, демонстрирует необходимость комплексного подхода к защите коммерческих организаций, которые являются ключевыми субъектами экономической деятельности и активно внедряют IoT-решения [12].

Цифровая трансформация городской среды в эпоху нестабильности не может сводиться к простой установке датчиков и закупке программного обеспечения. Это сложнейший правовой и управленческий вызов, требующий пересмотра базовых подходов к обеспечению экономической безопасности. Необходим приоритет технологического суверенитета

и безопасности на этапе проектирования систем, а не как запоздалая надстройка. Требуется скорейшее развитие отечественной нормативной базы, устанавливающей жесткие стандарты безопасности для IoT, четкие правила обращения с городскими данными и механизмы распределения ответственности. На уровне управления ключевым становится преодоление ведомственных барьеров и воспитание новой генерации руководителей, способных видеть в технологиях умного города не только инструмент эффективности, но и объект стратегической защиты. Только осознав и нейтрализовав эти правовые и управленческие ловушки, можно говорить о том, что умный город станет действительно умным — то есть не только удобным, но и безопасным, устойчивым и суверенным в непредсказуемых условиях современного мира, обеспечивая тем самым экономическую безопасность личности, общества и государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с поправками) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

3. Котиков П. Е., Нечай А. А. Репликация данных между серверами баз данных в среде геоинформационных систем // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2015. № 1. С. 88 – 91.

4. Нечай А. А., Котиков П. Е. Актуальные проблемы защиты информации в современных автоматических телефонных станциях // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2015. № 2. С. 65 – 69.

5. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с.

6. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

7. Нечай А. А. Использование инновационных методов и современных технологий для повышения квалификации в области кибербезопасности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 193 – 196.

8. Ничагина А. В., Нечай А. А. Разработка электронного учебного курса для обучения студентов вуза по педагогической дисциплине // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2023. № 4. С. 326 – 342.

9. Нечай А. А. Формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих учителей информатики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. С. 114 – 124.

10. Нечай А. А., Федоркевич Е. В. Что такое цифровой след и можно ли его скрыть? // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: Материалы международной научной конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 18 – 19 апреля 2023 года. Том 1. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 284 – 288.

11. Нечай А. А. Автоматизация проверки знаний при оценке сформированности профессиональных компетенций по информационной безопасности // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: Материалы II Всероссийской научной конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 261 – 266.

12. Эсаулов К. А., Яхваров Е. К., Нечай А. А., Березин А. С. Методика интеграции системы управления киберрисками в предпринимательских структурах // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2020. № 2. С. 80 – 86.

© Ласточкина А. В., 2026

EDN: WKLDEN

Лебедева Ася Евгеньевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
asya.lebedeva.2007@mail.ru

Научный руководитель:
Дончевская Людмила Владимировна
начальник кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
Luda_d65@mail.ru

СТАБИЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ДЕФИЦИТЕ ТЕХНОЛОГИЙ И ФИНАНСОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из актуальных проблем современной России — санкционной борьбе со стороны западных стран. Особое внимание уделяется методам, способствующим стабилизации экономической ситуации в Российской Федерации. В работе анализируется состояние экономики страны до введения санкций и в период нарастания санкционного давления.
Ключевые слова: санкционное давление, экономические ограничения, макроэкономические показатели, социально-экономическое развитие, методы стабилизации экономики, политика импортозамещения, международная торговля, неопределённость в мировой экономике.

На протяжении истории Россия сталкивалась с множеством вызовов политического, экономического, природного и социального характера.

Начиная с древних времён, она переживала внутренние междоусобицы, экономические и политические кризисы, участие в многочисленных внешнеполитических конфликтах. Наиболее масштабными считаются Отечественная война 1812 года, первая и вторая российские революции, повлекшие смену власти, Гражданская война, Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., Карибский кризис 1962 года, война в Афганистане 1979 – 1989 гг.

В 21 столетии Российской Федерации также пришлось столкнуться с политическими, идеологическими и экономическими трудностями: Чеченская компания, COVID-19, активно возрастающий градус русофобии со стороны стран запада и союзников НАТО. Открытое негативное отношение к русским возросло после ухудшения отношений России с Украиной в 2014 году, и начала Специальной военной операции в 2022 году. Методом борьбы с Россией стало введение санкций, одни из которых появились ещё в 2014 году, а в последнее 5 лет их количество и разнообразие серьезно возросло. Перечисленные события напрямую повлияли на экономическую ситуацию внутри страны, среди которых можно выделить следующие направления: международная торговля, развитие инфраструктуры и международные отношения.

С начала Специальной военной операции, против Российской Федерации были применены меры со стороны более 60 государств, таких как: США, Великобритания, страны ЕС, Канада, Япония, скандинавские страны. Основные категории ограничений — это сферы энергетики, финансов, миграции, международной торговли и технологий. В сфере энергетики установлен потолок цен на нефть и запрет на импорт угля, что привело к неопределенности экспортной торговли нефтью и снижению экспортной выручки. Основными покупателями российского сырья стали, в первую очередь Китай и Индия. В сфере торговли и технологий введен запрет на экспорт товаров в Российскую Федерацию. В большей степени сократились поставки бытовой техники, электроники и высокотехнологичного оборудования. Также прекратились поставки некоторых видов зарубежных лекарственных препаратов, из-за чего резко повысилась стоимость санкционных зарубежных лекарств, имеющихся в наличии внутри страны. В РФ начали проводить политику импортозамещения путем финансирования и поддержки развития отечественного производства, создания аналогов, поиска новых поставщиков.

Отключение многих крупных российских банков от системы SWIFT вызвало временные задержки и сбои в осуществлении международных платежей, затруднения в проведении экспортных операций

и международных расчетов. Объем транзакций российских банков сократился на 55 – 60 %. Однако, к 2025 году за счёт нахождения альтернативных каналов (Российской системы передачи финансовых сообщений, платежных агентов и др.) было восстановлено уже 70 % данного объема [1].

В июне 2022 года был утвержден эмбарго на морские поставки нефти и нефтепродуктов из РФ. В качестве решения проблемы, Россия перенаправила курс с европейского рынка на страны Азии и Африки. Как следствие, сократилась экспортная выручка из-за повышения затрат на перевозку и необходимости увеличения числа танкеров.

Страны ЕС приняли решение об отказе от российского газа, но данная мера не оказала значительного влияния на российский бюджет, в то время как Европа пострадала от серьезного роста цен на топливо и энергоресурсы. Это негативно сказалось на промышленном производстве и конкурентоспособности европейских отечественных товаров на международном рынке и привело к нарастанию внутренней социальной напряженности.

Власти государств ЕС ввели запрет для российских самолетов на полёт над территорией Евросоюза. Российская Федерация в ответ закрыла своё воздушное пространство для авиакомпаний недружественных государств. В следствие, увеличилось время перелётов и возросла стоимость билетов. Это уже вынудило две главные авиакомпании Японии — Japan Airlines Co Ltd и ANA Holdings Inc — отменить все свои рейсы в Европу из-за санкций России [2].

Многие страны ЕС ввели визовые ограничения, а некоторые вовсе прекратили рассматривать заявления на визу от российских граждан, поэтому на данный момент для туристов Российской Федерации многие границы закрыты.

23 октября 2025 года ЕС был утвержден 19-й пакет санкций против РФ. Он направлен на сокращение доходов России от энергетики, укрепление финансовых барьеров и ограничение обхода санкций через третьи страны, такие как Китай, Индия и ОАЭ, а также на ограничение способности России финансировать свою военную кампанию и технологическое развитие [3].

Экономические ограничения, связанные с введением данных санкций, серьезно повлияли на экономические процессы в Российской Федерации.

Проведя анализ макроэкономических показателей, можно проследить динамику изменения ситуации за последнее десятилетие. Начиная с 2020 года, прослеживается рост ВВП на душу населения с наибольшим

скачком в 2022 году, что может быть связано с увеличением денежной массы в обороте за счет введения новых социальных пособий и выплат участникам Специальной военной операции [4]. Также прослеживаются изменения в статьях расходов Федерального бюджета: если в 2014 году такие статьи как национальная оборона (13 %), межгосударственные расходы и расходы на социальную политику были примерно равны, то в 2022 году на социальную политику пришлось 24,6 %, на национальную оборону — 14,7 %. К 2025 году данные показатели сильно изменились: расходы на оборону превысили 30 %, а на социальную политику снизились до 17 %. Показатели инфляции в России с 2014 по 2024 гг. варьировался в пределах от 2,52 % до 11,94 % с наибольшим показателем в 2022 году [5]. Сейчас в России наблюдается умеренная инфляция (9,1 %), причинами которой является:

1. Зависимость экономики от сырьевого экспорта. Сырьевая промышленность приносит основную часть. Дохода государства, поэтому при возникновении проблем с получением прибыли от экспорта ресурсов.

2. Инфляционные ожидания. Согласно опросам ЦБ РФ, более 65% предпринимателей и 78% населения ожидают рост цен в ближайшие 12 месяцев, что может привести к повышению цен и требованиям повышения зарплат.

3. Санкции и торговые ограничения. Требуют перестроения экономической стратегии и дополнительных расходов государственного бюджета.

4. Глобальная инфляция. Приводит к увеличению стоимости импортируемых товаров и технологий.

5. Изменение структуры международной торговли. В связи с переориентацией экономических связей России требуются дополнительные издержки на адаптацию к новым рынкам сбыта и требованиям стран [6].

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что, несмотря на санкции, российская экономика, после ряда изменений, находится в стабильном состоянии, которое было достигнуто с помощью правовых, фискальных, монетарных и административных методов, а именно: валютного, таможенного регулирования, осуществления контроля над сделками с долями зарубежных компаний, сделок с ценными бумагами и недвижимостью, ограничений, связанных с оплатой покупок своими банковскими картами иностранными гражданами на территории Российской Федерации, введения новых пособий и социальных выплат, государственной поддержки граждан, регулирование ключевой ставки, осуществление тарифной политики, заключения

государственных контрактов и контроля за осуществлением государственных заказов.

Для обеспечения экономической безопасности при дефиците технологий и финансов в России используются следующие меры:

1. Поддержка развития отечественного производства за счет субсидирования затрат производителей и налоговых льгот с целью замещения дефицитных дорогих импортных товаров на доступные отечественные. Так, в России налаживается выпуск турбин и энергооборудования, ранее закупаемого у Siemens и General Electric. В рамках политики импортозамещения в России были разработаны медицинские препараты: «Элпида» (элсульфавирин) — антиретровирусный препарат для лечения ВИЧ; «Арланса» (нарлапревир) — противовирусный препарат для лечения гепатита С; «Мирклудекс Б» (булевиртид) — противовирусный препарат для лечения гепатита В и D;

«Биогиал» (гиалуронидаза) — ранозаживляющее средство и др. [7]. Также была разработана отечественнуая операционная систему Astra Linux для нужд Министерства обороны и силовых структур, создан российский магазин приложений RuStore.

2. Расширение государственной поддержки научно-технической и инновационной деятельности: к 2030 году в России планируется создать более 100 технопарков и лабораторий; активно выдаются гранты на развитие отраслевых программ (фармацевтики, совершенствования транспорта и улучшения логистики, развития Арктики и тп.); приоритет в госзакупках для отечественных инновационных решений.

3. Создание стратегических запасов государственных материальных резервов и мощностей — одна из задач, перечисленных в Указе Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». В неё входит: запасы материальных ценностей для мобилизационных нужд, стратегических материалов и товаров, а также ценности для обеспечения неотложных работ при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

4. Совершенствование специализированных инструментов поддержки кредитования — регулирование процентной ставки, введение новых норм кредитования.

5. Развитие инфраструктуры национального финансового рынка за счёт совершенствования Системы быстрых платежей (СБП), содействие участникам рынка в выстраивании инфраструктуры для расчётов в национальных валютах дружественных стран, масштабирование

нефинансовых сервисов карт «Мир». Всё перечисленное значительно упрощает проведение финансовых операций между участниками экономики внутри страны и компаниями на международном рынке [8].

На сегодняшний день, прогноз развития российской экономики говорит о продолжении санкционного давления со стороны западных стран. Влияние неопределённости в мировой экономике и санкционных мер партнеров США будет ограничено по мере адаптации участников международной торговли к изменениям и ограничениям, а цены на рынке сбыта, по сравнению с началом 2025 года, теперь будут реагировать на санкции более устойчиво [9]. При этом разделение торговых связей не будет серьёзно влиять на экономику, сохраниться спрос на товары экспорта России.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определены 7 национальных целей развития, направленных на всестороннее повышение качества жизни населения, улучшение условий ведения бизнеса, обеспечение безопасности и технологической независимости стран [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент Российская экономика смогла справится с санкционным давлением. Остаются нерешенными проблемы дефицита бюджета и дисбаланса секторов производства. Значительно возросла расходная часть бюджета на национальную оборону, прослеживается динамика развития отечественного производства, в результате чего удалось снизить зависимость от импорта, продолжает расти количество предприятий. Но по настоящий момент в России остаются актуальными вопросы импортозамещения и поиска рынков сбыта.

По мнению аналитиков, введение новых санкций не окажет критического влияния на российскую экономику. Возникающий в связи с экономическими ограничениями трудности носят лишь временный характер. С принятием необходимых мер, экономическая ситуация в России продолжает находиться в стабильном состоянии и имеет возможность быстро перестраиваться при возникновении новых обстоятельств.

Обеспечение экономической безопасности страны с учетом всех изменений международной политической ситуации, на настоящий момент, является одним из наиболее важных направлений государственной политики Российской Федерации.

Список литературы:

1. Заборовская А. Е., кандидат экономических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» РФ, г. Екатеринбург, «Отключение Российской Федерации от SWIFT системы и его последствия» [Электронный ресурс] // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116765/1/978-5-91256-557-1_2022_232.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

2. «Об использовании воздушного пространства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10201, 19.03.2022.

3. Введение19-го пакета санкций против России [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8141626 (дата обращения: 17.02.2026).

4. Данные о ВВП в России [Электронный ресурс] // URL: https://ru.tradingview.com/symbols/ECONOMICS-RUGDP/ (дата обращения: 17.02.2026).

5. Инфляция в России [Электронный ресурс] // URL: https://asmfc.ru/news/3421 (дата обращения: 20.02.2026).

6. Причины инфляции в России [Электронный ресурс] // URL: https://www.sravni.ru/text/inflyacziya-2/ (дата обращения: 20.02.2026).

7. И. Чикунов «Импортозамещение лекарств и жизненно важные препараты» [Электронный ресурс] // URL: https://knife.media/import-substitution/?ysclid=mmc62kdu5d443910307 (дата обращения: 25.02.2026).

8. Антисанкционные меры 2022 – 2026 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/57750630/.

9. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru.

10. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru, 07.05.2024.

© Лебедева А. Е., 2026

EDN: OQWNDR

Лехтметс Константин Сергеевич
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
lekhtmets10@yandex.ru

Научный руководитель:
Ахмедов Тимур Чингизович,
доцент кафедры экономической безопасности,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
ttt_tima@mail.ru

НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ ПЕРЕУСТУПКЕ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ: АКТУАЛЬНАЯ СХЕМА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье рассмотрена краткая уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, рассмотрен актуальный механизм обналичивания денежных средств при переуступке права требования, предложены технические методы совершенствования процесса выявления и раскрытия незаконного обналичивания, а также меры нормативного урегулирования.
Ключевые слова: экономическая безопасность, незаконная банковская деятельность, незаконное обналичивание, договор цессии, бумажный НДС.

Статья 172 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Незаконная банковская деятельность» [1] предусматривает ответственность за осуществление банковских операций без специальной регистрации или

лицензии Банка России в случаях, когда это деяние причинило крупный ущерб или сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Объективная сторона данного преступления выражается в активных действиях, таких как привлечение денежных средств, выдача кредитов, осуществление переводов и инкассация, осуществляемая за рамками правового поля. Субъектом выступает лицо, достигшее 16 лет. Деяния правонарушителей обретают признаки состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, в случае создания финансовых институтов, извлекающих прибыль за счет получения комиссии от обслуживания или проведения финансовых операций, фактической целью которых является, так называемое, «обналичивание» денежных средств.

В настоящее время одним из самых актуальных способов ведения незаконной банковской деятельности является неправомерное обналичивание денежных средств. Различные субъекты предпринимательской деятельности прибегают к незаконному обналичиванию денежных средств для решения целого спектра задач, направленных на вывод денег в теневой сектор. Одной из целей подобных деяний, является уклонение от уплаты налогов и сборов. В таком случае, организации могут вести финансово-хозяйственную деятельность, используя в обороте преимущественно наличные денежные средства, что зачастую позволяет не отражать фактическую налоговую базу по налогу на прибыль и НДС. Помимо этого, целью обналичивания может стать желание работодателя выплатить «серую» зарплату сотрудникам или различным посредникам, занижая отчисления в фонд оплаты труда. Также необходимо отметить то, что именно наличные денежные средства позволяют недобросовестным организациям вести деятельность в теневом секторе экономики, а именно, осуществлять расчеты с контрагентами, предпочитающими также работать вне с наличными денежными средствами. Таким образом, незаконная банковская деятельность становится ключевым элементом многих правонарушений экономической направленности, в том числе налоговых преступлений, финансовых махинаций. Что непосредственно сказывается на экономической безопасности государства.

Понятие и условия цессии, то есть переуступки права требования, закреплено в 3 Главе Гражданского Кодекса РФ [2]. Откуда следует, что в случаях, предусмотренных законодательством, обязательство может быть передано от цедента (предыдущего кредитора) цессионарию (новому кредитору). Однако злоумышленники зачастую используют данный инструмент лишь для придания законного вида перемещению

денежных средств. В таких обязательство фактически отсутствует, а возникает искусственно и является фиктивным. В результате подобных действий, в декларируемой отчетности, движение денежных средств выглядит обоснованным, а возникающая комиссия становится «дисконтом» продажи долга.

Далее будет приведен пример механизма незаконного обналичивания денежных средств с помощью переуступки права требования. Например, организация ООО «Альфа» хочет обналичить денежные средства в размере 1000 у.е. Для этого она находит организацию «Бета», которая располагает наличными денежными средствами в необходимом объеме и при этом хочет сэкономить денежные средства на покупке станков на заводе «Гамма» (изначальная рыночная стоимость станков 1200 у.е.). Далее заключается договор цессии, суть которого заключается в том, что организация «Альфа» имеет задолженность перед организацией «Бета» в размере 1200 у.е., и в счет погашения этой задолженности заплатит за станки заводу «Гамма» полную стоимость (1200 у.е.). После чего «Альфа» получит 1000 у.е. наличными от организации «Бета» (без документального оформления), «Бета», в свою очередь, получит станки стоимостью 1200 у.е., а завод «Гамма» получит доход от реализации продукции в размере 1200 у.е. Однако у организации «Альфа» возникает разрыв по НДС, так как завод «Гамма» не отразит организацию «Альфа» в 9 Разделе налоговой декларации), этот «разрыв», в случае возникновения вопросов у налоговых органов, объясняется договором цессии.

Причиной высокой латентности преступлений, с использованием договоров цессий, является высокая степень нагруженности на сотрудников, вынужденных вручную или, в лучшем случае, с помощью сводных таблиц, сопоставлять данные из множества источников. Возможным способом упрощения и автоматизации данного процесса может стать внедрение дополнительного модуля в систему АСК НДС-2, находящуюся под контролем ФНС России. Подобная программа при анализе отдельного договора цессии сможет автоматически сопоставлять заявленную цену продажи долга (размер дисконта) с актуальным финансовым положением должника, сопоставляя данные с отчетностью других аналогичных организаций, а также баз данных службы судебных приставов. В случаях, когда будет замечена покупка права требования к компании, не имеющей активов, сотрудников либо имущества, а дисконт по сделке превышает, например, 50 % от суммы

обязательства, то такая операция может автоматически помечаться, как операция, требующая дополнительной проверки. Еще одним важным инструментом может стать механизм, позволяющий выстраивать схемы связей организаций, использующих один и тот же IP-адрес. Например, при вводе ИНН организации — приложение сможет выявлять сразу несколько организаций, подающих отчетность с одного IP-адреса, а также использующих одни и те же номера мобильных телефонов или оформляющих нотариальные доверенности на одних и тех же лиц. Это может позволить сотрудникам оперативных подразделений вскрывать целые «обнальные площадки».

Таким образом, в качестве превентивных мер противодействия, а также для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в части выявления вышеуказанных правонарушений целесообразно осуществить следующее:

1. Внести разъяснения в п. 86 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [3] относительно критериев фиктивности сделок, и, возможно, в нем же закрепить позицию, согласно которой дисконт по договору цессии, превышающий определенное пороговое значение, например в 30%, при отсутствии официальных процедур банкротства должника или данных о его тяжелом финансовом положении, является квалифицирующим признаком мнимости сделки (в контексте ст. 170 ГК РФ [4]).

2. Осуществлять, на автоматической основе, проверку договоров цессий, заключенных между организациями, история взаимодействий которых отсутствует либо, наоборот, в тех случаях, когда между организациями имеются признаки значимой аффилированности;

3. Вести строгий учет долгов юридических лиц в момент ликвидации. Необходимо обязать ФНС России при внесении записи о ликвидации компании направлять в ЕГРЮЛ информацию обо всех ее непогашенных обязательствах, например, на сумму свыше 1 миллиона рублей. В случае последующего появления договора цессии, уступающего право требования по долгу уже ликвидированной организации, необходимо проведение проверки происхождения первичной задолженности.

Это позволит оперативным сотрудникам оперативных подразделений более эффективно передавать материалы в следственные органы, имея на руках четкий юридический критерий.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

3. Отдельные схемы обналичивания денежных средств и их связь с оптимизацией налогообложения / С. А. Антонова, Е. Д. Горбунова, К. С. Денисов, Т. Н. Бочкарева // Финансовая безопасность — новые горизонты: Материалы X Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ, Москва, 19 – 20 ноября 2024 года. — Москва: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2024. — С. 655 – 662. — EDN BPMZER.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации.

© *Лехтмтес К. С. 2026*

EDN: OQWNDR

Лубенкова Полина Андреевна
студент
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
lubenkova10@mail.ru

Научный руководитель:
Подтихова Наталья Николаевна
доцент научно-учебной лаборатории моделирования
и оценки финансово-экономической безопасности
и рисков субъектов экономической деятельности
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
кандидат экономических наук, доцент
NPodtikhova@sfu-kras.ru

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОСНОВЕ СИНТЕЗА УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается необходимость синтеза управления стоимостью и экономической безопасности для оценки инвестиционной привлекательности предприятий обрабатывающей промышленности. Разработана модель, включающая стоимостные драйверы, операционные показатели и индикаторы безопасности. На примере ПАО «НЛМК», ПАО «КАМАЗ» и ПАО «Акрон» за 2022 – 2024 гг. проведена апробация, выявлены разнонаправленные траектории движения, предложены адресные рекомендации.
Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, экономическая безопасность, управление стоимостью, обрабатывающая промышленность, интегральная оценка.

В условиях затяжной экономической нестабильности в России именно предприятия обрабатывающей промышленности принимают на себя основной удар: зависимые от длинных денег и инвестиционного спроса, они первыми реагируют на сжатие рынков и удорожание кредитов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью для российских промышленных предприятий одновременно решать две стратегические задачи: привлекать инвестиции для технологической модернизации и обеспечивать устойчивость в условиях продолжительных внешних угроз.

Обрабатывающая промышленность, являясь основой реального сектора экономики, сталкивается с такой проблемой, когда традиционные методы оценки инвестиционной привлекательности, основанные на финансовых мультипликаторах и моделях дисконтирования денежных потоков, учитывают факторы безопасности лишь опосредованно, чаще всего через премию за риск в ставке дисконтирования, определение которой — субъективное решение. Это создает риски для инвестора: компания с привлекательными текущими финансовыми показателями может нести скрытые угрозы, способные обрушить её стоимость в будущем.

Цель исследования — разработать и апробировать методику интегральной оценки инвестиционной привлекательности предприятий обрабатывающей промышленности, в которой индикаторы экономической безопасности выступают как внутренние драйверы (или депрессоры) стоимости бизнеса, формируя его долгосрочную инвестиционную привлекательность.

Эмпирической базой выступает публичная отчетность [1 – 4] трех лидеров обрабатывающей промышленности России за 2022 – 2024 гг.: ПАО «НЛМК» (металлургия), ПАО «КАМАЗ» (машиностроение), ПАО «Акрон» (химическая промышленность). Выбор компаний обусловлен доступностью данных, в том числе нефинансовых отчетов. В основе данной работы лежит авторская модель, устанавливающая причинно-следственную связь между экономической безопасностью и инвестиционной привлекательностью с точки зрения управления стоимостью.

Экономическая безопасность как состояние защищенности от угроз обеспечивает стабильность и предсказуемость операционной деятельности. Эта стабильность, с одной стороны, снижает премию за операционный риск, что отражается в уменьшении стоимости капитала (WACC). С другой стороны, предотвращает катастрофические оттоки денежных средств на ликвидацию последствий реализовавшихся угроз (простои,

аварии, судебные иски, экологические штрафы). В результате база для генерации будущих свободных денежных потоков (FCF) становится более устойчивой, а ставка для их дисконтирования — более низкой. Оба эти фактора напрямую ведут к росту расчетной стоимости бизнеса и, как следствие, к повышению его инвестиционной привлекательности.

Обратная связь не менее важна: низкий уровень безопасности увеличивает риски и затраты, снижая FCF и увеличивая WACC, что разрушает стоимость. Таким образом, игнорирование безопасности в цепочке управления стоимостью делает саму цель максимизации стоимости недостижимой в долгосрочной перспективе. Следовательно, управление инвестиционной привлекательностью необходимо строить на синтезе этих двух подходов, где система безопасности создает фундамент для устойчивого стоимостного роста.

Разработанная интегральная модель включает три аналитических блока, весовые коэффициенты которых определены методом экспертных оценок. Описание блоков и присвоение весовых баллов по итогам экспертного метода представлено в таблице 1.

Таблица 1. Описание блоков в модели исследования

Блок модели	Содержание (ключевые показатели)	Количество баллов
А. Стоимостные драйверы	1. Рентабельность инвестированного капитала (ROIC) 2. Свободный денежный поток (FCF) и его динамика 3. Спред ROIC-WACC (создание/разрушение стоимости)	40
Б. Финансово-операционное состояние	1. Ликвидность (текущая, быстрая) 2. Оборачиваемость активов и дебиторской задолженности 3. Рентабельность продаж (ROS)	35
В. Экономическая безопасность	1. Производственная безопасность: степень износа ОС, коэффициент травматизма 2. Кадровая безопасность: добровольная текучесть 3. Экологическая безопасность: объём и динамика выбросов	25
Проверка	х	100

Каждый показатель внутри блоков нормализован по 5-балльной шкале на основе сравнения с отраслевыми нормативами, стратегическими целями компаний или анализом динамики [5]. Значению 1 балл

соответствует критический уровень (максимальный риск), 5 баллов — отличный (минимальный риск). Интегральный коэффициент (ИК) рассчитывается как взвешенная сумма средних баллов по каждому блоку:

$$ИК=X_А \times 0,4+X_Б \times 0,35+X_В \times 0,25 \quad (1)$$

где $X_А$ — средний балл по блоку А;
$X_Б$ — средний балл по блоку Б;
$X_В$ — средний балл по блоку В.

Для качественной интерпретации стоит рассмотреть показатели каждого блока в динамике. Динамика стоимостных драйверов представлена в таблице 2.

Таблица 2. Динамика стоимостных показателей

Коэффициент	ПАО «НЛМК»			ПАО «КАМАЗ»			ПАО «Акрон»		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
ROIC, %	26,0	27,0	7,30	5,0	7,0	6,2	40,0	16,0	10,0
WACC, %	10,0	13,0	11,0	11,0	10,0	12,0	7,1	6,8	7,2
Абсолютное изменение FCF, млрд руб.	(170,9)	15,5	(6,5)	12,0	0,35	(86,3)	(36,7)	(5,2)	(32,6)
Спред ROIC-WACC, п.п.	16	14	-3,7	-6	-3	-5,8	32,9	9,2	2,8

По результатам трендового анализа мы четко видим переход «НЛМК» из зоны активного создания стоимости в период с 2022 – 2023 гг. в зону её разрушения в 2024 году. У «КАМАЗ» наблюдается хроническое разрушение стоимости на протяжении всего периода. «Акрон», несмотря на сохранение положительного спреда, демонстрирует его резкое снижение на 30,1 п.п. за 3 года.

На следующем этапе мы подвергнем анализу основные финансово-операционные показатели, которые представлены в таблице 3.

Можно отметить, что финансово-операционные показатели не только характеризуют текущую эффективность бизнеса, но и служат

ранними индикаторами потенциальных угроз экономической безопасности. Результаты анализа демонстрируют падение рентабельности у всех трех компаний, что сигнализирует о потере конкурентоспособности и эффективности использования ресурсов. Замедление оборачиваемости (КАМАЗ, Акрон) указывает на проблемы с управлением оборотным капиталом, ведущие к дефициту ликвидности. Снижение ликвидности ниже средних значений по отрасли (Акрон, КАМАЗ) создает непосредственную угрозу финансовой безопасности — риск неплатежеспособности. При этом стоить отметить заметный пардокс у НЛМК (стабильная операционная эффективность с падением ROIC) демонстрирует, что операционные показатели могут не давать точную информацию, если за ними стоят накапливающиеся риски в сфере экономической безопасности.

Таблица 3. Динамика финансово-операционных показателей

Коэффициент	ПАО «НЛМК»			ПАО «КАМАЗ»			ПАО «Акрон»		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Абсолютная ликвидность	0,36	1,09	0,2	0,69	0,49	0,3	0,66	1,06	0,44
Текущая ликвидность	1,39	2,45	2,28	1,49	1,2	1,23	2,04	1,95	1,12
Длительность оборота активов, дни	181	129	88	208	227	316	120	307	303
Длительность оборота ДЗ, дни	93	104	90	82	93	135	57	121	114
Длительность оборота КЗ, дни	95	68	42	93	107	153	38	53	59
Длительность оборота запасов, дни	52	47	56	52	50	90	26	45	46
Рентабельность активов, %	17,5	18,6	10,8	6,5	5,1	0,1	28,4	9,3	6,9
Чистая рентабельность, %	18,5	22,4	12,4	6,4	5,3	0	35,4	19,9	15,4

Разнонаправленные тренды двух блоков показателей вновь подтверждают необходимость рассмотрения их синтеза с индикаторами безопасности, которые помогут сформировать комплексное представление о состоянии компании и ее рисках. Динамика индикаторов экономической безопасности представлена в таблице 4.

Таблица 4. Динамика индикаторов экономической безопасности

Индикатор	ПАО «НЛМК»			ПАО «КАМАЗ»			ПАО «Акрон»		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Кадровая безопасность									
Добровольная текучесть,%	7,7	9,5	9,4	11,5	11,1	9,1	4,8	8	8
Экологическая безопасность									
Темп прироста объема выбросов парниковых газов,%	-10,6	2,7	-1,3	-4,0	-6,5	-2,4	-4,6	3,6	-3,1
Производственная безопасность									
Степень износа основных средств, %	48,6	54,0	56,8	27,7	29,3	30,8	42,6	40,0	37,3
Коэффициент частоты производственного травматизма	0,69	0,68	0,51	0,62	0,88	0,75	0,54	0,64	0,38

Анализ индикаторов экономической безопасности позволяет объяснить разнонаправленные тренды, выявленные в стоимостных и операционных показателях. Критический рост износа основных средств у НЛМК (с 48,6 % до 56,8 %) раскрывает причину обвала ROIC в 2024 году: вынужденные замещающие инвестиции при растущем инвестированном капитале разрушили стоимость, несмотря на операционную эффективность. Высокий уровень производственной безопасности КАМАЗ (износ 30,8 %, устойчивое снижение выбросов) парадоксально сочетается с хроническим разрушением стоимости, что объясняется операционной неэффективностью, а не проблемами безопасности. Акрон, демонстрируя лучшие показатели травматизма и снижение износа, столкнулся с угрозой финансовой безопасности из-за падения ликвидности.

Таким образом, синтез трех блоков показателей позволяет перейти к балльной оценке и построению интегральной модели, где каждый компонент вносит вклад в диагностику инвестиционной привлекательности. Интегральная оценка всех компаний в динамике представлена в таблице 5.

Таблица 5. Интегральная оценка компаний

Компания	Комплексный индикатор			Причина динамики
	2022 год	2023 год	2024 год	
ПАО «НЛМК»	4,28	4,20	2,95	Сокращение стоимости при сохранении операционной эффективности
ПАО «КАМАЗ»	3,37	2,75	1,98	Системный кризис при стабильной безопасности
ПАО «Акрон»	3,83	3,26	2,85	Падение операционной эффективности при устойчивой безопасности

На основе выявленных траекторий движения сформулированы адресные механизмы повышения инвестиционной привлекательности. Для ПАО «НЛМК» необходима переориентация инвестиционной политики с замещающих на развивающие капитальные вложения для снижения износа ОС до безопасного уровня (<50 %) и восстановления положительного спреда ROIC-WACC. Для ПАО «КАМАЗ» использование высокого уровня безопасности как фундамента для операционной реструктуризации — ускорение оборачиваемости и восстановление рентабельности. В случае с ПАО «Акрон» необходимо срочное вмешательство в управление оборотным капиталом — снижение длительности оборота дебиторской задолженности и восстановление ликвидности до нормативных значений.

Таким образом, апробирование разработанной интегральной модели доказало необходимость синхронного управления всеми тремя блоками: безопасность создает фундамент, операционная эффективность обеспечивает текущую доходность, а их синтез формирует долгосрочную инвестиционную привлекательность.

Дальнейшие исследования предполагают уточнение весовых коэффициентов и расширение набора индикаторов безопасности с учетом отраслевой специфики.

Список литературы:

1. Финансовая отчетность [Электронный ресурс] // URL: https://nlmk.com/ru/about/governance/regulatory-disclosure/financial-statements/ (дата обращения: 25.02.2026).

2. Финансовая отчетность [Электронный ресурс] // URL: https://kamaz.ru/investors-and-shareholders/financial-statements/ (дата обращения: 25.02.2026).

3. Финансовая отчетность [Электронный ресурс] // URL: https://www.acron.ru/investors/financial-statements/ (дата обращения: 25.02.2026).

4. Годовые отчеты [Электронный ресурс] // URL: https://nlmk.com/ru/about/governance/regulatory-disclosure/annual-reports/ (дата обращения: 25.02.2026).

5. Исследование по текучести персонала (по итогам 2024) [Электронный ресурс] // URL: https://antaltalent.ru/blog/staff-turnover-2024/ (дата обращения: 25.02.2026).

© *Лубенкова П. А., 2026*

EDN: NSWNTF

Мамитько Сергей Алексеевич
слушатель
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова
Хабаровск, Россия
ser-ioga.novikoff@yandex.ru

Научный руководитель:
Уварова Наталья Владимировна
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова
Хабаровск, Россия
кандидат юридических наук, доцент
skorra@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ, ОКАЗЫВАЮЩЕЕ НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье автором рассматривается проблема привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающихся незаконным оборотом драгоценных металлов, составляющему угрозу экономической безопасности Российской Федерации. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости применения административной преюдиции в ст. 191 УК РФ, позволяющей справедливо привлекать более широкий круг лиц к уголовной ответственности.
Ключевые слова: незаконный оборот драгоценных металлов, экономическая безопасность, теневая экономика, уголовная ответственность, административная преюдиция.

В настоящее время невозможно представить государство без экономической составляющей, поскольку практически все сферы жизнедеятельности человека в той или иной степени связаны с экономическими отношениями. Любое современное государство стремится к эффективной экономической базе, способной быть устойчивой и противостоять как внешним, так и внутренним угрозам.

Отметим также роль права, как важнейшего регулятора экономических отношений, с помощью которого государство контролирует экономику, а также противодействует наступающим угрозами.

А. А. Шадт признает за государством определяющую роль субъекта экономической деятельности [1, с. 76], а Ю. А. Тихомиров и Э. В. Талапина подчеркивают, что право играет важную роль стабилизатора и гаранта экономических отношений, защиты прав субъектов экономической деятельности и интересов граждан [2, с. 5].

Обладая монопольным правом на законодательную деятельность, государство, принимая нормативные правовые акты в сфере регулирования экономических отношений, устанавливает определенные дозволения и ограничения, в том числе направленные на защиту собственных интересов.

В действующих нормативных правовых актов можно заметить, что законодатель уделяет особое место экономической безопасности как аспекта национальной безопасности Российской Федерации.

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3] (далее — Стратегия) экономической безопасности посвящен отдельный подраздел.

В подп. 30 п. 67 Стратегии указано, что достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации осуществляется путем снижения доли теневого и криминального секторов экономики.

Существует отдельный Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [4], который в подп. 19 п. 12 также содержит указание на значительную долю теневой экономики.

В настоящее время наблюдается неблагоприятная тенденция роста нелегальной добычи драгоценных металлов, особенно золота, что обуславливается повышением спроса на данный металл и увеличения, соответственно, цен на него.

Эксперты отмечают, что нелегальный рынок драгоценных металлов в стране разрастается, для золота он уже достиг 20 % — порядка 7 тонн в год [5].

Ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов российским законодательством предусмотрена в двух нормативных правовых актах (в зависимости от размера): в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [6] (далее — КоАП РФ) и в случае крупного размера — в Уголовном кодексе Российской Федерации [7] (далее — УК РФ).

Статья 15.44 КоАП РФ в ч. 2 содержит административную ответственность за сбыт незаконно добытых драгоценных металлов в любом виде и состоянии, если такое действие не содержит признаков преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 191 УК РФ, которая, в свою очередь, предусматривает уголовную ответственность за совершение сделки, связанной с драгоценными металлами, в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации, а также за незаконное хранение, перевозку или пересылку драгоценных металлов, совершенные в крупном размере.

Крупный размер определяется в примечании ст. 170 со значком 2 УК РФ и составляет три миллиона пятьсот тысяч рублей.

Обратим внимание, что ст. 191 УК РФ расположена в главе «Преступления в сфере экономической деятельности», поэтому данное преступление непосредственно посягает на экономическую безопасность Российской Федерации.

Также, незаконный оборот драгоценных металлов подразумевает уклонение от уплаты налогов на добычу полезных ископаемых (в случае незаконной добычи), а также налог на доходы физических лиц (в случае совершения сделок), что также оказывает негативное влияние на экономическую систему Российской Федерации.

По данным МВД России в 2025 году выявлено 160 преступлений, предусмотренных ст. 191 УК РФ, что на 113,3 % больше, чем в аналогичный период прошлого года [8, с. 42].

Статья 191 УК РФ заняла второе место по приросту в процентом соотношении, уступая ст. 205 УК РФ, прирост которой составил 150 %, что еще раз подчеркивает увеличение незаконного оборота драгоценных металлов на территории Российской Федерации.

Отметим, что количество выявленных преступлений не соотносится с вышеуказанным объемом незаконного оборота драгоценных металлов, в частности — золота.

Это объясняется в том числе тем, что правонарушители знают установленный минимальный размер, необходимый для квалификации по ст. 191 УК РФ, поэтому большинство деяний совершается до этого размера и являются административным правонарушением.

Установить единый умысел в преступлениях такого рода с целью квалификации двух или более тождественных противоправных деяний как продолжаемое преступление довольно сложно, поэтому лица, занимающиеся незаконным оборотом драгоценных металлов на постоянном уровне, зачастую несправедливо остаются без уголовной ответственности.

Подчеркнем, что ч. 1 ст. 191 УК РФ содержит административную преюдицию, т.е. лица, совершившие сделки с полудрагоценными камнями, ранее подвергнутые административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. 7.5 КоАП РФ, подлежат уголовной ответственности, а ч. 2 ст. 191 УК РФ предусматривает ответственность за совершение сделки с полудрагоценными камнями в крупном размере, независимо от привлечения ранее к административной ответственности, таким образом законодатель решает проблему привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение указанных деяний.

Для решения проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающихся незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней, целесообразно также применить институт административной преюдиции.

Так, необходимо ч. 4 ст. 191 УК РФ после слов «за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий» дополнить словами «лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное частью 2 статьи 15.44 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», что позволит привлекать «профессиональных» преступников в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней к уголовной ответственности.

Таким образом, любое современное государство в настоящее время невозможно представить без экономической составляющей, которая регулируются при помощи нормативных правовых актов, издаваемых государством в лице законодателя. Экономическая безопасность является важным аспектом национальной безопасности Российской Федерации, поэтому одной из задач государства на сегодняшний день является правовая охрана экономических отношений.

В условиях повышения спроса на золото и драгоценные металлы в целом, а, соответственно, и цен на них, в настоящее время в Российской

Федерации наблюдается неблагоприятная тенденция роста нелегального оборота драгоценных металлов, о чем свидетельствуют статистические данные МВД России, мнения экспертов. Несмотря на рост правонарушений такого характера, количество преступлений не соотносится с объемом незаконного оборота драгоценных металлов, что объясняется наличием критерия «крупный размер» в ст. 191 УК РФ, которым пользуются правонарушители.

С целью преодоления данной проблемы необходимо в ч. 4 ст. 191 УК РФ предусмотреть применение административной преюдиции с ч. 2 ст. 15.44 КоАП РФ, что позволит привлекать «профессиональных» преступников в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней к уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Шадт А. А. Государство как субъект экономических отношений // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2012. № 27. С. 67 – 77.

2. Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. Право как эффективный фактор экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 4 – 26.

3. Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru.

4. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru.

5. Защитить актив: объем рынка нелегального золота в РФ оценили в 20% [Электронный ресурс] // URL: https://iz.ru/1929641/mariia-stroiteleva/zashchitit-aktiv-obem-rynka-nelegalnogo-zolota-v-rf-ocenili-v-20 (дата обращения: 14.02.2026).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru.

8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2025. 64 с.

© Мамитько С. А., 2026

EDN: NVJIJD

Маринина Анастасия Сергеевна
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
marininakot@gmail.com

Научный руководитель:
Грачёв Александр Владимирович,
начальник кафедры финансового учёта и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
grachevalexunder@rambler.ru

КОНТРОЛЬ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА ЗА ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИЗ БЮДЖЕТА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. В статье автором рассматриваются существующие направления и особенности государственного контроля за эффективностью использования средств из бюджета государственными учреждениями.
Ключевые слова: эффективность, результативность, аудит эффективности, контроль, государственное учреждение, бюджет.

В условиях постоянного давления на бюджетную систему и возрастающих требований общества к качеству государственных услуг, приоритетной задачей органов государственной власти становится обеспечение своевременного и эффективного контроля.

Государственные учреждения Санкт-Петербурга являются основными получателями средств из бюджета города. В этой связи система

контроля за эффективностью использования средств из бюджета становится необходимым элементом управления.

Основой такого подхода выступают принципы эффективности и результативности использования бюджетных средств, закреплённые в статье 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации. «Принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)» [1].

Проведём сравнительный анализ понятий «эффективность» и результативность» использования средств из бюджета государственными учреждениями Санкт-Петербурга., Полученные результаты представим в виде таблицы 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика понятий «эффективность» и «результативность» использования средств из бюджета

Критерий сравнения	Эффективность	Результативность
Ключевой вопрос	Какой ценой достигнут результат?	Достигнута ли поставленная цель?
Смысловая сущность	Соотношение между достигнутым результатом и затраченными ресурсами. Фокус смешается на экономию и оптимизацию процесса	Соотношение между фактическим результатом и плановыми показателями. Фокус смешается на качество и количество
Основный принцип (ст. 34 БК РФ)	Отражает требование экономного использования средств из бюджета при достижении необходимого результата	Отражает ориентацию бюджета на достижение общественно значимых результатов. Фактические результат = Плановый результат
Роль в бюджетном процессе	Оценка эффективности ведёт к перераспределению средств, выбору более экономичных методов работы	Показатели результативности закладываются в государственные программы и задания. Их невыполнение ведет к корректировке программ и смене подходов
Временной аспект	Часто требует сравнительного анализа с прошлым периодом или с другими учреждениям	Оценивается после завершения отчётного периода

Оба понятия являются взаимодополняющими и последовательными, так как сначала мы оцениваем результативность. Следовательно, рассматривается вопрос «достигли ли мы того, что было запланировано?». Без результата дальнейшая оценка бессмысленна. Затем, если результат достигнут, оценивается эффективность — «можно ли было достичь того же с наименьшими затратами?». Таким образом, идеальная цель для государственных учреждений заключается в максимизации результативности при оптимальном уровне эффективности.

Принцип эффективности, прописанный в Бюджетном кодексе Российской Федерации, обязывает учреждения эффективно и экономно использовать полученные средства из бюджета в соответствии с их целевым назначением. Для реализации данного принципа Коллегией Счетной палаты Российской Федерации были разработаны методические рекомендации по применению аудита эффективности. Суть заключается в том, чтобы они поспособствовали созданию необходимых условий для организации эффективного бюджетного процесса [2].

Под аудитом эффективности следует понимать определённого рода проверки учредителей и подведомственных им учреждений, которые направлены на оценку эффективности использования полученных средств [3]. Полномочия на его проведение имеет Счётная палата Российской Федерации, контрольно-счётные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Данное положение закреплено в статье 157 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Данный вид проверок имеет существенное отличие от финансово контроля, которое заключается в том, что для первого основной задачей является оценка эффективности деятельности рассматриваемых объектов по использованию ими средств из бюджета, когда в финансовый контроль больше нацелен на выявление нарушений законодательства в финансовой сфере (см. рисунок 1).

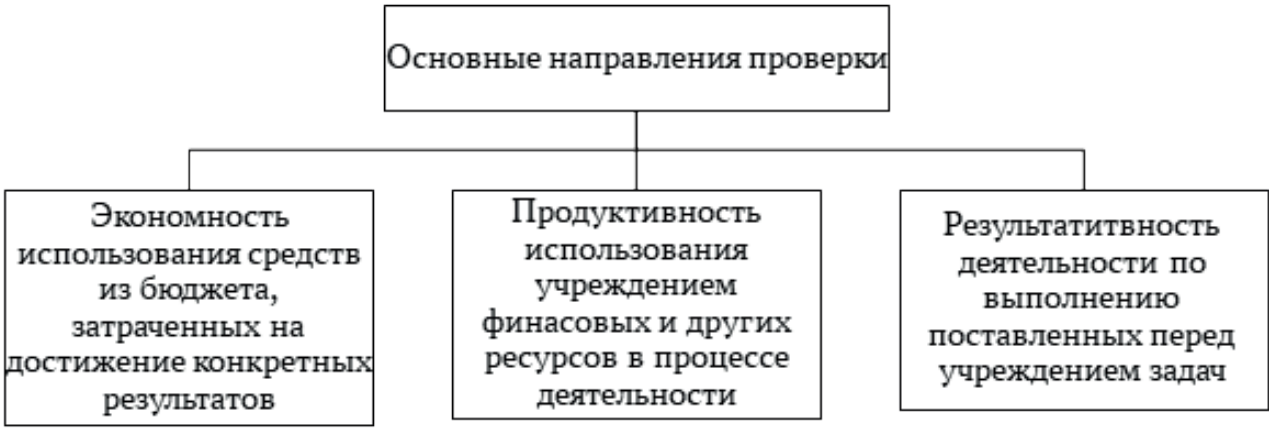

Рисунок 1. Основные направления аудита эффективности использования средств из бюджета государственными учреждениями

В ходе проведения контрольных мероприятий направления можно рассматривать как в совокупности, так и оценивать конкретный элемент в рамках одного направления.

На данный момент в Санкт-Петербурге нет типового положения или же общего закреплённого порядка по осуществлению контроля за эффективностью и использованию средств из бюджета государственными учреждениями. Каждый субъект разрабатывает его для себя самостоятельно. Общие направления задаются Бюджетным кодексом Российской Федерации, а также методическими рекомендациями исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга (далее — ИОГВ).

Комитет государственного финансового контроля Санкт-Петербурга (далее — КГФК) уполномочен осуществлять функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, а также разрабатывать методические рекомендации по порядку проведения проверок ИОГВ.

Контроль за эффективностью использования средств из бюджета КГФК осуществляется по нескольким направлениям [4]:

— ведомственный контроль;
— внутренний финансовый контроль и аудит;
— контроль за субсидиями и бюджетными инвестициями;
— контроль в сфере закупок.

На ведомственном уровне контроль осуществляется учредителем в отношении своих подведомственных учреждений. На уровне самого учреждения, в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса Российской Федерации, должен быть организован внутренний финансовый контроль. Ответственность за осуществление несёт его руководитель. При этом вышестоящий учредитель, в ходе своих проверок, оценивает, насколько эффективно работает система внутреннего финансового контроля и аудита внутри учреждения.

Контроль в рамках субсидий на выполнение государственного задания содержит не только объёмы, но и показатели качества и эффективности предоставляемых услуг. Согласно Постановлению Правительства Санкт-Петербурга № 63 «О Порядке формирования государственных заданий для государственных учреждений Санкт-Петербурга и порядке финансового обеспечения выполнения государственных заданий» контроль включает в себя рассмотрение и анализ отчёта о выполнении государственного задания. А также расчёт объёма субсидий на текущий и следующий финансовый периоды с учётом достигнутых результатов

и их эффективности. Невыполнение показателей может привести к снижению финансирования в следующем периоде [5].

Вместе с тем на учредителя возлагаются функции по контролю за соблюдением условий, установленных в Соглашении о предоставлении СГЗ государственным учреждениям. А также осуществляется проверка соблюдения целей, условий и порядка предоставления субсидий. По полученным результатам составляется акт проверки [6].

Подобным образом осуществляется и контроль в рамках субсидий на иные цели. В соответствии со статьёй 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации, учредители обязаны осуществлять контроль за обеспечением результативности, соблюдением условий и эффективностью использования предоставленных субсидий. Данное положение закрепляется в том числе и в Соглашении о предоставлении субсидий на иные цели, где прописываются целевые показатели, сроки, формы отчётности, право учредителя на проведение проверок, а также порядок возврата средств в случае нецелевого использования или невыполнения показателей.

Отметим, что основанием для проведения проверок учредителем являются условия, прописанные в Соглашении, а также план проведения проверок субсидий на государственное задание и иные цели, утверждённый нормативно правовым актом учредителя в отношении получателей субсидий, т.е. государственных учреждений.

Далее, обратимся к Федеральному закону № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», на основании которого государственные бюджетные и автономные учреждения являются заказчиками.

Закон обязывает проводить конкурентные процедуры, например, конкурсы, аукционы или иные способы для определения поставщика, что создаёт благоприятную ситуацию для государственных учреждений. Поставщики вынуждены предлагать наилучшие условия, снижая при этом начальную (максимальную) цену контракта.

Следовательно, экономия средств для государственных бюджетных и автономных учреждений достигается за счёт конкуренции при выборе поставщика. Хорошим сценарием для учреждений является тот, в котором достижение результата происходит с минимальными для них затратами. Только в этом случае, такой подход будет считаться эффективным. Освободившиеся средства можно будет использовать для покрытия иных расходов в будущем.

Таким образом, в Санкт-Петербурге система контроля за эффективностью использования средств из бюджета государственными учреждениями представляет собой механизм, ориентированный на соблюдение принципов бюджетного законодательства.

Ключевым моментом является разграничение понятий «результативность» и «эффективность», закреплённых в Бюджетном кодексе Российской Федерации. Под результативностью понимается достижение запланированного результата с использованием выделенного объёма средств. А эффективность характеризуется минимальным уровнем затрат при достижения заданного результата.

Контроль за эффективным использованием средств из бюджета осуществляется по нескольким направлениям:

— ведомственный контроль со стороны ИОГВ за деятельностью подведомственных учреждений;

— внутренний финансовый контроль внутри подведомственного учреждения;

— контроль за целевым использованием;

— контроль в сфере закупок в рамках Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Такой процесс нельзя назвать достаточно эффективным, так как на данный момент большинство государственных учреждений Санкт-Петербурга нацелены на использование полного объёма средств, выделенного из бюджета на достижение запланированного результата. Описанный механизм выполняет функцию финансовой дисциплины и управления результативностью, так как сводится к проверке формального достижения количественных показателей, а не качественных. Также, в ходе анализа, было выявлено, что преобладает последующий контроль, результаты которого слабо влияют на текущее положение.

Следовательно, действующую систему контроля за эффективностью использования средств из бюджета государственными учреждениями Санкт-Петербурга можно охарактеризовать как важный, но недостаточно проработанный инструмент. Для дальнейшего развития и более эффективного осуществления процесса необходимо совершенствовать существующие подходы и методологии оценки, а также внедрять новые качественные показатели.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, № 31, ст. 3823 // «Российская газета», 12.08.1998, № 153 – 154.

2. «Методические рекомендации по применению аудита эффективности» (утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 28.09.2021 № 63К (1506)) // «Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации», 28.09.2011.

3. Нестерова М. Ю. Современные проблемы аудита эффективности и пути их решения // Вестник магистратуры. 2022. № 4-2 (127).

4. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.spb.ru/search/?searchid=2166815&web=0&text (дата обращения: 15.02.2026).

5. Постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 20.01.2011 г. № 63 «О Порядке формирования государственных заданий для государственных учреждений Санкт-Петербурга и порядке финансового обеспечения выполнения государственных заданий» // «Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга», 07.02.2011, № 4.

6. Распоряжение Комитета финансов Санкт-Петербурга от 16.03.2017 № 21-р «Об утверждении типовых форм соглашений о предоставлении из бюджета Санкт-Петербурга субсидий государственным бюджетным и автономным учреждениям Санкт-Петербурга» // «Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга», 16.05.2017.

© *Маринина А. С., 2026*

EDN: NVZTHB

Маркина Олеся Викторовна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
lsmrrrkn@mail.ru

Научный руководитель:
Соболева Владислава Олеговна
преподаватель кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vladislava_soboleva@vk.com

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СХЕМАМ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТОКЕНОВ

Аннотация. в статье анализируется роль органов внутренних дел в противодействии отмыванию денег с использованием цифровых токенов. Рассматривается классическая модель отмывания денег, вызовы цифровизации, инструменты, необходимые для отмывания денег через цифровые токены, а также предлагается введение новых мер для борьбы с данной категорией преступлений.
Ключевые слова: органы внутренних дел, отмывание денег, цифровые токены, криптовалюты, экономическая безопасность.

Активная цифровизация финансового сектора и стремительное распространение цифровых токенов создают новые вызовы для системы экономической безопасности Российской Федерации. Цифровые токены стали привлекательным инструментом для легализации доходов, полученных преступным путем. По данным Росфинмониторинга [1], количество финансовых расследований, связанных с использованием криптовалют, ежегодно увеличивается, а число уголовных дел с оборотом

цифровых активов в 2025 году достигло показателей всего предыдущего года. В этих условиях особую значимость приобретает деятельность органов внутренних дел, призванных выявлять, пресекать и расследовать преступления данной категории. Актуальность темы обусловлена не только ростом числа таких преступлений, но и появлением принципиально новых инструментов отмывания.

Сам термин означает некий процесс придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученным в результате совершения преступления. Если сказать по-другому, то это перевод средств из теневой, неформальной экономики в экономику официальную для возможности пользоваться ими открыто и публично [2].

Происхождение самого термина, по распространенной версии, берет начало в США в 1920 – 1930 годы. Это связано с моментом, когда чикагский преступник Аль Капоне легализовывал доходы от подпольного производства и продажи спиртных напитков через сеть прачечных самообслуживания. Нелегальные наличные средства смешивались с реальной выручкой, создавая видимость законного происхождения. Термин придали огласке в 1980 годы, в связи с ростом незаконной торговли наркотиками.

В Российском законодательстве данный термин закреплен Федеральным законом от 07.08.2001 № 115 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Классическая модель отмывания денег представлена на рисунке 1 [3].

Рисунок 1. Классическая модель отмывания денег

В России для выявления этапа наслоения была создана специализированная программа «Прозрачный блокчейн». Это инструмент для анализа, используемый ОВД. Данная система, разработанная при участии Банка России и Росфинмониторинга, позволяет отслеживать движение криптовалютных средств, выявлять подозрительные транзакции и строить цепочки переводов между кошельками. К 2026 году в систему внесено более 1800 [4] криптокошельков, используемых в противоправных целях.

По оценкам экспертов [5] Международного валютного фонда, объем ежегодно отмываемых денег составляет 2 – 5 % мирового ВВП, что исчисляется триллионами долларов.

В связи с быстрым развитием нашей страны, важно понимать какие цифровые активы существуют, и чем они отличны. Разграничим понятия «цифровой токен» и «криптовалюта».

Цифровой токен является единицей учета, отличной от криптовалюты, предназначенной для представления цифрового баланса в некотором активе и выполняющей функцию «заменителя ценных бумаг» в цифровом мире. Токен представляет собой запись в распределенном реестре, управление которой реализуется через смарт-контракт.

Однако, несмотря на все многообразие цифровых токенов их часто связывают с понятием криптовалюты. Но важно отметить, что криптовалюта представляет собой цифровую валюту, функционирующую на собственном блокчейне и используемую преимущественно как средство платежа. Токен является широким понятием, обозначающим цифровое представление актива или права, созданного на базе существующего блокчейна.

В контексте отмывания денег преступники используют оба инструмента, но именно токены позволяют маскировать преступные доходы под легальные инвестиции или приобретение реальных активов. Однако, классические способы уступают место цифровым моделям. По данным Росфинмониторинга, преступники осознают высокие риски работы в традиционной финансовой системе и активно мигрируют в сферу цифровых активов. Важно рассмотреть инструменты отмывания денег через цифровые токены, обратимся к рисунку 2 [6].

Ключевая техническая сложность для ОВД заключается в привязке криптографического адреса к конкретному физическому лицу. Блокчейн обеспечивает лишь псевданонимность, а не полную анонимность, однако использование дополнительных средств анонимизации существенно затрудняет раскрытие личности.

Особую сложность представляют приватные монеты, где сама архитектура не позволяет определить отправителя и получателя. С появлением транзакций эта проблема становится критической. Преступники

могут создавать скрытые каналы движения средств, не фиксируемые существующими анализаторами.

До недавнего времени главной процессуальной проблемой был неопределенный статус цифровой валюты в уголовном судопроизводстве. Отсутствие четкого определения криптовалюты как имущества затрудняло наложение ареста и конфискацию. Ситуация изменилась с принятием Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который признал цифровую валюту имуществом для целей Уголовного кодекса и ввел регламентированный порядок ее изъятия (ст. 164.2 УПК РФ).

Инструменты, необходимые для отмывания денег через цифровой токен	Кросс-чейн переводы. Переключение активов между разными блокчейнами с целью создания практически непреодолимой для анализа цепочки транзакций. Принципом является разрыв прозрачной связи между преступлением и преступником путем перемещения токенов, следовательно, теряется старая история актива.
	Криптомиксеры. Определенные сервисы, которые предназначены для разрыва связи между адресом отправителя и получателя путем смешивания криптовалютных средств множества пользователей. Принципом является объединение транзакций в единый пул с последующим распределением средств на выходные адреса с временной задержкой.
	NFT Цифровой сертификат, работающий на блокчейне, который подтверждает право собственности на уникальный цифровой актив. Принципом является покупка собственного цифрового предмета искусства у самого себя на вторичном рынке с использованием «грязных» денег, чтобы превратить их в «чистый» доход.
	Приватные монеты Криптовалюты, которые обеспечивают полную анонимность транзакций. (Monero, Zcash.) Принципом является полное стирание цифрового следа путем замены прозрачного, публичного реестра на скрытый, где невозможно отследить ничего и никого.
	Инструменты на основе искусственного интеллекта. Программы и алгоритмы, способные анализировать огромный массив данных, находить скрытые закономерности и принимать решения, давать прогнозы быстрее, чем человек. Принципом является создание реалистичных легенд, фальшивых личностей, которые позволяют «грязным» средствам сливаться с потоком легальных операций.

Рисунок 2. Инструменты отмывания денег через цифровой токен

Этот закон наделил органы внутренних дел принципиально важными полномочиями, приведем их ниже.

1. Для целей уголовного судопроизводства криптовалюта официально признается имуществом. Это позволяет накладывать на нее арест, конфисковывать и обращать в доход государства;

2. Закон вводит четкую процедуру действий следователя при обнаружении цифровой валюты, подлежащей изъятию и признанию вещественным доказательством;

3. Изъятие криптовалюты должно проводиться с участием эксперта, который помогает определить необходимые меры для обеспечения ее сохранности с учетом технических особенностей цифровых активов;

4. Суд теперь может наложить арест на цифровую валюту, полностью или частично прекратив операции с ней, для обеспечения возможной конфискации или гражданского иска.

Деятельность органов внутренних дел РФ в сфере противодействия легализации преступных доходов через цифровые токены представляет собой комплексную систему, включающую нормативно-правовое регулирование, оперативно-розыскную деятельность, аналитическую работу, межведомственное взаимодействие и международное сотрудничество. В условиях стремительной цифровизации преступности, роль ОВД становится ключевым элементом обеспечения экономической безопасности государства.

В условиях стремительного роста числа преступлений с использованием цифровых активов деятельность органов внутренних дел требует качественной трансформации. Принятие Федерального закона № 38-ФЗ от 20.02.2026 г., признавшего криптовалюту имуществом, создало необходимую правовую базу. Однако, для эффективной реализации новых полномочий необходимо внедрение комплекса мер, направленных на технологическое, методическое и кадровое усиление ОВД. На основе анализа текущей ситуации и современных тенденций, предлагается комплекс мер по трем ключевым направлениям:

1. Расширить имеющийся инструментарий.

Существующая система «Прозрачный блокчейн» является первым, но не единственным шагом. Преступники используют инструменты, которые эта система может не видеть. Можно разработать и внедрить программы для анализа приватных монет, которые способны установить связь между анонимным платежом в блокчейне и реальной личностью отправителя или получателя.

2. Разработка методических рекомендаций.

Следователи и оперативники на местах преступления часто не знают, как правильно составить постановление об аресте криптовалюты, как провести обыск, чтобы изъять не только флешку, но и бумажный носитель с ключом доступа. Именно поэтому, предлагаем выпустить детальные методические рекомендации, которые включат в себя типовые образцы процессуальных документов, алгоритм действий следственно-оперативной группы при обнаружении цифровых активов, памятку для оперативных сотрудников о том, какую информацию запрашивать у криптобирж и как взаимодействовать с Росфинмониторингом для блокировки средств.

3. Кадровое развитие и межведомственное взаимодействие.

Главная проблема сегодня заключается в том, что даже самые совершенные инструменты анализа блокчейна и самые подробные методические рекомендации оказываются бесполезными в руках сотрудника, который не понимает природу цифровых активов, никогда не сталкивался с криптографией и не знает, какую именно информацию можно запросить у Росфинмониторинга или Банка России для подтверждения своих версий. Именно поэтому первоочередной задачей становится внедрение обязательного модуля по цифровым активам в систему профессиональной подготовки и переподготовки кадров МВД. Одновременно с этим необходимо разрушить ведомственные барьеры путем создания постоянно действующих межведомственных оперативных групп с Росфинмониторингом и Банком России, работающих в единой цифровой среде.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровые токены становятся одним из наиболее востребованных инструментов легализации преступных доходов благодаря своей анонимности и сложности отслеживания. Органы внутренних дел Российской Федерации играют ключевую роль в противодействии этим угрозам, однако эффективность их работы сдерживается как технологическими, так и правовыми барьерами. Принятие Федерального закона № 38-ФЗ от 20.02.2026 г., признавшего криптовалюту имуществом и регламентировавшего порядок ее изъятия, создало необходимую правовую основу для уголовного преследования. Вместе с тем, для реализации новых полномочий требуется комплексное совершенствование деятельности ОВД по трем направлениям, которые мы разобрали выше.

Список литературы:

1. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу [Электронный ресурс] // URL: https://www.fedsfm.ru/releases/8964 (дата обращения: 02.03.2026).

2. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 20.02.2026).

3. Лыженков, А. Л. Международная «антиотмывочная» система: структура, актуальные тенденции и вызовы / А. Л. Лыженков, Я. А. Алешкина // Международная жизнь. — 2025. — № 9. — С. 1 – 11. — EDN RTPWEI [Электронный ресурс] // URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3265 (дата обращения: 20.02.2026).

4. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).

5. Семеко, Г. В. 95.04.091. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика», спец. «мировая экономика» и «финансы и кредит» / Красавина Л. Н., Алибегов Т. И., Былиняк С. А. И др.; под ред. Красавиной Л. Н. — М.: финансы и статистика, 1994. — 589 с.

6. Г. В. Семеко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. — 1995. — № 4. — С. 197 – 203. — EDN HBMWPH [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=8385279 (дата обращения: 20.02.2026).

7. Публицистическая статья [Электронный ресурс] // URL: https://forklog.com/exclusive/odin-token-sto-sledov (дата обращения: 04.03.2026).

© Маркина О. В., 2026

EDN: QHIIJX

Мелешко Евгений Сергеевич
студент
Белорусский государственный университет транспорта
Гомель, Беларусь
zabkov06@gmail.com

Патапейка Илья Денисович
студент
Белорусский государственный университет транспорта
Гомель, Беларусь
patap24patap@mail.ru

Научный руководитель:
Петров-Рудаковский Антон Петрович
доцент кафедры таможенное дело
Белорусский государственный университет транспорта
Гомель, Беларусь
кандидат экономических наук, доцент
patap24patap@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях санкционного давления. Выявлены ключевые проблемы обеспечения устойчивого развития в условиях санкционного режима и предложены направления их решения, включая развитие технологического суверенитета,

интеграционное сотрудничество и совершенствование правового регулирования.
Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, санкционное давление, Республика Беларусь, Российская Федерация, экономико-правовые механизмы, импортозамещение, финансовый суверенитет, интеграция, государственное регулирование, стратегическое планирование.

Санкционное давление последних лет стало одним из ключевых факторов трансформации системы национальной безопасности Республики Беларусь и Российской Федерации. Ограничительные меры, введённые рядом западных государств, затронули финансовый сектор, внешнюю торговлю, транспортно-логистическую инфраструктуру, высокотехнологичные отрасли и энергетический комплекс. В этих условиях национальная безопасность приобретает комплексный характер и включает не только военную составляющую, но и устойчивость экономической, финансовой, технологической и социальной систем.

Теоретико-методологическое осмысление взаимосвязи права и экономики в обеспечении устойчивости государства представлено в трудах современных исследователей [1, 2]. Именно правовые механизмы выступают инструментом институциональной адаптации экономики к внешним ограничениям [3].

Правовую основу обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации формируют положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [3], а также Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4]. В Республике Беларусь системообразующим документом выступает Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [5]. Указанные акты закрепляют приоритет экономического суверенитета, устойчивости финансовой системы и защиты внутреннего рынка.

Санкционные ограничения 2022 – 2025 гг. оказали значительное влияние на макроэкономические показатели обеих стран. По данным Федеральной службы государственной статистики, снижение ВВП Российской Федерации в 2022 году составило около 2,1 %, при этом в 2023 году зафиксирован восстановительный рост [7]. В Республике Беларусь падение ВВП в 2022 году составило около 4,7 %, однако в 2023 году отмечена положительная динамика [6].

Структура внешней торговли существенно изменилась. Произошло сокращение товарооборота с государствами Европейского союза и одновременное усиление интеграции в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза. Взаимный товарооборот между Беларусью и Россией в 2022 – 2024 гг. достиг исторически максимальных значений [6, 7].

Финансовый сектор столкнулся с ограничением доступа к зарубежным рынкам капитала, что потребовало активизации внутренних источников финансирования и корректировки валютного регулирования. Эти меры рассматриваются как элементы обеспечения экономической безопасности государства [8].

Экономико-правовая адаптация строится на сочетании макроэкономической стабилизации и совершенствования нормативной базы. В Российской Федерации меры по защите экономического суверенитета реализуются в рамках Стратегии экономической безопасности [3] и Стратегии национальной безопасности [4], предусматривающих развитие импортозамещения, поддержку стратегических отраслей и укрепление финансовой системы.

В Республике Беларусь Концепция национальной безопасности [5] определяет необходимость диверсификации внешнеэкономических связей, модернизации промышленности и повышения устойчивости финансовой системы.

Импортозамещение стало ключевым направлением государственной политики в машиностроении, микроэлектронике, агропромышленном комплексе. Государственная поддержка осуществляется через налоговые льготы, субсидирование и инвестиционные программы [3, 5].

Сравнительная характеристика ключевых показателей адаптации показана в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика ключевых показателей адаптации

Показатель	Российская Федерация	Республика Беларусь
Динамика ВВП в 2022 г.	около –2,1% [7]	около –4,7% [6]
Восстановительный рост 2023 г.	положительная динамика [7]	положительная динамика [6]
Нормативная база	Стратегия экономической безопасности [3]; Стратегия нацбезопасности [4]	Концепция нацбезопасности
Приоритет адаптации	импортозамещение, финансовый суверенитет	промышленная модернизация, интеграция с РФ
Приоритет адаптации	концепции экономической безопасности	институциональные меры устойчивости

Несмотря на положительную динамику адаптации, сохраняются структурные ограничения. Зависимость от импорта высокотехнологичных компонентов остаётся значительной, что требует ускоренного развития научно-технической базы. Ограничения на привлечение зарубежных инвестиций осложняют модернизацию производства. Кроме того, санкционный режим повышает нагрузку на государственные бюджеты, что требует баланса между социальной поддержкой и инвестициями в стратегические отрасли [8].

Институциональные проблемы также связаны с необходимостью совершенствования правового регулирования внешнеэкономической деятельности и координации мер в рамках интеграционных объединений.

Перспективным направлением является формирование единого научно-технологического пространства Союзного государства, усиление кооперации в сфере промышленности и цифровых технологий. Необходимо дальнейшее совершенствование правовых механизмов стимулирования инвестиций и развития внутреннего рынка [3, 5].

Расширение использования национальных валют во взаимных расчётах и укрепление финансового суверенитета также выступают ключевыми элементами устойчивости [4]. Важную роль играет институциональное взаимодействие права и экономики, обеспечивающее системность и последовательность государственной политики [1, 2].

Обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях санкционного давления представляет собой комплексную задачу, требующую синтеза экономических и правовых инструментов. Нормативные акты стратегического уровня [3, 4, 5] формируют основу адаптационной модели развития. Дальнейшая устойчивость будет зависеть от темпов технологической модернизации, эффективности интеграционных процессов и способности правовой системы оперативно реагировать на новые вызовы.

Список литературы:

1. Игнатьева С. В. Методологический анализ взаимодействия права, экономики и государства // Образование и право. 2022. № 7.

2. Кулапов В. Л. Соотношение права, политики и экономики // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2004. С. 162.

3. Право как эффективный фактор экономического развития [Электронный ресурс] // URL: https://www.hse.ru/data/2020/05/11/1545902394/тихомиров.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

4. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).

5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 (ред. от 24.01.2014) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 12.04.2026).

6. Е. А. Лямцева. Влияние санкций на обеспечение экономической безопасности Союзного государства Беларуси и России // Управленческий учёт. 2024.

7. С. Н. Гнатюк. Влияние санкций на обеспечение экономической безопасности Беларуси // Управленческий учёт. 2024.

8. Facts and figures on the sanctions against Russia and Belarus // Government.nl (дата обращения: 12.02.2026).

© Мелешко Е. С., Патапейка И. Д., 2026

EDN: PKQXGM

Мерзлякова Дарья Сергеевна
слушатель
Московский ордена Почета университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
dashamerzliackova@yandex.ru

Научный руководитель:
Стрелкова Татьяна Георгиевна
доцент кафедры экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московский ордена Почета университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия
кандидат юридических наук, доцент
tataiam@mail.ru

СУДЕБНАЯ БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы производства судебной бухгалтерской экспертизы как инструмента обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, проблемы и перспективы развития.
Ключевые слова: судебная бухгалтерская экспертиза, экономическая безопасность, экономическая преступность, бухгалтерский учет, судебная экономическая экспертиза.

Современные условия требуют совершенствования методов и механизмов экспертного исследования, что способствует укреплению экономической безопасности.

Важным условием эффективного осуществления предварительного расследования является участие эксперта-экономиста. Судебная экспертиза — это процессуальное действие, которое заключается в проведении исследования и подготовки заключения экспертом по вопросам, входящим в его круг специальных знаний в области, науки, техники, искусства и ремесла по вопросам, поставленным перед экспертом судом, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом, в целях.

Приведем определение понятию судебной бухгалтерской экспертизе в соответствии с приказом МВД России № 511 [1].

Судебная бухгалтерская экспертиза — это вид судебных экономических экспертиз, предметом которой является исследование содержания записей бухгалтерского учета хозяйствующих субъектов.

По статистике, на бухгалтерскую экспертизу приходится порядка 90 % проводимых судебных экономических экспертиз. Данный факт, прежде всего, связано с большим перечнем статей УК РФ, по которым она может назначаться, а также с более детальной проработкой методики ее производства, что объясняется историческими фактами.

На рисунке 1 схематично приведем перечень статей Уголовного Кодекса РФ, по которым назначается судебная бухгалтерская экспертиза целях установления объективной стороны преступлений.

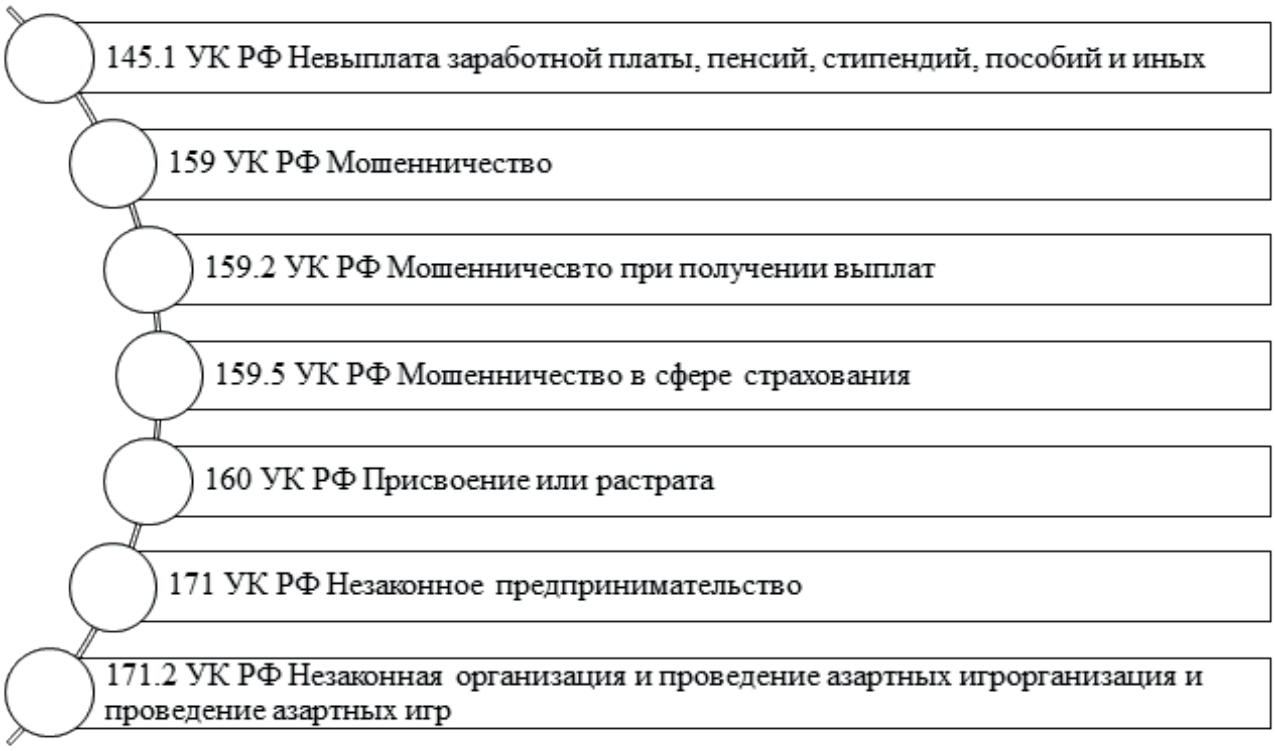

Рисунок 1. Основные статьи УК РФ, по которым назначается судебная бухгалтерская экспертиза

Задачи, решаемые судебной бухгалтерской экспертизой, сводятся, в основном, к трем направлениям:

1. Установление экономического содержания отраженных в системе учета исследуемых лиц хозяйственных операций, обязательств и имущества.

2. Сопоставление данных, отраженных в учетной документации различных уровней и (или) хозяйствующих субъектов.

3. Определение соответствия порядка отражения хозяйственных операций, имущества и обязательств, примененного исследуемыми лицами, требованиям законодательства.

Объектами исследования бухгалтерских экспертиз являются материальные носители сведений, относящихся к предмету экспертизы, содержащиеся в материалах уголовного дела. Они могут быть представлены как на бумажных носителях, так и на неперезаписываемых дисках исключительно формата CD-R или DVD-R.

Судебная бухгалтерская экспертиза представляет собой специализированный инструмент, обеспечивающий объективное исследование финансово-хозяйственной деятельности в рамках правового процесса. Ее сущность заключается в применении профессиональных знаний бухгалтерии, аудита, экономического анализа и смежных дисциплин для выявления, анализа и оценки фактов, связанных с финансовыми операциями и документами. Экспертная деятельность направлена на установление полноты, достоверности и законности отражения хозяйственных событий в учётных регистрах, что способствует объективному рассмотрению дела и принятию обоснованных судебных решений. Практическое значение данного вида экспертизы подтверждается примерами из судебной практики, когда анализ бухгалтерской документации позволял выявить факты хищения, злоупотреблений или искажений финансовой отчетности, что непосредственно влияло на исход судебного разбирательства.

Экономическая безопасность, как комплексное состояние устойчивости национальной экономики, требует эффективных инструментов выявления и предотвращения финансовых нарушений, которые могут привести к дестабилизации системы. Судебная бухгалтерская экспертиза выступает одним из ключевых механизмов, способствующих выявлению экономических преступлений, влияющих на экономическую безопасность.

Примером взаимосвязи экономической безопасности и судебной бухгалтерской экспертизы является расследование коррупционных

дел, связанных с государственными (муниципальными) закупками. Расследование может выявить факты завышения стоимости контрактов, нарушения конкурсных процедур и заключение сделок с аффилированными лицами. Благодаря судебному исследованию финансов эксперты устанавливают цепочку финансовых операций, позволяют суду принять обоснованное решение относительно виновности фигурантов и размера ущерба государству.

Экономические преступления представляют серьезную угрозу национальной экономической безопасности. Эти преступления наносят значительный ущерб экономике страны, ослабляют конкурентоспособность предприятий, приводят к росту теневого сектора и снижают доверие.

Одной из ключевых форм противодействия экономическим преступлениям служит судебная бухгалтерская экспертиза.

Как уже говорилось выше, одним из ключевых механизмов, способствующих сохранению этого состояния, является судебная бухгалтерская экспертиза. Данная экспертиза служит инструментом для выявления и пресечения преступлений экономической направленности, что, в свою очередь, напрямую влияет на уровень экономической безопасности [2].

Приведем еще примеры экономических преступлений, представляющих угрозу экономической безопасности. К деятельности группы преступников, обвиняемых в организации схемы уклонения от уплаты налогов, была привлечена судебная бухгалтерская экспертиза, которая выявила махинации на сумму более 100 миллионов рублей. В ходе экспертизы удалось установить, что подозреваемые использовали подставные фирмы для легализации доходов, что наглядно демонстрирует взаимосвязь между бухгалтерским учетом и финансовым мошенничеством.

Приведем еще пример судебного решения, в котором заключение судебной бухгалтерской экспертизы послужило доказательством по уголовному делу. Гражданин «Н» совершил умышленные преступления — участие в преступном сообществе и осуществление банковской деятельности без специального разрешения организованной группой, с извлечением дохода в особо крупном размере, при следующих обстоятельствах. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство В. А. А., преследуя цель незаконного обогащения, из корыстных побуждений, в неустановленное время в неустановленном месте на территории г. Нижнего Новгорода, действуя с прямым умыслом, создал преступное сообщество (преступную организацию,

то есть устойчивую, сплоченную и структурированную организованную группу, объединенную общим преступным умыслом, направленным на совместное совершение тяжкого преступления — незаконной банковской деятельности с извлечением дохода в особо крупном размере, а также руководил данным сообществом и входящими в него структурными подразделениями, разрабатывал планы и создавал условия для совершения преступления такими подразделениями, осуществлял раздел преступных доходов между участниками сообщества и непосредственно участвовал в совершении сообществом преступления [3].

Судебная бухгалтерская экспертиза представляет собой важный аспект уголовного судопроизводства, играя решающую роль в расследовании преступлений экономической направленности, выступая ключевым доказательством по уголовному делу. В современных условиях, когда масштабы злоупотреблений и количество латентных преступлений значительно растут, судебная бухгалтерская экспертиза сталкивается с необходимостью развития и совершенствования методов. Понимание актуальных тенденций и будущих направлений позволяет более эффективно решать задачи, возникающие в практической деятельности.

Одним из значимых направлений развития судебной бухгалтерской экспертизы становится адаптация к быстро меняющимся условиям, связанным с цифровизацией экономики. В 2024 году, по данным МВД России, количество зарегистрированных преступлений в сфере мошенничества составляет 445690, что на 2,8 % больше по сравнению с предыдущим годом. Особенно показателен пример использования криптовалют, который требует новых подходов к анализу финансовых потоков и учетных систем. Экспертизы, связанные с преступлениями в этой сфере, требуют от специалистов не только глубоких знаний в области бухгалтерского учета, но и осведомленности в области блокчейна и связанных с ним технологий.

Для повышения эффективности работы экспертов необходимо внедрение новых информационных технологий. Применение программного обеспечения для анализа больших данных может значительно ускорить процесс проведения исследования. Существует успешный опыт использования специализированных IT-решений, позволяющих осуществлять автоматизированный анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности и банковских выписок. Однако такая практика требует значительных инвестиций и подготовки экспертов, что на данный момент является серьезным препятствием, особенно в условиях некомплекта.

Список литературы:

1. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ».

2. Измайлова Н. К., Голунов А. Б. Судебно-бухгалтерская экспертиза. — М.: Экономика, 2024; 257с.

3. Кривов Л. В., Судебная бухгалтерия. — М., 2023; 331с.

© *Мерзлякова Д. С., 2026*

EDN: RDBOPW

Миназова Адель Рустемовна
курсант
Уфимский юридический институт МВД России
Уфа, Россия
ade.minazova@yandex.ru

Научный руководитель:
Ковтунова Светлана Юрьевна,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия
кандидат экономических наук
kovtunovasvetlana@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВАЛЮТЫ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. в статье рассматривается введение цифрового рубля в качестве самостоятельного элемента национальной денежной системы как фактора обеспечения экономической безопасности страны с учетом анализа его правового статуса и нормативного регулирования, целей и задач внедрения, потенциальных преимуществ и рисков для граждан, бизнеса, банковского сектора и государства. Автором проведён сравнительный анализ цифрового рубля с наличными и безналичными денежными средствами, а также криптовалютой, отмечены положительные тенденция и возможные проблемы. Отдельное внимание уделено повышению уровня финансовой грамотности населения для обеспечения экономической безопасности личности, общества, государства.
Ключевые слова: цифровой рубль, экономическая безопасность, криптовалюта, национальная денежная система, финансовая грамотность населения.

В условиях геополитической нестабильности для обеспечения экономической безопасности России необходимо применение мероприятий, актуальных в условиях цифровизации экономического пространства. На наш взгляд, внедрение цифрового рубля является не только этапом цифровизации финансовой сферы, но и стратегическим инструментом обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Новая форма валюты призвана укрепить национальный платежный суверенитет, минимизировать риски внешнего санкционного воздействия и повысить прозрачность денежного обращения, что напрямую способствует снижению доли теневого сектора экономики. Современный этап развития российской экономики характеризуется активным внедрением цифровых технологий в финансово-кредитную систему и сферу денежного обращения, что обусловило необходимость трансформации традиционных подходов к организации национальной денежной системы и стимулировало разработку Банком России цифрового рубля как новой формы национальной валюты, относящейся к классу цифровых валют центрального банка.

Актуальность исследования цифрового рубля определяется его потенциальным влиянием на структуру денежного обращения, устойчивостью банковской системы, реализацией денежно-кредитной политики и финансового суверенитета государства, а также недостаточной осведомлённостью населения и бизнеса о его правовой природе, функциональных особенностях и рисках [2, с. 3 – 5]. В связи с чем, считаем необходимым, провести комплексный анализ сущности цифрового рубля, его правового статуса, механизмов функционирования и перспектив применения в Российской Федерации.

В целом, цифровая валюта Центрального банка — это гибрид наличных и электронных денег, а также криптовалют, однако, она представляет собой особый класс цифровых финансовых активов ив отличие от большинства остальных криптоактивов, это официальный платежный инструмент, признанный национальным регулятором и гарантируемый государством, что отражает его более высокую надежность[3, с. 128]. Таким образом, на наш взгляд, цифровой рубль не относится к числу криптовалют, хотя и обладает сходными чертами по способу существования и обращения (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ цифрового рубля и криптовалюты

Критерий	Цифровой рубль	Криптовалюта
Эмитент и контроль	Эмитент — Банк России, централизованный выпуск и полный контроль обращения	Децентрализованный выпуск, отсутствует единый эмитент и регулятор
Правовой статус	Государственная цифровая валюта, элементы законного платёжного средства	Частный цифровой актив, обычно не признан законным средством платежа
Обеспеченность и курс	Жёстко привязан к рублю 1:1, является обязательством ЦБ РФ	Курс формируется рынком, высокая волатильность, обеспеченность не гарантирована
Технологическая архитектура	Реестр/блокчейн в контролируемой ЦБ инфраструктуре, высокая степень централизации	Как правило, публичный распределённый блокчейн, управление децентрализовано
Анонимность и прозрачность	Высокая идентификация и прослеживаемость операций (персонифицированные кошельки)	Псевдоанонимность, идентификация держателя не обязательна
Регулирование и защита прав	Жёстко регулируется законодательством РФ, предусмотрены механизмы правовой защиты пользователей	Регулирование ограничено и неоднородно, защита прав зависит от конкретной юрисдикции
Основное назначение	Официальные расчёты и платежи в национальной валюте, инструмент денежно-кредитной политики	Спекулятивные операции, инвестиции и альтернативные расчёты в отдельных сегментах рынка
Влияние на экономическую безопасность	Укрепляет финансовый суверенитет, повышает прозрачность и управляемость денежных потоков	Может усиливать риски теневой экономики и оттока капитала за счёт анонимности и волатильности
Общие признаки	Не имеют физического выражения.	
	Выпускаются в виде цифрового кода и для хранения используются специальные кошельки	
	Фиксированное соотношение с национальной валютой в пропорции 1:1	

Указанные признаки позволяют рассматривать цифровой рубль как самостоятельный элемент денежной системы, отличающийся от традиционных наличных и безналичных средств не только формой существования, но и архитектурой учёта, а также механизмами эмиссии и контроля.

Цифровой рубль, в отличие от криптовалюты регулируется государством (обеспечивается им), его выпуск осуществляет непосредственно Центральный Банк РФ, и он напрямую связан с курсом рубля [2, ст. 1].

Распространённым заблуждением является отождествление цифрового рубля с безналичными денежными средствами. Безналичные рубли учитываются на счетах в коммерческих банках и представляют собой обязательства кредитных организаций перед клиентами, тогда как цифровой рубль отражается на счёте цифрового рубля и является прямым обязательством Центрального банка [2, 6].

Целью создания и внедрения цифрового рубля является, в том числе, упрощение и удешевление платёжных операций для граждан, повышение доступности финансовых услуг и формирование новой финансовой инфраструктуры. В то же время цифровой рубль выступает инструментом финансового контроля, влияния и ограничения со стороны государства. Данные выводы подтверждаются анализом положений Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», определяющего правовой режим цифрового рубля, порядок его обращения и механизмы взаимодействия с участниками финансового рынка [4, 5].

Особое внимание в законодательстве уделяется вопросам обращения взыскания и наложения ареста на цифровые рубли. Взыскание на средства, учитываемые на счёте цифрового рубля должника, допускается только при отсутствии или недостаточности денежных средств в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях. Постановление о наложении ареста на цифровые рубли направляется судебным приставом-исполнителем непосредственно в Банк России, что отражает особый статус центрального банка как единого оператора данной инфраструктуры.

Принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» в полной мере распространяется на сферу обращения цифровой валюты. Владельцы кошельков цифрового рубля обязаны учитывать установленные законом правила, включая ограничения по операциям и особенности исполнения обязательств [2, ст. 2].

Результаты опроса свидетельствуют о том, что большинство опрошенных обладают общим представлением о цифровом рубле, однако допускают смешение терминов «цифровой рубль», «криптовалюта» и «безналичные денежные средства». Это корреспондирует с выводами

научных исследований, отмечающих наличие информационного дефицита и необходимость разъяснительной работы в сфере цифровых финансовых технологий [5, 6].

Формирование должного уровня финансовой грамотности и правовой информированности населения является необходимым условием безопасного и эффективного использования цифрового рубля. Просветительская деятельность должна быть направлена на раскрытие сущности цифрового рубля, его отличий от иных форм денег и цифровых активов, а также на разъяснение прав и обязанностей пользователей [4, 5].

Экономическая безопасность в контексте введения цифрового рубля предполагает не только контроль за денежными потоками, но и снижение зависимости национальной финансовой системы от иностранной платёжной инфраструктуры и зарубежных цифровых технологий. Создание собственной платформы цифровой валюты формирует фундамент для развития суверенных платёжных решений, устойчивых к внешнему санкционному и информационному давлению. Дополнительным аспектом экономической безопасности является возможность использования цифрового рубля для таргетированной бюджетной поддержки и адресных социальных выплат, что позволяет оперативно реагировать на кризисные явления и локализовать их негативные последствия для ключевых отраслей экономики [4].

Таким образом, введение цифрового рубля, на наш взгляд, представляет собой качественно новый этап развития национальной денежной системы Российской Федерации. Будучи цифровой валютой центрального банка, он сочетает в себе свойства законного платёжного средства и высокотехнологичного инструмента, функционирующего в цифровой среде. Анализ сущности, правового статуса и функциональных характеристик цифрового рубля позволяет отнести его к самостоятельной форме государственных денег, отличной от наличных и безналичных средств, а также от частных криптовалют.

Реализация данного инструмента способствует укреплению финансового суверенитета и повышению прозрачности бюджетных потоков, что является ключевым фактором безопасности государства. Внедрение цифрового рубля открывает значительные возможности для граждан, бизнеса и государства, включая повышение доступности платёжных услуг, снижение транзакционных издержек, развитие платформенной экономики и усиление прозрачности финансовых потоков.

Одновременно с этим возникает комплекс рисков и вызовов, связанных с балансом между эффективностью контроля и соблюдением прав граждан, устойчивостью банковского сектора, технологической безопасностью, увеличением доли теневого сектора. Успешная интеграция цифрового рубля возможна лишь при условии синхронного развития механизмов правовой защиты пользователей и повышения уровня финансовой грамотности населения.

Список литературы:

1. Банк России. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/faq/dr/ (дата обращения: 29.01.2026).

2. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645(дата обращения: 29.01.2026).

3. Ковтунова С. Ю. Цифровизация финансовых отношений как средство обеспечения экономической безопасности и интеграции в мировое хозяйство// Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 127 – 131.

4. Цифровой рубль: сущность и перспективы применения в России [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-suschnost-i-perspektivy-primeneniya-v-rossii (дата обращения: 29.01.2026).

5. Цифровой рубль: новые возможности для государства [Электронный ресурс] // URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=26003 (дата обращения: 29.01.2026).

6. Цифровой рубль [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровой_рубль(дата обращения: 29.01.2026).

© Миназова А. Р., 2026

EDN: QXVINY

Михайлин Владимир Алексеевич
курсант
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
Mihaylin13@gmail.com

Научный руководитель:
Лукина Ольга Николаевна
преподаватель кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
olgalukina72@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ САНКЦИИ КАК НОВЫЙ ТИП ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются цифровые санкции как относительно новый инструмент внешнеэкономического давления, способный оказывать системное влияние на экономическую безопасность Российской Федерации. Показано, что технологические ограничения затрагивают инновационный контур: сужают международный научно-технический обмен и формируют дефицит критически значимых аппаратных и программных решений. Отдельное внимание уделено последствиям для отечественного ИТ-сектора и механизмам государственной реакции, включая налоговое стимулирование, поддержку наукоёмких производств и поиск альтернативных каналов технологической кооперации.

Ключевые слова: цифровая экономика, технологический суверенитет, экономическая безопасность, цифровые санкции, импортозамещение, Индустрия 4.0, инновационная инфраструктура, налоговая политика, ИТ-сектор, трансферт технологий.

В текущей геополитической конфигурации цифровая экономика Российской Федерации испытывает системное давление: переход к Индустрии 4.0 приходится ускорять в условиях фактического технологического «бойкота» со стороны коалиции западных стран. Цифровые санкции в этом контексте выступают как целенаправленные ограничения доступа к передовым технологиям, программному обеспечению и аппаратным средствам, используемые для влияния на технологический суверенитет государства.

Риски цифровой трансформации усиливаются высокой импортозависимостью отечественного ИТ-сектора: в сегменте информационно-коммуникационных технологий она достигает 70 %. Сокращение поставок высокотехнологичной продукции — в том числе графических ускорителей, серверного оборудования и систем хранения данных — формирует барьеры для развития решений в области искусственного интеллекта и смежных направлений.

Динамика инновационной активности также отражает ухудшение условий: в высокотехнологичных отраслях соответствующий показатель снизился почти вдвое — с 32,0 % в 2014 году до 17,3 % к 2020 году [1]. Дополнительным фактором становится «профессиональная изоляция» и риск оттока высококвалифицированных ИТ-кадров; по экспертным оценкам, масштаб возможной эмиграции может составить 50 – 100 тыс. специалистов. Подобные тенденции напрямую затрагивают кадровую составляющую устойчивости цифровой среды.

В ответ на усиление внешних ограничений государственная политика смещается в сторону достижения технологического суверенитета за счёт налоговых стимулов и поддержки наукоёмких производств. Налоговые меры — снижение ставок по страховым взносам, применение инвестиционных налоговых вычетов, ускоренная амортизация оборудования — ориентированы на снижение предпринимательских рисков в высокотехнологичной сфере и повышение внутренней инвестиционной активности.

Отдельное место занимает легализация параллельного импорта как временный инструмент восстановления поставок по критическим

позициям, а также расширение научно-технической кооперации с дружественными странами. В числе приоритетных партнёров выделяется КНР, обладающая значительным опытом в области ИКТ и микроэлектроники [2]. При этом сохраняются ограничения и риски — в частности, вероятность формирования зависимости от новых технологических контуров, — однако подобные решения позволяют поддерживать работоспособность критической информационной инфраструктуры и непрерывность цифровых сервисов для населения и бизнеса.

Поддержание экономической безопасности в условиях «экономической войны» требует не только ускоренного импортозамещения, но и формирования собственных технологических заделов, способных обеспечить конкурентоспособность российского продукта. Здесь значимую роль может сыграть связка академической науки и малого инновационного бизнеса, усиленная развитием профильных цифровых платформ и технопарков.

Комплексное нивелирование санкционных эффектов предполагает и укрепление финансовой самостоятельности, включая постепенное снижение зависимости от платёжных систем и валют, контролируемых недружественными юрисдикциями. В итоге результативность противодействия цифровым санкциям во многом определяется качеством координации действий государства, бизнеса и научно-образовательного сектора при формировании устойчивой и независимой инновационной экосистемы.

Список литературы:

1. Колоткина Оксана Анатольевна Влияние санкций на экономическую безопасность России // БИТ. 2023. № 2 (26) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-rossii-1 (дата обращения: 20.01.2026).

2. Шкодинский С. В., Кушнир А. М., Продченко И. А. Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. — 2022. — № 2. — С. 75 – 96.

3. Пипенко В. В. Влияние санкций на цифровую экономику // Современные социальные и экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы регионального развития. 2023. № 1 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-tsifrovuyu-ekonomiku (дата обращения: 23.01.2026).

© Михайлин В. А., 2026

EDN: QPNDLU

Мотрук Кристина Константиновна
курсант
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия
motrukkristina7@gmail.com

Научный руководитель:
Чиканова Елена Сергеевна,
профессор кафедры тылового обеспечения
и финансового контроля органов внутренних дел
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия
кандидат экономических наук, доцент
echikanova@yandex.ru

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТРИАДА НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается импортозамещение, технологическая независимость и экономическая безопасность как основа суверенитета России в условиях санкций. Обосновывается необходимость сбалансированного подхода: развитие собственных компетенций должно сочетаться с контролируемым импортом. Определены перспективы структурной трансформации экономики до 2030 года.

Ключевые слова: экономический суверенитет, технологическая независимость, импортозамещение, экономическая безопасность, санкционное давление, национальная безопасность, промышленная политика, структурная трансформация.

В условиях беспрецедентного санкционного давления, усилившегося в 2022 – 2026 годах, перед Россией встала задача не просто заместить ушедшие с рынка иностранные товары, но обеспечить долгосрочную устойчивость и независимость национальной экономики. Разрыв логистических цепочек, ограничения на передачу технологий и уход зарубежных компаний актуализировали проблему достижения подлинного экономического суверенитета. Как справедливо отмечают исследователи, национальная экономика является материально-вещественной основой всех других подсистем по обеспечению национальной безопасности. В этой связи особую значимость приобретает анализ взаимосвязи трех ключевых элементов: импортозамещения, технологической независимости и экономической безопасности, образующих неразрывную триаду современного национального суверенитета.

Политика импортозамещения в России прошла несколько этапов развития. Первый этап (2014 – 2021 годы) характеризовался преимущественной ориентацией на сельское хозяйство и оборонно-промышленный комплекс как реакция на первые секторальные санкции. Основным фокусом выступало обеспечение продовольственной безопасности.

Второй этап, начавшийся в 2022 году и продолжающийся в настоящее время, ознаменовался переходом к политике технологического суверенитета. Импортозамещение теперь охватывает станкостроение, микроэлектронику, химическую промышленность, фармацевтику, авиастроение и программное обеспечение. Принципиально важным стало осознание того, что замена импорта везде экономически нецелесообразна, поскольку это может привести к созданию менее производительных рабочих мест [1].

Как подчеркивает министр экономического развития Максим Решетников, существуют объективные причины сохранения импорта, и стратегия должна фокусироваться на ключевых направлениях, где необходим технологический суверенитет. В первую очередь это гособоронзаказ, развитие отраслевых рынков, производство специализированных материалов и тканей [1]. При этом важно обеспечить равный доступ на рынок и равные конкурентные условия как для импортной, так и для отечественной продукции.

Технологическая независимость выступает ключевым фактором обеспечения экономической безопасности в современных условиях. Министерство промышленности и торговли РФ разработало методики оценки уровня технологической независимости, которые учитывают

уровень готовности технологий и уровень готовности производства критических компонентов. Аналогичные показатели внедрены для оценки технологической независимости в топливно-энергетическом комплексе [2].

Важным направлением достижения технологического суверенитета становится автоматизация производства. Минпромторг поручил госкорпорациям перейти на «безлюдные» технологии — полностью автоматизированные производства («темные цеха»). Как сообщил министр Антон Алиханов, завод Объединенной авиастроительной корпорации в Рудневе завершает первый этап роботизации и к 2027 году должен стать «темным» производством. Поставлена задача нарастить парк промышленных роботов до 100 тысяч к 2030 году, чтобы Россия вошла в топ-25 стран по плотности роботизации.

В химической промышленности также достигнуты значимые результаты. Директор департамента химической промышленности Минпромторга Артур Смирнов отметил, что цель по увеличению производства мало- и среднетоннажной химии на 30 % к 2025 году была достигнута уже в 2023 году с ростом на 60 %. К 2030 году планируется увеличить производство более чем в 2,5 раза [3]. Эти успехи стали возможны благодаря реализации обновленного нацпроекта «Развитие производства новых материалов и химической продукции», направленного на достижение национальной цели «Технологическое лидерство».

Обеспечение экономической безопасности в условиях санкционного давления требует выстраивания эффективных механизмов защиты внутреннего рынка. Ключевым инструментом выступает система государственных и корпоративных закупок, где с 2026 года вступили в силу значительные изменения.

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 08.08.2024 № 318-ФЗ [4] внес существенные корректировки в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [5] и Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ [6], усиливающие приоритет российской продукции. С 1 января 2026 года расширена сфера применения запретов на иностранные товары, уточнены процедуры подтверждения происхождения продукции и введены дополнительные требования к отчетности

заказчиков. Ключевым подзаконным актом выступает Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [7], которое устанавливает единые перечни товаров, подпадающих под запреты (433 позиции, включая радиоэлектронику и медизделия), ограничения по принципу «второй лишний» и минимальную долю закупок отечественной продукции [8].

Важным нововведением стала реформа отчетности по национальному режиму. С 1 января 2026 года отчет формируется в Единой информационной системе автоматически на основании сведений из реестра контрактов, причем впервые в поле зрения цифрового контроля попадают договоры госкомпаний и госкорпораций в рамках 223-ФЗ [9]. Это позволяет получить объективную картину реальных закупок и оценить эффективность политики импортозамещения.

Особое внимание уделяется защите от незаконного импорта. Как отметил Максим Решетников, импорт должен соответствовать действующим в России требованиям. В конце 2025 года органы госконтроля и Росаккредитация получили полномочия приостанавливать выданные в странах ЕАЭС сертификаты и декларации соответствия. В настоящее время приостановлены 27 сертификатов и 2 декларации, готовится постановление Правительства, позволяющее блокировать работу органов сертификации, систематически нарушающих требования.

Ключевым элементом защиты рынка становится создание системы СПОТ (национальной системы подтверждения ожидания поставки товаров), которая является частью Плана обеления экономики до 2030 года. Товары, ввозимые из стран ЕАЭС, будут учитываться в СПОТ с обязательной уплатой НДС и подтверждением, что продукцию ожидает конкретный предприниматель в России [1].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что импортозамещение выступает не самоцелью, а инструментом достижения более широких стратегических задач. Ключевая цель — не построение «железного занавеса», а создание устойчивой, самодостаточной экономики, способной к воспроизводству инноваций и обеспечению национальной безопасности.

Как справедливо отмечается в научной литературе, для обеспечения живучести и устойчивости национальной экономики необходимо рациональное размещение производительных сил, комплексное развитие

хозяйства экономических районов, создание надежной системы логистики, обеспечение резервных каналов энергообеспечения и накопление материально-технических резервов. Эти задачи находят отражение в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 года [10].

Перспективы структурной трансформации российской экономики до 2030 года связаны с дальнейшим совершенствованием механизмов защиты внутреннего рынка, развитием собственных технологических компетенций и выстраиванием сбалансированной системы, сочетающей импортозамещение в критических сферах с контролируемым импортом, соответствующим национальным стандартам и требованиям безопасности. Только в единстве импортозамещения, технологической независимости и экономической безопасности достигается подлинный национальный суверенитет в условиях санкционного давления.

Список литературы:

1. Решетников: импорт должен соответствовать действующим в России требованиям [Электронный ресурс] // URL: https://economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_import_produkcii_legkoy_promyshlennosti_dolzhen_sootvetstvovat_deystvuyushchim_v_rossii_trebovaniyam.html (дата обращения: 15.03.2026).

2. Уровень технологической независимости в ТЭК (ЕМИСС) [Электронный ресурс] // URL: https://repository.nsedc.ru/dataset/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. День Минпромторга на Неделе технологического лидерства [Электронный ресурс] // URL: https://expert.ru/novosti-partnerov/den-minpromtorga-na-nedele-tekhnologicheskogo-liderstva/#form-account (дата обращения: 15.03.2026).

4. Федеральный закон от 08.08.2024 № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/409494237/ (дата обращения: 15.03.2026).

5. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/70353464/ (дата обращения: 15.03.2026).

6. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/12188083/ (дата обращения: 15.03.2026).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411097447/ (дата обращения: 15.03.2026).

8. Импортозамещение в закупках: новые ограничения и преференции для российских товаров с 2026 года [Электронный ресурс] // URL: https://protect-tender.ru/zakupki/material/importozameshhenie-v-zakupkah-novye-ogranicheniya-i-preferentsii-dlya-rossijskih-tovarov-s-2026-goda/#Запреты_на_закупку_иностранных_товаров_в_рамках_импортозамещения (дата обращения: 15.03.2026).

9. Реформа отчетности по нацрежиму: новые требования и новая ответственность [Электронный ресурс] // URL: https://www.цифровые-закупки.рф/nacionalnye-proekty/reforma-otchetnosti-po-nacrezhimu-novye-trebovanija-i-novaja-otvetstvennost/ (дата обращения: 15.03.2026).

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/ (дата обращения: 15.03.2026).

© *Мотрук К. К., 2026*

EDN: RGAKGD

Муравейская Валерия Максимовна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
muraveyskay@mail.ru

Научный руководитель:
Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
luda_d65@mail.ru

ТЕНЕВОЙ СЕКТОР КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РОЛЬ ОВД В ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИИ

Аннотация. В работе представлено рассуждение на тему снижения уровня теневой экономики и укрепления экономической безопасности страны, в статье исследуется проблема трансформации теневого сектора экономики в фактор угрозы национальной безопасности России в условиях внешнего санкционного давления. Особое внимание уделяется роли органов внутренних дел (ОВД) в системе противодействия данным угрозам.
Ключевые слова: теневая экономика, экономическая безопасность, органы внутренних дел, налоговые поступления, межведомственное взаимодействие, противодействие, законодательство.

В условиях нарастания и ужесточения экономических санкций против России, теневой сектор экономики превращается из локальной проблемы в настоящую угрозу для национальной безопасности нашей страны [1]. Его развитие, в первую очередь, подрывает бюджетную стабильность через сокращение налоговых поступлений, наносит не малый

ущерб добросовестной и чистой конкуренции, искажая саму конкурентную борьбу в виде особых преимуществ, и, конечно же, снижает доверие граждан к государственным институтам. Поэтому теневой сектор можно считать прямой угрозой экономической безопасности, последствия указанного процесса в настоящее время ощущаются во всех сферах общественной жизни.

Рассматриваемая тема является актуальной и приоритетной, ведь теневой сектор негативно влияет на экономику государства, препятствует ее совершенствованию, нарушая при этом правила социально-экономического развития как страны в целом, так и различных сфер бизнеса. Естественно, полностью ликвидировать явление теневой экономики, невозможно, однако уменьшить уровень ее масштабов и обеспечить повышение уровня экономической безопасности государства возможно. Данная проблема требует разработки мер противодействия, которые будут учитывать не только внутреннюю специфику государства, но и внешнее давление на экономику страны. Целью настоящего исследования является проведение комплексного анализа влияния теневого сектора на экономическую безопасность Российской Федерации. Научная значимость работы заключается в обосновании необходимости реформирования функций органов внутренних дел как двигателя создания новых теневых практик именно в правовое поле. Это создает основу для разработки государственной политики, направленной на минимизацию рисков в условиях структурных изменений экономики.

В современном мире экономическая безопасность является основой сохранения целостности, а ее укрепление и защита от внешних и внутренних угроз зависит от ОВД. Теневая экономика представляет собой сложное явление, это, в первую очередь, скрытая, нерегулируемая, трудноуправляемая экономика, охватывающая различные формы хозяйственной деятельности. В ее структуре выделяют легальную незарегистрированную деятельность, включающую неучтённое производство товаров и услуг, криминальные операции- деятельность, прямо запрещенная законом (наркоторговлю, контрабанду, отмывание денег), а также системное уклонение от налогового и административного контроля, а именно получение каких-либо необоснованных выгод, это могут быть, к примеру, взятки. Объединяет все эти структурные элементы сознательное сокрытие от государственного учёта и надзора, что приводит к изменениям базовых уже закрепившихся рыночных механизмов и снижает эффективность самого государственного регулирования.

Угрозы экономической безопасности со стороны теневого сектора обширны и сложны. Из-за уклонений от фискальных обязательств происходит сокращение налоговой базы, и следовательно, это ограничивает возможности бюджетного финансирования социально-экономических программ. Государство недополучает налоги, что непременно ведет к дефициту бюджета, из-за чего некоторые сферы могут недополучить финансирования, а следовательно, не смогут развиваться в сбалансированном ритме. Розничная торговля, как один из секторов в структуре теневой экономики, демонстрирует повышенную уязвимость из-за преобладания наличных расчетов и сложностей контроля товаропотоков. Строительная отрасль подвержена теневой деятельности из-за частых неформальных трудовых отношений. Сфера услуг характеризуется уклонением от налогообложения. По данным примерам, можно сделать вывод, что типичными формами реализации теневых практик являются неформальная занятость, то есть отсутствие оформления трудовых договоров и сокрытие реальных доходов. Коррупционные схемы в системе контролирующих органов создают условия для развития криминальных экономических отношений [2]. Происходит финансирование организованной преступности, в следствии чего подрывается социальная стабильность. В совокупности эти формы создают сильный барьер, обеспечивающий устойчивый вывод активов из легального оборота.

Правовые основы деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия теневой экономике закреплены системой нормативных актов различного уровня. Ключевыми документами федерального значения выступают Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях, а также Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем». Ведомственное регулирование осуществляется через приказы МВД России, регламентирующие порядок проведения проверок и оперативно-розыскных мероприятий. ОВД находятся на переднем плане борьбы с теневой экономикой. Выявление и пресечение экономических преступлений, противодействие коррупции, борьба с криминальным сектором-все это является основными направлениями ОВД в этой сфере. Наиболее существенной проблемой остаётся отсутствие единых процедур обмена информацией между налоговыми, таможенными и правоохранительными органами, что осложняет проведение комплексных расследований. В деятельности ОВД часто не хватает высококвалифицированных специалистов, способных разбираться в сложных

финансовых схемах, поэтому ресурсные ограничения являются серьезной проблемой в работе ОВД. Сложности доказывания фактов теневой деятельности усугубляются скрытым характером правонарушений и использованием криминальными структурами схем обналичивания. Эти факторы существенно снижают результативность правоохранительной практики, ограничивая возможности привлечения виновных к ответственности.

В современном мире распространение криминальных сетей обуславливает необходимость развития специализированных аналитических инструментов в деятельности ОВД, особую сложность представляет отслеживание цепочек трансфертного ценообразования, требующего межведомственной координации. Одним из способов борьбы с теневым сектором в экономике можно выделить выявление и устранение законодательных пробелов, это важное условие сдерживания развития теневых экономических операций, поскольку нечеткие правовые конструкции создают пространство для их использования. Комплекс таких мер создаст более предсказуемую правовую среду, в которой органы внутренних дел смогут осуществлять пресечение теневых схем на основе норм права. Внедрение цифровых систем учета дел, прозрачных критериев принятия процессуальных решений и стандартов расследования повышает контролируемость операций. Для этого необходимы определенные меры внутреннего и внешнего контроля, такие как регулярные проверки соблюдения процедур, усиление механизмов ответственности. Реализация этих мер позволит в значительной мере изолировать теневую экономическую деятельность и использовать неучтенные капиталы для развития национальной экономики.

Как было выяснено до этого, теневой капитал тесно связан с властными структурами. Главной задачей как раз и является разорвать эту связь для ограничения теневого функционирования. Следовательно, все силы должны быть направлены именно на борьбу с коррупцией и организованной преступностью, что и входит в компетенции ОВД, которые и играют ключевую роль в этом вопросе, выступая важнейшим инструментом защиты экономического суверенитета. Все это может снизить возможности коррупционного сговора, сделает работу правоохранительных органов более эффективной, а следовательно это укрепит доверие к системе, что является не мало важным в современном обществе. «В современных условиях система ПОД/ФТ/ФРОМУ (противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём,

финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения) предполагает наличие единой правовой, институциональной и оперативной основы, позволяющей осуществлять эффективное взаимодействие всех участников, вовлеченных в противодействие и выявление нарушений» [3]. Такие центры способны сократить время реагирования на угрозы.

Разработка межведомственных протоколов обеспечит четкое распределение компетенций между налоговыми, таможенными и правоохранительными структурами. Это позволит сделать саму процедуру расследования более эффективной и стандартизованной, так как улучшит взаимодействие между данными структурами. Внедрение образовательных программ по экономической безопасности представляет собой ключевой элемент профилактики правонарушений в теневом секторе. Такие программы должны охватывать предпринимателей, государственных служащих и молодёжь, формируя понимание правовых последствий участия в нелегальной деятельности, предупреждая население об ответственности и последствиях такой деятельности [4].

Повышение финансовой грамотности населения способствует раннему выявлению криминальных схем и снижению спроса на теневые услуги. Систематическое обучение принципам экономической безопасности создаёт основу для ответственного экономического поведения. Подобный подход формирует позитивную мотивацию для перехода в правовое поле и укрепляет доверие к государственным институтам.

Проведённое исследование показало, что угрозы экономической безопасности, исходящих от теневого сектора Российской Федерации, имеют системный характер. Отсутствие скоординированного подхода между регулирующими органами создаёт питательную среду для расширения теневых операций, подрывающих бюджетную стабильность [5]. Деятельность органов внутренних дел в противодействии экономическим угрозам требует изменений. Выявленные пробелы в оперативном реагировании и технической оснащённости ограничивают способность ОВД быстро противостоять современным вызовам теневой экономики.

Ключевым направлением минимизации рисков должно стать формирование единой платформы межведомственного взаимодействия. Реализация предложенных мер по модернизации правоприменительной практики создаст предпосылки для системного сокращения теневого оборота и стабилизации экономики. Укрепление профилактического компонента в деятельности ОВД и формирование правосознания будут

способствовать восстановлению доверия к государственным институтам. Это обеспечит укрепление экономической безопасности через снижение привлекательности неформальных экономических практик.

Можно сделать вывод, что функционирование теневой экономики в России наносит огромный урон обществу и государству, разрушает нормальные экономические отношения, и, в целом, считается одной из самых острых угроз экономической безопасности Российской Федерации. Проблема теневой экономики и экономическая безопасность страны, не является новой, однако требует постоянного внимания, ведь условием развития нашей страны выступает регулируемая рыночная экономика.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

3. Лифановская О. В., Боташева Л. Х. Подходы к оценке межведомственного взаимодействия в сфере под/фт/фрому // Вестник алтайской академии экономики и права. — 2024. № 11. — С. 369 – 373.

4. Купрещенко, Н. П. Теоретико-методологические основы оценки теневой экономики при обеспечении экономической безопасности России / Н. П. Купрещенко. — 2024.

5. Измайлов, М. К. Теневая экономика как угроза экономической безопасности России / М. К. Измайлов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2022. — № 3. — С. 86 – 99.

© Муравейская В. М., 2026

EDN: RJLYUZ

Муратова Мария Алексеевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
muratovamasha1@gmail.com

Научный руководитель:
Борина Любовь Вадимовна
заместитель начальника кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, подполковник полиции
borinalv@mail.ru

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ИСКАЖЕНИЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В данной работе рассматривается аналитический инструментарий, применяемый для установления признаков преднамеренного искажения учетных данных в ходе расследования налоговых преступлений в период 2024 – 2025 гг. Научная новизна исследования заключается в систематизации признаков криминальных манипуляций, обусловленных масштабной налоговой реформой 2025 года и внедрением алгоритмического скоринга налогоплательщиков. Практическая значимость заключается в детальном описании приемов документальной проверки, позволяющих изобличать бестоварные операции и схемы искусственного дробления бизнеса.

Ключевые слова: экономическая безопасность, органы внутренних дел, цифровая трансформация, блокчейн-аналитика, проактивный мониторинг, виртуальные активы.

Обеспечение экономической безопасности современного государства в 2024 – 2025 годах неразрывно связано с эффективностью противодействия налоговым преступлениям, предусмотренным статьями 198 – 199.2 УК РФ. Анализ оперативной обстановки показывает, что общий зарегистрированный имущественный ущерб по расследованным делам в 2024 году достиг 627,9 млрд руб. При этом преступления экономической направленности составили 105,4 тыс. выявленных эпизодов [1]. Важным индикатором результативности следствия выступает тот факт, что на стадии расследования государству было возмещено 102 млрд руб. ущерба, из которых почти 87 млрд руб. составили поступления ранее неуплаченных налогов [2]. Вместе с тем, структура криминальной среды качественно меняется: доля деяний по ст. 199.2 УК РФ (сокрытие имущества от взыскания) в общем массиве налоговых посягательств выросла до 24,8 % [3, с. 3].

Развитие методики выявления искажений в 2025 году обусловлено масштабной налоговой реформой. С 1 января 2025 года организации и индивидуальные предприниматели, применяющие УСН, признаются плательщиками НДС при превышении годового дохода в 60 млн руб. [4]. Это нововведение создало новые стимулы для криминальных манипуляций: у 30 % компаний на УСН контролирующими органами уже выявлены признаки «дробления» бизнеса, направленного на формальное сохранение права на спецрежим [4]. Типичными схемами стали резкое падение выручки у старой компании при приближении к лимиту и одновременный рост у нового аффилированного лица, а также использование «бумажного НДС», ущерб от которого по одной из выявленных Telegram-платформ оценен в 9 млрд руб.

Методика судебно-бухгалтерского исследования таких искажений включает в себя четыре обязательных этапа документальной проверки:

1. Формальная проверка: заключается во внешнем осмотре документов [счетов-фактур, накладных, актов] для обнаружения нарушений формы, отсутствия обязательных реквизитов или полномочий у подписантов [5]. При «бестоварных» операциях часто выявляются несоответствия печатей и дат, использование массовых адресов регистрации контрагентов, а также оформление документов «задним числом» [5, с. 5].

2. Арифметическая проверка: предполагает контроль точности расчетов в первичных документах, регистрах и декларациях, а также сверку сумм НДС и налоговой базы. Для фиктивных сделок характерны

неустранимые противоречия между количественными показателями товарно-материальных ценностей в учете и фактически подтвержденным объемом их перемещения.

3. Нормативная проверка: направлена на оценку правомерности признания расходов по операциям с «техническими» компаниями, не имеющими реального персонала, основных средств и складских мощностей. Эксперт сопоставляет фактическую практику отражения операций с требованиями учетной политики предприятия и нормами Налогового кодекса РФ.

4. Встречная проверка: предполагает сверку данных проверяемого лица с документами его контрагентов и сведениями налоговых органов. Именно этот прием позволяет подтвердить отсутствие реальной поставки, если у контрагента отсутствуют ресурсы для исполнения сделки, а документы носят исключительно формальный характер [5].

Технологический контроль в 2025 – 2026 годах переходит на качественно новый уровень благодаря эксплуатации АИС «Налог-3», которая централизует данные о налогоплательщиках, автоматизирует камеральный анализ и формирует цифровой профиль субъекта [6]. Эта система интегрирована с внешними источниками, включая банковские данные и сведения из Росреестра, что позволяет сопоставлять бухгалтерскую отчетность с фактическими финансовыми потоками в режиме реального времени. С 1 января 2026 года ФНС вводит методику балльной оценки, согласно которой организации будут проверяться по 55 критериям риска, включая налоговую нагрузку, уровень заработных плат и рентабельность активов. Система АСК НДС-3 автоматически строит сквозные цепочки счетов-фактур и выявляет «разрывы» при отсутствии «зеркального» отражения операций у контрагента.

Процессуальное значение экспертных методов подтверждается судебной практикой. В приговоре по делу № 1 – 581/2024 суд признал подсудимого виновным в уклонении от уплаты налогов на сумму более 31,3 млн руб., положив в основу вывода экспертные данные о фиктивности документооборота и «бестоварности» операций [7]. Аналогично в деле № А40 – 132025/2023 выводы судебно-бухгалтерской экспертизы о размере недоимки были приняты судом как надлежащее доказательство. Таким образом, интеграция автоматизированных систем ФНС и методов судебной бухгалтерии позволяет не только выявлять искажения на ранних стадиях, но и обеспечивать их полноценное доказывание в суде.

В завершение стоит поставить наиболее острый вопрос: способна ли тотальная алгоритмизация налогового контроля к 2026 году окончательно искоренить возможность искажения отчетности, или преступные схемы окончательно сместятся в сторону создания изощренных цифровых имитаций хозяйственной деятельности внутри самих государственных информационных систем?

Список литературы:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // URL: http://crimestat.ru/BinaryData/OBJ1127744 (дата обращения: 07.03.2026).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // URL: http://crimestat.ru/BinaryData/OBJ1127744 (дата обращения: 07.03.2026).
3. Состояние преступности в России за 2024 год [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения: 07.03.2026).
4. Панкратьев А. Н. Структура и динамика налоговой преступности за период 2016 – 2021 годов [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-dinamika-nalogovoy-prestupnosti-za-period-2016-2021-godov (дата обращения: 07.03.2026).
5. Глава СК сообщил о возмещении 100 млрд руб. ущерба по делам о преступлениях в сфере экономики [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.ru/news/256520/ (дата обращения: 07.03.2026).
6. Прокуратура Саратовской области: состояние преступности за 1 квартал 2024 года [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_pvfo/mass-media/news/archive/e5209332/ (дата обращения: 07.03.2026).
7. Налоговая реформа 2025 года: НДС на УСН [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/business/29/09/2025/68da2ec29a7947d70e380feb (дата обращения: 07.03.2026).
8. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие [Электронный ресурс] // URL: https://dgunh.ru/content/glavnay/ucheb_deyatel/uposob/up-fgos-14-15-bu1-12.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

© *Муратова М. А.*

EDN: RLVPCO

Неплюева Татьяна Эдуардовна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
nepluevaqs@mail.ru

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье обосновывается приоритетный характер правового обеспечения информационной безопасности в контексте защиты экономических интересов личности, общества и государства. Анализируются эволюция законодательства, ключевые угрозы информационной сфере, влияющие на экономику, направления совершенствования правового регулирования и подготовки кадров для органов внутренних дел. Делается вывод о неразрывной связи информационной и экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, информационная безопасность, правовое обеспечение, киберугрозы, критическая информационная инфраструктура, органы внутренних дел, цифровая грамотность.

Информационная сфера к началу третьего десятилетия XXI века окончательно оформилась как самостоятельное пространство, в котором

разворачиваются не только экономические и социальные коммуникации, но и геополитическое противоборство, трансграничная преступная деятельность. В этих условиях обеспечение информационной безопасности перестало быть узковедомственной задачей, приобретя характер стратегического национального приоритета, неразрывно связанного с экономической безопасностью. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1] прямо относит к основным вызовам и угрозам «недостаточный уровень развития и конкурентоспособности информационных технологий», «сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовой деятельности», что напрямую коррелирует с проблемами информационной безопасности. Российская Федерация последовательно движется по пути формирования целостной системы правового обеспечения информационной безопасности: от первых доктринальных документов конца 1990-х годов к современной модели, интегрирующей защиту критической инфраструктуры, противодействие киберугрозам, обеспечение цифрового суверенитета и развитие человеческого капитала в области киберграмотности. В 2025 – 2026 годах активизировалась работа над обновлением Доктрины информационной безопасности, что свидетельствует о понимании государством необходимости адекватного ответа на новые вызовы, в том числе экономического характера [2]. Цель настоящей статьи — обосновать приоритетный характер правового обеспечения информационной безопасности в системе обеспечения экономической безопасности, выявить основные направления его развития и определить роль юридических механизмов в защите национальных экономических интересов в информационной сфере.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволивший рассмотреть правовое обеспечение информационной безопасности в развитии, в единстве технических, организационных и собственно юридических аспектов, влияющих на экономику. Формально-юридический метод применен при анализе Доктрины информационной безопасности Российской Федерации 2016 года, проектов ее новой редакции, федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О безопасности критической информационной инфраструктуры». Системно-структурный метод обеспечил выявление места информационной безопасности в общей системе экономической безопасности. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы к правовому регулированию информационной

безопасности в контексте защиты экономики. Особое значение имел метод правового моделирования, использованный для экстраполяции общих закономерностей управления социально-экономическими системами в условиях неопределенности на сферу обеспечения информационной безопасности [3]. Теоретическую базу составили труды отечественных специалистов в области информационного права, теории безопасности и экономической безопасности.

Анализ эволюции правового обеспечения информационной безопасности в России позволяет выделить несколько этапов, каждый из которых отражал растущее понимание ее экономической значимости. Первый этап (1990-е — начало 2000-х годов) был связан с формированием базовых понятий, закрепленных в Доктрине информационной безопасности 2000 года. Второй этап (2010-е годы) ознаменовался принятием Доктрины 2016 года, которая впервые определила информационную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие [4]. Третий этап, начало которого приходится на 2025 – 2026 годы, связан с подготовкой новой редакции Доктрины, учитывающей кардинальное изменение геополитической обстановки и технологического ландшафта, а также возрастание экономических рисков от кибератак и информационных операций.

Как отмечается в материалах «Инфофорума-2026», целью обеспечения информационной безопасности в новой редакции Доктрины объявляется укрепление суверенитета Российской Федерации в информационной сфере, включая способность самостоятельно развивать информационную инфраструктуру, обеспечивать ее безопасность и устойчивость [5]. Фиксация этого определения имеет принципиальное юридическое значение для защиты экономических интересов: зависимость от зарубежных технологий и сервисов создает прямые угрозы для финансовой системы, промышленности, критической инфраструктуры.

Ключевыми угрозами, на которые призвана ответить обновленная система правового обеспечения, выступают: использование технологий и продуктов западных IT-компаний как инструмента деструктивного воздействия на критическую инфраструктуру, ведущего к экономическому ущербу; масштабные компьютерные атаки на объекты финансовой сферы и энергетики; использование информационных технологий в преступных целях (мошенничество, кражи средств, легализация

доходов) [6]. В проекте Доктрины закладывается принципиально новый принцип обеспечения безопасности — принцип неразрывности, согласно которому вопросы защиты информации должны быть встроены с самого начала в процессы создания и эксплуатации любых цифровых систем, в том числе в финансовом секторе и государственном управлении. Этот принцип требует нормативного закрепления в технических регламентах и стандартах, что напрямую влияет на снижение экономических рисков.

Особого внимания заслуживает правовое обеспечение защиты критической информационной инфраструктуры, от которой зависит функционирование экономики. Принятый в 2017 году Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» создал основу для категорирования объектов, создания государственной системы обнаружения и предупреждения компьютерных атак. Однако практика выявила проблемы координации и привлечения к ответственности. А. А. Беженцев, В. Г. Бурлов и М. И. Грачев, исследуя внедрение новых информационных технологий, указывают на необходимость создания учебных полигонов и ситуационных центров, моделирующих реальные профессиональные задачи [7]. Применительно к защите критической инфраструктуры такие центры могли бы стать площадками для отработки взаимодействия различных ведомств и организаций при отражении кибератак, наносящих экономический ущерб.

Важнейшим направлением правового обеспечения информационной безопасности выступает кадровое обеспечение и формирование цифровой грамотности населения, что имеет прямое отношение к экономической безопасности. А. А. Нечай, исследуя формирование безопасной информационной среды, подчеркивает, что защита информации — не только техническая, но и организационно-правовая проблема, требующая четких регламентов и распределения ответственности [8]. В условиях, когда основным вектором атак становится человек (социальная инженерия, фишинг), правовое регулирование должно обеспечивать формирование у граждан и сотрудников органов внутренних дел навыков безопасного поведения. Разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности [9] имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных мер защиты экономических интересов в цифровой среде.

В контексте подготовки кадров для системы обеспечения экономической безопасности особое значение приобретают структурно-функциональные модели формирования профессиональной компетентности. Исследования А. А. Нечая и А. В. Ничагиной, посвященные подготовке

специалистов в области информационной безопасности, демонстрируют необходимость интеграции юридических, технических и организационных знаний в единый образовательный комплекс [10]. Выпускник, способный эффективно работать в системе обеспечения экономической безопасности, должен понимать не только технические аспекты защиты информации, но и правовые механизмы привлечения к ответственности за экономические преступления в цифровой среде, процедуры взаимодействия с правоохранительными органами, регламенты обмена информацией.

Международно-правовой аспект информационной безопасности также приобретает приоритетное значение для защиты экономических интересов. Россия последовательно выступает за разработку универсальных международно-правовых механизмов регулирования поведения государств в информационном пространстве. В рамках ОДКБ приняты модельные законы об информационной безопасности, о безопасности критической информационной инфраструктуры, что позволяет сближать национальные законодательные базы и совместно противодействовать трансграничным киберугрозам экономике.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что правовое обеспечение информационной безопасности является неотъемлемым компонентом экономической безопасности современного государства. Это обусловлено объективными факторами: трансграничным характером информационных угроз, их способностью наносить прямой экономический ущерб, нарушать функционирование финансовой системы, критической инфраструктуры, подрывать доверие к цифровым сервисам. Дискуссионным остается вопрос о балансе между обеспечением безопасности и реализацией конституционных прав граждан, но любые меры должны проходить проверку на пропорциональность и учитывать экономические последствия.

Существенным условием эффективности выступает интеграция усилий государства, бизнеса и институтов гражданского общества. Правовое регулирование должно создавать стимулы для частных инвестиций в кибербезопасность, поощрять обмен информацией об угрозах, обеспечивать защиту добросовестных участников рынка. Особую роль в этом играют органы внутренних дел, которые не только выявляют и расследуют преступления в сфере компьютерной информации, но и участвуют в формировании правоприменительной практики и профилактике правонарушений. Правовое обеспечение информационной безопасности является сегодня приоритетным направлением развития

государства, неразрывно связанным с экономической безопасностью. Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании этой взаимосвязи и выявлении основных направлений развития правового регулирования. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов в законотворческой деятельности при совершенствовании законодательства об информационной безопасности, а также в образовательном процессе при подготовке специалистов для органов внутренних дел, способных защищать экономические интересы в цифровой среде.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. О подготовке новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: информация Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по информационной безопасности // Совет Безопасности Российской Федерации. 2025. 9 сентября.

3. Андреев А. В., Гомазов Ф. А., Грачев М. И. Метод управления социально-экономическими системами в условиях неопределенности // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 1. С. 405 – 408.

4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

5. Инфофорум-2026: Приоритеты информационной безопасности России — чтобы быть на шаг впереди [Электронный ресурс] // URL: https://ru-bezh.ru/meropriyatiya/news/26/01/28/v-moskve-startoval-infoforum-2026-ozvucheny-prioritety-informats (дата обращения: 13.02.2026).

6. Шокурова Е. В Совбезе раскрыли детали новой доктрины информационной безопасности [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/politics/28/01/2026/6979d3ef9a79476325e0fcb9 (дата обращения: 13.02.2026).

7. Беженцев А. А., Бурлов В. Г., Грачев М. И. Внедрение новых информационных технологий в образовательный процесс на основе использования учебных полигонов мониторинговый центр и ситуационный центр // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2020. Т. 14. № 7. С. 36 – 41.

8. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

9. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

10. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

© Неплюева Т. Э., 2026

EDN: RVMCKD

Овчинникова Вероника Алексеевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
V13102006@yandex.ru

Научный руководитель:
Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
Luda_d65@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, ВЫЗОВЫ ДЛЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вызовы экономической безопасности, обусловленные цифровизацией платежных систем, современные угрозы и синтез механизмов их нейтрализации для обеспечения устойчивости финансовой системы.
Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровые платежи, финансовая система, киберугрозы, цифровой рубль, финансовое мошенничество, регулирование.

В эпоху цифровых платежей экономическая безопасность финансовой системы сталкивается с новыми вызовами, связанными с цифровизацией технологий и изменением традиционных моделей банкинга и платежей. Эти вызовы требуют анализа рисков, адаптации участников индустрии и законодательного регулирования. В России наблюдается

рост использования цифровых средств, где система быстрых платежей, мобильные переводы и платежные агрегаторы (ЮKassa, QIWI) занимают доминирующие позиции, вытесняя наличные. К концу 2025 года доля безналичных платежей в России продолжает уверенный рост, достигнув 87,5 % в первом полугодии. Центральный банк России сообщает, что в 3 квартале 2025 года количество ежедневных безналичных операций превысило 243 млн [1].

Отмечается взрывной рост скорости и объемов транзакций: использование крипто карт Visa выросло на 525 %. Наблюдалось временное снижение объема наличных денег в обращении на 1,08 трлн руб. (до 17,4 трлн) в период с января по апрель, что стало рекордом за три года. Одновременно с этим прозрачность бизнеса повышается: налоговые доначисления за 9 месяцев 2025 года выросли в 1,5 раза, достигнув 443 млрд рублей, из-за борьбы с серыми зарплатами и дроблением бизнеса [2].

Цифровые платежи, являясь основой современной экономики, ускоряют транзакции и стимулируют рост, повышают эффективность финансовой системы, обеспечивая мгновенные транзакции, снижение операционных издержек, высокую безопасность и прозрачность операций, но одновременно создают критические риски для экономической безопасности.

Выявление и устранение внутренних и внешних угроз, а также обеспечение национальной безопасности — первостепенная задача государства. В условиях неопределенности и нестабильности мировой экономики, вызванных внешними вызовами (включая пандемию и негативные социально-экономические процессы), особое значение приобретает экономическая безопасность. Государство принимает меры по противодействию угрозам экономической безопасности и повышению уровня жизни населения. Основным документом, регулирующим эту сферу, является Указ Президента № 208 от 13.05.2017 «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года», определяющий вызовы, угрозы и направления государственной политики. В финансовой сфере можно выделить следующие основные группы угроз и рисков экономической безопасности государства:

— Технологические риски. В 2025 году кибератаки на финансовый сектор и платежные системы России показали значительный рост: число инцидентов увеличилось на 38 – 50 %, а финансовый сектор вошел в число наиболее атакуемых отраслей [3]. Основными угрозами стали

масштабные DDoS- атаки (в 4 раза мощнее начала года, использование искусственного интеллекта и фишинга для кражи данных, при этом средний размер выкупа достигал 40 млн рублей). Кибератаки стали агрессивнее и разрушительнее: 76 % критических атак на российские компании направлены на уничтожение или шифрование инфраструктуры, а не просто кражу данных. Успешными оказываются 47 % атак, число которых выросло на 42 %. Основные методы — использование программного обеспечения (63 %) и социальная инженерия (50 %), с ростом атак через цепочки поставок (26 %).

— Финансовые угрозы. По данным Chain lysis, объём отмытых средств через цифровые активы в 2025 году превысил 82$млрд продемонстрировав резкий рост по сравнению с предыдущими годами, что превратило этот процесс в масштабную теневую индустрию. Ключевую роль играют китайскоязычные сети (CMLN), использующие Telegram и OTC-брокеров для фрагментации транзакций. По итогам первого полугодия 2025 года зафиксирован рост числа мошеннических (+6,8 %) и фишинговых (+7,9 %) ресурсов по сравнению с 2024 годом. Основной целью стал ритейл (50 % фишинга, 32 % скама), обогнав финансовый сектор. Мошенники активно используют искусственный интеллект, дипфейки и схемы с фейковой доставкой («Мамонт»). Рынок крипто валют характеризуется высокой, хотя и снизившейся на 15 % волатильностью, при этом биткоин укрепил статус макроактива, показав доходность + 13 % в первой половине года. Влияние на национальные валюты остаётся значительным, усиливая риски дестабилизации при массовой конвертации.

— Социально-экономические риски. В России отмечается дисбаланс в доступе к современным технологиям между группами населения. Уровень проникновения интернета высок (92 – 93 % пользователей), однако около 18 % граждан не пользуются сетью. Сохраняется разрыв между городом (83 % доступа) и селом (48 % доступа). В 2025 году в России зафиксировано снижение числа случаев утечек персональных данных (до 118 случаев) по сравнению с 2024 годом, при этом количество утекших записей составило более 52 млн сообщает Роскомнадзор. Основным источников утечек стал госсектор, на который пришлось 73 % инцидентов. Несмотря на снижение числа инцидентов, угроза остается высокой, особенно из-за социальной инженерии и атак на облачные сервисы. Однако, финансовая грамотность россиян демонстрирует рост: около 63 % оценивают свои знания как высокие. Однако риски сохраняются из-за активной цифровизации (76 % управляют финансами через телефон).

Макроэкономические риски. Массовый переход на валютную систему в 2025 году, на фоне 19-го пакета санкций, резко дестабилизирует из-за разрушения SWIFT — инфраструктуры, усиления блокировок операций и фрагментации трансграничных платежей DTF. Трансграничные цифровые валюты (стейблкоины) создают значительные риски для монетарного суверенитета, особенно в развивающихся экономиках. Объём таких транзакций вырос в 10 раз с 2020 по 2024 год, достигнув $2.5 трлн, что провоцирует «цифровую долларизацию» и подрывает внутреннюю денежно- кредитную политику.

Ключевые вызовы для экономической безопасности выступает триггерами для механизмов обеспечения безопасности. Механизм, включающий правовые, экономические и организационные меры, направлен на нейтрализацию этих вызовов, адаптируя национальную экономику для устойчивого развития.

Регуляторные меры, которые предполагают государственное воздействие на экономику. Банк России значительно ужесточает требования к кибербезопасности платежных систем, фокусируясь на защите от хищений, объём которых превысил 7 млрд рублей за квартал [4]. Ключевые меры включают обязательное использование криптозащиты не ниже КС1, защиту биометрии усиленной подписью, синхронизацию времени (ГЛОНАС) каждые 24 часа и контроль смены номеров телефонов. Лицензирование операторов цифровых финансовых активов (ЦФА) в РФ осуществляется Банком России через включение в реестр операторов информационных систем или операторов обмена. Требуется строгое соответствие требованиям к квалификации, репутации, ИТ-инфраструктуре и операционной надежности [5]. Внедрение стандартов AML/CFT (противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма) включает создание систем внутреннего контроля, KYC-(знай своего клиента), мониторинг транзакций и риск — ориентированный подход на основе рекомендаций FATF. Это обязательно для банков, криптобирж и финтеха для выявления подозрительных операций и защиты финансовой системы от преступных доходов.

Технологические решения также обеспечивают экономическую безопасность страны. В 2025 году отечественная платежная структура демонстрирует стремительный рост, ключевым трендом которого стало девятикратное увеличение количества платежей по биометрии за первые 9 месяцев года (до 146 млн операций) [6]. Национальная система платежных карт и карты «Мир» укрепляют доминирование, обеспечивая технологический суверенитет, а с июля 2025 года введено обязательное

внедрение социальных банковских счетов. Расходы на блокчейн — технологии достиг $31,18 млрд.

С помощью экономических инструментов поддерживается устойчивость национальнойэкономики. Рынок киберстрахования активно растет, достигая $16,3 млрд из-за беспрецедентного роста киберугроз. Ущерб от кибератак прогнозируется на уровне $10,5 трлн, что заставляет бизнес увеличивать страховые фонды и расходы на киберзащиту. В России спрос на страхование киберрисков вырос почти на 60 % к маю 2025 года. Стимулирование конкуренции среди платежных операторов сосредоточено на цифровизации, внедрении искусственного интеллекта и открытых API, что укоряет развитие цифровых кошельков, технологий SoftPOS и межбанковских платежей. В свою очередь поддержка инноваций при контроле рисков требует сбалансированного подхода: внедрения системы ранней оценки, диверсификация портфеля проектов и непрерывного анализа денежных потоков.

Социально-образовательные меры, которые включают идеи о необходимости совершенствования системы образования и реализации государственных программ. В России активно реализуется повышение финансовой грамотности до 2030 года, охватывающая около 34 млн участников. Основной фокус направлен на формирование финансовой культуры, защиту сбережений от инфляции и использование цифровых инструментов. По данным исследования 2025 года, 80 % россиян намерены повышать уровень финграмотности, при этом средний уровень финансовой грамотности составил 72,6 % [7]. Основные угрозы — кража данных, фишинг, ошибки при использовании QR-кодов и системные сбои, способные парализовать платежи. Защита уязвимых групп, включая пенсионеров и сельских жителей, ориентирована на индексацию выплат и адресную поддержку. Ключевые меры включают повышение страховых пенсий, надбавки за «сельский стаж» (25 % к фиксированной выплате), автоматическое удвоение выплат до достижения 80 лет и индексацию социальных пособий [8].

Основное назначение механизма обеспечения экономической безопасности является создание и реализация соответствующих условий, выстраивание комплекса оптимальных условий для жизнедеятельности и развития индивида, социально-экономической и военно-политической стабильности общества, сохранения целостности и государственности страны, а также противостояния воздействию внутренних и внешних угроз в области экономической безопасности.

В современных условиях необходима новая стратегия с комплексной проработкой показателей и механизмов. Перспективы развития платежной системы Российской Федерации ориентированы на технологический суверенитет, внедрение цифрового рубля, универсального QR-кода и биометрии при обеспечении высокой кибербезопасности. Полный переход на цифровые валюты центральных банков к 2030 – 2035 годам предполагает поэтапное замещение наличных, интеграцию смарт-контрактов для госплатежей, повышение прозрачности транзакций, снижение банковских рисков и устранение теневой экономики. В России масштабное внедрение цифрового рубля планируется с сентября 2026 года, с перспективой принести до 260 млрд рублей ежегодно к 2031 году [9]. Сценарий развития глобальных стандартов кибербезопасности на ближайшие 5 лет характеризуется ускоренной унификацией, внедрением ИИ — защиты и переходом к модели «Нулевого доверия». Стандарты (ISO27001) станут обязательными, охватывая устойчивость цепочек поставок, защиту критической инфраструктуры, международное сотрудничество и борьбу с ИИ — фишингом.

В качестве заключения стоит отметить, что цифровизация платежей открывает новые возможности, но также приносит и серьезные угрозы. Комплексный подход и образовательные инициативы, является необходимым условием для успешного и безопасного внедрения цифровых платежей. Это позволит не только минимизировать риски, но и максимально использовать потенциал цифровизации для улучшения финансовых услуг и повышения уровня жизни населения. Баланс между инновациями и безопасностью достигается через жесткие стандарты (ISO20022), трансграничную независимость и защиту от киберугроз (социальная инженерия, утечки данных). Для эффективной борьбы с цифровыми преступлениями регуляторам рекомендуется внедрять Конвенции ООН против киберпреступности, унифицировать национальное законодательство, ускорять трансграничный обмен доказательствами и укреплять технический потенциал. В условиях быстрого технологического прогресса и изменения финансовых ландшафтов, организациям и государствам необходимо быть готовыми к различным вызовам. Экономическая безопасность зависит от способности систем к быстрой адаптации к новым рискам. Организации, которые смогут эффективно управлять изменениями и внедрять инновации, будут более устойчивыми к угрозам и смогут обеспечить защиту своих активов и клиентов.

Список литературы:

1. Национальная платежная система [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/psystem/?ch=ITM_13528&prtid=rops#highlight=безналичных%7Cплатежей (дата обращения: 05.03.2026).

2. Направления экономических исследований в Банке России — 2026 – 2028 [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/59629/research_russia_2026 – 2028.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

3. RED Sekurity SOC [Электронный ресурс] // URL: https://redsecurity.ru/upload/iblock/4fc/0btla6opc15m380isx20tjppu3p6g1b4.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

4. Положение Банка России № 821-П от 17.08.2023.

5. Положение Банка России № 779-П от 15.11.2025.

6. Развитие финансовых технологий [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/fintech/#highlight=биометрия (дата обращения: 10.03.2026).

7. Сбербанк от 7.10.2025.

8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

9. НРА (Национальное рейтинговое агентство).

© Овчинникова В. А., 2026

EDN: RWPWQX

Озинковский Игорь Дмитриевич
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
mr.ozinkovskiy@mail.ru

Научный руководитель:
Ахмедов Тимур Чингизович,
доцент кафедры экономической безопасности,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
ttt_tima@mail.ru

ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрена необходимость институциональной интеграции органов внутренних дел в систему стратегического управления процессами импортозамещения, предложена модель формирования риск-профилей с государственным участием и сформулированы рекомендации по развитию положений Стратегии экономической безопасности в части сопровождения импортозамещения с учётом роли подразделений ЭБиПК.
Ключевые слова: импортозамещение; подразделения ЭБиПК; институциональная интеграция; Стратегия; стратегическое планирование.

В условиях нарастающего давления на экономику России со стороны внешнеполитических факторов вопрос обеспечения технологического и производственного суверенитета приобрёл не только экономическое, но и стратегическое значение. Импортозамещение перестало быть

частной отраслевой задачей — сегодня это инструмент поддержания устойчивости всей системы национальной безопасности [1]. Его эффективность определяется не только масштабами внедрения отечественных решений, но и качеством правового сопровождения, в том числе на уровне выявления и пресечения угроз, связанных с обходом ограничений, поставками контрафакта, нарушениями в сфере гособоронзаказа.

В данной ситуации усиливается значимость органов внутренних дел как одного из ключевых институтов защиты экономических интересов государства. Подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК) МВД России, обладая аналитическими и оперативными функциями, способны оказывать прямое влияние на реализацию политики импортозамещения. Однако для этого требуется формализация механизмов их вовлечения в систему стратегического мониторинга и предупреждения угроз.

В настоящее время импортозамещение рассматривается преимущественно как производственно-технологическая задача, тогда как система правовой защиты реализации этой политики остаётся вторичной и некоординированной. Подразделения ЭБиПК МВД России, как субъект, обладающий функциями выявления и расследования экономических правонарушений [2], не закреплены как самостоятельный элемент стратегического управления области импортозамещения. Их участие, как правило, сводится к реагированию на уже совершённые правонарушения, в то время как элементы превентивного контроля, аналитики и оценки уязвимостей не закреплены ни в одной из профильных стратегий или нормативных документах.

Это порождает системный разрыв, так как меры экономической политики направлены на стимулирование производства, локализации и разработки отечественных решений, но не сопровождаются институциональной защитой от тех рисков, которые возникают на этапе их реализации [3]. Отсутствие должного информационного обмена между профильными ведомствами и подразделениями МВД ограничивает возможность раннего выявления злоупотреблений, искажений отчётности, фиктивного импортозамещения и иных форм правонарушений.

Формирование единого контура экономической безопасности требует не только производственных или инвестиционных решений, но и комплексной правовой инфраструктуры, в которой органы внутренних дел выполняют не вспомогательную, а полноформатную функцию, заключающуюся в защите стратегических интересов государства. Такой подход

позволяет рассматривать правоохранительную деятельность не просто как реакцию на преступность, а как элемент государственного управления рисками в критических зонах реализации национальной стратегии.

Отсутствие формализованного включения органов внутренних дел в систему стратегического управления импортозамещением непосредственно отражается на практике противодействия экономическим правонарушениям в данной сфере. Специфика программ локализации, субсидирования и государственного заказа формирует сложные хозяйственные конструкции, в рамках которых формальное соблюдение требований может сочетаться с фактическим сохранением импортной зависимости, манипулированием отчётностью или искажением структуры поставок. При этом правоприменение нередко опирается на универсальные составы экономических преступлений, не учитывающие технологические особенности производственных процессов, а межведомственный обмен данными о реальном уровне локализации и движении бюджетных средств остаётся фрагментарным. В результате правоохранительное реагирование приобретает преимущественно реактивный характер, что снижает превентивный потенциал деятельности МВД и усиливает институциональную уязвимость политики импортозамещения.

Одним из аспектов, связанных с отсутствием комплексной правовой инфраструктуры, является вовлечение подразделений ЭБиПК в противодействие правонарушениям в сфере внешнеэкономической деятельности, включая случаи уклонения от уплаты таможенных платежей и хищения бюджетных средств, при реализации контрактов. На практике существенные сложности вызывает разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 194 и 159 УК РФ, особенно в ситуациях, когда схемы одновременно затрагивают таможенное регулирование и механизмы налогового возмещения либо субсидирования. Распространёнными остаются способы искусственного дробления поставок, манипулирование кодами ТН ВЭД и искажение данных о товаре, что усложняет доказательство умысла и расчёт ущерба. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что действующая модель реагирования ориентирована преимущественно на посткриминальную квалификацию уже реализованных схем, тогда как превентивная оценка рисков в рамках программ импортозамещения институционально не закреплена. Для наглядности основные проявление институционального разрыва и их последствия систематизированы в таблице (таблица 1).

Таблица 1. Проявления институционального разрыва в обеспечении политики импортозамещения

Характер проблемы	Практическое проявление	Последствия для экономической безопасности
Отсутствие стратегической фиксации роли МВД	Подключение подразделений ЭБиПК преимущественно после реализации противоправных схем	Реактивная модель обеспечения безопасности
Недостаточный межведомственный обмен данными	Невозможность раннего выявления фиктивной локализации и искажений отчётности	Рост латентных и кумулятивных рисков
Сложности правовой квалификации (ст. 194 и 159 УК РФ)	Дробление поставок, манипулирование кодами ТН ВЭД, трудности доказывания умысла	Снижение превентивного потенциала уголовно-правовых мер
Ограниченность специализированной экспертизы	Трудности оценки реальной степени локализации и размера ущерба	Институциональная уязвимость программ импортозамещения

Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости институциональной перестройки модели участия подразделений ЭБиПК в реализации политики импортозамещения. Речь должна идти не о расширении отдельных контрольных мероприятий, а о формировании формализованного механизма стратегического риск-мониторинга проектов локализации и технологической модернизации. В качестве базового организационного решения целесообразно распространить данный механизм на проекты, в которых объём государственной поддержки в форме субсидий, льготных кредитов либо государственных гарантий превышает установленное пороговое значение, например 500 млн или 1 млрд рублей. Указанный диапазон соответствует уровню федеральных мер поддержки и позволяет выделить проекты системного значения. Такой критерий позволяет сосредоточить аналитические ресурсы на проектах федерального масштаба, не создавая избыточной нагрузки на малый и средний бизнес и сохраняя риск-ориентированный характер сопровождения. Для проектов в стратегически значимых отраслях порог может быть повышен, что обеспечит дифференциацию по уровню потенциальных угроз.

В рамках указанного механизма должен формироваться риск-профиль проекта, представляющий собой структурированный набор показателей, отражающих долю импортных комплектующих, характер кооперационных связей, объём и форму государственной поддержки, а также параметры внешнеэкономических операций предприятия. Формирование

и обновление такого профиля целесообразно осуществлять на основе автоматизированного сопоставления данных Минпромторга, ФТС, налоговых органов и иных информационных ресурсов. Доступ подразделений ЭБиПК к данному массиву информации должен быть регламентирован межведомственным соглашением, предусматривающим порядок обмена данными и разграничение компетенций.

Отдельного нормативного закрепления требует участие представителей МВД в комиссиях по мониторингу реализации проектов импортозамещения, финансируемых за счёт федерального бюджета. Участие должно носить аналитический характер и быть направлено на выявление рисков и уязвимостей на стадии исполнения контрактов и освоения средств, а не ограничиваться последующей уголовно-правовой оценкой. Перевод использования профильной экспертизы из эпизодической практики в устойчивый элемент межведомственного контроля позволит повысить качество проверки заявленного уровня локализации и устойчивость доказательной базы при выявлении нарушений.

Дополнительно в систему оценки эффективности программ импортозамещения целесообразно включить индикаторы, характеризующие достоверность отчётности и объём предотвращённых либо выявленных нарушений при реализации проектов. Такая мера обеспечит взаимосвязь промышленной политики и параметров экономической безопасности, формируя единый контур стратегического управления рисками. Реализация предложенных организационных решений позволит перейти от преимущественно реактивной модели правоохранительного реагирования к формату превентивного сопровождения процессов импортозамещения.

Интеграция МВД России в стратегическое управление процессами импортозамещения не предполагает расширение объема контрольных мероприятий или усиления давления со стороны правоохранительных органов. Речь идёт о совершенствовании модели участия в обеспечении устойчивости реализации проектов, финансируемых за счет государства. Акцент переносится с последующего уголовно-правового реагирования на этап предварительной оценки рисков и аналитического сопровождения. Такой подход позволит рассматривать деятельность подразделений ЭБиПК как элемент системы стратегического управления и контроля, который ориентирован на предотвращение и минимизацию уязвимостей до момента наступления правовых последствий.

В этой связи представляется целесообразным развитие положений действующей Стратегии экономической безопасности

(далее — Стратегия) в части внедрения риск-ориентированного подхода и борьбы с нецелевым использованием государственных средств применительно к сфере импортозамещения. В действующей Стратегии наиболее подходящим разделом является пункт 16, который фиксирует основные задачи по реализации направления развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, а именно подпункты 11 и 15, предусматривающих совершенствование деятельность контрольно-надзорных органов на основе риск-ориентированного подхода, а также борьбу с нецелевым использованием и хищением государственных средств [4]. Импортозамещение в современных условиях характеризуется высокой концентрацией бюджетных ресурсов и предоставлением значительных мер государственной поддержки, что объективно формирует зону повышенных экономических рисков. Следовательно, применение риск-ориентированного подхода в данной сфере требует институционального участия органов внутренних дел не только на стадии пресечения преступлений, но и в рамках мониторинга проектов с существенным объёмом государственного финансирования.

В развитие подпункта 11 представляется целесообразным закрепить участие подразделений ЭБиПК в формировании и анализе риск-профилей проектов импортозамещения, реализуемых при объёме государственной поддержки свыше установленного порогового значения. Такой механизм позволит трансформировать риск-ориентированный подход из инструмента проверочной деятельности в элемент стратегического сопровождения промышленной политики. При этом участие МВД носит аналитический характер и направлено на выявление уязвимостей, связанных с возможной имитацией локализации, аффилированностью участников проектов и искажением отчётных показателей.

Одновременно развитие подпункта 15 предполагает расширение трактовки борьбы с нецелевым использованием бюджетных средств применительно к случаям формального выполнения требований импортозамещения при фактическом сохранении технологической зависимости. Включение правоохранительного риск-мониторинга в процедуры реализации программ локализации позволяет минимизировать бюджетные потери и повысить достоверность заявленных показателей технологической независимости. Таким образом, предлагаемые меры не создают новой регулятивной конструкции, а конкретизируют действующие положения Стратегии в части обеспечения экономической

устойчивости проектов технологического развития. Соответствующие положения и предлагаемые уточнения отражены в таблице (таблица 2).

Проведённый анализ показал, что устойчивость политики импортозамещения определяется не только производственно-технологическими параметрами, но и качеством институционального сопровождения её реализации. Недостаточная формализованность включения органов внутренних дел в систему стратегического мониторинга проектов с существенным объёмом государственной поддержки усиливает реактивный характер правоохранительного реагирования и снижает превентивный потенциал обеспечения экономической безопасности.

Таблица 2. Развитие положений Стратегии экономической безопасности в части сопровождения импортозамещения с учётом роли подразделений ЭБиПК

Положение Стратегии (п. 16)	Предлагаемое развитие	Ожидаемый результат
Подп. 11 — совершенствование деятельности контрольно-надзорных органов, в том числе на основе широкого внедрения риск-ориентированного подхода и развития практики страхования ответственности субъектов экономической деятельности	Формирование риск-профилей проектов импортозамещения с крупным бюджетным участием при участии ЭБиПК	Ранняя идентификация уязвимостей и снижение вероятности имитации локализации
Подп. 15 — борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой	Распространение контроля на случаи формального импортозамещения при фактической технологической зависимости	Повышение достоверности показателей и снижение бюджетных потерь

Предложенная модель интеграции функций МВД, основанная на применении риск-ориентированного подхода и развитии положений Стратегии (в части совершенствования контрольно-надзорной деятельности и борьбы с нецелевым использованием бюджетных средств), позволяет перейти к формату превентивного сопровождения процессов импортозамещения. Это обеспечивает сопряжение задач промышленной политики и механизмов экономической безопасности в рамках единого стратегического контура управления. В условиях санкционного давления и трансформации внешнеэкономических связей такой подход формирует институциональную основу реального, а не формального импортозамещения.

Список литературы:

1. Миронова О. А. Политика импортозамещения в контексте обеспечения национальной и экономической безопасности России // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 3. — С. 32 – 38.

2. Искалиев Р. Г. Место и роль подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в системе правоохранительных органов по обеспечению экономической безопасности России. Научный журнал «Закон и право» — 2021 г.

3. Матвеева Л. Г., Чернова О. А. Российское импортозамещение в условиях «Новой нормальности» // Terra Economicus. — 2016. — Т. 14, № 2. — С. 55 – 67.

4. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: www.pravo.gov.ru, 15.05.2017.

© *Озинковский И. Д., 2026*

EDN: RZBFIG

Омелькина Анна Николаевна
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
anna.omelkina@mail.ru

Научный руководитель:
Грачёв Александр Владимирович
начальник кафедры финансового учёта и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
grachevalexunder@rambler.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЛИЯНИЯ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ СОВЕРШАЕМЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье проведён комплексный теоретический анализ системы правонарушений в экономической сфере и видов ответственности за их совершение в России. Рассмотрены и схематично представлены понятия экономического преступления и проступка, виды уголовных, административных и бюджетных мер принуждения, их эффективность и необходимость модернизации уголовной политики для обеспечения экономической безопасности государства.
Ключевые слова: правонарушение в сфере экономики, экономическое преступление, административное правонарушение в сфере экономики, нарушения в бюджетной сфере, меры ответственности, система наказаний.

В условиях динамично-развивающейся экономики и возрастающей сложности экономических отношений преступления экономической

направленности представляют серьезную угрозу. «Масштабные, долгосрочные планы развития России требуют надёжного обеспечения экономической безопасности, а значит, системной работы по очищению отраслей экономики и финансового сектора от криминала» [1], — отметил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России Президент Российской Федерации В. В. Путин.

Эффективность уголовных санкций в предотвращении таких преступлений остается предметом дискуссий. Уголовный кодекс Российской Федерации [2], который закрепляет все меры ответственности за совершение уголовно наказуемых деяний, был принят еще в 1996 году. И несмотря на то, что в него несколько сотен раз с момента принятия вносились изменения, некоторые уголовные санкции не показывают свою эффективность в предотвращении и пресечении преступлений.

По состоянию на начало сентября 2025 года в России было зарегистрировано 81153 экономических преступлений [3], совершенных с начала года, что на 0,3 % больше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Институт наказания в общем, а равно институт наказания за совершение экономических преступлений, должен соответствовать меняющимся потребностям государства, общества и времени, отвечать современному развитию научных и правовых знаний. При разработке концепции уголовной политики большой ошибкой будет являться механическая преемственность опыта прошлых лет. Это может привести к ряду негативных последствий, в том числе и к созданию серьезных барьеров при осуществлении правосудия.

В связи с этим необходимо провести комплексный анализ влияния мер ответственности на изменение уровня совершаемых правонарушений в экономической сфере, начать который следует с теоретического анализа ключевых понятий и видов ответственности за них.

Представитель Санкт-Петербургского университета МВД России к.ю.н. В. С. Бялт определяет, что правонарушение — это «общественно опасное, противоправное, виновное деяние, совершенное деликтоспособным лицом, за которое предусмотрена юридическая ответственность» [4].

Экономические правонарушения можно определить, как «запрещенные административным и уголовным законом деяния, посягающие на установленный порядок ведения предпринимательской, налоговой, таможенной и иной деятельности, отношения собственности, обмена и распределения материальных благ, а также иные охраняемые законом права и интересы государства и общества» [5].

В зависимости от степени общественной опасности правонарушения могут быть преступлениями или проступками.

Единого установленного законом термина «преступление в сфере экономики» или «экономическое преступление» нет. Преступление согласно статье 14 УК РФ — это «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания». Исходя из данного определения, можно сказать, что преступления в сфере экономики — это виновно совершенные общественно опасные деяния в экономической сфере, за которые уголовным кодексом РФ установлены наказания.

С точки зрения ведомственного подхода к экономическим преступлениям относятся составы преступлений, предусмотренные частью 2 и 3 перечня № 1, частью 2 и 3 перечня № 2, перечнем № 26 Указания Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [6].

Ответственность за совершение всех преступлений в Российской Федерации установлена только УК РФ. Статья 44 УК РФ устанавливает виды наказаний. За совершение экономических преступлений могут быть назначены такие наказания как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные, исправительные или принудительные работы, арест, ограничение свободы или лишение свободы.

Следующий вид экономического правонарушения — это проступок.

Понятие «проступка» не нашло отражения в нормах действующего законодательства. Представители Финансового университета при Правительстве РФ предлагают под проступком понимать «действие либо бездействие, посягающее на установленные законами или подзаконными актами общественные отношения, отличающееся небольшой общественной опасностью» [7].

Основные составы административных правонарушений в сфере экономики сосредоточены в главах 14, 15 и 16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8].

В отличие от уголовного законодательства административное законодательство может быть не только федеральным, но и региональным. Так, например Законом Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» [9] предусмотрено такое административное правонарушение в сфере предпринимательской деятельности как нарушение правил размещения

аттракционного оборудования на территории Санкт-Петербурга. Наказанием за него является штраф. Аналогичной статьи федеральное административное законодательство не предусматривает.

Бюджетным нарушением согласно статье 306.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации [10] признается нарушение требований БК РФ, иных правовых актов, обусловливающих публичные нормативные обязательства по выплатам из бюджетов, если оно причинило ущерб публично-правовому образованию, а также нарушение условий договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета и государственных (муниципальных) контрактов, совершенные высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, финансовым органом, главным администратором бюджетных средств, государственным (муниципальным) заказчиком.

Бюджетным нарушениям посвящена глава 30 БК РФ. Всё нижеперечисленное в целях наглядного представления нами обобщено в виде схемы (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Теоретический подход к исследованию влияния мер ответственности на изменение уровня совершаемых правонарушений в экономической сфере

За совершение бюджетного нарушения предусмотрено применение бюджетной меры принуждения. Статья 306.2 БК РФ содержит перечень бюджетных мер принуждения.

Бюджетные меры принуждения — это один из видов принуждения, исходящих от государства, при этом данные меры по своей сути являются механизмом правового принуждения, а не отдельным видом юридической ответственности. Действие бюджетных мер принуждения является самостоятельным процессом и не заменяет вероятность привлечения к юридической ответственности.

Порядок применения бюджетных мер принуждения конкретизируется письмом Минфина России от 30 июня 2020 г. № 02-09-09/56393 «Об особенностях применения бюджетных мер принуждения» [11].

Бюджетные меры принуждения могут применяться параллельно с административными и уголовными, но при этом существуют обособленно.

Административная ответственность за совершение бюджетных нарушений предусмотрена КоАП РФ. Данной категории административных правонарушений посвящены статьи 15.14 – 15.15.16 КоАП РФ. Ответственность за совершение данных правонарушений наступает для должностных лиц или юридического лица.

Перечень уголовно наказуемых деяний в бюджетной сфере содержится в перечне № 26 Указания Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024.

Список литературы:

1. Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации. Публикация от 05.03.2025 «Расширенное заседание коллегии МВД» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 13.02.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954; 04.08.2025, № 31, ст. 4636.

3. Статистический сборник ФКУ ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в России за январь – август 2025 года». С. 7.

4. Бялт В. С. Правоведение: учебник для вузов. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 137.

5. Багдасарян О. О. Юридическая ответственность за экономические правонарушения / Право и государство: теория и практика, № 6 (234), 2024.

6. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/normativnye_akty/ (дата обращения: 25.01.2026.

7. Альбова А. П., Николюкина С. В. Право для экономистов и менеджеров: учебник и практикум для вузов. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 65.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1; 28.07.2025, № 30 (Часть II), ст. 4386.

9. Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 (ред. от 07.10.2025) «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru, 08.10.2025.

10. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823; 04.08.2025, № 31, ст. 4657.

11. Письмо Минфина России от 30 июня 2020 г. № 02-09-09/56393 «Об особенностях применения бюджетных мер принуждения» [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/ (дата обращения: 31.01.2026).

© Омелькина А. Н., 2026

EDN: SOCQWM

Петрова Кира Александровна
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
kirraptrv@yandex.ru

Научный руководитель:
Грачёв Александр Владимирович,
начальник кафедры финансового учёта и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
grachevalexunder@rambler.ru

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье автором рассматриваются понятие, сущность и цели осуществления государственных закупок территориальными органами МВД России. Особое внимание уделяется специфике закупочной деятельности органов внутренних дел как казенных учреждений, финансируемых исключительно из федерального бюджета.
Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, бюджетные средства, обеспечение нужд МВД, государственный заказ, эффективность использования бюджетных средств.

В условиях рыночной экономики государство выполняет важнейшую функцию по обеспечению населения социально значимыми товарами, работами и услугами. Специфика расходования бюджетных средств предопределяет необходимость применения особых механизмов размещения государственного заказа. Такие механизмы позволяют

достигать экономии бюджетных средств, повышать качество предоставляемых услуг и укреплять дисциплину исполнения контрактов, заключённых для государственных нужд.

Одним из наиболее эффективных способов распоряжения бюджетными средствами является система государственных закупок. Территориальные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации, выступая в качестве казённых учреждений, осуществляют закупки товаров, работ и услуг исключительно за счёт средств федерального бюджета. Это обстоятельство обусловливает повышенные требования к экономному, целевому и контролируемому расходованию выделяемых ассигнований.

Контроль за размещением государственного заказа занимает одно из центральных мест в системе государственных закупок. Его главная задача состоит в том, чтобы своевременно выявлять любые обстоятельства, способные поставить под угрозу исполнение контракта, и оперативно принимать меры по их устранению. Хорошо организованный контроль позволяет не только существенно снизить риски должностных злоупотреблений, но и полностью исключить возможность нецелевого использования бюджетных средств. Вопросы осуществления государственных закупок и функционирования контрактной системы в Российской Федерации получили достаточно широкое освещение в научной литературе. Однако основное внимание исследователей традиционно сосредоточено на общих принципах правового регулирования данной сферы. В то же время особенности закупочной деятельности территориальных органов МВД России, действующих в качестве казенных учреждений, полностью финансируемых из федерального бюджета и решающих задачи по обеспечению национальной безопасности и поддержанию правопорядка, изучены значительно меньше.

Отдельные аспекты этой проблематики рассматриваются в работах, посвященных коррупционным рискам и инструментам их снижения в системе государственных закупок [1], вопросам организации и контроля закупок для государственных нужд [2], коррупционным сделкам в закупках для государственных нужд [3], а также отдельным негативным эффектам, таким как вытеснение качественных объектов закупок некачественными [4] и латентности коррупции как фактору ее устойчивости системе государственных закупок [5]. Однако комплексный анализ понятия, сущности и целей государственных закупок именно территориальными органами МВД России с учетом их ведомственной

специфики остается недостаточно разработанным, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Государственные закупки представляют собой совокупность действий заказчика, направленных на обеспечение государственных нужд в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 44-ФЗ, закупка товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд — это регламентированный процесс, осуществляемый заказчиком в соответствии с принципами контрактной системы [6]. Территориальные органы МВД России выступают в роли государственных заказчиков от имени Российской Федерации. Они заключают контракты на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг за счет средств федерального бюджета для обеспечения функционирования подразделений органов внутренних дел. К таким закупкам относятся приобретение вооружения, специальной техники, средств связи, обмундирования, горюче-смазочных материалов, а также услуги по строительству, реконструкции и ремонту объектов. Сущность закупочной деятельности территориальных органов МВД России заключается в централизованном, строго регламентированном и подконтрольном приобретении ресурсов, необходимых для выполнения возложенных на сотрудников органов внутренних дел обязанностей.

Деятельность органов внутренних дел финансируется исключительно из федерального бюджета, что предопределяет применение принципа эффективности использования бюджетных средств [7]. Закупки осуществляются в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ, за исключением случаев, прямо предусмотренных специальными нормами. Отличительными чертами выступают повышенные требования к безопасности и конфиденциальности, а также обязательный ведомственный контроль. Контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации о контрактной системе, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, стимулирования инноваций, единства контрактной системы, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок.

Как отмечают исследователи, государственные закупки выполняют важные функции в системе государственного регулирования экономики, обеспечивая рациональное расходование бюджетных средств и стимулируя развитие конкуренции. При этом характерные признаки государственных закупок включают их целевую направленность на удовлетворение

публичных нужд, обязательное соблюдение принципов открытости, прозрачности и равноправия участников [8].Особенности государственного заказа для обеспечения функций МВД России и подведомственных органов связаны с повышенными требованиями к оперативности, конфиденциальности и специфике предмета закупок (вооружение, специальная техника, средства связи), что отличает их от общих правил контрактной системы и требует дополнительных мер правового регулирования [9]. Закупочная деятельность направлена на достижение баланса между оперативностью обеспечения подразделений необходимыми ресурсами и строгим соблюдением принципов открытости, конкуренции, экономии и предотвращения коррупционных рисков. Практика показывает, что альтернативы прозрачному и конкурентному отбору поставщиков не существует, поскольку закрытость процедур порождает нарушения и неэффективное расходование бюджетных средств.

Осуществление государственных закупок территориальными органами МВД России предусматривает достижение следующих целей:

1. Полное и своевременное обеспечение подразделений территориальных органов МВД России товарами, работами и услугами, необходимыми для выполнения возложенных на них обязанностей.

2. Достижение максимальной эффективности и экономности расходования бюджетных средств.

3. Оснащение подразделений МВД России специальной техникой, вооружением и средствами, способствующими укреплению безопасности государства.

4. Обеспечение открытости закупочных процедур, равного доступа для всех участников и предотвращение любых ограничений конкуренции.

5. Установление строгих критериев отбора поставщиков, для обеспечения высокого качества поставляемой продукции и услуг.

На 2026 год продолжают действовать важные переходные нормы Федерального закона № 44-ФЗ. В частности, до 31 декабря 2026 года включительно заказчики вправе заключать госконтракты с единственным поставщиком по итогам закупок в дополнительных случаях по акту Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа региона или местной администрации. Кроме того, до 1 января 2027 года разрешено проводить строительные закупки «под ключ», а также приобретать одним лотом работы по возведению, реконструкции или капитальному ремонту объекта капитального строительства с поставкой оборудования для его эксплуатации. Такие положения

существенно повышают оперативность и гибкость материально-технического обеспечения территориальных органов МВД России в условиях сложной экономической обстановки. Таким образом, государственные закупки, осуществляемые территориальными органами МВД России, являются важным инструментом материально-технического обеспечения деятельности органов внутренних дел, а также проведения государственной политики в сфере национальной безопасности и укрепления законности и правопорядка. Суть такой деятельности состоит в том, что она требует одновременного обеспечения оперативности поставок, строгого контроля за расходованием бюджетных средств и их максимальной экономии. Только при соблюдении такого баланса закупочная деятельность органов внутренних дел выступает надежным средством выполнения возложенных на них обязанностей.

Список литературы:

1. Грачев, А. В. Классификация инструментов снижения коррупционных рисков в системе государственных закупок в зависимости от их воздействия на факторы коррупции Р. Клитгаарда / А. В. Грачев, Л. В. Сикорская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2022. — № 4. — С. 93 – 102. — DOI 10.17308/econ.2022.4/10598. — EDN UKXXKF.

2. Грачев, А. В. Организация и контроль закупок для государственных и муниципальных нужд: учебное пособие / А. В. Грачев, Л. В. Сикорская. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. — 288 с. — ISBN 978-5-91837-982-0. — EDN SQFNFL.

3. Грачев, А. В. Коррупционные сделки в закупках для государственных нужд / А. В. Грачев // Закупки товаров, работ и услуг для нужд правоохранительных органов Российской Федерации: проблемы организации, контроля, учета и правоприменения: Материалы III ежегодной межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 мая 2025 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. — С. 42 – 49. — EDN CMPUFA.

4. Крон, П. А. Об эффекте вытеснения качественных объектов закупок (предмета контракта) некачественными в сфере государственных закупок / П. А. Крон // Закупки товаров, работ и услуг для нужд правоохранительных органов Российской Федерации: проблемы организации, контроля, учета и правоприменения: Материалы Межведомственной

научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 мая 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. — С. 166 – 171. — EDN HVGAMY.

5. Грачев, А. В. Латентность как фактор коррупции в системе государственных закупок / А. В. Грачев, Л. В. Сикорская // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 5. — С. 326 – 329. — DOI 10.24412/2073-0454-2022-5-326-329. — EDN ABMFFZ.

6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

7. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, № 31, ст. 3823 // «Российская газета», 12.08.1998, № 153 – 154.

8. Герасименко А. А. О понятии и принципах государственных закупок / А. А. Герасименко, А. М. Иванов // Теология. Философия. Право. — 2020. — № 1(13). — С. 95 – 105.

9. Сухарева Я. Д. Правовой анализ особенностей государственного заказа для обеспечения функций Министерства внутренних дел Российской Федерации и подведомственных ему органов // Юридическая гносеология. — 2024. — № 3. — С. 111 – 119.

© Петрова К. А., 2026

EDN: TDUQQM

Плясунова Ева Всеволодовна
студент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
evaplasunova0@gmail.com

Научный руководитель:
Харламов Андрей Викторович
заведующий кафедрой общей экономической теории
и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
Kharlamov_2000@list.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрывается влияние санкционного давления на состояние экономической безопасности Российской Федерации через призму системных угроз и компенсаторных механизмов. Особое внимание уделено выявлению взаимосвязи между характером санкционных ограничений и трансформацией подходов к обеспечению экономической устойчивости в современных условиях.
Ключевые слова: экономическая безопасность, санкционное давление, национальная экономика, угрозы экономической безопасности, экономическая устойчивость, санкционные ограничения.

В условиях санкционного давления экономическая безопасность Российской Федерации в научных исследованиях рассматривается как одна из ключевых категорий, отражающих способность национальной

экономики функционировать и развиваться при наличии внешних ограничений. Санкции при этом характеризуются как системная угрозы, затрагивающее финансовую, производственную и внешнеэкономическую сферы [1]. В анализе санкционных ограничений отдельно фиксируется их отличительные особенности и целевое назначение, подразделяемые по сферам деструктивного влияния на Российскую Федерацию. Также указывается необходимость рассмотрения защитных мер, предпринимаемых для стабилизации экономики в условиях санкционного воздействия [3].

Объектом исследования в данной статье является экономическая безопасность Российской Федерации. Предметом исследования является влияние санкционного давления на состояние и механизмы обеспечения экономической безопасности страны. Цель статьи заключается в выявлении взаимосвязи между характером санкционных ограничений и трансформацией подходов к обеспечению экономической безопасности Российской Федерации [2].

Санкционное давление выступает прямой угрозой экономической безопасности Российской Федерации, поскольку направлено на ограничение возможностей реализации социально-экономических интересов и снижение устойчивости ключевых элементов экономики. Введение санкций приводит к ухудшению условий функционирования финансовой системы, сужению внешнеэкономических связей и росту уязвимости национальной экономики к внешним шокам [1].

В условиях санкций экономическая безопасность характеризуется уровнем защищенности экономики от внешних угроз и способностью государства обеспечить стабильность социально-экономического развития при сохранении суверенитета экономической политики. Санкционные ограничения изменяют параметры экономической устойчивости и требуют пересмотра традиционных подходов к обеспечению экономической безопасности [4]. Санкционное воздействие носит комплексный характер и затрагивает одновременно несколько сфер экономической системы. К ним относятся финансовый сектор, внешняя торговля, инвестиционная деятельность и технологическое развитие. Взаимосвязанность этих сфер приводит к усилению совокупного негативного эффекта санкций и повышает уровень системных рисков для экономики [6].

Санкции оказывают долгосрочное воздействие на экономическую безопасность, формируя структурные ограничения экономического развития. Вот таких условиях экономическая безопасность приобретает стратегический характер и требует перехода от разрозненных антикризисных

мер к формированию устойчивых механизмов противодействия внешнему давлению [7]. В условиях санкционного давления экономическая безопасность определяется адаптационными возможностями национальной экономики, включая способность к перестройке хозяйственных связей, развитию внутреннего потенциала и снижению зависимости от внешних факторов. Это приводит к изменению экономической безопасности как категории, отражающей динамическое состояние устойчивости экономики [2].

В период 2022 – 2024 гг. характеризуется значительным расширением и усложнением санкционных ограничений, введённых в отношении Российской Федерации. Это обусловило заметные изменения в динамике экономического развития страны. Ограничения затронули широкий круг направлений, включая внешнюю торговлю, финансовые операции, инвестиционную деятельность и доступ к технологиям. В совокупности это повлияло на параметры экономического роста и структуру хозяйственных связей. Следует отметить, что воздействие санкций носило системный характер и не ограничивалось отдельными секторами экономики [3]. Изменения во внешнеэкономической сфере стали одним из наиболее значимых последствий санкционного давления. Отмечается сокращение традиционных внешнеэкономических связей, перераспределение экспортно-импортных потоков и необходимость поиска альтернативных рынков и логистических маршрутов. В совокупности эти процессы сопровождались ростом издержек и трансформацией структуры внешней торговли. Это оказало значительное влияние на устойчивость экономического развития и состояние экономической безопасности страны [3].

Финансовая сфера также ощутила существенное воздействие санкционных ограничений. В исследованиях фиксируется усложнение доступа к международным финансовым рынкам и изменение условий функционирования финансовых институтов. Следовательно, это требует адаптации механизмов денежно-кредитного регулирования и финансовой поддержки экономики. Указанные изменения рассматриваются как фактор, усиливающий нагрузку на экономическую систему и повышающий требования к обеспечению финансовой устойчивости в условиях санкционного давления [6].

Инвестиционная активность в условиях санкций претерпела структурные изменения, связанные с ростом неопределённости и перераспределением источников финансирования. Подчёркивается, что санкционные ограничения повлияли на инвестиционные решения хозяйствующих субъектов. Также они повлияли на возможности привлечения внешних ресурсов, что, в свою очередь, стало отражаться на темпах обновления

производственного потенциала и реализации долгосрочных проектов. Упомянутые процессы рассматриваются как значимый аспект влияния санкций на экономическое развитие [3].

Технологические ограничения, введённые в рассматриваемый период, усилили зависимость экономического развития от внутренних источников технологического обеспечения. Ограничение доступа к зарубежным технологиям и оборудованию стало дополнительным фактором риска для экономической безопасности, так как это затронуло отрасли с высокой долей импортных компонентов. В этой связи очень важна способность экономики адаптироваться к новым условиям и компенсировать внешние ограничения за счет внутренних ресурсов страны [1].

Последствия санкционных ограничений проявились в изменении условий экономического развития Российской Федерации и усложнении задач по обеспечению экономической безопасности. Можно сказать, что воздействие санкций охватывает ключевые сферы экономики. Также оно формирует долгосрочные ограничения, которые требуют анализа текущих эффектов и трансформации подходов к обеспечению экономической устойчивости в условиях продолжительного санкционного давления [5].

Обеспечение экономической безопасности в условиях санкционного давления предполагает формирование комплекса мер, направленных на снижение уязвимости национальной экономики к внешним ограничениям и сохранение устойчивости ключевых экономических процессов в Российской Федерации. В число приоритетных направлений входит укрепление внутреннего экономического потенциала, снижение зависимости от внешних источников и обеспечение стабильности функционирования базовых отраслей экономики. Всё это рассматривается как необходимые условия противодействия санкционным угрозам [2, 4]. Одним из ключевых направлений обеспечения экономической безопасности является укрепление финансовой устойчивости и адаптация финансовой системы к условиям ограниченного доступа к внешним источникам капитала. Подчёркивается необходимость развития внутренних финансовых механизмов, повышения устойчивости банковского сектора и совершенствования инструментов государственного регулирования, направленных на поддержание стабильности финансовых потоков и снижение зависимости от внешних финансовых рынков [7].

Ещё одним значимым условием является перестройка внешнеэкономических связей и диверсификация торгово-экономического сотрудничества. Стоит отметить, что переориентация внешней торговли, развитие

новых логистических маршрутов и расширение экономического взаимодействия с альтернативными партнёрами рассматриваются как меры, которые могут способствовать снижению санкционных рисков и укреплению экономической устойчивости страны [3, 5].

Отдельное место в системе обеспечения экономической безопасности занимает развитие внутреннего производственного и технологического потенциала, прежде всего в отраслях, которые имеют стратегическое значение для устойчивого функционирования экономики. Ограничение доступа к зарубежным технологиям актуализирует необходимость снижения критической импортной зависимости в промышленности, топливно-энергетическом комплексе, агропромышленном секторе и высокотехнологичных отраслях, включая машиностроение и обрабатывающую промышленность. Акцент на развитие указанных отраслей можно рассматривать как усиливающий фактор поддержания устойчивого экономического развития, формирования технологического суверенитета и долгосрочного укрепления экономической безопасности [1, 4]. Также особое значение в условиях санкционного давления приобретает государственная экономическая политика, ориентированная на координацию антикризисных и структурных мер. Следует подчеркнуть, что обеспечение экономической безопасности требует согласованности действий в финансовой, промышленной, внешнеэкономической и социальной сферах. Более того, требуется использование инструментов стратегического планирования, которые направлены на повышение адаптационных возможностей национальной экономики [2, 7].

Можно сказать, что экономическая безопасность Российской Федерации в условиях санкций рассматривается как процесс, требующий реагирования на текущие угрозы, и формирования устойчивых механизмов развития, способных обеспечить стабильность экономики в условиях продолжительного внешнего давления. Реализация указанных направлений предполагает концентрацию ресурсов и институциональных усилий государства на приоритетных задачах экономической устойчивости [5].

Информационное давление формирует устойчивые внешние ограничения, оказывающие системное влияние на экономическую безопасность Российской Федерации и требующие трансформации подходов к её обеспечению. Проведённый анализ позволяет выявить взаимосвязь между характером санкционных ограничений и изменением приоритетов экономической политики, которая ориентирована на повышение устойчивости национальной экономики [1, 3].

Обеспечение экономической безопасности в условиях санкций предполагает концентрацию на усилении и укреплении финансовой устойчивости, развитии внутреннего производственного и технологического потенциала и перестройке внешнеэкономических связей. Указанные направления можно считать необходимыми условиями снижения уязвимости экономики и адаптации к долгосрочному внешнему давлению [2, 5, 7].

Выявленные проблемы и ограничения свидетельствуют о том, что дальнейшее обеспечение экономической безопасности требует системного и согласованного подхода, который будет ориентирован на долгосрочное развитие и снижение зависимости от внешних факторов, что соответствует стратегическим задачам экономической устойчивости Российской Федерации.

Список литературы:

1. Царегородцева С. Р. Санкции как угроза национальной экономической безопасности Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 3. С. 67 – 71.

2. Аничкина О. А. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях внешних угроз и санкций: теоретико-методологические основы и практические механизмы реализации в современной России // Экономические стратегии и практика. 2025. № 4. С. 1 – 18.

3. Дягтярев К. Ю. Снижение эффективности санкций: анализ выявления санкционных ограничений 2022 – 2024 гг. // Экономические стратегии и практика. 2025 № 2. С. 27 – 36.

4. Микитчук В. П., Становая А. А. Сбалансированность национальной экономики и экономическая безопасность // Вестник НГУЭУ. 2024. № 2. С. 163 – 175.

5. Иванова Н. А. Экономическая безопасность страны в условиях санкционного давления // Экономика и управление. 2024. № 11. С. 86 – 94.

6. Становая А. А. Усиление регулирующей роли государства в процессе обеспечения экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 134 – 144.

7. Харламов А. В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях нестабильности // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 1(23). С. 16 – 33.

© Плясунова Е. В., 2026

EDN: SWWVCI

Поляков Данил Александрович
студент
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
polyakov.da@edu.spbstu.ru

Научный руководитель:
Александрова Ариадна Иосифовна
доцент Высшей инженерно-экономической школы
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
aariadna@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ VALUE FOR MONEY И LIFE CYCLE COSTING

Аннотация. В работе обосновано применение подхода стоимости жизненного цикла (Life Cycle Costing) как инструмента повышения эффективности государственных закупок. Сформулированы предложения по интеграции принципов Value for Money и риск-ориентированного государственного аудита в практику функционирования контрактной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: государственные закупки, аудит эффективности, Value for Money, MEAT, стоимость жизненного цикла, LCC, государственный финансовый контроль, контрактная система.

Государственные закупки являются одним из ключевых инструментов реализации публичных функций государства и обеспечения социально-экономического развития. Через контрактную систему осуществляется финансирование государственных программ, национальных проектов и инфраструктурных инициатив, что определяет высокую значимость эффективности закупочной деятельности для бюджетной политики в целом [2].

Несмотря на масштабные реформы и цифровизацию процедур, практика государственных закупок в Российской Федерации по-прежнему характеризуется доминированием ценового критерия, высоким уровнем формализма и слабой ориентацией на конечные результаты. Выбор поставщика преимущественно по минимальной цене нередко приводит к снижению качества закупаемых товаров и услуг, росту эксплуатационных расходов и повторным закупкам, что противоречит принципам рационального использования бюджетных средств [1].

В этих условиях особую актуальность приобретает изучение международных подходов к оценке эффективности закупок, основанных на принципах Value for Money [5], многокритериальной оценки заявок (MEAT) и учёте стоимости жизненного цикла объектов закупки. Зарубежный опыт демонстрирует возможность трансформации закупочной системы из процедурного механизма в инструмент стратегического управления государственными расходами.

Цель статьи заключается в обосновании направлений модернизации российской системы государственных закупок с учётом международных подходов и практик государственного аудита эффективности для совершенствования экономической безопасности.

Современная концепция эффективности государственных закупок выходит за рамки минимизации контрактной цены и ориентируется на достижение максимальной ценности для государства и общества [3]. Подход Value for Money предполагает оценку закупочных решений с позиции совокупного эффекта, включающего качество, надёжность, срок службы, социальные и экономические результаты.

Практическим инструментом реализации данного подхода выступает критерий MEAT (Most Economically Advantageous Tender) [7], широко применяемый в Европейском союзе. В отличие от ценового подхода, MEAT позволяет учитывать технические, функциональные, эксплуатационные и инновационные характеристики предложений, формируя конкуренцию по качеству, а не по демпингу. Применение

такого многофакторного критерия снижает вероятность заключения контрактов с ненадёжными поставщиками, уменьшает риск поставки некачественной продукции и, как следствие, способствует снижению фискальных потерь, связанных с неэффективным исполнением контрактов. Таким образом, MEAT рассматривается не только как метод повышения результативности закупок, но и как инструмент укрепления фискальной устойчивости и экономической безопасности.

Дополняющим элементом является методология стоимости жизненного цикла (Life Cycle Costing) [8], ориентированная на учёт всех затрат, возникающих в течение всего срока эксплуатации объекта закупки. Использование LCC [8] позволяет выявлять скрытые и отложенные бюджетные расходы и повышает экономическую обоснованность принимаемых решений, что особенно актуально для инфраструктурных и капиталоёмких проектов.

В совокупности данные подходы формируют методологическую основу аудита эффективности закупок, соответствующую стандартам INTOSAI и рекомендациям OECD.

Анализ российской практики государственных закупок показывает наличие устойчивых институциональных проблем. Ключевой из них остаётся доминирование критерия «наименьшая цена», что стимулирует демпинговое поведение участников и снижает качество исполнения контрактов. Формальное использование неценовых критериев не оказывает существенного влияния на результаты закупок и часто носит декларативный характер.

Существенным ограничением является недостаточная конкуренция: значительная доля контрактов заключается при участии одного-двух поставщиков. Причинами выступают сложность процедур, избыточные требования к участникам и слабая проработка технических заданий. Низкое качество планирования закупок приводит к приобретению избыточных или невостребованных ресурсов.

Результаты государственного аудита фиксируют системные нарушения, включая некорректное обоснование начальной (максимальной) цены контракта, недостаточный контроль исполнения обязательств и формальный подход к оценке результатов. Отсутствие развитых цифровых аналитических инструментов ограничивает возможности выявления рисков и предиктивного анализа закупочной деятельности.

Опыт Европейского союза демонстрирует высокий уровень институционального развития закупочной системы за счёт применения MEAT,

LCC и электронных платформ. Вместе с тем практика последних лет показывает ослабление экологических и долгосрочных критериев в условиях кризисов и роста бюджетных ограничений, а также наличие рисков непрозрачности при централизованных закупках.

Система закупок США характеризуется развитой нормативной базой (FAR) [9], высокой открытостью данных и эффективным репутационным контролем поставщиков через систему CPARS. Одновременно сохраняются риски лоббистского влияния крупных подрядчиков и завышения стоимости контрактов в стратегических секторах.

Китайская модель отличается высокой степенью централизации, строгим контролем исполнения и приоритетом национальных производителей [10]. Однако закрытость процедур и ограниченная конкуренция снижают её применимость в условиях открытой рыночной экономики.

Сравнительный анализ показывает, что ни одна из моделей не является универсальной, однако отдельные элементы могут быть адаптированы в российской практике.

Ключевым направлением модернизации контрактной системы является переход к принципам Value for Money и расширение применения многофакторных моделей оценки заявок. Для этого целесообразно разработать типовые критерии качества и их весовые коэффициенты для отдельных категорий закупок, что позволит снизить субъективизм и коррупционные риски.

Таблица 1. Сравнение подходов к организации государственных закупок в РФ и зарубежных странах.

Критерий	Российская Федерация	Европейский союз [7]	США	Китай [10]
Ключевой принцип	Минимизация цены	MEAT, Value for Money	Best Value	Госинтерес и контроль
Оценка качества	Ограниченная	Системная	Репутационная	Административная
Применение LCC	Эпизодическое	Широкое	Ограниченное	Выборочное
Цифровые инструменты	ЕИС	TED, e-Procurement	SAM.gov, CPARS	CGPN
Прозрачность	Средняя	Высокая	Высокая	Ограниченная
Основной риск	Демпинг и формализм	Бюрократия	Лоббизм	Закрытость

Внедрение методологии LCC при обосновании НМЦК и оценке предложений повысит экономическую устойчивость закупочных решений и обеспечит ориентацию на долгосрочные результаты. Особое значение данный подход имеет для инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Дополнительным элементом является развитие риск-ориентированного государственного аудита с использованием цифровых аналитических инструментов Единой информационной системы. Автоматизированный анализ данных, мониторинг исполнения контрактов и применение предиктивных моделей позволят повысить выявляемость нарушений и результативность контроля.

Проведённый анализ подтверждает необходимость трансформации российской системы государственных закупок от процедурно-ценовой модели к результативно-ориентированной системе управления бюджетными расходами. Международный опыт ЕС, США и Китая показывает эффективность многофакторной оценки, цифровизации контроля и стратегического подхода к закупкам, одновременно выявляя институциональные риски и ограничения.

Внедрение подходов Value for Money, MEAT и стоимости жизненного цикла, а также развитие риск-ориентированного аудита и повышение дисциплины исполнения контрактов создают основу для повышения экономичности, эффективности и результативности государственных закупок в Российской Федерации. Реализация данных направлений позволит повысить качество государственных услуг, сократить долгосрочные бюджетные издержки, укрепить доверие к системе публичных финансов и обеспечить дополнительную защиту фискальной устойчивости, что напрямую способствует укреплению экономической безопасности государства.

Список литературы:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 15.02.2026).

2. Федеральный закон Российской Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. действующая) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 15.02.2026).

3. INTOSAI. ISSAI 300. Performance Audit Principles [Electronic resource]. — Vienna: INTOSAI, 2019. — URL: https://www.issai.org/pronouncements/issai-300/ (accessed: 15.02.2026).

4. Счётная палата Российской Федерации. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СГА 104 «Аудит эффективности» [Электронный ресурс] // URL: https://ach.gov.ru/activities/standards/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. OECD. Value for Money in Public Procurement [Electronic resource]. — Paris: OECD Publishing, 2019. — URL: https://www.oecd.org/gov/public-procurement/value-for-money/ (accessed: 15.02.2026).

6. World Bank. Public Procurement Framework [Electronic resource]. — Washington, DC: World Bank, 2020. — URL: https://www.worldbank.org/en/topic/publicprocurement (accessed: 15.02.2026).

7. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council on public procurement [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. — 2014. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0024 (accessed: 15.02.2026).

8. European Commission. Life-Cycle Costing in Public Procurement [Electronic resource]. — Brussels, 2016. — URL: https://ec.europa.eu/environment/gpp/lcc.htm (accessed: 15.02.2026).

9. Federal Acquisition Regulation (FAR) Code of Federal Regulations. Title 48 [Electronic resource]. — Washington, DC. — URL: https://www.acquisition.gov/far (accessed: 15.02.2026).

10. Умнова М. Г., Лю Ясинь. Государственные закупки в Китае: роль цифровых инструментов и платформ в поддержке малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki-v-kitae (дата обращения: 15.02.2026).

© *Поляков Д. А., 2026*

EDN: TAQEWB

Попадьина Виктория Александровна
слушатель
Московский ордена Почета университет
МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия
popadina93@icloud.com

Научный руководитель:
Стрелкова Татьяна Георгиевна
доцент кафедры экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московский ордена Почета университет
МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия
кандидат юридических наук
tataiam@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние системы противодействия отмыванию денежных средств (ПОД/ФТ) в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Анализируется трансформация угроз: от классических схем легализации преступных доходов к финансированию терроризма и использованию цифровых финансовых активов. Особое внимание уделяется риск-ориентированному подходу, роли цифровизации финансового мониторинга и международного сотрудничеству в новых геополитических реалиях 2025 – 2026 годов.

Ключевые слова: национальная безопасность, отмывание денег, легализация доходов, финансовый мониторинг, цифровая экономика.

Национальная безопасность государства является комплексным понятием, вбирающим в себя, в том числе, обеспечение экономической безопасности, целью которой, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, является противостояние внутренним и внешним угрозам [1].

Одной из таких угроз является легализация преступных доходов. В связи с огромными масштабами теневой экономики, которая проникает во все слои населения, включая представителей власти различных уровней, данная проблема ставит под угрозу национальную безопасность страны в целом.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим систему противодействия отмыванию доходов, является Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — ПОД/ФТ), который устанавливает механизмы борьбы с данным явлением [2]. Помимо вышеуказанного документа, правовую основу также составляют подзаконные акты Банка России и Росфинмониторинга. Россия, являясь членом ФАТФ, имплементировала международные стандарты, однако с 2022 года наблюдается процесс суверенизации финансового контроля, адаптация рекомендаций ФАТФ под реалии национальной экономики.

Легализация доходов, как одна из основных угроз национальной безопасности страны [3], включает в себя следующие риски для государства: размывание экономического суверенитета. Злоумышленники, легализовав преступно добытые денежные средства, будут иметь возможность скупать стратегически важные объекты, а также иметь преимущество на рынке перед честными предпринимателями за счёт большого капитала (образованного из преступно добытых денежных средств, которые были легализованы), тем самым искажая честную конкуренцию; коррозия институтов власти. Как показывает практика, легализация доходов часто связана с коррупцией, потому как беспрепятственно вывести денежные средства в обход контролирующих органов власти практически невозможно [4]. Финансирование терроризма и экстремизма. Указанные системы часто пересекаются, что ставит под угрозу национальную безопасность государства. Снижение инвестиционной привлекательности. Добросовестные инвесторы, в том числе международные, стараются избегать юрисдикции, в которых присутствует высокий риск вовлечения в сомнительные схемы. Потеря инвесторов

приведёт к оттоку капитала, что, в свою очередь, отрицательно отразиться на экономике в целом.

Традиционная система ПОД/ФТ строилась на регистрационном принципе. Банки и иные организации обязаны были идентифицировать клиента и сообщать о подозрительных операциях. Современные механизмы (2025 – 2026 гг.) характеризуются смещением фокуса в сторону превентивной аналитики и риск-ориентированного надзора.

Одним из основных механизмов противодействия отмыванию доходов является создание специализированных финансовых разведок. В России таким подразделением принято считать Росфинмониторинг. Цифровая трансформация финансового мониторинга включает в себя внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в работу Росфинмониторинга, что позволило перейти от ручного анализа отдельных транзакций к автоматическому выявлению аномальных поведенческих моделей [5].

Одной из главных проблем 2024 – 2025 гг. стало активное использование криптовалюты для обхода санкций и вывода активов за рубеж. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых активов позволили создать механизмы отслеживания транзакций через анализ публичных блокчейнов.

Контроль за использованием «теневых» платежных инструментов проявляется через усиление внимания к рынку дроперов и нелегальных платежных сервисов. На сегодняшний день возросло количество преступлений, совершаемых с использованием «дропперов». Злоумышленники всё чаще пользуются этим инструментом в целях сокрытия своей личности. Механизмы противодействия включают не только блокировку карт или счетов, но и привлечение к ответственности посредников. Так, например, банки активно обмениваются данными о «дроп-картах» в рамках автоматизированных систем обмена информацией об инцидентах.

В настоящее время выявлены следующие основные риски совершения операций с целью легализации преступных доходов: в кредитно-финансовой сфере; в бюджетной сфере (хищение бюджетных средств при осуществлении поставщиками закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд); коррупционные риски совершения сделок (легализация доходов, полученных в результате совершения коррупционных преступлений); риски совершения операций, связанные с преступлениями, совершаемыми в целях систематического получения крупного дохода; риски совершения операций,

связанные с финансированием терроризма; риски совершения операций в сфере международных отношений.

В 2025 – 2026 гг. ключевым направлением становится гармонизация законодательства в сфере ПОД/ФТ со странами Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. Это позволяет бороться с выводом средств в юрисдикции, которые исторически были «серыми» зонами для российского капитала. Эффективность такой работы напрямую влияет на возможность возврата активов и предотвращение финансирования враждебных элементов из-за рубежа.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 33, 13.08.2001, ст. 3418.

3. Некрашевич, А. Ю. Понятие легализации преступных доходов исходя из уголовно-правовой характеристики стадий легализации преступных доходов / А. Ю. Некрашевич // Студенческий форум. — 2020. — № 40-4(133). — С. 15 – 16.

4. Шалепина, Т. А. Методы противодействия коррупции, сокрытию доходов и легализации преступных доходов / Т. А. Шалепина // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. — № 9(91). — С. 235 – 240.

5. Алифанова Е. Н., Евлахова Ю. С., Ниворожкина Л. И., Трегубова А. А. О мерах по укреплению финансовой безопасности России и развитию национальной системы под/фт // Вестник Академии знаний. — 2021. — № 47(6). — С. 377 – 384.

© Попадьина В. А., 2026

EDN: SGKJDR

Попова Ирина Олеговна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
fuweq@yandex.ru

Научный руководитель:
Логинова Наталья Анатольевна
профессор кафедры
финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
loginova.79@mail.ru

ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ: НОВЫЙ ЛАНДШАФТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цифровой трансформации бухгалтерского учета и ее влияния на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов. Автором анализируются киберриски, возникающие при передаче критически важной бухгалтерской информации внешним провайдерам. Исследуются такие угрозы, как утрата контроля над данными, несанкционированный доступ к конфиденциальной финансовой информации, нарушение доступности бухгалтерских сервисов. В работе предлагаются практические меры по минимизации выявленных угроз, включающие аудит провайдеров, внедрение строгой политики управления доступом.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, облачные технологии, экономическая безопасность, хозяйствующий субъект.

Современный мир находится в состоянии непрерывного технологического развития, которое трансформирует все сферы общественной и экономической жизни. Финансовый учет и контроль также не остаются в стороне от цифровой трансформации. Бухгалтерские процессы активно модернизируются, меняя привычные методы и работы с информацией. Важным направлением этих изменений является переход систем учета и контроля на облачные решения. Это дает хозяйствующим субъектам значительные выгоды: сокращение расходов на IT, возможность легко адаптироваться к изменениям, доступ к данным из любой точки и автоматизации рутинных задач.

Однако параллельно с преимуществами возникают новые, сложно прогнозируемые риски. Концентрация критически важной бухгалтерской информации — финансовых данных, сведений о контрагентах, персональных данных сотрудников — на стороне внешнего провайдера коренным образом меняет ландшафт угроз финансово-хозяйственной деятельности. В сложившейся ситуации, вопросы кибербезопасности облачных сервисов неразрывно связаны с обеспечением экономической безопасности хозяйствующего субъекта. В свою очередь, экономическая безопасность определяется как состояние, при котором ключевые интересы хозяйствующего субъекта защищены от внутренних и внешних угроз, что гарантирует ее стабильное функционирования и дальнейшее развитие.

Цифровая трансформация бухгалтерии как элемента организационной структуры хозяйствующего субъекта и бухгалтерского учета как структурированный процесс сбора, анализа и отчётности данных о финансовых операциях и состоянии хозяйствующего субъекта, при всех своих преимуществах в виде автоматизации, повышения скорости обработки данных и снижения операционных издержек, формирует принципиально новую и расширенную поверхность для кибератак. Под кибератаками мы понимаем — попытки взлома злоумышленниками компьютерной сети хозяйствующего субъекта с целью заполучить доступ к информации или уничтожить её.

Ключевые риски современной деятельности хозяйствующих субъектов проистекают из самой природы новых технологических решений. При переходе на облачные сервисы возникает риск утраты прямого физического контроля над инфраструктурой и данными, что приводит к угрозам со стороны самого провайдера или через его уязвимости.

Несанкционированный доступ к облачной среде может обернуться массированной кражей конфиденциальной финансовой информации,

включая данные о платежах, коммерческих контрактах, персональных данных сотрудников, что является прямым посягательством на экономическую безопасность, открывая возможности для шантажа, недобросовестной конкуренции и корпоративного шпионажа.

Отдельную опасность представляют атаки на целостность данных, когда злоумышленник может скрыто исказить учетные записи, что приведет к принятию неверных управленческих решений, формированию ложной отчетности и существенным налоговым рискам. Кроме того, перевод критичных процессов в онлайн делает бухгалтерию заложником доступности сервиса или технический сбой у провайдера способны полностью парализовать финансовые операции хозяйствующего субъекта — расчеты с контрагентами, выплату заработной платы, что влечет прямые убытки и репутационный ущерб. Наконец, появляются комплексные правовые риски, связанные с юрисдикцией хранения данных, особенно если серверы провайдера находятся за рубежом, что создает конфликт с требованиями российского законодательства о локализации персональных данных и обеспечении конфиденциальности бухгалтерской информации.

Минимизация этих рисков требует построения целостной системы управления, интегрированной в стратегию экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Основой является тщательная предварительная работа, включающая глубокий аудит потенциального облачного провайдера на предмет соответствия его стандартов безопасности, требованиям российского законодательства и детальную юридическую проработку договора, где должны быть четко прописаны зоны ответственности, процедуры реагирования на инциденты и механизмы возврата данных. В процессе эксплуатации критически важно реализовать строгую политику управления доступом, основанную на принципе минимальных привилегий и обязательном использовании многофакторной аутентификации для всех пользователей системы.

Для защиты конфиденциальности данных необходимо обеспечить их сквозное шифрование как при передаче, так и при хранении, при этом криптографические ключи должны оставаться под исключительным контролем хозяйствующего субъекта-клиента, а не провайдера. Для обеспечения доступности и целостности обязательным является организация независимо от провайдера регулярного резервного копирования данных и непрерывный мониторинг активности в системе для оперативного выявления аномалий. Основой безопасной среды в бухгалтерии

является непрерывное обучение и повышение уровня информированности персонала.

Именно эти сотрудники, обладая необходимыми знаниями, формируют первую линию защиты от угроз, таких как фишинг и методы социальной инженерии. Завершающим компонентом системы выступают тщательно разработанные и регулярно проверяемые планы обеспечения непрерывности бизнес-процессов и восстановления после инцидентов. Эти планы должны предусматривать возможность длительного простоя ключевых облачных ресурсов.

Таким образом, эффективное управление киберрисками в цифровой бухгалтерии — это не разовая техническая настройка, а непрерывный управленческий процесс, направленный на защиту ключевых финансовых активов хозяйствующего субъекта.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

3. Черненко, В. А. Методические подходы к оценке рисков информационной безопасности в бухгалтерских системах / В. А. Черненко, Н. Н. Ильина // Международный бухгалтерский учет. — 2023. — Т. 26, № 5. — С. 512 – 528.

4. Терехова, Т. А. Облачные технологии в бухгалтерском учете: проблемы и перспективы применения / Т. А. Терехова // Все для бухгалтера. — 2024. — № 3. — С. 8 – 15.

5. Завьялов, С. С. Киберриски в финансовой сфере: идентификация и методы минимизации / С. С. Завьялов, А. В. Куприянов // Финансы и кредит. — 2024. — Т. 30, № 1. — С. 112 – 128.

© Попова И. О., 2026

EDN: SDFVZZ

Пушилина Алиса Кирилловна
студент
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
Томск, Россия
alisa.pushilina@yandex.ru

Научный руководитель:
Николаенко Валентин Сергеевич
доцент кафедры автоматизации
обработки информации факультета систем управления
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
Томск, Россия
кандидат экономических наук, доцент
valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье на основе анализа научных источников систематизируются проблемы российского законодательства о виртуальных активах в контексте экономической безопасности. Рассматриваются правовые и экономические механизмы совершенствования системы противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее ПОД/ФТ) с учетом зарубежного опыта. Научная новизна заключается в сравнительном анализе подходов российских исследователей и разработке классификации их предложений для создания комплексной программы законодательных изменений.

Ключевые слова: Рекомендации, легализация, криптовалюта, законодательство, активы.

Стремительная цифровизация финансового сектора и внедрение виртуальных активов создают новые угрозы экономической безопасности страны. Децентрализованный характер криптовалют, анонимность и развитие нейросетей формируют среду для легализации преступных доходов, ухода от налогообложения, финансирования терроризма. Новые технологии зачастую осваиваются мошенниками до того, как государство успевает отреагировать.

Масштаб проблемы подтверждается данными блок-чейн аналитики: по состоянию на 2025 год: совокупные балансы незаконных участников, держащих биткоин, эфир и стейблкоины, достигли практически 15 миллиардов долларов, а на связанных с ними адресах находятся ещё порядка 60 миллиардов долларов [1].

В отчете Центрального Банка РФ о статистике по нелегальным участникам финансового рынка за 2025 год говорится о 4,6 тысячах криптовалютных кошельков, используемых финансовыми пирамидами, а общее число выявленных нелегальных субъектов превысило 7 тысяч. При этом 84 % нелегальных проектов привлекали средства жертв именно в криптовалютах, в 2024 году данный показатель составлял 77 % [2].

По итогам оценок ЕАГ 2023 – 2024 гг. Россия была понижена в рейтинге по Рекомендации 15 ФАТФ, которая устанавливает требования к регулированию виртуальных активов, с «Соответствует» до «Частично соответствует» [3].

Цель настоящей статьи — проанализировать современные правовые и экономические механизмы совершенствования российского законодательства в сфере оборота виртуальных активов в контексте обеспечения экономической безопасности. Для достижения поставленной цели автором настоящей статьи были решены следующие задачи:

1. Систематизировать подходы исследователей к классификации проблем российского регулирования виртуальных активов;

2. Выявить и сопоставить предлагаемые в научной литературе правовые и экономические механизмы совершенствования системы ПОД/ФТ в сфере виртуальных активов.

Подходы исследователей к классификации проблем российского регулирования виртуальных активов

Несмотря на то, что первое упоминание о рисках виртуальных валют в официальных документах России было в начале 2014 года [4],

комплексное законодательное регулирование до сих пор находится в стадии формирования. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (далее — Закон № 259-ФЗ) определяет основные положения и регулирует часть деятельности в сфере виртуальных активов, однако она развивается быстрее, чем меняется законодательство [5]. В данном разделе на основе анализа нормативных актов и научной литературы будут систематизированы основные пробелы и противоречия российского законодательства в сфере виртуальных активов.

В 2020 году был принят Закон № 259-ФЗ, он ввел определения цифровой валюты и цифровых финансовых активов, а также понятия, связанные с их выпуском и обращением. Однако данный закон не регулировал конкретные типы валют, которые имеют особую специфику, например, биткоин и эфирум. Соответственно, введенный новым законом субъект рынка, по сути, является криптобиржей, но только для обмена токенов. Современные криптобиржи, торгующие наиболее популярными криптовалютами не попадают под определение нового субъекта и их деятельность остается неурегулированной. Следовательно, значительный сегмент рынка остается вне правового поля, что создает риск увеличения незаконных сделок и операций с криптовалютой [6].

Таким образом, несмотря на введение нормативной базы в сфере цифровых активов, в законодательстве существует неопределенность в понимании терминов. Данная система создает обстоятельства существования рынка цифровых активов в «серой зоне», что приводит к организации противоправных схем вывода капитала, использованию криптовалют для обналичивания созданию финансовых пирамид [2].

Помимо этого, отсутствие эффективного правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием криптовалют, может привести к следующим последствиям:

— невозможность соблюдения Россией определенного количества международных стандартов в системе ПОД/ФТ;

— угрозы ущерба интересам граждан, общества, бизнеса, страны;

— уменьшение эффективности использования старых и традиционных методов ПОД/ФТ [7].

При этом предложение считать криптовалюту противоправным инструментом, может вывести данный рынок полностью в криминальный сектор теневой экономики. В таком случае необходимо сильно конкретизировать и расширять положения закона.

В российском праве отсутствуют категории провайдеров услуг виртуальных активов (далее ПУВА), деятельность которых должна регулироваться, лицензироваться и подлежать мониторингу, в соответствии с Рекомендациями ФАТФ 15 и 16 [8]. Требования Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» (далее Закон № 115-ФЗ) [9] не распространяются на криптобиржи и обменники, что образует естественную «дыру» в соблюдении международных стандартов в сфере ПОД/ФТ. Это стало одной из причин того, что единственной рекомендацией, по которой Россия была понижена, по итогам оценки ЕАГ в 2023 – 2024 году, была именно Рекомендация 15 [3].

Проведенный анализ позволяет систематизировать основные проблемы российского законодательства в сфере виртуальных активов: это понятийная неопределенность, отсутствие достаточного регулирования законодательством, включенности в систему ПОД/ФТ. Все эти проблемы в совокупности представляют прямую угрозу экономической безопасности государства и требуют систематического подхода к выработке комплекса мер по совершенствованию законодательства, которые будут рассмотрены во втором разделе.

Правовые и экономические механизмы совершенствования системы ПОД/ФТ в сфере виртуальных активов

В данном разделе систематизируются предложения российских исследователей по изменению правовой базы в сфере регулирования виртуальных активов, анализируется зарубежный опыт и выявляются сильные и слабые стороны различных подходов. Рассматриваются предложения по понятийному аппарату, по институциональной инфраструктуре и по интеграции в систему ПОД/ФТ.

А. Ф. Муксинова в своей работе «Законодательное регулирование цифровой валюты в российском, международном и зарубежном законодательстве» [4] говорит о необходимости идентификации криптовалюты перед установлением запретов на её использование. Предлагает признать цифровую валюту имуществом.

Особое внимание уделяется правовому регулированию криптобирж и обменников, Л. П. Королева в статье «Противодействие использованию виртуальных активов для ОД/ФТ: зарубежный опыт и возможности его применения в России» [10] и Д. Г. Алексеева и А. Ю. Волков сходятся во мнении о необходимости лицензировать деятельность провайдеров услуг виртуальных активов.

Помимо этого, они пишут о внесении изменений в Закон № 115-ФЗ, необходимо включить в него ПУВА и ввести административную ответственность за несоблюдение законодательства. Закрепить обязанность обеспечения точной информации об отправителе, получателе и назначении электронного перевода [8]. Использовать сервис «Прозрачный блокчейн». Вместе с тем создать постоянные рабочие группы, в числе которых будет Росфинмониторинг, Центральный Банк России, правоохранительные органы. Развить международное сотрудничество в сфере виртуальных активов [6].

При изменении налоговой политики в сфере виртуальных активов стоит опираться на опыт других стран, при этом учитывать особенности национальной экономики. А. Н. Столярова в своей работе «Вопросы правового регулирования криптовалюты как экономического инструмента: практика зарубежных стран» [11] и Л. П. Королева приводят примеры Швейцарии со льготами для инвесторов, США, где существуют льготные ставки для долгосрочного владения.

В таблице 1 кратко обозначены рассматриваемые мною научные статьи в тематике нормативного регулирования сферы виртуальных активов, их основные положения и сильные стороны, а также ограничения, которые не рассматриваются в данных работах или иным образом могут создать препятствия применению представленных подходов.

Таблица 1. Сравнительный анализ научной литературы

Авторы	Основные предложения, сильные стороны	Ограничения
Алексеева Д.Г., Волков А. Ю. «Операции с криптовалютой через призму законодательства о ПОД/ФТ» [6]	Внесение изменений в ФЗ № 259-ФЗ и № 115-ФЗ, определение понятий «биткоин», «криптовалюта» и пр.	Статья 2021 года — не учитывает текущие изменения в законодательстве
Муксинова А.Ф. «Законодательное регулирование цифровой валюты в российском, международном и зарубежном законодательстве» [4]	Подробно описана эволюция российского законодательства в сфере виртуальных активов, разобраны международные нормы и зарубежный опыт. Подсвечены проблемы в регулировании	Статья 2021 года — не учитывает текущие изменения в законодательстве. Упор на историю законодательства, без решения проблемы
Столярова А.Н. «Вопросы правового регулирования криптовалюты как экономического инструмента: практика зарубежных стран» [11]	Выявляет проблемы в российском законодательстве, рассматривает возможные пути решения, которые можно внедрить из практики других стран	Рассмотрен в основном опыт зарубежных стран

Авторы	Основные предложения, сильные стороны	Ограничения
Кащеев Д.В. «ПОД/ФТ, обусловленное развитием рынка криптовалют» [7]	При помощи НПА внедрить криптовалюты как легитимный инструмент, использовать подзаконные акты для оперативного регулирования. Анализ рисков ПОД/ФТ	Данные за 2017 – 2019 гг., преимущественно описательный характер решения проблем, мало конкретных предложений
Королева Л.П. «Противодействие использованию виртуальных активов для ОД/ФТ» [10]	Самая актуальная статья (2025 г.), рассматриваются страны с высокими оценками соответствия Рекомендации 15 ФАТФ. Конкретные практико-ориентированные рекомендации.	Выборка рассматриваемых стран не совсем репрезентативна. Отсутствие расчета экономического эффекта от внедрения предлагаемых мер.

Большинство авторов сходятся во мнении о необходимости уточнения понятийного аппарата и конкретизации виртуальных активов, введении лицензирования и мониторинга деятельности провайдеров услуг виртуальных активов. При этом в вопросах о модели регулирования и степени его жесткости, авторы расходятся во мнениях.

Наиболее практические и конкретные предложения представлены в работе Л. П. Королевой на основе опыта США, Индонезии и Сербии. В ней представлены не только рекомендации по лицензированию ПУВА, но и затрагивается налоговая политика и межведомственное взаимодействие.

Наименее проработанными аспектами всё еще остаются разработка детальных процедур взаимодействия между регуляторами, адаптация зарубежных моделей к российской правовой системе с учетом её особенностей.

Проведенное исследование, выполненное на основе анализа научной литературы и нормативно-правовой базы, позволило систематизировать подходы к решению проблемы совершенствования российского законодательства в сфере оборота виртуальных активов в контексте обеспечения экономической безопасности.

Выявлены системные пробелы действующего регулирования: понятийная неопределенность статуса классических криптовалют в Законе № 259-ФЗ, отсутствие легального статуса у провайдеров услуг виртуальных активов, а также нераспространение на них требований Закона № 115-ФЗ. Данные недостатки создают благоприятную среду для использования виртуальных активов в схемах легализации преступных.

Установлено, что в научной литературе сформировано согласие относительно ключевых направлений совершенствования законодательства. К ним относятся: введение классификации виртуальных активов

по их особенностям, лицензирование деятельности ПУВА, распространение на них антиотмывочных требований, а также внедрение налоговых стимулов для долгосрочного инвестирования в реальный сектор экономики.

Сравнительный анализ подходов исследователей показал, что наиболее комплексные и проработанные рекомендации представлены в работе Королевой Л. П. Однако дополнительной проработки требуют механизмы адаптации зарубежных моделей к российской правовой системе.

Список литературы:

1. Теневая блокчейн-экономика [Электронный ресурс] // URL: https://getblock.net/research/the-shadow-blockchain-economy.

2. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/analytics/inside/2025_2/.

3. Годовой отчет ЕАГ 2024 – 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://eurasiangroup.org/EAG_report_2025_12.12.pdf.

4. Муксинова, А. Ф. Законодательное регулирование цифровой валюты в российском, международном и зарубежном законодательстве / А. Ф. Муксинова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2021. — № 4(45).

5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_358753/.

6. Алексеева, Д. Г. Операции с криптовалютой через призму законодательства о ПОД/ФТ / Д. Г. Алексеева, А. Ю. Волков // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — Т. 14, № 3. — С. 225 – 228.

7. Кащеев, Д. В. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, обусловленное развитием рынка криптовалют / Д. В. Кащеев // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 1 [Электронный ресурс] // URL: https://esj.today/PDF/32ECVN122.pdf.

8. Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма [Электронный ресурс] // URL: https://www.fatf-gafi.org/.

9. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/.

10. Королева, Л. П. Противодействие использованию виртуальных активов для отмывания денег и финансирования терроризма: зарубежный опыт и возможности его применения в России / Л. П. Королева, О. Е. Абрамов, Т. А. Засухин, М. Е. Бутаков // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17. — № s4 [Электронный ресурс] // URL: https://esj.today/PDF/29FAVN425.pdf.

11. Столярова, А. Н. вопросы правового регулирования криптовалюты как экономического инструмента: практика зарубежных стран / А. Н. Столярова // Вестник РАЕН. — 2025. — Т. 25, № 4. — С. 31 – 43.

© *Пушилина А. К., 2026*

EDN: PIPTIS

Романюк Татьяна Александровна
студент
Институт управленческих кадров
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
romanukt789@gmail.com

Научный руководитель:
Русак Елена Степановна
доцент кафедры экономического развития и менеджмента
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
кандидат экономических наук, доцент
res@pac.by

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация. В статье исследуется роль государственного регулирования инновационной деятельности в обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов Республики Беларусь. Научная новизна состоит в комплексном анализе действующих инструментов госрегулирования (в т.ч. Закона № 425-З, Госпрограммы инновационного развития на 2026 – 2030 гг.) и их влияния на снижение зависимости предприятий от внешних угроз (санкций, колебаний цен на сырье и т.д.), а также в обосновании взаимосвязи инновационной восприимчивости экономики и развития человеческого капитала как фактора устойчивости бизнеса.
Ключевые слова: государственное регулирование, инновационная деятельность, экономическая безопасность, хозяйствующие субъекты, Республика Беларусь, инструменты поддержки, инновационные риски.

Взаимосвязь инновационной деятельности и экономической безопасности представляет собой фундаментальный аспект современного экономического развития, особенно актуальный для хозяйствующих субъектов в условиях глобализации и высокой волатильности рынков. Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта подразумевает состояние защищенности его деятельности от внутренних и внешних угроз, позволяющее стабильно реализовывать стратегические цели и обеспечивать устойчивое развитие. Критерии экономической безопасности включают финансовую устойчивость, достаточный уровень ресурсного обеспечения, конкурентоспособность продукции, защищенность информационных и технологических активов, а также способность адаптироваться к изменениям внешней среды.

В контексте Республики Беларусь ключевые угрозы и риски для предприятий связаны с внешнеэкономическими факторами: колебаниями цен на энергоносители и сырье, санкционным давлением, ограничениями доступа к международным рынкам капитала и технологиям.

Как отмечает М. В. Мясникович, «одной из основных угроз экономической безопасности сегодня являются внешние ценовые шоки — глобальный рост цен на сырье и топливно-энергетические ресурсы, продовольствие» [1, с. 13].

Инновации играют ключевую роль в обеспечении устойчивости бизнеса, поскольку позволяют предприятиям повышать эффективность использования ресурсов, снижать издержки, создавать уникальные конкурентные преимущества и оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. Механизмы влияния инновационной активности на конкурентоспособность и финансовую стабильность многообразны. Внедрение продуктовых инноваций дает возможность предлагать потребителям новые или улучшенные товары и услуги, что расширяет рыночную долю и повышает лояльность клиентов. Процессные инновации, направленные на оптимизацию производства и логистики, способствуют снижению себестоимости и росту рентабельности. Организационные и маркетинговые инновации улучшают управление и продвижение, усиливая позиции компании на рынке. Финансовая стабильность укрепляется за счет диверсификации источников дохода, снижения зависимости от традиционных продуктов и рынков, а также формирования инновационного портфеля, генерирующего долгосрочные денежные потоки.

Теоретические модели государственного регулирования инноваций, применяемые в развитых странах, предлагают ценные ориентиры для

адаптации в Республике Беларусь. Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейский союз (ЕС) делают акцент на создании благоприятных условий для исследований и разработок (R&D), поддержке стартапов и малого инновационного бизнеса, развитии инфраструктуры трансфера технологий. В рамках ЕАЭС формируется общая инновационная политика, нацеленная на кооперацию в научно-технической сфере и создание совместных высокотехнологичных проектов.

Д. В. Муха раскрывает теоретико-методологические подходы к определению и оценке научно-технологической безопасности и предлагает авторскую трактовку этой категории. Его анализ положений Концепции национальной безопасности Беларуси показывает необходимость учета современных трендов развития науки, технологий и международных отношений при формировании стратегий обеспечения безопасности [2, с. 14].

Адаптация лучших зарубежных практик к условиям РБ требует комплексного подхода, сочетающего прямое финансирование инноваций, налоговые льготы, развитие венчурного капитала и укрепление связей между наукой, бизнесом и государством.

Важнейшим элементом является финансовое обеспечение инновационной безопасности, которое Г. А. Хацкевич, рассматривает в исследовании «Финансовое обеспечение инновационной безопасности как фактор устойчивого развития экономики Республики Беларусь» [3, с. 27]. Стабильное финансирование научных исследований, опытно-конструкторских разработок и внедрения передовых технологий служит фундаментом для долгосрочной устойчивости национальной экономики и ее способности противостоять внешним шокам.

Не менее значимым фактором выступает инновационная восприимчивость экономики — способность хозяйствующих субъектов и общества в целом усваивать и применять новые знания и технологии. Т. В. Данильченко предлагает модель инновационной восприимчивости, отражающую инфраструктурные аспекты инновационного типа развития на уровне индивида, фирмы и национальной экономики. Взаимосвязь между инновационной восприимчивостью и развитием человеческого капитала: инвестиции в образование, профессиональную подготовку и креативные компетенции персонала напрямую влияют на готовность предприятий к внедрению инноваций [4, с. 58].

Государственное регулирование инновационной деятельности в Республике Беларусь выступает важнейшим инструментом обеспечения

экономической безопасности хозяйствующих субъектов и устойчивого развития национальной экономики. Оно создает необходимые условия для технологического прогресса, повышения конкурентоспособности белорусских предприятий на внутреннем и международном рынках, а также способствует снижению зависимости от внешних факторов, включая колебания мировых цен на сырье, санкционное давление и глобальные экономические кризисы.

Ключевую роль в регулировании инновационной сферы играет нормативно-правовая база, которая формирует стратегические ориентиры и определяет механизмы поддержки инновационных процессов. Она обеспечивает четкую координацию между научными исследованиями, образовательными институтами и производственным сектором, создавая целостную систему, способную генерировать и внедрять передовые технологии.

Основополагающим документом в этой сфере является такой нормативный правовой акт как Закон от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь». Он формирует концептуальные основы государственной политики в области инноваций, формулирует ее ключевые задачи и определяет формы стимулирования инновационной активности. Закон направлен на создание комплексной правовой среды, которая способствует динамичному развитию национальной экономики на инновационной основе [5].

В рамках этого закона особое внимание уделяется формированию и развитию национальной инновационной системы, ее интеграции в глобальное инновационное пространство с учетом национальных интересов. Закон создает благоприятные условия для привлечения инвестиций в инновационные проекты, что критически важно для их успешной реализации. Он также поддерживает субъектов инновационной деятельности — как юридические лица, так и индивидуальных предпринимателей.

Для достижения этих целей закон предусматривает разнообразные меры стимулирования. Среди них — финансирование инновационных проектов за счет бюджетных средств, что позволяет снизить финансовую нагрузку на инициаторов разработок. Предусмотрено резервирование определенной доли финансирования для субъектов малого и среднего предпринимательства, что дает им дополнительные возможности для участия в инновационных процессах. Важным инструментом поддержки выступает возмещение расходов на патентование объектов

интеллектуальной собственности за рубежом — это помогает белорусским разработчикам защищать свои права на международном уровне и расширять географию продаж.

Дополняют законодательную базу президентские указы, задающие долгосрочные приоритеты развития. Указ Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2025 г. № 448 утверждает Государственную программу инновационного развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы. Программа нацелена на устойчивое развитие национальной инновационной системы и внедрение передовых технологий в реальный сектор экономики. Ее приоритеты охватывают широкий спектр направлений: от цифровых технологий и инновационных решений в промышленности до биологических и химико-фармацевтических разработок, а также модернизации агропромышленного комплекса [6].

Реализация программы предполагает консолидацию научного, образовательного и производственного потенциала страны, что позволит не только повысить эффективность инновационной деятельности, но и укрепить технологический суверенитет Беларуси, снизив зависимость от импортных технологий и решений. Особое внимание уделяется созданию условий для трансфера знаний и технологий между академической средой и промышленностью.

Еще один значимый документ — Указ от 1 апреля 2025 г. № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026 – 2030 годы». Он определяет ключевые сферы, на которых следует сосредоточить усилия для достижения максимального эффекта от инновационной деятельности. В их числе — цифровые технологии и искусственный интеллект, где акцент делается на разработку программного обеспечения и обеспечение кибербезопасности. В промышленной сфере приоритетом становятся фотоника, микроэлектроника, роботостроение и аддитивные технологии — направления, способные радикально изменить производственные процессы. В биомедицинской области особое внимание уделяется геномным исследованиям, разработке новых фармацевтических препаратов и внедрению высокотехнологичных методов диагностики и лечения. Агропромышленный комплекс ориентируется на технологии точного земледелия, селекцию новых сортов растений и развитие экологически чистых методов производства [7].

Указ также устанавливает персональную ответственность руководителей государственных заказчиков программ за эффективное

использование выделенных средств, своевременное выполнение поставленных задач и достижение запланированных результатов.

Таким образом, государственное регулирование инновационной деятельности выступает ключевым фактором поддержания экономической безопасности хозяйствующих субъектов Республики Беларусь, поскольку системно устраняет ключевые риски и создает условия для устойчивого развития в условиях внешнеэкономической нестабильности. Принятые в республике нормативные правовые акты [5], [6], [7] формируют стратегические ориентиры и конкретные механизмы поддержки — от прямого финансирования инновационных проектов и резервирования средств для малого и среднего предпринимательства до возмещения затрат на патентование за рубежом и стимулирования разработок в приоритетных сферах (цифровые технологии, искусственный интеллект, микроэлектроника, биомедицина, точное земледелие). Реализуемые меры не только снижают зависимость экономики от колебаний мировых цен на сырье и санкционного давления, но и укрепляют технологический суверенитет страны, повышают конкурентоспособность предприятий на внутреннем и международном рынках за счет внедрения продуктовых и процессных инноваций, а также способствуют развитию инновационной восприимчивости экономики через усиление связей между наукой, образованием и производством, инвестиции в человеческий капитал и создание инфраструктуры трансфера технологий.

Список литературы:

1. Мясникович М. В. Инновационное развитие промышленного комплекса в контексте экономической безопасности Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2021. № 3. С. 4 – 18.

2. Муха Д. В. Актуальные вопросы обеспечения научно-технологической безопасности Республики Беларусь в условиях инновационного развития национальной экономики // Наука и инновации. 2022. Т. 18, № 5. С. 12 – 19.

3. Хацкевич Г. А., Муха Д. В. Финансовое обеспечение инновационной безопасности как фактор устойчивого развития экономики Республики Беларусь // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 3. Экономика. 2023. № 1. С. 25 – 34.

4. Данильченко Т. В. Инновационная восприимчивость экономики Республики Беларусь: модель и оценка // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. 2020. Вып. 45/1. С. 56 – 63.

5. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З: в ред. от 6 января 2022 г. № 152-З [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200425 02.03.2026.

6. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2025 г. № 448 [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P32500448 02.03.2026.

7. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026 – 2030 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 1 апр. 2025 г. № 135 [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32500135 02.03.2026.

© *Романюк Т. А., 2026*

EDN: PCPZZP

Рыжова Екатерина Евгеньевна
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
ekaterina.pavlova25.08@mail.ru

Научный руководитель:
Логинова Наталья Анатольевна
профессор кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, доцент
loginova.79@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ И УЧЕТА БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В ОРГАНАХ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, касающиеся управления денежными средствами, а также осуществления контроля и учета бюджетных средств в органах и подразделениях МВД России. Методы исследования: анализ, синтез, дедукция, индукция. Анализ количественных и качественных данных позволил уточнить природу проблем: они связаны с правовыми, организационными и финансовыми аспектами деятельности МВД России. Ключевыми проблемами являются: регулярное «недофинансирование» территориальных подразделений МВД России; неэффективное использование бюджетных средств; нарушения при распределении бюджетных средств; слабом контроле; коррупционных правонарушениях.

Ключевые слова: управление, контроль, учет, денежные средства, финансирование.

Анализируя статистику расходов, направленных на финансирование ОВД, следует отметить тенденцию. Согласно подписанному В. В. Путиным закону о федеральном бюджете на 2025 год и плановые 2026 и 2027 годы, МВД РФ выделено 3,0 триллиона рублей (это больше, чем для Росгвардии, органов прокуратуры и следствия, жилищного и коммунального хозяйства) [1].

Финансовые потоки, направленные на функционирование органов внутренних дел, требуют строгого государственного контроля. На наш взгляд, такой контроль недостаточно урегулирован действующим законодательством, по его итогам не предусмотрено привлечение виновных к ответственности. Другой проблемой в этом отношении является неопределенность правовых полномочий проверяющих органов.

Расходы на МВД увеличиваются ежегодно, что влечет за собой ущерб эффективности функционирования бюджетной системы. Соответственно, крайне важно определять направления финансирования. Об этом говорил недавно и глава МВД В. А. Колокольцев. Практически все проблемы в работе МВД он объяснял низкими зарплатами сотрудников. Вместе с тем он пожаловался на большой некомплект сотрудников.

Основная причина этой ситуации, по словам главы МВД, заключается в «хроническом недофинансировании»: например, «впервые устраивающийся работник получает ежемесячно от 11 до 13 тыс. руб. в одном из регионов Центрального федерального округа». В результате на должности сотрудников ОВД не стоит очередь из желающих трудоустроиться, потому что нет материальной мотивации.

Проблемы управления денежными средствами, осуществления контроля и учёта бюджетных средств в органах и подразделениях МВД России связаны с правовыми, организационными и финансовыми аспектами деятельности МВД России. Они проявляются в неэффективном использовании бюджетных ресурсов, нарушениях при распределении средств, слабом контроле и случаях коррупции. Проблемы остаются системными, что приводит к рискам хищений и нецелевого использования денежных средств, огромным ущербам федеральному бюджету. Необходимо рассмотреть ключевые аспекты на основе анализа доступных источников, включая научные статьи, диссертации и отчёты.

В первую очередь проблемы управления денежными средствами, осуществления контроля и учёта бюджетных средств в органах и подразделениях МВД России связаны со сложностями, возжигаемым при финансировании и управлении средствами.

В настоящее время не существует норм специализированного законодательства для финансирования органов внутренних дел, что создаёт пробелы в регулировании вышеуказанных процессов. Основными источниками средств деятельности ОВД являются федеральный бюджет и внебюджетные, но их использование ограничено.

Отсутствие отдельных законов о финансовой деятельности МВД приводит к зависимости от общих норм бюджетного законодательства. Это вызывает сложности в формировании и использовании фондов, включая внебюджетные [2].

Проблемы с внебюджетными средствами также имеют место быть. Запрет на предпринимательскую деятельность (ст. 7 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ) [3] конфликтует с возможностью оказывать платные услуги (например, реализация имущества). Предоставление услуг допускается только если оно не мешает выполнению основных обязанностей и не нарушает права граждан, но на практике это приводит к неэффективному учёту.

Следующий пласт проблем связан с недостаточным финансированием. Расходы ОВД РФ растут, но не в полной мере обеспечивают выполнение задач. Например, низкий уровень зарплат сотрудников не обеспечивает достойный уровень жизни, требуя дифференциации по результатам работы. Данная ситуация приводит к кадровым проблемам, снижению эффективности и результативности служебной деятельности.

Острой проблемой остается неопределённый правовой статус. Финансовые права МВД (управление имуществом, участие в бюджетных отношениях) не прописаны, что ограничивает привлечение средств и ответственность [4].

Большое количество проблемных вопросов сохраняется в сфере контроля бюджетных расходов. Контроль включает внутренний (ведомственный) и внешний (государственный), но он фрагментирован и неэффективен. Фокус на проверке законности, а не результатов, приводит к рискам. Множество органов контроля пересекаются, тратя ресурсы впустую. Отсутствует чёткое разделение между внутренним и внешним контролем [5].

Слабый местный контроль (мониторинг) на муниципальном уровне недостаточно развит, что создаёт пробелы в учёте.

Практически во всех случаях контрольные мероприятия оцениваются по количественным показателям, игнорируя комплексные данные. Полномочия контрольных органов ограничены, что не позволяет предотвращать нарушения.

Кадровые и информационные пробелы подразделений контроля приводят к недостаточной подготовке сотрудников и снижению качества контроля.

Вышеуказанные проблемы ведут к огромному риску возникновения хищений, мошенничеств, ошибок в отчётности, нецелевому использованию денежных средств. Свидетельством этому могут служить ежегодные нарушения, выявляемые Счётной палатой, в отдельных случаях имеющих систематический характер.

Проблемы учёта бюджетных средств и коррупции также находятся по полярности на одном уровне с двумя вышеуказанными группами проблемных вопросов. Не во всех случаях бюджетный учет в ОВД регулируется должным образом, что усиливает риски хищений. Коррупция в наши дни — это системная проблема, влекущая за собой ущерб в миллиарды рублей.

Также стоит отметить проблемы с отслеживанием доходов/расходов, особенно внебюджетных, причиной которых являются общие пробелы в контроле.

Исследование данных проблем является базой для результативного управления денежными средствами в органах и подразделениях МВД России.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 01.12.2024.

2. Правовые проблемы финансирования органов внутренних дел / Н. Г. Ираева, Г. Х. Азнабаева, А. Э. Мусина, Д. Г. Ираев // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. — 2023. — № 3(45). — С. 76 – 79.

3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31.07.2006 № 31 (часть I) ст. 3434.

4. Музалева, Т. И. Основные проблемы и вызовы в управлении инфраструктурой МВД России / Т. И. Музалева // Экономическая безопасность России: Сборник научных статей. — Волгоград: ИП Черняева Ю. И., 2025. — С. 39 – 46.

5. Мордвин, А. А. Отдельные проблемы материально-технического обеспечения подразделений МВД России / А. А. Мордвин // Социальное управление. — 2025. — Т. 7, № S1. — С. 202 – 206.

© Рыжова Е. Е., 2026

EDN: OHTAKL

Сазанов Вениамин Максимович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
venya.sazanov@mail.ru

Научный руководитель:
Соболева Владислава Олеговна
преподаватель кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
vladislava_soboleva@vk.com

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ВОЛАТИЛЬНОСТИ И ЦЕНОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию влияния социальных сетей на переоценку активов. Выявлено, что дезинформация и манипуляции на фоне низкого порога входа контента, стадного чувства и низкой финансовой грамотности вызывают ценовые пузыри. Предлагается маркировка контента ботов и стандартизация алгоритмов рекомендаций.
Ключевые слова: право, экономика, взаимодействие, принципы.

Феномен «Экономики внимания» стал одним из главных экономических сдвигов 21 века. В информационном обществе дефицитным ресурсом стало не сырье или станки, а внимание человека. Рыночная стоимость компаний всё меньше зависит от материальных активов и все больше от способности управлять сообществами и репутацией. Самый дорогой актив может находиться в серверах и головах пользователей,

компании с миллионной аудиторией в Telegram и TikTok может стоить дороже завода с таким же оборотом, но у неё минимальные издержки на привлечение следующих клиентов. В экономике внимания репутация и упоминания создают добавочную стоимость, например, Бренд Nike не имеет своих огромных фабрик, но тратит миллиарды на маркетинг и коллаборации со звездами. Их цифровой актив стоит дороже любых физических возможностей [1].

Социальные сети превратились из простого отражателя экономических процессов в активного и самостоятельного игрока, способного создавать и уничтожать рыночную стоимость вопреки логике балансовых отчетов. На рисунке 1 перечислены причины переоценки активов из-за социальных сетей.

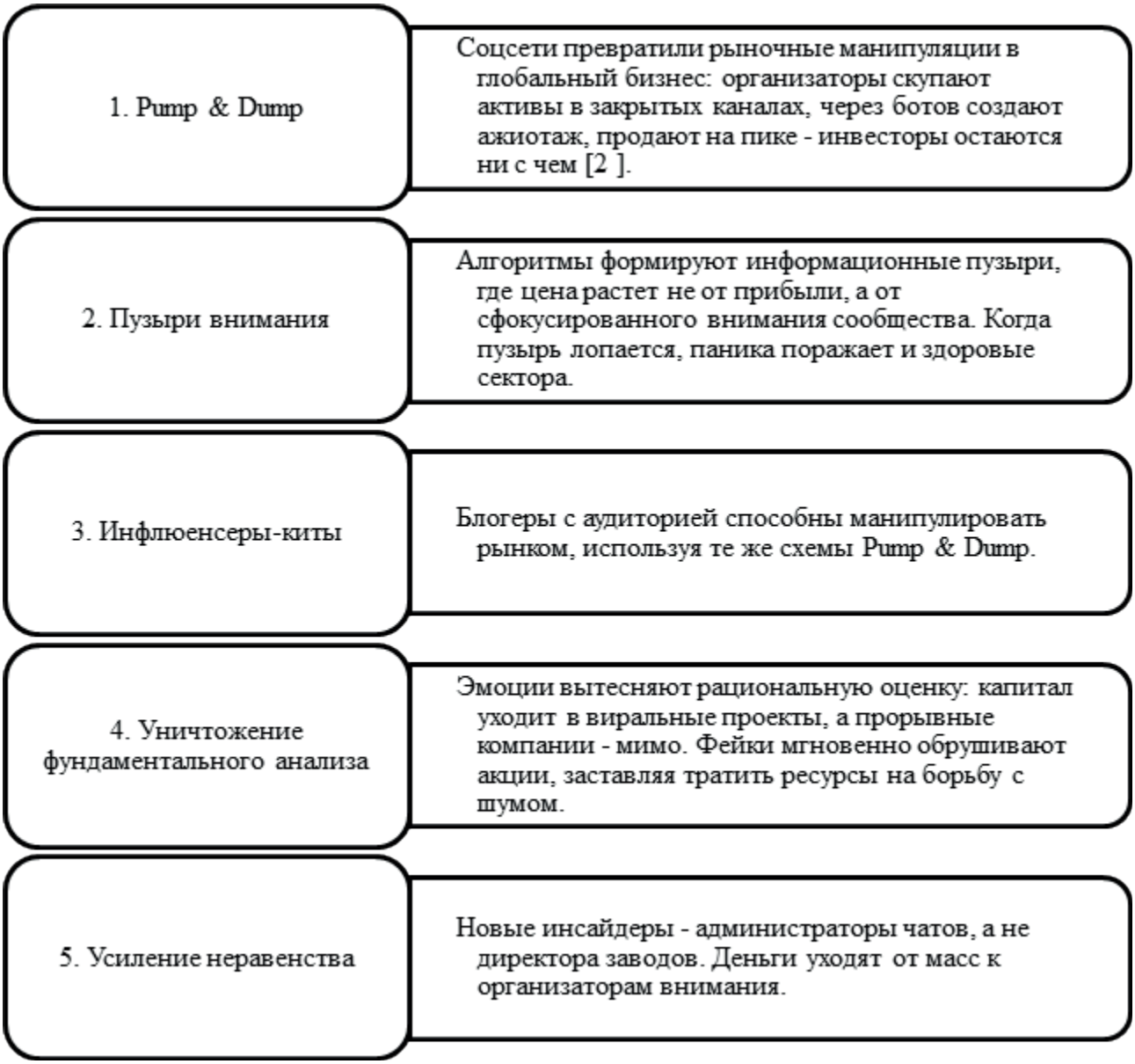

Рисунок 1. Причины переоценки активов

В качестве примера влияния социальных сетей на переоценку активов рассмотрены события вокруг акций компании GameStop и последующий рост цен на серебро в январе – феврале 2021 года. Этот кейс показателен тем, что массовая координация частных инвесторов через интернет-сообщества привела к резким ценовым колебаниям как на фондовом, так и на сырьевом рынке [3].

Американская розничная сеть GameStop, специализировавшаяся на продаже игровых консолей и видеоигр, долгое время работала в формате традиционной офлайн-торговли. Распространение цифровой дистрибуции снизило спрос на такой формат, что привело к падению прибыли и стоимости акций: капитализация компании сократилась примерно с 10 млрд до 300 млн долларов. Пандемия дополнительно ухудшила положение.

Ожидая дальнейшего снижения цены, ряд хедж-фондов открыл значительные короткие позиции по акциям GameStop, объем которых превысил количество бумаг в обращении. Пользователи инвестиционного сообщества r/wallstreetbets на платформе Reddit организованно начали массово скупать акции, что вызвало резкий рост котировок и привело к крупным убыткам фондов.

Вскоре аналогичная активность распространилась на рынок серебра. После призывов инвестировать в металл как в объект масштабных коротких продаж фьючерсы на серебро достигли многолетних максимумов, а приток средств в профильные биржевые фонды резко увеличился. Экономисты отметили, что это подтвердило способность частных инвесторов оказывать существенное влияние на крупные рынки, а расчёты по деривативам указывали на формирование длительных позиций [4].

Таким образом, события начала 2021 года продемонстрировали, что социальные сети могут выступать самостоятельным фактором рыночной динамики, формируя спрос и вызывая значительные отклонения цен от фундаментальных показателей. В этих условиях возрастает значение мер, направленных на повышение прозрачности инвестиционной информации, предупреждение спекулятивных рисков и защиту неквалифицированных инвесторов.

Экономисты отметили, что ситуация на рынке серебра опровергла представление о слабом влиянии частных инвесторов на крупные финансовые рынки. В отличие от акций GameStop, рост цен на серебро не носил исключительно спекулятивный характер, поскольку данные по фьючерсам и опционам указывали на устойчивый спрос и формирование длительных позиций [4].

События начала 2021 года показали, что социальные сети перестали быть лишь каналом коммуникации и превратились в самостоятельный фактор рыночной оценки, способный в реальном времени формировать спрос и существенно влиять на цены активов. Это требует разработки мер, направленных на снижение рисков, связанных с массовым цифровым ажиотажем.

Одним из возможных направлений является внедрение механизмов предупреждения пользователей о повышенной волатильности активов при резком росте их упоминаемости в социальных сетях, что может снизить эффект стадного поведения. Важную роль играет обеспечение прозрачности рекомендаций, включая обязательное раскрытие информации о наличии у автора интереса в продвигаемом активе, что ограничивает возможности манипуляций по схеме искусственного разгона цены. Перспективным также является использование индикаторов повышенного ажиотажа, позволяющих биржам и брокерам временно ограничивать высокорисковые операции, например маржинальную торговлю с большим плечом, в периоды всплеска интереса со стороны неквалифицированных инвесторов.

Дополнительное значение имеет оперативное опровержение недостоверной финансовой информации и развитие финансовой грамотности населения с учетом психологических особенностей поведения в цифровой среде. Это включает формирование навыков критической оценки инвестиционных рекомендаций и понимание различий между популярностью актива в социальных сетях и его реальной экономической ценностью.

Таким образом, рассматриваемый кейс демонстрирует качественно новую роль цифровых коммуникационных платформ в функционировании финансовых рынков и необходимость адаптации механизмов регулирования и защиты инвесторов к условиям информационной экономики.

Список литературы:

1. Как внимание превратилось в новый товар [Электронный ресурс] // URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/60368d989a794739f9848b6d (дата обращения: 22.03.2026).

2. Pump&Dump в трейдинге: как распознать и не потерять деньги [Электронный ресурс] // URL: https://sbersova.ru/sections/invest/pump-i-dump-v-trejdinge (дата обращения: 22.03.2026).

3. R/wallstreetbets [Электронный ресурс] // URL: https://www.reddit.com/r/wallstreetbets/ (дата обращения: 22.03.2026).

4. Почему в войне хомячков с Reddit против волков с Уолл-стрит проиграют инвесторы по всему миру [Электронный ресурс] // URL: https://news.mail.ru/card/281/?ysclid=mmkkcgprhh743589514#card-28902 (дата обращения: 22.03.2026).

© *Сазанов В. М., 2026*

EDN: RYWYSZ

Самохина Юлия Евгеньевна
командир отделения
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
sje23@mail.ru

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
rl1973@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ НА НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье проводится анализ международных санкций на 2022 – 2024 годы в отношении нефтегазового комплекса Сахалинской области как одного из ключевых нефтегазодобывающих регионов России. Рассматриваются изменения в работе проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», влияющие на экспорт, экспортную выручку и налоговые поступления, а также основные санкционные меры и меры по развитию регионального нефтегазового сектора.
Ключевые слова: Сахалинская область; нефтегазовый комплекс; «Сахалин-1»; «Сахалин-2»; экспорт нефти и газа; инвестиционные риски; технологические ограничения; энергетическая безопасность.

Сахалинская область является одним из ключевых нефтегазодобывающих регионов России, так как на острове сосредоточены десятки

месторождений нефти и газа, доля доходов которой в совокупных доходах субъекта за 2020 – 2024 г. варьируются от 40 % до 65 %.

В современной научной литературе подчёркивается, что усиление санкционного давления 2022 – 2024 гг. трансформировало не только отраслевую, но и пространственную структуру российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК), причём эффекты для экономики России и Европейского союза оказались асимметричными. По расчётам В. Л. Макарова и соавторов, несмотря на резкое сокращение поставок на европейский рынок, совокупная экспортная выручка российского ТЭК в 2022 г. превысила досанкционный уровень за счёт ценового фактора и переориентации экспортных потоков в страны Азии. Одновременно исследования по устойчивому развитию ТЭК фиксируют, что именно санкции стали триггером для ускоренной диверсификации экспортных направлений и поиска новых форматов сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Однако международные санкции 2022 – 2024 годов существенно изменили условия функционирования проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2», ударив как по объемам добычи и экспортной выручке, так и по налоговым поступлениям в региональный нефтегазовый сектор (см. рисунок 1).

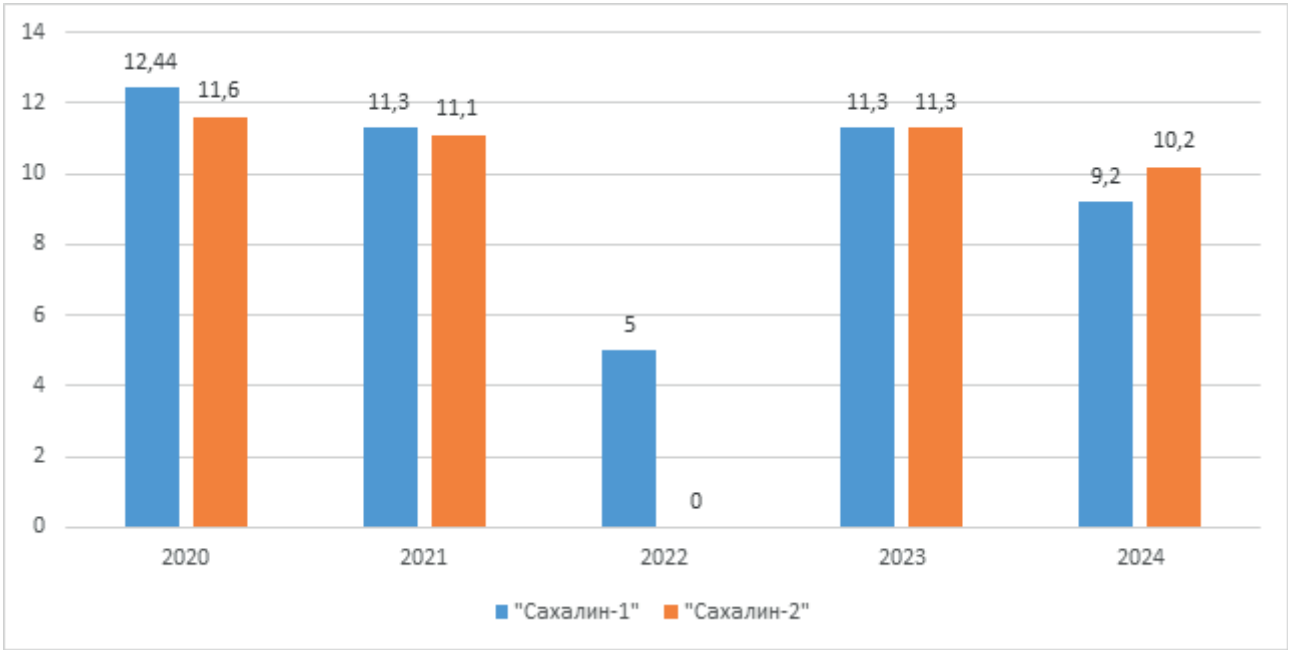

Рисунок 1. Динамика добычи нефти Сахалинской области в 2020 – 2024 гг., т.

После начала специальной военной операции против России были введены широкие санкции, включающие ограничения на инвестиции

в российский топливно-энергетический комплекс, поставки оборудования и технологий для шельфовых проектов, а также ограничения на транспортировку и страхование российских нефти и газа. Для Сахалинской области это оказалось критичным, поскольку шельфовые проекты технологически сложны и исторически зависели от участия иностранных компаний, их капитала и технологий.

Аналитический обзор В. Л. Макарова и др. показывает, что именно энергетический сектор стал центральной целью антироссийских ограничительных мер, затронув экспорт нефти, газа, угля и СПГ, доступ к международным финансовым рынкам, а также импорт высокотехнологичного оборудования для шельфовых и СПГ-проектов. На этом фоне для российской стороны ключевой задачей стало не только поддержание текущих объёмов добычи, но и сохранение инвестиционной активности в капиталоёмких проектах, к которым относятся и сахалинские шельфовые месторождения [1, 2]. Отдельно подчёркивается, что попытка ЕС одновременно снизить зависимость от российских энергоресурсов и ввести ценовые ограничения привела к росту волатильности цен и дополнительным рискам для энергетической безопасности самого европейского региона [1, 2].

Высокая доля шельфовой добычи, участие крупных международных компаний в проектах, экспортно-ориентировочный характер проектов — эти особенности сделали сахалинский регион одновременно уязвимым к санкциям и важным элементом мировой энергетической безопасности.

Проект «Сахалин-1», реализуемый на северо-восточном шельфе Сахалина, стал одним из самых пострадавших из-за санкций. После выхода из проекта американской компании ExxonMobil и отзыва иностранных специалистов добыча нефти резко сократилась. По официальным данным, в 2022 году, добыча нефти в рамках «Сахалина-1» снизилась в 22 раза — с порядка 220 тыс. баррелей в сутки до 10 тыс. баррелей в сутки (см. таблицу 1).

Таблица 1. Добыча нефти на «Сахалин-1» до и после санкций

Период	Среднесуточная добыча, тыс. барр./сутки	Изменение к базовому уровню
До санкций (2021 г.)	220	100%
После введения санкций (середина 2022 г.)	10 kommersant+2	– 95,5%

Региональные исследования подтверждают, что негативное воздействие санкций на сырьевые регионы распределяется крайне неравномерно. По оценке Н. В. Зубаревич, среди нефтегазодобывающих субъектов РФ именно Сахалинская область продемонстрировала один из наиболее глубоких трёхлетних спадов добычи (около 15 % за 2022 – 2024 гг.), что напрямую связано с уходом из сахалинских проектов глобальных компаний и остановкой части шельфовых мощностей. Для большинства других нефтяных регионов снижение оказалось менее выраженным, тогда как Сахалин оказался в группе регионов с устойчивым спадом, что подчёркивает его особую уязвимость к санкционным ограничениям в сфере инвестиций и технологий.

Резкое падение добычи показало высокую зависимость проекта от иностранных операторов и технологий, а также ограниченные возможности оперативной замены этих компонентов.

В отличие от «Сахалина-1», проект «Сахалин-2» столкнулся с более мягким режимом санкций. ЕС ввел потолок цен на российскую нефть, однако для «Сахалин-2» были сделаны исключения, связанные с поставками нефти и газа в Японию. По данным регламента Совета ЕС такие исключения будут продолжаться до 28 июня 2026 г. В данном случае можно подчеркнуть двойственный характер санкционной политики: ЕС жестко ограничивает российский экспорт, но при этом он вынужден учитывать критическую зависимость отдельных партнеров (в данном случае Японию) от поставок сахалинских энергоресурсов. Данный процесс представлен на рисунке 2.

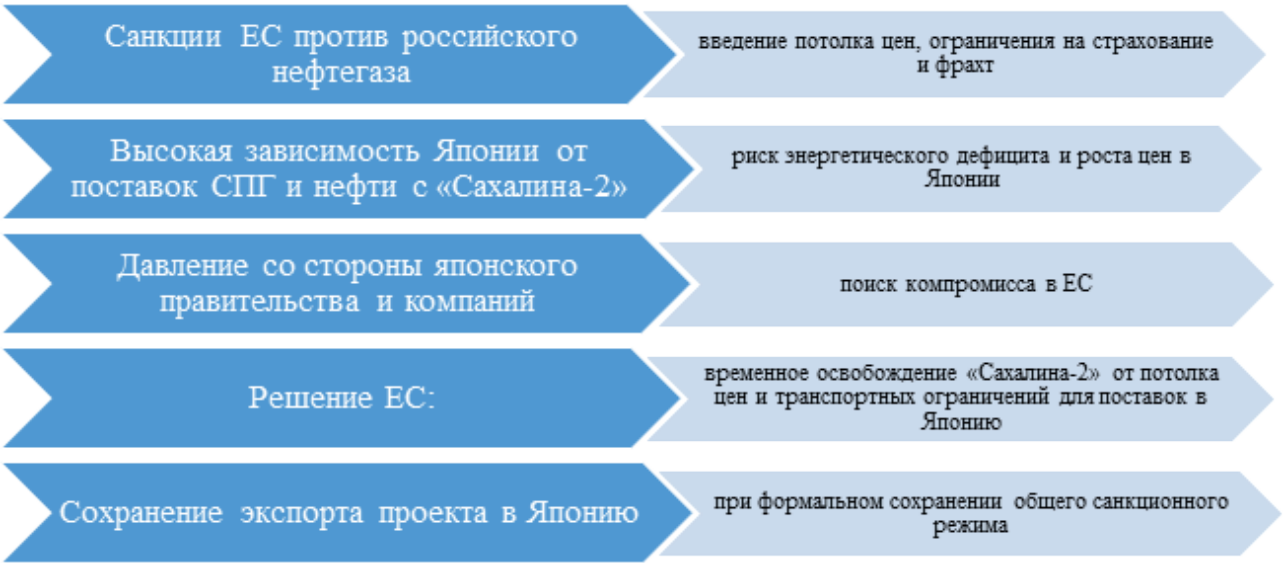

Рисунок 2. Политико-экономическая логика послаблений для «Сахалина 2»

На основании вышеизложенной информации можно выделить несколько ключевых групп угроз, которые санкции создали для нефтегазового комплекса региона:

1. Инвестиционные угрозы: отказ западных компаний от участия в проектах, прекращение финансирования и остановка новых инвестиционных программ; рост неопределённости, удорожание привлечения капитала, ограничение доступа к международным финансовым рынкам;

2. Технологические угрозы: ограничения на поставку оборудования и технологий для шельфовой добычи, СПГ проектов и модернизации НПЗ; консервация буровых и заморозка отдельных стадий проектов из-за невозможности оперативно заменить зарубежные технологии;

3. Производственно-логистические угрозы: резкое падение добычи на отдельных проектах («Сахалин 1»), приостановка бурения, перебои с поставками комплектующих; сложности с фрахтом и страхованием танкерных перевозок, перераспределение потоков в сторону азиатских рынков;

4. Социально-экономические: снижение налоговой базы Сахалинской области, удары по бюджету, рост рисков для реализации социальных программ; сокращение высококвалифицированных специалистов, рост социальной напряжённости в монозависимых муниципалитетах.

Несмотря на серьезность санкционных ударов, нефтегазовый комплекс Сахалинской области начал вырабатывать механизмы адаптации. Эти механизмы можно рассмотреть по нескольким направлениям.

Реструктуризация собственности и управление проектами. Передача операторских функций и долей иностранных компаний российским структурам позволяет сохранить контроль над активами и постепенно восстанавливать добычу. Создание новых юридических лиц под российской юрисдикцией для продолжения проектов по СРП.

Переориентация экспортных потоков и использование «окна» в виде Японии. Укрепление связей с азиатскими потребителями, прежде всего с Японией, для которой поставки с «Сахалина-2» остаются стратегическими. Использование санкционных исключений ЕС по «Сахалину-2» как механизма поддержания экспортной выручки и загрузки инфраструктуры.

Технологическая адаптация и импортозамещение. Поиск отечественных и альтернативных зарубежных (незападных) поставщиков оборудования; развитие собственных компетенций в морском бурении и СПГ технологиях. Модернизация существующих мощностей с опорой на российские инженерные школы и кооперацию с азиатскими партнёрами.

В работах по проблематике санкций всё большее распространение получает концепция «экономики сопротивления», подчёркивающая необходимость глубинной перестройки внешнеэкономических связей и внутренней структуры ТЭК в ответ на внешнее давление. Исследование Т. А. Вороновой показывает, что под воздействием санкций Россия ускорила диверсификацию экспортных потоков, расширила использование расчётов в национальных валютах, активизировала параллельный импорт и стимулировала импортозамещение высокотехнологичного оборудования, в том числе для энергетического сектора. В сочетании с переориентацией поставок энергоресурсов на азиатские рынки и формированием собственных технологических компетенций эти меры рассматриваются как ключевые условия устойчивого развития российского ТЭК и снижения уязвимости таких регионов, как Сахалинская область.

Региональная политика и поддержка занятости. Меры федеральной и региональной поддержки по стабилизации бюджетов добывающих регионов, включая Сахалин. Программы переподготовки и занятости для работников, высвобождаемых при консервации отдельных объектов.

Международные санкции 2022 – 2024 годов продемонстрировали высокую уязвимость нефтегазового комплекса Сахалинской области к внешнеполитическим шокам, прежде всего в части зависимости от зарубежных инвестиций, технологий и инфраструктуры морской логистики. Санкционные ограничения привели к резкому падению добычи на ряде проектов (в первую очередь «Сахалин-1»), сокращению экспортной выручки и снижению налоговых поступлений в региональный бюджет, что усилило риски для реализации социальных программ и устойчивого развития территории.

В то же время пример «Сахалина-2», для которого были сохранены исключения в санкционном режиме в интересах Японии, показывает двойственный характер текущей санкционной политики и сохраняющуюся роль сахалинских проектов в обеспечении энергетической безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Для региона это создает как угрозы, так и окна возможностей, связанные с переориентацией экспортных потоков, укреплением связей с азиатскими партнёрами и использованием действующих послаблений для поддержания загрузки инфраструктуры.

Сформировавшиеся механизмы адаптации — реструктуризация собственности и переход операторских функций к российским структурам,

переориентация экспорта, технологическое импортозамещение, а также меры федеральной и региональной поддержки занятости — позволяют постепенно снизить остроту санкционных рисков и заложить основу для восстановления добычи. Вместе с тем долгосрочная устойчивость нефтегазового комплекса Сахалинской области будет зависеть от успешного формирования собственных технологических компетенций в шельфовой добыче и СПГ, диверсификации рынков сбыта и дальнейшего укрепления финансовой самостоятельности региональной экономики.

Список литературы:

1. Макаров В. Л., Мизинцева М. Ф., Агеева А. Ф. Влияние антироссийских санкций на российский ТЭК и европейский энергорынок // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26. № 4. С. 6 – 21.

2. Устойчивое развитие ТЭК России в условиях санкций коллективного Запада // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 1. С. 107 – 117.

3. Зубаревич Н. В. Влияние санкций на развитие регионов России в 2022 – 2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1 (66). С. 274 – 281.

4. Воронова Т. А. Перестройка внешнеэкономической деятельности России в условиях санкций: вызовы и возможности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12. С. 410 – 414.

© Самохина Ю. Е., 2026

EDN: RCJFFK

Смирнова Маргарита Алексеевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
margaritasmirnova480@gmail.com

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук
rl1973@inbox.ru

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития криминализации в Российской Федерации и анализируются общие показатели и показатели отдельных видов преступлений в динамике. Кроме того, рассмотрено влияние криминализации на экономическую безопасность страны. Перечислены основополагающие направления государственной политики в области борьбы с криминализацией, и отмечена роль органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности через призму противодействия криминализации экономики Российской Федерации.

Ключевые слова: криминализация, экономическая преступность, теневая экономика, государство, тенденции развития преступности, экономическая безопасность, ущерб, государственная политика, органы внутренних дел.

Под криминализацией в уголовном праве понимается деятельность государственно-властного характера, направленная на признание отдельных деяний общественно-опасными, закрепление их признаков в Уголовном кодексе Российской Федерации и запрет их совершения путём установления соответствующих наказаний [1].

Криминализация экономики представляет собой состояние экономики, при котором большую долю занимает деятельность по присвоению и приумножению доходов, полученных преступным путём [2]. Сущность криминализации экономики проявляется в экономической преступности, скрытой экономике, нелегальном предпринимательстве, нелегальной занятости и сфере услуг, связанной с применением или угрозой применения насилия в экономических отношениях.

Данное понятие тесно связано с экономической преступностью, которая под собой подразумевает совокупность противоправных, общественно-опасных и наказуемых деяний, совершаемых в сфере экономики и посягающих на имущественные и производственные отношения, экономические права граждан, юридических лиц, муниципальных и государственных образований.

Названный феномен ведёт к росту теневой экономики, увеличению числа коррупционных сделок и нелегальных финансовых схем, что ослабляет контроль государства над экономическими процессами и оказывает сопротивление в устойчивом развитии.

Стабильное развитие государства характеризуется количественными и качественными показателями преступности в стране. Очень важно определить тенденции развития преступности для того, чтобы можно было своевременно реагировать, предотвращать негативные последствия и прогнозировать дальнейшее развитие отдельных видов преступлений для принятия наиболее эффективных мер государством.

Рассмотрим общие показатели преступности в Российской Федерации за период с 2021 года по 2025 год, взяв статистические данные на официальном сайте МВД России, и выявим тенденции развития преступности [3].

За исследуемый период наблюдается закономерность снижения количества регистрируемых преступлений и среднего числа регистрируемых преступлений в месяц. В 2025 году всего зарегистрированных преступлений составляет 1771,2 тыс. Большая часть преступлений выявлена органами внутренних дел и за 5 лет остаётся на уровне 92 % от общего числа. В 2025 году наблюдается увеличение числа лиц, которым причинен

тяжкий вред от преступных посягательств, в сравнении с прошлыми годами и составляет 26,5 тыс. В 2025 году вырос ущерб от преступлений на 139,9 млрд руб. в сравнении с 2024 годом. Наблюдается тенденция увеличения удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных преступлений и составляет 35,5 % от числа зарегистрированных преступлений. За последние пять лет незначительно уменьшился рецидив. Количество нераскрытых преступлений остаётся примерно на таком же уровне. Демонстрируется закономерность снижения числа выявленных лиц, совершивших преступления.

Далее рассмотрим показатели по отдельным видам преступлений, взяв статистические данные на официальном сайте МВД России [4].

Распределение городской и сельской преступности остаётся в таких же пропорциях в течении пяти лет. Число преступлений, совершённых в городской местности, возрастает, а количество преступлений, совершённых в сельской местности, снижается.

Количество хищений незначительно снижается, в их числе кражи, грабежи и разбои снижаются, а мошенничество имеет рост. Мошенничество является одним из видов проявления криминализации общества. Низкий уровень раскрываемости этого преступления показывает слабость механизма противодействия и одновременно допускает нанесение обществу существенного материального ущерба в силу того, что те преступления, которые были не раскрыты, представляют собой сумму непредотвращенного материального ущерба. И как показывает анализ статистики, данный ущерб может достигать значительных размеров. Помимо этого, рост мошенничества характеризуется повышением правовой и экономической грамотности и изощренности лиц, совершающих это преступление.

Наблюдается снижение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, экологических преступлений, преступлений, зарегистрированных в общественных местах, преступлений, совершённых иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации. Имеется тенденция к увеличению количества преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Экстремистские преступления проникают и в тюремную среду, что делает распространение экстремистских религиозных идей

в исправительных учреждениях серьезной проблемой. Растет число осужденных за экстремизм, а в местах лишения свободы усиливается интерес к радикальным религиозным течениям, к примеру ваххабизм. Экстремистские и террористические организации активно вербуют заключенных.

Экстремизм представляет собой серьезную угрозу не только для криминологической ситуации, но и для национальной безопасности. Он угрожает безопасности граждан, общественному порядку и мирному сосуществованию государств. Поэтому необходимо найти эффективные способы предотвращения и контроля экстремизма, преследования терроризма и снижения социальных противоречий без радикальных мер.

Таким образом, современное состояние криминализации в России можно охарактеризовать как сложную динамику, включающую рост отдельных видов преступлений: мошенничества и с ним связанных преступлений, совершённых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и преступлений экономической направленности. Криминализация ведёт к росту теневой экономики, увеличению числа коррупционных сделок и нелегальных финансовых схем, что ослабляет контроль государства над экономическими процессами и оказывает сопротивление в устойчивом развитии. Уровень преступности тесно связан с различными экономическими показателями, с помощью которых и оценивается состояние экономической безопасности. Криминализация оказывает негативное влияние на формирование ВВП, на среднедушевые доходы населения, уменьшая названные показатели, что снижает уровень экономической защищённости страны.

Анализ тенденций демонстрирует, что криминогенная ситуация в стране является угрозой для её экономической безопасности. Развитие цифровых преступлений и финансовых махинаций требует адаптации правовых механизмов и усиления мониторинга экономических процессов.

Для того, чтобы оценить влияние преступности на экономическую безопасность, мы используем следующие методы: количественная оценка на основе динамики и структуры экономических преступлений, качественная оценка, представленная составом совершённых преступлений, оценка ущерба от экономических преступлений на бюджет государства.

В сравнении с 2024 годом в 2025 году число преступлений экономической направленности возросло на 1,7 %, правоохранительными органами было выявлено 107,2 тыс. преступлений, удельный вес от общего

числа которых составил 6,1 %. Среди них тяжкие и особо тяжкие преступления составили 67,7 %.

Далее рассмотрим преступления экономической направленности за 2025 год по отдельным видам преступлений, которые имеют тенденцию к увеличению (таблица 1).

Таблица 1. Преступления экономической направленности

Преступление	Всего выявлено, ед.	+, в % к прошлому году
Тяжкие и особо тяжкие	107 180	58,2
Коррупционной направленности	35 222	16,7
Мошенничество	31 458	6,0
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем	1 433	35
Коммерческий подкуп	2 420	18,7
Получение взятки	8 503	11,7
Дача взятки	8 766	29,8
Посредничество во взяточничестве	3 649	38,5

Приведём структуру преступлений экономической направленности (см. рисунок 1).

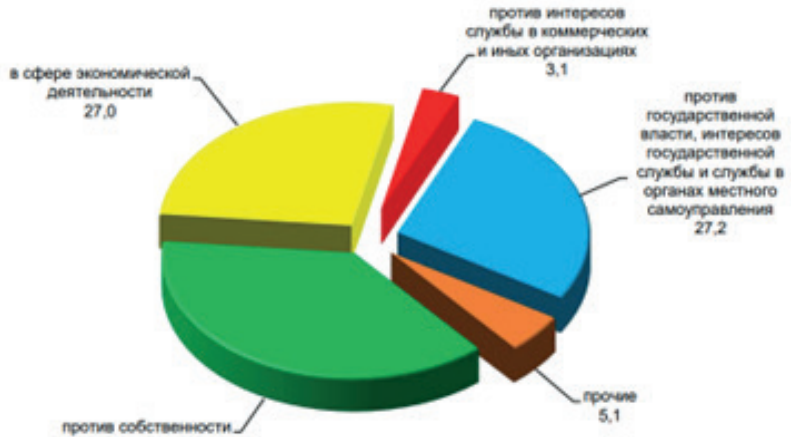

Рисунок 1. Структура преступлений экономической направленности

Большую часть в структуре составляют преступления против собственности, включая кражу, грабеж, мошенничество и разбой.

Материальный ущерб от экономических преступлений был нанесён в размере 363,4 млрд руб., что негативно влияет на бюджет государства и способствует формированию дефицита, так как страна не дополучает доходы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что криминализация оказывает значительное влияние на экономическую безопасность страны, поскольку усиливает нестабильность финансовой системы (уменьшает налоговые поступления в бюджет, наносит материальный ущерб в размере 363,4 млрд руб.), снижает инвестиционную привлекательность и деформирует рыночные механизмы.

Далее рассмотрим основные направления государственной политики в целях борьбы с криминализацией экономики.

К совершенствованию законодательства отнесём ужесточение мер ответственности за совершение преступлений экономической направленности (например, замена штрафа на лишение свободы), введение жёсткого контроля за финансовыми потоками и налоговыми операциями, развитие правовых норм, направленных на борьбу с коррупцией.

К мониторингу и контролю теневого сектора назовём такие меры, как внедрение цифровых технологий для отслеживания незаконных финансовых операций, повышение эффективности налогового администрирования, создание специализированных органов по расследованию экономических преступлений.

К антикоррупционным мерам относятся внедрение этических стандартов для государственных служащих, формирование механизмов независимого контроля за деятельностью чиновников, усиление общественного контроля и прозрачности бюджетного процесса.

К международному сотрудничеству — обмен информацией с международными структурами по борьбе с финансовыми преступлениями, совместные разработки законодательных инициатив с партнёрскими странами, борьба с отмыванием денег на международном уровне.

По нашему мнению, в будущем особое внимание будет акцентироваться на развитии цифровизации государственного контроля и применению технологий блокчейна для прозрачности финансовых операций и автоматизации механизмов отслеживания теневых потоков.

Главная роль в обеспечении экономической безопасности России через призму противодействия криминализации, безусловно, принадлежит органам внутренних дел, стоящих на страже законности и правопорядка при выявлении, пресечении и раскрытии экономических преступлений, являющихся проявлением явления криминализации в данной сфере.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, из 107,2 тыс. совершенных в 2025 году преступлений экономической направленности

сотрудниками органов внутренних дел выявлено более 82,3 тыс., их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 76,8 % преступлений, остальные 23,2 % преступлений экономического характера выявлены другими правоохранительными органами и органами исполнительной власти [5].

Приведённые статданные свидетельствуют о том, что современная экономическая безопасность России зависит от эффективной деятельности правоохранительных органов, особенно в контексте противодействия криминализации экономики. Органы внутренних дел имеют существенное значение в данном процессе, что обусловлено их широкими полномочиями, доступом к необходимым ресурсам и традиционным восприятием как главной защитной структуры государства.

Одной из доминантных задач является борьба с криминализацией корпоративного сектора. Она важна, поскольку незаконные финансовые махинации нарушают функционирование институциональных структур государства и общества, создавая угрозу для показателей экономической стабильности. В данном контексте органы внутренних дел занимаются защитой прав предприятий, контролем соблюдения законодательства и устранением криминальных схем.

Таким образом, государственная политика в области борьбы с криминализацией экономики должна основываться на системном подходе, который состоит из совершенствования законодательных норм, усиления мониторинга и антикоррупционных мер. Эффективные механизмы регулирования поспособствуют снижению уровня экономических преступлений и укреплению доверия к государственным институтам. Можно говорить о том, что органы внутренних дел занимают важное место в обеспечении экономической безопасности через призму противодействия криминализации экономики в общей системе правоохранительного обеспечения экономической безопасности. Деятельность остальных правоохранительных органов либо мала, либо напрямую зависит от органов внутренних дел в том смысле, что исходный материал для работы, например, судов и прокуратуры, поставляется последним именно органами внутренних дел.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Доступ из справочной правовой системы «Консультантплюс».

2. Артемьев Н. В. Криминализация экономики и экономическая безопасность: учебник / Н. В. Артемьев, Ю. В. Латов, Ю. Г. Наумов, С. А. Ретюнский, К. Б. Файбусович. — М.: Изд-во Академии управления МВД РФ, 2018. — 264 с.

3. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 24.02.2026).

4. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 24.02.2026).

5. ГИАЦ МВД РФ [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 26.02. 2026).

© *Смирнова М. А., 2026*

EDN: VVOHGR

Соколов Сергей Дмитриевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
Cokol.04.04.2005@gmail.com

Научный руководитель:
Нечай Александр Анатольевич
доцент кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат педагогических наук
webexpromt@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровых технологий на трансформацию публичного права с позиций обеспечения экономической безопасности. Анализируются изменения в системе государственного управления, предоставления публичных услуг, контрольно-надзорной деятельности, судопроизводства, а также появление новых цифровых субъектов. Особое внимание уделяется вопросам кибербезопасности, защиты персональных данных и роли органов внутренних дел в условиях цифровизации.
Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровые технологии, публичное право, цифровизация, информационная безопасность, кибербезопасность, органы внутренних дел.

Публичное право исторически формировалось как система норм, регулирующих деятельность государства, организацию

и функционирование публичной власти, отношения между государством и личностью. Его ключевыми характеристиками выступают императивность, централизация и приоритет публичного интереса. Однако стремительное развитие цифровых технологий ставит под сомнение незыблемость многих устоявшихся конструкций публичного права. Цифровизация проникает во все сферы публично-правового регулирования: от организации государственного управления и оказания публичных услуг до избирательного процесса и судопроизводства. Как справедливо отмечает Ш. И. Арчаков, цифровая трансформация общества, экономики и государства является одним из определяющих вызовов для современной правовой системы, при котором границы между частным и публичным правом не просто размываются, но трансформируются под воздействием децентрализованных цифровых сред, где регуляторами выступают не только государства, но и глобальные технологические корпорации [1]. В этих условиях возникает потребность в теоретическом осмыслении того, каким образом цифровые технологии изменяют публичное право и как эти изменения влияют на состояние экономической безопасности. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [2] относит к основным вызовам и угрозам недостаточный уровень развития информационных технологий, сохранение значительной доли теневой экономики и условий для коррупции, что напрямую связано с вопросами цифровизации публично-правовых институтов. Цель настоящей статьи — выявить основные направления и характер трансформации публичного права под влиянием цифровых технологий, оценить возникающие риски для экономической безопасности и определить перспективы развития публично-правового регулирования в цифровую эпоху.

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволивший рассмотреть трансформацию публичного права в развитии, в единстве объективных закономерностей технологического прогресса и субъективных факторов правотворческой деятельности. Формально-юридический метод применен при анализе нормативных правовых актов, регламентирующих внедрение цифровых технологий в деятельность органов публичной власти: Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Федерального закона «О государственной информационной

системе жилищно-коммунального хозяйства» и других. Системно-структурный метод обеспечил выявление места цифровых технологий в системе публичного права и характера их воздействия на различные институты, связанные с экономической безопасностью. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российский опыт цифровизации публичного права с практикой зарубежных государств. Особое значение имел метод правового моделирования, использованный для экстраполяции общих закономерностей управления сложными системами, разработанных в трудах М. И. Грачева, на сферу публично-правового регулирования [3]. Исследование опирается на труды отечественных специалистов в области конституционного, административного и информационного права, а также на работы, посвященные проблемам кибербезопасности и подготовки кадров для работы в условиях цифровой трансформации [4, 5].

Внедрение цифровых технологий качественно изменяет способы взаимодействия органов власти между собой и с населением. И. В. Захаров и А. И. Режецкая отмечают, что изменение способов взаимодействия в системе «государство — общество» направлено на повышение эффективности публичного управления, вовлечение населения в принятие государственных решений, достижение консенсуса по актуальным социальным вопросам [6]. Примеры таких изменений включают внедрение платформы обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе», которая позволяет гражданам и предпринимателям напрямую взаимодействовать с органами власти, что способствует выявлению и устранению административных барьеров, снижению коррупционных рисков и, в конечном счете, укреплению экономической безопасности.

Перевод государственных и муниципальных услуг в электронную форму стал одним из наиболее заметных проявлений цифровой трансформации публичного права. Единый портал государственных и муниципальных услуг аккумулирует сегодня сотни услуг, предоставляемых в электронном виде, включая услуги для бизнеса (регистрация юридических лиц, лицензирование, налоговый учет). Это существенно упрощает доступ организаций к публичным благам, сокращает временные и административные издержки, что позитивно сказывается на деловой активности и экономической безопасности. Как отмечается в научной литературе, при непосредственной форме реализации прав личности с применением цифровых технологий необходимым условием становится цифровая грамотность личности и культура поведения в цифровом

пространстве [7]. Правоприменительная форма с учетом внедрения информационных технологий в работу органов власти существенно трансформировалась и наиболее ярко проявляется через деятельность по предоставлению государственных услуг населению.

Внедрение информационных систем позволяет автоматизировать сбор и анализ данных, выявлять нарушения дистанционно, без проведения выездных проверок. Это снижает административную нагрузку на бизнес и одновременно повышает эффективность контроля за соблюдением законодательства в сферах налогов, финансов, трудовых отношений. Однако, как подчеркивается в исследованиях, наличие четких правовых рамок по защите конфиденциальности, безопасности данных и прав граждан необходимо для упрощенной ориентации специалистов всех сфер в «ландшафте» цифрового общественного управления. Автоматизация контроля способствует выявлению теневых экономических операций, уклонения от уплаты налогов, недобросовестной конкуренции, что напрямую укрепляет экономическую безопасность. В то же время возникают риски, связанные с утечкой конфиденциальной информации и нарушением прав хозяйствующих субъектов.

Внедрение технологий электронного правосудия, включая подачу документов в электронном виде, участие в заседаниях посредством видео-конференц-связи, аудиопротоколирование, автоматизированное распределение дел, существенно меняет облик современного судопроизводства по экономическим спорам. В публикации, посвященной соблюдению баланса публичных и частных интересов при цифровизации судебной системы, обоснованно указывается, что законодателю при цифровой модернизации важно не нарушать баланс удобства для участников процесса и соблюдения базовых прав этих участников, прежде всего права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных [8]. Для экономической безопасности это означает повышение доступности правосудия для предпринимателей, ускорение разрешения хозяйственных споров, снижение коррупционных рисков в судебной системе.

Трансформация институтов публичной власти и появление новых цифровых субъектов. Д. С. Линкин-Хард, исследуя необходимость реформирования институтов публичной власти в условиях цифровизации, отмечает появление новых цифровых субъектов, изменение способов принятия решений и усиление процессов децентрализации управления [9]. К числу таких новых субъектов можно отнести цифровые

платформы, выполняющие квазигосударственные функции (например, агрегаторы «Госуслуги», платформы электронного голосования), искусственные интеллектуальные системы, участвующие в принятии управленческих решений, а также децентрализованные цифровые сообщества. Эти субъекты, не имея традиционной юридической формы, оказывают реальное влияние на экономическую сферу, и их деятельность должна быть вписана в систему обеспечения экономической безопасности.

Важнейшим аспектом трансформации публичного права выступает проблема обеспечения информационной безопасности. А. А. Нечай, исследуя формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности, обоснованно указывает, что современное правовое регулирование невозможно без учета угроз информационного характера [10]. В монографическом исследовании А. А. Нечай подчеркивает, что информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом любой юридически значимой деятельности, включая защиту экономических интересов, и эта компонента должна быть интегрирована в публично-правовые процедуры на всех стадиях [11]. Разграничение понятий кибербезопасности и информационной безопасности [12] имеет принципиальное значение для выстраивания адекватных мер защиты от экономических угроз в цифровой среде. М. И. Грачев и В. Г. Бурлов, разрабатывая математическую модель для принятия решений по противодействию киберугрозам, доказывают возможность создания формализованных алгоритмов, позволяющих прогнозировать результаты и минимизировать риски [13]. Применительно к публичному праву это означает, что использование методов математического и имитационного моделирования может существенно повысить эффективность государственного управления в сфере экономики и контроля за экономическими процессами. Исследования В. Бурлова с соавторами, посвященные веб-ориентированным моделям управления, демонстрируют, как современные информационные технологии способны оптимизировать взаимодействие участников сложных социально-экономических систем [14].

Органы внутренних дел играют ключевую роль в обеспечении экономической безопасности в условиях цифровой трансформации публичного права. На них возложены функции по выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационных технологий, по защите бюджетных средств от хищений, по противодействию коррупции в цифровой среде. Подготовка сотрудников для решения этих задач требует интеграции юридических,

технических и организационных знаний, формирования компетенций в области информационной безопасности и кибергигиены [15].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровые технологии выступают мощным фактором трансформации публичного права, затрагивающим все его основные институты, имеющие значение для экономической безопасности. Эта трансформация проявляется в изменении форм и методов деятельности органов публичной власти, способов взаимодействия государства с бизнесом, процедур оказания публичных услуг, механизмов контроля и надзора. Ключевыми вызовами, требующими правового реагирования, выступают: обеспечение информационной безопасности, защита персональных данных, предотвращение цифрового неравенства, сохранение баланса между автоматизацией и индивидуальным подходом, а также противодействие новым формам экономических преступлений в цифровой среде. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в выявлении основных направлений и характера влияния цифровых технологий на публичное право в контексте экономической безопасности. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов в законотворческой деятельности при совершенствовании законодательства о цифровизации публичного управления и в образовательном процессе при подготовке специалистов для органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Арчаков Ш. И. Перспективы цифровизации и влияния на границы частного и публичного права // Молодой ученый. 2026. № 4(607). С. 234 – 236.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

3. Грачев М. И. Имитационное моделирование процессов управления // Интеллектуальные системы в производстве. 2022. Т. 20. № 4. С. 64 – 71.

4. Нечай А. А. Формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих учителей информатики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. С. 114 – 124.

5. Нечай А. А. Формирование профессиональных компетенций будущего учителя информатики в области информационной безопасности в условиях цифровизации образования: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. 2023. 193 с.

6. Захаров И. В., Режецкая А. И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 49. № 2. С. 45 – 58.

7. Белянская О. В., Чомаев А. А. О некоторых особенностях реализации прав и свобод личности в цифровом пространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 339 – 348.

8. Соблюдение баланса публичных и частных интересов при цифровизации судебной системы // Юрист. 2025. № 4. С. 33 – 37.

9. Линкин-Хард Д. С. Необходимость реформирования институтов публичной власти и гражданского общества в условиях цифровизации // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 32 – 36.

10. Нечай А. А. Формирование профессиональной компетенции в области кибербезопасности у будущих учителей информатики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. С. 114 – 124.

11. Нечай А. А. Информационная безопасность в современном обществе. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. 84 с. ISBN 978-5-8290-2097-2.

12. Нечай А. А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сущность, содержание и отличие понятий // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 21 апреля 2020 года. Том II. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 229 – 232.

13. Грачев М. И., Бурлов В. Г. Математическая модель для принятия решений по противодействию киберугрозам в производстве // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2022. № 4(188). С. 22 – 27.

14. Burlov V., Uzun O., Faustov S. et al. Web-based power management and use model // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2021. Vol. 1258. P. 629 – 641.

15. Нечай А. А., Ничагина А. В. Формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел в области информационной безопасности на основе структурно-функциональной модели // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 4(74). С. 90 – 98.

© Соколов С. Д., 2026

EDN: UCKOIB

Соколянская Виктория Антоновна
курсант
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России
Донецк, Россия
viktoryyaasokolyanskaya07@mail.ru

Научный руководитель
Железняк Валерия Юрьевна
начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин
кандидат экономических наук, доцент,
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России,
Донецк, Россия
кандидат экономических наук
viktoryyaasokolyanskaya07@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассматривается роль человеческого капитала в обеспечении экономической безопасности. Проведен анализ и обозначены актуальные проблемы рынка труда Донецкой Народной Республики. Обоснована необходимость перехода к активной стратегии развития человеческого потенциала и конкретизированы ее основные составляющие.
Ключевые слова: экономическая безопасность, человеческий капитал, Донецкая Народная Республика, рынок труда, региональное развитие.

Проблема экономической безопасности (далее — ЭБ) относится к той категории проблем, которые никогда не утрачивают своей актуальности, т.к. система материальных потребностей современного общества (равно как и экономических систем, нацеленных на их удовлетворение) характеризуется крайне высокой динамичностью развития.

Свое влияния, несомненно, оказывают и геополитические процессы, протекающие в настоящее время, в том числе и в силу политизации мировой экономики, генерирующей дополнительную турбулентность. Признается важность проблемы ЭБ и на официальном уровне. Так, ЭБ занимает пятую позицию среди стратегических национальных приоритетов актуальной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400[1.]. При этом закономерно возникает вопрос: какие же факторы оказывают определяющее значение на уровень экономической безопасности государства, региона или иного объекта оценки? Для ответа на этот вопрос целесообразно обратиться к существующим методикам оценки этого явления.

Результаты мониторинга нормативных правовых актов позволили прийти к выводу, что основополагающим нормативным актом в этой сфере является Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период 2030 года (утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208), пунктом 27 Раздела IV которой установлен перечень, насчитывающий 40 показателей состояния экономической безопасности[2.]. В их числе представлены: коэффициент напряженности на рынке труда, доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения, доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, распределение численности занятых в экономике по уровню образования, децильный коэффициент, доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Все эти макропоказатели в той или иной мере характеризуют трудовые ресурсы. Но в XXI веке (в условиях становления информационного общества) все очевиднее становится тот факт, что особо важное значение в обеспечении ЭБ приобретают не столько количественные, сколько качественные характеристики таких ресурсов, точнее сказать, человеческий капитал, как запас знаний, способностей, навыков, физиологического и нравственного самочувствия человека как базовой единицы экономики. Его важнейшей особенностью является довольно длительный временной горизонт формирования в сравнении с накоплением физического капитала. Ведь он охватывает не только формирование человека как носителя рабочей силы, но и длительный процесс непрерывного образования (получение начального, общего, среднего и высшего образования, повышения квалификации, самообразования и т.д.). В научных кругах существует мнение, что если

накопление физического капитала, как правило, длится 1 – 5 лет, то процесс накопления человеческого капитала занимает от 12 до 20 лет. Это означает, что регион, потерявший сегодня поколение квалифицированных кадров из-за миграции, физического уничтожения или по другим причинам, обречен на экономическое отставание минимум на четверть века. Никакие инвестиции в новые станки и технологии не дадут необходимой отдачи, если их некому будет обслуживать.

И эта проблема особо актуальна для Донбасса, на долю которого за последние годы выпало немало испытаний: экономическая блокада и вооруженная агрессия со стороны Украины, статус непризнанного государства в течение 2014 – 2022 г. и, соответственно, крайне низкий уровень (на грани полного отсутствия) инвестиций в экономическое развитие. Только за 2014 г. промышленное производство в Донецкой Народной Республике (ДНР) сократилось на 59 %, строительство — на 37,5 %, более половины населения лишилось работы и доходов, оказавшись на грани гуманитарной катастрофы [3.]. Вся республика в течение 2014 – 2022 г. фактически находилась на грани выживания, пострадала не только производственная и социальная инфраструктура, был нанесен сильнейший удар по человеческому капиталу. Массовый отток населения, особенно молодежи и высококвалифицированных специалистов, стал главным вызовом для системы обеспечения экономической безопасности. При этом исторически Донбасс формировался как регион с мощнейшим индустриальным и интеллектуальным потенциалом, был, можно сказать, флагманом индустриального развития, имел широкую сеть образовательных и научной учреждений различной направленности, основную часть которых ценой неимоверных усилий все же удалось сохранить несмотря на все вызовы и невзгоды.

В настоящее время, экономика ДНР демонстрирует признаки восстановления, во многом обусловленные интеграцией в экономическое пространство Российской Федерации и восстановлением инфраструктуры. Однако этот восстановительный рост высветил новые, не менее острые проблемы в сфере человеческого капитала.

Так, на рынке труда ДНР максимально востребованными являются следующие профессии: водители автомобиля, медицинские сестры, врачи, операторы котельной, специалисты, слесари различных специализаций, инженеры, бухгалтера, инспекторы, электромонтеры по ремонту и обслуживанию электрооборудования, электрогазосварщики, фельдшеры, кондукторы, рабочие зеленого строительства, социальные

работники, повара, охранники, аппаратчики химводоочистки, уборщики, дворники, сторожа, санитарки, грузчики. Список вакансий отчетливо делится на две группы: массовые рабочие профессии, необходимые для текущего функционирования городского хозяйства и промышленности (слесари, сварщики, водители), и социально значимые специальности (врачи, медсестры, соцработники), без которых невозможно обеспечить даже базовое качество жизни. Особенно тревожным сигналом является устойчивый и высокий спрос на медицинский персонал, что прямо указывает на проблемы в системе кадрового обеспечения здравоохранения, которая сейчас работает в условиях повышенной нагрузки в силу объективных причин [4.].

Коэффициент напряженности на рынке труда ДНР находится на уровне 0,06. Формально это означает, что на 100 вакансий приходится лишь 6 официально зарегистрированных безработных. Для сравнения: в среднестатистическом российском регионе нормальным считается коэффициент 0,5 – 1,0. Однако, если по состоянию на 31 декабря 2025 г. численность граждан, состоявших на регистрационном учете в целях поиска подходящей работы, составляло 427 человек, то количество свободных рабочих мест, заявленных работодателями, достигло 25,2 тыс. единиц. Такой большой разрыв негативно отражается на экономике региона, срывает сроки выполнения различного рода работ, увеличивает нагрузку на уже работающих специалистов, что ведет к их профессиональному выгоранию и нередко становится причиной оттока высококвалифицированного персонала в другие профессии и другие регионы [4.]. Так, недостаток врачей ставит под угрозу биологическую безопасность населения, нехватка инженеров, сварщиков и других высококвалифицированных рабочих срывает восстановление жилого фонда и энергетической инфраструктуры, отсутствие педагогов разрушает образовательный контур воспроизводства будущего человеческого капитала.

Выход из сложившейся ситуации видится в формировании активной стратегии развития человеческого капитала. Что это означает на практике?

Во-первых, необходима глубокая ревизия системы профессионального образования. Программы обучения должны формироваться не абстрактно, а под конкретный перечень из самых востребованных на рынке труда. Требуется возрождение системы наставничества на производстве и института техникумов, ориентированных на нужды предприятий региона.

Во-вторых, решению проблемы дефицита определенных профессий и специальностей может поспособствовать расширение категорий по льготной ипотеке.

В-третьих, развитие человеческого капитала — это, прежде всего, работа с ценностями и мотивацией. Люди, пережившие ужасы войны и блокады, должны видеть реальные результаты своего труда и ощущать заботу государства. Программы поддержки молодых специалистов, социальные гарантии для работников бюджетной сферы, публичное признание заслуг представителей рабочих профессий — все это инструменты сохранения и приумножения человеческого капитала.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что для Донбасса развитие человеческого капитала сейчас становится не просто фактором, а основополагающим условием обеспечения ЭБ. Опираясь на уникальный опыт и трудовую этику населения, регион способен преодолеть кризис, но только при условии перехода к активной политике формирования человеческого капитала. Инвестиции в людей, с учетом долгосрочного характера их «окупаемости», сегодня — это самый надежный вклад в будущую ЭБ и процветание Донецкой Народной Республики. Без этого любые усилия по восстановлению промышленности и инфраструктуры рискуют остаться тщетными из-за простого отсутствия людей, способных эту инфраструктуру создавать, обслуживать и развивать.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru, 15.05.2017 (дата обращения: 01.03.2026).

3. Подмаркова, И. П. Стратегия экономической безопасности Донецкой народной Республики в условиях цифровизации / И. П. Подмаркова [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-donetskoy-narodnoy-respubliki-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 27.02.2026).

4. Информация о ситуации на рынке труда Донецкой Народной Республики за январь – декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // URL:

https://rcz-dnr.ru/informacziya-o-situaczii-na-ryinke-truda-01.2025-12.2025.html (дата обращения: 25.02.2026).

5. Безработица в России в 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: https://svspb.net/rossija/bezrabotica.php (дата обращения: 04.03.2026).

© Соколянская В. А., 2026

EDN: LEZTLO

Спасова Яна Дмитриевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
spasova06@mail.ru

Научный руководитель:
Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
Luda_d65@mail.ru

ЭЛАСТИЧНОСТЬ СПРОСА КАК ИНДИКАТОР УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается потенциал применения показателя ценовой эластичности спроса для раннего обнаружения угроз экономической безопасности. На основе статистических данных за 2024 – 2025 гг. проанализированы изменения в потребительском поведении населения России. Предлагается авторский коэффициент социальной уязвимости, использование которого может повысить эффективность оперативного реагирования подразделений органов внутренних дел.
Ключевые слова: экономическая безопасность, эластичность спроса, социально значимые товары, инфляция, продовольственная безопасность, коэффициент социальной уязвимости.

В период адаптации национальной экономики к внешним санкционным ограничениям и изменению макроэкономической конъюнктуры вопросы обеспечения экономической безопасности выходят на первый план. Традиционные макроэкономические индикаторы,

как правило, отражают ситуацию с определенным временным лагом, констатируя уже произошедшее снижение деловой активности или уровня жизни. В этой связи возрастает потребность в инструментарии, позволяющем диагностировать кризисные явления на ранних стадиях. Микроэкономический анализ, в частности оценка эластичности спроса, дает возможность отследить реакцию домашних хозяйств на изменение цен и выявить зоны уязвимости до того, как они перерастут в системные проблемы [1].

Актуальность выбранной темы определяется положениями Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, где в числе основных вызовов названо «снижение качества и доступности социальных благ» [2]. Цель настоящей работы заключается в выявлении взаимосвязи между изменениями ценовой эластичности спроса и уровнем угроз экономической безопасности на основе эмпирических данных, полученных в 2024 – 2025 годах.

Экономическая безопасность личности предполагает стабильную возможность удовлетворения первоочередных потребностей вне зависимости от рыночной конъюнктуры. Чем ниже эластичность спроса на товары первой необходимости, тем выше уязвимость потребителя перед лицом роста цен. Однако продолжительный период низкой эластичности в сочетании с устойчивым ростом цен приводит к истощению бюджетов домохозяйств. На определенном этапе это выражается в повышении коэффициента эластичности, что на индивидуальном уровне свидетельствует о вынужденном изменении структуры потребления, а на уровне государства — служит сигналом для реализации мер регулирующего воздействия.

По данным Федеральной службы государственной статистики, продовольственная инфляция к марту 2025 года достигла 12,4 % [3]. Однако номинальный прирост цен не дает полного представления о масштабах влияния на благосостояние. Более значимым параметром выступает структура потребления. В первом квартале 2025 года темпы роста физического объема продаж продовольственных товаров составили 4,4 %, что существенно ниже аналогичного показателя 2024 года (10,2 %) [2]. Указанная динамика позволяет предположить приближение потребительского спроса к пороговым значениям эластичности.

Для целей настоящего исследования проведена обработка статистических данных Росстата, а также сведений, полученных от операторов фискальных данных, за период с I квартала 2024 г. по I квартал

2025 г. Результаты расчетов коэффициентов эластичности представлены в таблице 1.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Зафиксирован рост эластичности по всем исследуемым группам товаров. Наиболее значительное увеличение показателя наблюдается по хлебобулочным изделиям (+57,1 %) и куриным яйцам (+51,7 %), что свидетельствует о вынужденной экономии населения на продуктах, составляющих основу потребительской корзины. Рыба и морепродукты перешли в категорию товаров с эластичным спросом (|Ed| > 1), что указывает на их снижающуюся доступность для части населения. Особого внимания заслуживает рост эластичности спроса на лекарственные средства (с 0,15 до 0,22), который может рассматриваться как индикатор начала экономии на расходах, связанных с поддержанием здоровья.

В целях формализации оценки пороговых значений предлагается использовать коэффициент социальной уязвимости (Ks), применение которого позволит органам внутренних дел оперативно оценивать уровень угрозы:

$$Ks=(\Delta P/\Delta Q) - 1$$

где **ΔP** — темп прироста цены (в %);
ΔQ — темп прироста физического объема потребления (в %).

Таблица 1. Динамика ценовой эластичности спроса на продовольствие в РФ (I кв. 2024 — I кв. 2025) [1,2,3]

Категория товаров	Коэффициент эластичности (|Ed|) I кв. 2024	Коэффициент эластичности (|Ed|) I кв. 2025	Изменение, %	Рост цен за период, %
Хлеб и хлебобулочные изделия	0,21	0,33	▲ +57,1%	14,2%
Молочная продукция	0,45	0,61	▲ +35,5%	16,8%
Овощи и фрукты	0,52	0,78	▲ +50,0%	22,5%
Рыба и морепродукты	0,83	1,14	▲ +37,3%	12,1%
Сахар и кондитерские изделия	0,38	0,52	▲ +36,8%	18,3%
Яйца куриные	0,29	0,44	▲ +51,7%	24,1%
Лекарственные средства	0,15	0,22	▲ +46,6%	19,4%

В стабильной ситуации рост цен сопровождается менее значительным сокращением потребления. Приближение значения Ks к бесконечности (что означает падение потребления более быстрыми темпами, чем рост цен) сигнализирует о достижении критического уровня угрозы экономической безопасности.

Практическая значимость применения предложенной методики заключается в возможности организации еженедельного мониторинга цен на социально значимые товары. В рамках своих полномочий Федеральная антимонопольная служба России фиксирует случаи аномального роста цен (более 5 % за неделю). Полученные данные могут быть использованы для проведения профилактической работы, направленной на снижение социальной напряженности, в том числе путем информирования населения о доступных мерах государственной поддержки.

Проведенный анализ обосновывает необходимость интеграции показателей эластичности в механизмы индикативного планирования в системе обеспечения экономической безопасности. Ключевыми сигналами для пересмотра социально-экономической политики выступают два индикатора: переход потребления рыбы в эластичную зону, а также критический рост эластичности по товарам первой необходимости. Указанные изменения прямо указывают на снижение реальных доходов населения. Внедрение коэффициента Ks в практику еженедельного отслеживания угроз на региональном уровне представляет собой конкретный шаг в решении этой задачи.

Эластичность спроса является значимым индикатором, позволяющим прогнозировать возможные угрозы экономической безопасности, поскольку она отражает степень уязвимости потребительского поведения перед изменениями цен и другими рыночными факторами. Фиксация высокой эластичности по ключевым группам товаров (продовольствие, лекарственные средства, топливо) означает, что даже незначительное повышение цен может привести к существенному сокращению объемов потребления. В условиях экономической турбулентности такая модель потребительского поведения способна инициировать цепную реакцию: сокращение выручки хозяйствующих субъектов, снижение делового оптимизма, рост безработицы и дальнейшее сжатие совокупного спроса, что в совокупности создает угрозу макроэкономической стабильности.

Наибольшую опасность представляет ситуация, когда высокая чувствительность спроса накладывается на ограниченные возможности

импортозамещения или критическую зависимость от единственного иностранного поставщика. В этом случае внешние шоки (санкционное давление, волатильность валютного курса, перебои в цепочках поставок) быстро трансформируются во внутренние диспропорции. Например, эластичность спроса на энергоресурсы определяет, насколько болезненно промышленность и население отреагируют на повышение тарифов: высокая эластичность означает, что удорожание энергии неизбежно снизит деловую активность и уровень потребления.

Регулярный мониторинг различных видов эластичности (ценовой, по доходу, перекрестной) предоставляет следующие возможности:

1. Оперативное выявление наиболее уязвимых секторов экономики, что позволяет сконцентрировать ресурсы государственного регулирования именно там, где они необходимы в первую очередь, предотвращая распространение сбоев на смежные отрасли;

2. Прогнозирование потенциальных рисков до их масштабного проявления, что дает возможность заблаговременно оценить масштаб вероятных проблем и подготовить необходимые меры реагирования;

3. Своевременная корректировка мер государственного воздействия — от адресных субсидий и ценового контроля до программ развития конкуренции — что способствует снижению нагрузки на бюджет и повышению устойчивости рынка;

4. Выстраивание превентивной защиты национальной экономической системы от дестабилизирующих факторов путем блокирования их источников с опорой на объективные экономические индикаторы, включая показатели эластичности спроса.

Таким образом, включение показателей эластичности спроса в систему мониторинга экономической безопасности является не просто оправданным, но и необходимым шагом. Это позволяет осуществить переход от реактивного реагирования на уже возникшие кризисные явления к проактивному управлению рисками на основе точных количественных данных и комплексного анализа рыночных закономерностей.

Список литературы:

1. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Лаборатория знаний, 2020. — 818 с.

2. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации

на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2902.

3. Индексы потребительских цен на товары и услуги в 2025 году [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 28.02.2026).

4. Каранина Е. В. Экономическая безопасность: учебник / Е. В. Каранина. — Санкт-Петербург: Лань, 2022. — 448 с.

© Спасова Я. Д., 2026

EDN: INUSQK

Тимофеев Максим Александрович
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
mahsutka256@mail.ru

Научный руководитель:
Дончевская Людмила Владимировна
заместитель начальника кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
Luda_d65@mail.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ

Аннотация. В работе системно исследуется роль органов внутренних дел как субъекта обеспечения экономической безопасности в условиях роста государственного долга. На основе модели Солоу установлена связь между долговой нагрузкой и криминализацией общества. Обоснована деятельность ОВД по защите бюджетных средств и профилактике преступлений.
Ключевые слова: государственный долг, экономическая безопасность, органы внутренних дел, криминализация общества, бюджетные средства.

Согласно стратегии экономической безопасности Российской Федерации, на период до 2030 года одной из приоритетных целей является повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз [1]. Устойчивость экономического развития напрямую зависит от динамики государственного внутреннего

и внешнего долга, будь то повышение или понижение его уровня. Если прослеживается явная тенденция на понижение госдолга, то происходит процесс укрепления экономики, путём снижения долговой зависимости от иностранных кредитов, а также сокращение расходов в бюджете Российской Федерации, что будет означать дополнительное финансирование других секторов национальной экономики, в том числе социальной сферы. Если же прослеживается тренд на повышения уровня госдолга, то это означает, что государству не хватает доходов для финансирования государственных проектов. При долгосрочной тенденции это будет означать повышение уровня инфляции и возможный дефолт, что критически отразится на каждой сфере государственного устройства, благодаря чему это приведет к значительному увеличению криминальных проявлений в стране.

Рассмотрим данный тезис через призму учёного-экономиста Олькова С. Г., который объясняет прямую зависимость преступности, инфляции и безработицы через экономико-математическую модель Солоу. Согласно данного подхода, с ростом безработицы снижается уровень ВВП. ВВП — один из ключевых показателей, который напрямую относится к госдолгу. Чем меньше уровень ВВП, тем меньше уровень потребления среди населения, а, следовательно, и рост преступности пропорционально возрастает [2]. Модель Солоу предполагает экзогенную норму сбережения, рост долга не компенсируется ожиданием будущих налогов, а напрямую сокращает инвестиции в основной капитал. Сокращение инвестиций влечет последствие в виде снижения производственного потенциала страны. Высокий долг сужает пространство для маневра: даже если потребуются инвестиции, которые в модели Солоу являются единственным источником долгосрочного роста, ресурсов на них может не хватить. Резкий и длительный рост госдолга в логике модели Солоу ведет к спаду будущего благосостояния через сокращение текущих инвестиций в капитал, что снижает потенциал экономического роста и увеличивает зависимость от обслуживания долга.

Для объективной оценки влияния государственного долга на социально-экономическую ситуацию необходимо обратиться к фактическим данным. Представленная ниже таблица обобщает ключевые показатели государственного долга и связанные с ними макроэкономические параметры за период с 2019 по 2026 год (см. таблицу 1):

Таблица 1. Ключевые показатели государственного долга и связанные с ними макроэкономические параметры за период с 2019 по 2026 год [3]

Год	Государственный долг (% от ВВП) (общий / федеральный)	Объем федерального долга (трлн руб)	Дефицит/ Профицит бюджета (% от ВВП)	Ключевые события и тенденции
2019	15%	16,2	Профицит 1,8%	Низкий уровень долга, устойчивый профицит бюджета.
2020	17,8%	18,99	Дефицит 3.8%	Рост долга и дефицита из-за пандемии COVID-19 и поддержки экономики.
2021	18,1%	20,8	Профицит 0.4%	Восстановление экономики, небольшой профицит.
2022	17,1%	22,82	Дефицит 2.1%	Начало СВО, санкционное давление, рост расходов, дефицит бюджета.
2023	15%	25,6	Дефицит 1.8%	Адаптация экономики к санкциям, сохранение дефицита.
2024	14,5%	29,7	Дефицит 1,7%	Рост долга, планируемое снижение дефицита
2025	16,1%	35,4	Дефицит 2,6%	Высокий дефицит бюджета, крупные заимствования под высокий процент.

На основе данных таблицы 1, можно сделать вывод о том, что государственный уровень долга имел две волны роста. В первой волне с 2019 по 2021 г.г., в среднем, государственный долг поднимался на 1 % в год, где пик пришелся на переход с 2019 на 2021 г.г. и составил 2,8 %. Во второй волне с 2022 по 2025 г.г. произошла коррекция, при которой государство смогло мобилизовать свободные денежные фонды для дополнительного обеспечения государственного долга, тем самым понижая его уровень с 2022 до 2024 г.г., но вместе с тем произошел и рост с 2024 на 2025 г.г. и составил 1,6 %, что меньше данных на предыдущий период. Глава Минфина А. Г. Силуанов отмечал, что если в 2019 году на обслуживание долга уходило 3,6 % доходов бюджета, то к 2026 году этот показатель может приблизиться к 10 %, что является «много» для российской экономики [4]. Причиной тому служат высокие процентные ставки по заимствованиям (например, ОФЗ размещались под 13,4 %). Так же стоит упомянуть тренд на повышение долга: с 2019 года наблюдается устойчивая

тенденция к росту уровня государственного долга по отношению к ВВП. Это подтверждает тезис о возрастающей долговой нагрузке на экономику от ЦБ [5].

Данные статистики и оценки Министерства финансов наглядно демонстрируют, что даже при формально невысоком относительном уровне государственного долга ключевое значение для экономической безопасности приобретает не столько сам его размер, сколько динамика долговой нагрузки и стоимость его обслуживания. Рост процентных расходов бюджета и устойчивый тренд на увеличение долга по отношению к ВВП создают предпосылки для макроэкономической нестабильности, что делает необходимым обращение к документам стратегического планирования. В виду постепенного роста перечисленных выше рисков, встает вопрос о значимости роли государственных институтов, обеспечивающих защиту национальных интересов страны.

Продолжая анализ взаимосвязи государственного долга, макроэкономической стабильности и социальной напряженности, необходимо обратить внимание на роль органов внутренних дел в системе обеспечения экономической безопасности по обеспечению государственного долга. Повышение уровня госдолга, как было отмечено ранее, запускает цепную реакцию: спад инвестиций; падение ВВП; рост безработицы, инфляции; криминализация общества деятельность ОВД становится критически важным элементом сдерживания этих деструктивных процессов. В данных условиях ОВД выполняют функцию «фильтра». В рамках их полномочий происходит:

— пресечение хищений бюджетных средств, выделяемых в рамках антикризисных программ и национальных проектов;

— выявление фактов мошенничества при выполнении госзаказов и тендеров, финансируемых за счет заемных средств;

— противодействие коррупции в органах власти, принимающих решения о распределении бюджетных ресурсов, что напрямую снижает риски неэффективного управления долгом.

Выявления и пресечения деятельности теневых предприятий, незаконного обналичивания денежных средств, которые могли бы быть инвестированы в основной капитал (например, разработка и подписание в 2025 году Федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации», который официально запретил и ввел санкции за попытки совершения такого рода обналичивания).

Борьбы с рейдерскими захватами и криминальным переделом собственности, которые усиливаются в периоды экономической нестабильности.

Противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, что особенно актуально при оттоке капитала, спровоцированном долговыми проблемами.

На фоне экономически деструктивных процессов, стоит отметить и рост общеуголовных преступлений. ОВД проводят определенные мероприятия по профилактике таких преступлений, например:

— усиление патрульно-постовой службы в депрессивных регионах и населенных пунктах с высоким уровнем безработицы;

— работа с социально незащищенными слоями населения, мигрантами, лицами, потерявшими работу, с целью снижения риска их перехода в теневой сектор экономики;

— сдерживание бытовой преступности, которая, согласно криминологии, обостряется на фоне стресса, вызванного финансовыми трудностями.

Реализация профилактической работы ОВД в условиях экономического падения напрямую зависит от степени взаимодействия с различными органами профилактической направленности, что отражено в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в котором определено взаимодействие ОВД с центрами занятости населения, органами социальной защиты и образовательными учреждениями. Особую роль в ОВД в условиях резкого ухудшения экономического состояния на фоне увеличения государственного долга, играют органы экономической безопасности ЭБиПК МВД России, например:

1. Борьба с фальшивомонетничеством. В 2025 году в банковской системе Северо-Запада на 26% снизилось число поддельных банкнот и монет Банка России, заметнее всего в Новгородской, Мурманской и Псковской областях. Всего в регионе обнаружены 923 поддельные банкноты и монеты. При этом снизилось число подделок самых распространенных номиналов: 5000 рублей — на 22% и 1000 рублей — на 34% [6].

2. Противодействие мошенничествам в кредитно-финансовой сфере. В январе — июне 2025 года Банк России выявил 4183 субъекта (компаний, проектов, индивидуальных предпринимателей и др.) с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками

финансовых пирамид. Это почти на 20% больше, чем за аналогичный период прошлого года, но на 24% меньше по сравнению со вторым полугодием 2024 года [7].

3. Защита бюджетных средств в условиях дефицита бюджета (который, как показано в таблице, фиксируется с 2022 года) каждое хищение становится критичным. Работа ОВД по выявлению коррупционных схем при распределении субсидий, грантов и государственных закупок напрямую способствует снижению долговой нагрузки, предотвращая нецелевое использование заемных средств. Одним из примеров стал случай из Мурома: «Прокуратурой Владимирской области установлено, что в декабре 2018 года один из руководителей ФГАУ «Ресурсный Молодежный Центр» (до 2015 года — ФГБУ «Международный детский центр») с целью хищения бюджетных денежных средств, выделяемых в рамках Всероссийского конкурса молодежных проектов, организовал преступное сообщество. Согласно разработанному им плану, денежные средства планировалось похищать путем оформления фиктивных грантов в рамках молодежных конкурсов» [8].

Таким образом, роль органов внутренних дел выходит далеко за рамки традиционной правоохранительной функции. ОВД становятся ключевым инструментом государства по сдерживанию деструктивных процессов, вызванных макроэкономической нестабильностью. Их деятельность по защите бюджетных средств от хищений, борьбе с теневой экономикой, профилактике преступлений на почве безработицы и бедности, а также по поддержанию общественного порядка в «группах риска», является критически важным условием для сохранения управляемости социально-экономической системы.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.

2. Ольков С. Г. Связь преступности с инфляцией, безработицей, ставкой налогообложения и экономическим ростом // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 3-1.

3. Таблицы ежемесячных значений объема государственного внутреннего долга Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/2q_3q_2025/ (дата обращения: 04.03.2026).

4. Антон Силуанов: Дополнительные деньги бюджету нужны [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/internal/structure?id_4=93479-tablitsy_ezhemesyachnykh_znachenii_obema_gosudarstvennogo_vnutrennego_dolga_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 04.03.2026).

5. Обзор финансовой стабильности [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/2q_3q_2025/ (дата обращения: 04.03.2026).

6. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области на четверть снизилось количество поддельных банкнот и монет [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/press/regevent/?id=65338 (дата обращения: 04.03.2026).

7. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_1/ (дата обращения: 04.03.2026).

8. Прокуратура Владимирской области [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_33/mass-media/news/main/e6340478/ (дата обращения: 04.03.2026).

© Тимофеев М. А., 2026

EDN: ITDRPO

Топорина Юлия Александровна
курсант
Омская ордена Почета академия МВД России
Омск, Россия
iutoporina@yandex.com

Научный руководитель:
Черногор Ирина Александровна
доцент кафедры
экономической теории и финансового права
Омская ордена Почета академия МВД России
Омск, Россия
кандидат экономических наук
iren_cha@mail.ru

ФИКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВУЮЩИЕ СУБЪЕКТЫ («ФИРМЫ-ОДНОДНЕВКИ» И «ФИРМЫ-ПРОВОДНИКИ») В СИСТЕМЕ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. статья посвящена анализу угроз экономической безопасности, исходящих от деятельности «фирм-однодневок» и «фирм-проводников». Рассматривается эволюция данных институтов: от краткосрочных схем 90-х годов до современных технических компаний, формально соблюдающих налоговую отчетность. На основе анализа научной литературы и нормативных актов уточняется понятийный аппарат, выделяются ключевые признаки фиктивных структур. Систематизируются основные каналы деструктивного воздействия на экономику: сокращение бюджетных доходов, легализация преступных доходов, вывод капитала за рубеж и рост предпринимательских рисков. Автором предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования и цифровой инфраструктуры для противодействия деятельности фиктивных хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: современность, «фирмы-однодневки», «фирмы-проводники», экономическая безопасность, криминализация экономики, личность, общество, государство.

В современных условиях, а именно в условиях напряженной геополитической и экономической обстановки, обеспечение экономической безопасности как основной элементов национальной безопасности государства является актуальным. Исключительно в рамках системы, призванной гарантировать экономическую стабильность, формируются предпосылки и инструментарий для нейтрализации угроз, включая те, что исходят от теневого сектора экономики.

Сегодня рост теневой экономики представлен в совершенно новом обличье, порождающем целую криминальную экосистему, где ключевую роль в теневом процессе играют «фирмы-однодневки» и «фирмы-проводники», ставшие настоящим эффективным инструментом для криминального бизнеса, размывающего прозрачность рыночных отношений и подрывающего их добросовестность. Ежегодно бюджет государства теряет миллионы рублей вследствие мошеннических схем, применяемых «фирмами-однодневками» и «фирмами-проводниками», что оказывает негативное воздействие на экономическое развитие страны. И это не просто цифры, согласно заявлению министра финансов Антона Силуанова, озвученному в ноябре 2025 года, доля неформального (теневого) сектора экономики в России оценивается примерно в 10 – 12 % ВВП.

В 90-х годах, фирмы-однодневки были созданы как инструмент для совершения мошеннических действий. Их регистрация осуществлялась на фиктивных лиц, с использованием поддельных или утерянных документов. Такие компании игнорировали подачу отчетности в налоговые органы и оперативно прекращали свою деятельность, что и обусловило их название — «однодневки», поскольку их существование в среднем не превышало одного месяца. Однако со временем портрет таких компаний изменился. В настоящее время такие фирмы могут существовать на протяжении 1 – 2 лет, они формально соблюдают налоговую отчетность и имеют номинальных учредителей и директоров. При этом важно акцентировать внимание на трансформировании целей деятельности таких организаций. На сегодняшний день их в основном используют для ухода от налогов, незаконного присвоения бюджетных средств, а также для отмывания и обналичивания значительных денежных сумм, для чего и создаются «фирмы-проводники».

На сегодняшний день не существует единого этимологического понятия «фирма-однодневка». В литературе можно встретить такие выражения, как «фирма-прокладка», «формально-легитимная организация», «юридические лица, контролируемые в первую очередь». По мнению некоторых авторов, эти выражения синонимично можно отнести к «фирмам-однодневкам» [1].

В настоящее время ни один федеральный закон не содержит понятия «фирма-однодневка». Однако некоторую отсылку можно встретить в следующих нормативных документах:

1. Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок»;

2. Письмо ФНС РФ от 11.02.2010 № 3-7-07/84 «О рассмотрении обращения»;

3. Письмо ФНС РФ от 03.08.2016 № ГД-4-14/14126@ «О проведении работы в отношении юридических лиц, зарегистрированных после 1 августа 2016 года и имеющих признаки недостоверности»;

4. Письмо ФНС РФ от 24.06.2016 № ЕД-19-15/104;

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

В научной литературе понятие «фирма-однодневка» интерпретируется так:

6. И. Н. Соловьёв считает считает, что: «фирма-однодневка» — созданная формально в соответствии с законодательством о государственной регистрации юридических лиц организацию, используемая в качестве средства для совершения и (или) сокрытия следов правонарушений и преступлений и обладающую признаками, затрудняющими идентификацию физических лиц, в действительности причастных к ее учреждению и руководству финансово-хозяйственной деятельности и бухгалтерским учетам» [2, с.16].

7. А. В. Гришин отмечает: «фирма-однодневка» — юридическое лицо, которое участвует в схемах уклонения от уплаты налогов» [3, с. 53]. Следует отметить, что, по нашему мнению, такой узкий подход не отображает в полной мере все цели деятельности данных организаций.

8. О. Попутаровский считает, что: «фирма-однодневка» — это юридическое лицо, которое создается без цели ведения реальной

экономической, производственной, хозяйственной деятельности, а только с целью создания видимости такой деятельности» [4, с. 38].

Аккумулируя вышеописанные дефиниции, мы приходим к выводу о том, что «фирма-однодневка» — это фиктивная организация, созданная без намерения ведения экономической деятельности, истинным предназначением которой является участие в незаконных операциях. Подобными актами организации имитируют законность своего существования, тем самым создавая угрозу экономической безопасности личности, общества и государства. В свою очередь, «фирмы-проводники» — это более запутанные схемы, которые могут выглядеть как настоящие компании, но на самом деле их истинная цель деятельности — посредничество операций.

В науке и практике можно встретить объединяющее понятие — это техническая компания. Разберемся и в данном термине также.

«Техническая» компания (также часто называемая подставной компанией, фирмой-прокладкой или, в более широком смысле, частью понятия «фирма-однодневка») — это юридическое лицо, которое не ведет самостоятельной финансово-хозяйственной деятельности, не имеет реальных активов, управленческого персонала и фактического местонахождения.

Так, основная функция «технической» компании заключается в обслуживании интересов третьих лиц (бенефициаров) путем формального участия в цепочках поставок, финансовых операциях или владении активами.

Основная компания (бенефициар) заключает договор на оказание консультационных услуг с технической компанией. Деньги перечисляются на счет «технической» компании. «Техническая» компания, не имея сотрудников и офиса, обналичивает эти средства через счета физических лиц и возвращает их бенефициару в виде кэша, удерживая комиссию. При этом основная компания формально имеет право включить эти затраты в расходы, уменьшая налогооблагаемую прибыль».

Обеспечение экономической безопасности — это вызов, с которым сталкивается большинство государств. Фундаментальной их задачей является именно гарантирование экономической безопасности, поскольку принимаемые меры должны способствовать не только устойчивому экономическому прогрессу и удовлетворению базовых потребностей граждан, но и формированию эффективной системы регулирования общественных отношений, а также надёжной защите экономических интересов,

как внутри страны, так и за её пределами. Несмотря на то, что подходы к решению этой проблемы варьируются от государства к государству, общепризнанной остаётся необходимость комплексных действий.

Деятельность «фирм-однодневок» создает системные угрозы экономической безопасности, что выражается в следующих аспектах:

1. «Фирмы-однодневки» способствуют оттоку реального капитала из страны.

2. Снижение инвестиционной привлекательности национальной экономики.

3. Дестабилизация бюджетной системы и недополучение запланированных доходов в бюджет.

4. Возрастание предпринимательских рисков вследствие недобросовестной конкуренции.

5. Рост криминализации экономических отношений.

Использование рассматриваемых схем деструктивно воздействует на экономическую систему, что выражается в следующих аспектах:

1. Сокращение доходной части бюджета в результате налоговых правонарушений.

2. Неправомерное возмещение налога на добавленную стоимость: посредством формирования фиктивных цепочек хозяйственных операций субъекты экономики инициируют необоснованное возмещение НДС из бюджета, что квалифицируется как хищение бюджетных средств.

3. Занижение налоговой базы по налогу на прибыль: включение в состав расходов документально неподтвержденных и экономически необоснованных затрат (приобретение фиктивных работ или услуг у подконтрольных структур) хозяйствующие субъекты искусственно уменьшают свои налоговые обязательства.

4. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и вывод средств из легального оборота. Трансформация безналичных денежных средств, принадлежащих юридическим лицам, в наличность, не учитываемую в официальном обороте, создает основу для существования теневой экономики. Данный механизм обеспечивает финансовую базу для выплаты неформальной оплаты труда («заработной платы в конвертах»), коррупционных правонарушений, а также служит источником финансирования иных видов противоправной деятельности.

5. Трансграничное перемещение капитала (отток финансовых ресурсов за рубеж).

6. При помощи специализированных подконтрольных структур (фирм-проводников) осуществляется нелегальный вывод валютных средств за пределы национальной юрисдикции. Наиболее распространенными способами являются заключение фиктивных внешнеторговых контрактов (в частности, на поставку товаров) либо оплата неоказанных услуг (консультационных, маркетинговых, IT-услуг), что позволяет маскировать вывоз капитала под легальные трансакции.

Для эффективной борьбы с теневым рынком, ведущими экономистами предлагается использовать принцип: бизнесу должно быть выгоднее платить налоги, чем использовать схемы уклонения от их уплаты. Тогда размер налога не должен приводить к существенному изменению финансового состояния фирмы в результате их полной уплаты. В поиске этой золотой середины заключается искусство государственной политики в целях обеспечения экономической безопасности [5, с. 4].

Нами предлагаются следующие меры борьбы с «фирмами-однодневками»:

1. Необходимо внедрить механизмы, препятствующие лицам (как физическим, так и юридическим) массово создавать компании с единоличным исполнительным органом, склонным к злоупотреблению своими полномочиями.

2. Следует закрепить уголовную ответственность за создание и функционирование схем по отмыванию денежных средств, а также за создание и эксплуатацию «обнальных площадок».

3. Возложить ответственность на номинальных директоров, оформивших на себя фиктивные организации.

4. Создать в России централизованный государственный реестр всех удостоверяющих личность документов (включая недействительные и утерянные) для облегчения проверки налоговыми органами.

5. Разработать процедуры для фиксации участия ответственных лиц в процессе регистрации фирм, чтобы установить их вину в случае ущерба от деятельности однодневки.

6. Проверять фирмы на предмет их аффилированности.

7. Исключить создание технических компаний.

Изучение таких участников экономики, как «фирмы-однодневки» и «фирмы-проводники» позволило выявить, что эти образования не являются единичными случаями противоправных деяний, а наоборот, служат системной угрозой для экономической безопасности каждой отдельной личности, общества и государства.

Фирмы-однодневки и их посредники формируют фундаментальную инфраструктуру, необходимую для осуществления разнообразных экономических преступлений. К ним относятся уклонение от налогообложения, а также легализация (отмывание) незаконно полученных средств, обналичивание денежных средств и хищение государственных активов через коррупционные механизмы.

Ввиду чего воздействие данных организаций на экономическую безопасность многогранно и проявляется в следующих ключевых областях:

1. Ослабление поступлений в бюджет и нарушение стабильности налогообложения.

2. Усиление коррупционных проявлений и сращивание криминальных элементов с государственными структурами.

3. Деформация принципов честной конкуренции вследствие предоставления теневому бизнесу необоснованных ценовых преимуществ перед легальным сектором.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо констатировать, что одним из важных условий перехода к модели устойчивого экономического роста выступает нейтрализация деструктивного влияния фиктивных хозяйствующих субъектов («фирм-однодневок», «фирм-проводников») на экономическую систему. Обеспечение защищенности национальных экономических интересов детерминирует необходимость формирования интегрированной цифровой и правовой инфраструктуры, функционал которой направлен на исключение самой возможности осуществления анонимных финансовых транзакций и их использования в деятельности технических (подставных) компаний. Внедрение указанных мер представляется необходимым условием для минимизации угроз от влияния «фирмами-однодневками», «фирмами-проводниками» на экономическую безопасность.

Список литературы:

1. Грачева, Е. Ю. Налоговая ответственность. Учебное пособие / Е. Ю. Грачева, Л. Л. Арзуманова, Н. М. Артемов. — Проспект. — 2018. — 144 с.

2. Соловьёв И. Н. Опасные финансовые схемы: фирмы — однодневки. М., Проспект, 2012. — 88 с.

3. Гришин А. В. Роль «фирм-однодневок» в экономике и налоговой системе России и способы Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) # 4 (13), 2015 | Экономические науки 67 борьбы с ними //Международная научно-практическая конференция «Проблемы противодействия уклонению

от уплаты налогов на современном этапе развития российской налоговой системы» (20 – 21 сентября 2012 г., Иркутск), — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. — 298 с./ А. В. Гришин, — С. 53 – 58.

4. Попутаровский О. Опасность использования фирмы — однодневки//Налоги и налоговое планирование, 2012, № 4. — С. 38.

5. Лапук Р. А. Фирмы-однодневки как угроза экономической безопасности государства // Экономика и социум. 2019. № 5 (60) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/firmy-odnodnevki-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva (дата обращения: 04.03.2026).

© *Топорина Ю. А., 2026.*

EDN: EKTJNT

Ушакова Ангелина Александровна
курсант
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия
lina.aleksandrovna03@internet.ru

Научный руководитель:
Чиканова Елена Сергеевна,
профессор кафедры тылового обеспечения
и финансового контроля органов внутренних дел
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия
кандидат экономических наук, доцент
echikanova@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию ключевых вызовов, с которыми сталкивается налоговая система Российской Федерации в условиях современных геополитических и экономических реалий, и их влиянию на обеспечение национальной безопасности. Проведен анализ таких проблем, как рост теневого сектора экономики, цифровизация финансовых потоков, а также международные санкционные ограничения.
Ключевые слова: налоговая система России, экономическая безопасность, национальная безопасность, налоговая политика, государственный бюджет, налоговые поступления, система налогообложения.

Национальная безопасность Российской Федерации подразумевает под собой защищенность страны, ее граждан и территории от различных угроз, в том числе обеспечение потенциала развития России

на длительный срок. К числу важнейших национальных приоритетов необходимо отнести обеспечение экономической безопасности, так как это является гарантией независимости страны, а также условием стабильности и эффективной жизнедеятельности общества. Налоговые поступления — это главный источник дохода государственного бюджета, обеспечивающий важные и законодательно установленные потребности, которые позволяют функционировать государству. Можем заметить, что налоговое законодательство имеет частые изменения. Это связано с тем, что государство старается противостоять вызовам для налоговой системы и разработать такие условия, в которых будет выгодно, как ему, так и гражданам, в целях обеспечения национальной безопасности страны.

К основным вызовам для налоговой системы России следует отнести то, что мешает собирать налоги эффективно и создает риски для экономики. Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации, на период разработанной до 2030 года [3] основными вызовами экономической безопасности являются:

1. Уязвимость финансовой системы РФ по отношению к глобальным рискам;

2. Несбалансированность национальной бюджетной системы;

3. Недостаточно эффективное государственное управление;

4. Усиление дифференциации населения по уровню доходов;

5. Неравномерность пространственного развития Российской Федерации.

Что касается, глобальных рисков, влияющих на экономику и непосредственно на налоговые поступления важно рассмотреть:

1. Санкционное давление со стороны западных стран. Данные ограничения затрудняют доступ российских компаний к международному рынку, что значительно влияет на доходы государственного бюджета и если раньше экономика в большей степени финансировалась за счет иностранных источников, то в условиях санкций главным источником пополнения государственного бюджета стал внутренний рынок. Например, для финансовой стабильности, а также компенсации бюджетных потерь в 2025 году были повышены ставки налога на прибыль с 20% до 25%. Также было принято решение о повышении ставки акциз на этиловый спирт на 15% — с 643 до 740 рублей.

2. Глобальные налоговые инициативы, а именно внедрение Глобального минимального корпоративного налога (Pillar Two — комплексная международная инициатива под руководством организации

экономического сотрудничества и развития, целью которой является установлении глобальной эффективной ставки налога на прибыль крупных транснациональных корпораций в размере 15%, чтобы предотвратить налоговую конкуренцию между юрисдикциями стран). Из «Основных направлений налоговой политики на 2024 – 2026 годы» [4] следует, что будет проведена оценка необходимости его введения. Это также является вызовом для налоговой системы России в настоящее время, так как независимо от участия в такой реформе российские группы все равно попадут под ее влияние в других странах. Несмотря на то, что номинальная ставка налога на прибыль в России выше установленной Pillar Two, в стране присутствуют льготные ставки, поэтому может возникнуть утечка российской налоговой базы в иностранные юрисдикции. В настоящее время данное внедрение все еще остается актуальным вопросом. Министерство финансов совместно с Федеральной налоговой службой пытается разработать такой механизм в российском законодательстве, чтобы данный налог все-таки доплачивался в России.

К ряду ключевых внутренних вызовов, с которыми сталкивается налоговая система России относятся:

Теневая экономика. По данным Всемирного банка теневая экономика России составляет 39 % в 2024 году. Уклонение от налогов лишает бюджет средств, необходимых для социальных программ, оборонных расходов и иных необходимых для обеспечения национальной безопасности страны средств. На данный момент цифровизация Федеральной налоговой службы помогает сократить потери, однако все равно не решает проблему полностью. Например, сегодня прилагаются большие усилия по налаживанию взаимодействия маркетплейсов и ФНС в рамках налогового режима для малого бизнеса «Автоматизированная упрощённая система налогообложения» (автоУСН). С этого года еще 47 регионов Российской Федерации были присоединены к эксперименту по внедрению автоУСН. Основной причиной разработки данной программы является дробление бизнеса (стратегия минимизации налогов, приводя к потерям бюджета и нарушению принципов справедливой конкуренции) на электронных торговых площадках, что приводит к еще одному серьезному вызову для налогообложения России.

Внедрение электронных сервисов повышает эффективность, например, ФНС предоставляет возможность бесплатно предоставить налоговую и бухгалтерскую отчетность в электронной форме, но данная возможность все еще доступна не всем регионам, в силу раннее

упомянутого в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации, на период разработанной до 2030 года вызова — неравномерности пространственного развития. К рискам в условиях цифровизации можно отнести возможность утечки данных, либо сбои в системах, которые могут подорвать доверие к государству.

Усиление дифференциации населения по уровню доходов. Социальное неравенство вызывают недовольства граждан насчет несправедливости налогообложения. В пределах налоговой революции 2025 года были внесены наиболее значительные изменения в положения по НДФЛ [2], теперь установлена новая прогрессивная шкала ставок и увеличены размеры стандартных вычетов, однако пока неизвестно как сработает данная налоговая политика.

С учетом таких явлений как инфляция и индексация также были скорректированы налоговые вычеты и льготы. Таким образом, в рамках налоговой политики было принято решение об изменении стандартных вычетов на детей. Увеличены размеры следующих вычетов [2]:

— на второго ребенка с 1400 руб. на 2800 руб. в месяц;

— на третьего ребенка и каждого последующего с 3000 руб. на 6000 руб. в месяц;

— на ребенка-инвалида, находящегося на обеспечении опекуна, попечителя, приемного родителя, супруга (супруги) приемного родителя с 6000 руб. на 12 000 руб. в месяц.

С 2025 года граждане могут оформить налоговый вычет за сдачу нормативов ГТО в размере 18 000 руб. Получить социальные вычеты теперь можно получить в упрощённом порядке.

Недостаточно эффективное государственное управление отражается в нестабильности законодательства. Частые изменения в Налоговом кодексе создают неопределенность для бизнеса, тем самым тормозя инвестиции. Помимо этого, стоит уделить внимание тому, что российское законодательство не является совершенным, ведь до сих пор отсутствует адаптация налогового законодательства к цифровой реальности, например, неопределенность подхода к регулированию искусственного интеллекта и криптовалют, что влечет за собой потерю доходов бюджета с данных сфер современного развития.

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что современные вызовы, стоящие перед налоговой системой России, тесно связаны с задачами обеспечения национальной безопасности. К ключевым внешним рискам относятся санкционное давление и глобальные изменения

в налоговой сфере. Помимо внешних факторов существует еще множество таких явлений как инфляция, теневая экономика, дробление бизнеса, цифровизация и иные внутренние риски для налоговой системы требующих внимания. Для минимизации этих угроз необходимо совершенствовать налоговое законодательство, адаптироваться под условия цифровизации, обеспечивая сбалансированность налоговой нагрузки. Успешная трансформация налоговой системы в контексте национальной безопасности невозможна без гибкого регулирования. Только так Россия сможет сохранить экономический суверенитет, устойчивость бюджета и социальную стабильность. В 2025 году уже была разработана новая налоговая политика, которая нацелена на сбалансированность, справедливость и стабильность налоговой системы. Однако о ее результатах можно будет говорить только спустя время.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ и часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ.

2. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

3. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

4. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (утв. Минфином России).

5. Голоухова Ю. А. Роль налоговых рисков в процессе обеспечения финансовой безопасности государства: теоретические аспекты // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 10-1 (116). С. 122 – 125.

6. Левшукова О. А., Генкель А. С., Бортникова М. А., Варченя А. В. Налоги как фактор обеспечения экономической безопасности страны // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). С. 470 – 475.

7. Левшукова О. А., Кириллова М. А., Мостовая А. С., Царькова Д. В. Необходимость обеспечения экономической безопасности российской федерации в налоговой сфере // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5 (55). С. 441 – 444.

8. Молчанов И. К. Налоговая безопасность в современной России: сущность и перспективы развития // Инновационная наука. 2023. № 6-2. С. 86 – 90.

9. Садыков Т. Г., Аяд Хамис А. Б.Ю. Налоговая политика — основа экономической безопасности страны // Материалы 48-й Всероссийской научно-технической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов с международным участием. 2021. С. 1153 – 1159.

© *Ушакова А. А., 2026*

EDN: DDIQQE

Файзуллин Алмаз Ильдарович
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
afajzullin822@gmail.com

Научный руководитель
Шутова Юлия Александровна
старший преподаватель кафедры уголовного права
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук
yulya.shiganvoa.96@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДРОППЕРОВ, КАК ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159 УК РФ, НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В данной статье был рассмотрен пример внедрения лица в преступную цепочку, направленную на совершение мошеннических действий с помощью информационных телекоммуникационных средств. А также вопросы профилактики данных преступлений, предложены меры усовершенствование профилактической деятельности в данной сфере.
Ключевые слова: мошенничество; дроппер; профилактика преступлений.

Мошенничество занимает весомое место в структуре преступности Российской Федерации по состоянию на январь-декабрь 2025 года — 23,25 %. Кроме того, из 675372 преступлений совершенных с использованием средств массовой информации (далее — СМИ),

информационно-телекоммуникационных сетей (далее ИТС), в том числе сети Интернет, 348035 являются мошенничеством, что составляет 49,62 %, прирост к которым составляет 1,91 %, Также, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, в 2025 году всего было зарегистрировано 411714 мошенничеств, 348035 из которых было совершено с использованием СМИ, ИТС, в том числе сети Интернет, что составляет 84,53 % от общего количества зарегистрированных мошенничеств[1]. Обозначенное свидетельствует о том, что мошенничество на данном этапе трансформировалось из контактных (классический) форм, в бесконтактные (современные формы), поэтому необходимо своевременно исследовать новые способы совершения мошенничества в целях своевременной реакции на обозначенный преступные вызовы (см. рисунок 1).

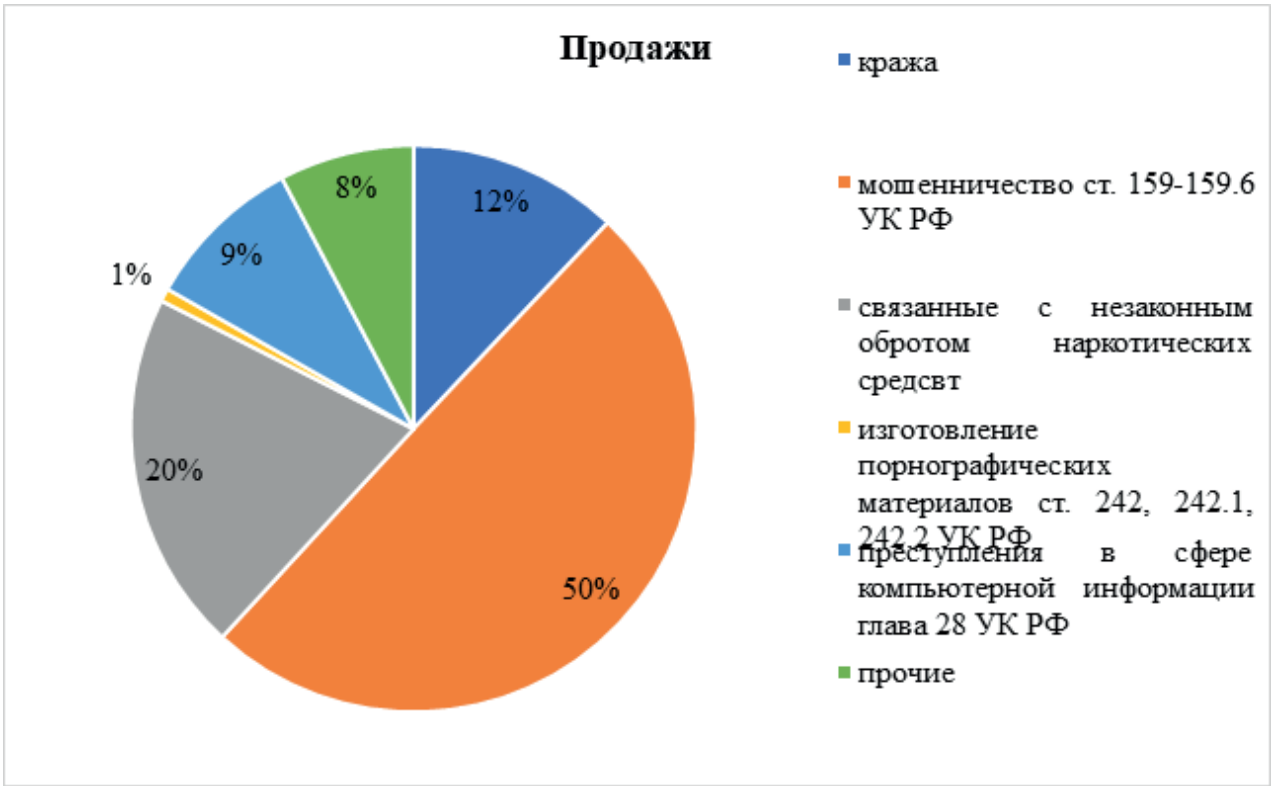

Рисунок 1. Структура преступности, совершенной с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в Российской Федерации за 2025 год

Стремительное развитие информационных технологий и переход реального общения в виртуальное повлекли за собой совершение мошенничества с использованием IT-технологий и совершаются они в отношении наиболее доверчивой части общества — пенсионеров, что подтверждают слова первых лиц Российской Федерации. Так, Министр Внутренних Дел Российской Федерации Владимир

Александрович Колокольцев в своем выступлении делает акцент: «Свыше 200 миллиардов рублей похитили у россиян телефонные мошенники за последние полтора года. Жертвами стали более 40 тысяч пенсионеров. Такие цифры привел министр внутренних дел Владимир Колокольцев на заседании коллегии МВД, где обсуждались вопросы борьбы с IT-преступностью» [2]. Также Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин в своем выступление говорит, что «итогом работы в сфере противодействия IT-преступности стало расследование свыше 10,5 тысяч деяний, совершенных с применением новых цифровых технологий, в том числе атак на граждан с использованием методов социальной инженерии» [3].

Также для понимания исследуемого правового института предлагаем отталкиваться от следующего понятия. Под дропперами, как лицами, участвующими в совершении мошенничества, следует понимать физических лиц, осуществляющих изъятие и перевозку/перенос денежных средств от потерпевшего к месту, обозначенному организаторами мошенничества, а также физических лиц, чьи счета в банках используются для перевода электронных денежных средств от потерпевшего к организаторам мошенничества. Данный участник возможен только при совершении мошенничества современным способом, то есть такой вид мошенничества, при котором используются компьютерные и телефонные сети, воздействует на сознание потерпевшего путем обмана, склоняет к передаче имущества удаленным образом [4, с. 218]. Помимо этого, необходимо отметить, что для дропперов, которые передают свои банковские карты в пользовании других лиц или получают данные электронные средства платежа в пользование, Федеральным закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации», была введена уголовная ответственность в частях 3 – 6 статьи 187 УК РФ, которые определила данные преступления как преступления средней тяжести и тяжкие преступления.

Ввиду того, что жертвами данных преступлений становятся, как правило, наиболее уязвимые категории граждан, такие как пенсионеры и несовершеннолетних лица, а также их привлекают для совершения данных преступлений в качестве дропперов, что демонстрируют различные примеры. Так например: опубликованные в официальном телеграмм канале «Вестник Киберполиции России» пост от 17.09.2025 года, иллюстрирует способы «трудоустройства» лица на работу в качестве

дроппера, которое заключается в следующем, сначала «работодатель» связывается с лицом, которое хочет устроится на работу в качестве курьера, далее происходит видео-звонок, после чего если «работодателя» устраивает кандидат ему направляется файл с «договором», после чего ему предлагается переехать в другой город, где ему (работнику) снимается номер в отеле, а также предлагается скачать приложение с рабочим кошельком для обмена криптовалюты, для успешного осуществления работы, далее человека переводят на другого «менеджера», которые просит скачать «Signal», также для работы, после чего «работник» осуществляет свою деятельность, являясь при этом «денежным курьером» [5]. Поэтому необходимо разработать меры по профилактике данных преступлений.

Так мы можем предложить следующие меры по профилактике преступлений в данной сфере:

Правовое информирование граждан отдельных категорий, а именно несовершеннолетних и лиц пожилого возраста, данные мероприятие можно проводить как в форме чтения лекций, данный способ наиболее эффективен с несовершеннолетними, так и индивидуальной беседы, необходимо использовать для работы с представителями старшего поколения, и возложить данную работу на органы внутренних дел, а именно подразделения по делам несовершеннолетних, службу участковых уполномоченных и дежурные части территориальных органов полиции (в случае личного обращение в данное подразделение), но ввиду того, что данные подразделения имеют высокую нагрузку, также можно предложить осуществлять правое информирование, слушателям высших учебных заведений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, поскольку к последнему курсу, у данных лиц уже имеется достаточный уровень знания юридической науки, а также навыки коммуникации с младшим поколением, как правило, развиты на высоком уровне, по мимо этого, это также полезно для самих слушателей, с точки зрения, практического опыта работы с гражданами.

Также необходимо проводить мероприятия по социальной адаптации в информационно-телекоммуникационной среде (в том числе сети «Интернет») с целью, обучения несовершеннолетних граждан и лиц пожилого возраста безопасному пользованию современными технологиями, что возложить на образовательные организации общего образования, а для пожилых лиц, организовать вечерние школы, которые будут осуществлять данное обучение.

А также предлагаем осуществлять с данной категорией лиц такое профилактическое мероприятие, как «помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми», в тех целях, правой помощи и социальной адаптации данной категории граждан.

Таким образом был рассмотрено понятие дроппера, как лица участвующего в «качестве денежного» курьера, а также участника преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ. Помимо этого, был рассмотрен пример, вербовки лица в качестве «денежного курьера», через мессенджер «Телеграмм». А также были предложены способы профилактики виктимного поведения и возможности привлечения в качестве дроппера, с наиболее уязвимыми категориями граждан (лицами пожилого возраста и несовершеннолетних лиц), которые заключаются в проведении правового информирования, социальной адаптации и помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Список литературы:

1. Официальный сайт: «Министерство внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 25.02.2026 г.).

2. Официальный сайт «Новости РЕН ТВ» [Электронный ресурс] // URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1226730-kolokoltsev-moshenniki-ukrali-u-rossiian-200-mlrd-rublei-za-poltora-goda (дата обращения: 25.02.2026 г.).

3. Официальный сайт: «РИА новости» [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/20230725/moshennichestvo-1886079185.html (дата обращения: 25.02.2026 г.).

4. Кудрявцев, Р. В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. — 2019. — № 24(262). — С. 218.

5. Официальный телеграмм канал «Вестник Киберполиции России» [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Ft.me%2Fcyberpolice_rus%2F4075%3Fsingle&utf=1 (дата обращения: 25.02.2026 г.).

© Файзуллин А. И., 2026

EDN: DMPULA

Фаустов Илья Русланович
курсант
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
faustovilya1@mail.ru

Научный руководитель:
Гаврилова Ольга Вячеславовна,
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
Санкт-Петербург, Россия
filikolga@gmail.com

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. в статье рассмотрен вопрос влияния проведения Специальной военной операции на экономику нашей страны. Показано, что военные действия оказывает существенное влияние на экономику государства. Отмечено, что были практически прекращены все экономические отношения со странами Западной Европы. Показано, что в настоящее время внешняя экономическая политика России переведена в сторону Китая, Турции, Индии. Обозначена необходимость принятия всех возможных мер с целью избегания военных конфликтов на территории Российской Федерации и сохранения экономической стабильности в стране, что может быть достигнуто путем укрепления дипломатических отношений с дружественными нашей стране странами, улучшения экономического климата в стране, развития

современных отраслей экономики, укрепления обороноспособности нашего государства.
Ключевые слова: Специальная военная операция, экономика, экономическая ситуация, Российская Федерация, военные действия, бюджет.

Военные действия, проходившие на территории того или иного государства всегда оказывали существенное влияние на экономику противоборствующих стран. Российская Федерация — государство, имеющее в своем арсенале одну из сильнейших армий в мире, самое большое по территории государство на планете, у которого, что вполне естественно, обширные территориальные интересы. Однако в настоящий период времени Россия столкнулась с определенными геополитическими вызовами.

Военные действия всегда оказывали, оказывают и будут оказывать значительное влияние на экономику государств, участвующих в конфликте, что влечет существенные изменения в структуре и динамике экономического развития.

Специальная военная операция на Украине, (СВО) начало которой имеет точку отсчета 24 февраля 2022 г. — не исключение. СВО серьезно повлияло на экономическую ситуацию в России. Международная экономика в целом также претерпела существенные изменения.

Вне всякого сомнения, научные изыскания в сфере военной экономики на примере СВО актуальны, как никогда прежде.

Санкционное давление со стороны недружественных стран стало одним из ключевых факторов, влияющих на экономику Российской Федерации, что закономерно ограничило доступ к новейшим технологиям и денежным потокам, что, вполне естественно, отразилось на развитии некоторых отраслей российской экономики. Вследствие чего произошло ухудшение экономической ситуации в стране, к росту инфляции, уменьшению объемов зарубежных инвестиций в российскую экономику.

Специальная военная операция, вне всякого сомнения, значительно повлияла на экономику России. Экономика нашей страны столкнулась с серьезными трудностями в связи с введением западных санкций, падением цен на нефть, снижением в нее инвестиций. Указанные проблемы не могут быть разрешены только за счет увеличения объемов добычи углеводородов, которыми так богата российская земля. России необходимо развивать свою экономику, ставя во главу угла инновации и развивая другие отрасли для обеспечения стабильного экономического роста в долгосрочной перспективе.

Спартак А. Н. отмечает, что в настоящее время Китай является главным и доминирующим экономическим партнером России на очень многих товарных направлениях [3]. И этот тезис ни у кого не вызывает ни малейших сомнений. Сделаем акцент на том, что главным экономическим итогом года начала Специальной военной операции стало свертывание экономических связей со странами Западной Европы. Ведущие европейские экономики практически на всех экономических направлениях своей деятельности утратили роль основных торгово-экономических партнеров России. Одновременно внешнеэкономическая политика Российской Федерации была оперативно переориентирована на Китай, Турцию, Индию.

Проведение Специальной военной операции на Украине привело к серьезным изменениям в структуре экономике нашей страны. В результате военного конфликта произошло разрушение инфраструктуры приграничных городов, противником были уничтожены отдельные предприятия и потеряны рабочие места. Эти факторы привели к резкому сокращению объемов производства и увеличению безработицы. Кроме того, в результате военных действий нарушились экономические связи России, что привело к ухудшению экономической ситуации [1].

Первым и наиболее очевидным последствием военных действий всегда является увеличение военных расходов. Россия в настоящее время тратит значительную часть своего бюджета на оборону, но в случае разрастания существующего военного конфликта эти расходы могут значительно возрасти, что закономерно приведет к уменьшению финансирования других отраслей российской экономики, может негативно повлиять на их развитие и конкурентоспособность. Кроме того, увеличение военных трат из бюджета страны может привести к увеличению количества налогов и снижению уровня жизни населения [2].

Вторым серьезным последствием военных действий является потеря экономических ресурсов. Конфликт может привести к разрушению инфраструктуры регионов, участвующих в военных действиях, уничтожению производственных мощностей, потере трудовых ресурсов, что вполне закономерно приведет к снижению производительности труда, уменьшению объема производства и в конечном итоге — к снижению экономического роста в стране.

Третьим последствием военных действий является ухудшение инвестиционного климата. Конфликт может привести к ухудшению имиджа государства в глазах иностранных инвесторов, что не может

не привести к снижению объема вкладываемых в страну инвестиций, что в свою очередь, может негативно повлиять на развитие отраслей экономики и создание новых рабочих мест.

Четвертым последствием военных действий является ухудшение торговых отношений между странами. Военные конфликты ограничивают торговые отношения между странами. Это прямой путь к снижению объема экспорта и импорта, что может повлиять на развитие многих отраслей экономики и уменьшить доступность некоторых товаров для населения.

Кроме того, военные действия «разгоняют» инфляцию в стране и снижают стоимость национальной валюты, что возможно приведет к ухудшению экономической ситуации в стране и повышению цен на товары и услуги.

Еще одним последствием военного конфликта является риск потери доступа страны к рынкам сбыта сырья и энергоресурсов. Россия является одним из крупнейших мировых поставщиков углеводородов и потеря доступа к этим ресурсам может негативно сказаться на экономике многих стран мира.

Наконец, военные действия могут привести к ухудшению социальной ситуации в стране. Рост безработицы, снижение уровня жизни населения и увеличение социальной напряженности могут привести к росту преступности нестабильной ситуации в общественной жизни в стране.

Следует особо подчеркнуть, что расходная часть бюджета Российской Федерации на оборону и безопасность во время проведения СВО все увеличивается.

При этом расходная часть бюджета снижается по следующим направлениям:

— здравоохранение;
— экономика;
— иные разделы (экология, социальные проекты)

В целом, военные действия негативно влияют на экономику России. Поэтому, необходимо предпринимать все возможные меры для предотвращения военных конфликтов непосредственно н территории Российской Федерации, сохраняя экономическую стабильность в стране.

Это может быть достигнуто путем укрепления дипломатических отношений с другими странами, улучшения экономического климата в стране, развития современных отраслей экономики, а также укрепления обороноспособности нашего государства.

Список литературы:

1. Буров М. П. Экономика России. Методическое пособие. М.: Дашков и Ко. 2018. 134 с.

2. Гудкова Т. В., Кайманаков С. В., Теняков И. М. Экономика России. Учебное пособие. М.: КноРус. 2019. С. 56 – 63.

3. Спартак А. Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9 – 365.

© *Фаустов И. Р., 2026*

EDN: CMRDKA

Филатова Екатерина Артемовна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
filatovaekaterina_422@mail.ru

Научный руководитель:
Рахлина Людмила Валентиновна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
rl1973@inbox.ru

АНАЛИЗ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Имущественная дифференциация является серьезной угрозой экономической безопасности России. Увеличение разрыва между доходами самых богатых и самых бедных слоев населения приводит к обострению уже существующих социальных противоречий и появлению новых, что подрывает развитие экономики страны. В условиях современной сложной политической обстановки подобные угрозы способны привести к разъединению общества.
Ключевые слова: экономическая безопасность, имущественная дифференциация, коэффициент Джини, децильный коэффициент, коэффициент фондов.

Имущественная дифференциация является серьезной угрозой экономической безопасности России. В Российской Федерации уровень доходов населения отслеживается Федеральной службой

государственной статистики. Измеряются такие показатели, как неравенство, распределение и дифференциация денежных доходов населения, средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения, уровень прожиточного минимума и бедности, распределение малоимущего населения, дифференциация оплаты труда работников, неравенство в потреблении и другие [1]. Стоит рассмотреть методы оценки имущественной дифференциации более подробно.

Для оценки имущественной дифференциации населения в России проанализируем значение коэффициента Джини за последние 10 лет (с 2015 по 2024 гг.) по данным Федеральной службы государственной статистики. Для этого рассчитаем статистические показатели динамики цепным способом. В число показателей включим абсолютный рост, коэффициент роста, темп роста и темп прироста. Полученные данные приведены в таблице 1.

Таблица 1. Расчетная таблица показателей динамики коэффициента Джини в Российской Федерации в период с 2015 по 2024 гг.

Год	Коэффициент Джини	Абсолютный прирост, в разах	Коэффициент роста, в разах	Темп роста, в процентах	Темп прироста, в процентах
2015	0,411	-	-	-	-
2016	0,411	0,000	1,000	100,000	0,000
2017	0,410	-0,001	0,998	99,757	-0,243
2018	0,414	0,004	1,010	100,976	0,976
2019	0,412	-0,002	0,995	99,517	-0,483
2020	0,406	-0,006	0,985	98,544	-1,456
2021	0,409	0,003	1,007	100,739	0,739
2022	0,398	-0,011	0,973	97,311	-2,689
2023	0,405	0,007	1,018	101,759	1,759
2024	0,410	0,005	1,012	101,235	1,235

Как понятно из таблицы, коэффициент Джини в анализируемый период оставался достаточно стабильным и держался на одном уровне. Максимальное значение достигалось в 2018 г. (0,414), а минимальное — в 2022 г. (0,398). Разница между ними составляет 0,016 или 3,87 %, что не является критичным. Судя по колебаниям, основная тенденция изменения коэффициента Джини — уменьшение. В анализируемом периоде наблюдается постепенное снижение коэффициента, что связано с более равномерным распределением дохода в стране.

Стоит также проанализировать, как в среднем изменялся показатель. Проведенные расчеты средних показателей динамики показали, что

в среднем каждый год в анализируемом периоде коэффициент Джини снижался на 0,0001 или 0,01 %. Это свидетельствует о том, что в краткосрочном периоде разница доходов в России постепенно снижается.

Другой, часть применяемый показатель имущественной дифференциации, — это децильный коэффициент. Для его расчета требуется разделить население на 10 групп (децилей) соответственно их уровню дохода, затем средний показатель дохода самых богатых сравнивается со средним показателем дохода самых бедных. Таким образом, децильный коэффициент отражает, во сколько раз доходы 10 % наиболее богатого населения превышают доходы 10 % наиболее бедного. Считается, что в развитых государствах соотношение не должно превышать 10 [2]. Другое название децильного коэффициента — это коэффициент фондов.

Рассмотрим имущественную дифференциацию населения России через децильный коэффициент. Для этого в таблице 2 приведены размеры среднедушевых денежных доходов населения России в рублях и доля денежных доходов каждой группы в общем объеме доходов в процентах.

Таблица 2. Распределение денежных доходов населения Российской Федерации по десятипроцентным (децильным) группам в 2024 году

Группы населения	Среднедушевые денежные доходы в месяц, рублей	Распределение общего объема денежных доходов, в процентах
Все население	62 227	100
1 группа (с наименьшими доходами)	12 159	2,0
2 группа	21 046	3,4
3 группа	27 799	4,5
4 группа	34 684	5,6
5 группа	42 304	6,8
6 группа	51 276	8,2
7 группа	62 573	10,1
8 группа	78 189	12,6
9 группа	103 785	16,7
10 группа (с наибольшими доходами)	188 449	30,2

Данные таблицы 3 показывают, что более трети всех доходов страны сосредоточены в руках 10 % населения. Приведем рисунок 1 с изображением данных таблицы.

Благодаря графику можно увидеть огромный перевес доходов богатых над бедными. Можно заметить, что суммарная доля доходов первых пяти групп составляет 22,3 %. Это на 7,9 % меньше доли доходов 10 группы, то есть половине населения России в сумме принадлежит меньше, чем 10 % наиболее богатых людей. Это показывает, что несмотря на снижение коэффициента Джини за последние годы различие в доходах все еще присутствует в большой степени.

Теперь рассмотрим динамику коэффициента фондов. Для наилучшего понимания тенденции проанализируем данные за последние 30 лет. Результаты приведены в таблице 3.

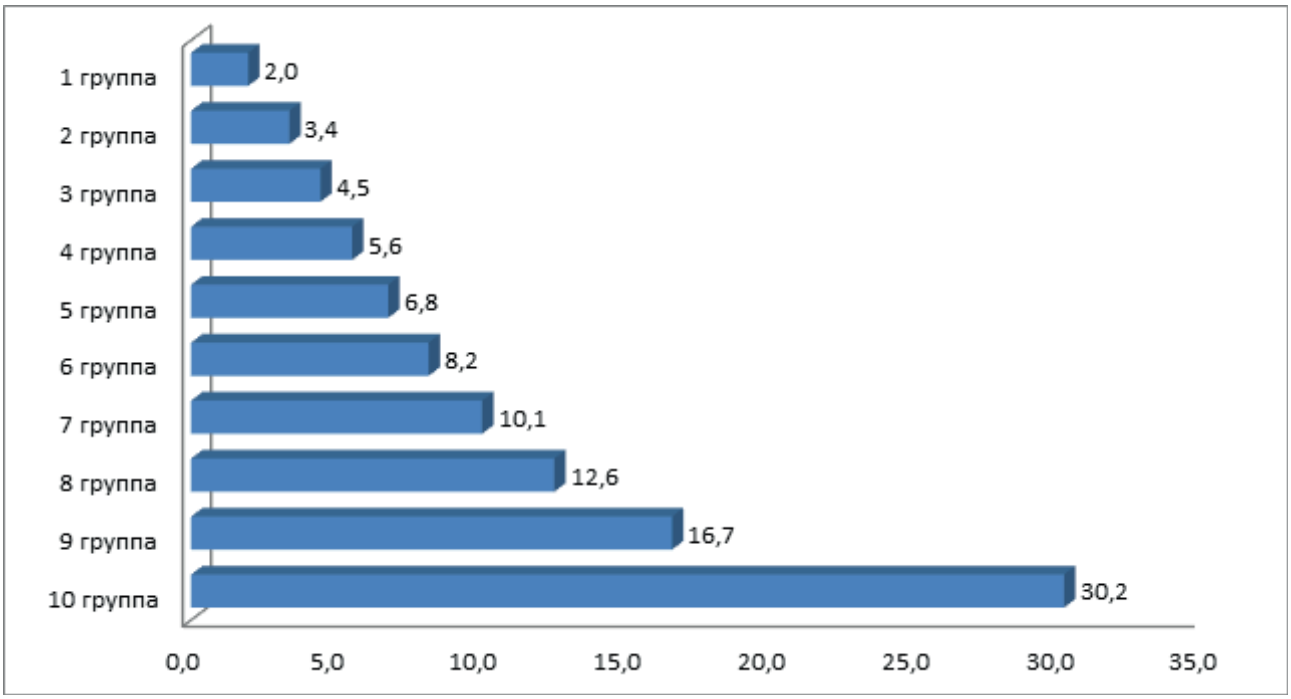

Рисунок 1. Распределение доходов населения Российской Федерации по децильным группам в 2024 году

Таблица 3. Расчетная таблица показателей динамики коэффициента фондов в Российской Федерации за 1995 – 2024 гг.

Год	Коэффициент фондов	Абсолютный прирост, в процентах	Коэффициент роста, в разах	Темп роста, в процентах	Темп прироста, в процентах
1995	13,5	-	-	-	
1996	13,3	-0,2	0,99	98,52	-1,48
1997	13,6	0,3	1,02	102,26	2,26
1998	13,8	0,2	1,01	101,47	1,47
1999	14,1	0,3	1,02	102,17	2,17
2000	13,9	-0,2	0,99	98,58	-1,42
2001	13,9	0,0	1,00	100,00	0,00

Год	Коэффициент фондов	Абсолютный прирост, в процентах	Коэффициент роста, в разах	Темп роста, в процентах	Темп прироста, в процентах
2002	14,0	0,1	1,01	100,72	0,72
2003	14,5	0,5	1,04	103,57	3,57
2004	15,2	0,7	1,05	104,83	4,83
2005	15,2	0,0	1,00	100,00	0,00
2006	15,9	0,7	1,05	104,61	4,61
2007	16,7	0,8	1,05	105,03	5,03
2008	16,6	-0,1	0,99	99,40	-0,60
2009	16,6	0,0	1,00	100,00	0,00
2010	16,6	0,0	1,00	100,00	0,00
2011	16,1	-0,5	0,97	96,99	-3,01
2012	16,4	0,3	1,02	101,86	1,86
2013	16,1	-0,3	0,98	98,17	-1,83
2014	15,8	-0,3	0,98	98,14	-1,86
2015	15,5	-0,3	0,98	98,10	-1,90
2016	15,5	0,0	1,00	100,00	0,00
2017	15,3	-0,2	0,99	98,71	-1,29
2018	15,8	0,5	1,03	103,27	3,27
2019	15,6	-0,2	0,99	98,73	-1,27
2020	14,9	-0,7	0,96	95,51	-4,49
2021	15,2	0,3	1,02	102,01	2,01
2022	14,0	-1,2	0,92	92,11	-7,89
2023	14,8	0,8	1,06	105,71	5,71
2024	15,5	0,7	1,05	104,73	4,73

В анализируемом периоде можно заметить следующие тенденции: с 1995 по 2002 гг. коэффициент фондов держался на одном уровне и не изменялся более чем на 0,6; после этого до 2008 г. коэффициент стабильно увеличивался; с 2008 по 2010 гг. держался на одном уровне; с 2011 по 2021 гг. снижался с периодическими отклонениями менее 1,5; в 2022 г. случилось резкое снижение на 1,2; в 2023 – 2024 продолжилось увеличение. Таким образом, можно сказать, что в годы экономических кризисов разница доходов населения снижается, как это произошло в 1998, 2008, 2014 и 2022 гг. В периоды же становления рыночной экономики и развития страны имущественная дифференциация возрастала (2002 – 2008, 2023 – 2024 гг.).

В последние годы коэффициент фондов нестабилен. Это демонстрируется на рисунке 2, где изображен график темпа прироста коэффициента фондов в целом по России за 1995 – 2024 гг.

Благодаря графику, можно заметить постоянные скачки коэффициента фондов. С 2017 г. ситуация меняется практически каждый год: коэффициент

переходит от роста к снижению. Это является свидетельством постоянно изменяющейся экономической ситуации. Для выделения общей тенденции рассчитаем средние показатели динамики. Результаты приведены в таблице 4.

Проведенные расчеты показывают, что в среднем каждый год в анализируемом периоде коэффициент фондов повышается на 0,52 %. Таким образом, можно сделать вывод, что за тридцать лет измерений разрыв доходов населения вырос. Это связано с развитием страны, экономическим ростом, повышением уровня доходов. Согласно статистическим данным, уровень бедности в России с 1995 г. снизился, поскольку численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, которая выражается через величину прожиточного минимума, за этот период уменьшилась в 2,99 раза [3].

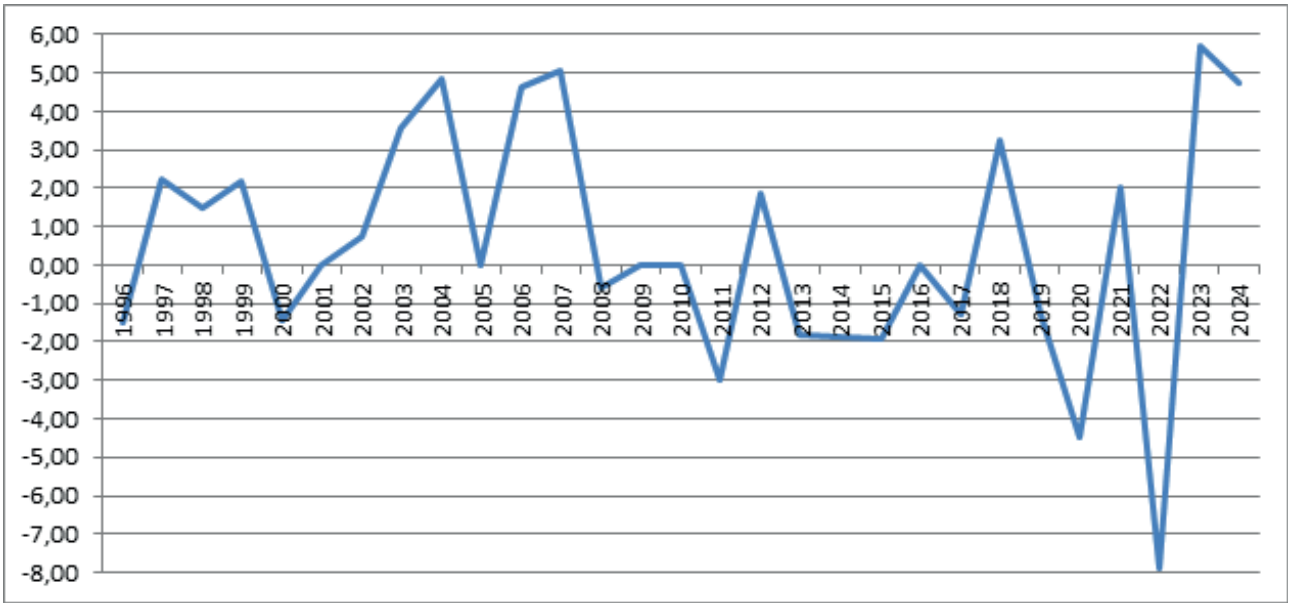

Рисунок 2. Темп прироста коэффициента фондов в целом по России за 1995 – 2024 гг.

Это означает, что увеличение имущественной дифференциации вызвано в первую очередь не снижением доходов наиболее бедной группы населения, а скорее ростом доходов наиболее обеспеченной группы.

Таблица 4. Расчетная таблица средних показателей динамики коэффициента фондов в Российской Федерации в период с 1995 по 2024 гг.

Средний показатель динамики	Коэффициент фондов
Средний абсолютный прирост	0,07
Средний коэффициент роста	1,01
Средний темп роста	100,52
Средний темп прироста	0,52
Средняя величина абсолютного значения одного процента прироста	0,15

Подводя итоги, следует сказать, что оценка имущественной дифференциации населения — это важная часть статистических показателей благосостояния страны, а измерение разрыва доходов проводится различными методами. Проведенные расчеты позволяют сделать следующие выводы. В краткосрочном периоде с 2015 по 2024 гг. имущественная дифференциация снижалась, поскольку основная тенденция изменения коэффициента Джини — уменьшение. В более долгосрочном периоде с 1995 по 2024 гг. имущественная дифференциация увеличивалась, поскольку основная тенденция изменения коэффициента фондов — увеличение. За 2024 г. присутствует огромный перевес доходов богатых над бедными, поскольку суммарная доля доходов первых пяти наименее обеспеченных групп составляет 22,3 %, что на 7,9 % меньше доли доходов наиболее обеспеченной группы.

Таким образом, можно сказать, что за последние годы степень имущественной дифференциации снизилась, но более обширный анализ показал, что в долгосрочном периоде проявляется, наоборот, тенденция к ее увеличению.

Список литературы:

1. Неравенство и бедность [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723 (дата обращения: 23.02.2026).

2. Ибрагимова, У. И. Социальное неравенство в России: современные тенденции / У. И. Ибрагимова, Н. С. Расторгуева, М. В. Собко // Молодой ученый. — 2015. — № 18 (98). — С. 263.

3. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723 (дата обращения: 23.02.2026).

© Филатова Е. А., 2026

EDN: CSMXSS

Халяпина Дарья Владимировна
слушатель
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, России
mordara52@gmail.com

Научный руководитель:
Поротников Павел Анатольевич,
доцент кафедры социально-экономических дисциплин,
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, России
кандидат экономических наук, доцент
pekin-auto@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация. В статье рассматриваются преступления совершаемое в сфере государственных закупок, возможные схемы их совершения. Освещены проблемы и угрозы экономической безопасности при осуществлении государственных заказов. А также приведены способы, способствующие повышению экономической безопасности страны в сфере государственных заказов.
Ключевые слова: государственные заказы, государственные закупки, экономическая безопасность страны, преступления в государственных заказах, коррупция, угроза экономической безопасности.

Как показал анализ способов совершения преступлений в сфере государственного заказа, основные угрозы представлены мошенническими схемами, коррупционными и должностными преступлениями. На сегодняшний день реализуется достаточно большое количество мер,

направленных на обеспечение экономической безопасности в сфере государственных закупок.

Коррупционные схемы среди поставщиков и заказчиков государственных закупок порождает развитие недобросовестной конкуренции, которая в свою очередь, влияет на качество предоставляемых услуг, работ или продукции на основе контрактной системы. Данная угроза, в последние годы приобрела большую актуальность.

Объем коррупционного рынка, в системе государственных закупок в 2024 году составил 5,6 трлн рублей, или в среднем 22,5 % от суммы каждого контракта, заключенного в системе государственных закупок. Такая сумма сопоставима с 2,5 % ВВП РФ. В 2024 году ФАС России получила более 39 201 жалоб. Их количество снизилось на 27,3 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года.

Из общего количества поступивших жалоб по существу служба рассмотрела 31 769. Это на 31 % меньше, чем за предыдущий период. В результате обоснованными (в том числе частично) признаны 12 659 обращений (39,8 %). По результатам их рассмотрения выдано 11 251 предписание об устранении выявленных нарушений. В 2024 году в ходе плановых и внеплановых проверок ведомство проанализировало 33 917 процедур определения поставщика. По их итогам ФАС России выявила 17 637 нарушений законодательства (52 %) и выдала 1641 предписание об их устранении.

В 2025 году отмечается рост жалоб и выявленных нарушений.

В 2025 году в ФАС России поступило 51 586 жалоб, что на 7 % больше, чем годом ранее. По существу, служба рассмотрела 41 840 обращений — показатель увеличился на 9,3 % по сравнению с 2024 годом.

По итогам рассмотрения 16 311 жалоб (38,9 %) признаны обоснованными, в том числе частично.

Отмечается снижение нарушений, выявленных в ходе проверочных мероприятий. Так, ФАС провела 15 655 плановых и внеплановых проверок, охватив 30 732 процедуры определения поставщика. Нарушения выявлены в 7 311 процедурах, что составляет 24 %. В 2024 году нарушения фиксировались в 28 % процедур.

Можно полагать, что снижение количества проверок и выявленных нарушений ФАС связывает с повышением квалификации заказчиков и эффективной профилактической и разъяснительной работой ведомства.

Важным направлением повышения эффективности системы обеспечения экономической безопасности, как уже было отмечено ранее, является противодействие преступности. Стоит направить внимание

на снижение коррупционных рисков. Как было отмечено ранее, коррупционные преступления являются характерными для данной сферы.

Можно полагать, что позитивные результаты могут быть достигнуты путем изменения порядка установления цены контракта, автоматизации процесса выбора подрядчика.

Так, цена контракта должна определяться экспертным путем и не зависеть от заказчика и торгов. Однако на практике такое нововведение может вызывать некоторые проблемы. Важно определить и задать строгие критерии определения цены контракта.

Перспективным выглядит автоматизация выбора подрядчика. Предполагается, что выбор будет сделан на основе анализа представленных претендентами заявок из конкретных, легко проверяемых параметров. Так, например, в качестве конкурентных преимуществ можно рассмотреть: предлагаемые подрядчиком сроки поставки товара или реализации услуги; наличие собственной производственной базы; наличие собственного постоянного персонала для изготовления товара или предоставления услуги; срок работы на рынке услуг или товаров, которые запрашивает заказчик; наличие внедренной системы контроля качества; наличие обеспеченных гарантийный и их срок на товар или услугу.

Однако такой подход может иметь и негативные последствия, например, лишение свободы выбора участников госзакупок, ограничение возможности участия субъектов малого и среднего бизнеса. Показатели должны демонстрировать конкурентные преимущества подрядчика, необходимые для качественного исполнения контракта. Конкурс не должен проводиться при единственном поставщике. Это условие заставит монополистов формировать рынок своих товаров, а не бороться со своими конкурентами.

Автоматизация процесса не должна полностью заменять установленный процесс, при необходимости, должна быть возможна корректировка принятого решения.

В этих же целях, следует рассмотреть возможность изменения порядка приемки услуг и сложных изделий и товаров. Приёмка услуг и сложных изделий и товаров должна осуществляться так же не заказчиком, а профессионалами экспертами, отобранными методом случайной выборки и несущими уголовную и материальную ответственность за свою работу. Указанные меры позволят сократить преступную активность в сфере государственных закупок, но, при чрезмерном ужесточении можно столкнуться с нежеланием поставщиков участвовать в госзакупках. Важно соблюдать баланс в этой сфере.

Одним из значимых направлений является борьба с ограничением конкуренции. В первой половине 2025 года ФАС возбудила 280 дел по признакам заключения ограничивающих конкуренцию соглашений, при этом 91,5 % из них составляют нарушения на торгах. Нарушения выявлены во всех регионах страны.

В условиях цифровизации экономики служба сталкивается с усложнением картельных схем и использованием цифровых технологий недобросовестными участниками рынка. Для эффективной борьбы с ними ФАС России внедряет государственную информационную систему «Антикартель». Система разрабатывается на основе технологии машинного обучения. Система способна автоматически обрабатывать торги по 20 критериям. Внедрение риск-ориентированного метода поиска признаков заключения картельных соглашений уже привело к возбуждению ряда антимонопольных дел.

Можно полагать, что внедрение автоматизированных систем позволит существенно снизить доли таких противоправных деяний.

Общей проблемой применения норм уголовного закона к преступным деяниям, в сфере государственного заказа является непоследовательная система норм, устанавливающих уголовную ответственность. В сфере государственного оборонного заказа совершаются преступления, ответственность по которым наступает по общим нормам, соответственно, учет таких преступлений вести достаточно сложно. Отсутствие точных данных о количестве преступлений, осужденных лицах, суммах ущерба не позволяет в достаточной мере разрабатывать меры профилактики преступлений в данной сфере.

Для более точного применения норм уголовного закона к преступным деяниям, совершаемым в сфере госзаказа, предлагается внести в составы преступлений, предусмотренных ст. 159, 165, 169, 204, 285.1, 285.2, 285.3, 286, 288, 290, 291, 291.1, 291,2 УК РФ квалифицирующий признак «Деяния, предусмотренные предыдущими частями настоящей статьи, совершенное при формировании, размещении и выполнении государственного заказа». В связи с изложенным, можно полагать, что предлагаемые квалифицирующим признаки, касающиеся совершения противоправных деяний в сфере государственного заказа, по общему правилу могут быть отнесены к категории тяжких преступлений.

Подводя итог, следует заключить, что несмотря на принимаемые государством меры, некоторые направления по-прежнему требуют реагирования и изменения в целях более эффективной борьбы с угрозами

экономической безопасности государства. Между тем, повышенная общественная опасность преступлений, совершаемых сфере государственного заказа, обуславливает необходимость преобразования существующей системы специальных уголовно-правовых норм, регулирующих охрану общественных отношений в сфере государственного, в более эффективную и непротиворечивую версию. Предложенные изменения могут напрямую повлиять на снижение темпов криминализации сферы государственного заказа, а также положительно скажется на всей системе обеспечения национальной экономической безопасности.

Список литературы:

1. Ахмедов Р. Т. Коррупция в сфере государственных заказов // Форум молодых ученых. 2020. № 1 (41). С. 47 – 54.

2. Бижоев Б. М. Эффекты цифровизации контрактной системы в сфере закупок: экономико-правовой анализ // JER. 2021. № 4. С. 140 – 149.

3. Костылева Г. В. К вопросу о правовых категориях, характеризующие преступления, совершаемые в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Образование и право. 2023. № 2. С. 273 – 280.

4. Монгуш Х. В. Противодействие коррупции при осуществлении государственных и муниципальных закупок // Вестник науки. 2025. № 4 (85). С. 261 – 266.

5. Ежеквартальный отчет по результатам мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за II квартал 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document (дата обращения: 11.01.2026).

6. ФАС рассмотрела более 39 тысяч жалоб от участников закупок в 2024 году [Электронный ресурс] // URL: https://fas.gov.ru/news/33751 (дата обращения: 13.02.2026).

7. ФАС России представила результаты контрольной и профилактической работы в сфере государственных закупок по итогам 2025 года [Электронный ресурс] // URL: https://fas.gov.ru/news/34514 (дата обращения: 21.02.2026).

8. Финансовое обеспечение структурных элементов государственных программ [Электронный ресурс] // URL: https://programs.economy.gov.ru/gp/-/subject/-/direction/7/gp/1/gpVersion/16681 (дата обращения: 23.01.2026).

© Халяпина Д. В., 2026

EDN: EEBWZA

Цабадзе Ангелина Дмитриевна
студент
Университет при межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС
Санкт-Петербург, Россия
tsabadzeangelina@yandex.ru

Научный руководитель:
Туровская Мария Сергеевна,
директор
Межрегиональный институт экономики и права
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
astra18@bk.ru

ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ

Аннотация. в статье анализируются финансовые риски пенсионного обеспечения самозанятых в России в рамках эксперимента по применению налога на профессиональный доход. На основе анализа нормативно-правовой базы и статистических данных выявлены ключевые угрозы: отсутствие автоматического формирования страхового стажа и пенсионных баллов, риск получения только социальной пенсии, высокие издержки добровольного пенсионного страхования, а также макроэкономические последствия для бюджетной системы. Предложены пути минимизации выявленных рисков, включая участие в программе долгосрочных сбережений и совмещение режимов занятости.

Ключевые слова: самозанятые, налог на профессиональный доход, пенсионное обеспечение, финансовые риски, социальная пенсия, страховой стаж, индивидуальный пенсионный коэффициент.

В России 1 января 2019 года, согласно Федеральному закону от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»«, в качестве эксперимента начал действовать режим самозанятости, продлится он до 31 декабря 2028 года [1]. За время проведения эксперимента число самозанятых активно увеличивалось (рисунок 1).

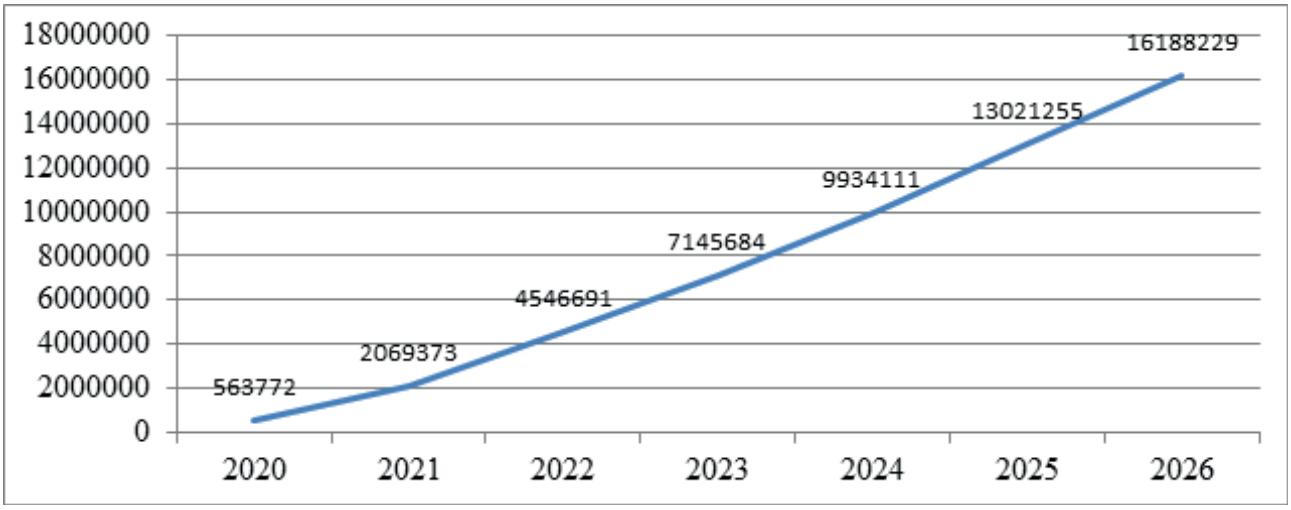

Рисунок 1. Динамика количества самозанятых за 2020 – 2026 годы (указаны средние показатели по состоянию на 31 марта каждого года, ФНС) [2]

В настоящее время развивается следующая тенденция: многие работодатели нанимают сотрудников в качестве самозанятых, что существенно облегчает работу компании — сокращаются расходы на оплату труда, облегчается документооборот, ускоряется найм и увольнение работников и многое другое. Самозанятость работников повышает мобильность компании, что особенно актуально для быстрорастущих предприятий. Однако, для сотрудников-самозанятых всё не так гладко.

Какие могут быть преимущества и недостатки самозанятости для самого работника? С одной стороны, существенное облегчение приёма на работу — подписание документов проходит онлайн через специальные платформы, всё дальнейшее взаимодействие (выплаты заработной платы, разрыв или смена сотрудничества) также проходит через электронное подписание актов и соглашений. Если же самозанятый работает на себя, то с помощью удобного приложения он может самостоятельно указывать свои доходы, либо подключить автоматическое добавление чеков, в то же время, приложение рассчитает сумму налога, который необходимо уплатить. Размер налога для самозанятых почти в два раза меньше, чем у работников, нанятых по трудовому договору. Однако при

детальном рассмотрении правового статуса самозанятых выявляется ряд системных рисков, связанных с их текущим социальным и будущим пенсионным обеспечением.

Для начала, самозанятым не оплачивается больничный и отпускной период. В отличие от работников по трудовому договору, самозанятые не включаются в систему обязательного пенсионного страхования автоматически, что порождает ситуацию, при которой формальная занятость и уплата налогов не гарантируют формирование страхового стажа и пенсионных коэффициентов. Согласно действующему законодательству, самозанятые не обязаны перечислять фиксированные страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, поэтому период работы в статусе плательщика налога на профессиональный доход не засчитывается в трудовой стаж, а индивидуальные пенсионные коэффициенты (баллы) не начисляются. Таким образом, если гражданин не предпринимает дополнительных действий, годы работы в режиме самозанятости проходят без какого-либо вклада в будущую страховую пенсию [3].

При отсутствии добровольных отчислений или совмещения с работой по найму, самозанятый по достижении пенсионного возраста может претендовать лишь на социальную пенсию, которая назначается на пять лет позже общеустановленного пенсионного возраста: с 2028 года для женщин — с 65 лет, для мужчин — с 70 лет. Размер такой выплаты фиксирован и, как правило, не превышает региональный прожиточный минимум пенсионера; для сравнения, в 2025 году базовая величина социальной пенсии составляла около 8 800 рублей, а с учётом региональных доплат — 15 – 17 тысяч рублей, что существенно уступает страховой пенсии [4].

Закон предоставляет самозанятым право добровольно уплачивать страховые взносы в Социальный фонд России, однако такой механизм сопряжён с рядом ограничений [5]. Минимальная сумма взносов ежегодно пересчитывается исходя из МРОТ, и в 2026 году она достигла 71 525,52 рубля за полный год стажа, при этом максимальная планка ограничена взносами с восьми МРОТ. Главный риск заключается в том, что, если к моменту выхода на пенсию гражданин не накопит необходимое количество баллов (с 2025 года — 30 ИПК) и стажа (15 лет), страховая пенсия не назначается, а уплаченные взносы не возвращаются. Кроме того, нерегулярный характер доходов многих самозанятых затрудняет систематическое внесение платежей, делая добровольное страхование труднодоступным для значительной части этой категории [4].

Часть самозанятых выбирает самостоятельное формирование пенсионного капитала через банковские вклады, инвестиционные инструменты или негосударственные пенсионные фонды, однако каждый из этих вариантов несёт собственные угрозы: инфляционное обесценивание сбережений, возможное банкротство финансовых организаций, неудачные инвестиционные решения [6]. Ни один из перечисленных способов не гарантирует ни надёжности, ни достаточного уровня дохода в пожилом возрасте, что усиливает социальную уязвимость самозанятых.

На макроуровне массовое исключение самозанятых из системы обязательного пенсионного страхования создаёт долгосрочную нагрузку на государственный бюджет, поскольку рост числа получателей социальной пенсии увеличивает расходы на социальную поддержку. С другой стороны, принудительное введение взносов для самозанятых способно спровоцировать возврат значительной части из них в теневую занятость, что приведёт к сокращению налоговых поступлений и осложнит контроль за соблюдением законодательства. Для снижения описанных угроз самозанятым целесообразно рассматривать такие стратегии, как совмещение деятельности с работой по трудовому договору (тогда взносы уплачивает работодатель), участие в программе долгосрочных сбережений, стартовавшей в 2024 году и предусматривающей софинансирование со стороны государства до 36 тысяч рублей ежегодно в течение десяти лет, а также регулярный контроль состояния индивидуального лицевого счёта через портал «Госуслуги» или отделения Социального фонда [7]. Можно прийти к выводу, что пенсионное обеспечение самозанятых требует осознанного и заблаговременного планирования, поскольку отсутствие автоматического формирования стажа и баллов делает эту категорию граждан уязвимой перед риском получения лишь социальной пенсии, а добровольные взносы и альтернативные способы накопления сопряжены с существенными финансовыми и институциональными ограничениями.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 49. — Ст. 7493.

2. Данные Федеральной налоговой службы о количестве самозанятых [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

3. Иванова, М. А. Пенсионные риски самозанятых граждан в Российской Федерации / М. А. Иванова // Финансы и кредит. — 2025. — № 3. — С. 45 – 58.

4. Официальная статистика Социального фонда России [Электронный ресурс] // URL: https://sfr.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

5. Петров, В. Н. Добровольное пенсионное страхование самозанятых: проблемы и перспективы / В. Н. Петров // Социальное и пенсионное право. — 2024. — № 4. — С. 22 – 29.

6. Обзор рынка негосударственного пенсионного обеспечения за 2025 год [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/statistics (дата обращения: 10.04.2026).

7. Программа долгосрочных сбережений граждан: методические рекомендации [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 09.04.2026).

© Цабадзе А. Д., 2026

EDN: FPZEBC

Чекалова Валерия Валерьевна
слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
cekalovalera43@gmail.com

Научный руководитель:
Грачёв Александр Владимирович,
начальник кафедры финансового учёта и контроля
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
grachevalexunder@rambler.ru

АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ, КАСАЮЩИХСЯ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА И ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНОВОЙ НАГРУЗКИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИМ СОСТАВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье автором рассматриваются существующие требования нормативных актов, регулирующих вопросы нормирования труда и выполнения плановой нагрузки профессорско-преподавательским составом образовательных организаций МВД России.
Ключевые слова: нормирование труда, планирование нагрузки, объем учебной нагрузки, государственное учреждение, бюджет.

Нормирование труда профессорско-преподавательского состава представляет собой сложную систему установления необходимых затрат рабочего времени на выполнение различных видов деятельности, включая учебную, методическую, научно-исследовательскую,

организационную и воспитательную работу. Целью нормирования является обеспечение эффективного использования рабочего времени профессорско-преподавательского состава и справедливого распределения нагрузки. Это, в свою очередь, способствует повышению качества образовательного процесса и научной деятельности.

Планирование нагрузки профессорско-преподавательского состава тесно связано с нормированием труда и представляет собой процесс распределения утвержденных объемов работы между преподавателями на основе установленных норм времени. При планировании нагрузки учитываются квалификация преподавателя, его опыт, специализация и индивидуальные предпочтения, а также особенности учебных дисциплин и форм обучения.

Основными задачами планирования учебной нагрузки являются обеспечение выполнения учебных планов, равномерное распределение нагрузки между преподавателями и создание условий для эффективной научно-исследовательской деятельности.

Понятие нормы труда регламентируется ст. 160 Трудового кодекса Российской Федерации. Нормы труда — нормы выработки, времени, нормативы численности и другие нормы — устанавливаются в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда.

В соответствии со статьей 159 Трудового кодекса Российской Федерации, работодатель обязан применять системы нормирования трудовой деятельности, установленные с учетом позиции, представительного органа работников либо закрепленные в коллективном договоре (ТК РФ, ст. 159). Оплата труда, как это определено в статье 129 Трудового кодекса Российской Федерации, представляет собой компенсацию за трудовую деятельность, учитывающую квалификацию сотрудника, уровень сложности, объем, качество и условия выполняемой работы. Данная оплата включает в себя компенсационные выплаты и стимулирующие надбавки. Нормы выработки используются для оценки объема выполняемых работ. Помимо этого, нормы труда служат основой для исчисления трудоемкости производственных процессов и оценки финансовых затрат на конкретные виды работ.

Минтрудом России утверждены методические рекомендации по разработке систем нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях, а также методические рекомендации для федеральных органов исполнительной власти по разработке типовых отраслевых норм труда.

Ключевыми категориями трудовых нормативов выступают: нормы времени, определяющие затраты рабочего времени на единицу работы; нормы выработки, устанавливающие объем работы, выполняемой за единицу времени; и нормы обслуживания, определяющие количество оборудования или рабочих мест, обслуживаемых одним работником.

Наряду с нормами труда, в сфере трудовых отношений применяются нормативы по труду. Принципиальное различие между данными категориями заключается в следующем: нормы труда разрабатываются с учетом специфических условий выполнения производственного процесса и конкретных значений влияющих факторов. В свою очередь, нормативы по труду устанавливаются для стандартизированных или усредненных организационно-технических условий, что обеспечивает их применимость к широкому спектру ситуаций.

Нормы труда ориентированы на конкретный вид работ и подлежат регулярному пересмотру в связи с изменениями в технологии, организации производства и других факторах. Нормативы по труду, напротив, используются многократно для расчета норм труда и имеют более длительный срок действия, поскольку изменения организационно-технических условий в масштабе предприятия происходят менее интенсивно, чем на отдельных рабочих местах.

В системе нормативов труда выделяют: общие нормативы по труду, нормативы времени, определяющие необходимое время для выполнения операций, и нормативы численности, определяющие оптимальное количество работников для выполнения заданного объема работ.

В настоящее время для продуктивной работы преподавателю высшего учебного заведения, помимо осуществления учебной деятельности, требуется проводить научно-исследовательские работы, чтобы обладать актуальными сведениями о последних открытиях в своей предметной области. Кроме того, преподаватель университета должен активно участвовать в международном профессиональном сообществе педагогов и исследователей, поддерживая конструктивные взаимоотношения с коллегами. В случае вовлеченности преподавателя в практические разработки, возникает взаимодействие с потребителями данных научно-прикладных продуктов.

Вместе с тем, следует признать, что вышеописанная ситуация в значительной степени представляет собой идеальную модель, которая редко встречается в реальной практике работы российских университетов. Основной причиной данного явления является чрезмерная

загруженность преподавателя учебной, особенно аудиторной, работой. По данным исследований, перегрузка преподавательского состава негативно сказывается на их научно-исследовательской деятельности и участии в международных проектах.

Планирование нагрузки преподавателей — это процесс определения объёма учебной (преподавательской) работы, которую преподаватель выполняет во взаимодействии с обучающимися по видам учебной деятельности, установленным учебным планом, текущему контролю успеваемости, промежуточной и итоговой аттестации обучающихся.

Продолжительность рабочего времени педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, и порядок определения учебной нагрузки указанных работников определен приказом Минобрнауки России № 335. При установлении величины педагогической нагрузки для преподавательского состава образовательных учреждений учитывается общий объем работы, связанный с реализацией образовательных программ. Это включает в себя проведение учебных занятий (лекций, семинаров, практических занятий, тренировок), взаимодействие со студентами в рамках учебного процесса в соответствии с учебным планом или индивидуальным учебным планом обучающегося, а также осуществление текущего контроля успеваемости, проведение промежуточной и итоговой аттестации обучающихся. Данный комплекс деятельности далее именуется «учебная (преподавательская) работа».

Годовой объем учебной нагрузки для педагогических работников, осуществляющих учебную (преподавательскую) работу, определяется ежегодно в начале учебного года (тренировочного периода, спортивного сезона) и фиксируется в локальном нормативном акте образовательной организации.

Объем учебной нагрузки, установленной для педагогического работника, в обязательном порядке указывается в трудовом договоре, заключаемом между педагогическим работником и образовательной организацией, что является существенным условием трудового договора в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации.

Объем учебной нагрузки педагогических работников, установленный в текущем учебном году, не может быть изменен по инициативе работодателя на следующий учебный год.

Временное или постоянное изменение (увеличение или снижение) объема учебной нагрузки педагогических работников по сравнению с учебной нагрузкой, оговоренной в трудовом договоре, допускается только по соглашению сторон трудового договора, заключаемого в письменной форме.

Об изменениях объема учебной нагрузки (увеличение или снижение), а также о причинах, вызвавших необходимость таких изменений, работодатель обязан уведомить педагогических работников в письменной форме не позднее чем за два месяца до осуществления предполагаемых изменений, за исключением случаев, когда изменение объема учебной нагрузки осуществляется по соглашению сторон трудового договора.

Локальные нормативные акты организаций, осуществляющих образовательную деятельность, по вопросам определения учебной нагрузки педагогических работников, осуществляющих учебную (преподавательскую) работу, а также ее изменения принимаются с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации или иного представительного органа работников (при наличии такого представительного органа).

В заключение рассмотрения вопросов нормирования труда и планирования нагрузки профессорско-преподавательского состава следует подчеркнуть их фундаментальное значение для успешного функционирования системы высшего образования. Нормирование труда, будучи не просто механическим подсчетом часов, представляет собой стратегически важный инструмент, позволяющий оптимизировать использование кадровых ресурсов и повысить эффективность образовательного процесса в целом.

Грамотное планирование нагрузки, основанное на научно обоснованных нормах, обеспечивает справедливое распределение трудовых обязанностей между преподавателями, учитывая их квалификацию, опыт и индивидуальные предпочтения. Это стимулирует творческую активность, повышает мотивацию и способствует развитию профессионального потенциала каждого сотрудника.

В условиях динамично меняющегося образовательного ландшафта, характеризующегося внедрением новых технологий, расширением спектра образовательных программ и ростом требований к качеству подготовки выпускников, особую актуальность приобретает совершенствование методик нормирования труда и планирования нагрузки профессорско-преподавательского состава. Необходимо учитывать не только традиционные виды учебной деятельности, но и научно-исследовательскую работу, методическую подготовку, участие в международных проектах и другие аспекты деятельности преподавателей.

Таким образом, нормирование труда и планирование нагрузки профессорско-преподавательского состава — это не статичный набор правил, а гибкая и адаптивная система, требующая постоянного обновления

и совершенствования. Эффективное управление этими процессами является залогом устойчивого развития вуза, повышения его конкурентоспособности и успешной реализации образовательных целей.

Список литературы:

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс.

3. Приказ Минтруда России от 30.09.2013 № 504 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке систем нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях» // КонсультантПлюс.

4. Приказ Минтруда России от 31.05.2013 № 235 «Об утверждении методических рекомендаций для федеральных органов исполнительной власти по разработке типовых отраслевых норм труда» // КонсультантПлюс.

5. Приказ Минпросвещения России от 04.04.2025 № 269 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность по основным и дополнительным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования и соответствующим дополнительным профессиональным программам, основным программам профессионального обучения, и о Порядке определения учебной нагрузки указанных педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре, основаниях ее изменения и случаях установления верхнего предела указанной учебной нагрузки» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.05.2025 № 82070) // КонсультантПлюс.

6. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11.04.2025 № 335 «О продолжительности рабочего времени педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, и о порядке определения учебной нагрузки указанных работников, оговариваемой в трудовом договоре, основаниях ее изменения и случаях установления верхнего предела учебной нагрузки» (Зарегистрирован 06.05.2025 № 82069) [Электронный ресурс] // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505070005?ysclid=mmajbaq0xb870134379&index=1.

© Чекалова В. В., 2026

EDN: IDPELB

Черевко Валерий Евгеньевич
студент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
valcherev@list.ru

Научный руководитель:
Харламов Андрей Викторович,
заведующий кафедрой общей экономической теории
и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
доктор экономических наук, профессор
Kharlamov_2000@list.ru

УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: УГРОЗЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья анализирует ключевые угрозы устойчивости экономики России в условиях внешних ограничений и внутренней структурной неопределенности. Научная новизна заключается в систематизации типов угроз и предложении индикаторов мониторинга и практико-ориентированных мер противодействия, учитывающих профилактический потенциал правоохранительных органов.
Ключевые слова: устойчивость, экономическая безопасность, Россия, экономические угрозы, структурная трансформация, суверенитет.

Устойчивость экономики как прикладная категория экономической безопасности отражает способность национальной хозяйственной системы поддерживать приемлемые темпы развития и социальную стабильность при воздействии шоков, не допуская критического ухудшения условий воспроизводства и падения благосостояния населения.

В стратегических документах Российской Федерации подчеркивается необходимость снижения уязвимостей, связанных с технологической зависимостью, дисбалансами финансовой системы, региональной дифференциацией и теневой экономикой [1]. В текущих условиях эта задача приобретает особую значимость, поскольку внешние ограничения усиливают структурные разрывы и повышают цену ошибок экономической политики и корпоративного управления [2, 3]. Содержательно угрозы устойчивости целесообразно рассматривать как совокупность факторов, которые нарушают нормальные механизмы производства, обмена и распределения либо повышают издержки экономических взаимодействий. Для санкционной среды характерны риски разрыва внешнеторговых и технологических цепочек, ограничение доступа к капиталу и оборудованию, рост трансакционных затрат во внешнеэкономических операциях, а также усиление неопределенности ожиданий бизнеса и домохозяйств [2]. При этом внешние ограничения взаимодействуют с внутренними структурными проблемами — низкой производительностью в ряде отраслей, износом инфраструктуры, дефицитом квалифицированных кадров и институциональными барьерами конкуренции, что делает угрозы многоканальными и взаимно усиливающимися [4, 5].

Для целей практического противодействия важно разделять угрозы по механизму действия. Во-первых, макроэкономические угрозы связаны с динамикой инфляции, бюджетной устойчивости и финансовых условий, влияющих на инвестиции и потребление [6]. Во-вторых, структурно-технологические угрозы проявляются через импортозависимость критических компонентов, ограниченность НИОКР и разрывы в цепочках поставок [5]. В-третьих, корпоративно-финансовые угрозы выражаются в снижении платежеспособности, росте просроченной задолженности и нарушениях расчетной дисциплины. Наконец, институциональные угрозы включают коррупционные практики, теневой оборот и экономические правонарушения, подрывающие фискальную базу и доверие к рынкам [3]. Такая типология позволяет перевести обсуждение устойчивости в режим измеримых параметров и адресных мер.

Переход к измеримой логике предполагает увязку каждой группы угроз с индикаторами, по которым возможно раннее выявление накопления рисков. Внутренняя согласованность мониторинга особенно важна, поскольку отдельные показатели могут улучшаться за счет ухудшения других (например, краткосрочная стабилизация через сжатие инвестиций). В таблице 1 предложена схема, обсуждаемая в работе.

Предложенная схема показывает, что противодействие угрозам устойчивости требует сочетания экономической политики, институциональных мер и профилактики экономического ущерба. Особое место занимают институциональные и криминогенные угрозы: они не только увеличивают прямые потери, но и ухудшают инвестиционный климат, повышая цену доверия на рынках капитала и в контрактных отношениях [3, 6]. Российские исследования подчеркивают, что повышение устойчивости хозяйственных субъектов связано с развитием систем внутреннего контроля, комплаенса и управленческих практик, ориентированных на предупреждение нарушений и снижение операционных потерь [2, 4].

Таблица 1. Угрозы устойчивости экономики России и меры противодействия *

Группа угроз	Канал воздействия	Примеры индикаторов	Приоритетные меры противодействия
Макроэкономические	Изменение финансовых условий, инфляционные ожидания, ограничение инвестиций	Инфляция, ключевая ставка, дефицит бюджета, инвестиции в основной капитал	Согласование бюджетной и денежно-кредитной политики; адресная поддержка инвестиций; развитие долгосрочного финансирования
Структурно-технологические	Импортозависимость критических компонентов, разрывы поставок, снижение производительности	Доля импорта по критическим позициям, загрузка мощностей, производительность труда	Импортозамещение по критическим цепочкам; стимулы НИОКР; развитие промышленной кооперации и инфраструктуры
Корпоративно-финансовые	Рост просрочки, ухудшение ликвидности и расчетной дисциплины, банкротства	Просроченная задолженность, показатели ликвидности, число процедур банкротства	Антикризисное управление на уровне фирм; стандарты комплаенса; повышение прозрачности контрагентов; поддержка платежной дисциплины
Институционально-криминогенные	Теневой оборот, коррупционные издержки, мошенничество, незаконные финансовые схемы	Оценки теневой экономики, выявленные экономические преступления, ущерб, возврат активов	Профилактика правонарушений; риск-ориентированная аналитика; межведомственное взаимодействие и финансовый мониторинг

* Составлено автором по материалам [2 – 6].

В этом контексте роль органов внутренних дел целесообразно трактовать не как внешнее карательное воздействие, а как элемент

профилактической инфраструктуры экономической безопасности. Практическое значение имеют: аналитическое сопровождение выявления типовых схем экономических правонарушений, участие в межведомственных форматах обмена информацией, противодействие мошенничеству и коррупционным практикам, а также работа с уязвимыми группами населения и предпринимателями по снижению вероятности экономического ущерба. Такой подход согласуется с задачами обеспечения экономической безопасности, закрепленными в стратегических документах, и повышает результативность мер противодействия за счет смещения акцента на предотвращение ущерба [1].

В заключение, устойчивость экономики России в условиях внешних ограничений определяется способностью одновременно решать задачи макроэкономической стабилизации, структурной трансформации и укрепления институтов. Научно-практический вывод состоит в необходимости увязки типологии угроз с измеримыми индикаторами и набором мер, включая профилактику экономических правонарушений как самостоятельный фактор устойчивости. Дальнейшие исследования целесообразно направить на калибровку индикаторов по отраслям и регионам и оценку эффективности отдельных мер противодействия на сопоставимых данных.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705150001 (дата обращения: 20.02.2026).

2. Харламов А. В., Мирошниченко А. А. Обеспечение устойчивости национальной экономики России в условиях глобальной нестабильности // Вестник СПГУТД. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 3. — С. 37 – 42. — DOI 10.46418/2079-8210_2024_3_6.

3. Черевко В. Е. Российская модель устойчивого экономического роста: концепция, содержание, перспектива // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: Сборник научных статей 15-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 27 июня 2025 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 146 – 149.

4. Становая А. А. Совершенствование системы государственного контроля теневого сектора в интересах экономической безопасности //

Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2024. — № 4(34). — С. 3-15. — DOI 10.36718/2500-1825-2024-4-3-15.

5. Черевко В. Е. Искусственный интеллект в государственном управлении: эффективность и экономическая безопасность // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения. Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 04 апреля 2025 г. — СПб: Изд-во СПбУМВД РФ, 2025. — С. 923 – 926.

6. Становая А. А. Роль инвестиционной безопасности в развитии национальной экономики // Журнал правовых и экономических исследований. — 2024. — № 3. — С. 165 – 170. — DOI 10.26163/GIEF.2024.50.88.023.

© Черевко В. Е., 2026

EDN: YMOQZG

Черявко Евгений Джонович
студент
Северо-Западный институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия
Ont@myrambler.ru

Научный руководитель:
Майборода Эльвира Тагировна,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Северо-Западный институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия
кандидат философских наук, доцент
ellamaiboroda@mail.ru

КРИПТОВАЛЮТНЫЕ ТРАНЗАКЦИИ В ДАРКНЕТЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБХОДА СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье проводится системный анализ криптовалютных транзакций в даркнете как угрозы экономической безопасности государства. Приводится авторская классификация угроз экономической безопасности по четырём критериям реализуемости, позволяющая ранжировать их для целей правоохранительного и регуляторного реагирования, а также в обосновании введения квалифицирующего признака в ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Ключевые слова: криптовалюта; даркнет; экономическая безопасность; блокчейн-аналитика; деанонимизация; цифровая валюта.

По данным ежегодного отчёта аналитической компании Chainalysis, в 2024 году объём незаконных криптовалютных транзакций превысил 40 миллиардов долларов, при этом 63 % всей преступной криптоактивности приходилось на стейблкоины — трёхлетний лидер среди инструментов отмывания. Само распределение по инструментам показательно: оно свидетельствует не о хаотичности теневых расчётов, а об их адаптивности — по мере развития блокчейн-аналитики участники даркнет-рынков целенаправленно перестраивают платёжную инфраструктуру, выбирая инструменты с оптимальным соотношением анонимности и ликвидности.

Существующие исследования описывают угрозы экономической безопасности от таких транзакций по видовому принципу — налоговые, финансовые, публичные [1, 3, 4, 7], — однако не отвечают на вопрос, какие из них подлежат приоритетному реагированию. Восполнение этого пробела составляет цель настоящего исследования.

На теневых площадках обращается несколько категорий криптовалют, принципиально различающихся по степени анонимности. Биткоин предполагает публичный блокчейн: каждая транзакция фиксируется в открытом реестре, адреса поддаются кластерному анализу. Именно через анализ биткоин-транзакций были установлены личности основателя Silk Road и ряда других операторов даркнет-рынков.

Monero (XMR), напротив, применяет кольцевые подписи, скрывающие отправителя среди транзакций-приманок, stealth-адреса для каждого перевода и технологию RingCT, скрывающую суммы.

Совокупность этих механизмов делает невозможным установление баланса, отправителя и суммы даже при полном доступе к блокчейну — именно поэтому ряд крупных бирж исключил Monero из листинга в 2023 – 2024 годах под давлением требований FATF.

Ethereum и стейблкоины прозрачны по архитектуре, однако экосистема DeFi создаёт схемы отмывания без юридически ответственного субъекта [2, с. 326 – 327].

Дополнительный слой анонимизации образуют криптовалютные миксеры, каналы Lightning Network и смарт-контракты DeFi, применимые к любой монете.

В таблице 1 сопоставлены основные инструменты анонимизации с точки зрения их уязвимостей.

Таблица 1. Инструменты анонимизации криптовалютных транзакций и их уязвимости

Инструмент	Механизм анонимизации	Уязвимость для правоохранительных органов	Примеры ликвидации
Bitcoin	Псевдонимные адреса, публичный реестр	Высокая: кластерный анализ, анализ графа транзакций	Silk Road, BTC-e
Monero (XMR)	Кольцевые подписи, RingCT, stealth-адреса	Минимальная: деанонимизация технически не решена	–
Миксеры/ тумблеры	Дробление и перемешивание через промежуточные кошельки	Средняя: анализ графа; ряд сервисов ликвидирован	Tornado Cash, Bitcoin Fog
Lightning Network	Расчёты вне основной цепи; в реестр попадает лишь итог	Низкая: отдельные транзакции внутри канала невидимы	–
DeFi-смарт-контракты	Автоматическое исполнение; нет юридически ответственного субъекта	Низкая: транзакции видны, но юрисдикция не определена	–

В таблице 1 мы можем увидеть обратную зависимость между степенью анонимности инструмента и его уязвимостью для правоохранительных органов: наиболее технически совершенные инструменты — Monero и Lightning Network — практически недосягаемы для стандартных методов расследования.

При этом миксеры, несмотря на частичную прозрачность, сохраняют востребованность: их применение создаёт барьер, достаточный для большинства правоохранительных органов, не располагающих специализированными аналитическими инструментами.

Экономическая логика теневых платёжных инструментов состоит, таким образом, не в абсолютной непроницаемости, а в создании асимметричного барьера между издержками анонимизации для преступника и издержками деанонимизации для следствия.

Данная логика позволяет перейти к авторской классификации угроз экономической безопасности государства, порождаемых криптовалютными транзакциями в даркнете. В отличие от видовых классификаций, предложенная система строится по четырём критериям реализуемости:

(1) технический барьер для исполнения угрозы — насколько сложно её технически осуществить;

(2) правовой барьер для противодействия — наличие или отсутствие адекватной нормативной базы;

(3) следственный барьер — возможность установить субъекта и получить доказательную базу;

(4) масштаб ущерба для бюджетной и финансовой системы.

В таблице 2 угрозы ранжированы по совокупности этих критериев.

Таблица 2. Классификация угроз экономической безопасности государства от криптовалютных транзакций в даркнете по критериям реализуемости

Угроза	Правовой барьер	Следственный барьер	Масштаб ущерба	Приоритет реагирования
Уклонение от налогового и финансового контроля (биткоин-транзакции)	Средний (ФЗ № 259-ФЗ, ФЗ № 418-ФЗ)	Низкий (блокчейн прозрачен)	Высокий	Первый
Легализация преступных доходов через миксеры	Средний (ст. 174 УК РФ)	Средний (анализ графа применим)	Высокий	Первый
Легализация через Monero и приватные монеты	Средний	Высокий (деанонимизация не решена)	Высокий	Второй
Финансирование организованной преступности через DeFi	Высокий (нет ответственного субъекта)	Высокий (юрисдикция не определена)	Очень высокий	Второй
Финансирование терроризма и экстремизма	Высокий	Высокий	Очень высокий	Третий

Классификация выявляет неочевидное противоречие: угрозы с наибольшим масштабом ущерба — финансирование терроризма, DeFi-отмывание — одновременно имеют наивысший следственный барьер. Практический вывод состоит в том, что концентрация ресурсов правоохранительных органов должна следовать не масштабу ущерба, а реальной досягаемости угрозы: приоритет первого уровня — налоговое уклонение и легализация через биткоин-миксеры — технически преодолим при наличии специализированных аналитических инструментов и уже сформированной правовой базы.

Инструментальный ответ на угрозы первого приоритета — блокчейн-аналитика: кластерный анализ, эвристические алгоритмы и анализ графа транзакций [5, с. 70 – 71]. Их эффективность применительно к Monero и DeFi принципиально ограничена: кольцевые подписи создают

множественность возможных отправителей, лишая кластерный анализ необходимой однозначности; DeFi-протоколы транзакционно прозрачны, но юрисдикционно неуязвимы.

В части правового регулирования ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ включил операторов обмена цифровых финансовых активов в перечень субъектов первичного финансового мониторинга. Пакет законов 2024 года ввёл обязательную регистрацию майнеров (ФЗ № 221-ФЗ), разрешил трансграничные расчёты в криптовалюте в рамках экспериментального правового режима (ФЗ № 223-ФЗ) и установил налогообложение операций с цифровыми активами (ФЗ № 418-ФЗ).

При этом уголовная ответственность за нелегальный оборот криптоактивов планируется не ранее 2027 года, а отечественные KYT-системы, призванные заменить недоступные зарубежные аналоги, находятся в стадии разработки [6, с. 59].

На основе проведённого анализа представляются обоснованными три меры:

1. Законодательное закрепление обязательного использования отечественных KYT-систем российскими криптобиржами при операциях с кошельками, имеющими признаки связи с даркнет-рынками.

2. Создание межведомственного центра блокчейн-аналитики с участием Росфинмониторинга, ФСБ и МВД России.

3. Введение квалифицирующего признака в ст. 174 и 174.1 УК РФ за использование инструментов технической анонимизации транзакций. Действующая редакция не дифференцирует способ совершения деяния: легализация через биткоин и легализация через Monero или миксер квалифицируются одинаково, хотя различаются принципиально.

Предлагаемый признак может быть сформулирован следующим образом: «с использованием программных средств, обеспечивающих анонимизацию криптовалютных транзакций, исключающую или существенно затрудняющую установление их участников».

Введение подобного признака позволит дифференцировать санкцию, создать превентивный стимул к отказу от технически непрозрачных инструментов и сформировать самостоятельную доказательственную позицию в случаях, когда содержание транзакции восстановить невозможно, но факт использования анонимизирующего инструмента — доказуем.

Список литературы:

1. Александров А. А., Сафронов А. А. Использование сети Даркнет при подготовке и совершении преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 156 – 160.

2. Сидоренко Э. Л. Легализация преступных доходов с использованием DeFi: типовые схемы и индикаторы риска // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 4. С. 822 – 836.

3. Сидоренко Э. Л. Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 15 – 21.

4. Смушкин А. Б. Криминалистические аспекты исследования даркнета в целях расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3 (136). С. 102 – 111.

5. Нуркаева М. К. «Тёмная сеть» Интернета как инструмент для совершения преступлений и обеспечения преступной деятельности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2021. № 4 (57). С. 120 – 130.

6. Яцеленко Б. В., Шадрихина И. С. Противодействие использованию цифровой валюты в легализации (отмывании) денежных средств // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3. № 3. С. 59 – 63. DOI 10.33693/2782-7372-2024-3-3-59-63.

7. Davis S., Arrigo B. The Dark Web and anonymizing technologies: legal pitfalls, ethical prospects, and policy directions from radical criminology // Crime, Law and Social Change. 2021. № 76. P. 367 – 386.

© Черявко Е. Д., 2026

EDN: YPDWEA

Чеснокова Амалия Алексеевна
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
amaliaa101nk@gmail.com

Научный руководитель:
Шкварок Владимир Михайлович
начальник кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат экономических наук, доцент
shkvarok@mail.ru

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ

Аннотация. В статье рассмотрено подходы к пониманию коррупции в России и Великобритании. Отмечены особенности и отличия между двумя законодательными актами, являющиеся основой для каждой страны в области коррупции. Приведены актуальные стратегий безопасности двух стран.
Ключевые слова: подходы, коррупция, обеспечение безопасности, ответственность, финансовая выгода.

В России актуальным вопросом является обеспечение экономической безопасности государства и противодействие коррупции, так как коррупция негативно влияет на стабильность функционирования экономики и привлекательность страны для инвесторов. Равномерное распределение бюджетных средств, направляемых для финансирования бюджетных обязательств, национальных проектов, государственных программ, подвержено коррупционным рискам. Так в России, антикоррупционным законодательством предусмотрена уголовная, административная,

дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность. Удельный вес преступлений коррупционной направленности в общем количестве выявленных преступлений экономической направленности, связанны в основном с увеличением финансирования бюджетных обязательств и разнообразностью бюджетных полномочий органов власти, а также сложной организацией финансирования национальных проектов и федеральных программ. В России основными видами преступлений коррупционной направленности являются: взяточничество (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ); злоупотребление должностными лицами своими полномочиями (ст. 285 УК РФ) или их превышение (ст. 286 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ), если деяния совершены из корыстных побуждений; отдельные виды хищения чужого имущества (мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ)) — если данные преступления совершены руководителем государственного органа, организации, учреждения либо иного юридического лица.

По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации за период с 2023 по 2025 гг., количество преступлений коррупционной направленности с каждым годом неумолимо растет (рисунок 1).

Рисунок 1. Количество преступлений общей экономической и коррупционной направленности с 2023 по 2025 гг.

В России коррупционные преступления занимают 30 % от всех экономических преступлений, что подтверждает необходимость повышения

эффективности финансового контроля и выработки механизма обеспечения экономической безопасности финансовых ресурсов государства.

Для сравнения в Великобритании уровень коррупции в целом ниже, чем в большинстве стран мира, хотя проблемы всё же существуют. По данным аналитических агентств [1], в 2024 году индекс восприятия коррупции в Соединённом Королевстве составил 71 балл, а в 2025 году 70 баллов по шкале от 0 («очень коррумпировано») до 100 («очень чисто») — это самый низкий показатель за всю историю.

В России понимание коррупции базируется на системном подходе, закрепленном в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», где четко закреплено понятие коррупции — злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [2].

В свою очередь, в Великобритании, противодействие коррупции регулируется законом от 2011 года Bribery Act 2010 [3]. Законодательство Великобритании четко сегментирует различные формы коррупционного поведения. Выделение подкупа иностранных чиновников в отдельную статью и запрет на «платежи за упрощение формальностей» демонстрирует стремление законодателя соответствовать самым высоким международным стандартам, даже если они жестче, чем у основных торговых партнеров.

Для понимания различия между законодательствами России и Великобритании рассмотрим более детально определение взятки. Так в Великобритании взятка (взяточничество) определяется как деяние, когда одно лицо предлагает, предоставляет или обещает предоставить «финансовую или иную выгоду» другому лицу в обмен на «ненадлежащее» выполнение им соответствующей функциональной обязанности или деятельности. В российском же законодательстве определение взятки имеет исчерпывающий перечень и конструируется с прицелом на взяткополучателя, получение взятки. Таким образом, можно увидеть два разных подхода к тому, что считать коррупцией и как с ней бороться: через наказание конкретного лица, злоупотребившего властью в России,

или через создание среды, в которой сама сделка, искажающая честное принятие решений, является преступлением в Великобритания.

Наиболее ярко различие в подходах проявляется в механизмах привлечения к ответственности. В России уголовная ответственность накладывается на физических лиц (должностных лиц и взяткодателей), а административная ответственность на юридических лиц (ст. 19.28 КоАП РФ) за незаконное вознаграждение от имени юрлица. В Великобритании уголовная ответственность выносится за «непринятие мер предупреждения взяточничества» (ст. 7 UK Bribery Act), т.е. компания виновна, если связанное с ней лицо дало взятку для ее пользы. Этот закон применяется и к любым компаниям, ведущим бизнес в Великобритании, за действия их сотрудников и агентов по всему миру.

При всем возможном разнообразии регулирования сферы противодействия коррупции одна и другая страна, допускает возможность существования коррупции в той или иной форме. Особенно можно обратить на «узаконенную коррупцию» в Великобритании — это лоббизм, осуществляемый на профессиональной основе попытки повлиять на национальное правительство, парламент, легислатуру или администрацию, региональное или местное правительство, другой государственный орган по любому вопросу, входящему в его компетенцию, либо консультирование тех, кто желает оказать такое влияние, который закреплен законодательно в Законе «О прозрачности лоббирования, непартийных кампаниях и управлении профсоюзами» (Transparency of Lobbying, Non-party Campaigning and Trade Union Administration Act) — принят в 2014 году, где урегулировал регистрацию лоббистов, предусмотрел независимый реестр лоббистов-консультантов. В России лоббизм не регламентирован на федеральном уровне, но существует зачастую в тени, либо маскируется под иные виды деятельности (консалтинг, PR, благотворительность) и порождает такое явление как «блат», использование личных связей, что является проявлением коррупции.

Эффективная антикоррупционная политика — это необходимое условие для обеспечения прозрачность госуправления и эффективное расходование бюджетных средств. Стратегия национальной безопасности до 2030 года определяет национальные интересы и стратегические приоритеты. Коррупция напрямую влияет на достижение таких целей, как: устойчивое развитие экономики; повышение качества жизни граждан; обеспечение государственной и общественной безопасности. В последнее время в России происходит активное внедрение новых

информационных систем мониторинга доходов и расходов государственных служащих, которые в автоматическом режиме собирают и анализируют данные о финансовом положении государственных служащих и членов их семей, выявляя коррупционные риски. В России активно проводится работа по обновлению Стратегии национальной безопасности с учетом новых вызовов и угроз национальной безопасности, что обеспечивает преемственность и адаптивность государственной политики в этой сфере.

Коррупция остается ключевой угрозой экономической безопасности России, особенно при распределении бюджетных средств. Как мы видим подходы к пониманию коррупции в России и Великобритании принципиально похожи, но основное различие в том, что Россия полагается на контроль должностных лиц и их личную подотчетность, в то время как Великобритания налагает уголовную ответственность на компании, создавая среду, препятствующую коррупции. Основная проблема России заключается в отсутствии правовых механизмов взаимодействия бизнеса и власти (лоббирование не регулируется), что отодвигает эти отношения в тень создавая условия для коррупционных рисков. В этих условиях создание эффективной и надежной системы лоббизма позволит повысить эффективность бюджетных расходов и защитит бюджетных средства. Все это по требует не только внедрения новых цифровых систем управления, но и создания институциональной среды, в которой прозрачность становится нормой для всех участников экономических отношений.

Список литературы:

1. Индекс коррупции Великобритании [Электронный ресурс] // URL: https://ru.tradingeconomics.com/united-kingdom/corruption-index (дата обращения: 09.03.2026).

2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

3. Закон о борьбе со взяточничеством 2010 года [Электронный ресурс] // URL: https://en.wikisource.org/wiki/Bribery_Act_2010 (дата обращения: 09.03.2026).

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 09.03.2026).

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://brandirectory.com/reports/global/2022 (дата обращения: 09.03.2026).

6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

7. «Основные направления развития финансовых технологий на период 2025 – 2027 годов» (одобрены Советом директоров Банка России) — Москва: 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/86673.html (дата обращения: 09.03.2026).

8. Санкции против России: актуальная статистика [Электронный ресурс] // URL: https://x-compliance.ru/statistics (дата обращения: 07.03.2026).

© *Чеснокова А. А., 2026*

EDN: VRCBHO

Чеченов Артем Романович
курсант
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия
tchechenovartem@yandex.ru

Научный руководитель:
Васютина Татьяна Львовна
начальник кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат технических наук, доцент
mvdinf7444822@yandex.ru

ИНФЛЯЦИЯ И ПРОЦЕНТНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОРЫ РИСКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМ — ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМ ГОДАХ

Аннотация. В представленной работе проводится комплексный анализ взаимосвязи инфляционных процессов и монетарного регулирования через призму обеспечения национальной экономической безопасности в условиях масштабной структурной трансформации; рассматриваются основные детерминанты ценовой нестабильности и эффективность трансмиссионного механизма процентной политики как основного инструмента купирования макроэкономических угроз; особое внимание уделяется прогнозным сценариям развития на период до две тысячи двадцать шестого года, включая риски фрагментации мировой экономики и санкционного давления.

Ключевые слова: инфляция, экономическая безопасность, процентная политика, ключевая ставка, макроэкономическая стабильность, структурная трансформация, ценовая стабильность.

Обеспечение экономической безопасности выступает фундаментальной основой функционирования всей системы национальной безопасности государства, что приобретает критическое значение в период масштабных геополитических вызовов и необходимости адаптации хозяйственного механизма к новым реалиям; современный период развития России характеризуется активным поиском траекторий устойчивого роста, способных интегрировать социальную направленность с эффективностью рыночных институтов и формированием потенциала суверенного развития. Одним из ключевых условий реализации национальных интересов является достижение и поддержание ценовой стабильности, поскольку высокая и волатильная инфляция деформирует экономические отношения, подрывает покупательную способность национальной валюты и создает барьеры для инвестиционной активности; в связи с этим исследование влияния инфляционной динамики и векторов денежно-кредитной политики на состояние экономической безопасности в период две тысячи двадцать четвертого — две тысячи двадцать шестого годов представляется крайне актуальным и востребованным для выработки эффективных стратегий противодействия возникающим угрозам.

Рассматривая инфляцию как системную угрозу экономической безопасности, следует подчеркнуть, что ее негативное воздействие проявляется через механизм обесценения денежных накоплений населения и снижение реальных доходов, что ведет к росту социального неравенства и потенциальному усилению протестной активности; при этом дисбаланс между денежной массой и реальным объемом предложения товаров провоцирует возникновение ценовых спиралей, препятствующих долгосрочному планированию как на уровне домохозяйств, так и в сегменте корпоративного сектора [3]. Согласно программным документам Банка России, основной целью денежно-кредитной политики остается поддержание годовой инфляции вблизи четырех процентов, что рассматривается как необходимое условие для успешной перестройки экономики и обеспечения ее сбалансированного роста; однако в условиях текущей структурной трансформации прогнозируется, что инфляция в две тысячи двадцать четвертом году может составить

четыре — четыре с половиной процента, возвращаясь к целевому ориентиру лишь к концу рассматриваемого периода.

Процентная политика, реализуемая через изменение ключевой ставки, выступает основным инструментом сдерживания инфляционных рисков, при этом ее уровень напрямую определяет стоимость заемного финансирования и интенсивность кредитования в экономике; высокая ключевая ставка, необходимая для ограничения избыточного спроса и стабилизации валютного курса, одновременно создает риски замедления темпов модернизации производств и ограничивает доступность кредитных ресурсов для малого и среднего предпринимательства [2]. Для периода две тысячи двадцать четвертого — две тысячи двадцать шестого годов Банком России установлены прогнозные диапазоны средней ключевой ставки, предполагающие ее нахождение на уровне двенадцати с половиной — четырнадцати с половиной процентов в две тысячи двадцать четвертом году с последующим постепенным снижением до семи — девяти процентов в две тысячи двадцать пятом году и возвращением в нейтральный диапазон шести — семи процентов к две тысячи двадцать шестому году.

Риски экономической безопасности в рассматриваемом периоде сопряжены с комплексом внешних и внутренних факторов, среди которых особого внимания заслуживает продолжающаяся фрагментация мировой экономики и усиление санкционного давления, способствующие росту издержек производителей и нарушению логистических цепочек; внутренние риски обусловлены состоянием рынка труда, где дефицит квалифицированных кадров и исторически низкий уровень безработицы создают предпосылки для опережающего роста заработных плат относительно производительности труда, что усиливает проинфляционное давление [1]. Важным фактором макроэкономической устойчивости выступает бюджетная политика, характер которой в две тысячи двадцать четвертом — две тысячи двадцать шестом годах будет оказывать значительное влияние на совокупный спрос; при этом расширение бюджетного дефицита сверх запланированных параметров потребует проведения более жесткой денежно-кредитной политики для нивелирования избыточных инфляционных импульсов и сохранения стабильности финансовой системы.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо констатировать, что инфляция и процентная политика остаются центральными детерминантами рисков экономической безопасности России

в среднесрочной перспективе; достижение ценовой стабильности вблизи целевого ориентира в четыре процента требует проведения взвешенной и последовательной политики Банка России, учитывающей необходимость структурной адаптации экономики при сохранении ответственного подхода к управлению денежно-кредитными условиями. Синергетический эффект от координации мер денежно-кредитной и бюджетной политики, а также реализация институциональных преобразований, направленных на расширение производственного потенциала и повышение гибкости рынка труда, позволят минимизировать влияние проинфляционных факторов и обеспечить условия для долгосрочного устойчивого развития национального хозяйства в условиях нарастающей глобальной неопределенности.

Список литературы:

1. Бакальская Е. В., Ахметшина А. И., Михайлова Д. Г. Экономическая безопасность // Информация и образование: границы коммуникаций INFO. 2020. № 12 (20) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost (дата обращения: 23.01.2026).

2. Кулова З. Э. Влияние инфляции на уровень экономической безопасности государства // Форум молодых ученых. 2018. № 5-2 (21) [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-inflyatsii-na-uroven-ekonomicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva (дата обращения: 23.01.2026).

3. Николай П. К. Инфляция как угроза обеспечения экономической безопасности России в современных условиях // Вестник экономической безопасности. 2025. № 4 [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inflyatsiya-kak-ugroza-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 23.01.2026).

© Чеченов А. Р., 2026

EDN: RVZIJY

Чигрецкая Анастасия Андреевна
студент
Институт управленческих кадров
Академии Управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
elena_1234812@rambler.ru

Научный руководитель:
Русак Елена Степановна
доцент кафедры экономического развития и менеджмента
Академия Управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь
кандидат экономических наук
res@pac.by

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов Республики Беларусь. Анализируются ключевые факторы устойчивости белорусских предприятий, включая институциональные механизмы защиты, государственные программы финансового оздоровления и стратегические приоритеты социально-экономического развития. Исследование базируется на актуальных данных белорусской статистики и официальных документах стратегического планирования.

Ключевые слова: экономическая безопасность, хозяйствующие субъекты, финансовая устойчивость, государственное регулирование, устойчивое развитие.

В условиях текущей экономической модели защита коммерческих структур выступает в качестве одного из главных условий для стабильного развития народного хозяйства. Для Беларуси, которая целенаправленно воплощает в жизнь социально-ориентированную рыночную систему, вопросы охраны предприятий от негативных факторов и формирования комфортной среды для их деятельности определены как приоритетные в рамках государственной экономической стратегии.

Как отмечает директор Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь Наталья Берченко, «Беларуси удалось надежно войти в число стран с умеренно высоким доходом. По показателям ВВП на душу населения страна находится в первой трети среди более чем 200 стран. Индекс человеческого развития очень высок. Достаточно развита инфраструктура. Полностью обеспечена продовольственная безопасность» [1].

Под экономической защитой субъекта хозяйствования понимается положение, при котором его ключевые интересы ограждены от опасностей внешнего и внутреннего характера с помощью набора юридических, организационных и финансовых инструментов. В отечественной экономической мысли это явление трактуется системно — как умение организации сохранять стабильность и прогрессировать при разных вариантах трансформации окружающей обстановки.

Исследователи Полесского государственного университета А. Т. Казун и А. А. Павлюковец подчеркивают, что «оценка экономической безопасности крупных промышленных предприятий требует многофакторного подхода, учитывающего не только финансовые показатели, но и производственный потенциал, инновационную активность, кадровую составляющую» [2].

Особенность белорусского подхода к обеспечению защищенности экономики заключается в умелом совмещении саморегулируемых рыночных инструментов с активной правительственной поддержкой предприятий. Принципиальная позиция, сформулированная Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Как мы всегда говорим, Беларусь — государство для народа. Поэтому все решения должны приниматься в интересах людей» [1], — определяет социальную направленность всех мероприятий в сфере экономической безопасности.

Устойчивость функционирования отдельных предприятий неразрывно связана с общеэкономической ситуацией в стране. По результатам трех кварталов 2025 года народное хозяйство Беларуси показывает

уверенный рост: ВВП прибавил 1,6 % в сравнении с аналогичным отрезком прошлого года, причем положительная тенденция набирает обороты. Особенно впечатляют показатели занятости, ставшие рекордными: безработица обновила исторический минимум, составив 2,4 % в третьем квартале, а уровень вовлеченности граждан в трудовую деятельность достиг максимума за всю историю наблюдений — 69,1 %. Ключевым успехом властей стало удержание инфляции в управляемых рамках. Благодаря продуманной ценовой политике прирост потребительских цен с начала года к сентябрю 2025 года составил лишь 5,8 %, что эффективно защищает сбережения населения от обесценивания [3].

Механизм гарантирования безопасности предприятий в Беларуси базируется на развитой институциональной структуре и непрерывно обновляемой законодательной базе. Приоритетным направлением здесь является законодательный перенос акцента с ликвидации должников через банкротство на их финансовое оздоровление и сохранение работающих производств.

На совещании с руководством Совета Министров в феврале 2026 года Президент Республики Беларусь акцентировал внимание на результатах реализации закона об урегулировании неплатежеспособности, принятого в конце 2022 года: «Мы изменили подходы к процедурам, сместив акцент с банкротства на оздоровление и сохранение предприятий, а следовательно, и рабочих мест». Как доложил тогда Министр экономики, новый закон предоставил местным органам власти полномочия по предотвращению банкротства частных организаций. Уже накоплен положительный опыт: с момента вступления закона в силу восемь частных организаций добровольно вступили в процедуру оздоровления.

Важным аспектом обеспечения экономической безопасности является создание комфортной регуляторной среды, минимизирующей административные риски для бизнеса. В сентябре 2025 года в Министерстве экономики состоялось обсуждение проекта постановления совета министров «о профилактических мероприятиях, обязательных для проведения контролирующими (надзорным) органами при реализации контрольных (надзорных) функций, мерах предупредительного характера и критериях оценки эффективности деятельности контролирующих (надзорных) органов» [4]. Была подчеркнута необходимость систематической разъяснительной работы с предпринимателями, публикации данных о типичных нарушениях и проведения открытых мероприятий по вопросам контроля. Такой подход выстраивает партнерские отношения между

государством и бизнесом, что заметно уменьшает вероятность случайных нарушений и поднимает общий уровень защищенности.

Долгосрочная стратегия развития экономики и защиты хозяйствующих субъектов зафиксирована в программных документах страны. Семь ключевых приоритетов Программы определяют вектор развития по трем направлениям: всестороннее развитие личности, повышение качества и стандартов жизни, сбалансированный экономический рост и обеспечение экологической безопасности. Национальная стратегия устойчивого развития до 2040 года ориентирована на сохранение и приумножение человеческого капитала, повышение качества жизни граждан через достижение высокой стабильности экономики, развитие научно-технического потенциала, цифровизацию и создание конкурентных рыночных институтов.

Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов Республики Беларусь обеспечивается комплексом взаимосвязанных мер, включающих макроэкономическую стабилизацию, совершенствование институциональной среды, профилактическую направленность контрольно-надзорной деятельности и долгосрочное стратегическое планирование.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что белорусская экономика демонстрирует высокую устойчивость, опираясь на сильный внутренний спрос и эффективные меры государственного управления. Рекордно низкая безработица, рост реальных доходов населения, увеличение инвестиционной активности создают надежный фундамент для безопасного функционирования предприятий всех форм собственности.

Принципиальной особенностью белорусской модели является социальная ориентированность экономического роста: повышение благосостояния граждан выступает не пассивным результатом, а активным драйвером развития. Законодательное смещение акцента с процедур банкротства на финансовое оздоровление, от усиления роли местных органов власти в сохранении предприятий и рабочих мест, развитие профилактических механизмов контроля — все это формирует благоприятную среду для устойчивого развития бизнеса.

Дальнейшее совершенствование системы экономической безопасности будет осуществляться в русле реализации Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 года и Программы социально-экономического развития на 2026 – 2030 годы, что позволит белорусским предприятиям уверенно развиваться, создавая основу для роста качества жизни граждан и укрепления экономического суверенитета страны.

Список литературы:

1. Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: https://niei.by/ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Казун, А. Т. Оценка экономической безопасности крупных промышленных предприятий в Беларуси / А. Т. Казун, А. А. Павлюковец // Научный потенциал молодежи — будущему Беларуси: материалы XIX международной молодежной научно-практической конференции. — Пинск: ПолесГУ, 2025. — С. 173 – 175.

3. Беларусь Сегодня: [сайт]. — Мн., 1998 – 2026. — URL: https://www.sb.by/ (дата обращения: 03.03.2026).

4. Совет по развитию предпринимательства [Электронный ресурс] // URL: https://ced.by/ru/about (дата обращения: 03.03.2026).

© *Чигрецкая А. А., 2026*

EDN: IYSRYC

Швецов Савва Дмитриевич
курсант
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
ssavva457@gmail.com

Научный руководитель:
Фролова Ольга Викторовна
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия
кандидат юридических наук, доцент
ovik_frolova@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ СТАВКИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ НАЛОГОВОМУ РЕЖИМУ «НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Аннотация. В статье рассматриваются риски, связанные с повышением налоговых ставок при налоговом режиме «Налог на профессиональную деятельность» и последствия применения данной меры для экономической системы РФ.
Ключевые слова: экономика, финансовая система, экономическое развитие, налог на профессиональную деятельность, риски, внутренняя политика РФ.

В настоящее время государственная политика России направлена на рост доходной части бюджета всех уровней. Данный вектор развития связан с осложнением ситуации на мировом сырьевом

рынке, заключающейся в неэффективности международной системы регулирования цен. Рассматривая проблемы пополнения бюджета РФ неналоговыми способами, необходимо помнить и про применение большого количества санкций в отношении нашего государства. Адаптация к межгосударственному обострению отношений началась с референдума по воссоединению Крыма с Россией 2014 года. В условиях мировой нестабильности и прекращения торговых отношений с рядом партнёров, появилась необходимость к выявлению новых источников дохода, выбор был сделан в пользу развития внутренней финансовой системы страны. За десятилетие РФ преодолела большой путь по созданию суверенной и стабильной экономики. Ключевыми особенностями совершенствования структуры рынка стали: автоматизация налоговой системы и уменьшение численности работников данной службы; цифровизация населения через государственные платформы, упрощение процедур по уплате задолженностей населения. Период развития ознаменовался постепенным внедрением специального налогового режима «налог на профессиональную деятельность» (следующее сокращение для данного терминала — НПД).

Введение института самозанятости [1, 2] на сегодняшний день имеет колоссальный успех. По данным ФНС на 31.12.2025 в РФ 14,7 млн физических лиц, зарегистрированных в качестве самозанятого. Достоинствами специального налогового режима являются: простота использования и отсутствие сложной отчётности по налоговым обязательствам, а также низкая ставка по налогообложению [3].

Из вышесказанного следует — самозанятость позволила большому количеству россиян выйти из теневого сектора экономики и сделать свой дополнительный или основной доход официальным [4, 5]. В свою очередь, доходная часть бюджета получила надёжную финансовую поддержку (см. рисунок 1).

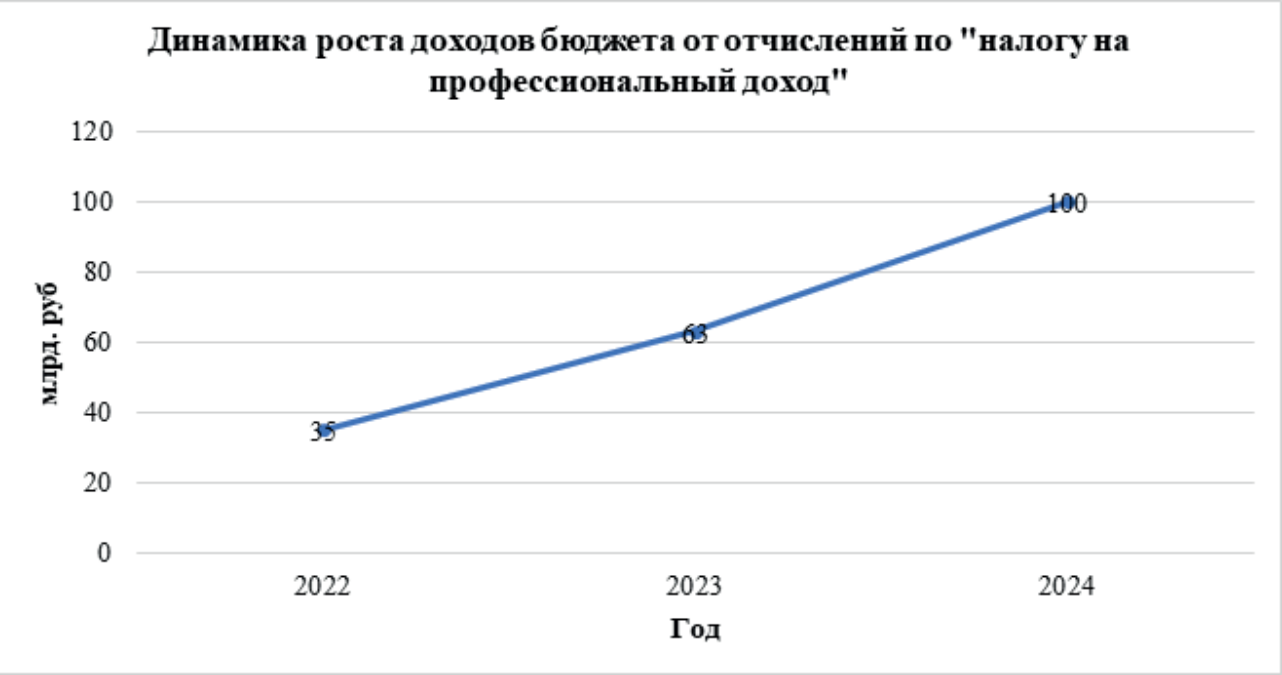

Рисунок 1. Прирост доходов бюджета от отчислений по налогу на профессиональный доход

Данные ФНС фиксируют непрерывный рост налоговых отчислений с «налога на профессиональную деятельность», за 2024 год отчисления составили 100 млрд рублей. Доход по НПД показывает значимость данного вида налогообложения для российской экономики [4].

Самозанятых в РФ можно условно разделить на две большие группы: первая группа выполняет работу по официальным договорам (ГПХ) и их доход зарегистрирован, следовательно, можно отследить все результаты по их деятельности. Вторая группа, фиксирует свой доход по оказанным услугам или произведённым товарам самостоятельно, т.е. регистрирует доход через приложение «Мой налог», что фактически позволяет не всегда фиксировать свой доход в полном объёме и снижает налоговую нагрузку.

В настоящее время Россия ведёт политику в направлении повышения ставок налогообложения. Повышение налогов является мощным инструментом для увеличения доходной части бюджета, в свою очередь, необдуманный рост налогов приводит к процветанию теневой экономики и неэффективности субъектов налогообложения. Для рассмотренных выше категорий повышение тарифов по налогам приведёт к разным последствиям: первая группа останется добросовестным налогоплательщиком, а вторая постарается максимально уменьшить свой доход. Такой дисбаланс между ставкой налогообложения и возможностями НПД повлечёт за собой усиление общественного недовольства данной мерой, а значимого пополнения в бюджет не поступит.

Рассмотрим ближайший по ставке к НПД налоговый тариф УСН 6 % без работников. Данный налог уплачивают по статье «доходы». Большим преимуществом НПД является простота оформления статуса и отсутствие отчётности. Налоговые тарифы при УСН, независимо от субъекта обслуживания 6 %, при НПД ставки: 4 % при расчёте с физическими лицами, 6 % при расчётах с юридическими лицами. Наблюдается пограничное значение. Сопоставлением двух налоговых режимов получаем следующее:

Чистая прибыль (для унификации, значение ставки налогообложения приобретает среднее значение):

ЧПнпд=В-0,05В

Рассматривать будем доход в пределах свыше 1000000 руб., после наступления которого база налогообложения полностью уменьшается на страховые взносы, при дальнейших расчётах не влияет на вычисления и дополнительный налог на страховые взносы по превышению дохода 300000р в размере 1 %, при доходе в 1000000 руб., налог на превышение =10000, что не оказывает никакого воздействия на доходе свыше 1000000 руб. (см. рисунок 1, таблицу 1).

Формула чистой прибыли приобретает вид, схожий с формулой ЧП при НПД.

Чистая прибыль определяется:

ЧПусн=В-0,06В-СВ, где СВ=Страховые взносы.

Таблица 1. Изменение чистой прибыли при разных режимах налогообложения

НПД	Выручка	Чистая прибыль НПД	УСН	Выручка	Чистая прибыль УСН
1	10000	9500	1	10000	9000
2	100000	95000	2	100000	45610
3	250000	237500	3	250000	186610
3	350000	332500	3	350000	300305
4	600000	570000	4	600000	535305
5	900000	855000	5	900000	817305
6	1000000	950000	6	1000000	940000
7	2000000	1900000	7	2000000	1880000

При НПД используется общая ставка налогообложения 5 % (средняя от ставок, указанных выше).

При УСН:

1) От 0 до 300000 используется ставка 6 % + СВ.
2) От 300000 до 966000 используется ставка 6 % + СВ.
3) От 966000 используется ставка 6 %.

Наиболее выраженное различие в ЧП при доходе до 300000р.

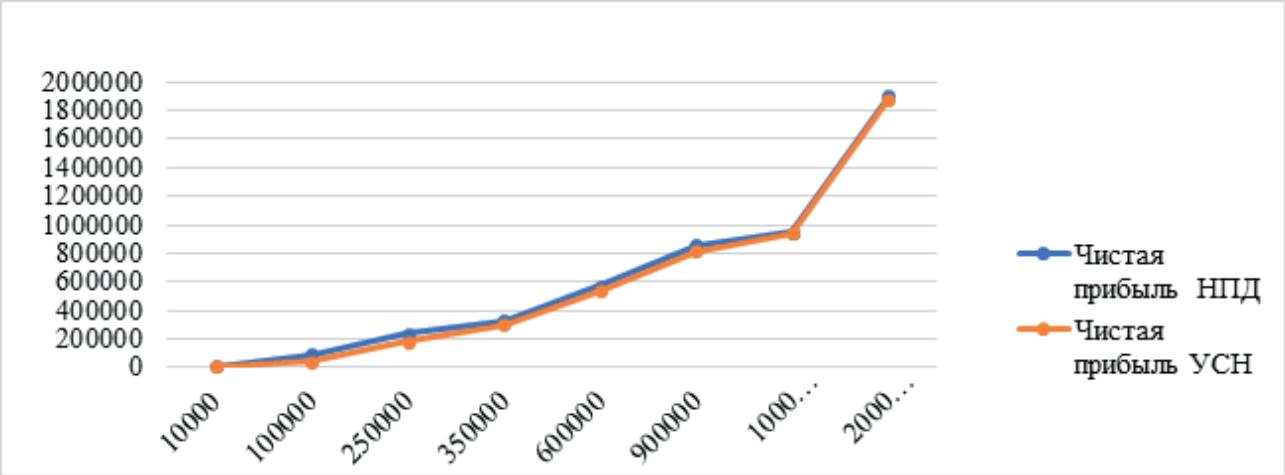

Рисунок 2. Зависимость чистой прибыли от выбранного режима налогообложения

При последовательном увеличении ставки НПД начинает размываться разница в размере чистой прибыли (см. таблицу 2). В таблице 2 ставка налогообложения по НПД увеличена всего с 5 % до 6 %, при доходе свыше 966000 руб. разницы в выборе системы налогообложения нет (см. рисунок 3).

Таблица 2. Изменение чистой прибыли при разных режимах налогообложения

НПД	Выручка	Чистая прибыль НПД	УСН	Выручка	Чистая прибыль УСН
1	10000	9400	1	10000	9000
2	100000	94000	2	100000	45610
3	250000	235000	3	250000	186610
3	350000	329000	3	350000	300305
4	600000	564000	4	600000	535305
5	900000	846000	5	900000	817305
6	1000000	940000	6	1000000	940000
7	2000000	1880000	7	2000000	1880000

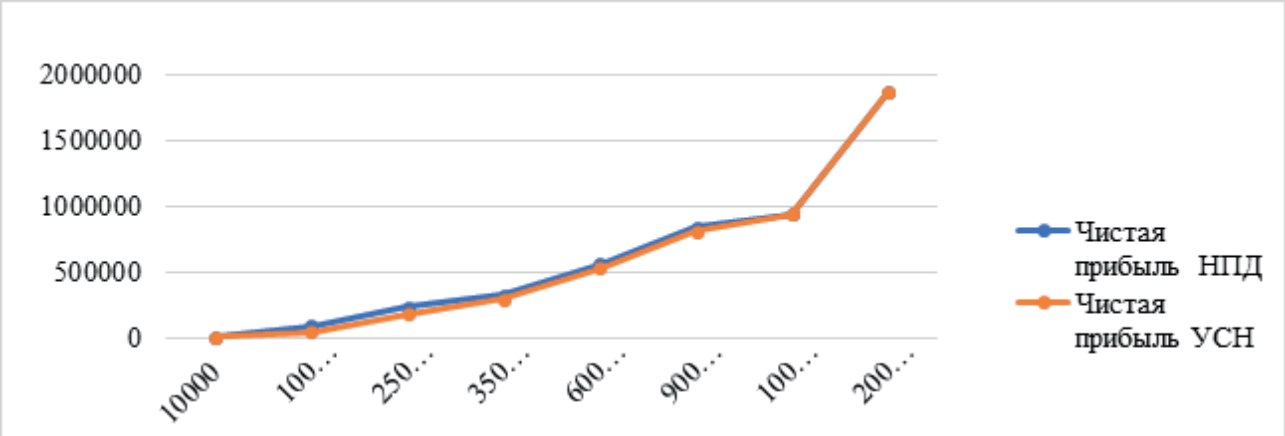

Рисунок 3. Зависимость чистой прибыли от выбранного режима налогообложения

Таким образом, повышение налоговых ставок при режиме: «Налог на профессиональный доход» может вернуть многих предпринимателей в «тень», что окажет негативное влияние на доходную часть бюджета РФ и в целом на экономическое развитие России. Сегодня данные отчисления приносят доход более чем половины совокупного годового дохода отдельных регионов России. Следует отметить, что при увеличении налоговой ставки НПД, характеризующейся ростом выручки, чистая прибыль становится меньше, а при использовании УСН, чистая прибыль увеличивается и предприниматели будут отдавать свое предпочтение УСН. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что повышение налоговой ставки НПД не целесообразное решение. Изначальная цель налога на профессиональный доход предполагала вывод из тени большого круга мелких заработков лиц, с этой целью НПД отлично справляется. Данная налоговая ставка является оптимальной и не требует каких-либо доработок, а изменения могут повлечь за собой уменьшение отчислений в бюджет, а также будет необходима оптимизация УСН.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/72113648/ (дата обращения: 10.02.2026).

2. Приказ Минэкономразвития России от 26.03.2021 № 142 (ред. от 20.05.2024) «Об утверждении требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого

и среднего предпринимательства, а также физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в субъектах Российской Федерации, направленных на достижение целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федеральных проектов, входящих в состав национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.05.2021 № 63543) [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/400793288/ (дата обращения: 10.02.2026).

3. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс] // URL: https://npd.nalog.ru/ (дата обращения: 9.02.2026).

4. Федеральная налоговая служба. 2026 [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/ (дата обращения: 10.02.2026).

5. Федеральный проект «Поддержка самозанятых» [Электронный ресурс] // URL: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh/ (дата обращения: 20.02.2026).

© Швецов С. Д., 2026

EDN: ENUNLJ

Яхутль Латима Адамовна
курсант
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия
latimka2008@gmail.com

Научный руководитель:
Чиканова Елена Сергеевна,
профессор кафедры тылового обеспечения и
финансового контроля органов внутренних дел
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия
кандидат экономических наук, доцент
echikanova@yandex.ru

ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ЗАЩИТЫ

Аннотация. В статье выявлены факторы роста уязвимости населения к финансовому мошенничеству в период экономического кризиса. Научная новизна заключается в классификации адаптивных стратегий злоумышленников, эксплуатирующих кризисную психологию граждан, и разработке комплексной модели методов защиты, учитывающей макроэкономическую нестабильность.
Ключевые слова: финансовое мошенничество, экономический кризис, уязвимость населения, финансовая безопасность, защита прав потребителей, мошеннические схемы, финансовая грамотность.

Экономические кризисы традиционно сопровождаются всплеском финансового мошенничества. Сокращение доходов, рост безработицы, неопределенность будущего и ослабление доверия к официальным финансовым институтам создают благоприятную среду для деятельности злоумышленников.

Финансовое мошенничество представляет собой умышленный обман или введение в заблуждение с целью получения материальной выгоды, что отличает его от непреднамеренной ошибки. В криминологии устоявшейся является теория «треугольника мошенничества», согласно которой противоправное деяние становится возможным при одновременном наличии трех факторов: осознанного намерения (рационализации), давления (мотивации) и возможности совершить обман. В условиях экономического кризиса структура этих факторов претерпевает существенные изменения. Давление на потенциальных жертв усиливается под влиянием внешней среды: потеря сбережений, страх перед будущим, стремление любыми способами сохранить уровень благосостояния. Одновременно расширяются возможности злоумышленников, которые маскируют свои схемы под легитимные антикризисные предложения.

Факторы уязвимости населения в кризисный период.

Эмпирические исследования 2023 – 2025 годов демонстрируют прямую корреляцию между экономической нестабильностью и ростом числа пострадавших от финансовых преступлений. По данным Аналитического центра НАФИ, в 2023 году с попытками мошенничества сталкивались 91 % россиян, что на 9 процентных пунктов больше, чем годом ранее. Можно выделить три группы факторов, повышающих уязвимость населения.

Таблица 1. Динамика ключевых показателей финансового мошенничества в России (2023 – 2024 гг.)

Показатель	2023 год	2024 год	Динамика
Объем операций без согласия клиентов	15,8 млрд руб.	29,6 млрд руб.	+74,36%
Количество выявленных финансовых пирамид	около 2500	более 5000	+100%
Предотвращенные попытки хищений	34,77 млн	более 30 млн (1 пол.)	-
Сумма сохраненных средств	5,8 трлн руб.	4,3 трлн руб. (1 пол.)	-

Экономический кризис выступает катализатором эволюции мошеннических схем. Злоумышленники адаптируют свой инструментарий к текущей повестке, эксплуатируя наиболее острые общественные ожидания и страхи. По данным Генпрокуратуры, 85 % от всех видов мошенничества составляют телефонные звонки [3].

Во-первых, наблюдается качественная эволюция методов социальной инженерии. На смену примитивным звонкам из «службы безопасности банка» пришли многоступенчатые сценарии с вовлечением различных социальных групп. Мошенники используют актуальные инфоповоды: выдают себя за инкассаторов после вступления в силу закона о приостановке

переводов, создают сайты-двойники в период распродаж, прикидываются сотрудниками ФНС в период уплаты налогов [5]. Во-вторых, активно используется взлом аккаунтов на портале «Госуслуги». По оценкам специалистов, в 2024 году около 40 % случаев мошенничества были связаны с этой схемой. Доступ к «Госуслугам» дает злоумышленникам значительно больше возможностей, чем CVC-код банковской карты, позволяя оформлять кредиты и совершать сделки с недвижимостью от имени жертвы. В-третьих, наблюдается беспрецедентный рост финансовых пирамид. В 2024 году ЦБ выявил в России более пяти тысяч таких организаций — примерно в два раза больше, чем годом ранее, и значительно больше, чем в период пандемии. Примечательно, что 99 % из них составляют интернет-проекты, использующие криптовалютную риторику и современные цифровые инструменты [3]. Организаторы пирамид оперируют понятиями финансовых продуктов, к которым есть интерес в обществе, предлагая гражданам акции непубличных акционерных обществ по экономически необоснованной цене. В-четвертых, активное развитие получило дропперство — использование подставных лиц для вывода и легализации похищенных средств. Дропперы делятся на две категории: осознанные участники, получающие вознаграждение за оформление карт и проведение транзакций, и неосознанные граждане, которых вовлекают в схемы под видом легальной работы (например, «администраторами лотереи») либо через механизм «ошибочного перевода» с последующей просьбой вернуть деньги на другой счет.

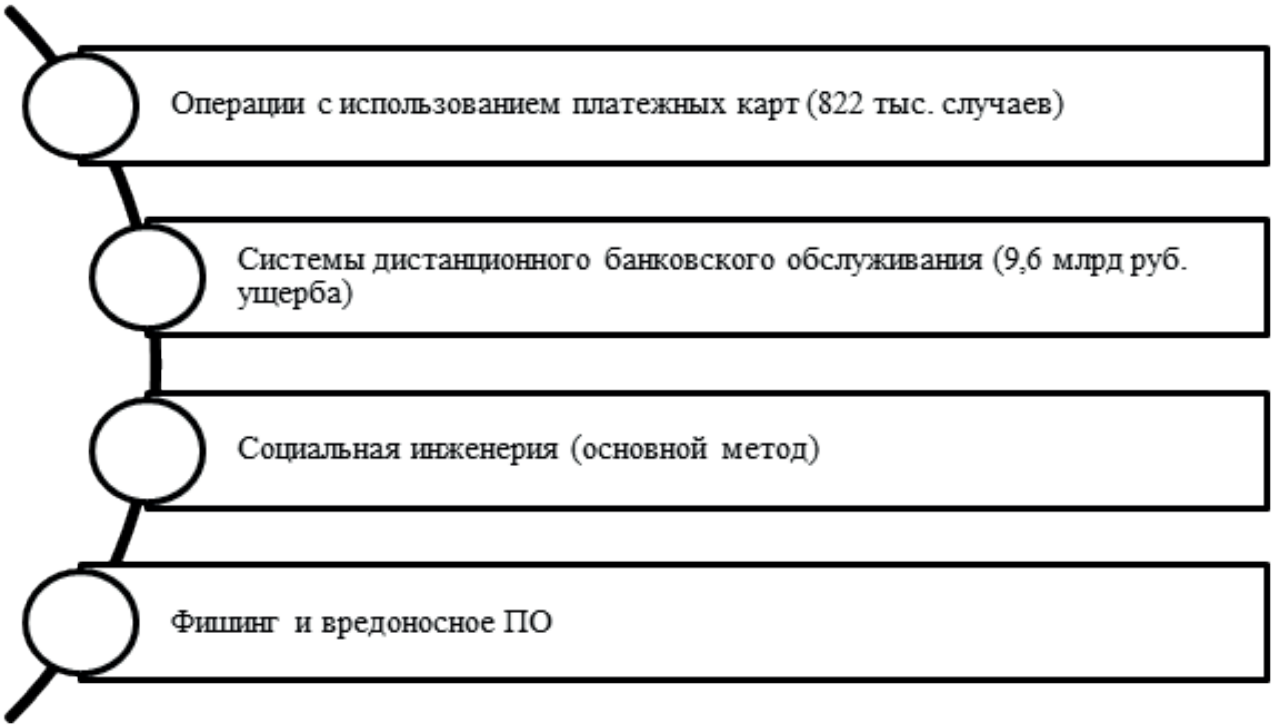

Рисунок 1. Структура мошеннических операций по способам совершения в 2024 году

Методы защиты населения.

Противодействие финансовому мошенничеству в условиях кризиса требует интеграции усилий на нескольких уровнях. Эффективная защита не может быть обеспечена исключительно ужесточением законодательства или разовыми просветительскими кампаниями.

Индивидуальный уровень защиты базируется на повышении финансовой и цифровой грамотности, развитии критического мышления. Исследование Сергеева и Широковой показало, что только 44 % респондентов достаточно информированы о видах мошенничества, чтобы защититься от современных интернет-аферистов, при этом 20 % опрошенных уже теряли деньги из-за телефонного или интернет-мошенничества [6]. Базовые правила кибергигиены включают: никогда не сообщать финансовые сведения и коды из СМС, не переходить по подозрительным ссылкам, не публиковать персональные данные в открытых источниках, при любых сомнениях самостоятельно перезванивать в банк по официальному номеру [9].

Институциональный уровень включает меры регуляторного и надзорного характера. С 25 июля 2024 года вступил в силу закон, обязывающий банки приостанавливать на два дня переводы на счета, содержащиеся в базе подозрительных счетов Банка России. Каждый день банки останавливают около 20 тыс. таких транзакций. Закон также направлен на борьбу с дропперством: финансовые организации обязаны отключать дропперов от дистанционного банковского обслуживания при поступлении информации от МВД. В первый же день действия закона банки заблокировали около 30 тыс. электронных средств платежа.

С 1 марта 2025 года граждане получили возможность оформлять через портал «Госуслуги» самозапреты на выдачу кредитов и займов, а с 1 сентября — через МФЦ. Эта мера призвана защитить граждан от ситуаций, когда мошенники оформляют кредиты на их имя [5].

Технологический уровень противодействия базируется на использовании искусственного интеллекта и систем фрод-мониторинга. В первом полугодии 2024 года банкам удалось отразить более 30,2 млн попыток кибермошенников совершить хищение средств на сумму, превышающую 4,3 трлн рублей. Однако развитие технологий несет и новые риски: злоумышленники начинают использовать дипфейки — созданные нейросетями цифровые копии людей для рассылки видеоизображений и голосовых сообщений друзьям и близким жертвы.

Таблица 2. Уровни и методы защиты от финансового мошенничества

Уровень защиты	Субъекты реализации	Основные методы
Индивидуальный	Граждане, домохозяйства	Повышение цифровой грамотности, критическое мышление, кибергигиена
Институциональный	Банк России, МВД, банки	«Период охлаждения», самозапреты на кредиты, база подозрительных счетов
Технологический	Банки, ИТ-компании	Фрод-мониторинг, AI-системы, блокировка подозрительных операций

Важным направлением является также борьба с утечками персональных данных. Криминальные структуры давно собрали данные практически на всех жителей, используя периодически сливаемые или взламываемые базы данных больниц, мобильных операторов, банков и маркетплейсов. Данная информация регулярно дополняется, продается и используется для повышения убедительности мошеннических сценариев [5].

Статистика 2023 – 2025 годов свидетельствует о качественной эволюции мошеннических практик: рост числа финансовых пирамид, усложнение методов социальной инженерии, активное использование взлома «Госуслуг» и развитие дропперства. Противодействие этим угрозам требует комплексного подхода, интегрирующего просветительскую работу с населением, институциональные реформы (включая «период охлаждения» и самозапреты на кредиты) и технологические решения на базе искусственного интеллекта. Ключевым выводом является признание того, что финансовая и цифровая грамотность выступает не просто теоретическим знанием, а действенным инструментом защиты, эффективность которого подтверждается эмпирическими данными.

Список литературы:

1. Банк России. ВВГУ и правоохранительные органы обсудили противодействие недобросовестным практикам на финрынке: [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/press/regevent?id=53499 (дата обращения: 15.03.2026).

2. Банковское обозрение. Многогранный патернализм [Электронный ресурс] // URL: https://bosfera.ru/bo/mnogogrannyy-paternalizm (дата обращения: 15.03.2026).

3. Мир перемен. «У них есть данные почти на всех»: раскрыты новые схемы мошенников: интервью с М. Сафиулиным от 21.03.2025

[Электронный ресурс] // URL: http://mirperemen.net/2025/03/u-nix-est-dannye-pochti-na-vsex-raskryty-novye-sxemy-moshennikov/ (дата обращения: 15.03.2026).

4. День города. Мошенники атакуют [Электронный ресурс] // URL: http://dengoroda-nn.ru/ru/sotsialnyj-likbez/moshenniki-atakuyut (дата обращения: 15.03.2026).

5. Банк России. ЦБ: Число атак мошенников растет, но обманывать людей становится сложнее: публикация в «Российской газете» от 28.11.2024 [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/press/regevent/?id=53661 (дата обращения: 15.03.2026).

6. Сергеев А. Ю., Широкова О. В. Fraud in a digital society in the context of social change // Цифровая социология. — 2023. — Т. 6, № 1. — С. 59 – 71. — DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-59-71.

7. Ведомости. Финансовое мошенничество идет в гору [Электронный ресурс] // URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/trendsrub/articles/2025/05/27/1112801-finansovoe-moshennichestvo-goru (дата обращения: 15.03.2026).

8. Ведомости. Исследование «Ингосстраха» и НАФИ: мошенники стали чаще атаковать россиян [Электронный ресурс] // URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/09/28/issledovanie-ingosstraha-i-nafi-moshenniki-stali-chasche-atakovat-rossiyan (дата обращения: 15.03.2026).

9. Министерство просвещения Российской Федерации. Письмо от 04.10.2024 № 12-849 «О направлении обзора распространенных схем мошенничества».

© *Яхутль Л. А., 2026*

Научное электронное издание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Материалы
всероссийской научно-практической конференции
3 апреля 2026 года

Составители:
Соболева Владислава Олеговна;
Хазинурова Полина Эдуардовна
Головинский Максим Александрович

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка
Ерещук А. А.

Системные требования:
ПК с процессором Intel Core 3 и более; 512 Mb и более;
CD/DVD-ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше;
SVGA 800×600. 16 bit и более; Internet Explorer;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше

ISBN 978-5-00277-156-1

EDN: PIFXDN

Подписано к использованию 28.04.2026
Объем 80,81 усл. авт. л. Тираж 10 экз. Заказ № 94/26

Санкт-Петербургский университет МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1